РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКВА

Въ Типографіи Т. Волкова и Комп.

1856

057
R92
1st J
1856

2408 D.
6 vols.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

тѣмъ чтобы, по отпечатаніи представлено было въ Цензурный
омитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 31-го декабря,
55 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

НЕИЗДАННЫЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕРВАГО ТОМА

МЕРТВЫХЪ ДУШЪ,

НАЙДЕННЫЙ ВЪ РУКОПИСЯХЪ ГОГОЛЯ.

Намъ пріятно начать первую книжку нашего изданія строками Гоголя. Это эпизодъ, относящійся по своему содержанію къ IX-й главѣ I-го тома Мертвыхъ Душъ. Читатели помнятъ, въ какое волненіе пришелъ весь городъ, бывшій первымъ театромъ подвиговъ Павла Ивановича Чичикова, по случаю необыкновенныхъ слуховъ, распространившихся объ немъ изъ захолустья Коробочки; какъ возникъ вопросъ о диковинной покупкѣ мертвыхъ душъ, и какъ къ этому вопросу присоединилось новое обстоятельство — похищеніе губернаторской дочки; какъ образовались двѣ противоположныя партіи, женская и мужская, и «женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки, а мужская обратила вниманіе на мертвыя души»; какъ наконецъ, послѣ многихъ мучительныхъ догадокъ, толковъ и опасеній, рѣшено было обратиться съ распросами къ тѣмъ, у которыхъ были куплены души. Нашъ отрывокъ есть не что иное, какъ варіантъ окончанія IX-й главы. Для ясности приведемъ это мѣсто изъ напечатаннаго текста:

«Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько распросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть можетъ быть невзначай, хоть вскользь какъ нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули немного: купилъ де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставитъ, и потому навѣрно плутъ, ибо ужь былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе,

чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была просто глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобъ имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей на счетъ дружбы, уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли конечно удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало и бываютъ примѣры, что вымираютъ де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое однако же иногда употребляется, то есть стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина, но услышали тоже немного. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилаго покоя, а отъ Селифана, что сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ, и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ нибудь, онъ никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разкажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ, а что однако же Чичиковъ что нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили наконецъ потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить по крайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ, отца и благодѣтеля города.»

То, что передано здѣсь въ сжатомъ разказѣ, прежде предоставлялось автору со всѣми подробностями и нѣсколько иначе; въ его воображеніи проходилъ цѣлый рядъ сценъ, изъ которыхъ могла бы развиться особая глава. Этотъ варіантъ, найденный въ первоначальной рукописи Гоголя, очень интересенъ уже и въ томъ отношеніи, что даетъ намъ заглянуть въ мастерскую художника, въ тайну его работы. Немногія выписанныя нами строки скрываютъ въ себѣ многое, что видѣлось автору. Это какъ бы и въ самомъ дѣлѣ разказъ о томъ, что авторъ видѣлъ и слышалъ.

Случалось ли вамъ вдругъ и неожиданно встрѣтить старыхъ знакомыхъ, съ которыми когда-то давно вы распростились на вѣки, встрѣтить на минуту, съ тѣмъ чтобы опять, и ужь дѣйствительно

на вѣки, сказать имъ прости? Такое впечатлѣніе произвелъ на насъ этотъ случайно-найденный отрывокъ. Вотъ Собакевичъ, вотъ Коробочка, вотъ всѣ чины знакомаго намъ города; думали ли мы опять когда-нибудь увидѣть ихъ, услышать ихъ рѣчь? Можетъ быть, въ дальнѣйшемъ развитіи романа, тайну котораго унесъ съ собою Гоголь, мы бы опять съ ними встрѣтились, или по крайней мѣрѣ получили бы объ нихъ какую нибудь вѣсть; но и тогда бы вѣроятно представились они намъ не такъ, какъ мы ихъ оставили; много бы воды утекло, многое бы измѣнилось. А теперь, хотя на минуту, видимъ мы ихъ точь въ точь такими, какъ оставили; снова въ воображеніи нашемъ раскидывается знакомый городъ съ его мирными обитателями, и, какъ были, оживаютъ передъ нами старинные наши друзья.

Въ этихъ очеркахъ читатели легко признаютъ руку Гоголя. Хотя и черновые, они однако принадлежатъ къ самой зрѣлой эпохѣ его дѣятельности.

Этотъ замѣчательный варіантъ найденъ въ рукописяхъ покойнаго Н. П. Трушковскимъ, который съ усердіемъ и любовью продолжаетъ свой трудъ собиранія и изданія всего, что оставилъ по себѣ нашъ славный писатель. Заключаемъ это предисловіе изъявленіемъ благодарности родственникамъ Гоголя за обязательность, съ какою они дозволили намъ украсить «Русскій Вѣстникъ» этимъ отрывкомъ.

Ред.

Судили, судили, и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ, у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти загадочныя мертвыя души. Прокурору выпалъ жребій переговорить съ Собакевичемъ, а предсѣдатель вызвался самъ идти къ Коробочкѣ. А потому отправимся мы въ слѣдъ за ними и посмотримъ, что такое тамъ разузнали.

Собакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поодаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ съ супругой, дѣтей при немъ не было. Онъ начиналъ уже скучать и помышлялъ объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого-то моднаго капота

на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслахъ, начиналъ побранивать и мошенничество и прихоть, а самъ все глядѣлъ на уголъ печки, а не на жену. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ: «прошу». И, приподнявшись, сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ ручкѣ Ѳедуліи Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Ѳедулія Ивановна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также на стулъ. Всѣ три стула были выкрашены зеленою масленою краской съ малеванными кувшинчиками по уголкамъ.

— Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ, сказалъ прокуроръ.

— Душенька, ступай въ свою комнату. Тамъ тебя вѣрно ждетъ портниха.

Ѳедулія Ивановна пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ: «Позвольте васъ спросить: какого рода людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?»

— Какъ, какого рода? сказалъ Собакевичъ. Вѣдь на это крѣпость есть; тамъ означено какого рода: одинъ каретникъ....

— По городу однакожь, сказалъ прокуроръ нѣсколько замявшись, по городу разнеслись слухи.

— Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи, сказалъ спокойно Собакевичъ.

— Однакожь, Михаилъ Семеновичъ, такіе слухи, что голова кружится, что души не души, что цѣль совсѣмъ не та, чтобы переселить, и что самъ Чичиковъ загадочный человѣкъ. Оказались такія подозрѣнія.... По городу пошли такіе пересуды.

— Да позвольте спросить васъ: вы сами баба что ли? спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ самъ у себя никогда еще не спрашивалъ—баба ли онъ, или что другое.

— Вы бы съ этакими запросами посовѣстились даже и приходить ко мнѣ, сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

— Вы бы пошли къ какимъ нибудь пряхамъ, что по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужь если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Что вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго

человѣка? Что я вамъ, въ насмѣшку что ли? Въ службѣ своей какъ слѣдуетъ не упражняетесь; чтобы отечеству какъ нибудь послужить, охраняя товарищей на пользу ближнему, о томъ не думаете; а вотъ только чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнутъ, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадаете, и добраго слѣда отъ васъ не останется.

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный пошелъ онъ отъ Собакевича.

Въ это время вошла Ѳедулія Ивановна.

— Что это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ? сказала она.

— Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ, сказалъ Собакевичъ. Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старой человѣкъ, ужь и волосъ сѣдой въ головѣ, а я знаю, что онъ до сихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ. У нихъ ужь обычаи, у всѣхъ собакъ, свои. Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще дѣла такія дѣлаютъ.... что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду. Весь городъ разбойничій вертепъ. Не за чѣмъ намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!

Супруга хотѣла было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника лентъ на чепцы. Но Собакевичъ сказалъ: «Это, душа моя, все модныя выдумки,—онѣ тебя къ добру не доведутъ.» Велѣлъ собирать все въ дорогу, а самъ пошелъ вмѣстѣ съ квартальнымъ къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу. Потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ не дошитый, такъ какъ былъ въ работѣ, съ воткнутою иголкой и ниткой, съ тѣмъ чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать сюда, потому что мошенникъ сидитъ на мошенникѣ, и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ какъ и разказать объ этомъ предсѣдателю.

Но и предсѣдатель тоже немного успѣлъ въ объясненіяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулокъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго. Отъ этого ударилъ онъ самого себя весьма (сильно) палкой

въ подбородокъ, потомъ затылкомъ.... и въ заключенье забрызгался сильно грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свинаго хрюканья; оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ позади всякихъ клѣтуховъ, вступилъ наконецъ въ сѣни. Здѣсь онъ прежде спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его также какъ и Чичикова, съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ. На шеѣ у ней было что-то наверчено въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое-то отвратительное для нихъ блюдо, къ которому онѣ, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Предсѣдатель, начавши тѣмъ, что зналъ нѣкогда ея мужа, вдругъ перешелъ къ такому вопросу: — Скажите пожалуста, точно-ли къ вамъ, въ ночное время, съ пистолетомъ въ рукѣ пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ-то душъ? и не можете-ли вы объяснить намъ, какое было его намѣреніе?

— Да ужь какъ не могу! Возьмите вѣдь мое положеніе, двадцать пять рублей бумажками. Вѣдь я не знаю, право. Я вдова, я человѣкъ неопытный. Меня не трудно обмануть въ дѣлѣ, въ которомъ я, признаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ-то я знаю цѣну, сало тоже продала, тряпье...

— Да разкажите прежде пообстоятельнѣе: какъ это? пистолетъ при немъ былъ?

— Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала. А мое дѣло вдовье. Я не могу знать, по чемъ ходятъ мертвыя души. Ужь, батюшка, не оставьте, поясните по крайней мѣрѣ, чтобы я знала цѣну-то настоящую.

— Какую цѣну?

— Да мертвая-то душа почемъ теперь ходитъ?

— Да она дура отъ роду, или рехнулась, подумалъ предсѣдатель, смотря ей въ глаза.

— Чтожь двадцать пять рублей? Вѣдь я не знаю, можетъ быть, она пятьдесятъ или свыше.

— А покажите бумажку, сказалъ предсѣдатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли. Но бумажка была какъ бумажка.

— Да разкажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? что купилъ? я въ голову ничего... не могу сообразить....

— Купилъ, сказала Коробочка. Да вы-то, батюшка, чтожь вы-то не хотите мнѣ сказать, по чемъ ходитъ мертвая душа? Право, грѣхъ. Я не знаю настоящую цѣну мертвыхъ душъ.

— Да помилуйте, что это вы говорите! гдѣжь видано, чтобъ мертвыхъ продавали?

— Да чтожь вы цѣны не хотите сказать?

— Да чтожь цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ серіозно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?

— Нѣтъ, батюшка, да вы право... Теперь я вижу, что вы тоже покупщикъ, и посмотрѣла подозрительно въ глаза.

— Да я предсѣдатель, матушка, здѣшней Палаты.

— Нѣтъ, батюшка, вы это ужь того... Изволите такъ, хотите сами меня обмануть. Да вѣдь чтожь вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичекъ. У меня объ Рождествѣ и птичьи перья будутъ.

— Матушка, говорю вамъ, что я предсѣдатель. Что мнѣ ваши птичьи перья? Не покупаю ничего.

— Да вѣдь торгъ честное дѣло, продолжала Коробочка. Сегодня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Чтожь, если мы станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣжь и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ.

— Матушка, я не покупщикъ, я предсѣдатель.

— Да Богъ знаетъ. Можетъ быть вы и предсѣдатель, вѣдь я не знаю. Да чтожь вы такъ разспрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами, того, хотите купить ихъ.

— Матушка, я вамъ совѣтую полѣчиться, сказалъ предсѣдатель, разсердившись. У васъ вотъ не достаетъ, сказалъ онъ, постучавши себя палкою по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покупщикъ; но удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ, и какъ трудно бѣдной вдовѣ. А предсѣдатель извлекъ для себя то, что изломалъ колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, что пріобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый палкою

подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ.—Ну, что узнали отъ Собакевича?

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ: Во всю жизнь не былъ трактованъ...

— А что?

— Оплевалъ совсѣмъ, сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ.

— Какъ?

— Говоритъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ. Ни одного доноса не подалъ на товарищей. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ. Я выставлялъ «челъ» на всякомъ листкѣ, даже и тогда, когда не разъ и слѣдовало бы подать доносомъ, не задерживалъ ни одной бумаги.

Прокуроръ истинно сокрушался.

— Такъ чтожь онъ объ Чичиковѣ говоритъ? сказалъ предсѣдатель.

— Что говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками.

Предсѣдатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки. На нихъ сидѣлъ вице-губернаторъ.

— Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ. И предсѣдатель и прокуроръ разинули ротъ. Предсѣдатель подумалъ про себя: Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки. Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщетъ. Увидитъ, какая безтолковщина.

Одно за другимъ, подумалъ огорченный прокуроръ.

— Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генералъ-губернаторы, какого нрава, какого свойства?

— Ничего еще неизвѣстно, сказалъ (вице-губернаторъ).

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ. Господа! могу васъ поздравить съ генералъ-губернаторомъ.

— Слышали, да вѣдь еще не извѣстно, сказалъ вице-губернаторъ.

— Извѣстно даже и кто, сказалъ почтмейстеръ: князь Однозоровскій-Чементинскій.

— Чтожь говорятъ?

— Строжайшій человѣкъ, судырь мой, сказалъ почтмей-

стеръ. Дальновидиѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ эдакомъ, понимаете, большомъ казенномъ построеніи. Завелись также кое-какіе грѣхи. Всѣхъ, судырь, распушилъ, стеръ въ прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего.

— А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ.

— Палата, судырь мой, свѣдѣній, человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго! продолжалъ почтмейстеръ: случилось одинъ разъ...

— Однакожь, сказалъ предсѣдатель, мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше мы заѣдемъ.

Всѣ опомнились. А ужь на улицѣ собрались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты, на разговаривающихъ съ четырехъ дрожекъ. Кучера закричали, и четверо дрожекъ подъѣхали къ предсѣдателю

— Кстати чортъ принесъ этого Чичикова, думалъ предсѣдатель, снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

— Я все не могу разобрать этого дѣла, сказалъ вице-губернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія власти не обходятся безъ закуски. И если въ губерніи хоть два человѣка сойдутся, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ самой горькой полынной водки, сказавши: Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ.

— Я и подавно, сказалъ прокуроръ; этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить...

— Тѣмъ болѣе, что того... человѣкъ свѣтскаго лоску, сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой, и составилъ себѣ смѣсь изъ разныхъ водокъ. И, судя по поступкамъ, должно быть, имѣлъ обращеніе съ высшимъ политесомъ общества Я думаю, что едва ли не дипломатикъ...

Въ это время, входя, полицеймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ, сказалъ: «Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ. Изъ комнаты не выходитъ, чѣмъ-то заболѣтъ. Разспрашивалъ людей. Ла-

кей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ.» При этомъ полицеймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ. «Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился съ людьми, кажется, хорошими. Назвалъ много помѣщиковъ, все коллежскіе и статскіе совѣтники. Кучеръ Селифанъ — неглупымъ человѣкомъ, говоритъ, назывался всѣми за то, что службу хорошо исполнялъ. Былъ въ таможнѣ, при какихъ-то казенныхъ постройкахъ, а въ какихъ именно—не могъ сказать. Лошади три: одна куплена, говоритъ, три года назадъ тому; сѣрая, говоритъ, вымѣнена на сѣрую, третья куплена.... А самъ Чичиковъ, дѣйствительно, называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ».

Всѣ чиновники задумались.

Порядочный человѣкъ и коллежскій совѣтникъ! подумалъ прокуроръ, и рѣшиться на такое дѣло, какъ увозить губернаторскую дочку, или возымѣть безуміе покупать мертвыхъ, пугать по ночамъ спокойныхъ, престарѣлыхъ помѣщицъ. Это прилично какому нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику.

Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе какъ дѣлать бумажки, подумалъ вице-губернаторъ, который былъ самъ коллежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу имѣлъ склонную къ искусству изящному, а не къ преступленью.

— Воля ваша, господа, а вѣдь дѣло какъ нибудь нужно кончить. Пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, увидитъ, что у насъ просто чортъ знаетъ что, сказалъ наконецъ полицеймейстеръ. Я думаю, надобно поступить рѣшительно.

— Какъ же рѣшительно? сказалъ предсѣдатель.

— Задержать его какъ подозрительнаго человѣка.

— А если онъ насъ задержитъ какъ подозрительныхъ людей?

— Какъ такъ?

— Ну, а если онъ подосланъ? ну что если онъ съ тайными порученіями? Мертвыя души! Богъ знаетъ, что это за мертвыя души. А можетъ быть разысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано, отъ неизвѣстныхъ случаевъ.

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе.

Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель также, сказавши ихъ, задумался.

ДРЕВНЯЯ РОССІЯ.

« Персы говорятъ, что Финикіяне были первыми виновниками вражды между Европою и Азіею, потому что они въ Аргосѣ похитили греческихъ женщинъ; Греки старались отомстить имъ за это. Потомъ Александръ, сынъ Пріама, похитилъ Елену изъ Лакедемона. Персы говорятъ: если похищать женщинъ есть дѣло несправедливое и достойное наказанія, то, съ другой стороны, стараться мстить за подобнаго рода оскорбленія есть дѣло людей неразумныхъ. Азіятцы никогда не придавали большой важности этимъ похищеніямъ, тогда какъ Греки изъ-за Лакедемонянки разрушили Трою. »

Такъ Геродотъ начинаетъ свой знаменитый разказъ, который съ такимъ восторгомъ слушали Греки, которому съ такимъ участіемъ внимаютъ всѣ образованные народы. Это участіе объясняется легко: Геродотъ разказываетъ о великой борьбѣ между Греками и Персами, между Европою и Азіею, борьбѣ, въ которой нравственныя силы восторжествовали надъ силами матеріяльными, европейское качество побѣдило азіятское количество. Наше сочувствіе къ побѣдителямъ въ этой борьбѣ возбуждается уже первыми строками Геродотова разказа, ибо въ этихъ строкахъ мы уже ясно видимъ различіе между Европою и Азіею, и причину постоянной борьбы между ними. Азіятецъ, для удовлетворенія своей чувственности, похищаетъ женщину у Европейца, сынъ Пріама нарушаетъ се-

мейную святыню, на которой зиждется европейское общество, и Грекъ жестоко мститъ ему за оскорбленіе; величайшій эпосъ, оставленный намъ древнимъ міромъ, имѣетъ содержаніемъ своимъ эту месть. Азіятецъ никакъ не можетъ понять этого: мстить за похищеніе женщины онъ считаетъ дѣломъ неразумнымъ; по его мнѣнію, на такое оскорбленіе не стоитъ обращать большаго вниманія, ибо для него женщина — вещь, и потому онъ считаетъ себя въ правѣ имѣть много женъ и не заботиться, когда у него ихъ похищаютъ; иначе смотрѣлъ на дѣло Грекъ, представитель Европы, и потому одноженецъ: изъ-за одной Лакедемонянки онъ разрушилъ Трою. Такъ великій историкъ древняго міра подмѣтилъ существенное различіе между Европою и Азіею, и обозначеніемъ его началъ разказъ свой о борьбѣ между ними.

Борьба съ Азіею, которую должны были вести Греки во все продолженіе своей исторіи, условливалась географическимъ положеніемъ страны ихъ, юговосточной европейской украйны, гдѣ поэтому съ незапамятныхъ временъ должны были происходить столкновенія европейскихъ народовъ съ азіятскими. Когда историческая жизнь Европы сосредоточивалась на берегахъ Средиземнаго Моря, когда здѣсь сосредоточивались духовныя, нравственныя силы европейскаго народонаселенія, тогда видимъ блистательныя торжества Греціи надъ Азіею: тогда послѣдній герой Греціи, Александръ Македонскій успѣлъ разрушить имперію Ксеркса; по слѣдамъ героевъ греческихъ шли римскіе легіоны для завладѣнія богатыми остатками Александровой добычи, и Азія долго должна была признавать владычество Европы. Но когда историческая жизнь начала отливать съ юга Европы на сѣверъ, когда Греція и Римъ передали свою дѣятельность новымъ, молодымъ народамъ, Германцамъ на Западѣ и Славянамъ на Востокѣ, тогда Азія начала опять наступательныя движенія на юговосточную европейскую украйну. Не смотря на то, что здѣсь Римская Имперія сосредоточила послѣднія свои силы, Новый Римъ, Византія, сравнительно съ новыми, юными государствами Европы представляла одряхлѣвшее зданіе и потому не могла долго выносить тяжелыхъ ударовъ азіятскаго народа: такимъ образомъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ добычею Азіи сдѣлалась именно та знаменитая

страна, которая въ древности прославилась своимъ торжествомъ надъ Азіею; представительница древняго міра, Византія пала предъ Турками въ то время, когда новыя государства на двухъ противоположныхъ концахъ, Россія на сѣверовостокѣ, Испанія на югозападѣ, отбились съ торжествомъ отъ Азіятцевъ, Россія отъ Татаръ, Испанія отъ Аравитянъ.

Подобно юговосточной европейской украйнѣ, Греціи, сѣверовосточная европейская украйна, принявшая съ половины IX вѣка названіе Руси, Россіи, по природному положенію своему, должна была вести постоянную борьбу съ Азіятцами, первая принимать на себя ихъ удары. Въ то время, какъ юговосточная украйна, Грецiя, съ такимъ успѣхомъ, съ такою славою отбивалась отъ Персовъ, сѣверовосточная украйна, сколько знала ее тогда исторія, находилась подъ владычествомъ кочевыхъ Азіятцевъ, которымъ осѣдлое народонаселеніе рабствовало. Такой порядокъ вещей продолжался до половины IX вѣка по Р. Х. Славянскія преданія сохранили память объ азіятскихъ движеніяхъ, объ этихъ исполинахъ (Обрахъ, Аварахъ), гордыхъ своею матеріяльною силою и любящихъ показывать эту силу надъ существами слабыми, что такъ противно тѣмъ нравственнымъ понятіямъ, которыми спасались народы европейскіе: преданіе говоритъ, что когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни коня, ни вола, но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по пяти женщинъ. Были Обры, продолжаетъ тоже преданіе, тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ, всѣ померли, не осталось ни одного; есть поговорка на Руси и теперь: «Погибли какъ Обры.» Но гибель Обровъ не спасла Славянъ отъ ига другихъ Азіятцевъ. Только съ основанія русскаго государства начинается освобожденіе славянскихъ племенъ, осѣдлаго европейскаго народонаселенія восточной украйны отъ ига кочевыхъ и полукочевыхъ Азіятцевъ; новое государство беретъ на себя удары степныхъ хищниковъ, долго борется съ перемѣннымъ счастіемъ: но вотъ въ XIII вѣкѣ Азія, вслѣдствіе сильнаго движенія въ степяхъ своихъ, высылаетъ на Западъ безчисленныя толпы кочевниковъ; Русь склоняется предъ ними, но не погибаетъ подъ ихъ ударами; собираетъ силы; и въ то время, какъ Византія падаетъ предъ Турками, Россія, Московское Госу-

дарство торжествуетъ надъ Татарами и начинаетъ, въ свою очередь, наступательное движеніе на Азію. Что же дало Россіи силы устоять противъ Азіи и потомъ явиться великою державою среди державъ европейскихъ? Эти силы долженствовали быть силы нравственныя, ибо матеріяльныя были безспорно на сторонѣ Азіи.

Въ человѣкѣ признаки дряхлой старости бываютъ одинаковы съ признаками слабаго младенчества. Такъ бываетъ и въ обществахъ человѣческихъ; одряхлѣвшая Римская Имперія оканчиваетъ бытіе свое раздѣленіемъ; видимымъ раздѣленіемъ начинаютъ бытіе свое новыя государства европейскія, вслѣдствіе слабости несложившагося еще организма. Во внутреннихъ борьбахъ гибнутъ государства устарѣвшія; сильную внутреннюю борьбу видимъ и въ государствахъ новорожденныхъ. И древняя русская исторія, до половины XV го вѣка, представляетъ безпрерывныя усобицы: «Тогда земля сѣялась и росла усобицами; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы; часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу. Сказалъ братъ брату: это мое, а это мое же; и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую. Встоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по русской землѣ.» Русь превратилась въ станъ воинскій; бурнымъ страстямъ молодаго народа открыто было широкое поприще; сильный безнаказанно угнеталъ слабаго. Какъ же могло существовать общество при такихъ обстоятельствахъ? Чѣмъ спаслось оно?

Общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему. Общество образовалось не по контракту, какъ думали въ XVIII вѣкѣ; члены первоначальнаго общества не договаривались жертвовать личнымъ интересомъ общему; но, какъ провозгласилъ великій философъ древности, человѣкъ есть животное общественное, и потому первоначальное, естественное общество человѣческое, семейство, уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для

самихъ себя и живутъ для существъ, отъ нихъ рожденныхъ. Общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе между его членами сознаніе, что основа общества есть жертва: Грецію была на вершинѣ внутреннеі силы и могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ; Римъ, когда за него умиралъ Деціи; и благотому обществу, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается въ сочувствіи Леонидамъ и Деціямъ, въ сочувствіи безсмертнымъ твореніямъ, прославляющимъ ихъ подвиги. Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаетъ эту основу свою: то понятно, какъ могущественно должна содѣйствовать укрѣпленію общества религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіянская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія, въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственноі жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но таже самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріяльной, подлѣ дѣла насилія; таже самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностію влекла къ паденію, таже самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіянскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріяльной природы, такъ же велики лишенія, кото-

рымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріяльною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію,—выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь, и просить другаго болѣе почетнаго,—мантіи монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріяльной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это-то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно-то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго Европейца, юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу, и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность

даетъ историку ключь къ уразумѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Нѣкоторые, напримѣръ, обнаруживаютъ сомнѣніе относительно вѣрности лѣтописныхъ извѣстій о знаменитомъ Ермакѣ, сперва буйно разгулявшемъ по Волгѣ, широкому раздолью казацкому, а потомъ, во время сибирскаго похода, сдѣлавшемся чрезвычайно религіознымъ, наложившемъ на себя и на всю дружину свою обѣтъ цѣломудрія. Но если мы не хотимъ вѣрить лѣтописцу, подозрѣваемъ его въ намѣренномъ измѣненіи характера, не понимаемъ быстраго перехода отъ волжскаго казака къ благочестивому предводителю, который даетъ своему походу значеніе религіозное: то должны повѣрить древней народной пѣсни, которая представляетъ своихъ героевъ вполнѣ соотвѣтственно характеру времени. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко Святымъ Мѣстамъ, подвигъ, вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: «Съ молоду много было бито, граблено, подъ конецъ надобно душу спасти». Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго Европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный съ молоду насиліями, вдругъ приходилъ въ сознаніе своей грѣховности и спѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь, и тамъ, и на Востокѣ, и на Западѣ, общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріяльныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лѣкарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріяльной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа Среднихъ Вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантіею инока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ

и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ-полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ Средніе Вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

Между тѣмъ общество мужало; земля собиралась; утверждалось единовластіе. Но эти явленія не могли произойдти безъ борьбы, борьбы тяжелой, кровавой; ибо все, что держалось старымъ порядкомъ вещей, все, что находило въ его сохраненіи свои выгоды, должно было бороться отчаянно. Въ такихъ окончательныхъ борьбахъ не бываетъ хладнокровія, не бываетъ умѣренности; дѣйствуя по инстинкту самосохраненія, противники не щадятъ другъ друга; падшимъ нѣтъ пощады. Таковы были на Руси послѣднія усобицы княжескія; такова была борьба государей московскихъ съ притязаніями людей, смотрѣвшихъ назадъ, которымъ новый порядокъ вещей не представлялъ тѣхъ выгодъ, какія представляла старина; борьба эта, начавшаяся во времена Іоанна III, продолжавшаяся при сынѣ его Василіи, доведена была до страшныхъ крайностей при Іоаннѣ IV-мъ. При борьбѣ съ такимъ характеромъ, при развитіи чувства самосохраненія, при частыхъ насиліяхъ, къ которымъ привыкли, гражданскія чувства, на которыхъ зиждется общество, ослаблялись все болѣе и болѣе; сознаніе о необходимости пожертвованія частнымъ благомъ общему, о необходимости безкорыстнаго исполненія общественныхъ обязанностей, затмѣвалось; на происходившее отсюда зло слышались отовсюду громкія жалобы, зло сознавалось, но не сознавались настоящія, дѣйствительныя средства для его уничтоженія. Общество показывало признаки страшной внутренней болѣзни, и въ то же время на границахъ государства, въ степяхъ, толпились люди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства, люди, хотѣвшіе жить чужимъ трудомъ, люди, искавшіе въ степяхъ безнаказаннаго удовлетворенія своимъ противуобщественнымъ привычкамъ; какъ хищныя птицы, они толпились около пораженнаго тяжелою болѣзнію тѣла, ожидая удобной минуты безпрепятственно напасть на него. Они ждали недолго; смутное время начиналось.

Оно началось кровью младенца, пролитою въ Угличѣ. За

убійствомъ слѣдовалъ обманъ; явился самозванецъ, Лжедимитрій, или заставили его явиться; когда это орудіе оказалось болѣе ненужнымъ и опаснымъ, то отъ него поспѣшили избавиться, съ помощію заговора, обмана, мятежа, убійства; закричали, что Поляки бьютъ того, кого большинство признавало царемъ Димитріемъ; граждане, не участвовавшіе въ заговорѣ, бросились защищать этого Димитрія; но имъ выкинули обезображенный трупъ его, крича, что онъ былъ злодѣй, обманщикъ, еретикъ и чернокнижникъ. Его мѣсто занялъ новый царь, главный участникъ въ гибели своего предшественника. Недавно области получили изъ Москвы извѣстіе, что Годуновъ былъ похититель престола, что законный наслѣдникъ, сынъ царя Іоанна, явился и низложилъ Годуновыхъ; области повѣрили, ибо привыкли вѣрить извѣстіямъ, приходившимъ къ нимъ изъ Москвы. Но вотъ приходитъ къ нимъ другая вѣсть изъ Москвы, что тотъ, кого Москва признала Димитріемъ, истиннымъ сыномъ царя Іоанна, обманулъ ее, явился еретикомъ, чернокнижникомъ, вслѣдствіе чего и погибъ, а на мѣстѣ его сидитъ другой, котораго области должны признавать царемъ законнымъ. Вслѣдствіе этого признанія въ обманѣ, вслѣдствіе темноты дѣла, отсутствія подробностей въ извѣстіяхъ о немъ, рушилась нравственная связь между Москвою и областями, которыя потеряли къ ней довѣріе; явились смуты, колебаніе, шатость, по тогдашнему выраженію; не знали, кому и чему вѣрить, когда опять явился Димитрій съ объявленіемъ, что онъ спасся отъ вторичнаго покушенія на его жизнь; потерявши вѣру въ одно законное, всѣми признанное, впали естественно въ суевѣріе, начали вѣрить всѣмъ и всему; духъ лжи повѣялъ гибелью на государство. Вслѣдствіе потери довѣрія и сочувствія ко власти, въ Москвѣ пребывающей, вслѣдствіе отсутствія твердой опоры нравственной, у гражданъ добрыхъ отнялись духъ и руки, у злыхъ же, напротивъ, развязались руки на всякое зло; имъ открылась полная возможность преслѣдовать свои личныя, корыстныя цѣли въ ущербъ пользѣ общественной. Толпы степныхъ отверженниковъ общества потянулись на опустошеніе государства подъ знаменами разноименныхъ самозванцевъ; къ нимъ примкнуло много внутреннихъ отверженниковъ общества, воспользовавшихся случаемъ

пожить на чужой счетъ; люди болѣе значительные, которые не надѣялись получить почестей и выгодныхъ мѣстъ отъ Шуйскаго въ Москвѣ, потянулись къ царику въ Тушино; когда царикъ ослабѣлъ, стали продаваться королю польскому за богатыя пожалованія. Отъ этого страшнаго разврата, отъ принесенія общей пользы въ жертву личнымъ расчетамъ и корыстямъ, государство быстрыми шагами шло къ погибели, становилось предметомъ презрѣнія и посмѣянія для народовъ сосѣднихъ, уже заранѣе дѣлившихъ легкую добычу.

Между добрыми гражданами обнаружилось движеніе для поданія помощи государству; но это движеніе сначала обнаружилось во имя матеріяльныхъ интересовъ, нарушаемыхъ приверженцами Тушинскаго вора, при чемъ у гражданъ выказалось также колебаніе, равнодушіе, а все это не могло произвести движенія сильнаго, единодушнаго. Устюжане писали къ Вычегодцамъ: «Въ Ярославлѣ правятъ Тушинцы по осьмнадцати рублей съ сохи, а у торговыхъ людей у всѣхъ товары переписали и въ полки отсылаютъ. Пожалуйте, помыслите съ міромъ крѣпко, и не спѣшите крестъ цѣловать (Лжедимитрію); не угадать, на чемъ совершится; если послышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на всю русскую землю, то еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать.» Устюжане рѣшили: не цѣловать креста тому, кто называется царемъ Димитріемъ, стоять накрѣпко и людей собирать. — Не будемъ цѣловать крестъ тому, кто называется царемъ Димитріемъ, говорятъ граждане: слѣдовательно они вовсе не убѣждены въ самозванствѣ тушинскаго царика и потому не убѣждены въ законности Шуйскаго; не будемъ цѣловать крестъ, ибо приверженцы тушинскаго царя разоряютъ поддавшіеся имъ города: ясно, что побужденіемъ къ сопротивленію служатъ одни матеріяльные интересы; подождемъ, до насъ далеко, еще успѣемъ крестъ поцѣловать Димитрію, если онъ возметъ верхъ надъ соперникомъ своимъ: эти слова показываютъ господствующую мысль объ однихъ себѣ.

Съ такими господствующими мыслями не льзя было спасти государства. Приведенные въ ужасъ неистовствами самозванцевъ, граждане ждали спасенія отъ успѣховъ племянника царскаго, князя Скопина-Шуйскаго; на него возлагали всю на-

дежду, въ немъ видѣли точку опоры для настоящаго и будущаго. Но Провидѣнію угодно было путемъ испытаній довести Московское Государство до полнаго очищенія; Провидѣнію не угодно было, чтобъ государство спаслось—вѣрою въ человѣка, и Скопинъ-Шуйскій умеръ внезапною смертію. Поляки и Лжедимитрій явились подъ Москвою, которая должна была выбирать между ними, и выбрала въ цари Владислава; но отецъ его Сигизмундъ захотѣлъ самъ царствовать въ Москвѣ, Сигизмундъ, притѣснитель православія въ своихъ владѣніяхъ. Вѣрѣ отцовъ стала грозить страшная опасность отъ замысловъ Сигизмундовыхъ; интересъ высшій, духовный, интересъ религіозный выступаетъ на первое мѣсто, отстраняя всѣ другіе матеріяльные интересы, и чрезъ это открывается возможность къ спасенію. Земля встала; собралось ополченіе и пошло для очищенія Москвы отъ Поляковъ. Но ополченіе это не имѣло успѣха, ибо полнаго нравственнаго очищенія еще не было. Во главѣ ополченія стоялъ Ляпуновъ, человѣкъ даровитый, съ природою сильною, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ плоти и крови, человѣкъ, дававшій полную волю своимъ страстямъ, менѣе всякаго другаго способный сознать, что основа общества есть жертва, что для успѣха общаго, святаго дѣла необходимо принести самую тяжелую для человѣка жертву, пожертвовать страстями своими. «Отецкимъ дѣтямъ, говоритъ лѣтописецъ, было много отъ Ляпунова позору и безчестья, не только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ: придутъ къ нему на поклонъ и долго дожидаются у его избы, пока выйдетъ; никого не пускалъ къ себѣ прямо, и при малѣйшемъ прекословіи, при малѣйшемъ неудовольствіи, бранныя рѣчи сыпались на всѣхъ безъ разбора.» Помраченный страстями умъ Ляпунова не могъ понять, что дѣло чистое можетъ быть совершено только людьми чистыми; страсти не позволяли Ляпунову никогда разбирать средствъ для достиженія цѣли; изъ ненависти къ Шуйскому, изъ желанія дѣйствовать на первомъ планѣ, онъ самъ стоялъ прежде подъ знаменами самозванца, и теперь пригласилъ хищныя толпы Заруцкаго, Просовецкаго и другихъ дѣйствовать за-одно съ добрыми гражданами, съ служилыми людьми государства для его очищенія. Ляпуновъ палъ жертвою этого непониманія дѣла: казаки убили его. Но

тутъ всего яснѣе обнаружилось, какъ, вслѣдствіе тяжелыхъ испытаній, нравственныя силы общества уже были напряжены, какъ лучшіе люди достигли до сознанія о необходимости жертвы; явился признакъ выздоровленія общественнаго тѣла: при убійствѣ Ляпунова, врагъ его Ржевскій бросился къ нему на помощь и палъ вмѣстѣ съ нимъ подъ ударами убійцъ.

Общество, въ которомъ граждане умѣютъ умирать какъ умеръ Ржевскій, не можетъ погибнуть вслѣдствіе гибели одного человѣка. Города, объявляя другъ другу о гибели Ляпунова, не обнаруживаютъ нисколько признаковъ отчаянія въ дѣлѣ спасенія государства; напротивъ, показываютъ твердую рѣшимость продолжать начатое дѣло; они пишутъ: «Подъ Москвою, промышленника и поборателя по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную вѣру и за Московское Государство, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили. Но мы всѣ сговорились, чтобъ быть намъ всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, за Московское Государство стоять, и держать приговоръ крѣпко, до тѣхъ поръ пока намъ дастъ Богъ на Московское Государство государя; и выбрать бы намъ на Московское Государство государя всею землею россійской державы; а если казаки станутъ выбирать государя по своему изволенью, одни, не сославшись со всею землею, то намъ такого государя на государство не хотѣть.» И дѣйствительно, не смотря на временное торжество шаекъ Заруцкаго и Просовецкаго, присягнувшихъ третьему самозванцу по смерти Ляпунова, не смотря на то что враги внѣшніе овладѣли и Смоленскомъ и Новгородомъ Великимъ, не смотря на то что матеріяльныя силы государства были повсюду поражены: нравственныя его силы росли день отъ дня. Среди немощи человѣческой слышался голосъ Бога живаго, и мертвое оживлялось, какъ нѣкогда предъ очами Пророка: кость слагалась съ костью и облекалась плотію, и вѣялъ духъ. Явилось сознаніе о необходимости всеобщаго нравственнаго очищенія, сознаніе, выразившееся во всеобщемъ строгомъ постѣ, и вотъ наконецъ послышались слова, которыя показывали ясно, что общество, путемъ испытаній, поняло наконецъ, что́ должно его спасти? поняло, что основа общества есть жертва: «Будетъ намъ похотѣть помочь Московскому Государству, говорилъ Мининъ въ Нижнемъ Новгородѣ:

то не жалѣть намъ животовъ своихъ, не жалѣть—и дворы свои продавать, и женъ и дѣтей закладывать. » Что говорилъ Мининъ, то было на мысли, то было на сердцѣ у всѣхъ, и потому всѣ встали на слова Минина. Поднялись послѣдніе, основные, коренные люди. Бури смутнаго времени смели людей, болѣе или менѣе слабыхъ нравственно, способныхъ колебаться, шататься, подобно Ляпунову, увлекаться въ разныя стороны страстями своими; теперь дѣло дошло до людей крѣпкихъ, основныхъ, которые противопоставили бурямъ, поднятымъ врагами внутренними и внѣшними, несокрушимую нравственную твердость. «Какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, говоритъ лѣтописецъ, такъ и въ Московскомъ Государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ.» Второе ополченіе достигло своей цѣли, успѣло очистить государство: въ главѣ его стоялъ человѣкъ, по характеру своему вовсе непохожій на Ляпунова. Пожарскій умѣлъ говорить: « Еслибъ теперь такой столпъ, какъ князь Василій Васильевичь Голицынъ былъ здѣсь, то за него-бъ всѣ держались; и я бы за такое великое дѣло мимо его не принялся; а теперь меня бояре и вся земля къ такому дѣлу силою приневолили.» Будучи главнымъ вождемъ ополченія, Пожарскій умѣлъ подписывать свое имя въ земскихъ грамотахъ на десятомъ мѣстѣ, уступая первыя девять мѣстъ людямъ болѣе сановнымъ; слѣдовательно Пожарскій умѣлъ жертвовать тѣмъ, чего Ляпуновъ никакъ не могъ принести въ жертву общему дѣлу. Съ другой стороны, опытъ Ляпунова научилъ вождей ополченія, что дѣло чистое можетъ быть совершено только людьми чистыми, и потому они отреклись отъ союза съ шайками Заруцкаго.

Москва была очищена: избранъ государь всею землею. Послы отъ собора отправились въ Кострому бить челомъ новоизбранному, чтобъ принялъ царство. Мать молодаго Михаила возражала, что сынъ ея въ несовершенныхъ лѣтахъ, что люди Московскаго Государства измалодушествовались, прежнимъ государямъ не прямо служили, что государство разорилось до конца, и новому государю нечѣмъ служивыхъ людей жаловать, свои обиходы полнить и противъ недруговъ стоять. Послы отвѣчали

ей, что теперь не прежнее время, что тяжелое испытаніе очистило, умудрило людей, что они *понаказались* всѣ, и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Въ подобныя времена, великія слова не произносятся всуе, но сопровождаются великими дѣлами: соборные послы утверждали передъ новоизбраннымъ царемъ,что люди Московскаго Государства понаказались, очистились, поняли, на чемъ зиждется общество, получили способность жертвовать всѣмъ для общаго дѣла—и Сусанинъ падаетъ за Михаила. У народовъ существуетъ повѣрье, что никакое зданіе непрочно безъ жертвы: возрожденное русское общество послѣ бурь смутнаго времени могло обѣщать себѣ прочность: оно основывалось на крови Ржевскаго, Сусанина и многихъ другихъ безыменныхъ жертвъ.

Великій подвигъ былъ совершенъ; но очистителямъ государства предстоялъ подвигъ еще болѣе великій, еще болѣе трудный: имъ предстояло продолжать дѣло нравственнаго очищенія, имъ предстояло отысканіе средствъ, чрезъ которыя между гражданами распространялись бы познанія обязанностей гражданскихъ, познанія того, на чемъ зиждется благосостояніе общества, познанія своего отечества, познанія, чрезъ которыя всякій могъ быть полезенъ отечеству, содѣйствовать его процвѣтанію, его славѣ. Нравственное очищеніе и совершенствованіе возможно только при сознаніи несовершенствъ и при твердой рѣшимости отъ нихъ избавиться: и вотъ Россія XVII вѣка громко вопіетъ противъ этихъ нравственныхъ недостатковъ; правительство церковное и гражданское въ сильныхъ, безпощадныхъ выраженіяхъ указываетъ на общественныя язвы, требуя ихъ исцѣленія, употребляя къ тому средства, вооружаясь противъ людей, которые не сознавали того, что гражданинъ прежде всего долженъ имѣть въ виду общее благо, а не частныя, корыстныя цѣли. Такое глубокое сознаніе своихъ несовершенствъ, такое сильное, искреннее, горячее исканіе выхода въ положеніе лучшее не могли не принести плода: средство упрочить крѣпость, благосостояніе и величіе государства было найдено; это средство было просвѣщеніе. Восточная греческая церковь, которой, въ ея тяжкомъ положеніи, были такъ дороги благосостояніе и слава Россіи, единственной независимой православной державы, — восточная церковь устами одного

изъ своихъ святителей благословила новый путь, на который вступала Россія: «Если бы меня спросили, говорилъ Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій,—еслибъ меня спросили: какіе столпы церкви и государства? то я бы отвѣчалъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища, и въ третьихъ училища.» Убѣжденіе въ этой истинѣ укоренялось все болѣе и болѣе между русскими людьми, и царь Ѳеодоръ Алексѣевичь объявилъ, что, подобно Соломону, онъ ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, «царскихъ должностей родительницѣ, всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются».

Такова была древняя Россія. Уже давно, съ прошлаго вѣка, въ нашей исторической литературѣ поднятъ вопросъ о характерѣ древней Россіи, о ея отношеніи къ новой. Уже давно нѣкоторые писатели наши, оскорбленные упрекомъ иностранцевъ, а также и Русскихъ, вторившихъ этимъ упрекамъ, старались показать, что предки наши и до XVIII вѣка не были варварами. Для этого они старались доказать, что предки наши издавна имѣли законы, много похвальныхъ обычаевъ, промышленность, вели торговлю и даже очень обширную, оставили намъ множество письменныхъ памятниковъ и т. п. Но эти доказательства убѣждали немногихъ, ибо возражать на нихъ было легко. Турки, Персіяне, Китайцы, Индѣйцы имѣютъ законы, похвальные обычаи, занимаются съ большимъ успѣхомъ извѣстными отраслями промышленности, ведутъ торговлю, хранятъ въ архивахъ своихъ много письменныхъ памятниковъ, и не смотря на все это, слывутъ варварами; во вторыхъ, въ древней Россіи легко было найти много такихъ явленій, которыхъ никакъ нельзя было защитить. Варварство и не-варварство народа, въ извѣстную эпоху его бытія, опредѣляются по другимъ признакамъ: варварскій народъ тотъ, который сдружился съ недостатками своего общественнаго устройства, не можетъ понять ихъ, не хочетъ слышать ни о чемъ лучшемъ; напротивъ, народъ никакъ не можетъ назваться варварскимъ, если, при самомъ неудовлетворительномъ общественномъ состояніи, сознаетъ эту неудовлетворительность и стремится выйти къ порядку лучшему; при этомъ, чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ онъ на своемъ пути къ порядку, тѣмъ выше его подвигъ, если онъ преодолѣваетъ ихъ, тѣмъ болѣе

великимъ является такой народъ передъ исторіею. Итакъ были ли наши предки варварами?

Брошенные на край Европы, оторванные отъ общества образованныхъ народовъ, въ постоянной борьбѣ съ азіятскими варварами, подпадая даже игу послѣднихъ, русскіе люди неутомимо совершали свое великое дѣло, завоевывая для европейско-христіянской гражданственности неизмѣримыя пространства отъ Буга до Восточнаго Океана, завоевывая не оружіемъ воинскимъ, но преимущественно мирнымъ трудомъ; русскій народъ долженъ былъ самъ все создавать для себя въ этой странѣ дикой и пустынной. Находясь въ обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, предоставленные самимъ себѣ, предки наши никогда не утрачивали европейско-христіянскаго образа. Ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія; въ каждомъ замѣчается сильное движеніе и преуспѣяніе. Послѣ сильнаго движенія, имѣвшаго слѣдствіемъ намѣченіе границъ государственной области, собраніе племенъ съ одной стороны и принятіе христіянства съ другой, наступаетъ періодъ, знаменуемый господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній; князья борются другъ съ другомъ вслѣдствіе своихъ родовыхъ счетовъ; а между тѣмъ дѣло внутренняго порядка идетъ впередъ: христіянство распространяется; общество постоянно выдѣляетъ изъ среды себя людей, которые словомъ и дѣломъ даютъ силу нравственнымъ началамъ; славяно-русская колонизація распространяется все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ, основываются города, населяются пустыни; народонаселеніе изъ племеннаго быта переходитъ въ областной, находитъ средоточіе свое въ главныхъ городахъ областей, столѣныхъ городахъ княжескихъ; и эти области, не смотря на видимую особность свою, имѣютъ общее средоточіе, имѣютъ общій главный интересъ, вслѣдствіе этихъ же родовыхъ княжескихъ отношеній; потому что благодаря единству княжескаго рода и происходящему отсюда перемѣщенію князей съ одного стола на другой, перемѣна, происшедшая въ Кіевѣ, отзывается въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Суздалѣ, и поэтому всѣ части Россіи живутъ одною общею политическою жизнію; не смотря на громадныя пространства, на которыхъ разсѣялось русское народонаселеніе, въ немъ все болѣе и болѣе укореняется сознаніе

о своемъ единствѣ. Южная, днѣпровская Русь сходитъ съ главной сцены; на ея мѣсто выступаетъ Русь сѣверная съ новымъ характеромъ, съ новою дѣятельностію: начинается собираніе земли, утвержденіе единовластія. Оканчивается это трудное дѣло. Новое Государство Московское, продолжая борьбу съ Азіею, въ то же время обращаетъ взоры на Западъ, къ тѣмъ европейскимъ государствамъ, которыя были поставлены въ болѣе благопріятныя обстоятельства, и старается усвоить себѣ плоды цивилизаціи; но и тутъ новыя трудности, требующія новыхъ подвиговъ: Россія должна завоевывать плоды европейской цивилизаціи, ибо сосѣднія государства, боясь ея могущества, не хотятъ допустить ее до свободнаго пользованія этими плодами. Польскій король Сигизмундъ Августъ такъ писалъ англійской королевѣ Елисаветѣ о причинахъ, заставившихъ его препятствовать нарвской торговлѣ: «Московскій государь день ото дня увеличиваетъ свое могущество, благодаря тому, что̀ получаетъ онъ черезъ Нарву: ибо сюда привозится оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; мало того, сюда пріѣзжаютъ сами художники и привозятъ къ нему свое искусство; эти средства доставили ему возможность побѣждать всѣхъ. Вашему величеству конечно извѣстно его могущество. Мы до сихъ поръ побѣждали его тѣмъ только, что онъ былъ лишенъ искусства, не зналъ цивилизаціи. Но если приходъ кораблей къ Нарвѣ будетъ продолжаться, то что останется ему неизвѣстнымъ?» И вотъ русскіе люди съ береговъ Волги, гдѣ боролись со гнѣздомъ татарскихъ хищниковъ, должны были отправляться въ походъ на западъ, къ берегамъ балтійскимъ, чтобы завоевывать цивилизацію, чтобъ имѣть возможность не бояться Азіи. Такимъ образомъ эти мнимые варвары являются предъ исторіею борцами за цивилизацію и на Востокѣ и на Западѣ; а когда наступили внутреннія смуты, какую способность къ очищенію показали русскіе люди, какіе подвиги совершили, какія жертвы принесли! а потомъ этотъ громкій вопль, слышимый въ продолженіе XVII вѣка, вопль противъ общественныхъ и нравственныхъ безпорядковъ, неутомимое исканіе средствъ выйдти изъ положенія, недостаточность котораго была сознана, и наконецъ отысканіе этихъ средствъ — вотъ подвиги предковъ нашихъ, предъ которыми благоговѣйно и признательно должны

мы преклониться! Вѣчная слава имъ за то, что они не умѣли помириться со зломъ, что они постоянно и неутомимо искали выхода къ добру!

Но если подвигъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе препятствій къ его совершенію; если подвиги предковъ велики, потому что они постоянно должны были вести тяжелую борьбу съ азіятскими ордами, потому что русскій Славянинъ, населитель и цивилизаторъ неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствъ восточной Европы и сѣверной Азіи, долженъ былъ одною рукою вести плугъ по землѣ, имъ очищенной, а въ другой держать оружіе для защиты себя и своего благодѣтельнато труда отъ степнаго хищника; если для предковъ нашихъ съ этою тяжелою борьбою противъ Азіи соединялся еще болѣе тяжелый трудъ установленія внутренняго порядка, дѣла труднаго, медленнаго уже по самой громадности государственнаго тѣла; если древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіянскихъ народовъ, отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто, гдѣ онъ безпрерывно долженъ бороться съ врагами, подвергаться въ то же время непогодѣ и всякаго рода лишеніямъ: то когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратятся, чтобъ занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ, мы станемъ укорять ихъ за то, что онѣ явятся передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью? Древнее русское общество имѣетъ безспорно много черныхъ, непривлекательныхъ сторонъ; но должны ли онѣ смущать насъ, когда мы знаемъ, что предки не мирились съ этими сторонами, искали средства избавиться отъ нихъ, нашли и передали его намъ?

Если же наука представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохранившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ боровшимися; если при внимательномъ изученіи жизни ихъ, многотрудной, суровой и подвижнической, можетъ возбуждаться только чувство удивленія и благодарности, а не упрекъ: то, съ другой стороны, какое значеніе могутъ имѣть попытки тѣхъ людей, которые стараются разцвѣтить и разукрасить эту суровую и многотрудную жизнь предковъ,

нашить яркія заплаты на ихъ простую одежду? Что могутъ прибавить къ славѣ древнихъ русскихъ людей, утвержденія, что они давно уже чеканили свою монету, что они еще до Рюрика производили обширную торговлю, что они имѣли важныя общественныя учрежденія еще во времена Русской Правды, первая статья которой говоритъ: «Если убьетъ человѣкъ человѣка, то убійцѣ долженъ мстить такой-то и такой-то родственникъ убитаго?» Прибавить къ славѣ предковъ подобныя утвержденія ничего не могутъ, но убавить могутъ очень много; ибо когда обнаруживаются средства, то необходимо раждается упрекъ: зачѣмъ же не воспользовались этими средствами? зачѣмъ, съ ихъ помощію, не скоро вышли изъ того состоянія, которое признано было неудовлетворительнымъ? Не говоримъ уже о вредѣ, который наносится этими утвержденіями правильному пониманію отечественной исторіи: ибо читатель, видя общество разцвѣченнымъ въ началѣ и не находя соотвѣтствующихъ этому явленій послѣ, необходимо приходитъ къ мысли, что общество не преуспѣвало, но шло назадъ. Здѣсь дѣло идетъ не о чисто ученыхъ вопросахъ, какъ напримѣръ, вѣкомъ ранѣе или вѣкомъ позднѣе начали у насъ бить монету? какъ обширна была торговля въ древней Россіи? кѣмъ построена извѣстная церковь — византійскими, западными или русскими художниками? дѣло идетъ не о подмѣчаніи любопытныхъ учрежденій и обычаевъ, не объ отысканіи связи между ними и послѣдующими учрежденіями и обычаями; дѣло идетъ о той неприличной, вредной для науки раздражительности, съ какою рѣшаются эти вопросы. Явится статья, въ которой доказывается, что извѣстное полезное учрежденіе, извѣстный похвальный обычай явился въ древней Россіи вѣкомъ позднѣе — и вотъ на нее нападаютъ со гнѣвомъ, заподозриваютъ автора въ намѣреніи помрачить славу предковъ; найдутъ какое-нибудь любопытное учрежденіе, обычай, и вмѣсто того, чтобъ пріискать ему надлежащее мѣсто въ ряду другихъ явленій, лишаютъ его всякаго мѣста, преувеличивая его значеніе. Крайность вызываетъ другую крайность: люди, оскорбленные подобными преувеличеніями, перегибаютъ дугу въ противоположную сторону, стараются указывать въ древнемъ русскомъ обществѣ однѣ черныя его стороны, и, какъ обыкновенно бываетъ при страст-

ныхъ увлеченіяхъ, начинаютъ вѣрить, что въ древней Россіи все было дурно, тогда какъ противники ихъ начинаютъ вѣрить, что все въ ней было хорошо. Но легко понять, какъ вредно для науки, какъ препятствуетъ вѣрному пониманію прошедшаго, вѣрному объясненію настоящаго изъ прошедшаго это стремленіе отыскивать только хорошее или дурное, при чемъ, большею частію, явленія берутся отдѣльно, безъ связи другъ съ другомъ. Намъ скажутъ, что изъ борьбы противоположныхъ мнѣній произникаетъ наконецъ истина. Справедливо, однако наука не можетъ же становиться на противоположныхъ концахъ, на сѣверѣ или на югѣ, на востокѣ или на западѣ; ибо на противоположныхъ сторонахъ необходимо найдется односторонность, слѣдовательно отсутствіе истины; обязанность науки спѣшить уясненіемъ дѣла, спѣшить прекращеніемъ спора, продолженіе котораго можетъ быть очень вредно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ познаніе отечественной исторіи, народное самопознаніе. Многіе изъ людей, желающихъ разцвѣтить старину, дѣйствуютъ такъ изъ чувства въ высшей степени почтеннаго, изъ чувства любви къ своему; но увлеченіе всякимъ чувствомъ, какъ бы оно почтенно ни было, можетъ повести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ: чувства должны руководиться свѣтомъ разума; извѣстно, что́ позволяли себѣ жрецы Цибелы и другихъ азіятскихъ божествъ, увлекавшіеся чувствомъ очень почтеннымъ, желаніемъ служить и жертвовать своему божеству. Мы сравнили нашихъ предковъ съ людьми передовыми, которые, подвергаясь всякаго рода лишеніямъ, физическимъ и нравственнымъ, совершили многотрудный подвигъ и потому самому часто не могутъ являться передъ нами въ привлекательномъ образѣ: если есть люди, которые, изъ любви къ своему, стараются изукрасить этотъ образъ, не думая, что этимъ самымъ умеиьшаютъ подвиги предковъ то могутъ найтись также люди, которые, взявъ этотъ образъ какъ онъ есть, постараются приравнять къ нему свой собственный образъ, позабывъ, что предки, какъ только вздохнули свободнѣе послѣ великаго труда, такъ начали искать средства измѣнить этотъ образъ, въ чемъ оставили для насъ священный завѣтъ и примѣръ. Въ великую эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ, когда предъ сгарающими жаждою познанія людьми открылс-

дивный міръ произведеній древняго генія, нашлись люди, которые до того увлеклись, что начали жалѣть объ исчезнувшемъ древнемъ мірѣ, объ его вѣрованіяхъ, и нѣкоторые даже дѣйствительно заставляли себя увѣровать въ олимпійскія божества. Неудивительно, что и у насъ, когда передъ сгарающими жаждою народнаго самопознанія людьми открылись древніе памятники, то нѣкоторые увлеклись и признали превосходство стараго предъ новымъ, позабывъ, что новое безконечно выше стараго именно этою возможностію народнаго самопознанія, приготовленнаго знаніемъ вообще, знаніемъ, которое досталось намъ, вслѣдствіе многотруднаго подвига предковъ. Но есть надежда, что эпоха увлеченій приближается къ концу, что недолго изученіе отечественной исторіи будетъ для насъ дѣломъ новымъ, допускающимъ увлеченіе; что скоро мы получимъ способность стать предъ лицемъ науки просто, внимать ея вѣщаніямъ благоговѣйно и спокойно, какъ прилично важности предмета.

С. Соловьевъ.

СТАРУШКА

ПОВѢСТЬ.

I.

Я служилъ въ Петербургѣ и по дѣламъ службы былъ посланъ въ Москву. Старая тетка моя, постоянно жившая въ Москвѣ, ввела меня въ общество. Скоро я сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Степаниды Семеновны Томской: это была чрезвычайно богатая, всѣми уважаемая старуха, за которою особенно ухаживали матери взрослыхъ сыновей. Постоянная угодливость этихъ матерей объяснялась тотчасъ при взглядѣ на Вѣру, внучку и единственную наслѣдницу огромнаго состоянія Степаниды Семеновны. Вѣра была чрезвычайно красива собою, умна, образована, очень любима бабушкой и потому крайне избалована, что̀ придавало ей новую прелесть, по крайней мѣрѣ въ глазахъ моихъ. Ея граціозная капризность, умѣренная мягкостію характера, измѣнчивая причудливость желаній и какая-то вѣтреность, всегда однако сдержанная въ границахъ приличій, разнообразили ея отношенія ко всѣмъ намъ, ее окружавшимъ, и придавали имъ особенную привлекательность. И я какъ другіе, какъ многіе молодые люди, принятые въ домѣ Томской, поддался чарующему вліянію ея внучки; я влюбился въ нее по уши. Сначала, правда, меня непріятно удивила безыскусственная короткость, допускаемая Степанидою Семеновной между внучкою ея и окружающими ее молодыми людьми. Могло ли быть иначе? Я привыкъ къ чопорности, церемонности петербурскихъ

гостиныхъ, привыкъ къ безгласности дѣвицъ, появлявшихся для того только, чтобы протанцовать нѣсколько кадрилей; нѣкоторая свобода въ обращеніи, любезная болтливость Вѣры, ея обращеніе со всѣми нами, ея обожателями, не лишенное кокетства, должны были удивить меня. Скоро однако за всѣмъ этимъ я открылъ столько чистосердечности, столько доброты, что не только помирился съ нею, но еще и привязался къ ней мало по малу, самъ того не замѣчая. Сама Вѣра, такъ казалось мнѣ по крайней мѣрѣ, не была совсѣмъ равнодушна ко мнѣ и оказывала мнѣ нѣкоторое предпочтеніе. Я не смѣлъ еще надѣяться вполнѣ, хотя старушка была тоже очень благосклонна ко мнѣ, и рѣшился ждать всего отъ времени. Дѣла мои кончились, но я проспалъ отпуска и остался въ Москвѣ. Степанида Семеновна была странная женщина; казалось, она не замѣчала, что внучка ея ведетъ себя нѣсколько иначе, чѣмъ это вообще принято въ свѣтѣ, что она завладѣла бо́льшею свободою, чѣмъ того требовали узкіе свѣтскіе уставы. Часто, выходя поздно вечеромъ изъ дому Томской, я задавалъ себѣ вопросъ: видитъ или не видитъ ослѣпленная любовію старуха бабушка капризную независимость, которую внучка присвоила себѣ какъ право. Трудно было предположить, чтобы старуха не замѣчала этого; она была очень умна, тонка, и играя въ преферансъ, въ углу той самой гостиной, гдѣ Вѣра подавала чай и болтала съ нами, не разъ, казалось мнѣ, прислушивалась къ живому разговору и улыбалась шуткѣ или насмѣшливымъ остротамъ, на которыя такъ щедра была Вѣра. Окончивъ преферансъ, старушка подвигала кресло къ камину; если былъ пріятный собесѣдникъ, она охотно разговаривала, еслижь такого не было, она принималась за чтеніе газеты или книги и порой изъ-подъ большихъ очковъ своихъ устремляла на насъ долгій пытливый взглядъ, который не разъ смущалъ меня. Не слыша, не видя, не заботясь по видимому о всѣхъ насъ, она все видѣла, слышала, и какъ позднѣе оказалось, съ прозорливостію матери и опытностію бабки заботилась о своей непаглядной внучкѣ. Никогда не слыхалъ я, чтобы она въ чемъ нибудь отказала ей, даже и въ такихъ ея требованіяхъ, которыя въ Петербургѣ сочтены были бы верхомъ безумія, да и мнѣ казались не совсѣмъ благоразумными.

— Grand maman, говорила Вѣра, я хочу ѣхать къ Картомышевымъ; у нихъ нынче вечеринка.

— Поѣзжай, мой другъ.

И Вѣра приказывала закладывать карету и отправлялась на вечеръ съ своей компаньонкой, Англичанкой лѣтъ двадцати двухъ (а Вѣрѣ не было и двадцати). На большіе балы Вѣра ѣздила всегда съ старою теткою своей, женщиной доброю, но недальнею, неспособною ни видѣть, ни понять, что̀ дѣлается подлѣ нея.

— Grand maman, я хочу ѣхать въ маскерадъ, говорила Вѣра.

Бабушка молчала, внучка настаивала:

— Чтоже вы молчите? Я хочу ѣхать въ маскерадъ.

— Я не знаю, Вѣра, какъ устроить это.

— Э! полноте, grand maman; я поѣду съ miss Ellis.

— Этого нельзя сдѣлать, Вѣра.

— Ну, такъ прикажите Ивану Ивановичу ѣхать съ нами.

Иванъ Ивановичъ былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, другъ дома, мужъ пріятельницы Степаниды Семеновны и постоянный ея собесѣдникъ.

— Ужь право, Вѣра, я не знаю; сказать по правдѣ, маскерады совсѣмъ не для дѣвицъ, да и мѣсто ихъ....

— Ну, полноте, полноте! Когда мнѣ хочется! Что̀ въ этомъ дурнаго: поболтаю немного, да и пріѣду назадъ. Что̀ можетъ случиться? Можно? Да, можно! Я пошлю сей часъ за маской, домино у меня есть!

Бабушка молчала, а внучка вылетала изъ комнаты и посылала за маской.

— Какъ вы ее балуете, говорилъ кто нибудь изъ стариковъ.

— Что̀ дѣлать,— молодость! Пусть живетъ, пока жить хочется, пусть веселится, пока веселье не прискучило. Она ничего дурнаго не сдѣлаетъ и не скажетъ, я знаю ее и не люблю стѣснять ее.

Однажды я присутствовалъ однако при маленькой домашней сценѣ; это было именно послѣ маскерада. Вѣра была не въ духѣ и сидѣла надувъ губки. Что̀ съ тобой? спросила ее бабушка. Или тебѣ не было весело вчера? Или остроты твои пришлись кому нибудь не по сердцу, и тебѣ за нихъ досталось?

— Нѣтъ, бабушка, вамъ пора знать, что тотъ еще не родился, кто сговоритъ со мною,—сказала Вѣра разсмѣявшись.

— Такъ чтожь съ тобой?

— А вотъ что: не хочу ѣздить въ маскерады!

— Прекрасно сдѣлаешь!

— Постойте, я не договорила. Не хочу ѣздить въ маскерады съ Иваномъ Ивановичемъ. Вы смѣетесь, бабушка? смѣяться не чему! Онъ слѣдитъ за мной, какъ ревнивый Турокъ, онъ моя вывѣска. Гдѣ я, тамъ и онъ! Меня всѣ узнаютъ по его милости.

— Чтожь мнѣ дѣлать? Въ этомъ я не виновата.

— Нѣтъ, виноваты! Зачѣмъ вы не отпустили меня съ miss Ellis?

— Ну скажи, есть ли въ тебѣ на волосъ здраваго смысла? ѣхать въ маскерадъ съ такою же дѣвочкой, какъ ты сама!

И старушка покачала головой.

— Ну, правда, правда; такъ зачѣмъ не отпустили съ Дашенькой З**, или съ Лизой М**? Онѣ замужнія женщины.

— Да, вчера замужъ вышли, кажется.

— Ну, а съ Иваномъ Ивановичемъ ѣздить смѣшно. Маски смѣялись надъ нимъ, когда я шла съ нимъ подъ руку. Какими судьбами попали въ маскерадъ? спрашивали онѣ, и градъ насмѣшекъ сыпался на него. Я стала его отстаивать — меня узнали, и потомъ всѣ смѣялись надъ моимъ ментором. Я не поѣду съ нимъ.

— Пожалуй не ѣзди, отвѣчала смѣясь бабушка.

— Я поѣду съ Лизой, или съ Дашенькой.

— Мнѣ бы этого не хотѣлось, сказала старушка серіозно.

— Такъ чего же вамъ хочется? Чтобы я скучала у васъ, чтобы и для меня, какъ для другихъ, замужство было спасеніемъ, волей, возможностію выйти изъ опеки? Вамъ бы этого хотѣлось?

Старушка сказала: грѣхъ тебѣ! и кротко посмотрѣла на внучку. Вѣра была уже у ногъ ея, на скамейкѣ; она положила голову на колѣна бабушки, длинныя ея локоны разсыпались по розовымъ щечкамъ, свисли на плеча, а правильный профиль ея ярко обрисовался на темномъ фонѣ бабушкинаго платья. Старуха гладила блѣдною, маленькою и худенькою рукой своей ея мягкіе каштановые волосы. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ; Вѣра цѣловала руку старухи, а я сидѣлъ сзади, не

смѣя дохнуть, и любовался этою группой: мягкою, капризною, какъ и она сама, красотой Вѣры и миніатюрною фигуркой старушки, полной доброты, благосклонности и терпимости.

— Да и когдажь ѣхать опять въ маркерадъ? завтра балъ у Новинскихъ,—наконецъ произнесла она.

— Чтожь такое! возразила Вѣра съ жаромъ. Я останусь на балѣ до перваго часа ночи, а потомъ поѣду съ Лизой въ маскерадъ. Ужь это устроено.

— Хорошо! сказала старушка смѣясь, очень хорошо! Точно такъ дѣлаютъ, если я не ошибаюсь, гвардейскіе офицеры, вѣтрогоны, шалуны!

— Вѣра разсмѣялась, но разсмѣялась такъ дѣтски звонко, такъ заразительно, что разсмѣялся и я за нею. Старушка улыбалась, глядя на нее. Въ эту самую минуту пріѣхалъ кто-то, и споръ остался нерѣшеннымъ.

На другой день на балѣ, Вѣра была необычайно мила и любезна со всѣми, но въ первомъ часу она уѣхала. Я проводилъ ее до крыльца.

— Ѣдете?—шепнулъ я ей.

— Она улыбнулась и приложила палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія. Я отправился въ маскерадъ. Черезъ полчаса я узналъ Вѣру въ толпѣ масокъ. Она кого-то искала и бродила изъ залы въ залу. Я подошелъ къ ней; она пошутила, посмѣялась, скользнула въ сторону и взяла за руку уже пожилаго, мнѣ незнакомаго мущину. Я слѣдилъ за нею съ любопытствомъ и скоро увидѣлъ ее опять одну, опять искавшую кого-то по многолюднымъ заламъ. Она уѣхала домой довольно поздно; я проводилъ ее до крыльца, но не слыхалъ отъ нея ни обычной шутки, ни обычнаго привѣта, что̀ еще больше увѣрило меня въ томъ, что Вѣра пріѣзжала въ маскерадъ для кого-то, кого однако не встрѣтила.

На другой день я явился къ Томскимъ ранѣе обыкновеннаго; Вѣра была задумчива и на всѣ мои вопросы отвѣчала одно:

— Я устала; такая шумная толпа утомитъ хоть кого.

Я начиналъ сильно безпокоиться, безпокоиться повидимому безъ причины. Предчувствіе, особенно свойственное влюбленнымъ, говорило мнѣ, что есть кто-то, кто грозитъ мнѣ соперничествомъ. Степанида Семеновна была въ этотъ вечеръ осо-

бенно любезна и говорлива, и не обращала ни малѣйшаго вниманія на задумчивость и грусть внучки; она была особенно благосклонна ко мнѣ, и два раза я почувствовалъ на себѣ ея долгій наблюдательный взглядъ. Было ясно, что старуха давно знала, сколько я люблю Вѣру. Когда я уѣзжалъ, она просила меня бывать у нихъ чаще и совершенно запросто, когда мнѣ вздумается; я воспользовался приглашеніемъ и сталъ еще короче въ домѣ, но это было мнѣ не въ радость. Вѣра очевидно измѣнилась, и хотя была дружески ласкова со мною, но что-то необъяснимое въ ея пріемахъ говорило мнѣ, что если я когда нибудь и нравился ей, то теперь она занята кѣмъ-то другимъ. Она была постоянно задумчива и разсѣянна. Насталъ великій постъ и тянулся скучно, тягостно, безпокойно, и для меня, тревожимаго предчувствіемъ, и для нея, тоскующей и серіозной. Она меньше оставалась дома и безпрестанно бывала у одной изъ своихъ пріятельницъ. Одна старуха бабушка была все та же: добра, привѣтлива, благосклонна ко всѣмъ, и по прежнему, если не больше, баловала свою Вѣру. Она ожидала только праздниковъ, чтобы позабавить внучку, и дѣйствительно лишь только они наступили, она дала большой танцовальный вечеръ. Этого вечера я никогда не забуду; общество было небольшое, избранное; женщины и мущины, его составлявшіе, были всѣ почти коротко знакомы между собою. Между ними былъ одинъ только молодой человѣкъ, никому не извѣстный. Когда я вошелъ въ залу, Вѣра, блистающая красотой и сіяющая радостью дитяти, танцовала съ нимъ вальсъ. Я сталъ у двери.

— Кто танцуетъ съ Вѣрой Павловной? спросилъ я у молодаго князя Сокольскаго, одного изъ моихъ соперниковъ.

— Не знаю, право; никогда не видывалъ этого господина.

Я подошелъ къ Вѣрѣ.

— Un tour de valse, сказалъ я, и обхвативъ ея талію, помчался съ ней по залѣ.

— Съ кѣмъ вы танцовали?—спросилъ я ее, вальсируя.

— Съ Кочетовымъ.

— Кто онъ?

— Ахъ, Боже мой! Кочетовъ!

— Я никогда не видалъ его прежде, ни здѣсь, ни у другихъ.

— Онъ вѣроятно скажетъ тоже самое, если у него спросятъ о васъ.

— И не будетъ правъ; я всѣхъ знаю, всѣхъ, кто принадлежитъ къ обществу.

— Вѣроятно онъ незаботится о тѣхъ, кого вы называете обществомъ, и потому не бываетъ тамъ, возразила Вѣра съ досадою.

Я хотѣлъ сдѣлать еще кругъ вальса, но Вѣра сказала: *довольно,* такимъ тономъ который показался мнѣ надменнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ я видѣлъ, какъ она, въ качествѣ хозяйки, представляла Кочетова дѣвицамъ и молодымъ танцующимъ дамамъ. Къ концу вечера Кочетовъ танцовалъ со многими, но больше всѣхъ съ Вѣрой. Онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ; длинные его волосы нѣсколько небрежно лежали по щекамъ; онъ часто закидывалъ ихъ назадъ, но съ такимъ жестомъ, который не разъ возбуждалъ мою антипатію и, какъ говорится, повертывалъ все мое сердце. Знаете ли вы этотъ жестъ?—въ немъ столько самоувѣренности, самообожанія. Вообще пріемы Кочетова не обличали ни хорошаго воспитанія, ни свѣтскости. Онъ былъ слишкомъ смѣлъ и рѣзокъ. Онъ никому не нравился, хотя былъ очень хорошъ собою; молодецъ въ полномъ смыслѣ слова, и фатъ, совершеннѣйшій фатъ. Каково же было мое удивленіе, когда умная, свѣтская, Степанида Семеновна, пригласила *Кочетова* бывать у нея по вечерамъ, честь, которой такъ безплодно добивались въ продолженіе нѣсколькихъ зимъ многіе московскіе денди средней руки. Я былъ пораженъ, уничтоженъ, и потому на другой же день отправился къ Ивану Ивановичу, который былъ особенно благосклоненъ ко мнѣ; я надѣялся вывѣдать отъ него что нибудь болѣе положительное и завелъ рѣчь о Кочетовѣ.

— Кто онъ такой? спросилъ я его.

— Милліонеръ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ спокойно и просто.

Настало молчаніе. Слово милліонеръ поразило меня въ самое сердце. У меня кромѣ имени и службы ничего не было.

— Но откуда онъ явился? кто познакомилъ его съ Томскими?

—Онъ недавно возвратился изъ деревни; Вѣра Павловна встрѣ-

тила его у своей пріятельницы Даниловичъ, и кажется онъ очень ей понравился.

— Разумѣется; достаточно было ее видѣть вчера вмѣстѣ съ нимъ, чтобы вполнѣ убѣдиться въ истинѣ вашихъ словъ, сказалъ я съ досадою.

— А что? Или уже говорятъ въ свѣтѣ?

Иванъ Ивановичъ покачалъ головою.

— Не знаю, что говорятъ другіе, но я говорю, что бабушка дотого избаловала ее, что страшно смотрѣть. Скажите, какая она будетъ жена и мать?

— Отличная, сказалъ Иванъ Ивановичъ протяжно.

— Едва ли.

— Будто! и онъ усмѣхнулся.

— Чему же вы смѣетесь?

— Надъ вами, влюбленными!

— Во первыхъ, я не влюбленъ; во вторыхъ, такія невѣсты намъ не пара.

— А почему? спросилъ живо старикъ, взглянувъ на меня изъ-подлобья.

— Вѣра Павловна богата, а у такихъ какъ я ничего нѣтъ.

— Кромѣ добраго имени, добраго сердца, честности. Она богата, слѣдственно можетъ выбирать.

— И выберетъ Кочетова.

— Можетъ быть; особенно, если вмѣсто того, чтобы бороться, вы будете сидѣть у меня и ревновать ее безъ всякаго основанія.

— Но какъ онъ попалъ къ Степанидѣ Семеновнѣ, и почему она, умная, тонкая, свѣтская женщина, пригласила этого франта, этого сомнительнаго тона господина, въ свою, едва доступную порядочнымъ людямъ гостиную?

— Вѣра хотѣла, Вѣра требовала; вы, батюшка, молоды и не знаете, не подозрѣваете, что за женщина Степанида Семеновна, хотя и расточили ей сейчасъ полдюжины самыхъ лестныхъ эпитетовъ. Похвала, не основанная на короткомъ знакомствѣ, ничего не значитъ. Вы лучше постарайтесь подойти ближе къ Степанидѣ Семеновнѣ, и узнайте ее. Тогда вопросы ваши окажутся излишними; сами все поймете.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего особеннаго.

Я вышелъ отъ Ивана Ивановича совершенно сбитый съ толку; мнѣ чудился намекъ, но я не смѣлъ ему вѣрить; мнѣ будто указывали путь, но я не зналъ, какъ идти по немъ. «Милліонеръ! Вѣра хотѣла, Вѣра требовала!» Эти слова звенѣли еще въ ушахъ моихъ, отдавались въ сердцѣ, мутили голову. Я просидѣлъ цѣлый день у себя, одинъ-одинехонекъ, не будучи въ состояніи ни читать, ни заниматься дѣломъ, ни даже мыслить послѣдовательно. Вѣра, это беззаботное дитя, не отличавшее до сихъ поръ никого кромѣ быть можетъ меня, шутившее со всѣми, Вѣра влюблена, и въ кого? Да что за дѣло, въ кого? Не въ меня! А я любилъ ее такъ искренно, такъ глубоко! Вечеромъ я поѣхалъ къ Томскимъ, съ твердымъ намѣреніемъ не показывать Вѣрѣ ни ревности, ни печали; я хотѣлъ быть веселымъ во что бы то ни стало и пріютиться къ бабушкѣ, стараясь снискать ея довѣренность и особенную благосклонность. Увлекшись собственною мечтой, я уже видѣлъ себя ея любимцемъ и мало по малу достигалъ цѣли черезъ ея содѣйствіе. Я воображалъ, какъ сухо будетъ она принимать Кочетова, какъ отличитъ меня, и будетъ безпрестанно показывать Вѣрѣ, на сколько ставитъ меня выше его. Вѣра глубоко и нѣжно любитъ бабушку; можетъ ли она не уступить ея желанію, ея волѣ? Вотъ какія мысли волновали меня, когда я ѣхалъ къ Томскимъ; но всѣ планы мои рухнули при одномъ взглядѣ на семейную сцену, представившуюся глазамъ моимъ. Какъ рано ни пріѣхалъ я, все же пріѣхалъ я позднѣе Кочетова. Развалясь въ креслахъ, онъ сидѣлъ у камина между бабушкой и внучкой; первая благосклонно, внимательно слушала его; вторая, отодвинувшись немного назадъ, въ полу-свѣтѣ и молча, смотрѣла задумчиво и серіозно, хотя въ этой задумчивости очень не трудно было прочесть явное удовольствіе и удовлетворенное чувство. Старушка приняла меня по прежнему; я сѣлъ около Вѣры и старался заставить ее говорить, но это мнѣ не удавалось. Она, если можно такъ выразиться, слушала меня однимъ ухомъ, говорила мало, отвѣчала кратко, и очевидно не хотѣла проронить ни одного слова изъ разговора бабушки съ Кочетовымъ. Мнѣ оставалось на долю одно: слушать, какъ слушала Вѣра. Кочетовъ говорилъ много, громко, и каза-

лось не былъ совершенно лишенъ ни свѣдѣній, ни чего-то похожаго на образованіе; но рѣзкость его сужденій, нетерпимость и рѣшительность приговоровъ могли вывести всякаго изъ терпѣнія, и однако вывели изъ терпѣнія одного меня. Старушка слушала его не только благосклонно, но даже съ какою-то вызывающею на большую откровенность простотою и снисходительностію. Вѣра была въ восторгѣ — я видѣлъ это по лицу ея. Пробило десять часовъ. Кочетовъ всталъ.

— Куда же вы? спросила у него Степанида Семеновна.

— Я званъ на вечеръ къ князю Павлу Николаевичу, сказалъ онъ раскланиваясь.

И такъ Кочетовъ со вчерашняго бала пустился уже въ свѣтъ, гдѣ магическое слово «милліонеръ» не прошло не замѣтно.

Едва вышелъ онъ изъ комнаты, какъ Вѣра, вовсе не заботясь обо мнѣ, подсѣла къ бабушкѣ.

— Ну, grand maman, какъ вы его находите? Неправда ли, онъ очень любезенъ, образованъ, уменъ?

— Кажется, сказала старушка.

Вѣра торжествовала.

Я не стану разказывать въ подробности всего хода дѣла и всѣхъ успѣховъ Кочетова. Сначала онъ бывалъ у Томскихъ раза три въ недѣлю, потомъ сталъ ѣздить каждый день, и въ городѣ всѣ заговорили о замужствѣ Вѣры. Степанида Семеновна продолжала принимать его чрезвычайно ласково, ласковѣе чѣмъ другихъ; что̀ касается до меня, я былъ въ тѣни и едва могъ вынести поведеніе Вѣры. Она была занята однимъ Кочетовымъ, и съ ней можно было говорить свободно тогда только, когда его не было въ комнатѣ. Но лишь только переступалъ онъ черезъ порогъ, какъ уже овладѣвалъ разговоромъ и съ необычайною смѣлостію и самоувѣренностію отстранялъ всякаго, кто хотѣлъ управлять имъ. Его манеры были не выносимы; но что̀ было дѣлать, — хозяйки, и старая и молодая, не только терпѣли, но еще поощряли его. Намъ оставалось одно — молчать. Мое присутствіе духа оставило меня, надежда тоже, и я безъ боя уступилъ сопернику мое прежнее мѣсто за чайнымъ столомъ, мое право на благосклонность и вниманіе хозяекъ. Я только мучился, просыпаясь утромъ, вспоминая вче-

рашній вечеръ, и съ тѣмъ же самымъ чувствомъ слѣдилъ за каждымъ взглядомъ, словомъ и малѣйшимъ движеніемъ Кочетова. Однажды, сидя по-одаль отъ круглаго чайнаго стола, я былъ вызванъ изъ своей задумчивости словами графа Каменина, который когда-то сватался за Вѣру и получилъ отказъ.

— Что вы скажете? спросилъ онъ у меня.

— Ничего; я не знаю, о чемъ вы говорите.

— Кажется о томъ, о чемъ вы думаете,—о Вѣрѣ Павловнѣ и ея новомъ обожателѣ. Она влюблена, и скоро вѣроятно отпразднуютъ ея свадьбу. Я удивляюсь, отчего до сихъ поръ это не объявлено.

— Вѣра Павловна могла бы сдѣлать лучшую партію, сказалъ я съ замираніемъ сердца; она богата, а онъ не знатенъ.

— За то онъ милліонеръ, а деньги денегъ ищутъ. Не довѣряйте Степанидѣ Семеновнѣ: она женщина лукавая и тонкая. Повѣрьте, что еслибъ она не хотѣла выдать внучку за Кочетова, то давно бы отказала ему отъ дому, или по крайней мѣрѣ не допустила бы этой короткости между нимъ и ею. Я ее коротко знаю, да и не со вчерашняго дня.

— Можетъ быть; только вы, кажется, забываете, что она избаловала внучку и не имѣетъ духу противорѣчить ей ни въ чемъ. Вчера однако, когда Кочетовъ хвасталъ такъ безсовѣстно, мнѣ показалось, что она еще болѣе вызывала его на ложь, слушая его весьма серіозно и удивляясь очень добродушно его невозможнымъ похожденіямъ. Замѣтили вы?

— Какъ не замѣтить! Замѣтилъ даже и то, что Вѣрѣ Павловнѣ это было непріятно, и она перемѣнила разговоръ. Но что же это доказываетъ? Старуха льститъ выгодному жениху, привлекаетъ его. Милліоны его звонки, а Степанида Семеновна лучше другихъ знаетъ, гдѣ можетъ искать утѣшенія жена, когда она не нашла счастія въ замужствѣ. Милліоны останутся, а любовникъ найдется.

— Полноте! не стыдно ли вамъ!

— Ничего не стыдно. Развѣ вы не знаете ея исторіи съ барономъ Фредерикомъ Бельштейномъ?

— Это кто такой?

— Это старина. Матушка не разъ разказывала мнѣ всю эту исторію, и когда я сватался за Вѣру Павловну (замѣтьте,

какъ я откровененъ съ вами), сожалѣла о томъ, что Томская такъ странно, чтобы не сказать больше, воспитала свою внучку. Какія правила могла она внушить ей?

— Но что же это за исторія барона ?

— Баронъ Фридрихъ фонъ Бельштейнъ былъ молодецъ, красавецъ, родомъ изъ Курляндіи; онъ влюбился въ Степаниду Семеновну, а она, какъ водится, влюбилась въ него и умѣла заставить мужа подружиться съ нимъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ она жила совершенно счастливо съ мужемъ и барономъ, жила въ одномъ домѣ, замѣтьте это; потомъ, наскучилъ ли ей баронъ, или полюбила она другаго (послѣднее вѣрнѣе) только, баронъ приревновалъ ее, дрался за нее на дуэли, уѣхалъ, и умирая въ своей Нѣмечинѣ, отказалъ все свое имѣніе Павлу Томскому, сыну Степаниды Семеновны, замѣтьте опять—сыну ея! Это было началомъ ея богатства. Послѣ разрыва съ барономъ все неясно, спутано въ ея жизни; кто говоритъ, что мужъ все зналъ и простилъ, другіе говорятъ—зналъ и до конца жизни своей мстилъ ей и мучилъ ее. Какъ бы то ни было, онъ умеръ рано и оставилъ жену свободною и богатою. Теперь все забыто, и почему же и ей, какъ другимъ, не говорить о строгой нравственности?

—Я остановлю васъ на этомъ словѣ; я никогда не слыхалъ, чтобы она дурно говорила о другихъ или строго судила ихъ. Отличительная черта ея характера—терпимость и снисхожденіе.

— Это доказываетъ только то, что у нея не совсѣмъ мѣдный лобъ, возразилъ смѣясь мой разкащикъ.

Разговоръ нашъ прервался, и я невольно задумался, глядя на старушку, медленно вертѣвшую въ рукахъ экранъ, которымъ она закрывалась отъ огня, пылавшаго въ каминѣ. Лице ея было спокойно и кротко, и на немъ не видно было ни слѣдовъ прежней бурной жизни, ни даже намека о какомъ нибудь безпокойномъ, тягостномъ воспоминаніи. Старость безразлично скрываетъ подъ своими морщинами прежніе недуги, недочеты и страданія; такъ снѣгъ покрываетъ землю и равно засыпаетъ траву, цвѣты и поблекшія листья.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Кочетовъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи въ благосклонности бабушки и люб-

ви внучки, мнѣ ужь не оставалось ничего больше, какъ рѣшиться на что нибудь. У меня не было силъ быть свидѣтелемъ любви Вѣры къ этому пустому и самонадѣянному человѣку.

Я рѣшился уѣхать и утѣшалъ себя тѣмъ, что Вѣра будетъ удивлена, быть можетъ опечалена моимъ внезапнымъ отъѣздомъ. Мнѣ хотѣлось объявить о немъ съ нѣкоторымъ эффектомъ, и потому я отправился къ Томскимъ съ намѣреніемъ быть необычайно любезнымъ и веселымъ, и прощаясь, сказать спокойно: я ѣду завтра въ Петербургъ. Это рѣшеніе дало мнѣ силу войдти веселѣе обыкновеннаго въ кабинетъ старушки; она взглянула на меня и вѣроятно угадала многія изъ чувствъ, меня волновавшихъ, потому что послѣ двухъ, трехъ незначащихъ фразъ, сказала мнѣ:

— Какъ вы кстати пріѣхали! Мнѣ прислали нынче изъ Петербурга старинные бюсты и вазы. Я хочу поставить ихъ въ гостиной; помогите мнѣ, а ты, Вѣра, придешь послѣ со всѣми гостями, чтобы подать свое мнѣніе, когда они будутъ разставлены.

Я подалъ руку старушкѣ, и мы дошли до парадной гостиной въ глубокомъ молчаніи. Что-то говорило мнѣ, что судьба моя рѣшается.

— Принеси вазы и бюсты, сказала старушка лакею, который отворялъ передъ нами настежь двери гостинной.

— Сядемъ-те, обратилась она ко мнѣ.

Я сѣлъ; мысли мои были спутаны. Я между прочимъ думалъ и о томъ, говорить ли нынче, что я ѣду завтра. Сказать это, значило непремѣнно уѣхать на другой день. Уѣхать! это приводило меня въ отчаяніе. Углубленный въ собственныя мысли и ощущенія, я почти забылъ, что я не одинъ, и за чѣмъ пришелъ въ полуосвѣщенную гостиную. Голосъ старушки привелъ меня въ себя.

— Вамъ надо ѣхать, произнесла она тихо, но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Такого слова я не ожидалъ. Рѣшеніе мое перемѣнилось мгновенно.

— Я не могу ѣхать, у меня есть дѣла. Но позвольте мнѣ спросить у васъ, чѣмъ я заслужилъ отъ васъ такое слово. За что вы изгоняете меня?...

— Я не гоню васъ изъ моего дома, я только совѣтую. Вы любите Вѣру... не прерывайте меня: вы любите Вѣру быть можетъ съ самаго того дня, какъ узнали ее короче. Любовь ваша свободна отъ эгоизма...

— Богъ видитъ, сказалъ я со слезами на глазахъ, какъ я люблю ее! Но развѣ такая любовь какъ моя, любовь, безпритязательная и лишенная эгоизма, заслуживаетъ изгнанія? Развѣ я оскорбилъ ею васъ или Вѣру Павловну, развѣ пренебрегъ приличіями? И если слово приличіе сорвалось съ языка моего, то конечно не я, а другіе пренебрегаютъ, другіе...

Она положила свою морщинистую руку на мою руку и прервала меня:

— Безъ горечи, безъ упрековъ, — къ чему они? Я прошу васъ уѣхать и буду говорить съ вами откровенно. Я люблю, я уважаю васъ. Всѐ что̀ будетъ въ моей власти, будетъ сдѣлано за васъ и для васъ. Я боюсь увѣрять васъ въ успѣхѣ; еслибъ я ошиблась, еслибъ *мы* ошиблись, это было бы слишкомъ горько. Не надобно однако терять надежды. Я сильно надѣюсь за васъ; нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вы нравились Вѣрѣ, и на васъ сошелся ея и мой выборъ; но судьба, случай рѣшили иначе; пріѣздъ Кочетова все измѣнилъ. Я еще однако надѣюсь. Надѣйтесь и вы. Быть можетъ черезъ полгода, много черезъ годъ, вы получите отъ меня письмо; это будетъ значить, что дѣло наше выиграно, что мы побили общаго врага нашего.

— Развѣ вы не желаете видѣть Вѣру Павловну за Кочетовымъ? Развѣ онъ вамъ не нравится? Всѣ увѣрены въ противномъ! воскликнулъ я съ удивленіемъ. Она улыбнулась.

— Увѣрены! что̀ мнѣ за дѣло, въ чемъ увѣрены другіе? Еслибъ вы знали, въ чемъ иногда увѣрена алчная до скандала толпа! Я знаю, что многіе осуждаютъ меня, но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ. Мнѣ надо одного—счастія Вѣры, и я убѣждена, что она была бы счастлива съ вами. Когдо-то вы ей нравились, и она еще и теперь уважаетъ васъ. Я каждый день говорю съ нею о васъ и о другихъ; она ничего не скрываетъ отъ меня. Уѣзжайте и — надѣйтесь!

Я бросился къ старушкѣ, взялъ обѣ ея руки и осыпалъ ихъ поцѣлуями.

— Полноте, сказала она ласково, не безъ волненія въ голосѣ; быть можетъ добрый геній Вѣры поможетъ намъ. Неужели я не увижу счастія внучки въ замѣну... Старушка не договорила, сдѣлала надъ собою усиліе, встала и сказала почти спокойно:

— Разставьте скорѣе вазы и позовите Вѣру и гостей нашихъ сюда.

Скоро въ дверяхъ появилось все небольшое общество Степаниды Семеновны; позади всѣхъ, отставъ немного отъ другихъ, Кочетовъ велъ Вѣру, и склонившись къ ней, говорилъ ей что-то въ полголоса. Она была одушевлена, и внутреннее чувство зарумянило щеки ея. Сердце мое забилось, когда я взглянулъ на нее, но я пересилилъ мое волненіе, вступилъ въ общій разговоръ и шутилъ довольно удачно. Скоро однако эта поддѣльная веселость истощила мои силы, я замолчалъ и молча сидѣлъ за ужиномъ между Вѣрой и ея пріятельницей.

— Что съ вами? спросила у меня Элиза З**. Вы то смѣетесь, то молчите какъ осужденный.

— Мнѣ нынче грустно, отвѣчалъ я. Я долженъ проститься со всѣми вами.

— Какъ? воскликнули двѣ дамы, особенно любившія мое общество.

— Право такъ; я получилъ приказаніе и ѣду завтра въ Петербургъ.

Вѣра обратила ко мнѣ лицо свое; мнѣ показалось, что ей было жаль меня, но она не сказала ни слова.

— Зачѣмъ вы не сказали этого прежде? замѣтилъ мнѣ кто-то.

— Я и самъ не зналъ прежде; приказаніе пришло сегодня утромъ.

— Ѣдете! сказалъ Кочетовъ, и молчите цѣлый вечеръ! Признайтесь, вы хотѣли произвести эффектъ своимъ отъѣздомъ и поразить всѣхъ насъ! Кажется, вы достигли цѣли. Я хотѣлъ отвѣчать, но Вѣра взглянула на меня; ей было непріятно неделикатное замѣчаніе Кочетова, и взоръ ея умолялъ меня молчать.

— Можно ли жалѣть о комъ нибудь, когда вы съ нами, сказала смѣясь Элиза З**, обращаясь къ Кочетову. Вы безъ сомнѣнія утѣшите насъ.

— Постараюсь, отвѣчалъ Кочетовъ на тотъ же насмѣшливый тонъ, только рѣзче, но—не всѣхъ вдругъ! Дмитрій Матвеевичъ

Ливинъ (мое имя) оставляетъ здѣсь, какъ я вижу, цѣлый полкъ плакальщицъ.

Лиза З** не считала себя побѣжденною; между ею и Кочетовымъ завязались шутливыя, но колкія рѣчи. Кочетовъ не умѣлъ отшучиваться и былъ больше грубъ, чѣмъ остроуменъ. Вѣра поспѣшила выручить его, забывая меня. Этого только недоставало. Встали изъ-за стола и начали разъѣзжаться. Я подошелъ къ Степанидѣ Семеновнѣ. Она принялась распрашивать меня, когда я ѣду, на долго ли и какъ кончилъ возложенное на меня порученіе. Я надѣялся, что Кочетовъ уѣдетъ, но напрасно расчитывалъ на великодушіе и деликатность со стороны моего счастливаго соперника. Онъ рѣшился переждать меня. Я видѣлъ, что дѣлать нечего, и вставъ, поцѣловалъ руку старушки; она пожелала мнѣ счастливаго пути весьма спокойно и даже холодно. Я подошелъ къ Вѣрѣ. Она имѣла деликатность отойдти со мной въ сторону.

— Желаю вамъ счастія, сказалъ я ей, и не успѣлъ кончить, какъ Кочетовъ былъ уже между нами съ какимъ-то пустымъ вопросомъ. Вѣра въ первый разъ отвѣчала ему сухо и обратилась ко мнѣ; она была тронута, и казалось понимала причину моего неожиданнаго отъѣзда. Я чувствовалъ, что сердце мое переполнилось и хотѣлъ сказать что-то, но старушка взглянула на меня и сдѣлала мнѣ едва замѣтный знакъ. Я понялъ его, поклонился и пошелъ къ дверямъ. Полный участія взоръ Вѣры проводилъ меня.

— До свиданія, сказала она мнѣ вслѣдъ.

— Не думаю, долетѣли до меня слова ея бабушки? Зачѣмъ ему воротиться? къ тому же служба его...

Больше я не слыхалъ; я сбѣжалъ съ лѣстницы и бросился въ сани.

На другой день рано утромъ лихая тройка мчала меня по гладкой дорогѣ. Я вспоминалъ каждое слово старушки и силился надѣяться. Въ Петербургѣ занятія по службѣ, поглощая все мое вниманіе, не могли однако, избавить меня отъ мучительной тоски, слѣдствія неизвѣстности. Я жадно искалъ пріѣзжихъ изъ Москвы и распрашивалъ у нихъ о томъ, что происходило въ домѣ Томскихъ. Вѣсти были одинаковы: всѣ ждали свадьбы Вѣры, но она не была еще объявлена. Наконецъ одинъ

изъ послѣднихъ пріѣхавшихъ сказалъ мнѣ, что сестра его, пріятельница Вѣры, слышала отъ нея самой, что она дала слово Кочетову. Эта вѣсть сразила меня. Я побѣжалъ домой и провелъ дня три или четыре въ самомъ сильномъ горѣ. На пятый день я получилъ письмо слѣдующаго содержанія; оно было отъ Степаниды Семеновны:

«Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ, милый мой Дмитрій Матвеевичъ,—и однако говорю вамъ, что я еще не со всѣмъ потеряла надежду и не отказываюсь отъ борьбы. Борьба опытности съ молодостью и неопытностію. Я еще не приступала къ болѣе сильной борьбѣ: она осталась за мною, въ запасѣ для крайняго случая. Я говорю теперь о несомнѣнной и горячей привязанности Вѣры ко мнѣ, основанной на двадцатилѣтней жизни нашей душа въ душу, о моей заботливости о ней, заботливости, которую она цѣнитъ, о моемъ постоянномъ желаніи дѣлать все, какъ ей хочется, и баловать ее до нельзя. Въ первый разъ въ жизни ея настоящее чувство не согласно съ моимъ желаніемъ, и я не знаю, не отступится ли она отъ любви своей, если я рѣшусь попытать ея любовь ко мнѣ и во имя этой любви просить ее не совершать своего собственнаго несчастія. Все это однако въ будущемъ. Вотъ настоящее положеніе дѣлъ: вскорѣ по вашемъ отъѣздѣ я рѣшилась говорить съ Кочетовымъ; мнѣ пришла странная, но конечно не неблагоразумная мысль заставить его самого отказаться отъ Вѣры, затронувъ его самолюбіе. Къ несчастію это не удалось. Пользуясь отсутствіемъ Вѣры, я приняла Кочетова и сказала ему, что его явное предпочтеніе компрометируетъ мою внучку, что я рѣшилась положить этому конецъ, и прошу его перестать ѣздить въ домъ, или формально просить руки ея. Что я предвидѣла, то и случилось. Этотъ самонадѣянный и самолюбивый человѣкъ подумалъ тотчасъ, что я ловлю его и хочу женить скорѣе, боясь упустить его милліоны. Не отказываясь отъ Вѣры, онъ принялся однако доказывать мнѣ, что конечно не онъ своимъ поведеніемъ могъ скомпрометировать Вѣру, а что сама она такъ сильно любитъ его, что подаетъ поводъ говорить о себѣ. Мало того, онъ признался мнѣ съ глупымъ самодовольствомъ и наглостію, что самъ чувствуетъ, что Вѣра поступаетъ неосторожно, но что жь дѣлать?—любовь все оправдываетъ. Въ заключе-

ніе разговора онъ просилъ у меня позволенія переговорить съ Вѣрой и на другой день пріѣхать ко мнѣ, чтобы покончить *это дѣло*. Это были собственныя слова его. Зная мою любовь къ Вѣрѣ, мою материнскую гордость, вы можете себѣ вообразить, чего мнѣ стоило выслушать все это терпѣливо и разыграть роль женщины, навязывающей дочь свою богатому жениху. Я видѣла ясно, что если онъ не сватается тутъ же, то изъ мелкаго самолюбія, для того чтобы заставить меня подождать до завтра его рѣшенія, его *доброй воли*. Я снесла и это. У меня была надежда. Я хотѣла и дѣйствительно разказала Вѣрѣ весь разговоръ мой съ нимъ. Я надѣялась, что гордость ея будетъ оскорблена, и что она на другой день откажетъ ему сама. Увы! гордость ея покорилась любви, или лучше, тому ослѣпленію, которое владѣетъ ею до сихъ поръ. Она смутно чувствуетъ, что этотъ человѣкъ не совсѣмъ достоинъ ея, что онъ имѣетъ много недостатковъ, и однако столько любитъ его, что не хочетъ разбирать, сознаваться, и идетъ очертя голову, съ дерзостію юности, къ вѣчному несчастію, слѣдствію замужства безъ симпатіи и взаимнаго уваженія. Выслушавъ меня, Вѣра много плакала и повторяла: «Вы не такъ его поняли! Онъ не могъ сказать этого!» На другой день Кочетовъ явился, имѣлъ объясненіе съ Вѣрой и просилъ у меня руки ея. Я была опутана собственными сѣтями, но и здѣсь узелъ не совсѣмъ затянулся. Я дала мое согласіе съ тѣмъ, чтобы оно осталось тайною до тѣхъ поръ, пока мы не воротимся изъ деревни; причина этому та, сказала я, что я хочу посовѣтоваться съ роднымъ дядею Вѣры, ея бывшимъ опекуномъ, который могъ бы оскорбиться, узнавъ, что она помолвлена безъ его совѣта и одобренія. Вѣра согласилась охотно, Кочетовъ также, и вотъ около двухъ недѣль, какъ онъ живетъ въ моей подмосковной. Я не потеряла еще надежды на разрывъ между нимъ и ею, тѣмъ болѣе, что теперь, при большемъ сближеніи, разность ихъ правилъ, характеровъ и чувствъ должна же наконецъ сказаться. Если этого не случится, я вызову дядю Вѣры, и мы оба постараемся открыть ей глаза, тѣмъ болѣе, что я еще ни разу рѣзко не говорила съ нею и никогда еще, во имя любви моей къ ней, во имя ея любви ко мнѣ, не требовала никакой жертвы. Ужели она откажетъ мнѣ?

«Я берегла Вѣру, и не могла однако уберечь ее отъ любви къ недостойному ея человѣку. Мнѣ всегда казалось, что излишекъ молодости долженъ быть истраченъ въ удовольствіяхъ, въ разсѣяніи, въ вихрѣ житейскомъ. Я доставила Вѣрѣ все это и долго радовалась ея спокойствію, безмятежности ея сердца и зрѣлости ума, который сама развила въ ней; но все это было утрачено при первой встрѣчѣ съ любовью. Не смотря на то, я убѣждаюсь, что была права; Вѣра любитъ, но ея любовь не такъ сильна, не такъ поглощаетъ всю ее, какъ любовь тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которыя съ дѣтства сосредоточивали въ себѣ всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ стремленія. Онѣ отдаются вполнѣ, любятъ со страстію, ничѣмъ несдержанною, и часто губятъ все свое будущее, если предметъ любви ихъ не вполнѣ ихъ достоинъ. Будемъ надѣяться, что Вѣра моя избѣгнетъ этой страшной участи.

« Вчера я говорила съ ней объ васъ; ваше воспоминаніе ей дорого, и она цѣнитъ васъ все больше и больше. Онъ любилъ тебя, сказала я ей, и любилъ преданно и нѣжно. — Я знаю это! отвѣчала она мнѣ вздыхая. Вообще она стала задумчивѣе и трезвѣе съ тѣхъ поръ, какъ увѣрилась, что Кочетовъ женихъ ея, и что я не стану между нимъ и ею, чего она такъ боялась, послѣ того какъ я разказала ей мой разговоръ съ нимъ. »

Дальше было еще нѣсколько ободрительныхъ словъ, и письмо оканчивалось. Сколько разъ перечиталъ я его, какъ много думалъ, какъ разбиралъ каждое слово, какъ нетерпѣливо ждалъ другаго письма! Въ теченіе лѣта я получилъ еще одно очень краткое письмо. «Все идетъ хорошо для насъ, писала мнѣ старушка; скоро я надѣюсь дать вамъ болѣе утѣшительный и подробный отчетъ о нашихъ дѣлахъ.»

Осенью я получилъ послѣднее письмо отъ старушки. Она не напрасно надѣялась на свѣтлый умъ, доброе сердце и деликатность внучки своей. Сближеніе такихъ разнородныхъ натуръ, какъ натура Вѣры и Кочетова, привело ихъ обоихъ къ взаимной холодности; бабушка воспользовалась очень ловко первымъ проявленіемъ этого чувства и искусно стала дѣйствовать на Вѣру. Скоро разрывъ былъ неминуемъ и совершился къ крайнему счастію старушки; Вѣра вздохнула свободно и

поняла всю глубину пропасти, куда стремилась. Въ январѣ старушка вызвала меня въ Москву, а осенью я былъ мужемъ Вѣры. Сколько разъ она говорила мнѣ о своей любви, о своемъ ослѣпленіи и о томъ участіи, которое показала ей бабушка, когда она впервые вступила въ борьбу съ собственнымъ чувствомъ! Вѣра знала всю мѣру любви бабушки къ себѣ, я зналъ всю мѣру ея опытности. Она была великій дипломатъ, эта добрая старушка, и житейская тонкость, хитрость и смѣтливость не исключали въ ней ни искренности, ни чрезмѣрной доброты. Женившись на ея внучкѣ, ставъ близокъ съ нею, полюбивъ ее очень нѣжно, я все еще не зналъ ничего объ ея прошедшемъ, кромѣ тѣхъ немногихъ словъ, въ которыхъ графъ Каменинъ очеркнулъ мнѣ какую-то любовь ея къ неизвѣстному мнѣ барону, имя, котораго я не слыхалъ еще ни отъ жены моей, ни отъ ея бабки. Однажды, разсматривая портреты, висѣвшіе надъ письменнымъ столомъ старушки, въ спальнѣ ея, я остановился, пораженный контрастомъ двухъ лицъ, глядѣвшихъ другъ на друга изъ двухъ медаліоновъ, обдѣланныхъ въ золото. Это были мужскіе портреты; одинъ изъ нихъ имѣлъ холодное, нѣсколько угловатое, но красивое и умное лицо. Другой былъ также красивъ, но его голубые глаза глядѣли добродушно, и нѣжностію дышало все лицо его, хотя строгія черты его говорили о чемъ-то другомъ, неподкупно честномъ и прямомъ.

— Чьи это портреты? рѣшился я спросить у старушки.

— Первый—портретъ мужа моего, второй — портретъ лучшаго его друга—моего друга тоже — портретъ барона Бельштейна. Вы слыхали объ немъ?

— Слышалъ, сказалъ я смущаясь.

Она взглянула на меня и печально улыбнулась. Выслышали басню или клевету; приходите нынче вечеромъ, когда я буду одна. Я дамъ вамъ мои записки. Прочтите ихъ. Въ нихъ есть быть можетъ урокъ для васъ—вы скоро будете отцемъ; былъ бы урокъ и для мужа, да онъ вамъ не нуженъ. Вы не требовательны и не властолюбивы. Къ тому же вы слишкомъ любите Вѣру и мягки сердцемъ и нравомъ.

Вечеромъ старушка отдала мнѣ большую тетрадь. Это были ея записки. Вотъ онѣ.

II.

Въ жизни моей нѣтъ ничего слишкомъ поразительнаго или слишкомъ трагическаго; но не смотря на то, она сложилась не совсѣмъ обыкновенно. Я родилась въ богатомъ и знатномъ домѣ; у отца моего кромѣ меня былъ сынъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ, а самъ онъ жилъ постоянно въ Москвѣ. Первые годы моего дѣтства незамѣчательны. Я была хороша собою, меня рядили какъ куклу и часто выносили въ гостинную, гдѣ мать моя съ удовольствіемъ и гордостію показывала меня гостямъ своимъ; часто меня осыпали поцѣлуями, восхищались моею красотой и нарядомъ, смѣялись дѣтскому лепету и тотчасъ опять уводили въ дѣтскую. Няня моя, Нѣмка, родившаяся въ Россіи, обожала меня; я сама любила ее больше матери, которую видала однажды въ день, да и то на нѣсколько минутъ. Она заходила ко мнѣ или поутру, отправляясь въ гости, или пріѣзжая изъ гостей. Отецъ оставался дольше ея въ моей комнатѣ, и я помню какъ сквозь сонъ, какъ, сидя на его колѣняхъ, я заглядывалась на расшитый золотомъ мундиръ, играла его орденами и звѣздами. Эти годы быстро миновались. Надо было думать о моемъ воспитаніи, и мнѣ взяли гувернантку, дѣвушку лѣтъ тридцати, и перевели меня въ другія болѣе просторныя комнаты. Я продолжала спать съ няней; въ сосѣдней комнатѣ помѣщалась Анна Панкратьевна, моя гувернантка, а третья комната была наша класная и гостиная. И эти годы первоначальнаго ученія прошли быстро. Анна Панкратьевна была умная, добрая, очень образованная женщина, съ сердцемъ до крайности чувствительнымъ. Она желала дать мнѣ широкое образованіе и требовала непремѣнно, чтобы, кромѣ ея, со мною занимались извѣстнѣйшіе учители города. Въ пятнадцать лѣтъ я знала отлично языки, училась физикѣ, ботаникѣ, даже алгебрѣ. Мать моя улыбалась, когда Анна Панкратьевна отдавала ей отчетъ о моихъ урокахъ, и обыкновенно разговоръ кончался такъ:

— Ну, а что же рисованіе и особенно музыка? Стеня успѣла въ музыкѣ?

— Да, она занимается ею очень охотно.

— И прекрасно. Я признаюсь, не вижу никакой пользы въ ея другихъ занятіяхъ: къ чему все это? Впрочемъ дѣлайте, какъ хотите. Я требую только, чтобы развиты были таланты-Музыка, танцы, пѣніе, если у нея будетъ голосъ,—это главное; все прочее вздоръ.

— Однако будущая мать семейства должна быть образована, говорила съ жаромъ Анна Панкратьевна; она должна быть по другой мужа, матерью, то есть, воспитательницею дѣтей.

Маменька смѣялась.

— Полноте, говорила она; во-первыхъ что̀ за слово: *подруга?* по нашему жена, безъ высокаго слога, попросту! Жена должна умѣть принимать гостей, распорядиться домомъ, быть пріятною мужу. Все прочее—пустяки. Что же касается до воспитанія дѣтей, то это совсѣмъ не ея дѣло. Пусть бѣдные воспитываютъ дѣтей сами; Стеня будетъ богата и выйдетъ за мужъ за богатаго, и если у нея будутъ дѣти, то возьметъ учителей и гувернантокъ. Вотъ и воспитаніе; при деньгахъ это не трудно. Впрочемъ теперь пусть она учится, — elle pourra briller dans le monde, grâce à son éducation soignée. Кстати, что̀ качуча? Лучше ли ты танцуешь ее теперь? Что̀ говоритъ M-lle Gullin?

— Я танцую па-де-шаль, маменька, сказала я.

— Отчего же не качучу?

— Я запретила ей, сказала Анна Панкратьевна, серіозно глядя на мать мою. Она уже не маленькая, ей пятнадцать лѣтъ, и этотъ танецъ кажется мнѣ неприличнымъ для дѣвушки ея лѣтъ.

Маменька вспыхнула.

— Какіе пустяки! сказала она. Стеня дитя и долго будетъ дитятей: не вбивайте ей вздора въ голову. Я хочу, чтобы она танцовала качучу. Да прикажите ей сдѣлать платье покороче. Elle a l'air d'une naine, cette enfant avec ces longues jupes. Завтра у меня вечеръ; Стеня сойдетъ и будетъ танцовать качучу или гавотъ.

— Стеня, подите къ себѣ, сказала мнѣ Анна Панкратьевна.

Я поцѣловала руку матери и вышла. Анна Панкратьевна воротилась черезъ полчаса вѣроятно настоявши на своемъ. Я не только на другой день не танцовала качучи, но даже не сошла въ гостиную. Почти съ этого дня я еще рѣже стала показываться въ гостиной и постоянно сидѣла въ своей класной. Иногда, и то рѣдко, заходила ко мнѣ мать, но я не имѣ-

ла права войти къ ней въ комнату безъ позволенія даже и въ тѣ часы, когда она была совсѣмъ одна. Обыкновенно она присылала за мной вечеромъ; я заставала ее въ уборной, которая была ярко освѣщена; она сидѣла у туалета своего, покрытаго розовымъ чахломъ съ кружевами, противъ серебрянаго богатѣйшей работы зеркала, и причесывалась, окруженная нѣсколькими горничными. Когда я входила, она улыбалась мнѣ, иногда трепала меня по щекѣ и обращалась къ зеркалу. Я, опершись на локоть, глядѣла въ глаза ея. Мать моя была прекрасна: что за бѣлизна кожи, что за блескъ глазъ, что за миніятюрное личико, что за ручка, что за ножка! Я любовалась ею. Иногда у меня вырывались слова похвалы.

— Какъ вы милы, мама!

— Право? говорила она. Поди сюда, дурочка, посмотри на меня. Какъ ты думаешь лучше, такъ или эдакъ приколоть косу?

— Такъ лучше, мама.

— Ну, смотри же, я завтра скажу тебѣ спасибо, если совѣтъ твой будетъ хорошъ. Если я буду авантажна, Марья Павловна N* непремѣнно будетъ увѣрять меня, что прическа мнѣ не къ лицу. Всѣ эти женщины такія коварныя!

— Неужели мама? отчего это?

Но мать моя не отвѣчала мнѣ.

— Petite, говорила она, подержи ленту, вотъ такъ! какъ ты ловка — втрое ловчѣе моихъ камеристокъ. Я буду всегда посылать за тобой — хочешь?

— Пожалуста, мама: я васъ такъ мало вижу.

— Мнѣ некогда; но полно, не болтай; держи вотъ такъ, да гляди не на меня, а на бантъ. Какая скучная, минуты не постоитъ покойно.

И когда наконецъ туалетъ оканчивался, она отходила отъ серебрянаго зеркала къ зеркалу псише и долго осматривалась; потомъ спрашивала, который часъ, натягивала перчатки наскоро, говорила вскользь: хорошо ли? и не дожидаясь отвѣта, вскрикивала: ай, ай, я опоздала! Съ этимъ словомъ послѣдній воланъ ея воздушнаго платья и вившаяся за нимъ лента исчезали за дверью. Я печально брела къ себѣ; въ моемъ воображеніи рисовался еще ея образъ, такой граціозный, привлекательный, свѣжій, и я со вздохомъ ложилась спать, сожалѣя, что мама опоздала на вечеръ, и уѣз-

жая, не успѣла даже поцѣловать меня. Такимъ образомъ я почти каждый день видѣла ее за туалетомъ и не могла, не смотря на всѣ мои усилія, найти случая поговорить съ ней, еще менѣе приласкать ее. Однажды, въ порывѣ дѣтскаго восторга, видя ее такою красивою и нарядною, я бросилась ей на шею. Она такъ испугалась, что оттолкнула меня и закричала:

— Ты съ ума сошла—что съ тобой? Развѣ ты не видишь, что на мнѣ цвѣты en bouillonné. Все сомнешь. Бываютъ же такія фантазіи! Но что съ тобой? прибавила она, оправляя платье и взглянувъ на меня печально. Слезы—quelle bêtise! Поди сюда, что за глупости, дурочка!

Съ этимъ словомъ она поцѣловала меня и поспѣшила уѣхать. Я вышла въ этотъ день изъ уборной матери печальнѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Анна Панкратьевна, слѣдившая внимательно за малѣйшимъ движеніемъ моимъ, спросила, что со мною.

— Аня, сказала я, называя ее уменьшительнымъ именемъ, которое я привыкла давать ей съ дѣтства, мнѣ грустно ходить вечеромъ къ маменькѣ.

—Развѣ она не ласкова къ тебѣ, развѣ она нынче была не въ духѣ?

— Напротивъ, она даже поцѣловала меня, что не всегда случается; но я желала бы, чтобы она бранила меня, да только бы больше обращала на меня вниманія. Вообще моя жизнь скучная. Я всегда на верху, иногда схожу обѣдать внизъ, да и то рѣдко, и если гостей нѣтъ, а вечеромъ мы всегда одни—ты да я. Маменька выѣзжаетъ поутру, выѣзжаетъ вечеромъ; папа поутру въ совѣтѣ, послѣ обѣда отдыхаетъ, вечеромъ въ клубѣ или на балѣ: я ихъ не вижу. Да и когда *они* видятся? Кажется такъ же мало, какъ мы ихъ видимъ. Аня, помнишь ли ты? мы на дняхъ читали съ тобою романъ Августа Лафонтена: тамъ описана другая жизнь—жизнь семейная: старикъ-отецъ и мать, которые любятъ другъ друга и любятъ еще больше себя двоихъ дѣтей; дѣти всегда съ ними. Вотъ настоящее счастіе! А у насъ что? Брата я не знаю, отца и мать тоже. Знаешь, Аня, я часто мечтаю о маленькомъ домикѣ, небольшой простой гостиной, кругломъ столѣ, вокругъ котораго собирается семейство. Эта тихая жизнь мнѣ была бы по сердцу. Отецъ, мать, братья, сестры... За чѣмъ у меня нѣтъ хотя сестры!

— А я развѣ не старшая сестра твоя?

— Конечно, Аня, но все грустно.

— Дитя мое, сказала Аня печально, во всякомъ классѣ общества свои условія, свои требованія. Отецъ твой служитъ; онъ долженъ поддерживать свои связи, и мать твоя помогаетъ ему въ этомъ. Счастіе вездѣ: онъ счастливъ съ твоей матерью — въ той средѣ, гдѣ ему суждено жить.

— Не нравится мнѣ это счастіе, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго.

— Ты судишь, ничего не понимая; та жизнь, о которой ты мечтала, жизнь мѣщанская. Издали, читая романъ, тебѣ кажется, что въ ней есть поэзія, есть прелесть, но посмотри вблизи—сколько заботъ, сколько лишеній! Бѣдность, другъ мой, не легко переносится. Ты, напримѣръ, не можешь вообразить, чего мнѣ стоило оставить стариковъ, отца и мать, и идти въ чужой домъ, воспитывать чужихъ дѣтей.

— Ахъ, Аня!

— Ты теперь не чужая мнѣ, но надо было свыкнуться съ тобою, полюбить тебя. Знала ли я прежде, что найду и полюблю тебя?

— За чѣмъ ты шла къ чужимъ?

— Денегъ не было, Стеня. Отецъ мой разорился въ конецъ; счастье мое, что я получила воспитаніе: благодаря ему, я не только не въ тягость моимъ родителямъ, не еще сама помогаю имъ. Благодари Бога, что ты родилась богатою, выбери себѣ мужа по сердцу, выбери человѣка достойнаго, и ты узнаешь, что семейное счастье возможно и при богатствѣ, что при немъ оно и прочнѣе и полнѣе.

— Но какъ я узнаю это, если мужъ мой будетъ требовать, чтобы я жила, какъ живетъ маменька? Какъ ей не наскучитъ все это? Сколько ей лѣтъ, Аня?

— По моему, сказала моя старуха няня, вмѣшиваясь въ нашъ разговоръ, твоей матери лѣтъ тридцать шесть, если не тридцать семь.

— И до тридцати семи лѣтъ ей не наскучило танцовать и рядиться! воскликнула я.

— Надо покоряться своей участи, и мать твоя хорошо сдѣлала, что покорилась ей.

Мы замолчали.

— О чемъ ты думаешь? спросила у меня Аня.

Я заплакала.

— Что съ тобою? воскликнула она тревожно.

— Ахъ, Аня! я думаю...не брани меня, или я не буду смѣть сказать тебѣ...

— Если ты даже думаешь не хорошо, такъ ужь виновата. Скажи мнѣ свою мысль, я объясню тебѣ или вину твою, или недоумѣніе.

— Я думаю, что моя настоящая мать—ты, Аня. Маменька уже слишкомъ легко покорилась своей участи; ей не тяжело не видать меня, не знать меня, потому что вѣдь она не знаетъ меня. Она не покорилась своей участи, а не проще ли? не сама ли она избрала ее? Еще вчера отецъ сказалъ ей, что я большая, и пора бы ей заняться мною; но она отвѣчала, что я дитя, и увѣряла отца, что мнѣ только тринадцать лѣтъ, и что она сама еще молода и хочетъ веселиться.

Аня слушала меня съ недовольнымъ видомъ, и суровый взглядъ ея прервалъ мою рѣчь. Я замолчала и потупила голову.

— Такъ вотъ плоды моихъ заботъ о тебѣ! заговорила Аня. Я еще не окончила твоего воспитанія, ты не успѣла еще выйдти изъ класной, какъ ужь обратила умъ, данный тебѣ Богомъ на то, чтобы осуждать, и кого же?—родную мать! Страшно вымолвить! Нѣтъ счастья на землѣ для дѣтей, осуждающихъ родителей, нѣтъ на нихъ Божьяго благословенія. Еслибъ и нашлись недостатки у родителей, закрой глаза и старайся не видѣть ихъ: помни только ихъ ласки и заботы о тебѣ. Жалѣла ли твоя мать денегъ, не только для твоего образованія, но даже для твоихъ прихотей? Ты ставишь ей въ вину то, что она скрываетъ твои года. Знаешь ли, что шевельнулось въ глубинѣ души твоей при этомъ обвиненіи? Досада, что тебя считаютъ за ребенка, и эта досада тотчасъ перешла въ осужденіе. А быть можетъ мать твоя скрываетъ твои года для твоей же пользы. Она боится слишкомъ рано показать тебя въ свѣтъ, гдѣ каждый твой взглядъ, каждое неосторожное слово будутъ замѣчены. И какъ ей не бояться твоего ранняго замужства! Ты богата; самые недостойные люди, тѣ, которые ищутъ не женщины, а однѣхъ денегъ, будутъ стараться увлечь тебя. А въ семнадцать лѣтъ,

дѣвушка—дитя. Ты не подумала объ этомъ, и что же? за нѣжную предусмотрительность матери ты платишь обвиненіемъ. Стыдно, Стеня. Пойми, что ты глубоко виновата передъ нею, и проси Бога простить тебѣ этотъ первый важный проступокъ. Не такъ должно начинать жить, едва вышедши изъ дѣтства.

— Полноте бранить ее, сказала няня, которая не могла видѣть обильныхъ слезъ моихъ. Что грѣха таить, мать мало любитъ ее, и ужь вовсе не заботится о неіі. Ее одна заря выгонитъ изъ дома, а другая вгонитъ. Развѣ такія бываютъ матери? Вотъ я жила у генеральши Баклушиной, она...

Никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ, не видала я Ани въ такомъ припадкѣ гнѣва. Она буквально засыпала укорами мою Эмилію и заставила ее замолчать. Это вмѣшательство няни было мнѣ не въ радость. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Аня была со мною холоднѣе обыкновеннаго и съ упорствомъ возвращалась, при всякомъ удобномъ случаѣ, къ нашему разговору, доказывая сильнѣе прежняго, какъ я неправа, и сколько неблагодарности и заносчивости заключалось въ словахъ моихъ. Я молчала и ласкала Аню, обвиняя себя съ горькимъ раскаяніемъ. Я не смѣла, не хотѣла, силилась не думать о матери, но упорная дума о ней меня преслѣдовала. Я молилась, но и въ молитвѣ будто навѣтъ злаго духа шепталъ мнѣ, что я не любима моими родителями. Наболѣвшее дѣтское сердце мое высказывало горе лишь однѣми слезами. Наконецъ я нашла въ себѣ самой причину моихъ недочетовъ и одиночества и рѣшила, что меня не любятъ, потому что любить меня не за что. Но эта новая мысль не внесла утѣшенія въ сердце: я сдѣлалась только печальнѣе и задумчивѣе прежняго. Аня замѣтила эту перемѣну и больше прежняго стала заниматься со мною. Она не давала мнѣ минуты свободной; я была постоянно занята уроками или работой; больше прежняго мы ходили гулять, и гораздо меньше прежняго гуляли. Аня такъ боялась моей впечатлительности, что всякая книга казалась ей опасною, и она запретила мнѣ перечитывать тѣ изъ невинныхъ романовъ, которые когда-то были моимъ единственнымъ развлеченіемъ въ длинные зимніе вечера. Мы много занимались музыкою, и къ вечеру я всегда была такъ утомлена занятіями, что ложилась спать раньше обыкновеннаго. Аня была странная

дѣвушка; она была добра, кротка, очень сентиментальна, но по прежнему старалась быть со мною искренней. Не смотря однако на ея старанія казаться всегда разсудительною и положительною, она безпрестанно проговаривалась, и когда она противорѣчила мнѣ, я угадывала, что она втайнѣ согласна со мною. Такимъ образомъ слова ея имѣли очень мало на меня вліянія, хотя я любила ее очень горячо и уважала ее очень глубоко. Да и какъ было не уважать ея, видя ея безкорыстіе, преданность и любовь ко мнѣ? Отношеній моихъ съ матерью она не могла перемѣнить; она не умѣла говорить съ нею, и ей оставалось одно: стараться примирить меня съ моею долей, что она и дѣлала. Прошелъ еще годъ. Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, когда Аня получила письмо отъ отца своего, который извѣщалъ ее о смерти матери и просилъ дочь пріѣхать къ нему немедленно. Потрясенная внезапною потерей, Аня собралась въ два дня, и только въ минуту разлуки со мною, ея переполненное печалію сердце не выдержало вѣчнаго принужденія: она съ жаромъ цѣловала меня, обливала меня слезами, и вырвавшись изъ моихъ объятій, передала меня Эмиліи, говоря: Берегите ее, Эмилія, любите ее: у неи, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

Въ этотъ день я не сошла внизъ къ обѣду. Я не имѣла силы ни показаться на глаза къ отцу и матери, ни приняться за пищу. Первое наше горе сражаетъ насъ сильно; въ послѣдствіи, надломленные и затвердѣлые въ буряхъ жизни, мы научаемся, съ болью въ сердцѣ, не измѣнять обыкновенному ходу привычекъ жизни. Мы обѣдаемъ, наряжаемся, стараемся быть любезными, словомъ, жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ, только тоска сосетъ сердце, а умъ, отуманенный печалію, машинально занятъ тѣми, кто окружаетъ насъ.

Тотчасъ послѣ обѣда мать и отецъ пришли ко мнѣ. Я сидѣла въ уголку, на скамейкѣ, опершись руками на сундукъ няни.

— Что съ тобою? сказала маменька тревожно, и отчего ты здѣсь, а не въ классной? Еслибъ ты могла видѣть себя въ уголкѣ, у этого сундука, лицомъ къ печкѣ. Ah, mon enfant! si vous pouviez vous douter combien vous êtes ridicule!

Я взглянула на ея улыбающееся, свѣжее лицо, на ея щегольской нарядъ, и залилась горячими слезами.

— Да что съ ней? спросила маменька у Эмиліи.

— Развѣ ты не понимаешь, сказалъ ей отецъ, садясь подлѣ меня и обнимая меня, развѣ ты не понимаешь, что она осиротѣла? Анна Панкратьевна уѣхала нынче утромъ.

—Какъ, Стеня, это ты съ пяти часовъ утра до шести вечера плачешь о гувернанткѣ! возразила маменька улыбаясь. Какія глупости! какая экзальтація! Полно, душа моя. Смѣшно сходить съ ума по гувернанткѣ: точно у тебя умерла мать. Чтòжь бы ты стала дѣлать, если бы я умерла?

— Оставь ее въ покоѣ, сказалъ отецъ сердито, и нѣжно поцѣловалъ мои выбившіеся изъ-подъ гребня волосы.

Мать моя замолчала: ей очевидно было неловко; она прошлась по комнатѣ, заглянула въ класную, замѣтила, что тамъ не убраны книги, и направилась къ дверямъ. Остановившись на порогѣ, она сказала нянѣ:

— Если у Стени заболитъ голова,—какъ не заболѣть отъ такихъ слезъ?—пришлите тотчасъ за мною; или нѣтъ, я должна выѣхать; просто пошлите за докторомъ сейчасъ же. Ей надо дать успокоительное, она такъ взволнована.

— Не надо, маменька, благодарствуйте, я здорова. Вы такъ добры.

Я поцѣловала ея руку.

— Ну полно, глупенькая, успокойся, а вы Эмилія Карловна пошлите за докторомъ, все-таки лучше.

— Куда ты спѣшишь? сказалъ отецъ моеи матери. Посиди лучше съ нами.

Она возвратилась и сѣла около насъ. Минуту длилось молчаніе.

— Надо подумать о другой гувернанткѣ, сказала мать. Я была довольна Анной Панкратьевной, надо-же было ей потерять мать и уѣхать. Это несносно; эти гувернантки—совершенное мученіе. Или онѣ ни куда не годятся, или если случайно попадешь на хорошую, у нихъ не кстати умираютъ матери, сестры, — кто ихъ знаетъ! Теперь надо искать другую, и Богъ вѣсть какая попадется. А нельзя же оставить Стеню одну; надо какъ можно скорѣе замѣнить Анну Панкратьевну.

— Ее никто не замѣнитъ, мама; да я и не хочу другой. Мнѣ никого не надо.

— Ты ничего не понимаешь, сказала мнѣ мать, и это со-

всѣмъ не твое дѣло: тебѣ возьмутъ другую гувернантку, и ты должна любить ее и слушаться во всемъ.

Отецъ мой всталъ и вышелъ; мать пошла за нимъ.

— Какъ это вы не умѣете приласкать дочери, когда она въ горѣ? право, я удивляюсь. Я слыхалъ, что у матерей есть такія слова, которыя утѣшаютъ дѣтей; но вы, кажется, и не подозрѣваете ..

— Я не люблю сентиментальныхъ сценъ, возразила мать моя, сходя съ лѣстницы, и признаюсь, не понимаю, чего вы отъ меня требуете. Я люблю дѣтей, но не умѣю нѣжничать каждую минуту.

Отецъ мой пожалъ плечами; это было его привычкой, когда онъ напрасно старался убѣдить мать мою въ чемъ нибудь. Женившись по любви, онъ долго не видалъ недостатковъ моей матери, и когда увидѣлъ ихъ, то созналъ въ тоже время, что не можетъ перевоспитать ее. Онъ не любилъ ни ссоръ, ни сценъ, и всегда избѣгалъ ихъ, оставляя мать мою жить какъ ей хочется. Занятый дѣлами службы, хозяйствомъ домашнимъ и сельскимъ, онъ мало имѣлъ свободнаго времени и былъ счастливъ, когда могъ отдохнуть дома. Изъ-за бездѣлицъ онъ мало спорилъ съ женою, но въ важныхъ случаяхъ умѣлъ настоять, и мать моя знала это. Сколько разъ случалось мнѣ слышать, что отецъ, возвышая голосъ, говорилъ твердо: я не хочу этого. Мать моя умолкала и утѣшалась тѣмъ, что накупала себѣ нарядовъ и принималась выѣзжать больше прежняго.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ уроки мои были прерваны, меня позвали въ кабинетъ матери, гдѣ я нашла длинную, сухую, пожилую Француженку, которой меня отрекомендовали, какъ воспитанницу. Не знаю, что̀ говорили ей объ мнѣ, но изъ обращенія ея со мною я заключила, что она была предупреждена о наклонности моей къ сентиментальности. Она безъ жалости смѣялась надо мною всякой разъ, какъ только замѣчала тѣнь печали на моемъ лицѣ, и неминуемо заговаривала объ Анѣ; но я не отвѣчала ни слова и не говорила о ней ни при комъ, хотя постоянно думала и писала къ ней очень часто. Моя новая гувернантка требовала, чтобы письма эти проходили черезъ ея руки, во избѣжаніе чего я упро-

сила Эмилію отсылать ихъ тайно. Такимъ образомъ изъ того, что не хотѣли понять самой невинной и законной привязанности моей къ гувернанткѣ и другу, я научалась скрытности и хитростямъ. Жизнь моя съ Аней, полная занятій, долгихъ прогулокъ и пріятныхъ бесѣдъ, миновалась безвозвратно. Я не ладила съ моею гувернанткой и получала безпрестанные выговоры отъ матери. Моя класная казалась мнѣ тюрьмой и возбуждала во мнѣ отвращеніе, смѣшанное съ томящею скукой. Я желала перемѣны во что бы то ни стало и чаще прежняго сходила внизъ, что было весьма по сердцу моей гувернанткѣ, которая очень сошлась съ моею матерью. Она сдѣлалась еще требовательнѣе и обращалась со мною какъ съ ребенкомъ. Выборъ книгъ для моего чтенія зависѣлъ отъ нея, и будто на перекоръ тому, что дѣлала Аня, она отобрала у меня почти всѣ мои любимыя книги, говоря, что считаетъ ихъ или ненужными, или вредными. Чтеніе было моимъ послѣднимъ убѣжищемъ, послѣднимъ утѣшеніемъ моего одиночества. Бывало, изъ любви къ Анѣ, я не заглядывала въ тѣ книги, о которыхъ она говорила: «это не для тебя»; а теперь я стала красть книги изъ библіотеки отца, а по вечерамъ ложилась рано въ постель и читала ихъ далеко за полночь. Моя добрая Эмилія спала крѣпко, а если и просыпалась, то ей никогда не входило въ голову спросить, что я читаю? Я читала много, безъ всякаго разбора, и брала книги подъ рядъ съ высшей полки шкафа до низшей. Романы, поэмы, исторіи, путешествія — мнѣ было все равно; я читала съ жадностію, и если не прочла кое-какихъ романовъ, попадавшихся мнѣ подъ руку, то единственно потому, что какое-то тайное, мнѣ самой непонятное чувство отталкивало меня отъ чтенія грязныхъ сценъ или соблазнительныхъ описаній. Найдя такимъ образомъ пищу жадному уму и страстному сердцу, я уже не заботилась о томъ, какъ проходилъ день мой, и ждала вечера съ нетерпѣніемъ. Новая гувернантка моя, найдя съ моей стороны столько уступчивости, вообразила себѣ, что она меня совершенно перевоспитала, и перестала меня преслѣдовать насмѣшками, совѣтами и жалобами. Мало-по-малу уроки мои съ нею прекратились; я знала языки такъ же хорошо, какъ и она, и по собственному моему желанію я сохранила только уроки музыки и пѣнія. У меня былъ боль-

шой и сильный голосъ. Рояль мой стоялъ въ залѣ, и я выпросила себѣ позволеніе приходить по вечерамъ внизъ, когда никого не было дома. Гувернантка моя совершенно привыкла къ этому, спокойно оставалась на верху, вышивала по канвѣ, читала или принимала гостей, которые часто посѣщали ее. Я же уходила въ пустую, темную, большую залу, играла и пѣла, оставаясь тамъ очень поздно. Въ моей памяти еще и теперь свѣжи, полны поэзіи, тайны и прелести, эти быстро пролетѣвшіе вечера. Обыкновенно зала не была освѣщена; я приносила съ собою двѣ свѣчи, ставила ихъ на фортепьяно, и порой долго блуждала по залѣ, прежде чѣмъ принималась за музыку. Эта длинная зала, съ стукковыми бѣлыми стѣнами, съ высокими окнами, на которыхъ висѣли длинные, бѣлые, мягкими складками падающіе занавѣсы, была для меня полна прелести и причудливыхъ призраковъ. Иногда я блуждала въ роскошныхъ, слабо освѣщенныхъ одинокими лампами гостиныхъ; забывалась входя въ магически начертанную на паркетѣ арку луннаго свѣта, проникавшаго черезъ широкія полукруглыя окна; часто сидѣла неподвижно подъ сѣнію широколиственныхъ музъ или пальмъ, возвышавшихся въ углахъ гостиной, около которыхъ стояли какъ привидѣнія массивные канделябры, одѣтые въ бѣлые кисейные покровы; иногда я всматривалась въ длинную, неясную анфиладу комнатъ, полную таинственнаго полумрака: вотъ оттуда идетъ мнѣ на встрѣчу знакомый и уже милый призракъ, идетъ и подаетъ мнѣ руку. Я вздрагивала и бросалась въ залу, гдѣ садилась за фортепьяно и подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній долго не могла ни пѣть, ни играть. Мысли тѣснились въ головѣ моей, странныя, непонятныя чувства наполняли сердце. Оно чего-то ждало, чего-то надѣялось, чего-то боялось. Я ждала любви и не скрывала этого отъ себя. Я хотѣла любить, жадно хотѣла испытать то блаженство взаимности, описанія котораго взволновали мое воображеніе. Но если и я, говорила я себѣ, буду несчастлива, подобно героинямъ романовъ, — чтожь такое? Я умру, но за то я испытаю, что̀ такое любовь, и скажу какъ Текла Шиллера: я жила и любила! Набродившись вдоволь, намечтавшись и утомившись, я садилась за фортепьяно и пѣла любимыя мои мелодіи. А между тѣмъ дни проходили за днями; но я была все такъ же одинока какъ и прежде, а это

одиночество еще болѣе усиливало во мнѣ жажду ощущеній, жажду новизны. Иногда, сидя на верху, я слышала далекій шумъ праздника; говоръ, музыка, достигали до меня изъ гостиной; на улицѣ слышался крикъ жандармовъ и стукъ экипажей; въ эти минуты пробуждалась моя молодость, моя живость. Какъ хотѣлось мнѣ нарядиться, сбѣжать внизъ, пуститься танцовать! Въ эти минуты пропадала моя мечтательность; призраки семейной жизни, тихаго существованія, деревенской жизни, даже самый образъ того, кого я должна полюбить, образъ, созданный моимъ воображеніемъ,—все это блѣднѣло и изчезало. Мнѣ хотѣлось жить, веселиться, кружиться; словомъ, сказывалась молодость, и дѣйствительность одолѣвала тотъ міръ фантазіи, въ которомъ я жила постоянно. Но это увлеченіе бывало непродолжительно. Лишь только смолкалъ послѣдній звукъ шумнаго праздника, какъ дѣйствительность покидала меня, и я по прежнему принималась жить въ томъ мечтательномъ мірѣ, который создавала моя фантазія.

Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Отецъ мой замѣтилъ матери, что пора бы ей иногда брать меня съ собою и позволить мнѣ при гостяхъ сходить внизъ. Мать упорно противилась: она даже не соглашалась брать меня въ театръ, подъ различными предлогами Ихъ было не мало; то піеса была не по мнѣ, то я должна была больше заниматься музыкой и готовить урокъ мой, то было холодно, и я могла простудиться. Ко всему этому не разъ было высказано мнѣніе (уставъ свѣтскихъ матерей), что дѣвушку не должно показывать въ свѣтъ прежде ея торжественнаго выѣзда, чтобы не испортить того эффекта, который она должна произвести на всѣхъ красотою своею. Какъ бы то ни было, но мать моя всегда находила причину оставлять меня дома; во мнѣ было еще столько дѣтскаго, не смотря на развитіе ума, на созрѣвшее для всѣхъ недѣтскихъ ощущеній сердце, что я часто бросалась на шею къ Эмиліи и горько плакала, при чемъ Эмилія уже не щадила моей матери. Однажды у нея вырвалось слово, которое освѣтило незавидную мнѣ перспективу и заставило меня отвернуться отъ ней съ ужасомъ.

—Полно плакать, сказала няня, отецъ выдастъ тебя замужъ, онъ найдетъ тебѣ жениха. Ты будешь жить своимъ домомъ,

будешь сама хозяйка, станешь рядиться и выѣзжать. Ей сорокъ лѣтъ: она не хочетъ брать тебя съ собою, потому что ты красавица; она завидуетъ твоей молодости и красотѣ. Чтожь, ей сидѣть у стѣнки что ли, пока ты будешь танцовать? Мать, нечего сказать!

— Молчи, няня, молчи, воскликнула я съ ужасомъ, не смѣй говорить такъ о маменькѣ. Это неправда, это грѣшно.

— Ну, ну, не буду: успокойся только, бѣдное дитя мое. И то грѣхъ, грѣхъ великой; но видя твои слезы, обмолвилась неумышленно.

Отгадавъ тайну моей матери, я совершенно покорилась своей участи. Бѣжали однообразные дни, тихо проходили поэтическія ночи, полныя грезъ, мечтаній, дѣвическаго бреда, все больше и больше разгаралось воображеніе, росла поэтическая настроенность, населяя мое одиночество невиданными, но знакомыми сердцу образами.

Наконецъ и образъ этотъ воплотился; онъ преслѣдовалъ меня всюду, преслѣдовалъ до того, что я, катаясь въ санкахъ, боялась глядѣть на прохожихъ. Чтоже былъ это за образъ? Люди благоразумные, пожалуй, будутъ смѣяться. Не смѣйтесь; часто, очень часто случайность рѣшаетъ судьбу нашу, еще чаще рѣшаетъ она судьбу мечтательной дѣвушки, развитіе которой было неправильно. Въ кабинетѣ отца моего висѣлъ огромный старинный портретъ. Онъ представлялъ мущину въ широкомъ плащѣ, конецъ котораго закинутъ былъ на плечо. На головѣ молодаго Испанца была шляпа съ широкими полями, надвинутая на бѣлый высокій лобъ. Изъ-подъ шляпы выбивались пряди бѣлокурыхъ волосъ, блестѣли смѣлые, темные глаза, какъ кораллъ пунцовыя, мягкихъ очертаній, губы невыразимою прелестью приковывали взоръ ; въ нихъ было столько доброты, столько нѣжности и страстности, что я помню до сихъ поръ, какъ, мало по малу засматриваясь на портретъ, я дошла до того, что видѣла его и во снѣ и на яву. Однажды отецъ засталъ меня передъ портретомъ и воскликнулъ:

— Ну что, тебѣ нравится? Не правда ли, чудо какъ написанъ?

— Я бы хотѣла скопировать эту картину; позвольте, папа!

— Изволь, другъ мой, только это не картина, а портретъ.

— Портретъ! чей, папа? вскричала я съ замирающимъ сердцемъ.

— Портретъ моего дѣда.

— Но развѣ тогда носили такіе костюмы? это Испанецъ.

— Мой дѣдъ былъ чистый Русакъ; взгляни только на эти русые кудри! Однажды (онъ былъ красавецъ, какъ сама видишь) онъ одѣлся Испанцемъ и явился на придворный маскерадъ, гдѣ прельстилъ всѣхъ своею красотой. Вѣроятно въ воспоминаніе этого вечера онъ заказалъ свой портретъ въ этомъ костюмѣ. Возьми его, если хочешь, и сдѣлай копію; да съумѣешь ли?

—Постараюсь, папа.

И вотъ на другой же день я сѣла за работу; работа шла медленно, я больше глядѣла на портретъ и думала, чѣмъ рисовала. Богъ вѣсть, какихъ повѣстей, романовъ, приключеній не выдумала я! и вездѣ, всегда, дѣйствовали онъ и я,—не прадѣдъ мой, который тлѣлъ въ могилѣ, а живой, полный любви и страсти молодой человѣкъ. Черты портрета врѣзались въ мою память, и по этому образу жилъ, дышалъ и любилъ меня тотъ, котораго создала моя фантазія; я такъ предалась мечтамъ, что уже не скучала, и только порою томилась ожиданіемъ. Оно сбылось очень скоро.

Однажды утромъ я сошла внизъ и вбѣжала въ гостиную за позабытою тамъ книгой. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣла мать мою и подлѣ нея молодаго, высокаго мущину! Я испугалась, остановилась, потупила голову и не знала, идти ли впередъ или назадъ.

— Стеня, это ты? сказала мнѣ мать, и обратясь къ молодому человѣку, прибавила: это дочь моя. Подойди Стеня, познакомься; это кузенъ нашъ, Леонъ Томскій, правнукъ нашего общаго дѣда, котораго портретъ ты списываешь.

Я сгорѣла отъ стыда, какъ будто мать моя могла знать или видѣть мою тайну; я не смѣла взглянуть на Леона, боясь прочесть удивленіе или насмѣшку въ глазахъ его, и поклонилась ему молча; но онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ мою руку, поцѣловалъ ее, подержалъ въ своихъ рукахъ и сказалъ матери моей, пристально глядя на меня:

— Какое милое дитя! Сколько ей лѣтъ?

— Ей скоро минетъ четырнадцать, отвѣчала моя мать. Она

довольно велика ростомъ для своихъ лѣтъ. Ну, поди теперь къ себѣ: у тебя вѣрно есть уроки. Гдѣ madame Lacombe?

Я вышла. Никогда еще обращеніе матери не казалось мнѣ такъ обидно. Четырнадцать лѣтъ! повторяла я, и остановилась передъ большимъ зеркаломъ, въ которомъ фигура моя отражалась съ головы до ногъ. Оно подтвердило слова моей матери; дитя, лишенное деревенскаго воздуха и движенія, воспитанное какъ растеніе въ теплицѣ, я была мала ростомъ, миніатюрна и блѣдна. Ребенокъ! я дѣйствительно ребенокъ, повторяла я съ досадой. Когда къ обѣду я опять сошла внизъ, я сѣла поодаль и могла украдкою разглядѣть Леона. Онъ былъ строенъ, хорошъ собою, но не походилъ на общаго нашего прадѣда; развѣ только его русые кудри, да смѣлые глаза напоминали о чемъ-то родственномъ. Изъ общаго разговора за обѣдомъ, въ который я, разумѣется, не имѣла права вставить ни слова, я узнала, что Леонъ пріѣхалъ изъ Харькова, съ рекомендательнымъ письмомъ своей матери къ отцу моему; она убѣдительно просила его опредѣлить сына въ службу, и если возможно, взять подъ свое непосредственное начальство. Отецъ мой обѣщалъ сдѣлать все это, а пока пригласилъ Леона приходить къ намъ каждый день, какъ въ домъ близкій и родственный. Мать моя была чрезвычайно любезна съ гостемъ и много распрашивала его о прежней жизни; дивилась и сожалѣла, узнавъ, что мать Леона почти всегда живетъ въ деревнѣ, и предсказывала ему, что онъ скоро забудетъ тихую деревенскую жизнь. Леонъ возразилъ, что онъ учился и жилъ въ самомъ Харьковѣ, на что̀ мать моя сказала, что Харьковъ и всякій провинціальный городъ—таже деревня. Когда вышли изъ-за стола, я не могла, не смотря на все мое желаніе, уловить ни взгляда, ни слова матери, которыя бы дали мнѣ возможность остаться въ гостиной. Я ушла на верхъ и цѣлый вечеръ не могла ни читать, ни работать. Я безпрестанно задумывалась, но задумывалась какъ-то иначе, чѣмъ прежде. Волшебные замки разлетѣлись прахомъ и исчезли, какъ исчезаютъ мыльные пузыри отъ дуновенія вѣтра. Новою жизнью повѣяло на меня, и новый живой образъ возникъ передо мною. То былъ образъ Леона; я еще не любила, но дума о немъ не покидала меня цѣлый вечеръ.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, я видала Леона очень часто, но всегда въ присутствіи моей семьи. Я могла слушать, что̀ говоритъ онъ, могла смотрѣть на него, но не могла, да и не желала говорить сама съ нимъ.

Да и что̀ могла я сказать ему? Въ продолженіе этого мѣсяца я успѣла убѣдиться, что горячо и много люблю его. Сидя утромъ на верху я давала полную свободу моему воображенію, строила планы и живо представляла себѣ наше сближеніе, нашъ первый разговоръ, первое признаніе: а между тѣмъ встрѣчаясь съ нимъ, я убѣждалась каждый день, что ничѣмъ еще не обратила на себя его вниманія. Онъ не замѣчалъ меня, онъ даже ни разу не обращался ко мнѣ съ самою незначущею фразой. Онъ былъ занятъ одною моею матерью, и мнѣ часто казалось, что онъ ухаживаетъ за ней. Непринужденная любезность моей матери, ея обращеніе съ Леономъ полное родственнаго участія, смѣшаннаго съ какою-то нѣжностію, было мнѣ досадно. Я въ свою очередь завидовала свободѣ, которою пользовалась моя мать, и приняла намѣреніе измѣнить мое положеніе въ семействѣ, держать себя взрослою дѣвушкой и тѣмъ обратить на себя вниманіе Леона. Но лишь только я входила въ гостиную, какъ холодная цѣпь привычки сковывала по прежнему мой языкъ, и я не могла рѣшиться вставить свое слово въ общій разговоръ. Я дѣлалась нѣма и неподвижна, нѣмѣе и неподвижнѣе чѣмъ прежде, чѣмъ когда нибудь. Однажды я рѣшилась и съ замираніемъ сердца принудила себя вступить въ разговоръ; но это не удалось мнѣ. Мать взглянула на меня сурово, хотя отвѣтила мнѣ ласково, а вечеромъ Madame Lacombe, возвратившись отъ матери, прочла мнѣ длинную рѣчь о томъ, какъ неприлично дѣвочкѣ, почти дитяти говорить, когда ее не спрашиваютъ. Я не отвѣчала ни слова, понявъ, отъ кого идетъ нравоученіе, и безъ борьбы, безъ новыхъ попытокъ, покорялась своей незавидной участи. Съ тѣхъ поръ, утомленная борьбою съ собственнымъ безсиліемъ, съ невозможностію перемѣнить въ чемъ нибудь тотъ порядокъ, который былъ введенъ въ домѣ, въ отношеніи ко мнѣ, я заключилась больше чѣмъ когда нибудь въ моемъ недоступномъ теремѣ и только являлась къ обѣду, не оставаясь даже пить кофе по окончаніи его. Быть можетъ, думала я, мое новое поведеніе будетъ за-

мѣчено или имъ, или матерью; но ожиданія мои не сбылись. Я, очевидно, не обращала на себя ничьего вниманія и была въ этомъ домѣ послѣднимъ лицемъ, какъ слуга безъ рѣчей въ старинной комедіи. Я продолжала любить Леона по своему, издали, тою мечтательною любовію, которою мы умѣемъ любить только въ ранней юности, при первоначальной свѣжести впечатлѣній и невинности дѣвическихъ помысловъ. Я любила ловить его взглядъ, его улыбку; я вслушивалась въ звукъ рѣчей его, запоминала его слова, изучала его вкусы, и въ тишинѣ моей комнаты любила вспоминать все это. Я ничего не ждала отъ будущаго, я уже перестала строить планы, ничего не надѣялась и жила въ настоящемъ, питаясь моею любовію. По прежнему сходила я каждый вечеръ, играла на фортепьяно и пѣла; по прежнему вечеромъ бродила я по комнатамъ дома, но бродила уже занятая не какими нибудь фантастическими образами, а однимъ Леономъ. Ежеминутно стоялъ онъ передо мною, въ моемъ воображеніи; сколько разъ и съ какою несказанною довѣрчивостію я пересказывала ему мысленно всю повѣсть моего повидимому безцвѣтнаго существованія, но въ сущности такъ переполненнаго чувствами, которыхъ я не могла повѣрить никому. Случалось, что горячія непрошенныя слезы заливали мнѣ лице и вдругъ возвращали меня къ жалкой дѣйствительности, гдѣ томило меня одиночество.

Однажды я долго сидѣла одна. Въ домѣ никого не было; не было даже людей въ передней, которые имѣли похвальное обыкновеніе уходить, лишь только хозяева уѣзжали со двора. Эта тишина, это безмолвіе обширныхъ покоевъ, гдѣ въ полумракѣ мелькали дивныя очертанія статуй и едва блестѣли золотыя рамы темныхъ картинъ, все это вносило тишину и успокоеніе въ мое молодое, обуреваемое чувствами сердце. Побродивъ, наплакавшись, утомившись, я сѣла за фортепьяно и долго импровизировала. Потомъ принялась за пѣніе. Помню, что въ этотъ вечеръ я съ особеннымъ чувствомъ, съ такимъ чувствомъ, отъ котораго трепетало мое собственное сердце, пѣла:

Assise au pied d'un saule

и голосъ мой звучный, сильный, высокій раздавался въ пустой залѣ. Я не слыхала, какъ отворилась дверь, не слыхала, какъ

кто-то подошелъ ко мнѣ, и окончивъ романсъ, сильно грянула по клавишамъ какую-то фугу, какъ будто ею желала заглушить томленіе сердца. Въ эту минуту кто-то коснулся руки моей, и знакомый голосъ, прозвучавшій нѣжностію и отдавшійся въ самой глубинѣ души моей, сказалъ мнѣ:

— Спойте еще, прошу васъ.

Я вздрогнула; я была нѣма и неподвижна отъ изумленія и страха. Передо мною стоялъ Леонъ—самъ Леонъ;— это былъ не сонъ, это были не грезы. Я не могла вымолвить ни слова, и вѣроятно блѣдность лица говорила за меня, потому что онъ взялъ опять меня за руку и сказалъ тревожно:

— Боже мой! я кажется испугалъ васъ; простите меня, ради Бога, простите.

Онъ глядѣлъ на меня пристально и повторилъ, не выпуская руки моей:

— Уже ли я могъ такъ сильно испугать васъ?

— Это ничего, пройдетъ, сказала я шопотомъ, силясь заставить замолчать мучительное, безумно-бурное біеніе сердца.

— Но какимъ образомъ вы однѣ, здѣсь, въ этихъ пустыхъ, темныхъ комнатахъ? Гдѣ ваша гувернантка? Можно ли оставлять васъ одну?

Въ одно мгновеніе сердце мое перестало биться—оно смолкло; досада овладѣла мною. Я нашла силу (послѣ я не могла надивиться этому) улыбнуться и сказала довольно насмѣшливо:

— Вы кажется какъ и всѣ считаете меня ребенкомъ; знаете ли вы, который мнѣ годъ?

— Вчера я думалъ, что вамъ четырнадцать лѣтъ, и не обращалъ на васъ ни малѣйшаго вниманія; нынче, сію минуту я узналъ, что вы взрослая дѣвушка, женщина, а сколько вамъ лѣтъ—мнѣ все равно. Такъ пѣть, какъ вы пѣли, можетъ только женщина въ полномъ развитіи чувства, въ полномъ сознаніи страсти. У васъ удивительный талантъ и страстное, горячо любящее сердце.

Я слушала его безмолвно и наклонившись къ клавишамъ извлекала изъ нихъ грустные аккорды.

— Спойте же еще, прошу васъ. Спойте что нибудь. Если бы вы знали, какое наслажденіе слушать васъ.

— Не могу, право не могу, прошептала я, начиная играть.

Я играла долго; онъ безмолвно слушалъ меня. Я умолкла.

— Что это за піеса, откуда? Изъ какой оперы? спросилъ онъ.

— Незнаю, сказала я.

— Не знаете! Возможно ли это?

— Право не знаю; я часто импровизирую на какую нибудь тему; это одно изъ моихъ величайшихъ удовольствій, это одно мое утѣшеніе.

— Утѣшеніе! воскликнулъ онъ, вы несчастливы!

— О нѣтъ, сказала я испугавшись; о нѣтъ, какимъ образомъ отчего я могу быть несчастлива?

Настало молчаніе и длилось долго. Онъ вѣроятно думалъ обо мнѣ, я думала о немъ и о томъ, что наконецъ случай свелъ насъ;—нѣтъ, я ни о чемъ не думала, я была испугана и счастлива.

— Какъ вамъ должно быть скучно, сказалъ онъ наконецъ, и какъ ваше положеніе странно. Я надѣюсь однако, что оно скоро измѣнится.

— Какъ? спросила я.

— Вы выѣдете въ свѣтъ: вотъ уже важная перемѣна. Потомъ васъ выдадутъ замужъ.

— Никогда! воскликнула я необдуманно, и испугавшись этого восклицанія, потупила голову.

— Что никогда? спросилъ онъ: не выйдете замужъ, или непозволите выдать себя?

— Непозволю выдать себя, а выберу сама.

— Едва ли, возразилъ онъ. Это мнѣ кажется и невозможнымъ, да и ненужнымъ.

— Какъ? сказала я живо: ужели вы думаете, что такой важный шагъ въ жизни принадлежитъ не одной мнѣ, касается не до одной меня? Позволить отдать себя замужъ не значитъ и отказаться отъ самаго завиднаго, самаго святаго права? Могу ли я выйти за человѣка, котораго не буду любить? Никогда! Никогда!

Онъ поглядѣлъ на меня съ грустію.

— Вы знаете ли, что такое борьба?

— Съ собою—знаю.

— Съ другими—близкими и милыми?

— Не знаю.

— Ну, такъ испытайте сперва.

— Я замолчала и подумала: кто мои близкіе и милые? Ихъ не было; но вмѣсто ихъ передо мною открылась цѣлая перспектива. Я испугалась ея.

— Я опечалилъ васъ, сказалъ онъ мнѣ кротко, простите меня. Надо признаться, что наше знакомство очень странно, потому что, и вы согласитесь съ этимъ, я только сейчасъ познакомился съ вами.

— Вы—да, сказала я просто, неподозрѣвая, что уже высказывалась, говоря такъ.

— А вы,—нѣтъ? спросилъ онъ быстро.

— Я давно многое въ васъ замѣтила, сказала я, обдумывая слова мои. Согласитесь, что мнѣ это особенно возможно; я сижу молча и слѣдственно слушаю и замѣчаю.

— Правда, сказалъ онъ, я почти не слыхалъ вашего голоса. Отчего вы всегда молчите?

— Что̀ бы смѣла я говорить? Еслибъ меня и просили говорить, я бы не знала о чемъ.

— Но мы говоримъ же теперь.

— Это разница.

— Какая?

— Право не знаю; я чувствую себя свободною и говорю, что̀ думаю.

— Правда, кузина, и пусть всегда такъ будетъ между нами —хотите?

Онъ протянулъ мнѣ руку, я молча подала ему свою. Въ эту минуту, Богъ вѣсть что̀ шевельнулось въ душѣ моей; мнѣ показалось, что между нами заключился союзъ. Я была и рада и испугана. Пробило полночь.

— Какъ поздно, сказалъ онъ вставая.

— Я часто сижу здѣсь до часа ночи, замѣтила я.

— Неужели? А ваша гувернантка?

— Она вѣроятно уже спитъ; она знаетъ, что я внизу играю на фортепьяно и не заботится обо мнѣ.

— Да, но мнѣ пора домой; прощайте, до свиданія.

Только въ эту минуту мнѣ пришло въ голову, какимъ

образомъ могъ быть Леонъ въ нашемъ домѣ въ этотъ поздній часъ. Я спросила у него.

— Я уже два дня, сказалъ онъ мнѣ, составляю годовой отчетъ по нашему вѣдомству, и такъ какъ всѣ книги и бумаги хранятся у вашего отца, онъ позволилъ мнѣ работать въ своемъ кабинетѣ. Нынче я заработался и засидѣлся дольше обыкновеннаго; вашъ голосъ прервалъ мои занятія, я всталъ въ изумленіи, вошелъ сюда и долго стоялъ позади васъ, упиваясь вашимъ пѣніемъ. Вы мнѣ это простите и позволите приходить васъ слушать?

— Не могу вамъ запретить этого; однако поздно—прощайте.

— До свиданія, сказалъ онъ, цѣлуя мою руку и быстро вышелъ изъ залы.

Я проводила его взглядомъ. Когда онъ исчезъ, неописанная радость завладѣла мною. Чему я радовалась? Я не задала себѣ этого вопроса. Мнѣ было весело, я упивалась струею живой жизни, которая впервые коснулась меня. Пока я была въ залѣ, я была какъ въ чаду, но вошедши въ себя, я вдругъ опомнилась. Мое свиданіе съ Леономъ было такъ странно, такъ неожиданно, что я едва смѣла вѣрить собственной памяти и краснѣла вспоминая слова свои. Ужели ему, едва знакомому человѣку, я могла, я смѣла высказать часть моихъ сокровенныхъ надеждъ и желаній? Не сказала ли я ему, что выберу сама, и выйду замужъ по любви? И какъ я могла рѣшиться сказать ему то, въ чемъ бы ни за что въ мірѣ не призналась ни передъ отцемъ моимъ, ни передъ матерью? Я не могла простить себѣ этихъ словъ и краснѣла за себя. Долго, очень долго я не могла заснуть, и мятежное сердце мое билось все сильнѣе и сильнѣе. Какія разнородныя чувства боролись во мнѣ? Все во мнѣ была тревога, но боязнь преобладала надъ всѣмъ. На другой день я проснулась рано и чувствовала себя несовсѣмъ здоровой. Я боялась идти обѣдать и не могла вообразить себѣ, какъ встрѣчу Леона; мысль, что онъ можетъ сказать матери, что слышалъ мое пѣніе—ужасала меня. А я не предупредила его. Что станется со мною, если мать моя узнаетъ, какъ я провожу часть ночи? Тогда все кончено, послѣдняя моя отрада будетъ отнята у меня; мнѣ запретятъ пѣть вечеромъ. Я рѣшилась, когда увижу его, сдѣлать ему знакъ,

сказать слово, которое бы заставило понять его, что я надѣюсь на его скромность. Несмотря однако на всѣ эти недоумѣнія и сомнѣнія, что-то говорило мнѣ, что Леонъ не измѣнитъ моей, нашей тайнѣ. Я сошла внизъ смѣлѣе, чѣмъ сама могла надѣяться, но несмотря на это, обратила на себя вниманіе отца.

— Что съ тобою, Стеня? спросилъ онъ. Ты ужасно блѣдна сегодня.

При этомъ вопросѣ, Леонъ и моя мать пристально взглянули на меня; я вспыхнула.

— Какая ты дикарка, сказалъ мой отецъ; вся вспыхнула, потому что на тебя смотрятъ. Что это съ тобой?

Я поспѣшила сказать, что у меня болитъ голова.

— Ужь не поздно ли ты ложишься спать, спросилъ отецъ.

— Я легла въ одинадцать часовъ, сказала я робко, и почувствовала, что лице мое горитъ отъ стыда и смятенія. Я чувствовала на себѣ взглядъ Леона и смущалась еще болѣе мыслію, что лгу такъ безсовѣстно въ глазахъ его. Быть можетъ онъ станетъ презирать меня за это? Эта дѣтская, но грустная мысль едва не заставила меня заплакать; однако я преодолѣла себя, и мы сѣли за столъ; въ продолженіе обѣда я не смѣла поднять глазъ на Леона; къ счастію, онъ по прежнему не обращалъ на меня никакого вниманія.

День тянулся безконечно долго; вечеромъ, едва я заслышала стукъ маменькиной кареты, отъѣзжавшей отъ подъѣзда, какъ непреодолимое желаніе сойти внизъ овладѣло мною. Гувернантка моя ждала въ этотъ вечеръ какихъ-то гостей и хлопотала около чайнаго стола, уставленнаго разными булками и бисквитами.

— Куда вы, Стефани? спросила она у меня.

— Внизъ, играть на фортепьяно.

— Успѣете еще; я дивлюсь, какъ это не наскучитъ вамъ?— каждый вечеръ вы спѣшите внизъ, будто на свиданіе.

Я обомлѣла и сѣла на кресло совершенно смущенная; гувернантка моя удивилась.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего, я нынче не хорошо себя чувствую,—у меня голова кружится.

— То-то и есть, и все это отъ вашихъ глупостей. Нынче

даже отецъ вашъ замѣтилъ, что вы блѣдны, а Эмилія говоритъ, что вы играли чуть не до самаго утра.

— Какіе пустяки; я вчера легла спать раньше обыкновеннаго.

— Какъ бы то ни было, я не хочу вамъ позволять такъ долго оставаться внизу. Если пойдете внизъ, играйте не долго и возвращайтесь раньше.

Пріѣхавшіе гости прервали нашъ разговоръ; я сидѣла молча, едва слыша, что говорилось около меня. Желаніе мое уйти внизъ смѣнилось нерѣшимостію и страхомъ. Куда я спѣшу? Зачѣмъ иду? Что онъ обо мнѣ подумаетъ. Было уже десять часовъ, а я все еще сидѣла съ гостями моей гувернантки, печальная, молчаливая и смущенная. Наконецъ всѣ замѣтили мое настроеніе.

— Да что съ вами, Стефани? сказала моя гувернантка. Вы совсѣмъ разстроены; хотѣли идти внизъ въ восемь часовъ, а теперь раздумали.

— Нѣтъ, я иду, сказала я вставая, и мой голосъ такъ задрожалъ, что она пристально взглянула на меня.

— Да что съ вами?

— Ничего, сказала я, выходя поспѣшно изъ комнаты, и потомъ медленно стала сходить съ лѣстницы. Всякій новый шагъ мой стоилъ мнѣ новой внутренней борьбы. Нѣсколько разъ я останавливалась, хотѣла воротиться назадъ, но не могла и все шла впередъ. Когда я взялась за ручку двери, ведущей въ залу, сердце мое дрогнуло и замерло. Онъ тамъ, онъ ждетъ меня. Я сильно толкнула дверь и вошла. Зала была пуста и темна! Въ ней никого не было. Я поставила свѣчи на фортепьяно и сѣла. Долго не могла я играть и сидѣла неподвижно; вдругъ слезы, горячія, обильныя слезы заструились по щекамъ моимъ. Я хотѣла облокотиться, и забывшись, поставила локти на клавиши; они издали протяжный и нестройный звукъ. Въ дверяхъ, отворившихся изъ кабинета въ залу, обрисовалась высокая фигура Леона; темный силуэтъ ея подался впередъ и исчезъ во мракѣ залы; я поспѣшно отерла слезы; но онъ уловилъ это движеніе, быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ участіемъ:

— Вы плачете—что съ вами?

Я молчала.

— Прошу васъ, скажите, что̀ съ вами? Кузина, милая кузина....

— Я не плачу, сказала я тихо.

— Не правда, не правда. Вы не умѣете лгать. Развѣ я не видалъ нынче, какъ вы сгорѣли отъ стыда, когда сказали отцу, что рано легли спать? Вы не умѣете лгать, говорю я вамъ, и признаюсь, вы были необычайно милы въ вашемъ смущеніи.

— Такъ вы не презираете меня? спросила я робко.

— Я! Боже мой! За чтоже? За то ли, что вы, бѣдное дитя, имѣете лишь одно утѣшеніе, одну радость—проводить за роялемъ долгіе, одинокіе вечера, длинныя, безсонныя ночи, послѣ безрадостнаго дня? За кого вы меня принимаете, бѣдное дитя мое?

Слово: *дитя мое*, вмѣсто того, чтобы какъ въ былые дни возбудить во мнѣ досаду, разсмѣшило меня. Я поняла, что онъ жалѣетъ меня очень искренно, что слова его полны непритворнаго участія. Я бы дорого заплатила за возможность прильнуть къ плечу его и выплакать всѣ слезы, накопившіяся во мнѣ.

— Скажите, продолжалъ онъ, ужели вы такъ дурно думаете обо мнѣ? ужели вы сомнѣваетесь въ моемъ сердцѣ?

— Вы добры, сказала я.

— Да, я не золъ, и не могу видѣть спокойно беззащитнаго и нѣжнаго созданія, брошеннаго на волю случая и обстоятельствъ. Я вчера долго думалъ о вашей будущности. Повѣрьте, вы будете счастливы. Вы хороши собой, богаты, знатны; тысяча жениховъ будутъ стараться наперерывъ понравиться вамъ, и вы скоро забудете эти первые годы дѣвической жизни и то одиночество, въ которомъ томились до сихъ поръ. Что̀ вы молчите—вы мнѣ не вѣрите?

— Незнаю, мнѣ все равно.

— О нѣтъ! какъ бы ни была скромна женщина, она не можетъ не радоваться собственному успѣху и торжеству красоты своей. Вы прекрасны—развѣ вы этого не знаете?

— Вы смѣетесь надо мною, сказала я съ недовѣрчивостью.

— Я! поглядите въ зеркало; полюбуйтесь вашими какъ ленъ бѣлокурыми волосами, глубиной и нѣжностію синихъ глазъ и прелестными очертаніями лица. Станъ вашъ воздушенъ и стро-

енъ, кожа ваша—бѣлизны ослѣпительной. Вы могли бы служить моделью для изображенія ангела.

Я закрыла глаза рукою и едва не заплакала: такъ это описаніе красоты моей показалось мнѣ холодно, безсердечно, такъ оно оскорбило меня. Угадалъ ли онъ то, что̀ я чувствовала, я не знаю; но онъ придвинулся ко мнѣ ближе, и отводя силою руки мои отъ лица, говорилъ мнѣ тихо:

— Простите меня—я не хотѣлъ ни оскорбить вашей скромной робости, ни испугать васъ; я хотѣлъ только ободрить васъ. Избытокъ вашей скромности дѣлаетъ васъ еще прекраснѣе.

— Не будемъ говорить обо мнѣ, сказала я тихо.

— Хорошо, будь по вашему. Но о чемъ же мы станемъ говорить?

— Разкажите мнѣ что нибудь о себѣ.

— Обо мнѣ? уже ли моя судьба занимаетъ васъ?

— Да: я однажды слышала, что̀ вы говорили маменькѣ о своей матери. Разкажите мнѣ о ней, о вашемъ дѣтствѣ и молодости. Вы жили сперва въ деревнѣ — я обожаю деревенскій бытъ: тамъ все полно поэзіи и тишины; люди живутъ ближе другъ къ другу, знаютъ и любятъ другъ друга вѣрно больше, чѣмъ въ городѣ.

— Не знаю, не всегда. Люди тамъ ужь слишкомъ знаютъ другъ друга, ужь слишкомъ близко живутъ другъ отъ друга и слѣдственно слишкомъ вмѣшиваются въ жизнь одинъ другаго. Этого, однако, вы еще никакъ не поймете. Я не люблю деревни, но конечно люблю мать и сестру. Я не могу не любить ихъ—онѣ столько для меня сдѣлали.

— Чтоже? спросила я невольно.

— То, что̀ вы едва ли поймете. Не отнимайте вашей ручки, не сердитесь на меня; вы не поймете, не по недостатку сердца, а по невозможности понять то, о чемъ едва ли слышали. Вы знаете, что̀ такое бѣдность?

— Не знаю, но слыхала.

— Этого недовольно: надо испытать ее, чтобы понять, что̀ она такое. Знаете ли вы, чего все это (онъ взялъ золотую цѣпочку часовъ, довольно красивую и массивную, и приподнялъ ее) стоило моей матери? Это труды безсонныхъ ночей, хлопотливыхъ дней и безчисленныхъ заботъ. Мать моя труди-

лась день и ночь, чтобы одѣть, накормить и воспитать меня; позднѣе она осудила себя на всевозможныя лишенія, чтобы исполнять мои прихоти. Знаете ли, что она съ сестрою шесть мѣсяцовъ не пила быть можетъ чаю, чтобы на прощаніе подарить мнѣ эти часы?

— И вы взяли ихъ? воскликнула я.

— А какъ бы я не взялъ ихъ? это значило бы не только не оцѣнить любви ея, но еще оскорбить ее. Я взялъ ихъ просто и едва ли сказалъ спасибо: за такія вещи не благодарятъ словами. Я только поцѣловалъ ее, и вѣрьте, что знаю, сколько преданности и любви въ сердцѣ матери. Все можетъ погибнуть во мнѣ, все можетъ измѣниться — одно не погибнетъ, одно не измѣнится: желаніе сдѣлать карьеру, пріобрѣсть состояніе, чтобы успокоить ее на старости лѣтъ, чтобы не видѣть потомъ жены, трудящейся для дѣтей, не видѣть дѣтей моихъ въ томъ положеніи, въ которомъ я былъ самъ когда-то.

— Въ какомъ? спросила я.

— Да, я помню то время, когда я ходилъ въ гимназію, и на меня товарищи указывали пальцами, потому что сапоги мои были съ заплатами, а мундиръ мой былъ старъ, и я изъ него выросъ; позднѣе, тоже или почти тоже ждало меня въ университетѣ. Заваленный ученическими работами, я давалъ уроки другимъ, чтобы было чѣмъ жить и одѣться приличнѣе. Это не легко, да и не внушаетъ никому уваженія. Кто что ни говори, я стою на томъ, что бѣдность порокъ, да еще большой. Вотъ почему я поклялся, что отдѣлаюсь отъ него.

— Можно ли говорить такъ? я понимаю, что изъ любви къ матери вы будете трудиться и сдѣлаете себѣ состояніе, пріобрѣтете положеніе; но еслибъ это не удалось, самая бѣдность ваша внушитъ каждому уваженіе и состраданіе къ вамъ.

— Состраданіе, сказалъ Леонъ горячо, — вотъ вы и проговорились. Внушать состраданіе обидно, горько; состраданіе есть не что иное, какъ нравственная милостыня. Но вы не понимаете этого. Хорошо вамъ говорить о бѣдности въ этой раззолоченной залѣ, за этимъ роялемъ, цѣна котораго не равняется годовому доходу моей матери. Состраданіе — благодарю васъ: мнѣ его не нужно.

Онъ говорилъ раздражительно — потомъ замолчалъ, провелъ рукою по лбу и сказалъ спокойнѣе.

— Надѣюсь, разговоръ нашъ останется между нами. Я вѣрю въ васъ. Я довольно знаю людей, и увѣренъ, что вы, взросшія одиноко, умѣете скрывать свои мысли и чувства; вы сосредоточены, много пережили быть можетъ, и конечно не разболтаете, какъ пансіонерка, чужой тайны. Мы теперь поквитались: я показалъ вамъ главную, движущую пружину моего существованія, вы вчера—не то чтобы сказали сами, но я у васъ вырвалъ тайну вашей чувствительной струны.

— Какую? спросила я съ удивленіемъ.

— Что̀ вамъ за дѣло? довольно и того, что я знаю ее.

— Скажите, я хочу знать, что̀ вы думали обо мнѣ.

— Вы не разсердитесь, не оскорбитесь, какъ сей-часъ?

— Нѣтъ.

— Ваша цѣль въ жизни таже, какъ и у многихъ дѣвушекъ: одна любовь. Вы ищите, надѣетесь и просите одной любви. Она придетъ—я вамъ въ томъ порукой.

Я смутилась: мнѣ не пришло въ голову, что онъ сказалъ самую простую мысль. Это исканіе любви могло относиться ко мнѣ, какъ и ко всякой дѣвушкѣ; это не было моею особенностію. Не желая продолжать разговора, напавшаго на скользкую дорогу, я стала играть тихую, задумчивую мелодію. Онъ слушалъ внимательно и вдругъ схватилъ меня за руку. Шт! шепнулъ онъ: отворили дверь гостиной, шаги приближаются.... ради Бога играйте и будьте спокойны.

Съ этимъ словомъ онъ бросился за высокій канделябръ, покрытый чехломъ и стоявшій въ темномъ углу залы, позади моего рояля. Я продолжала громко играть, — но руки мои и сама я дрожали отъ волненія. Дверь отворилась, и madame Lacombe показалась. Я вскрикнула и встала.

— Это я! это я! проговорила она.

— Боже мой, какъ вы испугали меня. Что̀ вамъ надо?

— Я пришла посмотрѣть, что̀ вы дѣлаете. Мнѣ показалось, что вы были нездоровы нынче вечеромъ: вы были такъ странны.

— Я совершенно здорова, но буду больна, если меня бу-

дутъ пугать нечаяннымъ появленіемъ. Я играла здѣсь очень спокойно, вы должны были слышать.

— Да, конечно; вы скоро придете на верхъ? пора спать; пробило одиннадцать часовъ.

— Я приду сей часъ. Дайте мнѣ поиграть еще полчаса.

— Хорошо, сказала madame Lacombe и вышла. Я слышала удалявшіеся шаги ея, слышала, какъ скрипнула опять спасшая насъ дверь, какъ затворилась она, и какъ все умолкло. Леонъ не выходилъ однако изъ своей засады.

— Никого нѣтъ, сказала я ему тихо.

— Посмотрите, пожалуста, нѣтъ ли ея въ гостиной. Поди туда, прошу васъ.

Я удивилась, но встала и вышла со свѣчей въ рукѣ.

Вездѣ было тихо и пусто. Я воротилась къ нему—онъ былъ еще смущенъ.

— Съ чего ей вздумалось прійти сюда? спросилъ онъ у меня.

— Не знаю—она хитрая, подозрительная женщина. Вѣроятно мое замѣшательство и волненіе измѣнили мнѣ; я помню, что голосъ мой дрожалъ, когда я ей сказала, что иду заниматься музыкой.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и любопытствомъ, но не спросилъ ничего, а замѣтилъ только, какъ ему жаль, что гувернантка моя подозрѣваетъ меня, что это лишитъ его возможности приходить иногда поговорить со мною. — Но чтожь дѣлать, прибавилъ онъ: какое счастіе, что чуткое ухо мое спасло насъ. Я была удивлена его волненіемъ.

— Для меня конечно, но для васъ я не вижу гибельныхъ послѣдствій.

— Какое вы дитя, возразилъ онъ горячо. Я принятъ у васъ въ домѣ, какъ родной; обо мнѣ подумали бы Богъ вѣсть что, и вашъ отецъ не только пересталъ бы покровительствовать мнѣ, но пересталъ бы конечно принимать меня; а отъ него зависитъ вся моя будущность. Нѣтъ, надо быть благоразумнѣе; я не буду приходить сюда вечеромъ. Что дѣлать? Надо отказать себѣ и въ этомъ удовольствіи. Прощайте, кузина.

— Прощайте, сказала я холодно, оскорбленная уступкой, на которую онъ такъ скоро рѣшился.

Дни и вечера тянулись и проходили; я каждый вечеръ сходила въ залу, но Леонъ не являлся. Такъ прошла недѣля. Одна дверь раздѣляла меня отъ него, но эта дверь какъ пространство въ тысячу верстъ была недоступна мнѣ. Я должна была сохранить чувство собственнаго достоинства, и мысль сдѣлать первый шагъ къ сближенію не могла быть допущена мною. Я не пѣла и не играла на фортепьяно; я думала, что мое пѣніе или игра могутъ показаться ему призывомъ, а я не хотѣла звать его. Однажды, когда я ходила по залѣ, Леонъ вдругъ явился передо мною.

— Мы въ безопасности, сказалъ онъ: я заперъ двери вокругъ. Я спокоенъ; оттуда нельзя пройти теперь. Скажите, отчего вы не поете и не играете? Какъ лицо ваше сегодня грустно! или вы не рады видѣть меня? А если бы вы знали, какъ я скучалъ безъ васъ въ продолженіе всѣхъ этихъ длинныхъ вечеровъ. Кажется, давно ли я знаю васъ, а между тѣмъ ваша бесѣда сдѣлалась для меня необходимою. Вчера я обдумалъ возможность видѣть васъ безопасно и наконецъ придумалъ средство.

— А если спросятъ, кто заперъ дверь изъ го́стиной?

— Кто же это узнаетъ? уходя вы отопрете ее.

— Но если гувернантка моя опять придетъ сюда?

— Вы отворите и выдумаете предлогъ. Это лучше, чѣмъ еслибъ насъ застали вдвоемъ. Скажите, вы рады видѣть меня? Ужели нѣтъ?

— Ахъ Леонъ! сказала я невольно, и вдругъ испугалась звуковъ этого имени.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, взявъ мою руку и тихо лаская ее свой рукой: я могу быть для васъ Леономъ. Развѣ мы не добрые друзья по симпатіи, которая соединяетъ насъ? развѣ, кромѣ того, я вамъ не родственникъ, хотя я впрочемъ не совсѣмъ твердо знаю, какъ мы родня?

— Кажется у насъ былъ общій прадѣдъ.

— Между нимъ и мною есть маленькая разница, сказалъ Леонъ смотря серіозно на портретъ. Онъ былъ вельможа, богачь и красавецъ; а я послѣдняя отрасль, да и то по женской линіи, обнищавшей и неизвѣстной теперь никому фамиліи. Когда подумаешь, что́ значатъ чины и деньги. Я Томскій! мой родъ старинный,

но что̀ изъ этого? Если бы прадѣдъ всталъ изъ гроба и посмотрѣлъ, что̀ сталось съ внукомъ его старшей дочери. Впрочемъ надо потерпѣть — и я быть можетъ сдѣлаюсь въ свою очередь родоначальникомъ богатаго дома, знатнаго рода.

— Неужели вы только объ этомъ и думаете? Ужели нѣтъ на землѣ иной цѣли, иного счастія? Ужели жизнь тихая и спокойная, посреди любимаго семейства, не манитъ васъ? Неужели для счастія необходимы блескъ, пышность и пустота среди всего этого?

— Зачѣмъ же пустота? Когда есть серіозное занятіе, пустотѣ нѣтъ мѣста. Я не даромъ сынъ моего отца: примѣръ его вѣчно передъ моими глазами. Онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, мало служилъ, не сдѣлалъ себѣ состоянія, умеръ честнымъ человѣкомъ и пустилъ дѣтей и жену только что не по-міру: завидная карьера, нечего сказать! Не могу понять, какъ жили отцы наши — они были вовсе непрактическіе люди. Конечно, и другія блага міра заманчивы. Любовь нѣжность любимой жены, все это заманчиво; но мнѣ рано думать объ этомъ — это пока для меня запретный плодъ. Кто согласится теперь, когда я бѣденъ, когда я совершенно завишу отъ другихъ, раздѣлить судьбу мою, кому я могу быть опорой когда я еще самъ ищу опоры! Вы молоды и еще не знаете, что только могущество, сила, богатство привлекаютъ любовь женщины.

— Неправда, сказала я горячо: есть женщины, которыя способны полюбить бѣднаго человѣка и идти съ нимъ рука объ руку трудною дорогою жизни. Въ неудачѣ любящая жена поддержитъ мужа, при успѣхѣ она вмѣстѣ съ нимъ будетъ радоваться и придастъ ему еще больше силы и твердости для достиженія цѣли. Что̀ же касается могущества, какъ вы выразились, то это лежитъ въ характерѣ. Оно есть и въ васъ; вы избрали себѣ цѣль и пойдете къ ней твердо. Любимая жена не помѣшаетъ вамъ идти, а только поможетъ преодолѣть трудности.

— Нѣтъ, я не довольно твердъ. Еслибъ я шелъ твердо по избранному пути, я бы не былъ здѣсь съ вами. Я много поставилъ на карту. Но чтоже дѣлать? неодолимая сила влечетъ меня къ вамъ; я покоряюсь ей—быть можетъ это къ лучшему.

Сердце черствѣетъ не высказываясь: я не хотѣлъ бы совершенно потерять его.

— Вы дружны съ маменькой; неужели вы никогда не говорили съ ней о себѣ?

— Почему вы полагаете, что я друженъ съ нею?

— Я вижу.

— Положимъ такъ; но ваша мать не одинаково со мною глядитъ на вещи, и многое не поняла бы во мнѣ. Одной стороной моего характера я съ родни ей; я такъ же честолюбивъ и быть можетъ тщеславенъ, какъ она. Но другихъ потребностей моего сердца ей не только не понять, но даже не угадать. Мнѣ надо сочувствія, нѣжности. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ мать и сестру: я привыкъ высказываться съ ними, мнѣ необходимы ихъ нѣжныя попеченія, ихъ заботы. Я привыкъ быть любимымъ — и мнѣ тяжко жить одному. Теперь вы поймете, почему нѣжность вашего сердца, ваше ласковое слово, въ глазахъ моихъ дороже всѣхъ сухихъ и благоразумныхъ совѣтовъ вашей матери. Я не нуждаюсь въ совѣтахъ, я самъ знаю, что̀ дѣлать; я нуждаюсь въ участіи, я ищу дружбы и симпатіи.

Я слушала его молча; мнѣ было такъ радостно, что онъ говорилъ со мной откровенно, что я могла ему замѣнить отсутствующую мать и сестру. Онъ не замѣтилъ моего умиленія и продолжалъ говорить.

— Вашей матери я не довѣрю и половины надеждъ моихъ: онѣ покажутся ей несбыточными, безумными. Что̀ же касается до моего прошедшаго, я не разказываю о немъ никогда. Я не скажу никому о моей бѣдности, и не буду стыдиться ея только тогда, когда буду богатъ. Кто знаетъ, быть можетъ я буду гордиться ею, какъ гордится солдатъ тяжелой раной, полученною когда-то въ сраженіи. Борьба съ обстоятельствами стоитъ кровопролитнаго боя. Это бой своего рода, который требуетъ много силы и мужества. При васъ, съ вами я говорю откровенно, я мыслю въ слухъ. Съ вами я отвожу душу, съ вами оживаетъ мой умъ, отупѣвшій подъ гнетомъ занятій мелкаго чиновника, потому что—чтоже я такое, какъ не ничтожный чиновникъ? Вы качаете головой? право такъ.

Долго, много говорили мы въ этотъ вечеръ, и только про-

бившій часъ ночи вывелъ насъ изъ забвенія. Онъ говорилъ единственно о себѣ, но я слушала его съ жадностію, и за каждымъ словомъ его мнѣ слышались другія слова. Если мнѣ что нибудь не совсѣмъ нравилось въ его мнѣніяхъ, я не только умѣла извинить его, но еще идеализировала его, ставила его на пьедесталъ, и сама того не подозрѣвая, наивно высказывала ему мое обожаніе. Мало по малу, видаясь каждый вечеръ, мы сдѣлались до того необходимы другъ другу, что я жила только мыслію о свиданіи, да и онъ самъ не понималъ, какъ бы могъ жить, еслибъ не нашелъ меня. Узнавая его короче, я измѣнила о немъ мое первоначальное мнѣніе; сперва онъ являлся мнѣ въ блѣдномъ и неопредѣленномъ образѣ, общемъ всѣмъ героямъ романовъ; теперь я видѣла въ немъ умнаго, рѣшительнаго, благоразумнаго молодаго человѣка и любила его не меньше. Напротивъ, любовь моя, спустившись съ облаковъ, гдѣ она сперва носилась, сошла на землю, привязалась къ дѣйствительности и получила отъ этого новую силу. Я теперь дѣйствительно любила того Леона, котораго знала, съ которымъ говорила по цѣлымъ вечерамъ, къ которому стремилась съ ранняго утра. Часы нашихъ свиданій летѣли быстро; я любила его страстно, но слово любви не было еще произнесено между нами; намъ было хорошо вмѣстѣ, и онъ не спѣшилъ признаніемъ, да и я не помышляла о немъ, когда этотъ переломъ, эта новая фаза нашего существованія вдругъ совершилась и измѣнила наши отношенія, давъ тому и другому новыя права, новыя заботы, новую цѣль и слѣдственно новыя печали и радости.

Я сильно простудилась и занемогла. Заключенная въ моей комнатѣ, я около недѣли не имѣла никакого извѣстія о Леонѣ, не смѣла даже спросить о немъ, ибо всякое слово мое могло быть поводомъ къ подозрѣнію. Нельзя себѣ представить, сколько эта неожиданная разлука усилила любовь мою. Невозможность узнать, заботится-ли онъ, скучаетъ-ли обо мнѣ, повергала меня въ уныніе, которое удвоило болѣзнь мою. Къ ней присоединилось какое-то нервное раздраженіе; комнаты мои, раздѣлявшія меня, какъ стѣны крѣпости, отъ всего, что я любила, сдѣлались мнѣ ненавистны. Я плакала отъ тоски, и докторъ просилъ родителей моихъ доставлять мнѣ всевозможныя

развлеченія и дѣлать все мнѣ угодное. Я просила отца моего, такъ нѣжно ухаживавшаго за мною, перемѣнить комнаты, и меня тотчасъ перевели въ бель-этажъ, гдѣ, въ концѣ коридора, пересѣкавшаго домъ и выходившаго къ кабинету отца, нашлась для меня высокая, свѣтлая комната. Я поселилась въ ней съ Эмиліей. Однажды вечеромъ, когда она оставила меня на минуту, дверь моя вдругъ отворилась, и ко мнѣ вошла горничная съ нотами въ рукахъ. Она подала ихъ мнѣ, говоря:

— Батюшка приказалъ вамъ отдать романсъ, купленный по вашему приказанію Львомъ Александровичемъ.

— Папа самъ отдалъ тебѣ ноты? спросила я.

— Нѣтъ, Левъ Александровичъ только что пріѣхалъ и приказалъ вамъ отдать ихъ отъ имени барина.

— Хорошо, сказала я едва слышно.

Оставшись одна, нетерпѣливою рукою я развернула небольшой свертокъ. Въ немъ не было ни записки, ни письма. Это было простое собраніе нѣсколькихъ романсовъ. Я недоумѣвала и искала знака или смысла въ куплетахъ, напечатанныхъ въ концѣ каждой страницы. Долго поиски мои оставались напрасны; наконецъ я замѣтила, что на нѣкоторыхъ слогахъ были сдѣланы карандашемъ едва замѣтныя тире. Я собрала вмѣстѣ слоги эти и получила фразу слѣдующаго содержанія.

«Я съума схожу, что не могу видѣть васъ. Дѣлаю отчаян-«ную попытку, посылая вамъ эти ноты. Дайте вѣсть о себѣ, «отсылая ихъ въ залу, на вашу этажерку. Я не умѣю жить «безъ васъ и мучусь постоянно.»

Не могу описать, что̀ произошло во мнѣ при чтеніи этихъ строкъ. Я много плакала. Вечеромъ, улучивъ время, я стерла знаки Леона и поставила свои; вотъ что̀ я написала къ нему.

«Ваше участіе воскресило меня; я чувствую, что буду скоро «совсѣмъ здорова. И я не умѣю жить безъ васъ. Я попрошу «Эмилію принести изъ залы мой большой музыкальный аль-«бомъ. Напишите мнѣ еще; дайте вѣсть о себѣ.»

Я отослала ноты въ залу, а дня черезъ два попросила Эмилію принести мнѣ мой альбомъ. Это была большая, широкая книга, исписанная нотами, стихами и куплетами. Въ ней я нашла записку отъ Леона; вотъ она.

«Вы отгадали меня, другъ мой, умѣли прочесть едва вид-

«ные знаки — это меня обрадовало. Сердце сердцу вѣсть по-
«даетъ. Какъ мнѣ благодарить васъ? Нѣтъ, я не хочу благо-
«дарить, я хочу только видѣть васъ, расцѣловать ваши
«ручки, наглядѣться до упоенія на глаза ваши. Я чувствую,
«я знаю теперь, сколько я къ вамъ привязанъ. Вы понимаете
«меня, вы привязаны ко мнѣ тоже: не довольно-ли я счаст-
«ливъ и могу ли жаловаться на судьбу? Всѣ мои желанія огра-
«ничиваются теперь однимъ: скорѣе видѣть васъ. Выздоравли-
«вайте, мой другъ, для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ васъ. Я въ
«числѣ ихъ и умѣю цѣнить ваше сердце — я всей душою пре-
«данъ вамъ. Выздоравливайте — будущее въ рукахъ нашихъ.»

Я отвѣчала и на эту записку — и въ ту пору она была послѣднею. Я быстро оправлялась отъ болѣзни и скоро явилась въ гостиную. Когда я вошла, опираясь на руку моей матери, онъ стоялъ у камина, обратясь спиной ко мнѣ; но потомъ увидѣвъ меня въ зеркалѣ, которое висѣло надъ каминомъ, онъ весь перемѣнился въ лицѣ и быстро повернулся къ намъ. Однако, какъ и всегда, онъ совершенно владѣлъ собою, церемонно подошелъ ко мнѣ, взялъ почтительно мою руку, поцѣловалъ ее и сжалъ такъ сильно, что кольцо, бывшее на моемъ мизинцѣ, согнулось и впилось въ мой палецъ. Съ тѣхъ поръ, я никогда не скидала его. Я молча сѣла въ длинное кресло, которое онъ подалъ мнѣ очень кстати; ибо дрожавшія ноги мои отказывались меня поддерживать. Въ этотъ вечеръ онъ былъ веселъ, говорилъ безъ умолку и смѣшилъ меня и мать мою, остававшуюся дома во все время моей болѣзни. Съ этихъ поръ обращеніе его со мною, даже въ присутствіи моей матери, совершенно измѣнилось; онъ не избѣгалъ разговора со мною, и подъ тѣмъ предлогомъ, что меня надо развлекать, пріучилъ мать мою оставаться въ гостиной, до наступленія вечера. Скоро я совершенно оправилась и однажды сказала при матери, что скоро примусь опять за музыку. Въ этотъ же самый вечеръ, мать моя выѣхала въ первый разъ со двора, и я вышла въ залу. Онъ уже ждалъ меня. Лишь только я отворила дверь, какъ онъ бросился ко мнѣ и со страстію осыпалъ руки мои поцѣлуями. Я испугалась этихъ горячихъ порывовъ и опустилась въ кресла; онъ сталъ передо мною на колѣна, взялъ обѣ руки мои, и прильнувъ къ нимъ пылающимъ лицемъ, скрылъ

въ нихъ свою голову и поникнулъ ею къ колѣнямъ моимъ. Когда онъ поднялъ на меня, молча, полные огня глаза свои, я не выдержала этого взгляда и не могла оставаться безчувственною къ мольбѣ, заключавшейся въ выраженіи лица его, мольбѣ безмолвной, но краснорѣчивой и страстной; я обвила руками его шею, и склонивъ свою голову къ плечу его, заплакала и прошептала.

— И я давно люблю тебя.

Въ туже минуту сильная рука его схватила мою талію, прижала меня къ его сердцу, и жаркій, долгій поцѣлуй его загорѣлся на губахъ моихъ. Медленно освободилась я изъ его объятій, и мы сѣли рядомъ, рука въ руку; я не смѣла взглянуть на него, но чувствовала на себѣ сжигавшій меня взоръ его. Мы долго молчали.

— Такъ ты любишь меня, любишь—сказалъ онъ наконецъ очень тихо, притягивая меня опять къ себѣ. Я счастливъ, да, я долженъ сознаться, что я вполнѣ счастливъ и родился подъ счастливою звѣздою. Я бѣдный, неизвѣстный всему вашему гордому міру, я люблю и любимъ этимъ ангеломъ, этой женщиной, которая недоступна всѣмъ имъ. Я первый, — какъ-же мнѣ не гордиться этимъ? — пробудилъ въ тебѣ первое трепетаніе сердца, вложилъ въ тебя жизнь и огонь любви, и заставилъ узнать ея первое упоеніе. Жизнь моя , я люблю тебя страстно. Да и кто бы устоялъ противъ очарованія любви твоей, кто бы могъ остаться холоднымъ при видѣ этой прелести, разлитой въ каждомъ твоемъ движеніи, въ каждомъ словѣ? Если бы ты знала, какъ наивно, какъ очаровательно, какъ безсознательно ты высказывала нѣжную, неодолимо влекущую ко мнѣ любовь твою. Думаешь ли ты, что я давно не угадалъ ее?

— И молчалъ, сказала я съ укоризною.

— Молчалъ, да, молчалъ, чтобы безконечно упиться твоимъ признаніемъ; молчалъ, чтобы не упрекнуть себя въ послѣдствіи и не снести ни отъ кого упрека въ томъ, что я увлекъ тебя. Ты полюбила меня прежде, чѣмъ я полюбилъ тебя; долженъ ли я былъ бѣжать отъ этого счастія? Я не старался увлечь тебя, но полюбилъ тебя страстно за любовь твою и имѣлъ силу долго и упорно молчать. Но ты первая произнесла слово любви:

пусть же оно на вѣки свяжетъ насъ. Могу ли я съ этой минуты жить для тебя одной?

— Леонъ, шептала я, жадно упиваясь каждымъ словомъ его, хотя робость, стыдъ и любовь боролись въ сердцѣ моемъ.

— Да, Леонъ, твой Леонъ — навѣки. Ничто не разлучитъ насъ, ничто не уничтожитъ любви твоей, не правда ли?

— Не говори объ этомъ — я боюсь будущаго. Дай мнѣ насладиться моимъ настоящимъ счастіемъ; повтори мнѣ, что ты любишь меня, и въ тебѣ я найду силу, волю, разумъ. Я отказывалась отъ всего, что̀ не ты, отъ всѣхъ, кто не за тебя. Какъ долго я ждала тебя, какъ долго любила одна; настоящая минута кажется мнѣ чуднымъ сномъ. Я боюсь думать о будущемъ.

— Не думай о немъ: пусть придетъ оно, когда захочетъ случай, или лучше, я самъ устрою это будущее. Судьба мнѣ улыбается. Она меня лелѣяла съ дѣтства, хотя обстоятельства меня преслѣдовали. Еще ребенкомъ я былъ окруженъ безграничнымъ обожаніемъ сестры и матери; объ онѣ предсказывали мнѣ, хотя я и не вѣрилъ имъ, иную участь, иную долю ; не разъ онѣ говорили мнѣ, что найдется женщина, которая полюбитъ меня и составитъ мое счастіе — и чтоже? Едва я оставилъ ихъ, какъ нашелъ тебя. Это сбылось,—сбудется и все другое.

Мы провели вмѣстѣ цѣлый вечеръ, и много другихъ вечеровъ такихъ же счастливыхъ выпало на мою долю; но чѣмъ чаще мы видались, тѣмъ больше будущее страшило меня. Леонъ старался успокоить меня, но не смотря на его ободрительныя слова, видно было, что его самого сильно тревожила мысль о будущемъ. Можно ли было забыться, вполнѣ отдаться настоящему, когда надъ головою виситъ что-то грозное, что̀ ужаснѣе меча Дамокла. Напрасно мы говорили, разсуждали, составляли планы: было очевидно, что прежде всего намъ надо было хранить въ тайнѣ любовь нашу. Преждевременное ея открытіе могло только уничтожить невозвратно всѣ наши надежды. Я еще не являлась въ свѣтъ, дома меня все еще считали дитятей; Леонъ только что вступилъ въ службу и не успѣлъ еще быть замѣченнымъ начальствомъ; ему хотѣлось привязать къ себѣ, на сколько это̀ было возможно, мать мою,

внушить моему отцу уваженіе къ своему уму, способностямъ, и заставить его понять, что его молодой чиновникъ можетъ сдѣлать блестящую карьеру. Только при такихъ условіяхъ ему, бѣдному и дальнему родственнику, было бы не совсѣмъ безумно сознаться въ любви ко мнѣ, и просить не отнимать у него надежды когда нибудь получить мою руку. Увлекаясь самъ надеждой, онъ часто говорилъ мнѣ: это правда, что я не богатъ, но я хорошей фамиліи—предки наши общіе, а тутъ (и онъ какъ Андре Шенье брался за голову)—тутъ много: я съумѣю выйти въ люди и буду тебѣ равный. Природа ничѣмъ меня не обидѣла: силы и воли во мнѣ много: какъ мнѣ не достигнуть до тебя? И теперь, что̀ раздѣляетъ насъ? семь тысячь душъ отца твоего, и моя—будь проклята она—моя бѣдность. Не будь ея, мы были бы равны.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Что̀ съ тобою? спросила я испугавшись.

— Смѣюсь надъ собою. Не будь бѣдности, мы были бы равны. Вѣдь пришлось же сказать такую глупость; будто бѣдность бездѣлица, будто деньги не значатъ больше всего на свѣтѣ. Въ этомъ словѣ «бѣдность» кажется заключены всякаго рода неудачи, униженія, бѣдствія.

— Ахъ Леонъ! а я не боюсь ея: она не пугаетъ меня.

— Что̀ ты понимаешь? сказалъ онъ; ты дитя, ты хуже дитяти. Мало ли чего ты не смыслишь? если бъ, положимъ такъ, родители твои и согласились на бракъ нашъ, могу ли я быть всѣмъ обязаннымъ тебѣ одной? я не въ силахъ перенести одной мысли объ этомъ. Я хочу гордо идти съ тобою рука объ руку, и если ты принесешь въ союзъ нашъ состояніе, то я хочу въ замѣнъ его дать тебѣ положеніе. Мало ли такихъ примѣровъ. Многіе вельможи, начиная свое служебное поприще, были незначительнѣе меня. Я повторяю тебѣ, что Томскіе едва ли не древнѣе васъ, Лѣсовскихъ.

— Я понимаю это, но къ несчастію отецъ и мать мои не знаютъ никого, кто бы могъ помѣряться съ ними. А мнѣ все равно, лишь бы быть съ тобою. Гдѣ бы ни жила я, въ богатомъ ли домѣ, или въ бѣдномъ хуторѣ твоей матери, лишь бы я жила съ тобою. Сказать-ли? Для меня заманчивѣе жизнь

среди лѣсовъ и полей твоей родины, меня манитъ туда, къ югу, гдѣ и сама природа прекраснѣе нашей.

— Пустяки—дѣтскія грезы!

— Ты меня приводишь въ отчаяніе! Не говори со мною такъ холодно, будто ты не только не слушаешь, но еще презираешь слова мои. Сію минуту ты сказалъ, что я дитя. Это оскорбительно. За что же ты любишь меня, если между нами нѣтъ ни сочувствія, ни равенства ума и взгляда на вещи?

— Дитя мое, сказалъ Леонъ улыбаясь, я оттого и люблю тебя, что ты дитя, что въ тебѣ есть грація ребенка, соединенная съ женскою кротостью, нѣжностью и преданностію. Зачѣмъ тебѣ понимать общественные вопросы? и я не правъ, что много говорю о нихъ съ тобою. Женщина создана любить, а не расчитывать. Ея назначеніе, ея задача—вносить въ жизнь любимаго человѣка то оживляющее сердце начало, безъ котораго нѣтъ счастія, нѣтъ поэзіи, нѣтъ прелести. Это назначеніе прекрасно; ты создана для счастія того, кого полюбишь.

И онъ задумываясь бралъ мою руку и гладилъ мои волосы. Если я старалась вовлечь его въ разговоръ, онъ говорилъ тихо:

— Оставь меня такъ, я счастливъ—я люблю тебя.

Я припадала къ плечу его, и долгія минуты забвенія и спокойнаго наслажденія сходили на насъ.

Прошла зима, и наступило лѣто. Мы переѣхали въ деревню, не далеко отъ города, въ роскошно устроенное имѣніе отца моего. Какъ описать это лѣто? — оно было самою счастливою порою моей жизни. Леонъ пріѣзжалъ къ намъ каждую субботу и проводилъ съ нами воскресенье. Я была свободнѣе въ деревнѣ и могла уходить одна въ близь лежащую рощу. Тамъ, на берегу зеленаго оврага, на днѣ котораго бѣжалъ, по сверкавшимъ на солнцѣ камнямъ, свѣтлый ручей, я обыкновенно садилась ждать Леона; пріѣзжая изъ Москвы, онъ выходилъ изъ кареты и всегда находилъ меня на одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ садился возлѣ меня и между нами завязывался оживленный разговоръ, полный нѣжности съ моей стороны, и полный разнообразныхъ разказовъ или размышленій и плановъ со стороны Леона. Иногда мы гуляли взявшись за руку; природа, чистый воздухъ, тишина деревенской жизни—все вно-

сило новую поэзію и прелесть въ наши отношенія. Или впрочемъ, счастливые, совершенно счастливые дни не описываются..

Лѣто пролетѣло какъ одинъ свѣтлый, счастливый день; настало время переѣзда въ Москву. Я покидала деревню съ стѣсненіемъ сердца, съ предчувствіемъ чего-то недобраго. Дорожныя приготовленія, суета въ домѣ нагоняли на меня тоску; въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ деревнѣ, я такъ поддалась моимъ предчувствіямъ, что не могла отдѣлаться отъ нихъ даже и тогда, когда оставалась наединѣ съ Леономъ. Напрасно онъ доказывалъ мнѣ, что съ каждымъ днемъ заслуживаетъ все больше и больше довѣренность и привязанность моего отца, съ каждымъ днемъ становится необходимѣе для моей матери, что онъ свой человѣкъ, близкій родственникъ въ нашемъ домѣ, что дѣла его по службѣ идутъ отлично; слова его какъ будто не достигали до моего ума. Какъ онъ ни доказывалъ мнѣ, что многое уже зависитъ теперь отъ меня самой, отъ твердости, стойкости и упорства любви моей, я сомнѣвалась въ успѣхѣ, хотя и вѣрила въ правду и постоянство собственнаго чувства. Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ вечеромъ; большая половина прислуги ожидала насъ въ городѣ; весь этотъ послѣдній день я бродила по полямъ, лугамъ и рощамъ, гдѣ такъ часто гуляла съ нимъ. Я не забыла и ручья—любимаго мѣста нашихъ свиданій, долго сидѣла на берегу его и силилась проникнуть въ будущее, но мысль объ этомъ темномъ будущемъ вносила только новое томленіе въ душу мою. Я разсталась наконецъ съ моимъ любимымъ оврагомъ и воротилась домой. Мать встрѣтила меня на порогѣ.

— Гдѣ ты была? спросила она у меня улыбаясь.

— Гуляла.

— Прощалась—есть чего жалѣть—признаюсь! Еслибъ твой отецъ не былъ такъ упрямъ, мы бы должны были переѣхать уже съ мѣсяцъ назадъ. Я часто дивлюсь, въ кого ты родилась? Твои вкусы такъ странны. Что́ есть заманчиваго въ деревнѣ? По мнѣ такъ удивительно, какъ это люди могутъ жить тамъ, могутъ выносить эту скуку?

— Иные вѣкъ свой живутъ въ деревнѣ—и счастливы, сказала я.

— Пустяки, не вѣрь этому. Кто весь вѣкъ живетъ въ де-

ревнѣ, тотъ не человѣкъ; онъ прозябаетъ какъ растеніе, или живетъ какъ животное. Откуда ты выдумала, что можно жить въ деревнѣ?

— Въ деревнѣ много поэзіи, мама!

Мать моя разсмѣялась.

— Поэзіи, повторила она. Кто ищетъ поэзіи въ деревнѣ? Ея нигдѣ нѣтъ — она въ однѣхъ книгахъ.

— Неужели ея нѣтъ и въ жизни, по вашему?

— Ты совсѣмъ съ ума сошла, Стеня. Богъ знаетъ откуда ты набралась этого вздора. Въ жизни есть удовольствія, есть разнообразіе, есть счастье, пожалуй; но гдѣ поэзія—я не знаю. Но полно говорить пустяки—поди надѣнь шляпу. Вотъ и Томскій пріѣхалъ, прибавила она, подходя къ окну. Онъ вѣрно привезъ кучу новостей и дорогой позабавитъ насъ разсказами.

Пока Леонъ болталъ съ моей матерью, надѣвавшей шляпу и манто передъ зеркаломъ, я вышла на балконъ и окинула окрестность прощальнымъ взглядомъ. Черная огромная туча висѣла надъ нею; при видѣ этого мрачнаго неба, бѣдное сердце мое вдругъ забилось тревожно. Я опершись на перилы балкона и долго глядѣла на грозно висѣвшую надо мною тучу. «Пусть ее разнесетъ вѣтеръ, сказала я самой себѣ, и я повѣрю тогда, что меня милуетъ несчастіе.» Съ трепетомъ ждала я порыва вѣтра, но его не было. Леонъ показался въ дверяхъ балкона — молча указала я ему на черную тучу. Онъ угадалъ мою мысль и сказалъ мнѣ тихо:

— Не бойся—она пройдетъ, и все будетъ свѣтло надъ нами и вокругъ насъ. Взгляни: тамъ, на краю горизонта горитъ алая полоса; пусть она предвѣщаетъ тебѣ, что заря нашего счастія скрывается за этою тучей.

Пока Леонъ говорилъ, крупныя, рѣдкія капли дождя, глухо шумя, упали на желѣзныя плиты балкона. Скоро обильный, жестокій ливень разразился надъ нами. Мы вошли въ комнаты и должны были переждать непогоду. Я сѣла у окна, подперла рукой голову и печально смотрѣла, какъ разбивавшійся на стеклахъ дождь шумно сбѣгалъ внизъ стремительными ручьями. Когда наконецъ онъ утихъ, и мы сѣли въ карету, небо все больше и больше хмурилось, и мелкій дождь провожалъ насъ до самой Москвы.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по желанію отца моего, пышно былъ отпразднованъ день моего рожденья; черезъ нѣсколько дней послѣ этого Madame Lacombe насъ оставила, и отецъ мой настоялъ, не смотря на всѣ возраженія моей матери, чтобы меня ввели въ свѣтъ. Эта, когда-то такъ сильно желанная мною перемѣна не только не обрадовала меня въ ту пору, но еще смутила. Въ продолженіе недѣли модныя торговки наполняли домъ нашъ, послѣ чего мать моя объѣздила со мною весь городъ, представляя меня всѣмъ знакомымъ. Отецъ мой далъ великолѣпный балъ, на которомъ я должна была появиться впервые. Я глядѣла съ удовольствіемъ на прелестный бѣлый нарядъ, приготовленный для меня къ вечеру, и первая мысль моя была: понравлюсь ли я ему? Я никогда не наряжалась, и онъ не видалъ еще меня въ бальномъ платьѣ. Въ этотъ день мы обѣдали раньше обыкновеннаго; войдя въ гостиную прежде всѣхъ, я застала Леона одного. Онъ былъ мраченъ и едва подалъ мнѣ руку.

— Леонъ, что̀ съ вами? спросила я; что̀ случилось?

— Кажется ничего особеннаго, отвѣчалъ онъ, не произошло здѣсь; но мнѣ странно, что вы не догадываетесь, что̀ можетъ разстроить меня сегодня.

Я поняла.

— Леонъ, я не просила, чтобы меня вывозили; это желаніе моего отца. Вспомните, однако, что вы сами желали этого; сколько разъ вы говорили мнѣ, что до тѣхъ поръ пока я не выѣду, не сдѣлаюсь совершенною дѣвушкой въ глазахъ всѣхъ, вы не можете серіозно говорить обо мнѣ съ отцемъ моимъ.

— Мало ли, что̀ говорилъ я, прервалъ онъ мѣня съ досадой; мало ли, что̀ говоритъ человѣкъ, который силится разсуждать—и мало ли, что̀ онъ чувствуетъ, когда не сладитъ съ сердцемъ. До сихъ поръ я имѣлъ право предполагать, что вы принадлежите мнѣ одному; я любилъ васъ, хранилъ васъ заботливо отъ себя самого, глядѣлъ на васъ какъ на святыню, а теперь безъ боя долженъ уступить васъ всѣмъ. Всѣ, кромѣ меня одного, будутъ имѣть право волочиться за вами, явно выказывать вамъ любовь свою, домогаться вашей руки, а я— я буду въ тѣни, за кулисами этого блестящаго театра, буду мучиться сомнѣніемъ и ревностію. Могу ли я признаться кому

бы то ни было, что ты давно отдала мнѣ сердце свое? — да, наконецъ знаю ли я это навѣрно? Мало ли въ чемъ клянутся дѣвушки вашихъ лѣтъ, которыя ничего не видали и ничего не знаютъ. Онѣ пожалуй полюбятъ отъ скуки перваго молодаго человѣка, который попадется имъ на глаза.

— Ахъ, Леонъ! какъ вы несправедливы, какъ всякое слово ваше жестоко оскорбляетъ меня.

— Думаете ли вы, что та роль, которую я долженъ разыгрывать, не оскорбляетъ меня? Я долженъ, какъ воръ,—будто я укралъ мое счастіе,—таить его и скрываться, тогда какъ какой нибудь модный пустомеля будетъ явно добиваться вашей любви, пожалуй гордиться вашимъ предпочтеніемъ.

— Его не будетъ и тѣни, сказала я; я буду холодна какъ ледъ со всѣми и никому не дамъ права думать, что я къ кому нибудь неравнодушна. Замѣчай, смотри самъ, и ты убѣдишься, что во мнѣ нѣтъ и тѣни кокетства.

— А гдѣ я буду это видѣть, почему я буду это знать! Ужели ты воображаешь, что я вмѣшаюсь въ эту разряженную толпу, въ эту знатную сволочь? Чего я стану искать въ ней? Того ли, чтобы всякой свѣтскій франтъ и какая нибудь записная красавица, спросивъ обо мнѣ: кто это? получали въ отвѣтъ: чиновникъ Лѣсовскаго, бѣдный родственникъ, принятый за просто у него въ домѣ? Какое право имѣю я теперь на равенство со всѣми ими?

— Ты однако имѣешь имя; ты самъ говорилъ, что родъ твой старинный.

— Да кто ихъ знаетъ, старинные роды наши! Кто о нихъ заботится? Это не даетъ положенія въ обществѣ. Нѣтъ, я не пойду на эту ярмарку суеты и тщеславія, пока не буду имѣть права занять въ ней видное мѣсто, пока не буду имѣть права гордо пройтись по ней объ руку съ тобою. А пока, позвольте мнѣ благодарить васъ за ваше желаніе заставить меня разыграть жалкую роль на вашемъ праздникѣ! Роль эта создана не для меня; я не способенъ быть Молчалинымъ какой нибудь Софьи Павловны.

Я залилась слезами.

— Леонъ! Леонъ!

Слезы мои въ одно мгновеніе смягчили гнѣвъ его и прервали

желчный потокъ словъ; забывъ, что мы въ гостиной, куда всякую минуту могъ войти кто нибудь изъ домашнихъ, онъ бросился къ ногамъ моимъ; я поблѣднѣла отъ испуга и едва могла заставить его встать. Онъ такъ горячо, такъ искренно просилъ прощенія, такъ горячо клялся мнѣ, что онъ въ первый и послѣдній разъ былъ причиною слезъ моихъ, что излишняя любовь была виною его оскорбительнаго слова, что я простила ему охотно.

— Ужели ты не пріѣдешь на балъ? говорила я ему съ умоляющимъ взоромъ.

— Пожалуй — для тебя; я пройдусь какъ тѣнь по вашимъ гостинымъ—какъ тѣнь, которой никто не замѣтитъ.

— Я замѣчу... я буду ждать тебя... ужели этого не довольно для тебя? Приходи, хотя на минутку. Клянусь тебѣ, что я одѣваюсь для одного тебя, и если буду хороша собою, то навѣрно и порадуюсь тогда только, если ты скажешь мнѣ это. Придешь?

— Хорошо, сказалъ онъ тихо, какъ бы противъ воли.

Балъ удался: онъ былъ блестящъ, шуменъ и оживленъ. Я понравилась всѣмъ: старухи хвалили меня, дѣвушки, осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, съ тою не совсѣмъ благосклонною улыбкою, которую дарятъ онѣ хорошенькимъ дебютанткамъ, были со мной любезны, мущины окружали меня и звали танцовать, словомъ—я произвела эффектъ. Въ послѣднее время я выросла; моя стройная высокая талія, граціозный изгибъ длинной шеи, бѣлизна и свѣжесть лица моего, заставили какого-то старика сказать обо мнѣ, что я похожа на лебедя. Это прозваніе осталось за мною, и часто отецъ мой въ кругу семьи называлъ меня шутя: *mon joli cygne*. Балъ этотъ былъ моимъ тріумфомъ. Моя молодость, упоеніе первыми успѣхами, какое-то опьяненіе, въ которое повергаетъ женщину вихрь вальса, все это вскружило мнѣ голову. Мнѣ было весело; смѣющимися глазами окидывала я щегольскую толпу дамъ и дѣвицъ, говорила, смѣялась и танцовала безпрестанно, и будто отвѣчая моему настроенію, шумѣла около меня говорливая, разряженная, свѣтская толпа. Весело проходя мимо дверей залы, я вдругъ почувствовала почему-то присутствіе Леона; но что̀ сталось со мною, когда я встрѣтила его взглядъ пристально устре-

мленный на меня! Въ его глазахъ я прочла тысячу разнообразныхъ чувствъ, и всѣ они были мнѣ враждебны. То были и гнѣвъ, и ревность, и какое-то презрѣніе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Минутная веселость моя исчезла. Быстро прошла я мимо его, отказалась отъ кадрили, жалуясь на усталость и сѣла въ уголъ; кружокъ мущинъ собрался тотчасъ вокругъ меня. Я едва могла отвѣчать имъ—одна неотвязная мысль томила меня: что̀ думаетъ онъ теперь? что̀ будетъ завтра? Украдкой взглянула я опять на двери залы, но Леона уже не было: онъ исчезъ и больше не показывался. Безпокойство, унынiе, скука овладѣли мною; я не знала, какъ дождаться конца праздника. Не смотря на усталость, я плохо спала ночь, и вставъ ранѣе обыкновеннаго, поспѣшила пройти въ библiотеку, находившуюся въ сторонѣ отъ парадныхъ комнатъ, гдѣ суетилась прислуга и приводила все въ обычный порядокъ. Леонъ, будто предчувствуя мое раннее появленiе, ждалъ меня; встрѣча наша не отличалась большою нѣжностiю. Я была оскорблена и чувствовала себя правою. Это чувство придало мнѣ силы и твердости. Леонъ былъ раздраженъ; онъ былъ не доволенъ собою, и еще менѣе мною, и холодно пожавъ мнѣ руку, углубился въ чтенiе развернутой передъ нимъ книги.

— Вы не хотите говорить со мною? спросила я, помолчавъ нѣсколько минутъ. Вы не имѣете ничего сказать мнѣ?

Онъ кивнулъ головой и молчалъ. Я взяла книгу изъ рукъ его и сказала тихо, но тверже прежняго.

— Такъ я имѣю много, о чемъ бы желала переговорить съ вами. Хотите меня выслушать?

— Я слушаю.

— За что́ вы сердитесь? За что́ вчера вы такъ безжалостно смутили мое дѣтское веселье (при этихъ словахъ онъ улыбнулся иронически)? да, дѣтское, — я повторяю это слово, потому что въ немъ заключается чистая правда. Ужели вы, любя женщину, не позволите ей ни минуты удовольствiя и не простите ей ея успѣха въ обществѣ!

— Все позволю: не только прощу — пожелаю, самъ буду счастливъ ея успѣхомъ, перервалъ меня Леонъ съ жаромъ, но для этого надо, чтобы я могъ назвать ее моею при всѣхъ. Моего настоящаго положенiя я не могу вынести. Знаете ли,

на кого я былъ похожъ вчера вечеромъ? на фаворита королевы, на ничтожнаго любимца знатной дамы, на....

— Молчите, Леонъ, я не хочу, я не должна слушать такихъ словъ; они одинаково уничтожаютъ насъ обоихъ. Не стыдно ли вамъ, Леонъ? Скажите однако, ужели васъ не утѣшаетъ мысль, что я готова пожертвовать вамъ всѣмъ на свѣтѣ?

— Пустыя слова! Что̀ мнѣ въ нихъ, если этой жертвы никто не видитъ кромѣ меня.

— Какое тщеславіе!—это ужасно!

— Нѣтъ, не тщеславіе, а гордость, гордость законная. Я не хуже всѣхъ тѣхъ, которые вчера окружали тебя, преслѣдовали, беззаботно смѣялись съ тобою, которые смѣло охватывали твою талію, прижимали тебя къ себѣ и уносились съ тобою въ вихрѣ танцевъ, какъ бы выказывая передо мною всѣ преимущества, которыя свѣтъ позволяетъ равнымъ тебѣ. А я стоялъ поодаль, какъ стоятъ лакеи въ дверяхъ, не смѣлъ и не могъ, забытый тобою, незамѣтный для всѣхъ, подойти къ тебѣ. Ты не только забыла меня тогда, но еще и теперь не понимаешь моихъ мученій, моей ревности.

Онъ замолчалъ; на лицѣ его появилось выраженіе такого страданія, что я не выдержала и обвила руками его шею; эта ласка смягчила его уязвленное сердце. Онъ склонилъ голову свою на плечо мое и казалось отдыхалъ душою отъ бурныхъ ощущеній вечера, отъ безсонной ночи и мрачнаго утра. Не смотря на всю силу характера, на всю волю, которою одарила его природа, я въ эту трудную для него минуту была его опорою и утѣшителемъ.

— Если бы ты знала, говорилъ онъ безъ раздраженія, но печально, еслибъ ты знала, что̀ я перечувствовалъ, и какъ давило меня сознаніе собственнаго ничтожества, ты бы простила меня и пожалѣла обо мнѣ. Нѣтъ на свѣтѣ пытки, которая бы сравнилась съ тою, которую я вынесъ вчера.

— Ты мучишься отъ избытка любви, сказала я; я понимаю и цѣню ее; жалѣть тебя я не могу, потому что увѣрена, что ты преодолѣешь всѣ препятствія, займешь со временемъ почетное мѣсто въ обществѣ. Всѣ будутъ уважать тебя, какъ я уважаю тебя теперь. Помни только, прошу тебя, что я пер-

вая угадала тебя, оцѣнила твои достоинства и поняла, что люблю не дюжиннаго, обыкновеннаго человѣка.

— Могу ли я забыть это? я полюбилъ тебя, частію потому, что понялъ, что ты вѣришь въ меня и въ мою будущность. Не измѣнись только сама, будь всегда моей путеводной звѣздою, моимъ добрымъ духомъ, который на трудномъ пути моемъ долженъ раздувать во мнѣ искру блага, вложенную въ меня природой, и не позволить изсохнуть моему сердцу въ той пустынѣ, куда—чувство мое говоритъ мнѣ—я уже вступилъ.

Мы горячо обнялись и вполнѣ поняли въ эту минуту, что мы такое другъ для друга. Моя доля не была ни ничтожнѣе, ни хуже его доли; я нашла въ немъ сильную опору для моей слабости, нашла покровителя, быть можетъ властелина, но я не роптала тогда на это. Онъ сказалъ, что нашелъ во мнѣ путеводное свѣтило, которое должно было огнемъ чувства согрѣвать всѣ его стремленія, и я этому вѣрила. Для чего же суждено намъ было разстаться такъ надолго?

Жизнь моя совершенно измѣнилась; я выѣзжала безпрестанно съ матерью, которая была чрезвычайно холодна со мною дома и чрезвычайно ласкова въ свѣтѣ. Между ею и мною не было не только той обыкновенной ласковости въ отношеніяхъ, которая встрѣчается такъ часто въ семейномъ быту, но даже ничего общаго. Оставаясь вдвоемъ, мы не знали о чемъ говорить; это тяготило меня, но не ее: она была такъ равнодушна ко мнѣ, что не подозрѣвала даже того, что̀ я могла чувствовать, видя себя такой отчужденной и одинокой. Часто она говорила, что я рано показалась въ свѣтъ, и что для меня было бы полезнѣе усовершенствовать сперва мои таланты, особенно музыку. Всякое слово моей матери на этотъ счетъ было принимаемо отцемъ съ досадой; съ рѣшительностію, которой я не разъ была свидѣтелемъ въ крайнихъ случаяхъ, онъ настаивалъ, чтобы я являлась вездѣ, и прибавлялъ, что надѣется скоро видѣть меня замужемъ. Мать моя молчала, Леонъ блѣднѣлъ и едва скрывалъ свой гнѣвъ и свое волненіе. Посреди этихъ трехъ лицъ, изъ которыхъ двое любили меня искренно, мнѣ было тяжело и грустно. Однажды случилось такъ, что я не видала Леона наединѣ въ продолженіе цѣлой недѣли; за обѣдомъ отецъ былъ очень веселъ и подшучивалъ надо

мною, намекая на моихъ обожателей. Я оправдывалась очень неловко, отрицая вовсе ихъ существованіе, какъ вдругъ отецъ мой назвалъ по имени одного только что пріѣхавшаго въ Москву адъютанта. Я вспыхнула, не потому чтобы этотъ молодой человѣкъ мнѣ нравился, но потому что меня пугала мысль, что Леонъ можетъ опять приревновать меня. Я видѣла, что это незнакомое ему имя поразило его.

— Неужели ты скажешь, что и Булатовъ за тобою не ухаживаетъ? Ужь эти дѣвочки! чуть изъ пеленокъ, и уже готовы обмануть.

— Охота вамъ говорить такіе пустяки, сказала моя мать. Вы мечтаете о замужствѣ Стени, какъ будто ей за двадцать! Булатовъ вовсе не думаетъ о ней и явно ухаживаетъ за княгиней Вѣрой.

— На замужней женщинѣ ему не жениться, это все вздоръ; а я знаю навѣрное, что онъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ жениться. Онъ женихъ завидный, и Стеня дастъ большой промахъ, если упуститъ такого жениха.

— Ужь не будете ли вы учить Стеню ловить богатыхъ женіховъ? сказала она съ досадой.

Мать моя противорѣчила отцу потому только, что была раздосадована; въ сущности же она больше, чѣмъ отецъ, желала выдать меня замужъ, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ взрослой дочери и отъ незавидной роли маменьки, сидящей у стѣны во время танцовъ. Споръ между матерью и отцемъ длился въ продолженіе всего обѣда; я молчала, Леонъ тоже. Когда мы вышли изъ-за стола, онъ настигнулъ меня въ дверяхъ и сказалъ мнѣ тихо:

— Приходите сейчасъ въ библіотеку!

Лишь только отецъ и мать моя разошлись по своимъ комнатамъ, какъ я поспѣшила къ Леону. Онъ сидѣлъ у стола, продѣвъ руку въ свои густые волосы, которые волнистыми прядями падали на его лобъ. Увидя меня, онъ всталъ; внутреннее волненіе было написано въ каждой чертѣ его лица.

— Кто этотъ Булатовъ? я не слыхалъ его имени отъ васъ. Скажите мнѣ, кто онъ?

— Леонъ, говорила я, успокойтесь, я увѣряю васъ...

— Говорите сейчасъ, повторилъ онъ, сжимая мою руку въ припадкѣ гнѣва: я хочу знать все.

— Что это за допросъ? развѣ я обвиненный? Я не хочу отвѣчать вамъ, если вы этого такъ настойчиво требуете и такъ странно обходитесь со мною.

— Не хотите? сказалъ онъ,—какъ вамъ угодно; я знаю, что мнѣ осталось дѣлать.

— Боже мой, что вы еще придумали!

— Вы воображаете быть можетъ, что можете смѣяться надо мною, что любовь моя такъ слѣпа, что вы можете свободно играть ею? разувѣрьтесь... Я никогда не позволю провести себя. Вамъ не бывать за нимъ: я вызову его на дуэль, убью его, или онъ убьетъ меня. Это все равно.

Я бросилась къ нему съ отчаяніемъ.

— Леонъ! опомнись! Клянусь тебѣ, что я никогда не обращала на него ни малѣйшаго вниманія; я едва знаю его и не больше двухъ разъ танцовала съ нимъ мазурку. Я даже не знаю, изъ чего отецъ мой заключилъ, что онъ будетъ свататься за меня. Я даю тебѣ слово, что откажу ему, что не пойду за него. Леонъ! я люблю одного тебя—ужели ты не знаешь этого?

— Я ничего не знаю; знаю только то, что никогда не вижу васъ; вы всегда съ гостями, или въ гостяхъ и на балахъ. Такая жизнь, полная мученій, одиночества, подозрѣній мнѣ стала невыносима. Вотъ цѣлыя двѣ недѣли, я не могу упросить васъ провести вечеръ со мною, какъ бывало прежде

— Развѣ это въ моей волѣ?

— Чего мы не хотимъ исполнить, то всегда не въ нашей волѣ. Вы, кажется, и нынче вечеромъ сбираетесь куда-то: куда же это?

Сердце мое замерло; я колебалась между желаніемъ сказать правду и благоразумнымъ намѣреніемъ солгать. Онъ не далъ мнѣ времени на размышленіе.

— Говорите правду, сказалъ онъ. Ужели и это тайна, ужели я не могу спросить, куда вы ѣдете? Но это мое право, пока вы меня любите, пока не все кончено между нами. У меня ихъ такъ много, этихъ правъ на васъ!

— Вы имѣете надо мной всевозможныя права, Леонъ: вспо-

мните, что я сама дала ихъ вамъ добровольно, съ невыразимой любовію и нѣжностію. Скажите, чего вы хотите: я готова повиноваться вашему желанію.

— Не о томъ рѣчь... Куда вы ѣдете?

— Нынче вечеръ у Булатовой.

— У его матери?

— Нѣтъ, у тетки.

— Я подозрѣвалъ это, я это чувствовалъ, сказалъ онъ вспыхнувъ, но я не хочу, чтобы вы видались. Вы нынче не поѣдете, вы останетесь дома, слышите ли?

— Но какъ же я могу это сдѣлать? Это невозможно, Леонъ, войдите въ мое положеніе. Я завишу отъ отца и матери, я не смѣю отказаться ѣхать съ ними, когда мнѣ приказываютъ.

— Мнѣ все равно: вы сдѣлаете, какъ знаете, но не будете у Булатовыхъ. Вы увѣряете меня, что не смѣете ослушаться матери, какъ будто у васъ нѣтъ въ запасѣ женской хитрости! Скажитесь больной.

Я была такъ простосердечна, что мысль эта не входила мнѣ въ голову; я схватилась за нее, какъ за исходъ, какъ за спасеніе.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказала я ему просто, и это скорое согласіе, моя кротость и мягкость моего голоса заставили его успокоиться.

— Мать ваша не будетъ настаивать, чтобы вы ѣхали съ нею, сказалъ мнѣ Леонъ гораздо тише прежняго:—она очень будетъ рада ѣхать на вечеръ одна. Развѣ ты не видишь, Стеня, прибавилъ онъ ласково, послѣ минуты молчанія, что здѣсь никто, кромѣ меня, не любитъ тебя серіозно. Я одинъ люблю тебя страстно, и ты должна прощать мнѣ многое. Повѣрь, что я страдаю не меньше тебя, что я горю не меньше, въ тысячу разъ больше, когда осыпаю тебя укорами или оскорбляю подозрѣніями, которыхъ ты можетъ быть нисколько не заслуживаешь.

Мы помирились. Мать моя дѣйствительно не настаивала, когда я, отговариваясь сильною головною болью, просила ее оставить меня дома; но на другой день отецъ мой былъ чрезвычайно недоволенъ и выговаривалъ мнѣ и моей матери. Онъ

понялъ очень хорошо, что болѣзнь моя была не больше какъ отговорка. Къ довершенію моего затруднительнаго положенія, виды Булатова скоро стали совершенно ясны; онъ искалъ руки моей. Не стану пересказывать подробно, чего стоило мнѣ это сватовство. Поставленная между отцемъ, матерью и Леономъ, я ни въ комъ изъ нихъ не находила сочувствія: каждый изъ нихъ преслѣдовалъ и мучилъ меня по своему. Мое положеніе стало невыносимо. Несмотря однако на просьбы отца и его неудовольствіе, на презрительное обращеніе матери со мною, которая, услыша о моемъ отказѣ Булатову, пожимала плечами и говорила отцу, что онъ избаловалъ меня и самъ виноватъ, если теперь, по капризу, я разрушаю блестящую будущность, неожиданно открывшуюся; не смотря на волненія Леона, который переходилъ отъ нѣжности къ ревности, я нашла въ себѣ довольно твердости, чтобы перенести все это. Я настояла съ упрямствомъ, свойственнымъ юности, на своемъ: отецъ мой отказалъ Булатову, но измѣнился въ своемъ обращеніи со мною. Онъ сталъ глядѣть на меня подозрительно, и я чувствовала, что каждое мое слово, каждый взглядъ замѣчены имъ и обсужены. Черезъ нѣсколько времени, по его возрастающей холодности къ Леону и заботливости уничтожить всякую возможность частыхъ свиданій между нимъ и мною, хотя бы только за обѣдомъ, мы оба поняли, что, стараясь отыскать причины моего отказа Булатову, отецъ мой напалъ на настоящую дорогу и сильно заподозрилъ насъ въ любви другъ къ другу. При этихъ тѣсныхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ, надо было рѣшиться на что нибудь. Мы выбрали съ величайшимъ трудомъ удобную минуту для свиданія, обсудили свое положеніе со всѣхъ сторонъ и рѣшили, что малѣйшая неосторожность можетъ открыть нашу тайну и навлечь на насъ тысячу непріятностей. Чтобы не дать отцу моему права упрекнуть Леона въ обманѣ и коварствѣ, а меня въ скрытности, мы рѣшились признаться сами въ любви нашей и тѣмъ обезоружить его, и вымолить у него, если не прямо согласіе на нашъ бракъ, то по крайней мѣрѣ надежду на него въ отдаленномъ будущемъ. Такимъ образомъ Леонъ могъ бы служить и со временемъ пріобрѣсть положеніе въ обществѣ, а я бы стала ждать и могла смѣло отказывать женихамъ,

если бы они у меня были, не навлекая на себя гоненій со стороны отца и матери.

Не могу описать, какъ я провела ночь предшествовавшую нашему объясненію съ отцемъ, которое было назначено на другой день утромъ. Я не сомкнула глазъ ни на минуту; надежда, страхъ, попеременно овладѣвали моимъ сердцемъ. Я плакала; неизвѣстность была для меня величайшимъ мученіемъ, и однако, вставши рано утромъ, я готова была отложить объясненіе съ отцемъ до другаго времени. Но это было уже не въ моей волѣ. Леонъ, долго колебавшійся наканунѣ, принялъ непремѣнное намѣреніе объясниться, а рѣшившись однажды, онъ ужь не колебался болѣе. Онъ пришелъ раньше обыкновеннаго, казался совершенно спокоенъ, и сдѣлавъ мнѣ знакъ, направился къ кабинету моего отца. Я, какъ это было положено между нами, пошла за нимъ, едва имѣя силу отворить дверь кабинета. Лице мое было такъ блѣдно, руки такъ дрожали, что Леонъ остановился и сказалъ мнѣ тихо:

— Ободрись — все зависитъ отъ тебя.

Сильною, рѣшительною рукою повернулъ онъ замокъ .. замокъ щелкнулъ, дверь отворилась, и я уже была на порогѣ, лицемъ къ лицу съ моимъ отцемъ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ и читалъ какія-то бумаги; увидѣвъ меня и за мною Леона, онъ повернулъ голову и всталъ безъ малѣйшаго удивленія, или тревоги, хотя взглядъ его былъ сухъ и холоденъ. Этотъ взглядъ уничтожилъ меня. Я сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ очень робко, и вдругъ рыдая бросилась къ нему на шею. Онъ тихо отвелъ меня отъ себя, предложилъ мнѣ стулъ, стоявшій подлѣ, и сказалъ спокойно:

— Что съ тобою? объяснись, и если возможно, говори безъ слезъ и ни къ чему не ведущихъ волненій.

Этотъ холодный пріемъ, этотъ сухой отвѣтъ на мою горячую ласку совершенно сразили меня. Я забыла все, что должна была сказать ему, все что я такъ краснорѣчиво повторяла себѣ въ моей комнатѣ, и что должна была еще краснорѣчивѣе высказать ему, и плакала, закрывъ руками лице. Не давая времени отцу моему произнести ни одного слова, Леонъ подошелъ къ нему съ уваженіемъ, но смѣло, и сказалъ ему твердо :

— Мы пришли—дочь ваша и я—сказать вамъ, что мы любимъ другъ друга. Простите намъ чувство, привязавшее насъ безъ вашего вѣдома другъ къ другу: повѣрьте, что оно было свято и невольно.

— Мнѣ странно слышать отъ васъ, сказалъ ему отецъ мой, такую романическую фразу. Я всегда почиталъ васъ человѣкомъ разсудительнымъ и практическимъ. Позвольте мнѣ и теперь не отказаться отъ моего мнѣнія. Я удивляюсь, почему вы положили за лучшее приготовить для меня трогательную сцену. Развѣ не могли вы, если любите дочь мою, объясниться со мною просто и просить руки ея? Зачѣмъ же она пришла съ вами? развѣ это дѣлается, развѣ принято такъ искать руки хорошо воспитанной дѣвушки?

— Я сама, папа, желала говорить съ вами, я хотѣла...

— Очень сожалѣю, что ты здѣсь, и что тебя вовлекли въ такой неприличный ни лѣтамъ твоимъ, ни твоему положенію поступокъ, сказалъ мнѣ отецъ, прерывая меня. Но если уже ты здѣсь, то я прошу тебя молчать и выслушать мое объясненіе съ господиномъ Томскимъ. Что вы имѣете сказать мнѣ? я слушаю, прибавилъ онъ, обратившись къ Леону.

— Очень мало, сказалъ Леонъ сухо, отвѣчая такимъ образомъ на высокомѣрный тонъ отца моего, котораго каждое слово было новымъ ударомъ его гордости и самолюбію. Если я не просилъ формально руки вашей дочери, то потому только, что сознаю разстояніе, которое раздѣляетъ меня съ нею, не по рожденію, а по положенію и богатству. Но положеніе и богатство пріобрѣтаются. Я пришелъ просить васъ дать мнѣ нѣкоторую надежду; я буду служить, и если служба моя пойдетъ успѣшно, быть можетъ въ глазахъ вашихъ я не буду казаться недостойнымъ руки вашей дочери. Я вашъ родственникъ и...

— Да, я слыхалъ, сказалъ отецъ мой, что мы съ вами дальняя родня; но согласитесь сами, что на свѣтѣ много найдется людей, которые такъ же близко породнились, какъ я съ вами. Прошу васъ однако замѣтить, что, по убѣдительной просьбѣ вашей матери, я дѣйствительно принялъ васъ въ моемъ домѣ какъ близкаго родственника; я обласкалъ васъ, опредѣлилъ въ службу, заботился о вашей будущности, а вы вмѣсто благо-

дарности заплатили мнѣ такимъ поступкомъ, котораго я назвать не хочу тѣмъ именемъ, какого онъ заслуживаетъ. Вы вкрались въ домъ мой и украли сердце моей дочери, почти ребенка. Вы поступили хуже, чѣмъ воръ: онъ крадетъ деньги — это еще не важная потеря, а вы похищаете у меня сердце единственной дочери, сердце богатой невѣсты. Вы это знаете — не правда ли? Я сказалъ, что не обманулся въ васъ: вы человѣкъ практическій. Но честно ли это? И могу ли я говорить еще съ вами? Признаюсь, я привыкъ имѣть дѣло съ честными, порядочными людьми.

— Вы забываетесь, сказалъ Леонъ, блѣдный какъ полотно. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ отцу моему, но я вскочила съ мѣста и стала между ними. Отецъ мой отстранилъ меня рукою.

— Да, я хочу, чтобы ты тоже знала мое неизмѣнное о немъ мнѣніе, продолжалъ отецъ мой, увлекаясь все больше и больше. Я потому только позволилъ тебѣ остаться при этомъ неприличномъ объясненіи. Придти въ домъ, увлечь дитя, ребенка... да, это безчестно, это низко.

— Вы — старикъ, вы — отецъ ея, сказалъ Леонъ задыхаясь отъ волненія, и я долженъ простить вамъ это, долженъ выслушать отъ васъ все, за что бы всякій другой дорого заплатилъ мнѣ. Мало того, я нисхожу до оправданій. Вы ошибаетесь, вы не знаете вашей дочери: когда я познакомился съ нею, я нашелъ въ ней женщину, а не ребенка, женщину покинутую, одинокую, непонятую. Не я, а она сперва полюбила меня; не я увлекъ ее, она увлекла меня своею любовію. Я говорю это не для того, чтобы обвинить ее: никто не уважаетъ ее такъ глубоко, какъ я; но я хочу снять съ себя то пятно, которымъ вы силитесь заклеймить мое честное имя. Я такъ же честенъ и благороденъ, какъ вы, и равенъ вамъ во многомъ. Гдѣ же мое преступленіе?

Всякое слово Леона уязвляло въ самое сердце отца моего; онъ въ свою очередь перемѣнился въ лицѣ, и обратясь ко мнѣ, сказалъ мнѣ измѣнившимся голосомъ.

— Посмотри, кого ты полюбила. При тебѣ, при мнѣ онъ смѣетъ говорить такія страшныя слова. Скажи мнѣ, что ты несовершенно забыла дѣвическій стыдъ, скажи мнѣ, что онъ

оклеветалъ тебя, и я прощу тебя. Говори: ужели ты сама, ты первая призналась ему въ любви?

— Онъ сказалъ правду, произнесла я наконецъ довольно твердо. Сила и голосъ возвратились ко мнѣ на защиту того, кого я любила; околдовавшее меня первоначальное оцѣпененіе исчезло; я встала и бросилась къ отцу.

— Папенька, не разрушайте моего счастія, не губите меня — я люблю его. Еслибъ вы только знали, чего мнѣ стоило скрывать отъ васъ любовь мою, какъ часто я хотѣла признаться вамъ въ ней! онъ будетъ для васъ сыномъ, сыномъ почтительнымъ...

— Перестань, и ступай въ свою комнату. Я не хочу видѣть тебя здѣсь въ эту минуту, еще менѣе слышать твои глупости.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ одно послѣднее слово, вмѣшался опять Леонъ, и тогда ваша дочь можетъ уйти отсюда. Согласитесь на мое предложеніе, и оно всѣхъ насъ успокоитъ и выведетъ изъ этого труднаго положенія. И она и я, мы будемъ ждать, сколько вамъ угодно, вашего согласія; я не буду писать къ ней, не буду стараться встрѣтиться съ нею безъ вашего вѣдома; позвольте только мнѣ надѣяться, что если я со временемъ сумѣю сдѣлать себѣ положеніе, вы не откажете мнѣ въ рукѣ ея. Я вамъ повторяю, что мы оба будемъ жить долгіе годы одной этой надеждой.

— Говорите, прошу васъ, за себя, и не смѣшивайте ея имени съ вашимъ. Я не заключаю никакихъ условій, и пока не даю ни согласія, ни надежды на мое согласіе.

— Это ваше послѣднее слово? спросилъ Леонъ.

— Послѣднее.

— Такъ я увезу ее, я предупреждаю васъ. Это развѣ не честно съ моей стороны? сказалъ Леонъ рѣшительно, но не безъ ироніи въ послѣднихъ словахъ.

— А я не дамъ ей ни гроша денегъ. Вы расчитываете на богатую невѣсту, а женитесь на нищей. Мало того, я прибѣгну къ законамъ, которые запрещаютъ похищенія, и вся ваша будущность будетъ разрушена въ прахъ. Увозите ее и живите съ ней, гдѣ хотите; не думаю, чтобы она была счастлива безъ моего благословенія.

Я залилась слезами.

— Я сказалъ вамъ мое послѣднее слово, продолжалъ отецъ мой вставая. Позвольте мнѣ надѣяться, что мы кончили пріятный разговоръ нашъ.

Онъ подалъ мнѣ руку, легко поклонился Леону и молча отвелъ меня въ мою комнату.

— Степанидѣ Ивановнѣ дурно, сказалъ онъ Эмиліи: уложите ее въ постель и пошлите за докторомъ, если ей будетъ хуже. Дверь затворилась за нимъ — я осталась одна, съ суетившейся около меня няней. Я едва помню, какъ прошелъ этотъ длинный, безконечный день; помню только, что я безпрестанно плакала; безконечныя и обильныя слезы текли изъ глазъ моихъ. Не истощаемъ ли мы въ первую пору первой печали неизсякаемую струю ихъ, чтобы потомъ, съ сухими глазами и невыносимой, пронзающей болью сердца, встрѣчать наши позднѣйшія несчастія?

На другой день я все сидѣла одна въ моей комнатѣ; надежды не было въ душѣ моей; всякое слово отца моего и Леона, когда я вспоминала ихъ, снова входило какъ острый ножъ въ мое сердце и раздирало его. Я вспомнила съ чувствомъ невыразимаго страданія, что затронутая гордость Леона заглушила въ немъ на минуту чувство деликатности и едва ли не самой любви. Не выдалъ ли онъ отцу моему нашу тайну, завѣтную тайну любви, сказавъ, что не онъ, а я полюбила его? Не должно ли было ему молчать и ни въ какомъ случаѣ не касаться нашихъ отношеній и не раскрывать ихъ передъ лицомъ отца, который и безъ того глядѣлъ на нихъ такъ враждебно? Ужели Леонъ не понялъ, что, оправясь отъ перваго потрясенія, я буду умѣть сама защитить его? онъ не имѣлъ ко мнѣ довѣренности, онъ не зналъ моего сердца. При этой мысли новыя слезы обливали лице мое.

Прошелъ еще день. Я не знала, что̀ дѣлается у насъ въ домѣ, гдѣ Леонъ, и чѣмъ кончилась та борьба, которой я была свидѣтельницей. Я не могла вынести неизвѣстности и просила Эмилію сказать отцу, что желаю его видѣть; отвѣтъ былъ краткій: отецъ просилъ меня подождать и успокоиться. Онъ надѣялся видѣть меня скоро. Я просила мать придти ко мнѣ —

она явилась тотчасъ. Никогда еще не видала я ее такою холодною, недоступною, почти церемонною.

— Что вамъ угодно? сказала она, входя и подавая мнѣ руку вмѣсто обычнаго, хотя и вѣчно холоднаго поцѣлуя.

— Маменька, будьте добры, сказала я ей со слезами: — помирите меня съ папенькой, узнайте, что...

— Вы сами распорядились судьбой своей, безъ моего вѣдома, сказала она: — теперь кажется не нужно прибѣгать ко мнѣ. Я должна сказать вамъ, что вы стали причиной семейнаго несчастія и раздора. Отецъ вашъ упрекаетъ меня въ вашемъ поведеніи: будто я виновата, что вы не умѣли воспользоваться даннымъ вамъ воспитаніемъ. Не напрасно говорила я, что у васъ все пустяки въ головѣ, — и вотъ эта поэзія, которой вы искали вездѣ, вы нашли ее очень скоро въ домашней интригѣ съ бѣднымъ родственникомъ! Это ближе, чѣмъ искать ее въ лѣсахъ и поляхъ.

— Пощадите меня, сказала я тихо.

— Что же мнѣ дѣлать, если вы забыли приличія, если вы поступили хуже, чѣмъ поступаютъ влюбленныя мѣщанки или горничныя? Мнѣ не остается даже возможности говорить съ вами; что могу я сказать вамъ? Мое присутствіе здѣсь неумѣстно. Она пошла къ дверямъ, я бросилась за нею.

— Гдѣ онъ? спросила я.

— Кто? сказала мать моя спокойно, оборачиваясь ко мнѣ въ три четверти и глядя на меня черезъ плечо, съ неизъяснимымъ презрѣніемъ, возмутившимъ меня до глубины души.

— Онъ, Томскій? произнесла я съ усиліемъ и тверже.

— Вы съ ума сошли, сказала мать моя: я не знаю и не хочу знать, гдѣ онъ. Вашъ отецъ выгналъ его изъ дома, какъ выгоняютъ лакеевъ. Думаете ли вы, что мы станемъ заботиться о чиновникѣ, принятомъ въ домъ изъ жалости, изъ участія къ нищетѣ его матери, какой-то дальней родственницы, умолявшей насъ о покровительствѣ? Я вамъ запрещаю однажды навсегда произносить при мнѣ имя этого господина.

Она вышла, и я ее не останавливала болѣе. Довольно оскорбленій себѣ и ему перенесла я въ продолженіе этого краткаго разговора. Онъ повергъ меня въ безысходное отчаяніе, которому я предалась вполнѣ. Я уже не мыслила, не надѣялась,

даже не предугадывала, а только страдала и билась какъ птица, посаженная внезапно въ желѣзную клѣтку. Если я засыпала, то засыпала отъ утомленія, да и то на короткое время, и не желала болѣе видѣть никого изъ родныхъ моихъ. Такъ прошло еще нѣсколько дней, когда однажды поутру отецъ вошелъ ко мнѣ, и поцѣловавъ меня довольно холодно, сѣлъ подлѣ меня.

— Я пришелъ къ тебѣ объясниться: это будетъ въ послѣдній разъ, и я не хочу болѣе возобновлять подобныхъ разговоровъ, сказалъ онъ. Выслушай меня внимательно. Наше будущее доброе согласіе, мое прощеніе тебѣ, будутъ зависѣть отъ тебя. Сперва, я разкажу тебѣ, что произошло въ продолженіе этихъ послѣднихъ десяти дней. Ты знаешь, я никогда не лгу, и потому должна вѣрить всякому моему слову. Когда я отвелъ тебя сюда и воротился въ кабинетъ, я не согласился слушать Томскаго. Онъ принужденъ былъ оставить домъ мой; не знаю, дѣлалъ ли онъ попытки, чтобы писать къ тебѣ втайнѣ отъ меня: я былъ спокоенъ на этотъ счетъ и зналъ, что всѣ его старанія будутъ напрасны. Нѣсколько дней размышленія убѣдили меня однако, что Томскій не такъ виноватъ, какъ мнѣ показалось сначала, въ первомъ пылу досады и негодованія. Вы оба молоды, а мнѣ слѣдовало быть благоразумнѣе въ началѣ и не допускать въ домъ мой чужое, неизвѣстное лице; теперь же мнѣ слѣдовало развязать безъ огласки тотъ узелъ, который ты такъ неосторожно завязала втайнѣ отъ меня. Ты неопытна, и быть можетъ (замѣть, какъ я искренно говорю съ тобою) мы сами виноваты, я и мать твоя, въ твоемъ простушкѣ. Мы поставили тебя слишкомъ одиноко, я — занятый службою, мать твоя — своимъ общественнымъ положеніемъ. Мы любили тебя издали, не высказывая тебѣ любви нашей; мы думали, что ты дитя, а ты была уже взрослой дѣвушкой. Мы не умѣли внушить тебѣ довѣренности, и Богъ наказалъ насъ. Я покоряюсь несчастію: мнѣ тяжело видѣть тебя въ этомъ положеніи, но я не могу помочь тебѣ. Ты одна можешь сдѣлать что нибудь для себя и для насъ. Томскій не любитъ тебя.

— Ахъ, папа, это невозможно! нѣтъ, папа, это невозможно, воскликнула я со слезами.

— Я повторяю, онъ не любитъ тебя. Его безмѣрное самолюбіе, избытокъ его гордости были польщены тѣмъ, что ты полюбила его; быть можетъ онъ точно поддался любви твоей, но не о томъ рѣчь. Тѣмъ хуже для тебя и для него, если онъ любилъ тебя: никогда не соглашусь я отдать моей дочери за незначущаго бѣдняка. Итакъ это дѣло рѣшеное. Я хотѣлъ удалить Томскаго изъ Москвы, хотѣлъ, чтобы онъ добровольно уѣхалъ, и желая избѣжать огласки, я самъ устроилъ дѣла его. Я ѣздилъ нарочно къ князю О** и просилъ его взять Томскаго съ собою на Кавказъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Ты знаешь, какое огромное вліяніе, какое значительное мѣсто занимаетъ князь; я поручилъ ему Томскаго, какъ своего родственника, и онъ обѣщался (а его слово что нибудь да значитъ) покровительствовать ему. Устроивъ это такимъ образомъ, я послалъ за Томскимъ, дня три тому назадъ. Онъ явился. Вотъ часть моего разговора съ нимъ. Я много думалъ о васъ и о томъ, что̀ случилось въ моемъ домѣ, сказалъ я ему, и повторилъ ему часть того, что̀ говорилъ сейчасъ тебѣ. Теперь, я предлагаю вамъ выборъ: мое покровительство, выгодное мѣсто у князя О**, который возьметъ васъ съ собою на Кавказъ, или, если вы желаете упорствовать въ несбыточныхъ планахъ, вѣчную вражду со мною. Повѣрьте, что вамъ будетъ очень трудно увезти дочь мою, еще труднѣе вездѣ и всегда на пути къ успѣху, на какой бы то ни было карьерѣ, встрѣчать меня и бороться со мною.

— Какъ вы жестоки, папа! закричала я.

— Я говорилъ правду, возразилъ мой отецъ. Не смотря однако на всѣ мои доводы, Томскій не соглашался отказаться отъ тебя и взять предлагаемое мѣсто.

— Я была въ этомъ увѣрена, произнесла я, обливаясь слезами.

— Погоди, возразилъ отецъ. Я далъ ему три дня на размышленіе и видѣлъ его нынче утромъ. Онъ на все согласенъ и ѣдетъ на Кавказъ послѣ завтра съ княземъ О**, если только я соглашусь отдать тебѣ его прощальное письмо. Я далъ ему слово; вотъ это письмо.

Я уже не плакала, но холодно, безмолвно слушала отца съ

какимъ то окаменѣніемъ сердца. Я взяла изъ рукъ его письмо Леона, медленно развернула его и прочла слѣдующее:

«Не судите меня, не обвиняйте, не выслушавъ и не взвѣ-
« сивъ того, что̀ я попытаюсь объяснить вамъ. Бываетъ въ
« жизни желѣзная необходимость; въ такую необходимость по-
« ставлены мы оба. Я долженъ былъ рѣшить судьбу мою и судь-
« бу вашу; я все обдумалъ, все взвѣсилъ, и посреди этого по
« видимому холоднаго расчета выплакалъ душу мою и зате-
« рялъ навѣки сердце. Оно погибло въ той адской борьбѣ, ко-
« торую я выдержалъ. Во мнѣ уцѣлѣло одно чувство — глубо-
« каго, святаго къ вамъ уваженія, смѣшаннаго съ горячею бла-
« годарностію за тѣ минуты блаженства, которыми вы однѣ
« могли упоить мою душу. Воспоминаніе о нихъ не покинетъ
« меня никогда; я всегда сохраню неприкосновенно въ моей па-
« мяти вашъ образъ и буду чтить самое о васъ воспоминаніе.
« Никогда, я знаю это, не буду я любить другую женщину,
« какъ любилъ васъ; никогда, никто (и пусть это утѣшитъ васъ,
« если вы еще любите меня, послѣ моего повидимому добро-
« вольнаго отреченія отъ васъ) никто не замѣнитъ васъ въ
« моемъ сердцѣ и не присвоитъ себѣ того мѣста, которое вы
« въ немъ занимали. Съ вами остается позади меня моя мо-
« лодость, порывы благородной юности, струя нѣжности, люб-
« ви и страсти, которая живила и питала мою душу. Тотъ
« Леонъ, котораго вы знали и любили, умеръ: пережилъ его
« тотъ, который обрекъ себя на безнадежный эгоизмъ и пре-
« дался весь сухому честолюбію. Пожалѣйте обо мнѣ: я не
« могъ поступить иначе. Вы вѣроятно знаете, между чѣмъ я
« долженъ былъ выбирать по приказанію, отца вашего. Кля-
« нусь вамъ, что я столько же думалъ о васъ, сколько и о се-
« бѣ. Что̀ ожидало насъ въ будущемъ? Вы, никогда не поки-
« давшая богатыхъ покоевъ отца вашего, знаете ли вы, что̀ та-
« кое бѣдный, глухой уголокъ деревенскаго хутора, гдѣ добрыя,
« но необразованныя, старушка мать и старая дѣвушка сестра
« доживаютъ скучный вѣкъ свой въ мелочныхъ хлопотахъ о
« домашнихъ дрязгахъ, и гдѣ ваше появленіе послужило бы
« поводомъ къ однѣмъ пустымъ сплетнямъ, которыя скоро смѣ-
« нило бы явное недоброжелательство? Мать моя обожаетъ од-
« ного меня, она безусловно вѣритъ въ мою будущность и

« враждебно будетъ смотрѣть на ту, которую сочтетъ помѣ-
« хой въ моей жизни. Она не могла бы любить васъ. А куда
« бы я могъ увезти васъ, если не къ ней? Лишившись служ-
« бы, мѣста, заслуживъ ненависть отца вашего, я могъ бы
« найти пріютъ только въ бѣдномъ домѣ моей матери. И на
« какую безотрадную жизнь я бы осудилъ васъ? На жизнь пол-
« ную лишеній, хлопотъ, трудовъ — и для чего же? для того
« чтобы сберечь какой нибудь мѣдный рубль, мѣдный грошъ!
« что бы сталось съ вами? Имѣть фортепьяно было бы неслы-
« ханной роскошью, читать книги показалось бы безуміемъ.
« Да и откуда бы достали мы ихъ? Безчисленныя, мелочныя
« заботы дня, утомивъ васъ, не дали бы вамъ ни минуты по-
« коя; вы бы не могли вынести такой жизни, да и я самъ,
« при такихъ условіяхъ, не могъ бы сдѣлать вашего счастія,
« какъ бы ни была велика взаимная любовь наша. Еслибъ вы
« стали томиться въ этой жизни, я не перенесъ бы тоски ва-
« шей: жолчь и злоба овладѣли бы мною. Можетъ быть вы поко-
« рились бы своей участи и стали хлопотливою хозяйкою, доброй,
« мѣщански-заботливой матерью семейства: но въ такомъ случаѣ вы
« лишились бы въ глазахъ моихъ граціи, красоты и поэзіи пер-
« воначальныхъ лѣтъ, вы не были бы больше любимы мною; а раз-
« любивъ васъ, я быть можетъ не простилъ бы вамъ того, что
« изъ-за васъ потерялъ мою будущность. Понимаете ли вы это
« безвыходное положеніе?—безпрестанныя безплодныя сожалѣнія
« о прошедшемъ, безсильныя мученія, холодность, укоры другъ
« другу и наконецъ семейный раздоръ, были бы нашимъ удѣ-
« ломъ. А какъ бы я могъ избѣжать этихъ бѣдствій? Отецъ
« вашъ, ставши между мною и моей будущностью, закрылъ бы
« ее для меня безвозвратно. Я хорошо знаю вашего отца: онъ
« честенъ, но непреклоненъ и твердъ; онъ бы никогда не про-
« стилъ ни мнѣ, ни вамъ, никогда не протянулъ бы намъ, да-
« же въ крайности, руки своей. Три ночи, три долгіе дня я
« боролся съ собою, съ моею любовію, съ вашею любовію, по-
« тому что я знаю, чего будетъ стоить вашему сердцу мысль,
« что я самъ отрекся отъ васъ. Повѣрьте, что нѣтъ предпо-
« ложенія, нѣтъ случайности, которыхъ бы я не обсудилъ и
« не придумалъ; но всѣ эти предположенія были такъ шатки,
« что на нихъ нельзя было опереться; ху[illegible] того, они всѣ бы-

« ли противъ насъ. Я не могъ погубить себя и васъ для удо-
« влетворенія любви нашей; я задушилъ голосъ ея и отказался
« отъ васъ съ такой мучительной болью сердца, о которой вы,
« читающая строки эти и обливающая ихъ быть можетъ сле-
« зами, не имѣете ни малѣйшаго понятія. Повторяю вамъ, что
« я мертвъ сердцемъ, и если когда нибудь мы встрѣтимся, и
« вы найдете меня инымъ, чѣмъ прежде, знайте, что обор-
« вавшаяся по волѣ безжалостныхъ людей и обстоятельствъ лю-
« бовь моя убила во мнѣ все хорошее и доброе. Оно погребено
« на вѣки подъ обломками нашего счастія—и это не фраза, а
« горькая истина. Прощайте же, другъ мой, мой милый, един-
« ственный другъ; я не хочу прибавить: помните и любите ме-
« ня. Я не имѣю этого права; другіе мнѣ его не оставили,
« да и я самъ отнялъ его у себя. Я отрекся отъ васъ — вы
« свободны. Забудьте меня скорѣе, разлюбите меня: я пони-
« маю, что это единственный исходъ для васъ и желалъ бы
« нарадоваться вашему спокойствію. Къ несчастію, еще рано:
« я не могу пересилить чувствъ своихъ, и возмущенное серд-
« це мое сильно возстаетъ противъ такого слова, самъ разумъ
« не можетъ принять его. Прощайте, не ждите меня; быть мо-
« жетъ я никогда не возвращусь; жестоки условія, предписан-
« ныя мнѣ отцемъ вашимъ; да и самый городъ этотъ, въ ко-
« торомъ я схоронилъ лучшую часть самого себя, мнѣ нена-
« вистенъ. Я не желаю даже видѣть васъ: это было бы ужас-
« но послѣ того, что произошло между нами. Будьте благо-
« словенны за счастіе, которое умѣли вы разлить въ прошед-
« шіе дни на жизнь мою. Прощайте, прощайте, другъ на вѣ-
« ки незабвенный, имя котораго я буду благословлять до по-
«слѣдняго часа моей жизни. »

Когда я дрожавшими руками сложила письмо это и рѣшилась взглянуть на отца, его не было со мною. Нанеся послѣдній ударъ любви моей, онъ оставилъ меня; я вскочила, и безумный порывъ отчаянія овладѣлъ мною, — будто я въ другой разъ разставалась съ Леономъ, будто я теряла его дважды; я взяла себя за голову и рыдая упала въ подушки. На другой день я была такъ слаба, что не могла встать съ постели; болѣзнь овладѣла мною и по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ избавила меня отъ мученія видѣть постороннихъ людей.

Евгенія Туръ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ВОСПОМИНАНІЙ.

ГИМНАЗІЯ—ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Тройка лошадей и повозка уже пріѣхали за мной. Мы съ Евсеичемъ (1) собрались въ дорогу, и въ день публичнаго акта, также въ первыхъ числахъ іюля, послѣ обѣда, назначено было намъ выѣхать. Наканунѣ наставникъ мой сказалъ, что хочетъ проводить меня, и спросилъ: «доволенъ ли я его намѣреніемъ?» Я отвѣчалъ, что очень доволенъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ проводить меня за городъ. На другой день по утру, Евсеичь шепнулъ мнѣ на ухо: «Григорій Ивановичъ ѣдетъ съ нами въ Аксаково, только не велѣлъ вамъ сказывать.» Хотя я занимался ученьемъ очень охотно, но несовсѣмъ былъ доволенъ этимъ извѣстіемъ, потому что во время вакаціи я надѣялся хорошенько поудить, а главное — пострѣлять; отецъ обѣщалъ еще за годъ, что онъ приготовитъ мнѣ ружье и выучитъ меня стрѣлять. Я зналъ, что Григорій Ивановичъ не прекратитъ своихъ занятій со мною и отниметъ у меня много времени; ктому же мнѣ показалась непріятною его скрытность. Евсеичь также почему-то не былъ доволенъ. Послѣ акта, мы пообѣдали нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, и выѣхали изъ города. Я не показывалъ виду, что знаю намѣреніе Григорья Ивановича. Выѣхавъ за заставу, мы пошли пѣшкомъ.

(1) Дядька. *Ред.*

Наставникъ мой былъ очень доволенъ и даже веселъ: любовался видомъ зеленыхъ полей, лѣсовъ и мелкими облачками лѣтняго неба. Вдругъ онъ сказалъ улыбаясь: «погода такъ хороша, что я хочу проводить васъ до ночевки, до Мёши (1). Я посмотрю, какъ вы меня накормите рыбой.» Я притворился, что ничего не знаю. «Такъ сядемте же и поѣдемте поскорѣе, сказалъ я, чтобъ пораньше пріѣхать. Да когда же и на чемъ вы воротитесь?» «Я ночую съ вами въ повозкѣ, а завтра поутру найму телѣгу,» отвѣчалъ Григорій Ивановичъ, смотря на меня пристально. Мы сѣли и поѣхали шибкою рысью. Вечеръ былъ великолѣпный, очаровательный: съ нами были удочки, и мы съ Евсеичемъ на Мёшѣ наудили множество рыбы, которую и варили, и жарили; спать легли въ повозкѣ. Проснувшись на другой день поутру, я увидѣлъ, что мы ѣдемъ, что солнце уже взошло высоко, и что Григорій Ивановичъ сидитъ подлѣ меня и смѣется. Я самъ разсмѣялся и признался, что зналъ его секретъ давно. Онъ пожурилъ однако Евсеича за нескромность, и прочтя на моемъ лицѣ, что я несовсѣмъ доволенъ, сказалъ: «Вы боитесь, что я помѣшаю вамъ гулять, но не бойтесь. Я стану заниматься съ вами тогда, когда вы сами будете просить о томъ. Вотъ теперь дорогой нечего вамъ дѣлать, такъ мы будемъ что нибудь читать».. и вытащилъ изъ кармана книгу. Я былъ совершенно утѣшенъ такими словами и охотно бросился бы на шею своему воспитателю; но я не смѣлъ о томъ и подумать. Мы очень много занимались дорогой; и сверхъ того, я перечиталъ наизусть все, что зналъ, даже разговаривали гораздо больше и откровеннѣе, чѣмъ въ К.; но гдѣ только можно было удить—я удилъ, сколько было мнѣ угодно. Такимъ образомъ въ пятый день пріѣхали мы въ Аксаково. Пріѣздъ Григорья Ивановича былъ самою пріятною неожиданностью для моей матери: она пришла въ восхищенье.

Противъ всякаго ожиданія, мы нашли полонъ домъ родныхъ, гостей и большую суматоху: тетка моя Евгенія Степановна выходила замужъ и черезъ нѣсколько дней назначена была свадьба. Евгеніѣ Степановнѣ стукнуло уже сорокъ лѣтъ, но

(1) Рѣка въ 25 верстахъ отъ города К.

она была очень свѣжа и моложава; ей наскучило жить въ домѣ у невѣстки и находиться въ полной зависимости отъ хозяйки, которая въ старые годы много терпѣла отъ своихъ золовокъ и въ томъ числѣ отъ нея, хотя она была лучше другихъ. Евгеніѣ Степановнѣ захотѣлось хоть подъ старость зажить своимъ домкомъ, имѣть свой уголъ и быть въ немъ полной хозяйкой. Она выходила замужъ за Василья Васильевича Угличинина, цѣлый вѣкъ служившаго въ военной службѣ и недавно вышедшаго въ отставку полковникомъ. Это былъ человѣкъ очень простой, добрый, смирный и честный; ему было далеко за 50 лѣтъ. Онъ не имѣлъ никакого состоянія кромѣ маленькой пенсіи и происходилъ изъ самобѣднѣйшихъ дворянъ или однодворцевъ, переселившихся въ Уфимское Намѣстничество. Четырнадцати лѣтъ опредѣлили его въ военную службу; онъ служилъ тихо, исправно, терпѣлъ постоянную нужду, былъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько легкихъ ранъ; онъ не имѣлъ никакихъ знаковъ отличія, хотя формулярный списокъ его былъ такъ длиненъ и краснорѣчивъ, что кажется должно бы его обвѣшать всякими орденами; послѣднее время онъ служилъ на Кавказѣ, откуда вывезъ небольшую сумму денегъ; накопленную изъ жалованья, мундиръ безъ эполетъ, горскаго бѣлаго отъ старости коня, ревматизмъ во всемъ тѣлѣ и катарактъ на правомъ глазу; катарактъ, по счастію, былъ не такъ примѣтенъ, и Василій Васильевичъ старательно скрывалъ его, боясь, что за криваго не пойдетъ невѣста. У Евгеніи Степановны въ семи верстахъ отъ ея сестры Александры Степановны, находилась деревушка изъ 25 душъ; при ней маленькій домикъ, сплоченный изъ двухъ крестьянскихъ срубовъ, стоящій надъ родниковой рѣчкой, «Бавлой», кипѣвшей форелью. Уголокъ очаровательный! При деревушкѣ находилось достаточное количество превосходной земли, со всякими угодьями, купленной на имя моей тетушки у Башкирцевъ за самую ничтожную цѣну, о чемъ хлопоталъ деверь ея, самъ полу-Башкирецъ И. П. Кротковъ (1). И такое ничтожное имѣнье-

(1) Увы! земля эта отошла послѣ многолѣтней тяжбы съ сосѣдственное Бавлинской тюбой Башкирцевъ, которые доказали, что они настоящіе вотчинники. Бѣдная тетка моя купилане подалеку 900 десятинъ и должна была перевесть свою деревушку и перенесть усадьбу.

це казалось заслуженному воину спокойною пристанью, кускомъ хлѣба на старость. Всѣ потихоньку подсмѣивались надъ старымъ и кривымъ женихомъ, кромѣ моей матери, отца и Григорья Ивановича, которые обходились съ нимъ съ уваженіемъ и привѣтливо. Злые языки объясняли ласковость моей матери тѣмъ, что она хотѣла сбыть съ рукъ золовку. Но это неправда. Моя мать всегда умѣла цѣнить и уважать простодушныхъ людей; она искренно совѣтовала Евгенію Степановнѣ выйти замужъ за добраго человѣка, и Евгенія Степановна благодарила ее за эти совѣты во всю свою жизнь. Григорій Ивановичъ находилъ сверхъ того особенное удовольствіе въ разговорахъ съ заслуженнымъ инвалидомъ, и Василій Васильичъ, до крайности неразговорчивый съ другими, охотно отвѣчалъ на его вопросы и разказывалъ очень много любопытнаго. Воспитатель мой тогда же обратилъ мое вниманіе и сочувствіе къ этому человѣку, объяснивъ мнѣ его достоинства, которыхъ я по молодости лѣтъ могъ не понять и не замѣтить.

Въ домѣ не было помѣщенія для мущинъ, даже женщины съ трудомъ помѣщались, потому что три комнаты были отдѣлены для будущихъ молодыхъ. Это привело въ затрудненіе мою мать, и она сдѣлала поступокъ, который мужнина родня никогда ей не прощала: она отдала Григорью Ивановичу свою спальню, въ которую никто изъ постороннихъ не смѣлъ и входить, и помѣстила съ нимъ меня, разумѣется на то время, пока не разъѣхались гости. Въ положенный срокъ свадьба благополучно совершилась. Отецъ мой проводилъ молодыхъ Угличининыхъ на новоселье и немедленно воротился. Наконецъ мы остались одни въ своей семьѣ.

Я прерываю свой разказъ и забѣгаю впередъ. Такъ живо представилась мнѣ жизнь Угличининыхъ, что хочется поговорить о ней.

... Несмотря на недостатки и нужду, которыхъ не знала Евгенія Степановна въ своей дѣвической жизни,—проводя ее сначала въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ домѣ брата и невѣстки и которыя она узнала замужемъ, она была совершенно счастлива. Она любила нѣжно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень нѣжно и глубоко любилъ ее. Къ сожалѣнію она не имѣла дѣтей. Евгенія Степановна до

глубокой старости сохранила какой-то дѣвическій, цѣломудренный видъ; въ обращеніи съ мужемъ она была стыдлива и никогда, никакой ласки при свидѣтеляхъ ему не оказывала, надъ чѣмъ иногда подсмѣивался старый воинъ, намекая, что невсегда Евгенія Степановна бываетъ такъ неприступна. При другихъ они были далеки между собой; всегда говорили другъ другу *вы*, величали другъ друга по имени и отчеству, и вообще обходились очень учтиво. Съ перваго взгляда это могло показаться холодностью, но скоро взаимное, заботливое вниманіе, постоянное наблюденіе другъ за другомъ, участіе къ каждому слову и движенію, дѣлались замѣтны, и всякій убѣждался, что Евгенія Степановна живетъ и дышетъ Васильемъ Васильичемъ, а Василій Васильичь, хотя не такъ тревожно, живетъ и дышетъ Евгеніей Степановной. Домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотою, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ, тишиной, счастьемъ. Нельзя сказать, чтобы у нихъ были одинаковые вкусы; но самое разногласіе сливалось у нихъ въ стройное теченіе жизни. Евгенія Степановна, напримѣръ, любила кошекъ, собачекъ и пѣвчихъ птичекъ, которыя, надобно замѣтить, у нее какъ-то не сорили, не пачкали и ничего не портили; Василій Васильичь совсѣмъ не любилъ ихъ, но самая безобразная, хрипучая моська, съ языкомъ на сторону, по прозванію Калмыкъ, была ему пріятна и дорога, потому что ее любила Евгенія Степановна, и онъ кормилъ, ласкалъ отвратительнаго Калмыка съ удовольствіемъ и благодарностью. Даже сурокъ, который зимовалъ подъ печкой, который очень забавлялъ Евгенію Степановну и очень обижалъ Василья Васильича, потому что затаскивалъ и пряталъ его туфли такъ искусно, что иногда цѣлый день не могли отыскать ихъ, отъ чего приходилось полковнику вставать съ постели босикомъ, — даже и сурокъ пользовался его благосклонностью. Все у нихъ въ домикѣ было какъ-то на своемъ мѣстѣ, какъ-то лучше, чѣмъ у другихъ: собаки и кошки жирнѣе и опрятнѣе, пѣвчія птички веселѣе и голосистѣе, растенія зеленѣе. Подарятъ бывало имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цвѣтовъ: они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и необыкновенно разростутся, такъ что прежній хозяинъ выпроситъ ихъ назадъ. Въ маленькихъ комнаткахъ у Евгеніи Степановны росли и

стручковое дерево, и финикъ, и виноградъ отъ сѣмечекъ изюма, и другія растенія, требующія тепличнаго содержанія. Какъ будто въ воздухѣ было нѣчто успокоительное и живительное, отчего и животному и растенію было привольно и замѣняло имъ, хоть отчасти, дикую свободу или природный климатъ...

Василій Васильичъ и Евгенія Степановна вмѣстѣ смотрѣли за своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и безъ всякаго отягощенья всего дѣлалось у нихъ вдвое больше, скорѣе и лучше, чѣмъ у другихъ. Вмѣстѣ ходили они по грибы и ягоды, вмѣстѣ ловили чудную форель въ своей рѣчкѣ и вмѣстѣ радовались всякой удачѣ... Но, Боже мой, что дѣлалось съ ними, если кто нибудь изъ нихъ захворывалъ! Тутъ только оказывалась вполнѣ эта взаимная, глубокая и нѣжная любовь, которую въ обыкновенное время невдругъ и замѣтишь... Но я удержусь отъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя завели бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что въ послѣдствіи, заѣзжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря нѣсколько часовъ на эту безцвѣтную, скромную жизнь, я всегда поддавался ея впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живетъ истинное счастіе человѣческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворяемыхъ требованій, чуждое страстей и волненій.

... Долго звучалъ во мнѣ гармоническій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ, не хочешь ли быть Васильемъ Васильевичемъ?... я пугался этого вопроса—и умилительное впечатлѣніе мгновенно изчезало. (*)

1855, ноября 22.
Москва.

С. Аксаковъ.

(*) Эта граціозная картинка есть отрывокъ изъ большаго сочиненія, которое должно вскорѣ выйдти въ свѣтъ. Отрывокъ этотъ, при всей своей малости, можетъ дать нѣкоторое понятіе объ интересѣ цѣлаго сочиненія, которое будетъ однимъ изъ самыхъ капитальныхъ пріобрѣтеній нашей литературы. Съ особеннымъ удовольствіемъ присовокупляемъ, что С. Т. Аксаковъ обѣщалъ украсить «Русскій Вѣстникъ» новымъ обширнымъ трудомъ, который намѣренъ вскорѣ предпринять. *Ред.*

КАРЛЪ V.

Charles-Quint, son abdication, son sejour et sa mort au monastère de Yuste. Par M. Mignet. Paris 1854.

Charles-Quint, chronique de sa vie intérieure et de sa vie politique, de son abdication et sa retraite dans le cloître de Yuste. Par Am. Pichot. Paris 1854.

The closter life of the emperor Charles the fifth, by W. Stirling. London 1852. (1)

I.

Время отъ времени память великихъ историческихъ дѣятелей какъ бы вновь освѣжается въ литературѣ. Къ нимъ возвращаются съ усиленнымъ вниманіемъ послѣ забвенія многихъ лѣтъ и начинаютъ разбирать ихъ жизнь и дѣла съ большею прежняго любовію. По временамъ исторія любитъ дѣлать пересмотръ своихъ собственныхъ мнѣній о лицахъ и событіяхъ. Въ послѣдніе годы особенно посчастливилось славной исторической памяти Карла V. Ученый кредитъ Робертсона, стараго его историка, вдругъ упалъ на нѣсколько процентовъ. Вновь возбужденное участіе къ знаменитому современнику Реформаціи вызвало нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ монографій объ его жизни и смерти, появившихся въ короткій срокъ двухъ или трехъ лѣтъ. Нѣкоторое время не было ни одного сколько-нибудь значительнаго періодическаго изданія, которое бы обошло вовсе Карла V. Со словъ французскихъ историковъ, одни передавали обстоятельства избранія его на императорскій престолъ, другіе пересказывали своимъ читателямъ загадочную исторію его отреченія и пребыванія въ монастырѣ. Вопросъ, поднятый впервые

(1). Подлиннаго сочиненія Стирлинга, къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками при составленіи нашей статьи и должны были довольствоваться нѣмецкимъ его переводомъ, сдѣланнымъ Іппдау (Дрезденъ 1853). *Авт.*

на отдаленнымъ Западѣ, такъ или иначе отразился и въ нашей періодической литературѣ.

Неслучайно пробудился вновь интересъ къ лицу, надъ которымъ казалось уже произнесенъ былъ судъ исторіи. Ближайшаго повода конечно надобно искать въ успѣхахъ новыхъ архивныхъ разысканій. Только въ наше время открылись любознательности драгоцѣнные архивы Испаніи, такъ долго бывшіе недоступными. Нельзя описать всего историческаго богатства, извлеченнаго въ послѣднее время изъ одного знаменитаго Симанкскаго (de Simancas) Архива, благодаря настойчивости и неутомимой дѣятельности бельгійскихъ и французскихъ разыскателей. Гашаръ оставитъ по себѣ почетное имя въ новой исторіографіи лишь своими превосходными изданіями актовъ и корреспонденцій, касающихся Испаніи и Нидерландовъ подъ управленіемъ императоровъ и королей Габсбурго-австрійскаго Дома. Никогда еще можетъ быть изданіями одного трудолюбиваго собирателя не проливалось столько свѣта на одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи, наполняющую въ ней болѣе столѣтія. Біографическая исторія Карла V и сына его Филиппа II въ особенности пріобрѣла новыя весьма важныя основанія, бывшія прежде почти вовсе неизвѣстными. Можетъ быть менѣе видны и гласны, но не менѣе существенны и полезны новые труды нѣмецкихъ ученыхъ по той же части исторіи. Они прямо примыкаютъ къ изданіямъ бельгійскихъ собирателей, какъ необходимое и весьма важное ихъ дополненіе. Великое историческое значеніе двухъ царствованій не менѣе хорошо было понято въ Германіи, какъ и въ самой Бельгіи или въ Испаніи, гдѣ хранились для нихъ главные источники. Впрочемъ, какъ и надобно было ожидать, интересъ нѣмецкихъ изслѣдователей сосредоточился главнымъ образомъ на жизни Карла V, котораго дѣятельность всего болѣе принадлежала Имперіи. Бельгійскіе же архивы доставили Ланцу обильный матеріалъ для характеристики знаменитаго императора, состоящій изъ его дипломатической и частной корреспонденціи. Она наполнила три довольно плотные тома особеннаго изданія (1). Но вслѣдъ за тѣмъ нѣмецкая любознательность также нашла себѣ доступъ и къ за-

(1) Correspondenz des Kaisers Karl V. von Dr K. Lanz. 3 Bde. 1844-46.

повѣднымъ сокровищамъ Симанкскаго Архива. Гейне извлекъ изъ нихъ драгоцѣнную двухлѣтнюю корреспонденцію съ Карломъ V его духовника, о существованіи которой едва подозрѣвали (1). Наконецъ, уже въ 1853 году, историческою комиссіею Вѣнской Академіи предпринято, при содѣйствіи того же Ланца, полное изданіе (въ трехъ отдѣленіяхъ) «Памятниковъ» Габсбургскаго Дома, начиная отъ перваго появленія Максимиліана I на политической сценѣ до смерти Максимиліана II, или отъ 1473 до 1576 года. Первый изданный томъ относится ко 2-му отдѣленію и обнимаетъ въ себѣ первые года правленія Карла V (2).

Вновь изданные документы, впрочемъ, лишь прибавили пищи старому интересу, который всегда соединялся съ воспоминаніемъ о Карлѣ V. Немного лицъ въ исторіи, способныхъ въ такой степени возбудить и надолго привязать къ себѣ однажды возбужденное вниманіе мыслящаго человѣка. Кто хоть разъ проходилъ съ мыслію разныя перемѣны въ судьбахъ Карла, тотъ никогда не можетъ изгладить изъ своей памяти этого величественно-печальнаго образа, заживо схоронившаго въ монастырѣ свое царственное величіе и свои колоссальные замыслы. Чувство, возбуждаемое его судьбою, нельзя назвать симпатіею, но оно почти равняется ей своимъ постоянствомъ и неизмѣнностію. Карла нельзя прировнять ни къ одному изъ великихъ дѣятелей стараго и новаго времени: онъ стоитъ отдѣльно, самъ по себѣ, поражая обращенную къ нему мысль не столько величавымъ видомъ, сколько таинственностію своего выраженія. Дивишься его неослабной душевной силѣ при постоянной физической болѣзненности; съ изумленіемъ взвѣшиваешь міровыя средства, отданные судьбою въ его распоряженіе, и зная притомъ его неутомимую дѣятельность, не знаешь чему приписать недостатокъ великихъ результатовъ... Кто болѣе его безпокоился свою жизнь, и кто менѣе пожалъ истинной славы отъ трудовъ своихъ? Какая смѣлая предпріимчивость, какая рѣдкая непре-

(1) Briefe an Kaiser Karl V geschrieben von seinem Beichtvater in den Jahren 1530-32. von Dr G. Heine. Berlin 1848.

(2) Monumenta Habsburgica. Sammlung von Actenstücken und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburg in dem Zeitraume von 1473 bis 1576. 2 Abtheilung. Kaiser Karl V und König Philipp II. I-r Band. Wien 1853.

клонность воли, и при всемъ томъ — какъ мало настоящей производительности! У Карла V нѣтъ кажется ни одного соперника, который бы могъ поровняться съ нимъ обширностію средствъ и тонкостію разчета, а между тѣмъ рѣдкій успѣхъ его не былъ отравленъ быстро слѣдовавшею за тѣмъ неудачею, или новою превратностію счастія. Чѣмъ крѣпче затягивалъ онъ узелъ дипломатической сѣти, которая по его мысли должна была соединить въ одинъ союзъ бо́льшую часть современныхъ ему политическихъ силъ, тѣмъ больше она рвалась, и недавніе союзники одинъ за другимъ переходили въ ряды его противниковъ.

Не была ли къ нему судьба въ одно и тоже время нѣжной матерью и злою мачихой? Не оттого ли ужь вѣнецъ истинно великаго человѣка миновалъ его головы, что онъ имѣлъ противъ себя таинственную силу рока, съ которою ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть равноій борьбы? Но такой фатализмъ былъ бы очень страннымъ явленіемъ среди другихъ весьма разумныхъ движеній въ исторіи того времени.

А это добровольное и вмѣстѣ таинственное отреченіе Карла V отъ власти, которымъ такъ неожиданно для всѣхъ разрѣшилась его многолѣтняя государственная дѣятельность? Было ли оно естественнымъ слѣдствіемъ усталости послѣ многихъ лѣтъ самаго напряженнаго вниманія къ дѣламъ, или можетъ быть источникомъ его было не столько отвращеніе къ дѣламъ, сколько накопившееся презрѣніе къ лицамъ и утрата всякой вѣры въ достоинство ихъ дѣйствій? Во всякомъ случаѣ дѣло непринужденнаго и соединеннаго съ торжественностію отреченія Карла V отъ престола стоитъ одиноко въ исторіи и всегда останется привлекательнымъ для мысли, хотя бы только ради своей оригинальности. Имъ въ сильной степени поражены были умы современниковъ, но даже и черезъ триста лѣтъ послѣ событія едва ли можно защититься отъ заключающейся въ немъ притягательной силы особеннаго рода. Драматизмъ положенія не ограничивается впрочемъ однимъ моментомъ: онъ простирается и на всю остальную жизнь Карла V, или на все время пребыванія его въ монастырѣ св. Юста. Недаромъ нѣкоторымъ современникамъ знаменитаго отшельника приходило въ голову видѣть въ немъ великаго актера. Поразителенъ въ са-

момъ дѣлѣ контрастъ царственнаго величія и скромнаго монастырскаго уединенія, почти съ равнымъ достоинствомъ выдержанныхъ одними и тѣми же душевными силами. Повидимому только рѣшительное сценическое призваніе могло удовлетворить такимъ требованіямъ, лишь оно могло создать и сочетать между собою столько несродныя положенія. Но едва ли можно такъ легкомысленно играть съ мыслію о смерти; едва ли можно приносить великія жертвы лишь изъ суетнаго желанія снова привлечь къ себѣ ослабѣвшее вниманіе публики неожиданною перемѣною роли. Справедливо, что Карлъ V, заключенный въ своей тѣсной кельи, почти не менѣе занималъ собою современный ему міръ, чѣмъ во время своего величія, когда всеобщее вниманіе приковано было къ нему столько же огромностію его средствъ, сколько и обширностію его замысловъ; но при всемъ томъ должно признаться, что перемѣна положенія и соединенной съ нимъ роли до сихъ поръ оставалась загадкою, къ которой еще не подыскано было настоящаго ключа. Не нашли ли его развѣ современные намъ изслѣдователи, которые имѣли въ своихъ рукахъ столько новаго матеріала?

Новыя историческія монографіи, сюда относящіяся, замѣчательны особенно выборомъ своей темы. Всѣ онѣ главнымъ образомъ посвящены послѣднимъ годамъ жизни Карла V, или пребыванію его въ монастырѣ. Прежняя дѣятельность императора и его общая характеристика едва наполняютъ въ нихъ нѣсколько вступительныхъ главъ. Стирлингъ, авторъ англійской монографіи, прямо начинаетъ съ знаменитаго отреченія. Причины лежатъ близко. Онѣ заключаются въ томъ, во-первыхъ, что англійскому и французскимъ историкамъ прежде всего досталась въ руки та часть новаго матеріала, которая именно относится къ пребыванію Карла V въ монастырѣ. Стирлингъ приготовился къ своему труду знакомствомъ съ испанской исторической литературою, въ которой естественно всего болѣе можно найдти извѣстій о жизни императора въ самой Испаніи. Онъ же первый воспользовался богатою испанскою рукописью Томаса Гонзалеса, поступившею съ 1844 года во французскіе архивы и составляющую главное пособіе для изученія въ подробностяхъ того же предмета. Бельгійскія изданія Гашара, которыя сверхъ того дали такъ много матеріала для моно-

графій Минье и Пишо, большею частію относятся къ тому же періоду въ жизни Карла V. Нѣмецкія изданія Ланца и Гейне, хотя не остались вовсе неизвѣстными французскимъ историкамъ, были впрочемъ отъ нихъ гораздо далѣе. Прибавить надобно романическую занимательность предмета. Исторія Карла V собственно оканчивается его отреченіемъ, а за тѣмъ начинается романъ его жизни. Въ уединеніи св. Юста нѣтъ болѣе мѣста государственной и вмѣстѣ съ тѣмъ исторической дѣятельности: интересъ привязанъ только къ лицу и къ перемѣнамъ въ его положеніи. Какъ скоро открылись источники, которые изо дня въ день пересказываютъ всѣ обстоятельства пребыванія Карла V въ монастырѣ, эта часть его жизни, до тѣхъ поръ остававшаяся столько загадочною, должна была привлечь къ себѣ все вниманіе новой исторіографіи. Не часто достается такой кладъ въ руки историкамъ: какъ было тому или другому изъ нихъ не воспользоваться архивными пріобрѣтеніями для разказа, который бы соединялъ съ занимательностію романа достовѣрность исторіи?

Нельзя въ этомъ случаѣ не порадоваться соревнованію историковъ, такъ горячо взявшихся за одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи реформаціоннаго періода, столько обильнаго замѣчательными лицами и событіями. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что каждая отдѣльная страница изъ жизни историческаго лица, какъ бы ни велика была степень ея занимательности, никогда впрочемъ не будетъ достаточно полна и ясна безъ связи съ другими. Самое неправильное развитіе имѣетъ однако свою послѣдовательность; прошедшею жизнію условливаются большею частію ея позднѣйшія явленія. Разказъ о послѣдней судьбѣ историческаго дѣятеля особенно нуждается въ поясненіи ея предшествующими обстоятельствами. Какъ можетъ быть занимательна развязка, когда не знаешь узла, который долженъ быть развязанъ ею? Или какое можетъ быть участіе къ герою, когда не различаешь ясно, пожинаетъ ли онъ плоды своей прежней дѣятельности, или подъ закатъ своихъ дней принужденъ испытать и понести на себѣ послѣдствія своихъ ошибокъ? Полное наше участіе мы даримъ лишь полному человѣку, который влечетъ насъ къ

себѣ не только своимъ личнымъ характеромъ, но своимъ образомъ мыслей и всѣмъ направленіемъ своей дѣятельности.

Отъ новыхъ историковъ Карла V не укрылась необходимость— говоря о послѣднихъ годахъ, проведенныхъ имъ въ Испаніи, нѣсколько связать ихъ съ прежнею его жизнію. Только одинъ изъ нихъ, Стирлингъ, такъ увлеченъ былъ интересомъ вновь доставшагося ему матеріала, что открылъ свой разказъ прямо распоряженіемъ императора объ отреченіи отъ престола. Французскіе историки, взявшіеся за тоже дѣло нѣсколько позже, поступили нѣсколько осмотрительнѣе. Пишо отдѣлилъ цѣлую особую часть въ своей книгѣ и помѣстилъ въ ней всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о предшествующей жизни Карла V, объ его дѣтствѣ и юности, объ избраніи его на императорскій престолъ, о пребываніи его въ Нидерландахъ, объ отношеніяхъ къ Фердинанду и т. п. Читатель получаетъ такимъ образомъ обильный матеріалъ для размышленія, прежде чѣмъ достигаетъ тѣхъ событій, которыя составляютъ главное содержаніе монографіи. Къ сожалѣнію, самъ авторъ мало помогаетъ читателю своею собственною мыслію. Амедей Пишо принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые довольствуются внѣшнимъ порядкомъ въ расположеніи своего матеріала. Мысль ихъ не господствуетъ надъ нимъ и потому не бываетъ въ уровень съ своею задачею. Ихъ сочиненія можно употреблять съ пользою для пополненія свѣдѣній, при недостаткѣ подлинныхъ источниковъ, но едва ли можно надѣяться отъ нихъ разъясненія задачи и рѣшенія трудныхъ вопросовъ. Они уже достигли своей цѣли, если успѣли сколько-нибудь занять ваше вниманіе внѣшнимъ повѣствованіемъ. Другое дѣло — умный и талантливый авторъ « Антоніо Переса » и « Маріи Стюартъ ». Если нельзя совершенно поравнять его съ корифеями французской исторіографіи, то нельзя также зачислить его въ число послѣдователей той или другой исторической школы. Минье слишкомъ самостоятеленъ для того, чтобы идти по чужимъ слѣдамъ. Призваніе его быть историкомъ рѣшительно обнаружилось уже въ самомъ раннемъ его произведеніи. Вполнѣ же созрѣлъ его талантъ на многолѣтнихъ занятіяхъ исторіею реформаціоннаго періода въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. По этой части издано имъ въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ монографій. Вмѣ-

стѣ взятыя, онѣ заслужили своему автору столько же почетное, сколько и видное мѣсто между представителями новаго историческаго искусства. Каждая изъ нихъ есть плодъ обширнаго и многосложнаго изученія. Минье не прежде принимается за перо, какъ выработавши себѣ отчетливое представленіе о характерѣ своего героя и его исторической дѣятельности. Разказъ всегда спокойный, ровный и необыкновенно ясный составляетъ одну изъ главныхъ особенностей его изложенія. По-видимому самыми простыми средствами онъ умѣетъ достигать высшей степени исторической занимательности. Ему часто недостаетъ широты воззрѣнія; но рѣдко ошибется онъ во взглядѣ на человѣка, или не досмотритъ въ немъ существенныхъ сторонъ. Вотъ почему изъ всѣхъ новыхъ толковъ о Карлѣ V мнѣніе Минье имѣетъ для насъ особенную важность.

Задача Минье собственно ограничивалась тоже лишь пребываніемъ Карла въ монастырѣ св. Юста. Но какъ писатель одаренный настоящимъ историческимъ тактомъ, онъ тотчасъ понялъ, что, безъ связи съ прежнею жизнію императора, разказъ объ его отшельничествѣ имѣлъ бы только сказочный интересъ въ глазахъ читателя. Историческій интересъ событія лежитъ въ противоположности его съ прежнею жизнію и дѣятельностію того же лица. Чтобы привязать читателя къ знаменитому отшельнику, надобно по крайней мѣрѣ разказать исторію его торжественнаго отреченія отъ власти. Какъ однако говорить объ отреченіи Карла и не коснуться ближайшихъ причинъ, которыя приготовили этотъ необыкновенный актъ воли со стороны могущественнѣйшаго европейскаго властителя въ данную эпоху времени? Но что, если ближайшія причины не объясняютъ явленія? Не обязанъ ли тогда историкъ подняться еще выше по времени и взойдти можетъ быть къ самымъ началамъ дѣятельности историческаго лица, чтобы доискаться того узла, который окончательно развязался лишь въ послѣдніе годы его жизни? Минье дѣйствительно слѣдуетъ этому порядку въ своемъ изложеніи. Онъ начинаетъ съ отреченія и старается прежде всего объяснить таинственный смыслъ его. Скоро становится ясно историку, что признаки извѣстнаго расположенія въ Карлѣ V можно замѣчать многими годами ранѣе, чѣмъ совершилось самое отреченіе. Очевидно: первыхъ пово-

довъ къ нему надобно искать гораздо выше, въ прежней жизни императора, можетъ быть въ самомъ его характерѣ, естественныхъ наклонностяхъ и самой дѣятельности. Такимъ образомъ историкъ приведенъ къ необходимости собрать всѣ черты Карла V, изъ которыхъ слагается его внѣшняя и внутренняя характеристика.

Послѣдуемъ и мы за историкомъ. Приводимыя имъ черты тѣмъ драгоцѣннѣе, что собраны изъ донесеній оффиціяльныхъ венеціянскихъ легатовъ, которые находились тогда почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ и отличались точностію и вѣрностію своихъ наблюденій (1). По ихъ описаніямъ, Карлъ былъ обыкновеннаго роста, но хорошо и крѣпко сложенъ. Въ молодости своей онъ отличался физическою силою и ловкостію и считался между лучшими наѣздниками своего времени. Охота была однимъ изъ любимыхъ его удовольствій. Случалось даже, что онъ сходилъ на арену, гдѣ происходилъ бой быковъ, и собственными руками повергалъ ихъ на землю. Но въ послѣдствіи эта благодѣтельная физическая дѣятельность должна была уступить мѣсто другой, которая требовала крайняго напряженія его душевныхъ силъ. Чѣмъ больше расширялись политическіе виды Карла, тѣмъ больше увеличивалась его умственная дѣятельность и заботливость. Онъ любилъ самъ входить во все. Послѣ канцлера Гаттинары, которой умеръ въ 1521 году, у него не было болѣе перваго министра. Высшая администрація и политика принадлежали ему лично. Секретарь Ковосъ и хранитель печати Гранвелла пользовались наибольшею его довѣренностію: онъ ничего не предпринималъ безъ совѣта съ ними, но послѣднее рѣшеніе въ дѣлахъ всегда удерживалъ за собою. Широкое чело его было отмѣчено рѣдкою силою духа; въ его твердомъ и вмѣстѣ проницательномъ взглядѣ отражалась постоянно дѣятельная мысль: но къ сожалѣнію, ни та, ни другая болѣе не находила себѣ отдыха или временнаго развлеченія въ

(1) Извѣстно, что этими донесеніями особенно много пользовался Ранке для своихъ историческихъ произведеній. Онъ долженъ былъ почерпать ихъ большею частію изъ архивовъ; но послѣ во Флоренціи предпринято было полное изданіе венеціянскихъ донесеній подъ названіемъ: Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. По 1844 годъ ихъ издано было 7 томовъ.

физическихъ упражненіяхъ, которыя бы, приводя въ движеніе кровь, вмѣстѣ съ тѣмъ возобновляли и самыя силы духа. Императору некогда было подумать о нихъ: какъ скоро онъ не былъ въ походѣ, онъ неизмѣнно велъ сидячую жизнь, которая вредно дѣйствовала и на физическое его здоровье.

Присоедините сюда слѣдствія извѣстной всѣмъ неумѣренности Карла V. Слабость къ женщинамъ слѣдовала за нимъ во всѣхъ его переѣздахъ изъ одной стороны въ другую. По словамъ одного венеціянскаго посла, гдѣ бы онъ ни появлялся, женщины какъ высшаго, такъ даже и низшаго состоянія никогда не были лишними въ его присутствіи. Другой не менѣе извѣстный недостатокъ Карла составляло его крайнее невоздержаніе на пищу. Всѣ современники согласны въ томъ, что аппетитъ его страдалъ какою-то болѣзненною неумѣренностію. Можетъ быть первый поводъ къ тому заключался въ неправильномъ образованіи нижней части его лица. Нижняя челюсть Карла была такъ широка и длинна, что значительно выдавалась впередъ передъ верхнею, и онъ, закрывая ротъ, никогда не могъ сжать у себя зубовъ. Такое странное образованіе рта придавало много оригинальности его фигурѣ, но въ тоже время имѣло вредное вліяніе на его пищевареніе. Онъ долженъ былъ мять каждый кусокъ, вмѣсто того чтобы жевать его. Оттого онъ любилъ только блюда сильно приправленныя пряностями. Всѣ другія казались ему совершенно безвкусными. Монфальконѐ, одному изъ майордомовъ, завѣдывавшему столомъ императора, не разъ приходилось выслушивать выговоры за то, что будто кухня его никуда не годится. Майордомъ былъ человѣкъ весьма права и притомъ довольно находчивый. Онъ не хотѣлъ оставаться въ долгу даже у императора. Однажды, на подобное замѣчаніе относительно кухни, онъ отвѣчалъ слѣдующею шуткою: я право не знаю, какъ угодить В-му В--ву; развѣ не заказать ли новое рагу изъ стѣнныхъ часовъ?.. Послѣднія слова напоминали Карлу страсть его къ часамъ, которые онъ любилъ имѣть во множествѣ и самыхъ разнообразныхъ формъ. Шутка майордома очень позабавила его, но нисколько не отучила отъ прежней слабости.

Напротивъ, неумѣренность Карла кажется возрастала съ годами. Онъ, который умѣлъ повелѣвать своими страстями,

не властенъ былъ надъ своимъ аппетитомъ; онъ, который во всѣхъ превратностяхъ жизни сохранялъ власть надъ самимъ собою, за столомъ постоянно былъ рабомъ своего собственнаго желудка: такъ выражается о немъ нашъ историкъ. Не только совѣты медиковъ,—даже голосъ духовника безсиленъ былъ противъ этой несчастной его слабости. Въ изданной Гейне перепискѣ кардинала Осмы то и дѣло встрѣчаются увѣщанія его духовному сыну—быть какъ можно воздержнѣе на пищу. Доходило до того, что духовникъ долженъ былъ говорить тономъ заботливаго дядьки, предостерегающаго своего воспитанника отъ каждаго вреднаго куска. Такъ между прочимъ писалъ онъ Карлу въ концѣ 1530 года: прошу В. В-во воздерживаться отъ тѣхъ блюдъ, которыя вамъ нездоровы; всему свѣту напримѣръ извѣстно, какъ вредитъ вашей груди употребленіе рыбы; ради самого Бога подумайте, что ваша жизнь принадлежитъ не вамъ однимъ, но и всѣмъ, и если В. В-во рѣшились не жалѣть *вашей* собственности, то все же мы имѣемъ право дорожить *нашей* (1). Въ началѣ слѣдующаго года кардиналъ Осма счелъ за нужное еще разъ повторить свое увѣщаніе, на ряду съ напоминаніемъ о высшихъ христіанскихъ обязанностяхъ. Прошу В. В-во — писалъ онъ Карлу — во-первыхъ, жить въ духѣ любви къ Богу и отвращаться грѣховъ; во-вторыхъ, въ пищѣ и питьѣ удовлетворять лишь необходимой потребности, а не служить рабски своему аппетиту, и т. д. (2). Но никакія увѣщанія не были довольно дѣйствительны, чтобъ помочь Карлу избавиться отъ укоренившейся въ немъ слабости. Не смотря на усиливающіеся недуги, онъ оставался вѣренъ своимъ застарѣлымъ привычкамъ. Англичанинъ Рожеръ Ашамъ нашелъ его въ 1550—51 году больнаго въ Аугсбургѣ. Онъ почти безвыходно оставался въ своей жарко натопленной комнатѣ, и во всю зиму только три раза вышелъ къ парадному столу, приготовленному въ сосѣдней залѣ. Ашамъ присутствовалъ при одномъ изъ этихъ обѣдовъ и былъ удивленъ несоразмѣрностію аппетита съ состояніемъ больнаго. Карлъ не отказывался ни отъ одного блюда и очень часто наполнялъ свой стаканъ рейн-

(1) См. Briefe an K. Karl. V, p. 94.
(2) Ibid., p. 97.

вейномъ, выпивая его всякій разъ значительное количество (не менѣе четверти гальона).

Но яснѣе и выразительнѣе всего свидѣтельство фанъ-Мале, занимавшаго должность каммергера при императорѣ и имѣвшаго много случаевъ близко наблюдать за нимъ. Во время осады Меца, черезъ два года послѣ пребыванія Ашама въ Аугсбургѣ, онъ писалъ къ одному изъ нидерландскихъ сеньоровъ: «Старый и очень глубокій источникъ многочисленныхъ болѣзней императора заключается въ чрезмѣрной ненасытности его желудка. Онъ до того подверженъ этой слабости, что даже среди припадковъ своей болѣзни не можетъ отказать себѣ въ тѣхъ блюдахъ и напиткахъ, которые особенно вредны ему. Вы совершенно въ правѣ жаловаться какъ на невоздержность императора, такъ и на излишнюю, до слабости доходящую снисходительность его докторовъ. Здѣсь только объ одномъ и говорятъ. Захочетъ ли онъ мяса? чтобы сейчасъ подавали ему. Вздумается ли ему покушать рыбы? чтобы тотчасъ же готова была рыба. Требуетъ ли онъ пива—ему не отказываютъ и въ томъ; надоѣло ему вино — его тотчасъ берутъ прочь. Врачь превратился въ угодника: чего самъ цезарь хочетъ или не хочетъ, то и онъ приказываетъ или запрещаетъ. Признаемся— говоритъ фонъ-Мале въ заключеніи—мы здѣсь про себя куда какъ не рады усердію венгерской королевы, которая то и дѣло присылаетъ ему въ подарокъ рыбы. Недавно два дня къ ряду онъ кушалъ ее въ большомъ количествѣ, съ величайшею опасностію для своего здоровья. По его приказанію, ему подавали камбалы (sole), устрицъ и разныхъ морскихъ рыбъ, и онъ кушалъ ихъ въ разныхъ видахъ — сырыя, вареныя и жареныя» (1).

Неудивительно, что недуги Карла V росли съ каждымъ годомъ: они питались его невоздержаніемъ. Начало его болѣзненности восходитъ впрочемъ еще къ его юности. Когда ему еще не было 20 лѣтъ, съ нимъ начались первые припадки, въ родѣ эпилепсіи, повторявшіеся потомъ нѣсколько разъ. Случалось, что онъ падалъ отъ нихъ вовсе безъ чувствъ на землю. Со времени брака его съ португальскою инфантою Изабеллою (въ

(1) См. Mignet, Charles-Quint, p. 55-56.

1526 году) эти припадки прекратились, но Карлъ и послѣ того продолжалъ чувствовать сильныя боли въ головѣ, такъ что въ послѣдствіи принужденъ былъ остричь свои длинные волосы. Что для самого Карла было средствомъ облегченія отъ боли, то для придворныхъ его скоро обратилось въ моду. Подражая императору, испанскіе гранды также разстались съ своими длинными локонами и приняли туже короткую прическу. Но Карла стерегли другіе недуги. Ему было только 30 лѣтъ, когда онъ почувствовалъ первые припадки подагры. Руки и ноги его поражены были почти въ равной степени. Съ каждымъ годомъ потомъ болѣзнь дѣлала новые успѣхи. Карлъ все больше и больше терялъ способность произвольныхъ движеній. Часто онъ не владѣлъ довольно правою рукою, чтобы подписать свое имя; во многихъ случаяхъ онъ долженъ былъ прибѣгать къ носилкамъ, чтобы переходить съ одного мѣста на другое. Лишь съ величайшимъ трудомъ могъ онъ ѣздить верхомъ на лошади. Въ одно время съ подагрою, его не менѣе сильно безпокоила одышка и часто повторявшіеся приливы крови. Онъ еще былъ довольно молодъ лѣтами, какъ уже голова и борода его покрылись сѣдинами.

Странно впрочемъ: душевныя силы Карла повидимому не изнемогали въ борьбѣ съ физическими недугами. Минье конечно не говоритъ того; но у нѣмецкаго историка Реформаціи есть черты въ этомъ родѣ, которыя на всегда остаются въ памяти. Императоръ постоянно занимался самъ всѣми дѣлами внутренняго управленія; во внѣшней политикѣ никто не могъ сдѣлать безъ него ни одного важнаго шага; въ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, когда весь успѣхъ зависѣлъ отъ оружія, онъ обыкновенно показывался лично впереди своего войска, и его блѣдный и болѣзненный видъ производилъ даже эффектъ особеннаго рода на противниковъ. Таково было напримѣръ почти неожиданное появленіе его въ битвѣ при Мюльбергѣ (1547). Мы приведемъ это обстоятельство словами нѣмецкаго историка. Битвѣ предшествовала переправа императорскаго ополченія черезъ Эльбу. «Первые переправились Альба и Морицъ, за ними вся остальная легкая кавалерія, въ числѣ около 4000 всадниковъ, къ которымъ подсажено было сзади до 800 стрѣлковъ; потомъ слѣдовалъ Фердинандъ и за нимъ самъ императоръ. Проте-

станты знали, что императоръ выступилъ въ походъ въ самомъ больномъ состояніи, и что еще недавно, находясь въ Нюренбергѣ, онъ неохотно принималъ у себя кого бы то ни было, и смотрѣли на него почти какъ на мертвеца: точно какъ набальзамированный трупъ, или привидѣніе, выѣзжалъ онъ впередъ по направленію къ нимъ. А того не знали они, что эта болѣзненная, истощенная и повидимому совершенно разбитая натура способна была вдругъ возвратить себѣ свою первоначальную энергію и въ такомъ случаѣ неудержимо стремилась къ цѣли, которую видѣла у себя впереди. Карла нельзя было узнать въ походѣ: онъ опять становился и здоровъ и бодръ; каждый день въ четыре часа утра онъ былъ уже на ногахъ. Такъ и теперь онъ рыцаремъ выѣхалъ впередъ, въ своемъ блестящемъ вооруженіи, подъ краснымъ бургундскимъ знаменемъ, шитымъ золотомъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ мести во взглядѣ и съ полною увѣренностію въ побѣдѣ» (1).

По тѣмъ или другимъ причинамъ, французскій историкъ проходитъ молчаніемъ подобныя явленія. Мысль его всего болѣе занята усиливающеюся болѣзненностію Карла V. Въ ней видитъ онъ главную причину не только физическаго изнуренія, но и нравственной усталости императора. Силы его слабѣли — думаетъ онъ—по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ его дѣятельности. Наконецъ—говоритъ тотъ же историкъ — Карлъ V долженъ былъ совершенно изнемочь и пасть подъ излишнею тяжестію, несоразмѣрной ни съ какими индивидуальными силами (2).

Такъ объясняется, по мнѣнію Минье, рѣшимость Карла V сложить съ себя власть, которая подъ конецъ превышала его личныя средства. Ближайшія причины къ послѣдовавшему за тѣмъ отреченію отъ свѣта онъ находитъ также въ самой организаціи императора и его раннихъ душевныхъ расположеніяхъ. Онъ былъ наклоненъ отъ природы къ задумчивости. Никогда не видали его совершенно веселымъ: напротивъ того, грустное душевное настроеніе замѣчали въ немъ въ самой ранней молодости. Оно не приходило отъ внѣшнихъ причинъ, но развивалось въ немъ естественнымъ образомъ изъ условій его внутренней организаціи. Грусть безотчетная, но тѣмъ не ме-

(1) Ranke, Deutsche Geschichte, B. IV, S. 513—514.
(2) Mignet, ibid. p. 13.

нѣкоторая, не рѣдко овладѣвала имъ до такой степени, что онъ, хотя и противъ своей воли, временемъ отдавался ей всѣмъ своимъ существомъ. Тогда онъ самъ одѣвался въ трауръ, приказывалъ обтянуть свою постель чернымъ полотномъ и ставилъ вокругъ себя нѣсколько восковыхъ пламенниковъ... Среди полнаго разгара дѣятельности, Карлъ вдругъ иногда меланхолически отворачивался отъ жизни и любилъ окружать себя симптомами смерти. Это мрачное душевное расположеніе, возвращаясь время отъ времени, указывало на глубоко скрытый корень болѣзни въ самой природѣ человѣка.

Не безъ основанія думаютъ, что душевный недугъ Карла V былъ наслѣдственный. Кажется безъ ошибки можно сказать, что первый зародышъ болѣзни достался ему отъ матери, Хуаны Кастильской. Женщина страстнаго темперамента, она легко теряла власть надъ собою. Страсть нараждалась въ ней изъ самаго простаго и естественнаго чувства и тотчасъ принимала то одностороннее направленіе, которое не оставляетъ болѣе никакой свободы душевнымъ движеніямъ. Она не иначе могла любить, какъ страстно, и потому никогда не была свободна отъ ревности. Другими словами, Хуана до того отдавалась своей страсти, что не властна была даже надъ своимъ сознаніемъ. Извѣстна исторія отношеній ея къ Филиппу Габсбургскому. Повидимому ни въ чемъ не было недостатка для ихъ супружескаго счастія; но въ самомъ дѣлѣ Филиппъ былъ слишкомъ любимъ своею женою, чтобъ могъ назваться вполнѣ счастливымъ. Это была та больная любовь, которая хочетъ полнаго обладанія любимымъ предметомъ и въ каждомъ нѣсколько свободномъ его движеніи непремѣнно видитъ измѣну себѣ. Филиппъ не выдержалъ и наконецъ бѣжалъ отъ такой любви... Оставивъ беременную супругу въ Испаніи, онъ самъ уѣхалъ въ Нидерланды (1503). Бѣдная Хуана была поражена въ самое сердце; ею овладѣла несказанная грусть; она казалось потеряла голосъ, перестала владѣть языкомъ и вся превратилась въ слухъ, въ нетерпѣливое ожиданіе возвращенія мужа. Но онъ не являлся, и мать едва успокоивала дочь обѣщаніемъ скоро отпустить ее, на свиданіе съ нимъ, въ сѣверныя провинціи. Разрѣшеніе отъ бремени сыномъ (Фердинандомъ) сдѣлало ее еще нетерпѣливѣе: она на время какъ-бы потеряла

употребленіе своихъ умственныхъ силъ, ничего не слышала и не понимала вокругъ себя и жила только однимъ желаніемъ. Наконецъ ей удалось обмануть своихъ приставниковъ: разъ она ушла изъ дому, гдѣ ее стерегли, чтобы идти пѣшкомъ во Фландрію. Ее скоро остановили и воротили назадъ, но ничѣмъ потомъ не могли убѣдить ее занять отведенную ей комнату. День и ночь Хуана проводила внѣ покоевъ и почти ни на минуту не оставляла наружныхъ галлерей замка. Чтобъ отвратить новый побѣгъ, мать принуждена была переправить ее въ Брюссель. Но несчастная страсть ея скоро нашла здѣсь себѣ новую пищу. Отъ ревнивыхъ глазъ жены Филиппа не укрылась связь его съ одною Фламандкою. На бѣду эта дѣвушка была очень красива собою. При видѣ ея, Хуаною овладѣла неукротимая ярость мщенія: она ворвалась въ комнаты ненавистной женщины, силою обрѣзала ей длинные бѣлокурые волосы, которыми Филиппъ любовался въ особенности, и безъ жалости исцарапала иглами ея румяныя щеки. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ поступокъ заслужилъ ей отъ Филиппа лишь суровую укоризну. Горькіе упреки его разумѣется не могли быть для нея цѣлительнымъ бальзамомъ: они глубоко вонзились въ ея сердце и погрузили ее въ мрачное отчаяніе, изъ котораго она не выходила до самой смерти своего мужа.

Въ 1506 году Филиппъ возвратился вмѣстѣ съ женою въ Испанію и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ опасно заболѣлъ въ Бургосѣ. Новая бѣда опять застигла Хуану въ состояніи беременности. Не смотря на то, она ни на минуту не хотѣла отойдти отъ постели больнаго мужа. Прежняя любовь сказалась въ ней со всею своею силою. Какъ глубокъ былъ ея сонъ, такъ тревожно было ея временное пробужденіе изъ него. Филиппъ умеръ на рукахъ Хуаны, и у нея не нашлось ни одной слезы, чтобы омочить его охладѣвшій трупъ; но никакая сила не могла разлучить ея съ нимъ, пока его не схоронили въ землѣ. Умирая Филиппъ выразилъ желаніе, чтобы тѣло его положено было вмѣстѣ съ прахомъ Изабеллы въ Гранадѣ. Предстоялъ довольно длинный переходъ изъ сѣверной Кастиліи на югъ Испаніи. Трупъ былъ набальзамированъ и въ заколоченномъ гробѣ поставленъ на время въ одномъ картезіанскомъ монастырѣ неподалеку отъ Бургоса. Вдругъ, откуда ни возь-

мись, явилась Хуана середи церкви и заставила разступиться монаховъ, стоявшихъ на молитвѣ. Она требовала, чтобы ей отдали трупъ ея мужа.. Напрасно возражалъ ей епископъ, ссылаясь на мѣстныя постановленія, строго воспрещавшія нарушать покой умершаго: онъ не прежде хотѣлъ допустить перенесеніе тѣла, какъ по истеченіи шести мѣсяцевъ. Многіе гранды и прелаты были сначала того же мнѣнія; но какъ противорѣчіе лишь болѣе раздражало Хуану, то всѣ они принуждены были уступить ея желанію, изъ опасенія ускорить разрѣшеніе ея отъ бремени. Тогда гробъ вынесенъ былъ изъ склепа и открытъ въ присутствіи пословъ папы, императора и Фердинанда, для того чтобы они могли засвидѣтельствовать тождество трупа съ лицемъ умершаго. Послѣ того Хуана не разставалась съ своимъ покойникомъ до самаго мѣста его погребенія. Изъ Бургоса печальная процессія направилась въ Торквемаду. Тутъ, по случаю разрѣшенія Хуаны отъ бремени (она родила принцессу, которая въ послѣдствіи была замужемъ за португальскимъ королемъ), произошла остановка на нѣсколько недѣль. Гробъ поставленъ былъ въ церкви, и вооруженная стража ни на минуту не отходила отъ него. Каждый день совершалась въ церкви обычная служба, но женщинамъ воспрещено было переступать церковный порогъ. Хуана продолжала горѣть тою же страстію къ умершему, которая составляла ея мученіе во время его жизни. Она не сомнѣвалась болѣе въ смерти мужа, но, вѣря какому-то темному предсказанію, все ждала, что онъ еще встанетъ изъ гроба. Лишь въ апрѣлѣ 1507 года процессія двинулась далѣе. Сдѣлавъ небольшой переходъ, она снова должна была остановиться на ночное время въ одномъ незначительномъ мѣстечкѣ. Гранды, сопровождавшіе процессію, расположились ночевать въ крестьянскихъ домахъ, а гробъ поставленъ былъ на ночь въ церкви одного монастыря, находившагося неподалеку оттуда. Но какъ монастырь оказался женскій, то Хуана тотчасъ дала приказаніе воротить гробъ назадъ. Встрѣтивъ его на обратномъ пути, она призвала кузнецовъ, велѣла имъ поднять крышу, и при свѣтѣ факеловъ, раздуваемыхъ вѣтромъ, долго смотрѣла на лице своего мужа, обезображенное смертію. Погребальное шествіе продолжалось потомъ съ разными остановками. Не будемъ пере-

сказывать всѣхъ его подробностей; довольно замѣтить, что Хуана осталась вѣрна себѣ до конца. Переходы отъ одной станціи до другой обыкновенно совершались ночью. «Кто навсегда утратилъ солнце своей жизни — говорила Хуана — тому неприлично показываться при свѣтѣ дня.» Когда ее просили остановиться въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, она отвѣчала, что печальной вдовѣ не йдетъ заботиться о пріятномъ мѣстопребываніи, хотя бы даже только на время. Въ Тортолѣ встрѣтился съ нею старый отецъ ея, Фердинандъ, возвращавшійся тогда изъ Неаполя. Онъ не могъ видѣть дочери безъ слезъ, а она — она смотрѣла на него сухими глазами, какъ-будто не испытавши никакого горя. Съ тѣхъ поръ, какъ прекрасная Фламандка похитила сердце ея мужа, Хуана потеряла навсегда способность плакать (1).

Весьма естественно находить въ сынѣ наслѣдственныя черты матери. Отчего не отнести данное явленіе къ настоящему его источнику, какъ скоро можетъ быть указана родовая связь между ними? Имѣя въ виду это обстоятельство, мы сочли нелишнимъ привести нѣкоторыя наиболѣе характерныя черты изъ жизни матери Карла V. Онѣ бросаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя болѣе или менѣе постоянныя душевныя расположенія въ немъ самомъ. Притомъ разумѣется никто совершенно не смѣшаетъ двухъ весьма различныхъ между собою натуръ. Многія женскія свойства существенно измѣняются, какъ скоро они перенесены на почву мужской природы. Кромѣ того, Карлъ V нисколько не наслѣдовалъ отъ матери ея горячаго, страстнаго темперамента. Природа его скорѣе была фламандская, чѣмъ испанская; холодная кровь Габсбурговъ повидимому взяла въ немъ перевѣсъ надъ воспламенительною кровью южной породы, къ которой онъ принадлежалъ по женской линіи. Можетъ быть не мало способствовалъ тому же фламандскій климатъ, среди котораго прошли его дѣтство и молодость. Физическія силы Карла развились и окрѣпли на отдаленномъ сѣверѣ. Внуку Фердинанда и Изабеллы почти не пришлось дышать воздухомъ Испаніи, пока не сложился въ окончательную форму его организмъ. Лишь по смерти дѣда, Карлъ

(1) См. между прочимъ Hiveumin, Francisco Ximenez, p. 25—33.

переправился изъ Нидерландовъ въ Испанію, чтобъ занять наслѣдственный престолъ. Тогда уже умъ его созрѣлъ на столько, что, по прибытіи на мѣсто, онъ тотчасъ понялъ главныя трудности своего положенія и умѣлъ искусно обойдти ихъ своею политикою. Бывшіе при немъ неотлучно фламандскіе совѣтники могли только удивляться его воспріимчивости и способности пользоваться чужими уроками. Кардиналъ Хименесъ, посѣдѣвшій въ управленіи политическими дѣлами Кастиліи, долженъ былъ отступить передъ непреклонною волею юнаго короля, которой вовсе нельзя было ожидать отъ его возраста. Молодость и неопытность Карла нисколько не помѣшали ему навязать Испанцамъ, противъ ихъ воли, фламандское управленіе. Учрежденія остались въ прежнемъ видѣ, но высшая администрація перешла въ руки Нидерландцевъ, прибывшихъ съ королемъ въ Испанію. Столкновенія представлялись на каждомъ шагу, но при всемъ томъ со стороны Карла не вышло наружу ни одной страстной вспышки. Онъ велъ себя очень умѣренно и не показывалъ никакой запальчивости. Это впрочемъ не значитъ, чтобы въ природѣ его не было ничего страстнаго; но страсть имѣла у него совсѣмъ другой характеръ. Она не кипѣла у него въ крови, но сливалась въ одно съ его волею. Однажды поставивши себѣ цѣль, Карлъ шелъ къ ней упорно, вопреки всѣмъ обстоятельствамъ, часто даже своимъ собственнымъ выгодамъ; ставши разъ враждебно къ тому или другому лицу, или явленію, онъ никогда не могъ совершенно измѣнить своихъ къ нему отношеній. Какъ скоро воля его устремилась въ одномъ направленіи, своротить ее туда или сюда было трудно и почти невозможно. Она скорѣе бы отреклась отъ самой себя, чѣмъ отъ своей цѣли, не достигнувъ ея. Страсть жила въ немъ слишкомъ глубоко, чтобы обнаруживаться внѣшними волненіями. Онъ могъ быть очень тихъ и спокоенъ по наружности и въ то же время горѣть сильнымъ внутреннимъ огнемъ отъ одной постоянной мысли. Онъ могъ имѣть въ головѣ обширные планы и не нуждаться въ сообщеніи ихъ другимъ. Если мысль его не достигала исполненія, она умирала въ немъ. Карлъ нуждался не въ сочувствіи другихъ, а развѣ только въ помощи для осуществленія своихъ плановъ. Самые близкіе къ нему люди угадывали его мысль не

столько по словамъ, сколько по принимаемымъ мѣрамъ. Страсть молчаливая, сдержанная, — она не имѣла ничего общаго съ болѣе чувственною страстію Хуаны, обыкновенно разрѣшавшеюся въ необузданные порывы. Болѣзненная сторона организаціи матери отразилась въ сынѣ не постояннымъ свойствомъ, а временными припадками менѣе насильственнаго характера. Они возвращались къ нему время отъ времени, но не могли переломить его природы и покорить себѣ его волю: по крайней мѣрѣ намъ кажется, что трудно было бы доказать противное.

Если мы не ошибаемся, французскій историкъ Карла V придаетъ гораздо болѣе важности его болѣзненному состоянію въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Въ глазахъ Минье не столько важенъ первоначальный корень недуга, сколько послѣдующее его дѣйствіе на пораженный имъ организмъ. Онъ видитъ постепенно усиливающееся меланхолическое расположеніе императора, которое наконецъ овладѣваетъ имъ совершенно и такъ сказать диктуетъ ему приговоры надъ самимъ собою (1). Послѣднимъ словомъ такого больнаго душевнаго настроенія было рѣшеніе Карла V отказаться не только отъ власти, но даже отъ свѣта, и провести остатокъ дней въ монастырѣ. Истолковавъ себѣ въ этомъ смыслѣ одно изъ самыхъ главныхъ жизненныхъ рѣшеній своего героя, историкъ всего болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы показать, какъ оно постепенно подготовлялось въ предшествующей жизни того же лица. Такимъ образомъ онъ проходитъ, одну за другою, различныя степени одного и того же психическаго явленія, до тѣхъ самыхъ поръ, пока оно неовладѣваетъ волею Карла V и его же собственными устами произноситъ ему послѣдній приговоръ. Послѣдуемъ и мы за авторомъ въ этомъ любопытномъ изложеніи.

По словамъ Минье, первая мысль объ отреченіи явилась у Карла V за двадцать лѣтъ до ея исполненія. Это было въ 1535 году. Карлъ возвратился тогда изъ своего блестящаго и очень счастливаго похода противъ Туниса. Мы ничего не знаемъ о

---

(1) Charles-Quint, p. 12: La disposition qu'une tristesse naturelle, une douleur profonde et pieté ardente avaient alors fait naître, une extrême fatigue la renouvela dans la suite en la rendant de plus en plus *impérieuse*.

ближайшихъ побужденіяхъ, расположившихъ побѣдителя къ такому нечаянному обороту мыслей. Да и самый фактъ этого поворота такъ новъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ былъ такъ малоизвѣстенъ, что надъ нимъ стоитъ остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Минье открылъ его впервые въ неизданномъ письмѣ португальскаго посла, Лоуренсо Пиреса де Тавора, къ королю Іоанну III (1). Извѣстіе впрочемъ вовсе не современно самому случаю, къ которому оно относится. Лоуренсо Пиресъ узналъ о рашемъ намѣреніи Карла V удалиться отъ свѣта не прежде, какъ за нѣсколько дней до окончательнаго перемѣщенія его въ монастырь Св. Юста, изъ разговора, который происходилъ между ними въ Харандильскомъ Замкѣ (château de Jarandilla). Самое же письмо относится къ началу 1557 года. Сущность извѣстія состоитъ въ томъ, что императоръ, незадолго передъ тѣмъ, какъ ему заключиться на всегда въ монастырь, бесѣдуя съ португальскимъ посломъ, вспомнилъ, что подобная мысль представлялась уже его уму назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ. Современный Карлу историкъ Сепульведа упоминаетъ о томъ же, хотя въ болѣе общихъ выраженіяхъ. Но, сверхъ этихъ извѣстій, ранняя мысль Карла объ отреченіи отъ міра не оставила никакихъ видимыхъ слѣдовъ въ его жизни и дѣятельности.

Позволимъ себѣ выразить здѣсь нѣкоторыя сомнѣнія—не въ истинѣ самаго факта, а относительно приписываемой ему силы и значенія. Мысль могла такъ же скоро исчезнуть, какъ неожиданно она мелькнула въ увѣнчанной свѣжими лаврами головѣ побѣдителя. Если въ ближайшіе къ тому времени годы жизни Карла незамѣтно никакихъ видимыхъ ея слѣдовъ, то едва ли не справедливѣе считать ее случайнымъ болѣзненнымъ припадкомъ, чѣмъ зерномъ будущаго великаго рѣшенія. Мы знаемъ корень, отъ котораго время отъ времени могли нарождаться въ душѣ Карла разныя болѣзненныя расположенія, но не видимъ еще причины думать, чтобы они имѣли прямое вліяніе на его практическую дѣятельность. Она оставалась свободна по прежнему. Со стороны Карла было весьма естественно передъ вступленіемъ въ монастырскую ограду вспо-

(1) См. Mignet, т. 6.

мнить ту минуту, когда мысль объ удаленіи отъ свѣта впервые представилась его воображенію. Переживая необыкновенное, человѣкъ невольно обращается къ прошедшему и ищетъ тамъ или предчувствій или болѣе сознательнаго предощущенія своей послѣдующей судьбы. Но кто поручится намъ, что, еслибы не привзошли нѣкоторыя чрезвычайныя обстоятельства, мечта или предположеніе давнихъ лѣтъ точно нашли бы себѣ осуществленіе въ самой дѣйствительности, а не исчезли совершенно при другомъ ходѣ жизни?

Во второй разъ замѣчаютъ присутствіе той же мысли въ душевномъ расположеніи Карла V черезъ семь лѣтъ послѣ перваго случая. Извѣстіе опять принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя можно бы назвать «памятными», въ томъ смыслѣ, что они по памяти возвращаются къ нѣкоторымъ случаямъ въ прежней жизни лица, будучи наведены на нихъ позднѣйшими событіями. На этотъ разъ свидѣтелемъ выступаетъ Донъ Франсиско де Борха (Borja), маркизъ де Ломбай, который изъ наслѣдственнаго герцога Гандіи сдѣлался въ послѣдствіи генераломъ Іезуитскаго Ордена (третьимъ послѣ основателя) (1). Въ 1556 году, наканунѣ своего вступленія въ монастырь, Карлъ V вызвалъ къ себѣ въ Харандильскій Замокъ Дона Франсиско, извѣстнаго своею строгою жизнію. Разговоръ коснулся послѣдняго столько важнаго рѣшенія въ жизни императора. «А помните ли вы, сказалъ ему Карлъ, что еще въ 1542 году я говорилъ вамъ о моемъ намѣреніи удалиться отъ міра?» Донъ Франсиско отвѣчалъ ему утвердительно. Біографъ его прибавляетъ, что это довѣренное сообщеніе сдѣлано было ему императоромъ во время собранія аррагонскихъ Кортесовъ.

Еще разъ встрѣчаемся мы въ жизни Карла V съ такимъ обстоятельствомъ, которое сохранилось лишь въ его собственной памяти и въ памяти одного лица, пользовавшагося тогда довѣренностію императора. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль дѣйствительно представлялась ему и была передана другому, но, кромѣ временнаго пребыванія Карла V въ одномъ изъ испанскихъ монастырей, она также не оставила наружныхъ слѣ-

(1) Показаніе его приведено у Рибаденейры, въ его Vida del Padre Francisco de Borja. См. Mignet, ibid. p. 8.

довъ по себѣ. Любопытно было бы по крайней мѣрѣ узнать, чѣмъ она возбуждена была въ душѣ Карла V вторично? Можно ли это новое ея появленіе считать столько же случайнымъ, какъ и первое, или оно было условлено обстоятельствами самой жизни императора? У Минье же находимъ одно указаніе, которое отчасти разрѣшаетъ наше недоумѣніе. Онъ приводитъ множество случаевъ, показывающихъ между прочимъ, что Карлъ любилъ иногда провести нѣсколько дней въ тиши монастырскаго уединенія. Это случалось съ нимъ особенно въ трудныхъ или грустныхъ обстоятельствахъ жизни. Такъ между прочимъ онъ заключился на нѣкоторое время въ Мехорадскомъ монастырѣ, не подалеку отъ Ольмедо, въ 1541 году, послѣ своего несчастнаго похода къ Алжиру, когда суда его были разсѣяны бурею, и онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ своего предпріятія (1). Тутъ понятны причины, заставившія Карла бѣжать, хотя на время, свѣта. Онѣ не зависѣли отъ случайнаго расположенія духа, а лежали въ самыхъ событіяхъ. Предпріятіе задумано было не хуже тунисскаго, а кончилось ничѣмъ. Вмѣсто ожиданной громкой славы Карлъ привезъ съ собою признаніе въ неудачѣ. На немъ конечно не было никакой вины, но гордость его потерпѣла чувствительный ударъ. Неохотно было ему показываться въ свѣтъ, когда на лицѣ его всякій могъ читать невольное сознаніе въ безсиліи. Куда скорѣе могъ онъ унести свое недовольство и свой внутренній разладъ, какъ не въ монастырское уединеніе? Гдѣ лучше могъ онъ укрыться, хотя бы только на время, отъ любопытныхъ взглядовъ, отъ докучливыхъ распросовъ, наконецъ просто отъ встрѣчи съ людьми? Но во всякомъ случаѣ рана, нанесенная его гордости, кажется была не такого свойства, чтобы могла скоро закрыться. Къ тому же въ положеніи дѣлъ внутри имперіи не могло быть ничего утѣшительнаго, успокоивающаго, для императора. Вышедши изъ монастыря, онъ опять встрѣчался съ тѣми же трудными задачами, которыя до сихъ поръ безпрестанно возмущали и нарушали правильный ходъ его внутренней политики. Узелъ, затянутый въ Германіи реформаціоннымъ движеніемъ, съ каждымъ годомъ запутывался

(1) См. Mignet, ibid. p. 58—89.

все болѣе и болѣе. На внѣшнемъ политическомъ горизонтѣ также собирались новыя тучи. Франція опять готовилась къ войнѣ, когда Карлъ V съ своей стороны всего менѣе чувствовалъ охоты принять вызовъ. Онъ торопился стянуть свои войска въ сѣверной Италіи и тѣмъ обнажалъ Германію, которой въ тоже время угрожала другая опасность со стороны Венгріи. Францискъ I приступалъ къ новой борьбѣ съ своимъ старымъ соперникомъ, усиливъ себя союзомъ съ мусульманскою Турціею. Германія, раздѣленная религіозными интересами, мало обѣщала императору дружнаго содѣйствія. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ князей втайнѣ готовы уже были подать руку на союзъ съ Франціею. Къ числу ихъ принадлежалъ между прочимъ герцогъ клевскій, котораго владѣнія лежали между Германіей и Нидерландами. Враждебныя дѣйствія съ его стороны, когда Франція грозила Нидерландамъ съ другой, могли поставить наслѣдственныя провинціи императора въ весьма опасное положеніе. Въ 1542 году ему было вовсе не легче, чѣмъ въ предшествующемъ 1541. Небо кругомъ обкладывалось густыми облаками, и никто не могъ сказать, гдѣ и чѣмъ можетъ разрѣшиться гроза. Если послѣ алжирскаго похода Карлъ страдалъ чувствомъ своей громкой неудачи, то въ слѣдующемъ году его безпокойно томила неизвѣстность ближайшаго будущаго. Такъ можно ли удивляться, что въ головѣ его скопилось тогда столько мрачныхъ мыслей, что у него опять явилось грустное желаніе совсѣмъ отречься отъ власти и удалиться отъ міра?

Читателю можетъ быть покажется высказанное нами мнѣніе не болѣе какъ голымъ предположеніемъ? Попробуемъ заглянуть въ переписку Карла V около того времени. Она навѣрное поможетъ намъ разрѣшить сомнѣніе. Есть нѣсколько писемъ Карла отъ 1542 года. Чтобы лучше видѣть тогдашнее положеніе, если не самое настроеніе императора, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ двухъ писемъ его къ Фердинанду, писанныхъ въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. въ то время, когда уже довольно опредѣлились отношенія имперіи къ Франціи и Турціи. Извѣщая брата объ открытіи военныхъ дѣйствій со стороны Франціи, онъ писалъ между прочимъ: «Видя, въ какихъ я нахожусь трудныхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе того, что

противникъ мой началъ войну именно съ той стороны, откуда я всего менѣе могъ ожидать ея, и притомъ въ такое время, когда почти всѣ мои силы были стянуты къ Италіи, чтобы быть въ готовности тотчасъ выступить въ Венгрію, вы поймете, что въ настоящую минуту я не имѣю средствъ помочь вамъ, и что мнѣ невозможно въ этихъ обстоятельствахъ и думать о томъ, чтобы послать войска въ Венгрію, ибо я принужденъ отвести въ другую сторону (въ Нидерланды?) часть нѣмецкихъ и испанскихъ силъ, которыя находились до сего времени въ Италіи (какъ въ Ломбардіи, такъ и въ Неаполѣ съ Сициліею), оставляя впрочемъ и въ ней столько войска, сколько необходимо здѣсь содержать, чтобы всегда быть готову дать отпоръ какъ Туркамъ на границахъ Неаполя и Сициліи, гдѣ они угрожаютъ нападеніемъ, такъ и Французамъ въ Ломбардіи и въ другихъ пунктахъ Италіи, гдѣ только можно опасаться удара со стороны короля (Франциска), который нарочно старается вдругъ зажечь огонь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы я не въ состояніи былъ съ успѣхомъ сопротивляться ему. Надѣялся было я имѣть еще въ своемъ распоряженіи нѣсколько нѣмецкихъ дружинъ, которыя вдовствующая венгерская королева (правительница Нидерландовъ), сестра наша, велѣла вновь набрать, какъ скоро узнала о предпріятіи герцога клевскаго въ соединеніи съ Мартиномъ фонъ Россомъ: она даже писала, что немедленно отправляетъ ихъ ко мнѣ, когда до нея дошли слухи, что король французскій выступилъ съ большими силами по направленію къ югу (de deça); но потомъ я извѣстился, что она сама находится въ затруднительномъ положеніи, угрожаемая въ одно и тоже время нападеніемъ съ двухъ различныхъ сторонъ, и что набранные ею ратники много запоздали противъ ея ожиданія, и я признаюсь, что меня ужь гораздо больше озабочиваетъ его положеніе, чѣмъ всѣ бѣды, которыя грозятъ мнѣ съ суши и съ моря въ южныхъ странахъ» (1). Черезъ восемь дней потомъ онъ опять писалъ къ Фердинанду: «Хотя, сказать по правдѣ, я самъ нахожусь въ весьма стѣсненномъ положеніи, оставаясь въ Испаніи, какъ

(1) См. **Lanz, Correspodenz des Kaisers Karl V, II**, p. 351—352. Мы сохраняемъ въ переводѣ длинные періоды дипломатической корресподенціи Карла V, какъ они есть въ подлинникѣ.

вы можете судить по тѣмъ большимъ силамъ, которыя король французскій собралъ противъ меня какъ у Руссильона, такъ и у Наварры, тогда какъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ другихъ войскъ, кромѣ туземныхъ испанскихъ, вовсе не привычныхъ къ войнѣ, и хотя сверхъ того есть большая вѣроятность, что дѣло не обойдется безъ вмѣшательства Турокъ, которые могутъ послать свою армію моремъ; но при всемъ томъ меня гораздо больше безпокоитъ то, что я слышу о движеніяхъ Французовъ къ Люксембургу, а равно о движеніи клевскаго и датскаго ополченій, которыя съ другой стороны достигли уже Диста (Diest, притокъ Мааса?), такъ что я не сомнѣваюсь, что, какъ скоро обѣ эти арміи соединятся между собою, онѣ въ состояніи будутъ отважиться на многое и сдѣлаютъ мнѣ много вреда въ тѣхъ провинціяхъ. А я рѣшительно не знаю, какъ могу помочь имъ отсюда, и не вижу также, чтобы въ этомъ случаѣ могли принести какую нибудь пользу мои уполномоченные въ Италіи...» (1)

Карлъ V обыкновенно не отличался особенною откровенностію. Въ перепискѣ съ самыми близкими людьми рѣдко раскрывалъ онъ сполна свои планы, еще менѣе свое настоящее чувство. Уже тѣ признанія, которыя онъ принужденъ былъ сдѣлать въ августѣ 1542 года своему брату, достаточно показываютъ, какъ безотрадно представлялось ему состояніе политическихъ дѣлъ въ различныхъ частяхъ обширной его имперіи. Каково же должно было тогда быть его истинное расположеніе? Могъ ли онъ, при извѣстной его болѣзненной наклонности, освободиться хотя на минуту отъ мрачныхъ мыслей? Притомъ не надобно терять изъ виду того обстоятельства, что письма, изъ которыхъ мы взяли приведенные отрывки, писаны Карломъ въ Монсонѣ (Monçon, Montson), слѣдовательно прямо относятся къ пребываніи его въ Аррагоніи во время собранія тамошнихъ штатовъ. А мы видѣли, что вторичное выраженіе мысли императора объ удаленіи отъ міра принадлежитъ тому же самому времени.

Поэтому не иначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями, можемъ мы допустить слѣдующія слова французскаго историка,

(1) Ibid. p. 359—360.

которыми онъ заключаетъ свой разказъ о первыхъ признакахъ меланхолическаго настроенія въ Карлѣ V, завершившагося въ послѣдствіи совершеннымъ отреченіемъ его отъ власти. «Это первое охлажденіе ко власти Карлъ почувствовалъ въ такую пору своей жизни, когда ему еще не исполнилось сорока лѣтъ, и когда онъ былъ *въ полномъ блескѣ своего могущества*. Онъ окончилъ (?) съ выгодою для себя ту продолжительную борьбу, которая съ самаго начала вѣка тянулась между Франціей и Испаніею за обладаніе Италіей. Побѣдитель Франциска I въ трехъ войнахъ, слѣдовавшихъ одна за другою, побѣдитель Климента VII и всѣхъ независимыхъ итальянскихъ государствъ, онъ видѣлъ между своими плѣнниками сначала короля, потомъ папу, и наконецъ заставилъ страну, такъ долго оспариваемую у него, подчиниться во всемъ своимъ политическимъ видамъ.. Съ другой стороны, онъ же былъ побѣдоноснымъ защитникомъ Германіи въ опасной борьбѣ ея съ Турками. Онъ далъ сильный отпоръ столько страшному Солиману II, угрожавшему своимъ нашествіемъ самой Вѣнѣ, и положилъ предѣлъ его завоеваніямъ. Выступивъ потомъ противъ Хайръ-Эддина Барбароссы, онъ смѣло атаковалъ неустрашимаго корсара на сѣверномъ берегу Африки, въ Алжирѣ и Тунисѣ, гдѣ тотъ считалъ себя въ полной безопасности... Вообще говоря, Карлъ до сихъ поръ *зналъ только удачу* во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.» (1)

Навѣрное можно сказать, что, если бы подобныя рѣчи достигли слуха самого Карла V во время пребыванія его въ Монсонѣ, онъ сомнительно покачалъ бы надъ ними головою. Не далъ бы онъ вѣры словамъ другихъ о счастливомъ исходѣ борьбы за Италію, когда ему за нее же угрожали четвертою войною, возбуждавшею въ немъ такъ много опасеній. Не принялъ бы онъ безъ оговорки и всего, что сказано новымъ историкомъ объ успѣхахъ его противъ Мусульманъ, въ особенности противъ Барбароссы, когда у него въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ противъ Алжира, и не находилось достаточныхъ средствъ, чтобы прикрыть Венгрію отъ угрожавшаго ей вновь нашествія турецкихъ силъ. Если бы Карлъ V дѣйствительно чувствовалъ

(1) **Mignet, ibid. p. 8—11.**

себя въ то время на высшей степени своего могущества, не боялся бы онъ такъ за свои наслѣдственныя провинціи и невысказывалъ бы такъ откровенно своихъ опасеній за нихъ. Черезъ годъ или два, конечно, положеніе измѣнилось. Отъ Нидерландовъ опасность была отвращена, и Карлъ своимъ смѣлымъ движеніемъ, по направленію къ Парижу, угрожалъ своему главному противнику въ самой его резиденціи. Но черезъ два года нѣтъ болѣе и рѣчи объ удаленіи императора въ монастырь. Онъ опять воспринимаетъ свою обычную дѣятельность, онъ крѣпче чѣмъ когда нибудь держитъ въ рукахъ свою власть и замышляетъ самый сильный ударъ противъ тѣхъ, въ которыхъ видѣлъ главныхъ враговъ внутренняго міра въ имперіи. Мрачное расположеніе его духа какъ будто разсѣялось вмѣстѣ съ опасностями, грозившими ему съ разныхъ сторонъ.

Отсюда вплоть до 1556 года, т. е. когда Карлъ V на самомъ дѣлѣ сложилъ съ себя власть, извѣстные случаи не повторялись болѣе въ его жизни. По крайней мѣрѣ до насъ достигли только извѣстія о двукратной тяжкой болѣзни императора (въ 1547 и 1548), которой онъ подвергся вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ въ войнѣ съ протестантами. Нѣкоторое время самая жизнь его была въ немалой опасности. Тогда между прочимъ продиктовалъ онъ свою обширную инструкцію въ руководство Филиппу II, въ которой изложилъ свои политическіе виды и подалъ сыну многіе полезные совѣты, внушенные многолѣтнею государственною опытностію. Но это была болѣзнь чисто физическаго свойства; то мрачное душевное настроеніе, которое сопровождалось у Карла отвращеніемъ къ свѣтской дѣятельности, при ней не повторилось. За то, возобновившись еще разъ черезъ нѣсколько лѣтъ, оно взяло надъ нимъ такую силу, что онъ немедленно приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ для передачи своей власти со всѣми ея аттрибутами своимъ законнымъ преемникамъ и вскорѣ послѣ того дѣйствительно затворился въ стѣнахъ одного испанскаго монастыря, гдѣ и оставался безвыходно до послѣдней минуты своей жизни.

Получивъ однажды сомнѣніе въ непреодолимой силѣ нѣкоторыхъ прирожденныхъ наклонностей въ душѣ Карла V, въ настоящемъ случаѣ мы еще болѣе въ правѣ спросить — при ка-

кихъ обстоятельствахъ совершилось окончательное и безвозвратное отреченіе его отъ власти и отъ міра? — Сколько мы могли замѣтить, мнѣніе Минье относительно этого важнаго пункта не совсѣмъ твердо установлено. Онъ проходитъ одно за другимъ всѣ замѣчательнѣйшія событія того времени, касается ихъ во многихъ подробностяхъ, и хотя нерѣдко признается, что они принимали весьма неблагопріятный оборотъ для императора, особенно въ послѣдніе годы его управленія, но нигдѣ не говоритъ, чтобы обстоятельства имѣли сильное вліяніе на его рѣшеніе: судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, можно даже подумать, что—во мнѣніи нашего историка—Карлъ V не прежде отказался отъ государственной дѣятельности, какъ вышедши побѣдителемъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ поставленъ былъ со времени вторичнаго своего столкновенія съ князьями протестантской Германіи. За тѣмъ промедлилъ онъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ во власти, чтобы имѣть время возстановить свой авторитетъ въ полной его силѣ и безъ всякаго ущерба передать его своимъ преемникамъ.

Вмѣстѣ съ другими историками Карла V, Минье также признаетъ, что внутреннія событія имперіи, начиная съ 1552 года, не только ничего не прибавили къ прежней славѣ императора, но еще много повредили его прежде столько высокому авторитету въ общемъ мнѣніи Европы. И странно было бы отрицать то, что̀ каждому бросается въ глаза. Со времени знаменитаго движенія Морица Саксонскаго отъ Магдебурга къ Тиролю, Карлъ V нѣсколько разъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Застигнутый въ расплохъ, онъ долженъ былъ въ ночномъ бѣгствѣ искать спасенія своей личной свободы и безопасности. Бѣглецомъ пришелъ онъ въ свои наслѣдственныя провинціи, и осужденный въ нихъ на бездѣйствіе, принужденъ былъ въ перемиріи съ своими противниками потерпѣть унизительныя для своего достоинства условія. Послѣ того ему оставалось только покрыть свою внутреннюю неудачу успѣшными дѣйствіями противъ внѣшняго непріятеля, отъ котораго страдала честь и существенныя выгоды имперіи. Пользуясь внутренними смутами въ ней и дѣйствуя въ союзѣ съ протестантами, сынъ Франциска I отхватилъ отъ Германіи цѣлую область въ нѣсколькими значительными городами. Раз-

сѣянныя силы Карла V опять собрались понемногу, но счастіе и тутъ измѣнило ему. Осада Меца стоила ему половины арміи и кончилась безславнымъ отступленіемъ. Ничто не удавалось Карлу V въ эти трудныя минуты его жизни. Не только надобно было отречься, какъ отъ несбыточной мечты, отъ всякой мысли о возстановленіи политическаго и религіознаго единства Германіи: самое естественное желаніе отца передать императорскую корону прямо по наслѣдству своему сыну не нашло себѣ никакого сочувствія ни въ нѣмецкомъ народѣ, ни даже въ семьѣ императора, и потому осталося также неисполненнымъ. Неудовлетвореніе стало въ душѣ Карла V господствующимъ чувствомъ. Счастіе какъ будто вдругъ повернулось къ нему спиною. Онъ самъ довольно ясно сознавалъ свое положеніе, и приписывая свои неудачи старости, съ горькою улыбкою говорилъ другимъ, что и «фортуна любитъ молодость» (1).

Все это признаетъ и довольно подробно излагаетъ авторъ исторіи «Отреченія», хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами жизни своего героя. Но онъ очень мало оттѣняетъ дѣйствіе приведенныхъ событій на самый духъ Карла V, онъ не довольно дастъ почувствовать читателю, что они могли имѣть сильное вліяніе на послѣднее рѣшеніе императора. По его мнѣнію, это рѣшеніе было гораздо болѣе свободное. Карлъ V пришелъ къ нему не прежде, какъ исправивъ свое невыгодное положеніе, какъ внутри имперіи, такъ и во внѣшней политикѣ, и возвративъ своему авторитету прежнее его достоинство и величіе. На то посвятилъ онъ слѣдующіе (они же были и остальные) три года своего управленія и сошелъ съ престола въ обстоятельствахъ болѣе счастливыхъ Нельзя было развить болѣе дѣятельности, чѣмъ сколько употреблено было имъ въ послѣдніе годы, для поправленія своихъ обстоятельствъ. Энергія его воли ничего не хотѣла уступить силѣ недуговъ, возраставшихъ съ каждымъ днемъ, и торжествовала надъ крайнимъ физическимъ изнуреніемъ. Постоянно больной, онъ однако не пренебрегалъ ничѣмъ для возстановленія своего политическаго значенія внутри и внѣ государства

(*) **Fortunam esse juvenum amicam. Strada, De bello belgico.**

въ прежнемъ его достоинствѣ, и не прежде рѣшился передать власть въ другія руки, какъ устроивъ всѣ дѣла болѣе или менѣе по своему желанію.

Историкъ нигдѣ не говоритъ прямо, чтобы Карлъ V успѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ возстановить свой высокій авторитетъ и достигъ цѣли всѣхъ своихъ желаній: но таково почти общее впечатлѣніе двухъ первыхъ главъ его сочиненія. Была минута, когда повелитель Германіи, Испаніи и Новаго Міра дѣйствительно находился въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ; но онъ выдержалъ невзгоду, изгладилъ невыгодное впечатлѣніе, произведенное ею на него самого и на другихъ, и тогда только произнесъ свое отреченіе, когда изчезла всякая тѣнь внѣшняго принужденія. Читатель опять приведенъ къ тому заключенію, что послѣднимъ рѣшеніемъ Карла V выразилась лишь самая сильная степень того болѣзненнаго душевнаго расположенія, которое и прежде не разъ играло дѣятельную роль въ его жизни и дѣятельности. Подготовить же въ немъ такую печальную настроенность могли развѣ только усиливавшіеся его недуги и сопровождавшее ихъ крайнее изнуреніе физическихъ силъ.

Нѣтъ спора, что принятый нашимъ авторомъ отъ начала взглядъ на Карла V вѣрно выдержанъ до конца. Но чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ больше растутъ наши сомнѣнія. Какъ? неужели даже такія событія, какъ бѣгство изъ Инспрука и послѣдовавшее за тѣмъ Пассауское Перемиріе, такъ мало соотвѣтствовавшее постояннымъ желаніямъ и видамъ императора, не имѣли довольно сильнаго вліянія на его духъ? Неужели даже безуспѣшная осада Меца, почти равнявшаяся признанію въ политическомъ безсиліи, нисколько не тронула его самолюбія? Наконецъ Аугсбургскій Религіозный Миръ, которымъ закрѣплены были на долгія времена не выгодныя условія Пассаускаго Перемирія, развѣ такъ отдаленъ былъ по времени отъ знаменитаго рѣшенія, произнесеннаго Карломъ V надъ самимъ собою, что между ними не могло быть никакой внутренней связи? Сомнѣваемся и готовы нѣсколько разъ повторить наши сомнѣнія. Авторъ повидимому нѣсколько обольстился осторожными и искусными рѣчами

самого императора, который прикрывалъ ими свое отступленіе передъ превосходными силами неблагопріятной, если не прямо враждебной ему современности. Но даже и въ этихъ рѣчахъ, если только быть къ нимъ внимательнѣе, можно замѣтить пробивающееся въ нихъ чувство неудовлетворенія. Такъ въ 1555 году, вызывая своего сына Филиппа въ Бельгію, Карлъ V велѣлъ передать ему (черезъ Рюи Гомесъ де Сильва), что «онъ долженъ былъ отложить свою поѣздку въ Испанію, вынужденный силою обстоятельствъ, которыя безъ него могли бы принять совсѣмъ другой оборотъ, такъ что вредъ отъ нихъ почувствовался бы на всемъ пространствѣ его владѣній; но что теперь, когда съ помощію Божіею все опять уладилось, когда *часть* недавнихъ потерь возвращена снова, и потрясенная репутація тоже *отчасти* возстановлена, онъ намѣренъ возложить на него (т. е. на сына) попеченіе о дѣлахъ и управленіе ими и надѣется, что тотъ окажется вполнѣ достойнымъ возлагаемаго на него порученія и устроитъ все къ лучшему» (1). Итакъ Карлъ V не надѣялся уже исправить всего своими собственными силами и спѣшилъ покинуть незадолго передъ тѣмъ съ большими усиліями подстроенную сцену, на которой дѣйствовалъ до сего времени, изъ опасенія, чтобы она не расшаталась еще болѣе. Послушаемъ еще одного итальянскаго политика, Федерико Бадоаро, выразившаго, по словамъ самого Минье, мнѣніе своихъ современниковъ о томъ, какое внезапное превращеніе произошло не только во внѣшней судьбѣ Карла V, но и въ самой репутаціи, соединенной съ его именемъ. Уже послѣ того, какъ совершилось отреченіе, этотъ умный наблюдатель доносилъ венеціянской Синьоріи: «*Назадъ тому шесть лѣтъ* (2) репутація Карла V стояла на высокой степени, какой не только въ наше время, но и за нѣсколько вѣковъ прежде, не достигалъ ни одинъ императоръ между современными ему повелителями по отношенію къ своимъ явнымъ и тайнымъ врагамъ, какъ внутри христіанскаго міра, такъ еще болѣе между невѣрными. Она была плодомъ многихъ и столько

(1) **Изъ Симанкскаго архива. См. Mignet p. 91.**

(2) **Писано въ 1558 году. См. p. 131—132.**

славныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ разное время: въ Африкѣ—надъ владѣтелемъ Туниса, въ Германіи — надъ курфирстомъ Іоганномъ Фридрихомъ саксонскимъ, ландграфомъ гессенскимъ, вольными городами и герцогомъ клевскимъ, въ войнахъ съ Франціею — надъ королемъ французскимъ, который былъ даже его плѣнникомъ, въ Италіи — надъ папою Климентомъ, надъ Генуею, Флоренціею и Миланомъ. *Но бѣгство изъ Инспрука и несчастный исходъ осады Меца вдругъ прервали это славное теченіе.* Тогда ожили воспоминанія и о другихъ прежде понесенныхъ имъ неудачахъ, какъ то: объ отступленіи изъ Прованса, объ алжирской экспедиціи, о безуспѣшной атакѣ Кастельново и о невыгодномъ мирѣ, заключенномъ съ французскимъ королемъ: все это, вмѣстѣ съ отреченіемъ его отъ власти и заключеніемъ въ монастырь, нанесло почти (quasi) рѣшительный ударъ репутаціи императора. Говорю «почти», ибо отъ него уцѣлѣло лишь столько, сколько судно, движимое вѣтромъ и веслами и получившее извѣстное направленіе, сохраняетъ еще его послѣ того, какъ вѣтеръ перестаетъ дуть и весла не дѣйствуютъ болѣе. Отсюда всѣ заключаютъ, что доселѣ огромный корабль обширной имперіи Его В—ва движимъ былъ впередъ благопріятнымъ дуновеніемъ фортуны».

Событія послѣднихъ годовъ въ жизни Карла V очевидно оставляли совсѣмъ иное впечатлѣніе въ его современникахъ, нежели какое производитъ изложеніе тѣхъ же перемѣнъ у современнаго намъ историка Временно и онъ конечно вынужденъ дѣлать нѣкоторыя уступки другому мнѣнію и признаваться, что «положеніе императора передъ его отреченіемъ все еще было довольно затруднительно и опасно»; но эти уступки не такого рода, чтобы ими можно было удовольствоваться. Современники самого Карла смотрѣли на дѣло совсѣмъ другими глазами. Во всемъ, что произошло съ 1552 года, они поражены были не энергіею его воли, способной изворотиться въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и направить ихъ къ лучшему, а постепеннымъ паденіемъ громкой репутаціи, которая до того времени соединена была съ его именемъ. Самое отреченіе его отъ власти, по ихъ мнѣнію, было лишь новою степенью въ томъ же паденіи. Тутъ кажется трудно найдти середину: или Карлъ V дѣйствительно торжествовалъ надъ об-

стоятельствами, или они окончательно взяли верхъ надъ его волею.

При всемъ нашемъ уваженіи къ талантливому историку, мы не можемъ принять сполна его воззрѣнія. Мы позволяемъ себѣ думать, что оно вообще нѣсколько односторонне, и ищемъ только формулы, чтобы выразить немногими словами наше разногласіе съ авторомъ «Отреченія Карла V». Въ общемъ итогѣ оно кажется можетъ быть представлено въ слѣдующихъ чертахъ. Опредѣляя своего героя, Минье болѣе всего останавливается на природныхъ недостаткахъ или особенностяхъ самой его организаціи и изъ нихъ главнымъ образомъ объясняетъ самый важный и вмѣстѣ столько загадочный шагъ въ его жизни, которымъ онъ заключилъ свою государственную и политическую дѣятельность. Положеніе дѣлъ и внѣшнія обстоятельства тутъ мало имѣли вѣса и значенія: развѣ только что они требовали отъ Карла V болѣе усилій, чѣмъ сколько могла выносить его природа, и привели съ собою крайнее изнуреніе его силъ, физическихъ и душевныхъ, ранѣе чѣмъ можно было ожидать. Но если бы даже событія расположились и гораздо счастливѣе для него, если бы онъ и не испыталъ въ своей жизни никакихъ тяжелыхъ переворотовъ, рано или поздно онъ все бы кажется кончилъ тѣмъ же самымъ рѣшеніемъ, т. е. отдался бы весь своей болѣзненной наклонности и распростился преждевременно не только съ своею властію, но и со всѣмъ обществомъ: ибо корень недуга онъ постоянно носилъ въ душѣ съ самаго ранняго возраста. Мы также не отвергаемъ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ расположеній въ природѣ Карла V, но далеко не можемъ признать за ними того вліянія на важнѣйшія его рѣшенія, какое приписывается имъ авторомъ новой французской монографіи. По нашему мнѣнію, знаменитый императоръ далеко не всегда былъ полнымъ господиномъ своего положенія: внѣшнія событія играли гораздо болѣе значительную роль въ его жизни, чѣмъ думаютъ. Скажемъ прямо: на нашъ взглядъ, отреченіе Карла V скорѣе вытекало изъ его положенія и хода внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ его душевныхъ расположеній. Какое бы развитіе ни получилъ крывшійся въ немъ зародышъ болѣзни, едва ли бы когда онъ взялъ совершенный верхъ надъ его привычкою властвовать.

Но это мнѣніе въ свою очередь также можетъ показаться лишеннымъ твердыхъ основаній предположеніемъ, и потому мы беремъ на себя развить его нѣсколько подробнѣе, въ связи съ обозрѣніемъ общей политики Карла V, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ Русскаго Вѣстника.

П. Кудрявцевъ.

ПУШКИНЪ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова Спб. 1855. 6 томовъ. въ 8 долю.

Какова бы ни была сама по себѣ наша литература, скудна ли, или богата, она, слава Богу, перестала уже быть несущественнымъ и блѣднымъ отраженіемъ чужеземныхъ явленій, глухимъ отзвукомъ случайно долетавшихъ голосовъ, отдаленнымъ и нерѣдко безсмысленнымъ послѣдствіемъ неусвоенныхъ началъ; въ ней чувствуется присутствіе собственной жизни, чувствуется внутренняя связь въ ея явленіяхъ ; возникаютъ направленія по закону этой внутренней связи; есть свои образцы, свои господствующія начала, обозначается своя система ; словомъ, общественное сознаніе у насъ,—ибо литература есть относительно общества то же самое , что̀ сознаніе въ отдѣльномъ человѣкѣ,—представляетъ собою хотя еще весьма юное, можетъ быть еще весьма слабое, но уже живое развитіе, уже сложившійся организмъ.

Начала, господствующія надъ развитіемъ нашей литературы, справедливо обозначаются именами тѣхъ изъ ея дѣятелей, которые вносили въ нее новыя направленія, сообщали ей новое движеніе и потому имѣли, особенное вліяніе на умы , на сознаніе и слѣдовательно на жизнь, потому что человѣческая жи чнѣнераздѣльна съ сознаніемъ. Къ этимъ многозначительнымъ именамъ въ нашей литературѣ принадлежатъ имена Пушкина и Гоголя.

Новыя изданія ихъ сочиненій оживили воспоминаніе объ нихъ, и изъ прошедшаго, хотя и очень близкаго , но все же

прошедшаго, ввели ихъ снова въ среду настоящаго; снова раздалось ихъ знакомое слово, снова испытываемъ мы ихъ дѣйствіе, и оцѣниваемъ ихъ значеніе.

О Пушкинѣ много сужденій было высказано прежде, много говорено и теперь по поводу изданія его сочиненій. Ему посчастливилось еще и въ томъ отношеніи, что онъ нашелъ для своихъ сочиненій столько же добросовѣстнаго и тщательнаго, сколько и даровитаго издателя, который положилъ на свой трудъ много силъ, внесъ въ него много ума, проницательности и вкуса. Біографическіе матеріалы, собранные г. Анненковымъ и примѣчанія его къ сочиненіямъ Пушкина много способствуютъ къ уясненію его дѣятельности и значенія.

При оцѣнкѣ Пушкина всегда возникали въ нашей литературѣ эстетическіе толки. Многое этими толками было уяснено, многое также было запутано; а потому мы считаемъ себя нѣкоторымъ образомъ въ правѣ коснуться вопросовъ эстетики, и высказать нѣсколько общихъ мыслей прежде чѣмъ приступимъ къ ближайшей характеристикѣ нашего поэта. По нашему мнѣнію, понятія объ искусствѣ требуютъ у насъ нѣкотораго пересмотра, и мы попытаемся въ краткомъ очеркѣ коснуться главныхъ пунктовъ.

I

Стремленіе къ самостоятельности, замѣчаемое въ нашей литературѣ, равно какъ и въ нашемъ обществѣ, есть явленіе безспорно очень утѣшительное. Мы начинаемъ мыслить, не озираясь робко по сторонамъ, не перебирая бережно и безсмысленно послѣдковъ чужой мысли, не повторяя съ подобострастіемъ фразъ и словъ безъ яснаго сознанія того, что̀ ими выражается. Дѣйствительно, пора уже намъ говорить и дѣйствовать на свой собственный счетъ, изъ собственнаго капитала.

Итакъ мы радуемся этой потребности доходить до всего своимъ умомъ. Безъ этого условія ничто не можетъ пойдти въ прокъ, но все же это только отрицательное условіе. Нашъ пріятель, судья Тяпкинъ-Ляпкинъ, также доходилъ собственнымъ умомъ до своихъ глубокомысленныхъ теорій о происхожденіи

вещей. Однако никому изъ насъ не было бы лестно сопутствовать этому мыслителю, и да будетъ почтенный образъ его полезнымъ предостереженіемъ для многихъ.

Нерѣдко случается намъ слышать и читать рѣшительные приговоры о цѣлыхъ системахъ человѣческаго разумѣнія, надъ которыми работали великіе умы въ теченіе вѣковъ, и которые самыми погрѣшностями своими были плодотворны. Можно не знать ихъ и идти своею тропинкой, добывая по немногу собственнымъ трудомъ хотя бы даже то, что̀ уже давнымъ давно добыто: самостоятельность труда сообщитъ и малому, неважному, давно извѣстному результату новую свѣжесть и даже важность. Понятіе, которое добываемъ мы сами изъ первыхъ матеріяловъ, будетъ всегда содержать въ себѣ нѣчто новое. Особенность матеріяловъ, изъ которыхъ понятіе выработано, будетъ болѣе или менѣе ощутительно въ немъ и придастъ ему силу и значительность. Только такое понятіе и можетъ быть легко и плодотворно употребляемо нами въ нашихъ сужденіяхъ; только такое понятіе окажется истинною силою, которою упрочивается наше господство надъ извѣстнымъ кругомъ предметовъ. Общія теоріи и системы мышленія, составляющія богатство и силу человѣческаго разума, добывались при такихъ условіяхъ, и при такихъ же только условіяхъ могутъ быть поняты и усвоены. Итакъ, кромѣ добраго слова ничего нельзя было бы сказать о стремленіи добывать собственнымъ трудомъ свои понятія, и мыслить своимъ умомъ. Основательна была бы и соединенная съ такимъ положительнымъ стремленіемъ полемика противъ схоластическаго безплодія, противъ готовыхъ формулъ и общихъ мѣстъ. Но необходимо требуется, чтобы эта полемика не была слѣпою, чтобы критикъ зналъ о чемъ говоритъ, и направлялъ свои удары куда слѣдуетъ, чтобы онъ не бросалъ камней въ небо, по крайней мѣрѣ изъ опасенія попасть ими въ свою голову.

Такъ, напримѣръ, изъ разныхъ критическихъ уголковъ раздаются весьма часто укоры противъ теорій и философіи. «Намъ надоѣли, кричатъ эти господа, мертвыя опредѣленія! Долой всѣ эти формулы, всѣ эти умозрительныя идеи, всѣ эти отвлеченныя опредѣленія! Пора теорій миновала безвозвратно.» И за тѣмъ начинаютъ сами созидать свои теоріи, творить свою

философію, которая конечно не имѣетъ ничего общаго ни съ какими идеями, ни съ какимъ умозрѣніемъ.

Мы не хотимъ называть именъ, и готовы съ полнымъ безпристрастіемъ отдать должную справедливость тѣмъ изъ нашихъ критиковъ, въ которыхъ нельзя не замѣтить несомнѣнныхъ признаковъ дарованія. Мы готовы сочувствовать имъ во многомъ добромъ, готовы сочувствовать даже въ основѣ тѣхъ побужденій, которыя при неосмотрительности завлекаютъ ихъ въ промахи и крайности. Они правы, вооружаясь противъ отвлеченныхъ формулъ; но, къ сожалѣнію, забываютъ только, что въ этихъ мертвыхъ формулахъ никто кромѣ ихъ самихъ не виноватъ, что предметъ ихъ справедливаго неудовольствія — недостатокъ ихъ же собственной мысли. Мы поздравляемъ ихъ съ прекраснымъ свойствомъ живыхъ и бодрыхъ натуръ, въ которыхъ возбуждается нетерпѣливая и страстная реакція противъ всего мертваго, противъ всякаго застоя и всякой косности. Но мы желали бы, чтобы съ этою реакціею соединялось сознаніе, въ чемъ и отъ чего зло.

Увы! то явленіе въ нашей литературѣ, которымъ вызвано у насъ вышесказанное замѣчаніе, есть только одинъ изъ самыхъ мелкихъ и неважныхъ случаевъ явленія всеобщаго, непрерывно и въ колоссальныхъ размѣрахъ происходящаго въ исторіи человѣческаго разумѣнія. Параллельно съ ходомъ какого либо великаго дѣла, возникаютъ въ умахъ представленія объ немъ, нерѣдко противоположныя существу того, что̀ имъ знаменуется. Раскрываясь въ живомъ сознаніи, они сами пріобрѣтаютъ дѣйствительность, образуютъ свою исторію, независимую отъ хода самого дѣла. Съ теченіемъ времени господствующія представленія начинаютъ колебаться, возникаетъ противодѣйствіе; противъ явленій сознанія употребляются всѣ орудія сознанія, и разъѣдающій анализъ, и сила насмѣшки, и страсть гнѣва. Идолы падаютъ, и люди думаютъ, что съ ними падаетъ дѣло. Но часто бываетъ такъ, что самое дѣло, овладѣвая все болѣе и болѣе умами, независимо отъ тѣхъ представленій, которыя заслоняли его, возбуждаетъ противъ нихъ реакцію; оно-то подъ другими именами и подъ другими представленіями вооружаетъ умы противъ несоотвѣтственныхъ о себѣ представленій, и заставляетъ служить себѣ своихъ про-

тивниксвъ , которые иногда бываютъ вѣрнѣе ему и ближе къ нему, чѣмъ его защитники.

Но возвратимся къ нашему вопросу. Въ нашей критикѣ, по поводу Пушкина, часто слышалось возраженіе противъ будто бы ошибочной теоріи , которая учитъ , что искусство должно имѣть свою цѣль въ самомъ себѣ. Это положеніе , въ своей отвлеченности и отрывочности, можетъ быть всячески непонимаемо. Мы слышимъ слова, и первыя, какія случились въ умѣ нашемъ понятія являются на зовъ; выходитъ смыслъ, котораго мы сами бываемъ единственными виновниками , смыслъ смутный, сбивчивый и близкій къ безсмыслицѣ. Изъ уваженія къ авторитету теоріи, мы благоговѣемъ передъ собственною безсмыслицею, потомъ начинаемъ тяготиться ею , наконецъ чувствуемъ пресыщеніе, вспыхиваемъ гнѣвомъ, сбрасываемъ съ себя иго, и потомъ, какъ люди опытные, насмѣшливо отзываемся о системахъ , къ которымъ будто бы прежде принадлежали, но отъ которыхъ счастливо наконецъ отдѣлались. Мы точно двинулись впередъ, потому что вышли изъ ложнаго положенія, но не относительно самаго дѣла, отъ котораго не могли уйдти, потому что никогда къ нему не подходили. Отрывочныя, на лету схваченныя фразы, возбуждавшія въ нашемъ умѣ смутныя и безплодныя движенія—вотъ вся наша философія. Порадуемся , что отъ ней освободились , но будемъ видѣть въ ней не болѣе какъ нашъ же собственный, хотя и невольный грѣхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ освобожденною и здоровою мыслію почтимъ истинное разумѣніе, и будемъ стараться приблизиться къ нему, начиная мыслить собственнымъ умомъ.

Искусство должно имѣть свою внутреннюю цѣль, какъ имѣетъ ее все на свѣтѣ. Это общій законъ всякой организаціи, всякаго самостоятельнаго существованія, всякой дѣятельности, условленной природою человѣческою. Говорите, что̀ хотите, но не отнимайте у искусства его права на существованіе, sa raison d'être. Не ужели въ самомъ дѣлѣ эта богатая и великая сфера человѣческой дѣятельности, сфера, въ которой проявлено столько силъ и генія, не ужели она лишена своего внутренняго закона, не ужели ей не дано начала самоуправленія, самобытности и независимости? Не ужели явленія въ этой области возникаютъ только по посторонним поводамъ и требованіямъ? Итакъ, не

за чѣмъ говорить намъ объ искусствѣ; есть только случайно возникающія, тамъ и сямъ, различныя явленія, которымъ даемъ мы, по нѣкоторымъ общимъ признакамъ, общее названіе произведеній искусствъ. Одни изъ этихъ произведеній вызываются нуждою, другія—праздными досугомъ, и вотъ для бѣднаго поэта, чтобы не попасть въ скоморохи, не остается иного убѣжища, какъ поступить въ служители благочинія.

О старый мыслитель Италіи, не это ли твои corsi ricorsi? Не ужели мы возвратились къ тѣмъ же воззрѣніямъ, отъ которыхъ почитали себя совершенно освобожденными? Какъ доблестно и съ какою энергіею бились мы противъ этихъ обветшалыхъ воззрѣній, возникшихъ въ тѣ времена, когда искусство не имѣло для мысли никакого существеннаго интереса! И вотъ опять, съ другой стороны, приходимъ мы сами къ тому же! Отъ тѣхъ романтическихъ бредней о значеніи художника, которыя еще не очень давно стояли такимъ туманомъ въ нашей литературѣ, отъ всѣхъ этихъ краснорѣчивыхъ и горячихъ толковъ о художественности, толковъ, которые проводили столь рѣзкую границу между такъ-названными произведеніями беллетристики, не имѣющими самостоятельнаго значенія, и произведеніями художественными, предъ которыми благоговѣйно преклонялись колѣна, отъ всего этого осталось въ нашихъ критикахъ лишь чувство пресыщенія, и они готовы теперь ставить художнику въ вину художественность его произведеній. Пушкинъ подвергся укору за то, что оставался вѣренъ цѣлямъ искусства. Его восхваляютъ какъ художника, но укоряютъ за то, что онъ былъ исключительно художникомъ.

Пушкинъ, говорятъ критики, былъ въ нашей литературѣ художникомъ по преимуществу; онъ первый внесъ въ нее истинное начало поэзіи; но за то онъ и былъ только художникомъ, только поэтомъ. Повинуясь влеченію своей природы, онъ подчинилъ себя вполнѣ этой теоріи, предписывающей искусству не знать иной цѣли, кромѣ цѣли искусства. Ему бы только уловить красоту явленія, только начертить изящный образъ, только передать ощущеніе въ живой прелести стиха. Онъ былъ эхо, которое отзывается на все безразлично и безстрастно; такъ онъ и понималъ свое назначеніе, какъ поэта. Онъ

самъ высказалъ свою теорію искусства въ знаменитомъ стихотвореніи своемъ: *Чернь*. Съ презрѣніемъ и негодованіемъ отталкиваетъ поэтъ эту, какъ онъ выражается, «тупую чернь», этотъ «непосвященный и безсмысленный народъ», который собрался просить у него слова поученія. Въ стихотвореніи Пушкина послѣднее слово осталось конечно за поэтомъ. Но критики становятся на противную сторону, и разумѣется удерживаютъ за собою послѣднее слово, повторяя и разбирая то, что̀ высказано въ стихотвореніи отъ лица черни.

Читатели можетъ быть не посѣтуютъ на насъ, если мы начнемъ нѣсколько издалека, чтобы по возможности уяснить спорное дѣло.

Пушкинъ не былъ теоретикомъ. Но дѣйствительно съ теченіемъ времени его художественная дѣятельность достигла до самосознанія, которое выразилось въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Эти стихотворенія, при всей свободѣ своей формы, при всемъ отсутствіи догматическаго характера, заключаютъ въ себѣ намеки на теорію искусства, которую легко извлечь изъ нихъ.

Бывало говорилось у насъ, что дѣятельность художника совершается безсознательно. Объ этомъ вопросѣ также велись въ нашей журналистикѣ горячіе толки, которые, какъ кажется, кончились такимъ же чувствомъ пресыщенія, какъ и прочіе эстетическіе толки у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, при дальнѣйшей опытности, при большей зрѣлости понятій, трудно было оставаться въ наивной увѣренности, что художникъ, въ минуту вдохновенія, обмираетъ какъ пиѳія или какъ ясновидящій въ магнетическомъ усыпленіи, и что устами его вѣщаетъ посѣтившая его чуждая сила. Мы весьма основательно убѣдились, что такое понятіе о вдохновеніи художника совершенно нелѣпо, что состояніе творчества есть состояніе здраваго и трезваго духа, что художникъ, какъ и мыслитель, сохраняетъ въ минуту дѣятельности всю свою умственную свободу, и что даже напротивъ такая минута есть въ человѣкѣ состояніе высшей внутренней ясности. Теперь, кажется, мы уже не признаемъ никакой особенности въ состояніи умственнаго творчества, и самое слово творчество употребляемъ только по

навыку, не придавая ему никакого особеннаго значенія, а ученіе о безсознательности творчества относимъ къ пустому хламу нашихъ прежнихъ романтическихъ бредней. Но и здѣсь мы ошибаемся, и здѣсь повторяется вышеуказанное нами явленіе. Сами сочинивъ нелѣпую безсознательность въ искусствѣ, мы потомъ слагаемъ всю вину на философскія теоріи, которыя никогда этому не учили.

Поэзія есть прежде всего одна изъ формъ нашего сознанія. Это особаго рода мышленіе; это умственная дѣятельность. Но чѣмъ могущественнѣе овладѣваетъ нашею душою какая либо мысль, чѣмъ съ большею энергіею предаемся мы какому либо дѣлу, тѣмъ менѣе остается въ насъ мѣста и силъ для всякой другой мысли, для всякой посторонней дѣятельности. Если бы съ развитіемъ одного дѣла современно происходило въ насъ другое дѣло, то ни одно не могло бы происходить съ тою силою, свободою и правильностію, какія требуются для полнаго успѣха. Одно возмущало бы и ослабляло бы теченіе другаго, и мы бы несчастнымъ образомъ двоились между ними. Это общій законъ, который находитъ себѣ только частное приложеніе относительно художественнаго творчества. Развивая мысленно рядъ представленій, поглащающихъ все наше вниманіе, мы не можемъ въ тоже время развивать другіе ряды, не отнимая жизни и силы у перваго. Возникшій въ насъ замыселъ даетъ нашему уму и всей нашей внутренней организаціи соотвѣтственное настроеніе; смотря по глубинѣ и силѣ замысла, весь внутренній міръ, все хранящееся въ нашей душѣ разнообразіе мыслей, представленій, чувствованій, располагается такъ, чтобы входить въ систему начавшагося развитія, и занимать въ ней опредѣленное назначеніе. Когда Шекспиръ создавалъ своего Отелло и развивалъ въ своемъ воображеніи сцены его безумной ревности, это чувство, болѣе или менѣе знакомое сердцу поэта, поднималось тогда въ душѣ его не какъ собственная страсть, но какъ свободное представленіе, со всѣми особенностями своей природы и своего проявленія, и вселялось въ страшнаго Мавра и оживляло его мрачный образъ; оно не могло бы тогда развиться какъ собственная страсть, а если бы возникъ къ тому поводъ, то созданіе поэта по необходимости должно было бы прерваться. Не только подобныя

постороннія возбужденія со стороны дѣйствительности могутъ вредить внутреннему дѣлу, но также и всякое другое внутреннее дѣло, а равно и новый актъ сознанія, который слѣдилъ бы за первымъ. Вдохновеніе творчества не только не чуждо сознанія, но есть напротивъ самое усиленное его состояніе. Человѣкъ въ этомъ состояніи весь становится созерцаніемъ, внутреннимъ зрѣніемъ и слухомъ. Но чѣмъ сильнѣе такое состояніе, тѣмъ менѣе бываетъ возможнымъ, современно съ нимъ, другое подобное состояніе. Мы не можемъ сосредоточить наши понятія для того, чтобы наблюдать за сильною внутреннею работою въ самый моментъ ея развитія, не можемъ не потому только, что намъ не достало бы матеріяльныхъ силъ, но потому преимущественно, что не будетъ у насъ свободныхъ нравственныхъ силъ для новой работы, не будетъ въ нашемъ распоряженіи тѣхъ умственныхъ способовъ, тѣхъ понятій, которыя были бы для ней необходимы, но которыя заняты болѣе или менѣе близкимъ отношеніемъ къ начавшемуся дѣлу. Они не могутъ вступить въ тѣ сочетанія, которыя требовались бы для новаго дѣла, не нарушая цѣлаго настроенія нашей души. Отдавать себѣ отчетъ въ общихъ законахъ своей дѣятельности требуетъ особой дѣятельности, новаго плана, новаго настроенія и своего времени.

Итакъ вотъ она, эта пресловутая безсознательность художника! Это не безсознательность, а цѣльность сознанія, и ни сколько не составляетъ исключительной принадлежности искусства въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Это общее условіе всякаго рода дѣятельности, которая творчески совершается въ человѣческомъ духѣ, и творчество въ этомъ смыслѣ ни мало не есть принадлежность людей, слагающихъ стихи, сочиняющихъ повѣсти или драмы, или занимающихся живописью; оно равно относится и къ ученому, къ инженеру, и даже къ математику, котораго бывало ставили во враждебныя отношенія къ поэту.

Но внутреннія состоянія наши проходятъ, и хранятся въ памяти. То, что̀ было не возможно при *настоящемъ* развитіи, становится возможнымъ относительно *прошедшаго*. Рядъ подобныхъ состояній, какъ состояній прошедшихъ, является намъ простымъ воспоминаніемъ, простыми представленіями, и мы образуемъ изъ нихъ тѣ общія представленія, въ которыхъ

сосредоточивается для насъ ихъ значеніе, ихъ сущность, ихъ понятіе.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ нашъ поэтъ разумѣетъ значеніе своей дѣятельности.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній (1831 года), Пушкинъ сравнилъ поэта съ отголоскомъ.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жь нѣтъ отзыва.... Таковъ
И ты, поэтъ!

Безъ сомнѣнія, Пушкинъ не имѣлъ въ виду выразить этими стихами полное значеніе поэта. Оно, какъ видно, родилось у него мгновенно, и навѣяно мимолетнымъ настроеніемъ. Можетъ быть хотѣлось ему только выразить, подъ общимъ представленіемъ поэта, случайное чувство личнаго одиночества и недовольства. Дѣйствительно, эта безотзывность на голосъ поэта, эта исключительность его положенія въ мірѣ, какъ существа, которое, откликаясь на все, остается само безъ отзыва, все это было бы чертою слишкомъ хитрою и искусственною въ общей характеристикѣ поэта. Вообще эта аналогія съ отголоскомъ не очень богата, и немного хромаетъ; но тѣмъ не менѣе она намекаетъ на весьма характеристическое, хотя вовсе не исключительное значеніе поэта.

Существенный смыслъ сравненія, по нашему мнѣнію, заключается въ призваніи поэта постигать и воспроизводить всѣ явленія жизни. Мы удержимъ только этотъ общій смыслъ, и посмотримъ, что въ немъ содержится.

Обыкновенно во главу поэзіи полагается красота, какъ цѣлію знанія поставляется истина. Но это также принадлежитъ

саловыхъ, а въ Петербургѣ—графа Строганова, и такая галлерея, которая возбуждала бы національную гордость дрезденскаго жителя, не взирая на всѣ сокровища королевскаго собранія; которую услужливые чичероні показывали бы путешественникамъ и во Флоренціи и въ Римѣ, на ряду съ богатѣйшими частными галлереями! Не вѣрите? Такъ совѣтуемъ вамъ, когда будете въ Петербургѣ, посѣтить эту галлерею, если чувствуете способность насладиться художественно. Тамъ увидите вы Рафаэлеву Венеру съ Амурами, тотъ оригиналъ, который получилъ всемірную извѣстность гравюрами, сдѣланными съ него Маркъ-Антоніемъ, Маркомъ Равенскимъ и другими старинными мастерами. Тамъ увидите Корреджіеву *Ночь*, не повтореніе знаменитой дрезденской картины, а произведеніе самостоятельное и, вѣроятно, первоначальный эскизъ, въ послѣдствіи измѣненный и дополненный въ дрезденскомъ экземплярѣ. Хотя описаніе строгановской галлереи издано, но эта книга на французскомъ языкѣ, въ листъ, съ гравюрами, имѣетъ не то назначеніе, съ которымъ издаются обозрѣнія. Впрочемъ, нужно ли распространяться о частныхъ собраніяхъ, когда нашъ публичный музей, нашъ прекрасный Эрмитажъ, изящнѣйшая изъ всѣхъ европейскихъ галлерей по внѣшнему убранству и помѣщенію и одно изъ богатѣйшихъ собраній художественныхъ, доселѣ еще не только не возбуждаетъ всеобщаго участія русской публики, столь благотворнаго для чувства національной гордости, но многимъ едва извѣстенъ по имени? Иные скажутъ, что съ развитіемъ практическихъ и національныхъ интересовъ, вопросы о художествѣ, и къ тому же иностранномъ, уступили мѣсто другимъ, болѣе важнымъ и сообразнымъ съ общимъ направленіемъ вѣка. Но на глазахъ нашихъ Эрмитажъ украсился и мраморомъ, и малахитомъ, и золотомъ, и мозаикою, какъ бы въ той мысли, что никакія сокровища міра недостаточно драгоцѣнны передъ идеею художника, которой они должны служить только скромною рамою, не смотря на все великолѣпіе ремесленной ея отдѣлки. Исторія обогащенія Эрмитажа художественными произведеніями доходитъ до послѣднихъ годовъ совершающагося въ Европѣ движенія, когда пріобрѣтены были Тиціанова Венера, смотрящаяся въ зеркало, Тиціанова же плачущая Магдалина и другія замѣчательнѣйшія произведенія итальянской живописи.

Что же касается до интересовъ національныхъ, то они не только не противорѣчатъ эстетическому образованію, расширяющему границы русской старины, но даже поддерживаются имъ и, при помощи безпристрастнаго взгляда на художества другихъ народовъ,

могутъ получить истинное направленіе. Наши художественныя древности состоятъ въ тѣсной связи, во-первыхъ, съ искусствомъ византійскимъ, и потомъ—съ искусствомъ западныхъ народовъ, Итальянцевъ, Голландцевъ, Нѣмцевъ. Древне-русская живопись образовалась подъ вліяніемъ византійской; цвѣтущая же эпоха византійской живописи восходитъ не далѣе XII вѣка, именно того времени, когда стало значительно упадать въ школѣ византійской древне-классическое преданіе какъ въ изображеніи цѣлой фигуры, поставленной свободно, въ развязномъ, изящномъ движеніи, такъ и въ изображеніи мастерской драпировки, внесенной въ живопись въ лучшую эпоху древне-классическаго ваянія. Если хотите познакомиться съ этимъ цвѣтущимъ періодомъ византійскаго искусства, соединившаго въ себѣ классическія очертанія древней пластики съ идеальностью христіянскаго воодушевленія; то обратите вниманіе на миніатюры въ греческихъ рукописяхъ Синодальной Библіотеки, отмѣченные въ Указателѣ числами: 4, 5, 8, на стр. 128–131.

Особенно замѣчательны въ исторіи искусства двѣ первыя рукописи: одна, X в., съ миніатюрами, изображающими Евангелистовъ; другая, XII в., съ миніатюрами различныхъ лицъ и событій Ветхаго и Новаго Завѣта. Нельзя довольно налюбоваться въ нихъ и замѣчательною правильностію очертаній, и живостію въ движеніяхъ, и идеальною красотою умиленныхъ ликовъ, составляющихъ особенность древней христіянской живописи. Такіе памятники искусства имѣютъ для насъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, указывая на связь византійскаго художества съ древнимъ классическимъ, даютъ они эстетическому интересу болѣе обширный объемъ; и во-вторыхъ, съ точки зрѣнія національной, служатъ для насъ образцомъ при оцѣнкѣ миніатюръ древне-славянскихъ, которыя уже въ XI в. свидѣтельствуютъ о паденіи византійскаго стиля и у насъ, какъ это замѣчаютъ изслѣдователи у другихъ европейскихъ народовъ въ миніатюрахъ, передѣланныхъ съ византійскихъ оригиналовъ, въ эпоху до возрожденія искусствъ на Западѣ.

Если древнѣйшими памятниками нашей старины мы примыкаемъ къ Византійцамъ, то позднѣйшими—къ западнымъ народамъ. Въ ризницѣ встрѣтите нѣкоторыя вещи высокаго художественнаго достоинства, указывающаго на лучшую эпоху въ исторіи золотыхъ дѣлъ мастерства. Напримѣръ, эта головка Медузы, съ разинутою пастью, въ которой блеститъ рубиновый языкъ,—какъ напоминаетъ она работы Бенвенуто Челлини, который самъ, въ своихъ запискахъ, отдаетъ себѣ должную справедливость въ искусствѣ давать оправѣ драгоцѣнныхъ камней художественное назна-

ченіе, сообразное съ идеею цѣлаго произведенія! А это серебряное блюдо съ изображеніемъ мифа о Прозерпинѣ! Оно безспорно относится къ той счастливой эпохѣ европейскаго художества, когда возсозданіе древне-классическихъ формъ, еще не доведенное до односторонней крайности, было естественнымъ дополненіемъ самостоятельному, творческому воодушевленію. Иноземное происхожденіе нѣкоторыхъ вещей означено даже помѣтою; таковы, напримѣръ, во 2-мъ Отдѣлѣ Указателя, то есть между вещами нецерковными, №№ 13, 63, 74, 10, 18 и друг. Многія изъ нихъ нѣмецкой работы.

Такимъ образомъ разнородное происхожденіе памятниковъ нашей старины составляетъ особенную трудность въ ея изученіи. Надобно не только отдѣлить свое собственное отъ заимствованнаго и подражательнаго, но и опредѣлить эпоху и стиль того, что̀ заимствовано. Какъ на образецъ сравнительнаго изслѣдованія нашихъ древностей, основаннаго на всестороннемъ изученіи искусства средне-вѣковаго, можемъ указать на превосходное сочиненіе «Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ», изданное въ 1849 г., въ листъ, съ рисунками.

Объ указателяхъ можно сказать тоже, что и объ учебникахъ. Это первоначальныя руководства, извлекаемыя для общаго употребленія изъ ученыхъ и спеціяльныхъ изслѣдованій. Чѣмъ полнѣе разработанъ предметъ въ ученомъ отношеніи, тѣмъ лучше можетъ быть составлено краткое его обозрѣніе. Потому-то указатели классическихъ древностей можно назвать образцовыми, и особенно указатели, составленные археологами нѣмецкими. Лучшая книга въ этомъ родѣ, по нашему мнѣнію, есть описаніе Мюнхенской Глиптотеки, составленное Кленце и Шориомъ. Это въ краткихъ, но занимательныхъ очеркахъ, цѣлое историческое обозрѣніе древняго художества, ограниченное памятниками, хранящимися въ мюнхенскомъ собраніи. Книга Гергарда (Berlins Antike Bildwerke), при тѣхъ же ученыхъ достоинствахъ, уже слишкомъ подробна и спеціяльна, какъ справочная книга для археолога, а не указатель для общаго употребленія публики.

Если древности средневѣковыя еще не скоро дождутся такихъ опредѣлительныхъ обозрѣній, какія имѣемъ для искусства классическаго; по крайней мѣрѣ историческое значеніе и судьба старинныхъ памятниковъ, связанная съ жизнію народа и съ исторіею просвѣщенія, могутъ замѣнять въ указателяхъ интересъ техническихъ подробностей о стилѣ и художественномъ достоинствѣ описываемыхъ произведеній. Именно къ такимъ-то сочиненіямъ, вы-

зываемымъ національною потребностью и благотворно дѣйствующимъ на чувство національное, принадлежитъ Указатель патріаршей Ризницы и Библіотеки. Краткая исторія патріаршей библіотеки, внесенная авторомъ въ Указатель, есть вмѣстѣ и исторія нашего просвѣщенія, соединенная съ великими именами патріарха Никона, Петра I, Екатерины II. Что касается до ризницы, то уже описаніе самыхъ предметовъ, въ ней хранимыхъ, приведенное въ хронологическій порядокъ, замѣняетъ ея исторію. Многія изъ священныхъ утварей и одѣяній говорятъ сами за себя, въ своей надписи, которой авторъ Обозрѣнія, слѣдуя старинѣ, даетъ удачное названіе *лѣтописи*. Дѣйствительно, эти великолѣпныя митры, панагіи, саккосы, омофоры — лѣтописи нашей православной Церкви, писанныя на золотѣ и серебрѣ жемчугомъ, яхонтомъ, алмазами. Этой краснорѣчивой лѣтописи авторъ умѣлъ придать достойную художественную форму искусно пользуясь старинными описями ризницы, и заимствуя изъ нихъ техническіе и художественные термины, которые такъ же блестятъ красотою старинnаго русскаго слова, какъ и тѣ великолѣпные предметы, которымъ служатъ они выраженіемъ.

При указателяхъ для обозрѣнія Рима прилагаются хронологическіе списки римскихъ императоровъ, папъ и художниковъ; потому что описаніе этого города есть вмѣстѣ исторія гражданская, церковная и художественная. При обозрѣніи памятника, связаннаго съ какимъ нибудь историческимъ лицомъ, можетъ встрѣтиться надобность справиться объ эпохѣ самого памятника и лица историческаго. Одинаковыя обстоятельства и потребности приводятъ къ одинаковому образу дѣйствія. Очень можетъ быть, что составитель Указателя для обозрѣнія патріаршей ризницы и библіотеки не имѣлъ въ виду книгъ Нибби, ни краткаго указателя, ни большаго его сочиненія о Римѣ; тѣмъ не менѣе онъ почелъ необходимымъ къ своему описанію присовокупить хронологическій списокъ русскихъ митрополитовъ и патріарховъ, указывая тѣмъ самымъ на тѣсную связь описанныхъ имъ памятниковъ нашей старины съ исторіею русской церкви.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ истекшаго года, кромѣ Указателя, вышло въ свѣтъ другое замѣчательное сочиненіе, имѣющее предметомъ также патріаршія или синодальныя хранилища. Это первый томъ Описанія славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки (1), пред-

(1) Описаніе рукописей Синодальной библіотеки. Отдѣлъ первый. Москва 1855. въ 8 д. л.

принятаго по порученію духовнаго начальства профессорами: Горскимъ и Невоструевымъ. Въ вышедшемъ первомъ отдѣлѣ описаны рукописи Священнаго Писанія, то есть книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Сочиненіе это принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ ученымъ произведеніямъ, которыя составляютъ эпоху въ изученіи того предмета, которому посвящены. Какъ описаніе рукописей, оно конечно предназначается собственно для того небольшаго круга читателей, которые интересуются подробнымъ изученіемъ нашей старины и народности. Но общія положенія и результаты, выведенные изъ описанія рукописей, въ этомъ первомъ отдѣлѣ, такъ любопытны и такъ важны въ отношеніи къ историческому развитію просвѣщенія въ древней Руси, что мы считаемъ обязанностію познакомить съ ними читателей Русскаго Вѣстника.

Сначала должно замѣтить, что это Описаніе рукописей отличается отъ прежнихъ и по системѣ, принятой учеными авторами, и по объему. Прежнія описанія (напр. библіотекъ Графа Толстаго, Царскаго) не что иное, какъ сухіе каталоги. Востоковъ, въ своемъ Описаніи Рукописей Румянцовскаго Музеума, далъ новое направленіе этому дѣлу, присоединивъ къ перечню статей каждой рукописи необходимѣйшія объясненія, указанія на источники и нѣкоторыя филологическія замѣчанія. Профессоры Горскій и Невоструевъ подчинили всѣ подробности въ описаніи рукописей одной общей системѣ, имѣющей предметомъ рѣшеніе основнаго вопроса о переводѣ и исправленіи книгъ Св. Писанія.

Изъ тщательнаго разсмотрѣнія рукописей оказывается, что наши предки не имѣли полнаго собранія книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта до 1499 года, къ которому относится древнѣйшій списокъ полной Библіи, писанный въ Новѣгородѣ при архіепископѣ Геннадіи, и хранящійся нынѣ въ синодальной библіотекѣ. Такъ какъ образованіе древней Руси ограничивалось преимущественно литературою духовною; то любопытно знать какія именно книги Св. Писанія и въ какомъ видѣ были въ употребленіи между людьми грамотными. Для церковной службы употреблялись Евангеліе и Апостолъ *недѣльные*, то-есть, расположенные по порядку праздниковъ и дней служенія, а не Евангелистовъ и Апостоловъ; изъ книгъ Ветхаго Завѣта—отдѣльныя чтенія, или пареміи, собранныя въ Паремейникахъ. Псалтирь *сльдованная*, то есть съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ молитвъ, встрѣчается также между древнѣйшими рукописями. Переписывались отъ древнѣйшихъ временъ и въ теченіи многихъ столѣтій преимущественно списки Евангелія Недѣльнаго; они-то и подверглись частымъ поврежденіямъ отъ писцовъ. Но

уже отъ 1144 года дошло до насъ на славянскомъ языкѣ и Евангеліе, расположенное по Евангелистамъ (въ Синод. библіотекѣ).

Для частнаго, домашняго употребленія были въ ходу книги Св. Писанія съ толкованіями Св. Отцевъ. Мы имѣемъ отъ XI вѣка Толковую Псалтирь (въ Императорской Публичной Библіотекѣ), то-есть, собраніе псалмовъ съ объясненіями или толкованіями. Изъ позднѣйшихъ рукописей извѣстно, что уже въ 1047 году для новгородскаго князя Владиміра Ярославича были переписаны Пророки съ толкованіемъ. Съ толкованіями же дошелъ до насъ древнѣйшій текстъ книги Іова (1394 г., въ библіотекѣ москсовкаго, Чудова монастыря).

Когда при Геннадіи стали собирать полный списокъ Библіи, тогда внесли въ него текстъ Пророковъ и Іова, извлеченный изъ толкованій. Нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта, а именно: Пятикнижіе Моисеево, книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь, Притчи, Псалтирь, отличаются въ Библіи 1499 г. признаками глубокой древности; другіе, какъ напр. книги Ездры, Товіи, Юдиѳь, переведены въ XV в., съ латинскаго. Сверхъ того, внѣшній составъ Ветхо-Завѣтныхъ книгъ, съ предисловіями и объясненіями, въ полныхъ спискахъ Библіи, образовался у насъ подъ вліяніемъ людей, имѣвшихъ въ виду латинскій переводъ Библіи, извѣстный подъ именемъ Вульгаты, которая могла къ намъ проникнуть не ранѣе XV вѣка конечно въ экземплярахъ печатныхъ. Древнѣйшая старопечатная Библія на славянскомъ языкѣ (изданная въ Острогѣ, въ 1581 г.) содержитъ въ себѣ, съ немногими измѣненіями, текстъ полнаго библейскаго списка 1499 г. Позднѣйшія исправленія Св. Писанія состояли преимущественно въ сближеніи славянскаго перевода съ греческимъ текстомъ.

Самый любопытный предметъ для ученыхъ изслѣдованій представляютъ славянскія рукописи Св. Писанія въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ грамматическихъ для выраженія одной и той же мысли оригинала. Въ выборѣ словъ, въ замѣнѣ одного слова другимъ, переводчики и исправители какъ бы пробовали силу и красоту славянской рѣчи, влагая въ нее высокія общечеловѣческія идеи, внесенныя къ намъ переводомъ Св. Писанія. Въ иномъ спискѣ слово иностранное замѣняется славянскимъ, отвлеченное выраженіе — болѣе понятнымъ, наглядным. Переписчикъ новѣйшій, списывая съ древней рукописи, кое-гдѣ подновляетъ древнее выраженіе, уже вышедшее изъ употребленія; переписчикъ русскій, изъ Кіева или Новагорода, вноситъ въ текстъ особенности своей рѣчи и выговора. Позднѣйшіе исправители славянскаго перевода

Св. Писанія, сглаживая мѣстныя особенности въ словахъ и выраженіяхъ, возводятъ славянскій текстъ къ его греческому оригиналу, стремясь къ чистотѣ, ясности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ отвлеченности, отъ которой церковно-славянская рѣчь пріобрѣтаетъ то идеальное величіе, которымъ возвышается она надъ языкомъ ежедневныхъ нуждъ и заботъ жизни дѣйствительной. Прослѣдить весь процессъ этого, такъ сказать, одухотворенія славянской рѣчи, въ ея сближеніи съ словомъ Св. Писанія — вотъ великая, въ высшей степени любопытная задача, рѣшеніе которой профессоры Горскій и Невоструевъ предлагаютъ въ первомъ отдѣлѣ Описанія синодальныхъ рукописей.

Нужно ли говорить о томъ, что просвѣщенный взглядъ на славянскій текстъ перевода Св. Писанія роднитъ насъ съ языкомъ греческимъ, съ языкомъ изящнѣйшей въ мірѣ литературы? Дѣйствительно, искреннее возвращеніе къ нашей старинѣ и народности не можетъ не вызвать настоятельной потребности въ изученіи языковъ классическихъ. Какъ безпристрастное, просвѣщенное знакомство съ памятниками древне-русскаго художества, чрезъ византійскій стиль лучшей эпохи, возводитъ наблюдателя къ стилю классическому древней Греціи; такъ и разработка памятниковъ древней нашей письменности, состоящей въ тѣснѣйшей связи съ литературою византійскою, рано или поздно, заставитъ насъ смотрѣть на міръ классическій, какъ на существенное дополненіе нашей грамотной старины. Ѳ. Буслаевъ.

Естествовѣдѣніе.

Начиная лѣтопись успѣховъ естествовѣдѣнія, спѣшимъ познакомить читателей съ направленіемъ и характеромъ нашего изложенія. Напомнимъ прежде всего, что эта лѣтопись составляется не для спеціалистовъ. Люди, спеціально посвятившіе себя изученію какой-либо отрасли естествовѣдѣнія, обратятся къ самымъ источникамъ. Наша цѣль — знакомить съ успѣхами науки людей, получившихъ достаточное общее образованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы желали бы, чтобъ лѣтопись представила нѣкоторый интересъ и для ученыхъ, которыхъ кругъ занятій не относится спеціяльно къ излагаемому предмету: чтобъ занимающійся физикою могъ съ пользою прочесть страницы, посвященныя успѣхамъ химіи, ботаники и другихъ наукъ, ботаникъ могъ познакомиться съ главнѣйшими явленіями ученой дѣятельности въ области другихъ предметовъ.

Науки о природѣ составляютъ обширную область, имѣющую

свои условныя понятія, говорящую своимъ особымъ языкомъ, въ которой часто глубочайшія идеи скрыты отъ большинства подъ тройнымъ панцыремъ математическаго изложенія. Но въ этой области умъ человѣческій свершаетъ великія завоеванія. Въ наукахъ о природѣ сказалось впервые и принесло богатые плоды то положительное направленіе, которое мало по малу входитъ во всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія. Вслѣдствіе глубины содержанія съ одной стороны и трудности формы съ другой, ничто такъ не нуждается въ общедоступномъ изложеніи, какъ науки о природѣ. Къ сожалѣнію, ничто такъ мало не распространено въ обществѣ, особенно въ нашемъ, какъ здравыя свѣдѣнія о явленіяхъ природы. Эту мысль, обращаясь каждый къ своимъ соотечественникамъ, выразили два великіе представители естествознанія, Фаредей и Араго. Знаменитый англійскій физикъ Фаредей, размышляя о всеобщемъ увлеченіи, съ какимъ было принято явленіе, интересное само по себѣ, но подавшее поводъ къ страшному смѣшенію понятій (мы говоримъ о движущихся столахъ), пришелъ къ заключенію, что легкомысленные выводы, сдѣланные изъ этого явленія людьми, весьма образованными и серіозными, доказываютъ недостаточность въ обществѣ свѣдѣній о явленіяхъ природы и тѣхъ способахъ, помощію которыхъ наука проникаетъ въ ея тайны. Фаредей видитъ въ этомъ коренной недостатокъ современнаго воспитанія. Араго, который такъ много сдѣлалъ для распространенія знаній въ публикѣ, въ одной изъ своихъ статей о кометахъ, опредѣляя различныя техническія названія, не смѣлъ еще надѣяться, чтобъ и послѣ этого не пришлось ему услышать отъ людей весьма образованныхъ вопроса въ родѣ слѣдующаго: «скажите, когда эта комета освободится отъ своихъ *узловъ*?» или такой просьбы: «покажите намъ въ самую сильную трубу обсерваторіи *перигелій* этой кометы.» Фантастическія понятія о магнитныхъ и электрическихъ силахъ и токахъ, о животномъ магнетизмѣ, весьма укорененныя въ обществѣ, представляютъ интересный примѣръ нелогичности сужденій и поспѣшности выводовъ въ дѣлѣ изученія природы. Года два или три тому назадъ вышло на русскомъ языкѣ сочиненіе одного медика, въ которомъ авторъ, сколько можно судить, весьма образованный, доказываетъ, что холера распространяется по направленію какихъ-то *магнитныхъ токовъ* и что уголь изъ воздуха, помощію ногъ, входитъ въ организмъ человѣка. Чего не услышишь объ этомъ таинственномъ животномъ магнетизмѣ (въ которомъ впрочемъ нисколько не виноватъ скромный камень, притягивающій желѣзо и представляющій дѣйствительно одно изъ замѣ-

чательнѣйшихъ явленій природы)? Мы не хотимъ этимъ сказать, что явленія, безъ разбору относимыя въ область животнаго магнетизма, не представляютъ ничего любопытнаго; напротивъ, въ психическомъ отношеніи здѣсь даже очень много весьма замѣчательнаго. Мы говоримъ о той поспѣшности, съ какою обыкновенно изъ одного, не подвергнутаго никакой основательной критикѣ факта, весьма образованные люди, особенно если они сами видѣли этотъ фактъ, спѣшатъ вывесть рѣшительныя заключенія о новой силѣ, которой подчиняютъ чуть-чуть не всѣ явленія вселенной. Такимъ образомъ должно сознаться, что несмотря на великіе успѣхи естествознанія, ясныя представленія о явленіяхъ природы и о методахъ ихъ изслѣдованія еще недостаточно распространены въ обществѣ, и легко встрѣтить человѣка съ воззрѣніемъ на природу, напоминающимъ чуть-чуть не времена блаженной памяти схоластики. Но съ другой стороны нельзя также не сознаться, что потребность знанія растетъ съ каждымъ днемъ и что популярное изложеніе, это могущественное орудіе для распространенія полезныхъ свѣдѣній въ публикѣ, со всякимъ днемъ получаетъ болѣе и болѣе важное значеніе. Обозрѣвая движеніе науки, должно сознаться, что никогда еще оно не было такъ живо и многообразно, какъ въ наше время.

Было время въ Европѣ, когда наука заключалась въ небольшомъ кружкѣ ученыхъ. Такъ исторія науки XVII вѣка представляетъ нѣсколько великихъ умовъ, въ которыхъ какъ бы сосредоточилось умственное движеніе той эпохи; но между ихъ понятіями и тѣмъ, что̀ преподавалось въ школахъ, что̀ раздѣляла масса публики, нѣтъ ничего общаго. Эти отдѣльныя лица сносились между собою непосредственно. Письма ученыхъ—любопытнѣйшіе документы для исторіи науки того времени. Потребность совокупнаго труда вызвала ученыя общества. Званіе академика—непремѣнная принадлежность почти всякаго ученаго естествоиспытателя XVIII вѣка. Наука заключалась въ академическихъ кружкахъ; преподаваніе было дѣломъ далеко второстепеннымъ и оставалось по большей части въ рукахъ людей, не стоявшихъ на высотѣ науки. Теперь мало по малу уничтожаются преграды; преподаваніе публичное получило великое значеніе; бо́льшая часть ученыхъ вмѣстѣ и преподаватели. Множество публичныхъ чтеній и элементарныхъ курсовъ, обиліе журналовъ, передающихъ движеніе науки, позволяющихъ ученымъ легко сноситься между собою—могущественныя средства для распространенія науки въ наше время. Какъ на характеристическую особенность времени укажемъ еще на это множество ученыхъ обществъ,

въ которыхъ много лицъ соединяютъ свой трудъ и свои капиталы для увеличенія средствъ изученія природы; эти съѣзды ученыхъ различныхъ спеціяльностей, часто различныхъ странъ, для взаимнаго сообщенія открытій и взаимныхъ ученій. Такіе съѣзды празднуются въ Англіи какъ величайшіе праздники тѣми городами, на долю которыхъ выпадаетъ счастіе принимать ихъ въ своихъ стѣнахъ. Недавно такой съѣздъ въ Глазго (въ сентябрѣ 1855 года) привлекъ нѣсколько тысячъ зрителей. Устройство особыхъ заведеній для наблюденія надъ явленіями природы распространяется болѣе и болѣе. Во время Людовика XIV, во Франціи, существовала одна астрономическая обсерваторія въ Парижѣ, огромная, весьма замѣчательная въ архитектурномъ отношеніи, но совершенно неудобная въ астрономическомъ. Построеніе ея прославлялось какъ великое событіе въ наукѣ. Теперь сѣть астрономическихъ и физическихъ обсерваторій раскинута почти по всему земному шару, и часто устраиваются особыя заведенія подобнаго рода, назначенныя для наблюденія надъ какимъ нибудь отдѣльнымъ разрядомъ явленій. Такъ въ Англіи предположено устроить особую фотографическую обсерваторію, гдѣ солнце и луна каждый день будутъ сами рисовать свои портреты, и по истеченіи вѣковъ можно будетъ судить, какія измѣненія произошли на поверхности нашего спутника. Мы ничего не говорили еще о приложеніяхъ, которыя дѣлаются каждый день изъ открытыхъ законовъ природы, и каждый день болѣе и болѣе покоряютъ силы природы волѣ человѣка. Жажда приложеній — характеристическая черта нашего времени.

Куда же стремится это быстрое движеніе мысли и науки?

Приподнять покровъ природы и узнать истину, на сколько она открыта естественнымъ средствамъ человѣка; употребить добытыя знанія на пользу общую — вотъ цѣли науки. Такимъ образомъ двѣ великія идеи, два чарующія слова: истина и счастіе, находятся въ ближайшей связи съ третьею идеею, идеею знанія.

Возвратимся къ нашей лѣтописи. Мы будемъ знакомить читателей съ открытіями и замѣчательными работами по различнымъ частямъ естествовѣдѣнія, останавливаясь только на важнѣйшихъ явленіяхъ ученой дѣятельности и полезныхъ приложеніяхъ, и стараясь, при сообщеніи факта, показывать его цѣну и значеніе въ наукѣ. Для того лѣтопись текущаго будемъ мы по возможности связывать съ исторіею прошедшаго.

Въ заключеніе напомнимъ, что не должно смѣшивать популярнаго изложенія съ изложеніемъ поверхностнымъ. Изложить предметъ популярно еще не значитъ представить его какъ предметъ

легкаго чтенія. Странно было бы требовать, чтобъ величайшія пріобрѣтенія ума человѣческаго, надъ которыми нѣсколько вѣковъ напряженно трудилась мысль великихъ дѣятелей науки, могли быть прочитаны какъ легкій разказъ или повѣсть. Популярное изложеніе предполагаетъ наименьшее количество свѣдѣній въ читателѣ, но въ тоже время и достаточный запасъ вниманія.

Замѣчательное открытіе Фуко: опытъ, наглядно доказывающій переходъ механической работы въ теплоту.— Намъ пріятно начать лѣтопись описаніемъ новаго, замѣчательнаго явленія, открытаго молодымъ, но уже знаменитымъ французскимъ ученымъ Фуко. Съ именемъ Фуко соединяется воспоминаніе о двухъ открытіяхъ: наглядномъ доказательствѣ вращенія земли и опредѣленіи сравнительной скорости свѣта въ воздухѣ и водѣ,—опытѣ, которымъ окончательно рѣшается вѣковой споръ между двумя теоріями свѣта: истеченія и волненія. Новый опытъ Фуко, составляющій любопытное и никѣмъ еще не замѣченное приложеніе взаимнаго дѣйствія между магнитомъ и движущимся близъ него тѣломъ (магнетизмъ вращенія Араго), имѣетъ въ теоретическомъ отношеніи чрезвычайно важное и современное значеніе, ибо относится къ вопросу, теперь уже нѣсколько лѣтъ занимающему физиковъ—связи между теплотою и механическою работою. Такимъ образомъ на долю Фуко выпадаетъ слава связать свое имя съ двумя великими современными ученіями: теоріею свѣта, какъ волненія, и динамическою теоріею теплоты, которыя обѣ находятъ себѣ въ опытахъ Фуко прямое и ясное оправданіе; чтобы понять значеніе новаго опыта Фуко, надо познакомиться съ явленіемъ взаимнаго дѣйствія магнита и движущихся тѣлъ, и господствующими въ настоящее время воззрѣніями на теплоту.

Въ протоколѣ засѣданія парижской академіи 22-го ноября 1824 года записано: «Г. Араго сообщилъ словесно результаты новыхъ «опытовъ, дѣланныхъ имъ надъ вліяніемъ металловъ и другихъ «тѣлъ на магнитную стрѣлку, — вліяніемъ, которое обнаруживается «быстрымъ уменьшеніемъ размаховъ качающейся надъ этими тѣлами «горизонтальной магнитной стрѣлки». Такъ какъ стрѣлка, находящаяся въ движеніи, приводится въ покой дѣйствіемъ различныхъ тѣлъ, помѣщаемыхъ подъ нею, то Араго заключилъ, что и наоборотъ движущееся тѣло должно увлекать съ собою въ началѣ спокойную стрѣлку. Любопытный опытъ надъ дѣйствіемъ вращающихся тѣлъ на магнитную стрѣлку Араго сообщилъ академіи 7-го марта 1825 г. «Если быстро вертѣть мѣдную доску подъ магнитною стрѣлкою, за«ключенною въ сосудѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ (чтобы потоки

«воздуха не имѣли на нее вліянія), то стрѣлка мало по малу вы-«ходитъ изъ своего обыкновеннаго положенія отъ сѣвера къ югу, и «если скорость движенія достаточно сильна, то мѣдная доска наконецъ «увлекаетъ за собою стрѣлку». Это явленіе, съ опытной стороны подробно и точно изслѣдованное Араго, съ теоретической въ первое время оставалось загадочнымъ, и только послѣ 1832 года, когда Фарадей открылъ такъ называемыя явленія индукціи (то есть возбужденіе электрическихъ токовъ помощію магнитовъ или помощію другихъ токовъ), найдено было его истинное объясненіе. Если такимъ образомъ движущееся тѣло увлекаетъ магнитъ, то противодѣйствіе, оказываемое магнитомъ, должно стремиться остановить движущееся тѣло. Это явленіе прекрасно доказывается любопытнымъ опытомъ, не можемъ сказать, кѣмъ произведеннымъ въ первый разъ, но котораго описаніе находится въ послѣднемъ (шестомъ) изданіи физики Пулье. Между полюсами сильнаго электро-магнита (электро-магнитомъ называется кусокъ мягкаго желѣза, обвитый проволокою, чрезъ которую пропускается электрическій токъ, тотчасъ превращающій желѣзо въ временный магнитъ) вѣшается мѣдный кубъ; въ началѣ проволоку электро-магнита еще не соединяютъ съ полюсами галванической баттареи, и потому онъ не оказываетъ магнитнаго дѣйствія; закручиваютъ нить, на которой привѣшенъ кубъ, и даютъ ей потомъ свободу раскручиваться; отъ этого раскручиванья кубъ приходитъ въ быстрое вращеніе. Соединяютъ проволоки съ полюсами баттареи, тогда желѣзо электро-магнита быстро намагничивается и мгновенно останавливаетъ кубъ. «Нельзя, говоритъ Пулье, безъ глубокаго удивленія видѣть, какъ мгновенно и безъ всякаго колебанія останавливается кубъ; какъ въ одинъ мигъ уничтожается сила крученія, возобновляющая свое дѣйствіе тотчасъ по прекращеніи тока».

Подобнаго рода опытъ произвелъ Фуко. Между полюсами сильнаго электро-магнита, онъ помѣстилъ тѣло, которое можно было привести въ быстрое вращеніе, и которое составляло часть снаряда, называемаго *гироскопомъ* и служащаго подобно маятнику для доказательства вращенія земли. Это тѣло было изъ бронзы и, помощію зубчатыхъ колесъ, могло быть приведено въ движеніе со скоростію 150—200 оборотовъ въ одну секунду. Полюсы электро-магнита, чтобы быть по возможности ближе къ вращающемуся тѣлу, снабжались полосами мягкаго желѣза. Когда тѣло приводилось въ быстрое движеніе, то достаточно было галванической баттареи изъ шести паръ Бунзена, чтобъ дать такую силу электро-магниту, что онъ въ нѣсколько секундъ вполнѣ прекращалъ дви-

женіе сказаннаго тѣла. Если теперь, посредствомъ рукоятки, будемъ стараться опять привести тѣло въ движеніе, то встрѣтимъ сопротивленіе; это заставитъ насъ употребить нѣкоторое усиліе, нѣкоторую работу, и это наше усиліе, не приводя еще тѣло въ движеженіе, обнаружитъ свое дѣйствіе нагрѣваніемъ тѣла. Помощію термометра, помѣщеннаго въ массѣ, можно слѣдить возвышеніе температуры. «Я взялъ, говоритъ Фуко, снарядъ при 16° (температура «окружающаго воздуха); потомъ его температура восходила до 20°, «26° и даже до 34°; нагрѣваніе дѣлалось замѣтнымъ на ощущеніе».

Какъ объяснить это замѣчательное явленіе? Здѣсь, наглядымъ образомъ, употребленная работа, не производя замѣтнаго перемѣщенія въ тѣлѣ, на которое дѣйствуетъ, обнаружила свое дѣйствіе нагрѣваніемъ: то есть произвела незамѣтное для глаза внутреннее дѣйствіе, перешла въ теплоту.

Любопытное отношеніе между теплотою и механическою работою составляетъ въ наукѣ вопросъ великой важности. Извѣстно, что теплота производитъ механическія работы. Она работаетъ въ паровой машинѣ. Это великій двигатель, неутомимый работникъ природы. Всякое теплое тѣло есть заведенная пружина, заключающая въ себѣ запасъ силы, которую только надо умѣть приложить, чтобъ ею воспользоваться. Съ другой стороны, извѣстно, что механическія дѣйствія, какъ напримѣръ треніе, сжатіе, производятъ теплоту. Такимъ образомъ теплота переходитъ въ работу и на оборотъ работа въ теплоту. Каждый разъ какъ механическая работа какъ бы исчезаетъ и переходитъ въ скрытное состояніе, она замѣняется теплотою. Механическое дѣйствіе, не производящее замѣтнаго перемѣщенія тѣла, производитъ внутреннее перемѣщеніе его частицъ, раждающее теплоту. Опытъ Фуко представляетъ ясное доказательство этой мысли.

Этотъ опытъ былъ сообщенъ г-мъ Бабине, членомъ парижской академіи, въ засѣданіи 17-го сентября 1855 года (Фуко еще не членъ академіи). Ровно тридцать пять лѣтъ тому назадъ, почти въ тотъ же самый день (18-го сентября 1820 года) читалъ Амперъ, творецъ электро-динамики, свой первый мемуаръ о дѣйствіи токовъ на магнитъ, а чрезъ недѣлю (25-го сентября) принесъ свой опытъ взаимнаго дѣйствія электрическихъ токовъ въ то самое засѣданіе, когда Араго сообщилъ объ открытомъ имъ свойствѣ проволоки, чрезъ которую проходитъ токъ,—притягивать желѣзныя опилки и намагничивать желѣзо.

Пристлей, въ предисловіи къ своей знаменитой исторіи электри-

чества, упоминая объ удивительномъ свойствѣ электрическаго разряда производить потрясеніе въ живомъ организмѣ, говоритъ: «Какъ бы «изумился Ньютонъ, если бы могъ посѣтить опять землю и видѣть «чудныя дѣйствія электрическихъ баттарей и снарядовъ, привле- «кающихъ молнію изъ облаковъ!» Еще съ бо́льшимъ правомъ можемъ мы, по поводу новаго опыта Фуко, вспомнить великихъ основателей ученія о движущемся электричествѣ, Ампера и Араго: съ какимъ бы наслажденіемъ взглянулъ Амперъ на новооткрытое явленіе, какъ бы горячо принялъ Араго это новое пріобрѣтеніе науки! Если мы перенесемся мыслію въ засѣданія двадцатыхъ годовъ и сравнимъ ихъ съ тѣмъ, что представляетъ академія въ настоящее время, то увидимъ, какъ многое унесло время. Нѣтъ Лапласа, Фурье, Френеля, Ампера—всей этой великой плеяды математиковъ; нѣтъ и того, кто полвѣка съ такою честію стоялъ во главѣ движенія науки. Но одно лицо еще напоминаетъ прежнюю академію и есть живой представитель той славной эпохи. Мы говоримъ о товарищѣ Араго въ Испаніи, о спутникѣ Ге-Люссака въ его воздушномъ путешествіи, о старѣйшемъ изъ академиковъ, Біо. Въ томъ же самомъ засѣданіи 17 сентября, въ которомъ сдѣлался извѣстнымъ опытъ Фуко, Біо сообщилъ свой мемуаръ о древней египетской уранографіи и объ опредѣленіи весенняго равноденствія помощію наблюденія большихъ пирамидъ.

Руководство къ построенію громоотводовъ, составленное членами парижской академіи наукъ. — Обширныя постройки, предпринятыя въ Парижѣ, особенно перестройки Лувра, заставили обратить вниманіе на громоотводы, которыми снабжаются зданія для предохраненія отъ ударовъ молніи. По желанію правительства академія подала свой голосъ. Коммиссія, состоявшая изъ членовъ академіи—Беккереля, Бабине, Дюгамеля, Депре, Коньяра де Латура, докладчикомъ которой былъ Пулье, занялась составленіемъ руководства къ построенію громоотводовъ. Въ 1823 году, по случаю многочисленныхъ поврежденій, причиненныхъ молніею, академія наукъ поручила Ге-Люссаку и нѣкоторымъ другимъ членамъ составить инструкцію о громоотводахъ. Эта замѣчательная инструкція Ге-Люссака, въ которой съ удивительною ясностью изложены главныя основанія теоріи громоотводовъ и сообщены техническія подробности о ихъ построеніи, была принята со всеобщимъ одобреніемъ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, и съ тѣхъ поръ она была главнымъ руководствомъ, которымъ пользовались строители громоотводовъ. Пулье и

его товарищи считаютъ свой трудъ дополненіемъ къ инструкціи 1823 года. Хотя съ этого времени многое измѣнилось въ ученіи объ электричествѣ, открыты цѣлыя новыя области явленій, прежнія явленія изучены съ бо́льшею подробностію, но теорія громоотводовъ и тѣ факты, на которыхъ основано ихъ устройство, остались въ прежнемъ видѣ. Потому тѣ главныя правила, которыя были изложены въ донесеніи Ге-Люссака, сохраняютъ и въ наше время всю свою силу, и только въ частностяхъ долговременное употребленіе громоотводовъ научаетъ нѣкоторымъ улучшеніямъ. Основываясь на этомъ, коммиссія рѣшилась перепечатать трудъ Ге-Люссака и присоединить къ нему свое донесеніе въ видѣ дополненія, изложивъ въ немъ тѣ измѣненія, которыя, по ея мнѣнію, должно сдѣлать въ устройствѣ громоотводовъ сообразно настоящему состоянію науки и особенному характеру современныхъ построекъ. Такимъ образомъ составилась небольшая книжка: «Инструкція о громоотводахъ, принятая академіею наукъ».

Изобрѣтеніе громовыхъ отводовъ принадлежитъ Франклину. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1747 года Франклинъ писалъ къ г. Коллинсону въ Лондонъ объ открытомъ имъ удивительномъ свойствѣ остріевъ уничтожать электрическую силу наэлектризованныхъ тѣлъ (это письмо помѣщено вторымъ въ знаменитомъ собраніи «писемъ объ электричествѣ» американскаго ученаго). Если на нѣкоторомъ разстояніи отъ наэлектризованнаго тѣла держать металлическое остріе, то это тѣло въ короткое время теряетъ свои электрическія свойства. Тѣло наэлектризовано — это значитъ оно находится въ особенномъ состояніи, отличномъ отъ того, въ какомъ оно бываетъ обыкновенно и которое называется его естественнымъ состояніемъ. Въ чемъ состоитъ это особенное состояніе — неизвѣстно, но руководствуясь тѣми же соображеніями, по которымъ мы говоримъ: теплое тѣло то, которое заключаетъ въ себѣ теплоту, можемъ сказать: наэлектризованное тѣло есть то, которое заключаетъ въ себѣ электричество, и представить себѣ электричество въ видѣ особаго тонкаго вещества. Итакъ, можно сказать: въ наэлектризованномъ тѣлѣ находится электричество. Разрядить наэлектризованное тѣло и возвратить его въ естественное состояніе — значитъ дать возможность электричеству удалиться изъ этого тѣла Разрядить наэлектризованное тѣло можно двоякимъ образомъ: либо непосредственно, соединяя его съ землею помощію проводника,—тогда электричество чрезъ проводникъ уйдетъ въ землю; либо поднося къ нему какіе нибудь предметы и извлекая искры. Въ послѣднемъ случаѣ электричество стремительно выходитъ изъ тѣла. Острія даютъ воз-

можность, не соединяя тѣла непосредственно съ землею помощію проводника и не извлекая изъ него искръ, тихимъ путемъ удалить его электричество.

Грозовое облако есть наэлектризованное тѣло. Стремительный разрядъ его есть молнія. Если къ наэлектризованному тѣлу поднести два предмета различной проводимости, напримѣръ кусокъ камня и кусокъ металла, то электричество оставляя тѣло переходитъ на лучшій проводникъ; искра ударитъ въ металлъ, а не въ камень. Подобно этому молнія не ударяетъ случайно, а избираетъ къ своему соединенію съ землею лучшіе проводники. При этомъ должно обращать вниманіе на всю мѣстность въ совокупности, а не на одни тѣ предметы, которые находятся на ея поверхности. Влажность почвы, различная проводимость ея подземныхъ слоевъ, все это имѣетъ великое вліяніе. Вообразимъ себѣ теперь на мѣстности, надъ которою проходитъ грозовое облако, нѣсколько металлическихъ остріевъ, соединенныхъ помощію проводниковъ съ почвою, именно съ тѣми ея веществами, которыя хорошо проводятъ электричество, напримѣръ съ внутренними водяными жилами, то эти острія незамѣтнымъ образомъ извлекутъ изъ облака электричество, лишатъ его той страшной силы, которая называется молніею. Такія острія суть громоотводы.

Когда громоотводы сдѣлались извѣстными въ Европѣ, то это изобрѣтеніе было принято весьма различнымъ образомъ. Дѣйствіе остріевъ отрицать было невозможно; но многіе ученые, не понявъ истинной теоріи громоотводовъ, думали, что эти острія, вмѣсто того чтобъ отвлечь молнію, только привлекутъ ее къ тому мѣсту, гдѣ они поставлены, и слѣдовательно болѣе вредны чѣмъ полезны. Эту мысль еще и теперь можно, по выраженію Пулье, встрѣтить если не на большой дорогѣ науки, то на нѣкоторыхъ ея проселкахъ. Впрочемъ публика, которая никогда не рѣшаетъ вполовину, была вообще на сторонѣ громоотводовъ. Это увлеченіе къ новымъ открытіямъ выразилось даже многими крайностями. Такъ въ сочиненіяхъ той эпохи можно встрѣтить описанія путешественниковъ, которые во время грозы обнажали шпаги и становились въ угрожающемъ положеніи, поднявъ остріе къ небу. Духовные сожалѣли, что лишены возможности употреблять это средство. Совѣтовали во время грозы становиться подъ капель на томъ основаніи, что вода хорошо проводитъ электричество. Одинъ хитрецъ придумалъ даже громоотводящій головной уборъ, который состоялъ изъ многихъ металлическихъ остріевъ и снабжался нѣсколькими цѣпочками, которыя надо было опустить въ ближайшій ручеекъ.

Но обратимся къ тѣмъ улучшеніямъ, которыя предложены комиссіею относительно устройства громоотводовъ.

Первое вниманіе комиссіи было обращено на способъ соединенія громоотвода съ землею. Хотя этому вопросу и Ге-Люссакъ придавалъ великую важность, но опытъ доказалъ, что строители громоотводовъ не обращаютъ на него достаточнаго вниманія. Большинство случаевъ, когда ударъ молніи въ громоотводъ причинялъ вредъ зданію или кораблю, на которомъ громоотводъ находился, объясняется недостаточнымъ сообщеніемъ съ землею, и перерывами на пути электричества. Комиссія совершенно отвергаетъ употребленіе цѣпей, какъ проводниковъ, ибо кольца цѣпи недостаточно тѣсно соединены между собою, чтобъ дать свободный путь электричеству. Соединеніе громоотвода съ землею должно дѣлать помощію довольно толстыхъ и по возможности цѣльныхъ полосъ желѣза. На спаи должно обращать особое вниманіе, ибо въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они находятся, всего скорѣе можетъ сдѣлаться перерывъ на пути электричества. Если электричество проходитъ по проводнику, около котораго имѣется другой лучшій, то оно можетъ оставить первый и перейдти на второй. Этотъ переходъ дѣлается стремительнымъ путемъ искры и можетъ причинить вредъ. Потому должно стараться, чтобъ всѣ хорошіе проводники зданія были соединены вмѣстѣ, и тогда переходъ электричества будетъ совершаться безъ перерывовъ, и оно какъ бы нѣсколькими ручьями будетъ стекать въ землю. На соединеніе всѣхъ проводныхъ частей зданія должно обращать особое вниманіе, принимая въ соображеніе характеръ современныхъ построекъ. Въ настоящее время въ составъ зданія входитъ менѣе камня и несравненно болѣе металла, чѣмъ прежде. Зданіе всемірной выставки, этотъ дворецъ промышленности, имѣющій до 40 метровъ вышины и занимающій обширное пространство на Елисейскихъ Поляхъ, есть огромная постройка, въ составъ которой, съ основанія до вершины, входятъ обширныя массы желѣза, чугуна и свинцу. Понятно какое вниманіе должно быть обращено на соединеніе всѣхъ проводящихъ частей такого зданія, и если это соединеніе исполнено точно, то все зданіе представитъ собою одинъ колосальный громоотводъ.

То мѣсто, гдѣ проводникъ громоотвода соединяется съ землею, имѣетъ важное значеніе: здѣсь электричество уходитъ въ землю. Чтобъ этотъ переходъ совершился легко, конецъ проводника долженъ погружаться въ хорошо проводящія части земной почвы. Иногда этотъ конецъ помѣщаютъ въ погребъ и опускаютъ въ чанъ съ водою. Это совершенно ошибочно. Не вода сама по себѣ имѣ-

стъ здѣсь значеніе, а водяныя жилы, какъ удобнѣйшія по своей проводимости части почвы. Лучше всего опускать конецъ проводника въ колодезь, сохраняющій въ теченіе цѣлаго года достаточное количество воды (напримѣръ на метръ глубиною). Относительно устройства самаго острія громоотвода, мнѣніе новой комиссіи не согласно съ мнѣніемъ прежней. Опытъ доказалъ, что громоотводъ не всегда медленнымъ путемъ извлекаетъ электричество изъ облака. Бываютъ случаи, когда молнія ударяетъ въ громоотводы, и при этомъ, не дѣлая вреда зданію (если соединеніе съ землею сдѣлано хорошо), расплавляетъ и портитъ острія, если они тонки, то есть устроены сообразно прежней инструкціи. Такъ какъ законы образованія электричества облаковъ еще недостаточно извѣстны, то трудно объяснить эти исключительные случаи стремительнаго перехода электричества облака чрезъ остріе громоотвода въ землю. Вѣроятно, облако электризуется двоякимъ путемъ: или медленнымъ,—и тогда приближающееся издали облако есть наэлектризованное тѣло, становящееся къ намъ постепенно ближе и ближе: или быстрымъ, когда облако находящееся подъ громоотводомъ мгновенно пріобрѣтаетъ электрическое напряженіе, и его электричество стремительно соединяется помощію громоотвода съ землею.

Замѣнивъ тонкое остріе болѣе толстымъ, комиссія думаетъ, что громоотводъ, не теряя своего предотвращающаго дѣйствія, будетъ въ состояніи вынести случаи стремительнаго прохожденія молніи. Въ самомъ дѣлѣ, относительно приближающагося издали наэлектризованнаго облака, прежнее очень тонкое остріе и теперешнее не столь тонкое (его конецъ образуетъ уголъ въ 30° и дѣлается изъ небольшаго конуса платины) имѣютъ одинакое значеніе, а относительно облака, быстро пріобрѣтающаго электрическія свойства вблизи громоотвода, послѣднее болѣе удобно, ибо лучше выдержитъ ударъ молніи.

Относительно вещества, изъ котораго должно быть сдѣлано остріе громоотвода, многіе члены комиссіи не согласны между собою. Пулье и другіе члены думаютъ, что можно для этой цѣли употреблять мѣдь, металлъ выгодный со стороны дешевизны, и который по ихъ мнѣнію способенъ замѣнить золото и платину, употреблявшіяся прежде; но Депре не согласенъ съ этимъ, и не считаетъ мѣдь, какъ металлъ, который портится на воздухѣ, удобною для громоотводовъ. Особое мнѣніе Депре приложено, по рѣшенію академіи, къ общей инструкціи.

Новое приложеніе электричества: пишущее фортепьяно.— Ни одна отрасль физики не принесла столько разнообразныхъ приложеній, какъ электричество. Число ихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Въ недавно изданномъ сочиненіи Дю-Монселя «Приложенія электричества» (вышли два тома), читатели могутъ найдти полное описаніе всего, что доставило электричество промышленности, искусству, общежитію.

Любители музыки можетъ быть не безъ интереса прочтутъ описаніе еще новаго приложенія этого неисчерпаемаго источника открытій. Присоединивъ къ фортепьяно особый снарядъ, дѣйствующій помощію электричества, вы, ударяя по клавишамъ, не только извлекаете звукъ, но въ тоже время записываете всякую ноту, которую берете, отмѣчаете продолжительность ноты и промежутки отъ одной ноты до другой, сохраняя самый характеръ игры.

Длинная полоса бумаги, покрытой синеродистымъ потассіемъ, приводится въ равномѣрное движеніе (свертываясь съ одного вала и навертываясь на другой); при этомъ движеніи она постоянно касается металлическаго цилиндра; надъ линіей прикосновенія помѣщенъ рядъ металлическихъ пластинокъ. Когда играющій ударяетъ по клавишѣ, то этимъ самымъ замыкаетъ электрическій токъ; въ эту минуту пластинка, соотвѣтствующая этой клавишѣ и касающаяся бумаги, позволяетъ электричеству пройдти въ металлическій цилиндръ. Электричество, проникая изъ пластинки чрезъ бумагу въ цилиндръ, измѣняетъ составъ покрывающаго ее вещества и чертитъ голубую черту во все время пока клавиша прижата. Такимъ образомъ на бумагѣ получается рядъ черточекъ, изображающихъ различныя ноты; по длинѣ этихъ черточекъ можно судить о продолжительности ноты; по разстоянію—о промежуткахъ между послѣдовательными звуками. По поводу приложеній электрическихъ, упомянемъ еще о недавно появившемся новомъ «трактатѣ объ электричествѣ и магнетизмѣ и ихъ приложеніяхъ, составленномъ извѣстными французскими учеными, знаменитымъ Беккерелемъ (отцемъ) и Едмондомъ Беккерелемъ (Traité d'électricité et de magnétisme et des applications de ces sciences à la chimie, à la physiologie et aux arts. Paris 1855.) Въ настоящее время вышли двѣ части этого важнаго труда. Первая заключаетъ въ себѣ изложеніе общихъ началъ ученія объ электричествѣ, вторая—электро-химію. Въ послѣдней обращено оособое вниманіе на добываніе металловъ (свинца, серебра, мѣди) изъ рудъ электро-химическимъ путемъ. Третья часть будетъ заключать въ себѣ электро-магнетизмъ съ его великими приложеніями. Н. Любимовъ.

Искусственные камни. — Строительное искусство обогатилось новымъ драгоцѣннымъ матеріяломъ — искусственнымъ камнемъ.

Зданія изъ такого камня выходятъ дешевле, красивѣе и суше, нежели зданія изъ обыкновеннаго кирпича. Самая постройка идетъ быстрѣе, потому что весь матеріялъ приготовляется заранѣе, въ такомъ видѣ и съ такими украшеніями, какія предполагаются архитекторомъ.

Куски искусственнаго камня могутъ быть сплошные или внутри пустые и принимать какую угодно форму и отпечатки. Домъ извѣстнаго химика Пайена выстроенъ уже изъ искусственнаго камня и отличается, между прочимъ, отъ другихъ домовъ непроводимостію звука, что особенно важно въ зданіяхъ для помѣщенія различныхъ семействъ. Новый строительный матеріялъ состоитъ изъ смѣси гашеной извести и песка — смѣси, приведенной въ состояніе теста и образующей обыкновенный цементъ, употребляемый каменьщиками. Изъ этого-то цемента Фостеръ, портландскій механикъ, началъ дѣлать искусственные камни, и именно, онъ беретъ 11 частей свѣжаго и влажнаго песку и смѣшиваетъ съ 1 частію гашеной порошковатой извести. Этотъ *почти сухой матеріялъ* подвергается сильнѣйшему давленію въ формахъ, изъ которыхъ и выходитъ искусственный бѣлый песчаникъ, скоро твердѣющій на воздухѣ.

И такъ главная составная часть искусственнаго камня есть песокъ, въ изобиліи распространенный на земной поверхности; кромѣ того, новый строительный матеріялъ не требуетъ обжиганія какъ кирпичь. Послѣ этого понятно, почему строеніе будетъ стоить дешевле.

Чистый песокъ заслуживаетъ предпочтеніе, однакожь малая примѣсь глины можетъ замѣнить часть извести. Для окрашиванья камней употребляются металлическія окиси. Изъ этого видно, что не только желаемую форму, но и какой угодно цвѣтъ можно сообщить новому строительному матеріялу.

Пятидесятилѣтній юбилей московскаго общества испытателей природы. — Въ среду 28 декабря 1855 года Императорское Московское Общество Испытателей Природы праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей. По выслушаніи молебствія, совершеннаго въ залѣ библіотеки преосвященнымъ епископомъ Алексіемъ, члены общества и многіе любители просвѣщенія, въ числѣ которыхъ

находились нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ лицъ Москвы, собрались при звукахъ музыки въ большой актовой залѣ университета. Публичное засѣданіе открылось рѣчью вице-президента Общества Александра Григорьевича Фишера фонъ-Вальдгеймъ. Эта рѣчь была проникнута глубокимъ чувствомъ. Обращаясь воспоминаніемъ къ незабвенному основателю общества, принося дань признательности и уваженія къ его памяти, ораторъ исполнилъ въ тоже время священный долгъ благодарности къ горячо-любимому отцу и былъ счастливъ, зная, что его чувства раздѣляются каждымъ изъ членовъ Общества. Трогательно звучалъ его голосъ, когда обращаясь къ своимъ сочленамъ, онъ произнесъ: «Все общество съ « самаго основанія своего, назвавъ Григорія Ивановича Фишера « фонъ-Вальдгеймъ своимъ непремѣннымъ директоромъ, постоянно « столькими знаками доказало ему свое вниманіе, уваженіе и благо« дарность. Эти чувства, которыми Общество такъ достойно по« чтило своего основателя, столь же много украшаютъ самое « Общество. На меня выпалъ завидный жребій возвысить голосъ « въ этомъ торжественномъ собраніи. Я знаю: *его* хотѣли вы по« чтить, удостоивъ меня высокой чести быть *его* преемникомъ въ « званіи вице-президента вашихъ собраній, меня, слабаго сред« ствами, слабаго заслугами, слабый отблескъ свѣта, сошедшаго въ « могилу».

Императорское Московское Общество Испытателей Природы, 6 августа 1805 года Высочайше утвержденное блаженной памяти Императоромъ Александромъ I, было основано Григоріемъ Ивановичемъ Фишеромъ фонъ-Вальдгеймъ, тогда профессоромъ московскаго университета. Цѣль Общества была возбудить вкусъ къ естествознанію въ странѣ, обильной естественными произведеніями, которой богатства представляли любопытный предметъ для изученія; разширить новыми изслѣдованіями предѣлы науки, обращая преимущественно соединенныя усилія членовъ на изученіе естественныхъ произведеній Россіи. Общество достойно исполнило свою цѣль, пріобрѣло европейскую извѣстность, заслужило высокія милости Государей и общее сочувствіе, выразившееся многократными денежными пожертвованіями.

По окончаніи рѣчи вице-президента, помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа П. В. Зиновьевъ сообщилъ о новомъ знакѣ Монаршаго вниманія къ Обществу. Государь Императоръ пожаловалъ вице-президенту Общества драгоцѣнный перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Его имени, а первому секретарю Общества Ренару орденъ Св. Станислава второй степени.

Послѣ этого депутаты московскаго университета, различныхъ ученыхъ обществъ, ярославскаго демидовскаго лицея приносили свои поздравленія Обществу. Потомъ были прочитаны многочисленные поздравительные адресы, присланные съ разныхъ концевъ свѣта отъ имени различныхъ ученыхъ учрежденій, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ и отъ разныхъ лицъ. Многіе, не ограничиваясь поздравленіями, прислали подарки, въ числѣ которыхъ занимаетъ первое мѣсто челюсть ископаемаго носорога, присланная Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Маріею Николаевною.

Публичное собраніе Общества было заключено рѣчью дѣйствительнаго члена профессора Геймана.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Нашу городскую хронику по части искусства откроемъ мы замѣчаніями объ одномъ весьма интересномъ явленіи на московской сценѣ. Совершенно новымъ его впрочемъ назвать нельзя: оно занимаетъ нашу публику уже нѣсколько недѣль къ ряду. «*Свадьба Кречинскаго*», піеса г. Сухово-Кобылина, на нѣкоторое время вытѣснила съ нашей сцены многія другія піесы. Представленія ея повторяются то и дѣло и всякій разъ привлекаютъ въ театръ многочисленную публику. Піеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, и мы могли бы не говорить о ней много, предполагая содержаніе ея извѣстнымъ почти каждому, если бы дѣло не касалось одного довольно важнаго вопроса въ искусствѣ.

Общее мнѣніе рѣшительно въ пользу новой комедіи. Мы охотно присоединяемъ къ нему и нашъ голосъ. Но намъ случалось также слышать голоса болѣе строгіе, которые не только не одобряютъ неумѣренныхъ похвалъ піесѣ, но не хотятъ признать въ ней вовсе никакихъ достоинствъ. Неумѣреннымъ похваламъ мы тоже не находимъ здѣсь мѣста: но за что же произносить ужъ слишкомъ строгій приговоръ? Откуда такое рѣзкое разногласіе во мнѣніяхъ? Отчего есть хоть нѣсколько голосовъ не въ пользу піесы, когда она имѣетъ несомнѣнный успѣхъ на сценѣ?

Не менѣе самой піесы насъ занимаетъ впечатлѣніе, произведенное ею на публику. И то и другое есть явленіе общественное, и то и другое, по нашему мнѣнію, указываетъ на нѣкоторыя народившіяся вновь потребности и на стремленіе удовлетворить имъ по возможности. До сихъ поръ мы большею частію дарили наше безусловное одобреніе піесамъ высокаго художественнаго достоинства; мы хотѣли, мы требовали отъ нашихъ писателей—не теат-

ральныхъ представленій, а драматическихъ произведеній въ собственномъ смыслѣ слова,—и какъ скоро находили ихъ, платили за нихъ писателямъ дань нашего непритворнаго удивленія. Мы привыкли думать, что только такими произведеніями можетъ быть заслуженъ полный успѣхъ на сценѣ. У насъ утвердилось понятіе, что только піесы, напоминающія своимъ художественнымъ строемъ «Горе отъ ума», «Ревизора» и другія избранныя произведенія нашего драматическаго искусства, могутъ заслужить полное одобреніе публики, и повторенныя нѣсколько разъ на сценѣ, не утомятъ вниманія зрителей. Такое составилось у насъ понятіе.

Вдругъ появляется на сценѣ піеса, сильно интересующая зрителей и выдерживающая съ равнымъ успѣхомъ много представленій, хотя въ ней съ перваго раза чувствуется недостатокъ того, что мы называемъ свободнымъ творчествомъ. Комедія г. Сухово-Кобылина гораздо дальше отъ жизни, отъ нашей дѣйствительности, чѣмъ всѣ произведенія нашихъ новыхъ драматическихъ писателей. Она не предполагаетъ никакого особеннаго быта, рѣзко отдѣленнаго отъ другихъ своими обычаями, понятіями, и самою постановкою, и не вводитъ почти никакихъ новыхъ типовъ. Она интересуетъ больше интригою и иногда положеніями, нежели характерами, и вообще держится больше на общей почвѣ французской комедіи, чѣмъ на особенностяхъ нашего быта. Герой ея — лице далеко не новое на сценѣ: мы встрѣчали его много разъ въ разныхъ драматическихъ представленіяхъ и въ разныхъ положеніяхъ. Это человѣкъ, котораго вся жизнь сосредоточилась въ игрѣ. Она наполняетъ все его время и всю дѣятельность, на нее издерживаетъ онъ весь свой умъ и свою волю. На всѣ другія отношенія въ жизни смотритъ онъ лишь какъ на средство къ своей цѣли. Самою честію дорожитъ онъ на столько, на сколько она можетъ способствовать его видамъ. Успѣхъ оправдываетъ въ его глазахъ всякій обманъ, всякій фальшь. Себя онъ нисколько не обманываетъ: онъ знаетъ, что рано или поздно придетъ время тяжелаго расчета съ самимъ собою и съ обществомъ, и старается только какъ можно болѣе отдалить отъ себя этотъ роковой срокъ. Таковъ Кречинскій. Дѣла его запутались: онъ думаетъ поправить ихъ выгоднымъ бракомъ. Все пока удается Кречинскому: онъ сохранилъ весь лоскъ свѣтскаго образованія, и благодаря ему, благодаря своей ловкости и смѣтливости, располагаетъ въ свою пользу цѣлое семейство Муромскихъ, въ которомъ находится богатая невѣста, дочь хозяина. Въ Муромскихъ тоже нѣтъ ничего особенно оригинальнаго: самъ онъ—простодушный и весьма недалекій старикъ, давно отставшій

отъ городской шумной жизни и весь преданный своей семьѣ и деревенскимъ занятіямъ. Его не трудно подкупить и расположить въ свою пользу. Дочь его—молоденькая, добрая дѣвушка съ сердцемъ нѣжнымъ и неопытнымъ, которую также очень легко ослѣпить наружнымъ блескомъ. Кречинскому ничего не стоитъ затмить въ ея глазахъ ищущаго руки ея деревенскаго жителя Нелькина, человѣка честнаго, но которому вовсе недостаетъ внѣшняго лоска. Но главный маневръ Кречинскаго состоитъ въ томъ, что онъ умѣлъ совершенно расположить въ свою пользу тетку невѣсты, женщину суетную, которая думаетъ только о томъ, чтобы держать въ Москвѣ домъ на свѣтскую ногу, и которая имѣетъ большое вліяніе какъ на свою племянницу, такъ и на самого хозяина. При ея содѣйствіи Кречинскій вкрадывается въ довѣренность старика и вынуждаетъ его дать ему согласіе на бракъ съ дочерью.

Этотъ узелъ уже завязанъ въ первомъ дѣйствіи. Во второмъ авторъ вводитъ зрителя въ тайны домашняго быта своего героя до его свадьбы. Всѣ ресурсы Кречинскаго изсякли; игра не везетъ болѣе; неутомимые кредиторы грозятъ замарать его имя; все можетъ лопнуть, прежде чѣмъ милліонъ приданаго достанется въ его руки. Чтобы изворотиться, нужно, непремѣнно нужно имѣть на нѣсколько дней хоть небольшую сумму денегъ. На крайніе случаи Кречинскій держитъ при себѣ преданнаго ему негодяя, который вѣритъ въ звѣзду своего господина, привязанъ къ нему какъ собака, потому что безъ него пропалъ бы и съ головою, и готовъ для пользы своего покровителя—не то что въ огонь и въ воду, а на всякую мерзость. Чувство чести никогда въ немъ и ни ночевало, и если бы даже онъ хотѣлъ, у него не достало бы умѣнья притвориться такимъ. Когда нужно, Расплюевъ пойдетъ куда хотите съ поддѣльною колодою картъ, и если случится, что его приколотятъ, то онъ будетъ только кряхтѣть отъ побоевъ, но отъ того нисколько не потеряетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Лице Расплюева есть конечно самое оригинальное въ комедіи, хотя и трудно рѣшить, въ какой степени оно можетъ быть истинно. Если бы Расплюевъ былъ просто негодяй, о немъ не стоило бы и говорить: но авторъ умѣлъ очень удачно и вовсе неожиданно соединить въ немъ съ отъявленною негодностію какую-то примѣсь простодушія и наивности, которыя невольно привязываютъ къ нему вниманіе зрителя. Расплюевъ одинаково искренне пораженъ бываетъ и необыкновенною силою руки, которая нѣсколько разъ прошлась по его бокамъ, и геніяльностію своего покровителя въ

самыхъ плутовскихъ его продѣлкахъ. Повторяемъ, это лице очень искусно задумано и удачно выполнено; мы можемъ нѣсколько усомниться въ его истинности, но въ тоже время не можемъ не признать его оригинальности.

Въ продолженіе втораго акта вниманіе зрителя дѣлится между нимъ и самимъ героемъ піесы. Послѣдняя отчаянная продѣлка Расплюева не удалась и обошлась ему очень дорого: онъ возвращается съ ночныхъ похожденій избитый и долженъ еще выслушать не одно горькое слово отъ своего покровителя, который ждалъ отъ него выручки и обманулся. Между тѣмъ положеніе послѣдняго запутывается съ каждою минутою. Кречинскому не сдобровать, если черезъ часъ не будетъ у него въ рукахъ нѣсколько тысячъ рублей. Изворотливый умъ его находитъ средство: недавно онъ обдѣлывалъ для Муромскихъ дорогой солитеръ въ булавку, и у него осталась стразовая его модель. Надобно во что бы то ни стало выманить булавку у невѣсты, чтобы подъ залогъ вещи достать денегъ. Все зависитъ отъ смѣлости и рѣшимости: Расплюевъ долженъ отправиться къ Муромскимъ съ букетомъ отъ своего господина и съ письмомъ отъ него къ невѣстѣ, въ которомъ, подъ предлогомъ одного пари, онъ проситъ ее прислать ему солитеръ на самое короткое время. Сказано, сдѣлано: доставши булавку, Кречинскій тотчасъ пускаетъ ее въ оборотъ и получаетъ нужныя деньги. Расплюевъ пораженъ изворотливостію своего покровителя. Да и въ самомъ дѣлѣ есть чему подивиться: Кречинскій такъ ослѣпилъ глаза ростовщика, что тотъ не замѣтилъ, какъ онъ подложилъ ему вмѣсто настоящей булавки поддѣльную. Въ ту же минуту на нее положена была печать, и все осталось шито да крыто. Въ рукахъ Кречинскаго—и деньги и солитеръ, будто бы отданный подъ залогъ ихъ. Чтобы свести концы съ концами, ему нужно только возвратить булавку и поскорѣе сыграть свадьбу.

Развязка составляетъ содержаніе третьяго акта. Кречинскій дѣлаетъ у себя вечеръ для Муромскихъ. Самъ онъ занимаетъ свою невѣсту и ея тетку, а занимать старика поручаетъ Расплюеву, котораго выдаетъ гостямъ за своего сосѣда-помѣщика. Расплюевъ однако на столько невѣжа, что ни на одно слово не можетъ отвѣчать въ ладъ и часто ставитъ—не говоря уже о себѣ—даже Кречинскаго въ довольно затруднительное положеніе. Но это бы еще не бѣда: Муромскій вовсе не отличается проницательностію и не скоро можетъ разобрать въ чемъ дѣло. Бѣда въ томъ, что Кречинскаго преслѣдуетъ по пятамъ неутомимый его соперникъ, понимающій его насквозь и желающій открыть на него глаза сво-

ему простодушному сосѣду. Нелькинъ уже напалъ на слѣды заложеннаго солитера и пришелъ прямо въ домъ Кречинскаго объявить о томъ ничего не подозрѣвающему Муромскому. Но улика скоро обращается на голову самого обличителя. По первому вопросу о солитерѣ Кречинскій передаетъ его съ рукъ на руки, и несчастный Нелькинъ, сбитый съ толку этою нечаянностію, изгоняется изъ дому какъ клеветникъ. Минута торжества для Кречинскаго: онъ пользуется своимъ правомъ и начинаетъ говорить тономъ оскорбленнаго честнаго человѣка. Но нечистая его совѣсть скоро смущается. Ему приходитъ въ голову, что Нелькинъ прямо отъ него можетъ броситься къ ростовщику и вскрыть коробку, въ которой скрытъ мнимый солитеръ. Кречинскій думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе выпроводить своихъ гостей и убраться самому по добру по здорову. Но поздно... звонокъ... Кречинской не велитъ никого пускать въ домъ; но ему отвѣчаютъ, что пришла—полиція. « Сорвалось », говоритъ онъ, и долженъ вмѣстѣ съ товарищемъ своихъ продѣлокъ, Расплюевымъ, отдаться въ руки полицейскаго чиновника.

Строгіе судьи и судятъ строго новую комедію. Они отчасти правы, съ ними нельзя не согласиться во многомъ. Они правы, когда говорятъ, что піесѣ недостаетъ идеи, что сюжетъ ея взятъ не столько изъ дѣйствительнаго быта, а скорѣе изъ общаго всѣмъ народамъ сценическаго запаса; что вся комедія построена на особаго рода сложной интригѣ; что если бы подобное происшествіе и случилось когда въ дѣйствительной жизни, то все же оно останется исключеніемъ. Они отчасти правы потомъ, когда не находятъ въ комедіи новыхъ типовъ, или когда замѣчаютъ, что одни характеры не вполнѣ выдержаны, другіе почти вовсе неразвиты, и что всего менѣе чувствуется на сценѣ присутствіе женщины. Еще нельзя не согласиться съ ними и въ томъ, что въ піесѣ есть нѣкоторыя неровности, что̀ не вездѣ соблюдено вѣроятіе, и что наконецъ въ ней, можетъ быть, дано слишкомъ много мѣста такимъ продѣлкамъ, которыя скорѣе могутъ интересовать криминалистовъ, чѣмъ образованную публику, ищущую для себя въ театрѣ пріятнаго развлеченія.

Но за чѣмъ же хотѣть непремѣнно цѣнить новую комедію съ точки зрѣнія высшей художественности? Отчего не смотрѣть на нее проще, отчего не видѣть въ ней того, что̀ она есть—т. е. искусно задуманнаго и счастливо выполненнаго « сценическаго пред-

ставленія»? Пора признать намъ эти два отдѣльные рода. Художественная піеса имѣетъ цѣлію прежде всего удовлетворить внутреннимъ требованіямъ положенной въ основаніе ея идеи, сценическая піеса прежде всего назначается для сцены и находитъ себѣ оправданіе въ успѣхѣ представленія. Поравнять оба рода произведеній въ достоинствѣ было бы крайне несправедливо; но каждому изъ нихъ надобно отдать свое. Сценическое представленіе уже достигло своей цѣли, если оно могло занять и привязать къ себѣ на цѣлый вечеръ вниманіе зрителей и потомъ не заставляетъ ихъ раскаяваться въ напрасной потерѣ времени; оно достигло своей цѣли, если возбудило дѣятельность артистовъ и дало имъ возможность показать гибкость своего таланта или развернуть въ немъ новыя стороны. Вотъ чего никто не можетъ отрицать въ комедіи г. Сухово-Кобылина. Въ смыслѣ весьма удачнаго сценическаго представленія она составляетъ довольно рѣдкое и потому замѣчательное явленіе на нашей сценѣ. Самъ авторъ—мы не сомнѣваемся въ томъ—имѣлъ прежде всего въ виду чисто сценическія цѣли—возрастающій интересъ интриги, возможную быстроту дѣйствія, занимательность отдѣльныхъ положеній—гораздо болѣе, чѣмъ полноту и выдержанность характеровъ. Для сцены жертвовалъ онъ иногда и внутреннимъ вѣроятіемъ дѣйствія. Для того Кречинскій, какъ разъ передъ свадьбою, поставленъ въ самое критическое положеніе; для того долженъ рѣшиться онъ на самыя крайнія мѣры, для того такъ скоро, неожиданно скоро удается ему получить желаемую булавку, ноги ожить фальшивую ростовщику; а для того, чтобы занять зрителя во время отсутствія Кречинскаго, искусно придумана забавная, хотя и не нужная по ходу дѣйствія, сцена между лакеемъ и Расплюевымъ, изъ которыхъ одинъ хочетъ бѣжать, а другой удерживаетъ его силою. Есть и другія несообразности, которыя также допущены авторомъ для занимательности и возможной быстроты дѣйствія. Необходимость противодѣйствія бесчестнымъ продѣлкамъ Кречинскаго заставила автора изобрѣсти Нелькина: онъ необходимъ въ комедіи какъ честное лице, но за то кромѣ честности въ немъ нѣтъ болѣе ничего живаго. Для скорости дѣйствія необходимо было далѣе, чтобы Нелькинъ тотчасъ же попалъ на слѣдъ утраченной булавки и еще скорѣе возвратился въ другой разъ въ домъ Кречинскаго не только съ ростовщикомъ, но и съ полиціею. Да и мало ли что̀ нужно было автору піесы урѣзать и ускорить, а иногда (впрочемъ рѣдко) и растянуть — все для однѣхъ и тѣхъ же сценическихъ цѣлей. Увлеченный ходомъ дѣйствія и занимательною игрою, зритель или вовсе не имѣетъ времени замѣчать

эти несообразности, или замѣчая, легко прощаетъ ихъ автору, ради того, что онѣ часто сообщаютъ сценическому дѣйствію быстроту и живость.

Повторяемъ еще разъ; не причисляя «Свадьбу Кречинскаго» къ художественнымъ произведеніямъ, мы видимъ въ ней умно слаженную піесу для занимательнаго и успѣшнаго сценическаго представленія. Мы и теперь еще не можемъ хорошо понять, какъ можно было, начиная писать для сцены, показать столько ея знанія въ первой же написанной піесѣ, какъ можно было особенно не запутаться въ довольно сложной интригѣ и заключить всѣ вытекающія изъ ней положенія не болѣе какъ въ три акта. Умною называемъ піесу, потому что вездѣ просвѣчиваетъ умное намѣреніе и часто сказывается или въ мѣткихъ словахъ или въ удачно подобранныхъ намекахъ. Авторъ иногда очень искусно пользуется своими лицами, чтобы, проводя черезъ ихъ языкъ нѣкоторыя пошлости, еще болѣе уронить ихъ въ общемъ мнѣніи. Въ піесѣ чувствуется не только ловкая французская выкройка, но нерѣдко и французскій складъ ума, мѣтко попадающаго, хотя бы лишь отдѣльными фразами, въ нѣкоторыя ошибки и смѣшныя увлеченія современнаго общества. Въ «Свадьбѣ Кречинскаго» есть много такихъ фразъ, мѣткихъ и ловкихъ. Многія изъ нихъ даже прямо выхвачены изъ жизни и неминуемо производятъ свое дѣйствіе. Вообще языкъ комедіи нравится своею ловкостію, и за немногими исключеніями (какъ напр. онтологія — вздорологія, и т. п.) кажется очень удачно подобраннымъ для дѣйствующихъ лицъ.

Успѣху піесы безспорно много содѣйствовала необыкновенно искусная, тщательно выработанная и превосходно слаженная игра артистовъ. Не надобно только забывать при этомъ, что артистамъ не надъ чѣмъ было бы работать, если бы самое содержаніе піесы не давало имъ довольно матеріала. Насмѣшить пожалуй можно ничѣмъ, но занять публику настоящею игрою можно лишь въ такомъ случаѣ, когда въ піесѣ есть дѣйствительно нѣчто похожее на типы и характеры, когда авторъ, хотя въ общихъ чертахъ, указалъ цѣль артистическому таланту. Въ «Свадьбѣ Кречинскаго» участвуютъ первые артисты нашей комической сцены — Щепкинъ, Садовскій, Шумскій. Надобно отдать имъ полную справедливость: своимъ превосходнымъ исполненіемъ ролей они подняли піесу почти до уровня лучшихъ нашихъ драматическихъ произведеній. Они дорисовали своею игрою то, что было не совсѣмъ ясно или не вполнѣ отчетливо у автора. Кажущіяся неровности сгладились, нѣкоторыя лица выступили можетъ быть даже гораздо ярче, чѣмъ лежало въ намѣ-

къ числу грубо-понятыхъ формулъ. Прекрасное, конечно, входитъ какъ существенная черта въ характеристику искусства, но въ основаніе его должны мы положить тоже, что и въ основаніе познающей мысли — истину. Истина есть первая и необходимая основа всякой поэзіи; истина есть также внутренняя цѣль ея, какъ и цѣль знанія; она-то даетъ искусству значеніе существенное, великое; благодаря ей-то искусство есть нѣчто необходимое въ общей экономіи человѣческаго духа. Наконецъ, скажемъ болѣе, скажемъ рѣшительно, поэзія въ сущности есть тоже самое, что и познающее мышленіе, тоже что̀ знаніе, тоже что̀ философія, и разнится отъ нихъ только предметами и способами постиженія.

Какъ ни страннымъ покажется такое сближеніе поэзіи съ знаніемъ, поэзіи, которая по обыкновеннымъ понятіямъ почитается совершенною противоположностію строгой мысли, обрекшей себя на служеніе истинѣ, но мы твердо стоимъ на своемъ положеніи. Поэзіи отводятъ область воображенія и фантазіи, знанію область разума: все это большею частію только слова, произносимыя безъ мысли.

Но, возразятъ намъ многіе съ удивленіемъ, поэзія есть вымыселъ; въ поэтическихъ произведеніяхъ изображаются вымышленныя лица и событія, и даже въ историческихъ романахъ гораздо болѣе выдумки, чѣмъ правды. Какое же тутъ знаніе, какая истина?

Однако жь кто не говоритъ объ истинѣ и правдѣ, какъ главныхъ достоинствахъ поэтическаго вымысла? кто не требуетъ отъ поэта знанія человѣческаго сердца? кто не отличаетъ пустыхъ выдумокъ празднаго воображенія отъ возвышенныхъ произведеній искусства, въ которыхъ черпаемъ мы великія идеи, богатство опыта, которыя расширяютъ нашъ умственный горизонтъ и открываютъ передъ нашимъ изумленнымъ взоромъ глубокія и сокровеннѣйшія стороны жизни?

Итакъ высказанное нами положеніе о существенномъ сродствѣ поэзіи и знанія, о истинѣ, какъ ея главной цѣли, вовсе не должно казаться слишкомъ страннымъ даже во мнѣніи тѣхъ, кому бы оно съ перваго раза и показалось страннымъ.

Поэзія, въ истинномъ смыслѣ, есть познающая мысль, на-

правленная на все то, что̀ не подвластно отвлеченному мышленію. Это безконечное разнообразіе жизни, эта неисчислимая полнота существованій, этотъ міръ души человѣческой, незримый, но столь же дѣйствительный и столь же неистощимый въ своихъ явленіяхъ, какъ и видимый міръ, этотъ міръ человѣческихъ отношеній и силъ, которыя непосредственно дѣйствуютъ въ нихъ и управляютъ ими, все это требуетъ постигающаго понятія, все это также должно быть предметомъ яснаго и для всѣхъ выраженнаго знанія, и это познаніе отъ начала вѣка ведется въ томъ, что̀ мы зовемъ художествомъ и поэзіею.

Знаніе въ томъ, что̀ мы зовемъ наукой и знаніе въ томъ, что̀ мы зовемъ поэзіей, различаются между собою такъ: первое имѣетъ въ виду отвлеченное, общія отношенія предметовъ; собирая во множествѣ частныя явленія, первое не обращаетъ вниманія на индивидуальныя ихъ отличія, сосредоточивается въ нихъ исключительно лишь на понятіяхъ родовыхъ и высказываетъ общія положенія, какъ законы природы; послѣднее, напротивъ, направлено къ тому, что̀ брошено первымъ, какъ случайное, къ тому, на что̀ первое не хочетъ и не можетъ обратить вниманія. Но и въ этомъ отношеніи противоположность, между знаніемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова и поэзіей, не есть нѣчто существенное и непремѣнное. Есть сферы познанія, въ которыхъ оно сближается съ поэзіей. Это именно тѣ сферы, гдѣ мышленіе слагаетъ съ себя, говоря схоластическимъ терминомъ, *дискурсивный* характеръ, и принимаетъ характеръ созерцанія, гдѣ оно не состоитъ въ сочетаніи отвлеченныхъ понятій, но относится также къ индивидуальному, какъ въ исторіи, или въ возвышенныхъ сферахъ философскаго разумѣнія, гдѣ мысль имѣетъ предъ собою всеобщія, и потому также индивидуальныя, единственныя начала.

Мы коснулись отношенія поэзіи къ міру нравственному, къ міру человѣческому. Художникъ есть истинный естествоиспытатель въ этомъ мірѣ. Онъ производитъ въ немъ самыя разнообразныя наблюденія, которыя не уступаютъ въ богатствѣ наблюденіямъ науки. И здѣсь вновь встрѣчаемъ мы сближеніе поэзіи съ наукой. Тотъ же самый процессъ совершается въ

умѣ мыслителя, извлекающаго изъ бездны частныхъ фактовъ такъ-называемый всеобщій фактъ, или законъ природы, какъ и въ художникѣ, когда въ немъ изъ тысячи схваченныхъ особенностей вырабатывается общій типъ, характеристическій образъ. Разница происходитъ отъ свойства предметовъ, на которые направлена дѣятельность того и другаго. Наблюденія, производимыя въ мірѣ человѣческой свободы, не могутъ соединяться съ тѣми внѣшними пріемами, съ тѣми искусственными орудіями, которыя составляютъ предметъ особаго изученія, и къ которымъ естествоиспытатель прибѣгаетъ для сообщенія видимой точности своимъ выводамъ. За то, съ другой стороны, естествоиспытатель имѣетъ дѣло съ письменами, которыхъ смыслъ не ясенъ ему непосредственно. Явленія природы предстоятъ ему какъ голые, внѣшніе факты, и получаютъ значеніе, говорятъ уму лишь въ той мѣрѣ, въ какой вырабатываются изъ нихъ отвлеченные признаки или логическія формулы законовъ природы. Поэзія относится большею частію къ такимъ явленіямъ, смыслъ которыхъ непосредственно сказывается въ нашемъ сердцѣ, въ нашемъ нравственномъ чувствѣ, въ нашемъ самосознаніи; она относится преимущественно къ человѣческому міру, въ которомъ явленія сами чувствуютъ себя. Все внѣшнее въ этомъ мірѣ находитъ себѣ непосредственное истолкованіе во внутреннемъ, которому служитъ знакомъ. Природа внѣшняя входитъ въ вѣдѣніе поэзіи лишь по своему отношенію къ человѣческому міру; поэзія знаетъ ее въ отраженіи человѣческаго чувства, въ уподобленіи явленіямъ внутреннимъ, во взаимнодѣйствіи съ человѣческою волею, знаетъ ее какъ окруженіе, какъ сцену жизни и событій. Далѣе, руководствуясь чувствомъ внутренняго, она вноситъ въ соотвѣтственныя явленія природы психическія настроенія. И здѣсь истинная поэзія не есть пустая выдумка или реторическая фигура. Конечно, въ поэзіи, какъ и вообще въ языкѣ, уподобленія служатъ способомъ выраженія и логическою ступенью въ развитіи понятія; но въ основаніи этой потребности сближать внутреннія явленія съ внѣшними таится глубокое чувство существеннаго сродства между ними. Во всемъ внѣшнемъ есть свое внутреннее, и поэтическій взглядъ угадываетъ это внутреннее по аналогіи съ душою человѣческою. Поэзія откры-

ваетъ намъ вдохновенное прозрѣніе въ глубины космической жизни, сходясь здѣсь снова съ философскою мыслію.

Наука, обобщая явленія, групируетъ ихъ по логическимъ отношеніямъ, извлекаетъ ихъ изъ тѣхъ безчисленно разнообразныхъ связей, какъ существуютъ они въ дѣйствительности; наука тщательно уединяетъ свой фактъ, возводя его въ понятіе; индивидуальности служатъ для ней только веществомъ анализа; она сыплетъ и льетъ ихъ въ свои реторты, добираясь только до элементовъ, чтобы потомъ разбирать и читать посредствомъ этой азбуки сложныя сочетанія явленій. Мысль художника держится на понятіяхъ видовыхъ, которымъ непосредственно подчинено разнообразіе индивидуальности. Видъ, по терминологіи греческой философіи, есть тоже что идея; оба реченія въ греческомъ языкѣ одного происхожденія, и употреблялись мыслителями одно вмѣсто другаго. Мысль художника остается такимъ образомъ на рубежѣ между отвлеченною общностью и живымъ явленіемъ. Фактъ, событіе не изчезаетъ для него въ общемъ законѣ. Онъ повѣствуетъ, изображаетъ, выводитъ живыя лица на сцену. Хотя художественная мысль также обобщаетъ явленія, также соединяется съ отвлеченіемъ, однако художественное обобщеніе не разрушаетъ индивидуальности явленія, оно только возводитъ его въ типъ. Плодъ художественнаго познанія есть фактъ, удержанный во всей своей индивидуальности, но высвобожденный изъ путаницы случайностей, съ которыми въ дѣйствительности является для простаго глаза. Фактъ, въ художественномъ понятіи, сохраняетъ всю свою жизненность. Художественное обобщеніе есть не что иное какъ уразумѣніе всего случайнаго въ предметѣ. Черты характера, моменты дѣйствія, подробности событія, выраженіе душевнаго состоянія, все въ произведеніи истинно-художественномъ должно быть запечатлѣно внутреннею необходимостію, все должно быть проникнуто своимъ значеніемъ, все должно имѣть свое достаточное основаніе, и всякая частность должна находиться въ ясномъ отношеніи къ своему цѣлому, такъ чтобы все было вмѣстѣ и живою дѣйствительностію, и понятіемъ.

Признакъ красоты или изящнаго, придаваемый искусству, относится столько же къ свойству художественнаго сознанія, сколько къ его выраженію, къ исполненію его замысла. Въ

художественномъ созерцаніи явленія жизни достигаютъ возвышенной области разума, и даютъ ему въ себѣ мѣсто проявиться, почувствоваться, сказаться. Тутъ-то раждаются эти идеалы, исполненные жизни и вмѣстѣ проникнутые всеобщимъ, всемірнымъ значеніемъ.

Все дѣло идеализаціи состоитъ лишь въ томъ, что данное качество освобождается въ умѣ художника отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергается оно въ дѣйствительности. Разумъ и есть не что иное, какъ возможность полнаго и безпрепятственнаго раскрытія всякой вещи, какъ она должна быть, на свободѣ отъ всѣхъ возмущеній со стороны безчисленныхъ развитій, совершающихся въ дѣйствительности параллельно съ нею. Когда въ сознаніи нашемъ представляемое дѣло достигнетъ такой свободы и чистоты раскрытія, тогда сознаніе принимаетъ то свойство, которое называемъ мы разумомъ.

Но довольно объ этомъ. Часто будутъ представляться намъ случаи подробнѣе и основательнѣе говорить какъ объ этомъ, такъ и о многомъ другомъ; теперь достаточно этихъ намековъ, въ которыхъ мы старались столько же быть краткими, сколько и ясными.

Не мѣшаетъ однако коснуться еще одного вопроса, исключительно относящагося къ поэзіи, какъ къ искусству слова, и очень важнаго для характеристики Пушкина.

Не совсѣмъ легкимъ можетъ показаться примѣненіе всего нами сказаннаго ко многимъ поэтическимъ произведеніямъ, главное достоинство которыхъ заключается въ прелести стиха, въ очарованіи слова. Не самъ ли Пушкинъ говоритъ объ этой «прелести стиховъ», какъ объ одномъ изъ правъ своихъ на благодарность потомства? Какое же соотношеніе имѣетъ изящество выраженія съ цѣлію, поставляемою нами для художественной дѣятельности? Эти мелкія, игривыя стихотворенія, въ которыхъ не раскрывается ничего опредѣленнаго, какъ подойдутъ они подъ то строгое понятіе, которому рѣшились мы подчинить разнообразную область искусства? Что̀ найдемъ мы въ подобныхъ произведеніяхъ, кромѣ красоты выраженія, а между тѣмъ куда же отнесемъ ихъ, если не къ поэзіи?

Этимъ вопросомъ мы касаемся другой стороны художественной дѣятельности, стороны исполненія. Художественная мысль

вступаетъ въ борьбу съ веществомъ, чтобы овладѣть имъ и выразиться въ немъ для всѣхъ и каждаго. Борьба эта имѣетъ свою исторію, и внѣшняя сторона художественной дѣятельности образуетъ свою сферу и пріобрѣтаетъ свою важность. Вещество, покоряемое художественнымъ цѣлямъ, требуетъ особаго изученія; оно поддается лишь сильной рукѣ, и то постепенно, въ теченіе времени. Каждое торжество въ этой борьбѣ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, и служитъ условіемъ новыхъ успѣховъ; мало по малу для каждаго искусства возникаетъ своя особая наука, своя опытность, равно какъ и при каждой наукѣ, для изложенія ея содержанія, образуется особое искусство, своего рода также наука. Въ эпоху полнаго развитія искусства составляется кодексъ установленныхъ правилъ, утвердившихся пріемовъ и способовъ техники. Это общія мѣста, готовыя фразы искусства, тоже самое, что и тѣ готовыя формулы рѣчи, которыми надѣляетъ насъ общее образованіе, и которыя употребляемъ мы безъ всякаго собственнаго въ нихъ участія. Но въ исторіи искусства останутся навсегда великими памятниками тѣ произведенія, въ которыхъ первоначально одержаны геніемъ побѣды надъ непокорною силою вещества. Что въ послѣдствіи становится легкимъ и незначительнымъ, что становится общимъ мѣстомъ, то въ этихъ первоначальныхъ выраженіяхъ является высоко-важнымъ, свѣжимъ и оригинальнымъ. Часто вся сила замѣчательнаго дарованія расточалась на эти первоначальныя побѣды, и ничего другаго не завѣщала потомству кромѣ выраженій, означенныхъ ею и навсегда покоренныхъ художественному сознанію.

Все сейчасъ сказанное имѣетъ особое значеніе относительно поэзіи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Въ исторіи нашей литературы мы можемъ указать на нѣсколько, даже не стихотвореній, а стиховъ, справедливо замѣченныхъ критикою, какъ несомнѣнныя доказательства истинно-художественнаго дара, который ничѣмъ столько не ознаменовалъ себя, какъ этими первыми побѣдами, одержанными надъ языкомъ. Ломоносова мы должны были бы признать истиннымъ художникомъ, если бы онъ не написалъ ничего, кромѣ извѣстной оды, выбранной изъ книги Іова, и напримѣръ слѣдующихъ стиховъ въ ней:

Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Поэтъ есть образователь языка, и эту образовательную силу черпаетъ онъ въ постиженіи духа и средствъ языка. Языкъ не есть просто матеріялъ, какъ глыба мрамора или какъ краски; самый звукъ не есть въ немъ главное, такъ что даже благозвучіе стиха не столько состоитъ собственно въ звукахъ, сколько въ особомъ движеніи, въ особомъ сочетаніи реченій, въ особомъ послѣдованіи соединенныхъ съ ними представленій и настроеній. Прочтите иностранцу самое по васъ благозвучное стихотвореніе; повѣрьте, онъ не отличитъ его отъ самаго неблагозвучнаго, которое вы потрудитесь прочесть ему вслѣдъ за первымъ, кромѣ развѣ страшной и умышленно подобранной какофоніи. Насъ очаровываютъ въ этомъ благозвучіи разгаданныя тайны языка. Художникъ овладѣваетъ, если позволено будетъ такъ выразиться, индивидуальностію языка. Выскажемся нѣсколько яснѣе. Каждое реченіе, кромѣ своего общаго значенія, или понятія, которымъ оно совпадаетъ съ соотвѣтственными реченіями другихъ языковъ, есть нѣчто само по себѣ существующее, нѣчто индивидуальное, имѣющее свою исторію, и хранящее въ себѣ слѣды разныхъ положеній, въ которыхъ случалось ему находиться. Художественное чувство относится къ слову не просто какъ къ понятію, но вмѣстѣ какъ къ факту, какъ бы къ особой оживленной сущности, запечатлѣнной своимъ прошедшимъ, имѣющей свои воспоминанія и свои притязанія. Реченіе, которое по своему общему значенію могло бы годиться для того или другаго употребленія, не будетъ употреблено художникомъ, если окажется къ тому препятствіе въ исторической судьбѣ слова, въ его *положеніи*, въ тѣхъ мелкихъ и едва замѣтныхъ сочетаніяхъ, съ которыми оно неминуемо является въ чуткомъ умѣ.

Истинный поэтъ есть великій знатокъ языка, хотя бы и не учился никакой грамматикѣ, и въ поэтическихъ произведеніяхъ раскрываются передъ нами тайны слова и ощущается тотъ духъ, тотъ строй сознанія, который составляетъ его основу въ данное время народной жизни и образованія.

Перейдемъ теперь къ другому, весьма важному вопросу, который возникъ въ нашей литературѣ по поводу Пушкина.

М. Катковъ.

ОБЪ
ОКЕАНІИ И ЕЯ ЖИТЕЛЯХЪ

ЧТЕНІЕ Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

Покойный Т. Н. Грановскій много читалъ, много работалъ въ своемъ кабинетѣ, но мало писалъ для публики. Онъ былъ очень строгъ къ своимъ работамъ. Тѣмъ дороже для насъ каждая его строка, уцѣлѣвшая въ бумагахъ, тѣмъ больше цѣны получаютъ въ нашихъ глазахъ сдѣланныя прямо со словъ его записки. Современемъ мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ выдержки изъ его лекцій, записанныхъ его слушателями. На этотъ разъ передаемъ публикѣ извѣстное лишь весьма немногимъ лицамъ чтеніе Грановскаго объ Океаніи. Два слова о происхожденіи этой замѣчательной статьи, неожиданной даже для многихъ друзей покойнаго. Грановскій любилъ брать свой предметъ широко и часто уходилъ въ сосѣдственныя съ нимъ области, всегда сохраняя впрочемъ историческую точку зрѣнія. Такимъ образомъ въ памяти и мысли его собирался обильный матеріялъ, которому часто вовсе не находилось мѣста въ университетскомъ курсѣ. Но по необыкновенной общительности своей природы, онъ любилъ передавать свои мысли и воззрѣнія самымъ близкимъ къ нему лицамъ и для того избиралъ также любимую имъ форму лекцій. Такъ лѣтомъ 1852 года, находясь въ селѣ Рубанкѣ, онъ предложилъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ чтенія объ Океаніи, въ которыхъ думалъ изложить результаты своихъ размышленій о судьбахъ малоизвѣстнаго, заброшен-

наго племени, составляющаго ея народонаселеніе. Первое изъ этихъ чтеній было записано г. Фроловымъ и просмотрѣно самимъ авторомъ. Предупреждаемъ читателя: пусть не ищетъ онъ здѣсь той изящной формы, которую Грановскій обыкновенно приносилъ на публичныя лекціи. Чтеніе объ Океаніи, назначенное для небольшаго круга нѣсколькихъ лицъ, замѣчательно именно своею простотою, безыскусственностію, при новости и оригинальности воззрѣнія на предметъ. Въ какую бы отдаленную область ни увлекался Грановскій своими занятіями, онъ всегда и вездѣ оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію историка. *Ред.*

Я буду говорить объ Океаніи. Вамъ извѣстно, что подъ этимъ именемъ разумѣются группы острововъ, лежащихъ между Азіей, Америкой и Новой Голландіей. Между этими островами самые большіе: на сѣверѣ—Сандвичевы острова, а на югѣ — Новая Зеландія; прочіе острова не велики. Природа щедрою рукою разсыпала здѣсь все, что̀ нужно человѣку; хотя формы растительности не разнообразны, но онѣ вполнѣ удовлетворяютъ его непосредственнымъ потребностямъ. Кукъ могъ справедливо сказать, что островитянинъ, посадившій въ жизнь свою только десять хлѣбныхъ деревьевъ, совершилъ такой же подвигъ относительно своего семейства и потомства, какой совершаетъ Европеецъ, трудящійся цѣлую жизнь надъ воздѣлываніемъ зерноваго хлѣба.

Острова Океаніи были почти неизвѣстны до половины прошлаго вѣка. Немногіе смѣлые моряки касались ихъ. Ходили только смутные слухи и басни о жестокостяхъ и людоѣдствѣ племенъ, населявшихъ эти острова. Точныя и положительныя свѣдѣнія получены объ нихъ только со временъ Кука, изслѣдовавшаго ихъ во время троекратныхъ путешествій своихъ вокругъ свѣта (съ 1769 года по 1779) и погибшаго на Сандвичевыхъ островахъ. Слѣдовательно, прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ, какъ Океанія описана обстоятельно и сдѣлалась достояніемъ науки.

Важныя перемѣны произошли съ тѣхъ поръ. На тѣхъ же самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, на которыхъ Кукъ въ 73-мъ году былъ принятъ за бога и получилъ божескія почести, а потомъ, въ 79-мъ, палъ жертвою своей любознательности, а отчасти и жестокаго обращенія съ туземцами, на этихъ островахъ находится теперь европейское населеніе, крѣпости, гавань Гонолулу, производится торговля съ Китаемъ и Европой, введены парламентскія формы правленія, и идетъ рѣчь о присоединеніи ихъ къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Изъ многочисленныхъ разказовъ разныхъ путешественниковъ и мореплавателей, посѣщавшихъ Океанію, можно вывести два противоположныя заключенія о нравахъ ея жителей. По мнѣнію однихъ, жители острововъ Товарищества и Маркизиныхъ являются кроткими, добродушными, счастливыми и неиспорченными; если же оказалась порча, то она произошла отъ вліянія англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, играющихъ тамъ весьма важную роль. Другіе же описываютъ ихъ самыми черными красками—развратными, жестокими, погруженными во всѣ пороки. Чрезвычайно трудно примирить эти противоположныя воззрѣнія; это будетъ возможно тогда только, когда мы вникнемъ въ источники этихъ противорѣчій. Извѣстія самыя выгодныя для нравственности жителей всѣ исходятъ отъ мореплавателей. Понятно, что эти смѣлые люди, открывавшіе одинъ островъ за другимъ цѣною безчисленныхъ опасностей, находили наслажденіе въ отдыхѣ посреди роскошной природы и населенія, въ самомъ дѣлѣ добродушнаго, и не имѣли нужды близко всматриваться въ ихъ нравы; островитяне приносили имъ кокосовые орѣхи, плоды хлѣбнаго дерева, довольствуясь въ началѣ весьма малымъ вознагражденіемъ; молодые офицеры и матросы пользовались здѣсь еще наслажденіемъ другаго рода: островитянки отличались красотой и большою снисходительностью. Съ этой стороны извѣстны роскошныя описанія мореходцевъ. Самъ строгій Кукъ увлекся и съ восторгомъ говоритъ объ Отаити; другой знаменитый мореплаватель, Бугенвиль, назвалъ этотъ островъ новою Цитерой. Болѣе всѣхъ утвердилъ это понятіе извѣстный натуралистъ Рейнгольдъ Форстеръ, сопутствовавшій Куку, вмѣстѣ съ знаменитымъ сыномъ своимъ

*

Георгомъ Форстеромъ, въ его кругосвѣтномъ путешествіи. Почему Рейнгольдъ Форстеръ смотрѣлъ на Океанію съ идиллической точки зрѣнія и отступилъ отъ своихъ привычекъ строгаго наблюденія? Это легко объяснить идеями XVIII столѣтія. Европейское общество начинало въ то время разлагаться. Оба Форстера принадлежали къ числу нововводителей и радикаловъ, противопоставлявшихъ испорченности образованнаго общества идеалъ въ близкомъ къ природѣ бытѣ. Вотъ почему обоимъ Форстерамъ бытъ островитянъ Океаніи показался съ самой выгодной стороны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Руссо посѣтилъ ихъ, то оставилъ бы еще болѣе восторженное описаніе.

Извѣстія, противоположныя этимъ идиллическимъ описаніямъ, шли отъ англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, послѣ мореходцевъ явившихся здѣсь для проповѣдыванія слова Божія. Боровшись съ такими же трудностями и преодолѣвая быть можетъ бо́льшія препятствія, они увидѣли картину съ другой стороны. Они нашли народъ погруженный въ грубые пороки, происходящіе отъ разложенія всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ понятій, живущій исключительно чувственною жизнію, съ которою миссіонеры пришли вести брань. Этимъ объясняются противорѣчивыя мнѣнія мореплавателей, натуралистовъ и миссіонеровъ.

Ограничиваясь описаніемъ быта жителей Океаніи въ пору открытія этихъ острововъ Европейцами, мы находимъ здѣсь весьма красивое, далеко не лишенное дарованій, населеніе. Оно пришло сюда вѣроятно съ запада, съ великихъ азіятскихъ острововъ, Явы, Суматры и другихъ, и разсѣянное по великому пространству Океаніи, представляетъ удивительное однообразіе въ языкѣ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Рейнгольдъ Форстеръ даже думалъ, что здѣсь былъ когда-то материкъ, раздробленный какимъ-то земнымъ переворотомъ, и что изъ обломковъ этого материка образовались настоящіе острова Океаніи. Сходство между ея жителями объясняется ихъ одинаковымъ происхожденіемъ отъ малайскаго племени, заселившаго ихъ съ запада, съ острововъ Индѣйскаго моря.

Первые европейскіе путешественники XVIII столѣтія нашли это народонаселеніе въ такомъ положеніи, которое заста-

вляетъ насъ думать, что оно и тогда находилось въ порѣ совершеннаго распаденія. Разсмотримъ ближе общественный бытъ тогдашняго времени. Во-первыхъ, религія уже не была согрѣваема внутреннею жизнію; мы видимъ одни остатки и развалины старыхъ вѣрованій; язычество потеряло отъ времени свою крѣпость. Можно предполагать, что была нѣкогда одна общая религіозная система въ Океаніи, но число общихъ боговъ непрерывно уменьшалось. Европейцы нашли уже не болѣе пяти боговъ, которымъ поклонялись на томъ или другомъ островѣ. Такъ память о прежнемъ поклоненіи очевидно стиралась и исчезала. За то возникала другая страшная религія, поклоненіе людямъ.

Замѣтимъ сперва, что нигдѣ не было болѣе рѣзкаго раздѣленія сословій, какъ въ Океаніи. Это раздѣленіе перешло въ религію. Всѣ цари, даже лица, принадлежавшія къ высшему сословію, обоготворялись, но не по смерти, какъ это было въ древнемъ мірѣ, напримѣръ въ Римѣ. Здѣсь каждый царь былъ богъ при жизни; ему приносили жертвы и поклонялись какъ божеству за-живо; когда онъ умиралъ, его причисляли къ богамъ. То же было съ каждымъ членомъ его двора. Такимъ образомъ эти новые боги вытѣсняли прежнихъ миѳологическихъ боговъ и разрушали связь прежней религіи. Каждый островъ имѣлъ своихъ новыхъ боговъ; народная память не хранила старыхъ; немудрено, что островитяне жаловались прибывшимъ Европейцамъ на то, что они не могутъ исполнять обрядовъ своей религіи и не могутъ запомнить боговъ своихъ.

Всякая религія связана съ понятіями о вѣчной жизни. Вѣчное бытіе для островитянъ выражалось въ слѣдующихъ представленіяхъ. Когда умиралъ кто нибудь изъ тѣхъ, которые пользовались божескими почестями при жизни своей, то боги съѣдали тѣло его, духъ же освобождался, былъ трижды пожираемъ высшими богами и, послѣ троекратнаго пребыванія во чревѣ ихъ, становился богомъ. Высшія божества очищали этимъ божества низшаго разряда. Имѣлъ ли простой народъ какія нибудь понятія о загробной жизни, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что они думали, что умершій простолюдинъ блуждалъ около своего жилища и былъ пожираемъ богами. Эта черта бросаетъ

нѣкоторый свѣтъ на людоѣдство, существовавшее на островахъ Океаніи, гдѣ оно было какъ бы освящено религіозными представленіями. Храмовъ не было. На нѣкоторыхъ островахъ найдены развалины зданій, служившихъ кладбищами. Это были огромныя огражденныя мѣста подъ открытымъ небомъ, имѣвшія болѣе или менѣе важное значеніе на различныхъ островахъ. Замѣтимъ еще, что когда царь или одинъ изъ его вельможъ принималъ произвольно какое-нибудь названіе, то это слово выбрасывалось изъ народнаго языка, и никто не смѣлъ произносить его. Истребленное слово замѣнялось вымышленнымъ.

Въ связи съ религіею находится не только въ Океаніи, но и за предѣлами ея обычай *табу*. Подъ этимъ именемъ разумѣется собственно запрещеніе, заклинаніе, но оно имѣетъ сверхъ того болѣе глубокое значеніе, представляя нѣчто освященное, божественное. Божественная сущность божескихъ лицъ переносится на внѣшній предметъ и дѣлаетъ его неприкосновеннымъ. Такъ короли могли сообщать божественное значеніе любому предмету. Если король входилъ въ какой нибудь домъ, то онъ становился табу и дѣлался его принадлежностью. Король могъ налагать табу на все; вельможи дѣлали то же самое, съ тою разницею, что король могъ снимать табу, наложенное вельможами, а не на оборотъ, и табу высшихъ лицъ тяготѣло надъ низшими. Этотъ обычай имѣлъ самое ощутительное и бѣдственное вліяніе на весь бытъ жителей Океаніи. Король былъ богъ, аристократы были боги; простому же человѣку перейдти изъ одного класса въ другой не было никакой возможности. Но такая страшная власть королей налагать на все табу была ограничена оппозиціей аристократіи. Короли могли присвоивать себѣ лучшіе участки земли, проходя по нимъ; аристократія же, чтобы препятствовать королямъ касаться земли, носила ихъ; точно также, для того чтобы короли не входили въ домы и не дѣлали ихъ своею собственностью, имъ устраивали подвижные дома, такъ что они, переносясь съ одного мѣста на другое, всегда находились у себя. Аристократія же пользовалась для своихъ выгодъ страшнымъ правомъ табу; она накладывала его на извѣстные съѣстные припасы, на плоды

кокосоваго, хлѣбнаго дерева, и простой народъ не смѣлъ касаться ихъ. Лучшая рыбная ловля была табу; оно распространялось на женщинъ, которыя не могли употреблять ту же пищу, что̀ мужчины. Нѣкоторыя работы, какъ напримѣръ построеніе военныхъ судовъ, употребленіе большихъ сѣтей для рыбной ловли, подвергались табу. Иногда же табу, отчуждавшее народъ отъ всѣхъ благъ и предоставлявшее ихъ однимъ высшимъ сословіямъ, обращалось въ полезную полицейскую мѣру: во время голода табу налагалось на извѣстные предметы, на незрѣлые плоды; такъ въ Новой Зеландіи жатва не снятая съ поля подвергалась табу. Нѣкоторые реформаторы хотѣли воспользоваться этимъ обычаемъ, употребляя для своихъ политическихъ цѣлей орудіе всѣхъ бѣдствій народа и многочисленныхъ злоупотребленій.

Переходя отъ религіи къ политическому быту, и тутъ находимъ совершенное распаденіе прежняго лучшаго порядка вещей. Европейцы застали въ Океаніи монархическія формы правленія уже ограниченныя властію аристократіи, которая всѣми силами старалась оградить себя отъ королевскаго табу. Цари имѣли свои участки земли съ неограниченною властію надъ извѣстнаго рода предметами. Острова раздѣлялись на участки, во главѣ которыхъ стояла аристократія. Эти участки подраздѣлялись и раздавались низшему дворянству; простой народъ не имѣлъ собственности, и въ силу табу пользовался только извѣстными рыбами и съѣстными произведеніями земли, работая на высшій класъ, какъ на существа великія и божественныя, на основаніи религіозныхъ вѣрованій рѣзко отдѣленныя отъ него какъ на землѣ, такъ и за гробомъ. Всякій споръ былъ безполезенъ, и народъ покорялся своей участи безропотно и совершенно спокойно. Европейскія идеи могли проникнуть сюда только съ новыми потребностями, не могшими здѣсь развиться въ прежнемъ порядкѣ вещей. Даже въ формахъ монархическаго правленія, образованнаго патріархально по образцу семейства, видно было разложеніе. Между высшими сословіями, представлявшими сперва какъ бы ближайшихъ родственниковъ царя, и самимъ царемъ существовала распря, и мало по малу на островахъ Товарищества

обоготвореніе перешло на аристократію. Низшія сословія, какъ мы сказали, находились внѣ общества; надъ ними возникали новыя царственныя фамиліи не преемственно, но одна возлѣ другой, въ распряхъ и несогласіяхъ раздѣляя землю на болѣе дробные участки и падая въ уваженіи народа.

На одномъ изъ Маркизиныхъ острововъ оставалось семьдесять девять жителей и два царя, на другомъ сто жителей и три царя. Но нигдѣ это раздробленіе не было такъ велико, какъ на островахъ Товарищества и Новой Зеландіи. Общество распалось на отдѣльныя семейства, существующія каждое подъ начальствомъ своего старѣйшаго. Исчезъ государственный союзъ; исчезло всякое связующее начало, всякое понятіе о правѣ. Одно и то же преступленіе, наказываемое смертію въ одномъ мѣстѣ, оставалось безнаказаннымъ въ другомъ. Все зависѣло отъ произвола какого нибудь сильнаго начальника.

Не только въ религіи и общественномъ бытѣ, но даже въ языкѣ существовали признаки страшнаго распаденія, неизвѣстнаго и въ Америкѣ, гдѣ видна гибель цѣлыхъ породъ. Въ геніяльномъ твореніи своемъ о Кави, священномъ языкѣ жителей Явы, Вильгельмъ Гумбольдтъ коснулся нарѣчій Океаніи, составляющихъ отрасль малайскаго языка. Онъ вникнулъ въ процессъ одичанія и искаженія этихъ нарѣчій не только въ грамматическомъ устройствѣ ихъ, но и въ лексикальномъ. Глаголы потерялись, переставъ спрягаться для изображенія временъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; необходимо стало прибавлять частицы, отчего языкъ сдѣлался бѣднымъ. Въ самыхъ словахъ обнаруживаются слѣды изнѣженности и разслабленія; чѣмъ далѣе мы подвигаемся на востокъ, тѣмъ мягче и дряблѣе становится языкъ, тѣмъ больше выброшено согласныхъ и тѣмъ многочисленнѣе гласныя. Цѣлыя слова исчезали, вслѣдствіе упомянутаго нами выше обычая не употреблять болѣе словъ, выбранныхъ для прозванія обоготворяемыми лицами; для замѣщенія ихъ необходимо было выдумывать безпрестанно новыя; чрезъ это языкъ лишился всякаго органическаго развитія, органической связи. Здѣсь кстати можно упомянуть о заслугахъ миссіонеровъ, употребившихъ большое уси-

ліе, чтобы изучить этотъ языкъ, составляя грамматики, лексиконы, азбуки, и переводя Священное Писаніе и другія книги; но такія усилія не могутъ спасти языка, искаженнаго въ своихъ основаніяхъ.

Это распаденіе религіи, государственныхъ учрежденій и языка, отозвалось въ остальныхъ сферахъ жизни, въ нравахъ и въ физическомъ бытѣ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ представить нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Хотя трудно составить себѣ точное понятіе о числѣ жителей Океаніи, и нѣтъ сомнѣнія, что Кукъ и Форстеръ преувеличили народонаселеніе этихъ острововъ, но нельзя не признать, что оно было значительнѣе, чѣмъ теперь. Изъ показаній моряковъ, ученыхъ, китолововъ, миссіонеровъ, можно опредѣлить приблизительно число жителей по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ острововъ. Изъ двухъ милліоновъ жителей, которыхъ насчитывали къ концу XVIII столѣтія, теперь считается едва 600,000. Есть острова, гдѣ вычисленіе точнѣе: такъ на Отаити, въ началѣ нынѣшняго вѣка, было до 100,000. Въ тридцатыхъ годахъ оно понизилось до 17,000, а теперь считаютъ тамъ только 7,000. Это обстоятельство приписывали вліянію Европейцевъ, принесшихъ будто бы въ Океанію заразительныя болѣзни, употребленіе крѣпкихъ напитковъ и огнестрѣльное оружіе. Впрочемъ еще не рѣшено, не были ли заразительныя болѣзни уже давно тамъ; множество накожныхъ болѣзней, сходственныхъ съ сифилитическими, получали отвратительный видъ; низшіе классы въ особенности подвергались имъ, лишенные одежды и всякихъ пособій въ этомъ жаркомъ и сыромъ климатѣ, не имѣя здоровыхъ жилищъ, питаясь кореньями, морскими раками, и нѣкоторою только рыбою, ибо табу было наложено на лучшую пищу, принадлежавшую, какъ и всѣ блага земныя и удобства жизни, только высшимъ классамъ. Крѣпкіе напитки не играли здѣсь той роли, какую они играли въ Америкѣ; островитяне даже неохотно пили водку, имѣя свой крѣпкій напитокъ *ава*, приготовленный изъ тузем-ныхъ растеній и имѣющій болѣе крѣпости, чѣмъ самые крѣпкіе изъ нашихъ напитковъ. Также не могло дѣйствовать слишкомъ разрушительно и огнестрѣльное оружіе. Прежнія войны

островитянъ велись съ большимъ ожесточеніемъ. Ихъ рукопашные бои кончались не иначе, какъ когда одна часть совершенно истребляла другую, а если и забирали плѣнныхъ, такъ только для принесенія ихъ въ жертву. Вообще Европейцы дѣйствовали здѣсь не такъ истребительно на туземцевъ, какъ въ Америкѣ, Новой Голландіи и Вандименовой Землѣ. Если же Европейцы и употребляли во зло свое превосходство въ Океаніи, то это были частные случаи; причины упадка народонаселенія лежали глубже, въ самомъ общественномъ порядкѣ въ Океаніи.

Это страшное разъединеніе между классами столь поразительно, что многіе пытались объяснить его различіемъ породъ, и Коцебу приписывалъ происхожденіе высшихъ сословій Сандвичевыхъ острововъ Испанцамъ, потерпѣвшимъ здѣсь кораблекрушеніе. Мы видѣли, что аристократія, пользуясь большими удобствами жизни, могла сохранять свое тѣло въ здоровьи, красотѣ и силѣ, никогда не смѣшиваясь съ кровью низшаго сословія, ибо ребенокъ, приживаемый лицами двухъ разныхъ сословій, предавался смерти.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, Ванъ-Куверъ присутствовалъ въ Гаваи на праздникѣ, данномъ ему Камеамегой; на военныхъ играхъ сначала выступили воины низшаго класса и поразили моряка своею неловкостью; но когда выступили воины высшаго сословія, то красота и ловкость ихъ такъ были изумительны, что нельзя было найдти ничего общаго между первыми и вторыми. Это явленіе повторяется повсемѣстно, но ничто лучше не выражаетъ нравственнаго распаденія этихъ острововъ, какъ общество Ареои (на островахъ Товарищества), замѣченное Европейцами вскорѣ послѣ ихъ прибытія. Подозрительный союзъ этотъ показался сначала сходственнымъ съ масонскимъ. Онъ состоялъ изъ семи отдѣльныхъ классовъ; переходъ изъ одного класса въ другой былъ сопряженъ съ извѣстными церемоніями и обрядами; у этого общества были свои суда, знамена, своя татуировка и свои символическіе или масоническіе знаки. Цѣль же его была самый дикій необузданный развратъ. Члены общества состояли изъ мужчинъ и жен-

щинъ. Въ немъ исчезали всѣ понятія о бракѣ, родствѣ и сословіяхъ, и дѣти, происходящія отъ такого неограниченнаго смѣшенія половъ, были немедленно убиваемы. Такого кровожаднаго и ужаснаго разврата не видано было ни въ одномъ обществѣ, и, повторяемъ, ни въ чемъ не выразилось такъ сильно конечное разложеніе нравовъ. Хотя въ общество Ареои вступали болѣе лица высшаго сословія, но примѣръ его не остался безъ вліянія и на низшій класъ. Сначала дѣтоубійство совершалось по предписанію закона, для истребленія плода преступленія, совершеннаго лицами двухъ различныхъ сословій, но въ началѣ XIX-го столѣтія оно вошло уже въ нравы, и родители убивали дѣтей своихъ просто для избавленія себя отъ труда воспитывать ихъ. Это могло содѣйствовать къ уменьшенію народонаселенія.

Всѣ изложенные нами факты, истекая изъ человѣческой воли и заблужденій, могли бы быть повидимому исправимы, но надъ ними виситъ какой-то неумолимый законъ природы, видимо обрекающій на погибель это племя. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни общества Ареои и никакихъ другихъ очевидныхъ причинъ къ истребленію, оно уменьшается какъ бы само собою. Въ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ замѣчается слѣдующее: на 100 мужчинъ приходится 75 или 80 женщинъ, а въ другихъ мѣстахъ на двухъ мужчинъ одна женщина. На островахъ Сандвичевыхъ правительство старалось усилить народонаселеніе и положило извѣстныя льготы отцамъ семейства, имѣющимъ трехъ дѣтей, — что же? въ нѣкоторыхъ округахъ съ 8-ю тысячами жителей, оказалось только по три семейства съ тремя дѣтьми. Большая часть браковъ были бездѣтны. Туземцы будто предчувствуютъ предстоящую гибель ихъ племени. Одинъ вождь Новой Зеландіи говорилъ англійскому миссіонеру и путешественнику съ глубокою грустью и смиреніемъ: «Наше племя осуждено на смерть; бѣлый человѣкъ завладѣетъ нашими полями.» Этотъ законъ приходитъ въ исполненіе, ускользая отчасти отъ нашего пониманія.

Въ оправданіе миссіонеровъ замѣтимъ, что тамъ гдѣ миссіи дѣятельнѣе, народонаселеніе остается на одной точкѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Остается рѣшить, остановитъ ли

христіанство упадокъ народонаселенія въ Океаніи? Во всякомъ случаѣ можно сказать, что связь съ Европейцами внесла сюда новый источникъ жизни, которая необходимо должна развернуться подъ этимъ роскошнымъ небомъ; но спасетъ ли она жителей Океаніи, не слишкомъ ли опоздала эта помощь — трудно рѣшить. Пока остановимся на этомъ, и постараемся далѣе разказать о первомъ столкновеніи Европейцевъ съ туземцами, о распространеніи между ними христіанства, и представить характеристику океанійскихъ народовъ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ

КОМЕДІЯ ВЪ 2-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВІЕ I.

ЛИЦА ВЪ 1-мъ ДѢЙСТВІИ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ ИВАНОВЪ, отставной учитель 60-ти лѣтъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, его дочь, 20-ти лѣтъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановымъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ, богатый купецъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ, его сынъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Въ 1-мъ дѣйствіи сцена представляетъ бѣдную комнату въ квартирѣ Ивановыхъ. На лѣво на первомъ планѣ окно, дальше дверь въ комнату хозяйки, прямо дверь выходная, на право дверь въ комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(входитъ размахивая руками; за нимъ)* АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Невѣжество! Невѣжество! И слышать не хочу, невѣжество. *(Садится за столъ и раскрываетъ книгу).*

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

У васъ все невѣжество. А сами-то что̀? Только слава, что ученый человѣкъ. А что̀ въ немъ проку, въ ученьи-то въ вашемъ? Только одно мнѣніе, что я ученый человѣкъ; а хуже насъ неученыхъ. Живете какъ бобыль, ни кола, ни двора.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Невѣжество! Невѣжество!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Наладилъ одно! Невѣжество, да невѣжество! Я къ вашей пользѣ говорю. Мнѣ что! Я женщина посторонняя.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, такъ и не мѣшайтесь въ чужія дѣла. Оставьте меня: видите, я дѣломъ занимаюсь.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(помолчавъ)*.

Мнѣ какъ хотите. Я, жалѣючи васъ, говорю. Куда вы дѣнетесь съ дочерью-то? Дѣвушкѣ двадцать лѣтъ; нынче безъ приданаго-то никто не возьметъ; а у васъ ни кругомъ, ни около, — все нѣтъ ничего, — бѣдность непокрытая.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Какъ ничего? У меня есть пенсія, есть уроки.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Что ваша пенсія, что ваши уроки! Развѣ это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитаніе хватитъ; а вы то разсудите: вы пожилой человѣкъ; ну, сохрани Богъ, помрете, куда будетъ Лизаветѣ Ивановнѣ голову приклонить?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Она? Она куда пойдетъ? Въ институтѣ воспитывалась, въ университетѣ экзаменъ держала. А вы спрашиваете, куда пойдетъ. Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которому отецъ честно служилъ всю свою жизнь.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ужь куда какая невидаль! Хорошее житье, по чужимъ людямъ шляться изъ-за куска хлѣба! Чужой-то хлѣбъ горекъ. А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вамъ жениха; благо здѣсь сторона-то купеческая.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Какое же это благо? Въ чемъ тутъ благо? Кромѣ невѣжества я ничего не вижу.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

А я вижу. Вотъ, напримѣръ, Андрей Титычъ, что̀ къ намъ ходитъ, чѣмъ не женихъ? И молодъ, и богатъ, и изъ себя красавецъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

И дуракъ набитый, читать по-русски не умѣетъ. Это вашъ женихъ, а не Лизинъ. Васъ будетъ пара.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ужь какой онъ мнѣ женихъ! Очень нужно ему старуху-то брать! Онъ съ своими деньгами-то получше вашей Лизы найдетъ. Ему ужь давно отъ невѣстъ проходу нѣтъ отъ богатыхъ; да не хочетъ, потому влюбленъ до чрезвычайности въ Лизавету Ивановну. Вотъ что.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(вскочивъ)*.

Что? Да какъ же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ? Кто ему позволилъ? Это житья нѣтъ! Лиза моя.... вѣдь это сокровище, это совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться. Мужикъ! Невѣжа!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ахъ, батюшка, да развѣ кому закажешь! Вѣдь она не королевна какая! А почемъ знать, дѣло женское мудреное, можетъ она и сама его любитъ. Чужая душа потемки. Дѣвушки объ этомъ не сказываютъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Вздоръ, вздоръ, этого быть не можетъ. Я и слушать не хочу. *(Переходитъ къ другому столу.)* Не мѣшайте мнѣ заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дѣло есть.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(переходитъ за нимъ)*.

А можетъ, и вздоръ; я такъ говорю, по своему понятію. А жаль малаго-то, ужь очень сокрушается. Дома-то радости нѣтъ, отецъ-то у него такой дикій, властный человѣкъ, крутой сердцемъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Что̀ такое: крутой сердцемъ?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Самодуръ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Самодуръ! Это чортъ знаетъ что̀ такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварскій языкъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ужь и вы, Иванъ Ксенофонтычъ, какъ погляжу я на васъ, заучились до того, что русскаго языка не понимаете. Самодуръ это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужь всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

O tempora, o mores!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Такъ вотъ Андрюша-то и боится, что отецъ ему жениться не позволитъ. Ну, да это ничего, я баба огневая, я обломаю дѣло; только было бы ваше согласіе. Я за двумя мужьями была, Иванъ Ксенофонтычъ, всѣми дѣлами правила. Я теперь хоть въ судѣ, какое хочешь дѣло обдѣлаю. Стряпчаго не нанимай. По всѣмъ кляузнымъ дѣламъ ходокъ. Во всѣхъ судахъ надобѣла. Прямо до енарала хожу.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Объ чемъ вы говорите, я не понимаю.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Все объ томъ же, объ Брусковѣ, объ купцѣ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Послушайте: Плутархъ въ одной книгѣ....

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

А на счетъ плутовства,—это точно, онъ старикъ хитрый.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(обращая глаза къ потолку)*.

О невѣжество!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

И это есть. Хоть онъ и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что̀ хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ слугнуть можно. Теперь, какъ хотите, Иванъ Ксенофонтычъ, такъ и сдѣлаемъ. Честно, такъ честно; а то и на штуку поймаемъ. Такъ запутаемъ, что хоть плачь, а жени сына на Лизаветѣ Ивановнѣ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Что̀ я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

За что-жь вы бранитесь? Я васъ люблю, вамъ добра желаю *(утираетъ слезы)*, а вы меня всяческими словами ругаете.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Какъ хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте насъ съ дочерью въ покоѣ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(покачавъ головой)*

Эхъ, Иванъ Ксенофонтычъ, Иванъ Ксенофонтычъ! жаль мнѣ тебя! Человѣкъ-то ты добрый, да больно ты простъ. Бѣденъ ты ужь больно. Вотъ и одежонка-то....

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Я бѣденъ, да честенъ, бѣднымъ и останусь. Не хочу я знаться съ твоими съ богатыми.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

А нынче такъ жить-то нельзя. *(Отходитъ отъ стола)*. Какъ хочешь ты, Иванъ Ксенофонтычъ, обижай меня, а я все таки всякое добро для васъ готова сдѣлать, да и завсегда буду дѣлать за вашу кротость и сиротство. Мнѣ за это Богъ пошлетъ. *(Уходитъ въ свою комнату. Въ середнюю дверь входитъ Лизавета Ивановна, скидаетъ шляпку и кладетъ на столъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ и ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Откуда ты, Лиза?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Съ урока, папа.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

А я на урокъ. Мы съ тобой люди дѣятельные. Подай мнѣ шляпу.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Не ходи, папаша; ты и такъ много трудишься.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Нельзя, Лиза, нельзя, меня ждутъ. Молодые люди хотятъ учиться. А ты знаешь, какъ это рѣдко, какъ дорого! Нужно цѣнить, Лиза, такихъ молодцевъ, нужно цѣнить. Они намъ, бѣднякамъ, хлѣбъ даютъ, да и сами людьми будутъ. Я ихъ помаленьку приготовлю въ университетъ; ну а тамъ ужь не мое дѣло. Коли захотятъ учиться, такъ толкъ будетъ. Достанька мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь вышелъ. *(Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табаку.)* Ну прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть затолкуюсь съ ребятами.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Бѣдный папаша!

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(надѣваетъ шляпу, идетъ къ дверямъ и возвращается)*.

Лиза, ты меня извини, я тебѣ задамъ вопросъ!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Что такое, папа?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Давеча вотъ эта глупая женщина *(показывая на комнату хозяйки)* говорила, только не утвердительно, а такъ одно предположеніе, что можетъ быть ты... только ты, Лиза, не сердись.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Что она говорила?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Она говорила, что можетъ быть ты влюблена въ этого молодаго купца, который ходитъ къ намъ за книгами. Ну, разумѣется, я не повѣрилъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Охота тебѣ, папа, слушать ее.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вотъ что̀, Лиза: ты теперь въ такомъ возрастѣ.... молодая дѣвушка, тебѣ скучно со мной со старикомъ... ты сдѣлай милость, прыгай, веселись.... влюбись въ кого-нибудь, я тебя прошу объ этомъ. Только ты не скрывай отъ меня, скажи мнѣ: я самъ съ тобой помолодѣю. Я все за книгами, Лиза; у меня душа зачерствѣла.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(обнимая его.)*

Ахъ, папаша! Еслибъ я полюбила кого, ябъ тебѣ сказала. А то нѣтъ еще. Этотъ молодой человѣкъ... такъ себѣ; только ужь очень необразованъ, ни стать, ни сѣсть не умѣетъ. И ты, папаша, могъ подумать?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Ну, ну, ну, виноватъ! *(Цѣлуетъ ее)* Въ послѣдній разъ, больше не буду. *(Смотритъ на часы)*. Пора, пора.... *(Бѣжитъ бѣгомъ изъ комнаты, Лизавета Ивановна смотритъ въ-слѣдъ ему)*.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(одна)*.

(Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе.) Тяжела жизнь бѣднаго человѣка! Какъ ни утѣшай себя строгимъ исполненіемъ долга, а все въ душѣ остается непріятное чувство. Трудись постоянно безъ отдыха для того только, чтобъ имѣть средства къ существованію. Ужасно! Бѣдный папаша! мнѣ жаль его! Онъ такъ меня любитъ, хотѣлъ бы доставить мнѣ всѣ удовольствія, а средства не позволяютъ. Я очень хорошо вижу, какъ это его безпокоитъ, мучитъ.... Влюбись, говоритъ. *(Улыбаясь)* Да въ кого! Кого я здѣсь вижу? Да, и образованіе имѣетъ свои невыгоды: ужь слишкомъ разборчива дѣлаешься.

(Андрей Титычъ входитъ.)

*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА и АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Съ нашимъ почтеніемъ-съ, Лизавета Ивановна!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Здравствуйте, Андрей Титычъ. Садитесь.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ *(утираясь)*.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Летѣлъ къ вамъ скоропалительно, инда взопрѣлъ-съ. Тятеньки нѣтъ-съ?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Нѣтъ; ушелъ на урокъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

По-латыни два алтына, а по-русски шесть копѣекъ-съ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Что́ вы такое говорите?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

У насъ въ ряду одинъ учитель ходитъ, горькой,—такъ надъ нимъ смѣются; дразнятъ, значитъ. Ты, говорятъ, окромя свинячьяго на семь языковъ знаешь.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какъ же вамъ не стыдно смѣяться надъ людьми почтенными?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Чтожь такое? Шутка не вредитъ-съ; хорошій человѣкъ на свой счетъ не приметъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Бросьте эту привычку, нехорошо.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Нельзя нашему брату не смѣяться-съ; потому эти стрюцкіе такія дѣла съ нами дѣлаютъ, что смѣху подобно.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Что́ у васъ за слова такія! Какіе-то стрюцкіе!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ужь это слово имъ не даромъ дано-съ. Другой весь-то грошъ

стоитъ, а такого изъ себя барина доказываетъ, и не подступайся — засудитъ; а далъ ему цѣлковой, или тамъ больше, глядя по дѣлу, да подпоилъ, такъ онъ хоть спирю плясать пойдетъ. *(Помолчавъ)* Я теперича отъ тятеньки скрываюсь-съ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какъ скрываетесь? Зачѣмъ же?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Женить хотятъ.... насильственнымъ образомъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Чтожь, развѣ вамъ невѣста не нравится?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Такую нашли, — съ ума сойдешь. Тысячъ триста серебра денегъ, рожа какъ тарелка; на огородѣ поставить, воронъ пугать. Я у нихъ былъ какъ-то разъ съ тятенькой, еще незнамши ничего этого; вышла дѣвка пудовъ въ пятнадцать вѣсу, вся въ веснушкахъ; я сейчасъ съ политичнымъ разговоромъ къ ней: «чѣмъ, говорю, вы занимаетесь?» Я, говоритъ, люблю жестокіе романсы пѣть. Да какъ запѣла, глаза это раскосила, такъ-то убѣдила народъ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Да развѣ вы своей воли не имѣете? Не нравится вамъ дѣвушка, ну и не женитесь, такъ и скажите отцу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Какая тутъ воля! Эхъ, Лизавета Ивановна! Нешто у насъ такъ какъ у людей! *(махнувъ рукой)* Крылья у меня ошибены, то есть обрублены какъ есть. Уродомъ сдѣлали, а не человѣкомъ. Словно угорѣлый хожу по землѣ. У насъ такъ не водится, чтобы сынъ смѣлъ выбрать дѣвушку по душѣ, значитъ, какъ слѣдуетъ, а привезутъ тебя, покажутъ, ну и женись. А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: я, говоритъ, въ солдаты отдамъ. Ну и шабашъ. Ужь не то что въ этакомъ дѣлѣ, и въ другомъ въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Неужели это правда? Право, мнѣ не вѣрится. Что-нибудь да не такъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ужь это такъ точно-съ, будьте покойны. Диви бы негдѣ было учиться, али бы денегъ не было; а то денегъ уголъ непочатой лежитъ, дѣвать куда не сообразимъ. Коммерческая академія существуетъ на Покровскомъ бульварѣ. На что-жь она построена? Смотрѣть на нее? Кабы у насъ, значитъ, вообще по купечеству такое заведеніе было, чтобы дѣтей не учить, такъ бы и не обидно. А то этого нѣтъ. Передъ другимъ-то, передъ своимъ братомъ, и совѣстно. Вотъ у тятеньки пріятель былъ, тоже русскій купецъ, съ бородой ходилъ; а сына-то въ въ Англію посылалъ. Теперь свое дѣло, по машинной части, лучше ихъ знаетъ. Стало быть, ихъ и выписывать не надо и денегъ имъ не платить. Что ихъ баловать-то. Я, можетъ, не глупѣй его, а теперь смотри, да казнись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свѣтѣ дошелъ; потому страсть имѣю. Вотъ тятенька меня поѣдомъ ѣстъ, а за что? Самъ не знаетъ. По фабрикѣ кто первый? Все я. Я впередъ знаю, что требуется. *(Молчаніе)*. Лизавета Ивановна, вы вѣдь не повѣрите, что я вамъ скажу. Я къ скрипкѣ очинно пристрастіе имѣю.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Ну такъ чтожь?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Вотъ теперь пятый годъ учусь.... Знаете гдѣ? На чердакѣ въ чуланѣ. Бѣда какъ узнаетъ. Да что это? Да къ чему это? Да съ твоимъ ли рыломъ, скажетъ, такія нѣжности разводить? Въ театръ никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, такъ бѣда. У насъ все равно, что загулялъ, что въ театрѣ просидѣлъ, это на одномъ счету. Ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру, такъ малоумный.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Знаете ли, Андрей Титычъ, я васъ научу. Когда вы замѣтите, что вашъ отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, вы

ему откровенно и выскажите все, что̀ вы чувствуете, что у васъ есть способности, что вы учиться хотите.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете, онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго, только хочетъ на своемъ поставить. Одинъ капризъ, одна только амбиція, что вотъ я неученъ, а ты умнѣе меня хочешь быть.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Мнѣ, право, васъ жалко, Андрей Титычъ! Ходите къ намъ почаще. Мой отецъ такой образованный человѣкъ, онъ много вамъ можетъ пользы принести, да и я съ своей стороны постараюсь, что̀ могу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Эхъ, Лизавета Ивановна, жаль только, что мнѣ развязки никакой не дано.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какой развязки?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Не умѣю я по-французски говорить, и походки настоящей не имѣю. Вонъ теперь въ магазинахъ прикащики разговариваютъ по-французски, ногами шаркаютъ, барышни имъ глазки дѣлаютъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Полноте вздоръ болтать, скучно слушать.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да какъ же-съ? Ужь коли знаешь французскій языкъ, да есть походка, такъ тутъ можно смѣло.... значитъ, что̀ только завидѣлъ, орелъ-ли въ небѣ, щука-ли въ морѣ—все наше.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Вы мнѣ, пожалуйста, глупости не говорите, я васъ прошу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Вѣдь женщины, онѣ души въ человѣкѣ понять не могутъ-съ, только ловкость нужна, ну и на счетъ одежи чтобы первый сортъ-съ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какъ вы можете такъ говорить! Почемъ вы знаете женщинъ? Вы говорите, можетъ быть, не подумавши, а между тѣмъ это очень обидно. Неужели вы думаете, что мы принимаемъ и ласкаемъ васъ за ваше платье?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да что со мной, дуракомъ, толковать-съ; я просто пропащій человѣкъ, отъ своего собственнаго необразованія. Болтаю, что въ голову придетъ, всякія наши рядскія глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки; да только я выразить не умѣю. Мнѣ какъ-то разъ показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселѣй взглянули: такъ я загулялъ на три дни, такихъ вертуновъ надѣлалъ — бѣда! Одному извощику что денегъ заплатилъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Ну зачѣмъ же это? Неужели вы не понимаете, что это дурно?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

А чтожь мнѣ дѣлать-то? Куда мнѣ дѣваться-то? Я какъ сумасшедшій сдѣлался. Я въ жизнь ни отъ кого хорошаго слова не слыхивалъ. (*Подходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ.*) Лизавета Ивановна.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Что вамъ угодно?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Дайте мнѣ ручку поцѣловать.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Что вы за вздоръ говорите! Ну для чего это?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да чтожь за важность! Можетъ въ послѣдній разъ. Вѣдь, васъ не убудетъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Да нехорошо, и совсѣмъ ненужно.... ну а впрочемъ..... (*Оглядываясь протягиваетъ ему руку*).

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ *(цѣлуетъ)*.

Умеръ бы тутъ у васъ и домой не пошелъ. Ужь очень тяжело мнѣ! Эхъ доля, доля! *(Плачетъ. Входитъ Аграфена Платоновна)*.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ и АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Здравствуй, Андрюша! что̀ съ тобою?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Такъ, ничего-съ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Какъ ничего? Ты словно какъ мокрая курица.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Подвѣсить себя хочу-съ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Какъ такъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Извѣстно какъ, за петельку на гвоздикъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Что̀ за напасть такая?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да что, разговаривать-то не хочется—женить хотятъ, вотъ и все-съ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Плохо твое дѣло.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Обидно-съ. *(Раскланивается)* А впрочемъ прощайте-съ. *(Подходитъ къ Аграфенѣ Платоновнѣ)* Чтожь, отдайте энту штуку-то; еще пожалуй исторія выдетъ

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну вотъ, на что она тебѣ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

А то, пожалуй, и не надо; дѣлайте, что̀ хотите. Ужь семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. До пріятнѣйшаго свиданія. *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА и АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Видали вы, что̀ мужики-то значатъ? Такъ вотъ посмотрите. Насильно хотятъ малаго женить. Самое низкое обыкновеніе! Нешто человѣкъ можетъ любить противъ желанія? Какія на это права? Какіе законы? Живутъ неопрятно, ну, ничего и не понимаютъ. Ломятъ по-своему, что̀ на умъ взбрело съ просонковъ. А я было его, барышня, признаться, для васъ прочила.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Да что̀ спрашивать-то? Дѣло видимое. Человѣкъ хорошій, богатый, васъ любитъ. Куражу не имѣетъ, сказать вамъ, потому, что умныхъ словъ не знаетъ, отъ своего отъ дурацкаго воспитанія. А случится когда, ко мнѣ въ комнату зайдетъ, такъ и заливается, плачетъ, все бы я, говоритъ, сидѣлъ у васъ, глядѣлъ на Лизавету Ивановну; жизни готовъ рѣшиться, только бы жениться на ней. Сколько мнѣ подарковъ переносилъ, чтобы я вамъ за него словечко замолвила.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какой еще онъ женихъ, ему поучиться надобно.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Любовь-то не спрашиваетъ, всѣ ли науки знаешь. Влюбля-

ются и вовсе безграмотные. А что̀жь ему дѣлать? Онъ бы и радъ учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахаръ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Мнѣ смѣшно васъ слушать, Аграфена Платоновна. Ну разсудите вы сами, какая же мнѣ неволя идти въ такую семью?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Не тысячу же лѣтъ этотъ старый хрычъ жить будетъ; потерпите маленько, а потомъ сами барыней будете. Оно точно вамъ будетъ не сладко; да денегъ-то у нихъ, у лѣшихъ, больно много. За то, что̀ захотите, мужъ все для васъ будетъ дѣлать, развѣ только птичьяго молока не достанетъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ незамѣтили, что я горда? Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія. Вѣдь они за каждую копѣйку вымѣстятъ оскорбленіемъ; а я не хочу ихъ переносить ни отъ кого. То ли дѣло какъ мы живемъ съ папашей! Хоть бѣдно, да независимо. Мы никого не трогаемъ, и насъ никто не смѣетъ тронуть. *(Работаетъ).*

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(взглянувъ въ окно).*

Къ намъ дрожки подъѣхали. Ахъ, батюшки! Да вѣдь это онъ!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Кто онъ?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Андрюшинъ отецъ, Титъ Титычъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Это, должно быть, къ вамъ; а къ намъ ему не зачѣмъ. *(Титъ Титычъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА и ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Гдѣ Андрюшка? Сказывайте скорѣй, а то искать примусь.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Почемъ мы знаемъ, гдѣ твой Андрюшка, ступай откуда пришелъ; нечего тебѣ здѣсь дѣлать!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Не съ тобой говорятъ. Барышня, выдавай Андрюшку, да не вертись: видишь, я самъ за нимъ пришелъ; я шутить не люблю. У меня слово — законъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(встаетъ.)*

Я васъ не знаю и знать не хочу. Подите вонъ отсюда!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(садится).*

Полно вилять-то! Всѣ сусѣди говорятъ, что онъ у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замужъ наровишь; шалишь, не пообѣдаешь!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(закрываетъ лице платкомъ.)*

Господи! Что же это такое!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ступайте, барышня, къ себѣ въ комнату. Что вамъ съ мужикомъ разговаривать! Я одна съ нимъ управлюсь.

(Лизавета Ивановна уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА и ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ты что буянишь-то! Ты куда, въ кабакъ что ли зашелъ? Кричи поди у себя дома, а здѣсь языкъ-то прикусишь. Я, братъ, такъ разкассирую...

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А вотъ я обыскъ и сдѣлаю, квартальнаго позову.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Такъ тебѣ и позволятъ въ благородномъ домѣ безобразничать!... Да ну, коли на то пошло, дѣлай обыскъ. А не найдешь, чѣмъ отвѣтишь?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Не ваша печаль, это наше дѣло.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ты думаешь деньгами отъѣхать. Нѣтъ, вѣдь старикъ-то не алтынникъ, онъ съ тебя ничего не возьметъ. Чѣмъ ты смотришь, и того не возьметъ. Онъ заслуженый человѣкъ, за тридцать лѣтъ пряжку имѣетъ. Онъ тебя въ смирительный упрячетъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Видали мы виды-то! Чортъ Ваньку не обманетъ, Ванька самъ слово знаетъ. Вы мнѣ Андрюшку подайте; видишь, я самъ за нимъ пришелъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Самъ съ усамъ. Жалко вотъ, что тебя не боится здѣсь никто; а то такъ бы тебѣ Андрюшку и представили невидимою силой. Да коли нѣтъ его, чудакъ человѣкъ, значитъ, негдѣ взять. Онъ дома давно.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Да ты врешь, можетъ быть?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

А ты сходи, посмотри, либо пошли кого-нибудь.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ, ужь я лучше самъ пойду; только если не найду его, я ужь за тебя примусь. Слышишь! *(Беретъ шапку.)*

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Погоди, куда ты? Еще мнѣ съ тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро раздѣлаешься. *(Вынимаетъ изъ стола бумагу.)* Ты это видалъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Что̀ это такое? Кажи!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Читай! Только изъ рукъ не выпущу: мы вашего брата знаемъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(надѣвъ очки.)*

«Я нижеподписавшійся, купеческій сынъ, Андрей Титовъ

«сынъ, Брусковъ, обязуюсь жениться на дочери титулярнаго «совѣтника, дѣвицѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Ивановой, въ чемъ и «даю сію росписку». *(Перестаетъ читать и снимаетъ очки.)*

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Понялъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Какъ не понять! Это, то-есть, на счетъ грабежу. Ну, народецъ! Чтóжь вы съ эвтой бумагой дѣлать будете?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(запираетъ въ столъ бумагу)*.

Ужь старикъ знаетъ, что̀ дѣлать. Порядокъ извѣстный: дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(почесавъ затылокъ)*.

По формѣ? Нѣтъ ужь лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Извѣстно, лучше; только вѣдь съ тобой честью-то мудрено.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ужь и вашъ-то братъ солонъ намъ приходится. А вы пожалѣйте душу человѣческую.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Что̀ тебя жалѣть-то! Давай три тысячи цѣлковыхъ, вотъ и квитъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ишь ты, ишь ты заломила! Вѣдь, я не самъ деньги-то дѣлаю; трудами достаемъ, пòтомъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Да, потѣете вы въ трактирѣ за чаемъ. Ты лучше и не торгуйся; а то самъ придетъ—пожалуй и трехъ не возьметъ. Ужь это я такъ беру смѣлость, хочу безъ него дѣло сдѣлать.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Полтораста рубликовъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Что̀? за такое дѣло полтораста рублей! Да какъ у тебя языкъ-то поворотился!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

За что деньги-то давать, ты сама разсуди. Вѣдь задаромъ-то жалко.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

За что? За твое нравство! не ходи по лавкѣ... Говорю, не торгуйся, а то прогоню; такъ ни съ чѣмъ уйдешь.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты меня выведешь изъ терпимости, въ тѣ поры я въ себѣ не властенъ; я тебя прибью.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Любопытно это будетъ посмотрѣть. Я караулъ-то на всю Зацѣпу закричу. Свяжемъ тебѣ лапки назадъ, да еще три тысячи заплатишь.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Надоѣла ужь ты мнѣ. Говори послѣднюю цѣну.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Послѣднюю?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Да, послѣднюю.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Безъ разговору, двѣ тысячи.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Возьми пятьсотъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

И говорить не хочу, что за торговля! *(Молчаніе).* Ну, давай полторы.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Семьсотъ пятьдесятъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну вотъ тебѣ послѣднее слово: тысячу рублей, и ни копѣйки меньше.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ни копѣйки?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ни копѣйки.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну, по рукамъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Давай деньги.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Давай бумагу.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Клади деньги на столъ, и я положу. *(Титъ Титычъ отсчитываетъ деньги и кладетъ на столъ; Аграфена Платоновна вынимаетъ изъ стола бумагу. Размѣниваются. Аграфена Платоновна кладетъ деньги въ столъ и запираетъ. Титъ Титычъ кладетъ бумагу въ карманъ.)*

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(садится.)*

Разбойники, грабители!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну, теперь ступай съ Богомъ. Дѣла всѣ покончили, больше не объ чемъ съ тобой толковать.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы съ насъ денегъ не берете? Обмануть, ограбить!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Какъ съ тебя и не взять-то. Вѣдь ужь ты жила извѣстный, самъ наровишь на грошъ пятаковъ купить. *(Лизавета Ивановна проходитъ изъ боковой двери въ середнюю.)* Должно быть старикъ пришелъ. Ступай, ступай!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Обманули мальчишку, дурака, опутали; а съ отца деньги взяли. Честно это, благородно! А еще благородствомъ похваляетесь!

(Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна входятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА, ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА и ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Папаша, посмотри, что̀ у насъ дѣлается. *(Иванъ Ксенофонтычъ молча смотритъ на Брускова.)*

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты что́ на меня смотришь? На мнѣ ничего не написано. Деньги-то взять умѣли. Вы меня хоть попотчуйте чѣмъ за мои деньги-то.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(смотритъ на всѣхъ вопросительно).*

Онъ сумасшедшій? Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, оставьте насъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Обобрали, а теперь гоните. *(Показывая на Лизавету Ивановну.)* Ишь какая красавица! Какъ не прельститься на нее! Ловушку для нашего брата подстроили. У васъ тутъ такая шайка подобрана, что вы и старика какого изъ ума выведете, а не то что мальчишку глупаго.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Поди вонъ!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Что́ ты кричишь-то! Я вѣдь ничего, я такъ, шучу съ тобой.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Поди вонъ, говорю я тебѣ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(встаетъ).*

Пойду! *(Подходитъ къ Ивану Ксенофонтычу и ударяетъ его по плечу.)* Поѣдемъ ко мнѣ. Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что́ ссориться-то!

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Уйди ты отъ насъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну, прощай! *(Подходитъ къ двери.)* Ишь ты какой сердитый! Да ужь теперь не испугаете. Вотъ она, бумага-то, здѣсь, въ карманѣ. Разбойники, грабители! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ, ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Что̀ это за человѣкъ?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Титъ Титычъ Брусковъ, Андрюшинъ отецъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Что́ онъ говорилъ? Какія деньги? Какіе грабители? Кто его ограбилъ?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну да за дѣло, чтобъ не шумѣлъ въ чужомъ домѣ. Такъ ихъ и надо. Я таки, признаться, сорвала съ него малую-толику. Намъ годятся, а съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Да за что̀?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Все жалѣючи васъ, Иванъ Ксенофонтычъ, за вашу дочку; глядя на вашу бѣдность, рѣшилась на такое дѣло. Чтожь, вѣдь тутъ дурнаго ничего нѣтъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Да какимъ образомъ? не мучьте вы меня, говорите.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

А вотъ какимъ образомъ: какъ Андрюша-то ужь очень влюбленный былъ, вотъ какъ-то разъ и зашелъ ко мнѣ и расплакался; а я ему нарочно и говорю: «тебѣ, молъ, нельзя къ намъ ходить, будутъ сосѣди говорить и то и сё. Что̀ хорошаго! наше, молъ, дѣло женское, мы никакого такого разговору про себя не хотимъ. Ты, говорю, оставь, не ходи». Онъ-то это, сударь мой, сталъ меня просить. Я взяла подпоила его, да и говорю: все можетъ, Андрюша, случиться, отецъ твой не нынче, завтра умретъ, ты будешь на волѣ, тогда, пожалуй, насъ съ Лизаветой Ивановной и забудешь, другихъ найдешь. А онъ-то божится, онъ-то разныя клятвы произноситъ. А у меня на ту пору случись листъ гербовой бумаги.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Ну?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну, я своей рукой написала росписку, что онъ обѣщается жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, а онъ и подписалъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какой стыдъ! Какой срамъ! Папаша, что̀ мнѣ дѣлать? *(Рыдая падаетъ на грудь отцу.)*

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Ну, ну. . . .

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Вотъ за это и взяла съ Тита Титыча тысячу цѣлковыхъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

А росписка гдѣ?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Я ему отдала.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(обнимая дочь)*.

Бѣдное дитя мое! *(Плачетъ.)*

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Да объ чемъ вы плачете?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Куда намъ съ тобою дѣться отъ грубости, отъ оскорбленій, отъ невѣжества?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Папаша, уѣдемъ отсюда поскорѣе.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Уѣдемъ, уѣдемъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Ты поди, брось ему деньги. *(Садится у стола.)*

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Да, и росписку возьму. Онъ мнѣ ее отдастъ, я ему деньги возвращу. Какъ ты думаешь, вѣдь онъ отдастъ? Отдастъ? Онъ не смѣетъ не отдать: мы не виноваты. Я разорву ее, вотъ и конецъ, и не объ чемъ намъ плакать съ тобой! *(Къ Аграфенѣ Платоновнѣ)* Подай деньги!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Иванъ Ксенофонтычъ, пригодятся.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Подай деньги! подай!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(вынимая изъ стола)*.

А чѣмъ завтра топить будете? *(Отдаетъ.)*

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Пойду выкупать наше безчестье. Прощай, Лиза!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Прощай, папаша. *(Обнимаетъ его. Идутъ къ двери)*.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА *(въ слѣдъ имъ)*.

Вотъ, хлопочи для людей, старайся; сама-жь виновата останешься. Кто васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе!

ДѢЙСТВІЕ II.

ЛИЦА ВО 2-МЪ ДѢЙСТВІИ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ.
НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, жена его.
АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ
КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ } сыновья его.
НЕНИЛА СИДОРОВНА, знакомая Брусковой.
ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ ИВАНОВЪ.
ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ, стряпчій.
ЛУША, горничная дѣвушка.

Богатая гостинная въ домѣ купца Брускова.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

ЛУША *(стираетъ пыль)* и КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ *(крадется изъ двери)*.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Луша, здѣсь никого нѣтъ?

ЛУША.

Никого.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Какъ тутъ хорошо, просторно; а въ кухнѣ сегодня угарно. Что́ въ кухнѣ-то сидѣть за охота! я такой же сынъ, какъ и Андрюша, а меня все въ кухнѣ въ-заперти держатъ.

ЛУША.

Захотѣлъ ты сравняться съ Андреемъ Титычемъ. Андрей Титычъ у насъ молодецъ, а ты что! Такъ, дурачекъ.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Да, дурачекъ, какъ же! У васъ будешь дурачекъ. Я умнѣе васъ всѣхъ. *(Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ трагическіе жесты.)*

ЛУША.

Купидонъ Титычъ, представь что-нибудь изъ театральнаго.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ *(становится въ позу)*.

Прочь съ дороги!

Посторонитесь! Левъ ушелъ изъ клѣтки. Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь!

(Луша хохочетъ. Капитонъ Титычъ, услышавъ, что идутъ, крадется къ двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, НЕНИЛА СИДОРОВНА и ЛУША.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Милости просимъ, Немила Сидоровна, садиться покорнѣйше прошу. Луша, принеси-ка намъ вареньица.

ЛУША *(уходитъ)*.

Сейчасъ-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ дѣла ваши?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Видно, матушка Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ. Что̀ у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ. А по моему дочери все таки легче.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Глазъ да и глазъ нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь нынче время-то какое! Люди-то какіе! Вѣрите-ли, боишься въ садъ выпустить.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что̀ дочери! Дочерей и запереть можно; да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, замужъ выдавать хлопотно, возни много. А вамъ и то съ-пола-горя, Немила Сидоровна: у васъ денегъ много. Нечего бояться, что дочь въ дѣвкахъ засидится.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Про это что̀ толковать! Дочь не домашній товаръ! какъ не какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну, тамъ ужь не наша бѣда; живи какъ хочешь. А покедова-то вотъ! Вѣдь у насъ приказчики, ну и другаго посторонняго народу много.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужь больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики вѣдь на волѣ, Немила Сидоровна, какъ за ними усмотришь! вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша; да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворный, до всего понятливый, такъ, сударыня моя, отъ дому совсѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ; учиться, говоритъ, хочу. Чтожь, мы развѣ его не учили? И рихметикѣ и граматикѣ гимназистъ училъ. На что ему много-то знать. И такъ боекъ; а какъ обучатъ-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Да, вотъ на счетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Это долго ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого, Немила Сидоровна, въ кого! Во что̀ влюбиться-то? Такъ, одна непокорность къ родителямъ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Въ кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что́ за секретъ; весь околотокъ въ трубы трубитъ. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну и погибаетъ совсѣмъ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ же глаза-то у него были! Такъ, твореніе какое-то: ни живности, ничего.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, вотъ сами разсудите.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Что́ говорить!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Каково матери-то?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Подсыпали чего нибудь. Это бываетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ужь я и сама такъ думаю.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

А вы вотъ что.... не хорошо только говорить-то.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ничего.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

А съ разу снимаетъ. *(Шепчетъ ей на ухо.)*

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Помогаетъ?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Помогаетъ. То-то вотъ хитрые они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій приворотъ средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запою, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Такъ надать попробовать, а то что хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо невѣсту съ большими деньгами, потому—сами богатые. Что́ за неволя намъ бѣдную-то брать.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Разумѣется.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтѣ; отецъ нашелъ; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; другой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все таки нехорошо.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Нельзя похвалить.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А другой, Купидоша, такъ совсѣмъ какой-то ума рехнувшій по театру. Да табакъ куритъ, Немила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ; кого хочешь стошнитъ. Такъ все больше въ кухнѣ и пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать по тіатральному, ну и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалитъ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Говорятъ, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Кто ихъ знаетъ, можетъ и правда. (*Капитонъ Титычъ выглядываетъ изъ-за двери.*) Да вотъ онъ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Кто? Дурачекъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Купидоша! Купидоша! (*Капитонъ Титычъ робко входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, НЕНИЛА СИДОРОВНА и КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что́ ты Купидоша?

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Я такъ, ничего. Пятачекъ мнѣ надо.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

На что?

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Табачку купить... Безъ табаку-то скучно.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, хорошо, дамъ. Представь что нибудь намъ съ Немилой Сидоровной.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ *(трагически).*

Изумлю міръ злодѣйства, и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что умерли!

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Что́ это матушка! Что́ это такое? Страсть какая. Онъ у васъ, должно быть, порченый!

(Андрей Титычъ входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, НЕНИЛА СИДОРОВНА, КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ и АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А вотъ мой другой сынъ, Немила Сидоровна.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Этотъ умный?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Умный. *(Сыну)* Отецъ тебя нынче цѣлый день ищетъ, никакъ хочетъ вечеромъ къ невѣстѣ ѣхать.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Я опять убѣгу-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что́ ты, что́ ты! Ужь отъ своей судьбы не уйдешь! Что̀ кому суждено, тому и быть.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да почемъ же вы, маменька, знаете, что мнѣ суждено жениться на дурѣ неотесаной?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну вотъ изволите видѣть, Немила Сидоровна, можно съ нимъ разговаривать?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что́, ты умнѣй отца съ матерью хочешь быть. Выше лба глаза не ростутъ; яицы курицу не учатъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Маменька, да вѣдь мнѣ съ ней жить-то будетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ ты можешь грубить! Кто съ тобой говоритъ-то? мать или нѣтъ? Долженъ ты это понимать?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ видите, какую заразу на него напустили.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Послушайте, молодой человѣкъ, я постарше васъ, всѣ эти штуки, всѣ эти подходы и всѣ эти дѣла видала.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Такъ, такъ, Немила Сидоровна. А ты слушай, что́ старшіе-то говорятъ. И ты тоже, Купидоша. Все это вамъ на пользу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да что́ слушать-то? Слыхалъ я эти разговоры-то.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Не груби, говорю тебѣ, не груби.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Молодой человѣкъ, вы мало жили, мало видѣли свѣтъ, вы еще не знаете, какъ люди хитры.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, да, у насъ у кучера поддёвку украли въ одну минуточку, и кто же укралъ-то? Пріятель его.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Вотъ вы теперь влюблены, мнѣ ваша маменька сказывала. Вы думаете, это съ-проста?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Этотъ разговоръ надоть кончить-съ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Нѣтъ, позвольте-съ. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, да, вотъ слушай, что̀ умные-то люди говорятъ, и ты тоже, Купидоша, слушай.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Будемъ прямо говорить. Кругомъ васъ, по сосѣдству, есть какіе грузди! Изъ всякаго сословія. Ужь можно сказать, что наша сторона этимъ отличается! Чего-бъ, кажется, лучше! Такъ нѣтъ. Вамъ не по сердцу. А это что? Диви бы собой... *(дѣлаетъ жестъ руками)* или что другое. Вотъ только стыдно говорить-то, а то-бы сказала. Во что влюбиться-то молодому человѣку?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, да.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Значитъ, механика и выходитъ... съ ихъ стороны.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Говорите, что̀ угодно, мнѣ все равно-съ. Ей моей женой не быть. Такія дѣвушки не про насъ-съ. Гдѣ намъ дуракамъ! мы ихъ и понимать-то не умѣемъ. Говорить-то всякій умѣетъ,— кто почаще, кто порѣже, да толку-то въ этомъ немного, слушать-то нечего. Вотъ кабы я умѣлъ вамъ объяснить, какая въ этомъ разница, образованная дѣвушка, или необразованная, такъ бы другой разговоръ былъ. А то не умѣю. Да хоть бы и умѣлъ, такъ вы не поймете ничего. Значитъ лучше молчать.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Попробуйте, что̀ я говорила.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Непремѣнно попробую.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Вы хотите меня теперича женить, такъ найдите невѣсту, чтобъ хоть мало-мальски была на человѣка похожа. Я пожалуй женюсь, вѣдь ужь не отбѣгаешься. А эта ваша мнѣ ужь очень противна. Маменька, спрячьте меня куда нибудъ отъ тятеньки! А то ужь жените что-ли поскорѣй, чтобъ я и не мучился.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какая-же въ этомъ мука, глупый? ничего окромя хорошаго. Ты, я вижу, такой же дуракъ, какъ и Купидошка.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Умолкни, чернь непросвѣщенна!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Полно орать-то! надоѣлъ до смерти.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Братъ, дай три гривенника, пойду нынче въ театръ, душу отвести.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

На, Капитоша. *(Достаетъ изъ кармана деньги и отдаетъ Капитону Титычу.)*

ЛУША *(вбѣгая)*.

Самъ пріѣхалъ. *(Уходитъ. Капитонъ Титычъ за ней прокрадывается въ дверь.)*

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА *(Андрею Титычу)*.

Поди, спрячься въ спальню, тамъ и сиди. Я скажу, когда выйдти. *(Андрей Титычъ уходитъ.)*

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Прощайте, Настасья Панкратьевна. Къ намъ какъ нибудь.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая право умная и обходительная женщина, что мнѣ завсегда оченно пріятно васъ видѣть. Я, признаться вамъ сказать, сама-то не изъ дальнихъ,

вѣдь ужь не скроешь; такъ мнѣ лестно позаняться отъ умныхъ-то. Какъ-нибудь на дняхъ безпремѣнно заѣду. *(Провожаетъ ее до двери. Непила Сидоровна уходитъ. Титъ Титычъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА и ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(садится молча на стулъ)*.

Фу ты, чортъ возьми! Въ первой отъ роду со мной такая бѣда! Меня не уважать! меня ругать! меня! Брускова! Нѣтъ, погоди!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Кто тебѣ не уважилъ, Китъ Китычъ? Кто смѣлъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Молчи, не твое дѣло! За мои же деньги, да меня обругали. Меня выгнали! *(Топаетъ ногой.)* Живъ быть не хочу. Настасья!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что прикажете, Китъ Китычъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Отыскать Захарыча сію минуту.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да онъ тутъ гдѣ-то путался; я его въ окно сейчасъ видѣла. *(Подходитъ къ окну.)* Эй, Луша! *(За сценой смѣхъ.)* Что ты тамъ съ молодцами все играешь! Нѣтъ на васъ времени. *(Луша за сценой.* Я ничего-съ. Чего изволите-съ?) Сыщи сейчасъ Захарыча, да приведи сюда.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой! Отъ дряни, отъ учителишки! Да чтожь это за времена пришли! Нѣтъ, стой! я съ роду ни отъ кого обиды не видывалъ. Настасья! смѣетъ меня кто обидѣть!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Много, Китъ Китычъ, много.

Титъ Титычъ.

Молчи! они только тѣмъ и взяли, что я въ чужой квартирѣ былъ. А ты, поди-ко, здѣсь со мной потолкуй, такъ я тебя уконтентую по-своему.

(Захаръ Захарычъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА и ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Эй, ты, сахаръ сахарычъ, благодѣтель я тебѣ, или нѣтъ?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Благодѣтель, батюшка, Титъ Титычъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты человѣкъ вниманія не стоющій, потерянный человѣкъ; а я тебя призрѣлъ. Не гнушаюсь тобой, къ себѣ въ домъ пущаю *(Захаръ Захарычъ кланяется)*. Дочь твою пристроилъ... за межеваго, за вольно-практикующаго. Ужь не моя это вина, что онъ пьяница.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Былъ вольнопрактикующій, а теперь праздношатающійся.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Все таки я тебѣ благодѣтель! А ты отчего у меня давно не былъ?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Нѣтъ никакихъ возможностей, Титъ Титычъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолѣваютъ. Какъ только къ рынку подходишь, и откуда ихъ нанесетъ, туча тучей,

бѣгутъ, укаютъ: у, у, у, у. Прикащики изъ лавокъ подсвищутъ; такой гамъ подымутъ, хоть сквозь землю провались.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А ты вечеромъ ходи. Да не въ томъ дѣло. Можешь ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Кого, Титъ Титычъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Все равно, Титъ Титычъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Что же писать прикажете?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А ты вотъ что пиши: что обидѣли такого-то купца, а съ сына онаго купца учитель противъ всякихъ правъ взялъ росписку, чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и росписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Могу-съ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну такъ садись и пиши при мнѣ. Вотъ тебѣ чернила и бумага на столѣ. *(Захаръ Захарычъ садится за столъ.)* Да дай ему графинъ водки. Нѣтъ, не надо.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Для воображенія, Титъ Титычъ!...

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ, послѣ, а то я тебя знаю. *(Женѣ)* Ну теперь ты мнѣ сына подай. *(Захару Захарычу)* А ты строчи!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да его нѣту дома, Китъ Китычъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Настасья! кто я?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Китъ Китычъ Брусковъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Что́ я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — законъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Слушаю, Китъ Китычъ. *(Подходитъ къ двери.)* Андрюша, Андрюша, поди, отецъ кличетъ. *(Андрей Титычъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ и АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну, Андрей, что̀ мнѣ теперича съ тобой дѣлать?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Что̀ вамъ угодно-съ, вся ваша воля.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мнѣ давеча, я бы тебя изуродовалъ. Ты для чего скрываешься?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Тятенька, можно съ вами говорить откровенно?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты что̀ хочешь говори, только дѣло; а то смотри.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Я вамъ, тятенька, во всю жизнь свою ни въ одномъ словѣ не перечилъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Еще бы ты смѣлъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Конечно, я долженъ повиноваться своимъ родителямъ. А коли которую вы мнѣ теперь невѣсту сватаете, да ежели она мнѣ не нравится, что́ же долженъ я дѣлать. На всю жизнь страждить? Ежели мнѣ нравится другая?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Знаю, знаю...

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Почемъ же вы ихъ знаете?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Сей-часъ самъ былъ у нихъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

А сами видѣли, такъ лучше всего-съ. Истинно достойная дѣвушка, можно чести приписать. Не то, что̀...

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Вотъ я тебѣ такое достоинство задамъ! Ты ужь лучше меня не серди. Молчи, я тебѣ говорю. Вотъ видишь строчило пишетъ. Это вотъ прошеніе на нихъ. (*Захару Захарычу.*) Пиши хорошенько! (*Сыну.*) Они съ тебя дурака росписку взяли, а съ меня нынче за нее тысячу цѣлковыхъ вытребовали.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Кто же это-съ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Все они же. И красавица твоя тутъ же. Такъ васъ, дураковъ, и обманываютъ. А ты ротъ-то разинулъ, ты думаешь, тебя такъ даромъ станутъ любить, на красоту свою надѣешься. Какъ же не такъ. Еще хорошо, что на тысячѣ помирились, а то заломили было три.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Кому жь теперь на свѣтѣ вѣрить послѣ этого? Истинная правда, тятенька, что насъ кругомъ обманываютъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Вотъ для этого-то для самаго я и хочу тебя женить, чтобы ты не баловался. Ну, теперь что́ ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ничего не могу говорить противъ васъ, потому самъ кругомъ виноватъ-съ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Такъ-то вотъ лучше. Собирайся къ невѣстѣ. (*Иванъ Ксенофонтычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ, АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ и ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Милостивый государь, извините, я ничего не зналъ...

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А, теперь извините, за разумъ взялся! Нѣтъ, ужь поздно. Видишь, вонъ, сидитъ пишетъ! Это прошеніе на васъ съ дочерью.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Милостивый государь, ни я, ни дочь ни въ чемъ не виноваты. Это безъ нашего вѣдома сдѣлала глупая женщина.... Мы живемъ смирно, мы никого не трогаемъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Знать ничего не хочу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Тятенька, чтожь вы мнѣ говорили? Вотъ она правда-то, наружу выходитъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ (*топнувъ*).

Молчи, не дыши!

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Вотъ ваши деньги, возьмите ихъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Деньги! Ты деньги принесъ? Что̀ за диковина такая! Тутъ нѣтъ ли подвоху какого? Сахарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги, али нѣтъ? Обману нѣтъ ли?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Деньги возьмите, ничего.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну давай. (*Иванъ Ксенофонтычъ отдаетъ.*) Всѣ ли? На, Андрей, сочти.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Всѣ, всѣ. Не мучьте вы меня, не считайте.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Такъ тебѣ и повѣрить! какъ же!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Всѣ-съ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ (*беретъ деньги*).

Ну теперь ступай! А за обиду я съ тобой разочтусь. Видишь, пишетъ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Отдайте мнѣ росписку.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Какую это росписку? Что̀ Андрей-то далъ?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Эту самую.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Что̀ ты, очумѣлъ что ли? Слышишь, Сахаръ Сахарычъ, росписку проситъ.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Какъ можно-съ. Онъ ее представитъ, тогда хлопотъ-то не оберешься.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ишь ты, что̀ выдумалъ! какую штуку гнетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не надуешь! Мы тоже волки-то травленые. (*Смотритъ на него.*) Ха-ха-ха-ха-ха!

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ *(тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча).*

Ха-ха-ха-ха-ха!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Онъ, должно быть, для того и деньги-то принесъ, чтобы росписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(потерявшись).*

Нѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ не надобно.... Мы живемъ бѣдно.... мы живемъ своими трудами.... мы смирно живемъ.... Я вамъ еще денегъ принесу, сколько у меня есть.... я достану, заработаю.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ишь, какъ распѣваетъ. Ха-ха-ха!

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Ха-ха-ха!

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(бросается къ Титу Титычу).*

Подай росписку, подай! Я у васъ отниму ее, я вырву.... мое дѣло правое.... мы не виноваты....

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(отстраняя его рукой).*

Тише, тише! Сахарычъ! Ловкій народъ, а? Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(падая на колѣна).*

Отдайте, Христа ради отдайте! Я ее изорву, при васъ же изорву.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смѣю.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Отдайте, Китъ Китычъ. Вѣдь онъ старичекъ, жалко старичка-то.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты молчи! Не твое дѣло! Аль отдать? Сахарычъ, отдать?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Отдайте, отдайте! Я не выду безъ этого! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Эту гадость сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ?... Она плачетъ теперь.... Да что я говорю? Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Ни, ни, ни.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смѣй разговаривать. А то еще дѣло заводить, путаться. Какъ же, нужно очень.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Что вамъ дѣла бояться? Наше дѣло правое. Я за него возьмусь.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Да, тебѣ еще деньги платить! Нѣтъ, не надо. Подай роспиcку. *(Захаръ Захарычъ подаетъ.)* Ступай домой, прощай! Когда надо будетъ, пришлю. Улепетывай! *(Захаръ Захарычъ беретъ картузъ и становится у двери. Учителю)* Такъ ты говоришь, что вы не знали этого дѣла?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Не знали, не знали.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Значитъ, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба. На твою росписку. Я не въ тебя. *(Подаетъ учителю.)*

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ *(разрываетъ ее и съ хохотомъ топчетъ ногами).*

Будьте вы прокляты! Неужели земля не разверзнется и не поглотитъ васъ! Неужели эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое! *(Убѣгаетъ.)*

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Что̀ онъ говоритъ? Какъ онъ смѣетъ? Держи его! Вотъ видишь ты, съ какой сволочью связываешься. Подите всѣ вонъ! А ты, Андрей, собирайся къ невѣстѣ ѣхать. *(Всѣ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(одинъ)*.

(Сидитъ довольно долго молча, потомъ ударяетъ кулакомъ по столу.) Деньги и все это тлѣнъ, металлъ звенящій! Помремъ, все останется. Такъ тому и быть. Мое слово—законъ. Жена, Андрей, подите сюда! *(Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА и АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Андрей, я тебя отдѣляю; полтораста тысячъ тебѣ серебра, и живи какъ знаешь.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Тятенька....

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Молчи! Не смѣй со мною разговаривать!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ это можно, Китъ Китычъ: онъ у насъ еще ребенокъ совсѣмъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Не твое дѣло. Я мальчишкой изъ деревни приведенъ, на всѣ четыре стороны безъ копѣйки пущенъ, а вотъ нажилъ себѣ капиталъ и другихъ устроилъ. Хорошій человѣкъ нигдѣ не пропадетъ; а дурнаго и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороныхъ въ коляску, одѣнься хорошенько, возьми мать съ собой да поѣзжай къ учителю, проси, чтобъ дочь отдалъ за тебя.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Помилуйте, тятенька, онъ и прежде-то бы не отдалъ, а теперь мнѣ и глаза показать нельзя.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Я тебѣ приказываю, слышишь! Проси, кланяйся въ ноги. Онъ и постарше тебя, да кланялся. Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю. Я на приданое ей денегъ дамъ. Ступай! Небось, не откажется!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да они никакихъ денегъ не возьмутъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Молчи.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А какъ же, Китъ Китычъ, та-то невѣста?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Вы со мной не смѣйте разговаривать! Вы еще скажите спасибо, что такъ хорошо кончилось. *(Идетъ къ двери.)* Если онъ не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся. *(Уходитъ.)*

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Что только за жизнь моя! *(Махнувъ рукой.)* Ахъ, маменька, поѣдемте. Ужь знаю, что толку ничего не будетъ, одна мука! *(Уходитъ.)*

А. Островскій.

СТАРУШКА

ПОВѢСТЬ.

III.

Когда я оправилась отъ болѣзни, отецъ и мать моя не поминали о прошедшемъ, и спѣшили показать меня въ свѣтѣ, гдѣ мое отсутствіе могло возбудить, по ихъ мнѣнію, неблагопріятные для меня толки. Я повиновалась имъ безпрекословно; заключась въ себѣ, я была равнодушна ко всему и всѣмъ. Никогда не забуду я перваго бала, гдѣ я явилась; блескъ свѣчь, громъ музыки, блистательные наряды и шумный говоръ праздничной толпы сдѣлали на меня страшное впечатлѣніе. Подавленныя, заглушенныя чувствомъ страха, слезы упали мнѣ на сердце; мнѣ казалось, что всѣ эти люди веселые, нарядные, кружившіеся со смѣхомъ и говоромъ, какіе-то жалкіе безумцы, выпущенные на волю. Я чувствовала себя одинокою, какъ въ пустынѣ, и спѣшила выйдти изъ толпы, которая окружала и тѣснила меня. Когда я дошла до дверей залы, Черногорской, молодой человѣкъ, еще и прежде оказывавшій мнѣ предпочтеніе, отдѣлился отъ толпы и подалъ мнѣ руку.

— Какъ вы блѣдны, сказалъ онъ, садясь возлѣ меня на канапе одной изъ дальнихъ гостиныхъ. Вы еще не оправились отъ болѣзни и напрасно пріѣхали на балъ.

— Да, я не совсѣмъ здорова, сказала я, подавляя въ себѣ желаніе молчать и остаться одной хотя на минуту.

— Какъ странны женщины, сказалъ онъ опять,—право, этого нельзя не замѣтить. Не сердитесь на меня, если я скажу правду, но всякая изъ васъ готова уморить себя, чтобъ только нарядиться и потанцовать лишній разъ. На мѣстѣ вашихъ родителей, я былъ бы неумолимъ и не поддался бы вашей прихоти. Если бы вы знали, сколько страданія написано на лицѣ вашемъ.

Я молчала, едва слушая то, что онъ говорилъ мнѣ полушутливымъ, полунѣжнымъ, полунаставительнымъ топомъ.

— Ужь не пойдти ли мнѣ предупредить вашу матушку? Право вамъ лучше ѣхать домой.

— Да, да, сказала я живо: попросите маменьку прійдти сюда, только чтобъ не надѣлать шуму и чтобы этого не замѣтили другіе.

— Будьте спокойны, сказалъ онъ мнѣ важно и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ моей матерью.

— Что съ тобой, Стеня, говорила она тревожно, подходя ко мнѣ? дурочка—я говорила тебѣ, что ты еще слишкомъ слаба, чтобы ѣхать на балъ.

— Увезите ее скорѣе, ей будетъ лучше, сказалъ Черногорской.

— Мою карету—прошу васъ—отыщите нашего лакея, сказала мать моя поспѣшно.

Но едва только Черногорской исчезъ за дверью, какъ сцена совершенно измѣнилась. Мать моя быстро оставила мою руку, которую передъ тѣмъ съ такою нѣжностію удерживала въ своихъ рукахъ, и сказала мнѣ съ сердцемъ: Вы совсѣмъ помѣшались; переломите себя, и ступайте сейчасъ танцовать, или объ васъ Богъ вѣсть что подумаютъ. И безъ того уже мнѣ кажется, что о васъ ходятъ недобрые слухи. Неужели вы хотите подтвердить ихъ? Скажите при Черногорскомъ, что вамъ лучше, что вы хотите остаться, и ступайте танцовать.

Комедія была разыграна при возвратившемся Черногорскомъ, что подало ему новый поводъ сказать нравоучительное слово о родительской слабости и женскомъ малодушіи. Мнѣ было все равно; скрѣпя сердце, глотая невидимыя слезы, я очутилась опять въ большой залѣ и бросилась въ вихрь танцевъ, какъ бы желая задушить въ себѣ всякое чувство. Въ этотъ страш-

ный для меня вечеръ я была какъ въ чаду, никого не видѣла, едва слышала, что̀ говорили мнѣ, и отвѣчала машинально; многіе нашли меня въ тотъ вечеръ особенно красивой, а Черногорскій уже не оставлялъ меня ни на минуту. Его вниманіе ко мнѣ возрастало по мѣрѣ того, какъ другіе домогались удовольствія танцовать со мной, или говорили мнѣ лестныя похвалы. Съ этихъ поръ онъ сталъ ко мнѣ неравнодушенъ и черезъ нѣсколько времени сталъ искать руки моей. Несмотря на настоятельныя требованія отца, я отказала ему; не знаю, какъ отецъ передалъ ему мой отказъ, знаю только, что Черногорскій не пересталъ ѣздить въ домъ нашъ и посѣщалъ насъ даже на дачѣ.

На слѣдующую зиму, не смотря на мою холодность, вниманіе его возросло еще больше, и онъ возобновилъ свое сватовство. Это было ровно черезъ годъ послѣ отъѣзда Леона, о которомъ я не переставала думать, и котораго любила съ прежнимъ жаромъ и прежнею страстію. Впечатлѣніе, произведенное на меня его прощальнымъ письмомъ, вовсе изгладилось; я никогда его не перечитывала, да и самый видъ его былъ мнѣ такъ невыносимъ, что я спрятала его дальше, чтобы никогда не видать. Я постоянно вспоминала только первыя мои отношенія къ Леону, забывая все то, что̀ въ нихъ было когда нибудь для меня непріятнаго Отсутствіе сдѣлало его еще больше милымъ, и съ каждымъ днемъ мое воображеніе надѣляло его образъ новыми совершенствами. Отецъ мой не имѣлъ ни тѣни подозрѣнія о томъ, что я все еще люблю Леона, и что чувство, которое онъ считалъ ребяческимъ капризомъ, пустило въ сердце глубокіе корни и крѣпко срослося съ нимъ, и онъ снова заговорилъ о Черногорскомъ и убѣдительно просилъ меня не отказывать ему.

— Послушай, Стеня, говорилъ онъ мнѣ, я не принуждаю тебя — но разсуди сама: благоразумно ли отказать Черногорскому? Онъ человѣкъ степенный, несмотря на молодость лѣтъ, имѣетъ большое состояніе, старинное имя. Ты отказала Булатову — теперь сватается за тебя женихъ еще значительнѣе. Ужели отказать опять? Ты будешь жалѣть, и попомни мое слово, останешься старой дѣвицей, несмотря на полторы тысячи душъ, которыя даю тебѣ въ приданое.

— Я не боюсь этого; по крайней мѣрѣ я буду свободна.

— Это что за новый вздоръ? Старыя дѣвушки злы, эгоистичны; хуже того,—смѣшны; я ихъ всегда терпѣть не могъ, и конечно не вынесу, если дочь моя не выйдетъ замужъ. Я отъ тебя не мало перенесъ горя, пора тебѣ меня и порадовать. Что тебѣ въ немъ не нравится, скажи мнѣ?

— Я къ нему совершенно равнодушна.

— Это еще не бѣда; вѣдь онъ тебѣ не противенъ?

— Нѣтъ.

— Ну такъ чего-жь тебѣ надо? Послушайся, Стеня, сдѣлай для меня что нибудь, успокой меня на старости лѣтъ.

Я не знала, что сказать, и не умѣла противиться просьбамъ и ласкамъ. Мнѣ оставалось одно: стараться протянуть время. Отецъ мой согласился ждать нѣсколько дней моего окончательнаго отвѣта и ушелъ съ надеждой на мое согласіе.

Я не спала цѣлую ночь; мысль выйдти замужъ за Черногорскаго была мнѣ невыносима; я долго думала и рѣшилась переговорить съ нимъ сама, покоряясь заранѣе судьбѣ, еслибъ, не смотря на мою откровенность, Черногорской упорствовалъ въ своемъ желаніи соединить судьбу свою съ моею. Скоро встрѣтились мы на балѣ. Сердце мое замерло, когда я увидѣла Черногорскаго; скоро онъ подошелъ ко мнѣ и позвалъ меня на мазурку. Желаніе мое было исполнено — но за то моя рѣшимость поколебалась. Какъ начать разговоръ? Что сказать? Все то, что было придумано мною, казалось мнѣ теперь и неприличнымъ, и страннымъ, и едва ли возможнымъ. Я сперва испугалась своихъ намѣреній, но обдумавъ опять, испугалась своей робости и дала себѣ честное слово говорить съ Черногорскимъ во что бы то ни стало. Когда онъ взялъ меня за руку, чтобы сдѣлать со мной первый кругъ по залѣ, рука моя дрожала отъ волненія. Онъ принялъ это за знакъ особеннаго моего къ нему расположенія и даже осмѣлился слегка пожать мою руку. Я вспыхнула, и гнѣвъ придалъ мнѣ твердости. Мы сѣли. Я молчала, сбираясь съ силами; онъ пристально глядѣлъ на меня, и прочитавъ на лицѣ моемъ мое волненіе, сказалъ мнѣ тихо:

— Я вижу, что вамъ все извѣстно; вашъ отецъ вѣроятно передалъ вамъ, что я люблю васъ и слѣдственно надѣюсь.

Когда въ прошедшемъ году я просилъ руки вашей, отецъ вашъ, не отказывая мнѣ, не изъявилъ прямо согласія, но просилъ только ждать, ссылаясь на плохое состояніе вашего здоровья. Я покорился; смѣю васъ увѣрить, что не всякій на моемъ мѣстѣ былъ бы такъ постояненъ или такъ покоренъ обстоятельствамъ. Любовь моя дала мнѣ силу продолжать надѣяться, и, несмотря на вашу холодность, постоянно искать руки вашей.

Я хотѣла говорить, онъ прервалъ меня.

— Не думайте, чтобы я упрекалъ васъ въ ней: напротивъ, ваша холодность мнѣ порукой тѣхъ правилъ, въ которыхъ вы воспитаны.

— Какъ? спросила я съ волненіемъ.

— Я знаю, что дѣвушка вашихъ лѣтъ, въ вашемъ положеніи, не должна высказывать чувствъ своихъ.

— Вы очень ошибаетесь, сказала я вдругъ, движимая какимъ-то внутреннимъ чувствомъ, котораго опредѣлить не умѣла. Я напротивъ искала возможности видѣть васъ, чтобы переговорить съ вами и высказать вамъ многое. Благодарю васъ за ваше предложеніе, но я не могу принять его, не объяснившись съ вами. Я уважаю васъ, чему служитъ доказательствомъ и то, что я рѣшаюсь говорить съ вами откровенно, но я не люблю васъ, и едва ли могу полюбить когда нибудь.

Черногорской былъ изумленъ; онъ взглянулъ на меня, но послѣ минуты молчанія оправился и отвѣчалъ рѣшительно и серіозно:

— Это конечно не совсѣмъ лестно для моего самолюбія, но я не склоненъ къ мечтательности и убѣжденъ, что для супружескаго счастія довольно взаимнаго уваженія, одинаковыхъ понятій и правилъ. Вы рождены въ одномъ кругѣ со мною, воспитаніе ваше совершенно сходно съ тѣмъ воспитаніемъ, которое даютъ молодымъ дѣвицамъ хорошихъ фамилій, и потому я думаю....

— Но что̀ знаете вы о моемъ воспитаніи, о моей прошедшей жизни? сказала я. Вы видите меня въ гостиной или на балѣ; жизнь моего сердца, тревоги ума недоступны вамъ. Хотя мое прошедшее нисколько не касается будущаго мужа моего, однако оно было такъ важно, что....

— Извините, сказалъ онъ съ жаромъ и изумленіемъ: прошедшее жены всегда касается мужа, и я прошу васъ убѣдительно взвѣсить всю важность словъ моихъ Если вы дорожите своимъ счастіемъ, вы должны сказать мнѣ, на что вы намекали сейчасъ. Я увѣренъ, продолжалъ онъ спокойнѣе и улыбаясь, что ваша тайна можетъ быть угадана. Вы, какъ многія другія, имѣли какую нибудь дѣтскую привязанность, нѣчто въ родѣ пасторальнаго романа невинной пансіонерки?

— Не дѣтскую, но серіозную, сказала я. Я не желаю входить въ ненужныя подробности: онѣ не интересны для васъ и тягостны для меня; скажу только, что я любила много и долго, и была любима сама; обстоятельства разлучили насъ....

Настало молчаніе; Черногорской былъ смущенъ, и на лицѣ его изображалась внутренняя борьба; съ языка не срывалось, но шевелилось какое-то слово. Въ это самое время меня выбрали, я должна была уйдти и дѣлать фигуру мазурки. Когда я возвратилась, онъ былъ спокойнѣе и сказалъ мнѣ съ какою-то строгою важностію, не лишенною нѣкотораго педантизма:

— Мое положеніе затруднительно; признаюсь, я никакъ не предполагалъ того, что слышу. Когда я искалъ руки вашей, мнѣ сказали, что вы еще дитя, что вы, какъ мягкой воскъ, способны сдѣлаться въ рукахъ моихъ тѣмъ, чѣмъ я захочу. Я нахожу совершенно противное. Вы не только любили, но еще имѣете рѣшимость говорить о любви своей съ человѣкомъ, котораго вы мало знаете.

— Я говорю потому только, что принуждена сдѣлать это; я должна узнать, довольно ли вы любите меня, чтобы согласиться соединить судьбу вашу съ моею даже и въ томъ случаѣ, когда я скажу вамъ, что не люблю васъ и люблю другаго. Я могу быть для васъ доброй женой и обѣщаю быть честной женщиной; больше—я обѣщать не могу.

— Вы спутали всѣ мои понятія, всѣ мои предположенія. Вы такъ рѣшительно говорите, что не любите меня, а любите другаго, что я вижу, мнѣ придется бороться въ сердцѣ вашемъ съ невидимымъ, незнакомымъ соперникомъ, котораго быть можетъ мнѣ никогда не побѣдить. Мое положеніе кромѣ того можетъ быть затруднительно въ будущемъ, если я когда нибудь встрѣчу того, кто... того... который....

— Вы вѣроятно его никогда не встрѣтите: онъ уѣхалъ далеко. Впрочемъ не пора ли намъ кончить это непріятное объясненіе. Вы слишкомъ требовательны, а я слишкомъ горда, и не покоряюсь охотно, когда ничѣмъ еще не связана.

— Вы конечно еще не связаны, но я — это другое дѣло; Весь городъ знаетъ, что я искалъ руки вашей, и если мы разойдемся, всѣ скажутъ, что мнѣ отказано. Позвольте же мнѣ сдѣлать еще вопросъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь, я желалъ бы знать его имя.

— Это ужь слишкомъ, сказала я вспыхнувъ и теряя терпѣніе, которымъ вооружилась сначала. Развѣ вы не чувствуете, что мы не только не понимаемъ другъ друга, но что вы еще самымъ грубымъ образомъ оскорбляете меня.

— Я слишкомъ хорошо воспитанъ, сказалъ онъ, прерывая меня, и не могу позволить себѣ грубости съ кѣмъ бы то ни было, еще менѣе съ молодой дѣвушкой.

— Вѣжливость ваша наружная, возразила я живо; ваши чувства, ваши мнѣнія оскорбительны для меня. Этотъ разговоръ могъ бы сблизить насъ, еслибъ вы показали мнѣ побольше довѣренности и любви, въ которой увѣряли меня. Теперь, я говорю вамъ прямо: ни за что въ мірѣ не соглашусь быть вашей женою.

— Очень вѣрю и совершенно согласенъ съ вами. Замѣчу только, что вы дали мнѣ урокъ, котораго я не забуду. Вы заставили меня понять, какъ опасно ввѣряться дѣвушкамъ, о которыхъ твердятъ, что онѣ дѣти, тогда какъ онѣ искусно умѣли уже обмануть и свѣтъ, и отца съ матерью. Вы рѣшительно отказываете мнѣ—я тѣмъ охотнѣе покоряюсь вашему отказу, что и самъ боюсь лишить васъ той свободы, которую вы столько цѣните, и притомъ желаю найдти въ будущей женѣ моей болѣе твердыя правила, безъ которыхъ супружество невозможно. Простите меня, что я говорю вамъ такъ откровенно; вспомните однако, что вы сами вызвали меня на эту откровенность.

Онъ говорилъ иронически вѣжливо; его оскорбленныя самолюбіе и тщеславіе проглядывали въ каждомъ словѣ; я не менѣе его была раздражена и взволнована.

— Кажется довольно, сказала я гордо. Завтра вы получите формальный отказъ мой.

— Позвольте мнѣ не ждать, но предупредить его. Я рѣшился написать письмо къ вашему отцу.

— Какъ вамъ угодно, сказала я.

Настало молчаніе, и мое положеніе съ каждой минутой становилось затруднительнѣе и несноснѣе; но къ счастію мазурка кончилась, и мы сухо откланялись другъ другу.

На другой день отецъ мой вошелъ въ мою комнату, блѣдный и разстроенный; онъ показалъ мнѣ небольшую записку и спросилъ, едва удерживая гнѣвъ свой:

— Что́ ты сказала вчера Черногорскому? Онъ пишетъ, что увѣренъ, что ты не любишь его и никогда не можешь полюбить, и потому проситъ меня отказать ему.

— Это правда, я не могу любить его, сказала я.

— Но что́ ты сказала ему?

— Развѣ я могу припомнить теперь весь разговоръ мой съ нимъ? возразила я.

— Но какъ могъ онъ завязаться? Развѣ Черногорской признался тебѣ вчера въ любви своей?

— Признаюсь, сказала я горячо, увлеченная досадой при одномъ воспоминаніи о моемъ разговорѣ съ Черногорскимъ, признаюсь, что любовь такихъ людей, какъ Черногорской, не находка. Впрочемъ, Богъ съ нимъ; вы должны понять, сказала я, обращаясь къ отцу моему, что нельзя рѣшиться выйдти замужъ, не узнавъ человѣка ближе. Вчера я сказала откровенно Черногорскому, что обстоятельства разлучили меня съ тѣмъ, кого я любила....

Никогда не видала я отца моего въ такомъ припадкѣ гнѣва. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но удержался, и обратясь ко мнѣ, сказалъ холодно:

— Я вижу, что ты не только взбалмошная дѣвушка, но еще безстыдная вѣтреница. Тебѣ мало было того, что ты едва не погубила себя, завязавъ интригу въ моемъ домѣ, ты еще взяла смѣлость относиться къ женихамъ и разказывать имъ такія вещи, которыя заставляютъ ихъ отказываться отъ тебя. Вѣдь это отказъ — понимаешь ли ты это?—И отецъ мой въ порывѣ гнѣва ударилъ пальцемъ по запискѣ Черногорскаго.—

Теперь кончено; я отъ тебя отступаюсь: дѣлай что̀ хочешь, иди или нейди замужъ, мнѣ все равно; живи здѣсь, но не жди отъ меня ни ласки, ни любви: ихъ нѣтъ. Ты слишкомъ оскорбила меня, я никогда не прощу тебѣ.

Онъ вышелъ, я осталась одна. Уныніе овладѣло мною. Я взглянула вокругъ себя: я была одна и почувствовала въ первый разъ, что рѣшилась на поступокъ, который едва ли равнялся силамъ моимъ, чтобы вынести его послѣдствія. Мое положеніе дома стало еще тяжеле. Отецъ мой былъ чрезвычайно холоденъ со мною; мать моя вовсе чужда мнѣ. Я уходила къ себѣ и все больше и больше сосредоточивалась въ самой себѣ, все больше и больше грустила и составила себѣ о людяхъ и жизни самыя фальшивыя понятія, впадая въ понятную, но гибельную крайность сужденій. Глядя на всѣхъ свысока, судя всѣхъ по пріятельницамъ моей матери, я потеряла вѣру въ людей и не пыталась уже искать ни дружбы, ни любви, какъ будто такія чувства не могли найдти себѣ ни предмета, ни пищи.

Положеніе мое въ обществѣ было самое незавидное. Лица, окружавшія мать мою, распространили въ городѣ весьма невыгодное обо мнѣ понятіе; въ послѣдствіи я узнала, что Черногорскій не мало этому способствовалъ. Многіе меня считали дѣвушкой странныхъ понятій и правилъ, воображающей о себѣ Богъ вѣсть что; молодыя дѣвушки избѣгали меня, да и самые мужчины были противъ меня; несмотря на красоту мою, меня находили очень скучной. Случалось иногда, что какой нибудь новопріѣзжій, незнакомый еще съ обществомъ нашего города молодой человѣкъ старался мнѣ нравиться, но я боялась новаго сватовства и принимала такъ холодно и высокомѣрно его угожденія, что убивала не только раждавшуюся любовь его, но даже самое желаніе дальнѣйшаго знакомства со мною. Рѣдко случалось мнѣ, да и то отъ проѣзжихъ, слышать имя Леона; онъ былъ раненъ въ экспедиціи, былъ любимъ начальниками, и о немъ говорили, что онъ сдѣлаетъ карьеру. Услышавъ имя его, я бывало долго, долго о немъ думала, но обычный ходъ жизни мало по малу изглаживалъ это впечатлѣніе. Леонъ оставался по прежнему идеаломъ моего воображенія; онъ не былъ забытъ, но заслоненный текущею жизнію, исчезалъ изъ ней, какъ любимый и милый призракъ, а не дѣйствительное лице.

Такъ провела я нѣсколько лѣтъ, когда насъ постигло несчастіе: отецъ мой умеръ скоропостижно. Я искренно его оплакала, тѣмъ больше, что внезапная смерть его застала насъ въ холодныхъ съ нимъ отношеніяхъ; онъ не успѣлъ помириться со мною прежде смерти и благословить меня. Смерть его сильно на меня подѣйствовала: я во многомъ обвиняла себя и въ первый разъ посмотрѣла на себя непріязненно. Жизнь моя гибла безплодно; безполезная самой себѣ, я не приносила ни пользы, ни утѣшенія и радости другимъ. Было поздно поправить въ ней что нибудь, и я брела обычнымъ путемъ, безъ надежды на лучшее; грустно было мое прошедшее, но еще безотраднѣе вставало передо мною мое будущее. Мать моя казалась огорченною и просила брата моего пріѣхать какъ можно скорѣе, какъ будто онъ одинъ могъ раздѣлить печаль ея. Это оскорбило меня, и мы еще болѣе стали чужды другъ другу. Братъ пріѣхалъ тотчасъ; онъ былъ живой портретъ моей матери и сходился съ ней въ понятіяхъ и въ мнѣніяхъ. Вѣроятно она предупредила его противъ меня, потому что онъ обошелся со мной ласково-холодно. Съ пріѣздомъ брата начался раздѣлъ. Предоставивъ брату управлять моею частію, я просила его только высылать всякій годъ слѣдующую мнѣ сумму, и получая ее ежегодно, считала себя богатою, потому что могла употребить ее на туалетъ и книги. Въ продолженіе траура мы вели чрезвычайно уединенную жизнь, что̀ принесло мнѣ много пользы. Я много читала и на этотъ разъ уже съ бо̀льшимъ разборомъ чѣмъ прежде. Печаль, испытанная мною недавно, смягчила мое сердце, а новый взглядъ на самое себя заставилъ меня извинить многое въ другихъ и судить ихъ съ меньшей нетерпимостью. Но трауръ кончился, и мать моя пустилась снова въ свѣтъ, безъ котораго не могла существовать. Она безпрестанно выѣзжала и принимала у себя больше прежняго; я только скучала этимъ, но ужь не сердилась и не презирала всѣхъ по прежнему.

Въ это самое время я сошлась съ Лизой Нервичъ; это была странная, ужь не совсѣмъ молодая, дѣвушка. Она осталась ребенкомъ послѣ матери и была воспитана отцемъ, очень умнымъ, но крайне положительнымъ человѣкомъ. Лѣтъ двадцати лишилась она и его и жила съ старою теткой, изъ которой дѣлала

что хотѣла; независимое положеніе еще болѣе установило ея характеръ. Никогда еще не встрѣчала я такого холоднаго разсудка, такого вѣрнаго взгляда на жизнь; но за то въ ней чувствовался недостатокъ чувствительности, который впрочемъ не исключалъ доброты сердца. Она была насмѣшлива, иногда даже ядовита, особенно любила говорить о своей холодности, хвасталась ею, и однако ея ласка, ея доброе слово не разъ вливали отраду въ мое сердце. Я привязалась къ ней, да и она любила меня болѣе, чѣмъ это казалось; она сочувствовала мнѣ во многомъ, но никогда не признавалась въ этомъ изъ фальшиваго стыда показаться чувствительною. Споры мои съ ней были безконечны, и я должна была поддаться ея совѣтамъ, признавая за ней больше благоразумія, чѣмъ сколько его было у меня. Лиза хотѣла заставить меня идти какъ шла сама, по общей колеѣ, не допуская возможности жить и чувствовать иначе, чѣмъ большинство. Она смотрѣла на людей прямо и не вдавалась въ крайности: не отрицала совершенно возможности найдти благородныхъ людей, соглашалась, что есть много очень низкихъ, но говорила, что возмущаться этимъ значитъ напрасно отравлять жизнь свою. Все это проистекало въ ней не отъ сухости сердца, а частію было привито воспитаніемъ, частію было плодомъ ранняго соприкосновенія съ дѣйствительностію и свѣтомъ. Она доказывала мнѣ постоянно, что не надо судить строго никого, не надо требовать невозможнаго, что и со мною случится то же, что съ другими, что жизнь возьметъ свое, и я откажусь отъ многаго несбыточнаго и сдѣлаюсь похожа на всѣхъ другихъ; кто знаетъ, буду можетъ быть хуже многихъ. Такія предположенія выводили меня изъ терпѣнія; я безпрестанно спорила съ ней, спорила жарко, и эти споры были полезны мнѣ; часто я должна была признаться, что многое во мнѣ было или странно или криво. Я стала заботиться сама о своемъ нравственномъ воспитаніи, и многое измѣнилось во мнѣ, многое я поняла, многое предчувствовала не понимая; словомъ, переворотъ совершился во мнѣ. Не отказываясь отъ благородства возвышенныхъ стремленій, отъ жажды добра и презрѣнія ко всему низкому и пошлому, я сходила мало по малу на землю и отказывалась отъ міра фантастическихъ бредней, съ которыми неразлучно жила

прежде. Мои двадцать пять лѣтъ, здравый смыслъ, которымъ одарилъ меня Богъ, и который воспитаніе и обстоятельства исказили во мнѣ, сказались наконецъ. Я стала нѣсколько благоразумнѣе и положительнѣе.

Однажды на одномъ многолюдномъ балѣ, проходя въ польскомъ, я замѣтила неподвижно стоявшаго у колонны высокаго мужчину, лице котораго было чрезвычайно выразительно и оригинально. Румяно-темный колоритъ его кожи рѣзко отличался отъ бѣлизны длинной, красивой руки, которою, снявъ перчатку, онъ крутилъ задумчиво бѣлокурые усы свои. Большіе голубые глаза его, лишенные того выраженія кротости и мягкости, которое мы привыкли соединять съ понятіемъ о голубыхъ глазахъ, глядѣли холодно, и въ ихъ выраженіи было что-то поразительно сильное, даже суровое. Довольно коротко обстриженные, но густые бѣлокурые волосы вились вокругъ головы и широкими природными кольцами облегали высокій лобъ. Правильныя черты лица, тонкій, прямой носъ и толстыя губы, противорѣча выраженію глазъ, сулили доброту и чувствительность. Этотъ молодой человѣкъ глядѣлъ равнодушно на проходившія мимо его пары и искалъ кого-то глазами середи длинной, живой вереницы лицъ, которыя скользили около него, обвивая колонну, гдѣ онъ стоялъ, своими безконечными извивами. Два раза прошла я мимо его, и два раза глаза мои встрѣтились съ его глазами. Не знаю отъ чего, но я потупила голову и опустила глаза.

— Кто это? спросила я у моего кавалера, показывая ему на незнакомаго.

— Это пріѣзжій; развѣ вы не видите этого? По одному цвѣту его кожи можно догадаться, что онъ издалека. Можно ли такъ загорѣть! Впрочемъ къ мужчинѣ нейдетъ бѣлизна кожи, не правда ли?

— Конечно — но вы не сказали мнѣ, кто онъ такой?

— А это интересуетъ васъ? Женщины удивительны; всѣ онѣ сотворены по одному образцу. Любопытство — основа ихъ жизни, причина и зародышъ всѣхъ чувствъ.

— Какъ вы мнѣ наскучили, сказала я улыбаясь; не говорите пожалуй его имени — я спрошу у другихъ.

— Ну, хорошо, хорошо, не сердитесь. Да что въ этомъ, если я скажу вамъ его имя? Это будетъ наименѣе любопытно изъ всего того, что я о немъ знаю. Онъ называется баронъ Фредерикъ Бельштейнъ, а на Кавказѣ извѣстенъ всѣмъ и каждому отъ солдата до офицера просто подъ именемъ барона. Это единственный чудакъ и удалецъ даже и тамъ, гдѣ чудаковъ и удальцовъ не мало. Ужь одно это должно показать вамъ, на сколько мой баронъ выше всѣхъ ихъ. Онъ первый охотникъ, первый наѣздникъ, солдатъ въ экспедиціи, избалованный джентльменъ въ городѣ и чудакъ вездѣ. Онъ объѣхалъ вокругъ свѣта, пріѣхалъ на Кавказъ и прожилъ тамъ цѣлый годъ, участвуя въ экспедиціи, гдѣ былъ даже раненъ.

— Онъ былъ военный?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Онъ никогда не былъ въ службѣ, а присоединился къ экспедиціи волонтеромъ и оказалъ не мало услугъ всѣмъ намъ. Его всѣ любили на Кавказѣ, даже солдаты, которые не жалуютъ Нѣмцевъ; зимой онъ жилъ въ Тифлисѣ, исключая тѣхъ мѣсяцевъ, когда пропадалъ и кочевалъ Богъ вѣсть гдѣ.

— Загадочное лицо.

— Нисколько, онъ только капризенъ. Нынче онъ дома и веселъ, а завтра придите къ нему — говорятъ, что уѣхалъ, и никто не знаетъ — куда, а потомъ опять явился нечаянно. Онъ не любилъ обыкновенно, если его спрашивали, гдѣ онъ былъ; но мы вѣдь тоже любопытны, и иногда узнавали стороной, что онъ былъ просто въ горахъ, охотился, или такъ просто странствовалъ пѣшкомъ или верхомъ. Онъ страшный охотникъ до бродячей жизни. Да и мало ли у него причудъ и странностей — всѣхъ не перескажешь; нѣтъ, нѣтъ, да и выкинетъ штуку. Однажды, — это было прошлымъ лѣтомъ — стоимъ мы лагеремъ; передъ палатками пригорокъ; лишь только казакъ покажется на немъ, какъ Черкесъ намѣтилъ на него свою винтовку, и раздался выстрѣлъ. Офицеры въ палаткахъ, смѣхъ, говоръ, споры, разказы. Тутъ же и баронъ: говоритъ мало, пьетъ еще меньше, только куритъ, да дымъ изъ трубки клубами пускаетъ вверхъ. Зашелъ споръ. Кто-то говорилъ, что убить человѣка не такъ легко, какъ кажется, что въ сраженіи больше промаховъ, чѣмъ воображаютъ; что вотъ и Черкесы постоянно стрѣляютъ въ

казаковъ, а не только еще никого не убили на пригоркѣ, но кажется и не ранили.

— Казаки бойки очень, вертлявы, возразилъ кто-то: ихъ убить на лошади значитъ почти то же, что̀ убить стрижа на лету.

— Я убѣжденъ, сказалъ баронъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, что Черкесы такъ дурно стрѣляютъ, что не попадутъ издали и въ сидящаго человѣка, не только въ казака, который скачетъ взадъ и впередъ.

Поднялся крикъ, всѣ напали на барона. Напрасно, говорили ему, онъ такъ презираетъ искусство Черкесовъ: вотъ и видно, что онъ не пробовалъ ихъ пуль.

— Какое можетъ быть искусство у дикихъ? сказалъ баронъ презрительно и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ выслушивалъ терпѣливо доказательства тому, что дикія лошади шибче скачутъ, дикіе люди болѣе мѣтко стрѣляютъ; но потомъ, давъ кончить другимъ, возсталъ съ жаромъ, и приводя многочисленные примѣры, очень ловко доказывалъ, что образованный человѣкъ до всего достигаетъ легче, что оружіе его совершеннѣе, слѣдственно страшнѣе: что чистой крови англійская лошадь обскачетъ любую черкесскую или арабскую. Никто съ нимъ не соглашался; онъ замолчалъ, и высказавъ свое мнѣніе, не открывалъ уже губъ. Онъ посидѣлъ молча, потомъ всталъ и вышелъ. Но не наскучилъ ли я вамъ своимъ разказомъ?

— Нисколько, продолжайте, сказала я.

— Мы едва замѣтили его отсутствіе, какъ онъ возвратился, говоря очень серіозно:

— «А я былъ правъ, господа; они стрѣлять не умѣютъ!» — «Кто они»? — «Черкесы!»

— Оказалось, по разказу барона и нѣсколькихъ солдатъ и казаковъ очевидцевъ, что баронъ вышелъ изъ палатки, взошелъ на пригорокъ, сѣлъ и закурилъ сигару. Черкесы замѣтили его; раздались выстрѣлы: около барона летали пули, но онъ не шевелился, пока не докурилъ сигары; потомъ онъ всталъ и пришелъ къ намъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, большой пріятель съ барономъ, который, надобно замѣтить, друженъ только съ нимъ однимъ, хотя хорошъ со всѣми, спросилъ у

барона: какъ можетъ онъ жертвовать своею жизнію изъ такой глупости? Онъ прибавилъ, что это даже не умно, и что такая храбрость — не храбрость, а безуміе. Баронъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ и что было бы не только глупо, но даже презрѣнно жертвовать жизнію изъ-за пустаго спора, но что онъ былъ убѣжденъ, что Черкесы народъ дикій и потому стрѣлять не умѣютъ. Мы не могли ничѣмъ разубѣдить его: онъ остался при своемъ мнѣніи—что же вы хотите? у барона свои мнѣнія, свое воззрѣніе и своя логика. Въ этомъ-то онъ и чудакъ.

— Онъ быть можетъ фаталистъ, сказала я.

— Напротивъ; по его мнѣнію фатализмъ годенъ только для Турокъ; онъ говоритъ, что такое убѣжденіе недостойно образованнаго человѣка, и что его поступокъ, который казался намъ безуміемъ, былъ очень разумный.

— Вотъ чудакъ!

— Вы повторяете то, что̀ всѣ говорятъ. Обыкновенно надъ чудаками смѣются; съ барономъ наоборотъ: его всѣ уважаютъ. Никому еще не входило въ голову серіозно посмѣяться надъ нимъ.

Разговоръ нашъ прервался. Передо мною стоялъ баронъ, котораго подвелъ ко мнѣ и представлялъ одинъ изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ. Баронъ низко и почтительно поклонился мнѣ и позвалъ меня на мазурку; я едва успѣла сказать: *да*, какъ онъ поклонился опять, отошелъ и сталъ у колонны.

Я ждала мазурки съ нетерпѣніемъ; мои ожиданія однако были обмануты. Баронъ, танцуя со мною, не только не сказалъ ничего замѣчательнаго, но даже ничего такого, что̀ бы выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ на балѣ. Онъ показалъ себя довольно пріятнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, и если что̀ могло отличить его отъ всѣхъ другихъ, то развѣ утонченная вѣжливость, которую можно встрѣтить такъ рѣдко, вѣжливость безъ примѣси пошлыхъ любезностей и угодливости. Въ его вѣжливости было что-то такое, что̀ я назову уваженіемъ къ женщинѣ, кто бы ни была она. Онъ не былъ любезенъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но не былъ и скученъ: разговоръ его былъ оживленъ, и въ немъ высказывался незамѣтно человѣкъ образованный.

Баронъ просилъ меня представить его моей матери и полу-

чилъ отъ неё позволеніе явиться къ ней на другой день, что̀ и сдѣлалъ. Онъ остался у насъ довольно долго; былъ серіозенъ, и во всемъ его поведеніи и пріемахъ было много чувства собственнаго достоинства. Я старалась заставить его говорить о Кавказѣ, о его знакомыхъ, надѣясь, что онъ разкажетъ что нибудь интересное, или оригинальное; онъ отвѣчалъ мнѣ на всѣ мои вопросы, но не вдавался въ подробности. Мнѣ хотѣлось тоже узнать что нибудь о Леонѣ, но я не смѣла произнести этого имени, къ которому не была еще равнодушна, а оно не попалось на языкъ барону, когда онъ говорилъ о кавказскихъ знакомыхъ своихъ. Я заключила, что онъ мало знаетъ Леона, что быть можетъ видалъ его, какъ видятъ всѣхъ въ небольшомъ тифлисскомъ кругѣ, но незнакомъ съ нимъ особенно. Когда баронъ уѣхалъ, я смутилась при мысли, что мои распросы могли показаться ему неумѣстнымъ любопытствомъ. Мнѣ было непріятно подать ему поводъ дурно думать обо мнѣ. Этотъ человѣкъ не только внушалъ уваженіе, но даже заставлялъ съ перваго знакомства дорожить тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ могъ составить о васъ. Онъ былъ у насъ еще разъ, а черезъ нѣсколько дней опять уѣхалъ на Кавказъ, и я больше не видала и не слыхала о немъ. Онъ одинъ заинтересовалъ меня собою на нѣсколько дней, но я скоро забыла о немъ и вошла опять въ обычную колею моей свѣтской и внутренней жизни.

Прошелъ еще годъ.

Однажды утромъ, во время пріема (мать моя принимала разъ въ недѣлю, и къ ней съѣзжался чуть не цѣлый городъ) одна изъ старыхъ дамъ, говоря о назначеніяхъ по службѣ, сказала, что одно изъ значительныхъ мѣстъ въ городѣ было замѣщено по распоряженію начальства.

— Кто же назначенъ? спросила мать моя.

— Какой-то молодой человѣкъ съ Кавказа. Вообразите себѣ — его здѣсь никто не знаетъ; но пріѣзжіе съ Кавказа говорятъ, что онъ очень умный и дѣльный человѣкъ и служилъ тамъ особенно счастливо. Говорятъ, ему нѣтъ еще тридцати пяти лѣтъ. Блестящая карьера — получить такое мѣсто въ такія лѣта.

— Кто онъ? спросила мать моя.

— Левъ Александровичъ Томскій; его ждутъ на дняхъ сюда.

— Томскій? Неужели Томскій? воскликнула мать моя.

— Вы его знаете?

— Какъ же. Онъ былъ родственникъ, хотя и дальній, моему покойному мужу, и подъ его начальствомъ лѣтъ восемь или девять тому назадъ началъ службу. Помнится, что мужъ мой просилъ князя О** взять его съ собою на Кавказъ.

— Вотъ какъ! Ну, нечего сказать, онъ видно съ легкой руки вашего мужа сдѣлалъ эту блестящую карьеру. Получить такое мѣсто, не доживъ до тридцати пяти лѣтъ — да вѣдь это неслыханно. Впрочемъ, я говорю вамъ, что людская молва стоитъ за него; онъ замѣчательный человѣкъ по уму, характеру, образованію, да въ довершеніе всего красавецъ. Томскій кажется старинное имя.

— И очень, сказала мать моя. Я говорю вамъ, что онъ родственникъ моему мужу; въ нашей семьѣ не было неравныхъ браковъ, и всѣ родные наши, безъ исключенія, хорошей фамиліи.

Въ продолженіе этого разговора, я сидѣла едва переводя дыханіе; мнѣ трудно описать то волненіе, которое овладѣло мною: будто что̀ проснулось во мнѣ и охватило сердце давно забытымъ трепетомъ, будто воскресла во мнѣ лучшая часть меня самой. Въ продолженіе многихъ дней я постоянно думала только о немъ, и скоро такъ свыклась съ этою мыслію, что мнѣ казалось, что я безсознательно долгіе года любила и ждала одного Леона. Но что̀ сталось съ нимъ? Помнитъ ли онъ меня? Любитъ ли? Цѣль, къ которой онъ когда-то стремился съ такою силою желаній, достигнута: онъ занялъ и видное мѣсто и пріобрѣлъ почетное положеніе въ обществѣ. Но я ли все еще стояла для него за этой цѣлію? Когда я задавала себѣ этотъ вопросъ, мысли мои спутывались, и сердце замирало.

Такъ протянулся для меня долгій, мучительный мѣсяцъ. Мы были званы на многолюдный вечеръ. Утромъ того дня, мать моя сказала мнѣ:

— Вчера Томскій былъ съ визитомъ во многихъ домахъ. Мы вѣроятно встрѣтимъ его нынче вечеромъ. Не измѣни себѣ.

Туалетъ мой въ тотъ вечеръ продолжался долѣе обыкновеннаго. Леонъ оставилъ меня семнадцати лѣтъ, те-

перь мнѣ было уже двадцать шесть лѣтъ—года, ужасные для дѣвушки. Она начинаетъ отцвѣтать, дурнѣть, словомъ: старѣться. Показаться въ глазахъ его старою дѣвушкой значило потерять его навсегда. Одна мысль эта страшила меня. Я надѣла черное бархатное платье, при которомъ бѣлизна моя оттѣнялась еще рѣзче; густые бѣлокурые мои волосы были завиты и падали по щекамъ длинными, почти до плечъ вьющимися, локонами; пышная коса обвила голову. Я вспомнила, что онъ когда-то особенно любилъ цвѣтъ и роскошь густыхъ волосъ моихъ, любилъ и меня когда-то, — и это послѣднее слово грустно отозвалось въ моемъ сердцѣ.

Я едва могла взойдти на лѣстницу; мать моя остановилась у зеркала въ передней и поправляла свою куафюру; я взглянула въ зеркало изъ-за плеча ея и была поражена своею блѣдностію; въ лицѣ моемъ не было ни капли крови, будто оно было выточено изъ мрамора. Мы вошли; быстрымъ взглядомъ окинула я гостиную, и вздохнула свободнѣе: его не было въ ней. Я могла оправиться и прійдти въ себя. Не прошло однако и получасу, какъ взоры мои неодолимо приковались къ дверямъ гостиной; кровь прилила къ сердцу, дыханіе стѣснилось. Онъ входилъ въ комнату, онъ, котораго я любила когда-то, любила и теперь со вновь вспыхнувшею страстію. Онъ немного похудѣлъ, поблѣднѣлъ; черты лица его казались тоньше, угловатѣе чѣмъ прежде. Манеры его были рѣшительнѣе, и держалъ онъ себя прямѣе, отъ чего казался еще выше ростомъ. Его свѣтло-русые волосы тою же, мнѣ такъ знакомою волною сбѣгали съ высокаго лба, и, подымаясь нѣсколько, спадали потомъ къ ушамъ. Его представили многимъ дамамъ; я замѣтила, что онъ былъ чрезвычайно любезенъ со всѣми, что его прежняя самоувѣренность и рѣзкость сгладились и приняли иную форму: въ его пріемахъ было что-то достойное и гордое. Говоря съ одной дамой, онъ вдругъ увидѣлъ меня издали и быстро подошелъ ко мнѣ, протягивая мнѣ руку.

— Милая кузина, воскликнулъ онъ, васъ ли я вижу? Вы перемѣнились—и стали еще прекраснѣе. Простите ли вы меня, что я встрѣчаю васъ здѣсь, а не у васъ? Клянусь вамъ, что я не имѣлъ ни минуты свободной: дѣла, оффиціяльные визиты,

словомъ—всѣ хлопоты новопріѣзжаго. Гдѣ ваша матушка? Я хочу видѣть ее, и завтра же буду у васъ!

Я поблѣднѣла при первыхъ звукахъ его голоса, потомъ вспыхнула и не могла произнести ни слова, заботясь только о томъ, чтобы скрыть отъ всѣхъ окружавшихъ мое волненіе; но быстро измѣнявшееся лицо мое и лихорадочная дрожь рукъ измѣняли мнѣ.

— Скажите мнѣ что нибудь о себѣ: я такъ давно не видалъ васъ! продолжалъ онъ.

— Очень давно, повторила я, едва зная, что̀ говорю; съ тѣхъ поръ много перемѣнилось—мой бѣдный отецъ....

— Знаю, знаю, перервалъ онъ меня, сжимая мою руку; простите меня — мое нечаянное появленіе должно было живо напомнить вамъ потерю вашу. Бывало, вы видали меня всегда съ отцемъ вашимъ; я былъ съ нимъ неразлученъ. Я понимаю ваше волненіе, сочувствую вашей печали.

Я подивилась его находчивости и присутствію духа. Такимъ образомъ объяснялъ онъ всѣмъ мое волненіе. Я была ему благодарна, но желала видѣть въ немъ поменьше благоразумія, поменьше умѣнья владѣть собою. Его смущеніе могло бросить тѣнь на меня и помочь другимъ угадать часть нашей тайны, но за то оно пролило бы радость въ душу мою. Съ нимъ однако не случилось и тѣни ничего подобнаго: онъ сѣлъ подлѣ меня, обмѣнялся со мной нѣсколькими фразами, родственно учтивыми, и ушелъ, говоря, что хочетъ видѣть мою мать. Скоро онъ былъ ужь за карточнымъ столомъ. Я была такъ смущена, взволнована и потеряна, что, жалуясь на головную боль, просила мать мою уѣхать домой. Когда карета шибко неслась по скрипучему снѣгу, я, прижавши въ уголъ къ холоднымъ подушкамъ кареты пылавшее лицо мое, молчала и едва чувствовала, какъ горячіе потоки слезъ струились по нему, невидимые и неслышимые. Мать моя обратилась ко мнѣ и сказала:

— Надо признаться, что Томскій чрезвычайно перемѣнился. Какая свѣтскость! какой тактъ! Я, признаюсь, опасалась за его встрѣчу съ нами. Было бы крайне непріятно, еслибъ онъ притворился, что не узналъ насъ. Многіе, по милости моего неосторожнаго слова, въ которомъ я въ послѣдствіи очень рас-

каявалась, знаютъ, что онъ намъ родственникъ, и что мой мужъ покровительствовалъ ему. Могли бы выйдти толки и сплетни. Но онъ поступилъ какъ хорошо воспитанный человѣкъ: подошелъ ко мнѣ, очень почтительно поцѣловалъ мою руку, называя меня chère tante, и извинился, что еще не имѣлъ времени быть у меня. Ты знаешь, онъ никогда прежде не называлъ меня теткой; твой отецъ не далъ ему этого права, самъ называя его просто Львомъ Александровичемъ. Онъ много говорилъ со мною о твоемъ покойномъ отцѣ и сказалъ, что многимъ обязанъ ему. Онъ подходилъ и къ тебѣ?

— Конечно, лишь только увидѣлъ меня, произнесла я съ усиліемъ.

— Я надѣюсь, ты обошлась съ нимъ ласково? Пора позабыть дѣтскія проказы, какъ самъ онъ позабылъ ихъ.

Я молчала и тихо, безъ рыданій текли мои слезы, какъ бы въ отвѣтъ на непріятное замѣчаніе моей матери. Я не спала всю ночь; что̀ ждало меня, что̀ грозило мнѣ, предугадывать было невозможно; а прошедшее будто не существовало для меня. Цѣлыя девять безцвѣтныхъ лѣтъ будто исчезли изъ моей памяти, и только воспоминаніе о любви моей, живо проснувшись во мнѣ, наполнило новою любовію мое воскресшее сердце.

На другой день Леонъ пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ и былъ любезенъ съ моею матерью, внимателенъ со мною; во взглядѣ его, если не въ словахъ, я даже уловила что-то похожее на нѣжность. Этотъ взглядъ оживилъ мои надежды, открылъ мнѣ возможность мечтать о будущемъ.

И жизнь моя потекла, полная волненій, сомнѣній и любви; были минуты, когда мнѣ казалось, что онъ какъ-то особенно глядитъ на меня, были и такія минуты, когда я снова убѣждалась въ его равнодушіи. Эта неизвѣстность длилась не долго; скоро я должна была оставить всякую надежду на сближеніе. Онъ ѣздилъ къ намъ довольно рѣдко, но я видала его очень часто на вечерахъ и балахъ. Его вездѣ отлично принимали; онъ обыкновенно или садился за карты, или оставался въ гостиныхъ и слегка ухаживалъ за извѣстными по своей красотѣ или положенію женщинами. Замѣчая постоянно каждый его шагъ, я должна была сознаться, что княжна Полина N** ему нравится. Скоро въ городѣ заговорили объ ихъ свадьбѣ; княжна

была хороша собою, умна, и безъ большаго состоянія, имѣла впрочемъ большія связи. Мое положеніе было невыносимо: я мучилась ревностію и не смѣла даже глядѣть на Леона, скрывая мои чувства; иногда, при первыхъ звукахъ вальса, онъ выходилъ изъза карточнаго стола, извиняясь передъ партнерами, подходилъ къ Полинѣ, обхватывалъ ея талію и мчался съ нею по залѣ. Сдѣлавъ съ нею два-три круга, онъ приводилъ ее на мѣсто, смѣялся съ нею и садился опять играть въ карты. Онъ нравился Полинѣ; она искала его глазами, входя въ залу, — и сколько разъ, сходя съ лѣстницы, я видѣла его съ нею въ сѣняхъ, гдѣ онъ заботливо подавалъ ей шубу, или обвивалъ собольимъ боа ея шею. Она улыбалась ему, улыбалась и мнѣ и граціозно склоняла голову, когда я шла мимо, глотая слезы, подавляя волненіе. Какъ часто я принимала намѣреніе не выѣзжать, чтобы не видѣть ни ея, ни его; но гордость моя и быть можетъ тайное любопытство возставали противъ такого рѣшенія. Я принуждала себя — при встрѣчѣ съ нимъ любезно говорить ему здравствуй, принуждала себя даже быть любезной и съ нею. Многое впрочемъ оставалось мнѣ непонятнымъ въ его поведеніи: онъ былъ ласковъ со мною, какъ съ кузиной, и на всѣхъ балахъ звалъ меня на третью кадриль. Я всегда оставляла ее для него, а онъ всегда, будто по тайному соглашенію, приходилъ за мною, лишь только смычекъ музыкантовъ бралъ первую ноту. Никогда однако, танцуя со мною, онъ не намекнулъ мнѣ о прошломъ и не любезничалъ со мною, какъ съ княжной Полиной; но часто въ его обращеніи проглядывало что-то нѣжное и ласковое. Это объяснить было не трудно: могъ ли забыть онъ, какъ я любила его въ то время, когда между имъ и мною было такое неравенство положеній?

Такъ прошли долгіе три мѣсяца. Однажды, оканчивая завѣтную третью кадриль, онъ сказалъ мнѣ, глядя прямо въ глаза мои:

— Могу ли я просить васъ пріѣхать завтра въ маскарадъ? Мнѣ необходимо должно говорить съ вами откровенно и свободно. Можете ли вы пріѣхать?

— Постараюсь, сказала я дрожавшимъ голосомъ.

По просьбѣ моей, мать моя согласилась отпустить меня въ маскарадъ съ одной изъ своихъ пріятельницъ. Едва я вошла

въ залу, какъ Леонъ узналъ меня, подалъ мнѣ руку и молча повелъ меня въ одну изъ послѣднихъ залъ. Мы сѣли рядомъ; сердце мое билось такъ сильно, что я не была въ состояніи произнести ни одного слова—я задыхалась. Угадывая мое волненіе, онъ коснулся рукою моей маски; пружина подалась и маска осталась въ рукахъ его.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, здѣсь нѣтъ никого; да еслибъ васъ и увидѣли со мной, что̀ за бѣда: я вамъ родственникъ, и мы пришли отдохнуть сюда отъ духоты и жару.

Это слово сразило меня; угадалъ ли онъ чувства мои, я не знаю, но вдругъ онъ нагнулся, взялъ обѣ руки мои и поцѣловалъ ихъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Опять, черезъ девять долгихъ лѣтъ, сказалъ онъ тихо, и гдѣ? какъ? Кто бы могъ вообразить, что я найду васъ свободной и.... онъ остановился и потомъ продолжалъ съ чувствомъ: не совсѣмъ ко мнѣ равнодушной, не правда ли?

— Леонъ! сказала я съ нѣжностію.

— Леонъ! повторилъ онъ за мною. Это напоминаетъ мнѣ ту милую, нѣжную, добрую подругу моей молодости, которая полюбила меня, когда меня никто не любилъ. Вы любите меня и теперь—не правда ли?

— Я никогда не переставала любить васъ. Если бы вы знали, Леонъ, въ какой пустынѣ я провела лучшіе годы молодости, сколько горя вынесла я, не дѣля его ни съ кѣмъ, и сколько никому неизвѣстныхъ слезъ пролила я въ моемъ одиночествѣ!

— Бѣдное дитя мое! сказалъ онъ задумчиво. Знаетъ ли человѣкъ, какое сокровище иногда находитъ онъ въ дѣвочкѣ. Такъ вы любили меня, несмотря на мое послѣднее письмо?

— Не напоминайте мнѣ о немъ, Леонъ,—оно разбило мое сердце.

— А чего̀ оно стоило мнѣ, Стеня! Но сказать ли вамъ? Отказываясь отъ васъ по приказанію вашего отца, который взялъ съ меня слово не подавать вамъ ни тѣни надежды, я смутно вѣрилъ, что не все еще кончено между нами, что я буду умѣть достигнуть до васъ, если только вы сами будете также упорны, какъ я. Я зналъ, что если я попрошу васъ ждать меня, вы будете ждать, вы не измѣните мнѣ и любви

нашей: но въ этомъ-то и было трагическое моего положенія. Я вѣрилъ въ себя, силился вѣрить въ васъ, но скованный честнымъ словомъ, не могъ сказать вамъ всемогущаго надъ вами слова: *жди меня*. А въ немъ-то и заключалось тогда все мое будущее. Вашъ отецъ былъ неумолимъ—онъ не согласился на это слово, и его покровительство было куплено этою дорогою цѣною. Я долженъ былъ отказаться отъ васъ, не дѣлая даже намека, что надѣюсь когда нибудь возвратиться къ вамъ. Вашъ отецъ былъ жестокъ и....

— Онъ умеръ, Леонъ, его уже нѣтъ!

— Знаю, Стеня, и не оскорбляю его. За что? Я даже не совсѣмъ обвиняю его: я на его мѣстѣ поступилъ бы такъ же, быть можетъ даже жестче. Вашъ отецъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія, хотя и я не былъ виноватъ: я сознавалъ свои силы и способности. Время помирило бы насъ. Онъ не дожилъ—тѣмъ лучше: наше положеніе упрощается. Мать ваша не будетъ противиться нашему браку.

— Не знаю, сказала я.

— Вы должны знать, Стеня. Теперь нѣтъ мѣста сомнѣнію; я занялъ видное, почетное положеніе въ обществѣ. Я не безъ намѣренія ухаживалъ за значительными невѣстами, и убѣдился, видя обращеніе ихъ матерей со мною, что я выгодный, завидный женихъ. Вчера это подтверждено было фактомъ: не дожидаясь моего предложенія, мнѣ вчера сватали княжну Полину.

— Неужели?

— Стеня, я вижу—вы все думаете, что передъ вами Леонъ Томскій, чиновникъ вашего отца. Нѣтъ, мой другъ, не то ужь время. Ваша мать пойметъ лучше васъ, что такимъ женихомъ, какъ я, пренебрегать нельзя: такимъ женихамъ не отказываютъ. У меня нѣтъ только состоянія, но за то я имѣю огромное жалованье и могу прилично жить даже съ такою женой, которая не принесла бы мнѣ никакого приданаго—а у васъ и въ этомъ нѣтъ недостатка. Ваше состояніе совершенно обезпечитъ нашу будущность въ матеріяльномъ отношеніи. Завтра я попрошу княжну Анну Петровну, съ которою былъ очень друженъ еще на Кавказѣ, ѣхать къ вашей матери съ моимъ предложеніемъ. Это будетъ по формѣ, не правда ли?

—Мнѣ все равно, Леонъ, не о формѣ дѣло. Я такъ счастлива.

— Милая Стеня, сказалъ онъ, цѣлуя мои руки. Итакъ это кончено — до завтра. Завтра мы обо всемъ переговоримъ на свободѣ, какъ помолвленные, а теперь—прощайте. Я вырвался сюда на минуту; у меня множество дѣлъ, я заваленъ работой. До завтра, милый другъ мой.

Онъ расцѣловалъ опять мои руки, свелъ меня въ залу, и отыскавъ мою спутницу, исчезъ въ толпѣ.

На другой день судьба моя была рѣшена; мать моя была не только согласна, но очень рада предложенію Леона; я провела цѣлый день съ нимъ и была совершенно счастлива. Онъ тоже казался счастливъ. Сколько было разказовъ, откровенности, воспоминаній съ моей стороны, сколько плановъ съ его стороны! Когда поздно вечеромъ Леонъ уѣхалъ отъ насъ, мать моя сказала мнѣ:

— Кто могъ подумать прежде, что Томскій будетъ выгоднымъ женихомъ! Княгиня сказывала мнѣ, что за него сватали многихъ и между прочимъ княжну Полину. Я очень рада, что онъ вспомнилъ тебя. Признаюсь, я уже потеряла надежду видѣть тебя замужемъ. Однако надо написать къ твоему брату; пора дѣлать приданое и узнать, что̀ онъ дастъ тебѣ, кромѣ части, слѣдующей тебѣ по законамъ. Я, ты знаешь, не могу ничего для тебя сдѣлать; послѣ свадьбы твоей я переѣду жить въ Петербургъ, гдѣ моего состоянія едва ли будетъ достаточно для того чтобы жить прилично. Не могу же я запереться, распустить людей и жить по мѣщански, потому что ты вышла замужъ. Я завтра же напишу къ Андре́; напиши и ты, да поласковѣе. Томскій не богатъ; если бы Андре́ далъ тебѣ тысячу душъ, ты могла бы хорошо устроиться. Да кто его знаетъ? Онъ всегда жалуется на недостатокъ въ деньгахъ. Увидимъ, что̀ онъ напишетъ намъ.

Отвѣтъ моего брата пришелъ очень скоро: онъ поздравлялъ меня, желалъ мнѣ счастія; что̀ же касается до состоянія, то онъ объяснялъ мнѣ, что съ самой смерти отца я получила слѣдующую мнѣ четырнадцатую часть, которая укрѣплена за мною. Кромѣ того, въ видѣ подарка онъ посылалъ мнѣ небольшую сумму денегъ на приданое.

— Четырнадцатая часть! это немного, сказала мнѣ мать, прочитавъ письмо; я нахожу, что Андрей могъ бы дать тебѣ

побольше. Очень жаль, что отецъ твой не успѣлъ сдѣлать завѣщанія. Теперь тебѣ будетъ трудно жить; ты не привыкла разчитывать.

Я задумалась; я всегда считала себя богатою невѣстой, на дѣлѣ выходило противное. Я должна была предупредить Леона, что̀ и сдѣлала въ тотъ же день. Онъ выслушалъ меня серіозно.

— Но какимъ же образомъ мать твоя устроила дѣла свои? спросилъ онъ.

— Еще при жизни отца моего домъ былъ купленъ на ея имя; послѣ его смерти мать моя предъявила брату вексель, за который онъ отдалъ ей значительную часть имѣнія, да кромѣ того досталась на ея долю седьмая часть. Мать моя богата.

— Она женщина практическая, и потому обезпечила себя; но какъ же ты, въ твои лѣта, не подумала о самомъ важномъ: о деньгахъ?

Я молчала; что̀ могла я сказать ему? Я сама знала, что мое состояніе недостаточно, но не могла помириться съ мыслію, что это смущаетъ его. У него было такое большое жалованье, такое значительное мѣсто. Я много думала объ этомъ, но не могла рѣшиться говорить съ нимъ откровенно; какое-то мнѣ самой непонятное чувство сковывало мнѣ языкъ и мѣшало мнѣ поднять этотъ вопросъ. Такимъ образомъ не совсѣмъ счастливо начинались мои новыя отношенія, и въ самомъ началѣ были уже такія вещи, о которыхъ я не знала или боялась говорить съ будущимъ мужемъ.

Леонъ, какъ женихъ, былъ ласковъ со мною, но въ этой ласкѣ было какое-то покровительство, и не прошло мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ мы были помолвлены, а я уже была подъ его вліяніемъ. Между нами не было равенства отношеній, и онъ казалось не хотѣлъ видѣть во мнѣ двадцатишестилѣтней дѣвушки, а считалъ меня все тою же семнадцатилѣтнею Стеней. Я не умѣла поставить себя съ нимъ иначе, частію потому что любила его, частію потому что была неопытна, и что идеализмъ, такъ рано пустившій корни въ умѣ моемъ, не совсѣмъ изгладился съ годами. Афоризмъ въ родѣ слѣдующаго погубилъ не мою одну будущность: женщина, которая любитъ истинно, находитъ счастіе въ слѣпомъ исполненіи желаній, прихотей и капризовъ милаго ей человѣка. Вслѣд-

ствіе такого правила я отказалась отъ собственнаго разсудка и отдалась въ руки Леона, не спросивъ у себя, долго ли способна я на такую роль, гдѣ личное мнѣніе, личная свобода и даже самая личность моя должны были быть на вѣкъ затеряны. Ослѣпленная собственнымъ чувствомъ, я даже не замѣтила, что струя молодости, жаръ души, жизнь сердца, давно изсякли въ Леонѣ, и что онъ былъ сухъ и эгоистиченъ.

Настало время свадьбы. За нѣсколько дней до нея, Леонъ вошелъ однажды ко мнѣ съ барономъ Бельштейномъ.

— Стеня, сказалъ онъ мнѣ, представляю тебѣ моего единственнаго друга, единственнаго человѣка, котораго люблю. Мы долго на Кавказѣ жили по братски, дѣля все пополамъ.

Баронъ протянулъ мнѣ руку молча и сжалъ мою руку такъ сильно, что я вскрикнула.

Леонъ разсмѣялся, баронъ извинялся не улыбаясь.

— Я знакома съ барономъ, сказала я; помните, мы встрѣтились на балѣ тому назадъ года полтора.

— Да, сказалъ Леонъ, но ты не знаешь почему вы встрѣтились. Баронъ остался въ Москвѣ на недѣлю и заставилъ пригласить себя на балъ, чтобы видѣть тебя. Припомни, что онъ ни съ кѣмъ не познакомился, кромѣ тебя и твоей матери. Онъ хотѣлъ видѣть тебя, потому что зналъ, что мы любили другъ друга.

— И вы не сказали мнѣ, что знаете и любите Томскаго? Помните, я васъ спрашивала о вашихъ кавказскихъ знакомыхъ — вы не назвали Леона. А я, признаюсь, съ намѣреніемъ завела этотъ разговоръ.

— Я угадалъ это тотчасъ, сказалъ баронъ, но не имѣлъ права назвать Томскаго, потому что вы сами не произнесли его имени.

— Этого мало, сказалъ Леонъ: знаешь ли ты, что Фрицу очень понравилось то, что ты не смѣла произнести моего имени? Онъ заключилъ изъ этого, что ты не только любишь меня, но еще обладаешь многими женскими совершенствами.

Я разсмѣялась.

— Какіе пустяки, сказала я! я не назвала тебя, потому что мнѣ было всегда какъ-то неловко, когда я слышала твое имя; произнести его самой мнѣ было еще невозможнѣе. И любовь

мою и мысль мою о тебѣ я оставляла для себя одной, берегла въ глубинѣ души, какъ завѣтную тайну.

— Въ этомъ-то и заключается тайна женской прелести, сказалъ баронъ добродушно, но безъ жара, отъ чего слова его звучали иначе и принимали другое значеніе, чѣмъ то, которое заключалось въ нихъ. Казалось, что его холодность умѣрила бы всякій порывъ чувствительности, если бы онъ и былъ способенъ его испытывать. Однако въ выраженіи лица его я уловила доброе его ко мнѣ расположеніе, хотя онъ мало говорилъ со мною и былъ свободнѣе съ моей матерью, которую умѣлъ занять очень пріятно.

Когда баронъ уѣхалъ, Леонъ разказалъ мнѣ исторію своей съ нимъ дружбы. Однажды на бивакѣ, въ первой экспедиціи, въ которой участвовалъ Леонъ, офицеры говорили о томъ, что ожидаетъ всякаго, кто попадется въ плѣнъ къ Черкесамъ.

— Да, говорилъ одинъ изъ офицеровъ, быть посаженнымъ на цѣпи въ яму, служить Черкесятамъ цѣлью, въ которую они кидаютъ камни, умирать отъ голоду, побоевъ, холоду или зною, участь не завидная. Все это испытали многіе изъ нашихъ.

— Ужасно! сказалъ Леонъ. Вырвавшись оттуда, порядочный человѣкъ едва ли вспомнитъ безъ содроганія, что было время, когда его безнаказанно осыпали бранью и побоями, что хотя однажды въ жизни онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ животнаго и переносилъ всевозможныя поруганія за кусокъ хлѣба, который кидали ему какъ звѣрю, и на который онъ самъ кидался какъ звѣрь. И говорите потомъ о человѣческомъ достоинствѣ! Нѣтъ, ужь вы, господа, лучше пристрѣлите меня, если я буду раненъ, а не оставляйте назади въ случаѣ отступленія.

Офицеры смѣялись; не смѣялся одинъ баронъ. Леонъ замѣтилъ, что съ этого дня онъ былъ чаще съ нимъ и сближался съ нимъ больше и больше. Часто случалось имъ спать подъ одною палаткой, а когда не было и ея—подъ одною буркой, часто случалось дѣлить вмѣстѣ отдыхъ, пищу, опасности и лишенія.

—Развѣ ты былъ военнымъ? спросила я у Леона.

— Нѣтъ, но на Кавказѣ всякій военный. Главнокомандующій края былъ въ экспедиціи; я служилъ при немъ и просилъ позволенія участвовать въ ней волонтеромъ, также какъ

*

Фрицъ; это общее положеніе сблизило насъ еще больше. При взятіи одного укрѣпленнаго аула я бросился впередъ со многими другими; пули свистѣли около насъ; одна изъ нихъ ранила меня въ ногу, въ самое колѣно; я упалъ. Отъ боли и потери крови я лишился чувствъ. Когда я опомнился, я лежалъ уже на буркѣ, и рана моя была перевязана. Фрицъ сидѣлъ возлѣ меня, спокойно куря трубку. Рана моя была опасна, вслѣдствіе чего я отправился на кавказскія минеральныя воды, куда вскорѣ пріѣхалъ за мною и Фрицъ. Тутъ уже мы окончательно подружились и зимою жили всегда вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Фрицъ любитъ меня какъ брата.

— Отъ чего же ты не предупредилъ меня, прервала я, отъ чего ты не сказалъ мнѣ, что баронъ спасъ жизнь твою? я бы иначе приняла его.

— Вотъ этого-то я и не хотѣлъ. Конечно Фрицъ спасъ меня отъ плѣна, но я знаю, что, при тѣхъ же обстоятельствахъ, онъ сдѣлалъ бы то же самое и для всякаго другаго. Къ тому же ничто его такъ не сердитъ, какъ если о немъ разказываютъ и насильно посвящаютъ его въ герои. Онъ бы съ трудомъ простилъ мнѣ мою болтовню, тебѣ — твою сентиментальную благодарность и умиленіе при видѣ его. Повѣрь мнѣ, что все это лучше такъ, какъ есть. Фрицъ принятъ здѣсь ласково, и я вижу, что ты ему нравишься. Я этому очень радъ.

— Отъ чего же ты не спросишь, нравится ли онъ мнѣ?

— Вопросъ излишній. Онъ долженъ непремѣнно тебѣ понравиться. Кого бы я ни отрекомендовалъ тебѣ, какъ друга, всякій бы тебѣ понравился. Всѣ женщины таковы — когда онѣ невѣсты! Друзья ихъ женіховъ всегда имъ пріятны. Позднѣе — дѣло другое: они могутъ не ладить, или слишкомъ поладить; это впрочемъ опасно для другихъ, а не для меня.

Леонъ разсмѣялся.

— Что ты хочешь сказать? спросила я.

— Ничего, сказалъ онъ, я шучу. Неужели мнѣ нельзя и пошутить? Я всегда замѣчалъ, и это твой большой недостатокъ, что ты не понимаешь шутокъ.

— Я не люблю ихъ, особенно, когда онѣ неделикатны или оскорбительны, сказала я.

— Ужь ты слишкомъ большая недотрога, душа моя. Такъ жить нельзя. Впрочемъ и тебя выучитъ жизнь еще многому.

Такіе разговоры по поводу всего на свѣтѣ, часто возобновлялись; мнѣ не нравились многія мнѣнія Леона, и еще болѣе его манера ихъ высказывать. Отсутствіе въ немъ деликатности всегда непріятно поражало меня; онъ напротивъ того терпѣть не могъ сентиментальности и сильно преслѣдовалъ во мнѣ то, что̀ называлъ моею обидчивостію. Но я уступала, и эти размолвки были и кратки и незначительны.

Въ самый день нашей свадьбы мы уѣхали на дачу, гдѣ должны были провести все лѣто. Я прощалась съ матерью очень на долго — она переѣзжала въ Петербургъ, чтобы жить съ сыномъ. Наше прощаніе было нѣжнѣе, чѣмъ вся наша жизнь вмѣстѣ взятая. Баронъ, бывшій шаферомъ Леона, посадивъ меня въ карету, пожалъ руку ему и захлопнулъ дверцы кареты.

— Когда ты къ намъ? спросилъ у него Леонъ.

— Скоро! сказалъ онъ, и экипажъ нашъ умчался по знаку данному барономъ.

IV.

Первые мѣсяцы нашего супружества были счастливы; наша дача былъ прелестный, уютный уголокъ, отстроенный по капризной фантазіи какого-то богача и отданный намъ по случаю его отъѣзда. Леонъ долженъ былъ ѣздить всякій день въ Москву по дѣламъ службы, но я не скучала и безъ него: такъ мое одиночество было полно имъ. Я ждала его, лѣниво читая или играя на фортепьяно, и эти часы остались въ моей памяти полны поэзіи и прелести. Когда Леонъ возвращался, я какъ дитя радостно бросалась ему на шею, и мы садились рядомъ или въ гостиной, уставленной цвѣтами, или вдвоемъ за два прибора, поставленные въ столовой, гдѣ ожидалъ насъ обѣдъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ обѣда, онъ обыкновенно уходилъ въ кабинетъ свой и принимался за бумаги; а вечеромъ уступалъ моему желанію и бродилъ со мною по полямъ и рощамъ. Во вкусахъ нашихъ было мало общаго, но въ это первое время нашего союза, благодаря уступчивости моего характера, а порою его снисходительности къ моимъ причу-

дамъ (такъ называлъ онъ мои привычки), это не мѣшало намъ жить согласно. Лѣто пролетѣло для меня незамѣтно, и уже наступала осень, а баронъ, несмотря на свое обѣщаніе посѣтить насъ, все не являлся, и я почти совершенно забыла о немъ, когда Леонъ сказалъ мнѣ однажды:

— Я получилъ письмо отъ Фрица; онъ занятъ дѣлами въ своемъ курляндскомъ имѣніи и едва ли воротится въ Москву прежде зимы. Я велѣлъ отдѣлать ему комнаты въ нижнемъ этажѣ занимаемаго нами дома. Я не хочу жить съ нимъ врозь и ужь писалъ ему объ этомъ.

— Когда ты получилъ письмо отъ него?

— Третьяго дня.

— И не показалъ мнѣ?

— Къ чему же. Я удивляюсь твоему любопытству. Мало ли какія письма я могу получать: неужели ты должна непремѣнно читать ихъ?

Я взглянула на Леона, воображая, что онъ шутилъ, но онъ говорилъ серіозно и просто. Я замолчала.

— Боже мой! сказалъ вдругъ Леонъ, я и забылъ. Къ тебѣ есть тоже письмо; оно отъ какой-то пріятельницы и очень незначительно.

Онъ вышелъ и тотчасъ воротился съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ. Я взяла его; оно было отъ Лизы Нервичъ.

— Ты прочелъ его? спросила я.

— Конечно. Неужели тебѣ это не нравится?

— Тѣмъ болѣе, сказала я, что ты сію минуту сказалъ мнѣ, что твои письма нисколько до меня не касаются.

— Какъ ты странно судишь, Стеня; я могу получать дѣловыя письма, дѣловыя бумаги, которыя рѣшительно тебя не касаются; но на оборотъ я не могу предположить, чтобы ты могла имѣть дѣла, которыя бы не касались меня. Можешь ли ты имѣть отъ меня тайны, да и какая порядочная женщина имѣетъ тайны отъ мужа?

— Я всегда думала, что это обоюдно, возразила я.

— Мало ли что ты думала и думаешь. Я давно замѣтилъ, какъ твои мнѣнія ошибочны; но признаюсь, это меня не безпокоитъ: твой характеръ мнѣ порукою въ томъ,

что ты если не по разсудку, то изъ любви ко мнѣ откажешься отъ многихъ фальшивыхъ мнѣній. Всегда и вездѣ кто нибудь глава, и ты конечно не могла вообразить, что эта глава— жена. Мужъ повинующійся женѣ смѣшонъ и жалокъ, и я вовсе неспособенъ на такую роль.

— Я никогда не назначала тебѣ ее, возразила я съ жаромъ, и кажется въ моемъ поведеніи ты не можешь отыскать ничего подобнаго. Я только отстаиваю то, что̀ считаю моимъ правомъ. Неужели ты думаешь, что я сама не показала бы тебѣ письма Лизы? зачѣмъ же было лишать меня удовольствія сдѣлать это добровольно?

— Какія тонкости! Не все ли равно, что я прочелъ это глупое письмо прежде тебя.

— Вотъ видишь, ты теперь смѣешься надъ нею. Нѣтъ, ужь позволь приносить ко мнѣ письма адресованныя на мое имя.

— Нѣтъ, другъ мой, пожалуста не путай заведеннаго порядка. Ты можешь брать свои письма на моемъ письменномъ столѣ, куда кладутъ всѣ полученныя съ почты бумаги и письма.

Я замолчала и была недовольна.

— Ну, не сердись, сказалъ Леонъ, подходя ко мнѣ; тебѣ надо привыкнуть: мнѣ въ мои лѣта поздно измѣнять мнѣнія и привычки; они уже установились и тебѣ слѣдуетъ покориться имъ. Prenez moi, chère enfant, tel que je suis. —И онъ взялъ голову мою въ обѣ руки свои и поцѣловалъ меня въ лобъ, улыбаясь мнѣ. Я уступила.

Мы переѣхали въ городъ, и Леонъ занялся устройствомъ дома и хозяйства; всѣ его распоряженія, которыя онъ сообщалъ мнѣ, носили на себѣ печать самаго строгаго порядка. Онъ отдалъ въ мое распоряженіе весь домашній расходъ и просилъ меня старательно заняться имъ. Не имѣя никакого понятія о хозяйствѣ, я не умѣла ни распоряжаться, ни приказывать, ни даже спросить отчета въ деньгахъ. Мнѣ было и стыдно и неловко говорить съ дворецкимъ и поваромъ, которые очень скоро воспользовались моею неопытностью и деликатностью. Черезъ мѣсяцъ, отдавая мужу отчетъ въ ввѣренныхъ имъ мнѣ деньгахъ, я сама пришла въ ужасъ отъ огромнаго итога, который онъ подвелъ подъ моею расходною книжкой.

Онъ былъ очень не въ духѣ въ этотъ день и сказалъ мнѣ довольно сухо:

— Вотъ что значитъ нелѣпое воспитаніе, которое даютъ вамъ дѣвушкамъ большаго круга. Ни одна изъ васъ не знаетъ цѣны деньгамъ. Богъ васъ знаетъ, гдѣ вы живете. У васъ нѣтъ середины: или, какъ мать твоя, на паркетѣ, или, какъ ты, въ заоблачныхъ пространствахъ.

Я сама понимала и сознавалась, сколько оказалась несостоятельною для практической жизни, но упреки Леона показались мнѣ слишкомъ жосткими: я расплакалась.

— Теперь слезы, сказалъ Леонъ тише прежняго. Ты совершенное дитя. Отдѣлайся отъ этого; вѣдь ужь ты не дѣвочка. Постарайся лучше разгадать тайну обыденной жизни и внеси въ нее, если не можешь отказаться отъ поэтическихъ бредней, ту прелесть, въ которой, говорятъ, заключается семейное счастіе.

— Не умѣю я найдти поэзіи въ счетахъ повара, сказала я съ досадой.

— Отъ счетовъ повара и отъ всякихъ другихъ счетовъ зависитъ вседневное спокойствіе: это несомнѣнно, и я удивляюсь, что ты не понимаешь этого. Отъ умѣнья жены вести хозяйство зависитъ еще больше; она дѣлается необходима мужу; она его помощница, подруга, словомъ *жена,* а не любовница. Любовница тратитъ деньги, жена бережетъ ихъ.

— Я думала, что на это есть экономка.

— Жена должна быть экономкой — я по крайней мѣрѣ требую этого отъ жены моей. Она должна помнить, что я тружусь цѣлый вѣкъ для ея благосостоянія, и должна помогать мнѣ.

— Но если я еще не умѣю? право, я и сама этому не рада.

— Выучись: нѣтъ ничего невозможнаго.

Леонъ былъ конечно правъ, хотя могъ бы говорить со мной привѣтливѣе. Быть можетъ одно ласковое слово его заставило бы меня понять скорѣе, что дѣйствительная жизнь не соткана изъ однихъ розовыхъ нитей, что ей надо покориться и во взаимной любви искать отдохновенія... Серіозный видъ, строгій тонъ и нравоученія Леона испугали меня; я робко взглянула въ бу-

дущее, которое открывалось передо мною, стала внимательнѣе всматриваться въ моего мужа и замѣтила, что всѣ его мнѣнія, чувства, мысли не могли сойдтись съ моими. Не нравилось мнѣ также, что мужъ мой не только наединѣ, но даже и при домашнихъ обращался со мною какъ съ ребенкомъ, котораго лѣлѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитываютъ. Случалось, что я приказывала что нибудь дворецкому или кому другому; если то, что̀ я говорила, казалось Леону непужнымъ или неумѣстнымъ, онъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ, говорилъ вслухъ: Какой вздоръ, душа моя! и давалъ приказаніе часто совершенно противуположное моему. Домашніе, видя его обращеніе со мною, не слушали меня и нисколько не уважали. Часто мужъ мой упрекалъ меня и за это, говоря, что я не умѣю никому внушить уваженія, и не хотѣлъ понять, что онъ первый былъ тому причиной. Леонъ ужь былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ, не сомнѣвался ни въ чемъ и упорно шелъ къ своей цѣли... Вскорѣ пріѣхалъ баронъ, но не остановился у насъ, хотя его комнаты были давно готовы. Встрѣча его съ Леономъ была самая дружеская.

— Отъ чего ты такъ давно не ѣхалъ къ намъ, не смотря на мои письма и просьбы? спросилъ его Леонъ.

Баронъ засмѣялся добродушно.

— Я не люблю чтобъ мое присутствіе было въ тягость; къ тому же молодымъ надо дать время свыкнуться, сжиться, узнать другъ друга покороче. Всякое постороннее лицо, кто бы оно ни было, мѣшаетъ этому. Чтобъ жить долго и счастливо, надо сперва научиться жить вдвоемъ; послѣ и друзья — люди не лишніе.

— Ты все съ теоріями, сказалъ Леонъ смѣясь. Но гдѣ жь твои люди и вещи? комнаты твои давно готовы.

— Я уже распорядился и нанялъ квартиру. Мнѣ свободнѣе жить одному.

— Какъ? спросилъ Леонъ не безъ удивленія и досады. Развѣ ты прежде не жилъ со мною?

— То прежде; это разница.

— Въ вашихъ словахъ, если я не ошибаюсь, сказала я, заключается обидный для меня смыслъ.

Баронъ обернулся ко мнѣ живѣе обыкновеннаго.

— Я не имѣлъ этого и въ мысляхъ; повѣрьте, что я отъ всего сердца хочу уважать васъ—жену моего друга.

— Такъ докажите это и не огорчайте изъ-за меня мужа моего. Переѣзжайте къ намъ. Ваши комнаты внизу съ особливымъ подъѣздомъ и всѣми удобствами. Вы не можете мѣшать намъ, мы не станемъ мѣшать вамъ. Рѣшайтесь! можете ли вы отказать мнѣ?

— Не смѣю и не хочу, но попрошу васъ замѣтить, что это приглашеніе я слышу отъ васъ въ первый разъ.

— Мужъ мой приглашалъ васъ, сказала я.

— Я не смѣшиваю жену съ мужемъ. Къ тому же хозяйка, а не хозяинъ приглашаютъ въ домъ.

— Какой педантизмъ! сказала я смѣясь.

— Право нѣтъ, а только благоразумная осторожность. Когда я со временемъ увѣрюсь, что вы такъ же меня любите какъ онъ, и что я умѣлъ заслужить вашу дружбу, одного слова котораго нибудь изъ васъ будетъ достаточно, чтобы заставить меня сдѣлать вамъ пріятное.

На другой же день баронъ поселился въ нижнемъ этажѣ занимаемаго нами дома, но отъ его присутствія домашняя жизнь наша не измѣнилась и даже не оживилась. Онъ проводилъ цѣлое утро у себя и являлся только къ обѣду, послѣ котораго помѣщался у камина въ кабинетѣ моего мужа, гдѣ курилъ молча длинную трубку, а если и разговаривалъ съ Леономъ, то ихъ разговоръ мало интересовалъ меня; обыкновенно Леонъ пересказывалъ барону все, что случалось въ присутствіи, совѣтовался съ нимъ объ управленіи имѣніемъ, а иногда входилъ въ домашнія подробности. Баронъ слушалъ молча и молча пускалъ густые клубы дыму. Въ важныхъ случаяхъ онъ говорилъ свое мнѣніе, и я всегда замѣчала, что совѣты его были благоразумны и практичны. Мужъ мой имѣлъ большую довѣренность къ барону, который могъ бы имѣть огромное на него вліяніе, еслибъ пожелалъ, но онъ ничего не хотѣлъ и жилъ подлѣ насъ своею особенною жизнію. Я такъ привыкла къ молчаливому Фрицу, къ его періодическимъ появленіямъ въ нашу гостиную, что мало обращала на него вниманія, и случалось такъ, что кромѣ обычнаго: здравствуйте и

прощайте , мы въ цѣлый день не говорили другъ съ другомъ ни слова.

Въ это самое время семейная жизнь моя сдѣлалась пріятнѣе; я была беременна, и мужъ мой, заботясь обо мнѣ, отстранилъ отъ меня на время все что̀ могло встревожить меня, и взялъ на себя всѣ мелочныя хлопоты по хозяйству, въ которыхъ Фрицъ помогалъ ему. Это была счастливая эпоха въ жизни моей. Я не могла выѣзжать, и когда Леонъ долженъ былъ ѣхать куда нибудь одинъ, то всегда просилъ остаться со мною Фрица, который , конечно, не былъ ни забавенъ, ни любезенъ, и лишь только мы оставались одни, я брала книгу, онъ другую, и такимъ образомъ мы проводили иногда цѣлый длинный вечеръ; но за то одного намека моего было достаточно, чтобы заставить его бросить книгу, оставить трубку и скакать, хотя бы то было ночью, за какою нибудь моею прихотью. Мужъ мой такъ привыкъ къ заботливости Фрица, что казалось не замѣчалъ ея и никогда не благодарилъ его.

Наконецъ у насъ родился сынъ; радость Леона была неподдѣльная; видно было, что съ рожденіемъ именно сына исполнились всѣ его желанія. Ему было теперь—сказалъ онъ, глядя на ребенка,—для кого трудиться, была наконецъ цѣль въ жизни.

Я хотѣла сама кормить ребенка, но мужъ мой не позволилъ мнѣ этого. Я по обыкновенію покорилась, но однажды полушутя, полу-серіозно сказала Фрицу при мужѣ моемъ:

— Вы знаете или нѣтъ , что онъ запретилъ мнѣ кормить самой сына. Не тиранство ли это?

— Васъ ли я слышу? сказалъ Фрицъ живѣе обыкновеннаго. Можетъ ли жена жаловаться на то, что мужъ любитъ ее больше всего на свѣтѣ, даже больше сына?

Эта мысль, которая сперва не вошла мнѣ въ голову, запала въ мое сердце: такъ было много во мнѣ желанія обмануть себя, такъ хотѣлось мнѣ вѣрить, что мужъ мой дѣйствительно любитъ меня. Съ тѣхъ поръ я какъ-то иначе, какъ-то нѣжнѣе смотрѣла на Леона, охотнѣе прощала ему многое и положила себѣ за правило уступать ему во всемъ и по возможности исполнять всѣ его капризы и требованія; но это было не такъ легко, какъ казалось, и всякую минуту выходило новое столкновеніе. Когда, оправившись отъ болѣзни, я опять появи-

лась въ свѣтѣ, Леонъ захотѣлъ дать большой вечеръ, и призвавъ дворецкаго, отдалъ ему реэстръ тѣхъ, кому слѣдовало послать приглашенія. Я заглянула въ него и была раздосадована; я не только не нашла тамъ именъ своихъ родственниковъ и короткихъ знакомыхъ, но даже имя Лизы Нервичъ было вычеркнуто изъ списка. Опасаясь ссоры, я не хотѣла назвать ее и сказала мужу моему, что вечеръ нашъ вѣроятно не удастся.

— Что ты разумѣешь подъ этимъ словомъ?

— То, что всѣ умрутъ со скуки; я не говорю о себѣ: я привыкла скучать еще въ домѣ отца и матери.

— А я нисколько не гонюсь за весельемъ, возразилъ Леонъ.

— За чѣмъ же ты гонишься? Зачѣмъ въ такомъ случаѣ даешь вечеръ и тратишь деньги при нашемъ крайнемъ безденежьи?

— Мое положеніе таково, что я долженъ принимать, и не могу жить иначе, какъ живутъ всѣ; если я не гонюсь за весельемъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я не гнался за чѣмъ нибудь другимъ. Я хочу, чтобы домъ мой былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ домовъ въ городѣ, и разумѣется съумѣю поставить его на должную ногу.

Я замолчала. Но Леонъ не любилъ безмолвнаго согласія, ему хотѣлось убѣдить меня во что бы то ни стало, и заставить меня думать, какъ думалъ самъ.

— Развѣ ты не понимаешь этого, или не согласна со мною?

— Понимаю, но не согласна

— Это почему? спросилъ Леонъ, глядя на меня пристально.

— Я думаю, что цѣлый вѣкъ гоняться за значительными людьми страшно утомительно. Чего тебѣ хочется? У тебя завидное положеніе; пора бы перестать искать, и наслаждаться тѣмъ, что у насъ есть.

— Какъ же это по твоему?

— Очень просто: составить себѣ кругъ изъ людей, которые бы были намъ пріятны, которые бы любили насъ и которыхъ бы мы любили.

— Любить! сказалъ Леонъ насмѣшливо; съ тобою какъ ни говори, а все попадешь на прежнюю колею, въ идиллію! Лю-

бовь, прибавилъ онъ важно поучительнымъ тономъ, должна заключаться въ семьѣ. Люби меня, люби сына, и замѣть, что я уже сдѣлалъ отступленіе отъ этого правила: самъ люблю и тебѣ позволяю любить Фрица, какъ роднаго брата.

— Благодарю тебя за позволеніе, сказала я съ досадой, которую подавить была не въ силахъ: но я говорила не о такихъ привязанностяхъ, а просто объ общественныхъ связяхъ, въ которыхъ уваженіе къ лицу играетъ главную роль; а у тебя, мнѣ грустно сказать это, уваженіе къ положенію лица опредѣляетъ твои отношенія къ нему.

Въ эту минуту вошелъ Фрицъ.

— Фрицъ! какъ кстати! сказалъ Леонъ. Рѣши кто изъ насъ правъ? Я спорю съ женою; она упрекаетъ меня, что я больше уважаю положеніе человѣка, чѣмъ его самого. Скажи, не въ правѣ ли я уважать человѣка по положенію, которое онъ занимаетъ; — не значитъ ли это, что онъ умѣлъ достичь его?

— Человѣкъ, который занялъ видное мѣсто, долженъ имѣть несомнѣнныя достоинства, сказалъ Фрицъ, и обратясь ко мнѣ, прибавилъ: мужъ вамъ служитъ тому блистательнымъ примѣромъ.

— Однако, сказала я съ жаромъ, согласитесь, что есть люди, которые происками, интригами, низостями, заняли видное мѣсто въ обществѣ. Должна ли я уважать ихъ?

— Конечно нѣтъ, возразилъ Фрицъ, но такихъ, я увѣренъ, Томскій не уважаетъ и самъ, и объ нихъ не можетъ быть рѣчи. . . . .

Но мужъ мой занялся опять съ дворецкимъ и не отвѣчалъ Фрицу, который принялся доказывать мнѣ, что дурныхъ людей во всѣхъ отношеніяхъ гораздо меньше на свѣтѣ, чѣмъ я воображаю; что много найдется такихъ, о которыхъ только можно пожалѣть, а не порицать ихъ, и что часто въ самыхъ низкихъ людяхъ можно открыть доброе, заглохшее сѣмя. Каждое слово барона было проникнуто глубокимъ чувствомъ и привлекательною снисходительностію ко всему человѣческому. Онъ не любилъ судить строго никого, кромѣ самого себя. Такъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ.

Съ тѣхъ поръ наша жизнь измѣнилась; мы стали принимать у себя очень часто; я выѣзжала еще больше. Леонъ, какъ

и всѣ другіе, разъ сблизившись съ обществомъ, захотѣлъ занять въ немъ очень видное мѣсто и мало по малу увлекся этимъ желаніемъ и забылъ прежнюю, быть можетъ утомившую уже его, расчетливость. Такимъ образомъ расходы наши увеличились вдвое, а приходовъ не было бы достаточно и при болѣе опытной, чѣмъ я, хозяйкѣ. Мы незамѣтно вошли въ долги, которые мучили и его и меня, и неудовольствіе Леона обрывалось на мнѣ. Не разъ онъ возвращался къ прошлому, не разъ его горькій упрекъ, что я не умѣла воспользоваться состояніемъ, которое отецъ располагалъ укрѣпить за мною, заставлялъ меня горько плакать. И въ свѣтѣ какъ дома я должна была подавлять въ себѣ всякое желаніе, всякое вольное движеніе, отказаться отъ собственныхъ мнѣній, влеченій и понятій; словомъ, я стала въ жесткихъ рукахъ Леона машиной, которая по первому знаку должна была исполнять его приказанія. Слишкомъ поздно поняла я, что въ домѣ отца и матери я была свободнѣе и счастливѣе, чѣмъ въ домѣ мужа, и что тотъ, о которомъ я такъ долго мечтала, былъ не такимъ, какимъ я воображала его. Жизнь моего отца и матери, сухая, лишенная поэзіи и задушевности, не была такъ тяжка, какъ жизнь созданная для меня моимъ мужемъ. Куда дѣвались мои надежды, мои мечты? Когда-то я возмущалась при видѣ гордости моего отца, — что̀ сталось со мною, когда я каждый день должна была выносить спесь моего мужа! Не одинъ разъ я краснѣла за него: такъ его обращеніе съ подчиненными было невыносимо. Леонъ, испытавшій бѣдность, зависимость, гордость другихъ, этотъ Леонъ, достигши извѣстности, сдѣлался безжалостенъ къ другимъ, сталъ невыносимо высокомѣренъ съ низшими, хотя былъ уклончивъ и любезенъ съ высшими.

Однажды онъ вошелъ въ мою уборную, когда я примѣряла новый головной уборъ; модистка сидѣла въ креслахъ и встала когда онъ вошелъ. Онъ едва отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на почтительный поклонъ ея, а когда она ушла, Леонъ замѣтилъ мнѣ, какъ было смѣшно и глупо мое обращеніе со всѣми.

— Нѣтъ торговки, нѣтъ мелкаго чиновника, сказалъ онъ, нѣтъ даже управляющаго, котораго бы ты не пригласила са-

диться съ собой рядомъ. Ты не походишь на женщину хорошей фамиліи и не умѣешь держать себя.

Онъ пожалъ плечами.

— Я думала, сказала я, что вѣжливость есть первый признакъ хорошаго воспитанія.

— Всему есть мѣра, возразилъ онъ: пора понять это. Ужели быть дѣвочкой и тогда, когда вамъ стукнетъ тридцать лѣтъ? Кажется до этого ждать недолго.

Я замолчала, и это постоянное молчаніе, результатъ вѣчной внутренней борьбы, все больше и больше отдаляло меня отъ него. Какъ часто я упрекала себя въ слабости, твердила себѣ, что надобно бороться, надобно противорѣчить мужу, что чувство моего собственнаго достоинства страдаетъ отъ моей пассивной роли: все было напрасно. Часто, когда Леонъ былъ раздраженъ, я не смѣла произнести ни слова, а краснѣла и терялась отъ одного его взгляда. При помощи первоначальной любви моей къ нему, ему удалось совершенно подавить мою волю, но не могъ онъ убѣдить меня въ законности своихъ требованій, и въ этомъ заключалось мое истинное несчастіе. Я сознавала цѣпь, которую влачила, и съ затаеннымъ ропотомъ, съ чувствомъ похожимъ на презрѣніе къ себѣ самой, продолжала идти этимъ тяжкимъ путемъ. Такъ прошли для меня долгія пять лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я ни разу не разставалась съ мужемъ; что же касается до барона, то онъ любилъ насъ по прежнему, но часто оставлялъ насъ, разъѣзжая туда и сюда; страсть его къ путешествіямъ едва ли не была его любимою маніей.

Сыну моему минуло шесть лѣтъ; это былъ прелестный мальчикъ, красивый и умный, но уже самолюбивый и своевольный. Я любила его страстно, но любила иначе, чѣмъ Леонъ. Наперекоръ здравому смыслу, одни недостатки ребенка нравились отцу его; онъ смотрѣлъ чуть ли не съ удовольствіемъ на его капризы съ няней, на его упрямство со мною, и требовалъ только безпрекословнаго повиновенія себѣ одному. Ему нравилось, что маленькій Павелъ боится его одного и по первому его слову покоряется ему, хотя послѣ и вымещаетъ на мнѣ и на всѣхъ окружающихъ свое невольное повиновеніе отцу. Я особенно преслѣдовала въ Павлѣ его невыносимую спѣсь и не могла видѣть спокойно, когда онъ протягивалъ свою руку и

позволялъ цѣловать ее всѣмъ тѣмъ, кто заискивалъ расположенія его отца. Часто это балованное дитя отвѣчало мнѣ грубо, или съ забавною въ такомъ ребенкѣ флегмой отворачивалось отъ меня молча, будто слова мои не стоили ни малѣйшаго вниманія. Мужъ мой, вмѣсто того чтобы остановить сына, смѣялся тому, что̀ называлъ въ немъ гордою самоувѣренностію и чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ бралъ его на колѣни и цѣловалъ его, говоря:

— Поди, помирись съ мама.

— Не хочу, говорилъ гордо Паша: она меня обидѣла.

— А если я тебѣ приказываю.

Паша былъ чрезвычайно уменъ и съ смѣтливостію умныхъ дѣтей безсознательно пользовался слабыми сторонами отцевскаго характера. Онъ медленно слѣзалъ съ колѣнъ его, подходилъ ко мнѣ и протягивалъ мнѣ руку.—Ну, мирись, мама, говорилъ онъ: папа велитъ.

Если я бранила сына, отецъ при немъ бралъ его сторону. Меня конечно оскорбляло не равенство сына со мною: я понимала, что равенство дѣтей съ матерью, основанное на нѣжности, есть залогъ самаго крѣпкаго, самаго святаго союза въ будущемъ. Здѣсь не было ничего подобнаго. Равенство Паши и его безцеремонное со мною обращеніе вытекало не изъ любви, а изъ сознанія, что онъ со мною подлежитъ одной высшей власти, передъ которой мы оба были равно ничтожны. Напрасно я пыталась доказать это Леону; онъ отвѣчалъ мнѣ или шуткой, или говорилъ серіозно:

— Я не знаю о чемъ ты хлопочешь. Паша долженъ знать, что я глава въ домѣ; ты бы сама должна была внушать ему это.

— Однако я мать его; онъ долженъ уважать и меня.

— Развѣ я когда нибудь говорилъ ему, чтобъ онъ не уважалъ тебя? умѣй сама внушить ему это чувство.

Итакъ чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе становилось у меня силъ на неравную борьбу съ Леономъ. Я видѣла ясно, что характеры наши совершенно несходны; судорожно сжималось сердце при этомъ сознаніи, и каждый новый день отдѣлялъ насъ болѣе другъ отъ друга. Что̀ касается до Леона, то по мѣрѣ того, какъ во мнѣ уничтожалась самая попытка сопротивленія, онъ былъ ласковѣе; но эта ласка мало меня радовала. Онъ не раз-

суждалъ со мною ни о чемъ, никогда не совѣтовался, будто считалъ меня неспособною ни на какое разумное слово.

Таковы были наши отношенія, когда Леонъ, вслѣдствіе разстроенныхъ домашнихъ обстоятельствъ, принужденъ былъ взять годовой отпускъ и ѣхать въ деревню; мое слабое здоровье было причиной тому, что Леонъ не взялъ меня съ собою, тѣмъ болѣе что у насъ не было тамъ отстроеннаго господскаго дома. Это была наша первая разлука со времени моего замужства; Леону было жаль оставить меня, и онъ такъ мало имѣлъ ко мнѣ довѣренности, что поручая меня Фрицу, вошелъ во всѣ подробности домашняго быта, какъ будто бы я была дитятей. Проводивъ его, я грустно возвратилась въ гостиную, опираясь на руку Фрица; я сама не могла дать себѣ яснаго отчета, какого рода ощущенія волновали меня въ ту минуту; тутъ было что-то похожее на сожалѣніе: чувство прежней нѣжности проснулось во мнѣ; но это было мгновенно, и другое могучее чувство охватило меня. Тамъ, гдѣ-то, въ самомъ сердцѣ прозвучали мнѣ два всесильныя слова: ты свободна! и эта свобода, какъ яркая, ослѣпляющая молнія озарила темный горизонтъ мой. Я съ непривычною живостію прошлась по комнатѣ, широко растворила окна, съ наслажденіемъ напилась свѣжею струею вечерняго воздуха, который пахнулъ на меня, и сѣла погруженная въ глубокое раздумье. Голосъ барона вызвалъ меня изъ моей задумчивости.

— Этотъ годъ покажется вамъ несноснымъ, сказалъ онъ мнѣ; но чтожь дѣлать? будьте благоразумны. Я думаю, что свиданіе послѣ разлуки—великое счастіе. Оно обновляетъ уснувшую въ счастіи любовь.

Я взглянула на барона; онъ говорилъ съ такою мягкостію въ голосѣ, которая шла прямо къ сердцу, но слова его поразили меня. Любовь! Гдѣ же она, если, проводивъ мужа, я сознаю, что вздохнула свободнѣе, и строю планы для будущаго, какъ будто его присутствіе мѣшаетъ мнѣ жить пріятно? Не отвѣчавъ ни слова барону, я вышла и заперлась въ своей комнатѣ. Долго, горько я плакала и выговорила наконецъ себѣ такъ давно въ глубинѣ души моей дремавшую мысль: я не люблю его, мало того: онъ причина моего несчастія, и жизнь моя можетъ быть спокойна только безъ него. Въ эту минуту мнѣ по-

казалось, что я плачу надъ моею молодостью, протекшею безплодно, надъ тѣми сокровищами любви, которыя я расточила безумно, надъ моимъ сердцемъ, которое я хоронила безвозвратно. Все измѣнило мнѣ въ жизни и не было для меня будущаго. Все во мнѣ было убито, но какъ слабая надежда, привязывающая меня къ жизни, оставался сынъ мой; впервые полная сознанія собственныхъ чувствъ, въ тридцать два года я отказалась отъ всего, больною душою прилѣпилась къ сыну и самонадѣянно поклялась жить для него одного.

Когда на другой день я увидѣла барона, я пожала его руку и извинилась передъ нимъ въ безцеремонномъ обращеніи.

— Вчера, сказала я ему, я ушла не дослушавъ того, что̀ вы говорили; мнѣ было такъ грустно, что я весь день просидѣла одна.

— Не ужели вы будете церемониться со мною? сказалъ баронъ. Я здѣсь только для того, чтобы исполнять ваши приказанія въ отсутствіи вашего мужа. Къ тому же, кто лучше меня можетъ понять, сколько вы должны безпокоиться и скучать?

Я опять пристально посмотрѣла на барона, и его свѣтлые голубые глаза глядѣли на меня такъ простодушно, такъ привѣтливо! Мнѣ стало ясно, что онъ нисколько не подозрѣваетъ моего несчастія.

— Семейная жизнь, сказала я, имѣетъ свои радости и свои печали; въ ней, не смотря на союзъ полный согласія и любви, часто не все идетъ такъ, какъ бы слѣдовало, какъ бы хотѣлось.

Баронъ молчалъ, будто выжидая окончанія моей фразы, а я не знала, какъ ее окончить и дать понять ему, что въ отсутствіе Леона я хочу быть полною хозяйкой

— Многія лица въ домѣ мнѣ не нравятся, продолжала я; я не хочу ихъ оставить. Прежде всѣхъ мнѣ надо отпустить няню Паши, которая меня рѣшительно не слушаетъ.

— Какъ же вы давно не отпустили ее? сказалъ баронъ очень спокойно.

— Она нравилась моему мужу.

— Но еслибъ вы намекнули только Томскому, что она не исполняетъ вашихъ приказаній, онъ самъ бы тотчасъ попросилъ васъ отказать ей. Впрочемъ я долженъ сказать вамъ, что Павелъ ужасно избалованъ; самъ отецъ слишкомъ балуетъ его.

— Это еще не бѣда, сказала я, еслибъ Леонъ понялъ характеръ Паши. Всего хуже то, что онъ не только не видитъ его недостатковъ, но даже ихъ-то и считаетъ хорошими качествами.

Я помолчала и потомъ спросила почти рѣшительно:

— Могу ли я говорить съ вами прямо?

Баронъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ.

— Не ужели я не успѣлъ вамъ внушить довѣренности? Если такъ, то могу ли внушить ее однимъ словомъ?

— Нѣтъ, сказала я съ жаромъ,—такъ голосъ барона, грустный и серіозный, проникъ до моего сердца, — я уважаю васъ, слѣдовательно не могу не имѣть довѣренности. Мнѣ стыдно говорить, потому что я сильно чувствую, что выношу то, что̀ заслуживаю.

Я замолчала и покраснѣла отъ внутренняго волненія. Баронъ взялъ мою руку и сжалъ ее:

— Что̀ съ вами? спросилъ онъ тревожно. Я никогда не видалъ васъ такою.

Я залилась слезами. Баронъ глядѣлъ на меня молча съ участіемъ и удивленіемъ.

— Вы положили руку на тайную рану мою, сказала я, пересиливая себя: вы угадали чувства, которыя тревожатъ мены. Могу ли я уважать себя, когда я не умѣла никому внушить уваженія, ни даже шестилѣтнему сыну моему?

—Возможно ли это? воскликнулъ баронъ. Такъ вотъ куда привелъ васъ избытокъ чувствительности и деликатности! Не уважать васъ! Да есть ли на свѣтѣ человѣкъ, который бы имѣлъ это право! Не уважать васъ—образецъ женской мягкости, нѣжности и преданности! Да развѣ вы не знаете, что вы лучшая изъ женъ, добрая и заботливая мать; развѣ вы не знаете, что всѣ тѣ, которые подходятъ къ вамъ ближе, не могутъ не удивляться рѣдкому соединенію ума, правилъ и сердца, и не могутъ не быть проникнуты самымъ глубокимъ къ вамъ уваженіемъ; развѣ никто не говорилъ вамъ этого?

— Кто бы могъ сказать мнѣ все это? сказала я, заливаясь слезами; развѣ я имѣю родныхъ, близкихъ друзей? Я живу одна.

— А мужъ вашъ, который обожаетъ васъ? сколько разъ онъ говорилъ мнѣ о вашей добротѣ! Только теперь я вижу ясно,

что это за странное созданіе женщина: не довольствуется поступками, ей надо слова и увѣренія.

— Не будемъ говорить о Леонѣ, сказала я избѣгая этого разговора, который повелъ бы насъ слишкомъ далеко; я знаю, что Леонъ женился на мнѣ по любви и любитъ меня, прибавила я съ усиліемъ, но и онъ любитъ меня, какъ любятъ ребенка.

— И это не послѣднее счастіе; не смотря на семилѣтнее замужство, въ глазахъ его вы такъ же молоды, такъ же прекрасны какъ въ то время, когда онъ полюбилъ васъ. Ужь конечно на это вы не можете жаловаться.

— Я не жалуюсь, я довольна судьбой моею; я хотѣла говорить съ вами только о моемъ сынѣ. Онъ совсѣмъ меня не слушается, безпрестанно жалуется на меня отцу и нисколько не любитъ и не уважаетъ меня. Это положеніе невыносимо.

Баронъ задумался.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ, я долженъ сознаться, что всѣ мы смотрѣли слишкомъ легкомысленно на ваши отношенія къ сыну. Я помню, что Томскій и я, мы часто смѣялись, когда Павелъ приходилъ жаловаться на васъ; но кто же могъ предполагать, что сердце ваше затронуто этими ребяческими выходками, и что въ васъ таится такая недовѣрчивость къ себѣ и къ другимъ? То-то и есть, продолжалъ баронъ, какъ бы забывая, что онъ говоритъ со мною: чѣмъ женщина лучше, тѣмъ меньше она знаетъ себѣ цѣну!

Настало молчаніе.

—Предоставьте мнѣ Павла. Я его крестный отецъ и имѣю на него нѣкоторое право. Возвратясь, Томскій будетъ доволенъ вами и мною; повѣрьте, что мы исправимъ Павла и сдѣлаемъ изъ него хорошо воспитаннаго мальчика. Онъ очень уменъ и добръ, а съ этимъ чего нельзя сдѣлать?

Я не могла не улыбнуться. Баронъ былъ доволенъ выраженіемъ лица моего и улыбнулся мнѣ съ такою нѣжностію, что я была растрогана.

Съ этого дня я сблизилась съ нимъ; онъ не оставлялъ меня ни на минуту. Онъ читалъ, когда я читала, но лишь только я клала книгу и задумывалась, онъ уже пытался разсѣять меня и чаще прежняго просилъ меня играть на фортепьяно

и пѣть. Онъ страстно любилъ музыку, и я цѣлые долгіе вечера, какъ въ былые годы, разыгрывала самыя трудныя піесы нѣмецкихъ композиторовъ и порою забывала даже о присутствіи барона, который сидѣлъ въ углу, нѣмой и недвижный. Нельзя было не удивляться его искусству въ отношеніи къ Пашѣ и къ домашнимъ. Трудно разказать какъ онъ заставилъ этого ребенка обожать себя, не балуя его; онъ проводилъ съ нимъ цѣлые часы, играя съ нимъ на коврѣ моей гостиной, и подчинялся во всемъ его дѣтской фантазіи; часто по цѣлымъ часамъ онъ разказывалъ ему занимательныя для него исторіи или разсуждалъ съ нимъ, какъ со взрослымъ человѣкомъ. Паша слушалъ его внимательно и опять принимался играть. Трогательно было видѣть барона съ этимъ миніатюрнымъ ребенкомъ; иногда мнѣ казалось, что однимъ неловкимъ движеніемъ этотъ колоссъ задавитъ, уничтожитъ моего маленькаго Пашу, но Паша хохоталъ веселымъ, громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, когда баронъ сильною рукою кидалъ его на мягкія подушки моего большаго дивана. Въ скоромъ времени баронъ пріобрѣлъ такой авторитетъ надъ нимъ, котораго никогда не умѣлъ внушить самъ Леонъ сыну. Паша боялся отца и только изъ боязни слушался его, тогда какъ барона онъ любилъ, и одного серіозно сказаннаго имъ слова было достаточно для прекращенія всѣхъ капризовъ Паши. Часто баронъ говорилъ Пашѣ объ отцѣ и обо мнѣ особенно. Мало по малу Паша сталъ ко мнѣ ласковѣе и не смѣлъ меня не слушаться, особенно при баронѣ, который при немъ, какъ и при всѣхъ, кто посѣщалъ насъ, показывалъ ко мнѣ глубокое уваженіе, смѣшанное съ братскою заботливостію о моемъ спокойствіи. Въ скоромъ времени онъ совершенно измѣнилъ мое положеніе въ домѣ, и заставилъ всѣхъ домашнихъ безпрекословно повиноваться мнѣ. Это конечно случилось не безъ нѣкоторыхъ домашнихъ непріятностей; надо было удалить самыхъ непокорныхъ. Я замѣтила барону, что Леонъ можетъ быть недоволенъ этимъ.

— Я удивляюсь, возразилъ Фрицъ, что вы такъ мало знаете вашего мужа. Его правила таковы, что онъ не можетъ терпѣть въ домѣ тѣхъ, которые не уважаютъ васъ. Ваши желанія всегда идутъ въ уровень съ его волей: какимъ же образомъ какое нибудь незначащее распоряженіе ваше можетъ

быть ему непріятно? Въ моемъ понятіи мужъ и жена составляютъ такое цѣльное единство, что ихъ отношенія къ лицамъ, ихъ понятія, ихъ мнѣнія сливаются въ одно общее стремленіе, изъ котораго вытекаетъ стройный порядокъ жизни, общая гармонія, общее согласіе во всемъ, какъвъ важныхъ случаяхъ жизни, такъ и въ пустыхъ, незначительныхъ.

— Какой идеализмъ! воскликнула я. Теорія одно, практика другое.

— Если такъ, значитъ нѣтъ любви, нѣтъ довѣренности, нѣтъ взаимнаго уваженія, а безъ этого супружество невозможно.

Я замолчала, и невольно задала себѣ вопросъ: какимъ образомъ сошлись такъ близко эти двѣ столько разнородныя натуры? Онъ былъ идеалистъ въ полномъ смыслѣ слова; у него были заранѣе составленныя теоріи, которыя могли бы оказаться несостоятельными, еслибъ пришли въ соприкосновеніе съ дѣйствительностію. Несмотря на опытность, которую онъ долженъ былъ почерпнуть, проживя на свѣтѣ около тридцати лѣтъ, онъ глядѣлъ на людей съ исключительной точки зрѣнія; врожденная снисходительность мѣшала ему видѣть недостатки тѣхъ людей, къ которымъ онъ привязался. Однажды я спросила у Фрица, отъ чего онъ полюбилъ Леона и какъ сошлись они.

Онъ разказалъ мнѣ, что̀ я уже знала, и потомъ прибавилъ:

— Все это вѣроятно вы уже слыхали отъ вашего мужа; но онъ не могъ сказать вамъ, какое впечатлѣніе произвели на меня слова его, когда онъ просилъ товарищей лучше лишить его жизни, чѣмъ позволить ему попасться въ плѣнъ, гдѣ чувство собственнаго достоинства оскорблено и поругано толпою дикарей, гдѣ дѣйствительно помимо воли, несмотря на геройскую борьбу съ самимъ собою, человѣкъ становится звѣремъ. Леонъ говорилъ смѣясь, но я понялъ, сколько благороднаго заключалось въ словахъ его; я слѣдилъ за нимъ съ этой минуты и былъ невыразимо счастливъ, что могъ оказать ему ту услугу, которая привязала его ко мнѣ на вѣки.

— Согласитесь однако, сказала я, что вы легко могли обмануться. Мало ли что говорится въ шутку въ кругу товарищей!

— Конечно, сказалъ баронъ ; но мысль, высказанная Леономъ, поразила меня потому, что только истинно образованный, а вмѣстѣ съ тѣмъ благородный человѣкъ умѣетъ такъ высоко ставить свою личную неприкосновенность. Что же касается до того, какъ высказана мысль — это все равно; я еще предпочитаю шутку, потому что за нею часто скрывается глубокое чувство, которое не всѣмъ бываетъ доступно

Я замолчала и задумалась ; но баронъ продолжалъ говорить о моемъ мужѣ съ непривычнымъ жаромъ, и опять привлекъ мое вниманіе.

— Когда я сблизился съ Томскимъ и узналъ его коротко, мнѣ случалось бояться за него. Честолюбіе его, хотя и основанное на сознаніи пользы, которую онъ былъ способенъ принести отечеству, могло изсушить въ немъ сердце ; но и это опасеніе изчезло съ тѣхъ поръ какъ въ минуту откровенности онъ разказалъ мнѣ прежнюю жизнь свою и впервые повѣрилъ мнѣ свою встрѣчу съ вами и любовь вашу къ нему. Онъ облагородилъ передо мною цѣль, которой достигалъ такъ упорно, и я понялъ тогда, сколько въ его отвращеніи отъ буйной жизни товарищей заключалось рыцарскаго чувства вѣрности къ вамъ. Онъ носилъ въ душѣ своей идеалъ и потому презиралъ все то, что могло сдѣлать его недостойнымъ васъ.

— Согласитесь однако, что мужъ мой обладаетъ прежде всего благоразуміемъ.

— Конечно такъ, и это рѣдкое соединеніе. Случалось, что въ продолженіе цѣлаго года онъ не произносилъ вашего имени, не говорилъ вовсе о любви своей, а если и говорилъ, то тогда только, когда я вызывалъ его на этотъ разговоръ. Это довершило мѣру моей къ нему привязанности. Я не уважаю болтливости въ мужчинахъ, не люблю ее и въ женщинахъ, и это уваженіе Томскаго къ собственному чувству наполнило душу мою энтузіазмомъ къ нему. Въ глазахъ моихъ онъ возвысился до размѣровъ героя, когда я узналъ, что онъ боролся въ трудной битвѣ жизни, не имѣя утѣшенія услышать отъ васъ простаго слова : я буду ждать тебя! Судите сами, могъ ли я не любить его всѣмъ сердцемъ моимъ, я, не имѣвшій ни семьи, ни друзей, ни даже отечества?

Я слушала Фрица съ вниманіемъ и восторгомъ и не смѣла больше прерывать его. Говоря о Леонѣ, онъ высказывалъ мнѣ безсознательно свою собственную душу и тѣ скрытыя въ ней сокровища, которыя до сихъ поръ никому не удалось не только открыть, но даже подмѣтить. Я гордилась моимъ открытіемъ, и не разъ въ послѣдствіи мнѣ удалось замѣтить, что лишь женщинѣ дана способность открывать въ мужчинѣ тотъ родникъ добра и высокихъ стремленій, который часто скрывается отъ всѣхъ, даже самыхъ близкихъ друзей его. Я не раздѣляла съ Фрицемъ мнѣнія его о Леонѣ, но я не хотѣла ни словомъ, ни намекомъ, или даже взглядомъ дать понять ему, какъ онъ ошибочно, по своевольному толкованію словъ и поступковъ моего мужа, заключаетъ объ его характерѣ. Я уважала его ослѣпленіе и говорила себѣ, что не мнѣ, женѣ Леона, слѣдовало присвоить себѣ незавидное право сказать горькое слово правды, которое бы сняло повязку съ глазъ Фрица и заставило бы его разбить тотъ идеалъ друга, который онъ самъ создалъ и на которомъ такъ долго отдыхалъ духомъ. Роль жертвы и роль обвинителя были мнѣ равно ненавистны. Проживъ со мною четыре мѣсяца почти съ глазу на глазъ, Фрицъ не открылъ моей тайны, хотя вліяніе его подѣйствовало на меня благодѣтельно. Я научилась вѣрить въ себя, потому что онъ вѣрилъ въ меня, научилась уважать себя, потому что онъ уважалъ меня, и горячо желала сдѣлаться нравственно лучше, потому что онъ ставилъ меня такъ высоко въ своемъ обо мнѣ понятіи. Я поняла, слушая Фрица, что союзъ полный любви, поэзіи и симпатіи, могъ существовать въ дѣйствительности, что не жизнь обманула меня, а что моя ошибка заключалась только въ выборѣ: что есть люди, подобные тѣмъ, о которыхъ я когда-то мечтала, и что съ однимъ изъ нихъ мнѣ пришлось наконецъ встрѣтиться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ житейская мудрость стала мнѣ доступнѣе; я почерпнула ее не столько изъ моихъ споровъ и разговоровъ съ Фрицемъ (онъ самъ очень часто ошибался), сколько изъ его поступковъ. Однажды найдя его за счетами, я замѣтила ему это и прибавила, что удивляюсь, почему онъ не служитъ.

— Моя жизнь повернулась такъ, что я самъ не знаю, гдѣ мое отечество, сказалъ онъ: это большое несчастіе.

— Какъ это? спросила я съ любопытствомъ.

— Отецъ мой, путешествуя, влюбился въ иностранку и женился на ней; когда онъ привезъ ее въ свое курляндское помѣстье, она постоянно скучала, и не могла привыкнуть ни къ суровому климату, ни къ бѣдной природѣ Курляндіи, ни даже къ нашему образу жизни. Тоска ея по родинѣ заставила отца моего увезти ее на берега Рейна, гдѣ она родилась, и поселиться съ ней въ Мангеймѣ. Тамъ родился я, тамъ и выросъ; лучшіе годы моего дѣтства, моего юношества протекли въ этомъ мирномъ, поэтическомъ уголкѣ благословенной Германіи. Мать моя обожала меня и никогда не разставалась со мною; это было понятно : я былъ ея единственнымъ сыномъ. Я лишился ея осьмнадцати лѣтъ; отецъ мой тотчасъ послѣ ея смерти возвратился въ Курляндію со мною; смерть моей матери убила его нравственно и физически. Пять лѣтъ провелъ я у постели больнаго отца, и несмотря на мою молодость, долженъ былъ заниматься дѣлами, сдѣлался и управителемъ и единственнымъ собесѣдникомъ отца моего. Когда я потерялъ отца, то увидѣлъ себя рѣшительно одинокимъ: у меня не было даже дальныхъ родныхъ, кромѣ старой тетки. Меня неодолимо манило въ даль, туда, гдѣ мой отецъ былъ когда-то такъ счастливъ, туда, гдѣ родилась и жила мать моя, гдѣ я самъ выросъ беззаботно. Не долго однако остался я въ Мангеймѣ; я былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ крѣпокъ и силенъ духомъ, чтобы запереться въ тѣсномъ уголкѣ и жить однимъ воспоминаніемъ, какъ ни свято, какъ ни дорого было оно для меня. Великій божій міръ манилъ меня; предо мною были открыты его широкія ворота; я объѣхалъ Европу, когда же и она потеряла въ глазахъ моихъ прежнюю прелесть, я объѣхалъ кругомъ свѣтъ, былъ на Востокѣ и наконецъ попалъ на Кавказъ.

— И вамъ не наскучило вѣчно странствовать?

— Не могу сказать этого. Несмотря на страсть мою къ кочующей жизни и ея случайностямъ, несмотря на разнообразіе вкусовъ моихъ, слѣдствія праздности, соединенной съ богатствомъ, сказались на мнѣ. Я спѣшилъ жить, видѣть, и въ двадцать пять лѣтъ утомился и сталъ скучать. Я могъ считать за собою двѣ родины и слѣдственно не принадлежалъ ни одной; притомъ поздно было начинать служить, поздно

было подчинять себя обязанностямъ, и я только въ качествѣ волонтера испросилъ позволенія слѣдовать за экспедиціей. Тогда-то я узналъ Леона и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ.

— Но неужели вы, сказала я, въ ваши лѣта отказались отъ надежды на семейную жизнь? Какъ бы вы ни любили меня, мужа моего и сына, эта привязанность не можетъ наполнить жизнь мужчины и заставить его забыть пустоту существованія. Неужели вы не думали о женитьбѣ и не любили?

— Любовь! воскликнулъ Фрицъ, но кто полюбитъ меня и за что? Признаюсь, я боюсь любви, и благодаря скитальческой жизни моей не испыталъ ея.

— Васъ никто не любилъ? спросила я съ изумленіемъ и тотчасъ прибавила: не сердитесь на меня, если я напрашиваюсь на такую полную откровенность съ вашей стороны.

— За что же сердиться? отвѣчалъ онъ, вы можете спрашивать меня обо всемъ, я слишкомъ люблю васъ, и не имѣю ничего, что желалъ бы скрыть отъ васъ. Нѣтъ, меня никто не любилъ истинно, или любили такія женщины, которыя только оскорбили меня своею любовію. Любовь замужней женщины большое несчастіе.

— Любовь чувство невольное, сказала я: имъ управлять нельзя.

— Можетъ быть; но за то можно и должно управлять поступками. Еслибъ это было невозможно, на что же были бы наши правила, честь!

— Вы не любили, баронъ; и потому не знаете что страсть не разсуждаетъ; она сильнѣе разсудка; она увлекаетъ и губитъ. Да, вы сказали правду, любовь замужней женщины величайшее изъ несчастій.

Мы замолчали; я была грустна, онъ задумчивъ; но это минутное настроеніе скоро исчезло въ немъ. Наши долгія, откровенныя, полныя непонятной прелести рѣчи, незамѣтно завязывали между нами крѣпкій узелъ новаго чувства, присутствіе котораго мы не могли подозрѣвать: такъ оно было прикрыто братскою нѣжностію и неодолимою, но невинною симпатіею. Его свѣжая, младенчески воспріимчивая душа была нова для многихъ ощущеній; вѣроятно недостатокъ женскаго общества въ

теченіе многихъ лѣтъ, оставилъ многія стороны его сердца нетронутыми. Сердце его было дѣвственно, если такъ можно выразиться, и отсюда-то вытекала необычайная прелесть и поэзія, которыми были проникнуты его отношенія ко мнѣ. Жизнь наша, тихая, монотонная, не прерываемая ни визитами, ни выѣздами (я не принимала и не выѣзжала никуда въ отсутствіе моего мужа), текла безмятежно и знакомила насъ каждый день съ новыми глубокими радостями. Пробуждаясь утромъ, я открывала глаза съ давно незнакомымъ мнѣ чувствомъ совершеннаго довольства судьбою; я спѣшила къ нему и находила его всегда въ моемъ кабинетѣ: онъ ужь ждалъ меня! Фрицъ чаще, чѣмъ я, говорилъ о моемъ мужѣ и, взрослое дитя, мечталъ о новой нашей жизни втроемъ, радуясь, что отъѣздъ Леона сблизилъ его со мной, а это сближеніе наполнило цѣлый, до тѣхъ поръ пустой для него міръ. Я не совсѣмъ раздѣляла его надежды на будущую жизнь нашу втроемъ, но старалась отвратить мысль мою отъ этой не совсѣмъ пріятной для меня перспективы.

— Я часто думаю, говорилъ мнѣ Фрицъ, прерывая долгое молчаніе, которое часто мы оба хранили, я часто думаю, какъ могъ я такъ долго жить подлѣ васъ и не знать васъ вполнѣ. Какъ безконечно долженъ быть счастливъ мужъ вашъ, который любитъ васъ, и котораго вы сами любите, если уже дружба ваша можетъ такъ живительно подѣйствовать на все бытіе человѣка. Вы сами не знаете, сколько тайной прелести заключается въ дружескихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, какъ много поэзіи въ одномъ ея присутствіи, какъ много чистѣйшаго наслажденія въ ея привязанности! Да и мудрено ли, что вы не знаете этого, когда я самъ такъ поздно узналъ все это! Благодарю судьбу: я не растратилъ ни сердца, ни души моей, и могу вполнѣ посвятить ихъ вамъ и вашему семейству. Быть можетъ воспоминаніе о моей матери хранило меня отъ порочныхъ увлеченій; какъ бы то ни было, я теперь у пристани; я такъ прилѣпился къ вамъ, что жизнь безъ васъ сдѣлалась для меня невозможною.

И я, которая нѣсколько недѣль назадъ не вѣрила этой жизни втроемъ, мало по малу поддавалась его вліянію, и мы оба,

и вслухъ и мысленно, на яву и во снѣ, строили планы будущаго и предавались химерическимъ надеждамъ, не подозрѣвая, что въ обстановкѣ нашего будущаго, я для него, а онъ для меня, были на первомъ планѣ, за которымъ терялось все остальное. И на насъ, какъ на многихъ другихъ, повторилась старая истина: любовь подкралась къ намъ предательски, и овладѣвъ нами, затмила разумъ. Мы находились въ томъ невыразимо счастливомъ періодѣ чувства, когда упоеніе имъ вполнѣ охватило сердце, а сознаніе не пришло еще. Ударъ однако былъ близокъ, тотъ ударъ, который долженъ былъ, если не разсѣять всего моего ослѣпленія, то по крайней мѣрѣ нанести смертельный ударъ моему настоящему счастію.

Однажды я сидѣла у камина; Паша, никогда не покидавшій меня, сидѣлъ у ногъ моихъ и игралъ съ стоявшимъ передъ нимъ на колѣнахъ Фрицемъ, когда человѣкъ подалъ мнѣ письмо. Оно было прислано съ нарочнымъ изъ небольшой подмосковной нашей; я распечатала его съ волненіемъ и быстро пробѣжала глазами. Это было нѣсколько наскоро написанныхъ строкъ: мужъ мой увѣдомлялъ меня о скоромъ своемъ пріѣздѣ въ деревню, гдѣ предполагалъ остаться для провѣрки счетовъ, и писалъ, что надѣется быть со мною на другой день вечеромъ.

Меня обдало холодомъ: все существо мое вдругъ проникнулось безпокойствомъ и тревогою. Я не сознавала за собою никакой вины, и однако какое-то безпокойное томленіе, какое-то болѣзненное біеніе сердца, какой-то мнѣ самой непонятный страхъ, какъ будто я совершила преступленіе, овладѣли мною. Фрицъ долго стоялъ передо мною и силился прочесть на лицѣ моемъ волновавшее меня чувство; онъ былъ блѣденъ и задумчиво смотрѣлъ на огонь; лицо его поминутно измѣнялось, но онъ упорно продолжалъ молчать. Мнѣ стало еще тяжелѣе; я закрыла лицо платкомъ и зарыдала.

Паша встревожился и бросился ко мнѣ весь въ слезахъ; я взяла его и отнесла къ нянѣ. Возвратившись, я нашла Фрица въ той же позѣ: онъ также задумчиво и пристально глядѣлъ на переливающійся огонь камина.

— Такъ вы не хотите знать, что со мною? спросила я не безъ волненія и скрытой досады.

— Я это знаю, сказалъ онъ тихо и спокойно, но это спокойствіе голоса при измѣненіи всего лица было поразительно и произвело на меня какое-то мрачное впечатлѣніе.

— Что вы знаете?

— Я вижу, что вы получили письмо отъ Томскаго; онъ вѣроятно пишетъ вамъ, что будетъ не такъ скоро, какъ вы предполагали. Женщины странно созданы! Я не надивлюсь имъ! Лучшая изъ нихъ и причудлива, и малодушна. Ходите за ней, какъ за ребенкомъ, покойте и лелѣйте ее, она забудетъ тѣхъ, кого любила прежде, и будетъ спокойна и счастлива; но вотъ двѣ строки, и она въ отчаяніи, потому что мужъ ея пріѣдетъ двумя недѣлями позднѣе, чѣмъ она ожидала, и ей ничего не значитъ оскорбить дѣтскими слезами того, кто готовъ заплатить жизнію за всякую слезу ея.

Помимо воли Фрица, чувство оскорбленной любви, которой онъ еще не подозрѣвалъ, звучало въ интонаціи его голоса, и проглядывало въ лицѣ, которое дышало то ироніей, то негодованіемъ, то безконечною нѣжностію. Никогда еще не слыхала я отъ него ни такой жесткой, ни вмѣстѣ такой страстной фразы; но я не могла разсуждать въ эту минуту, я могла только чувствовать, и упрекъ Фрица вдругъ заставилъ меня рѣшиться открыть ему то, что я такъ давно скрывала отъ него. Я встала, дрожа съ головы до ногъ; смертельный холодъ, будто внутренній ознобъ, бѣжалъ въ жилахъ моихъ; долго я не могла произнести ни слова; губы мои дрожали.

— Фрицъ! наконецъ сказала я, впервые называя его такъ, при чемъ онъ вздрогнулъ и взглянулъ на меня горѣвшими глазами: Фрицъ, другъ мой, неужели вы такъ мало меня знаете и до сихъ поръ ничего не угадали? Неужели я должна признаться вамъ въ томъ, что я такъ долго скрывала отъ себя самой. Фрицъ, я давно несчастлива и не люблю моего мужа.

— Возможно ли это! воскликнулъ онъ, кидаясь ко мнѣ, и вдругъ остановился окаменѣвъ на мѣстѣ. Возможно ли это? повторилъ онъ медленно, будто силясь понять собственныяслова.

— Не люблю, Фрицъ; мало того, я боюсь его. Я не могу представить себѣ, что будетъ со мною теперь, когда я привыкла, благодаря вашимъ попеченіямъ и нѣжности, жить спокойно, и познакомилась снова съ счастіемъ.

— Это невозможно! Вы не то говорите , вы не обдумали, не поняли, что̀ сказали!

Я залилась слезами.

— Не плачьте, сказалъ Фрицъ съ какимъ-то ожесточеніемъ и такъ мрачно, что я испугалась Не плачьте: я не могу вынести слезъ вашихъ. Это выше силъ моихъ!

Я отерла слезы, старалась успокоиться и говорить твердо.

— Вы правы; я никогда не ссорилась съ мужемъ , я повиновалась, но мое безгласное повиновеніе было повиновеніемъ рабы; оно убило любовь мою , едва не убило меня самой ; я чувствовала мое униженіе и едва перенесла его. Тяжесть моей неволи....

— Я ничего не понимаю, сказалъ Фрицъ съ возраставшимъ внутреннимъ волненіемъ, которое онъ старался подавить всѣми силами души. Я знаю давно Леона: онъ не способенъ сознательно на ненавистную роль. Я жилъ съ вами по цѣлымъ мѣсяцамъ, и ни одно слово его не могло мнѣ подать повода думать, что вы оба несчастливы.

— Кто вамъ говоритъ объ *немъ*? сказала я не безъ негодованія; *онъ* можетъ быть и счастливъ, да я несчастлива, Фрицъ! Я самая несчастная изъ женщинъ. Я не могу вамъ объяснить всего этого теперь. Довольно, что письмо его поразило меня; что̀ я говорю? Оно лишаетъ меня всего : воли, спокойствія, возможности дышать свободно. *Онъ* пишетъ, что будетъ сюда завтра вечеромъ.

Фрицъ прошелся по комнатѣ въ сильномъ волненіи, потомъ подошелъ ко мнѣ и холодною какъ ледъ рукою взялъ меня за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ тихо, дрожавшимъ голосомъ.

— Будьте мужественны... Будьте тверды... Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но голосъ его замеръ и измѣнилъ ему. Я залилась слезами и задушала свои рыданія, закрывая платкомъ лицо мое.

— Боже мой! воскликнулъ Фрицъ со страстію , которая, впервые прорываясь, придала его голосу какой-то ужасный для сердца звукъ отчаянія Боже мой! не доставало только видѣть ее несчастною! Что̀ же остается мнѣ теперь?

— Фрицъ! могла я только сказать ему въ отвѣтъ—помогите мнѣ нести крестъ мой; не оставляйте меня!

— Никогда, никогда не оставлю я васъ; я даю вамъ въ томъ мое честное слово.

Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки; я взяла ихъ и сжала крѣпко въ моихъ рукахъ, и не оставляя ихъ, сказала ему тихо, съ какимъ-то спокойствіемъ, будто оно вдругъ сошло на меня:

— Съ вами я ничего не боюсь; я буду умѣть все перенести и всему покориться.

— Все перенести! Всему покориться! повторилъ онъ будто машинально и глубоко задумался.

Долгая, безсонная ночь прошла для насъ незамѣтно; успокоившись нѣсколько, я откровенно раскрыла ему всю глубину моего несчастія, всю безвыходность моего положенія, и многое уяснила себѣ еще больше, когда повѣрила ему всю жизнь мою.

— И вы молчали! Мучились и молчали! сказалъ онъ.

— Кому бы сказала я, и зачѣмъ?

— Да, я не зналъ васъ; я жилъ такъ близко и былъ отъ васъ такъ далеко, сказалъ Фрицъ. Я не сужу Томскаго; между мужемъ и женой не можетъ быть судьи. Вы несчастливы, и мнѣ этого слишкомъ довольно, чтобы посвятить вамъ всю жизнь мою.

Онъ говорилъ съ какимъ-то напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы боясь сказать что нибудь другое, и спѣшилъ оставить меня. Я не совсѣмъ понимала, что происходило въ немъ, и не могла объяснить себѣ этотъ быстрый переходъ его изъ отчаянія къ какой-то холодности и внезапному желанію остаться одному, которое заставило его покинуть меня такъ неожиданно. Долго не могла я заснуть, но наконецъ физическая усталость взяла верхъ и какой-то свинцовый тяжкій, сонъ сошелъ на меня.

— На другой день я встала поздно и выйдя въ гостиную, не нашла въ ней Фрица. Это случилось въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ остался со мною послѣ отъѣзда Леона. Я была погружена въ собственныя мысли, когда передъ обѣдомъ явился Фрицъ; онъ велъ за руку моего маленькаго Пашу и за своими шутками съ нимъ старался скрыть какое-то смущеніе, смѣшанное съ холодностью, которое впрочемъ нисколько не ускользнуло отъ меня. Мы молча пообѣда-

ли и вошли въ кабинетъ, тотъ кабинетъ, гдѣ когда-то лились между нами непринужденныя рѣчи, гдѣ давно поселилась между нами безграничная откровенность, гдѣ еще такъ недавно я высказала ему всю мою душу. Рѣшеніе его по видимому было принято; онъ сталъ говорить о чемъ-то со мною, привязался къ первому попавшемуся слову и силился повернуть разговоръ въ смѣшную и забавную сторону. Эта попытка не удалась ему; такое поведеніе оскорбило меня, да казалось и ему оно пришлось не по силамъ. Сказавъ двѣ три неловкія шутки, онъ замолчалъ и стоялъ передо мною, блѣдный и смущенный.

Я взглянула на него съ выраженіемъ упрека и сказала холодно:

— Чтожь? Продолжайте. Вмѣсто участія — шутка, вмѣсто нѣжности — необъяснимая холодность. Это, кажется, достойное вознагражданіе за мою вчерашнюю откровенность. Нѣтъ ли у васъ еще шутки въ запасѣ? она будетъ кстати въ эти послѣднія минуты. Подите! сказала я горько, послѣ минуты молчанія: я умѣю страдать и одна.

Онъ бросился ко мнѣ.

— Другъ мой! сказалъ онъ быстро, не отнимайте у меня послѣдняго луча разсудка, послѣдней попытки на силу воли. Развѣ вы не видите, что я схожу съ ума и шучу отъ избытка отчаянія?

Голосъ его пронзилъ мою душу: я вглянула на него, и все стало мнѣ ясно. Онъ любитъ меня, любитъ! зазвучало въ ушахъ моихъ, и что то въ самой глубинѣ моего сердца отвѣтило на этотъ вопль прозрѣвшей души: и я люблю его! Это слово однако осталось невыговореннымъ; я замерла на мѣстѣ, и закрывъ руками пылавшее лицо мое, бросилась вонъ изъ комнаты. Но онъ настигъ меня, остановилъ за руку и сказалъ твердо, овладѣвъ собою:

— Не такъ, не такъ должны мы разстаться. Вашъ мужъ—мой старый другъ пріѣдетъ черезъ нѣсколько часовъ. Успокойтесь. Онъ не долженъ знать что между имъ и вами стою я. Это единственная вещь, которую мы сохранимъ отъ него въ тайнѣ. Вы вчера все сказали, я все понялъ; теперь все кончено.

Заключимся каждый въ исполненіи нашихъ обязанностей. Онѣ велики и тяжки; будемъ надѣяться, что мы не ниже нашей доли и найдемъ примиреніе и успокоеніе въ исполненіи нашего долга; не такъ ли?—Онъ подалъ мнѣ руку; молча я протянула ему свою, не на союзъ, а на разлуку.

Не другой день утромъ я узнала, что мужъ мой пріѣхалъ ночью и былъ у Фрица. Скоро онъ вошелъ въ мою комнату.

— Какъ? Еще въ постелѣ, сказалъ онъ полу-шутя,-полусеріозно, цѣлуя меня. Видно, что когда хозяинъ не дома, всѣ пользуются свободой.

— Какіе пустяки! возразила я, смѣясь принужденно. Послушавъ тебя, можно подумать, что я не могу жить безъ опеки. Посмотри, какъ я отлично распоряжалась безъ тебя.

— Воображаю, отвѣчалъ онъ, особенно при помощи Фрица.

— Ты очень ошибаешься; если Фрицъ и дѣлалъ что нибудь, то по моему приказанію.

— Вотъ какъ! сказалъ Леонъ смѣясь и тотчасъ перешелъ къ другому разговору.

Когда мы сошлись вмѣстѣ, мужъ мой, Фрицъ и я, никто не могъ бы отгадать, что произошло между нами вчера. Фрицъ былъ по видимому спокоенъ и не измѣнилъ своего прежняго обращенія со мною. Онъ былъ ласковъ и внимателенъ ко мнѣ, по прежнему слушалъ Леона и вставлялъ свое слово въ разказы моего мужа Когда черезъ нѣсколько дней мнѣ случилось увидѣть Фрица наединѣ, онъ не спросилъ у меня, какъ я встрѣтилась съ мужемъ, и вообще избѣгалъ разговора, который бы могъ повести насъ къ новому взрыву чувствъ. Жизнь моя казалось текла ровно и спокойно ; но это казалось только. Каждый день я страдала больше и больше, и скоро вся сосредоточилась на обсужденіи моихъ отношеній къ мужу. На мнѣ легла тяжелая цѣпь и не оставляла мнѣ ни минуты покоя и свободы. Постоянное біеніе моего измученнаго сердца перешло въ болѣзненную нервную раздражительность. Я избѣгала столкновеній съ мужемъ, но они по мимо воли моей чаще прежняго возникали изъ бездѣлицъ. Годъ свободы безъ него, цѣлый годъ, проведенный подъ освѣжающимъ дыханіемъ нѣжнѣйшей заботливости Фрица, принесъ плоды свои. Я привыкла къ нѣкоторой самостоятельности, и не желая бороться съ мужемъ моимъ,

иногда противъ воли своей противорѣчила ему. Это было для него новостью.

— Да что́ съ тобой сдѣлалось? спросилъ онъ у меня однажды: я не узнаю тебя. Мнѣ кажется, Фрицъ совсѣмъ избаловалъ тебя.

— Развѣ я дитя?

— Женщина всегда дитя. Не забывай однако, что Фрицъ не могъ тебѣ ничего приказывать, а я тебѣ мужъ.

Такія размолвки повели за собою серіозныя ссоры, которыя все больше и больше развивали между нами обоюдное неудовольствіе, мало по малу превращавшееся съ моей стороны въ чувство — странно и теперь вымолвить — какого-то отвращенія, смѣшаннаго съ непобѣдимымъ страхомъ. Не смѣя, или думая, что не имѣетъ права вставить слова въ мою защиту, Фрицъ меньше оставался съ нами и былъ постоянно у себя внизу. Лишившись его, я такъ сильно и глубоко почувствовала свое одиночество, жизнь показалась мнѣ такъ невыносима, что я, не имѣя силы и боясь не только объясненія, но даже намека, избѣгала оставаться съ мужемъ и подъ предлогомъ домашнихъ распоряженій и любви къ сыну оставалась по цѣлымъ днямъ у себя въ комнатѣ. Мои отношенія къ мужу были такъ напряженны, что не могли оставаться въ одномъ положеніи. Однажды, войдя ко мнѣ въ комнату, Леонъ засталъ меня чуть не въ слезахъ; я лежала на кушеткѣ, сложа руки, въ позѣ полной отчаянія, смѣшаннаго съ какою-то тупою покорностію судьбѣ.

— Что́ съ тобою? спросилъ онъ у меня отрывисто.

— Ничего; я нездорова.

— Такъ пошли за докторомъ.

Я молчала; онъ взглянулъ на меня и долго ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы. Молчаніе длилось; наконецъ онъ остановился противъ меня и долго глядѣлъ на меня.

— Ты молчишь, сказалъ Леонъ, и не хочешь говорить со мною; этого я долженъ былъ ожидать: всѣ женщины таковы. Онѣ любятъ, не зная почему, и перестаютъ любить точно также. Все это очень обыкновенно, и мнѣ слѣдовало ожидать этого. Но могъ ли ожидать я того, что́ случилось?

— Что́ случилось? повторила я машинально, будучи не въ силахъ произнести словъ его тономъ вопроса. Я чувствовала, что буря близко, и готова разразиться на меня.

— Что̀ случилось! Я ли долженъ объяснять вамъ это! Неужели вы думаете обмануть меня? развѣ я не вижу перемѣны въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ и еще больше къ Фрицу? Онъ оставался съ вами цѣлый годъ; я поручилъ, имѣлъ безуміе поручить васъ ему; да и кто бы не сдѣлалъ этого, зная его честность, холодность и разсудительность? Я расчелъ вѣрно какъ всегда, но забылъ поставить въ расчетъ самое важное, женскую прихоть, женское безуміе, женскую страсть къ тайнамъ и всякаго рода обманамъ.

— Я неспособна обманывать, сказала я вдругъ довольно твердо, возбужденная его презрѣніемъ; гордость моя проснулась и придала мнѣ силы.

— Положимъ такъ, возразилъ мнѣ мужъ мой; но скажите, развѣ это неправда, что вы влюблены въ Фрица?

— Правда только то, что я въ первый разъ слышу такое слово.

Я залилась слезами.

— Зачѣмъ, сказала я рыдая, вы насильственно и безжалостно врываетесь въ тайникъ души моей? и если въ ней есть чувство, въ которомъ я не признаюсь даже самой себѣ, зачѣмъ вырываете вы его оттуда и заставляете меня краснѣть передъ вами отъ стыда и негодованія?

Я пристально смотрѣла на Леона и не могла не замѣтить, что слова мои видимо успокоили его. Онъ вздохнулъ глубоко, какъ вздыхаетъ человѣкъ избѣгнувшій гибели. Однако не смягчился, и не желая показать мнѣ чувствъ своихъ, сказалъ строго и почти запальчиво:

— Я однако не могу не сказать вамъ, что вы очень ошибаетесь, если считаете меня за близорукаго или слишкомъ снисходительнаго мужа. Если правда, что вы не признались въ своемъ безуміи даже самой себѣ, то я могу еще простить васъ, и взглянуть на ваше чувство, какъ глядятъ обыкновенно на капризную шалость ребенка. Не шутите мной однако. Я не люблю семейныхъ сценъ, и избѣгаю огласки или скандала;

я слишкомъ дорожу моимъ спокойствіемъ, моимъ только что пріобрѣтеннымъ положеніемъ въ обществѣ, и конечно безъ крайности не стану подкапывать его. Я не врагъ ни себѣ, ни вамъ и надѣюсь, что мой разговоръ съ вами останется тайной для всякаго, кто бы онъ ни былъ. Я не желаю ссориться ни съ кѣмъ, и увѣренъ, что Фрицъ не былъ виноватъ во всемъ этомъ; я знаю какъ онъ любилъ меня прежде, знаю какъ онъ честенъ. Но какого мужчину не увлечетъ женщина, если она этого захочетъ! Я помню еще мою собственную молодость и наши свиданія въ залѣ, которыя едва не погубили всей моей будущности.

— Я думала, сказала я съ холоднымъ негодованіемъ, что моя любовь къ вамъ была напротивъ основаніемъ всей вашей будущности.

— Теперь не время спорить о прошломъ; если я вспомнилъ объ немъ, то для того только, чтобы предупредить васъ объ ожидающей васъ опасности. Ведите себя какъ слѣдуетъ, если вы раскаетесь. Если вы не будете беречь себя сами, я конечно не пощажу ни васъ, ни его, ни даже себя; всѣ ваши поступки, все ваше поведеніе должны быть безукоризненны.

— Кажется до сихъ поръ вы не можете обвинить меня въ неосторожности; повѣрьте, что я соглашусь лучше умереть, чѣмъ сдѣлать что нибудь противное совѣсти; я жена и мать, и никогда не забуду этого. Будьте же покойны на этотъ счетъ и оставьте меня одну. Всякое слово ваше что нибудь да убиваетъ во мнѣ.

— Удивительно! чувствительность, соединенная съ необычайнымъ хладнокровіемъ! возразилъ мужъ мой горячо. Развѣ вы думаете, что мнѣ легче вашего? Пожалуста не записывайтесь въ жертвы, а взгляните-ка на себя попристальнѣе: ужь полно не вы ли взяли на себя роль палача? Десять лѣтъ моей жизни я трудился неусыпно, копилъ деньги, выносилъ капризы начальниковъ, гнулъ спину, работалъ день и ночь...

— Чтобы жениться на мнѣ, сказала я насмѣшливо.

— А! вы теперь стали меня анализировать, судить и осуждать. Обыкновенный ходъ дѣла, когда женщина перестала любить. Пусть такъ! Положимъ, что я трудился и не для одной васъ: это не мѣняетъ моего положенія. Я достигъ виднаго

мѣста, женился на бѣдной дѣвушкѣ, когда могъ жениться на богатой, и вмѣсто того, чтобы жить спокойно и счастливо, надѣлалъ долговъ.

— Развѣ я вовлекала васъ въ нихъ? Развѣ я виновата? возразила я горячо.

— Конечно виноваты, если не умѣли подумать о своей будущности и не позаботились о своемъ состояніи; а я чѣмъ виноватъ? Нельзя же мнѣ, имѣя видное мѣсто, занимая извѣстное положеніе, не принимать у себя, не жить наконецъ такъ, какъ слѣдуетъ, не жить пріятно послѣ столькихъ трудовъ. Мало этого: въ надеждѣ поправить дѣла я отправляюсь въ деревню и поручаю жену и сына старинному, испытанному другу. Что́ дѣлаетъ жена? Обыкновенно что̀: влюбляется въ друга.

Леонъ горько засмѣялся.

— И въ какое положеніе ставите вы меня? Вы ссорите меня съ человѣкомъ, которому я обязанъ очень, очень многимъ. Вы заразъ лишаете меня друга и жены. Это ужасно! И кто знаетъ, что̀ будетъ дальше!

— Надѣюсь, сказала я, что тутъ окончатся всѣ мои преступленія. Я честная женщина; сожалѣю, что сама должна сказать это вамъ, и что вы такъ мало меня знаете. Люди судятъ поступки, Богъ видитъ сердце и судитъ его невольныя біенія.

— Пусть такъ, сказалъ Леонъ; но если я не знаю васъ, то вы не можете сказать того же обо мнѣ. Вы должны знать: я дорожу своимъ положеніемъ, сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы не разрушить его, пожертвую многимъ; но не доводите меня до крайности. Если вы своимъ поведеніемъ вынудите меня дѣйствовать, я не пожалѣю васъ и разрушивъ дорого купленное мною положеніе, разрушу вмѣстѣ съ тѣмъ и всю вашу будущность. Я сказалъ: пусть слѣдствія, если они будутъ, обрушатся на вашу голову.

Онъ вышелъ. Долго плакала я; всѣ чувства мои были оскорблены и унижены; даже дѣтская любовь моя къ нему не нашла пощады: онъ имѣлъ духъ упрекнуть меня и ею. Горько сознавалась я самой себѣ, что вся жизнь моя была не болѣе,

какъ гибельною ошибкой; ни въ чемъ и нигдѣ не находила я успокоенія и утѣшенія. Собственный домъ мой сдѣлался мнѣ невыносимъ, а мысль остаться наединѣ съ мужемъ повергала меня въ новыя, безпрестанныя волненія. Я бѣжала отъ себя самой, бѣжала дому и бросилась въ вихрь свѣта, надѣясь заглушить разнородныя, обуревавшія меня чувства. Лихорадочною жизнію жила я цѣлый мѣсяцъ и силою воли переломила физическую болѣзнь. Я по цѣлымъ днямъ не была дома и почти не видала ни мужа, ни Фрица. Мужъ мой казалось былъ доволенъ такою развязкой, и встрѣчаясь со мной, обращался если не ласково, то прилично; съ Фрицемъ онъ былъ холоднѣе прежняго, и постоянно избѣгалъ долгихъ, какъ бывало прежде, бесѣдъ съ нимъ. Фрицъ не искалъ случая сблизиться ни съ нимъ, ни со мною, не жилъ общею жизнью съ нами и мало по малу, все больше и больше удалялся изъ среды нашего семейства. Мнѣ казалось, когда я думала о немъ, что онъ мало по малу хотѣлъ пріучить меня къ своему отсутствію, и я содрогалась при мысли, что онъ вдругъ можетъ быть оставитъ меня и не сдержитъ своего обѣщанія.

Такъ прошло нѣсколько времени. Однажды мужъ мой воротился раньше обыкновеннаго и вошелъ ко мнѣ ; я сидѣла за пяльцами и вышивала по канвѣ. Паша игралъ подлѣ меня. Съ нѣкоторыхъ поръ я не могла читать, боялась думать, и потому постоянно, до умственнаго и физическаго утомленія, сидѣла за своею работою. При шумѣ шаговъ моего мужа я подняла голову и взглянула на него; онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Вопросъ готовый сорваться съ языка моего, будто по предчувствію чего-то страшнаго, замеръ, а сердце билось, билось до того, что дыханіе захватывало.

— Возьмите Пашу , сказалъ Леонъ, обращаясь къ нянѣ, и продолжалъ ходить взадъ и впередъ по узкой комнатѣ.

Каждый шагъ его отзывался во всемъ существѣ моемъ; я не смѣла спрашивать, онъ не говорилъ. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія, наконецъ Леонъ остановился передо мною и пристально посмотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я машинально встала и обратила къ свѣту шитье мое , будто любуясь его узоромъ.

— Что́ ты дѣлаешь? спросилъ меня Леонъ.

— Ты видишь; я шью подушку. Я замолчала, не смѣя выговорить имя Фрица Мнѣ казалось, что одно имя это, произнесенное при мужѣ моемъ, будетъ поводомъ къ новой ссорѣ, а лгать я не умѣла.

Мужъ мой угадалъ все.

— Оставь! крикнулъ онъ на меня и вдругъ выдернулъ пяльцы изъ-подъ рукъ моихъ и такъ сильно толкнулъ ихъ, что онѣ опрокинулись на полъ, и клубки шерсти и шелку раскатились во всѣ стороны.

— Леонъ! что́ съ вами? Ради Бога, что́ съ вами? воскликнула я, пришибнутая ужасомъ. Мужу моему, казалось, вдругъ стало стыдно порыва гнѣва, которому онъ поддался; онъ на скоро подобралъ клубки и молча положилъ ихъ на мѣсто.

— Но что́ такое случилось? скалала я, подходя къ нему и невольно складывая руки. Моя умоляющая поза, испуганный взглядъ поразили его. Онъ посмотрѣлъ на меня пронзающимъ насквозь взглядомъ, потомъ отвернулся отъ меня и сказалъ отрывисто, не обращаясь впрочемъ ко мнѣ:

— Гдѣ Фрицъ?

И не дожидаясь отвѣта, онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Я осталась пораженная и неподвижная. Что̀ могло такъ взволновать Леона? Никогда не былъ онъ грубъ въ пріемахъ; порывы гнѣва не были въ его привычкахъ; онъ владѣлъ собою. Я не смѣла идти за нимъ и все стояла надъ пяльцами, опустивъ голову и руки и смутно понимая, что въ умѣ моего мужа шевелится новое подозрѣніе. Голосъ Лизы Нервичъ вывелъ меня изъ задумчивости. Ея присутствіе удивило и испугало меня. Она ѣздила ко мнѣ не слишкомъ часто, и никогда не бывала утромъ; ея серіозный и очевидно чѣмъ-то озабоченный видъ не могъ помочь мнѣ успокоиться. Мы сѣли: но разговоръ нашъ, начинавшійся нѣсколько разъ, не могъ рѣшительно завязаться.

— Что́ ты такъ скучна? спросила у меня Лиза.

— Я не скучна, но ты озабочена, возразила я улыбаясь.

— Чистая правда; я пріѣхала къ тебѣ нарочно раньше обыкновеннаго; мнѣ хотѣлось застать тебя одну и поговорить съ тобою. Признаюсь, я струсила и не знаю какъ сказать, а гово-

рить разумѣется надо — для твоей же пользы и будущаго спокойствія.

— Что̀ такое? Говори скорѣе, сказала я нетерпѣливо, и яркій румянецъ покрылъ мои щеки.

— Хорошо, только не пеняй на меня; я знаю сама, какъ несносны всѣ эти свѣтскія пріятельницы, которыя, не спрашиваясь насъ, переносятъ намъ сплетни....

— Безъ предисловій, ты уморишь меня!

Лиза посмотрѣла на меня съ безпокойствомъ.

— Какое волненіе, воскликнула она. Успокойся; какъ же я скажу тебѣ, если...

— Боже мой! сказала я, сжимая руки.

— Слушай же; вчера у Черногорскаго былъ мужской вечеръ и ужинъ; говорили о женщинахъ.... какъ бы тебѣ сказать это.... ну, о женщинахъ, которыя обманули мужей своихъ, и предложили тостъ за ту, которая обманываетъ мужа искуснѣе другихъ. Послѣ многихъ споровъ было рѣшено, что надо пить твое здоровье, потому что твой любовникъ первый и единственный другъ твоего мужа, и что онъ самъ уѣзжая поручаетъ тебя ему. Черногорскій особенно острилъ на твой счетъ; кажется онъ не забылъ старой вражды своей съ тобою.

— Боже, Боже мой! произнесла я глухо, стиснувъ судорожно руки.

— Не пугайся, Стеня, все это можно поправить, и если бы въ томъ только было все дѣло, я бы и не подумала пересказывать тебѣ глупые толки. Велика бѣда, что пьяные мужчины разгласили то, что̀ должно бы оставаться тайной! Но вотъ гдѣ бѣда: послѣ ужина многіе напали на твоего мужа, увѣряя, что онъ все знаетъ и молчитъ потому, что баронъ богатъ и даетъ ему много денегъ взаймы; другіе вступились за твоего мужа и положили написать ему безыменное письмо, чтобы подробно извѣстить его обо всемъ. Письмо дѣйствительно было написано, и его хотѣли послать къ твоему мужу нынче утромъ. Я потому и пріѣхала сказать тебѣ все это, что считаю необходимымъ перехватить письмо и не допустить его до твоего мужа.

Я молчала, и была такъ поражена, что не могла говорить.

— Да что́ жь ты стоишь? поди, распорядись; надо чтобы нынче принесли всѣ письма къ тебѣ. Весьма вѣроятно, что ты

минуешь опасность, если захватишь письмо; два раза не будутъ писать такихъ глупостей.

— Мужъ мой, вѣроятно, получилъ ужь его, сказала я съ спокойствіемъ отчаянія.

— Гдѣ же онъ? спросила Лиза съ испугомъ.

Я вскрикула и бросилась въ комнаты Леона: его тамъ не было; я сбѣжала внизъ: дверь къ барону была заперта на ключъ. Я возвратилась въ гостиную и упала рыдая на подушки дивана. Лиза подошла ко мнѣ; она сама горько плакала, но старалась говорить покойно.

— Стеня, ты губишь себя, другъ мой! Ты какъ дѣвочка рыдаешь и плачешь, а тебѣ надо вооружиться твердостію. Покажи мужу холодность и спокойствіе; озадачь его. Вотъ, душа моя, ты все та же, что̀ и прежде. Любить умѣешь, а обмануть не знаешь. Въ такомъ случаѣ, лучше бы тебѣ не лѣзть въ эту бѣду и опасаться любви и интриги.

Сперва я едва слушала Лизу, но послѣднее слово ея пробудило мое вниманіе; румянецъ негодованія зажегъ огнемъ мои щеки; я привстала, опершись на локоть, и сказала:

— О какой интригѣ говоришь ты?

— Что́ ты? играешь комедію со мною? Стеня! Стеня! такъ не платятъ за дружбу. Въ городѣ никто не сомнѣвается въэтомъ.

— Въ чемъ? Да говори же! воскликнула я. Не ужели ты, ты думаешь, что Фрицъ.... Голосъ мой замеръ.

— Полно, Стеня, успокойся; къ тому же, что́ мнѣ за дѣло? Развѣ я пришла къ тебѣ за тѣмъ чтобъ слушать твои оправданія? у меня, право, одна забота: любя тебя, я боюсь за тебя—вотъ и все! Лучше подумай о своемъ мужѣ, о своемъ настоящемъ положеніи, чѣмъ терять дорогое время, разувѣряя меня.

— Оставь меня, оставь, закричала я, закрывая руками горѣвшее лицо мое и заливаясь слезами. Лиза плакала со мною и не пыталась уже сказать ни слова, боясь повергнуть меня въ новый порывъ отчаянія. Я чувствовала, что она жалѣетъ меня, считая меня однако виновною. Но я не хотѣла и не допускала возможности оправдываться. Къ тому же я не могла оторвать тревожной мысли моей отъ Леона и Фрица. Что̀ они оба? Гдѣ они?

Они были вмѣстѣ въ эту самую минуту.

Леонъ вошелъ стремительно къ Фрицу и заперъ дверь за собою.

— Знаешь ли ты, спросилъ онъ у Фрица, вдругъ остановившись передъ нимъ, знаешь ли ты, что̀ говорятъ въ городѣ?

Фрицъ спокойно всталъ изъ-за письменнаго стола, устремивъ вопросительной взглядъ на моего мужа, и сказалъ также спокойно:

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ я скажу тебѣ. Говорятъ, что ты любовникъ жены моей.

Фрицъ поблѣднѣлъ и оперся рукою на спинку кресла; его дрожавшія ноги, казалось, отказывались его поддерживать. Лицо его измѣнилось, и судорожно сжатыя губы задрожали.

— Что̀ ты скажешь? Говори же! произнесъ мой мужъ съ подавленною яростію.

Фрицъ поднялъ глаза свои и прямо смотрѣлъ на Леона.

— Ты этому вѣришь? произнесъ онъ медленно и твердо, не спуская глазъ своихъ съ блѣднаго лица Леона.

Настала минута молчанія; мужъ мой боролся съ собою; наконецъ, прочелъ ли онъ отвѣтъ въ глазахъ Фрица, или старая дружба и довѣренность проснулись въ немъ, только онъ протянулъ руку Фрицу и сказалъ ему:

— Нѣтъ, не вѣрю; это невозможно.

— Спасибо, сказалъ Фрицъ, сжимая обѣ руки Леона. Потомъ онъ поспѣшно отвернулся отъ него, схватилъ шляпу, перчатки, и хотѣлъ выйдти.

— Куда ты? спросилъ Леонъ.

— Узнать, кто выдумалъ эту гнусную клевету; кто осмѣлился безстыднымъ словомъ оскорбить лучшую изъ женщинъ!

— Опомнись, сказалъ Леонъ горячо; не тебѣ слѣдуетъ заступаться за жену мою. Тотъ, кто вступается за женщину, всѣмъ даетъ право сказать, что онъ ея любовникъ.

— Не повторяй этого гнуснаго слова, возразилъ Фрицъ задыхаясь.

— Пусть такъ; но я не могу позволить тебѣ въ минуту безумнаго гнѣва компрометировать жену мою; пойми это. Лучшій отвѣтъ на такія клеветы — презрѣніе.

— Въ такомъ случаѣ ты самъ долженъ вступиться за нее, сказалъ Фрицъ. Но кто онъ? Кто первый сказалъ?...

— Зачѣмъ тебѣ знать его имя? это мое дѣло; я самъ еще не знаю.

Настало молчаніе.

— А она знаетъ все? спросилъ Фрицъ съ усиліемъ.

— Нѣтъ, я еще не говорилъ ей.

— Послушай, воскликнулъ Фрицъ: береги ее, не говори ей, не возмущай ея младенчески чистой души и помни всегда, что̀ я скажу тебѣ въ эту минуту, когда сердце мое раскрыто передъ тобою: она лучшая изъ женщинъ, она непорочна какъ дитя, и ни одно дурное движеніе не закрадывалось никогда въ ея душу, даже безъ ея вѣдома. Люби ее, береги ее, она этого сто́итъ; посвяти всю жизнь свою для ея спокойствія; ты иногда былъ слишкомъ крутъ съ ней, слишкомъ взыскателенъ. Она нѣжна и мягкосердечна; ее легко можно запугать и уничтожить. Щади ее, обѣщай мнѣ это теперь.

Мужъ мой слушалъ Фрица внимательно и задумчиво. Наконецъ онъ, казалось, смягчился и сказалъ холодно, спокойнѣе прежняго: «Я люблю жену мою!»

— Можетъ быть, можетъ быть! повторилъ Фрицъ медленно; ошибка въ томъ, что ты не совсѣмъ понялъ ее. Будь только мягче, кротче — это одна моя просьба, и все устроится! Теперь поди къ ней; ей не надо знать, не надо подозрѣвать, что̀ произошло между нами.

Когда мужъ мой вошелъ ко мнѣ, я лежала на диванѣ, сраженная внезапною вѣстію и утопая въ слезахъ. Увидя Лизу, мужъ мой измѣнился въ лицѣ; онъ однако тотчасъ оправился, подошелъ ко мнѣ и заботливо и ласково спросилъ у меня, что́ со мною?

— Ей сдѣлалось дурно, отвѣчала за меня Лиза.

Мужъ мой сѣлъ у моего изголовья, взялъ нѣжно мою руку и пожалъ ее. Я залилась слезами.

— Успокойся, Стеня, засни, если можешь; а я пока поболтаю съ твоею пріятельницей. Тебѣ лучше остаться одной и успокоиться, сказалъ онъ мнѣ ласково.

Я лежала безъ движенія, но лишь только мужъ мой и Лиза подошли къ дверямъ, ужасъ объялъ меня снова, и я закричала:

— Леонъ! поди сюда, я хочу говорить съ тобою.

Онъ подошелъ ко мнѣ; Лиза оставила насъ вдвоемъ.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила я у него.

— Ничего; успокойся, сказалъ онъ холодно. Перемѣна его голоса и манеръ была поразительна.—Я надѣюсь, что ты не говорила ни о чемъ слишкомъ секретномъ съ своею пріятельницей? спросилъ онъ торопливо.

—Ни о чемъ; но ты не будешь драться, не вызовешь на дуэль?

— Успокойся! въ послѣдней комнатѣ чужіе; тише, ради Бога тише. Да и кого могу я вызвать на дуэль? Что тебѣ сказали?

— Черногорскаго, который... у котораго... Онъ ненавидитъ меня и былъ очень доволенъ, что могъ оклеветать меня.

— А! такъ это онъ, сказалъ мужъ мой горячо и злобно.

— Боже мой! воскликнула я, на мнѣ лежитъ какое-то проклятіе; всякое слово мое родитъ новое несчастіе. Я не знаю, не умѣю говорить... Я должна просить, умолять...

Я поднялась и бросилась къ мужу моему, умоляя его не драться на дуэли.

— Тише, тише! воскликнулъ Леонъ испугавшись; тамъ за дверью твоя пріятельница; ни она и никто другой не долженъ знать ничего о томъ, что происходитъ у насъ въ домѣ. Береги меня, береги себя. Дуэль губитъ репутацію женщины; захочу ли я марать твое доброе имя? Оно мнѣ слишкомъ дорого!

— А Фрицъ? воскликнула я; запрети Фрицу...

Мужъ мой взглянулъ на меня сурово и оттолкнулъ меня.

— Не время намъ говорить о Фрицѣ. Дѣло идетъ о цѣлой жизни вашего мужа, отца вашего сына.

— Но я боюсь, я боюсь! закричала я внѣ себя. Сжальтесь надо мною; пощадите меня! Я боюсь за него.

— Успокойтесь, сказалъ онъ холодно, преодолѣвая гнѣвъ свой: Фрицъ на можетъ драться за васъ; это право принадлежитъ одному мнѣ, а я отъ него отказываюсь и презираю клевету. Кажется я дѣлаю довольно для васъ; овладѣйте же собою, и хотя разъ въ жизни будьте благоразумны: наше будущее зависитъ отъ этого.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Прошло еще нѣсколько дней; я медленно оправлялась отъ испытаннаго мною потрясенія. Мужъ мой требовалъ, чтобы я сдѣлала усиліе надъ собою и явилась съ нимъ въ свѣтъ, гдѣ мое отсутствіе могли перетолковать въ худую для меня сторону. Я поняла всю необходимость этого и являлась всюду съ мужемъ моимъ; часто блѣдность моя была такъ поразительна, что я должна была румяниться, чтобы не подать повода къ новымъ толкованіямъ и сплетнямъ. Я страдала невыносимо и закалялась въ страданіи; мною владѣла какая-то сила раздраженія, которая поддерживала мои гаснувшія силы. Мужъ мой былъ очень ласковъ со мною въ обществѣ, но дома наши отношенія были холодны и натянуты; мы будто по взаимному согласію избѣгали всякаго дружескаго разговора, даже встрѣчи съ глазу на глазъ.

Прошло двѣ недѣли; я мало по малу начинала успокоиваться, когда на одномъ вечерѣ замѣтила, что около одного только что вошедшаго гостя образовался небольшой кружокъ мужчинъ, внимательно слушавшихъ какой-то разказъ. Я была такъ разстроена, что бездѣлица могла испугать меня. Когда я проходила мимо толпы, до меня ясно долетѣли слова:

— Ужь конечно будутъ драться. Это не можетъ такъ кончиться.

— Кто? спросила я, замирая на мѣстѣ и обращаясь къ близь стоявшему.

Онъ смутился и отвѣчалъ:

— Сейчасъ въ маскерадѣ случилась непріятная исторія между Литвиновымъ и кѣмъ-то другимъ, имени котораго я не разслышалъ. Поссорились за извѣстную танцовщицу, m-lle Amanda.

Въ эту самую минуту мужъ мой подошелъ ко мнѣ.

— Поѣдемъ домой, сказалъ онъ; ужь поздно—два часа; я кончилъ партію.

Мы вышли; ссора, случившаяся въ маскерадѣ, сильно меня безпокоила; напрасно увѣряла я себя, что бояться нечего, что мужъ мой со мною, а Фрицъ никогда не ѣздитъ въ маскерады и не знакомится съ танцовщицами. Чего же могла я бояться?

— Ты слышалъ о ссорѣ, случившейся въ маскерадѣ? спросила я у мужа.

— Слышалъ; въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго; поссорились — помирятся. До дуэлей мало охотниковъ!

— Кто поссорился?

— Литвиновъ и Овчинскій.

Мы замолчали и не сказали больше ни слова. Карета подкатилась къ подъѣзду; мужъ мой выпрыгнулъ изъ нея и даже не подалъ мнѣ руки, какъ бывало всегда. Я слышала, входя на лѣстницу, что онъ спрашивалъ у лакея:

— Гдѣ баронъ?

Я раздѣлась и вошла въ комнату Паши; няня его не спала еще.

— Тише, матушка, сказала няня, не разбудите ребенка: онъ только что уснулъ.

— Отъ чего же такъ поздно?

— Онъ легъ давно, да баронъ приходилъ сюда. Что́ выдумалъ: ему, видите ли, захотѣлось посмотрѣть на дитятю, взялъ свѣчку, да таково долго глядѣлъ на него. Дитя проснулось и протянуло ему ручки; баронъ выхватилъ его изъ кроватки и ужь цѣловалъ цѣловалъ; насилу-то я выгнала его отсюда: разгуляете, говорю, ребенка, послѣ не заснетъ, сами знаете.

Я вышла изъ комнаты, какъ помѣшанная. Меня томило ужь не предчувствіе, а убивало подозрѣніе. Боясь безотчетно шуму собственныхъ шаговъ, всякаго звука, неслышно прокралась я въ спальню. Она была пуста — мужа моего не было въ ней. Я сѣла и сидѣла неподвижно, безъ движенія и дыханія; вся жизнь, все волненіе измученной души, весь страхъ пораженнаго воображенія сосредоточились внутри меня и терзали меня безыменною мукой. Сколько просидѣла я такъ, не знаю; какъ скоро шаги моего мужа раздались въ сосѣдней комнатѣ, я пришла въ себя, инстинктивно бросилась въ постель и закрыла лицо одѣяломъ. Онъ вошелъ тихо, нагнулся надо мною и прошепталъ:

— Кажется, спитъ.

Когда онъ выходилъ изъ спальни, я взглянула на него въ зеркало. Онъ показался мнѣ чрезвычайно разстроенъ. Едва затво-

рилъ онъ дверь за собою, какъ я вскочила, надѣла пенюаръ и бросилась внизъ. Чуть-чуть свѣтало; люди спали еще. Я сошла съ лѣстницы и толкнула дверь въ комнаты барона. Она отворилась, отворилась и другая и третья дверь. Фрицъ сидѣлъ у письменнаго стола своего, подпирая рукою блѣдную, усталую голову; передъ нимъ догорала оплывшая свѣчка, тусклый свѣтъ которой при блѣдномъ раждающемся свѣтѣ дня показался мнѣ зловѣщимъ, какъ похоронный факелъ. Въ комнатѣ пахло сургучемъ. Я все угадала и бросилась къ нему съ невнятнымъ крикомъ, безъ словъ и слезъ.

Онъ вздрогнулъ, вскочилъ и бросился мнѣ на встрѣчу; я была бы у ногъ его, если бы онъ не поддержалъ меня своею сильною рукою.

— Вы! здѣсь! воскликнулъ онъ: здѣсь? у меня? возможно ли? Боже мой! Какая неосторожность! васъ могли видѣть.

— Я все знаю, все знаю,—говорила я, внѣ себя отъ волненія, страха и любви.

— Опомнитесь, другъ мой, другъ мой! говорилъ онъ, сажая меня на кресло и самъ становясь подлѣ меня: отдохните и уйдите. Я провожу васъ.

— Съ кѣмъ вы деретесь, спросила я, и за что? За меня? прибавила я съ ужасомъ.

— Вы серіозно больны, сказалъ мнѣ Фрицъ нѣжно, иначе я не могу объяснить себѣ ни вашего присутствія здѣсь, ни вашихъ безпорядочныхъ словъ.

— Не грѣшно ли вамъ обманывать? сказала я рыдая.

— Я васъ не обманываю и не понимаю даже, о чемъ вы говорите.

— Вы были въ маскерадѣ, поссорились....

— За танцовщицу? сказалъ Фрицъ, улыбаясь спокойно; — разсудите сами, похоже ли это на правду и особенно на меня? Вашъ мужъ сію минуту вышелъ отсюда; онъ разказывалъ мнѣ эту глупую ссору. Я весь вечеръ провелъ дома и сейчасъ лягу спать. Завтра хочу ѣхать на охоту, — надо хорошенько выспаться.

— Здѣсь пахнетъ сургучемъ: вы печатали письма? сказала я.

— Чтожь вы находите тутъ удивительнаго? Завтра почта, и я приготовлялъ письма. Ради Бога, уйдите отсюда; что́ скажутъ, если увидятъ васъ здѣсь? Вспомните о послѣдствіяхъ,—вспомните, что всякая сплетня можетъ подвергнуть вашего мужа опасности. Пожалѣйте его, пожалѣйте себя . . . меня, и уйдите отсюда.

Я встала.

— Фрицъ, сказала я, не скрывайте правды, не разставайтесь такъ съ тѣми, кого любите, и не говорите лжи въ страшную минуту разлуки. У васъ не было ни съ кѣмъ ссоры? Куда ѣдете завтра? Неужели на охоту,—правда ли это?

— На охоту, — даю вамъ честное слово, что на охоту за медвѣдемъ; это уже давно устроено между нами, и я долженъ ѣхать.

— Правда ли это? сказала я дрожавшимъ голосомъ.

— Взгляните на меня, вы знаете, какъ я привязанъ къ вамъ, милый, добрый другъ мой, взгляните же на меня. Могъ ли бы я быть такъ спокоенъ, еслибъ покидалъ васъ, быть можетъ, на всегда?

Я всматривалась въ него, не смѣя вѣрить; и онъ стоялъ передо мною, блѣдный, но спокойный, и глядѣли на меня глаза его съ обычною нѣжностію и печалью, но безъ тревоги и волненія.

— Пойдемте на верхъ, сказалъ онъ твердо, почти повелительно: вамъ не должно быть здѣсь; здѣсь не ваше мѣсто.

Онъ подалъ мнѣ руку, и я пошла за нимъ послушная, но не успокоенная и не убѣжденная. Онъ привелъ меня въ гостиную и проводилъ до дверей кабинета.

— Спите сладко, спите спокойно, сказалъ онъ останавливаясь, и Богъ да хранитъ васъ!

— Когда я увижу васъ? спросила я, взявъ его руку и не выпуская ее. Мнѣ почудилось, что при этомъ вопросѣ рука его дрогнула въ рукѣ моей; я подняла на него испуганные взоры: его глаза были какъ-то влажны, будто блестѣли непривычной слезою. Голова его склонилась къ рукѣ моей, и въ первый разъ въ жизни онъ поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ. Потомъ онъ сказалъ тихо:

— Прощайте!.. до свиданія, хочу я сказать. Послѣ завтра я буду здѣсь.

Онъ вышелъ изъ комнаты тихимъ и ровнымъ шагомъ; я проводила его глазами. Когда онъ скрылся за дверью, непобѣдимое, страшное желаніе взглянуть на него еще разъ овладѣло мною. Я бросилась за нимъ, — и что̀ сталось со мною, когда я увидѣла, что онъ бѣжитъ стремглавъ съ лѣстницы! Силы меня оставили; я почти опрокинулась на перила, и тяжело опустившись на ступени лѣстницы, сѣла въ изнеможеніи. Когда черезъ нѣсколько минутъ я пришла въ себя, стукъ и ходьба проснувшихся людей раздались въ домѣ; я испугалась, убѣжала къ себѣ въ спальню и бросилась въ постель. Но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ; я вспоминала каждое его слово, всякій взглядъ, малѣйшее движеніе. Разумъ твердилъ мнѣ: онъ спокоенъ!—но сердце мучительно рвалось и терзалось, и этотъ голосъ сердца заглушалъ разумъ; сердце твердило мнѣ неотвязно и безпощадно: Фрицъ идетъ драться, ты не увидишь его больше.

Я забылась въ чемъ-то похожемъ и на сонъ и на бредъ, и когда очнулась, ни мужа моего, ни Фрица не было дома. Мужъ мой оставилъ мнѣ записку; онъ писалъ, что Фрицъ уговорилъ его ѣхать съ нимъ на охоту, и что онъ возвратится вечеромъ.

Весь день я ждала его — нѣтъ, я не ждала, не чувствовала, не жила, а въ какомъ-то нѣмомъ отупѣніи сидѣла неподвижно на диванѣ моей спальни, не впуская къ себѣ никого. Годы тупыхъ, безсмысленныхъ мученій я выстрадала, и только къ вечеру вышла изъ этого безчувствія, будто проснувшись отъ тяжкаго сна. Отуманенная и спутанная мысль моя вдругъ встрепенулась, и способность страдать сознательно возвратилась ко мнѣ. Я ужь не сомнѣвалась въ ужасной истинѣ: она разверзлась передо мною какъ бездна, готовая поглотить меня. Я посмотрѣла пристально на запертую дверь и сказала себѣ:

Вотъ онъ сейчасъ войдетъ и скажетъ: убитъ! Кто убитъ? Фрицъ!

— Единственная любовь моя, вскрикнула я громко, выходя изъ оцѣпенѣнія бросилась на колѣна, и прижалась холоднымъ лицомъ

къ холодному полу. Сильный, стукъ въ дверь вызвалъ меня изъ этого страшнаго порыва отчаянія; я встала и тихо, медленно, шатаясь, подошла къ двери, отворила ее, и прислонясь къ ней, впилась взоромъ въ моего мужа.

— Что съ тобой? спросилъ онъ ужаснувшись: ты страшна!

— Фрицъ? сказала я такимъ дикимъ голосомъ, что мужъ мой вздрогнулъ.

— Онъ убилъ его, а самъ уѣхалъ навсегда, произнесъ онъ.

Я зашаталась и упала безъ памяти на руки моего мужа.

На другой день, когда я опомнилась, мужа моего не было со мною; онъ не приходилъ ко мнѣ въ продолженіе цѣлаго дня; вечеромъ я получила отъ него запечатанный конвертъ; это было письмо отъ Фрица; вотъ оно.

«Прежде всего я долженъ просить у васъ прощенія, милый «другъ мой; никогда еще, въ теченіе всей жизни не измѣнялъ «я моему слову: только въ отношеніи къ вамъ, я два раза не «сдержалъ обѣщанія. Вчера, разставаясь съ вами, я старался, «на сколько было силъ моихъ, обмануть васъ. Еслибъ вы «только знали, когда вы стояли передо мною, допытываясь «правды, какую страшную пытку, какую агонію я пережилъ, «какую выдержалъ потрясающую борьбу съ собою! Я не ска- «залъ вамъ однако же слова, въ которомъ бы могъ раскаяться, «и покидая васъ навсегда, не смѣлъ позволить себѣ ни даже «прощальнаго взгляда. Силы человѣка измѣрены, и я не «могъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ. Сердце мое говоритъ «мнѣ, что въ эту минуту, когда я пишу вамъ прощальныя «строки, вы по сочувствію угадали все. Вы, я знаю это, съ «замираніемъ сердца ждете теперь возвращенія вашего мужа, «быть можетъ, моего возвращенія. Но мнѣ не суждено «уже увидѣть васъ; я не хочу и не могу больше лгать, да «и къ чему? Имѣйте мужество вынесть то, что неумолимо «предписываетъ мнѣ законъ совѣсти и чести.

«Я никогда, никогда не увижу васъ! Я повторяю это ужасное «слово и чувствую, что сердце мое рвется на части; но не въ «моей волѣ измѣнить тѣмъ правиламъ, которыя я усвоилъ съ «дѣтства; стыдно оказаться несостоятельнымъ передъ самимъ со- «бою, и потерять право на собственное уваженіе. Я долженъ уда- «литься. Во мнѣ бы стало силы жить подлѣ васъ и изрѣдка моимъ

«присутствіемъ, словомъ дружбы и преданности, ободрять васъ «и вести по трудной стезѣ къ надежной пристани. Быть можетъ «я былъ правъ, когда ни за себя, ни за васъ не боялся иску- «шенія; не мы, другіе, легкомысленные и злые люди, разру- «шили нашъ невинный союзъ. Простите имъ — быть можетъ «все къ лучшему. Мы разстались въ ту благую минуту, когда «между вами и мной не было сказано ни одного слова, которое «могло бы, оскорбивъ вашего мужа, оскорбить и насъ самихъ «и пробудить въ насъ жгучіе укоры встревоженной совѣсти. Не «чувствуете ли вы, какъ спокойна она? Довольство собою, «внутренняя тишина не есть ли для васъ залогъ чего-то луч- «шаго въ будущемъ?

«Вы были правы; оставляя васъ, я шелъ на смертельный для «одного изъ насъ бой; я стрѣлялся за васъ; ссора моя въ мас- «керадѣ была однимъ предлогомъ Я узналъ имя того, кто пи- «салъ безыменное письмо, которое смутило вашего мужа и за- «ставило его на одно мгновеніе усомниться во мнѣ и, страшно «вымолвить, въ васъ! Письмо писалъ Литвиновъ, другъ Черно- «горскаго. Я убилъ Литвинова; а Черногорскій отказался отъ «словъ своихъ и униженно при мнѣ просилъ прощенія у ваше- «го мужа. Не бойтесь теперь этого низкаго человѣка, онъ не «можетъ болѣе вредить вамъ.

«Я живъ — тотъ умеръ, въ честномъ, но безпощадномъ «бою. Простите меня; я не могъ поступить иначе; тотъ, кто «оклеветалъ васъ, не могъ жить рядомъ со мною, жить безнака- «занно. Но что́ говорить о прошломъ, о непреложномъ и свер- «шившемся? поговоримъ о будущемъ, о вашемъ будущемъ: «нѣтъ его для меня. Я простился со всѣми мнѣ милыми, отрекся «отъ всѣхъ и какъ изгнанникъ ѣду въ даль. Куда? не знаю! «Божій міръ широкъ — я найду гдѣ нибудь уголъ, гдѣ научусь «любить всѣхъ васъ, моихъ милыхъ, одинаково. Съ вами только, «съ одной вами, не простился я! Ужели я былъ недостоинъ «этого утѣшенія? Вашъ мужъ,—не напрасно любилъ я его такъ «долго и такъ исключительно,—не отказался доставить вамъ мо- «его прощальнаго письма. Это новое доказательство довѣренности «тронуло меня; хотя и безсознательно, но мы были виноваты «передъ нимъ. Другъ мой! вы однѣ можете поправить про- «шлое. Прошу васъ, забудьте прошлые недочеты и полюбите му-

«жа вашего какъ старшаго брата, какъ друга и покровителя, «если не можете любить его иначе. Онъ любитъ васъ гораздо «больше, чѣмъ вы думаете; онъ глубоко потрясенъ, и его гор- «дость, и мужеское самолюбіе и тщеславіе едва ли не смолкли «передъ несчастіемъ, меня постигшимъ. Въ первыя минуты ва- «шей съ нимъ встрѣчи, когда сердце его смягчено еще тѣмъ, «что онъ видѣлъ и слышалъ, прошу васъ, не отвергайте воз- «можности примиренія съ нимъ. Вспомните сына; вы должны «жить для него. Прощайте же, я ѣду сейчасъ и далеко. Быть «можетъ, я буду писать къ Томскому; къ вамъ—никогда! Луч- «ше все перенести разомъ, выпить чашу до дна, и безъ том- «ленія неизвѣстности разсѣчь узелъ, насъ связывавшій. Если «мы были виновны передъ нимъ, мы наказаны выше мѣры и «силъ. Правду этого слова я сознаю глубоко и сильно.

«Прощайте же, другъ мой, вѣчно милый и незабвенный; «будьте счастливы; ваше счастіе мнѣ дороже всего въ мірѣ, и «я надѣюсь на него, вѣрю въ него. Научите вашего сына лю- «бить и помнить того, который вѣчно будетъ любить и помнить «всѣхъ васъ; при послѣднемъ вздохѣ моемъ я буду умѣть, сое- «диняя имя его съ вашимъ, любить васъ равною, безгра- «ничною любовію. Она кончится только тогда, когда не ста- «нетъ больше вашего

« Фрица. »

Здѣсь кончались записки старушки; на другой день, возвращая ихъ, я осмѣлился спросить ее, что сталось съ Фрицемъ.

— Онъ уѣхалъ, сперва на Востокъ, потомъ въ Америку, сказала она вздыхая. Два года мы не слыхали объ немъ; потомъ мужъ мой получилъ письмо отъ него. Онъ писалъ мало; это было передъ отъѣздомъ его въ Грецію, гдѣ происходила тогда война за независимость. Года черезъ четыре послѣ того мы получили извѣстіе, что Фрицъ умеръ тамъ, и умирая просилъ переслать намъ небольшую шкатулку. Въ ней я нашла письмо отца и матери Фрица и большое кольцо, которое онъ всегда носилъ не снимая. На бумагѣ было написано рукою Фрица.

«Кольцо моей матери; поручаю Томскому отдать его женѣ «своей и прошу ее носить его всегда въ память обо мнѣ.»

Старушка смолкла; мелкая, тощая слеза показалась на рѣсницахъ ея и скатилась медленно по морщинамъ лица. Она отерла ее.

— Бабушка, бабушка, воскликнула моя веселая Вѣрочка, вбѣгая въ комнату; потомъ взглянула на насъ, остолбенѣла на мѣстѣ, и обратясь ко мнѣ, сказала съ упрекомъ: О чемъ это бабушка плачетъ? Ужь не ты ли? Да нѣтъ, не можетъ быть!

— Такъ, мой другъ, сказала старушка, пришло на память старое горе. Она взглянула на насъ и прибавила: „Да, дѣти, жизнь прожить не легко. Я пережила и мужа, пережила и сына. Онъ оставилъ мнѣ Вѣрочку. Она вновь привязала меня къ жизни; не будь ея, я вѣроятно не могла бы пережить Павла, какъ пережила Фрица. А все же человѣкъ живущъ, милый мой Дмитрій Матвеевичь!

Она задумалась и машинально положила руку на голову Вѣры, которая ласково прилегла на колѣни ея и цѣловала морщинистыя, сухія руки старушки-бабушки.

Евгенія Туръ.

ПУШКИНЪ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова Спб. 1855. 6 томовъ. въ 8 долю.

Мы старались показать, что самая первая и существенная цѣль искусства есть истина, что поэзія можетъ и должна быть понимаема какъ знаніе, что красота художественныхъ произведеній есть лишь особое свойство этого знанія и основана на истинѣ. Но, спросятъ насъ, должно ли искусство ограничиваться однимъ теоретическимъ значеніемъ, или оно должно имѣть также и практическое значеніе? Этотъ вопросъ внушилъ самому Пушкину извѣстное стихотвореніе «Чернь», о которомъ привелось намъ упомянуть выше.

Въ этомъ стихотвореніи ясно замѣтно развитіе темы, замѣтна нѣкоторая діалектика, возвышеніе тона и мысли. Чернь сначала говоритъ слѣдующее о поэтѣ:

«*За чѣмъ* такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?

. . . . . .

Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Вопросъ, въ этихъ словахъ, касается самаго существованія искусства, какъ и вообще всего, что не имѣетъ внѣшней цѣли, что посвящено безкорыстному удовлетворенію высшихъ потребностей человѣческой природы. Поэтъ выражаетъ это въ рѣзкихъ стихахъ:

Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже,
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Слѣдующее за тѣмъ возраженіе черни принимаетъ болѣе серіозный характеръ. Она не отрицаетъ высшихъ даровъ и призваній, но требуетъ что бы «небесъ избранникъ», употреблялъ свой даръ во благо ближняго, чтобы онъ исправлялъ сердца собратьевъ.

Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Требованія, повидимому, весьма честныя и законныя. Но поэтъ съ новою силою гремитъ противъ черни. Онъ отрекается отъ возлагаемой на него обязанности; онъ не думаетъ, чтобы «гласъ лиры» могъ оживить «каменѣющихъ въ развратѣ безумныхъ рабовъ, которые противны ему какъ гробы». Негодованіе поэта оправдывается тѣмъ оттѣнкомъ, который приданъ увѣщательной рѣчи, вызывающей его на подвигъ исправленія сердецъ. Чернь исчисляетъ свои пороки вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, которое жаждетъ исправленія. Этотъ заключительный стихъ:

А мы послушаемъ тебя,

показываетъ ясно, что шумливые требователи морали въ поэзіи очень удобно могутъ оставаться при своихъ порокахъ, и желали бы только въ воображеніи поиграть добродѣтелью. Въ человѣкѣ самомъ испорченномъ долго еще сохраняется потребность какъ нибудь возстановить въ себѣ равновѣсіе между слишкомъ сильнымъ зломъ и слишкомъ слабымъ добромъ. Не имѣя ни охоты, ни силы бороться со зломъ въ своемъ сердцѣ и побѣждать наклонности воли, онъ хочетъ покрайней мѣрѣ дать въ своемъ воображеніи полный просторъ добру. Отъявлен-

ный негодяй толкуетъ иногда съ большимъ чувствомъ о чести и добродѣтели, и не всегда это бываетъ лишь однимъ лицемѣріемъ. Поэтъ, конечно, долженъ отказаться отъ такого служенія, и заключаетъ свою рѣчь исповѣдью своего истиннаго призванія :

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Исповѣдь краснорѣчивая и сильная! Мы не должны однако привязываться въ ней къ каждому слову, или, съ другой стороны, видѣть въ этомъ лирическомъ движеніи точное выраженіе эстетическаго закона. Мы согласны, что въ общей исповѣди поэта выразилась невольно личность самого Пушкина, особенность его природы и дарованія. Но основный смыслъ этихъ стиховъ, что̀ бы кто ни говорилъ, очень вѣренъ. Да! мы не имѣемъ никакого права требовать чего либо отъ искусства свыше того, что̀ высказывается этими немногими словами, опредѣляющими призваніе художника. Если вдохновеніе не есть пустое слово, то что̀ же иное можетъ означать оно здѣсь, какъ не творческое созерцаніе жизни и истины? Не есть ли это то благодатное состояніе, болѣе или менѣе испытанное каждымъ, въ которое какъ бы мгновенно озаряется свѣтомъ нашъ умъ, раскрывается кругъ нашихъ обычныхъ представленій и принимаетъ въ себя нѣчто новое, сильно и животворно дѣйствующее на наше сознаніе? Коснется ли наша мысль живой сущности явленій, очнется ли въ душѣ нашей какое либо скрытно-дѣйствующее начало и внезапно озарится сознаніемъ; обозначится ли вдругъ, въ живомъ образѣ или звукѣ, наше внутреннее настроеніе, или, можетъ быть послѣ долгихъ исканій, мысль найдетъ свое слово, цѣль свое средство; развернется ли передъ нами, въ существенныхъ очертаніяхъ, но во всей полнотѣ жизни, міръ разнообразныхъ явленій: все подобное есть даръ вдохновенія, которое хотя не есть исключительная принадлежность художника, но безъ котораго не возможна истинная поэзія. Творческое воспроизведеніе дѣйствительности въ сознаніи— вотъ вдохновеніе художника, вотъ цѣль и задача его.

Приведемъ здѣсь кстати разказъ Пушкина о первыхъ испытанныхъ имъ минутахъ еще юнаго вдохновенія:

....Яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались...

Какъ живо и истинно переданы въ этихъ словахъ первое развитіе поэтическаго дара, эти первыя разнообразныя впечатлѣнія бытія, которыя въ поэтической душѣ возбуждаютъ сродную себѣ игру представленій и находятъ въ нихъ свое выраженіе, наконецъ, этотъ пламенный недугъ, эта неодолимая потребность осилить внутреннюю тревогу пробудившейся души и дать ей выраженіе!

Приведемъ въ заключеніе піесу, принадлежащую къ зрѣлой эпохѣ Пушкина, піесу, въ которой онъ еще разъ возвращается къ значенію поэта, и которая великолѣпно дополняетъ взглядъ Пушкина на свое призваніе.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,

Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ себѣ, Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Но возвратимся къ вопросу о практическомъ значеніи искусства.

Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ подверглись осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но, съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что̀ достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать тоже самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться, и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой или незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки: дайте ей полный просторъ, дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть преданы ей вполнѣ, такъ чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте за чѣмъ то и за чѣмъ другое; не говорите о безполезности той или другой

части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитіи каждой части.

Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте же ему быть художникомъ, и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите, что́ толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? Какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искусства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣнны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не для одного спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ; все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣйствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ; такъ! мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ неприступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи, безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными? Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины, и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное съ своею первоначальною причиной, часто оказывается вовсе на нее не похожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, спеціяльныя произведенія искусства не остаются безъ дѣйствія на

жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? что оно ни во что̀ еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе не возможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая по видимому была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоеваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными, впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта; но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни; онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

Представленія, образы, мысли, все это силы, и весьма дѣйствительныя силы въ человѣческомъ сознаніи. Ничто не прокрадется въ нашихъ мысляхъ безъ дѣйствія, хотя бы въ началѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и звуки вносятъ съ

собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало по малу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искусства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекраснаго, понимаемый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль, какъ и мысль познающая, открываетъ намъ внутренній взоръ на явленія жизни и черезъ то разширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства: словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни, Требуйте отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что̀ творится и дѣется во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама собою, польза великая, ибо чего-же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе—силу и господство?

Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ, и каждый при томъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный труженикъ, приводящій въ движеніе тысячи колесъ и пружинъ въ видахъ вещественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ можетъ быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій, никакого прямаго отношенія къ искусству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но что̀ бы онъ ни думалъ про себя, и какъ бы даже ни жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все что̀ есть въ его дѣлѣ по истинѣ благороднаго, живаго, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему неясное, но согрѣвающее его трудъ, все это связано въ дѣйствительности со многими чисто-умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

Не заставляйте художника браться за «метлу», какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи «Чернь». Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ пользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его «вдохновеніе», его «сладкіе звуки», его «молитвы». Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ.

Довѣримся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль дѣйствительно владѣетъ могущественнымъ орудіемъ, и ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ достояніемъ. Ими пользуется всякій, и слава Богу! Но творческая мысль пусть идетъ далѣе, и открываетъ новыя пути, и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера или доктринера. Фразеръ, это родъ никуда не годный, и объ немъ говорить не стоитъ; доктринеръ—дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества. Поэма, повѣсть, драма, написанныя съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно, и вмѣсто живаго дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искусствомъ оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятельности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже въ безмолвномъ поступкѣ, и на оборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.

Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключается лишь въ сбивчивости словъ. Формула: «искусство для искусства», можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма неблагопріятный, и отъ такого смысла должны мы освободить эстетическій законъ, дающій внутреннюю цѣль явленіе-

ямъ искусства. Все непріятно-поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: «искусство для искусства», заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искусство должно имѣть какую либо болѣе существенную цѣль; пусть оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій, и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искусство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искусствѣ исполненія; тогда-то оно и превратится въ простое средство для достиженія постороннихъ и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искусство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искусство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда изсякаютъ источники всякой умственной производительности, и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эффектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искусства, какъ и тѣ, въ которыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленія этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи; но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ истиннаго искусства, ни тамъ ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе: художественное творчество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе и сознаніе въ самыя потаенныя изгибы жизни.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что отъ искусства въ чистомъ и существенномъ значеніи его, проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности.

Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли, и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ своею цѣлью непосредственно склонять къ чему нибудь волю, непосредственно побуждать людей къ поступку. Но чтобъ произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, а также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли, и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частію мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ во все оставлять предметъ, и всю силу слова устремлять на обстоятельства, совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ; все расчитывается только на практическое впечатлѣніе. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельности, мы съ радостію привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами, но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искусство въ его собственномъ значеніи, и ставила себя на его мѣсто. Искусство, какъ и наука, дѣйствуютъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже предоставляютъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденія и волю. Впрочемъ, ограждая самостоятельность искусства, мы съ другой стороны желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемы съ какимъ либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ съ формою стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать живую творческую мысль повсюду, какого бы предмета она ни касалась. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, приведемъ « Записки Оренбургскаго ружейнаго охотника » С. Т. Аксакова, или, еще ближе, вышедшую на этихъ дняхъ его же книгу «Семейная Хроника.» Это не поэма и не драма: но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ!

Самъ художникъ вовсе не есть какое либо особенное существо. Каждый вообще даровитый человѣкъ бываетъ въ из-

вѣстной степени и въ извѣстномъ отношеніи художникомъ, и съ поэтическимъ вдохновеніемъ можетъ быть знакомъ тотъ, кто никогда не писалъ ни стиховъ, ни даже прозы.

Но не ставя художника въ исключительное положеніе и допуская художественное начало въ каждомъ болѣе или менѣе даровитомъ и развитомъ человѣкѣ, мы также считаемъ необходимымъ, чтобы въ художникѣ жилъ и развивался человѣкъ. Въ интересѣ самаго искусства должно требовать, чтобы художникъ былъ развитъ и нравственно и умственно. Правда, бываетъ нерѣдко, что вдохновеніе

. . . . посѣщаетъ голову
Гуляки празднаго. . . .

и не дается усильному труду; правда, самъ Пушкинъ оставилъ намъ другую искреннюю и печальную исповѣдь:

Когда не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межь дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ. . . .

Такъ, это истинно; но мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что это только фактъ, а не законъ. Напротивъ, мы должны убѣдиться, что богатый даръ природы можетъ вполнѣ проявить себя только при условіи высокаго нравственнаго и умственнаго образованія. Пусть вдохновеніе посѣщаетъ блуждающимъ огнемъ голову праздная гуляки; еще вѣрнѣе то, что великое и всемірное можетъ быть произведено только тѣмъ, кто способенъ чувствовать великое и всемірное въ самомъ себѣ.

Давая искусству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній. Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ бы ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и можетъ быть тѣмъ выше дол-

жна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо только такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каждое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія.

III

Общее значеніе Пушкина въ нашей литературѣ было давно оцѣнено, и оцѣнено весьма вѣрно. Въ немъ по справедливости видятъ представителя художественнаго начала въ русскомъ словѣ, виновника чистой и истинной поэзіи въ развитіи нашего народнаго сознанія. Противъ такой оцѣнки Пушкина слышались, можетъ быть послышатся и теперь нѣкоторыя возраженія. Не будетъ ли это несправливостію къ предшественникамъ и современникамъ Пушкина? Были герои и до Агамемнона, были у насъ поэты и до Пушкина: что же останется для нихъ, когда мы все отдадимъ послѣднему? Не говоря уже о Ломоносовѣ, въ которомъ поэтическая дѣятельность соединялась съ дѣятельностію ученаго и который славился въ исторіи нашего образованія болѣе какъ насадитель науки, нежели какъ поэтъ, что же скажемъ мы о Державинѣ, который въ литературѣ не имѣетъ инаго значенія кромѣ значенія поэта? А поэты ближайшіе къ Пушкину, его старѣйшіе современники, Жуковскій и Батюшковъ?

Заслуги предшественниковъ Пушкина ничѣмъ такъ не могутъ быть почтены какъ признаніемъ всей важности того, что безъ ихъ дѣятельности не могло бы произойдти. Пушкинъ былъ наслѣдникомъ ихъ, и оцѣнивая богатство, оставленное имъ, мы съ тѣмъ вмѣстѣ оцѣниваемъ и все то, что было ему завѣщано отъ прежнихъ дѣятелей. Не было бы поэзіи Пушкина, если бы ему не предшествовали сильныя дарованія, и полная художественность его произведеній была плодомъ цѣлаго развитія, которымъ наша литература можетъ по справедливости гордиться. Въ прежнихъ поэтахъ, которымъ ни мало не думаемъ мы отказывать въ этомъ титлѣ, должно признать болѣе или менѣе успѣшныя стремленія привить художественное на-

чало къ русскому слову, болѣе или менѣе рѣшительныя приближенія къ оригинальной русской поэзіи. Каждый изъ нихъ выражалъ въ своей дѣятельности какое либо особое направленіе, и потому каждый болѣе или менѣе имѣетъ въ исторіи нашего образованія свое самостоятельное значеніе, независимо отъ вопроса о художественности своихъ произведеній.

Сначала обратимъ вниманіе на отношеніе Пушкина къ языку. Довольно простаго взгляда, чтобы оцѣнить всю разницу между языкомъ Пушкина и его предшественниковъ. Никакъ не подумаешь, что Пушкинъ началъ свои первые опыты еще при жизни Державина, и еще успѣлъ принять его благословеніе:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя благословилъ.

Читая Пушкина послѣ Державина, чувствуешь уже по одному языку, что находишься въ другой эпохѣ. Времени протекло немного, а черта раздѣленія эпохъ уже такъ явственно, такъ рѣзко обозначилась!

Конечно, главная заслуга въ преобразованіи литературнаго языка, оказана не столько Пушкинымъ, сколько Карамзинымъ. Сверхъ того, и самую славу созданія новаго стиха Пушкинъ раздѣляетъ со многими другими старѣйшими своими современниками, особенно съ Жуковскимъ, котораго имя неразрывно связано съ именемъ Пушкина. Когда такимъ образомъ станемъ изучать ходъ нашей литературы во всей его постепенности, обращая вниманіе на всѣ посредствующія явленія, то не будемъ болѣе дивиться рѣзкимъ и внезапнымъ смѣнамъ эпохъ. Намъ станетъ понятно происхожденіе новаго; но явленія, въ которыхъ это новое раскрылось во всей своей силѣ, возбуждаютъ въ насъ не меньшее удивленіе. Одинъ изъ великихъ мыслителей древности сказалъ, что знаніе есть врагъ удивленію и что кто понимаетъ происхожденіе дѣла, тотъ уже болѣе не удивляется; прибавимъ: не удивляется происхожденію дѣла, но можетъ удивляться самому дѣлу въ его полномъ проявленіи. Мы можемъ вполнѣ знать силу элементовъ, изъ которыхъ раждается вещь, но тѣмъ не менѣе ея живое появленіе поражаетъ насъ какъ нѣчто новое и неожиданное. Поэзія Пушкина, въ своихъ зрѣлыхъ произведеніяхъ, именно поражаетъ насъ такою не-

ожиданностію, хотя мы можемъ со всею постепенностію различать и оцѣнять все, что приготовило и достойно сопровождало ея развитіе.

Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи. То, что̀ теперь называемъ мы русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковно-славянское. Но менѣе извѣстно то, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго, которое долгое время не знало письменности, и лишь въ болѣе позднюю эпоху стало появляться въ памятникахъ, не имѣющихъ литературнаго значенія, преимущественно юридическихъ; мы говоримъ: менѣе извѣстно, потому что хотя различіе между церковно-славянскимъ языкомъ и языкомъ народнымъ чувствуется всѣми, и хотя теперь едва ли кто объясняетъ себѣ эту разницу измѣненіями времени, едва ли кто видитъ въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства. Вотъ почему литературный русскій языкъ, слившійся изъ этихъ двухъ главныхъ стихій, долгое время представлялъ собою нестройное броженіе. Къ этимъ двумъ кореннымъ стихіямъ присоединяются въ позднѣйшее время вліяніе классической грамматики, внесенной въ нашъ языкъ Ломоносовымъ и служащей основаніемъ всѣхъ образованныхъ языковъ; наконецъ, вліянія новѣйшихъ европейскихъ литературъ.

Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ дѣятельности нашего поэта окончилось развитіе этого порядка; въ ней наконецъ успокоился внутренній трудъ образованія языка; въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ этой области, раздѣлалась съ нею, и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій русскій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы, и дающій полную возможность для всякаго умственнаго

развитія. Великое дѣло, въ жизни народа, установившійся литературный языкъ. Ничѣмъ такъ не скрѣпляется народное единство, какъ образованіемъ литературнаго языка. Пока еще шло это дѣло образованія, мы въ семьѣ историческихъ народовъ казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дѣло это совершилось, русская мысль находитъ въ себѣ внутреннюю силу для оригинальнаго живаго движенія, и народная физіономія выясняется изъ тумана.

Вспомните, какой интересъ господствовалъ въ нашей литературѣ не такъ давно, лѣтъ за сорокъ и даже за тридцать предъ симъ. Всѣ помышляли только о слогѣ. Дарованія истощали себѣ на устроеніе складной фразы или гладкаго стиха. Интересъ мысли былъ дѣломъ второстепеннымъ; умы были заняты только искусствомъ выраженія. Мысль схватывалась гдѣ попало, и никто не заботился объ ея оригинальности. Всѣ роды умственной дѣятельности поглащались словесностью; кто бы чѣмъ ни занимался, все выходило занятіемъ словесностію, чищеніемъ слога, подборомъ прилагательныхъ и ихъ болѣе чувствительнымъ или болѣе торжественнымъ размѣщеніемъ. Въ великихъ умахъ, какъ замѣтили мы выше, трудъ надъ языкомъ былъ дѣломъ важнымъ и существеннымъ; къ тому же они имѣли столько силъ, что могли посвящать свою мысль еще и другимъ цѣлямъ. Такъ знаменитое твореніе Карамзина, будучи вѣковѣчнымъ памятникомъ созрѣвшаго языка, имѣетъ неотъемлемое значеніе, какъ первая книга народнаго самопознанія, какъ первый зрѣлый плодъ русской науки. Но указанные выше признаки того времени не теряютъ отъ того своей силы. Мы можемъ и теперь еще встрѣтить въ литературѣ нѣкоторыхъ отсталыхъ орловъ того времени. Они и теперь все тѣже блюстители чистоты и правильности языка, какъ они себя чествуютъ; все тѣ же у нихъ пріемы, та же критика, которая не видитъ ничего далѣе слога и мѣряетъ всякое умственное дѣло грамматикой и реторикой. Но, что̀ было въ свое время естественнымъ и законнымъ, то является теперь дикою и смѣшною аномаліею. Печально раздаются эти запоздавшіе голоса отжившаго времени. Это ужь не тѣ добрые, не безъ пользы трудившіеся, почтенные любители словесности стараго времени; это ярые противники всякой живой мысли, всего что̀ носитъ

на себѣ отпечатокъ умственной дѣятельности, имъ непонятной и чуждой. Въ отношеніи же къ языку, нынѣшніе его блюстители совершенно безполезны: безполезны потому, что русскій языкъ, слава Богу! окончательно образовался и не нуждается ни въ какихъ блюстителяхъ. Писатели, которые въ настоящее время грѣшатъ противъ духа и законовъ языка, вредятъ только своей мысли; языку же вредить отнюдь не могутъ, и заботы объ немъ совершенно излишни.

Но возвратимся къ дѣлу. Пушкинъ имѣлъ полное право сказать о себѣ:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ

Множество разнообразныхъ племенъ, населяющихъ наше отечество, должны вполнѣ, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, какъ подчинены они теперь Россійскому государству. Для этихъ племенъ русская народность есть единственный путь къ человѣческому образованію, и они «назовутъ имя Пушкина.» Пушкинъ, какъ видимъ, самъ чувствовалъ свое великое значеніе; онъ чувствовалъ, что геніемъ его завершенъ рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія.

Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи русской рѣчи, видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній. Въ ней не осталось и слѣда той дикой застѣнчивости, съ какою реченія и формы различныхъ слоевъ языка отказывались бывало вступать въ близкую связь и служить выраженіемъ одной и той же мысли. Нѣтъ болѣе общихъ и внѣшнихъ, предназначенныхъ для мысли стилей; развитіе ея можетъ происходить лишь по внутреннимъ своимъ стремленіямъ, не стѣсняясь и не руководствуясь никакими посторонними для ней соображеніями; она можетъ соединять въ себѣ самыя противоположныя оттѣнки языка, создавать свой собственный слогъ, запечатлѣнный ея внутреннимъ свойствомъ, ея особеннымъ типомъ. Такое движеніе мысли по всѣмъ слоямъ языка съ рав-

ною легкостію, показываетъ, что борьба между стихіями языка прекратилась, что всякая напряженность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ изчезла, что все разнородное совмѣстилось, и что настала пора внутренняго развитія мысли, которому языкъ служитъ только органомъ, не занимая, не развлекая, не стѣсняя ея своею неурядицей.

У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслію, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе.

Не должно думать, что образованіе нашего языка требовало изгнанія какой либо изъ стихій его, и что оно состоитъ въ исключительномъ господствѣ той рѣчи, которая была собственностію туземныхъ славянскихъ племенъ, составившихъ въ послѣдствіи русскій народъ, той рѣчи, которую мы обыкновенно называемъ народною, въ противоположность церковно-славянской и книжной. Какъ эти племена въ первоначальную пору не были еще русскимъ народомъ, и народъ русскій образовался вслѣдствіе цѣлой исторіи, принявшей въ свой процессъ многіе разнородные элементы; такъ и русскій языкъ не состоитъ преимущественно въ той первоначальной племенной, теперь простонародной рѣчи, а столько же состоитъ и въ стихіи церковно-славянской, или лучше сказать не состоитъ ни въ той ни въ другой, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ.

Благодаря освобожденію своему отъ разнородныхъ стихій языка, мысль получаетъ возможность пользоваться особенностію каждаго реченія и каждаго оборота рѣчи, и вслѣдствіе того становится способною сохранять въ выраженіи всю оригинальность и жизненность своего развитія, отпечатлѣваясь всѣми своими сторонами и вызывая всѣ сродныя ей настроенія, распространяющія ея дѣйствіе до глубины души. Въ этомъ состоитъ свойство поэтической рѣчи, которая въ своемъ теченіи касается множества струнъ, пробуждаетъ тысячу ощущеній, мѣрно смѣняющихъ одно другое, и своею послѣдовательностію или своимъ совокупнымъ впечатлѣніемъ выражающихъ поэтическую мысль.

Благодаря установившейся организаціи языка, въ немъ внятно слышится живая сила его духа, и творческая мысль пріобрѣтаетъ возможность сознательно договаривать то, что еще не вполнѣ высказалось въ языкѣ, создавать обороты и реченія, которыя таятся въ началахъ и ждутъ только движенія сродной имъ мысли, чтобы явиться къ дѣлу. Инстинктъ языка становится сознательною силою.

Скажемъ еще разъ: мы не преувеличиваемъ значенія Пушкина; мы не хотимъ сказать, чтобы онъ былъ виновникомъ этой эпохи въ развитіи нашего народнаго сознанія. Но мы имѣемъ полное право сказать, что онъ былъ первымъ полнымъ ея явленіемъ, что въ немъ впервые со всею энергіею почувствовалась жизнь въ русскомъ словѣ и самобытность въ русской мысли.

Оттого-то такъ радостно и весело раздались пѣсни Пушкина. Съ неописаннымъ восторгомъ внимали всѣ этому потоку свободныхъ, легкихъ и сладкихъ звуковъ. Въ нашей литературѣ дохнуло тогда весною. Какъ все пробудилось, какъ закипѣло, какъ все обрадовалось жизни!

Въ этихъ свѣжихъ весеннихъ пѣсняхъ впервые заговорила по-русски самородная и чистая поэзія. Если стихъ Пушкина такъ разительно отличается отъ явленій предшествовавшаго времени, по отношенію къ языку; то еще болѣе отличается онъ отъ нихъ по характеру мысли и изображеній.

Мы попробуемъ, тщательнымъ анализомъ, показать силу этого различія и тѣмъ пояснить себѣ въ живомъ примѣрѣ сущность художественнаго начала.

М. Катковъ.

НА ПРИБЫТІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ВЪ ОДЕССУ И СѢВЕРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ.

Лети, орелъ! Младыя крылья
Расправь: широкъ твой въ мірѣ путь!
Твоей породѣ безъ усилья
На югъ отъ сѣвера взмахнуть.
Лети!—И вотъ отъ странъ полночныхъ
Поднялся онъ на крыльяхъ мочныхъ,
Никѣмъ не видимъ въ облакахъ;
И, неожиданный страною,
Взвился надъ ратью, жадной къ бою:
Ура! гремитъ въ ея полкахъ!

Ура! единымъ появленьемъ
Ты рать свою одушевилъ!
Прекрасенъ самоотверженьемъ
Явился ты средь бранныхъ силъ!
Какъ не забыть Одессѣ раны!
Какъ Севастополь нашъ, избранный
На жертву Божіимъ судомъ,
Не встанетъ изъ крови и праха?
Врагамъ твой путь—раздумье страха!
Намъ—свѣтлымъ радости лучомъ!

Тамъ силы Руси боевыя
Ты обозрѣлъ и учредилъ;
Тамъ вновь окопы городскіе
Бойницъ чертою оградилъ;
Тамъ посѣтилъ страдальцевъ славы
И язвы ихъ за честь державы
Цѣлилъ отеческой слезой,
И храбрыхъ крестъ, награду боя,
Съ своей груди на грудь героя
Надѣлъ державною рукой!

О сколь велика ваша сила,
Монархи Руси, надъ землей!
По царству вамъ даны и крила,
И широтой, и быстротой!
Въ Европѣ—только ваше слово,
И все встревожиться готово:
Всѣхъ очи, слухъ, чего-то ждутъ!
Здѣсь,—только ваше появленье,
И все придетъ въ одушевленье,
И силы новыя растутъ!

Мих. Дмитріевъ.

ЛУНА И СОЛНЦЕ.

Тебя мечтательницы любятъ,
Луна въ далекихъ небесахъ!
Свои мечты онѣ голубятъ
Въ твоихъ серебряныхъ лучахъ.
Къ тебѣ, о робкое свѣтило,
Стремится робкая душа,—
Съ тобой блаженствуя уныло,
Тоскою праздною дыша.
Въ твоемъ мерцаніи пристрастномъ,
Въ твоей невѣрной полумглѣ,—
Все стало призракомъ неяснымъ,
Видѣньемъ страннымъ на землѣ.
Гоня вездѣ опредѣленность
И утверждая власть мечты,
Простую жизни откровенность
Сомнѣньемъ окружила ты.
Твой блѣдный лучь какой-то тайной
Весь міръ дѣйствительный облекъ;
Всему далъ видъ необычайный;
Вездѣ загадка иль намекъ.
Завѣса легкаго тумана
На все наброшена тобой;

Очарованіе обмана
Объяло тихо міръ земной.
Но нѣжитъ онъ, твой лучь холодный,
Лелѣетъ онъ, въ ночной тиши,
Пустаго сердца сонъ безплодный
И ложь мечтательной души.
Твоихъ поклонниковъ довольно,
Довольно въ мірѣ, о луна!
Тоски и скорби добровольной,
И лжи, и нравственнаго сна.
Есть люди, въ нихъ все также зыбко,
Въ нихъ все загадка иль намекъ;
Въ ихъ сердцѣ вѣчная ошибка;
Дары природы имъ не въ прокъ.
Мила имъ область словъ неясныхъ
И недоконченныхъ рѣчей,
Иносказаній ежечасныхъ,
Смѣшенье свѣта и тѣней.
Мечтамъ и шуткамъ безконечнымъ,
Какъ будто дѣлу преданы,
Они всю жизнь въ просоньи вѣчномъ,
Свои разказываютъ сны.

Но вотъ прозрачный мракъ рѣдѣетъ,
Зари багряной полосой
Все небо постепенно рдѣетъ
И всходитъ солнце надъ землей
И солнца лучь, рѣшитель спора,
Блеснулъ и прогоняетъ тму,
Все освѣщаетъ онъ для взора,
Но недоступенъ онъ ему.
О солнце! врагъ видѣній лживыхъ!
И полумракъ и полусонъ
Бѣгутъ лучей твоихъ правдивыхъ,
Весь міръ открытъ и озаренъ.
Все смотритъ ясно и отрадно;
Нигдѣ ни въ чемъ обмана нѣтъ,
Все озаряетъ безпощадно

Твой, солнце, правосудный свѣтъ!
Что̀ дышетъ жизнью настоящей,
То встрѣтитъ съ радостнымъ лицомъ
Твой неподкупный лучъ блестящій
И новыхъ силъ добудетъ въ немъ.
Торжественный и многогласный,
И непрестанный съ древнихъ поръ,
Тебѣ, свѣтило правды ясной,
Гремитъ хвалебный жизни хоръ.
Тотъ только солнце любитъ смѣло,
Кто жизнь въ мечту не обратилъ,
Кому доступно въ мірѣ дѣло,
Кто не изнѣжилъ данныхъ силъ;
Кто полумысли, получувства
Въ своей душѣ не допускалъ,
Рѣчей загадочныхъ искусства.
Презрѣннаго не изучалъ.
Кому противенъ путь намека,
И ненавистнѣй для кого
Благообразіе порока
Чѣмъ безобразіе его.
Въ комъ чувство жизни вѣчно ново;
Кто рѣчи хитро не двоитъ,
Чья мысль ясна, чье прямо слово,
Чей духъ свободенъ и открытъ.

К. Аксаковъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьемъ,
И запахъ розы и ясмина
Благоухалъ въ саду твоемъ;
Въ кустахъ прибережныхъ влюбленно
Перекликались соловьи.

Я близь тебя стоялъ смущенный,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робки,
И сердце жаждало признанья,
Рука пожатія руки.

Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной пестроты;
Но память вѣрно сохранила
И образъ тихій красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ и замиранье,
Всю эту музыку любви.

Н. Огаревъ.

КОКЕТКѢ.

Зачѣмъ томишь ты друга моего?
Дитя! его ты ни за что погубишь!
Прошу тебя: ты пощади его!
Рѣшись сказать: ты любишь иль не любишь?
Ты знаешь ли? онъ сердцемъ простъ и смѣлъ
И умъ его широкъ и благороденъ,
Но страсти адъ имъ страшно овладѣлъ
И вѣкъ его печаленъ и безплоденъ.
Еще вчера,—когда передъ тобой
Стоялъ, красуясь, юноша другой.
И на тебя, глядя орлинымъ взоромъ,
Смѣшилъ тебя безпечнымъ разговоромъ,—
Въ углу сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ,
Убитый горечью ревнивыхъ думъ,
Желая и не слышать и не видѣть,
И все жь любилъ, стараясь ненавидѣть....
Ты поняла ль, безумное дитя,

Какъ ты его замучила шутя?
Ты помнишь ли, какъ онъ на пышномъ балѣ
Бродилъ въ толпѣ, на видя никого
И трепетно тебя искалъ по залѣ,
А ты, рѣзвясь, скрывалась отъ него?
Какъ онъ тогда былъ блѣденъ и разстроенъ!
А ликъ твой былъ сіяющъ и спокоенъ!
Ты знаешь ли? когда ты на него
Привѣтно взоръ уронишь одобренья,
Иль за руку, какъ другъ, возьмешь его,
Иль съ лаской бросишь слово безъ значенья:
Онъ цѣлый день проходитъ какъ въ чаду,
И радъ и веселъ какъ ребенокъ малый,
И ночью ждетъ, отъ счастія усталый,
Твоей любви въ обманчивомъ бреду:
Ужель тебѣ его не жаль нисколько?
Неужто шутишь ты, дитя,—и только?
Но тщетно! Ты не слушаешь меня
И тихо къ ручкѣ бѣленькой и гибкой,
Задумчиво головку наклоня,
Ты блещешъ вся тщеславною улыбкой.

Н. Огаревъ.

15 ноября 1855.

ВОЙНА ЗА НАСЛѢДСТВО ИСПАНСКАГО ПРЕСТОЛА

СТАТЬЯ ТОМАСА БЕБИНГТОНА МАКОЛЕЯ

Русская публика до сихъ поръ имѣла случай познакомиться съ талантомъ и характеромъ Маколея, какъ писателя, лишь изъ двухъ статей его, напечатанныхъ въ одномъ московскомъ журналѣ. (1) Мы съ своей стороны считаемъ вовсе нелишнимъ содѣйствовать посредствомъ нашего изданія продолженію этого знакомства. Въ новой исторіографіи нѣтъ имени болѣе популярнаго какъ имя Маколея. Своимъ высокимъ художественнымъ талантомъ онъ равно господствуетъ и надъ своимъ предметомъ и надъ читателемъ. Самая примѣчательная критика падаетъ передъ его неподражаемымъ искусствомъ, и поставивъ на видъ свои требованія, большею частію отступается отъ нихъ въ заключеніе своихъ же приговоровъ. Да и въ самомъ дѣлѣ трудно сказать, чего еще хотѣть отъ историка болѣе, чѣмъ сколько онъ обыкновенно даетъ въ своихъ произведеніяхъ? Обширнаго изученія предмета по важнѣйшимъ источникамъ? Но это требованіе онъ знаетъ и выполняетъ самъ лучше, чѣмъ всѣ его критики. Искусной группировки событій, чтобы читатель не потерялся въ ихъ многосложности? Въ этомъ отношеніи нѣтъ мастера, равнаго Маколею: у него можно развѣ только учиться. Или приложить къ нему и послѣднее современное требованіе историческаго искусства, для котораго необходимое условіе жизненности заключается въ полныхъ и живыхъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ? Но до тѣхъ глубоко вѣрныхъ и полныхъ жизненной силы изображеній историческихъ дѣятелей, которыя исполнены Маколеемъ, едва ли мы знали, на какую высокую степень можетъ быть поставлена эта сторона искусства. Не говоримъ о критическомъ тактѣ и глубокомъ историческомъ смыслѣ писателя: они давно признаны всѣми и не разъ поставляемы были въ образецъ другимъ писателямъ.

На первый разъ избираемъ статью Маколея о войнѣ за наслѣдство испанскаго престола. Она написана имъ по поводу большаго сочиненія лорда Мегона о томъ же предметѣ (подъ названіемъ War of the Succession) и собственно должна бы носить на себѣ критико-литера-

(1) Въ Москвитянинѣ 1852 года.

турный характеръ. Пріемы этого рода читатель дѣйствительно встрѣтитъ не одинъ разъ въ продолженіе статьи. Лордъ Мегонъ, впервые принявшій на себя изложеніе въ полномъ объемѣ большой испанской войны, въ которую, кромѣ Англіи, замѣшаны были почти всѣ другія державы западной Европы, поднялъ много важныхъ вопросовъ, касавшихся частію внутренняго состоянія Англіи въ то время, частію же самой борьбы ея съ Франціею. Многія сужденія его нуждались въ повѣркѣ. Маколей взялъ на себя этотъ трудъ и исполнилъ его съ большимъ критическимъ тактомъ. Замѣчанія его, вызванныя споромъ съ Мегономъ, не всегда могутъ имѣть интересъ собственно для нашей публики; но, не желая измѣнять характера статьи, переводчикъ сохранилъ тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ чисто полемическаго характера.

Впрочемъ Маколей щедрою рукою вознаграждаетъ читателя за нѣкоторыя частности, имѣющія мѣстное значеніе и выражающія лишь особенныя его мнѣнія по отношенію къ другому писателю. И въ тѣсныхъ предѣлахъ критической статьи онъ успѣлъ быть выше чисто критической точки зрѣнія и въ немногихъ, но мѣткихъ и вѣрно схваченныхъ чертахъ изобразилъ одно изъ величайшихъ событій новой европейской исторіи: ибо отсюда начинается дѣятельное участіе Англіи въ дѣлахъ европейскаго материка, и здѣсь же положено начало новой всемірно-исторической борьбы ея съ Франціею. Для насъ этотъ очеркъ имѣетъ еще ту особенную цѣну, что въ немъ находимъ живую и вѣрную картину той части войны, которая имѣла мѣсто собственно въ Испаніи, вдали отъ главнаго театра военныхъ событій того времени, и по своей запутанности всего болѣе нуждалась въ искусномъ разказѣ опытнаго историка. Это самое дало автору случай съ свойственною ему мѣткостію взгляда схватить и выставить читателю нѣкоторыя оригинальныя черты Испанской народности въ трудныхъ обстоятельствахъ. Обращаемъ также вниманіе нашихъ читателей на характеръ Питерборо: это одна изъ тѣхъ мастерскихъ характеристикъ, которыя иногда производятъ дѣйствіе цѣлой массы свѣта, брошенной вдругъ въ темное пространство, и которыхъ тайною авторъ предлагаемой статьи владѣетъ почти исключительно.

Переводъ принадлежитъ профессору Харьковскаго Университета Д. И. Каченовскому, который предполагаетъ перевести и другіе замѣчательнѣйшіе историческіе «опыты» (Essays) того же писателя. *Ред.*

Кто хочетъ хорошо познакомиться съ патологическою анатоміею государствъ, кто желаетъ знать, какъ великія націи дѣлаются слабыми и жалкими, тотъ долженъ изучать исторію Испаніи. Имперія Филиппа II была несомнѣнно одна изъ самыхъ могучихъ и великолѣпныхъ имперій міра. Въ Европѣ онъ управлялъ Испаніею, Португаліею, Нидерландами по обѣимъ сторонамъ Рейна, Франшъ-

Контѐ, Руссильономъ, Миланомъ и Обѣими Сициліями. Тоскана, Парма и другія мелкія государства Италіи находились въ такой же зависимости отъ него, въ какой Низзамъ и раджа берраркій состоятъ теперь отъ Остъ-Индской Компаніи. Въ Азіи испанскій король былъ повелителемъ Филиппинскихъ острововъ и всѣхъ богатыхъ поселеній, заведенныхъ Португальцами на Малабарскомъ и Коромандельскомъ берегахъ, на полуостровѣ Малаккѣ и въ восточномъ архипелагѣ. Въ Америкѣ его владѣнія простирались по обѣимъ сторонамъ экватора въ умѣренный поясъ. Есть основаніе думать, что въ цвѣтущее время своего царствованія онъ получалъ въ десять разъ больше годоваго дохода, нежели Елизавета отъ Англіи. У него было пятьдесятъ тысячъ постояннаго войска, между тѣмъ какъ Англія не содержала ни одного постояннаго баталіона. Его обыкновенный флотъ простирался до ста пятидесяти галеръ. Ему принадлежало безпримѣрное въ новой исторіи владычество надъ землею и моремъ вмѣстѣ; большую часть своего царствованія онъ господствовалъ на обѣихъ стихіяхъ. Его солдаты доходили до столицы Франціи; его корабли угрожали берегамъ Англіи.

Можно сказать безъ преувеличенія, что въ теченіе многихъ лѣтъ власть Филиппа надъ Европою была обширнѣе власти самого Наполеона. Вліяніе французскаго завоевателя никогда не простиралось далѣе тѣхъ границъ, до которыхъ обыкновенно доходитъ вода на берегахъ моря во время убыли. Самый узкій проливъ былъ для его могущества тѣмъ же, чѣмъ, по старинному вѣрованію, была текучая рѣка для чаръ вѣдьмы. Между тѣмъ какъ его арміи входили во всѣ столицы отъ Москвы до Лиссабона, англійскій флотъ блокировалъ всѣ порты отъ Данцига до Тріеста. Во все время войны, страшной для каждаго трона на континентѣ, Сицилія, Сардинія, Гернси пользовались совершенною безопасностью. Побѣдоносная и повелительная нація, наполняя свои музеумы сокровищами Антверпена, Флоренціи и Рима, тяжко страдала отъ недостатка въ тѣхъ предметахъ роскоши, которые обычай сдѣлалъ для нея необходимыми. Воздвигая колонны и арки въ память французскихъ побѣдъ, завоеватели пытались добыть кофе изъ цикорія и сахаръ изъ свекловицы. Вліяніе Филиппа на континентѣ было не менѣе велико. Императоръ германскій состоялъ съ нимъ въ родствѣ. Франція, растерзанная религіозною войною, никогда не была для него страшна и нерѣдко играла роль зависимой союзницы. Но кромѣ того Испанія имѣла корабли, колоніи и торговлю, къ чему напрасно стремился Наполеонъ. Въ ея рукахъ находилась монополія Америки и Индѣйскаго океана. Она получала и развозила все

золото Запада, всѣ пряности Востока. Въ продолженіе многолѣтнихъ войнъ ея торговля шла безостановочно и терпѣла только отъ хищническихъ набѣговъ немногихъ удалыхъ каперовъ. Даже послѣ истребленія армады, англійскіе государственные люди продолжали смотрѣть со страхомъ на морскую силу Филиппа. «Король испан«скій—говоритъ лордъ хранитель печати парламенту въ 1593 году— «чрезъ завоеваніе Португальскаго королевства пріобрѣлъ Ост«Индію и чрезъ это сталъ еще сильнѣе... У него есть флотъ, ко«торый можетъ остановить подвозъ товаровъ изъ Англіи въ Га«сконь и Гіень, что̀ и случилось прошлою осенью; онъ сдѣлался «теперь пограничнымъ врагомъ какъ западной, такъ и южной Англіи, «напримѣръ Соссексу, Гемпширу и острову Уайту. Чрезъ С.-Мало, «портъ, наполненный военными кораблями, его сосѣдство грозитъ «островамъ королевы, Джерси и Гернси, древнимъ владѣніямъ ко«роны, никогда не покореннымъ въ великую войну съ Франціею».

Превосходство, которымъ пользовалась тогда въ Европѣ Испанія, досталось ей не даромъ. Оно было пріобрѣтено неоспоримыми успѣхами во всѣхъ родахъ управленія и военнаго дѣла. Въ XVI столѣтіи Италія считалась страною изящныхъ искусствъ; Германія — смѣлыхъ богословскихъ умствованій; Испанія—государственныхъ людей и воиновъ. Характеръ, который приписываетъ своимъ соотечественникамъ Виргилій, столько же по праву принадлежитъ важнымъ и гордымъ сановникамъ, окружавшимъ тронъ Фердинанда-Католика и его наслѣдниковъ. Грандіозное искусство «regere impe. rio populos» было усвоено Римлянами въ лучшіе дни республики не болѣе, чѣмъ Хименесомъ и Гонзальво, Кортесомъ и Альбою-Испанскіе дипломаты славились во всей Европѣ. Англія до сихъ поръ помнитъ имя Гондомара. Верховная нація не имѣла соперниковъ также въ регулярной и иррегулярной войнѣ. Пылкое рыцарство Франціи, сжатая фаланга Швейцаріи оказывались несостоятельными при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ испанскою пѣхотою. Въ войнахъ новаго свѣта, гдѣ требовалась нѣсколько своеобразная стратегія отъ генерала и нѣсколько особенная дисциплина отъ солдата, гдѣ нужно было каждый день прибѣгать къ новымъ уловкамъ противъ измѣнчивой тактики варвара-непріятеля, испанскіе авантюристы, вышедшіе изъ простаго народа, обнаружили находчивость, таланты въ переговорахъ и умѣнье командовать, почти безпримѣрные въ исторіи.

Кастилецъ этихъ временъ въ сравненіи съ Итальянцами представляетъ тѣ же черты, какія можно замѣтить у Римлянина въ дни римскаго величія сравнительно съ Грекомъ. У завоевателя было

меньше замысловатости, меньше вкуса, меньше деликатности въ чувствахъ, чѣмъ у завоеванныхъ, но больше гордости, силы и мужества, больше торжественности въ поступкахъ, больше сознанія чести. Подчиненный отличался тонкостію обдумыванія; правитель — энергіею исполненія. Первый имѣлъ всѣ пороки труса; второй — всѣ пороки тирана. Къ этому должно прибавить, что Испанецъ, подобно Римлянину, не пренебрегалъ изученіемъ искусствъ и языка угнетаемыхъ народовъ. Въ испанской литературѣ совершился такой же переворотъ, какой, по словамъ Горація, произошелъ въ латинской поэзіи: capta ferum victorem cepit—рабъ покорилъ господина. Старыя кастильскія баллады уступили мѣсто сонетамъ въ стилѣ Петрарки и героическимъ поэмамъ въ размѣрѣ Аріосто, подобно тому, какъ народныя пѣсни Рима были изгнаны подражаніями Теокриту и переводами Менандра.

Ни одно новое общество, даже Англія въ эпоху Елизаветы, не произвело столько людей, замѣчательныхъ вмѣстѣ литературною дѣятельностію и подвигами практической жизни, сколько Испанія въ XVI столѣтіи. Почти каждый отличный писатель былъ отличнымъ солдатомъ или политикомъ. Босканъ заслужилъ высокую военную репутацію. Гарсиласо де Вега, авторъ чрезвычайно милыхъ и граціозныхъ пастушескихъ поэмъ, послѣ короткой, но блистательной военной карьеры, палъ съ мечемъ въ главѣ штурмовой колонны. Алонсо де-Эрсилья занималъ видное мѣсто въ той войнѣ, которую въ послѣдствіи прославилъ въ одной изъ лучшихъ героическихъ поэмъ Испаніи. Гуртадо де-Мендоса, котораго стихотворенія сравниваютъ съ Гораціевыми, и котораго очаровательный романъ очевидно есть модель Жилблаза, напоминаетъ собою, судя по историческимъ извѣстіямъ, желѣзныхъ проконсуловъ другой эпохи. Лопе участвовалъ въ армадѣ; Сервантесъ получилъ рану при Лепанто.

Любопытно замѣтить, съ какимъ ужасомъ смотрѣли Англичане того времени на Испанца. По ихъ словамъ—это демонъ злобный, но вмѣстѣ прозорливый и могучій. «Испанцы очень умны и хитры,» пишетъ одинъ Англичанинъ въ мемуарѣ къ Маріи, «и могутъ, «благодаря своей мудрости, передѣлать на время и сковать собствен«ную природу, приноровиться къ обычаямъ тѣхъ людей, дружбы «которыхъ они заискиваютъ; этой злодѣйской уловки тотъ не «замѣтитъ, кто не сдѣлается ихъ подчиненнымъ; но послѣ «онъ вполнѣ увидитъ и почувствуетъ ее. Думаю, что, по ми«лости Божіей, Англія никогда такъ поступать не будетъ, потому «что въ происках для достиженія цѣли, въ угнетеніи и тиранствѣ «они (Испанцы) превосходятъ всѣ народы земли». Подобнымъ язы-

*

комъ могъ говорить Арминій о Римлянахъ, или государственный человѣкъ современной намъ Индіи объ Англичанахъ. Это языкъ человѣка, который кипитъ враждою, но боится тѣхъ, кого ненавидитъ, и тяжко чувствуетъ превосходство надъ собою не только ихъ власти, но даже умственныхъ способностей.

Но какъ упалъ ты съ неба, о Люциферъ, сынъ утра! Какъ прижали тебя, утѣснителя народовъ, къ землѣ! Если мы перешагнемъ черезъ сто лѣтъ и посмотримъ на Испанію въ концѣ XVIII-го вѣка, — какая перемѣна! Контрастъ здѣсь столько же великъ, сколько между Римомъ временъ Галліена и Гонорія и Римомъ Марія и Цезаря. Иноземное завоеваніе начало разъѣдать части гигантской монархіи, на которой прежде не заходило солнце. Голландія отрѣзана, а за нею и Португалія, и Артуа, и Руссильонъ, и Франшъ-Конте. На востокѣ имперія, основанная Голландцами, превзошла богатствомъ и блескомъ ту, которую еще удерживали старые тираны. На западѣ Англія захватила въ свои руки поселенія, устроенныя по Мексиканскому морю.

Но потеря территоріи сама по себѣ еще неважна. Неохотное повиновеніе отдаленныхъ провинцій обыкновенно обходится слишкомъ дорого. Имперіи, широко разпростирающія свои вѣтви, часто послѣ временной обрѣзки процвѣтаютъ еще болѣе. Адріанъ, бросивъ завоеванія Траяна, поступилъ благоразумно. Англія никогда не была такъ велика, такъ богата, такъ страшна для иностранныхъ государей, никогда не имѣла такой полной власти надъ моремъ, какъ послѣ потери своихъ американскихъ колоній. Испанская имперія снаружи все еще казалась широкою и великолѣпною. Европейскія владѣнія послѣдняго слабаго государя изъ Австрійскаго дома, были гораздо обширнѣе владѣній Людовика XIV. Зависимыя земли кастильской короны въ Америкѣ простирались далеко къ сѣверу отъ Рака и къ югу отъ Козерога. Но внутри этого обширнаго тѣла было замѣтно неизлѣчимое разстройство, совершенное отсутствіе твердости, окончательное паденіе силъ. Умный и прилежный классъ народа, преданный искусствамъ и мануфактурамъ, былъ изгнанъ глупымъ и безсовѣстнымъ ханжествомъ. Слава испанской кисти исчезла съ Веласкесомъ и Мурильо; великолѣпный вѣкъ испанской литературы окончился съ Солисомъ и Кальдерономъ. Въ теченіе XVII-го столѣтія многія государства создали значительныя военныя учрежденія. Напротивъ испанская армія, когда-то страшная подъ командою Альбы и Фарнезе, уменьшилась до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, которыхъ худо кормили и оставляли почти безъ дисциплины. Англія, Голландія и Франція имѣли большіе флоты. Напротивъ флотъ

испанскій едва составлялъ десятую часть той силы, которая, при Филиппѣ II, была ужасомъ Атлантическаго и Средиземнаго морей. Арсеналы опустѣли; магазины были безъ запасовъ; пограничныя крѣпости — безъ гарнизоновъ. Полиція совершенно не имѣла власти защитить народъ: убійства совершались безнаказанно среди дня; бравò и бездомная челядь бродили всякій день по самымъ шумнымъ улицамъ и сквэрамъ столицы, нарушая публичное спокойствіе, осмѣивая служителей правосудія. Финансы находились въ страшномъ безпорядкѣ. Народъ платилъ много; правительство получало мало. Американскіе вице-короли и откупщики доходовъ обогащались, между тѣмъ какъ купцы банкротились, крестьянство голодало, служители государя не получали жалованья, и солдаты королевской гвардіи ежедневно приходили къ воротамъ монастырей, вмѣстѣ съ нищими просить супу и хлѣба. Никакія средства не помогали противъ зла: оно усиливалось болѣе и болѣе. Попробовали измѣнить курсъ ходячей монеты, но эта безумная мѣра только произвела свои непремѣнныя слѣдствія, т. е. разрушила кредитъ и увеличила несчастіе, которое думали остановить. Американское золото, по словамъ Ортиза, столько же удовлетворяло потребностямъ государства, сколько помогаетъ капля воды человѣку, томимому жаждою. Кипы нераспечатанныхъ депешей накоплялись въ канцеляріяхъ, между тѣмъ какъ министры совѣтовались съ прислужницами двора и іезуитами, какъ бы столкнуть другъ друга съ мѣста. Каждое иностранное государство могло безнаказанно грабить и обижать наслѣдника Карла V. До такого состоянія дошло могущественное испанское королевство въ то время, когда одна изъ ничтожныхъ его провинцій, по объему меньше Эстремадуры или Андалузіи, расположенная въ неблагопріятномъ климатѣ и только искусственными средствами охраняемая отъ нападеній Океана, сдѣлалась первоклассною державою и стала на равную ногу съ лондонскимъ и версальскимъ дворами.

Всѣ причины упадка Испаніи имѣютъ одинъ источникъ—дурное управленіе. Храбрость, умъ, энергія, всѣ тѣ качества, которыя сдѣлали Испанцевъ, въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія, первымъ народомъ міра, были плодами древнихъ учрежденій Кастиліи и Аррагоніи. Эти институты были разрушены первыми властителями австрійскаго дома. Ихъ наслѣдники искупили преступленіе. Слѣдствія перехода отъ благодѣтельнаго къ дурному управленію не вдругъ чувствуются послѣ перемѣны. Таланты и добродѣтели, порождаемые твердымъ устройствомъ, не исчезаютъ разомъ. Но когда пройдетъ одно или два поколѣнія, люди измѣняются...

Потрясеніе, которое сообщила Европѣ реформація въ XVI-мъ вѣкѣ, осталось почти безъ вліянія на Испанію. Въ Англіи, Германіи, Голландіи, Франціи, Даніи, Швейцаріи это потрясеніе произвело, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ временнымъ зломъ, много продолжительнаго добра. Въ иныхъ земляхъ восторжествовало начало реформаціи; въ другихъ католическая церковь сохранила свое преобладаніе. Но хотя событія были не вездѣ одинаковы, — борьба затронула всѣхъ. Даже во Франціи, въ южной Германіи и въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи, общественный духъ былъ пробужденъ до глубины. Узы старыхъ предразсудковъ нѣсколько ослабѣли. Римская церковь, наученная страшною опасностію, приняла въ странахъ подчиненныхъ ея владычеству болѣе кроткій характеръ. Она иногда становилась до такой степени снисходительною, что подчиняла разуму свои высокія притязанія, и осторожнѣе, чѣмъ прежде, пользовалась пособіемъ свѣтской власти. Если гдѣ нибудь и употребляли преслѣдованіе,—оно не имѣло уже своего прежняго дикаго вида. Какъ ни возмутительны жестокости Людовика XIV, ихъ нельзя сравнить съ тѣми ужасами, которыми сопровождалось на зарѣ реформаціи гоненіе еретиковъ во многихъ странахъ Европы.

Единственнымъ слѣдствіемъ реформаціи для Испаніи было развитіе подозрительности со стороны инквизиціи и фанатизма въ обществѣ. Для всѣхъ сосѣднихъ земель наступило время освѣженія. Одинъ только Испанскій народъ остался сухъ послѣ этой росы. Между тѣмъ какъ другія націи сбрасывали съ себя пеленки, Испанецъ сохранялъ дѣтскія мысли, дѣтскій умъ. Между людьми XVII-го столѣтія онъ жилъ человѣкомъ XV-го вѣка или еще болѣе темнаго времени, смотрѣлъ съ восторгомъ на auto da fe и былъ готовъ предпринять крестовый походъ.

Бѣдствія, вызванныя дурнымъ управленіемъ и фанатизмомъ, казалось, достигли высшей степени въ послѣдніе годы XVII-го вѣка. Между тѣмъ какъ королевство находилось въ этомъ жалкомъ состояніи, король Карлъ II приближался къ раннему гробу. Дни его были коротки и печальны. Онъ былъ несчастенъ во всѣхъ своихъ войнахъ, во всѣхъ дѣлахъ внутренняго управленія и во всѣхъ домашнихъ отношеніяхъ. Его первая нѣжно любимая жена умерла въ молодости; на вторую, которая имѣла на него сильное вліяніе, онъ смотрѣлъ кажется болѣе со страхомъ, чѣмъ съ любовью. Онъ былъ бездѣтенъ, и имѣя немного болѣе тридцати лѣтъ, долженъ былъ, какъ человѣкъ съ разбитымъ организмомъ, отказаться отъ надежды на потомство. Духъ его былъ еще сильнѣе потрясенъ, нежели тѣло. Онъ иногда погружался въ меланхолическое

бездѣйствіе; въ другое время его тревожили самыя дикія и причудливыя фантазіи. Впрочемъ король не былъ лишенъ чувствъ, приличныхъ его высокому званію. Мысль, что за его собственнымъ разрушеніемъ послѣдуетъ разрушеніе имперіи, не давала ему покоя и усиливала несчастіе страдальца.

Многіе государи объявили свои притязанія на наслѣдство. Старшая сестра короля вышла за мужъ за Людовика XIV. Итакъ, по обыкновенному порядку престолонаслѣдія корону долженъ былъ получить дофинъ; но инфанта, еще во время обрученія, отказалась за себя и за все свое потомство отъ притязаній на корону: это отреченіе было подтверждено по надлежащему порядку кортесами. Младшая сестра короля была первою женою Леопольда, императора германскаго. Она также отказалась отъ испанскаго трона, но ея отреченіе не было ратификовано кортесами и потому считалось незаконнымъ въ глазахъ испанскихъ юристовъ. Отъ этого брака родилась дочь, которая вышла за курфирста Баварскаго. Баварскій принцъ наслѣдовалъ ея притязанія на испанскій престолъ. Наконецъ императоръ Леопольдъ, какъ сынъ дочери Филиппа III, также состоялъ въ родствѣ съ Карломъ и имѣлъ тѣмъ больше правъ, что его мать, вступая въ бракъ, не отказалась отъ наслѣдства.

Вопросъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень запутанъ. Право, которое по обыкновенному порядку наслѣдства считается первымъ, было подавлено контрактомъ, заключеннымъ въ самой обязательной формѣ. Притязанія курфирста Баварскаго были слабже, но противъ нихъ также говорилъ ясный договоръ. Единственная сторона, которая не связала себя отреченіемъ, имѣла самыя слабыя права въ кровномъ отношеніи.

Такъ какъ было ясно, что въ Европѣ поднимется большая тревога, если императоръ или дофинъ сдѣлается королемъ испанскимъ, то оба претендента поспѣшили отказаться отъ наслѣдства въ пользу вторыхъ сыновей, императоръ въ пользу эрцгерцога Карла, дофинъ въ пользу герцога Анжуйскаго.

Скоро послѣ Рисвикскаго мира Вильгельмъ III и Лудовикъ XIV порѣшили вопросъ о наслѣдствѣ безъ совѣщанія съ Карломъ II и императоромъ. Франція, Англія и Голландія подписали договоръ, въ которомъ было постановлено, чтобы курфирстъ Баварскій получилъ въ наслѣдство Испанію, обѣ Индіи и Нидерланды. Отъ притязаній императорской фамиліи думали откупиться Миланомъ, а дофину отдать Обѣ-Сициліи.

Главная забота короля испанскаго и его совѣтниковъ состояла въ томъ, чтобы предупредить раздробленіе монархіи. Въ надеждѣ достигнуть этой цѣли, Карлъ рѣшился назначить наслѣдника.

Согласно съ этимъ составлено было завѣщаніе, и корона отдана баварскому принцу. Къ несчастію, едва король успѣлъ подписать свою волю, какъ принцъ умеръ. Итакъ вопросъ не только остался неразрѣшеннымъ, но къ нему присоединились еще новыя затрудненія.

Франція, Англія и Голландія заключили новый раздѣлительный договоръ. Испанія, Обѣ-Индіи и Нидерланды должны были достаться эрцгерцогу Карлу. Въ вознагражденіе за эту уступку, сдѣланную Бурбонами соперничествующей династіи, согласились отдать Франціи Миланъ или равноцѣнную область, болѣе выгодную по мѣстности, напримѣръ Лотарингію.

Арбутнотъ, спустя нѣсколько лѣтъ, съ необыкновеннымъ юмором ъ и умомъ осмѣялъ раздѣлительный договоръ. Онъ разказываетъ, какой припадокъ бѣшенства овладѣлъ бѣднымъ старикомъ лордомъ Стрёттомъ, когда ему сказали, что его бѣглый рабъ Никъ — лягушка, суконщикъ—Джонъ Буль и старый врагъ—мартышка (Baboon) пришли съ квадрантами, вѣхами и карманными чернилицами описывать его имѣніе и составить за хозяина завѣщаніе. Напротивъ лордъ Мегонъ говоритъ объ этой сдѣлкѣ съ важною суровостью. Онъ называетъ ее «беззаконнымъ договоромъ, заключеннымъ безъ малѣйшаго вниманія къ благу государствъ, произольно дробимыхъ и распредѣляемыхъ, обиднымъ для гордости Испаніи, направленнымъ къ тому, чтобы лишить ее потомъ и кровью добытыхъ завоеваній.» Самую серіозную сторону этого обвиненія можно примѣнить съ такою же силою къ половинѣ трактатовъ Европы, сколько къ раздѣлительному договору. Какое вниманіе, напримѣръ, оказано въ Пиренейскомъ мирѣ ко благу жителей Дюнкирхена и Руссильона, въ Нимвегенскомъ—ко благу Франш-Контѐ, въ Утрехтскомъ къ Фландріи, въ трактатѣ 1735 года къ Тосканѣ? Государственные люди, авторы упомянутаго договора, не стояли по мудрости и добродѣтелямъ выше своего вѣка и не слишкомъ безпокоились о счастіи народовъ, которыхъ они подчиняли иноземнымъ повелителямъ. Но къ тому же трудно доказать, чтобы условія трактата, осуждаемыя лордомъ Мегономъ, были враждебны счастію жителей, уступленныхъ новымъ государямъ. Неаполитанцы рѣшительно ничего не теряли, кому бы ни отдали ихъ, дофину или султану. Аддисонъ, посѣтившій во время раздѣлительнаго договора Неаполь, оставилъ намъ страшное описаніе неустройства, въ которомъ томилась тогда эта часть испанской монархіи. Что̀ касается до жителей Лотарингіи, соединеніе съ Франціею было бы для нихъ счастливѣйшимъ событіемъ. Лудо-

викъ уже повелѣвалъ ими какъ иноземный властитель, для цѣлей жестокости и вымогательства; въ теченіе многихъ лѣтъ страна находилась въ его рукахъ. Правда, по Рисвикскому миру герцогу позволили возвратиться, но условія, ему предписанныя, сдѣлали его вассаломъ Франціи.

Мы не можемъ допустить, чтобы раздѣлительный трактатъ «лишалъ Испанію добытыхъ потомъ и кровью завоеваній.» Наслѣдство было такъ обширно, претенденты такъ сильны, что безъ полюбовнаго раздѣленія, вопросъ не могъ быть рѣшенъ. Если же раздѣленіе было необходимо, лучшій способъ его достигнуть состоялъ въ томъ, чтобы отрѣзать отъ монархіи провинціи, которыя не были испанскими по языку, по чувствамъ и обычаямъ, которыя управлялись хуже и имѣли меньше цѣнности, чѣмъ старыя королевства Аррагонія и Кастилія, и которыя, повинуясь чужеземцамъ, менѣе испытывали униженія переходить отъ одного господина къ другому.

Что Англія и Голландія имѣли право вмѣшаться, это ясно. Вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ не былъ внутреннимъ, но европейскимъ вопросомъ. Это допускаетъ самъ лордъ Мегонъ. Онъ думаетъ, что если бы зло произошло, и французскій принцъ царствовалъ въ Эскуріалѣ, Англія и Голландія имѣли бы основаніе не только лишить Испанію отдаленныхъ провинцій, но даже вторгнуться въ королевство, что онѣ могли бы въ такомъ случаѣ подчинить иностранному владычеству не только пассивныхъ Фламандцевъ и Итальянцевъ, но даже мятежныхъ Кастильцевъ и Астурійцевъ. Та самая опасность, противъ которой былъ направленъ раздѣлительный договоръ, въ послѣдствіи послужила основаніемъ къ войнѣ. Но трудно доказать, что опасность, оправдывающая войну, недостаточна для оправданія предупредительныхъ статей трактата. Если, какъ утверждаетъ лордъ Мегонъ, для Испаніи было лучше подчиниться открытой силѣ, нежели принять Бурбона, то конечно ей было лучше потерять Сицилію и Миланъ, нежели принять Бурбона. Разумно ли былъ составленъ трактатъ, это совершенно другой вопросъ. Мы не одобряемъ согласительныхъ статей. Но мы не одобряемъ ихъ не потому, что считаемъ дурными, а потому, что сомнѣваемся въ возможности ихъ исполненія. Лудовикъ былъ самый безсовѣстный изъ политиковъ. Онъ ненавидѣлъ Голландцевъ. Онъ ненавидѣлъ правительство, утвержденное въ Англіи вслѣдствіе переворота. Онъ былъ готовъ ссориться съ своими новыми союзниками. Было ясно, что онъ не исполнитъ своихъ обѣщаній, если только интересъ потребуетъ ихъ наруше-

нія. Если бы даже ему было полезно соблюдать ихъ, и въ такомъ случаѣ можно усомниться, въ состояніи ли самый сильный и ясный интересъ принудить такого надменнаго и своенравнаго человѣка къ искреннему содѣйствію государствамъ, которыя всегда были предметомъ его злобы и отвращенія. Когда извѣстіе о второмъ трактатѣ пришло въ Мадридъ, оно пробудило минутную энергію въ слабомъ правителѣ слабаго государства. Испанскій посланникъ при лондонскомъ дворѣ получилъ повелѣніе протестовать противъ Вильгельма, и его протесты были такъ сильны, что ему приказали выѣхать изъ Лондона. Карлъ, въ видѣ возмездія, выслалъ англійскаго и голландскаго посланниковъ. Французскій король, будучи главнымъ виновникомъ трактата, успѣлъ однако же отвратить отъ себя ярость Карла и испанскаго народа и направить ее противъ двухъ морскихъ державъ. Такъ какъ эти государства не имѣли болѣе агентовъ въ Мадридѣ, коварный союзникъ могъ безпрепятственно вести свои интриги и дѣйствительно вполнѣ воспользовался выгодами своего положенія.

Въ это время партіи, окружавшія несчастнаго короля, начали долгую борьбу. Впрочемъ исходъ ея предвидѣть было трудно. На сторонѣ императорской фамиліи стояла королева, какъ принцесса той же династіи. Съ нею соединились духовникъ короля и бо́льшая часть министровъ. Другую сторону поддерживали два искуснѣйшіе политика этого времени—кардиналъ Порто-Карреро, архіепископъ толедскій, и Гаркуръ, посланникъ Лудовика.

Гаркуръ представляетъ собою благородный образецъ французской аристократіи въ эпоху ея блеска: онъ былъ истинный джентльменъ, храбрый воинъ и искусный дипломатъ. Его ловкое и обольстительное обращеніе, его парижская живость, соединенная съ кастильскою важностью, привлекла къ нему весь дворъ. Онъ вступилъ въ дружескія связи съ грандами, ласкалъ духовенство и ослѣплялъ толпу великолѣпіемъ образа жизни. Предразсудки, которые питалъ мадридскій народъ противъ французскаго характера, мстительныя чувства, которыя вкоренились подъ вліяніемъ вѣковаго народнаго соперничества, мало по малу уступили его искусству, между тѣмъ какъ австрійскій посланникъ, кислый, важный, скупой Нѣмецъ, каждый день ослаблялъ привязанность Испанцевъ къ себѣ и своему отечеству.

Гаркуръ повелѣвалъ дворомъ и городомъ, Порто-Карреро дѣйствовалъ на короля. Карлъ былъ боленъ, раздражителенъ и чрезвычайно суевѣренъ. Порто-Карреро, отправляя свою должность, научился возбуждать и успокоивать такія души, и употреблялъ

свое искусство съ тою тихою и скромною жестокостію, которая составляетъ отличительную черту безнравственныхъ и честолюбивыхъ прелатовъ.

Прежде всего онъ смѣнилъ духовника. Состояніе бѣднаго короля, во время борьбы между двумя духовными совѣтниками, было страшно. Въ одно время онъ дошелъ до убѣжденія, что его болѣзнь похожа на недугъ несчастныхъ, описанныхъ въ Новомъ Завѣтѣ, которые жили въ могилахъ, которыхъ не могли связать никакія цѣпи, къ которымъ не смѣли приблизиться люди. Въ другое время онъ совѣтовался съ колдуньею въ Астурійскихъ горахъ. На многія лица было взведено обвиненіе, будто бы они его испортили. Порто-Карреро совѣтовалъ совершить страшный обрядъ заклинанія. Эта церемонія еще больше раздражила и ослабила короля. Но она принесла пользу кардиналу, который тайными происками успѣлъ выгнать не дьявола, а духовника.

За тѣмъ слѣдовало освободиться отъ министровъ. Поставка съѣстныхъ припасовъ въ Мадридѣ была отдана въ монополію. Правительство смотрѣло на этотъ щекотливый предметъ такими же глазами, какъ на все другое. Приверженцы дома Бурбоновъ воспользовались небрежностью администраціи. Подвозъ пищи вдругъ остановился. Продавцы начали требовать чудовищныя цѣны. Народъ возсталъ. Королевская резиденція была окружена огромною толпою. Королева обратилась къ увѣщаніямъ. Священники вынесли дары. Все было напрасно. Наконецъ сочли нужнымъ тревожнаго короля разбудить отъ сна и вынести его на балконъ. Тамъ дано было торжественное обѣщаніе немедленно удалить нелюбимыхъ совѣтниковъ короны. Толпа оставила дворецъ и бросилась грабить дома министровъ. Такимъ образомъ приверженцы австрійской династіи лишились власти, и правленіе перешло къ созданіямъ Порто-Карреро. Король оставилъ городъ, гдѣ ему нанесено было столь жестокое оскорбленіе, и удалился въ великолѣпный Эскуріалъ. Здѣсь его ипохондрія приняла новое направленіе. Подобно Карлу V, его давило странное любопытство проникнуть въ тайны могилы, къ которой онъ приближался. Въ склепахъ, устроенныхъ Филиппомъ II подъ церковью Св. Лаврентія, покоились три поколенія кастильскихъ государей. Въ эти темные своды, при свѣтѣ факела сходилъ несчастный монархъ и проникалъ въ богатую и мрачную комнату, гдѣ вокругъ большаго чернаго Распятія стояли рядами гробницы Испанскихъ королей и королевъ. Тамъ онъ приказывалъ своимъ спутникамъ вскрывать массивные бронзовые ящики, въ которыхъ тлѣли останки его предшествен-

никовъ. Долго смотрѣлъ онъ на страшное зрѣлище безъ особеннаго волненія. Наконецъ ему открыли гробъ первой жены, и она редстала передъ нимъ во всей красотѣ — таково было искусство бальзамированія! Онъ бросилъ взоръ на эти любимыя черты, невидѣнныя осьмнадцать лѣтъ, черты, надъ которыми тлѣніе, казалось, не имѣло власти, и бросился изъ залы, восклицая : она съ Богомъ, и я скоро буду съ нею ! Эта ужасная картина довершила разрушеніе его тѣла и духа. Эскуріалъ сдѣлался ему ненавистенъ ; онъ поспѣшилъ въ Арангуесъ. Но тѣни и воды этого восхитительнаго острова – сада, прославленныя искристымъ стихомъ Кальдерона, не доставили утѣшенія несчастному. Онъ напрасно прибѣгалъ къ лѣкарствамъ , моціону, развлеченію, и возвратился въ Мадридъ, чтобы умереть.

Тутъ со всѣхъ сторонъ окружили короля смѣлые и искусные агенты фамиліи Бурбоновъ. Главные придворные политики увѣряли его, что Лудовикъ, и одинъ только Лудовикъ достаточно силенъ, чтобы предохранить Испанскую монархію отъ раздѣленія, и что Австрія совершенно неспособна остановить исполненіе трактата. Нѣкоторые знаменитые юристы высказали мнѣніе, что актъ отреченія, совершенный покойною Французскою королевою, надобно толковать по смыслу, а не буквально. Слова конечно исключали французскую принцессу. Но по духу акта нужно было только принять мѣры противъ соединенія испанской и французской короны въ одномъ лицѣ.

По всей вѣроятности ни политическія, ни юридическія доказательства не могли одолѣть пристрастія Карла къ Австрійскому дому. Между двумя королевскими линіями, происшедшими изъ брака Филиппа и Хуаны, всегда существовала тѣсная связь. Обѣ онѣ смотрѣли на Французовъ, какъ на естественныхъ враговъ. Нужно было обратиться къ религіознымъ ужасамъ, и Порто–Карреро употребилъ ихъ въ дѣло мастерски. Жизнь короля приближалась къ концу. Неужели католическій государь совершитъ на краю гроба великій грѣхъ? И какой грѣхъ можетъ быть важнѣе намѣренія устранить законнаго наслѣдника обширной монархіи изъ неразумной привязанности къ семейному имени, изъ нехристіанской антипатіи къ соперничествующему дому? Нѣжная совѣсть и слабый умъ Карла были сильно задѣты подобными аппелляціями. Наконецъ Порто–Карреро рискнулъ на послѣдній ударъ и убѣдилъ Карла обратиться за совѣтомъ къ папѣ. Король, который въ простотѣ сердца считалъ наслѣдника Св. Петра непогрѣшимымъ руководителемъ въ дѣлахъ духовныхъ, послѣдовалъ внушенію; а Порто-

Карреро, зная, что его святѣйшество есть орудіе Франціи, съ совершенною увѣренностью ожидалъ результата. Дѣйствительно изъ Рима скоро пришелъ отвѣтъ. Папа торжественно напоминалъ королю, какой великій отчетъ предстоитъ ему дать, и предостерегалъ противъ явной несправедливости, которую онъ покушался сдѣлать. По словамъ папы, право было на сторонѣ Бурбоновъ, и король долженъ былъ больше дорожить спасеніемъ своей души, нежели Австрійскаго дома. Но Карлъ все еще не рѣшался. Даже папская власть не могла одолѣть его привязанности къ семейству и отвращенія отъ Франціи. Наконецъ ему показалось, что онъ дѣйствительно умираетъ. Тогда кардиналъ удвоилъ усилія. Духовникъ за духовникомъ, нарочно подготовленные для этого случая, приходили къ постели дрожащаго грѣшника и увѣряли его, что онъ умираетъ, совершая явное преступленіе; что онъ обманываетъ родныхъ и завѣщаваетъ народу гражданскую войну. Наконецъ онъ уступилъ и подписалъ знаменитое завѣщаніе, которое произвело столько бѣдствій въ Европѣ. Когда ему пришлось помѣтить на документѣ свое имя, у него хлынули изъ глазъ слезы. «Богъ, сказалъ онъ, даетъ и отнимаетъ королевства. Я уже одинъ изъ мертвыхъ.»

Завѣщаніе хранилось втайнѣ до конца его жизни. 3-го ноября 1700 года онъ умеръ. Весь Мадридъ собрался у дворца. Толпа тѣснилась у дверей. Пріемная зала была наполнена посланниками и грандами; они горѣли желаніемъ знать, какія распоряженія сдѣлалъ покойный государь. Наконецъ двери отворились. Вышелъ герцогъ Абрантесъ и объявилъ, что вся Испанская монархія завѣщана герцогу Анжуйскому. Кромѣ того Карлъ распорядился, чтобы до пріѣзда наслѣдника правленіе было передано Совѣту подъ предсѣдательствомъ Порто-Карреро. Людовикъ поступилъ такъ, какъ ожидали англійскіе министры. Не показывая ни малѣйшей медленности, онъ нарушилъ всѣ обязательства раздѣлительнаго трактата и принялъ въ пользу внука великолѣпное наслѣдство Карла. Новый государь поспѣшилъ вступить во владѣніе своими землями. Весь французскій дворъ провожалъ его до Ссо (Sceaux). Братья ѣхали съ нимъ до границы, которая, какъ они воображали, скоро перестанетъ быть границею. Нѣтъ болѣе Пиренеевъ, сказалъ Людовикъ. Но эти самыя Пиренеи, спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣлались театромъ войны между наслѣдникомъ Людовика и тѣмъ принцемъ, котораго Франція посылала теперь управлять Испаніею.

Если бы Карлъ отыскивалъ во всей Европѣ наслѣдника, похожаго на себя по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, то

не могъ бы выбрать лучшаго. Филиппъ, хотя не страдалъ тѣлесно какъ его предшественникъ, но былъ столько же слабъ, апатиченъ, суевѣренъ, и скоро сдѣлался такимъ же ипохондрикомъ и эксцентрикомъ. Въ женолюбіи онъ еще превосходилъ Карла. Первая забота его по восшествіи на испанскій престолъ состояла въ томъ, чтобы достать себѣ жену. Начиная отъ свадьбы до самой ея смерти онъ больше всего хлопоталъ о томъ, чтобы имѣть ее постоянно при себѣ и дѣлать все, что̀ ей угодно. Когда она умерла, онъ тотчасъ же принялся искать другую и нашелъ совершенно непохожую на первую. Но она была жена, и Филиппъ успокоился. Ни днемъ, ни ночью, ни больной, ни здоровый, ни во время занятій, ни въ часы отдыха, онъ не позволялъ ей отходить отъ себя на полчаса. Отъ природы слабый духомъ, онъ еще болѣе разслабѣлъ вслѣдствіе воспитанія, полученнаго среди скучнаго великолѣпія Версаля. Его дѣдъ былъ столько же повелителенъ и тщеславенъ въ семействѣ, сколько въ дѣлахъ государственныхъ. Всѣ принцы, выросшіе непосредственно на глазахъ Лудовика, пріобрѣли такія манеры, какія обыкновенно встрѣчаются у людей, никогда не знавшихъ, что̀ значитъ свободно держать себя. Они были молчаливы, застѣнчивы и неловки. У всѣхъ ихъ, за исключеніемъ герцога Бургундскаго, были кромѣ того еще другіе, болѣе важные недостатки. Дофинъ, герцогъ Беррійскій, Филиппъ Анжуйскій почти не имѣли самостоятельнаго характера. Имъ не доставало энергіи, силы воли. Они такъ мало привыкли судить или дѣйствовать за себя, что слѣпое повиновеніе сдѣлалось необходимымъ для ихъ комфорта. Новый король испанскій, освободившись отъ контроля, былъ похожъ на того несчастнаго преступника въ Германіи, который, когда съ него сняли цѣпи, упалъ на полъ своей темницы. Стѣсненія, которыми были ослаблены умственныя способности молодаго принца, сдѣлались нужными для ихъ поддержанія. Пока у него не было жены, онъ не могъ ничего дѣлать, а когда явилась жена, дѣлалъ все, что̀ ей угодно. Между тѣмъ какъ этотъ апатическій и недалекій принцъ ѣхалъ въ Мадридъ, дѣдъ его неусыпно работалъ. Лудовикъ имѣлъ причины не бояться столкновенія съ императоромъ и запугалъ Соединенные Штаты своею огромною арміею. Но его попытки успокоить откровенными объясненіями англійское правительство не удались. Обмануть Вильгельма было трудно. Онъ слишкомъ ненавидѣлъ Лудовика, и если бы могъ дѣйствовать по своимъ наклонностямъ, объявилъ бы ему войну еще тогда, когда только что сдѣлалось извѣстнымъ содержаніе завѣщанія. Но короля связывали конституціонныя ограниче-

нія. Къ тому же его личность и политика не пользовались въ Англіи популярностью. Его заключенная жизнь и холодное обращеніе отвратили народъ, привыкшій къ граціозной любезности Карла II. Его иностранный акцентъ и чужеземныя привязанности были оскорбительны для національныхъ предразсудковъ. Его царствованіе казалось бѣдственнымъ сравнительно съ прежними временами прогрессивнаго благосостоянія. Тягости послѣдней войны и убытки, сопряженные съ возстановленіемъ курса, чувствовались сильно. Между духовенствомъ девять человѣкъ изъ десяти оставались въ душѣ приверженцами Стюартовъ и присягнули новой династіи только для того, чтобы спасти свои доходныя мѣста. Большая часть сельскаго дворянства (country gentlemen) принадлежала къ той же партіи. Цѣлая масса помѣщиковъ была враждебна новымъ интересамъ, вызваннымъ съ учрежденіемъ народнаго долга, и денежнымъ интересамъ двора. Только средній классъ не терпѣлъ Іакова и его династіи; но эти люди также смотрѣли на Вильгельма, какъ на меньшее зло, и пока не грозила явная опасность реакціи, были расположены останавливать и оскорблять государя, за котораго сами же рѣшались жертвовать жизнію и имуществомъ въ случаѣ нужды. Все кругомъ было мрачно и недовольно. «Въ цѣлой націи, говоритъ Сомерсъ въ замѣчательномъ письмѣ къ Вильгельму, господствуетъ мертвенность и недостатокъ духа.»

Такимъ образомъ въ Англіи все шло такъ, какъ было угодно Лудовику. Предводители партіи виговъ удалились отъ дѣлъ и, по случаю несчастнаго исхода раздѣлительнаго трактата, совершенно потеряли популярность. Тори, изъ которыхъ иные все еще обращали глаза къ Сенъ-Жермену, заступили ихъ мѣсто и пріобрѣли рѣшительное большинство въ Нижней Палатѣ. Состояніе партій до того затрудняло Вильгельма, что онъ не могъ рѣшиться на войну съ домомъ Бурбоновъ. Сильныя и неизлѣчимыя болѣзни постоянно его терзали. Можно было сказать съ увѣренностью, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разрѣшатся бренныя узы, которыми связывалось это слабое тѣло съ этою горячею и неодолимою душою. Если бы только Лудовику удалось сохранить миръ на короткое время, всѣ его обширные планы могли исполниться. Но въ эту самую минуту, въ этотъ критическій моментъ, гордость и страсти завлекли его въ ошибку, которая разрушила все созданное сорокалѣтними побѣдами и интригами, раздробила добытое для внука королевство и навлекла нападеніе, банкротство и голодъ на самую Францію.

Іаковъ II умеръ въ Сенъ-Жерменѣ. Лудовикъ сдѣлалъ ему прощальный визитъ и былъ такъ тронутъ торжественною разлукою и скорбью королевы, что, упустивъ изъ виду всѣ политическіе расчеты, увлекся, какъ видно, чистымъ состраданіемъ, даже нѣсколько благороднымъ тщеславіемъ, и призналъ англійскимъ королемъ принца Вельсскаго.

Негодованіе, овладѣвшее Кастильцами, когда они услышали, что три иностранныя державы произвольно рѣшаютъ вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, было слабо въ сравненіи съ бѣшенствомъ Англичанъ при вѣсти о томъ, что добрый сосѣдъ позаботился назначить имъ короля. Виги и тори соединились между собою въ порицаніи этого поступка Французскаго двора. Въ Лондонѣ поднялся крикъ о войнѣ и, какъ эхо, разнесся по всѣмъ угламъ королевства. Вильгельмъ увидѣлъ, что время дѣйствовать наступило. Хотя его истощенное и страдальческое тѣло едва могло двигаться безъ поддержки, но въ немъ жилъ тотъ же энергическій и рѣшительный духъ, который высказался еще въ юности, когда ему пришлось стать противъ соединенныхъ силъ Франціи и Англіи. Онъ оставилъ Гагу, гдѣ былъ занятъ заключеніемъ оборонительнаго союза съ Штатами и императоромъ противъ честолюбивыхъ намѣреній Бурбонскаго дома, поспѣшилъ въ Лондонъ, преобразовалъ министерство и распустилъ парламентъ. Большинство новой палаты держало сторону короля, и къ войнѣ начались сильныя приготовленія.

Къ несчастію, еще до открытія военныхъ дѣйствій, Вильгельмъ скончался. Но великій союзъ европейскихъ государствъ противъ Бурбоновъ уже установился. «Главный работникъ умеръ — говоритъ Боркъ, — но вѣрныя механическія начала для работы были даны, и она съ успѣхомъ пошла впередъ.» 15-го мая 1702 года, въ одно и то же время, война была объявлена въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Гагѣ.

Такимъ образомъ началась борьба, которая въ теченіи двѣнадцати лѣтъ волновала всю Европу отъ Вислы до Атлантическаго океана. Обѣ враждебныя коалиціи были почти равны между собою по территоріи, богатству и народонаселенію. На одной сторонѣ стояли Франція, Испанія и Баварія; на другой Англія, Голландія, Имперія и нѣсколько второстепенныхъ государствъ.

Лордъ Мегонъ предпринялъ изложить въ своемъ сочиненіи ту часть войны, которая, если не менѣе важна, то по крайней мѣрѣ менѣе привлекательна. Дѣйствительно въ Италіи, Германіи и Нидерландахъ, гдѣ великія средства находились въ рукахъ великихъ гене-

раловъ, давались громадныя сраженія, падали сильныя крѣпости. Желѣзная цѣпь бельгійскихъ укрѣпленій была разбита. Посредствомъ правильныхъ и систематическихъ операцій, совершенныхъ въ теченіе семи лѣтъ, Французы были оттѣснены отъ Дуная и По въ собственныя провинціи. Напротивъ война въ Испаніи слагается изъ событій, повидимому не имѣющихъ никакой взаимной связи. Перевороты счастія здѣсь происходятъ какъ будто во снѣ. Побѣда и пораженіе не влекутъ обыкновенныхъ послѣдствій. Арміи изъ ничего возникаютъ и въ ничто распадаются. Однакоже для разсудительныхъ читателей исторіи, испанская война, быть можетъ, любопытнѣе кампаній Мальборо и Евгенія. Судьба Милана и Нидерландъ рѣшалась военнымъ искусствомъ; судьба Испаніи — народнымъ характеромъ.

Когда началась война, молодой король находился въ самомъ жалкомъ положеніи. По пріѣздѣ въ Мадридъ онъ нашелъ въ главѣ управленія Порто-Карреро и не счелъ приличнымъ смѣнить человѣка, которому былъ обязанъ короною. Кардиналъ былъ чистый интриганъ и вовсе не государственный мужъ. Правда при дворѣ и на исповѣди онъ пріобрѣлъ искусство подчинять себѣ слабыя души, но благородная наука правленія, источники народнаго богатства, причины народнаго упадка, были столько же неизвѣстны ему, сколько его господину. Любопытно замѣтить контрастъ между ловкостью, съ которою онъ дѣйствовалъ на совѣсть слабаго умомъ и здоровьемъ человѣка, и глупостью, которую выказывалъ, будучи во главѣ имперіи. На какихъ основаніяхъ лордъ Мегонъ даетъ кардиналу «блестящій геній и большія способности», мы не можемъ понять. Людовикъ былъ другаго мнѣнія, а онъ рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ характеровъ. «Всѣ знаютъ — сказано въ письмѣ французскаго короля къ его посланнику, — что кардиналъ неспособный человѣкъ. Онъ служитъ предметомъ презрѣнія въ глазахъ своихъ соотечественниковъ.»

Правительство сдѣлало нѣсколько жалкихъ сбереженій, которыя разорили частныхъ лицъ безъ всякой видимой пользы для государства. Полиція болѣе и болѣе оказывалась несостоятельною. Безпорядки въ столицѣ умножились съ пріѣздомъ французскихъ авантюристовъ изъ публичныхъ и игорныхъ домовъ Парижа. Эта сволочь смотрѣла на Испанцевъ, какъ на подчиненное племя, которое соотечественники новаго государя имѣютъ право безнаказанно обижать и обманывать. Филиппъ ѣлъ и пилъ по ночамъ, днемъ лежалъ въ постели, зѣвалъ за столомъ Государственнаго Совѣта и не распечатывалъ по недѣлямъ самыхъ важныхъ бумагъ. Наконецъ

случилось желанное событіе, которое одно могло затронуть его апатическую природу. Дѣдъ позволилъ ему жениться. Выборъ былъ счастливъ. Онъ палъ на Марію Луизу, принцессу савойскую, прекрасную и граціозную дѣвушку тринадцати лѣтъ, которая въ томъ возрастѣ, когда женщина холоднаго климата считается ребенкомъ, была уже развита тѣлесно и душевно. Король назначилъ ей свиданіе въ Каталоніи и выѣхалъ изъ столицы, гдѣ ему очень наскучило жить. При выѣздѣ, его окружила толпа нищихъ, но онъ пробился сквозь нее и отправился въ Барцелону.

Лудовикъ вполнѣ предвидѣлъ, что королева будетъ управлять Филиппомъ, а потому позаботился, чтобы кто нибудь управлялъ королевою. Выборъ его остановился на принцессѣ Орсини. Она была назначена первою дамою королевской спальни — должность не послѣдняя въ хозяйствѣ молоденькой женщины и женолюбиваго супруга. Принцесса, дочь французскаго пера и испанскаго гранда, была какъ нельзя болѣе способна сдѣлаться орудіемъ двора версальскаго при дворѣ мадридскомъ. Герцогъ Орлеанскій назвалъ ее въ выраженіяхъ, слишкомъ грубыхъ для перевода, поручикомъ капитана Ментенона: имя, вполнѣ заслуженное! Она хотѣла играть ту роль въ Испаніи, которую мадамъ Ментенонъ играла во Франціи. Но будучи почти равною своему образцу по остроумію, по свѣдѣніямъ и по искусству интриги, она не имѣла того самообладанія, того терпѣнія, той невозмутимой ровности характера, которыя возвысили вдову шута до подруги самаго гордаго изъ королей. Принцессѣ было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, но она все еще хвасталась своими прекрасными глазами и тонкою таліею, все еще одѣвалась какъ молодая дѣвушка и все еще продолжала кокетничать до соблазна. Впрочемъ она была вѣжлива, краснорѣчива и не безъ силы духа. Колкій Сенъ-Симонъ признается, что если она желала кого нибудь привязать къ себѣ, трудно было устоять противъ граціи ея манеръ и разговора.

Мы не имѣемъ времени разказывать, какъ она пріобрѣла и упрочила свою власть надъ молодою четой, среди которой была поставлена, какъ она сдѣлалась до такой степени сильна, что ни испанскій министръ, ни французскій посланникъ не могли ей противодѣйствовать, какъ самъ Лудовикъ долженъ былъ за нею ухаживать, какъ она получила изъ Версали приказаніе удалиться, какъ королева приняла сторону своей любимой подруги, какъ король принялъ сторону королевы, и какъ наконецъ, послѣ многихъ раздоровъ, лжи, уловокъ, дракъ и ласкательствъ, споръ былъ уложенъ. Переходимъ къ военнымъ событіямъ.

Когда война была объявлена въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Гагѣ, Филиппъ находился въ Неаполѣ. Съ трудомъ, самыми настоятельными требованіями изъ Версаля, убѣдили его разстаться съ женою и отправиться безъ нея въ итальянскія владѣнія, которымъ тогда грозилъ императоръ. Королева сдѣлалась правительницею и, несмотря на свои дѣтскія лѣта, показала себя столько же способною повелѣвать королевствомъ, сколько супругомъ и его министрами.

Въ августѣ 1702 года морская сила, подъ командою герцога Ормонда, появилась у Кадикса. Испанское начальство не имѣло ни денегъ, ни регулярныхъ войскъ. Но народный духъ восполнилъ то, чего не доставало. Дворяне и фермеры дали денегъ; крестьянство составило, по выраженію испанскихъ писателей, дружины героевъ – патріотовъ, или, какъ говоритъ генералъ Стенгопъ, «пѣхотное ополченіе бездѣльниковъ.» Если бы непріятель дѣйствовалъ энергически и разумно, Кадиксъ, вѣроятно, долженъ былъ бы сдаться. Но начальники экспедиціи расходились между собою въ національныхъ и должностныхъ взглядахъ: Голландцы не ладили съ Англичанами, земля съ моремъ. Спарръ, голландскій генералъ, былъ угрюмъ и золъ; Беллазисъ, англійскій генералъ, кралъ запасы. Герцогъ Ормондъ, глава экспедиціи, показалъ здѣсь, какъ и вездѣ, совершенное отсутствіе качествъ, требуемыхъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Дисциплины не было; солдатамъ позволяли грабить и оскорблять тѣхъ, кого слѣдовало успокоить: они обирали церкви, сбивали иконы, наносили обиды монахинямъ; офицеры, вмѣсто того чтобы наказывать преступниковъ, дѣлились съ ними добычею, и наконецъ флотъ, нагруженный, по словамъ Стенгопа, «великою тяжестью грабежа и позора», покинулъ мѣсто подвиговъ Эссекса, бросивъ на погибель единственнаго знатнаго Испанца, который объявилъ себя въ пользу непріятеля.

Флотъ уже удалялся отъ береговъ Португаліи и находился на возвратномъ пути въ Англію, какъ герцогъ Ормондъ получилъ извѣстіе, что корабли, нагруженные золотомъ, только что пришли изъ Америки въ Европу, и, для избѣжанія съ нимъ встрѣчи, отправились въ гавань Виго. Грузъ заключалъ въ себѣ, какъ говорили, болѣе трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ золотомъ и серебромъ, кромѣ многихъ драгоцѣнныхъ товаровъ. Надежда на грабежъ прекратила всѣ споры. Голландцы и Англичане, генералы и адмиралы одинаково жаждали битвы. Испанцы легко могли бы спасти сокровище, сваливъ его на землю, но основный законъ испанской торговли требовалъ, чтобы галіоны выгружались въ Кадиксѣ и непремѣнно въ Кадиксѣ. Камера коммерціи, вѣрная духу

*

монополіи, отказалась даже въ этой крайности уступить малѣйшую часть своихъ привилегій. Дѣло было передано совѣту Обѣихъ Индій. Онъ разсуждалъ и медлилъ цѣлый день. Наконецъ положили сдѣлать нѣкоторыя слабыя приготовленія къ защитѣ. Двѣ разрушенныя башни при входѣ въ бухту Виго были наполнены толпою дурно вооруженныхъ и необученныхъ крестьянъ, гавань завалили и поставили въ ней французскіе корабли, провожавшіе галіоны изъ Америки. Но ничто не помогло. Англійскій флотъ пробился въ бухту; Ормондъ и его солдаты взобрались на форты; Французы сожгли свои корабли и удалились на берегъ. Завоеватели раздѣлили между собою нѣсколько милліоновъ долларовъ; остальная часть денегъ была потоплена. Уже когда галіоны были взяты или уничтожены, пришелъ приказъ, съ позволеніемъ имъ выгрузиться.

Когда Филиппъ возвратился въ Мадридъ въ началѣ 1703 года, онъ нашелъ финансы еще разстроеннѣе, народъ недовольнѣе и коалицію страшнѣе, нежели прежде. Потеря галіоновъ произвела значительный недостатокъ въ доходахъ. Адмиралъ Кастиль бѣжалъ въ Лиссабонъ и принялъ присягу эрцгерцогу. Скоро послѣ того король португальскій призналъ Карла и приготовился поддерживать оружіемъ права Австрійскаго Дома.

Съ другой стороны Лудовикъ послалъ на помощь своему внуку 12-тысячную армію подъ начальствомъ герцога Бервика. Бервикъ былъ сынъ Іакова II и Арабеллы Чорчилль. Онъ получилъ такое воспитаніе, которое давало ему право на всѣ высшія почести, какими только могъ пользоваться англійскій подданный, но карьера его жизни была испорчена переворотомъ, низвергнувшимъ фанатическаго короля. Бервикъ сдѣлался изгнанникомъ, человѣкомъ безъ отечества, и съ этого времени лагерь замѣнилъ ему родину, военная честь сдѣлалась для него патріотизмомъ. Онъ облагородилъ свое жалкое призваніе и выполнялъ обязанности солдата-авантюриста съ какою-то суровою, холодною, брутовскою добродѣтелью. Его военная вѣрность была испытана сильными искушеніями и оказалась непобѣдимою. Въ одно время онъ сражался противъ дяди, въ другое — противъ брата; но его никогда не подозрѣвали ни въ измѣнѣ, ни даже въ слабости.

Рано въ 1704 году, на западной границѣ Испаніи собралась армія изъ Англичанъ, Голландцевъ и Португальцевъ. Эрцгерцогъ Карлъ прибылъ въ Лиссабонъ и сталъ во главѣ своего войска Но искусство Бервика, въ теченіе цѣлой кампаніи, удерживало союзниковъ, находившихся подъ начальствомъ лорда Галвея. Только на югѣ разразился сильный ударъ. Здѣсь англійскій флотъ,

подъ предводительствомъ Джорджа Рука съ нѣсколькими полками принца Гессенъ-Дармштадтскаго показался передъ скалою Гибралтара. Эта знаменитая крѣпость, которую природа сдѣлала почти неприступною, и противъ которой напрасно истощались всѣ усилія военнаго искусства, была взята такъ же легко, какъ открытый городъ. Гарнизонъ, вмѣсто того чтобы стоять на стражѣ, ходилъ на молитву. Нѣсколько англійскихъ матросовъ взлѣзли на скалу. Испанцы капитулировали, и британскій флагъ появился на возвышенностяхъ, съ которыхъ уже никогда соединенныя арміи и флоты Франціи и Испаніи не могли его снять. Рукъ поѣхалъ къ Малагѣ, сразился подлѣ этого порта съ французскимъ флотомъ и послѣ сомнительнаго дѣла возвратился въ Англію.

Между тѣмъ приготовлялись великія событія. Англійское правительство рѣшилось отправить экспедицію подъ начальствомъ Карла Мордонта графа Питерборо. Этотъ человѣкъ представляетъ въ себѣ одинъ, если не изъ величайшихъ, то конечно изъ самыхъ оригинальныхъ характеровъ столѣтія, не исключая и шведскаго короля. Дѣйствительно о Питерборо можно сказать, что онъ былъ вѣжливый, ученый и нѣжный Карлъ XII. Его мужество соединяло въ себѣ французскую пылкость и англійскую стойкость. Плодотворность и дѣятельность его духа превосходятъ всякое вѣроятіе: эти качества высказывались во всемъ, въ кампаніяхъ, въ переговорахъ, въ дружеской корреспонденціи, даже въ легкой бесѣдѣ. Онъ былъ нѣжный другъ, благородный врагъ и во всѣхъ поступкахъ истинный джентльменъ. Но блестящіе таланты и доблести этого мужа сдѣлались почти безполезными для отечества по причинѣ его легкости, безпокойнаго и раздражительнаго характера, болѣзненной жажды перемѣнъ и волненій. Всѣ эти слабости не только вводили его въ затрудненіе при многихъ случаяхъ, но и увлекали къ нѣкоторымъ поступкамъ, недостойнымъ такой гуманной и благородной натуры. Спокойствіе было для него невыносимо. Онъ любилъ облетѣть Европу скорѣе курьера, пожить одну недѣлю въ Гагѣ, другую въ Вѣнѣ, потомъ скакать въ Мадридъ, и едва пріѣхавши въ Мадридъ, снова требовать лошадей на Копенгагенъ. Ни одинъ спутникъ не могъ поспѣть за нимъ; никакая болѣзнь не могла удержать его. Старость, разстройство, опасность смерти почти не имѣли вліянія на этотъ отважный духъ. Не задолго до самой страшной операціи, Питерборо велъ живой разговоръ, какъ молодой человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ здоровья, а на другой день хотѣлъ, на перекоръ увѣщаніямъ медиковъ, отправиться въ дорогу. Съ виду онъ былъ похожъ на скелетъ, но благодаря своему эластическому духу, пере-

носилъ труды и страданія, которыя могли бы свести въ могилу самаго сильнаго человѣка. Перемѣна занятій столько же была необходима для него, сколько перемѣна мѣста. Онъ любилъ диктовать шесть или семь писемъ съ разу. Тѣ, которые имѣли съ нимъ дѣло, жаловались, что онъ, разсуждая бойко обо всемъ, никакъ не могъ удержаться на одномъ пунктѣ. Лордъ Питерборо, говоритъ Попъ, наскажетъ много хорошаго и живаго въ письмахъ, но они черезъ чуръ веселы и разсѣяны, между тѣмъ какъ лордъ Болингброкъ въ письмѣ къ императору или государственному человѣку остановится сомъ на самущественномъ пунктѣ, изложитъ его въ сильномъ и яркомъ свѣтѣ и примѣнитъ наилучшимъ образомъ къ своей цѣли. Питерборо—писатель является такимъ же въ отношеніи къ Болингброку, какимъ Питерборо—генералъ сравнительно съ Мальборо. Онъ былъ дѣйствительно послѣдній изъ странствующихъ рыцарей, храбрый до дерзости, щедрый до расточительности, великодушный въ обращеніи съ непріятелемъ, покровитель угнетенныхъ, обожатель женщинъ.

Въ іюнѣ 1705 года этотъ замѣчательный человѣкъ прибылъ въ Лиссабонъ съ пятью тысячами голландскихъ и англійскихъ солдатъ. Туда же высадился эрцгерцогъ съ большою свитою, которую Питерборо во все время путешествія великолѣпно угощалъ на свой счетъ. Изъ Лиссабона войско отправилось къ Гибралтару и, взявши на корабль принца Гессенъ-Дармштадтскаго, поплыло къ сѣверо-востоку, вдоль берега Испаніи.

Первое мѣсто, на которомъ высадилась экспедиція, было Альтеа въ Валенціи. Жалкое правленіе Филиппа возбудило большое неудовольствіе въ этой провинціи. Непріятели были приняты съ восторгомъ. Крестьянство стеклось на берегъ съ запасами и съ криками: да здравствуетъ Карлъ III! Сосѣдняя крѣпость Денія сдалась безъ боя.

Воображеніе Питерборо разгорѣлось. Онъ возмечталъ окончить войну однимъ ударомъ. Мадридъ находился оттуда не далѣе, какъ въ полутораста миляхъ. На дорогѣ почти не было укрѣпленныхъ мѣстъ. Арміи Филиппа стояли или на границахъ Португаліи, или на берегу Каталоніи. Столица была совершенно безъ войска, за исключеніемъ немногихъ всадниковъ, составлявшихъ почетную стражу Филиппа. Но планъ ударить въ сердце большаго королевства съ арміею изъ 7000 человѣкъ не понравился эрцгерцогу и показался дерзкимъ. Принцъ Гессенъ-Дармштадтскій, который въ царствованіе покойнаго короля былъ губернаторомъ Каталоніи и черезъ чуръ высоко ставилъ свое вліяніе въ этой провинціи,

далъ мысль тотчасъ же идти туда и атаковать Барцелону. Питерборо, стѣсненный инструкціями, счелъ за нужное покориться.

Шестнадцатаго августа флотъ явился передъ Барцелоною. Питерборо увидѣлъ, что работа, заданная ему эрцгерцогомъ и принцемъ, заключала въ себѣ почти неодолимыя трудности. Одна сторона города была защищена моремъ, другая — сильными укрѣпленіями Монгуича. Стѣны были такъ обширны, что едва могла тридцатитысячная армія обложить ихъ. Гарнизонъ былъ столько же многочисленъ, сколько осаждающее войско. Лучшіе испанскіе офицеры находились въ городѣ.

Надежды, которыя питалъ Гессенъ-Дармштадскій принцъ, на общее возстаніе въ Каталоніи, оказались несбыточными. Не болѣе полуторы тысячи вооруженныхъ крестьянъ пристало къ союзной арміи; но ихъ услуги обходились гораздо дороже, нежели сколько приносили пользы.

Ни одинъ генералъ не находился въ такомъ плачевномъ положеніи, какое выпало теперь на долю Питерборо. Онъ никогда не одобрялъ намѣренія осаждать Барцелону, но его возраженія были отвергнуты. Ему предстояло выполнять планъ, на который онъ всегда смотрѣлъ, какъ на неисполнимый. Лагерь раздѣлился на враждебныя партіи; всѣ были противъ него. Эрцгерцогъ и принцъ осуждали его за то, что онъ не дѣлаетъ приступа; но между тѣмъ не пріискивали средствъ, которыми семь тысячъ человѣкъ могли бы работать за тридцать тысячъ. Другіе порицали генерала за то, что онъ жертвуетъ своими мнѣніями дѣтскимъ капризамъ Карла и губитъ людей, пытаясь выполнить невозможное. Голландскій полководецъ положительно объявилъ, что его солдаты не тронутся съ мѣста: пусть Питерборо даетъ какія угодно приказанія, но начинать такую осаду безумно; нельзя же посылать людей на вѣрную смерть, когда нѣтъ никакой надежды на успѣхъ.

Наконецъ послѣ трехнедѣльнаго бездѣйствія, Питерборо объявилъ твердое намѣреніе снять осаду. Всѣ тяжелыя пушки были отосланы на корабли; начались приготовленія къ посадкѣ войскъ. Карлъ и принцъ Гессенскій сердились; большая часть офицеровъ упрекала своего полководца въ томъ, что онъ такъ долго отлагалъ мѣру, къ которой наконецъ принужденъ былъ прибѣгнуть. 12 сентября въ Барцелонѣ уже происходили торжества и публичныя увеселенія по случаю этого великаго освобожденія. Но на слѣдующее утро англійскій флагъ развѣвался по укрѣпленіямъ Монгуича: геній и энергія одного человѣка сдѣлали то, для чего нужно было употребить сорокъ баталіоновъ. Вотъ какъ это случилось.

Въ полночь Питерборо явился къ принцу Гессенскому, съ которымъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ даже пересталъ говорить. «Я рѣшился наконецъ на приступъ, сказалъ онъ; вы можете сопутствовать намъ, если найдете удобнымъ, и увидите, заслуживаю ли я и мои солдаты то мнѣніе, которое вамъ угодно было произнести объ насъ.» Принцъ былъ пораженъ. Попытка, по его словамъ, была безнадежна; но онъ не отказывался участвовать въ ней и безъ дальнѣйшихъ разсужденій приказалъ подать себѣ лошадь.

Подъ начальствомъ графа собралось полторы тысячи англійскихъ солдатъ. Другая тысяча составила резервъ у сосѣдняго монастыря, подъ командою Стенгопа. Прошедши извилистую дорогу у подошвы холма, Питерборо достигъ стѣнъ Монгуича съ своею маленькою арміею. Тамъ положено было стоять до разсвѣта. Непріятель, замѣтивъ ихъ, вышелъ на встрѣчу во внѣшній ровъ. Питерборо, расчитывая на это, уже приготовилъ своихъ людей. Англичане выдержали огонь, бросились впередъ, прыгнули въ ровъ, обратили Испанцевъ въ бѣгство и вошли въ укрѣпленія вмѣстѣ съ бѣгущими. Прежде нежели гарнизонъ опомнился отъ нечаяннаго нападенія, графъ владѣлъ внѣшними верками, взялъ нѣсколько пушекъ, устроилъ брустверъ для защиты своихъ людей и послалъ за резервомъ Стенгопа. Но пока онъ ожидалъ подкрѣпленій, пришло извѣстіе, что три тысячи человѣкъ подвигаются отъ Барцелоны къ Монгуичу. Онъ тотчасъ же выѣхалъ на рекогносцировку, но едва успѣлъ тронуться съ мѣста, какъ паническій страхъ овладѣлъ войсками. Положеніе ихъ въ самомъ дѣлѣ было опасно: они сами не знали, какъ пришли въ Монгуичъ; число ихъ было не велико; главнокомандующій удалился; они потеряли духъ и начали очищать фортъ. Питерборо получилъ извѣстіе объ этомъ во-время, чтобы задержать отступленіе; прискакалъ къ бѣглецамъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ и принялъ команду. Видъ его лица и звукъ голоса возвратилъ имъ мужество, и они заняли прежнюю позицію.

Только принцъ Гессенскій палъ во время приступа; остальное шло хорошо. Стенгопъ прибылъ; отрядъ, вышедшій изъ Барцелоны, отступилъ. Тяжелыя пушки снова были выгружены и направлены противъ внутреннихъ укрѣпленій Монгуича, который скоро сдался. Питерборо, съ обыкновеннымъ своимъ великодушіемъ, спасъ гарнизонъ отъ ярости побѣдоносной арміи и съ большимъ блескомъ отдалъ послѣдній долгъ своему сопернику, принцу Гессенскому.

Завоеваніе Монгуича было началомъ блистательныхъ подвиговъ. Скоро пала Барцеллона, и такимъ образомъ Питерборо прославился тѣмъ, что съ горстью людей взялъ одинъ изъ обширныхъ и крѣпкихъ городовъ Европы. Ему на долю выпала другая слава, не менѣе высокая для его рыцарскаго характера: онъ спасъ жизнь и честь прекрасной герцогини Пополи, которая въ ужасѣ бѣжала отъ ярости солдатъ. Онъ искусно воспользовался завистью, съ которою Каталонцы смотрятъ на жителей Кастиліи, гарантировалъ всѣ древнія права и вольности провинціи, столицу которой теперь занималъ, и тѣмъ привязалъ гражданъ къ интересамъ Австрійскаго Дома.

Теперь почти вся окрестность приняла сторону Карла. Таррагона, Тортоза, Херона, Лерида, Санъ-Матео отворили ворота. Испанское правительство послало графа Ласъ-Торреса съ семитысячнымъ отрядомъ для покоренія Санъ-Матео; но Питерборо, имѣя только тысячу двѣсти человѣкъ, освободилъ осажденныхъ. Офицеры совѣтовали ему довольствоваться этимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ; Карлъ также побуждалъ его возвратиться въ Барцелону, но никакія представленія не могли остановить такой духъ, среди такой карьеры. Дѣло происходило среди зимы въ гористой странѣ; дороги были почти непроходимы; люди плохо одѣты; лошади разбиты. Отступающая армія была гораздо многочисленнѣе преслѣдующей. Но энергія Питерборо сокрушила трудности и опасности. Онъ двинулся и началъ преслѣдовать Ласъ-Торреса. Пульсъ сдался отъ одного страха предъ его именемъ. Прибывъ съ торжествомъ въ Валенцію, 4 февраля 1706 года, англійскій генералъ узналъ, что четырехтысячный отрядъ идетъ на выручку Ласъ-Торреса, и въ глухую ночь выступилъ изъ Валенціи, переправился черезъ Хукаръ, неожиданно явился у непріятельскаго лагеря, и уничтожилъ, разсѣялъ, или взялъ все подкрѣпленіе. Жители Валенціи едва могли вѣрить своимъ глазамъ, когда увидѣли плѣнныхъ.

Между тѣмъ дворы версальскій и мадридскій, раздраженные и встревоженные паденіемъ Барцеллоны и возстаніемъ окрестной страны, рѣшились сдѣлать энергическое усиліе. Большая армія, подъ номинальнымъ начальствомъ Филиппа, но собственно подъ командою маршала Тессе, вошла въ Каталонію. Въ то же время графъ Тулузскій, одинъ изъ незаконныхъ дѣтей Лудовика XIV, появился предъ гаванью Барцелоны. Городъ былъ атакованъ съ суши и моря разомъ. Особа эрцгерцога находилась въ опасности. Питерборо съ тремя тысячами человѣкъ очень поспѣшно двинулся изъ Валенціи. Дать сраженіе большой регулярной арміи подъ предво-

дительствомъ маршала Франціи, съ такою ничтожною силою было бы безумiемъ. Поэтому графъ началъ войну на манеръ Мины и Эмпесинадо нашихъ временъ. Онъ занялъ позицію на сосѣднихъ горахъ, изнурялъ непріятеля безпрестанными тревогами, отрѣзывалъ отсталющихъ, прерывалъ сообщенія, подвозилъ людей и запасы въ городъ. Онъ не могъ однакоже не замѣтить, что единственною надеждою осажденныхъ было пособіе съ моря. Здѣсь должно сказать, что полномочіе, полученное имъ отъ британскаго правительства, предоставляло ему верховное начальство не только надъ арміею, но и надъ флотомъ, во время пребыванія на кораблѣ Поэтому онъ пустился въ море ночью, на открытой лодкѣ, не сообщивши никому о своемъ намѣреніи, и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега пересѣлъ на корабль англійской эскадры, объявилъ себя главнокомандующимъ и послалъ къ адмиралу шлюпку съ своими приказаніями. Если бы эти приказанія были даны нѣсколькими часами ранѣе, — вѣроятно, цѣлый французскій флотъ былъ бы взятъ. Но теперь графъ Тулузскій успѣлъ уйдти въ море. Портъ былъ открытъ, городъ освобожденъ. На слѣдующую ночь непріятель снялъ осаду и отступилъ къ Руссильону. Питерборо возвратился въ Валенцію, которую предпочиталъ всякому другому мѣсту въ Испаніи, а Филиппъ, уже нѣсколько недѣль не видавшій своей жены, не могъ долѣе выносить непріятностей разлуки и поспѣшилъ въ Мадридъ.

Въ Мадридѣ однакоже ни ему, ни ей нельзя было оставаться. Блестящій успѣхъ Питерборо на восточномъ берегу полуострова возбудилъ зависть медлительнаго Галвея. Онъ подвинулся ближе къ сердцу Испаніи. Бервикъ отступилъ. Алкантара, Сіудадъ-Родриго и Саламанка пали, и завоеватель пошелъ на столицу.

Совѣтники Филиппа серіозно убѣждали его перевести правительство въ Бургосъ. Передовая гвардія союзныхъ войскъ уже показалась на мадридскихъ высотахъ. Всѣ знали, что за нею слѣдуетъ главный отрядъ. Несчастный государь бѣжалъ съ королевою и дворомъ. Царственные странники, проѣздивши восемь дней по дурнымъ дорогамъ, подъ палящимъ солнцемъ, и проведши восемь ночей въ бѣдныхъ хижинахъ, одна изъ которыхъ обрушилась и чуть было не задавила ихъ до смерти, — наконецъ достигли столицы старой Кастиліи. Между тѣмъ непріятель торжественно вошелъ въ Мадридъ и провозгласилъ эрцгерцога королемъ на улицахъ резиденціи. Аррагонія, всегда завидуя превосходству Кастиліи, послѣдовала примѣру Каталоніи. Сарагосса возстала, даже не видя непріятеля. Губернаторъ, котораго Филиппъ назначилъ въ Карѳа-

тену, измѣнилъ и отдалъ союзникамъ лучшій арсеналъ и послѣдніе корабли Испаніи.

Толедо сдѣлался съ нѣкотораго времени убѣжищемъ двухъ честолюбивыхъ, безпокойныхъ и мстительныхъ интригановъ, королевы-вдовы и кардинала Порто-Карреро. Они уже давно были смертельными врагами и стояли во главѣ непріязненныхъ партій австрійской и французской. Обѣ эти партіи управляли по очереди слабымъ и безпорядочнымъ духомъ покойнаго короля. Наконецъ обманы прелата восторжествовали надъ ласкательствами женщины; Порто-Карреро остался побѣдителемъ, королева со стыдомъ и скорбью бѣжала отъ двора, надъ которымъ когда-то владычествовала. За нею въ изгнаніе скоро послѣдовалъ тотъ, кто разрушилъ ея вліяніе. Кардиналъ удерживалъ власть довольно долго, чтобы убѣдить всѣ партіи въ своей неспособности, и наконецъ удалился въ эпархію, проклиная собственную глупость и неблагодарность дома, которому усердно служилъ. Общіе интересы и общая ненависть скоро примирили падшихъ соперниковъ. Австрійскія войска безъ сопротивленія были пропущены въ Толедо. Королева сбросила съ себя ту печальную одежду, которую вдова короля испанскаго должна носить цѣлую жизнь, и облеклась въ блестящій драгоцѣнными камнями костюмъ. Кардиналъ благословилъ непріятельскія знамена въ великолѣпномъ соборѣ и, въ знакъ освобожденія, освѣтилъ свой дворецъ. Казалось, борьба окончилась въ пользу эрцгерцога, и Филиппу оставалось только бѣжать во владѣніе дѣда.

Такъ судили люди, незнакомые съ характеромъ и привычками испанскаго народа. Нѣтъ страны въ Европѣ, которую легче пройдти, чѣмъ Испанію; но нѣтъ страны, которую труднѣе завоевать. Сопротивленіе, оказываемое непріятелю со стороны испанскаго регулярнаго войска, чрезвычайно слабо, но нѣтъ ничего страшнѣе энергіи, съ которою дѣйствуютъ жители тогда, когда это сопротивленіе уничтожено. Арміи Испаніи издавна походили на толпы, но въ ея толпахъ вкоренился въ высшей степени духъ армій. Испанскому солдату въ сравненіи съ другими не достаетъ военныхъ качествъ; но за то испанскій крестьянинъ имѣетъ всѣ качества истиннаго воина. Нигдѣ такія сильныя крѣпости не сдавались такъ скоро и неожиданно; нигдѣ беззащитные города не сопротивлялись великимъ арміямъ такъ яростно и упорно. Война въ Испаніи, съ римскихъ временъ, имѣетъ свой оригинальный характеръ. Это — огонь, котораго нельзя засыпать; онъ горитъ подъ пепломъ и прорывается еще ярче послѣ того, какъ снаружи погаснетъ.

Доказательствомъ служитъ эпоха нападенія Наполеона. Испанія не имѣла войска, которое бы могло помѣряться съ французскими или прусскими солдатами. А между тѣмъ прусская монархія разрушилась въ одинъ день; одного дня было достаточно, чтобы отдать корону Франціи въ распоряженіе союзниковъ. Напротивъ ни Іена, ни Ватерло не могли бы утвердить Жозефа на престолѣ Мадрида.

Поведеніе Кастильцевъ во время войны за наслѣдство очень замѣчательно. Пока на ихъ сторонѣ былъ перевѣсъ въ числѣ и мѣстности, они терпѣли постыдныя пораженія. Всѣ европейскія владѣнія испанской короны были утрачены. Каталонія, Аррагонія и Валенція признали австрійскаго принца. Гибралтаръ былъ взятъ горстью матросовъ; Барцелону штурмовала горсть пѣшихъ драгунъ. Непріятель проникъ въ центръ полуострова, поселился въ Мадридѣ и Толедо. Между тѣмъ какъ всѣ эти событія совершались, нація почти не показывала признака жизни. Богатаго едва можно было заставить пожертвовать или ссудить что нибудь на пользу войны; армія не отличалась ни дисциплиною, ни храбростью, и только теперь, когда все казалось потеряннымъ, когда самые довѣрчивые должны были оставить всякую утѣшительную мысль, возсталъ національный духъ, дикій, гордый, неодолимый. Пока обстоятельства обѣщали надежду, народъ медлилъ; онъ сберегалъ свою энергію на времена отчаянія. Кастилія, Леонъ, Андалузія, Эстремадура возстали разомъ; каждый крестьянинъ запасся огнестрѣльнымъ оружіемъ или копьемъ; союзникамъ была отдана только земля, по которой они шли. Солдатъ не могъ удалиться на сто шаговъ отъ своего корпуса, явно не рискуя быть заколотымъ. Страна, чрезъ которую завоеватели пробрались въ Мадридъ, и которую они считали покоренною, взялась за оружіе. Ихъ сообщенія съ Португаліей были отрѣзаны. Между тѣмъ деньги начали мало по малу наполнять кассу бѣжавшаго короля. «Третьяго дни, пишетъ Орсини въ одномъ изъ своихъ писемъ этого времени, священникъ села, въ которомъ считается всего сто двадцать домовъ, принесъ сто двадцать пистолей королевѣ. Моя паства, сказалъ онъ, стыдится, что посылаетъ вамъ такъ мало, но проситъ меня увѣрить васъ, что въ этомъ кошелькѣ вы найдете сто двадцать сердецъ, вѣрныхъ до смерти. Добрый человѣкъ плакалъ при этихъ словахъ; мы также плакали. Вчера другаяне большая деревня, въ которой только двадцать домовъ, прислала намъ пятьдесятъ пистолей.»

Пока Кастильцы вездѣ вооружались за дѣло Филиппа, союзники столько же помогали этому дѣлу своими ошибками. Солдаты Галвея предались въ Мадридѣ такому необузданному разврату, что половина ихъ поступила въ госпиталь. Карлъ замѣшкался въ Каталоніи. Питерборо, взявши Реквену, хотѣлъ идти изъ Валенціи къ Мадриду и соединиться съ Галвеемъ, но эрцгерцогъ не согласился на этотъ планъ. Разстроенный генералъ остался въ своемъ любимомъ городѣ, на прекрасныхъ берегахъ Средиземнаго моря, читалъ тамъ Донъ-Кихота, давалъ балы и ужины, напрасно пытался сколько нибудь развлечься валенційскими быками и не напрасно волочился за валенційскими женщинами.

Наконецъ эрцгерцогъ дошелъ до Кастиліи и приказалъ Питерборо соединиться съ нимъ. Но было слишкомъ поздно. Бервикъ уже принудилъ Галвея очистить Мадридъ, и, когда вся сила союзниковъ собралась у Гвадалахары, оказалось, что по числу они рѣшительно слабѣе непріятельской.

Питерборо составилъ планъ снова овладѣть столицею, но онъ былъ отвергнутъ Карломъ. Терпѣніе чувствительнаго и тщеславнаго героя истощилось. Онъ не имѣлъ того спокойствія характера, которое дало Мальборо возможность дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Евгеніемъ и переносить тяжелое вмѣшательство голландскихъ депутатовъ, и попросилъ позволенія оставить армію. Позволеніе было дано охотно, и онъ выѣхалъ въ Италію. Чтобы имѣть какой нибудь предлогъ къ его удаленію, эрцгерцогъ поручилъ ему сдѣлать заемъ въ Генуѣ на счетъ испанскихъ доходовъ.

Съ этой минуты до конца кампаніи счастіе рѣшительно обратилось противъ Австрійскаго Дома. Бервикъ занялъ съ своею арміею позицію между союзниками и португальскою границею. Они отступили къ Валенціи, оставивъ у непріятеля около 10,000 плѣнныхъ.

Въ январѣ 1707 года, Питерборо прибылъ въ Валенцію изъ Италіи уже безъ публичнаго званія, но въ качествѣ волонтера. У него потребовали совѣта, и онъ далъ очень умный. По его мнѣнію, не должно было предпринимать наступательныхъ дѣйствій противъ Кастиліи. Защитить Аррагонію, Каталонію и Валенцію, сказалъ онъ, будетъ легко противъ Филиппа. Жители этихъ частей Испаніи преданы дѣлу эрцгерцога; они возстанутъ цѣлою массою противъ арміи дома Бурбоновъ. Энтузіазмъ Кастильцевъ также охладѣетъ въ короткое время. Правительство Филиппа можетъ сдѣлаться непопулярнымъ. Пораженія въ Нидерландахъ заставятъ Лудовика отвести армію, посланную на помощь внуку. Тогда наступитъ время нанести рѣшительный ударъ. Этотъ пре-

красный совѣтъ былъ отвергнутъ. Питерборо, который получилъ теперь формальныя отзывныя письма изъ Англіи, отправился передъ открытіемъ кампаніи, и съ нимъ исчезло счастіе союзниковъ. Едва ли какой нибудь генералъ сдѣлалъ такъ много съ такими ничтожными средствами. Едва ли какой нибудь генералъ обнаружилъ столько оригинальности и смѣлости. Но владѣя въ высшей степени искусствомъ примирять побѣжденныхъ, онъ совершенно не имѣлъ такта привязывать къ себѣ тѣхъ, съ которыми ему приходилось дѣйствовать. Жители Каталоніи и Валенціи обожали его; но принцъ, котораго онъ почти сдѣлалъ королемъ, и генералы, съ которыми онъ раздѣлялъ опасности, питали къ нему ненависть. Англійское правительство не могло понять его и не вѣрило, чтобы такой эксцентрикъ могъ быть разсудительнымъ человѣкомъ. Онъ бралъ города конницею и въ минуту превращалъ пѣхотныхъ солдатъ въ кавалерійцевъ. Онъ получалъ политическія извѣстія преимущественно посредствомъ любовныхъ дѣлъ и наполнялъ свои депеши эпиграммами. Министры считали весьма неблагоразумнымъ поручить веденіе испанской войны такому вѣтреному и романтическому лицу, а потому дали команду лорду Галвею, опытному ветерану, человѣку, который былъ тѣмъ же въ войнѣ, чѣмъ Мольеровы доктора въ медицинѣ, который считалъ для себя почетнѣе претерпѣть пораженіе по правиламъ, нежели успѣть посредствомъ нововведенія, и который постыдился бы взять Монгуичъ такими странными средствами, какія употребилъ Питерборо. Этотъ *великій полководецъ* повелъ кампанію 1707 года самымъ сціентифическимъ образомъ. Встрѣтивъ армію Бурбоновъ на равнинѣ Альманзы, онъ расположилъ свои войска по методамъ, одобреннымъ лучшими писателями, и въ нѣсколько часовъ потерялъ 18,000 человѣкъ, 120 знаменъ, весь свой багажъ и всю артиллерію. Валенція и Аррагонія были тотчасъ же завоеваны Французами, и, къ концу года, однѣ только горныя провинціи Каталоніи остались вѣрными Карлу. Битва при Альманзѣ рѣшила судьбу Испаніи. Такую потерю не только Стенгопъ и Штарембергъ, но даже люди, подобные Мальборо и Евгенію, едва ли могли вознаградить.

Стенгопъ, который принялъ начальство надъ англійскою арміею въ Каталоніи, былъ человѣкъ достойный уваженія по способностямъ какъ въ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, но сколько мы понимаемъ, способнѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ. Лордъ Мегонъ, съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ, говоритъ намъ (о чемъ, мы думаемъ, прежде не было извѣстно), что самый замѣчательный подвигъ его предшественника, завоева-

ніе Минорки, былъ предпринятъ по внушенію Мальборо. Штаремберга, методическаго тактика германской школы, императоръ послалъ командовать въ Испаніи. Начались двѣ вялыя кампаніи, въ которыхъ ни одна изъ враждебныхъ армій не сдѣлала ничего замѣчательнаго, но обѣ чуть было не погибли отъ голода.

Наконецъ въ 1710 году начальники союзныхъ силъ рѣшились на болѣе отважныя мѣры. Они открыли кампанію смѣлымъ шагомъ, устремились на Аррагонію, разбили войска Филиппа при Алменарѣ, разбили ихъ снова при Сарагоссѣ и подвинулись къ Мадриду. Король опять бѣжалъ. Кастильцы съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ въ 1706 году, взялись за оружіе; завоеватели нашли столицу пустою. Народъ заключился въ своихъ домахъ и не захотѣлъ оказать уваженія австрійскому принцу. Необходимо было нанять нѣсколько мальчишекъ, чтобы привѣтствовать его на улицѣ криками. Между тѣмъ при дворѣ Филиппа въ Вальядолидѣ тѣснились дворяне и прелаты. Тридцать тысячъ жителей послѣдовало за королемъ въ новую резиденцію. Знатныя дамы, не желая остаться назади, пошли пѣшкомъ. Крестьяне записывались въ солдаты тысячами. Народное усердіе доставляло въ изобиліи деньги, оружіе и запасы. Окрестности Мадрида были наполнены небольшими партіями иррегулярной кавалеріи. Союзники не могли послать депеши въ Аррагонію, или доставить провизіи въ столицу. Герцогу было опасно охотиться на самомъ близкомъ разстояніи отъ занимаемаго имъ дворца.

Стенгопъ желалъ зимовать въ Кастиліи. Но военный совѣтъ не раздѣлялъ его мнѣнія, и въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какъ союзники могли держаться въ такое неблагопріятное время, среди враждебнаго населенія. Карлъ, о безопасности котораго больше всего заботились генералы, былъ отправленъ въ ноябрѣ съ кавалерійскимъ конвоемъ въ Каталонію, а въ декабрѣ армія начала отступать къ Аррагоніи. Но союзникамъ приходилось имѣть дѣло съ первостепеннымъ умомъ. Французскій король только что назначилъ герцога Вандома командовать въ Испаніи. Этотъ человѣкъ отличался грязнымъ видомъ, скотскимъ поведеніемъ, грубымъ шутовствомъ въ разговорѣ и безстыдствомъ, съ которымъ онъ предавался отвратительнѣйшему изъ пороковъ. Его медлительность была почти невѣроятна. Даже среди кампаніи, онъ часто проводилъ цѣлые дни въ постелѣ. Его странная вялость была причиною нѣкоторыхъ серіозныхъ пораженій, понесенныхъ войсками дома Бурбоновъ. Но когда на него дѣйствовали какія нибудь чрезвычайныя обстоятельства, Вандомъ обнаруживалъ находчивость, энергію

и присутствіе духа, которыхъ нельзя найдти ни у одного французскаго генерала, послѣ Луксенбурга.

Въ эту критическую минуту, Вандомъ не спалъ. Онъ двинулся съ войсками изъ Талаверы и преслѣдовалъ отступавшую армію союзниковъ съ поспѣшностью, безпримѣрною въ такое время и въ такой странѣ. Онъ шелъ день и ночь, переплылъ, во главѣ кавалеріи, разлившуюся рѣку Генаресъ и черезъ нѣсколько дней настигъ Стенгопа, который находился въ Бригуэгѣ съ лѣвымъ крыломъ союзной арміи. «Никто изъ насъ — говоритъ англійскій генералъ — не воображалъ, что они въ нѣсколькихъ дняхъ пути, и наше несчастіе произошло отъ невѣроятной поспѣшности со стороны ихъ войска.» Едва Стенгопъ имѣлъ время отправить курьера въ центръ арміи, расположенный въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бригуэги, какъ на него напалъ Вандомъ. Городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Пушки начали громить стѣны. Подъ одними воротами была взорвана мина. Англичане поддерживали страшный огонь до истощенія зарядовъ; потомъ отчаянно дрались штыками противъ подавляющей силы, наконецъ зажгли дома, взятые непріятелемъ. Все было напрасно. Британскій генералъ, убѣдившись, что дальнѣйшая борьба повлечетъ за собою только безполезное кровопролитіе, заключилъ капитуляцію, и его небольшая храбрая армія сдалась въ плѣнъ на почетныхъ условіяхъ.

Едва Вандомъ подписалъ капитуляцію, какъ получено было извѣстіе, что Штарембергъ идетъ на выручку Стенгопа. Тотчасъ же сдѣланы были приготовленія къ генеральному сраженію. На другой день послѣ того, какъ Англичане положили оружіе, произошла упорная и кровавая битва при Вильѣ-Висіозѣ. Штарембергъ удержался въ своей позиціи; Вандомъ воспользовался всѣми плодами побѣды. Союзники заклепали пушки и удалились къ Арагоніи, но и здѣсь не нашли себѣ покоя. Вандомъ шелъ за ними. Они бѣжали въ Каталонію; но и Каталонія была занята французскими войсками изъ Руссильона. Наконецъ австрійскій генералъ съ 6000 утомленнаго и обезкураженнаго войска, остатками великой и побѣдоносной арміи, нашелъ убѣжище въ Барцелонѣ, которая теперь одна признавала Карла.

Филиппъ теперь былъ безопаснѣе въ Мадридѣ, нежели дѣдъ его въ Парижѣ. Исчезла всякая надежда завоевать Испанію въ Испаніи. Но въ другихъ странахъ домъ Бурбоновъ былъ доведенъ до послѣдней крайности. Въ Германіи, Италіи и Нидерландахъ французскія арміи претерпѣли рядъ пораженій. Огромная сила, ободренная побѣдою и управляемая величайшими полководцами вѣка,

находилась на границахъ Франціи. Лудовикъ былъ принужденъ смириться предъ завоевателями. Онъ даже высказалъ намѣреніе отказаться отъ дѣла своего внука, но его предложеніе было отвергнуто. Между тѣмъ приближался новый переворотъ.

Англійское министерство, которое начало войну противъ дома Бурбоновъ, состояло изъ торіевъ. Но самая война имѣла характеръ войны виговъ. Она была любимою мечтою Вильгельма, короля виговъ: Лудовикъ вызвалъ ее, признавши государемъ Англіи принца, ненавистнаго вигамъ. Она поставила Англію въ рѣшительную вражду къ той державѣ, которая одна могла дать претенденту дѣйствительную помощь. Она соединила Англію въ тѣснѣйшій союзъ съ протестантскимъ и республиканскимъ государствомъ, которое содѣйствовало перевороту и было готово гарантировать учредительный актъ (act of settlement). Мальборо и Годольфинъ увидѣли, что самыми ревностными ихъ защитниками были старые враги, а не старые товарищи. Министры, расположенные въ пользу войны, мало по малу обратились къ вигизму. Остальные вышли въ отставку и были замѣнены вигами. Коуперъ сдѣлался канцлеромъ; Сондерландъ, на смотря не справедливую антипатію Анны, — государственнымъ секретаремъ. По смерти принца Датскаго произошла еще болѣе обширная перемѣна. Уартона назначили лордомъ намѣстникомъ Ирландіи, а Сомерса — президентомъ совѣта. Наконецъ администрація совершенно была отдана въ руки партіи виговъ.

Въ 1710 году совершился переворотъ. Королева всегда была тори въ душѣ. Всѣ ея религіозныя чувства склонялись на сторону господствующей церкви: чувства семейныя въ пользу изгнаннаго брата; чувства эгоистическія къ защитникамъ прерогативы. Привязанность, которую она имѣла къ герцогинѣ Мальборо, была залогомъ безопасности виговъ. Эта привязанность, наконецъ, перешла въ сильное отвращеніе. Въ то время какъ великая партія, долго управлявшая судьбами Европы, была подкопана интригами фрейлинъ въ Сенъ-Джемсѣ, жестокая буря собиралась въ странѣ. Неблагоразумный священникъ произнесъ неблагоразумную проповѣдь противъ началъ 1688-го года. Умѣренные члены правительства хотѣли оставить его въ покоѣ. Но Годольфинъ, увлекаясь ревностію новообращеннаго вига и негодуя на позорное имя, которое было дано ему въ проповѣди, настойчиво требовалъ предать суду проповѣдника. На увѣщанія кроткаго и предусмотрительнаго Сомерса не обратили вниманія. Обвиненіе было подано; священникъ осужденъ, но за нимъ пали сами обвинители. Духовенство бросилось

выручать преслѣдуемаго собрата. Сельскіе дворяне бросились выручать духовенство. Въ Англіи обнаружились такія консервативныя чувства, какія не высказывались со временъ Карла V. Это испугало министровъ и придало смѣлость королевѣ. Она прогнала виговъ, призвала Гарли и С. Джона и распустила парламентъ. Стенгопъ, котораго предложили въ Вестминстерѣ, былъ побитъ кандидатомъ изъ торіевъ. Новые министры, сдѣлавшись повелителями новаго парламента, были побуждены сильными основаніями заключить миръ съ Франціею. Цѣлая система союзовъ, которые связывали Англію, принадлежала вигамъ. Генералъ, который постоянно велъ англійскую армію къ побѣдѣ, и котораго невозможно было замѣнить, считался теперь, какъ бы на него ни смотрѣли прежде, генераломъ виговъ. Удалить Мальборо опасались, потому что за этимъ могло послѣдовать какое нибудь большое несчастіе. Но оставить его при командѣ также не хотѣли, потому что его успѣхи могли поднять довѣріе къ противной партіи.

Такимъ образомъ между Англіею и Бурбонами заключенъ былъ миръ. Объ этомъ мирѣ лордъ Мегонъ говоритъ съ большимъ негодованіемъ и напоминаетъ собою лучшаго вига изъ временъ перваго лорда Стенгопа. «Считаю необходимымъ остановиться на минуту, пишетъ онъ, чтобы замѣтить, какъ съ теченіемъ столѣтій измѣнился смыслъ названій, принадлежащихъ нашимъ партіямъ, какъ новый тори похожъ на вига временъ Анны, а тори королевы Анны на новаго вига.»

Съ одною половиною положенія лорда Мегона мы согласны; съ другою—рѣшительно нѣтъ. Допускаемъ, что новый тори во многомъ сходенъ съ вигомъ временъ Анны. Это очень естественно. Худшее одного вѣка часто похоже на лучшее другаго. Домъ современнаго лавочника такъ же хорошо меблированъ, какъ домъ первостатейнаго купца при Аннѣ. Самый простой народъ носитъ теперь сукно тоньше, нежели щеголь Фильдингъ или щеголь Эджевортъ въ царствованіе Анны. Дѣвушка изъ пансіона выкажетъ теперь такія свѣдѣнія въ географіи, астрономіи и химіи, которыя могли бы удивить самаго ученаго профессора въ царствованіе Анны.

Наука управленія есть опытная наука и, какъ всѣ знанія подобнаго рода, наука прогрессивная. Лордъ Мегонъ былъ бы хорошимъ вигомъ во времена Гарли. Но Гарли, котораго онъ такъ сильно критикуетъ, имѣлъ въ себѣ много вигизма въ сравненіи съ Кларендономъ, а Кларендонъ на столько же ушелъ впередъ отъ лорда Борли (Burleigh). Если лордъ Мегонъ проживетъ, какъ мы надѣемся, 50 лѣтъ, — нельзя сомнѣваться, что, какъ теперь

онъ выставляетъ сходство современныхъ тори съ вигами 1688 года, такъ въ будущихъ торіяхъ онъ замѣтитъ сходство съ вигами биля о реформѣ (1832).

Общество, мы думаемъ, постоянно идетъ впередъ и пріобрѣтаетъ свѣдѣнія. Хвостъ теперь тамъ, гдѣ нѣсколько поколѣній назадъ находилась голова. Но разстояніе между хвостомъ и головою все таки сохраняется. Въ настоящемъ столѣтіи можно встрѣтить нянюшекъ, которыя не глупѣе многихъ судей, современниковъ Шалло. Мальчикъ изъ народнаго училища читаетъ и складываетъ лучше половины кавалеровъ графства въ бывшемъ октябрскомъ клубѣ. Но различіе между судьями и няньками, членами парламента и дѣтьми благотворительныхъ заведеній тѣмъ не менѣе существуетъ. Такимъ же образомъ, хотя теперешній тори можетъ быть очень похожимъ на прежняго вига,—вигъ во всякомъ случаѣ идетъ впередъ тори. Олень, который (въ извѣстномъ трактатѣ о надутомъ слогѣ) «боялся, чтобы его заднія ноги не догнали переднихъ», столько же ошибается, сколько лордъ Мегопъ, который думаетъ, что онъ догналъ виговъ. Абсолютное положеніе партій измѣнилось, но относительное осталось неизмѣннымъ. Во все время великаго движенія, которое началось, прежде нежели существовали имена этихъ партій, и будетъ продолжаться, когда они устарѣютъ, во все время того великаго движенія, послѣдовательными ступенями котораго служатъ хартія Іоанна, учрежденіе нижней камеры, прекращеніе земледѣльческой зависимости, отдѣленіе отъ римскаго престола, изгнаніе Стюартовъ, реформа представительной системы,—существовали подъ тѣмъ или другимъ именемъ два разряда людей, люди передовые и отставшіе отъ вѣка, люди мудрѣйшіе между своими современниками и люди, которые восхищались тѣмъ, что они не умнѣе своихъ прапраотцевъ. Утѣшительно думать, что въ надлежащее время послѣдніе изъ тѣхъ, которые идутъ въ арріергардѣ великой процессіи, займутъ мѣста, принадлежащія теперь авангарду. Парламентъ тори 1710 года считался бы либеральнымъ во дни Елизаветы, и въ настоящее время мало такихъ членовъ консервативнаго клуба, которые не могли бы сидѣть съ Галифаксомъ или Сомерсомъ въ Киткатѣ (1).

Итакъ, соглашаясь, что новый тори нѣсколько похожъ на вига временъ Анны, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы тори того вѣка имѣлъ сходство съ новымъ вигомъ. Развѣ новые виги проводили законы съ цѣлію запереть входъ въ нижнюю палату новымъ интересамъ, созданнымъ торговлею? Развѣ новые виги стремились

(1) Извѣстный клубъ виговъ.

исключить диссидентовъ отъ должностей и власти? Новые виги въ 1832 году дѣйствительно желали мира и тѣснаго соединенія съ Франціею. Но развѣ нѣтъ разницы между Франціею 1712 года и Франціею послѣ іюльской революціи? Мы вмѣстѣ съ лордомъ Мегономъ высоко ставимъ виговъ временъ Анны. Но та часть ихъ политики, которую онъ избралъ для похвалы, по нашему мнѣнію, въ особенности достойна порицанія. Мы уважаемъ ихъ какъ великихъ защитниковъ умственнаго и нравственнаго прогресса. Правда, взявши власть въ свои руки, они не избѣжали ошибокъ, естественно съ нею соединенныхъ. Правда, что они родились въ XVII столѣтіи и потому не знали многихъ ходячихъ истинъ XIX-го. Но подобно учредителямъ англиканской церкви, подобно преобразователямъ парламента, они вели своихъ современниковъ по прямому направленію. Конечно они не давали политическимъ преніямъ широты, которая дана имъ въ наше время, но за то подвинули впередъ книгопечатаніе. Правда, они не довели начала свободы вѣроисповѣданія до полнаго объема, но тѣмъ не менѣе Англія обязана имъ актомъ вѣротерпимости.

Хотя по нашему мнѣнію виги царствованія Анны далеко превосходили мудростью и общественными доблестями своихъ современниковъ тори, однакоже мы не считаемъ себя обязанными защищать всѣ мѣры нашей любимой партіи. Полезная политическая дѣятельность требуетъ отъ человѣка уступокъ; но умозрѣніе ихъ не требуетъ. Государственный мужъ часто принужденъ соглашаться на мѣры, не одобряемыя имъ въ душѣ, чтобы только не подвергнуть опасности такихъ мѣръ, которыя онъ признаетъ существенно-необходимыми. Но историкъ свободенъ отъ этой крайности. Его святѣйшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы указать ясно ошибки тѣхъ лицъ, общему поведенію которыхъ онъ удивляется.

Итакъ намъ кажется, что въ великомъ вопросѣ, по которому Англія раздѣлилась въ четыре послѣдніе года правленія Анны, тори были правы, а виги не правы. Вопросъ состоялъ въ томъ: должна ли Англія заключить миръ, не заставивши Филиппа отречься отъ испанской короны.

Ни одна парламентская борьба, со времени биля объ устраненіи отъ престола до биля о реформѣ, не была такъ сильна, какъ борьба между авторами Утрехтскаго мира и партіею войны. Нижняя палата желала мира; лорды требовали энергическихъ военныхъ дѣйствій. Королева должна была выбрать одно изъ двухъ: назначить новыхъ перовъ, или распустить парламентъ. Отношенія пар-

тій одолѣли всякую связь сосѣдства и родства. Члены враждебныхъ сторонъ почти перестали говорить между собою, или кланяться другъ другу. Дамы являлись въ театръ съ знаками своей политической секты. Расколъ достигъ самыхъ отдаленныхъ графствъ Англіи. Таланты, которые прежде рѣдко выступали въ политическихъ спорахъ, предложили свои услуги враждебнымъ партіямъ. На одной сторонѣ стоялъ Стиль, веселый, живой, проникнутый одушевленіемъ и буйною злобою, и Аддисонъ съ своею блестящею сатирою, съ неистощимымъ богатствомъ фантазіи, съ граціозною простотою слога. Во главѣ противоположныхъ рядовъ явился духъ мрачный и дикій, политическій апостатъ, развратный прелатъ, измѣнникъ въ любви, писатель съ сердцемъ враждебнымъ противъ всего человѣчества, умъ, пропитанный грязными образами (1). Наконецъ министры восторжествовали и заключили миръ. Но въ слѣдъ за этимъ началась реакція. На престолъ вступилъ новый государь. Виги пріобрѣли довѣріе короля и парламента. Несправедливая строгость, оказанная партіею тори Мальборо и Уальполю, была отмщена. Гарли и Прайора (Prior) бросили въ тюрьму; Болингброка и Ормонда заставили бѣжать за границу. Раны, нанесенныя въ этой отчаянной борьбѣ, гноились много лѣтъ. Не скоро члены обѣихъ партій были въ состояніи разсуждать спокойно и безпристрастно объ Утрехтскомъ мирѣ. Что министры-виги продали насъ Голландцамъ, что министры-тори продали насъ Французамъ, что война была ведена только для наполненія кармановъ Мальборо, что миръ былъ заключенъ только для скорѣйшаго возвращенія претендента,—такія и подобныя обвиненія, совершенно ложныя или грубо преувеличенныя, взваливали другъ на друга политическіе диспутанты послѣдняго столѣтія. Въ наше время вопросъ можно разобрать безъ раздраженія. Поэтому мы изложимъ основанія, по которымъ мы дошли до нашего заключенія.

Отъ мира можно было ожидать двухъ опасностей: во-первыхъ, что Филиппъ, по чувствамъ личнаго расположенія, будетъ дѣйствовать въ строгомъ согласіи съ старшею отраслью своего дома, покровительствовать французской торговлѣ на счетъ Англіи и принимать сторону французскаго правительства въ будущихъ войнахъ; во-вторыхъ, что потомство герцога Бургундскаго можетъ прекратиться, что Филиппъ сдѣлается наслѣдникомъ французской короны, и такимъ образомъ двѣ великія монархіи соединятся подъ властію одного государя.

---

(1) Маколей разумѣетъ здѣсь Свифта.

Первая опасность кажется намъ совершенною химерою. Семейныя привязанности рѣдко имѣли большое вліяніе на политику государей. Состояніе Европы во время Утрехтскаго мира показывало, что связи, основанныя на интересѣ, сильнѣе связей родства или сосѣдства. Курфирстъ Баварскій былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній тестемъ; Викторъ Амедей поднялъ оружіе противъ зятя; Анна занимала тронъ, съ котораго помогла свести самаго снисходительнаго отца. Правда, Филиппъ привыкъ съ дѣтства смотрѣть на дѣда съ глубокимъ уваженіемъ. Поэтому казалось вѣроятнымъ, что вліяніе Людовика въ Мадридѣ усилится. Но Людовику было болѣе 70 лѣтъ: онъ не могъ прожить долго, а наслѣдникомъ его оставалось дитя въ колыбели. Итакъ конечно не было основанія думать, что испанскій король подчинитъ свою политику отношеніямъ къ племяннику, котораго никогда не видалъ.

Дѣйствительно скоро послѣ заключенія мира, обѣ отрасли дома Бурбоновъ начали ссориться. Между недавними соискателями кастильской короны, Филиппомъ и Карломъ[3], составился союзъ. Испанская принцесса, обрученная съ французскимъ королемъ, была отослана въ отечество самымъ оскорбительнымъ образомъ, и мадридскій дворъ декретомъ повелѣлъ всѣмъ Французамъ оставить Испанію. Правда, черезъ пятьдесятъ лѣтъ отъ Утрехтскаго мира, между французскимъ и испанскимъ правительствами возникъ особенно-тѣсный союзъ. Но оба правительства увлекались въ этомъ случаѣ не родственною любовью, но общими интересами и общими враждами. Ихъ договоръ, хотя и носитъ названіе семейнаго, есть такой же чисто политическій договоръ, какъ союзъ Камбрейскій или Пильницкій.

Вторая опасность заключалась въ томъ, что Филиппъ наслѣдуетъ престолъ въ отечествѣ. Это могло случиться, и однажды казалось довольно вѣроятнымъ, однакоже не случилось. Между королемъ испанскимъ и наслѣдствомъ Людовика XIV стояло одно больное дитя. Филиппъ конечно отказался отъ своихъ притязаній на французскую корону, но способъ, которымъ онъ завладѣлъ Испаніею, убѣждаетъ въ недѣйствительности подобныхъ отказовъ. Французскіе юристы объявили ничтожнымъ отреченіе Филиппа, какъ противное кореннымъ законамъ королевства. Французскій народъ также, вѣроятно, принялъ бы сторону того, кого онъ считалъ прямымъ наслѣдникомъ. Сенъ-Симонъ, хотя не столько привязанный къ наслѣдственной монархіи, сколько другіе его соотечественники, и большой сторонникъ регента, объявилъ въ присутствіи этого принца, что онъ никогда не будетъ защищать притязаній Орлеан-

скаго дома противъ испанскаго короля. « Если таковы мои чувства, сказалъ онъ, какія же должны быть чувства другихъ? » Болингброкъ дѣйствительно былъ вполнѣ убѣжденъ, что отреченіе имѣетъ такую же цѣну, какъ бумага, на которой оно написано, и требовалъ его только для ослѣпленія англійскаго парламента и народа.

Но, хотя однажды казалось вѣроятнымъ, что потомство герцога Бургундскаго прекратится, и хотя почти вѣрно, что, въ случаѣ его прекращенія, Филиппъ предъявилъ бы съ успѣхомъ свои притязанія на французскую корону, — мы все таки защищаемъ принципъ Утрехтскаго мира. Во-первыхъ, Карлъ, скоро послѣ сраженія при Вильѣ-Висіозѣ, наслѣдовалъ, со смертію старшаго брата, всѣ владѣнія Австрійскаго дома. Конечно, если бы къ этимъ владѣніямъ ему удалось присоединить всю Испанскую монархію, политическое равновѣсіе въ Европѣ находилось бы въ серіозной опасности. Мы согласны, что соединеніе Испаніи и Австріи не было бы такимъ тревожнымъ событіемъ, какъ соединеніе Испаніи и Франціи. Но Карлъ уже былъ императоромъ, между тѣмъ какъ Филиппъ не былъ, и могъ никогда не быть, французскимъ королемъ. Вѣрное, но меньшее зло, конечно, перевѣшиваетъ опасность зла бо̀льшаго, но случайнаго.

Но на самомъ дѣлѣ мы не вѣримъ, чтобы Испанія могла долго остаться подъ управленіемъ императора или короля французскаго. Характеръ испанскаго народа былъ лучшимъ ручательствомъ для европейскихъ націй, нежели какое-нибудь завѣщаніе, отреченіе или трактатъ. Та же самая энергія, которую обнаружили Испанцы по взятіи Мадрида союзниками, проявилась бы и тогда, какъ скоро они замѣтили бы, что ихъ отечество можетъ сдѣлаться французскою провинціею. Хотя они потеряли внѣшнее преобладаніе, но нисколько не были расположены терпѣть у себя иностранцевъ-повелителей. Если бы Филиппъ захотѣлъ управлять Испаніею декретами изъ Версаля, — второй великій союзъ легко могъ бы докончить то, чего не выполнилъ первый. Испанская нація также бы соединилась противъ него, какъ прежде за него. И въ этомъ, кажется, онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ сердце его питало любимую надежду когда-нибудь вступить на престолъ дѣда; но онъ, по видимому, не находилъ возможнымъ повелѣвать вмѣстѣ своею родиною и новоизбранною страною.

Таковы были опасности мира, и онѣ кажутся намъ не очень страшными. Имъ нужно противопоставить бѣдствія войны и рискъ неудачи. Бѣдствія войны—потеря людей, остановка торговли, большія

издержки, накопленіе долга—не требуютъ объясненія. Рискъ неудачи трудно оцѣнить съ точностію спустя такое долгое время. Но мы думаемъ, что онъ можетъ быть опредѣленъ приблизительно. Союзники одержали верхъ въ Германіи, Италіи и Фландріи. Возможно, что со временемъ они проникнули бы въ сердце Франціи. Но никогда съ начала войны ихъ будущность не была такъ темна въ странѣ, которая служила предметомъ борьбы. Въ Испаніи они занимали лишь нѣсколько квадратныхъ миль. Большинство націи было имъ враждебно. Если бы они упорствовали, имѣли ожиданный успѣхъ, выиграли цѣлый рядъ такихъ же великолѣпныхъ побѣдъ, какъ при Бленгеймѣ и Рамли, если бы даже Парижъ палъ и Лудовикъ былъ взятъ въ плѣнъ, — во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы они достигли своей цѣли. Имъ бы предстояла еще нескончаемая борьба съ враждебнымъ населеніемъ страны, имѣющей особенныя удобства для иррегулярной войны, страны, въ которой непріятель терпитъ больше отъ голода, нежели отъ меча.

Поэтому мы въ пользу Утрехтскаго мира. Впрочемъ мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ тѣхъ государственныхъ людей, которые заключили этотъ миръ. Гарли намъ кажется громкимъ ничтожествомъ, С.-Джонъ блестящимъ плутомъ. Большая часть ихъ послѣдователей состояла изъ сельскаго духовенства и сельскаго дворянства, изъ людей, далеко уступавшихъ умомъ, приличнымъ лавочникамъ и фермерамъ нашего времени. Священникъ Барнабасъ, священникъ Труллиборъ, сэръ Уильфуль Уитвудъ, сэръ Франсисъ Ронгедъ, сквайръ Уэстернъ, сквайръ Солленъ и подобныя имъ лица составляли главную силу партіи тори въ продолженіе 60 лѣтъ послѣ революціи. Правда, что средства, которыми тори достигли власти, въ 1710 году были самыя позорныя. Правда, что они постоянно пользовались ею несправедливо и жестоко, правда, что для приведенія въ исполненіе своего любимаго проекта о мирѣ, они употребили клевету и обманъ, безъ малѣйшаго колебанія. Правда, что они представили британской націи отреченіе, котораго недѣйствительность была имъ извѣстна. Правда, что они предали Каталонцевъ мести Филиппа безчеловѣчно и въ противность требованіямъ національной чести. Но хотя они дѣйствовали въ великомъ вопросѣ о войнѣ и мирѣ по своекорыстнымъ и безнравственнымъ мотивамъ, его рѣшеніе было благодѣтельно для государства.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

ВЪ РОССІИ.

I.

Внутренній бытъ нашихъ сельскихъ общинъ съ перваго взгляда поражаетъ своею особенностью. Въ западной Европѣ, у народовъ германскаго и романскаго племени, не встрѣчается ничего подобнаго. Тамъ вся земля или раздѣлена между мелкими собственниками, полными и наслѣдственными обладателями своихъ участковъ, или же находится въ рукахъ немногихъ землевладѣльцевъ, которые въ свою очередь отдаютъ ее въ наймы отдѣльнымъ поселенцамъ. Наши крестьяне напротивъ владѣютъ землею собща и дѣлятъ ее между собою поровну, возобновляя раздѣлъ каждый разъ, какъ вслѣдствіе умноженія народонаселенія установится между ними неравенство. Такое многозначительное явленіе не можетъ не обратить на себя вниманіе людей, изучающихъ бытъ Русскаго народа и старающихся дать себѣ отчетъ въ его особенностяхъ. Всякій по неволѣ задаетъ себѣ вопросъ о причинахъ такого, совершенно отличнаго отъ другихъ, общественнаго устройства; каждому любопытно уяснить себѣ, откуда оно проистекло, и въ какихъ началахъ коренится?

Эти вопросы дѣйствительно занимали мыслящихъ наблюдателей русской жизни, но объясненіе казалось такъ легко, что никто не далъ труда подвергнуть его точному изслѣдованію. Одинъ изъ самыхъ умныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію

баронъ Гакстгаузенъ, обратилъ особенное вниманіе на эту сторону нашего общественнаго быта, и пришелъ къ слѣдующей мысли, которую положилъ въ основаніе всей своей книги о Россіи: «Слово община, Gemeinde, означаетъ у народовъ западныхъ собраніе лицъ, которыхъ сблизилъ случай, и которыхъ отношенія были установлены столько же правительственною и законодательною дѣятельностію, идущею сверху, сколько нравами и обычаями. Но какъ отлична отъ нея *община славянская*, первоначально бывшая только разширеніемъ патріархальной семьи, и представляющая донынѣ семейство фиктивное, владѣющее землею собща, и въ которой глава имѣетъ какъ бы отеческую власть надъ другими! Въ такомъ видѣ находимъ мы ее въ Сербіи и въ Болгаріи, гдѣ національность сохранилась неприкосновенною, какъ очень хорошо замѣтили Кипріанъ Роберъ и знаменитый Ранке въ своихъ сочиненіхъ о Сербіи». Сюда же авторъ причисляетъ и Россію. «Между тѣмъ какъ другія европейскія государства», говоритъ онъ, «по своему происхожденію и развитію суть государства феодальныя, Россія напротивъ есть государство патріархальное. Множество послѣдствій истекаютъ изъ этой простой истины, которой уже почти достаточно для объясненія политическаго и общественнаго быта Россіи. Семья тамъ первообразъ народа. Въ ней существуетъ полное равенство правъ. Пока она соединена, глава есть отецъ семейства; послѣ его смерти старшій сынъ остается полнымъ обладателемъ собственности, которою онъ по своему усмотрѣнію надѣляетъ каждаго члена семьи. Община есть семейство въ большомъ видѣ: она обладательница земли; отдѣльныя же лица имѣютъ только право пользованія своими участками и притомъ такъ, что доля каждаго совершенно равна другимъ. Участокъ отца не переходитъ по наслѣдству сыновьямъ, но каждый изъ нихъ требуетъ своей доли въ силу своего личнаго права, какъ члена общины, которой неограниченный глава или мнимый отецъ называется старостою».

Въ другомъ мѣстѣ Гакстгаузенъ говоритъ: «Обычай равнаго и поголовнаго дѣлежа вытекаетъ изъ древнѣйшаго начала славянскаго права, именно изъ нераздѣльности семейной собственности при раздѣленіи пользованія. Эта черта кажется мнѣ общею всѣмъ народамъ славянскаго происхожденія, ибо даже

въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ частяхъ Сербіи, въ Кроаціи и странѣ Словенцевъ, земли вовсе и не раздѣляются между членами общины, а находятся въ вѣдомствѣ сельскихъ старшинъ, которые дѣлятъ между жителями плоды ежегоднаго урожая».

Итакъ Гакстгаузенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ пришелъ къ двумъ результатамъ: 1) Сельская община въ Россіи есть община патріархальная, или родовая, т. е. проистекшая изъ отношеній родственныхъ и сложившаяся по этому типу. 2) Такая община составляетъ характеристическую особенность славянскаго племени.

Того же повидимому мнѣнія, которое вообще у насъ въ большомъ ходу, держится и другой замѣчательный изслѣдователь экономическаго быта Россіи, г. Тенгоборскій. Въ сочиненіи своемъ о производительныхъ силахъ Россіи, онъ говоритъ въ статьѣ о земледѣліи: «Эта система дѣлежа коренится въ совершенно патріархальномъ устройствѣ нашихъ общинъ, котораго касаться опасно. Она основана на первоначальной идеѣ единства общины и равенствѣ правъ каждаго члена на соотвѣтствующую долю земли, принадлежащей общинѣ».

Таковы авторитеты, которые имѣетъ за себя эта мысль,— авторитеты весьма важные. Но къ сожалѣнію этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такимъ образомъ. Одного нагляднаго изученія современнаго быта недостаточно для его пониманія. Чтобъ имѣть возможность вникнуть въ самую его основу и въ коренныя начала учрежденій, необходимо изслѣдовать ихъ происхожденіе, необходимо изученіе историческое. Тогда только наблюдатель стоитъ на твердой почвѣ и не подвергается опасности быть обманутымъ внѣшнею обстановкою и призрачными сходствами; тогда только добытые имъ результаты могутъ имѣть характеръ положительной истины.

Мы не имѣемъ претензіи написать полную исторію сельской общины въ Россіи. Это трудъ, который потребовалъ бы слишкомъ обширныхъ изслѣдованій; да едва ли въ настоящее время есть для этого достаточно изданныхъ матеріяловъ. Наша цѣль гораздо ограниченнѣе: мы хотѣли только выставить на видъ читателю нѣкоторыя историческія данныя, могущія служить къ уясненію этого важнаго вопроса. Мнѣнія барона

Гакстгаузена пользуются такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что кажется было бы весьма полезно подвергнуть ихъ нѣкоторой критикѣ и показать, что историческіе факты не совсѣмъ оправдываютъ выводы знаменитаго путешественника, а напротивъ указываютъ на необходимость посмотрѣть на этотъ предметъ совершенно съ другой стороны.

Прежде всего никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто бы родовая или патріархальная община составляетъ исключительную принадлежность славянскаго племени. Изъ превосходной статьи покойнаго Грановскаго, помѣщенной въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи», русскіе читатели знаютъ уже, что совершенно такая же община существовала первоначально и у Германцевъ. У нихъ также родовая община владѣла землею нераздѣльно, а члены ежегодно мѣняли свои участки. Такой же бытъ существовалъ у Кельтовъ и у другихъ народовъ. Это общая принадлежность племенъ въ первоначальную эпоху ихъ развитія. Личность человѣческая не вдругъ выступаетъ на историческое поприще. Пока народъ находится въ состояніи еще младенческомъ, въ немъ преобладаетъ чувство общности; все сливается въ безразличную массу, поглощающую въ себѣ недѣлимыя существа. Только мало по малу, при внутреннемъ развитіи общественнаго быта и въ особенности при столкновеніи народа съ другими племенами, изъ этой массы выдѣляются личности, которыя, приходя къ сознанію своей особенности и своихъ частныхъ интересовъ, начинаютъ предъявлять свои отдѣльныя требованія и права. Тогда образуется и частная собственность, которая прежде поглощалась совокупнымъ владѣніемъ общины. Чѣмъ болѣе развивается личность, тѣмъ свободнѣе дѣлается собственность, и тѣмъ шире становится кругъ ея дѣйствія. Полное освобожденіе частной собственности изъ единства родоваго владѣнія является уже плодомъ долгаго и медленнаго историческаго процесса. Оно встрѣчается у народовъ, которые разорвали уже всякую связь съ прошедшимъ и, преобразуя свои нравы и учрежденія, перешли на другую историческую почву. Даже въ древнихъ государствахъ, гдѣ гражданственность была развита въ высокой степени, родовая собственность долго была преобладающею формою гражданскаго быта. Такъ было у Евреевъ, у которыхъ

въ юбилейный годъ отчужденный участокъ земли возвращался въ родъ. Такъ было въ патриціанскомъ Римѣ, гдѣ земля считалась полемъ священнымъ или государственнымъ (ager sacer, ager publicus), и патриціанскіе роды владѣли каждый своимъ разъ опредѣленнымъ, неотчуждаемымъ жеребьемъ. То же самое было и въ Греціи, въ особенности въ Спартѣ (1). Хотя эти формы владѣнія были нѣсколько различны отъ передѣла земли у германскихъ и славянскихъ народовъ, но все же онѣ указываютъ на одну общую черту: на ограниченіе частной собственности въ пользу родовой. Это общее начало, которое встрѣчается у всѣхъ народовъ въ періодъ младенчества. Можно сказать, что это начало, принадлежащее древней исторіи человѣчества, и что тамъ, гдѣ существуютъ остатки подобныхъ учрежденій, народъ сохранилъ еще преданія о первобытномъ, патріархальномъ, языческомъ состояніи.

Что касается до Россіи, то у насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ. Но общая аналогія и ближайшее сродство съ другими славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣ же гражданскія формы, какъ у другихъ. Самое раздѣленіе русскихъ Славянъ на племена указываетъ на господство естественной, кровной связи между людьми. Гдѣ народное единство основывается на союзѣ племенномъ, тамъ всѣ гражданскія отношенія вытекаютъ изъ отношеній естественныхъ или патріархальныхъ. Съ племенемъ неразлученъ и родъ; это меньшая его единица. А гдѣ есть родъ, тамъ есть и родовая собственность. Это общій фактъ, который получаетъ подтвержденіе и въ русской исторіи. Нераздѣльная собственность, какую мы видимъ первоначально въ княжескомъ родѣ, даетъ намъ право думать, что то же существовало и въ остальныхъ. Притомъ же у насъ до сихъ поръ сохранились остатки родовой собственности въ выкупѣ родовыхъ имуществъ. Это право не было введено законодательствомъ; законъ не можетъ создать родственныхъ союзовъ и отношеній, не существующихъ въ нравахъ, а здѣсь именно

(1) Хотя Гротъ и старается доказать, что въ Спартѣ существовала свободная собственность, но мнѣніе его не выдерживаетъ строгой критики.

указаніе на родъ, какъ на союзъ, имѣющій совокупное право на имущество каждаго изъ своихъ членовъ. Поэтому нельзя сомнѣваться въ томъ, что и Славяне, въ послѣдствіи образовавшіе Русское государство, первоначально отправились отъ собственности родовой или патріархальной. Но за тѣмъ представляется вопросъ: сохранились ли до сихъ поръ наши сельскія общины въ томъ патріархальномъ, младенческомъ состояніи, въ какомъ онѣ были десять вѣковъ тому назадъ? Не ужели онѣ также мало подвинулись впередъ, какъ Сербы и Болгаре, которыхъ исторія почти не коснулась? Не ужели, какъ утверждаетъ баронъ Гакстгаузенъ, русская исторія играла только на поверхности народа, не касаясь низшихъ классовъ народонаселенія, которые остались до-нынѣ при своихъ первобытныхъ гражданскихъ учрежденіяхъ? Все это вопросы, которые необходимо разрѣшить для подтвержденія патріархальнаго характера русской общины, и на которые однако же, при малѣйшемъ знакомствѣ съ историческими данными, нельзя не отвѣчать отрицательно.

Патріархальная община можетъ удержаться въ исторіи только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ бытъ не вторгаются новыя стихіи, разлагающія прежнія родственныя отношенія. А такія-то именно стихіи появились въ русской жизни съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Дружина держалась на началахъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ родственно-общиннымъ отношеніямъ. Она была составлена изъ людей чуждыхъ другъ другу, соединенныхъ однѣми личными цѣлями и заключившихъ между собою союзъ, основанный на доброй волѣ каждаго. Въ нее принимался всякій пришлецъ; въ ней старшинство опредѣлялось воинскою силою и отвагою. И она-то призвана была играть въ Россіи первую роль; принесенныя ею начала, разширяясь и развиваясь, обняли наконецъ всѣ общественныя отношенія народа, такъ что мало осталось мѣста для прежнихъ родовыхъ союзовъ.

Уже въ Русской Правдѣ видны слѣды этого значительнаго вліянія дружины на общественный бытъ. Въ постановленіяхъ о наслѣдствѣ сказано, что за недостаткомъ сыновей имущество дружинника идетъ его дочерямъ, а имущество смерда, то

есть крестьянина, достается князю. Здѣсь мы видимъ существованіе полнаго права собственности въ дружинѣ, гдѣ личность получила значительное развитіе; видимъ также ограниченіе права собственности въ низшемъ народонаселеніи, въ которомъ господствовалъ патріархальный бытъ. Но важно здѣсь то, что это ограниченіе было уже не въ пользу рода или общины, а въ пользу князя, который самъ былъ главою дружины, слѣдственно представителемъ новаго начала. Онъ не являлся здѣсь только замѣною родоначальника, воображаемымъ представителемъ рода. Это такое предположеніе, съ которымъ нельзя согласиться: во-первыхъ потому, что мы вовсе не знаемъ о существованіи родоначальниковъ, какъ владѣльцевъ родовой собственности. Прежніе родовые старшины могли быть главами общины, но чтобы земля считалась ихъ собственностію также, какъ она въ послѣдствіи считалась собственностію князя, чтобы они также имѣли извѣстное право на наслѣдованіе послѣ умершихъ членовъ общины, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Во-вторыхъ, постороннее лице никогда не можетъ замѣнить родоначальника; все значеніе послѣдняго состоитъ въ его кровномъ старшинствѣ, въ его родственной связи съ членами общины, чего въ постороннемъ лицѣ никогда нельзя предположить. Начальникъ пришлой дружины могъ пріобрѣсть правительственныя права, принадлежавшія прежде родовому старшинѣ, но во всякомъ случаѣ онъ пріобрѣталъ ихъ не въ качествѣ родоначальника, а какъ верховный землевладѣлецъ, какъ глава гражданскаго общества. Наконецъ, родовые старшины были только въ отдѣльныхъ общинахъ; родоначальниковъ же, владѣвшихъ цѣлымъ обширнымъ округомъ, вовсе не было, а потому и князья не могли заступать ихъ мѣсто.

Слѣдовательно князь не является только замѣною прежняго владыки; нѣтъ, это лице совершенно новое, носящее свой особенный характеръ, сначала владѣльческій, а въ послѣдствіи государственный. Князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ какъ посредникъ, а на югѣ и въ большей части Россіи явился завоевателемъ. Силою оружія пріобрѣлъ онъ себѣ землю, и этимъ самымъ получилъ возможность сдѣлаться въ послѣдствіи единодержавнымъ государемъ. Такъ на Западѣ феодальные короли считались верховными владѣльцами земли (lord paramount of the ground)

въ силу завоеванія. Дружинники были ближайшими его помощниками и потому они вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣли поземельную собственность. На Западѣ земля ихъ считалась ленною, у насъ она называлась бѣлою, т. е. свободною отъ податей и повинностей и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы нерѣдко получали освобожденіе. Общинной же земли, какъ увидимъ ниже, въ княжескихъ владѣніяхъ не осталось; вмѣсто прежней патріархальной общинной собственности является собственность князя и его дружины. Община родовая превратилась во владѣльческую, въ которой былъ одинъ частный собственникъ, да были пришлые люди, сидѣвшіе на его землѣ.

Это владѣльческое значеніе князя въ особенности развилось съ того времени, какъ князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ. Земля называется ихъ вотчиною, и сами они носятъ названіе вотчинниковъ. Вся цѣль ихъ состоитъ въ разширеніи своихъ владѣній, въ умноженіи доходовъ, дающихъ имъ матеріяльную силу. Оружіемъ и куплею пріобрѣтаютъ они села и города, и владѣльческіе элементы получаютъ все большее и большее значеніе въ гражданскомъ быту. На нихъ основывается послѣдующее могущество государства: они являются центральнымъ пунктомъ историческаго развитія народа.

Только вольные города, Новгородъ и Псковъ, избѣгли на время этого всеобъемлющаго вліянія владѣльческихъ элементовъ. Въ нихъ сохранилась община свободная, но она измѣнила свой прежній характеръ: изъ родовой она сдѣлалась договорною. Въ первый періодъ русской исторіи, въ періодъ дружинный, мы видимъ еще въ городахъ остатки прежнихъ родовыхъ общинъ съ своими вѣчами, съ своими собраніями старѣйшинъ, призываемыхъ на совѣщаніе княземъ или сходящихся въ минуту опасности. Но въ періодъ вотчинный эти старыя формы быта вытѣсняются новыми началами. Онѣ разлагаются двоякимъ и притомъ противоположнымъ путемъ: съ одной стороны онѣ падаютъ передъ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ разширеніемъ владѣльческихъ элементовъ, съ другой стороны изъ родовой общины развивается договорная. Послѣдняя основана уже не на родственной связи членовъ, опредѣляющей и общественныя ихъ отношенія, а на добровольномъ согласіи каждаго

лица, точно также какъ и дружина. Новгородъ при всякой перемѣнѣ князя призываетъ извнѣ главу своего правленія, и всѣ свои общественныя отношенія установляетъ договоромъ, безпрерывно возобновляющимся. На вѣчахъ нѣтъ постоянныхъ правилъ о рѣшеніи дѣлъ; все опредѣляется взаимнымъ согласіемъ гражданъ, а если нѣтъ согласія, то открытою силою, ибо меньшинство, также какъ въ частномъ товариществѣ, не считаетъ себя обязаннымъ повиноваться большинству. Въ Новгородъ, какъ и въ остальныя области, проникли уже дружинные элементы, которые измѣнили весь бытъ и не оставили и слѣдовъ прежнихъ родовыхъ отношеній. Государственныя же начала еще не возникали, ибо Новгородъ не государство. Онъ самъ великій вотчинникъ, владѣлецъ обширныхъ земель, составляющихъ его собственность, и все различіе между нимъ и другими областями состояло въ томъ, что тамъ верховнымъ вотчинникомъ былъ князь, здѣсь же это мѣсто принадлежало союзу свободныхъ лицъ.

Точно то же было и на Западѣ въ вольныхъ городахъ; но въ Россіи эта форма средневѣковыхъ учрежденій не получила такого развитія какъ тамъ. У насъ княжеская власть сдѣлалась единственнымъ двигателемъ народной жизни, а вольная община изчезла передъ нею, не оставивъ по себѣ и слѣда въ исторіи.

Что́ же стало съ общиною въ княжескихъ владѣніяхъ? Какой получила она характеръ? Вся земля принадлежала князю и называлась его вотчиною; но рядомъ съ нимъ являются и другіе свободные собственники; прежде всего, какъ самые многочисленные, потомки дружинниковъ, бояре и слуги; за тѣмъ церковь, пріобрѣтшая значительныя имѣнія вслѣдствіе пожертвованій и покупокъ. Принадлежавшія имъ земли, хотя какъ увидимъ не всѣ, назывались бѣлыми, то есть свободными отъ податей и повинностей, взимаемыхъ княземъ съ тѣхъ людей, которые поселялись на собственной его землѣ. Остальныя принадлежали князю, но дѣлились также на два разряда: на дворцовыя и черныя. Первыя составляли ту часть хозяйственнаго управленія, которую князь отдѣлялъ себѣ для снабженія дворца всѣми необходимыми потребностями; вторыя оставались въ полномъ обладаніи свободныхъ поселенцевъ, которые только обязаны были

платить съ нихъ князю извѣстное тягло. Дворцовыя имѣнія принадлежали слѣдственно къ одному разряду съ владѣніями княжескихъ слугъ и церкви. То были собственно имѣнія владѣльческія, гдѣ присутствовалъ хозяинъ съ своими вотчинными правами и вотчиннымъ управленіемъ. Черныя же волости оставались свободными общинами, поселенными на чужой землѣ, за пользованіе которою жители несли только извѣстныя повинности въ пользу землевладѣльца.

Для князей это составляло одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода, и потому они чрезвычайно дорожили черными людьми. Въ договорахъ между собою они обязывались блюсти ихъ вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать. Служилые люди были помощниками князя въ дѣлѣ ратномъ, вольныя лица, переходившія отъ одного князя къ другому. Черные люди были также вольные и также переходили съ мѣста на мѣсто, но назначеніе ихъ состояло въ обработкѣ земли, въ производствѣ промысловъ и въ уплатѣ податей. Хотя законныхъ границъ между тѣми и другими не было положено, да и не могло быть положено при отсутствіи государственныхъ законовъ, но они уже сами по себѣ составляли два различныя сословія, и мы видимъ изъ договоровъ, что переходъ отъ одного къ другому былъ затруднителенъ. Между тѣмъ князья и бояре старались покупать черныя земли съ цѣлью обращать ихъ въ бѣлыя. Относительно этого также дѣлались условія между князьями. Въ знаменитомъ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ сказано, что если послѣдній, или его родственникъ, или бояре купятъ въ великомъ княженіи земли черныхъ людей, то черные люди могутъ ихъ выкупить обратно; если же они выкупить ихъ не въ состояніи, то новые владѣльцы обязаны тянуть тягло вмѣстѣ съ другими, а не захотятъ они этого дѣлать, то земли ихъ отдаются чернымъ людямъ даромъ. Въ этомъ видно стремленіе князей удержать за собою доходы, но должно однако замѣтить, что это постановленіе относилось только къ покупкѣ земли родственниками и боярами другаго князя; внутри же каждаго княженія черныя земли могъ покупать всякій. Ихъ покупали слуги; ихъ покупали и лица духовнаго вѣдомства. Но во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе обязаны были нести съ нихъ тягло,

пока онѣ не обѣлялись жалованными княжескими грамотами. Это оставалось основнымъ правиломъ при переходахъ черныхъ земель изъ рукъ въ руки, какъ видно изъ многихъ грамотъ.

« А кто учнетъ жити на нашей на черной землѣ сынъ боярскій или приказной человѣкъ или митрополичь владычень и монастырской, или чей кто нибуди: и тѣ люди въ тѣхъ дворѣхъ, и въ волостѣхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ, волостелю устюженскому намѣстнику судимы и тягло съ черныхъ дворовъ и въ волостѣхъ съ черныхъ деревень и съ починковъ наши оброки и всякіе розметы тянутъ повытно, что на нихъ цѣловальники положатъ» (1).

Изъ этого видно, что хотя черные люди и составляли особенное сословіе, имѣвшее исключительнымъ призваніемъ земледѣліе и промышленность, но не изъ нихъ однихъ составлялась вольная община, жившая на черной землѣ. Въ нее могъ входить всякій, кто только покупалъ землю. При свободномъ переходѣ крестьянъ и посадскихъ людей, тяглыя лица мѣнялись безпрестанно, а земля оставалась постояннымъ и неизмѣннымъ источникомъ дохода. Съ нея платилось тягло князю, и она служила основой для живущей на ней тяглой общины. Послѣдняя была уже не родовая община, какъ прежде, и не сословная, какъ въ послѣдствіи, а чисто поземельная. Существенное ея значеніе заключалось въ платежѣ тягла съ земли; это одно составляло ея единство и придавало ей характеръ общины. Иначе она состояла изъ совершенно различныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ совершенно различнымъ сословіямъ и не имѣвшихъ между собою рѣшительно ничего общаго. Самая земля могла безпрестанно измѣняться въ своемъ объемѣ; какъ скоро покупщикъ изъ служилыхъ людей или духовенства получалъ освобожденіе отъ податей и повинностей, такъ имѣніе его выходило уже изъ тяглаго округа. Внутри общины являлись владѣльцы, не имѣвшіе съ нею никакой связи. Вслѣдствіе различія жалованныхъ грамотъ образовались права и обязанности самыя разнородныя, и какъ пространство земли, составлявшей основу общиннаго быта, такъ и отношенія членовъ общины получали чрезъ это характеръ чистой случайности.

Этимъ поземельнымъ значеніемъ общины условливалось и

(1) Акты Арх. Эксп. 7, 3, N 138.

бѣзразличіе селъ и городовъ. Въ послѣдствіи, какъ увидимъ, когда явились понятія государственныя, города были отдѣлены отъ селъ и получили особенное значеніе и отдѣльное управленіе. Но въ средніе вѣка этого еще не было; когда община имѣла характеръ чисто поземельный, когда все дѣло состояло въ уплатѣ тягла съ земли, и все различіе обязанности жителей опредѣлялось разрядомъ земли, на которой они сидѣли, принадлежностью ея тому или другому владѣльцу, тогда разумѣется не могло быть и раздѣленія общинъ на городскія и сельскія. Въ средніе вѣка городъ имѣлъ одно существенное значеніе: стѣны его могли служить общинѣ защитою отъ внѣшнихъ враговъ; онѣ были необходимымъ условіемъ для существованія вольной общины, которая не могла бы удержаться въ селѣ. Но тамъ гдѣ не было такой общины, это различіе изчезало. За исключеніемъ Новгорода и Пскова, остальные города были у насъ владѣльческіе, и потому нисколько не отличались отъ селъ. Какъ между селами были дворцовыя и монастырскія, такъ были и дворцовые города, а равно и города, принадлежавшіе монастырямъ, напр. Тихвинъ. Въ городахъ, также какъ и въ волостяхъ, перемѣшивались бѣлыя и черныя земли, а владѣльцы послѣднихъ равнымъ образомъ обязаны были тянуть тягло въ пользу князя, что и придавало общинѣ единство; однимъ словомъ, характеръ и устройство тѣхъ и другихъ были одинаковы, и это условливалось поземельнымъ и владѣльческимъ значеніемъ общины.

Теперь взглянемъ поближе на самое устройство, какъ хозяйственно-владѣльческихъ общинъ, такъ и черныхъ. Посмотримъ, что онѣ были въ XVI вѣкѣ, т. е именно передъ тѣмъ временемъ, какъ онѣ получили уже значеніе государственное. Хотя матеріяловъ, относящихся ко внутреннему быту селъ, весьма немного, но все же, руководствуясь тѣмъ, что издано, мы можемъ въ нѣкоторой степени проникнуть въ этотъ обыденный порядокъ общинной жизни и вывести основныя его начала. Для имѣній частныхъ собственниковъ главнымъ источникомъ будутъ намъ служить договоры между монастырями и поселявшимися на ихъ земляхъ крестьянами; для черныхъ же волостей судныя и другія грамоты, напечатанныя въ «Актахъ Юридическихъ».

Монастырскія земли отдавались въ наймы всякому вольноприходящему крестьянину. Новый поселенецъ получалъ извѣстный участокъ земли, а иногда и подмогу деньгами, и въ замѣнъ этого обязывался нести въ пользу монастыря извѣстныя повинности. Объ этомъ заключался договоръ между имъ и монастырскими властями. Вотъ образчики нѣкоторыхъ такихъ договоровъ.

«Се язъ Иванъ да язъ Семенъ Петровы дѣти изъ Каргопольскаго уѣзда съ Водлозера порядилися есмя у старца Меркурья у келаря Кириловскаго монастыря половничати, Курголовы деревни на треть обжи, да на Сагиловы горы на шестой жребей обжи и всего на полъ обжи: и жити намъ за Кириловымъ монастыремъ, а Государевъ Царьской оброкъ денежной давати по старому, по книгамъ, а въ Кириловъ монастырь давати намъ съ году на годъ и ставити въ Кириловѣ монастырѣ на сроки на Рождество Христово съ обжи по три бочки рыбы живопросольной и т. д.» (1).

Если же, сказано далѣе въ этомъ договорѣ, они не захотятъ платить оброкъ рыбою, то опредѣляется за рыбу извѣстный денежный взносъ.

Здѣсь мы не видимъ ничего кромѣ обязанности платить лично извѣстный оброкъ монастырю и государю. Изъ этой же грамоты можно видѣть, что половниками назывались не только тѣ, которые платили землевладѣльцу половину своихъ произведеній, а вообще всѣ крестьяне, платящіе оброкъ натурою. Въ другихъ договорахъ поселяющіеся крестьяне обязываются платить государевы подати вмѣстѣ съ волостью. Вотъ порядная 1588 года:

«Се язъ Ѳедоръ Игнатьевъ сынъ, своимъ сыномъ съ Мокіемъ, да язъ Олексѣй Микифоровъ своимъ сыномъ съ Игнатіемъ, Государевы Царевы В. Князя крестьяне Королева села съ деревни изъ Тютичь порядилися есми... на пустую деревню на Молотово на обжу у Николаевскаго игумена Вежицкаго монастыря у Іонѣ съ братьею, а взяли есми у игумена у Іонѣ съ братьею на подмогу денегъ пять рублевъ; а за ту намъ подмогу поставити въ той пустой деревни дворъ, а на дворѣ хоромъ избу трехъ сажень и съ углы новую, да клѣть, да хлѣвъ съ сѣнникомъ полутретьи сажени, да мшаникъ дву сажень, а тѣ намъ хоромы поставити на той деревнѣ нынѣшняго 93 году, а самимъ намъ итти на тое деревню на Рождество Христово 94 году. А тягла Государева всякаго намъ съ тое деревни не давати 3 годы... а монастырскаго намъ оброку дати въ два года на годъ по рублю, а въ третій годъ

(2) Акты Юридическіе № 176.

дати намъ оброку два рубля; а какъ тѣ три годы минетъ, и намъ Государевы всякіе подати давати съ обжи, какъ иные крестьяне Государевы подати всякія платятъ, и поселницкое. А не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ и не поставимъ хоромъ въ 93 году и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти игумену Іонѣ и съ братьею за убытки и за волокиту десять рублевъ московскую и подможные деньги (1).»

Другіе крестьяне, въ слѣдующемъ году поселявшіеся на землѣ того же монастыря, обязывались платить семь мѣръ ржи, семь мѣръ овса, да мѣру жита:

«А изъ лѣса пятой снопъ, а изъ заозерья шестой снопъ; а дань домовная по книгамъ и старческіе и ключничьи и посельничьи пошлины по старинѣ; и владѣти всѣми угодьи, куды прежь владѣли, а государскіе подати давати въ волость и посошные службы по волостной ровности (2).»

Иногда обязывались дѣлать монастырское издѣлье наравнѣ съ прочими крестьянами:

«А дани Царю и Великому Князю и оброки и всякіе Государскіе подати давати и въ монастырь хлѣбной оброкъ всякой платити по книгамъ, сполна, и издѣлье монастырское намъ всякое дѣлати, какъ и прочія крестьяне (3).»

Эти издѣлья были впрочемъ иногда довольно значительны, какъ видно изъ уставной грамоты Константиновскаго монастыря 1391 г. Здѣсь опредѣлено:

«...Большимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игумновъ жеребій весь рольи орать въ згономъ, и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ ввезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетати, на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осенинѣ поити и истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ, а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожь молотить; а ленъ даетъ игуменъ въ села и они прядутъ сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ, а даютъ изъ селъ всѣ люди на праздникъ яловицу (4).»

Если личная отвѣтственность за неисполненіе условій казалась монастырскимъ властямъ недостаточною, то онѣ требовали поручительства. Ручались за крестьянина опять таки не общины, а частные люди, иногда совершенно посторонніе, какъ это по большей части бывало въ общественныхъ отношеніяхъ древней Россіи. Вотъ для примѣра подобное поручительство:

---

(1) А Ю. N 183. (2) А. Ю. N 184. (3) А. Ю. N 182. (4) А. А. Э. 7. 1-й N 11.

«Се язъ Яковъ Никитинъ сынъ, хрестьянинъ Прилуцкаго Богороцкаго Ключа изъ деревни Стонѣгова поручился есми Спасскаго Прилуцкаго монастыря игумену Тихону... и всей братьи по Богданѣ Ивановѣ сынѣ въ томъ, что онъ порядился Спаса Прилуцкаго монастыря въ вотчину, во хрестьяня... на четверть плуга земли въ Игнатьевской жеребій на чистую землю... и владити ему всѣми угодьи куда ходилъ плугъ и соха и коса и топоръ... А не учнетъ онъ за мосю порукою на той четверти плуга жити или живучи онъ не учнетъ вновь хоромъ ставити или не учнетъ пашни распахивати и сѣнныхъ покосовъ разчищати и около поль не учнетъ ни дани, ни оброку, ни мірскихъ разрубовъ; и какъ отойдутъ лготные два года и Сидору дань и оброкъ и всякія Государевы подати давать и мірскіе разрубы давать же съ міромъ вмѣстѣ. А отдали ему съ путики и съ ловищи и со всѣмъ угодіемъ, куды ходилъ топоръ и соха и коса и что къ тому жеребью изстари потягло И Сидору на томъ жеребіи дворъ поставить и земля распахать и огороды огородить и впустѣ не покинуть тое двѣнадцатые доли обежные, да въ томъ ему и путь дали (1).»

Изъ этого видно, что здѣсь также въ монастырскихъ имѣніяхъ участки, на которые дѣлилась земля, были уже опредѣлены заранѣе, что они со всѣми принадлежавшими къ нимъ угодьями составляли отдѣльное цѣлое, переходившее въ такомъ видѣ отъ одного владѣльца къ другому. Когда же участокъ оставался пустымъ, община старалась призвать на него новаго поселенца, который бы помогалъ ей въ уплатѣ податей и въ отправленіи повинностей. Ибо подати и повинности налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя волости или даже сохи въ совокупности, и потомъ уже разпредѣлялись по участкамъ соразмѣрно съ поземельнымъ владѣніемъ. Иначе и не могло быть при недостаткѣ финансовыхъ и правительственныхъ средствъ. Взысканіе податей съ цѣлой общины въ совокупности доставляло князю гораздо большее обезпеченіе въ исправномъ платежѣ, нежели разложеніе ихъ на отдѣльныхъ владѣльцевъ, которые безпрерывно переходили съ мѣста на мѣсто. Но понятно, что для волости было тяжко, когда много земель оставалось пустыхъ; поэтому она старалась по возможности набирать новыхъ поселенцевъ и раздавать имъ пустые участки. Отданный разъ жеребій земли оставался въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи крестьянина. Такъ въ нѣкоторыхъ отступныхъ мы читаемъ, что крестьянинъ передаетъ другому участокъ со

(1) А. Юр. № 175. См. тамъ же № 187.

всѣмъ «что изстарь потягло отъ вѣка къ той земли, по описи отца своего, свой жеребій, по книгѣ» (1). Въ другой грамотѣ встрѣчается слѣдующая запись:

«А за складъ я Иванъ ему игумену Сергѣю и всей братьи Архангельскаго монастыря далъ въ домъ Пречистые Богородицы Покрову и Архангелу Михаилу станки (наслѣдство) отца своего, въ Галенской деревни свой участокъ въ Кехтѣ въ острову, что мнѣ достанется въ тоѣ деревни отъ дяди Семена да отъ брата своего Семена же, свою долю, въ дерень безъ выкупа и вовѣки (2).»

Сохранилась и цѣлая раздѣльная грамота крестьянъ между собою:

«Се язъ (слѣдуютъ имена)... раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ кони и коровы... и земля въ Карзинѣ курьи свое владѣнье и серебряное. Всѣ земли есмя раздѣлили въ Карзинѣ курьи по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго конца, Елизарью дворъ да Онкудиновымъ дѣтемъ середней, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ верхней (3).»

Изъ этихъ грамотъ видно, что черныя земли дѣлились и передавались по наслѣдству безъ всякаго участія общины; точно также отдавались онѣ внаймы (4) и отчуждались въ постороннія руки. Крестьянинъ, который былъ не въ силахъ нести общественное тягло, передавалъ свой участокъ другому. Такъ напримѣръ Сидоръ Демидовъ, который въ помянутой выше грамотѣ получилъ землю отъ крестьянъ Тавренской волости, чрезъ пять мѣсяцевъ передалъ свой участокъ Аѳанасію Кузнецову, и въ заключенной между ними сдѣлкѣ нѣтъ и слѣдовъ участія общины (5). Такихъ отступныхъ мы встрѣчаемъ нѣсколько; уступается цѣлый жеребій, или же половина, съ дворомъ и со всѣми угодьями «гдѣ что ни есть изстарь потягло къ той деревни» (6). Эти отступныя назывались также купчими, ибо утверждаемыя ими сдѣлки были настоящею продажею, которую можно было совершать или съ оставленіемъ права выкупа или «въ дерень, безъ выкупа.» Можно было продать землю какъ другимъ крестьянамъ, такъ и служилому человѣку, или наконецъ монастырю или другой духовной власти. Изъ приведенныхъ выше грамотъ мы видѣли, что служилые люди,

(1) А. Ю. N 23 стр. 54, 56. (2) Тамъ же N 26. Тамъ же N 23 стр. 57: «отца своего статки.» (3) Тамъ же N 23 стр. 55. (4) Тамъ же N 23. стр. 55—56. (5) Тамъ же N 175, II. (6) Тамъ же, N 23 стр. 54, 56, 57.

покупавшіе земли у черныхъ людей, обязаны были тянуть тягло на ряду съ ними. Но иногда князья избавляли ихъ отъ этой обязанности. Вотъ грамота, данная сыну боярскому князем Андреемъ Васильевичемъ:

«Се язъ Князь Андрей Васильевичъ пожаловалъ есми Злобу Васильева сына ослободилъ есми ему на Вологдѣ купити земли на соху боярскыхъ и служныхъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ; а съ тое земли съ слугами и съ черными людми не тянетъ; а служити своею братьею съ дѣтми боярскими (1).»

Злоба Васильевъ дѣйствительно купилъ двѣ черныя пустоши со всѣмъ, что къ нимъ изъ старины потягло, и былъ на основаніи жалованной грамоты и купчихъ оправданъ судьями, когда волостные крестьяне жаловались, что онъ неизвѣстно по какому праву насильственно владѣетъ ихъ землею. Опять здѣсь купчая совершается не только безъ участія, но и безъ вѣдома общины. Внутри тяглой волости является новый владѣлецъ, который пріобрѣтаетъ тяглую землю, не несетъ съ общиною никакихъ податей и повинностей, и тѣмъ самымъ лишаетъ ее многихъ выгодъ и налагаетъ на нее лишнее бремя; а между тѣмъ община и не вѣдаетъ объ этой покупкѣ, и остается безсильною противъ такого вторженія совершенно чуждаго ей лица. Точно такое же право имѣли крестьяне отчуждать свои земли и въ монастыри, какъ видно изъ приведенной выше вкладной записи, по которой владѣлецъ участка отдаетъ его въ монастырь вмѣсто вклада въ замѣнъ содержанія въ монастырѣ въ продолженіи четырехъ лѣтъ, съ тѣмъ что если онъ будетъ ослушаться или уйдетъ до срока изъ монастыря, то земля остается собственностью послѣдняго (2). Встрѣчается и данная грамота, по которой три доли участка черной земли отдаются въ даръ Корельскому монастырю (3). Великій князь Василій Дмитріевичъ позволилъ митрополиту Фотію купить деревню въ Тальшинской волости съ освобожденіемъ ея отъ подсудности, податей и повинности, за исключеніемъ дани и яма (4).

Участіе общины въ поземельномъ владѣніи ограничивалось слѣдственно раздачею пустопорожнихъ или запустѣлыхъ участковъ вновь-приходящимъ крестьянамъ. За тѣмъ она завѣдывала

(1) А. Ю. N 9. (2) Тамъ же N 26. (3) Тамъ же, N 25 стр. 55. (4) А. А. Э. т. I-й стр. 20.

только раскладкою и сборомъ нѣкоторыхъ податей и отправленіемъ повинности въ пользу князя. Вѣдомство общинныхъ начальниковъ, сотскихъ и старостъ заключалось единственно въ «проторахъ и разметахъ,» какъ видно изъ множества дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ и частнымъ лицамъ. Остальное же управленіе, которое впрочемъ все ограничивалось судопроизводствомъ, находилось въ рукахъ людей совершенно постороннихъ, — намѣстниковъ и волостелей, княжескихъ слугъ, получавшихъ судопроизводство въ кормленіе. Судъ разсматривался какъ источникъ доходовъ и жалованья въ видѣ временной или даже постоянной аренды. Общины обязаны были давать судьямъ кормъ и поборы, да уплачивать виру за убійства, въ случаѣ если убійцы не было на лице. Это было древнее установленіе, основанное на взаимномъ поручительствѣ членовъ родовой общины, но которое теперь превратилось въ доходную статью. Кормленщикъ имѣлъ право на извѣстный доходъ съ убитаго тѣла, и если онъ не могъ взять его съ убійцы, то взыскивалъ деньги съ общины, въ округѣ которой найдено было тѣло.

Значеніе общины было слѣдственно чисто финансовое или скорѣе хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю въ качествѣ землевладѣльца. Хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ни чѣмъ не связанныя между собою. Прежняя родовая связь изчезла; община не была уже союзомъ лицъ, соединенныхъ естественнымъ происхожденіемъ и общими патріархальными интересами; это былъ союзъ лицъ, соединенныхъ общими повинностями въ пользу землевладѣльца. Изчезло и право князя на наслѣдованіе послѣ смерда, ибо смердъ былъ уже не членъ родовой общины, пользующійся общественною землею, а вольный пришлецъ, поселяющійся на чужой землѣ на основаніи свободнаго договора. Вторженіе владѣльческихъ элементовъ и общая подвижность народонаселенія измѣнила всѣ отношенія. Патріархальная община можетъ существовать только при постоянномъ пребываніи членовъ на своихъ мѣстахъ, при неподвижности созданныхъ вѣками отношеній. Но какъ скоро лице отрывается отъ родной почвы и пускается бродить по землѣ, какъ скоро являются въ общинѣ

частная поземельная собственность и свободный договоръ, такъ прежнія естественныя отношенія замѣняются чисто условными. На Западѣ патріархальный общинный бытъ былъ уничтоженъ бродячими дружинами, у насъ онъ долженъ былъ изчезнуть самъ собою при безпрерывномъ кочеваніи и обновленіи народонаселенія. А каково было это кочеваніе, это извѣстно всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ древними памятниками. Мы видимъ какихъ страшныхъ усилій стоило въ послѣдствіи государству остановить это кочевое стремленіе, и въ какихъ огромныхъ размѣрахъ совершалось переселеніе жителей съ мѣста на мѣсто. Такъ напримѣръ въ 1649, крестьяне за-онежскихъ погостовъ жаловались, что многіе, покинувъ свои участки, вышли въ другіе города и уѣзды и живутъ за монастырями, за дворянами, дѣтьми боярскими и всякими людьми. По росписи, данной крестьянами, оказалось 580 семействъ, поселившихся въ другихъ уѣздахъ на извѣстныхъ мѣстахъ, не считая тѣхъ, которые ушли неизвѣстно куда. Въ это же время вышедшихъ изъ лопскихъ погостовъ было 110 семей (1). И это было въ половинѣ XVII вѣка, въ то время какъ переходъ былъ уже запрещенъ законами, при томъ же въ сѣверной Россіи, гдѣ народонаселеніе было болѣе удалено отъ вліянія постороннихъ элементовъ. Что же было въ XVI вѣкѣ въ средней Россіи, гдѣ вотчинники старались наперерывъ переманивать къ себѣ крестьянъ, гдѣ безпрерывныя войны, набѣги и опустошенія насильственно заставляли сельскихъ жителей покидать свои мѣста? Какъ въ настоящее время въ степномъ хозяйствѣ земледѣльцы нѣкоторое время обрабатываютъ одну часть земли, а потомъ покидаютъ ее и переносятся на другую, такъ и въ древней Россіи жители кочевали съ мѣста на мѣсто. Русская земля представляла какъ бы обширное степное пространство, гдѣ земли было вдоволь, и степное хозяйство существовало въ огромныхъ размѣрахъ.

Что же тутъ было похожаго на общинный бытъ нашего времени? Въ средневѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель. Каждый селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ вла-

(1) Доп. къ Актамъ Историческимъ т. 3 № 67. 82, II.

дѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу. Не хотѣлъ онъ оставаться на мѣстѣ? онъ сдавалъ свою землю другому или даже покидалъ ее впустѣ, и шелъ туда, гдѣ жить было лучше. Самое разселеніе крестьянъ не было похоже на нынѣшнее: тогда не было этихъ многолюдныхъ селъ, въ которыя соединяется все народонаселеніе, между тѣмъ какъ окружающія поля остаются пустыми. Каждый жилъ особнякомъ на своемъ участкѣ. Община селилась разсѣянно, и общинною единицею считалось не село, а волость, т. е. округъ, въ которомъ было центральное село, и окружавшія его деревни. Село обыкновенно состояло изъ весьма ограниченнаго числа дворовъ, а деревня, составлявшая большею частью отдѣльный жеребій, заключала въ себѣ одинъ, два, три и рѣдко болѣе четырехъ дворовъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ любаго описанія тогдашнихъ земель (1). Волость была остаткомъ прежняго общиннаго быта; она совершенно соотвѣтствовала древней нѣмецкой маркѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ XVI вѣкѣ родовыя отношенія изчезли и замѣнились отношеніями владѣльческими и договорными. Патріархальная община превратилась въ владѣльческую.

Скоро однако же она потеряла и этотъ характеръ. Съ XV вѣка начали развиваться понятія государственныя, и эти новыя начала произвели въ общинѣ коренное измѣненіе. Государство есть соединеніе общества или народа въ единое тѣло, устроенное согласно съ общественными потребностями и подчиняющееся единству верховной власти. Съ возникновеніемъ государства постепенно изчезаетъ прежній чисто-владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Цари московскіе не могли уже довольствоваться прежнимъ порядкомъ; они стремились къ созиданію государственнаго организма, и для этого искали себѣ орудій въ тѣхъ элементахъ общественной жизни, которые казались наиболѣе къ этому способными. Намѣстники и волостели, съ государственной точки зрѣнія, представлялись вовсе негодными для управленія; это были кормленщики, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ

(1) См. напр. Новгородскую складную книгу, Временникъ 1851 г. Т. II-й А. И. т. III-й, № 149, Д. къ А. И. т. I й, № 160, А. Ю. № 228.

частною собственностью. Чтобы ограничить ихъ власть, московскіе государи прибѣгли къ тѣмъ лицамъ и установленіямъ, которыя менѣе носили на себѣ характеръ частныхъ собственниковъ—къ общинамъ и дьякамъ. Выборное начало было вызвано наружу; на основаніи царскихъ грамотъ и постановленій избираемые общинами старосты и цѣловальники ограничили власть намѣстниковъ и волостелей, а потомъ во многихъ мѣстахъ и совершенно вытѣснили ихъ, соединивши все управленіе въ своихъ рукахъ. Чрезъ это общины получили уже значеніе государственное. Новыя права ихъ, новое устройство были даны имъ правительствомъ, на основаніи государственныхъ соображеній. Новыя власти были уже не простыми орудіями для сбора податей: въ пользу землевладѣльца онѣ служили органами центральнаго правительства и составляли существенную часть государственнаго управленія.

Однако же общины могли образовать только низшую ступень административной лѣствицы. Всѣмъ потребностямъ государства онѣ далеко не удовлетворяли, и центральная власть не могла найдти въ нихъ хорошихъ органовъ управленія: онѣ были слишкомъ разрознены, и частью слишкомъ удалены отъ центра; да притомъ же онѣ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне. Но дѣлать было нечего; надобно было сначала довольствоваться тѣмъ, что находилось подъ руками, а потомъ уже помышлять о дальнѣйшемъ устройствѣ администраціи. Этотъ новый шагъ былъ сдѣланъ въ XVII вѣкѣ, хотя и прежде были уже частныя попытки придать управленію болѣе крѣпости и единства. Но послѣ смутнаго времени эта потребность сдѣлалась настоятельною. Тогда надъ разрозненными общинными властями, имѣвшими непосредственное отношеніе къ массѣ народонаселенія, поставлены были правители, которые должны были служить непосредственными органами верховной власти. Таковы были воеводы, которымъ вручена была вся правительственная власть въ уѣздѣ.

Казалось бы, слѣдовало строго опредѣлить и разграничить права и вѣдомство общинныхъ властей и воеводъ. Но Московское государство не знало еще точности и опредѣленности юридическихъ отношеній. Стремясь къ водворенію порядка, къ

организаціи управленія, оно дѣйствовало безъ общей системы, частными мѣрами и распоряженіями, нерѣдко приходившими въ столкновеніе другъ съ другомъ и производившими страшную запутанность въ администраціи. При раціональномъ устроеніи общинъ, надобно бы было прежде всего обратить вниманіе на различіе между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими. А вмѣсто того права даровались имъ безразлично и притомъ не всѣмъ вообще, а порознь, и какъ попало. Точно также, когда были введены воеводы, отношенія ихъ къ общинамъ остались неопредѣленными. Только въ отдѣльныхъ пунктахъ, вслѣдствіе жалобъ общинныхъ жителей, установлялось иногда болѣе правильное разграниченіе властей. Общины получали нѣкоторыя права, ограничивавшія власть воеводъ и ограждавшія подчиненныхъ отъ притѣсненій. Но и это относилось только къ тѣмъ общинамъ, которыя умѣли выпрашивать себѣ жалованныя грамоты, а не ко всѣмъ въ совокупности. Общей системы не было, и разнородные правители приходили въ безпрестанное столкновеніе другъ съ другомъ.

Слѣдствіемъ такой неопредѣленности было разумѣется то, что сильнѣйшая власть поглотила слабѣйшую. Дѣйствительно, въ XVII столѣтіи общины стоятъ совершенно на заднемъ планѣ и управленіе ихъ подавляется управленіемъ воеводскимъ. Гражданскій судъ цѣликомъ перешелъ въ руки воеводъ; о прежнихъ старостахъ и цѣловальникахъ не было уже и помину. Уголовныя и полицейскія дѣла безпрестанно переходили отъ выборныхъ губныхъ старостъ къ сыщикамъ и отъ сыщиковъ къ воеводамъ и обратно, при томъ такъ, что общаго установленія для всего государства не было никогда. Только при Петрѣ Великомъ эта часть управленія окончательно осталась за воеводами. Въ финансовомъ управленіи было также величайшее разнообразіе, и вмѣшательство воеводъ было самое различное. Въ таможенныхъ и питейныхъ сборахъ, общины несли всю отвѣтственность, а вліянія не имѣли никакого: ибо вѣрные головы и цѣловальники были не выборные отъ общинъ, а очередные люди, поставляемые на царскую службу и находившіеся большею частью подъ непосредственною властью воеводъ. Только при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ земскіе старосты и цѣловальники

получили на нихъ нѣкоторое вліяніе. Наконецъ воеводы вступались и въ дѣла чисто-общинныя, какъ напримѣръ, въ раздачу пустыхъ земельныхъ участковъ. Это было непосредственное дѣло и самый живой интересъ общинъ, которыя несли всю отвѣтственность за уплату податей. А между тѣмъ пустые участки постоянно раздавались воеводами, несмотря на всѣ жалобы со стороны жителей. Только особенными жалованными грамотами давалось имъ право раздавать земли изъ земскихъ избъ, да и въ этомъ случаѣ постановленія весьма часто нарушались воеводами и притомъ совершенно безнаказанно.

Приведемъ одинъ примѣръ. Въ 1684 году, по челобитью вятскаго старосты, послана была на Вятку царская грамота, по которой запрещено было въ городѣ и уѣздѣ раздавать тяглыя земли бѣломѣстцамъ изъ приказной избы, а велѣно было раздавать ихъ тяглымъ людямъ изъ земской избы. Несмотря на то, въ 1688 году поступила къ царю новая жалоба Вятчанъ, что вопреки указамъ тяглые участки продолжаютъ раздаваться бѣломѣстцамъ изъ приказной избы. Снова былъ посланъ указъ, по которому «впредь такихъ тяглыхъ земель и угодій бѣломѣстцомъ, всякихъ чиновъ людемъ на оброки изъ приказной избы, отнюдь давать не велѣно, и чтобъ тѣмъ мирскимъ людемъ обиды, и въ нашей Великаго Государя казнѣ въ сборѣ помѣшки не было». А въ 1697 году поступаетъ новая жалоба Вятчанъ по тому же предмету и посылается новый подтвердительный указъ, при томъ безъ всякаго взысканія за постоянное нарушеніе прежнихъ предписаній (1).

Общины были совершенно подавлены воеводскою властью. Возникающая администрація не успѣла еще раздѣлить и разграничить своихъ началъ; общинныя дѣла еще не отличались отъ государственныхъ, и разумѣется при томъ преобладающемъ значеніи, которое имѣло государство, такое вліяніе не могло не быть во вредъ общинѣ. Только при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ началось болѣе правильное разграниченіе властей, но тогда уже общинныя права и учрежденія не были раздаваемы такъ безпорядочно, какъ прежде. Приходя постепенно къ большему и большему сознанію государственныхъ цѣлей и потребностей,

(1) А. Ю. т. 5-й. № 264.

правительство поняло и то, что городскія общины имѣютъ другой характеръ, нежели сельскія, и что по тогдашнему состоянію общества и государства, только первымъ приходились выборныя учрежденія. Вслѣдствіе этого воззрѣнія, проистекавшаго, какъ увидимъ ниже, изъ самой сущности государственныхъ преобразованій того времени, города были отдѣлены отъ селъ, и учрежденія Ивана Васильевича Грознаго, едва не погибшія среди административнаго безпорядка XVII вѣка, были возстановлены, за немногими исключеніями, для однихъ городовъ. Основаніемъ такому различію служилъ новый взглядъ на сословія, возникшій вслѣдствіе кореннаго преобразованія, совершеннаго государствомъ въ общественномъ быту. Мы говоримъ объ укрѣпленіи къ мѣстамъ крестьянъ и посадскихъ людей.

Б. Чичеринъ.

ЗИМНІЙ ПУТЬ

(ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

Посвящено И. В. А.

Dans cette galerie je me plaisais à observer le paysage flamand, la vie flamande et le sentiment intime du peintre.
(Lettre d'un voyageur).

1.

Въ дорогу я пустился въ ночь.
Привычки трудно превозмочь:
По утру я объятъ дремотой,
Потомъ ходъ времени цѣня,
Люблю я съ мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То есть вкусить обѣдъ и ужинъ
(Всегда порядокъ въ жизни нуженъ.)
А въ ночь свободно ѣхать. Вотъ
Уже и тройка у воротъ,
И вотъ, скрипя, помчалась прытко
По снѣгу мерзлому кибитка.
Путь гладокъ и ярка луна,
Безмолвнымъ свѣтомъ ночь полна,
Студеный воздухъ сжатъ морозомъ;
Иглистый иней по березамъ
Повисъ недвижно и блеститъ;
Поляна снѣжная лежитъ,

Мерцая отблескомъ лиловымъ
И вѣетъ холодомъ суровымъ,
И взоръ съ невольною тоской
Слѣдитъ за смутною чертой,
Гдѣ небо далью блѣдносиней
Слилося съ бѣлою пустыней.

2.

А все знакомыя мѣста!
Все тотъ же скатъ съ горы отлогой,
Сугробъ у ветхаго моста;
Все также узкою дорогой
Обозъ ползетъ издалека,
Дразня лихаго ямщика.
Кругомъ разбросаны селенья....
И знаю я на перечетъ
Гдѣ сколько душъ, чьего владѣнья,
И гдѣ, и кто, и какъ живетъ;
Все знаю такъ, что даже скучно!
Но выросъ въ этомъ я краю;
Привычки дѣтской рабъ послушный,
Его быть можетъ я люблю.
Даруй вамъ Боже сны благіе,
Мои сосѣди дорогіе!
Въ дыму удушливой избы
Спи крѣпко труженикъ нашъ вѣчный —
Мужикъ лѣнивый и безпечный,
Прося немного у судьбы!
И ты сосѣдъ, хозяинъ строгой,
Который грозно въ скорби многой
Работаешь такъ много лѣтъ
На обязательный совѣтъ,—
И ты усни! — Во снѣ, пожалуй,
Доходъ увидишь небывалой!

. . . . . .

Да будетъ всѣмъ вамъ мирный сонъ!
Теперь я такъ расположенъ
Учтиво, даже можетъ нѣжно,

Что радостно бъ простить хотѣлъ
И грѣхъ — по жизни неизбѣжный,
И придурь — общій всѣхъ удѣлъ.

3.

Еще въ избахъ кой гдѣ мерцаетъ
Лучины дымной огонекъ
И дѣва вѣчный свой клубокъ
Въ полу-дремотѣ напрядаетъ.
Я живо помню, какъ порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня плѣняла въ прежни лѣта;
Но нынѣ дѣвы сонный ликъ,
Храпящій на печи старикъ,
И вѣчно плачущій ребенокъ
Въ дырявой люлькѣ, и теленок ъ
Надъ грязнымъ мѣсивомъ — ей-ей —
Какъ жалкій образъ жизни скудной,
Тоской болѣзненной и трудной
Тревожатъ миръ души моей.
Милѣй мнѣ въ этой деревушкѣ
Воспоминанье объ одной
Сосѣдкѣ, добренькой старушкѣ
Съ нехитрой дѣтскою душой.
Она бывало предъ иконой
Взываетъ въ искренней мольбѣ,
Чтобъ Богъ *ему* былъ обороной
И пекся о *его* судьбѣ;
Иль молча сидя на диванѣ,
Гадаетъ трепетно о *немъ*,
И все о *немъ*, о миломъ Ванѣ,
О внукѣ вѣтреномъ своемъ.
«Ну! что́ вашъ внукъ?» — «Писалъ недавно.»
«Чай денегъ проситъ милый внукъ?»
« Ну чтожь что проситъ? Вотъ забавно!
Ему вѣдь нужно для наукъ.
А мнѣ?... Стара я для наряда

И ничего самой не надо! »
И вынетъ дочери портретъ,
Въ живыхъ которой больше нѣтъ,
И смотритъ съ грустною отрадой,
И смотритъ долго, и потомъ
Утретъ слезу свою тайкомъ.

4.

И вотъ еще, близь церкви бѣлой,
На снѣжномъ холмѣ, при лунѣ,
Я вижу, крестъ осиротѣлый
Стоитъ въ печальной тишинѣ
Надъ безыменною могилой...
И мужа дышащаго силой
Опять на память мнѣ пришло
И величавое чело,
И умъ наукою развитый,
И духъ насмѣшки ядовитой
Надъ всѣмъ что̀ подло и смѣшно.
Онъ былъ когда-то мнѣ одно,
Одно отрадное явленье
Въ глуши печальныхъ деревень,
Гдѣ торжествующая лѣнь
На умъ наводитъ усыпленье,
И ни одинъ еще вопросъ
Людей глубоко не потрёсъ.
Но мимо, мимо! сердцу больно!
Не вызывай тѣней изъ тьмы!
Зачѣмъ давать слезѣ невольной
Остыть на холодѣ зимы?

5.

И далѣ въ путь! Встрѣчаютъ взоры
Равнины, горки, косогоры,
И вдоль пути рядъ глупыхъ вѣхъ,
И всюду неподвижный снѣгъ.

Вотъ здѣсь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили въ ней исправно;
Но отъ нея теперь одни
Торчатъ обугленные пни.
Въ суботу въ ночь оно случилось:
Проснулась баба хлѣбы печь
И затопила — какъ водилось —
Давно надтреснутую печь.
На крышѣ вспыхнула солома
И подхвативъ пошла вьюга
Носить огонь отъ дома къ дому
Съ остервененіемъ врага,
И кровли, пламенемъ объяты,
Треща обрушилися въ хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглавъ пустились бабы въ страхѣ
На улицу въ одной рубахѣ,
За ними дѣти, старики...
Пожаръ! пожаръ! скорѣй! спѣшите!
Багры давайте, топоры!
Ломать!... Да гдѣжь ихъ взять — багры?
Воды! вези воды! тушите!
Крикъ, бѣготня, и вопль, и шумъ!
Въ бѣдѣ изчезъ послѣдній умъ:
Хватились бабы за пожитки —
Спасать холсты, корыта, нитки;
А по дворамъ поднялся рёвъ
Въ огнѣ покинутыхъ коровъ,
Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.
Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ
Оцѣпенѣвъ — какъ все горитъ;
Багровый блескъ въ мерцаньи длинномъ
Ложится по снѣгамъ пустыннымъ.
Такъ въ пору ранняго утра
Я не засталъ ужь ни двора;
Безъ словъ, безъ дѣлъ, безъ помышленій,
Бродили люди словно тѣни.

Съ сѣдою всклоченной косой
Старуха дряблая сидѣла
У пепла и ребенка грѣла,
Мотая глупо головой.
Тамъ гдѣ околица бывало
Въ сугробъ закутавшись дремала,
Спаленный столпъ печальный видъ
Хранилъ, какъ старый инвалидъ.
Но тутъ (у выѣзда иль въѣзда)
Въ порывѣ бурнаго наѣзда
Мнѣ повстрѣчался становой
. . . . . .
Пріятель закадышный мой.
Но тутъ — хоть въ немъ душа окрѣпла
На службѣ — передъ грудой пепла,
Какъ будто громомъ пораженъ,
Велѣлъ остановиться онъ.
Вздохнулъ, привсталъ, всплеснулъ руками
И вновь ихъ опустилъ... Потомъ
Уныло щелкнулъ языкомъ,
И мы разъѣхались...

6.

. . . . . Полями
Я ѣду долго. Скученъ путь!
Но вотъ на право повернуть,
И виденъ лѣсъ въ тиши глубокой.
Луна мерцаетъ сквозь деревъ
И тѣни длинныя стволовъ
По снѣгу стелются. Далеко
Въ лѣсную глубь уходитъ взоръ;
Унылъ и голъ холодный боръ
И пусто отголосокъ смутный
Блуждаетъ въ чащѣ безпріютной.
За этимъ лѣсомъ на горѣ
Высокій домъ стоитъ дряхлѣя.
Я зналъ его въ иной порѣ!

Къ нему вела дубовъ аллея;
Литой рѣшетчатый заборъ
Каймилъ его широкій дворъ,
Шумѣлъ прохладно садъ столѣтній —
Пріютъ роскошный нѣги лѣтней.
И было время, каждый день
Изъ городовъ и деревень
Съѣзжались гости; дверь подъѣзда
Не умолкала отъ пріѣзда,
И въ домъ богатый принималъ
Гостей радушный генералъ.
Храня временъ минувшихъ нравы,
Онъ жилъ вельможей и любилъ
Пировъ затѣйливыхъ забавы;
Свои доходы не щадилъ
И сотни слугъ рядилъ какъ франтовъ,
Держалъ собакъ и музыкантовъ;
Неистощимъ былъ мшистый кладъ
Душистыхъ винъ въ его подвалахъ,
Достойно царственныхъ палатъ
Сіяла роскошь въ пышныхъ залахъ.
И вотъ къ нему со всѣхъ сторонъ
Спѣшили гости на поклонъ,
Спѣшилъ бѣднякъ, судьбой прижатый,
Искавшій милости богатой,
Спѣшилъ и тотъ, кто отъ него
Не ждалъ конечно ничего,
Но такъ — лелѣялъ вмѣсто чести
Наклонность къ безкорыстной лести:
И въ ихъ кругу торжествовалъ
Нашъ впрочемъ добрый генералъ.
Онъ находился ль въ убѣжденьи
Какъ Цезарь (что̀ извѣстно всѣмъ),
Что лучше первымъ быть въ селеньи,
Чѣмъ гдѣ бъ то ни было ничѣмъ;
Иль о покойницѣ супругѣ
Хотѣлъ поплакать на досугѣ, —
Сосѣдями не рѣшено;

Извѣстно только, что давно
Онъ прибылъ жить въ свое имѣнье
И скорбь легко могъ превозмочь:
При немъ ему на утѣшенье
Росла единственная дочь.
И онъ любилъ ее — на сколько
Любить способенъ человѣкъ,
Чей беззаботно праздный вѣкъ
Какъ непрерывный пиръ летѣлъ, — и только!
Онъ дочь обычно цѣловалъ
По утру, съ ложа сна вставая,
Еще, ко сну благословляя;
Какъ куклу въ дѣтствѣ одѣвалъ,
Потомъ цѣною дорогою
Ей гувернантку нанималъ,
Чтобы обычной чередою
Учила барышню всему,
Что̀ не полезно никому.
Еще таилася въ немъ вѣра,
Что жениха онъ сыщетъ ей,
По крайней мѣрѣ камергера
Изъ важныхъ графовъ иль князей.
И такъ онъ ждалъ когда ей минетъ
Завѣтный срокъ — семнадцать лѣтъ,
Тогда деревню онъ покинетъ
И дочь введетъ въ столичный свѣтъ;
Такъ старый садоводъ ревниво
Въ смиренный прячетъ уголокъ
Не распустившійся цвѣтокъ,
Чтобъ послѣ выставить на диво
Во всемъ плѣнительномъ цвѣту
Волшебныхъ красокъ красоту.
И срокъ насталъ! Незримымъ ходомъ,
Подкравшись тихо годъ за годомъ,
Пришла пора дѣвичьихъ грезъ,
Гдѣ дума новая мятется
Въ головкѣ юной, сердце бьется
И проситъ счастія и слезъ,

И грудь младую вздохъ подъемлетъ,
И взору снится тайный ликъ,
И ухо жаждущее внемлетъ
Любви незнаемый языкъ.
Иль по просту: пора настала,
Гдѣ барышня, окончивъ классъ,
Блеснуть желаетъ въ вихрѣ бала,
Красою свѣжею гордясь.
Благовоспитанной дѣвицѣ
Тогда одно и тоже: жить
Или поклонниковъ влачить
Во слѣдъ надменной колесницѣ
Побѣдоносной красоты,
И эти гордыя мечты
Ведутъ къ прямому окончанью,
Чтобъ по сердечному желанью
И безъ дальнѣйшаго грѣха
Найдти скорѣе жениха.
Отецъ въ восторгѣ умиленья
Обдумалъ праздникъ и нарядъ,
И въ день дочерняго рожденья
Назначилъ балъ и маскарадъ.
Ко всѣмъ сосѣдямъ близкимъ, дальнимъ,
Къ властямъ уѣздныхъ городовъ
И къ лицамъ меньше подначальнымъ
Отъ генерала посланъ зовъ.
Самъ губернаторъ приглашенье
Почелъ за честь. . . . . .
. . . . . .
Я былъ тогда въ порѣ блаженной
Невинныхъ отроческихъ лѣтъ,
А генералъ былъ нашъ сосѣдъ:
Къ нему насъ, помню, неизмѣнно
Возили по воскреснымъ днямъ;
Привыкъ я къ людямъ и садамъ,
Но въ этотъ разъ меня смущала
Мнѣ чуждая тревога бала.
Оркестръ ударилъ, и тотчасъ

Всѣ въ залу ринулись тѣснясь.
И я съ подножія колонны,
Какъ будто въ сказочный удѣлъ
Внезапнымъ чудомъ занесенный,
Привставъ на цыпочки, глядѣлъ.
Все юное воображенье
Прельщало, — и толпа людей,
И музыка, и блескъ огней,
И масокъ пестрое движенье.
Чего тутъ не было, мой Богъ!
Паяцы, рыцари, цыганки,
Маркизъ напудренный, турчанки!
Все нарядилось кто какъ могъ.
Тутъ былъ судья одѣтъ матросомъ,
И скромный стряпчій — казакомъ,
Тутъ былъ исправникъ съ краснымъ носомъ
Одѣтъ индѣйскимъ пѣтухомъ;
И даже Дарья Тимоѳеевна,
Годовъ тяжелый грузъ забывъ,
Какою-то морской царевной
Явилась, плечи обнаживъ.
Шумѣло все. Старушки хоромъ
За дочками слѣдили взоромъ,
И старички, очки надѣвъ,
Степенно наблюдали дѣвъ.
Но вотъ среди толпы предстала
Сама она, царица бала,
И гулъ сорвавшихся похвалъ
По залѣ дружно пробѣжалъ.
Въ кругу наперсницъ суетливыхъ,
Дѣвицъ жеманныхъ и болтливыхъ,
Она въ безмолвьи тихо шла
Самодовольно и несмѣло —
Съ вѣнцомъ изъ листьевъ вкругъ чела,
Какъ Норма вся въ одеждѣ бѣлой...
Все въ ней въ гармонію слилось:
Движеній мягкая небрежность,
Лица мечтательная нѣжность,

И лоскъ волнистый русыхъ косъ,
И взоръ, томящей ласки полный,
Уста раскрытыя едва,
Какъ бы таящія слова
Для слуха сладкія, какъ волны,
Когда сокрытый отъ лучей,
Въ тѣни журча, скользитъ ручей...
И вдругъ съ улыбкой добродушной
Она, презрѣвъ толпою скучной,
Ко мнѣ ребенку подошла
И тихо въ польскій увела.
Ея руки прикосновенье
На трепетной моей рукѣ
Незримое напечатлѣнье
Оставило... Такъ въ далекѣ
Знакомой пѣсни голосъ милый
Тревожитъ долго слухъ унылый...
И послѣ много, много лѣтъ,
Средь жаркихъ сновъ, въ чаду томленья,
Ловилъ мой отроческій бредъ
Черты знакомаго видѣнья!
Но къ дѣлу! Въ сей юдоли слезъ
Есть люди внѣ бѣды и грозъ,
Которыхъ жгучія печали
Богъ вѣсть какъ въ жизни миновали;
Легко, безъ долгаго труда
Цѣль добывалась ихъ желаній
И застигала безъ страданій
Ихъ смерти срочной череда.
Покинувъ сельскую свободу,
По ожиданію точь въ точь,
Въ столицѣ не проживъ и году,
Нашъ генералъ сосваталъ дочь
За юношу, породы барской,
Которому Господь послалъ
Богатства тьму, и предстоялъ
Блестящій путь на службѣ царской.
Была ль довольна дочь, иль нѣтъ,

По нраву ль былъ ей высшій свѣтъ,
Иль сердцу жить въ немъ было тѣсно
И жаль ей было то село,
Гдѣ мирно дѣтство протекло,—
Мнѣ это вовсе неизвѣстно.
Но знаю то, что генералъ,
Довольный тѣмъ, что жилъ не даромъ,
Допивъ за ужиномъ бокалъ,
Апоплексическимъ ударомъ
На лоно праотцевъ своихъ
Перескочилъ въ единый мигъ.
За гробомъ важныя шли лицы;
Дочь плакала. Тоскуя зять
Наслѣдство долженъ былъ принять;
Но вѣчный баловень столицы,
Деревни онъ не посѣтилъ.
Сюда жь по волѣ барской былъ
Какой-то присланъ шутъ наемный
Сбирать и доставлять доходъ;
А баринъ самъ здѣсь не живетъ.
Домъ опустѣлъ. Сквозь ставень темный
Не улыбнется лучъ дневной,
Не взглянетъ грустно мѣсяцъ томный,
И человѣческой ногой
Ненарушаемъ мракъ сырой;
И только вѣтеръ въ дни мятели,
Врываясь въ трубы или щели,
Тоскуетъ жалобно, одинъ
Безлюдныхъ комнатъ властелинъ;
Да ночью сторожъ безполезный
Печально бродитъ до утра
Вокругъ пустыннаго двора
И сторожитъ замокъ желѣзный...
И право жаль мнѣ иногда,
Что видно въ память дней бывалыхъ
Мнѣ не придется никогда
Блуждать въ давно знакомыхъ залахъ
И снова видѣть по стѣнамъ

Въ прическахъ странныхъ тѣ же лицы,
Старинныхъ баръ и прежнихъ дамъ,
Давно сошедшихъ въ тьму гробницы.
И право жаль, что никогда
Не доведется мнѣ лѣниво
Сидѣть на берегу пруда
Подъ старою плакучей ивой,
Глядѣть какъ тихо съ высоты
Она зеленые листы,
Склоняя, медленно купаетъ...
Недвиженъ прудъ; хоть бы слегка
Пронесся шелестъ вѣтерка,
И вечеръ ясный догараетъ,
Сливая мирно ночь и день
Въ одну задумчивую тѣнь;
И ловитъ чуткое вниманье
Мгновенныхъ звуковъ трепетанье
Надъ полусонною водой:
Шумъ крыльевъ птицы мимолетной
И подъ разбрызнутой волной
Плесканье рыбки беззаботной.

7.

Пошелъ! Въ ночи какъ днемъ свѣтло,
Мой путь лежитъ черезъ село
Огромное; въ немъ даже школа
Есть для дѣтей мужскаго пола.
Тутъ жилъ учитель. Съ нимъ я былъ
Давно знакомъ. Мы, въ юны лѣта,
Подъ кровомъ университета,
Учились вмѣстѣ. Я шалилъ,
А онъ, неловкій и смиренный,
Душею въ бездну погруженный
Метафизическихъ началъ,
Прилежно Шеллинга читалъ,
И въ годы тѣ, когда стыдливо
Усъ пробивается едва,

Онъ *душу міра* горделиво
Хотѣлъ понять, какъ дважды два;
Но только смутное сомнѣнье
Ему навѣяло ученье.
Онъ сталъ де-Местра изучать
И верхъ премудрости искать
Тамъ, гдѣ—пировъ пустыя дѣти —
Не попадаясь въ оны сѣти,
Мы видѣли, махнувъ рукой,
Туманный бредъ души больной.
Такъ въ жизнь игрушкою случайной
Товарищъ юности моей
Вошелъ, своей завѣтной тайны
Не разрѣшивъ и чуждъ путей
Ко счастью. Вѣчно недовольный,
И міромъ, и собой самимъ,
И тяжкой бѣдностью томимъ,
Пошелъ онъ, какъ учитель школьный,
Въ нашъ край печальный, и готовъ
Былъ съ добросовѣстностью милой
Учить читать тупыхъ птенцовъ
И по складамъ и безъ складовъ.
Но тщетно! Сила измѣнила!
Онъ сталъ грустить, потомъ спился
И помѣшался. Я въ то время,
Подъ голубыя небеса
Иной страны благоуханной
Свободно путь держалъ желанный.
Когда же изъ чужихъ сторонъ
Вернулся я въ родныя степи

. . . . . .

Я поспѣшилъ къ нему, и онъ
Былъ страшно радъ мнѣ, жалъ мнѣ руку,
И, тайную скрывая муку,
Мнѣ говорилъ, что онъ спасенъ,
Что душу міра видитъ онъ,
Но окруженную толпами
Какихъ-то гаденькихъ дѣтей,

Должно быть, маленькихъ чертей,
Горбатыхъ, подленькихъ, съ хвостами,
Его дразнящихъ языками.
Но этотъ жизни жалкій сонъ
Былъ скоро смертью пресѣченъ.
Я друга схоронилъ. Но сухо
На сердцѣ было; на глаза
Не пробивалася слеза
И въ головѣ бродило глухо,
Что даже лучше для него,
Чтобъ вовсе не было его.

8.

Я съ похоронъ спѣшилъ. Желалось
Домой, скорѣй бы лечь въ постель,
Заснуть и позабыть.... Смеркалось,
Была сердитая мятель.
Слѣдъ занесло. Ямщикъ крестился,
Глядя съ боязнію кругомъ;
Ступали лошади съ трудомъ,
А снѣгъ валилъ и вѣтеръ злился.
Дрожь пробѣжала, и тоской
Томилась мысль, и сердце ныло....
И вдругъ мнѣ память воскресила
Иное время, путь иной:
Я уѣзжалъ; то было лѣтомъ,
Сіяла пышная луна,
Была прозрачнымъ полу-свѣтомъ
И свѣжей влагой ночь полна.
Мнѣ разставаться было трудно,
Но какъ-то молодо и чудно
На сердцѣ было! А кругомъ
Шептался въ рощѣ листъ съ листомъ,
И тихо вѣялъ воздухъ сонный
Какой-то нѣгой благовонной,
И звонко пѣлъ во мглѣ вѣтвей
Печаль и счастье соловей.

9.

Но стой! Вотъ станція! Встрѣчаетъ
Смотритель съ заспаннымъ лицомъ,
Мундиръ потертый надѣваетъ,
Стоитъ у двери, и потомъ
Выходитъ вонъ, ворча сквозь зубы.
А я, освободясь отъ шубы,
Томимъ зѣвотой и лѣнивъ,
Сажусь, сигару закуривъ.
Пока со сна ямщикъ впрягаетъ,
Пока, колеблясь и треща,
Уныло сальная свѣча
Передо мною нагараетъ;
Часы стѣнные въ тишинѣ
Одно и то же сипло, глухо
Лепечутъ въ мѣрной болтовнѣ,
Какъ сумасшедшая старуха.
И какъ-то жутко, духъ въ груди
Тѣснится, думы смутно бродятъ:
То будто горе впереди,
То будто призраки проходятъ
Людей минувшихъ и опять
Судьба готова повторять
Всѣ жизни тяжкія мгновенья:
Ошибки, скорби и волненья....
Но полно! Звякнула дуга;
Нѣтъ времени для грусти праздной
Подъ звукъ часовъ однообразный:
Теперь минута дорога, —
Вѣдь я въ уѣздный городъ ѣду
По тяжбѣ дать отпоръ сосѣду.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

10.

Но кони мчатся на востокъ;
Луна потухла. По немногу
Разсвѣта трепетный потокъ
Яснѣй ложится на дорогу
И, свѣтомъ пурпурнымъ горя,
Встаетъ студеная заря,
И солнце съ выси блѣдно-синей
Блеститъ надъ бѣлою пустыней.

Н. Огаревъ.

КАРЛЪ V.

II.

По нашему мнѣнію, ошибочно думать, что изъ однихъ природныхъ свойствъ Карла V и недостатковъ его организаціи объясняется все теченіе его жизни и важнѣйшіе въ ней повороты. Въ Карлѣ V, болѣе чѣмъ въ комъ нибудь изъ его современниковъ, не надобно ни на минуту забывать по преимуществу политическаго дѣятеля. Если онъ хотѣлъ класть свою печать на событія и давать имъ направленіе по своей волѣ, то они въ свою очередь еще сильнѣе можетъ быть отражались на его собственной судьбѣ. Слишкомъ глубоко завязавшись въ борьбу между современными ему направленіями, онъ не могъ выдти изъ нея цѣлымъ и неуязвленнымъ.

И потому еще нельзя надѣяться объяснить себѣ многое изъ одной частной жизни императора, что съ самаго начала онъ очень мало принадлежалъ семьѣ. Еще въ дѣтствѣ лишился онъ отца и, можно сказать, не имѣлъ болѣе матери, съ тѣхъ поръ какъ она впала въ безысходную грусть. Оба дѣда его, Фердинандъ Испанскій и Максиміліанъ Германскій, оставались почти одинаково чужды ему. Съ ранняго дѣтства Нидерланды замѣнили ему родину: онъ сталъ прививкомъ къ чужой землѣ, и все его воспитаніе было искусственное, удаленное отъ естественныхъ вліяній родной страны, семейныхъ узъ, народнаго духа и обычаевъ.

Прежде всякой другой школы онъ попалъ въ политическую. Она не ограничивалась только окружавшими его Фламандцами, но нѣкоторымъ образомъ простиралась на всю страну, въ которой довелось ему провести свою молодость. Въ Нидерландахъ, по ихъ центральному положенію между Германіею, Франціею и Англіею, сходились тогда многія нити общеевропейской политики. Тутъ даже завязывались вновь нѣкоторые узлы ея, и не разъ отсюда задавались довольно трудныя задачи современнымъ правителямъ. Душею этихъ интригъ была тетка Карла V, правительница Нидерландовъ. У нея было врожденное призваніе къ дипломатикѣ. Чѣмъ больше узнаёмъ Маргариту по открывающимся вновь источникамъ, тѣмъ больше раздвигается въ нашихъ глазахъ кругъ ея дипломатической и политической дѣятельности. Многое, что̀ до сихъ поръ безъ всякихъ оговорокъ приписывалось другимъ болѣе именитымъ политикамъ того времени, оказывается теперь несомнѣнно принадлежащимъ ея уму и искусству Не дѣлая большаго шуму, она однако умѣла дѣлать очень многое. Въ ея ловкихъ рукахъ дипломатика стала однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ европейской политики.

Политическая жизнь Европы приливала тогда къ Италіи. Первая сдѣлала поворотъ къ ней Франція, и возбудила за собою и противъ себя сначала Италію, а потомъ и Имперію. Фердинанду, обманомъ и силою вмѣстѣ, удалось захватить Неаполь, Максимиліанъ мечталъ обновить старыя права своей короны по крайней мѣрѣ на сѣверную и среднюю Италію, Лудовикъ XII старался удержать за собою хотя Миланское герцогство. Не говоря уже объ итальянскихъ государствахъ, которыя замѣшаны были въ борьбу самымъ непосредственнымъ образомъ, Англія также не могла долго оставаться равнодушною къ общему дѣйствію. Мало по малу всѣ политическія силы Европы приливали къ одной области, протягивающейся вдоль по теченію рѣки По, между Альпами и Апеннинами. Вопросъ былъ въ томъ: какъ разойдутся, или какъ соединятся между собою эти силы? Противъ кого будетъ направленъ главный ударъ? и какая рука будетъ довольно искусна, чтобы завязать общее дѣйствіе между столько разрозненными интересами и направить ихъ къ одной цѣли?—Союзъ дѣйствительно

составился: онъ соединилъ въ себѣ до сихъ поръ раздѣленныя противоположными интересами силы Испаніи, Франціи и Германіи. Общій ударъ ихъ казалось направленъ былъ главнымъ образомъ противъ Венеціянъ, которыхъ хотѣли оттѣснить далѣе къ морю, чтобы не оставить имъ болѣе никакой части въ будущемъ новомъ раздѣлѣ Италіи. Глаза всѣхъ и каждаго обращены были тогда на папу Юлія II. Въ этомъ желчномъ и воинственномъ старикѣ казалось ожили старыя воинственныя стремленія Римскаго престола. Въ немъ видѣли душу и главнаго двигателя Камбрейскаго союза. Никто не замѣчалъ, за его рѣзко выдающеюся фигурою, дѣйствія другой болѣе скромной руки, которая въ тишинѣ и въ тайнѣ подготовляла пути союзу и съ искусствомъ опытнаго дипломата затягивала нити его въ одинъ узелъ. По крайней мѣрѣ въ настоящее время не подлежитъ болѣе сомнѣнію дѣятельное участіе Маргариты Нидерландской въ составленіи камбрейской лиги. Кто знаетъ? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ одинъ новый историкъ, изъ-за одного союза ей тогда уже ясно видѣлся другой, непосредственно слѣдовавшій за первымъ и имѣвшій своею прямою цѣлію обратить соединенныя силы противъ одного изъ союзниковъ, т. е. противъ Франціи. Юлій II, при всей своей предпріимчивости, едва ли одаренъ былъ такою дальновидностію: ближе всего лежали къ его сердцу тѣ интересы, которые входили въ кругъ дѣйствія первой лиги. Нужны были болѣе сильные личные мотивы, чтобы призывая Французовъ къ участію въ камбрейской лигѣ, въ то же время замышлятъ совершенное изгнаніе ихъ изъ Италіи. Еще сами Итальянцы были довольно равнодушными зрителями французскаго владычества въ своей родной странѣ, какъ уже въ Нидерландахъ обдумывался широкій планъ, вмѣщавшій въ себѣ не только ослабленіе венеціянскаго могущества на твердой землѣ, но и вынужденное возвращеніе Франціи къ естественнымъ ея предѣламъ (1).

(1) Мы обязаны этимъ новымъ воззрѣніемъ на камбрейскую лигу и слѣдующіе за нею политическіе союзы—Мишелѣ, автору недавно вышедшей книги о времени «Возрожденія (Renaissance) во Франціи.» Извѣстны недостатки этого автора, какъ историка; но по временамъ ему удается бросить такой мѣткій, такой вѣрный взглядъ на лица и на событія, что имъ озаряется

Маргарита Нидерландская имѣла свои важныя личныя причины не любить Франціи и не желать ей успѣховъ во внѣшнихъ предпріятіяхъ. Есть душевныя раны, которыя не излѣчиваются цѣлую жизнь. Дочь Максимиліана была еще въ порѣ первой молодости, когда, безъ всякой вины съ ея стороны, во Франціи нанесено было глубокое оскорбленіе ея лицу и достоинству. Назначенная невѣста Карла VIII, она, вслѣдствіе одной домашней и вмѣстѣ политической интриги при французскомъ дворѣ, должна была уступить свое законное мѣсто другой принцессѣ и съ незаслуженнымъ стыдомъ возвратиться на родину. Съ той минуты жизнь потеряла для нея свою поэзію, свое очарованіе. Маргарита еще не хотѣла отказаться вовсе отъ счастія семейной жизни: два раза вступала она въ бракъ, сначала съ инфантомъ испанскимъ, потомъ съ Филибертомъ Савойскимъ, и два раза осуждена была оплакивать преждевременную смерть мужа. Счастіе обмануло ее во всемъ; ей осталось одно утѣшеніе—во власти. Управленіе нидерландскими провинціями открывало ей довольно широкое поле дѣятельности. Какъ женщина, она не могла принимать непосредственнаго участія въ воинственныхъ предпріятіяхъ своего времени: гибкая рука правительницы гораздо больше приспособлена была выводить тонкіе узоры и вязать сложные узлы въ тишинѣ домашняго уединенія. Маргарита дѣятельно взялась за дипломатику. Если въ душѣ ея была какая пустота, то она съ избыткомъ наполнялась этою новою дѣятельностію, требовавшею многихъ соображеній и поглощавшею много времени. Изъ Нидерландовъ мысль правительницы свободно обнимала современныя политическія отношенія. Пока другіе двигали другъ противъ друга военныя силы, Маргарита въ тылу воюющихъ ткала свои тонкія дипломатическія сѣти. Въ нихъ хотѣла она поймать и запутать Францію. Въ то время, какъ политическое дѣйствіе все болѣе и болѣе стягивалось къ югу, она первая обратила вниманіе на Англію и старалась вовлечь ее въ союзъ съ континентальными державами. Побѣды, которыя Франція выигрывала на югѣ, не разъ уравновѣшивались дѣйствіемъ

цѣлый рядъ явленій. Главнымъ основаніемъ для опредѣленія мало замѣченной прежде роли Маргариты служила для Мишелѐ ея переписка.

искусной политики на сѣверѣ. Юлій II дѣйствительно могъ думать нѣкоторое время о союзѣ съ Французами противъ Венеціянъ: въ глазахъ Маргариты этотъ союзъ могъ имѣть лишь временное значеніе, какъ посредствующая ступень для образованія будущей лиги противъ французскаго владычества въ Италіи. Оттого она не спускала глазъ съ Англіи, и потомъ, когда составился великій политическій союзъ между Австріею, Англіею и Испаніею, никому не хотѣла уступить чести его созданія. Послѣдствія извѣстны каждому; Лудовикъ XII не въ состояніи былъ сохранить свое завоеваніе и принужденъ былъ очистить сѣверную Италію.

Историкъ, который первый раскрылъ эту невидную, но трудную и дѣятельную роль Маргариты въ эпоху итальянскихъ войнъ, нѣкоторымъ образомъ вправѣ называть ее послѣ того «истинно великимъ человѣкомъ своей фамиліи и даже основателемъ величія Австрійскаго дома». И въ самомъ дѣлѣ, начало его возвышенія—здѣсь, а между тѣмъ никто конечно не скажетъ, чтобы виновникомъ его успѣховъ былъ Максимиліанъ, или кто либо другой изъ бывшихъ тогда на лице членовъ той же фамиліи. Сомнительно также, чтобы Маргарита, замышляя свое хитрое дѣло, прямо имѣла въ виду выгоды своего отца, или чтобы въ ближайшемъ ея окруженіи не было другихъ болѣе сильныхъ побужденій. Мы кажется не ошибемся, назвавъ между ними тѣ высокія надежды, которыя соединялись съ именемъ кастильскаго принца, продолжавшаго въ Нидерландахъ свое воспитаніе. Правительница безъ сомнѣнія не хотѣла трудиться безплодно, но какъ у нея не было прямыхъ наслѣдниковъ, то всѣ ея надежды въ будущемъ должны были сосредоточиться на томъ лицѣ, которое, по своему рожденію и положенію, болѣе другихъ имѣло правъ на ея участіе. Карлу, сыну Филиппа Габсбургскаго и Хуаны Кастильской, досталась эта завидная доля съ самаго дѣтства: едва исполнилось ему шесть лѣтъ, какъ уже въ пріятной перспективѣ сіяли передъ нимъ, одна послѣ другой, короны Кастиліи, Аррагоніи и можетъ быть Неаполя. Права младшаго его брата далеко не равнялись его правамъ. Сверхъ того, Фердинандъ оставался въ Испаніи, тогда какъ брату его довелось жить въ томъ самомъ городѣ, который былъ резиденціею его тетки-правительницы. Помѣщая

въ Брюсселѣ молодаго принца и въ лицѣ его—надежды будущаго поколѣнія, судьба какъ будто хотѣла указать въ немъ дочери Максимиліана живую цѣль ея стремленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить ее къ дальнѣйшей дѣятельности.

Рано оторванный отъ семьи и отъ родной почвы, Карлъ сдѣлался почти вовсе чуждъ имъ отъ послѣдующаго воспитанія. Оно впрочемъ вовсе не было непосредственнымъ дѣломъ Маргариты и можетъ быть даже немало способствовало къ охлажденію послѣднихъ родственныхъ связей между молодымъ принцемъ и его теткою, которая подлѣ него была единственною представительницею фамиліи и ея интересовъ. Воспитатели Карла были Фламандцы родомъ, душою и нравомъ. Между ними самое важное мѣсто занималъ гувернеръ его де-Шьевръ (de Chièvres), изъ стараго рода Кроевъ (de Croy), а за нимъ надобно назвать еще Адріана Утрехтскаго, въ качествѣ главнаго наставника принца. Оба они проникнуты были важностію своего назначенія и вели дѣло воспитанія съ большою точностію, но въ то же время педантически-холодно и безъ всякаго участія сердца. Думая образовать изъ Карла государственнаго человѣка и тонкаго политика, часто вовсе забывали въ немъ человѣка. Мало обращая вниманія на его дѣтскій смыслъ, его хотѣли заранѣе пріучить къ государственнымъ занятіямъ и заставляли его читать всѣ сколько нибудь важныя бумаги. Де-Шьевръ не бралъ на себя даже труда чтенія: онъ хотѣлъ, чтобы Карлъ читалъ самъ и потомъ дѣлалъ донесенія правительственному совѣту. Его иногда нарочно будили ночью, по случаю какой нибудь вновь поступившей бумаги, чтобы пріучить къ дѣловому порядку. Въ дѣлѣ умственнаго образованія Карла, главная заслуга безспорно принадлежитъ его наставнику; но онъ ни чѣмъ не въ состояніи былъ наполнить того пробѣла, который оставался въ воспитаніи принца вслѣдствіе его исключительнаго положенія. Адріанъ въ этомъ отношеніи могъ сдѣлать для своего воспитанника только одно: утвердить въ немъ католицизмъ и такимъ образомъ скрѣпить хотя религіозную связь его съ Испаніею.

Въ Карлѣ, посредствомъ искусственнаго воспитанія, развита была преимущественно, на счетъ другихъ душевныхъ сторонъ, государственная и политическая воспріимчивость. Хотѣлъ онъ

того, или нѣтъ, къ его уму въ самомъ раннемъ возрастѣ привыты уже были ходячія правила современной ему политики. Впрочемъ, для воспринятія ихъ, у него нашлось также довольно собственнаго, природнаго смысла. Брошенныя сѣмена пали не на каменистую почву. Прибавьте сюда примѣръ и неутомимую политическую дѣятельность тетки, которыя были постоянно въ глазахъ у Карла. Какъ бы духъ воспитанія ни охлаждалъ добрыя отношенія между ними, главное направленіе ея политики не могло не сообщиться и ея племяннику. Въ этомъ направленіи были два полюса — Испанія и Франція. Какъ только начиналъ раскрываться политическій смыслъ Карла, онъ уже научался смотрѣть на Францію какъ на естественную соперницу при исполненіи тѣхъ обширныхъ замысловъ, которые могли быть основаны на обладаніи Испаніею и соединенными съ ней землями. Отъ самаго начала тутъ было мѣсто не симпатіи или дружеству, а развѣ прямо противоположному чувству. Не то чтобы Карлъ высоко ставилъ народные интересы жителей Испаніи, или чтобы ему были дороги ихъ существенныя выгоды, которыя могли бы потерпѣть отъ соперничества съ сосѣдственною страною: народонаселеніе края, народъ вообще и его истинные интересы были для него понятія отвлеченныя; его учили дорожить формою безъ отношенія къ ея содержанію; Испанія могла быть населена кѣмъ угодно, — отъ того Карлъ еще нисколько бы не измѣнилъ своихъ отношеній къ ней. Но отъ Испаніи производилъ онъ свои права, на Испанію смотрѣлъ онъ какъ на свое будущее достояніе: такъ могъ ли онъ оставаться равнодушенъ къ успѣхамъ Франціи за естественными ея предѣлами?

Потому, когда Карлъ, по смерти дѣда своего, Фердинанда Католическаго, вступилъ въ королевскія права и занялъ соединенные престолы Аррагоніи и Кастиліи, трудная задача управленія обширнымъ государствомъ не показалась ему свыше силъ. Благодаря искусственному воспитанію, онъ достигъ преждевременной зрѣлости. Не смотря на свой юный возрастъ, онъ уже знакомъ былъ съ тайнами внутренней и внѣшней политики, другими словами, зналъ, чего хотѣть, и какъ дѣйствовать для своихъ цѣлей. Давно извѣстную теорію ему оставалось лишь прилагать прямо къ дѣлу. Совѣтники, которые

заправляли его воспитаніемъ въ Нидерландахъ, были неотлучно при немъ и въ Испаніи. Мы имѣли уже случай упомянуть о внутреннихъ его распоряженіяхъ по управленію Аррагоніею и Кастиліею. Уступая волѣ юноши, старикъ Хименесъ долженъ былъ сойдти съ высокаго поста, который занималъ до сего времени и на которомъ думалъ умереть спокойно. Не хуже хитраго и многоопытнаго дѣда, Карлъ умѣлъ заставить преклониться предъ своею волею все еще гордые своею независимостію мѣстные государственные чины. Въ формальномъ отношеніи онъ впрочемъ дѣлалъ имъ всѣ возможныя уступки. Школа, въ которой Карлъ получилъ свое политическое образованіе, допускала крутыя и рѣзкія мѣры лишь въ томъ случаѣ, когда считала ихъ вполнѣ благовременными; въ противномъ же случаѣ, не отказываясь отъ нихъ совершенно, охотнѣе предоставляла исполненіе ихъ болѣе отдаленному будущему... Въ этомъ духѣ дѣйствовалъ и Карлъ въ первые годы своего пребыванія въ Испаніи.

Но еще любопытнѣе наблюдать за нимъ во внѣшней политикѣ. Нельзя сказать, чтобы имъ руководила особенная любовь къ той странѣ, гдѣ суждено было ему положить первыя основанія своей обширной власти: подобныя чувства не входили въ его воспитаніе и не могли быть внушены ему фламандскими наставниками; но самый интересъ власти, которой Испанія служила первою и главною опорою, заставлялъ его позаботиться о томъ, чтобы какъ можно выгоднѣе устроить ея внѣшнія отношенія. Начало этихъ дѣйствій восходитъ еще ко времени пребыванія Карла въ Брюсселѣ. Самыя раннія изъ нихъ непосредственно примыкаютъ къ извѣстной политикѣ правительницы Нидерландовъ. Такъ, гораздо прежде чѣмъ Карлъ узналъ лицемъ къ лицу Испанію, отъ его имени и въ интересахъ Кастиліи заключаемы были союзные трактаты между ею и Англіею. Рядъ договоровъ, подписанныхъ принцемъ кастильскимъ (какъ титуловался тогда сынъ Филиппа и Хуаны) и королемъ англійскимъ, и возобновлявшихся время отъ времени, открывается 1513 годомъ (1). Договаривающіяся стороны обязывались не только хранить добрый миръ между собою, но и

(1) См. Monum. Habsburgica. 11 Abth., 2 B., NN 1, 3, 4.

помогать одна другой въ случаѣ непріятельскаго нападенія на ту или на другую. Однимъ изъ первыхъ царственныхъ актовъ Карла, по принятіи имъ испанской короны, было подтвердить прежнія условія новымъ договоромъ съ Англіею (1). Расчетъ былъ очень вѣрный: пока еще не опредѣлились отношенія къ Франціи, молодому королю необходимо было оградить себя противъ возможныхъ случайностей прочнымъ союзомъ съ ея старою соперницею.

Съ нѣкотораго времени впрочемъ и отношенія ко Франціи склонялись болѣе къ миру. Смерть Лудовика XII произвела въ нихъ замѣтный поворотъ. На первое время можно было думать, что умершій король унесъ съ собою въ могилу бо̀льшую часть французскихъ притязаній на разныя итальянскія области Виды и намѣренія его преемника еще не опредѣлились; личныя свойства его были еще не довольно извѣстны на сторонѣ, чтобы по нимъ можно было заключать о будущемъ направленіи его политики. Начинавшееся соперничество двухъ домовъ не успѣло превратиться въ закоренѣлую вражду между ними. Возвращеніе къ дружественнымъ отношеніямъ казалось тѣмъ возможнѣе, что представлялись виды на заключеніе политическаго союза родственнымъ. Что̀ напримѣръ мѣшало дочери Лудовика XII сдѣлаться невѣстою принца кастильскаго? и почему было не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предотвратить опасности возможнаго разрыва? Наслѣдникъ правъ на Испанію тѣмъ болѣе нуждался тогда въ вѣрныхъ союзникахъ, что вовсе не могъ похвалиться добрымъ расположеніемъ своего дѣда. Фердинандъ не очень жаловалъ своего внука. Такъ составился проектъ родственнаго союза, превратившійся потомъ въ формальный договоръ, между эрцгерцогомъ Карломъ и Рене, дочерью Лудовика XII (2). Со стороны Франціи договоръ подписанъ былъ королемъ Франциском̀ъ I. Главное обязательство состояло въ томъ, что Рене на восьмомъ году своей жизни должна быть помолвлена, а на тринадцатомъ выдана замужъ за кастильскаго принца. Комбинація не могла составиться безъ

(1) Ibid. N 5: Bundesvertrag zwischen K. Heinrich VIII von England und Karl K. von Spanien, Brüssel, 19 April 1516.

(2) Ibid. N 2: 24 Mars, 1515.

участія Маргариты: мы имѣемъ тому прямое доказательство въ особенномъ условіи договора, касающемся нѣкоторыхъ, ей собственно принадлежавшихъ правъ на разные участки.

Трактатъ не получилъ еще никакого исполненія, какъ Франція уже снова угрожала Италіи. Новое нападеніе было даже гораздо стремительнѣе, чѣмъ всѣ прежнія. Подобно лавинамъ, тѣсно сомкнутые ряды Французовъ скатились съ непроходимыхъ альпійскихъ высотъ и смутили своимъ быстрымъ появленіемъ мало приготовленныхъ къ тому противниковъ. Переходъ былъ сдѣланъ тамъ, гдѣ казался наименѣе возможнымъ. Какимъ-то чудомъ доброй воли и терпѣнія тяжелая артиллерія въ 72 орудія была перевезена въ короткій срокъ времени черезъ высокій хребетъ горъ. Крутыя, неприступныя скалы раздвигались, уступая дѣйствію минъ. Какъ гроза Божія, цѣлая армія упала вдругъ на Ломбардскую равнину. Даже не робкое сердце Проспера Колонны дрогнуло, когда вдругъ сказали ему о приближеніи Французовъ. Рыцарь Баяръ засталъ его за столомъ нисколько неприготовленнаго. Ужь не упали ли они съ неба? спрашивалъ непріятельскій полководецъ въ недоумѣніи, и растерявшись, не сдѣлалъ всѣхъ должныхъ распоряженій къ бою. Силу Французовъ составляло не столько ихъ число, сколько смѣлость и стремительность ихъ натиска. Собственно говоря, у нихъ не было даже предводителя. Старые генералы, Тремуль и Тривульче, уже изжившіе свое время, присутствовали тутъ больше для парада, чѣмъ для дѣйствія. Армію вели впередъ самъ король и родственникъ его, констабль Бурбонъ: одному изъ нихъ было только 21 годъ, другому не болѣе 25. Не смотря на то, одинъ ударъ съ ихъ стороны могъ рѣшить участь цѣлой Ломбардіи. Спасеніе ея зависѣло не столько отъ самихъ Итальянцевъ, сколько отъ наемнаго швейцарскаго войска, которое стояло неподалеку отъ Милана. Еще не было силы, которая могла бы сломить несокрушимые ряды Швейцарцевъ. По своей необыкновенной стойкости они одни заслуживали въ свое время названіе пѣхоты въ строгомъ смыслѣ слова. Они не отличались пылкостію удара, но выдержавъ ударъ противника, смѣло и твердо переходили потомъ въ наступленіе. При Мариньяно произошла кровавая встрѣча между

*

двумя арміями. Громъ ея огласился потомъ на всю Европу— и недаромъ. Противники оспаривали другъ у друга не только поле битвы и обладаніе страною, но и честь быть первою арміею. Въ дѣйствіи не было почти никакого единства: часто одна часть арміи не знала, что̀ въ то же время дѣлалось съ другою. Но каждый исполнилъ свой долгъ въ упорнѣйшей битвѣ, разрѣшившейся окончательною побѣдою лишь на другое утро. Тяжесть боя пала болѣе всего на французскую пѣхоту: лишь съ величайшими усиліями могла она выдерживать натискъ швейцарскихъ массъ, которыя давили ее своею густотою и едва ли не превосходили своею стойкостію. Впрочемъ и медленные нѣмецкіе ландскнехты, бывшіе во французской арміи, также сдѣлали свое дѣло. Съ пылкостію свойственною молодости, Францискъ и командовавшій подъ нимъ Карлъ Бурбонъ бросались впередъ наравнѣ съ простыми ратниками. Они мужественно врубались въ густые ряды непріятеля и бились съ возрастающимъ ихъ числомъ до истощенія силъ. Нѣсколько разъ Францискъ былъ въ опасности не только за свою жизнь, но и за свою личную свободу. Павійская катастрофа могла постигнуть его десятью годами ранѣе. Французская артиллерія подъ опытнымъ начальствомъ Пьетро Наварро производила разрушающее дѣйствіе на непріятеля, но не она рѣшила дѣло. Лишь наступившая темнота на время разлучила сражающихся. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Швейцарцы остались внутри французскаго лагеря, куда успѣли пробиться въ продолженіе дня. Никто не спалъ ночью; передъ лицемъ другъ друга, противники изготовляли оружіе и силы къ новому бою. Вплоть до самаго утра не умолкали звуки швейцарскихъ роговъ, мѣшаясь по временамъ съ звукомъ военныхъ трубъ изъ другаго лагеря. Но французскіе начальники лучше умѣли воспользоваться ночнымъ роздыхомъ, чѣмъ ихъ противники. Когда Швейцарцы, собравшись съ силами, пошли снова на бой, они вездѣ встрѣтили или устремленныя на нихъ копья нѣмецкихъ ландскнехтовъ, или пушечныя жерла, которыя вносили смерть въ ихъ густыя колонны. Скоро борьба стала неровною. При самыхъ отчаянныхъ усиліяхъ швейцарскіе львы ни сколько не подавались впередъ и едва въ состояніи были наполнять пустоту въ своихъ рядахъ. Подъ

убійственнымъ огнемъ артиллеріи замѣтно остывалъ жаръ нападенія. Смѣлое боковое движеніе французской кавалеріи рѣшило битву. Желѣзные ряды Швейцарцевъ поколебались и были сломлены. Появленіе Альвіано съ союзною венеціянскою кавалеріею заставило ихъ еще болѣе ускорить отступленіемъ. Какъ упоренъ былъ бой, такъ совершенна и обильна послѣдствіями была побѣда. Черезъ нѣсколько дней послѣ Мариньяно, Максимиліанъ Сфорца сдалъ Франциску Миланскій замокъ и вмѣстѣ съ нимъ свою власть надъ герцогствомъ. Однимъ ударомъ достигнута была цѣль похода, и никто болѣе не осмѣливался оспаривать тріумфа у побѣдителей.

Нѣтъ нужды говорить, что этотъ неожиданный ударъ быстро отозвался по всѣмъ окрестнымъ странамъ. Онъ впрочемъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы тотчасъ же возбудить противодѣйствіе. Карлъ былъ къ нему можетъ быть чувствительнѣе многихъ другихъ, но ни положеніе, ни средства его не позволяли ему думать о разрывѣ. Одинъ дѣдъ его стоялъ тогда на краю могилы, а другой еще менѣе предпріимчивъ былъ отъ самой природы и еще больше ослабѣлъ отъ старости. Смерть Фердинанда, послѣдовавшая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, передала въ руки Карла тяжелое наслѣдство управленія двумя обширными государствами. Прежде чѣмъ воспользоваться для своихъ цѣлей ихъ средствами, ему еще нужно было утвердить въ нихъ свою власть. Карлъ явился въ Испанію чужимъ ей человѣкомъ: за недостаткомъ народной любви, ему надобно было позаботиться о другихъ, болѣе искусственныхъ основаніяхъ для прочности своего авторитета. Въ такомъ положеніи не умѣстнѣе ли было для него подумать о томъ, чтобы обезпечить себя новыми союзами, чѣмъ безъ нужды подвергать свою нисколько еще не упроченную власть опасностямъ невѣрной войны? Весьма возможно, что необходимость подтвердить прежній союзъ съ Англіею новымъ договоромъ внушена была ему между прочимъ этимъ самымъ расчетомъ. Съ другой стороны успѣхи Французовъ въ Испаніи должны были возбудить въ немъ опасенія за итальянскія его владѣнія, соединенныя съ аррагонскою короною. Чѣмъ затѣвать вновь опасный споръ, котораго исходъ былъ очень сомнителенъ, не лучше ли было попробовать мирнымъ трактатомъ оградить безопасность отда-

ленныхъ владѣній противъ возможныхъ покушеній на нихъ? Однимъ словомъ, въ положеніи Карла было гораздо выгоднѣе закрѣпить новыми трактатами прежній союзъ съ Франциской, чѣмъ начинать съ нимъ войну.

Наслѣдникъ Фердинанда и Изабеллы дѣйствительно предпочелъ первый путь. Нѣсколько слѣдующихъ одинъ за другимъ договоровъ съ Франциской, прежде и послѣ похода его въ Италію, свидѣтельствуютъ о заботливости Карла сохранить съ нимъ дружескія отношенія. Нойонскій трактатъ, подписанный 13 мая 1516 года, занимаетъ въ томъ числѣ самое важное мѣсто. Не исчисляемъ всѣхъ отдѣльныхъ условій этихъ договоровъ; по нашему мнѣнію, всего занимательнѣе въ нихъ указанія на тѣ общія начала, которыми Карлъ и его ближайшіе совѣтники хотѣли руководиться въ своей политикѣ. Такъ въ самомъ первомъ трактатѣ, заключенномъ съ Франциской еще при жизни Фердинанда, внукъ обязывался не подавать болѣе помощи дѣду, если тотъ въ положенный срокъ не согласится уступить Наварру Франціи. Для этой цѣли союзники условились отправить отъ себя общее посольство къ Фердинанду и назначали ему годъ для размышленія. Въ договорѣ не было упомянуто о томъ, что могло произойдти въ случаѣ отрицательнаго отвѣта со стороны Испаніи; но легко было угадать намѣренія договаривающихся по самой его сущности: они очевидно были прямо враждебны властителю Аррагоніи (1). Въ Нойонскомъ трактатѣ также есть одна подобная черта. Выговаривая себѣ право помогать Максимиліану въ войнѣ съ Венеціянами, Карлъ впрочемъ нисколько не противорѣчилъ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ дѣда со стороны своего союзника. Договоръ скрѣплялся новымъ брачнымъ условіемъ, въ силу котораго Луиза, дочь Франциска, объявлена была, вмѣсто Рене, невѣстою Карла и должна была принести ему въ приданое французскія притязанія на одну часть Неаполитанскаго королевства (2).

---

(1) Gaillard, Hist. de François I, 1, p. 196—98. См. также Renaissance, p. 260.

(2) См. Mon. Habsb. 1, N 7; ср. Gaillard, ibid. p. 313—18. Что Максиміліанъ не пропустилъ безъ вниманія невыгодной для него статьи договора и затруднялся ею, объ этомъ доносили Карлу послы его въ Германіи. См. Lanz, Correspondenz, 1, p. 45.

Такъ въ самомъ началѣ своего политическаго поприща Карлъ не задумывался приносить въ жертву интересы своихъ близкихъ родственниковъ своимъ политическимъ видамъ и соображеніямъ. Онъ готовъ былъ на наступательный союзъ противъ одного своего дѣда и почти отступался отъ другаго. Сказать ли, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ изъ національныхъ побужденій? Болѣе чѣмъ сомнительно: какъ не было до сего времени семьи для Карла, такъ не находилось еще націи, которую бы онъ могъ назвать своею и ко благу которой привязалъ бы всѣ свои желанія. По крайней мѣрѣ Испанцы не считали его своимъ, да и онъ не тщеславился много своимъ испанскимъ происхожденіемъ. Карлъ дѣйствовалъ на общей, можно бы даже сказать — отвлеченной политической почвѣ: онъ преслѣдовалъ свои государственные идеалы и мало думалъ о тѣхъ, къ кому они были прилагаемы на практикѣ.

Еще далеко было до союза Карла съ націею, какъ онъ былъ уже въ тѣсномъ союзѣ съ королями французскимъ и англійскимъ. Но онъ обманывалъ себя, если предполагалъ много прочности въ этихъ политическихъ связяхъ. Не могло быть ничего прочнаго, во-первыхъ, въ союзѣ съ Генрихомъ VIII, у котораго все зависѣло отъ перваго капризнаго движенія воли. Францискъ I въ сущности былъ гораздо постояннѣе въ своихъ стремленіяхъ; но за то по другимъ, болѣе глубокимъ причинамъ, отъ него еще менѣе можно было ожидать неизмѣнной твердости въ добрыхъ отношеніяхъ къ новому союзнику. Не успѣли еще они, не имѣли случая узнать другъ друга лично, а то бы они сами почувствовали и сознали, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Мы уже встрѣтили разъ Франциска на полѣ битвы: не разъ еще и потомъ найдемъ его въ самомъ жару боя, запальчиво заносящагося въ густые ряды противниковъ. Это была настоящая его роль, та, которая прямо вытекала изъ его природы и воспитанія; тутъ онъ былъ можетъ быть болѣе на мѣстѣ чѣмъ гдѣ нибудь. Не надобно только искать въ немъ талантовъ искуснаго вождя: какъ генералъ, онъ никуда не годился. Его дѣломъ была личная отвага, благородное презрѣніе опасностей, мужественный жаръ въ горячей схваткѣ съ непріятелемъ. Онъ не въ состояніи былъ рѣшить битву искуснымъ маневромъ, но могъ увлечь

за собою впередъ многихъ нерѣшительныхъ. Тѣ же блестящія рыцарскія качества, которыми онъ отличался дома, въ своемъ домашнемъ и придворномъ кругу, приносилъ онъ съ собою и на войну. Воспитаніе лишь довершило то, что̀ дано было ему счастливою природою. Въ цѣлой Франціи не много было людей болѣе красивыхъ и привлекательныхъ по наружности. Статный ростомъ, Франциск отличался еще необыкновенно пріятною фигурою. Мужественныя черты его постоянно смягчены были свѣтлою улыбкою. Глаза его смотрѣли привѣтливо и влекли къ нему добродушнымъ выраженіемъ. Какая-то особенная, мужская грація разлита была по всему его существу и свободно проявлялась во всѣхъ его движеніяхъ. Франція любила уже его за одну только прекрасную наружность, и съ свойственнымъ этому народу увлеченіемъ, заранѣе обѣщала въ немъ себѣ великаго короля. Какая разница съ нераціозною фигурою Карла и его наружнымъ болѣзненнымъ видомъ!

Было и другое, еще болѣе существенное различіе между двумя знаменитыми современниками. Франциск былъ горячо любимъ въ своей семьѣ, которая почти вся состояла изъ женщинъ. Онъ выросъ и воспитался среди самыхъ нѣжныхъ женскихъ симпатій. Мать и сестра — la perle des Valois, какъ называли ее современники — были при немъ неотлучно. Въ этомъ постоянномъ окруженіи, сторона души, чувства, развилась въ немъ можетъ быть даже нѣсколько на счетъ головы. Въ своихъ склонностяхъ къ женщинамъ Франциск способенъ былъ даже на излишество. И теперь еще не знаютъ съ точностію, гдѣ слѣдуетъ поставить крайнюю черту въ его болѣе чѣмъ братски дружественныхъ отношеніяхъ къ Маргаритѣ. Политикѣ въ строгомъ смыслѣ, далекимъ и тонкимъ планамъ и соображеніямъ тутъ не много оставалось мѣста. Франциск готовъ былъ на самыя отважныя предпріятія, но они вытекали скорѣе изъ его воинственныхъ инстинктовъ, личныхъ наклонностей и часто даже слабостей, чѣмъ изъ вѣрныхъ политическихъ расчетовъ. Предпринимая важное дѣло, или вступая въ борьбу съ сильнымъ противникомъ, онъ рѣдко умѣлъ удачно обезопасить себя со стороны искусными политическими союзами. Всѣ дѣйствія его были личны до крайности. Изъ личной антипатіи къ противнику онъ способенъ былъ продлить войну

долѣе, чѣмъ сколько позволяли прямыя государственныя выгоды. Съ другой стороны впрочемъ надобно замѣтить и то, что симпатіи его никогда не были очень глубоки. Если ему не напоминали о нихъ словомъ или дѣломъ, онъ легко выбрасывалъ ихъ изъ своей памяти. Какая опять разница съ Карломъ, у котораго все основано было на широкихъ политическихъ соображеніяхъ, и который такъ мало способенъ былъ забывать однажды нанесенныя ему оскорбленія!

Напрасно Карлъ ласкалъ своего союзника нѣжными именами; напрасно обсылался съ нимъ подарками и называлъ его въ письмахъ «своимъ добрымъ отцомъ», за что̀ Францискъ платилъ ему не менѣе нѣжнымъ названіемъ «добраго сына». Временемъ они обмѣнивались между собою и еще болѣе лестными комплиментами. «У меня одно лишь на мысли — писалъ однажды Карлъ французскому королю — чтобы быть угоднымъ вамъ, такъ какъ всякій добрый сынъ долженъ быть угоденъ своему доброму отцу (1)». Подобныя увѣренія, конечно, болѣе всего относились къ предположенному родственному союзу. Но не только никогда не суждено было состояться этому браку: изъ всѣхъ попытокъ Карла къ сближенію съ Франциском не могло выдти ничего прочнаго. Чѣмъ далѣе впередъ простирались событія, тѣмъ болѣе оказывалось несомнѣннымъ, что не было натуръ менѣе симпатичныхъ одна другой, чѣмъ современные властители Испаніи и Франціи.

А имъ очень нужно было позаботиться о томъ, чтобы хотя искусственными политическими связями восполнить недостатокъ естественныхъ симпатій. Такъ поставлены они были судьбою въ отношеніи другъ къ другу, что имъ приходилось сталкиваться почти на каждомъ шагу. Уже союзъ съ Англіею былъ такого свойства, что изъ-за него только могло современемъ возникнуть между ними опасное соперничество: ибо Франція почти не менѣе Карла заискивала расположенія Генриха VIII. За тѣмъ предметъ неисчерпаемаго спора составляли границы между Нидерландами и Франціею, потому что старое бургундское наслѣдство все еще не было подѣлено окончательно. Далѣе, союзникамъ никогда не развязать было полю-

(1) Gaillard, ibid.

бовно тѣхъ сложныхъ узловъ, которые еще ихъ предшественниками завязаны были какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Италіи. Наконецъ ко всѣмъ этимъ спорнымъ предметамъ присоединился еще нѣмецкій императорскій престолъ. Максимиліанъ дряхлѣлъ и слабѣлъ съ каждымъ годомъ: открывались новые виды на самую почетную корону во всемъ образованномъ европейскомъ мірѣ. Не одно дотолѣ спокойное честолюбіе возбуждено было къ необычной дѣятельности приближавшеюся кончиною императора. Къ счастію для претендентовъ и къ несчастію для Германіи, никакое особенное право не ограничивало выборъ лица для замѣщенія нѣмецкаго королевскаго престола. Наслѣдственное право представлялось первое; но оно вовсе не имѣло безусловнаго значенія и по волѣ курфирстовъ легко могло быть замѣнено свободнымъ избраніемъ. Отъ ихъ взаимнаго соглашенія зависѣло провозгласить императоромъ Германіи того или другаго короля или даже принца, хотя бы онъ былъ чужестраннаго происхожденія. Прямое наслѣдственное право неоспоримо принадлежало Карлу Испанскому; но Франція совершенно на равной ногѣ могла противопоставить ему, — если бы оно выпало на ея долю,—согласіе курфирстовъ на избраніе ея короля въ нѣмецкіе императоры, Искусная дипломатическая интрига значила тутъ гораздо болѣе, чѣмъ законность, основанная на наслѣдственномъ правѣ.

Карлъ нисколько не обманывалъ себя на счетъ своихъ правъ престолонаслѣдія въ Германіи. Онъ хорошо понималъ, что ему можетъ быть придется имѣть дѣло съ самыми близкими своими союзниками, королями французскимъ и англійскимъ, и заранѣе принималъ мѣры, чтобы обезпечить за собою избраніе (1). Первая трудность заключалась въ волѣ самаго Максимиліана, который желалъ передать послѣ себя нѣмецкій престолъ другому своему внуку, Фердинанду, считая Карла уже достаточно награжденнымъ. Это неудобство было отвращено, благодаря особенно содѣйствію папы, который, въ случаѣ раздѣленія

(1) Такъ въ инструкціи, данной Виллингеру, читаемъ между прочимъ: **- Er (Karl) hat die Sache der Kaiserwahl wohl überlegt, und sieht die grosse Wichtigkeit derselben für die Sicherheit aller seiner Staaten ein. Er ist von den Bemühungen anderer darum wohl unterrichtet, und entschlossen, alle Mittel dafür anzubieten.** См. **Mon. Habsb., B. 11. N 19.**

Австрійскаго дома, имѣлъ причины опасаться усиленія Франціи. Слѣдующія за тѣмъ мѣры, принятыя Карломъ, относились къ князьямъ избирателямъ. Съ этою цѣлію, въ августѣ 1517 года, нарочный посланный, Виллингеръ, отправленъ былъ изъ Нидерландовъ въ Германію. Онъ имѣлъ порученіе условиться по тому же предмету съ императоромъ и стараться склонить на сторону Карла князей имперіи. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія ему отданы были въ распоряженіе, сверхъ обыкновенныхъ, и нѣкоторыя чрезвычайныя средства. Такъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ банковые билеты на значительную сумму на знаменитый аугсбургскій банкирскій домъ Фуггеровъ. Тремъ духовнымъ курфирстамъ велѣно было обѣщать отъ имени Карла очень выгодныя бенефиціи въ Испаніи, а тремъ свѣтскимъ — пансіоны по 2000 гульденовъ; о четвертомъ не упоминалось въ инструкціи, потому вѣроятно, что его считали слишкомъ честнымъ для подкупа: это былъ славный покровитель германскаго реформатора, Фридрихъ Саксонскій. Объ немъ, вмѣстѣ съ герцогомъ баварскимъ и маркграфомъ бранденбургскимъ, поручено было посланному развѣдать, не согласны ли можетъ быть они принять отъ Карла болѣе почетную награду—орденъ Золотаго Руна (1). Аугсбургскому Регименту, то есть городовому управленію, обѣщано было сохраненіе его въ полномъ составѣ, съ прежними правами и привилегіями (2). Другія значительныя лица въ имперіи также получили разныя лестныя обѣщанія, соотвѣтствующія ихъ положенію и вліянію.

При содѣйствіи Максимиліана, внутри имперіи дѣло Карла мало по малу устроивалось по его желанію. Задолго до наступленія кризиса, онъ имѣлъ уже на своей сторонѣ бо̀льшую часть владѣтельныхъ князей Германіи. Нѣкоторое время можно было сомнѣваться за Фридриха Саксонскаго. Между тѣмъ его голосъ принадлежалъ къ числу самыхъ рѣшительныхъ. Не столько по объему своей власти и силѣ, сколько по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, это былъ первый авторитетъ въ цѣлой имперіи. На его сторонѣ были и врожденное благоразуміе и многолѣтняя опытность. Не разъ въ отсутствіе

(1) Ibid.
(2) Ibid. N 20.

императора управлялъ онъ имперіею и своими дѣйствіями заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе. Прозваніе Мудраго, данное ему современниками, было не случайное: во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни Фридрихъ въ самомъ дѣлѣ отличался неизмѣннымъ здравомысліемъ. Для своего времени онъ былъ безспорно самымъ вѣрнымъ представителемъ лучшей стороны нѣмецкаго народнаго характера. Отсюда почти всеобщая къ нему довѣренность и вниманіе къ каждому его дѣйствію. Потому и въ дѣлѣ избранія, его рѣшеніе было бы самое важное : онъ могъ увлечь за собою многихъ единственно силою своего авторитета, который высоко цѣнился во всей Германіи. Фридрихъ долго не обнаруживалъ своего мнѣнія относительно будущихъ выборовъ. Частію природное благоразуміе, частію же нѣкоторыя сомнѣнія, имѣвшія свой корень въ его патріотическомъ чувствѣ, не позволяли ему прежде времени высказываться въ такомъ важномъ дѣлѣ. Онъ не имѣлъ ничего личнаго противъ Карла, но не совсѣмъ твердо увѣренъ былъ въ благовременности избранія его на германскій престолъ. Однако, благодаря личному вмѣшательству Максимиліана и его хорошимъ отношеніямъ къ Фридриху, и эта важная трудность была побѣждена. Когда, на послѣднемъ аугсбургскомъ сеймѣ (1518 года), напомнили императору, какъ необходимо при предстоящихъ выборахъ имѣть на своей сторонѣ согласіе саксонскаго курфирста, Максимиліанъ отвѣчалъ съ довольною улыбкою : «Я уже имѣю отъ него добрый отвѣтъ (1).»

Но и послѣ того оставалось еще сдѣлать очень многое для успѣха предположеннаго избранія. Послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть Максимиліана обнаружила скрытыя доселѣ трудности во всей ихъ силѣ. Не только Францискъ, но и Генрихъ Англійскій открыто выступили съ своими притязаніями на нѣмецкій престолъ. Генрихъ, правда, мало встрѣтилъ себѣ сочувствія въ Германіи ; но король французскій, съ помощію интригъ, денегъ и обѣщаній, успѣлъ составить себѣ значительную партію между нѣмецкими князьями и нашелъ себѣ партизановъ въ самой коллегіи курфирстовъ. Кромѣ того, на его сторонѣ былъ папа, начинавшій уже опасаться возраста-

(1) См. Tutzschmann, Friedrich der Weise, p. 246.

шаго могущества Австрійскаго дома, Венеція и Швейцарцы. Когда князья съѣхались во Франкфуртъ на выборы, тогда особенно почувствовалась нерѣшительность положенія. Въ немъ не было болѣе ничего вѣрнаго и опредѣленнаго; ужь готовы были жребіи, и одна минута могла положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, но даже наканунѣ избранія никто не поручился бы, что оно падетъ на того, а не на другаго претендента. Подъ конецъ ихъ осталось только два. Генрихъ VIII ограничился лишь тѣмъ, что въ собственноручномъ письмѣ къ курфирстамъ искалъ чести избранія. Но Франциск не хотѣлъ допустить ни одного лишняго шага впередъ со стороны короля Испаніи. Между тѣмъ какъ посольство Карла расположилось на время выборовъ съ Гёхстѣ (въ Нассау, близъ Майна), французское посольство съ конною свитою во сто человѣкъ стояло близь Рейна, въ Кобленцѣ. Оба вліянія сходились во Франкфуртѣ и боролись между собою внутри самаго сейма. Избирательные голоса покупались на вѣсъ золота. Если одинъ изъ совмѣстниковъ давалъ много, то другой обѣщалъ еще болѣе. Такимъ образомъ оба вліянія уравновѣшивались между собою на сеймѣ, слѣдствіемъ чего было то, что ни одно имя не могло соединить на себѣ большинства голосовъ. Тогда, изъ самаго равновѣсія партій и невозможности подвинуть ихъ впередъ, неожиданно возникло новое имя, гораздо болѣе скромное чѣмъ громкія имена властителей Франціи и Испаніи, но всѣмъ хорошо знакомое и давно пользовавшееся заслуженнымъ уваженіемъ въ цѣлой имперіи. Это было имя Фридриха Мудраго, который одинъ изъ всѣхъ курфирстовъ остался недоступенъ подкупу. Предложившій его собранію, архіепископъ маинцскій конечно расчитывалъ больше на его отказъ, чѣмъ на согласіе, и имѣлъ притомъ совсѣмъ другіе виды. Но едва только предложеніе было пущено въ ходъ, какъ оно привлекло къ себѣ бо́льшую часть голосовъ. Интрига падала сама собою передъ магическимъ дѣйствіемъ популярнаго имени. Ни папа, ни Генрихъ Англійскій не были противъ такого выбора. Рѣшеніе было теперь въ рукахъ самого Фридриха. Отъ него зависѣло принять дѣлаемое ему приношеніе и предвосхитить вѣнецъ Германіи у самыхъ неутомимыхъ и самонадѣянныхъ его искателей. До сихъ поръ Фридрихъ не высказывался передъ дру-

гими. Онъ молчалъ, потому что не могъ еще побѣдить всѣхъ своихъ сомнѣній. Но онъ не могъ болѣе упорствовать въ молчаніи, когда отъ него, именемъ государства и народа, требовали категорическаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе. Фридрихъ просилъ себѣ только срока на размышленіе.

Какъ мы дали замѣтить выше, мнѣніе саксонскаго курфирста давно уже склонялось въ пользу Карла. Руководясь главнымъ образомъ мыслію о необходимости сильной руки для защиты имперіи отъ внѣшнихъ враговъ, благоразумный курфирстъ отдавалъ въ этомъ отношеніи полное преимущество испанскому королю передъ французскимъ. Притомъ же онъ принималъ въ соображеніе все же болѣе нѣмецкое происхожденіе Карла, въ сравненіи съ его совмѣстникомъ. Если у Фридриха еще оставались сомнѣнія, то они происходили отъ недостатка увѣренности, что у Карла, по вступленіи его на престолъ, найдется довольно доброй воли, чтобы сохранить старыя нѣмецкія привилегіи неприкосновенными. Но въ послѣднее время получены были имъ изъ Гёхста положительныя увѣренія въ готовности претендента подписать капитуляцію, которая будетъ предложена ему избирателями (Wahlcapitulation). Во мнѣніи папы симпатіи къ Австрійскому дому опять начали перевѣшивать наклонность къ французскому союзу. И все еще однако Фридрихъ держалъ рѣшеніе въ своихъ рукахъ и могъ каждую минуту поворотить его въ ту сторону, куда хотѣлъ. Съ какимъ же замираніемъ сердца должны были ждать его рѣчи всѣ присутствующіе, когда, въ день назначенный для окончательнаго выбора, онъ явился въ торжественное собраніе! Курфирстъ маинцскій, дѣйствуя по соглашенію съ Фридрихомъ, опять выступилъ съ предложеніемъ въ императоры Карла Австрійскаго, на что курфирстъ трирскій держалъ отвѣтъ и старался въ свою очередь склонить мнѣніе въ пользу короля французскаго. Тогда возсталъ Фридрихъ Саксонскій. «Въ годину опасности — сказалъ онъ, имѣя болѣе всего въ виду грозу турецкаго нашествія — мы должны желать себѣ властителя, съ которымъ намъ не страшны были бы никакія невзгоды. Пусть носитъ скипетръ тотъ, кто всѣхъ могущественнѣе, кто одинъ гораздо крѣпче, чѣмъ всѣ наши нѣмецкія силы, соединенныя вмѣстѣ. Изъ двухъ предложенныхъ кандидатовъ мы

должны держаться одного: каждый изъ нихъ въ состояніи защищать насъ, но—король испанскій происходитъ отъ нѣмецкой крови, имѣетъ свое мѣстопребываніе въ нѣмецкой землѣ (въ Нидерландахъ?), носитъ титло наслѣдственнаго имперскаго князя и по праву наслѣдства владѣетъ въ Германіи тѣми самыми землями, которыя прямо подвергаются опасности нападенія: по этому онъ имѣетъ больше правъ на насъ, чѣмъ король французскій, котораго исключаютъ наши законы, ибо онъ чуждъ намъ по крови и языку и не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ отечествомъ. Итакъ да будетъ Карлъ императоромъ, а свобода и безопасность имперіи да оградятся твердыми постановленіями (1).»

Когда Фридрихъ кончилъ, въ залѣ наступило глубокое молчаніе. Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было глубоко и сильно. Всякому изъ слушателей почувствовалось, что между ними упало тяжелое, полновѣсное слово, котораго тяжесть они могли понять и понести лишь соединенными силами. Рѣшалась судьба великаго народа, имперіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ судьба міра. Произнесено было слово неотразимаго рѣшенія, ибо оно вмѣстѣ было словомъ самоотреченія. Передъ такимъ словомъ не могло устоять никакое противорѣчіе. Скоро и курфирстъ трирскій взялъ назадъ свой голосъ, лучше сказать присоединилъ къ другимъ, которые Фридрихъ увлекъ за собою. Вскорѣ послѣ того дворянство и народъ созваны были въ церковь, и тамъ архіепископъ маинцскій объявилъ всенародно о послѣдовавшемъ избраніи Карла Австрійскаго, на мѣсто умершаго Максимиліана, главою Римской имперіи.

Событіе было великой важности не только для Германіи, но и лично для Карла. Онъ торжествовалъ въ одномъ изъ самыхъ щекотливыхъ для своего самолюбія положеній, но торжествовалъ благодаря не столько употребленнымъ имъ средствамъ, сколько благоразумію и великодушію третьяго лица, какъ безкорыстнаго посредника между нимъ и избирателями, и пройдя сверхъ того черезъ опасное совмѣстничество одного изъ своихъ прежнихъ союзниковъ. Въ продолженіе выборовъ была не одна минута, когда казалось, что германская корона не минуетъ

(1) Подробности избранія см. у Туцшмана, **ibid.**, p. 252—57.

рукъ побѣдителя при Мариньяно. Не того хотѣлъ, не того ожидалъ Карлъ отъ своего союза съ Франціею. Напрасно Францискъ, смягчая начинавшееся раздраженіе, старался представить свое столкновеніе съ королемъ въ видѣ благороднаго соперничества двухъ рыцарей, заискивающихъ одинъ передъ другимъ благосклонности одной дамы, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ имъ оставаться друзьями между собою. «Вашъ повелитель и я — говорилъ онъ испанскимъ посламъ — мы точно соперники, но отнюдь не враги между собою. У обоихъ насъ одна и та же властительница сердца, но какъ слѣдуетъ благороднымъ любовникамъ, мы оспориваемъ другъ у друга обладаніе ею не въ кровавомъ бою, а стараемся превзойдти одинъ другаго въ ея глазахъ ревностію нашего служенія и столько же нѣжнымъ, сколько почтительнымъ уходомъ за ней (1).» Францискъ могъ говорить эти слова отъ полнаго сердца: они вытекали изъ его воспитанія и постояннаго образа мыслей. Но для Карла подобныя рѣчи не имѣли никакого смысла: онѣ были вовсе чужды его обыкновеннымъ понятіямъ и не могли найдти себѣ въ душѣ его отзыва. Одно только было понятно ему, что другіе хотѣли перебить у него дорогу, по которой онъ шелъ къ самой возвышенной цѣли своей, и что самое опасное совмѣстничество угрожало ему отъ ближайшаго сосѣда и союзника. Съ политической точки зрѣнія — а Карлъ не допускалъ другой — такой поступокъ казался измѣною, предательствомъ. Какъ бы ни велико было чувство самоудовлетворенія, испытанное Карломъ послѣ избранія, онъ не могъ простить Франциску покушенія устранить его отъ наслѣдственнаго престола Германіи. Сынъ Хуаны особенно былъ чувствителенъ къ тѣмъ обидамъ, которыя считалъ своими личными. Онъ обыкновенно мало говорилъ объ нихъ, потому что носилъ ихъ глубоко въ душѣ своей. Онъ могъ надолго подавить чувство своего оскорбленія и заставить его молчать въ себѣ, но никогда не отказывался отъ своего права на возмездіе. Кто хоть разъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться на одной съ нимъ дорогѣ, тотъ заранѣе могъ быть увѣренъ, что никогда не заслужитъ себѣ отъ него полнаго прощенія.

---

(1) См. Gaillard, ibid. p. 375.

Нѣмецкое избраніе вдругъ поднимало Карла на такую высоту, передъ которою незначительными казались всѣ другія болѣе или менѣе возвышенныя положенія въ Европѣ. Для его плановъ и политической дѣятельности открывалась новая еще болѣе обширная сфера. Но чѣмъ выше становилось положеніе, тѣмъ больше увеличивались соединенныя съ нимъ трудности. Всего болѣе вредило Карлу то обстоятельство, что, занимая въ одно время нѣсколько престоловъ, онъ нигдѣ впрочемъ не былъ у себя дома, за исключеніемъ развѣ Нидерландовъ. Въ то самое время, какъ онъ готовился перенести свое политическое искусство на новую почву, прежняя, то есть испанская, сильно заколебалась подъ его ногами. Нѣмецкое избраніе болѣе, чѣмъ всѣ другія дѣйствія Карла, дало почувствовать Испанцамъ недостатокъ національнаго характера власти его въ двухъ соединенныхъ королевствахъ, Аррагоніи и Кастиліи. Если прежде они колебались признать своимъ принца, воспитаннаго въ Нидерландахъ и постоянно окруженнаго Фламандцами, то теперь они еще болѣе имѣли право считать его чужимъ. Съ неудовольствомъ смотрѣли мѣстные чины на увеличивающіяся требованія короля, котораго не надѣялись даже удержать долго въ своей странѣ. Денежныя пособія казались имъ особенно отяготительными, потому что, какъ имъ было хорошо извѣстно, назначались главнымъ образомъ для утвержденія власти его въ Германіи. Недовольство сословій, сначала скрытое, принимало все болѣе и болѣе безпокойный характеръ. Отъ Карла хотѣли возобновленія старыхъ привилегій во всей ихъ силѣ, въ противномъ же случаѣ угрожали ему отказомъ въ необходимыхъ пособіяхъ. Прежде чѣмъ онъ могъ воспользоваться выгодами своего новаго высокаго положенія, ему еще надобно было пережить въ немъ весьма трудный критическій моментъ. Задача впрочемъ не показалась Карлу превышающею его силы. Простирая одну руку къ новому пріобрѣтенію, въ другой онъ хотѣлъ также крѣпко держать прежнее. Для этой цѣли употребленъ былъ имъ маневръ особеннаго рода. Непокорнымъ чинамъ Кастиліи предписано было собраться, вмѣсто Валладолида, въ болѣе отдаленномъ Санъ-Яго де-Компостелла, что̀ въ Галиціи, а потомъ въ Коруньѣ, то есть еще ближе къ морю. Вдали отъ главнаго центра движенія,

хотя и окруженный лично нерасположенными къ нему кортесами, Карлъ безъ всякаго сомнѣнія чувствовалъ себя гораздо независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, а въ случаѣ какой крайности могъ тотчасъ же сѣсть на корабль и ускорить свой переѣздъ въ Германію. Другими словами, стоя одною ногою на испанскомъ берегу, онъ заносилъ уже другую на нѣмецкія земли. Новая мѣстность, куда созваны были чины, неотмѣнно оказала на нихъ свое дѣйствіе. Еще въ Санъ-Яго толедскіе депутаты, говоря за другихъ, могли позволить себѣ нѣсколько оскорбительныхъ для Карла выраженій,— за что впрочемъ немедленно были высланы изъ города; но въ Коруньѣ смолкло всякое противорѣчіе. Какъ скоро самыя важныя предложенія были приняты, Карлъ сѣлъ на корабль и отправился къ Нидерландамъ, назначивши, вопреки всеобщему нерасположенію къ чужеземцамъ, Адріана Утрехтскаго своимъ намѣстникомъ въ Испаніи и оставляя позади себя горизонтъ, омраченный грозовыми тучами (1).

Когда корабль отошелъ отъ испанскаго берега, для Карла повидимому наступило время роздыха. Покинувъ одну почву, онъ еще не достигъ и не почувствовалъ подъ собою другой. Какая же возможна была для него въ этотъ промежутокъ политическая дѣятельность? Но мысль его и не нуждалась въ дѣйствительной почвѣ, когда у него всегда готова была своя, отвлеченная. Она слагалась обыкновенно изъ его личныхъ интересовъ и отношеній, и всегда, какъ на сушѣ такъ и на морѣ, неизмѣнно была при немъ. Какое было дѣло Карлу, что онъ ничего еще не успѣлъ узнать о настоящихъ потребностяхъ имперіи, ни всмотрѣться въ существенныя выгоды ея положенія? Съ минуты избранія его на нѣмецкій престолъ, для него начинался новый рядъ отношеній, которыя онъ думалъ устроить собственно для себя, не вступая еще въ прямыя сношенія съ Германіею.

На первомъ планѣ былъ, разумѣется, Франциск, недавній соперникъ Карла по выборамъ. Взаимное охлажденіе между ними почувствовалось тотчасъ же, какъ только дѣло избранія

(1) См. между прочимъ **Havemann, Darstellungen aus der inneren Gesch. Spaniens, p. 165—168.**

приведено было къ окончанію. Если одинъ изъ совмѣстниковъ, ставши на подножіе императорскаго престола, возмечталъ о себѣ еще болѣе, то другой невольно чувствовалъ себя униженнымъ: ибо, не смотря на свой рыцарскій образъ мыслей, Францискъ носилъ въ груди сердце также весьма чувствительное не только къ личнымъ оскорбленіямъ, но и къ самымъ неудачамъ. Ни съ той, ни съ другой стороны еще не сдѣлано было шага къ явному разрыву, а между тѣмъ каждая изъ нихъ недовѣрчиво смотрѣла на другую и принимала мѣры для своейбезопасности. Нойонскій трактатъ какъ бы вдругъ потерялъ свою обязательную силу, хотя условія его никѣмъ не были нарушены. Смертію Луизы, дочери Франциска и предназначенной невѣсты Карла, порвана была еще одна изъ слабыхъ нитей, которыми до сихъ поръ держалось ихъ непрочное дружество. Вслѣдствіе этихъ новыхъ отношеній къ Франціи, Карлу, или его главному совѣтнику, Де-Шьевру, пришла мысль о закрѣпленіи и расширеніи прежняго союза съ Англіею. Если уже съ точки зрѣнія испанскихъ владѣній казалось выгоднымъ завязать дружественныя связи съ Генрихомъ VIII, то теперь не безъ основанія видѣли въ нихъ одно изъ необходимыхъ условій для прочности новой власти въ Германіи. Маргарита нидерландская была повидимому того же мнѣнія. Тотчасъ всѣ дипломатическія пружины приведены были въ дѣйствіе, чтобы сколько можно рѣшительнѣе склонить Генриха VIII въ пользу односторонняго союза. « Памятники » Габсбургскаго дома широко раскрываютъ передъ нами эту доселѣ малоизвѣстную страницу въ исторіи нидерландо-австрійской политики (1). Посольства слались за посольствами, и однѣ инструкціи смѣнялись другими, болѣе выразительными. Де-Шьевръ, дѣйствуя отъ имени Карла, заправлялъ сношеніями изъ Испаніи; но Маргарита, по близости своего мѣстопребыванія къ Англіи, также принимала въ нихъ непосредственное участіе. Между прочимъ была даже рѣчь о томъ, чтобы назначить Маргариту, на время отсутствія Карла, правительницею Испаніи, а Де-Шьевру занять ея мѣсто въ Нидерландахъ; но рѣшеніе не состоялось, потому что, какъ кажется, она сама не изъявила

(1) См. **Monumenta Habsburgica, 1 B.**, въ особенности **NN 34—46.**

*

на него согласія (1). Попытка закрѣпить союзъ Австрійскаго дома съ англійскимъ королемъ много облегчалась ихъ родственными связями между собою. Генрихъ VIII женатъ былъ на родной сестрѣ Хуаны, и Карлъ обыкновенно называлъ его своимъ дядею. По родственному чувству, Катерина Аррагонская всегда готова была оказать племяннику свое содѣйствіе. Но дѣло представляло также и свои важныя трудности. Генрихъ VIII ни сколько не скрывалъ своего желанія жить по прежнему въ добромъ согласіи съ Франціею. Главные его совѣтники прямо расположены были въ пользу Франциска. Кардиналъ Вольси былъ у него почти на жалованьи. Послѣ избранія Карла въ императоры, въ головѣ англійскаго министра созрѣла мысль объ укрѣпленіи союза между Англіею и Франціею, и для этой цѣли уже условлено было свиданіе между обоими королями. Карлу надобно было стараться во что̀ бы то ни стало предупредить ихъ встрѣчу и ея возможныя послѣдствія. Нѣсколько недѣль длилась дипломатическая переписка, начавшаяся по этому поводу. Нидерландскіе уполномоченные при англійскомъ дворѣ употребляли всѣ усилія, чтобы, во время переѣзда Карла изъ Испаніи въ Нидерланды, устроить свиданіе его съ Генрихомъ. Но имъ пришлось бороться со всемогущимъ вліяніемъ Вольси. Напрасно они предлагали ему ежегодный пансіонъ въ 200,000 дукатовъ: Вольси долго медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, какъ бы взвѣшивая умственно тяжесть испанскаго золота въ сравненіи съ французскимъ. Наконецъ Катеринѣ удалось переломить его сопротивленіе; но Вольси еще долго и упорно стоялъ на томъ, что французское свиданіе должно предшествовать испанскому. Однако нидерландскіе дипломаты также были очень настойчивы: они не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не достигли желаемаго. Въ апрѣлѣ 1520 года, не задолго до отъѣзда Карла изъ Испаніи, въ Лондонѣ подписанъ былъ между нимъ и Генрихомъ VIII договоръ, въ которомъ заранѣе условлены были всѣ обстоятельства встрѣчи ихъ на англійскомъ берегу (2).

(1) Въ особенности см. весьма замѣчательное конфиденціальное донесеніе Карлова повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Англіи Де-Шьевру отъ 7 апрѣля 1520, ibid. N 42.

(2) Ibid. N 43.

Вотъ чѣмъ болѣе всего озабочена была мысль Карла во время переѣзда его отъ испанскихъ береговъ къ предѣламъ имперіи. Онъ носилъ въ головѣ цѣлый рой политическихъ плановъ, которые привязаны были къ предстоявшему союзу съ Англіею. Многое зависѣло отъ перваго успѣшнаго шага. Еще неизвѣстно было, чѣмъ разрѣшатся переговоры съ однимъ союзникомъ, и какія отсюда могутъ возникнуть вновь отношенія къ Франціи: разрывъ или продолженіе мира, дружба или соперничество? Имперія пока еще была въ сторонѣ, а ужь отыскивались основанія для цѣлой системы будущихъ политическихъ дѣйствій. Карлу напередъ надобно было обдумать каждое свое слово при свиданіи съ Генрихомъ VIII, надобно было изловчиться заранѣе, чтобы этотъ важный союзникъ не ушелъ отъ его рукъ, и чтобы успѣть положить твердый камень для будущихъ зачинаній.

Въ маѣ того же года предположенное свиданіе двухъ королей дѣйствительно состоялось въ тѣхъ самыхъ формахъ и по тому этикету, которыя напередъ были условлены въ особенномъ договорѣ. Кажется, все произошло по желанію обѣихъ сторонъ. Карлъ остался доволенъ оказаннымъ ему почетнымъ пріемомъ, имѣлъ случай обо всемъ переговорить съ Генрихомъ, и черезъ нѣсколько дней потомъ, по прибытіи въ Нидерланды, получить отъ него визитъ на своей землѣ. Свиданіе могло служить образцомъ обоюдной вѣжливости и деликатности, и высокіе родственники повидимому разстались совершенными друзьями.

Какой же былъ политическій результатъ свиданія? Со стороны Карла мы не находимъ въ изданныхъ документахъ никакого оффиціальнаго выраженія недовольства. Сверхъ того насъ положительно извѣщаютъ, что ему удалось переломить упорство кардинала Вольси и рѣшительно склонить его въ свою пользу обѣщаніемъ ему своего императорскаго содѣйствія при будущемъ избраніи на папскій престолъ. Далѣе находимъ мы въ «Памятникахъ» Габсбургскаго дома новый договоръ между Карломъ и Генрихомъ VIII, подписанный съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того въ Калѣ, которымъ подтверждались всѣ прежде заключенные между ними трактаты, и каждая сторона по прежнему обязывалась помогать другой въ

случаѣ угрожающей ей внѣшней опасности (1). Но не будемъ еще спѣшить заключеніемъ. Чтобы оцѣнить по справедливости плоды личныхъ переговоровъ Карла съ Генрихомъ VIII, надобно еще упомянуть объ одномъ промежуточномъ событіи, которое имѣло мѣсто между ихъ свиданіемъ и заключеннымъ между ними въ послѣдствіи Калескимъ договоромъ.

Едва только проводивъ своего гостя и отплативъ ему визитъ, Генрихъ VIII готовился уже къ новому свиданію — съ королемъ французскимъ. Оно произошло въ первой половинѣ іюня и продлилось почти до конца того же мѣсяца. Театромъ ему служила небольшая мѣстность близь Кале, гдѣ въ то время французскія владѣнія сходились съ англійскими: Генрихъ VIII учредилъ свою квартиру въ Гинѣ (Guines), Франциск I — въ Ардрѣ (Ardres). Промежуточное пространство занято было двумя лагерями. Зрѣлище имѣло далеко необыкновенный видъ; давно между христіанскими государями не бывало ничего подобнаго какъ по внѣшнему блеску и великолѣпію, такъ и по самому характеру событія. Точно какъ будто сходились между собою два сказочные короля, чтобы пощеголять другъ передъ другомъ красотою и роскошью своего убранства, блескомъ своей многочисленной свиты, наконецъ своею собственною статностію и силою. Каждый хотѣлъ напередъ ослѣпить другаго, поразить его удивленіемъ, чтобы потомъ великодушно подать ему руку на дружескій союзъ. Тутъ ни къ чему не годились самыя тонкія политическія соображенія, а весь успѣхъ долженъ былъ зависѣть отъ силы личныхъ впечатлѣній съ той и другой стороны. Кто былъ впечатлительнѣе, отъ того и надобно было ожидать, что онъ сдастся первый. Сначала все происходило въ строгомъ порядкѣ, по установленному заранѣе церемоніалу и этикету. Первая встрѣча двухъ королей устроена была почти съ сценическимъ эффектомъ. Въ назначенный день каждый изъ нихъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, тронулся изъ своего лагеря и ѣхалъ по указанному ему

(1) См. ibid. № 52 (14 іюля 1520). Впрочемъ условія написаны были лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; напр. **sed quod bona fide et realiter eosdem tractatus in futurum observabimus, et quod contra quoscunque invadentes nos invicem defendemus, prout dictorum tractatuum vigore tenemur, astringimur et obligamur.**

направленію, такъ чтобы имъ обоимъ можно было встрѣтиться на срединѣ промежуточнаго пространства. На высотахъ, которыя съ двухъ противоположныхъ сторонъ окружали лежавшую между ними равнину, Генрихъ VIII и Францискъ I, какъ благородные витязи старыхъ нѣмецкихъ сказаній, оставили каждый свою свиту и спустились внизъ къ приготовленной для нихъ палаткѣ: тамъ, въ виду множества зрителей, которыхъ взоры устремлены были на нихъ съ ближайшихъ высотъ, они встрѣтились между собою, обнялись дружески и рука въ руку вошли въ шатеръ, чтобы наединѣ передать другъ другу свои планы и мысли. Главный предметъ переговоровъ составлялъ предполагавшійся бракъ между наслѣдникомъ французскаго престола и единственною дочерью Генриха VIII, Маріею. Само собою разумѣется, что разговоръ ихъ остался тайною для постороннихъ наблюдателей, и изъ всей этой сцены они вынесли лишь одно замѣчаніе, что въ самую минуту встрѣчи споткнулась лошадь подъ англійскимъ королемъ. Охотники до примѣтъ не пропустили потомъ безъ вниманія и другаго обстоятельства, то есть что въ слѣдующую ночь буря повалила ту самую палатку, въ которой назначенъ былъ пріемъ тому же королю съ французской стороны. Не смотря на всѣ эти случайности въ обоихъ лагеряхъ продолжало царствовать совершенное согласіе. Вскорѣ послѣдовало открытіе рыцарскаго турнира, на которомъ приглашены были участвовать всѣ желающіе. Первыя роли на немъ принадлежали самимъ вѣнчаннымъ особамъ. Францискъ I и Генрихъ VIII неутомимо соперничали другъ передъ другомъ воинственною ловкостію и крѣпостью въ рукѣ. Шесть дней бились они на копьяхъ, съ готовностію принимая всѣ дѣлаемые имъ вызовы; два дня потомъ длился бой широкими мечами, при чемъ противники были на лошадяхъ; наконецъ они сошли съ коней и сражались пѣшіе. Много огня инэнергіи потрачено было въ этомъ притворномъ бою, много развито силы и ловкости съ обѣихъ сторонъ. Царственные рыцари превзошли всѣхъ своею твердостію и стойкостію, но между ними самими превосходство оказалось на сторонѣ французскаго короля. Вызванный Генрихомъ VIII на единоборство, онъ низложилъ его и ни разу потомъ не далъ ему взять верхъ надъ собою. Впервые можетъ быть въ своей жизни Генрихъ VIII

долженъ былъ понизить то высокое мнѣніе, которое до сихъ поръ онъ имѣлъ о своей личной доблести.

Впечатлѣніе не могло быть пріятно для Генриха; но оно скоро исправилось, благодаря открытому характеру Франциска и его рыцарскому поведенію. До сихъ поръ всѣ свиданія и встрѣчи между ними происходили по условленному чину, въ которомъ столько же участвовалъ этикетъ, сколько и взаимная недовѣрчивость. Заранѣе опредѣлялось число лицъ, которыя должны были сопровождать ихъ при встрѣчахъ, съ точностію отмѣривалось пространство, наконецъ исчислялись самые шаги, которые надобно было сдѣлать съ обѣихъ сторонъ, чтобы сойдтись на назначенномъ мѣстѣ. Если англійскій король дѣлалъ визитъ французской королевѣ въ Ардрѣ, то французскій король въ то же самое время отправлялся на поклонъ королевѣ англійской въ Гинѣ. Нѣкоторое время Франциск ъ довольно терпѣливо сносилъ весь этотъ наложенный на него чинъ, или условленный порядокъ, и выполнялъ его въ точности; но потомъ онъ сталъ явно тяготиться имъ. Врожденная живость его характера никогда не могла совершенно помириться со внѣшнимъ принужденіемъ; онъ возмущался духомъ, видя себя заключеннымъ въ какой-то магическій кругъ и обязаннымъ двигаться какъ бы по снурку внутри отведеннаго ему пространства. Но всего болѣе противна была его душѣ та обоюдная подозрительность, которою проникнуты были всѣ отношенія двухъ дворовъ, когда главная цѣль въ томъ и состояла, чтобы по возможности уничтожить всѣ поводы ко взаимной недовѣрчивости. Франциск ъ I былъ молодъ и исполненъ вѣры въ людей. Какъ самъ онъ открытъ былъ тогда для всѣхъ благородныхъ впечатлѣній, такъ вѣрилось ему, что и всякій другой, у кого бьется въ груди человѣческое сердце, долженъ предпочесть прямой и откровенный способъ дѣйствія тонкимъ политическимъ изворотамъ. Отъ чего, думалъ онъ, не остаться рыцаремъ и въ политикѣ? Къ чему были всѣ эти церемоніи и еще болѣе оскорбительныя мѣры предосторожности между двумя благородными властителями, если они сколько нибудь уважали другъ друга? Не лучше ли было бы имъ, положившись на честное слово одинъ другаго, встрѣчаться между собою запросто, не разбирая мѣста и времени,

какъ слѣдуетъ друзьямъ, братьямъ, наконецъ какъ это прилично людямъ, которымъ хорошо знакомы понятія о чести?..

Нетерпѣніе Франциска скоро взяло верхъ надъ всѣми сомнѣніями. Въ одно утро, вставши ранѣе обыкновеннаго, онъ взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ и никому ничего не говоря отправился съ ними прямо по направленію къ Гиню. Англійская стража въ 200 человѣкъ думала остановить его у подъемнаго моста. «Объявляю васъ, господа, моими плѣнниками,» сказалъ имъ Франциск съ самою непринужденною и веселою миною, и велѣлъ немедленно вести себя къ королю. Внѣ себя отъ удивленія, Англичане совершенно потерялись въ присутствіи нежданнаго гостя; прежде чѣмъ они рѣшились загородить ему дорогу, онъ уже стоялъ у дверей королевскаго жилища и стучался въ нихъ. Можно представить изумленіе только пробудившагося отъ сна Генриха! Но онъ былъ также молодъ, и эгоизмъ не успѣлъ еще пустить въ немъ глубокихъ корней. Поступокъ Франциска поразилъ его тѣмъ пріятнѣе, что нисколько не затрогивалъ его щекотливаго самолюбія. Генрихъ VIII и самъ начиналъ скучать, чувствуя недостатокъ свободы въ движеніяхъ, и потому онъ очень обрадовался, увидѣвъ передъ собою не въ урочный часъ французскаго короля. «Вы сыграли со мной отличную штуку — сказалъ онъ Франциску, называя его притомъ своимъ братомъ: благодаря вамъ, я знаю теперь, какъ надобно жить съ вами. И такъ—это кончено, я признаю себя вашимъ плѣнникомъ и отдаюсь въ ваше распоряженіе.» Вслѣдъ за тѣмъ онъ подалъ своему гостю золотое ожерелье, прибавивъ: «Прошу васъ носить его въ знакъ любви къ вашему плѣннику.» Франциск не хотѣлъ оставаться въ долгу и тутъ же снялъ съ руки браслетъ, который стоилъ вдвое дороже. Вся эта сцена происходила въ спальнѣ Генриха VIII, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подняться съ постели. Замѣтивъ, что онъ хочетъ вставать, Франциск тотчасъ предложилъ ему свои услуги. «На нынѣшній день позвольте мнѣ быть вашимъ камердинеромъ,» сказалъ онъ Генриху, и въ самомъ дѣлѣ помогъ ему одѣваться. Оба короля разстались потомъ вполнѣ довольные другъ другомъ. Когда Франциск возвращался къ своему лагерю, нѣсколько человѣкъ выѣхали къ нему на встрѣчу. На лицахъ ихъ написано было тревожное безпокойство: всѣ не-

терпѣливо ждали его возвращенія, потому что боялись за его личную свободу. Обрадовавшись королю, маршалъ Флеранжъ не могъ сдержать своего нетерпѣнія и съ откровенностію, свойственною заслуженному воину, сказалъ ему: «Поступить такъ, какъ вы поступили, значитъ быть совсѣмъ безъ головы. Я очень радъ, что вы воротились по добру по здорову, и посылаю къ чорту того, кто далъ вамъ такой глупый совѣтъ.» На это король отвѣчалъ маршалу: «Я не спрашивалъ ничьего совѣта, зная заранѣе, что никто не посовѣтуетъ мнѣ того, на что̀ я уже рѣшился самъ про себя.»

На другой день та же исторія повторилась со стороны Генриха, который хотѣлъ отплатить визитъ Франциску. Съ того дня отношенія между двумя королями стали гораздо прямѣе и дружелюбнѣе. Впечатлѣніе было сдѣлано, и Генрихъ VIII все больше и больше располагался въ пользу своего благороднаго союзника. Правда, что Франциску не удалось склонить Генриха нарушить неутралитетъ, который онъ строго соблюдалъ до сего времени въ своихъ отношеніяхъ ко Франціи и Испаніи: съ помощію кардинала Вольси, запродавшаго свое содѣйствіе Карлу и Франциску вмѣстѣ, Катерина аррагонская успѣла еще удержать своего мужа отъ рѣшительнаго разрыва съ императоромъ. Далеко не вполнѣ достигнута была политическая цѣль, которая имѣлась въ виду при съѣздѣ, но Франциск I имѣлъ полное право гордиться своимъ успѣхомъ, ибо много выигралъ въ личномъ расположеніи къ себѣ Генриха VIII: по чувству какого-то невольнаго уваженія къ своему союзнику, Генрихъ, чего еще не случалось съ нимъ прежде, отступался по крайней мѣрѣ отъ нѣкоторыхъ своихъ формальныхъ претензій. Читая въ присутствіи Франциска условія вновь заключеннаго съ нимъ трактата, онъ остановился на первыхъ же словахъ: «Я, Генрихъ, король Англіи», и сказалъ дружески: «Я думалъ было прибавить—и Франціи; но такъ какъ эти слова были бы ложью въ вашемъ присутствіи, то я отказываюсь отъ нихъ»!..

Но возвратимся къ тому, кто служилъ поводомъ и вмѣстѣ былъ главнымъ предметомъ всей этой тонкой политической игры.

---

(1) См. подробности объ этомъ съѣздѣ у Гальяра, ibid. p. 438 — 432.

Карлу, находившемуся тогда въ Нидерландахъ, нелегко было помириться съ мыслію о томъ, что происходило у него въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Почти на глазахъ Карла перенимали у него союзника, на котораго онъ расчитывалъ всего болѣе въ своихъ будущихъ отношеніяхъ къ Франціи. Что могъ онъ съ своей стороны противопоставитъ тому дару обольщенія, котораго тайна заключалась болѣе всего въ самой личности Франциска? Равную ему любезность и рыцарскую прямоту въ обращеніи? Но ихъ вовсе не было въ природѣ и характерѣ Карла. Силу и высокое значеніе своего императорскаго авторитета? Но ими всего менѣе можно было подѣйствовать на своевольный и независимый нравъ Генриха VIII. На сторонѣ Карла, сравнительно съ его соперникомъ, было пожалуй однимъ внѣшнимъ преимуществомъ больше: онъ имѣлъ удовольствіе принимать у себя въ Гравелингенѣ англійскаго короля уже послѣ свиданія его съ французскимъ. Племянникъ могъ удостовѣриться изъ устъ самого дяди, что имперія не имѣетъ причины опасаться въ немъ врага себѣ. Но чтобы, во время вторичныхъ переговоровъ, совершенно уравновѣситъ въ душѣ Генриха то хорошее впечатлѣніе, которое произведено было на него французскимъ королемъ, на это у Карла недостало врожденной любезности и пріятности обращенія, а замѣнить ихъ нельзя было никакимъ искусствомъ. Отъ того даже и въ новомъ своемъ свиданіи съ дядею Карлъ не могъ выговорить у него ничего болѣе, кромѣ подтвержденія прежняго союза, да и тѣмъ кажется обязанъ былъ больше продажности кардинала Вольси, нежели своему личному вліянію.

Итакъ, что бы Карлъ ни предпринималъ для себя, во всемъ суждено было ему сталкиваться съ своимъ сосѣдомъ по Нидерландамъ, Испаніи и Германіи. Ему нельзя было сдѣлать шага безъ того, чтобы не почувствовать передъ собою совмѣстника, не всегда конечно счастливаго, но всегда бдительнаго и дѣятельнаго. Корона Германіи и союзъ съ Англіею одни уже могли произвести между ними сильное охлажденіе и навсегда подорвать ихъ искреннее довѣріе другъ къ другу. А тамъ еще былъ нескончаемый споръ за бургундское наслѣдство, за Наварру, за Италію. Не расчерпать было имъ мирно ни одного изъ этихъ спорныхъ дѣлъ. Но истиннымъ яблокомъ раздора

лежала между ними Италія. Побѣдителю ли при Мариньяно было отказаться отъ нея? А съ другой стороны, если уже король Испаніи не считалъ себя безопаснымъ въ Неаполѣ, пока Французы угрожали ему изъ Ломбардіи, то какъ могъ потерпѣть ихъ здѣсь императоръ Германіи? Они загораживали ему путь къ Риму, они отдаляли его отъ Неаполя, они наконецъ нарушали цѣлость и связь его владѣній въ Германіи и Италіи. Владѣя нѣсколькими соединенными королевствами и располагая первою короною въ мірѣ, могъ ли Карлъ допустить чужое вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, которую онъ считалъ своею по многимъ правамъ?...

Пока еще, впрочемъ, тянулись переговоры о Наваррѣ, пока еще не были вовсе потеряны надежды на поддержаніе мира, Карлу не оставалось ничего болѣе, какъ, пользуясь этимъ временемъ, утвердить свою власть въ имперіи торжественнымъ вѣнчаніемъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Принявши присягу отъ нидерландскихъ членовъ, Карлъ отправился въ Ахенъ. Осенью съѣхались туда, одинъ за другимъ, всѣ важнѣйшіе чины имперіи, курфирсты, князья и графы, а въ концѣ ноября 1520 послѣдовало и самое вѣнчаніе съ неслыханною дотолѣ роскошью и великолѣпіемъ. Карлъ подтвердилъ клятвою свое согласіе на предложенную ему князьями капитуляцію и торжественно провозглашенъ былъ королемъ Германіи и Римскимъ императоромъ. Съ той минуты въ рукахъ его были судьбы половины западнаго христіанскаго міра.

Какіе же виды занимали Карла на этой высотѣ, или какіе планы вновь нараждались въ его головѣ, и были ли они достойны его величія? объ этомъ мы предоставляемъ себѣ говорить въ непродолжительномъ времени. Въ настоящемъ случаѣ мы лишь хотѣли познакомить читателей съ здоровымъ Карломъ V, какъ имъ уже извѣстны слабыя и больныя его стороны.

П. Кудрявцевъ.

ВЪ СВѢТѢ И ДОМА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

СЧАСТЛИВОЕ ДѢТСТВО. — ПЕРВОЕ ГОРЕ.

Дѣвочки обыкновенно раньше начинаютъ размышлять нежели мальчики. Въ четырнадцать лѣтъ, когда мальчикъ еще лазитъ по деревьямъ, дѣвочка уже бросаетъ куклы, дѣлается смирнѣе, степеннѣе, часто задумывается и любитъ сидѣть одна. Та, которая за годъ передъ тѣмъ шалила наровнѣ съ братьями, шумѣла цѣлый день и безпрестанно рвала платье, — теперь стыдится дѣтскихъ громогласныхъ игръ, стыдится игрушекъ. Въ эти года дѣвочки сильно ростутъ и бываютъ худы; онѣ начинаютъ *подыматься*, какъ говорятъ нянюшки, и въ эти-то странные года, когда онѣ уже не совсѣмъ дѣти, но еще и не дѣвушки взрослыя, любопытно взглянуть на нихъ, чтобъ лучше узнать характеръ женщины потомъ.

Въ четырнадцать лѣтъ Ольга Озерская была высокая, блѣдная дѣвочка съ черными умными глазками и черными густыми волосами. Она была больна въ этотъ годъ и много выросла послѣ болѣзни.

— Какова у меня становится Ольга, говариваъ часто ея отецъ, скоро мать переростетъ; не увидимъ время, какъ будетъ невѣста.

Точно дѣтское время стало проходить для Оленьки; она перемѣнялась замѣтно съ каждымъ днемъ. До сихъ поръ живой и болтливый ребенокъ, она вдругъ присмирѣла — стала молчаливѣе, рѣже смѣялась. По лицу ея пробѣжало какое-то новое, задумчивое выраженіе и остановилось на немъ — на время. Самый голосъ ея измѣнился, сталъ тише прежняго, ровнѣе и пріятнѣе.

Она меньше стала говорить и больше думать чѣмъ прежде. Она стала ласковѣе къ отцу и матери. Чувства ея стали какъ бы сильнѣе и глубже.

Отецъ и мать ея были очень добрые люди и воспитывали дѣтей своихъ безъ всякой заданной напередъ теоріи. У нихъ кромѣ Оленьки были двѣ меньшія дочери и два сына. Все семейство жило вмѣстѣ спокойно, счастливо и дружно.

Хорошо было для Оленьки, что первыя ея мысли, когда она стала думать и понимать, остановились на родной семьѣ, хорошо было начинать съ домашняго круга. Все, что̀ окружало дѣвочку, ея родные, домашнія отношенія, порядокъ и смыслъ вседневной жизни, все это занимало ее, обо всемъ этомъ она теперь стала думать. Она понимала, что все это ей дорого, и спрашивала себя, почему и на сколько. Она знала уже, что умѣетъ любить различно, каждаго по своему. Она стала наблюдать вокругъ себя, замѣчая за собой и за другими.

Отецъ ея, Павелъ Александровичъ Озерскій, былъ умный человѣкъ, хорошо образованный по своему времени и много видѣвшій на своемъ вѣку. Онъ женился поздно на кроткой, хорошенькой дѣвушкѣ, которой воспитаніе и характеръ обѣщали ему много счастія, и не обманулся въ своемъ ожиданіи.

Павелъ Александровичъ совершенно отдался семейной жизни: жена и дѣти были единственными предметами его мысли; онъ жилъ только для нихъ. Его вліяніе на свой домашній кругъ было очень велико; онъ былъ въ самомъ дѣлѣ душою его; около него собиралась вся семья. Въ деревнѣ, гдѣ всегда полгода жили Озерскіе, въ большомъ помѣстительномъ домѣ, обросшемъ вокругъ тѣнистымъ, свѣжимъ садомъ, гдѣ жизнь проходила такъ тихо отъ весны до перваго снѣга, они всѣ были особенно счастливы.

Эту деревню купилъ Павелъ Александровичъ вскорѣ послѣ женитьбы; онъ самъ развелъ этотъ садъ, и онъ любилъ этотъ маленькій цвѣтущій уголокъ земли, на которомъ собралъ вокругъ себя все, что̀ ему было дорого.

Жена его, моложе его двадцатью годами, была сама какъ будто старшею его дочерью, и невольно чувствовалось, глядя на это семейство, что все его счастіе, все что̀ связывало его такъ крѣпко, все зависѣло отъ главной опоры, отъ Павла Александровича.

Это прежде всего было почувствовано Оленькою.

Не менѣе отца любила она добрую мать свою; но между ними не было той нравственной, внутренней связи, которая соединяла всѣхъ дѣтей съ отцемъ. Въ характерѣ Оленьки, несмотря на любящее, доброе сердце, было много твердости и даже упорства. Павелъ Александровичъ умѣлъ управлять этимъ характеромъ, зналъ какъ взяться за него, а добрая Катерина Дмитріевна, кроткая и слабая женщина, умѣла только любить и баловать своею любовію. Дѣти не всегда ея слушались.

Старшій братъ Оленьки былъ ея любимецъ, для него и за него она готова была все перенести. Часто въ дѣтскихъ играхъ ихъ между собою, когда онъ обижалъ ее и его за это наказывали, Оленька горько объ этомъ плакала и сердилась на тѣхъ, кто наказывалъ его. Даже на отца возставала она за брата. Чѣмъ онъ пріобрѣлъ такую безграничную привязанность? онъ не зналъ, и она сама не знала, да и не допытывалась знать. И теперь, когда она начинала понимать то, что̀ чувствовала до сихъ поръ безотчетно, когда она стала повѣрять каждую свою привязанность, стараясь объяснить ее себѣ — она и не подумала даже о томъ, за что̀ такъ любитъ Сашу?

Эти странности не рѣдки въ женщинахъ; сердцу женщины часто нужна такая особенная, сильная привязанность, которая бы наполнила его все, и оно любитъ всѣми силами, не спрашивая зачѣмъ и почему.

Саша былъ умный и способный мальчикъ. Старше сестры двумя годами, онъ былъ тогда уже не ребенокъ; но рѣзвый и живой, вѣтреный и веселый, по шалостямъ своимъ онъ былъ еще дитя. Онъ живо чувствовалъ все прекрасное и увлекался

всякою мыслію. На него всѣ родные смотрѣли съ надеждой, и Оленька считала его геніемъ.

Меньшіе дѣти, Митя, Лиза и Вѣрочка, были въ то время еще очень малы, и проводили бо́льшую часть дня въ дѣтской съ старою Англичанкой. Ихъ шалости, ихъ игры и смѣхъ оживляли домъ. Оленька любила ихъ всѣхъ и иногда играла съ ними, ласкала ихъ, но мало еще объ нихъ думала.

Все семейство жило тихо, тою спокойною жизнію, въ которой незамѣтно подвигается время день за день, незамѣтно подростаютъ дѣти, старѣютъ и измѣняются люди; они жили тихо и просто, семейною жизнію, о которой вспомнить такъ грустно послѣ, когда она прошла невозвратно.

Такъ протекли три года, и многое перемѣнилось. Оленька стала большая дѣвушка и очень похорошѣла; ея воспитаніе подходило къ концу; Саша вступилъ въ университетъ и прошелъ два курса прекрасно, занимаясь прилежно подъ надзоромъ отца; Катерина Дмитріевна постарѣла немного; Павелъ Александровичъ посѣдѣлъ совсѣмъ. Прошло три года счастливой жизни Озерскихъ, когда страшное горе посѣтило семью—не стало Павла Александровича.

Отецъ Оленьки былъ долго боленъ: за нимъ хорошо ходили добрая жена его и старшіе дѣти. Много любви было около постели больнаго, много теплыхъ молитвъ слышалъ Богъ во время его болѣзни; но смерть пришла въ свое время и взяла свое.

Оленьку сильно поразила эта потеря; она всею душей предалась новому для нея чувству грусти, и въ первое время здоровье ея замѣтно отъ этого пострадало. Она не только чувствовала, но и понимала свою потерю.

Со смертію Павла Александровича многое перемѣнилось. Катерина Дмитріевна стала заниматься дѣлами. До сихъ поръ она ни во что не вступалась и теперь новыя ея обязанности поразили ее своею многосложностію и разнообразіемъ; съ непривычки у нея часто не хватало силъ и умѣнья. Дѣла управленія имѣніемъ испугали ее своею запутанностію, несмотря на то, что у нея было довольно большое состояніе. Павелъ Александровичъ самъ не былъ хорошимъ хозяиномъ; онъ провелъ бо́льшую часть жизни на службѣ и поздно принялся за свои дѣла. Какъ большая часть русскихъ помѣщиковъ, онъ заложилъ имѣніе,

не имѣя надобности въ деньгахъ; это было сдѣлано на случай выгодной спекуляціи съ благородною цѣлью увеличить состояніе для дѣтей; но выгодной спекуляціи не представилось, деньги прошли между рукъ, а имѣніе осталось въ залогѣ. Раза два или три случался неурожай; между тѣмъ подроставшіе дѣти требовали лишнихъ, необходимыхъ издержекъ; оказалась недоимка; перезаложили имѣніе, и годовой платежъ казенныхъ процентовъ прибавился. Павла Александровича эти запутанныя обстоятельства сильно тревожили подъ конецъ его жизни; женѣ онъ не любилъ говорить объ нихъ. Немудрено, что бѣдная женщина, узнавши ихъ въ то время, какъ горе поразило ее, много перемѣнилась и постарѣла. Дѣти ея были еще слишкомъ молоды; она не говорила съ ними о дѣлахъ; чаще всего она сидѣла одна. Оленька въ это время больше прежняго сблизилась съ братомъ; они дѣлили между собою свои первыя впечатлѣнія и шли покуда рука объ руку въ жизни.

ГЛАВА II.

НОВОЕ ЛИЦЕ.

Прошелъ годъ траура, грусти и печали; опять Озерскіе переѣхали въ свою подмосковную, Грачево, и живутъ тихо въ деревнѣ. Катерина Дмитріевна все еще груститъ и занимается дѣлами, которыя идутъ кое-какъ; она посѣдѣла не по лѣтамъ. Маленькія дѣти выросли и также беззаботно, весело играютъ въ саду, когда не учатся. Оленька ждетъ не дождется Саши. Его задержали экзамены по университету; онъ долженъ въ этотъ годъ перейдти на послѣдній курсъ. Такъ какъ онъ зимой былъ долго боленъ и отсталъ отъ товарищей, то у него теперь много занятій, и Катеринѣ Дмитріевнѣ присовѣтовали, для облегченія его, взять ему помощника, прошедшаго университетскій курсъ. Одинъ изъ профессоровъ рекомендовалъ ей молодаго человѣка, вышедшаго кандидатомъ, за годъ передъ тѣмъ. Уѣзжая въ Грачево, мать поручила Сашѣ самому условиться съ нимъ въ цѣнѣ и уговорить его переѣхать къ нему на время. Григорій Николаевичъ Невѣрскій помѣстился такимъ образомъ въ

ея московскомъ домѣ съ Сашей, съ которымъ они очень скоро сошлись, такъ какъ они и прежде были знакомы по университету. Невѣрскій былъ совершенная противоположность Саши. Занимаясь постоянно наукой, трудясь для того, чтобы жить, онъ рѣдко бывалъ веселъ. Не всегда довольный своими трудами и занятіями, но покоряясь судьбѣ своей по необходимости, онъ рано сдѣлался серіознымъ и можетъ быть подъ часъ скучнымъ человѣкомъ. Товарищи любили его за доброе сердце, но онъ рѣдко бывалъ съ ними, живя по большей части одинъ, съ своими книгами. Въ обществѣ женскомъ онъ никогда не бывалъ и не имѣя ни какого понятія о свѣтѣ, легко могъ быть въ немъ лишнимъ и подъ часъ смѣшнымъ лицемъ. Несмотря на разные характеры и положенія, онъ скоро сошелся съ Сашей; они привыкли другъ къ другу. На Сашу онъ имѣлъ большое вліяніе. Невѣрскій былъ старше Озерскаго годами и опытомъ: не мудрено, что на первый разъ перевѣсъ остался на его сторонѣ; въ послѣдствіи они сравнялись, оставаясь конечно каждый на своемъ мѣстѣ.

Окончивъ свои занятія и выдержавъ экзаменъ, Саша, съ согласія матери, пригласилъ Невѣрскаго съ собою на лѣто въ деревню.

Послали лошадей и коляску за молодыми людьми, приготовили имъ комнаты. Ихъ ждали къ вечеру, потому что день былъ очень жаркій. Оленька съ самаго утра была въ волненіи; она съ нетерпѣніемъ ждала брата, съ которымъ не видалась болѣе мѣсяца и безъ котораго очень скучала. Къ этому примѣшивалось и любопытство видѣть Невѣрскаго. Саша нѣсколько разъ писалъ къ ней объ немъ и ей хотѣлось самой судить о человѣкѣ, сдѣлавшемъ по видимому сильное впечатлѣніе на ея брата и умѣвшемъ въ короткое время пріобрѣсть его довѣріе и дружбу. Нетерпѣніе Оленьки увеличилось еще болѣе къ вечеру; она давно уже сидѣла на терассѣ, откуда была видна проселочная дорога, и не спускала глазъ съ этой дороги, стараясь разглядѣть, не покажется ли вдали экипажъ; притаивая дыханіе, она прислушивалась, не ѣдутъ ли. Вечеръ былъ очень тихъ; становилось поздно. Оленька начинала уже безпокоиться, что братъ такъ запоздалъ въ дорогѣ, какъ вдали послышался топотъ лошадей. Она закричала матери: «ѣдутъ!» Ка-

терина Дмитріевна вышла на терассу, и обѣ стали прислушиваться. Стукъ экипажа становился явственнѣе, слышнѣе и ближе съ каждою минутою, наконецъ показалась коляска на деревнѣ, встрѣченная громкимъ лаемъ. Она проскакала мимо избъ, въѣхала во дворъ и остановилась у калитки палисадника. Оленька бросилась на встрѣчу къ брату, и первая обняла его.

Маленькая семейная сцена встрѣчи была очень мила и показалась такою Невѣрскому; онъ наблюдалъ ее изъ коляски, не спѣша разстроить ее своимъ появленіемъ. Ему понравилась хорошенькая фигура дѣвушки въ бѣломъ платьѣ, которая пробиралась между цвѣтовъ палисадника рядомъ съ братомъ; онъ замѣтилъ и доброе материнское лице, которое глядѣло на нихъ съ терассы.

Послѣ первыхъ поцѣлуевъ вспомнили о Невѣрскомъ. Саша вытащилъ его изъ коляски и, извиняясь въ своей забывчивости, представилъ матери и сестрѣ. Катерина Дмитріевна заговорила съ нимъ, Оленька молча поклонилась ему и сѣла разливать чай. Черезъ самоваръ ей мало было видно Невѣрскаго; къ тому же лампа, освѣщая ея лице, мѣшала ей смотрѣть въ его сторону. Напротивъ Невѣрскій, при яркомъ освѣщеніи, падавшемъ какъ нарочно на нее, могъ очень хорошо разсмотрѣть молодую дѣвушку. Его поразила стройная правильность ея лица и особенно красота ея глазъ.

— Какъ тебѣ нравится мой Невѣрскій? спросилъ шепотомъ Саша у сестры.

— Такъ-себѣ, ничего, онъ кажется не хорошъ собою, но у него умное лице, отвѣчала она: — судя по разговору его съ маменькой должно быть онъ не глупый человѣкъ.

— Не только не глупый, но даже очень умный, отвѣчалъ Саша:—человѣкъ образованный и съ этимъ вовсе не педантъ; нѣтъ, онъ славный малый, я увѣренъ, что онъ тебѣ понравится, когда ты съ нимъ познакомишься покороче; къ его лицу ты скоро приглядишься, когда узнаешь его самого.

На другой день Оленька проспала. Ее разбудила дѣвушка, говоря, что всѣ уже встали и ждутъ ее разливать чай. Она наскоро одѣлась и, не заплетая косы, велѣла подобрать назадъ всѣ свои волосы. Густымъ узломъ завернулись они вокругъ гребня: эта простая прическа очень шла къ молодой дѣвушкѣ,

*

но вмѣстѣ съ тѣмъ придавала лицу ея что-то ребяческое. Когда она въ-торопяхъ вбѣжала въ залу, гдѣ вся семья уже собралась, и спѣша занять свое мѣсто за самоваромъ и чайнымъ приборомъ, бросила одинъ бѣглый взглядъ и одинъ поклонъ всѣмъ окружающимъ, она показалась Невѣрскому просто ребенкомъ. «Вѣрно я ее не разсмотрѣлъ вчера, подумалъ онъ про себя: она показалась мнѣ гораздо старше.»

За чайнымъ столикомъ завязался веселый разговоръ, въ которомъ и болтовня дѣтей нашла себѣ мѣсто, и за этимъ гостепріимнымъ столомъ Невѣрскій скоро освободился отъ замѣшательства, свойственнаго постороннему человѣку въ кругу чужаго семейства; онъ сдѣлался веселъ и разговорчивъ. Отпили чай; дѣти отпросились у матери побѣгать немножко въ саду передъ классами, къ великой досадѣ гувернера и старой гувернантки, которые усѣлись на терассѣ, чтобъ поворчать вмѣстѣ и побранить слегка Россію и Русскихъ отъ нечего-дѣлать. Катерина Дмитріевна ушла въ кабинетъ заниматься дѣлами. Саша пригласилъ Оленьку на верхъ; она пришла туда съ работой, и работая, разговаривала съ братомъ, обращаясь иногда и къ Невѣрскому; молодые люди играли на билліардѣ. Всѣ трое не видали какъ прошло время до обѣда. Вечеромъ была общая семейная прогулка. Дѣти забѣгали впередъ, взбирались на холмики по дорогѣ, разглядывая какъ садится солнце: ясно или въ тучку; рвали цвѣты и приносили ихъ то матери, то сестрѣ. Саша разказывалъ разные университетскіе анекдоты, и когда нѣсколько разъ дѣло доходило до него самаго, онъ ни сколько не хвасталъ, напротивъ умалчивалъ такъ много, что невольно раза два Невѣрскій перебилъ его, чтобъ отдать ему справедливость. Это пріобрѣло ему расположеніе Катерины Дмитріевны и Оленьки, и обѣ рѣшили въ тотъ же вечеръ, что онъ хорошій человѣкъ и кажется любитъ Сашу. Когда вечеромъ братъ съ сестрой остались одни вмѣстѣ, Оленька сама первая сказала Сашѣ:

— Мнѣ теперь твой пріятель въ самомъ дѣлѣ понравился; а то вчера я не хотѣла тебѣ сказать правды, чтобъ не обидѣть тебя, но лице его мнѣ очень не понравилось и самъ онъ мнѣ показался такимъ незамѣтнымъ, такимъ обыкновеннымъ человѣкомъ.

— Да въ Невѣрскомъ и точно нѣтъ ничего необыкновеннаго: онъ просто умный малый и хорошій человѣкъ.

— Онъ очень умно разказываетъ и видно, что у него доброе сердце; нынче я уже привыкла и къ его лицу.

— Онъ нехорошъ собой, это правда, но мнѣ нравится выраженіе его лица.

— И мнѣ также, отвѣчала Оленька: — когда онъ разговариваетъ, у него очень пріятное выраженіе. Нѣтъ, онъ вовсе не такъ дуренъ; это мнѣ такъ вчера показалось, я его не разглядѣла. Кто онъ, Саша? у него манеры препорядочныя.

— Онъ учитель исторіи и еще чего-то не помню въ какомъ-то пансіонѣ.

— Учитель? онъ непохожъ на русскихъ учителей. Помнишь, насъ прежде училъ Ѳедоръ Никифоровичъ: на что онъ былъ похожъ? не знаетъ куда руки дѣвать и говоритъ *поелику*, а вѣдь умный человѣкъ и ученый тоже. Этотъ совсѣмъ не такой, совсѣмъ нѣтъ. Есть у него родные? какъ его зовутъ?

— Его зовутъ Григорій Николаевичъ, а кто онъ такой и кто его родные, я право не знаю, отвѣчалъ Саша:—знаю только, что онъ вездѣ и со всѣми умѣетъ держаться на своемъ мѣстѣ. У меня бывали товарищи, богатые студенты: посмотрѣла бы ты какъ всѣ съ нимъ обращались хорошо.

— Онъ что дѣлаетъ? служитъ? спросила Оленька.

— Нѣтъ еще, онъ кажется хочетъ держать экзаменъ на магистра, пойдти по ученой части.

— Охота ему, какая скука!

Тутъ позвонили къ ужину и тѣмъ кончился разговоръ брата съ сестрой о Невѣрскомъ.

ГЛАВА III.

ВЗАИМНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ.

Грачево понравилось Невѣрскому; ему полюбилась тихая деревенская жизнь, свободная, покойная, гдѣ по звону сбирались къ обѣду и ужину, гдѣ для всякаго занятія было много времени. Онъ скоро вошелъ въ жизнь и привычки дома, и самъ сдѣлался въ немъ своимъ, домашнимъ человѣкомъ. Съ нимъ

обращались и не такъ какъ съ гостемъ, и иначе чѣмъ съ другими посторонними лицами домашняго круга. Онъ держалъ себя съ достоинствомъ передъ хозяевами и не входя въ слишкомъ короткія отношенія съ гувернеромъ и гувернанткой, умѣлъ въ одно время понравиться имъ своею вѣжливостію и рѣзко отдѣлить себя отъ нихъ. Катеринѣ Дмитріевнѣ нравилось то уваженіе, которое онъ оказывалъ всѣмъ ея словамъ и то, что въ домѣ его не было слышно. Люди никогда не ворчали на него и всегда ставили его въ примѣръ иностранцамъ, когда тѣ выводили ихъ изъ терпѣнія. Съ Оленькой онъ обращался всегда просто, учтиво.

Въ Оленькѣ было много природной граціи, откровенности и простоты. Она говорила всегда то, что̀ думала, никогда не лгала и не притворялась. Въ первыя минуты знакомства со всякимъ она была дика и неловка, а потомъ тотчасъ же высказывалась вся какъ есть. Злости и несправедливости она не могла выносить, и въ пылу негодованія, не помня себя, она часто была готова сама сдѣлать несправедливость: не разбирая дѣла, увлеченная сердцемъ, она осуждала рѣзко, коротко и скоро того, кто по ней былъ виноватъ. Она была очень умна; въ умѣ ея было много тонкой проницательности и быстроты соображенія. Она тотчасъ понимала мысль другаго, схватывала ее на лету, видя всѣ ея повороты и измѣненія. Воображеніе ея было такъ сильно, что когда она о чемъ думала, ея мысли представлялись ей такъ образно, какъ будто-бы она ихъ видѣла. Вспыльчивая и прямая, она не могла затаить ни добраго ни дурнаго чувства; всякій могъ судить и осудить ее. Невѣрскаго она сильно заняла. Привыкши надъ всѣмъ наблюдать вокругъ себя, онъ съ любопытствомъ и участіемъ остановилъ на ней свое вниманіе. Любуясь ея молодою красотой и проблесками ума и воображенія, онъ часто думалъ, что-то выйдетъ изъ нея? какая-то изъ нея будетъ со временемъ женщина?

Прошелъ мѣсяцъ и болѣе съ тѣхъ поръ какъ Саша привезъ Невѣрскаго въ деревню; съ каждымъ днемъ онъ становился короче съ Оленькой, съ каждымъ днемъ открывалъ въ ней что нибудь новое; участіе его къ молодой дѣвушкѣ увеличивалось. Не разъ онъ спрашивалъ себя: «точно-ли это простое, безкорыстное участіе?»

«Я могъ бы любить такую дѣвушку», подумалъ онъ какъ-то въ одинъ вечеръ, когда сидя съ ней вдвоемъ на балконѣ онъ слушалъ то, что̀ она ему говорила; разговоръ былъ довольно серіозный, и какъ всегда, Оленька съ увлеченіемъ высказала свое мнѣніе. « Ее можно любить долго и искренно, думалъ Невѣрскій, съ каждымъ годомъ будутъ крѣпнуть въ ней мысли и чувства, она пойметъ жизнь, и жизнь ея будетъ полная, прекрасная; она будетъ хорошая, умная женщина.»

— О чемъ это вы такъ задумались? спросила его вдругъ Оленька.

Невѣрскій смѣшался, спутался и отвѣчалъ, что думалъ объ одномъ изъ своихъ прежнихъ товарищей.

— Право? вы объ этомъ думали? проговорила Оленька, посмотрѣвъ на него недовѣрчиво и стараясь отгадать отъ чего онъ солгалъ и что̀ онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ. Это маленькое происшествіе сдѣлало на Невѣрскаго сильное впечатлѣніе; онъ сталъ строго наблюдать за собою съ этихъ поръ, слѣдя не только за своими поступками, но и за своими впечатлѣніями.

« Любить ее было бы сумасшествіе съ моей стороны », говорилъ онъ себѣ, «между нами никогда не должно быть такого чувства. И къ чему повела бы меня такая любовь? » Такъ разсуждалъ практическій молодой человѣкъ, успокоивая свое воображеніе и сердце. И между тѣмъ какъ онъ всею силою твердаго характера старался усмирить невольное волненіе при видѣ молодой хорошенькой дѣвушки, которую встрѣчалъ ежедневно, на нее онъ дѣлалъ сильное впечатлѣніе, которое она не умѣла и не хотѣла остановить. Невѣрскій сначала занялъ ее просто, какъ новое лице; но потомъ, въ частыхъ разговорахъ ихъ между собою, въ которыхъ высказывался его умъ и познанія, въ домашнемъ кругу ея, гдѣ онъ, бѣдный человѣкъ, живущій своими трудами и получавшій прежде деньги отъ ея семейства, умѣлъ поставить себя такъ благородно и свободно,—она поняла и оцѣнила его. Такъ какъ онъ былъ старше ея и лѣтами и опытомъ, то скоро она стала повѣрять свои молодыя мысли на его болѣе зрѣлыхъ и твердыхъ понятіяхъ, привыкла уступать ему, спрашивать его. Между тѣмъ его положеніе казалось ей несправедливымъ. Оленька, какъ и всякая молодая дѣвушка въ ея лѣта, не могла

еще имѣть собственныхъ понятій и взглядовъ на общество и отношенія сословій; ея мнѣнія въ этомъ отношеніи были мнѣнія ея круга, того сословія, въ которомъ она родилась и выросла. По этимъ понятіямъ, учитель ея брата, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, не былъ ей равнымъ; онъ могъ быть принятъ въ общество, къ которому она принадлежала, только на извѣстныхъ условіяхъ, не дѣлаясь никогда настоящимъ его членомъ, не получая въ немъ всѣмъ прочимъ предоставленныхъ правъ. Прилагая это къ Невѣрскому, къ его образованію, достоинству, Оленька почувствовала въ первый разъ сомнѣніе. Сравнивая его съ Сашей, она не могла не подумать, что положеніе его въ свѣтѣ могло казаться ему оскорбительнымъ; ей стало жаль его, — жаль потому, что она не находила ему исхода изъ этого положенія и не умѣла оторваться отъ мнѣній, данныхъ ей воспитаніемъ. Въ своемъ обхожденіи съ Невѣрскимъ она совершенно опровергала заданную ей теорію, слѣдуя въ этомъ одному увлеченію своего сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала жалѣть объ немъ.

Сожалѣніе—опасное чувство; оно часто, очень часто прокладаетъ дорогу другому, болѣе сильному и глубокому. Какъ это дѣлается, нельзя замѣтить и опредѣлить, и всегда какой нибудь посторонній случай выведетъ наружу полусознанное чувство, которое въ тихомолку жило въ человѣческой душѣ. Случай этотъ представился и показалъ Оленькѣ, какъ измѣнила она своимъ прежнимъ мнѣніямъ, какъ далеко зашло ея сердце.

ГЛАВА IV.

КНЯГИНЯ И КНЯЗЬ.

Въ десяти верстахъ отъ подмосковной Озерскихъ, ближе къ городу, на высокомъ берегу Москвы рѣки, было прекрасное имѣніе князей Мавриныхъ-Горбатовыхъ, село Воздвиженское. За пять верстъ отъ усадьбы былъ поворотъ съ шоссе въ широкую аллею высокихъ, старыхъ липъ, которая, пробираясь между лѣсу, прямою линіей, только за версту отъ дому поворачивала въ право. Здѣсь начинался паркъ, давно насаженный и хорошо поддерживаемый; крѣпкіе мосты, прочно убитыя

дороги, свѣжій, ровный газонъ — все говорило напередъ, что это имѣніе заведено издавна богатою рукой, что это помѣстье наслѣдственное, которое не переходило изъ рукъ въ руки. Наконецъ въѣзжали въ широкія ворота, и прямо противъ нихъ открывался, среди огромнаго правильнаго двора, обстроеннаго каменными службами, старинный барскій домъ, съ бельведеромъ, и вправо отъ него церковь богатой архитектуры. Это имѣніе, село Воздвиженское съ деревнями, всего около тысячи душъ, было родовое помѣстье князей Горбатовыхъ. Въ немъ жила княгиня Наталья Дмитріевна постоянно шесть мѣсяцевъ въ году, со времени кончины своего мужа, съ единственнымъ своимъ сыномъ; остальные шесть мѣсяцевъ она проводила въ Петербургѣ. Княгиня была знатная и богатая женщина. Умная и гордая, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ благородная по характеру, она съ достоинствомъ поддерживала знатность своего имени. Воспитанная въ началѣ нынѣшняго столѣтія, она была аристократка какъ въ мысляхъ, такъ и на дѣлѣ, она считала себя нѣсколько повыше другихъ и давала это иногда чувствовать; но не отступая ни на волосъ отъ преимуществъ своего сословія, она заставляла уважать его въ себѣ за личныя свои достоинства. Это былъ цѣльный, полный характеръ, который ни въ чемъ и никогда не измѣнялъ себѣ. Но исключительность ея взглядовъ на жизнь ни сколько не охладила въ ней сердца.

Княгинѣ было давно уже за сорокъ лѣтъ; но лице ея, правильное, умное и спокойное, сохраняло еще остатки красоты, а портретъ ея, сдѣланный когда ей было двадцать лѣтъ, въ первый годъ ея замужства, вполнѣ оправдывалъ страсть и выборъ князя Андрея Юрьевича, ея покойнаго мужа, который женился на ней по любви, нѣсколько на перекоръ планамъ своихъ родителей. Княгиня сама по себѣ была изъ стариннаго и извѣстнаго рода, но она рано осталась сиротой и была воспитана у старой тетки, и потому положеніе ея до замужства не было блестящимъ, и князь не пріобрѣлъ чрезъ этотъ бракъ никакихъ новыхъ связей. Княгиня рано овдовѣла и не смотря на красоту свою, она не вышла за мужъ въ другой разъ, а посвятила себѣ совершенно сыну своему, князю Юрію Андреевичу, единственному наслѣднику и представителю рода князей Мавриныхъ-Горбатовыхъ. Она сама воспитывала его,

сама управляла имѣніемъ его, входя съ участіемъ женщины доброй въ положеніе людей, ввѣренныхъ ея управленію, и стараясь внушить чувство этого долга и отвѣтственности сыну своему. Гордая и разборчивая во всемъ другомъ, тутъ она не гнушалась самыми мелкими подробностями въ томъ, что̀ касалось выгодъ крестьянина. Между тѣмъ привыкши къ обществу и къ уваженію въ обществѣ, она даже и въ деревнѣ, не смотря на свои занятія, любила принимать. Всякій спѣшилъ знакомиться съ нею; бывать у княгини Натальи Дмитріевны считалось въ нѣкоторомъ родѣ рекомендаціей, короткое знакомство съ нею—особенною честію.

Сынъ ея лицемъ былъ очень похожъ на нее; у него были тѣ же свѣтло-русые волосы, тѣ же умные каріе глаза, тѣ же правильныя черты, но въ выраженіи лица его не было того покоя, той опредѣлительности, которая характеризовала лице его матери. Задумчивый взглядъ молодаго человѣка все будто искалъ чего-то, на чемъ бы остановиться, и никогда полная рѣшительная мысль не высказывалась окончательно на его лицѣ; то же было и въ его характерѣ. Въ немъ также было сходство съ характеромъ матери и также оказывалось различіе въ главной основной чертѣ. Видно было, что натуры ихъ были родныя между собою, что воспитаніемъ мать многое передала своему сыну, но главное ускользнуло или не успѣло еще развиться жизнію. Было что-то недосказанное, мягкое и гибкое въ молодомъ князѣ, способность вдругъ остановиться среди дѣйствія, какое-то непонятное ему влеченіе начать все и ничего не кончить, сказать и не договорить. А между тѣмъ, въ странномъ этомъ характерѣ, при всей этой нерѣшимости, шаткости направленія и дѣйствія, не было ни слабости, ни безсилія. Напротивъ въ немъ являлась рѣдкая энергія въ тѣ минуты когда, казалось, онъ вовсе не былъ способенъ дѣйствовать. Всего яснѣе проявлялась его измѣнчивость въ спорѣ. Часто увлекаясь, онъ говорилъ, долго и упорно защищая свое мнѣніе, говорилъ такъ, что не рѣдко ему случалось преклонить на свою сторону противника; но въ ту самую минуту, когда онъ установлялъ перевѣсъ своего убѣжденія, наскучивъ своею мыслію или споромъ, онъ вдругъ, въ самую по видимому горячую минуту, прерывалъ себя словами: « Да, оно конечно

такъ; но и вы можетъ быть правы; точно, и въ вашемъ мнѣніи есть вѣрныя черты.» Товарищи звали его софистомъ, но онъ не былъ имъ. Въ дѣлахъ, касающихся его чести, у него не было уклончивости, и если что вызывало негодованіе благородной души его, онъ разъ на всегда высказывалъ свое слово и держалъ его. Только доброе его сердце болѣло въ эти минуты, ему тяжело было выходить изъ себя и осуждать какое нибудь мелкое чувство или жалкій расчетъ подлости. Воспитанный матерью, онъ навсегда сохранилъ что-то женственное, что̀ въ сложности его характера было особенно привлекательно. Больше другихъ молодыхъ свѣтскихъ людей, онъ вдумывался въ жизнь, и не смотря на это, скорѣе и довѣрчивѣе другаго ввѣрялся всякому. Имя свое онъ съ дѣтства привыкъ уважать, и пренебрегая выгодами состоянія, гордился древностію своего рода. Всякою фамильною вещію, портретомъ или рукописью, онъ истинно дорожилъ. Но со всѣми этими аристократическими понятіями не было человѣка свободнѣе его въ обхожденіи. Княгиня тоже умѣла умомъ и сердцемъ обнимать положеніе людей другаго съ ней сословія, но, даже увлеченная самымъ горячимъ участіемъ и дѣлая истинно пользу тѣмъ, на кого обращала свое вниманіе, она всегда оставалась вѣрна себѣ, не забывая ни своего достоинства, ни своего положенія. Она была все та же знатная и гордая дама, когда расчитывала продовольствіе бѣднаго крестьянина или помогала его горю. Напротивъ того сынъ ея имѣлъ способность поддѣлываться къ языку, быту и образу понятій всякаго, и странно, эта обходительность его характера не нравилась его подчиненнымъ. Они любили гордую манеру княгини и осуждали обхожденіе князя. « Что̀ онъ за баринъ? говорили про него слуги: никакой амбиціи нѣтъ, нѣтъ въ немъ толку, самый простой человѣкъ. То ли дѣло матушка княгиня: королевой смотритъ, умная барыня, дай Богъ ей здоровья! » Князь всею душей былъ радъ помочь ближнему, всѣ силы готовъ былъ приложить, лишь бы принести пользу. Увлекаясь чувствомъ, онъ входилъ во всѣ мелкія подробности предмета, и отложивъ на время лѣнь, изучалъ его на мѣстѣ и на дѣлѣ; но онъ такъ усвоивался предмету, которымъ былъ занятъ, что терялъ свой личный взглядъ и характеръ на то время. Его часто обманывали; онъ зналъ это, и понималъ, что дѣло у него не спорилось.

Когда ему минуло двадцать одинъ годъ, княгиня, бывшая его единственною опекуншей и попечительницей, сдала ему въ присутствіи управляющихъ и повѣренныхъ по дѣламъ всѣ бумаги. Онъ выслушалъ спокойно и учтиво всѣ аккуратно составленные ею отчеты по управленію имѣніемъ, съ чувствомъ поблагодарилъ мать и отдалъ ей назадъ кипу бумагъ, которыя она положила передъ нимъ.

— Возьмите назадъ всѣ эти дѣла, maman, сказалъ онъ ей, вы вѣрно не откажетесь принять отъ меня довѣренность; я еще ничего не знаю и могу сдѣлать много вреда тамъ, гдѣ вы дѣлаете добро и пользу.

— Хорошо, мой другъ, я согласна, отвѣчала княгиня, но и тебѣ надо пріучаться къ дѣлу; я состарѣюсь со временемъ и не буду въ силахъ.

— Когда вы устанете, вы мнѣ скажите, а я покуда привыкну къ дѣлу съ вашею помощью и совѣтомъ.

Но къ дѣлу онъ не привыкъ; нѣсколько разъ пробовалъ, и оно ему не удавалось.

Княгиня надѣялась и думала, что онъ будетъ служить, но и тутъ надежда обманула ее. Ему или хотѣлось слишкомъ много или ужь ничего не хотѣлось; въ этомъ княгиня не понимала его.

— Нельзя быть тотчасъ министромъ, говорила она ему: — но ты князь Горбатовъ, у тебя есть родство, связи, ты не будешь безъ мѣста, у тебя вездѣ открытая дорога. Выбери любую и ступай по ней; твой отецъ, твой дѣдъ и прадѣдъ служили, нельзя же тебѣ оставаться недорослемъ изъ дворянъ.

Насилу уговорила она его записаться въ какое-то министерство; онъ числился на службѣ, вовсе почти не занимался ею и внутренно сердился, когда, къ великому удовольствію княгини, его представляли къ чину за отличіе. Онъ скучалъ петербургскою жизнію, не смотря на успѣхи свои въ обществѣ, скучалъ иногда и въ Воздвиженскомъ, которое любилъ и гдѣ жилъ каждое лѣто тихо, уединенно, проводя бо́льшую часть времени за книгами въ старинной отцовской библіотекѣ. Его жизнь была еще впереди и будущее манило его, ободряя иногда надеждой. Въ первые годы молодости человѣкъ больше живетъ воображеніемъ. Его манитъ все несбыточное, великое

и благородное, которое такъ рѣдко радуетъ жизнь нашу. Богъ знаетъ чего не придумывается въ эти года, на какія жертвы и подвиги не готовится человѣкъ. Но съ лѣтами, частію самъ собою, а больше еще внѣшнимъ давленіемъ окружающей насъ дѣйствительности, этотъ воинственный духъ утихаетъ, и герой, безъ поля дѣйствія для славы, перестаетъ быть героемъ, а живетъ просто человѣкомъ, живетъ пока живется и какъ приходится жить. Когда эта первая пора молодости прошла для князя Юрія Андреевича, когда онъ взялся было за дѣло, и дѣло ему не удалось, ему стало досадно. Съ-горяча его даже злость взяла; добрый отъ природы, онъ скоро смирился, но все таки не успокоился. Онъ сдѣлалъ другую попытку и опять опытъ кончился неудачей. Тогда онъ рѣшился остаться въ бездѣйствіи и ждать, не принесетъ ли ему жизнь умѣнья жить. Такъ часто многіе герои, обманувшись въ блестящихъ надеждахъ своихъ на себя, сидятъ у моря и ждутъ погоды, если еще они столько добросовѣстны, что не берутся не за свое дѣло.

ГЛАВА V.

КНЯГИНЯ ВЪ ГРАЧЕВѢ.

Въ концѣ іюня, княгиня пріѣхала въ Воздвиженское, гдѣ сынъ ея жилъ уже около мѣсяца. При ней была всегдашняя ея спутница, нѣмое лице, старая нѣмка, бывшая нянюшкой князя Юрія Андреевича. Юлія Ѳедоровна Миллеръ была дѣвушка лѣтъ шестидесяти пяти, очень добрая и сентиментальная, которая, окончивъ свое поприще въ домѣ княгини, оставалась въ немъ на вѣки вѣковъ, на пенсіи. Должности у нея никакой не было, но она постоянно по своей собственной охотѣ придумывала себѣ разныя обязанности изъ привычки имѣть какую нибудь отвѣтственность. То она присматривала за книгами князя, то за его медалями или статуэтками, то за какою нибудь любимою вещью его матери. Но главное и постоянное ея попеченіе составлялъ попугай княгини и всѣ цвѣты въ домѣ. Съ этою мечтательною и немного глупою нѣмкой кня-

гиня сжилась давно, привыкла къ ея молчаливой фигурѣ и не могла обойдтись безъ нея. Ихъ соединяло общее чувство: обѣ безъ памяти любили молодаго князя. Княгиня, пріѣхавъ въ Воздвиженское, провела цѣлый мѣсяцъ въ уединеніи, не принимала никого и занималась дѣлами, которыя нашла въ безпорядкѣ; она только-что воротилась изъ-за границы, гдѣ прожила цѣлый годъ, и годъ управленія князя Юрія Андреевича многое перемѣнилъ въ установленномъ ею порядкѣ. За границей она узнала о смерти Павла Александровича Озерскаго, съ которымъ была давно знакома, и это извѣстіе огорчило ее. Устроивъ свои дѣла въ Воздвиженскомъ, она рѣшилась, противъ своего обыкновенія, первая навѣстить Катерину Дмитріевну и поѣхала къ ней въ Грачево.

Было часовъ семь вечера, жаръ сошелъ, и начинался тихій, ясный вечеръ, съ надеждой на румяную зарю къ ночи и на ясную погоду на завтра. Катерина Дмитріевна сидѣла одна на балконѣ, дѣти бѣгали по саду, а въ ближней аллеѣ Оленька, Невѣрскій и Саша прохаживались взадъ и впередъ, разговаривая. Оленька была особенно хороша въ этотъ день. Розовое кисейное платье обвивало ее своими мягкими складками; гуляя, она сорвала бѣлую розу и воткнула ее съ вѣткой зеленыхъ листьевъ въ свои черные волосы. Она чувствовала, что была хороша; мать и братъ сказали ей оба каждый въ свою очередь: «какъ ты мила нынче, Ольга», а неосторожно продолженный взглядъ Невѣрскаго, который не ускользнулъ отъ ея вниманія, подтвердилъ ей то же. Гуляя она разговаривала весело. Изъ аллеи долетали до ея матери слова и цѣлыя рѣчи. Невѣрскій, всегда спокойный и серіозный, на этотъ разъ вполнѣ отдался веселому расположенію духа, которое пристало ко всѣмъ отъ Оленьки. Саша тоже былъ въ духѣ въ этотъ вечеръ и поддерживалъ оживленный разговоръ. Катерина Дмитріевна задумалась. Задумалась она такъ, что и не слыхала какъ подъѣхалъ экипажъ съ противоположной стороны дома. Наконецъ, неотвязный лай собакъ и потомъ шумъ шаговъ въ домѣ заставили ее опомниться; она встала, чтобъ идти узнать, что̀ такое, и къ большому удивленію своему на порогѣ гостиной встрѣтилась лицемъ къ лицу съ княгиней Натальей Дмитріевной.

— Я беру вашъ домъ приступомъ, Катерина Дмитріевна, шутя сказала ей княгиня: — меня не хотѣли пустить къ вамъ безъ докладу, но мы кажется довольно старыя знакомыя, чтобы не церемониться, особенно въ деревнѣ. Вы не ждали меня? Правда, мы съ вами уже такъ давно не видались.

— Я знала, что вы переѣхали въ Воздвиженское, княгиня, я слышала, что вы въ деревнѣ, отвѣчала Катерина Дмитріевна:—но я не успѣла быть у васъ. Вы не можете себѣ представить, сколько у меня дѣла теперь. Моя жизнь такъ перемѣнилась со смерти моего мужа, что у меня часто нѣтъ свободной минуты. Да и сама я стала совсѣмъ другая.

Княгиня съ чувствомъ, съ искреннимъ участіемъ, говорила съ нею о ея потерѣ, входя во всѣ подробности ея теперешняго положенія.

— Я васъ хорошо понимаю и по себѣ сужу объ васъ, сказала она:—и я прошла чрезъ то же въ жизни; я овдовѣла еще раньше васъ, и еслибъ не любовь моя къ сыну, не знаю, вынесла ли бы я тогда свое горе. Что жь дѣлать, Катерина Дмитріевна? въ жизни счастіе непрочно, и хорошо еще, когда есть для кого жить, кому посвятить себя, когда переживешь свое собственное счастіе.

Въ такихъ разговорахъ прошло болѣе получаса.

— Гдѣ же ваши дѣти? спросила княгиня, мнѣ бы хотѣлось ихъ видѣть. Я думаю, они теперь уже не маленькіе?

— Да, старшіе оба уже не дѣти, отвѣчала Катерина Дмитріевна: они всѣ теперь гуляютъ въ саду, я велю ихъ позвать.

— За чѣмъ ихъ звать? перебила княгиня, пойдемте лучше къ нимъ, я рада пройдтись по вашему саду: я въ деревнѣ живу по деревенски и люблю много ходить.

Онѣ вышли на терассу.

— Да какъ хорошъ становится вашъ садъ, сказала княгиня; не ужели все это вы насадили? Я такъ давно ужь не была у васъ въ Грачевѣ, столько лѣтъ! Мнѣ кажется, вы купили имѣніе неустроенное.

— Да, отвѣчала Катерина Дмитріевна, и кромѣ этихъ старыхъ липъ мой мужъ все самъ сажалъ, оттого-то мнѣ такъ дорого это маленькое имѣніе. Въ немъ столько воспоминаній.

— Какіе чудесные у васъ розаны, продолжала княгиня, идя по саду, и какъ хорошо разрослись клумбы!

Съ тактомъ богатой и деликатной женщины она умѣла вездѣ найдти что̀ похвалить. Катерина Дмитріевна, понимая это, тѣмъ не менѣе чувствовала удовольствіе отъ ея похвалы.

Въ первой аллеѣ онѣ встрѣтили трехъ маленькихъ дѣтей съ Нѣмцемъ и старою гувернанткой. Дѣти играли въ лошадки; Митя былъ кучеромъ; Лиза, старшая изъ двухъ дѣвочекъ, была запряжена въ корень, а меньшая, Вѣрочка, на пристяжки. Вся компанія, не разглядѣвъ, что съ матерью идетъ другая, незнакомая дама, во весь духъ принеслась на встрѣчу, и хорошенькая, кудрявая Вѣрочка, изгибаясь на манеръ пристяжной лошади, наткнулась прямо на княгиню. И кучеръ и лошади разомъ остановились какъ вкопаные.

— Славныя у васъ лошадки, Катерина Дмитріевна, смѣясь сказала княгиня, позвольте мнѣ ихъ всѣхъ перецѣловать. О, да какой молодецъ кучеръ! Пріѣзжай ко мнѣ въ гости въ Воздвиженское, у меня есть парочка маленькихъ лошадокъ, вотъ такихъ.

И она показала аршина полтора отъ земли.—Вотъ тамъ-то ты покатаешься.

— А ихъ можно запречь? онѣ не бьютъ? спросилъ ее мальчикъ.

— Нѣтъ, онѣ смирны, отвѣчала княгиня: да что̀ тебѣ ихъ бояться, когда ты вотъ съ какими справляешься?—И она потрепала по розовой щечкѣ пристяжную Вѣрочку.

— Ну поѣзжайте теперь дальше, сказала Катерина Дмитріевна дѣтямъ, которые стали болтать громко между собой, занятые маленькими лошадками княгини: — уѣзжайте пока не надоѣли. Да гдѣ Оля?

— Она съ Сашей и Григоріемъ Николаевичемъ ушла вотъ туда, отвѣчала Лиза, показывая вправо, въ другую аллею.

— Поѣзжайте къ нимъ на встрѣчу и скажите Олѣ, чтобъ она шла сюда къ намъ, продолжала Катерина Дмитріевна, пригласивъ княгиню сѣсть на деревянную скамейку.

Митя, собравъ въ руки возжи, погналъ своихъ лошадокъ въ галопъ, а старая Англичанка съ гувернеромъ поплелись за наѣздникомъ. Княгиня и Катерина Дмитріевна смѣясь глядѣли имъ въ слѣдъ.

— Какіе они всѣ у васъ хорошенькіе, сказала княгиня, и какъ мило говорятъ по-англійски: я слышала какъ дѣвочки говорили съ гувернанткой; у нихъ прекрасный выговоръ.

— Дѣти мои не будутъ богаты, отвѣчала Катерина Дмитріевна, мы съ мужемъ, не надѣясь оставить имъ большое состояніе, старались дать имъ по крайней мѣрѣ образованіе, которое необходимо въ наше время.

— Это точно очень важно. Хорошее воспитаніе, хорошее образованіе главное дѣло, отвѣчала княгиня, стараясь вглядѣться-ся въ показавшуюся вдали компанію.

Оленька съ братомъ и Невѣрскимъ, позванные дѣтьми, всѣ трое спѣшили къ скамейкѣ, гдѣ сидѣли дамы. Княгиня встала и прошла нѣсколько шаговъ на встрѣчу имъ. Катерина Дмитріевна представила ей своихъ старшихъ, но, или позабыла о Невѣрскомъ, или не сочла нужнымъ назвать его, такъ что гостья не обратила на него никакого вниманія, и только слегка наклонила голову въ его сторону. Это смѣшало молодаго человѣка, онъ почувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ, ему сдѣлалось неловко. Никто этого не замѣтилъ кромѣ Оленьки. Ее это невниманіе къ нему оскорбило больше чѣмъ можетъ быть его самаго; она не знала какъ поправить дѣло, самой ей представлять его было неловко. Ей хотѣлось подойдти къ нему, заговорить съ нимъ, вмѣшать его въ разговоръ; но она не знала какъ это сдѣлать, съ чего начать, какъ перебить княгиню, которая завела съ нею разговоръ по-англійски. Невѣрскій не понималъ этого языка, и стоя поодаль, точно былъ лишнимъ въ обществѣ; онъ понялъ это и ушелъ, ни кѣмъ кромѣ Олиньки не замѣченный. Гордая княгиня и не подозрѣвала, что обидѣла бѣднаго человѣка своимъ невниманіемъ и задѣла за живое сердце хорошенькой дѣвушки, съ которою такъ ласково разговаривала.

Сашѣ тоже было какъ-то не ловко, онъ не любилъ принужденія, а присутствіе княгини почему-то внушало ему какую-то несвойственную ему робость, что̀ между прочимъ понравилось ей, какъ признакъ уваженія съ его стороны. Ему было скучно, но онъ не рѣшался удалиться какъ ему этого ни хотѣлось. Наконецъ Катерина Дмитріевна предложила идти всѣмъ въ домъ. На балконѣ приготовляли чай; княгиня просила, чтобъ

ей дали мѣсто за общимъ столомъ съ дѣтьми: новая досада для Оленьки, которая надѣялась за чаемъ поправить дѣло съ Невѣрскимъ. Онъ пришелъ; онъ ужь успѣлъ оправиться отъ смущенія, и былъ опять такой же какъ всегда, только можетъ быть немного серіознѣе и холоднѣе обыкновеннаго. Послѣ чаю княгиня вскорѣ стала прощаться.

— Мнѣ у васъ такъ пріятно, сказала она Катеринѣ Дмитріевнѣ, которая благодарила ее:—что я еще бы рада посидѣть съ вами, но солнце уже садится, а мнѣ ѣхать далеко; если я опоздаю, сынъ будетъ безпокоиться обо мнѣ.

— Я пріѣду благодарить васъ въ Воздвиженское, сказала ей хозяйка.

— Надѣюсь, что и вы будете у меня? сказала княгиня Оленькѣ:—у меня довольно полная библіотека англійскихъ книгъ, я охотно ссужу вамъ нѣкоторыя, возьмите ихъ и держите хоть цѣлое лѣто. А вотъ бы вы хорошо сдѣлали, Катерина Дмитріевна, еслибъ пріѣхали когда нибудь въ воскресенье ко мнѣ обѣдать. Я теперь буду принимать по воскресеньямъ. Только у меня до васъ просьба: пріѣзжайте со всѣми дѣтьми. J'engage toute la société à me faire plaisir, продолжала она, обращаясь въ ту сторону, гдѣ сидѣли иностранцы и Невѣрскій. Они поклонились молча.

— И пристяжную привезите, продолжала княгиня, гладя по головкѣ кудрявую Вѣрочку.

Катерина Дмитріевна возразила, что дѣти наскучатъ ей своимъ шумомъ; но она отвѣчала, что любитъ все въ дѣтяхъ и даже ихъ шумъ, и еще разъ простившись со всѣми, уѣхала.

ГЛАВА VI.

ЛЮБОВЬ-ЛИ ЭТО?

— Счастливый путь вашему сіятельству, сказалъ Саша, кланяясь съ комическою важностью передъ дверью, въ которую за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вышла княгиня.—Пора гостямъ со двора. Ну, къ чему эти визиты и кому отъ нихъ весело?

— Стыдно, Саша, прервала его мать, которая, проводивъ княгиню, возвратилась въ это время на терассу;—стыдно быть неблагодарнымъ за участіе.

— Да за что, maman, прикажете благодарить княгиню, за то ли, что мы всей компаніей скучали цѣлый часъ?

— Кто скучалъ, я не знаю, съ неудовольствіемъ возразила Катерина Дмитріевна:—мнѣ по крайней мѣрѣ было очень пріятно видѣть у себя княгиню Наталью Дмитріевну; я ее очень уважаю: она женщина, которой общество очень полезно въ ваши лѣта. Тебѣ не мѣшаетъ побывать у ней, прибавила она противъ своего обыкновенія довольно строго.

Саша, непривыкшій къ нравоученіямъ, надулся, стараясь скрыть свое замѣшательство въ насмѣшливой улыбкѣ. Невѣрскій молчалъ по прежнему, Оленькѣ было неловко, досадно на княгиню и стало досадно даже на мать, когда она обратилась къ ней съ словами:

— Тебѣ вѣрно она понравилась, Оленька?

Оленька не умѣла лгать. Не смотря на то, что княгиня пріѣхала не во-время, разстроила общее веселое расположеніе и, что́ всего хуже, оскорбила Невѣрскаго, она очень понравилась молодой дѣвушкѣ, и что-то говорило ей, что она можетъ любить эту гордую женщину. Но Оленькѣ не хотѣлось сказать это при Невѣрскомъ: она боялась, что это будетъ ему непріятно.

— Ольга, я съ тобой говорю, чтожь ты не отвѣчаешь? повторила Катерина Дмитріевна, которой хотѣлось, чтобъ кто нибудь поддержалъ ея мнѣніе при сынѣ.—Какъ тебѣ нравится княгиня?

— Она кажется очень умная и образованная женщина, maman, отвѣчала Оленька робко, краснѣя подъ взглядомъ Невѣрскаго и Саши.

— Да, она очень умная и почтенная женщина; сколько добра она дѣлаетъ! сказала Катерина Дмитріевна,—а въ отношеніи къ свѣту, трудно найдти женщину, которая бы лучше умѣла держать себя. Какъ она принимаетъ! Вотъ вы увидите это: если будетъ хорошая погода въ воскресенье, мы поѣдемъ въ Воздвиженское. Надо отдать ей визитъ поскорѣе. Она рѣдко къ кому ѣздитъ, а ко мнѣ пріѣхала первая за десять верстъ.

— Что́ за важность, что она къ вамъ пріѣхала, чѣмъ вы хуже ея? перебилъ Саша съ досадой, и что́ такая за особенная честь въ ея визитѣ?

— Не горячись, перестань, сказала Катерина Дмитріевна, говори хладнокровнѣе. Кто изъ насъ лучше передъ Богомъ, про то знаетъ Богъ. Но въ свѣтѣ судятъ по своему. Княгиню уважаютъ не за одно ея богатство, не за то только, что она знатная женщина, и я благодарна ей за вниманіе. Ты самъ увидишь, что она умѣетъ себя держать какъ должно, и хотя она очень горда, но намъ она этого не даетъ чувствовать.

— Надѣюсь, что нѣтъ! еще бы! гордо и даже дерзко проговорилъ Саша.

Катерина Дмитріевна улыбнулась, пожала плечами и ушла.

— Терпѣть я не могу этихъ важныхъ барынь, сказалъ Саша подходя къ сестрѣ;—гордятся сами не знаютъ чѣмъ. Я гордость понимаю, да не такую.

— Еслибъ ты понималъ благородную гордость, тебѣ бы и въ голову не вошло то, что̀ ты думалъ, отвѣчала ему Оленька. Перестань объ этомъ говорить, продолжала она: княгиня вѣрно уже на полъ-дорогѣ домой и намъ не мѣшаетъ. Богъ съ ней, пойдемте гулять. Григорій Николаевичъ, что̀ вы задумались?

— Я думалъ объ вашихъ словахъ, Ольга Павловна, отвѣчалъ Невѣрскій: вы дали мнѣ хорошій совѣтъ. Вы правду сказали: не принимать на свой счетъ оскорбленіе, лучшее средство не получать его. Это разумная, истинная гордость. Благодарю васъ за наставленіе.

— Да я не вамъ это говорила, я сказала брату то, что̀ мнѣ пришло въ голову, отвѣчала Оленька, смѣшавшись оборотомъ, который онъ далъ ея словамъ.

— Во̀ всякомъ случаѣ вы сказали правду, а правда всегда пригодится.

— Полно, Невѣрскій! смерть какъ надоѣли всѣ эти разсужденія, перебилъ Саша, пойдемте гулять, авось разгонимъ скуку.

Они пошли всѣ трое вмѣстѣ. Нѣсколько разъ прошлись они по широкой дорожкѣ подъ тѣнью старыхъ липъ, которыхъ изгибистыя вѣтви покрывали ихъ будто высокимъ неправильнымъ сводомъ, и голоса ихъ опять звучали весело, и смѣхъ не разъ прерывалъ ихъ разговоръ. Молодость быстро переходитъ отъ ощущенія къ ощущенію. Нагулявшись вдоволь по аллеѣ, Оленька предложила пойдти отдохнуть въ бесѣдкѣ, которая была на концѣ сада. Они взошли на маленькій курганъ, на

которомъ восемь столбовъ поддерживали навѣсъ; столбы были просто березовые стволы, покрытые корой; тою же корой была обложена крыша бесѣдки. Вокругъ скамьи разросся густой хмѣль, который обвивалъ столбы, спускаясь вивкими гирляндами. Видъ отсюда былъ очень хорошъ. Шагахъ въ тридцати текла рѣка, не широкая правда, но извилистая; противоположный берегъ ея былъ довольно высокъ и подымался неправильными холмами, на которыхъ мѣстами зеленѣли букеты деревьевъ.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ Невѣрскій, облокотясь на спинку скамьи и обращаясь къ Оленькѣ.

— Да, это мое любимое мѣсто, отвѣчала она.—Здѣсь особенно хорошо вечеромъ. Посмотрите на рѣку теперь, не правда ли какъ она хороша? Когда я гляжу на эту рѣку, продолжала она вставая и вглядываясь пристальнѣе впередъ: я вижу какъ она течетъ не останавливаясь ни минуты, какъ будто что ее тянетъ; мнѣ приходитъ на мысль, что такъ и жизнь наша: уноситъ она насъ впередъ куда-то, увлекаетъ насильно. Тебѣ никогда не приходила эта мысль, Саша? ты не дѣлалъ этого сравненія?

— Такихъ поэтическихъ сравненій я не дѣлаю, отвѣчалъ онъ смѣясь: — но я понимаю, что жизнь перевернетъ и перемѣнитъ многое и въ насъ самихъ, и вокругъ насъ. Я вѣрю, что это будетъ, потому что это должно быть.

— И тебѣ не становится грустно когда ты это думаешь? спросила его Оленька, все глядя задумавшись на рѣку и холмы, по которымъ неровно ложились вечернія тѣни.

— А вамъ почему же отъ этого грустно? спросилъ ее вдругъ Невѣрскій вмѣсто брата.

— Да такъ, сама не знаю почему, отвѣчала она, остановивъ на немъ свои глаза;—не то чтобъ я боялась того, что̀ ждетъ меня впереди, но грустно мнѣ, что проходитъ что-то, чего нельзя воротить, жаль этого прошлаго, а остановить его нельзя и хочется узнать что̀ будетъ впереди.

— Вамъ жаль вашего дѣтства, которое проходитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жить хочется, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — такъ всегда бываетъ въ жизни; новое насъ манитъ, а съ старымъ жаль проститься.

— Не ужели вся жизнь проходитъ такъ? спросила Оленька, не ужели мы всегда до самой смерти идемъ впередъ и нѣтъ въ жизни ничего, на чемъ бы человѣкъ могъ остановиться и отдохнуть?

Говоря это, она подошла къ нему ближе; складки ея легкаго платья, развѣваясь въ воздухѣ, коснулись его руки, опущенной на колѣна. Онъ хотѣлъ сказать что-то дѣльное и разумное, но посмотрѣлъ на нее, помолчалъ и отвѣчалъ только:

— Дай Богъ, чтобъ вамъ пришлось найдти въ жизни счастіе и на этомъ остановиться!

— А покуда не угодно ли тебѣ продолжать путь? сказалъ Саша, не чувствуешь-ли ты влеченія впередъ или лучше сказать назадъ домой къ ужину? Я по крайней мѣрѣ не противъ этого.

Онъ подалъ ей руку, она громко и весело разсмѣялась, и всѣ трое пошли изъ бесѣдки.

Дорогой Оленька бросила бѣлую розу, которую сняла съ головы и которою играла во время прогулки, ощипывая завядшіе ея листки. Невѣрскій, который шелъ сзади, тотчасъ нагнулся и поднялъ цвѣтокъ; никто этого не видалъ.

— Невѣрскій, что́ ты отстаешь? закричалъ ему Саша черезъ минуту, или ты уже почувствовалъ желаніе остановиться и отдохнуть отъ жизни?

— Нѣтъ, я папироску закуриваю, отвѣчалъ онъ, пряча цвѣтокъ въ свою шляпу.

Въ Грачевѣ расходились рано; часу въ одиннадцатомъ, рѣдко въ двѣнадцатомъ, всѣ уходили въ свои комнаты. Въ этотъ вечеръ всѣ простились тотчасъ послѣ ужина. Невѣрскій ушелъ въ свою комнату. Ему хотѣлось быть одному. Онъ погасилъ свѣчу и сѣлъ у открытаго окна. Ночь была свѣтлая, лунная, и въ это время мѣсяцъ всходилъ на чистомъ небѣ прямо передъ его окномъ, бросая, между вѣтвей высокой, старой ели, широкую полосу сребристаго свѣта на дворъ, кусты зелени и траву. Большая, свѣтлая звѣзда загоралась рядомъ съ мѣсяцемъ на небѣ, и въ вечернемъ, спокойномъ воздухѣ пахли сильнѣе душистые цвѣты. Невѣрскій чувствовалъ что-то необыкновенное, въ чемъ онъ самъ не могъ сначала дать себѣ отчета. Никогда вліяніе прекраснаго не было такъ сильно

на его душѣ, онъ понималъ, что не одна неотразимая красота этой лѣтней ночи заставляла его сердце биться неровно и сильнѣе обыкновеннаго. Всѣ чувства его, всѣ мысли были въ какомъ-то напряженномъ возвышенномъ состояніи, и передъ разгоряченнымъ воображеніемъ его носился образъ Оленьки. Онъ долго сидѣлъ задумавшись, глядя на небо и держа въ рукахъ цвѣтокъ, который цѣлый день украшалъ ея хорошенькую голову, и который онъ подобралъ, когда она его бросила.

— Что это со мной сдѣлалось? я влюбился кажется въ нее? сказалъ онъ себѣ наконецъ, будто опомнившись.

Мысль о любви чистой и искренней, — любви, которую можетъ внушить только прекрасная дѣвушка, представлялась ему свѣтлою картиной счастія; что-то шепнуло ему даже, что онъ будетъ любимъ. Съ минуту онъ мечталъ какъ можетъ мечтать одна молодость, съ минуту только, потомъ разсудокъ заговорилъ, и свѣтлыя видѣнія разнеслись, изчезли, какъ изчезали въ эту минуту, какъ будто тàя, легкія облака, гонимыя вѣтромъ мимо мѣсяца. Княгиня, ея обхожденіе съ нимъ, все что говорилось и думалось въ ея обществѣ, пришло ему въ голову разомъ. Онъ вспомнилъ какъ далеко отъ него поставила жизнь Оленьку, и понялъ несбыточность своей мечты.

«Я просто нынче съ ума сошелъ,» проговорилъ онъ положивъ цвѣтокъ на окно и колеблясь, не бросить ли его вонъ; но одумался, взялъ его назадъ и положилъ въ книгу; потомъ заперъ свою комнату и сошелъ внизъ. Люди спали уже и не замѣтили его, онъ вышелъ въ садъ, раза два обошелъ его скорыми шагами, но и тутъ ему не было довольно воздуха и простора. Садъ былъ тѣнистый, обсаженный со всѣхъ сторонъ; къ тому же упоительный запахъ цвѣтовъ слишкомъ сильно дѣйствовалъ на его нервы. Онъ вышелъ въ бесѣдку, спустился черезъ валъ и канаву, и потомъ къ рѣкѣ. Долго ходилъ онъ по полю, глядя какъ тихо текла рѣка, вся серебряная отъ мѣсяца, отражая звѣзды небесныя и не останавливая своего ровнаго теченія ни на секунду. Мысли его, какъ бы уносимыя ея теченіемъ, неслись не останавливаясь впередъ, ровнѣе и тише, но грустнѣе, по мѣрѣ того какъ утихала ихъ тревога. Невѣрскій былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, ему надо

было разомъ переломить себя. Онъ рѣшился бороться всѣми силами съ возникающимъ въ груди его чувствомъ. Въ первый разъ, въ эту минуту, ему приходилось истинно и глубоко скорбѣть о невыгодѣ своего положенія; въ первый разъ въ немъ возникло что-то похожее на ропотъ.

Было поздно, и мѣсяцъ высоко взошелъ на ясномъ небѣ, когда усталый душею и тѣломъ молодой человѣкъ пошелъ домой. Ночная прогулка и свѣжій воздухъ сдѣлали ему пользу, онъ заснулъ скоро, и когда на другое утро всѣ мысли, мечты и чувства прошедшаго вечера припомнились ему, онъ спокойнѣе и хладнокровнѣе взглянулъ на свое положеніе.

Въ эту ночь и Оленькѣ тоже много снилось на яву; сначала ей сдѣлалось грустно, и долгая, усердная молитва ея къ Богу была полна печали. Но съ молитвой сошелъ на душу дѣвушки покой, и тогда она почувствовала, что въ душѣ ея дѣлается что-то новое, доселѣ небывалое. Долго колебались мысли въ головѣ ея, пока не уяснилось наконецъ смутное чувство. Она покраснѣла и опустила голову при мысли о любви; робкое, дѣвичье сердце, забившись, въ первый разъ вздрогнуло отъ страха и смущенія. Она отворила окно и между тѣмъ какъ вѣтеръ, пробираясь по цвѣтамъ въ саду, приносилъ ей ихъ тонкій запахъ; между тѣмъ какъ шопотъ деревьевъ ласкалъ ея слухъ: въ душѣ ея слагалось столько радости и счастія, что глядя на глубокое небо и на всю красоту Божьяго созданія, она молилась потихоньку сердцемъ. Когда же она легла въ постель и заснула спокойно, ея сонъ былъ будто однимъ продолженіемъ свѣтлыхъ мыслей и видѣній, съ которыми она заснула. Прошла прекрасная ночь, и солнце смѣнило мѣсяцъ, и свѣжая роса опрыскала цвѣты и траву, и было тепло, свѣтло и ясно, когда она проснулась рано утромъ прекрасная, оживленная первою беззаботною радостью любви.

ГЛАВА VII.

ПУТАНИЦА ВЪ МЫСЛЯХЪ.

Оленька одѣлась скоро, и когда она сошла внизъ, никто еще не приходилъ въ залу — всѣ только что просыпались; она вышла въ садъ и отправилась по дорожкѣ къ пруду, слушая, какъ

пѣли птицы и сама напѣвая что-то; такъ дошла она до пруда и тутъ на поворотѣ встрѣтила вдругъ Невѣрскаго. Она невольно вздрогнула и покраснѣла, потому что вовсе не ожидала видѣть его въ эту минуту.

— Я испугалъ васъ, извините, сказалъ онъ ей, стараясь также преодолѣть невольное замѣшательство.

— Да... нѣтъ... чего жь пугаться? отвѣчала она смѣясь и спокойно: — я только думала, что я одна рано встала. Что́ вы пришли рыбу ловить? прибавила она.

— Нѣтъ, я просто гуляю.

— Да еще съ книгой, какъ должно ученому человѣку, продолжала она; что́ это такое вы читаете? покажите пожалуста.

Онъ молча подалъ ей книгу.

— Ахъ какая досада — нѣмецкая; жаль, что я не умѣю по-нѣмецки. Вотъ я и не могу теперь узнать, что̀ это за книга.

— Это исторія, отвѣчалъ Невѣрскій.

Оленька, прислонясь спиной къ дереву, перелистывала его книгу и въ этомъ простомъ движеніи ея было столько красоты, что онъ невольно заглядѣлся.

— Это что́ такое? спросила она вдругъ, выронивъ изъ книги вѣточку розовыхъ листьевъ съ ощипаннымъ цвѣткомъ. Ахъ, Боже мой, я кажется выронила вашу замѣтку — извините пожалуста.

Она нагнулась и подняла ее.

— Что это у васъ за странная привычка замѣчать цвѣтами? Вы вѣрно гербарій собираете?

— Нѣтъ, такъ просто я люблю цвѣты и кладу ихъ въ книги иногда, отвѣчалъ онъ и старался взять у нея засохшую за ночь вѣтку, боясь чтобъ она ея не узнала.

— Вы не любите ли заниматься натуральною исторіей? продолжала она: — у насъ былъ учитель очень ученый, онъ все сушилъ цвѣты и разныя травы, и бабочекъ сажалъ на булавки... Да это кажется ощипанный цвѣтокъ, — и она всмотрѣлась въ него ближе, — охота же его беречь. — И вдругъ новая мысль блеснула въ ея головѣ; она вспомнила про свою вчерашнюю розу, вспомнила, что вечеромъ, расплетая косу, не нашла ея въ своихъ волосахъ, и покраснѣвъ до ушей, положила сухую вѣтку назадъ въ книгу и отдала книгу Невѣрскому. Онъ помол-

чалъ съ минуту, потомъ сказалъ совершенно спокойно: — Не знаю, право, когда я положилъ сюда этотъ цвѣтокъ; должно быть давно уже, потому что это не моя замѣтка: я читаю гораздо дальше.

Оленькѣ стало досадно и стыдно своей мысли.

— Совѣтую вамъ его бросить, сказала она Невѣрскому.

Но онъ не послѣдовалъ ея совѣту, и у нея осталась смутная надежда, что этотъ цвѣтокъ имѣетъ для него особое значеніе и что онъ бережетъ его въ знакъ памяти.

— Какъ это вы можете читать въ такое прекрасное утро? продолжала она.

— А что жь прикажете дѣлать?

— Гулять, что жь можетъ быть лучше.

— Я гуляю и читаю. Это еще лучше: соединяю полезное съ пріятнымъ.

Онъ лгалъ: книга была у него въ рукахъ только ради формы, онъ вовсе не сбирался читать ее.

— Вы не обидитесь, Григорій Николаевичъ, если я вамъ скажу, что̀ я объ васъ думаю? спросила она опять.

— Если не за что будетъ обижаться, разумѣется не обижусь.

— Мнѣ кажется, что вы самый положительный и серіозный человѣкъ на свѣтѣ. Вы хорошо сдѣлали, что пошли по ученой части: другому это было бы скучно, а къ вамъ это идетъ какъ нельзя лучше.

— Почему вы это думаете?

— Да вотъ хоть бы сейчасъ вамъ доказательство: чудесное утро, вы гуляете въ саду, гдѣ все такъ хорошо — цвѣты цвѣтутъ, птицы поютъ, а вы читаете, да еще нѣмецкую ученую книгу! Ну кто же на это способенъ кромѣ ученаго и серіознаго человѣка?

— Почему вы знаете, что я неспособенъ чувствовать и понимать все прекрасное также сильно, какъ другіе? Я вамъ скажу одно только, Ольга Павловна, всякому свое на бѣломъ свѣтѣ: вамъ цвѣты и радости, мнѣ скука и нѣмецкія книги.

— Такъ стало быть и вамъ отъ нихъ бываетъ скучно иногда, и вамъ надоѣдаютъ эти ученыя книги? спросила она живо и весело; я очень рада, очень рада!

— Не чему радоваться, перебилъ онъ; я все таки буду ихъ читать.

— Изъ упрямства.

— Нѣтъ не изъ упрямства, а для пользы, потому что мнѣ онѣ нужны. Да и то сказать, надо только взять привычку и ничто не будетъ трудно; ко всему привыкнешь.

— Просто я васъ не понимаю, сказала Оленька, выслушавъ его со вниманіемъ:—вы прѳстранный человѣкъ, не поймешь, что̀ вы любите, что̀ нѣтъ. Вотъ я теперь ужь и не знаю, нравятся ли вамъ эти книги или не нравятся.

— Нечего и узнавать, Ольга Павловна, не сто̀итъ того, право это не интересно.

Въ эту минуту послышался звонокъ къ чаю и прервалъ ихъ разговоръ.

Они пошли вмѣстѣ по дорожкѣ, которая вела къ дому. Оленька молчала, разбирая въ головѣ своей, точно ли этотъ человѣкъ скучный ученый, неспособный понимать никакого живаго и прекраснаго чувства, а только безжизненныя и сухія, какъ ей казались онѣ, трудности науки, или онъ только притворялся передъ ней, и невольно приходилъ ей на память цвѣтокъ, которымъ онъ какъ будто вовсе не дорожилъ, но который все таки не рѣшился бросить. Весь этотъ день она думала объ немъ, стараясь понять, точно ли она его полюбила и любитъ ли онъ ее. Оленьку сильно занималъ Невѣрскій; ей очень хотѣлось узнать, что̀ онъ объ ней думалъ, занимался ли онъ ею или кѣмъ нибудь другимъ, или только своими книгами; но она ни какъ не могла добиться толку. А онъ между тѣмъ сталъ яснѣе понимать то, что̀ она скрывала такъ хорошо отъ всѣхъ кромѣ него, то участіе, которое онъ внушилъ ей. Никому въ семьѣ это не входило въ голову, что̀ еще болѣе запутывало ихъ отношенія.

Невѣрскій не хотѣлъ воспользоваться неопытностію молодой дѣвушки и дать развиться чувству, которое при разности ихъ положенія въ жизни могло принести имъ обоимъ много непріятнаго, ей особенно, потому что она была моложе и вовсе не знала жизни. Чѣмъ неосторожнѣе была она въ своей откровенности, тѣмъ строже наблюдалъ онъ за собою.

Подходило воскресенье, въ которое Катерина Дмитріевна сби-

ралась ѣхать въ Воздвиженское,—отдать свой визитъ княгинѣ. Въ субботу за обѣдомъ начались толки о предстоящей поѣздкѣ.

— Я думаю на первый разъ поѣхать только съ вами двумя, сказала Катерина Дмитріевна, обращаясь къ двумъ старшимъ дѣтямъ своимъ:—хотя княгиня приглашала и дѣтей, но это можетъ быть одна учтивость съ ея стороны и лучше оставить это до другаго разу. Какъ вы думаете?

Оленька и Саша отвѣчали, что имъ все равно.—Вы лучше знаете, что̀ будетъ приличнѣе, прибавила Оленька.

— Княгиня, правда, просила меня привезти все наше общество, продолжала Катерина Дмитріевна нерѣшительно, да я право не знаю какъ это мы наѣдемъ вдругъ всѣ, насъ такъ много! это будетъ въ родѣ нападенія.

— Такъ поѣзжайте вдвоемъ съ Олей, сказалъ Саша.

— Отчего же тебѣ не ѣхать? это не учтиво передъ княгиней, которая звала тебя сама.

— Вамъ было бы спокойнѣе въ маленькой коляскѣ, сказалъ Саша, отдѣлываясь дипломатически отъ скучнаго визита.

— Не безпокойся объ насъ пожалуста, отвѣчала ему мать, улыбаясь его хитростямъ:—намъ будетъ очень хорошо въ большой каретѣ и очень пріятно въ твоемъ пріятномъ обществѣ. Тебѣ оставаться не для чего. Съ Григоріемъ Николаевичемъ ты, я надѣюсь, не церемонишься.

Разговоръ прервался съ окончаніемъ обѣда. Всѣ вышли на терассу. Катерина Дмитріевна толковала о чемъ-то съ Оленькою. Невѣрскій и Саша курили молча, сидя на ступенькахъ терассы, когда Катеринѣ Дмитріевнѣ подали записку.

— Вотъ видите какъ княгиня внимательна, сказала она, прочитавъ ее:—она нарочно прислала ко мнѣ, чтобъ напомнить мнѣ мое обѣщаніе. Она приглашаетъ насъ всѣхъ завтра къ себѣ обѣдать. Слышите, дѣти, и васъ также,—продолжала она, обращаясь къ тремъ маленькимъ, которыя играли подлѣ терассы,—и вы поѣдете въ Воздвиженское. Итакъ мы всѣ поѣдемъ, всей компаніей. Григорій Николаевичъ! и вы конечно съ нами? спросила она вставая, чтобъ идти отвѣчать на записку.

Оленька взглянула на него, ожидая его отвѣта. Онъ отвѣчалъ очень рѣшительно:—Нѣтъ, Катерина Дмитріевна, я останусь въ Грачевѣ, я не поѣду съ вами.

— Отчего же? спросила она съ удивленіемъ:—мы поѣдемъ въ нѣсколькихъ экипажахъ. Княгиня пригласила и васъ также, у нея очень пріятно, да и самое Воздвиженское стоитъ посмотрѣть.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ также учтиво, но рѣшительно,—я увѣренъ, что общество княгини Горбатовой прекрасное, а объ имѣніи ея я много слыхалъ, но все-таки я не поѣду съ вами.

— Напрасно, отвѣчала Катерина Дмитріевна немного съ досадой:—а впрочемъ какъ хотите.

И она ушла въ свой кабинетъ писать отвѣтъ на записку.

Оленька ушла въ садъ; ей было досадно, что Невѣрскій не поѣдетъ съ ними въ Воздвиженское, а между тѣмъ ей понравилось, что онъ отказался отъ приглашенія, которое не относилось прямо къ нему.

Она думала объ этомъ, когда онъ попался ей на встрѣчу. Она не могла скрыть отъ него своей мысли и спросила его прямо:

— Отчего вы не хотите ѣхать къ княгинѣ?

— Такъ, не хочется, отвѣчалъ онъ.

— Да отчего не хочется? продолжала Оленька.

— Просто такъ, я не расположенъ ѣхать.

— Не правда, сказала она живо, зачѣмъ вы говорите неправду? вы не ѣдете потому, что вамъ княгиня не понравилась.

— Почему вы это думаете? спросилъ Невѣрскій.—Вы ошибаетесь: напротивъ, княгиня, сколько я могъ судить объ ней, видѣвъ ее такъ мало, скорѣй понравилась мнѣ. Она, кажется, очень умная и образованная женщина.

— Вы говорите противъ себя, Григорій Николаевичъ, извините меня, но я не могу вамъ повѣрить.

— Вы можете мнѣ вѣрить или нѣтъ, какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Невѣрскій, но я все-таки скажу вамъ одно и тоже: княгиня Горбатова мнѣ нравится, и я вѣрю всему, что про нее говорятъ хорошаго.

Оленька покачала головой.

— Хотите, я скажу вамъ почему вы мнѣ не вѣрите? спросилъ онъ ее.

— Скажите, отвѣчала она.

— Потому что княгиня обошлась со мной довольно гордо, сказалъ онъ спокойно.

— Что было съ ея стороны очень глупо и неучтиво, перебила Оленька, покраснѣвъ отъ досады.

Невѣрскій улыбнулся, глядя на нее.

— Вы изъ этого заключили, что мнѣ княгиня не понравилась, продолжалъ онъ, что я обидѣлся, разсердился и потому не хочу къ ней ѣхать. Ольга Павловна, вы очень умны и добры, но вы еще людей не знаете.

— Почему вы это думаете? спросила она обиженнымъ голосомъ:—я вовсе не ребенокъ, мнѣ осьмнадцать лѣтъ.

Онъ опять улыбнулся, ей стало досадно.

— Вы отгадали намедни правду, мнѣ точно было немножко обидно сначала, продолжалъ онъ, но только на минуту, пока я не разсудилъ все хладнокровно.

— Какъ это люди умѣютъ такъ разсуждать, что ихъ досада проходитъ? спросила она, насмѣшливо улыбаясь:—я бы желала этому научиться, но я признаться этого не понимаю.

— Поймете когда нибудь, Ольга Павловна, со временемъ, отвѣчалъ Невѣрскій.—Мало ли что кажется непріятнымъ сначала, а какъ разберешь, что эту непріятность сдѣлали невольно, неумышленно, за что-жь сердиться? на кого? Кто виноватъ? Княгиня на жизнь смотритъ по своему. Какъ поглядѣть на свѣтъ Божій съ ея точки зрѣнія, такъ и видно, что она иначе и не могла бы поступить.

Оленька слушала со вниманіемъ.

— Такъ отчего же вы не хотите къ ней ѣхать, если она вамъ нравится и если вы на нее не сердитесь? спросила она его черезъ минуту.

— Оттого, что я у нея буду не на своемъ мѣстѣ, отвѣчалъ Невѣрскій.

— Почему же? спросила Оленька.

— Да не ужели вы не понимаете, что ваше общество не можетъ быть никогда моимъ обществомъ?

— Отчего это? оттого что вы не хотите въ него войдти, что вы отъ людей бѣгаете.

— Я не бѣгаю отъ людей, но общество вашихъ знакомыхъ не приметъ меня никогда, еслибъ я и захотѣлъ вступить въ

него, отвѣчалъ онъ:—поймите это, Ольга Павловна, это очень просто.

— Я не хочу этого понять и не могу, перебила она горячо и вспыльчиво. Почему человѣкъ образованный, такъ же какъ всѣ, не можетъ вступить въ общество? Это несправедливо, это не должно быть!

И дѣтское, благородное ея сердце закипѣло негодованіемъ, яркій румянецъ загорѣлся на ея щекахъ, придавая еще болѣе блеску ея глазамъ. Она была очень хороша въ эту минуту.

— По вашему это несправедливо, а по моему такъ справедливо, сказалъ Невѣрскій въ отвѣтъ тѣмъ же спокойнымъ, разсудительнымъ голосомъ.—У всякаго сословія свои понятія, свои мысли, на которыхъ оно основано и которыми держится. Каждый долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, Ольга Павловна; вотъ почему я не поѣду къ княгинѣ и вотъ почему она не виновата, если обращается со мною не такъ, какъ съ вами напримѣръ, или съ вашимъ братомъ.

Онъ говорилъ совершенно хладнокровно, безъ досады и грусти, а между тѣмъ Оленькѣ стало жаль его, такъ жаль, что она на силу могла удержать слезы, которыя готовы были брызнуть изъ ея глазъ.

— Вы намедни говорили о благородной гордости, продолжалъ Невѣрскій, по моему она-то и должна удерживать человѣка на своемъ мѣстѣ.

— Порядочный человѣкъ вездѣ у мѣста. Не говорите мнѣ лучше объ этомъ, я не хочу васъ слушать, сказала Оленька отрывисто и повернувшись ушла по дорожкѣ домой, между тѣмъ какъ онъ глядѣлъ ей вслѣдъ, долго стоя на одномъ мѣстѣ.

Онъ задумался, и она тоже, каждый по своему. Она шла домой, разбирая въ головѣ спутанныя мысли и понятія. Ея аристократическій взглядъ на жизнь сильно поколебался съ этихъ поръ, и она, не давая еще себѣ яснаго отчета почему, шла наперекоръ внушеннымъ ей понятіямъ. Такъ часто жизнь, мѣняя наше расположеніе, мѣняетъ и мысли, подъ вліяніемъ которыхъ мы дѣйствовали, пока наконецъ онѣ не установятся, не улягутся въ порядкѣ силою развившагося характера.

ГЛАВА VIII.

ОЗЕРСКІЕ ВЪ ВОЗДВИЖЕНСКОМЪ.

На другой день, часа въ два, подали экипажи. Всѣ собрались въ залѣ, дожидаясь Катерины Дмитріевны и Оленьки; гувернеръ и гувернантка не отходили отъ дѣтей, чтобъ они не смяли своихъ нарядовъ. Митя предложилъ было сестрамъ сбѣгать въ садъ, но его порывъ тотчасъ же былъ остановленъ гувернеромъ. Вся компанія стояла очень чинно, когда Невѣрскій и Саша сошли сверху. Скоро отворилась дверь; изъ гостиной вышла Катерина Дмитріевна и за ней Оленька.

— Всѣ ли готовы? спросила Катерина Дмитріевна и стала осматривать дѣтей. — Хорошо, сказала она, теперь поѣдемте, пора. Прощайте, Григорій Николаевичъ, напрасно вы не ѣдете съ нами.

Невѣрскій молча поклонился.

Катерина Дмитріевна вышла, за нею вышла вся компанія, исключая Невѣрскаго. Оленька шла послѣдняя, она остановилась передъ Невѣрскимъ.

— Прощайте, сказала она ему.

— Прощайте, отвѣчалъ онъ улыбаясь, желаю вамъ веселиться.

Оленька обернулась, взглянула на него, но некогда было возражать: мать ждала ее въ каретѣ.

— Желаю вамъ веселиться у княгини, повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ, и ушелъ на верхъ.

Черезъ минуту онъ видѣлъ въ окно какъ выѣзжала изъ воротъ большая карета, въ которой сидѣла Оленька съ матерью и братомъ, и вслѣдъ за ней коляски съ дѣтьми. Онъ закурилъ папироску, глядя вслѣдъ экипажамъ, которые скоро пропали изъ виду.

Оленька ѣхала и думала о томъ, что̀ онъ ей сказалъ. «Такъ онъ воображаетъ, что мнѣ будетъ очень весело тамъ, у княгини! Отчего же и нѣтъ? только страшно — я никогда у нея не была. Да гдѣ я и была до сихъ поръ? дома, все дома или иногда у бабушки. Здѣсь же совсѣмъ другое, здѣсь я никого не

знаю. Кто будетъ у княгини? и какъ я буду съ ними говорить? объ чемъ?» И какъ будто отвѣчая на ея мысли, Катерина Дмитріевна перебила ихъ вдругъ словами: «Оленька, ты нынче въ первый разъ будешь въ обществѣ, въ свѣтѣ; тебя княгиня пригласила не такъ какъ дѣтей, ты будешь сидѣть съ ней и съ тѣми кто у нея будетъ. Я рада за тебя, что въ первый разъ ты появишься въ домѣ княгини Мавриной. У нея самое лучшее общество и сама она почтенная женщина. Все таки будь осторожна; посторонніе, чужіе люди не то, что̀ свои. Въ свѣтѣ замѣчаютъ все, всякое слово, всякое движеніе и обо всемъ судятъ. Княгиня Наталія Дмитріевна добра и внимательна, но свѣтъ золъ и строго судитъ.» И она стала толковать ей какъ важны въ этомъ свѣтѣ вещи повидимому самыя пустыя и мелочныя, какъ строго глядитъ онъ за соблюденіемъ приличій, и совсѣмъ запугала и безъ того уже робѣвшую дочь свою. Какъ всякая молодая дѣвушка, Оленька давно мечтала о томъ счастливомъ времени, когда она перестанетъ учиться и будетъ выѣзжать. Ей казалось, что тутъ-то только начнется для нея настоящая жизнь, гдѣ встрѣтятъ ее однѣ радости. И вотъ теперь слова ея матери разрушали ея воздушные замки въ ту самую минуту, когда они повидимому должны были осуществиться. Общество людей незнакомыхъ, съ строгимъ взглядомъ, съ злымъ намѣреніемъ найдти въ ней непремѣнно что нибудь дурное,— вотъ что ее ожидало. Она вспомнила слова Невѣрскаго: «желаю вамъ веселиться у княгини», и они показались ей насмѣшкой. Тысяча мыслей путались въ ея головѣ, когда карета въѣхала на мощеной дворъ и остановилась у широкаго крыльца съ колонами — они пріѣхали въ Воздвиженское. Съ трепещущимъ сердцемъ вошла она въ слѣдъ за матерью въ большую переднюю, взглянула въ зеркало на свое краснѣвшее лице и посмотрѣла на дѣтей, и дѣти тоже присмирѣли; одинъ Саша былъ такой-же какъ всегда, беззаботный и веселый.

Двери въ залу отворились, все семейство пошло за Катериною Дмитріевною. Такъ какъ дорога была хороша, и они доѣхали раньше чѣмъ думали,—общество княгини, котораго такъ боялась Оленька, еще не успѣло собраться. Въ залѣ, гдѣ накрывали на столъ, около котораго суетился толстый дворецкій, кромѣ прислуги никого не было. Это ободрило Оленьку, и

когда она прошла черезъ двѣ пустыя гостиныя и на порогѣ хорошенькаго женскаго кабинета, наполненнаго цвѣтами, встрѣтила княгиню,—страхъ ея прошелъ совершенно. Княгиня приняла своихъ гостей со всею своею любезностію; всякому нашла она сказать что нибудь пріятное и умѣла направить разговоръ такъ, чтобъ онъ не наскучилъ молодой дѣвушкѣ и ея брату.

Дѣти разсматривали статуэтки и фамильные портреты, Саша и Оленька разговаривали съ княгиней. Катерина Дмитріевна была довольна своими дѣтьми, довольна хозяйкой дома. О гувернерѣ и гувернанткѣ княгиня тоже не забыла у себя въ домѣ; она поручила ихъ попеченію гостепріимной Юліи Ѳедоровны, которая скоро увела ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ садъ, гдѣ между цвѣтовъ и вокругъ фонтана терассы не замедлила показаться пара съ пристяжкой, направленная молодцемъ кучеромъ.

Княгиня смотрѣла на нихъ въ окно, и смѣясь показывала ихъ матери.

Немного спустя пришелъ князь. Княгиня представила его Оленькѣ, что̀ очень ее смѣшало. Она не знала, что̀ говорить съ нимъ. Краснѣя до ушей, она поклонилась ему молча. Князь сказалъ ей нѣсколько словъ, и замѣтя ея робость, отошелъ съ Сашей на другой конецъ комнаты.

Въ это время стали наѣзжать гости. Такъ какъ это были по большей части мужчины, то Оленька, сидя одна поодаль, могла слѣдить за всѣми и наблюдать вокругъ себя. Первый, на котораго она обратила вниманіе, былъ князь Юрій Андреевичъ. Она тотчасъ замѣтила, что онъ хорошъ собою, но что̀ понравилось ей въ немъ особенно, такъ это было обхожденіе. Есть что-то неуловимое во всякомъ движеніи, самомъ простомъ и незначащемъ, человѣка въ самомъ дѣлѣ порядочнаго; нельзя сказать, что̀ это такое, но нельзя этого не замѣтить. Замѣтивъ это въ немъ, Оленька стала досадовать на себя за свою робость: «Что̀ онъ про меня подумаетъ? я не умѣла даже сказать ему двухъ словъ сряду», и бѣдная дѣвушка краснѣла пуще прежняго отъ робости и досады. Къ счастію ея, въ это время вошло въ комнату нѣсколько дамъ и между ними одна съ хорошенькою дочкой, дѣвушкой немного старше Оленьки.

Княгиня тотчасъ познакомила молодыхъ дѣвушекъ и, занятая своею новою знакомой, Оленька позабыла о себѣ. Въ эти года знакомятся скоро; не прошло часу, какъ она и граціозная веселая свѣтская дѣвушка были пріятельницами. Кити Бѣлопольская почти два года уже выѣзжала въ свѣтъ; она была въ восхищеніи отъ баловъ и смѣялась надъ боязнію Оленьки, въ которой та призналась ей. Послѣ обѣда, онѣ сѣли на террассѣ, поодаль отъ всего общества и продолжали прерванный обѣдомъ разговоръ.

— Это вамъ такъ кажется теперь, что будетъ скучно, говорила Кити, а попробуйте одну зиму только, и посмотрите какъ понравится.

Оленька покачала недовѣрчиво головой.

— Подумайте, продолжала ея новая пріятельница, что̀ можетъ быть лучше бала? что̀ на свѣтѣ веселѣе? И для чего насъ воспитываютъ, учатъ, мучаютъ, какъ не для того, чтобъ послѣ вывести въ свѣтъ: тутъ-то только наша жизнь и начинается.

— Я сама тоже думала, но какъ страшно въ первый разъ показаться въ свѣтѣ! сказала Оленька.

Кити разхохоталась веселымъ, звучнымъ смѣхомъ.

— Чтожь тутъ страшнаго? спросила она.

— Подумайте, Кити, я всегда жила съ своими, съ людьми, которые меня любили и къ которымъ я привыкла. Они меня знаютъ съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, они не станутъ надо мной смѣяться, они меня любятъ, и я люблю ихъ. Я привыкла всегда говорить то, что̀ я думаю. И вдругъ вмѣсто моихъ родныхъ, моихъ друзей, очутиться въ большомъ обществѣ: кругомъ все чужіе, все незнакомыя лица, для которыхъ и я чужая. Я боюсь, что надо мною станутъ смѣяться: я такая неловкая, когда я не дома, я думаю и вы это замѣтили. Нѣтъ, право, страшно выѣзжать.

— Я вамъ говорю ничего не страшно, повѣрьте мнѣ, отвѣчала опытная Кити; я сама прежде тоже думала, и вы привыкнете, какъ я привыкла.

Молодыя дѣвушки, занятыя своимъ разговоромъ, и не замѣтили какъ подошелъ къ нимъ князь; онъ нѣсколько минутъ уже стоялъ сзади нихъ, слушалъ и смотрѣлъ на обѣихъ.

*

До сихъ поръ онъ не обратилъ вниманія на Оленьку. Краснѣющая передъ нимъ, робкая дѣвушка показалась ему ребенкомъ, но теперь, когда не замѣчая его, она разговаривала съ Кити просто и непринужденно, она понравилась ему. Онъ замѣтилъ ея красоту, ея пріятный звучный голосъ и что-то аристократическое въ ея врожденномъ простомъ обхожденіи. Ему понравилось то, что она высказывала прямо и искренно свою мысль. Онъ подошелъ къ ней и сѣлъ съ нею рядомъ; она опять смѣшалась.

— У васъ кажется идетъ споръ и очень горячій, mesdames, сказалъ князь, обращаясь къ обѣимъ молодымъ дѣвушкамъ.

— Да, мы спорили, отвѣчала бойкая Кити, и я очень рада, что вы пришли ко мнѣ на помощь. Я увѣрена, что вы будете со мною одного мнѣнія и убѣдите Оленьку.

— Я не совсѣмъ увѣренъ въ своей силѣ убѣжденія, отвѣчалъ онъ улыбаясь,—но скажите мнѣ въ чемъ дѣло, и я попробую. Я замѣтилъ, что вы спорили объ горячо. Объ чемъ же, скажите?

— Да вотъ представьте себѣ, князь, продолжала все-таки Кити: — эта молодая дѣвушка, которую вы видите передъ собою, обрекаетъ себя всю жизнь проводить въ пустынѣ, не хочетъ никого знать, никого видѣть и такъ боится людей, что желала бы спрятаться отъ нихъ куда нибудь подальше.

— Нѣтъ, я не это говорила, перебила ее Оленька:—я только сказала, что боюсь свѣта. Это можетъ быть глупо, конечно это глупо,— продолжала она краснѣя,— но мнѣ страшно, когда я подумаю, что меня повезутъ на балъ и мнѣ надо будетъ входить въ комнату, гдѣ много незнакомыхъ людей.

— Вамъ кажется нечего бояться, сказалъ князь Оленькѣ, и сказалъ не комплиментъ, а то, что̀ думалъ, глядя на нее.

— Вотъ, что̀ я цѣлый часъ говорила, перебила Кити, скрывая маленькую досаду, что князь похвалилъ одну Оленьку.—Всѣ мы сначала боимся свѣта пока его не знаемъ, а потомъ какъ привыкнемъ, и робость проходитъ. Теперь мнѣ все равно войдти что на балъ, что въ пустую комнату.

— Мнѣ кажется я никогда до этой храбрости не дойду, сказала Оленька.

Князь улыбнулся.

— Скажите мнѣ, сказалъ онъ обращаясь прямо къ ней, чего вы боитесь? Нѣтъ ли у васъ какого нибудь предубѣжденія?

— Не знаю, предубѣжденіе ли это или нѣтъ, но мнѣ кажется, что я не пойму свѣтскихъ правилъ, что я не гожусь для общества.

— Кто нибудь вѣрно запугалъ васъ, сказалъ князь, глядя прямо на нее:—вамъ самимъ не могли придти въ голову такія мысли, вѣрно кто нибудь говорилъ вамъ, что въ свѣтѣ люди злы, что въ свѣтѣ все замѣчается и такъ далѣе?

— Да, говорили, отвѣчала она улыбаясь.

— Напрасно, сказалъ онъ.— Оставить бы васъ въ покоѣ, и вы бы воображали себѣ всякое благополучіе, радовались бы отъ души до поры до времени; вамъ было бы очень весело. За чѣмъ васъ напугали?—Онъ остановился, потомъ продолжалъ спокойнѣе:—Конечно осудить нельзя и тѣхъ, кто говоритъ правду: обмануться недолго, а разувѣриться грустно. Нѣтъ, пускай лучше знаетъ всякій, что̀ ждетъ его впереди, лучше будетъ остерегаться.

Оленька слушала задумавшись, Кити перебила его вдругъ веселымъ смѣхомъ.

— Напрасно я васъ позвала на помощь, князь, сказала она,—хорошо же вы мнѣ помогаете; начали-то такъ, да дурно кончили; заговорили за меня, а кончили напротивъ. Теперь Оленька вообразитъ непремѣнно, что въ свѣтѣ живутъ дикіе звѣри, когда вы, свѣтскій человѣкъ, толкуете о немъ такъ страшно.

— Нѣтъ, въ свѣтѣ не звѣри, а люди такіе же какъ вездѣ, сказалъ князь, и нечего бояться ихъ на балѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Развѣ люди могутъ быть тѣже съ посторонними какъ дома съ своими? сказала Оленька.

— Конечно вы не найдете въ свѣтѣ столько правды и простоты какъ дома; не всякій скажетъ то, что̀ думаетъ, но и не всякій васъ осудитъ за то, что̀ вы скажете.

— И такъ послѣднее ваше слово, князь, все-таки совѣтъ Оленькѣ выѣзжать? спросила опять Кити.

— Почему же нѣтъ? и почему даже не веселиться? прибавилъ онъ.— И вѣрно будете веселиться, я вамъ это предсказываю.

— Посмотрите какъ она черезъ годъ перемѣнитъ свое мнѣніе.

— Чтобъ перемѣнить его, мнѣ надо будетъ самой перемѣниться, сказала Оленька. А право мнѣ такъ хорошо теперь, такъ спокойно дома, прибавила она, говоря прямо, какъ будто думая громко.

— Въ ваши лѣта одинъ покой наскучитъ, сказалъ князь:— нельзя же все дома сидѣть, надоѣстъ.

Въ это время княгиня позвала сына, дѣвушки ушли гулять по прекрасному саду, и весь вечеръ князю не пришлось опять разговориться съ ними. Скоро Катерина Дмитріевна поспѣшила ѣхать, боясь простудить дѣтей въ ночной сырости. Князь проводилъ ее, и сажая ее въ карету, просилъ позволенія пріѣхать къ ней въ Грачево. Катерина Дмитріевна была очень весела: ея материнское тщеславіе, самое простительное изъ тщеславій, было удовлетворено. Она видѣла, что дѣти ея были замѣчены всѣми, ихъ красоту хвалили, ихъ манеры нравились.

— Что̀ такое князь говорилъ съ тобою такъ долго? спросила Катерина Дмитріевна у Оленьки, когда они еще ѣхали по парку въ Воздвиженскомъ.

— У насъ былъ предлинный споръ съ Кити Бѣлопольской и съ княземъ на счетъ моего выѣзда въ свѣтъ, maman, отвѣчала Оленька, и въ нѣсколькихъ словахъ она разказала все матери.

— Ахъ, какая ты смѣшная! сказала Катерина Дмитріевна, когда она кончила: — у тебя что̀ на умѣ, то и на языкѣ. Ты забыла, что князь самъ свѣтскій человѣкъ, что эта молодая дѣвушка тоже въ свѣтѣ: кто ее знаетъ? она пожалуй подумаетъ, что ты изъ кокетства говорила все это, чтобъ князь тебя уговаривалъ. Она сама такая бойкая, а мать ея Софья Ивановна, прехитрая женщина, я давно про нее слышала.

Оленька стала было защищать свою новую пріятельницу, но мать остановила ее совѣтомъ быть осторожнѣе и смотрѣть за собою на каждомъ шагу, когда бываетъ съ чужими людьми.

Оленька задумалась и въ первый разъ во весь вечеръ вспомнила о Невѣрскомъ. Ей опять пришли на умъ его слова: «желаю вамъ веселиться» и, перебирая въ своей памяти весь этотъ день, она согласилась, что точно провела его весело. Часъ за часомъ прошелъ незамѣтно для нея, а мысль о

Невѣрскомъ, въ послѣднее время постоянная въ ея головѣ, ни разу не приходила ей въ домѣ у княгини.

«Должно быть я перемѣнюсь въ свѣтѣ и сдѣлаюсь совсѣмъ другая,» подумала она и ей стало совѣстно, ей не хотѣлось видѣть Невѣрскаго въ этотъ вечеръ. Пріѣхавши домой, она подъ предлогомъ усталости ушла тотчасъ въ свою комнату и легла, но долго не могла уснуть. Новыя мысли набрались ей въ голову, и голова работала подъ ихъ напоромъ.

ГЛАВА IX.

КНЯЗЬ, ОЛЕНЬКА И НЕВѢРСКІЙ.

Князю Оленька понравилась. Онъ, привыкшій къ свѣтскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ, почувствовалъ, глядя на нее, что почувствовалъ бы человѣкъ, котораго съ душной театральной сцены, обставленной декораціями, перенесли бы вдругъ на свѣжій воздухъ подъ тѣнь живыхъ деревьевъ, освѣщенныхъ серебрянымъ лучемъ мѣсяца. Передъ нимъ показалась молодая дѣвушка, непохожая въ своей дѣтской простотѣ на другихъ ему знакомыхъ; онъ съ участіемъ смотрѣлъ на нее, любуясь, и думалъ: что-то выйдетъ изъ нея?

— Какая хорошенькая дѣвушка была у васъ сегодня, maman, сказалъ онъ княгинѣ, когда всѣ разъѣхались, и они остались втроемъ съ Юліей Ѳедоровной.

— Которая? Кити или Оленька? онѣ обѣ хорошенькія, отвѣчала княгиня.

— Конечно Озерская лучше той, отвѣчалъ онъ, и собой и всѣмъ лучше.

— Да, она очень мила, отвѣчала княгиня, но такой ребенокъ еще.

— Сколько ей лѣтъ? лѣтъ восьмнадцать?

— Я думаю будетъ восьмнадцать; зимою будутъ вывозить ее.

— Какъ ее хвалятъ гувернантка и гувернеръ! замѣтила Юлія Ѳедоровна:—говорятъ, это просто ангелъ, да и всѣ дѣти такія хорошенькія и такъ хорошо себя ведутъ.

И она стала разказывать объ ихъ дѣтскихъ играхъ, потомъ перешла опять къ Оленькѣ, разказала, что она говорила съ нею

про цвѣты, и на этомъ любимомъ предметѣ своемъ остановилась такъ долго, что княгиня, удивленная ея необыкновенною разговорчивостію, должна была прервать ее наконецъ, напомнивъ ей, что пора расходиться по комнатамъ.

Болѣе недѣли спустя послѣ этого обѣда, князь поѣхалъ въ Грачево. Тамъ его ждали ужь давно, но потомъ ужь и перестали ждать. Катерина Дмитріевна даже немного обижалась этимъ невниманіемъ съ его стороны. Оленька вовсе объ немъ не думала. Опять въ своей семьѣ, окруженная домашнимъ покоемъ, въ кругу родныхъ, она жила по прежнему, и сердце ея билось тѣми же чувствами. Ее огорчало только иногда то, что она рѣже могла говорить съ Невѣрскимъ; онъ избѣгалъ встрѣчи съ нею и много занимался въ своей комнатѣ,— « вѣрно нѣмецкими книгами », думала съ досадой Оленька. Мимолетное впечатлѣніе свѣтскаго общества давно разсѣялось въ ея мысляхъ. Она позабыла о свѣтской жизни и свѣтскихъ людяхъ.

Въ тотъ день, когда князь Юрій Андреевичъ собрался въ Грачево, часу въ шестомъ, передъ вечеромъ, Оленька сидѣла одна на терассѣ подлѣ гостиной. Катерина Дмитріевна писала письма, дѣти ушли гулять въ поле. Оленька читала, но скоро книга ей надоѣла; она опустила ее открытую къ себѣ на колѣни, и облокотясь о перила балкона, обвитыя зеленью, задумалась какъ часто задумываются дѣвушки. Погода была тихая, и освѣженный прошедшею грозою день, къ вечеру становился прекраснымъ. Воздухъ былъ напоенъ испареніями растеній; трава, спрыснутая дождемъ, и сырая рыхлая земля издавали упоительный запахъ. Птицы пѣли свои вечернія пѣсни въ саду, и деревья, качая потихоньку вѣтвями, какъ будто убаюкивали Оленьку. Мысли дѣвушки перемѣшались, перепутались; скоро голова ея опустилась на руку, и она заснула сладкимъ сномъ. Долго ли спала она, видѣла ли что нибудь во снѣ, она не помнила послѣ; но чьи-то шаги и шумъ подлѣ самыхъ ея ногъ разбудили ее вдругъ. Она открыла глаза и тотчасъ-же вскочила со скамьи, покраснѣвъ до ушей: передъ нею стоялъ Невѣрскій, держа въ рукахъ упавшую съ ея колѣнъ книгу.

— Вы уронили на полъ Валтеръ-Скотта, сказалъ онъ ей улыбаясь и подавая книгу.

— Я кажется задремала надъ нимъ, отвѣчала она смѣясь:—я не была расположена читать нынче, право не знаю отчего. Пожалуста, Григорій Николаевичъ, не думайте, что я всегда сплю за книгами.

— Я вовсе и не думаю этого, отвѣчалъ онъ также смѣясь.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь надо мной? спросила она обиженнымъ голосомъ.

— Мнѣ смѣшно, что вы извиняетесь какъ будто въ преступленіи.

— Да я сама вижу, что это было странно и смѣшно. Большая дѣвушка заснула надъ книгой, какъ дитя за урокомъ, да еще на балконѣ при всѣхъ. Я думаю садовники, и тѣ надо мною смѣялись, продолжала она съ досадой.

— Кажется никто изъ нихъ не проходилъ тутъ; полноте огорчаться понапрасну, Ольга Павловна. Я и самъ бы ничего не замѣтилъ, еслибъ не увидѣлъ вашей книги на полу. Я подошелъ, чтобъ поднять ее, и въ это время вы проснулись.

Невѣрскій говорилъ еще, когда прибѣжали дѣти съ огромными букетами васильковъ, и разбросавъ цвѣты по ступенькамъ крыльца, стали просить Оленьку свить для нихъ вѣнки изъ нихъ.

— Оля, пожалуста сплети вѣнокъ для меня, говорила Вѣрочка,—ты умѣешь въ три плести, поучи меня.

— И меня, и меня тоже, прервали ее Лиза и Митя.

Оленька, довольная случаемъ чѣмъ нибудь разсѣять непріятное впечатлѣніе, которое оставила въ ней сцена пробужденія, сѣла на одну изъ ступеней террассы, и вмѣстѣ съ дѣтьми стала свивать длинныя, густыя гирлянды синихъ васильковъ. Иногда она прерывала свою работу, чтобъ примѣрять вѣнокъ на хорошенькую дѣтскую головку, и работая усердно, она разговаривала весело съ Невѣрскимъ, который остался на балконѣ и сѣлъ противъ нея. Освѣженная сномъ, Оленька была лучше обыкновеннаго; чистый розовый, какъ заря, румянецъ игралъ на ея щекахъ, отъ чего глаза блестѣли живѣе. Дѣти вертѣлись около нея, подавали ей цвѣты, и вся эта группа, перемѣшанная съ синими гирляндами васильковъ, была исполнена красоты.

Въ это время пріѣхалъ князь, и когда Катерина Дмитріевна

вышла въ гостиную, чтобъ встрѣтить и принять его, онъ уже успѣлъ, ни кѣмъ не замѣченный, увидѣть въ окно Оленьку на балконѣ, окруженную дѣтьми, и полюбоваться ею. Присутствіе Невѣрскаго поразило его, и онъ невольно задалъ себѣ вопросъ: кто же это такой? — Катерина Дмитріевна остановила его дальнѣйшее наблюденіе. Онъ обратился къ ней съ извиненіями, что пріѣхалъ въ первый разъ вечеромъ, боясь дневнаго жара.

Прошло минутъ пять; наконецъ съ терассы услыхали голоса въ гостиной и замѣтили гостя; въ свою очередь Катерина Дмитріевна увидѣла дѣтей и позвала Оленьку. Она поспѣшно встала, раздавъ дѣтямъ сплетенные вѣнки; цвѣты посыпались съ ея колѣнъ на полъ; стряхнувъ ихъ съ своего платья, она сказала что-то Невѣрскому, и онъ сталъ подбирать съ полу васильки, помогая дѣтямъ, между тѣмъ какъ Оленька вошла въ гостиную.

« Кто же этотъ молодой человѣкъ? » опять подумалъ князь, отъ вниманія котораго ничто не ускользнуло.

Невѣрскій, съ самаго визита княгини, взялъ себѣ за правило всегда уходить, когда пріѣзжали гости, но на этотъ разъ его взяла охота пойдти въ слѣдъ за Оленькой въ гостиную. Ему хотѣлось посмотрѣть на князя. Любопытство его удвоилось, когда онъ увидѣлъ его. Онъ сѣлъ поодаль отъ всѣхъ у окна; дѣти, которыя очень любили его, подошли снаружи къ этому окну и потихоньку болтали съ нимъ, робко посматривая на гостя.

« Какой нибудь бѣдный родственникъ, подумалъ князь, глядя на него: гувернеръ не оставилъ бы дѣтей. » Въ это время пришелъ Саша. Князь думалъ, что онъ наконецъ рѣшитъ задачу, познакомитъ ихъ, но Сашѣ этого и въ голову не пришло. Завязался разговоръ бѣглый, пустой, свѣтскій. Князь умѣлъ говорить умно обо всемъ и даже о пустякахъ; онъ разказывалъ оригинально и занимательно, и Невѣрскій, сидя одинъ въ углу, видѣлъ на дѣлѣ силу свѣтскаго умѣнья и понялъ, что ловко сказанное слово иногда удачнѣе дѣльной и серіозной мысли. Князь умѣлъ занять хозяйку дома и Сашу, но главное вниманіе его останавливалось на Оленькѣ, и по лицу ея Невѣрскій видѣлъ, что разговоръ князя занималъ ее. Отъ его вниманія не ускользнула ея робость; онъ не могъ тотчасъ сообразить, отчего она, говорившая съ нимъ также

свободно какъ съ братомъ своимъ, смѣшалась передъ постороннимъ человѣкомъ. Онъ старался истолковать себѣ это, и толковалъ вкривь и вкось; увлеченный досадой, оскорбленною гордостью, онъ запутался и ошибся.

Между тѣмъ прошло съ четверть часа и болѣе, а никто не вспомнилъ объ немъ; наконецъ Оленька увидѣла его и замѣтила по его лицу, что онъ былъ недоволенъ. Ей стало жаль его, совѣстно передъ нимъ, хотѣлось какъ нибудь поправить его неловкое положеніе, и встревоженная всѣми этими вдругъ набѣжавшими въ ея голову мыслями, она разсѣянно слушала князя и не вопадъ отвѣчала на его вопросы. Князь замѣтилъ это и старался въ разговорѣ вывести все наружу. Говорили о характерахъ.

— Характеры очень трудно узнаются, сказалъ князь: —правду говоритъ пословица, что чужая душа потемки; случайно только подмѣтишь у другаго какую нибудь маленькую черту, и это не всегда вѣрно. Кажется однако, что мнѣ удалось подмѣтить одну черту вашего характера,—прибавилъ онъ обращаясь къ Оленькѣ, которая, задумавшись о Невѣрскомъ, не слушала больше его разговора.

— Что́ такое? скажите пожалуста, спросила она опомнившись немного, испуганная его замѣчаніемъ. — Вѣрно моя глупая робость, подумала она про себя.

— Я замѣтилъ, что вы разсѣянны, отвѣчалъ князь, вы часто какъ будто заняты двумя разными мыслями вдругъ, говорите объ одномъ, между тѣмъ какъ думаете объ чемъ нибудь совсѣмъ другомъ.

— Ахъ, право, нѣтъ, князь, я не умѣю думать о двухъ вещахъ разомъ, отвѣчала Оленька краснѣя, — я всегда занята однимъ чѣмъ нибудь, и если мнѣ придетъ въ голову новая мысль, я первую совсѣмъ забываю и оттого-то часто я отвѣчаю вздоръ, говорю не кстати.

— Видишь, Оля, я правду говорила тебѣ, что ты разсѣянна, перебила Катерина Дмитріевна.

— Помнишь сколько разъ тебѣ доставалось за это отъ учителей, перебилъ Саша.

— А я все-таки не исправилась.

— И если никогда не исправитесь отъ такого ужаснаго

порока, кажется бѣды большой не будетъ, сказалъ князь, смѣясь трагическому голосу, съ которымъ она это сказала.

Оленька не отвѣчала; слѣдуя своему характеру, она теперь уже думала только о томъ, какъ бы уладить дѣло съ Невѣрскимъ. Она воспользовалась тѣмъ, что князь всталъ, чтобъ разсмотрѣть висѣвшую надъ диваномъ картину, о которой разговорился съ ея матерью, и тоже встала и подошла къ окну, около котораго сидѣлъ Невѣрскій, и изъ котораго, черезъ его плечи, выглядывали дѣтскія головки на балконѣ.

— Полноте сорить цвѣтами, сказала она дѣтямъ, подберите васильки, мы съ Григоріемъ Николаевичемъ все убрали, а вы опять разбросали все.

Невѣрскій даже не пошевельнулся при ея приближеніи.

— Какъ вечеръ-то хорошъ будетъ, продолжала она обращаясь къ нему.

— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ сухо.

— Мнѣ хочется нынче пойдти гулять къ рѣкѣ, сказала Оленька, зная что это его любимая прогулка.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ тѣмъ же голосомъ.

— Пойдемте ужо всей компаніей, и если не сыро будетъ, маменька вѣрно позволитъ кататься въ лодкѣ. Нынче это будетъ чудесно. Вы что̀ будете дѣлать: грести или рулемъ править?

— Мнѣ все равно, что̀ придется, отвѣчалъ онъ равнодушно.

Оленька съ досадой отвернулась отъ него и пошла на свое прежнее мѣсто.

«Да кто же наконецъ этотъ сердитый баринъ?» подумалъ князь, который видѣлъ всю эту сцену. «Во что бы ни стало надо допытаться.»

— Я обвинилъ васъ въ разсѣянности, можетъ быть и безъ причины, сказалъ онъ Оленькѣ, и въ тоже время самъ забылъ, что̀ хотѣлъ сказать вамъ. Мы здѣсь всѣ знакомы; пожалуста, познакомьте меня съ этимъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ вы сейчасъ говорили, прибавилъ онъ въ полголоса.

Оленька очень обрадовалась, что князь догадался вывести ее изъ неловкаго положенія, и голосомъ, не совсѣмъ твердымъ отъ внутренняго волненія, сказала обернувшись къ окну:

— Григорій Николаевичъ, князь Горбатовъ проситъ меня познакомить васъ съ нимъ.

Невѣрскій, который вовсе не ожидалъ этого, смѣшался, и неловко, хотя все-таки гордо, всталъ съ мѣста. Князь подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Виноватъ больше всѣхъ я, сказалъ Саша, мнѣ бы давно надо было познакомить васъ съ Невѣрскимъ.

«Кто же этотъ Невѣрскій? вотъ вопросъ,» подумалъ князь, между тѣмъ какъ Катерина Дмитріевна, которую немножко удивилъ поступокъ князя, пригласила Невѣрскаго сѣсть поближе; но онъ отказался и остался на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ глупо-неловокъ въ этотъ вечеръ; Оленька это видѣла и ей было досадно и стыдно за него. Нужно было все умѣнье князя, нужна была вся доброта и гибкость его характера, чтобъ втянуть Невѣрскаго мало-по-малу въ общій разговоръ. Наконецъ ледъ проломился, онъ сталъ разговаривать.

«Онъ умный малый,» думалъ князь, слушая его; «за что только онъ гнѣвается? Ужь не кроется-ли тутъ романа?»—и вспомнивъ безпокойство Оленьки въ началѣ его визита и странную роль Невѣрскаго, онъ еще внимательнѣе сталъ замѣчать за обоими.

Такъ прошелъ этотъ вечеръ; наконецъ князь всталъ, и прощаясь со всѣми, учтиво приглашалъ обоихъ молодыхъ людей къ себѣ въ Воздвиженское.

— Кто это Невѣрскій? спросилъ онъ у Саши, выходя съ нимъ вмѣстѣ изъ залы.

— Хорошій мой пріятель, человѣкъ небогатый.

— Онъ не родня вамъ, что живетъ у васъ?

— Нѣтъ, онъ не живетъ у насъ всегда, маменька пригласила его на лѣто; мы знакомы съ нимъ по университету; онъ занимался со мною передъ экзаменомъ.

— А! Онъ кажется умный человѣкъ.

— Да, Невѣрскій уменъ; правда, онъ не свѣтскій человѣкъ, но онъ хорошо образованъ и пріятный товарищъ.

«Ну этого-то я покуда не замѣтилъ,» подумалъ князь, прощаясь съ Озерскимъ уже изъ коляски. «Такъ онъ въ родѣ учителя, вотъ почему не подумали насъ познакомить: онъ свой человѣкъ, домашняя мебель, понимаю теперь. А все-таки кажется онъ мѣтитъ довольно высоко, и эта хорошенькая Оленька что-то очень его уговаривала, когда онъ дулся въ углу. Какія глу-

пости входятъ иногда въ голову дѣвушкамъ! Она воображаетъ можетъ быть, что любитъ этого серіознаго господина, а это потому только что онъ ей первый попался на глаза. Такъ вотъ отчего она и въ свѣтъ не хочетъ выѣзжать и такъ любитъ сидѣть дома, а поѣздитъ по баламъ одну только зиму, и это великолѣпное чувство пройдетъ какъ будто его и не бывало. Богъ знаетъ, лучше ли она будетъ въ свѣтѣ чѣмъ теперь съ этими демократическими глупостями въ головѣ; она теперь очень мила и оригинальна. Желалъ бы я знать, чѣмъ ей понравился этотъ милостивый государь? »

Такъ думалъ князь, между тѣмъ какъ четверня лошадей везла скорою рысью его покойную коляску между полей, гдѣ мѣстами рябилъ кустарникъ, среди высокой ржи, которая колебалась какъ море, волнуясь зелеными, цвѣтущими колосьями своими, а разбросанныя по небу, легкія облака рдѣли отъ заходящаго солнца.

Какъ только уѣхалъ князь, Оленька ушла въ садъ, Невѣрскій къ себѣ въ комнату, чтобъ привести въ порядокъ свои мысли и разсѣять свою досаду. Оленька сидѣла задумавшись одна въ бесѣдкѣ, когда братъ ея пришелъ за ней.

— Я тебя давно ищу вездѣ, сказалъ онъ ей;—не хочешь ли покататься въ лодкѣ по рѣкѣ: мнѣ хочется. Дѣтей маменька не пустила, потому что становится свѣжо. Невѣрскій дуется за что-то и нейдетъ; отправимся въ-двоемъ. Мы возьмемъ маленькую лодку; пойдемъ, Оля!

Она встала и пошла вмѣстѣ съ братомъ къ рѣкѣ, которая текла пестрою лентой передъ ними; небо кое гдѣ голубое, кое гдѣ алое или золотое, отражалось весело въ ней, и рыбы плескались безпрестанно, играя въ водѣ. Скоро легкая лодочка понесла тихонько брата съ сестрой вдоль по теченію рѣки; изрѣдка переставая грести, они давали лодкѣ скользить отъ дѣйствія прежде даннаго удара веселъ, слегка касаясь воды, и лодка чуть-чуть колебала ихъ. Оленька мало говорила; ей было непріятно, несмотря на вліяніе тихой красоты этого вечера, который смотрѣлъ такъ спокойно и ласково.

— Что ты такая скучная, Оля? спросилъ ее братъ.

— Я? ничего! это тебѣ такъ кажется.

— Нѣтъ не кажется, а просто ты въ дурномъ расположеніи

духа. Вѣрно это къ тебѣ отъ Невѣрскаго пристало. Что́ это съ нимъ нынче сдѣлалось? Я просто его не узналъ при князѣ.

— Что́ такое? я ничего не замѣтила въ немъ особеннаго, сказала Оленька и покраснѣла, потому что сказала не то, что̀ думала.

— Полно его оправдывать. Ты сама видѣла, что онъ былъ просто глупъ сегодня.

— Ты самъ виноватъ, Саша, отчего ты ихъ не познакомилъ? Конечно ему было неловко сидѣть въ углу одному.

— Я признаться позабылъ объ немъ, и почему я зналъ, что князь захочетъ съ нимъ познакомиться? Да и тутъ когда князь съ нимъ познакомился...

— Ну что-жь? тутъ онъ сталъ разговаривать со всѣми нами какъ всегда, перебила Оленька.

— Во первыхъ не такъ какъ всегда, да и то на́силу удостоилъ. А это еще: замѣтила ли ты, что маменька пригласила его сѣсть поближе, а онъ не захотѣлъ? это просто неучтиво.

Оленька не отвѣчала, но стала грести сильно и безпрерывно.

— Не греби такъ часто, Оля, устанешь! сказалъ ей братъ. Мнѣ признаться досадно было на Невѣрскаго, продолжалъ онъ, жаль когда умный малый себя дурачитъ.

— Не онъ себя дурачитъ, а такое ужь его положеніе, сказала Оленька.

Саша задумался.

— Да, положеніе его конечно незавидное, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ размышленія;—но развѣ онъ его поправитъ тѣмъ, что будетъ сердиться на всѣхъ безъ причины? еще хуже будетъ. Жаль, что онъ бѣдный человѣкъ. Если бы у него было по крайней мѣрѣ что нибудь другое, еслибъ онъ былъ хорошей фамиліи, а то что̀ такое Невѣрскій?

— У него есть умъ и образованіе, сказала Оленька.

— Все таки положеніе его самое непріятное.

— А кто жь виноватъ въ этомъ? спросила она.

— Никто. Конечно ужь не онъ самъ; чѣмъ же онъ виноватъ, что родился отъ бѣдныхъ, но неблагородныхъ и никому неизвѣстныхъ родителей? сказалъ ей въ отвѣтъ Саша, подавая ей руку, чтобъ выйдти на берегъ, куда онъ причалилъ лодку.

— Кто виноватъ? люди виноваты, вотъ кто! свѣтъ! сказала Оленька горячо, смотря на брата, который привязывалъ лодку.

Саша обернулся.

— Полно горячиться, Оленька, сказалъ онъ ей:—ты еще не знаешь свѣта, не можешь объ немъ судить и нечего тебѣ съ нимъ ссориться изъ-за Невѣрскаго. Что такое онъ тебѣ? посторонній человѣкъ, ничего.

Оленька ничего не отвѣчала, и пошла грустная домой. Долго въ этотъ вечеръ сидѣла она у окна, положивъ на руки свою усталую голову и перебирая разныя мысли. Свѣтлыя звѣзды заглядывали къ ней въ окно, въ полосѣ синяго неба; ночныя бабочки, притягиваемыя огнемъ ея свѣчки, стучались о стекла ея окошка, а она все сидѣла и думала, ей не спалось въ эту ночь. Послѣднія слова Саши въ этотъ вечеръ чаще всего приходили ей на память, останавливая ея мысль на Невѣрскомъ.

«Чужой, посторонній для меня — ничего?» спрашивала она себя, сердясь внутренно на этотъ вопросъ. Она теперь яснѣе понимала свое чувство, это странное, не всегда понятное чувство, которое забирается въ душу незамѣтно, вкрадываясь потихоньку, и становится сильнѣе всѣхъ другихъ святыхъ привязанностей, которыя съ дѣтства укоренились въ ней.

ГЛАВА X.

ЖИВЫЯ КАРТИНЫ.

Князь Юрій Андреевичъ не скучалъ теперь какъ обыкновенно, потому ли, что его ждала скоро перемѣна (онъ уже подалъ просьбу объ увольненіи въ отпускъ на годъ, чтобъ ѣхать за границу), потому ли, что нашелъ пріятное общество по сосѣдству въ Грачевѣ. Онъ довольно часто видался съ Сашей, который ему понравился и съ которымъ онъ часто имѣлъ удовольствіе спорить. Но Невѣрскій рѣшительно избѣгалъ его, послѣ того какъ показался ему въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ. Каждый разъ когда князь пріѣзжалъ въ Грачево, его тамъ не было, онъ уходилъ гулять далеко куда нибудь. «Рѣшительно, этотъ сердитый баринъ полюбилъ уединеніе, думалъ князь, ужь не пишетъ ли онъ стиховъ? Хотѣлось бы мнѣ знать какіе они и кого онъ въ нихъ воспѣваетъ.» Невѣрскій не

давался ему какъ кладъ въ руки. Наконецъ ему удалось съ нимъ познакомиться покороче.

Это было въ день рожденія Катерины Дмитріевны. Въ Грачево съѣхалось много гостей. Катерина Дмитріевна звала и княгиню Горбатову, но она была нездорова и отказалась. Князь пріѣхалъ скоро послѣ обѣда и остался на весь вечеръ.

Было много дамъ между гостями, такъ что хозяйка, занятая женскимъ обществомъ, не замѣтила какъ князь ушелъ изъ гостиной. Онъ отправился вдвоемъ съ Сашей въ садъ; тутъ встрѣтили они Невѣрскаго, который шелъ тоже изъ дому, но по другой дорожкѣ. Князь тотчасъ же подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Я васъ видѣлъ мелькомъ въ залѣ, но вы меня не замѣтили, сказалъ онъ ему, потомъ вы скоро ушли. Что это такое, право, вы точно убѣгаете отъ меня? Сколько разъ я былъ здѣсь, и ни разу не видалъ васъ. Потомъ, вы не сдержали своего обѣщанія пріѣхать ко мнѣ въ Воздвиженское вмѣстѣ съ Озерскимъ, а я ждалъ васъ.

Все это было сказано просто, веселымъ, ласковымъ голосомъ; въ выраженіи не было ничего покровительственнаго. Невѣрскому понравились слова князя; онъ пошелъ съ нимъ и съ Сашей, и скоро между молодыми людьми завязался откровенный разговоръ, въ которомъ ясно высказался серіозный, но не всегда скучный умъ Невѣрскаго. «Я ошибся въ немъ,» думалъ князь: «если онъ дулся на меня въ первый разъ, когда я его видѣлъ, то вѣрно подъ вліяніемъ чувства, можетъ быть оскорбленнаго. Онъ вовсе не смѣшонъ теперь.»

Спустя немного времени Саша попросилъ извиненія у своего гостя въ томъ, что долженъ оставить его, и ушелъ дѣлать приготовленія для живыхъ картинъ и фейерверка, которыми долженъ былъ кончиться этотъ вечеръ.

Невѣрскій и князь прошлись разговаривая по саду, и сѣли наконецъ на скамейкѣ не далеко отъ дому. Князь вынулъ изъ кармана богатую золотую сигарочницу и предложилъ Невѣрскому гаванскую сигару. Они оба курили молча нѣсколько минутъ, потомъ князь съ свойственною ему прямотой спросилъ вдругъ Невѣрскаго:

— Скажите, что́ вы дѣлаете обыкновенно — служите?

— Нѣтъ еще, не служу.

— Отчего же? лѣнь за дѣло приняться? продолжалъ князь улыбаясь.

— Нѣтъ, не то чтобы лѣнь, я не лѣнивъ, отвѣчалъ Невѣрскій, — но я не выбралъ себѣ рода слѹжбы, не рѣшился. Рѣшиться трудно вдругъ, посмотрю еще, подумаю. Теперь покуда у меня еще все впереди; все впереди, потому что ничего нѣтъ въ настоящемъ, ничего нѣтъ въ сущности, прибавилъ онъ смѣясь.

Молодость всему смѣется! Богатому, доброму князю стало жаль бѣднаго молодаго человѣка, ему захотѣлось ободрить его.

— Знаете, сказалъ онъ ему, что я готовъ вамъ завидовать въ этой свободѣ выбора, это большая выгода въ жизни.

— Да, конечно; когда нѣтъ другихъ, и это выгода, отвѣчалъ Невѣрскій тѣмъ же голосомъ и съ тою же спокойною улыбкой какъ прежде.

— Нѣтъ, не шутите этимъ преимуществомъ, продолжалъ князь, увлекаясь своею мыслію:—оно не бездѣлица; вы имѣете полное право быть тѣмъ, чѣмъ хотите, сдѣлать изъ себя то, на что̀ вы способны. Ваши силы вы кладете туда, гдѣ онѣ могутъ вамъ пригодиться; ваше дѣло точно ваше дѣло, вы себѣ сами выбрали его. Вы сами дѣлаете свое положеніе, между тѣмъ какъ другіе родятся въ томъ, которое для нихъ и за нихъ другіе сдѣлали, и которое можетъ быть имъ вовсе не годится.

— А вы ни за что считаете трудъ этого дѣла? спросилъ Невѣрскій.

— Безъ труда ничего не дѣлается, отвѣчалъ онъ,—но за то, свобода, предоставленная вамъ, не возвышаетъ ли самый трудъ вашей жизни? Вы чувствуете, что онъ вашъ не потому только, что вы положили на него всѣ ваши силы, но потому что вы его выбрали сами, что ваша воля была приняться за это дѣло, а не за какое нибудь другое.

— Хорошо, князь, сказалъ Невѣрскій;—но подумайте сколько невыгодъ въ беззащитномъ положеніи человѣка, у котораго ничего нѣтъ кромѣ того, что̀ Богъ далъ ему душевныхъ и тѣлесныхъ силъ для жизни? Я не говорю уже о состояніи, но самое его значеніе какъ человѣка, его понятія и мысли —

откуда ему добыть ихъ если не самому, опытомъ жизни? А вы, родясь въ извѣстномъ кругу, съ понятіями, которыя передаются въ вашемъ сословіи какъ его неотъемлемая собственность изъ рода въ родъ, — чтобъ отдѣлить себя отъ другихъ, что́ вы дѣлаете? Вамъ сто́итъ только принять эти понятія сообразно съ вашимъ характеромъ, и вы уже готовый человѣкъ. Во всякомъ случаѣ ваши ходячія понятія, понятія цѣлаго сословія, вами принятыя,—конечно по своему,— не будутъ странны и дики. А мы бѣдные люди, мы непричисленные никуда, мы должны думать и наблюдать серіозно, чтобъ сдѣлать изъ себя что нибудь сообразное съ вѣкомъ и людьми, съ которыми жизнь наша связана? А сколько разъ можно обмануться!

— За то вамъ больше и чести, отвѣчалъ князь, вы всѣмъ обязаны себѣ: вы больше нашего наблюдаете за вѣкомъ и слѣдите за нимъ лучше нашего.

— Мы выражаемъ то, что́ есть въ немъ проходящаго, что̀ измѣняется; вы, богатое сословіе,—то, что̀ твердо держится, переходя отъ прошедшаго, прежняго, въ настоящее и будущее. И прибавьте къ этому ваши средства, ваше значеніе. Въ чемъ вамъ завидовать мнѣ, князь? признайтесь, что не въ чемъ?

— Положимъ такъ, но человѣкъ таковъ, что всегда то, что̀ видитъ у другаго, манитъ его скорѣй чѣмъ то, что̀ въ его власти и волѣ. Впрочемъ и богатство имѣетъ свои выгоды — оно даетъ возможность, забывая о мелочахъ жизни, дѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ. Конечно, каждое положеніе имѣетъ свою хорошую, какъ и свою дурную сторону.

Такъ говорили молодые люди. Они не думали, чтобъ кто нибудь слушалъ ихъ разговоръ; но сзади высокой липы, подъ тѣнью которой стояла ихъ скамья, была другая дорожка, и въ то время когда начался ихъ разговоръ, по ней шла Оленька, спѣша домой для приготовлявшихся картинъ. Запахъ сигары остановилъ ее, потомъ звуки голосовъ, которые она скоро узнала; она притаилась за деревомъ, и сама не зная что̀ дѣлаетъ, стала вслушиваться въ разговоръ молодыхъ людей. Она слушала ихъ со вниманіемъ и поняла все что̀ было сказано. Ей понравилось какъ просто князь говорилъ съ бѣднымъ чело-

вѣкомъ, сравнивая ихъ разныя положенія. Она знала, что князь былъ гордъ отъ природы, и ей было пріятно слышать какъ онъ говорилъ съ Невѣрскимъ. А онъ — онъ говорилъ такъ умно, такъ хорошо и, ей показалось, такъ грустно. Сердце ея забилось шибко и неровно, и тысяча мыслей толпились въ ея хорошенькой головкѣ, и тогда, когда она, стоя за деревомъ, слушала этотъ разговоръ, и тогда, когда шла домой тихонько, припоминая слышанное, и даже тогда, когда наряжаясь для живыхъ картинъ, убирала цвѣтами свои черныя косы, перепутанныя падавшими изъ-подъ нихъ кудрями.

Живыя картины были очень хороши. Ихъ устроивалъ Саша, у котораго было много вкусу. Послѣдняя картина, въ которой Оленька показалась одна, особенно понравилась всему обществу. Окруженная цвѣтами, въ бѣломъ платьѣ съ туникой, она представляла богиню цвѣтовъ. Въ этомъ простомъ нарядѣ съ античною прической, которая такъ шла къ ея профилю, молодая дѣвушка была похожа на камей. Но камей не передалъ бы всего очарованія ея молодой красоты, полной жизни и чувства. Надо было видѣть всѣ оттѣнки краски на ея лицѣ, всѣ переливы тѣней ея черныхъ съ синимъ отливомъ косъ, и выраженіе, которое бросало внутренній свѣтъ на это лице. Она держала въ рукахъ рогъ изобилія, полный цвѣтовъ; вокругъ нея, подлѣ нея, у ногъ ея вездѣ были цвѣты, цвѣты такіе же прекрасные и молодые, какъ она сама. Эта картина была такъ хороша, что разъ шесть просили посмотрѣть на нее. Наконецъ Оленька устала, и когда въ послѣдній разъ подняли занавѣсъ, цвѣты посыпались изъ рога изобилія, который ея руки не въ силахъ были больше удерживать. Занавѣсъ опустили, но нѣсколько минутъ еще живая картина представлялась воображенію каждаго.

— Ахъ какъ она хороша, сказалъ невольно князь Невѣрскому, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ.

Невѣрскій ничего не отвѣчалъ, но подумалъ тоже. Въ это время начался фейерверкъ. Оленька не успѣла переодѣться, и закутанная въ длинный бѣлый бурнусъ, вышла на балконъ, гдѣ собралось все общество. Князь подошелъ къ ней тотчасъ же. Онъ сталъ хвалить картины этого вечера вообще, дѣлая вѣрныя замѣчанія и одобряя выборъ и вкусъ ея брата въ ихъ

устройствѣ и постановкѣ. Потомъ сказалъ ей просто и безъ лести, что было точно прекраснаго въ ней самой.

— Я нынче только, и именно въ вашей картинѣ понялъ, что такое живыя картины, сказалъ онъ ей:—есть что-то въ живой красотѣ что неуловимо для искусства. Никакая кисть не высказала бы такъ хорошо и такъ истинно то, что мы нынче видѣли. Искусство хорошо, но красота и природа все таки лучше.

Потомъ онъ сталъ спрашивать ее о трудности ея позы.—Вы такъ вошли въ вашу роль, прибавилъ онъ смѣясь, что какъ богиня цвѣтовъ хотѣли осыпать насъ всѣхъ цвѣтами.

Оленька слушала его разсѣянно, краснѣя отъ его похвалъ, а взоръ ея искалъ кого-то около балкона.

Между тѣмъ ракеты трещали, то поднимаясь огненною полосой вверхъ по небу и тамъ изчезая вдругъ, то разсыпаясь надъ головами зрителей яркими, разноцвѣтными звѣздочками. Солнцы вертѣлись передъ ними, а вдали горѣлъ вензель Катерины Дмитріевны.

Ночь была темная, безлунная; фейерверкъ удавался отлично. Вскорѣ яркіе, разноцвѣтные фонарики освѣтили темный садъ. Изрѣдка римская свѣчка взрывалась, поднимая надъ садомъ большую, синюю звѣзду, которая освѣщала на минуту верхи деревъ и лица людей, и тогда, въ этотъ короткій мигъ, Оленька вглядывалась, ища кого-то. Князь замѣтилъ это движеніе и сталъ слѣдить за нею. Онъ понялъ кого искала она и чего хотѣла. Невѣрскій стоялъ тутъ же, подлѣ, скрытый крыльцемъ терассы и смотрѣлъ оттуда на Оленьку, незамѣченный ею. «Она должно быть любитъ его въ самомъ дѣлѣ,» подумалъ князь. Въ это время зажгли розовый бенгальскій огонь недалеко отъ терассы, и при яркомъ, поэтическомъ свѣтѣ его, который всему придалъ вдругъ особенную, фантастическую красоту, Оленька увидѣла наконецъ того, кого искала. Она подошла къ периламъ балкона и, нагнувшись напередъ, стала разглядывать фейерверкъ. Невѣрскій, который смотрѣлъ въ другую сторону, въ эту минуту услыхалъ сзади себя легкій шорохъ женскаго платья и обернулся. Они заговорили между собой. Князь видѣлъ эту маленькую сцену. Граціозная обстановка ея, этотъ садъ съ его чудеснымъ освѣ-

щеніемъ, въ которомъ деревья казались привидѣніями, а тѣни отъ нихъ ложились такія странныя на розовомъ свѣтѣ дорожекъ, эта темная ночь, и странное платье дѣвушки, съ ея античною прической: все это придавало особенное очарованіе ея красотѣ. Князь все это замѣчалъ, и гордый, богатый человѣкъ охотно помѣнялся бы въ эту минуту съ Невѣрскимъ. Но эта мысль только промелькнула въ его умѣ. «Богъ съ нимъ и съ нею — я въ нее не влюбленъ», сказалъ онъ себѣ, глядя на угасавшій розовый отблескъ бенгальскаго огня. Затрещалъ букетъ фейерверка, завертѣлись солнцы, и нѣсколько ракетъ разомъ взорвались съ трескомъ. Но этотъ трескъ и блескъ не прекращалъ разговора черезъ перила балкона.

— Фейерверкъ очень удается, говорила Оленька;—я рада за Сашу, онъ такъ хлопоталъ, чтобъ все было хорошо.

— Все и было хорошо, какъ нельзя лучше, картины были хороши; вы были очень хороши.

Оленька улыбнулась въ отвѣтъ.

— Князь былъ въ восхищеніи, продолжалъ Невѣрскій, глядя на нее:—онъ говорилъ, что нельзя придумать ничего граціознѣе послѣдней картины, и это точно правда.

— Князь вамъ нравится? перебила вдругъ Оленька.

— Очень. Онъ умный и благородный человѣкъ.

— И вы ему понравились. Онъ желаетъ съ вами покороче познакомиться.

— Почему вы это думаете?

— Мнѣ такъ кажется, и потомъ... Я слышала, какъ вы разговаривали съ нимъ въ саду.

— Вы слышали?

— Да, я проходила мимо и услыхала ваши голоса. То, что князь говорилъ съ вами, онъ не сталъ бы говорить со всякимъ. Вы поѣдете къ нему? Онъ кажется звалъ васъ опять къ себѣ съ Сашей?

— Да, онъ нынче еще приглашалъ меня.

— И вы поѣдете?

— Нѣтъ, не поѣду.

— Послушайте, это ужь просто упрямство. Вы видите, что онъ хочетъ съ вами познакомиться, вамъ онъ нравится и вы не хотите ѣхать къ нему.

Все это она проговорила очень скоро и голосомъ дрожавшимъ отъ досады. Невѣрскій посмотрѣлъ на нее и отвѣчалъ спокойно: — Во первыхъ, князь здѣсь недолго останется и я также; во вторыхъ, не за чѣмъ намъ съ нимъ дружиться; въ третьихъ, онъ объ этомъ не заплачетъ.

— Во первыхъ, это капризъ; во вторыхъ, это неучтиво; въ третьихъ, это просто досадно видѣть, отвѣчала она нетерпѣливо, ударяя рукой по периламъ.

— Полноте горячиться, Ольга Павловна, сказалъ Невѣрскій, это опять тотже нашъ старый споръ. Къ чему и зачѣмъ мнѣ сближаться съ княземъ? Если вы слышали нашъ давешній разговоръ, вы опять изъ него могли видѣть простую правду, что онъ и я идемъ по разнымъ дорогамъ на бѣломъ свѣтѣ; встрѣтились, поклонились и опять каждый на свое мѣсто.

— Просто я замѣчаю, что вы любите уединеніе, сказала она съ насмѣшкой, ужь лучше ступайте жить какъ Робинзонъ на какой нибудь необитаемый островъ.

— Я хочу жить не одинъ, а съ людьми, Ольга Павловна, отвѣчалъ Невѣрскій серіозно,—и потому-то я замѣчаю за ними и знаю ихъ немножко покороче чѣмъ вы ихъ знаете. Будете постарше, тогда поймете меня. Благодарю васъ за ваше участіе. Я знаю, что вы хотѣли и думали мнѣ дать хорошій совѣтъ.

— Не стоитъ благодарности, сказала Оленька обиженнымъ голосомъ и отошла отъ него. Пестрые фонарики гасли по саду, становилось темно и по синему небу стали кой-гдѣ виднѣться далекія звѣзды.

Гости разъѣзжались, Оленьку позвали въ домъ, Невѣрскій ушелъ гулять.

ГЛАВА XI.

СЕМЕЙНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Князь ѣхалъ домой подъ вліяніемъ этого вечера, перебирая въ головѣ своей разныя мысли, и наконецъ разговоръ его съ Невѣрскимъ пришелъ ему на память и навелъ его на размышленія. Дѣло жизни—трудное дѣло, и оно до сихъ поръ не уда-

валось князю. Не разъ уже, отчаявшись видѣть отпечатокъ руки своей на собственномъ трудѣ, онъ терялъ къ нему охоту. А между тѣмъ князю было уже двадцать шесть лѣтъ и что-то говорило ему, что онъ могъ бы быть полезнымъ человѣкомъ.

«Хорошъ не тотъ, кто хорошъ только самъ по себѣ. Хорошъ тотъ, кто приноситъ добро и пользу въ дѣло общее. Добрый и умный, но безполезный человѣкъ—мертвый капиталъ», такъ думалъ князь, и ему становилось досадно на себя, на растраченные уже первые годы своей молодости, ему хотѣлось пожить полнѣе, лучше, дѣйствовать съ пользой. Онъ внутренно сравнивалъ свое выгодное, счастливое положеніе съ беззащитнымъ положеніемъ Невѣрскаго и спрашивалъ, къ чему поведетъ ихъ то и другое? Его добрыя намѣренія, его несбыточные планы, показались ему пустыми мечтами въ сравненіи съ практическимъ смысломъ бѣднаго человѣка, который, онъ чувствовалъ это, поведетъ Невѣрскаго впередъ въ жизни.

Съ этими мыслями, скучный и усталый, онъ пріѣхалъ поздно въ Воздвиженское. Такъ какъ княгиня обыкновенно ложилась рано, не заходя къ матери, онъ прошелъ прямо къ себѣ. Было двѣнадцать часовъ, когда онъ отворилъ дверь въ свой кабинетъ, и съ удивленіемъ увидѣлъ свою мать въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ передъ его письменнымъ столомъ. Княгиня сидѣла задумавшись и опершись на руку. Книга лежала у нея на колѣняхъ, но она не читала ея. Дверь скрипнула, она подняла голову и увидѣла сына, входившаго въ комнату.

— Это ты, Жоржъ, сказала она ему, я давно тебя ждала.

— Что́ это значитъ, маменька, спросилъ ее князь,—такъ поздно, когда вы обыкновенно уже въ постели, вы сидите здѣсь однѣ? Ужь не безпокоились ли вы обо мнѣ?

— Нѣтъ ничего! тебѣ весело было? разкажи мнѣ.

Князь разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ какъ провелъ день и потомъ прибавилъ:

— Да растолкуйте же мнѣ, maman, что̀ значитъ ваше ночное посѣщеніе, меня оно право тревожитъ.

— Не безпокойся, ничего не случилось, отвѣчала княгиня,— я пришла сюда, потому что мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою. Скоро послѣ того какъ ты уѣхалъ къ Катеринѣ Дмитріевнѣ,

пріѣхали изъ Москвы, привезли письма и между прочимъ твой паспортъ за границу.

— Не ужели его уже выдали? Какъ скоро! я не ждалъ его ближе мѣсяца!

— Ничего нѣтъ удивительнаго: я сама писала объ этомъ къ твоему дядѣ, и онъ выхлопоталъ его. Потомъ твое мѣсто не такъ важно, чтобъ безъ тебя не могли обойдтись. Задержки не могло быть.

— Конечно безъ меня Россія не пропадетъ, сказалъ князь улыбаясь, но не весело.

— Да, Юрій, сказала княгиня, какъ ни грустно мнѣ это, а я не могу не сказать правды. Я должна по неволѣ сознаться, что ты просто ничего покуда, лишній человѣкъ на свѣтѣ. Вотъ и твой дядя мнѣ тоже пишетъ про твою лѣнь.

— Какъ, вы получили письмо отъ него? гдѣ оно? покажите мнѣ?

— Возьми его на столѣ. Я его положила тамъ, рядомъ съ твоимъ заграничнымъ паспортомъ.

Князь взялъ письмо, развернулъ его и началъ читать. Вотъ что̀ писалъ княгинѣ двоюродный братъ ея, старый, заслуженный генералъ:

«Желаніе ваше исполнено: паспортъ князя Юрія вы полу-«чите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Онъ можетъ теперь прокатить «свою артистократическую лѣнь по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ «Европы, жаль только если онъ и то и другое привезетъ съ со-«бою назадъ въ Россію. Съ его способностями, въ томъ выгод-«номъ положеніи, въ которомъ онъ поставленъ по своему рож-«денію и богатству, стыдно и грѣшно самому не дѣлать ничего «изъ себя. Князья Маврины-Горбатовы всегда были люди умные «и дѣльные, за умомъ дѣло не станетъ у вашего сына. Что же «онъ до сихъ поръ ничѣмъ не занимается? Кто не знаетъ васъ «и не видалъ какъ вы слѣдили за его воспитаніемъ, тотъ мо-«жетъ сказать, что вы избаловали его своею материнскою лю-«бовію. Я, по крайней мѣрѣ, не сдѣлаю этой ошибки и осуж-«даю одного Юрія.»

Прочитавъ это, князь сложилъ письмо и положилъ назадъ на столъ.

— Хорошо, по крайней мѣрѣ то, что дядюшка не винитъ васъ понапрасну, сказалъ онъ матери.

— Мнѣ отъ этого не легче, отвѣчала княгиня. Мнѣ больно, что можно обвинить тебя справедливо. Юрій, я многаго ожидала отъ тебя.

Онъ улыбнулся, но выраженіе этой улыбки было невесело и не подавало надежды.

— Пора бы уже начать, Юрій, пора бы выбрать въ жизни какое нибудь дѣло, возразила княгиня.—Возьмись за что нибудь. Хоть бы ты къ чему нибудь пристрастился. Или уже такой вѣкъ теперь, что всѣ вы скучаете жизнію, еще не узнавши ея, и бросаете начатое дѣло для другаго, которое тоже не кончите?

— Не браните вѣкъ нашъ, маменька, отвѣчалъ князь, не время дѣлаетъ людей, а люди время. Я не пеняю ни на кого, но чувствую, что мнѣ чего-то не достаетъ.

Мать его подошла къ нему и положила свою руку на его плечо.

— Жоржъ, другъ мой, не сердись на меня. Я не въ укоръ тебѣ говорю все это. Прощаясь съ тобой на долго, я хотѣла высказать тебѣ правду.

— Вы въ правѣ были упрекать меня, отвѣчалъ онъ. Но что же мнѣ дѣлать? Я чувствую это, теперь моихъ силъ не достаетъ для жизни, какъ я ее понимаю; я не способенъ еще на дѣло. Еслибъ вы знали, какое тяжелое чувство набирается иногда на сердце человѣка, когда онъ не доволенъ собою, и еще тяжеле это человѣку гордому. Но вы не можете понять это чувство, всю жизнь свою вы употребили на добро и пользу, ни что у васъ не пропало даромъ...

— Я женщина, отвѣчала княгиня,—и положеніе мое съ твоимъ нельзя даже сравнивать; отъ насъ привыкли меньше ожидать и потому цѣнятъ болѣе то, на что́ мы оказываемся способными. Итакъ ты поѣдешь за границу на долго вѣрно, продолжала она, помолчавъ съ минуту и перемѣняя разговоръ.

— Право не знаю на долго ли, отвѣчалъ князь,—мнѣ даже все равно ѣхать или нѣтъ.

— Все таки поѣзжай; ты увидишь много новаго, и притомъ издали ты обсудишь вѣрнѣе свое положеніе и поймешь какъ лучше къ нему примѣниться.

— Хорошо, еслибы такъ было, сказалъ молодой человѣкъ, невольно останавливая глаза на лежавшей рядомъ съ его паспортомъ картѣ Европы и пролагая мысленно свой маршрутъ по ней.

Княгиня посмотрѣла на него пристально, подвинулась къ нему ближе и тоже нагнулась надъ картой. Съ полчаса потолковали еще оба, вмѣстѣ выбирая разныя дороги, потомъ княгиня простилась съ сыномъ и ушла къ себѣ. Князь былъ разстроенъ, и растроганъ разговоромъ съ матерью. Грустный, недовольный жизнію и самимъ собою, сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ.

ГЛАВА XII.

НЕНАСТНЫЕ ДНИ.

Прошло дней десять послѣ праздника въ Грачевѣ. Погода перемѣнилась, къ радости крестьянъ стали перепадать дожди, давно необходимые, и съ недѣлю уже стояли сѣренькіе, тихіе дни, когда небо обкладывается кругомъ и дождь каплетъ безъ умолку, смачивая наконецъ давно жаждущую землю. Подъ вечеръ, въ одинъ изъ этихъ скучныхъ лѣтнихъ дней, княгиня воротилась въ Воздвиженское изъ Москвы, куда ѣздила провожать сына. Онъ уѣхалъ, и она возвращалась къ своему дому, къ своимъ занятіямъ. Но къ грусти, которая глубоко врѣзалась въ ея сердце, на этотъ разъ примѣшивалось горькое чувство унынія, и какъ будто ропотъ началъ возникать въ первый разъ въ ея душѣ, колебля ея твердость. Грустно смотрѣлъ большой Воздвиженскій домъ ей на встрѣчу, съ крыши и балкона капалъ дождь, вода лилась ручьями изъ желобовъ въ подставленныя кадки, всѣ окна были закрыты, и темно казалось внутри.

— Какъ пусто безъ него Воздвиженское! сказала княгиня, обращаясь къ сидѣвшей рядомъ съ нею Юліи Ѳедоровнѣ, между тѣмъ какъ карета подъѣзжала къ крыльцу.

Добрая Нѣмка, вполнѣ раздѣляя ея чувство, съ трудомъ удерживала двѣ непослушныя слезы, которыя навернулись на ея сѣренькихъ глазахъ, при въѣздѣ въ ворота, откуда за недѣлю выѣхалъ князь.

Пока княгиня пошла переодѣваться, Юлія Ѳедоровна, движимая своимъ добрымъ чувствомъ, успѣла прибрать комнаты князя такъ какъ это дѣлалось при немъ; открыла окна, чтобъ освѣжить спершійся воздухъ, приказала развести огонь въ каминѣ его библіотеки и даже перемѣнила засохшіе цвѣты въ саксонскихъ вазахъ на его столѣ, свѣжими, только что опрысканными дождемъ цвѣтами. Довольная тѣмъ, что видъ комнатъ ея бывшаго воспитанника былъ такой же при немъ, она ушла на верхъ въ свою маленькую комнату, образецъ чистоты и порядка. Она знала, что княгиня придетъ на половину князя, и не ошиблась. Съ полчаса послѣ пріѣзда, отпустивъ управителя, встрѣтившаго ее на крыльцѣ съ донесеніями, она пошла въ библіотеку. Тихо отворяя дверь, она представляла себѣ какъ самый видъ этой комнаты измѣнился безъ него, и когда дверь отворилась и все въ библіотекѣ было по прежнему, какъ будто онъ только вышелъ изъ нея,—на лицѣ ея выразилось нѣкоторое удовольствіе.

— Это Юлія Ѳедоровна прибрала какъ при немъ было, сказала она, садясь за его столъ.

Долго въ этотъ вечеръ сидѣла тутъ княгиня Наталья Дмитріевна, слегка постукивая по столу тонкими, продолговатыми пальцами своихъ бѣлыхъ рукъ и глядя далеко въ окно, откуда на нее смотрѣлъ темный пасмурный вечеръ, глядя далеко въ темное будущее; наконецъ мысли ея стали оживляться и по временамъ въ нихъ какъ бы мелькала надежда на это неизвѣстное будущее. Ея энергическій характеръ не поддавался унынію.

Тотъ же дождь, который начиная съ желѣзной крыши дома и падая на цвѣтущія терассы, обмываетъ богатое жилище княгини Горбатовой, льетъ ливмя и на деревянный домъ въ Грачевѣ и освѣжаетъ зелень сада вокругъ него. На терассѣ сыро, мелкою изморосью просачивается вода сквозь парусину, и нельзя рѣшительно выйдти изъ дому. Всему грачевскому обществу скучно, кромѣ дѣтей и Оленьки. Въ первые года молодости, въ дѣвушкѣ много ребяческаго, живучаго веселья; въ эти года все хорошо и весело, и первая любовь, такая же мимолетная какъ это молодое время, какъ оно полна радости безотчетной. Она

можетъ быть, пройдетъ, пройдетъ скоро, но и она хороша въ свое время, какъ первая свѣтлая мечта молодаго сердца. Итакъ Оленька была весела несмотря на погоду. Вечеромъ, за чайнымъ столикомъ, она умѣла всѣмъ сообщать свою веселость; подъ звуки шипящаго самовара, изрѣдка заглушавшіе стукъ дождя объ стекла, всеобщее пасмурное расположеніе духа прояснялось, и подъ конецъ дня завязывался иногда веселый общій разговоръ, или Катерина Дмитріевна садилась за фортепіано, и всѣ дѣти пѣли; потомъ маленькихъ уводили спать и двое старшихъ пѣли то порознь, то вмѣстѣ, и такъ проходило время незамѣтно за полночь.

И вотъ самоваръ уже на столѣ и свѣчи зажжены; со всѣхъ концевъ дома всѣ сбираются въ залу, и Оленька разливаетъ чай; не забываетъ ни кого, всякому подаетъ какъ онъ любитъ, смѣшитъ дѣтей, и сама помираетъ со смѣху, слушая ихъ глупости. Катерина Дмитріевна оживилась, иностранцы завели между собой какой-то задушевный разговоръ, а Саша старается разсмѣшить Невѣрскаго, который цѣлый день не въ своей тарелкѣ. Вѣтеръ перемѣнилъ теперь направленіе, и косой дождь сильнѣе ударяетъ въ окна и въ стѣны дома, а говоръ и смѣхъ дѣвушки и дѣтей какъ будто въ перегонку съ нимъ все живѣй, громче и громче.

— Какъ Ольга нынче весела, замѣтилъ Саша Невѣрскому, чему она радуется? и дѣти за ней?

— Всѣ они дѣти, а Ольга Павловна больше всѣхъ можетъ быть, отвѣчалъ задумавшись Невѣрскій, слѣдя глазами за оживленною группой на томъ концѣ стола.

Катерина Дмитріевна встаетъ и медленно выходитъ изъ комнаты, чай отпили; она беретъ карты и раскладываетъ въ гостиной на столѣ гранъ-пасіансъ.

— Ольга, слышала ли, что̀ про тебя говоритъ Невѣрскій, сказалъ Саша, обращаясь къ сестрѣ.

— Про меня? что такое? спросила она.

— Спроси его.

— Что вы сказали, Григорій Николаевичъ, что вы сказали? спросила она, подходя къ нему и облокачиваясь на столъ.

— Такъ, ничего. Стоитъ ли повторять всякое слово? отвѣчалъ онъ нехотя.

— Стòитъ, потому что я хочу знать. Скажите, что такое? перебила она съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Онъ сказалъ, что ты дитя, больше дитя чѣмъ вотъ эти дѣти, отвѣчалъ ей Саша и показалъ на меньшихъ сестеръ и брата, которыхъ въ эту минуту за что-то увѣщавала гувернантка.

— Вы сказали это? вы это думаете? спросила Оленька.

— Что за бѣда, если я это сказалъ, и если я это думаю, Ольга Павловна? спросилъ въ свою очередь Невѣрскій, слегка улыбаясь.

Ей показалось, что онъ смѣется надъ нею. Она выпрямилась; по дѣтски-веселому лицу ея пробѣжало гордое выраженіе оскорбленной женщины.

«Она точно дитя, со всею прелестью дѣтства, со всею красотой женщины,» подумалъ Невѣрскій глядя на нее и любуясь ею. Поняла ли она этотъ взглядъ? Прочла ли въ его мысляхъ? — не знаю, только длинныя ея рѣсницы опустились на черные блестящіе глаза, и секунду спустя, садясь рядомъ съ нимъ, она весело, хотя все таки и не безъ любопытства, спросила его:

— Отчего же вы это думаете? докажите мнѣ, что я ребенокъ и что̀ во мнѣ дѣтскаго.

— Эта мысль такъ мнѣ пришла въ голову, глядя на васъ и слушая какъ вы смѣетесь, отвѣчалъ Невѣрскій, а доказать вамъ это легко. Во первыхъ вы постоянно веселы, постоянно въ прекрасномъ расположеніи духа.

— Вотъ прекрасное доказательство, перебила Оленька:—какъ будто первыми признаками совершеннолѣтія бываютъ капризы и скука. Богъ съ нимъ и съ разумомъ! Если такъ, лучше оставаться глупымъ ребенкомъ, если выходя изъ дѣтства, придется надуться и скучать.

— Это ужь какъ ты хочешь понимай, Невѣрскій, а по моему сказано на твой счетъ, перебилъ Саша со смѣхомъ.

— Смѣйтесь надо мной, если хотите, а я правду говорю, продолжалъ Невѣрскій:—вы веселы потому, что вы жизни не знаете, я часто не веселъ и другимъ надоѣдаю, можетъ быть потому, что я старше васъ и понимаю въ ней многое, что̀ со временемъ и вы увидите.

— Ну зачѣмъ ты это говоришь ей? спросилъ Саша; — не слу-

шай его, Оля, живи себѣ, веселись; къ чему придумывать горе и непріятности, когда, слава Богу, ихъ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ? Не учись уму у него, знаешь пословицу: много будешь знать, скоро состаришься.

Но Оленька, опустивъ голову на руку, задумалась глубоко отъ словъ Невѣрскаго.

— Еще чѣмъ же я ребенокъ? спросила она у него помолчавъ немного.

— Еще чѣмъ? повторилъ онъ. Да вотъ вамъ доказательство, только вы не обидитесь, если я буду говорить откровенно? Вы не разсердитесь на меня за правду?

— Говорите, что такое?

— Вы очень мало развиты. Вы очень умны и получили хорошее образованіе; вамъ многое извѣстно, чего другія и старше васъ не знаютъ. Да собственное ваше сужденіе и даже вкусъ еще не успѣли образоваться; у васъ много врожденнаго вкуса, но все это еще безсознательно, вы сами не знаете иногда, что̀ думаете и чувствуете.

«Вотъ ужь это не правда, подумала про себя Оленька; знаю, очень хорошо знаю, лучше васъ понимаю, милостивый государь.» И едва замѣтная насмѣшливая улыбка пробѣжала по ея розовымъ губкамъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? спросилъ Невѣрскій.

— Я ничего не говорю, отвѣчала она.

— Хотите я вамъ приведу примѣръ въ доказательство? вы любите читать: иныя книги вамъ нравятся, другія нѣтъ, а почему? вы не знаете сами. Вы любите стихи Лермонтова, Пушкина?

— Очень люблю, такъ чтожь?

— А чѣмъ они лучше тѣхъ стиховъ, которые мы прочитали намедни и надъ которыми вы такъ смѣялись.

— Чѣмъ лучше? да какъ же можно ихъ сравнивать? я чувствую, что тѣ прекрасные, а эти никуда не годятся. Пушкина стихи, Лермонтова, мнѣ, какъ бы вамъ сказать? по сердцу приходятся, а тѣ нѣтъ.

— Вотъ онъ вашъ врожденный, прекрасный вкусъ, который вы не успѣли себѣ опредѣлить: вы чувствуете что̀ хорошо, но не понимаете почему оно хорошо.

Она задумалась. Сашѣ стало жаль ея.

— Полно, перестань, Невѣрскій, сказалъ онъ: терпѣть не могу твоихъ разсужденій, всегда скуку нагонишь; не слушай его, Ольга, не думай, что ты теперь ужь такъ никуда и не годишься. Повѣрь мнѣ, и онъ этого не думаетъ.

— Ольга Павловна не понимаетъ меня, если думаетъ, что я ее осуждаю, сказалъ Невѣрскій, я только говорю ей, что она перемѣнится, но дай Богъ ей подольше быть веселой, счастливой, такой, какъ она теперь; я только сказалъ, что время измѣнитъ ее совершенно.

— Вотъ новость! это и Митя, я думаю, знаетъ, перебилъ Саша, вставая и закуривая папироску.

Разговоръ остановился тутъ; но мысли, высказанныя Невѣрскимъ, много заставили работать голову Оленьки, и съ этихъ поръ ея занятія, ея чтеніе и самыя мысли стали серіознѣе, она уже не просто слѣдила за чужою мыслію, а старалась обсудить ее, понять то, что̀ прежде ей безотчетно нравилось. Она старалась также наблюдать сама за собою и за другими, и благодаря ея врожденнымъ способностямъ, многое ей скоро стало понятно. Объ отъѣздѣ князя узнали скоро въ Грачевѣ, но это извѣстіе не произвело сильнаго впечатлѣнія на тамошнее общество; одна только Катерина Дмитріевна нѣсколько разъ повторяла сожалѣніе что онъ уѣхалъ, и по голосу ея можно было судить, что она говорила искренно. И послѣ его отъѣзда она часто вспоминала и говорила объ немъ съ Оленькой, которая отвѣчала впрочемъ довольно равнодушно: видно было, что судьба князя вовсе не занимала ея. Между тѣмъ время проходило, и ясные дни опять смѣнили дождливую погоду.

ГЛАВА XIII.

ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ.

Дни проходятъ незамѣтно. Уже нѣтъ больше лѣтнихъ жаровъ, нѣтъ страшныхъ грозъ, которыхъ такъ боится Оленька; рожь сжали, начинается та прекрасная пора года, когда лѣто еще не совсѣмъ прошло, а уже чувствуется начало осени. Вездѣ изобиліе: начинается молотьба, поспѣли яблоки; мужикъ свезъ на мельницу первую смолотую рожь и отвѣдалъ новаго хлѣба.

Въ воздухѣ, еще исполненномъ дыханія тысячи растеній, чувствуется иногда какая-то особенная свѣжесть, какъ будто занесло эту прохладу вѣтромъ отъ какой нибудь большой рѣки или съ моря издалека. Солнце садится раньше прежняго, ночи становятся длиннѣе и темнѣе.

Оленька часто задумывается и груститъ въ тихомолку; не трудно угадать причину. Саша черезъ недѣлю возвращается въ Москву, вакація кончилась. Съ нимъ вмѣстѣ уѣдетъ изъ Грачева и Невѣрскій, а Катерина Дмитріевна намѣрена прожить въ деревнѣ до 1-го ноября, потому что въ этотъ годъ ей предстоятъ лишнія издержки по случаю выѣзда Оленьки въ свѣтъ. Невѣрскій въ послѣднее время чаще выходитъ изъ своей комнаты, чаще разговариваетъ съ Оленькой. Ихъ прогулки втроемъ съ Сашей становятся продолжительнѣе. Разговоры ихъ теперь приняли серіозное направленіе; замѣтивъ свое вліяніе на молодую дѣвушку, Невѣрскій не могъ удержаться отъ желанія, свойственнаго человѣку съ умомъ уже зрѣлымъ при встрѣчѣ съ богато-одаренною, но еще не развитою натурой, оставить въ ней слѣды своего вліянія, дать направленіе ея будущему образованію. Видя какъ охотно принимала она его совѣты, онъ сталъ спрашивать ея мнѣнія и говорилъ ей свое, онъ далъ ей уже нѣсколько книгъ, разумѣется испросивъ на то согласіе и позволеніе ея матери. Книги были историческія, серіозныя, слѣдовательно безопасныя. Оленька очень была довольна тѣмъ, что съ нею говорили не такъ, какъ съ ребенкомъ, и рада была иногда показать, что она способна понимать то, что составляло его любимое занятіе. Разъ она высказала по случаю какого-то спора между Невѣрскимъ и Сашей такое дѣльное замѣчаніе, что оба согласились съ нею и признали въ ней рѣдкій тактъ. Оленька торжествовала. Такъ проходили послѣдніе дни пребыванія молодыхъ людей въ деревнѣ.

На канунѣ отъѣзда, къ вечеру, часу въ восьмомъ, всѣ трое ушли гулять черезъ садъ въ поле. У Катерины Дмитріевны былъ какой-то прескучный господинъ, по дѣлу, и она сама предложила молодымъ людямъ эту прогулку. Они долго ходили у рѣки, наконецъ усталые пришли въ бесѣдку. Оленька сѣла, прислонясь къ дереву, на край скамьи, Саша подлѣ нея. Невѣрскій продолжалъ ходить взадъ и впередъ передъ ними, увѣ-

ряя, что онъ не усталъ. Всегда веселый, Саша что-то пригорюнился, Оленькѣ тоже было грустно, да она хотѣла скрыть это отъ брата, а особенно отъ Невѣрскаго. Съ нѣкоторыхъ поръ она стала скрывать свое чувство передъ нимъ, вѣрно догадавшись, что оно стало ему извѣстно. Она старалась развеселить брата, разговорить его, но онъ отвѣчалъ нѐ-хотя, и разговоръ не ладился.

— Полно болтать, Оля, какъ тебѣ не надоѣло, сказалъ Саша вдругъ, перебивая сестру: — мнѣ что-то очень скучно, спой мнѣ что-нибудь, я послушаю.

Оленькѣ не хотѣлось пѣть при Невѣрскомъ въ саду, почти глазъ на глазъ съ нимъ. Ей казалось это неловкимъ. Но Саша приставалъ; она должна была по неволѣ согласиться и, не задумываясь долго, спѣла первую пѣсню, которая ей припомнилась. Пѣсня была русская, заунывная и шла къ ея голосу. У Оленьки былъ звучный голосъ, къ которому болѣе шли напѣвы грустные, чѣмъ веселые; переливаясь съ ноты на ноту тихимъ legato, онъ былъ особенно мягокъ и хорошъ. Она глядѣла впередъ на пропадающую вдали рѣку, и пѣла, и думала, и пѣсня ея неслась далеко въ чистомъ, тихомъ воздухѣ, и мысли неслись также далеко въ эту минуту, какъ бы ища впереди отвѣта на этотъ вопросъ, который такъ часто задаешь себѣ нечаянно: «что-то будетъ со мной?»

Невѣрскій слушая ее вспомнилъ, что можетъ быть въ послѣдній разъ ему приходится слышать ея пѣнье; онъ понялъ, что въ Москвѣ они не могутъ видѣться такъ часто; что-то сказало ему въ эту минуту, что прощаясь съ Грачевымъ, онъ долженъ проститься на всегда и со всѣми ощущеніями, которыя родились у него на сердцѣ въ это лѣто въ деревнѣ. Ему стало жаль ихъ, ему не хотѣлось оторваться отъ тихаго вліянія, которое производило на него присутствіе Оленьки. Ему пришло на умъ попросить ее, чтобъ она его не совсѣмъ забыла, чтобъ она не отказала ему въ дружбѣ и участіи послѣ, когда они будутъ встрѣчаться рѣже. Онъ подошелъ было къ ней, желая говорить, но въ это время она кончила, и Саша заговорилъ съ нею.

— Ты стала лучше пѣть съ нѣкоторыхъ поръ, сказалъ онъ сестрѣ,—тебѣ надо будетъ взять учителя пѣнія нынѣшнюю зиму.

— Еще Богъ знаетъ, что̀ будетъ зимой! невольно вырвалось у Оленьки; къ чему загадывать наперед̀ъ?

— Что̀ будетъ? извѣстно что̀ будетъ: ты будешь ѣздить въ свѣтъ, будешь танцовать на балахъ, будешь веселиться.

Все это онъ проговорилъ скоро, по мѣрѣ того какъ возвращалась его обычная веселость, и нимало не замѣчая, что на сестру и на Невѣрскаго слова его дѣйствуютъ непріятно. Ей не хотѣлось въ эту минуту думать объ удовольствіяхъ, которыя ожидали ее въ свѣтѣ; ея мысли были ближе: она думала о предстоявшей разлукѣ, о скучныхъ осеннихъ дняхъ, о длинныхъ вечерахъ безъ Невѣрскаго и брата, думала про свою любовь. А Невѣрскому этотъ намекъ на выѣздъ ея въ свѣтъ внушилъ тысячу скучныхъ размышленій. Онъ ушелъ по тихоньку изъ бесѣдки и не приходилъ даже къ ужину. Этотъ послѣдній вечеръ прошелъ для всѣхъ невесело, особенно для Невѣрскаго. Мысль о предстоящей перемѣнѣ тяготила его; вмѣсто тихой деревенской жизни въ Грачевѣ, близь Оленьки, его ожидалъ въ Москвѣ трудъ, часто неблагодарный; ему приходилось работать для существованія, въ ожиданіи какого нибудь мѣста, которое бы доставило ему болѣе серіозное занятіе, сопряженное впрочемъ съ еще бо̀льшимъ трудомъ. Картина будущности незавидная представлялась молодому человѣку въ этотъ тихій вечеръ, между тѣмъ какъ въ ушахъ его звучалъ еще голосъ Оленьки, и чувство къ ней просыпалось съ новою силой въ сердцѣ. Онъ долго перебиралъ всѣ предстоявшія ему трудности жизни, стараясь вглядѣться въ свое положеніе и встрѣтить его съ твердостію мужчины.

«Если бы у меня были родные, кто нибудь, мать, сестры, мнѣ бы легче было,» думалъ онъ, соображая сколько лѣтъ можетъ быть ему придется бороться съ жизнію прежде, чѣмъ онъ достигнетъ своей цѣли. Сердце его наболѣло отъ этихъ непріятныхъ мыслей, оно просило утѣшенія въ эту минуту. Тихими шагами проходилъ онъ около дома, какъ вдругъ у самой терассы его остановилъ голосъ женщины, которая что-то читала. Онъ вслушался и узналъ голосъ Оленьки: въ спальнѣ у матери она читала ей на ночь вслухъ Евангеліе. Окно было отворено, съ терассы можно было разслышать каждое слово. Слѣдуя невольному увлеченію, Невѣрскій сѣлъ на послѣднюю ступеньку терассы и притаивъ дыханіе, слушалъ.

Оленька кончила читать; кто-то затворилъ окно и нѣсколько минутъ спустя Невѣрскій пошелъ потихоньку черезъ садъ, слегка проводя рукой по глазамъ: онъ утиралъ навернувшіяся слезы. На сердцѣ у него стало тихо. Оно нашло то утѣшеніе, котораго просило...

ГЛАВА XIV.

ОДНА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Съ отъѣздомъ молодыхъ людей Грачево очень опустѣло. Правда, порядокъ дневной не измѣнился, но стало гораздо скучнѣе, и внутри дома сдѣлалось почти такъ же пасмурно, какъ становилось на дворѣ съ быстро-наступавшею осенью. Катерина Дмитріевна ревностнѣе прежняго принялась за дѣла и рѣже приходила сидѣть въ гостиную. Нѣмецъ и гувернантка, съ общаго согласія, предложили ей прибавить дѣтямъ лишній послѣобѣденный классъ, на что она изъявила свое согласіе, и рѣже слышался въ домѣ дѣтскій смѣхъ и шумъ веселыхъ игръ. Но скучнѣе всѣхъ было Оленькѣ, особенно въ началѣ. Ей не съ кѣмъ было поговорить, ей казалось пусто въ домѣ, гдѣ недавно было такъ весело, пусто даже въ миломъ любимомъ ею саду. Скоро сдѣлалось холоднѣе, листья на деревьяхъ стали желтѣть и шуршать на дорожкахъ подъ ногами. Но еще хуже сдѣлалось въ деревнѣ, когда пошли дожди, и вѣтеръ завылъ въ трубахъ, качая что есть силы длинныя, голыя вѣтви деревъ; дѣтей почти не выпускали изъ дома: вставляли двойныя рамы; скука въ первый разъ прокралась въ сердце дѣвушки. Нѣсколько вечеровъ сряду она засыпала за своею работой, сидя вдвоемъ съ матерью въ гостиной.

Но Оленька вскорѣ нашла себѣ занятіе. Въ Грачевѣ была очень хорошая библіотека покойнаго Павла Александровича, которая содержала въ себѣ много историческихъ книгъ и мемуаровъ. Изъ нихъ Оленькѣ давали читать почти все. Кромѣ того у нея были англійскія книги, которыя ей оставила княгиня Горбатова. Все это читала она въ осенніе дни, а по вечерамъ, когда усталые глаза отказывались отъ книги и пялецъ, она садилась за фортепьяно, и по всему грачевскому дому раздавался ея звонкій голосъ. Катерина Дмитріевна, сидя за какими нибудь счетами или читая одна въ гостиной, прислушивалась къ ея пѣнію.

Такъ, часъ за часомъ, день за днемъ, проходило потихоньку въ деревнѣ время. Чтожь дѣлалось съ любовью Оленьки? И въ осенніе холодные дни, какъ въ ясные лѣтніе, она много мечтала о Невѣрскомъ и думала, что нельзя больше любить чѣмъ она любила его. Если она и ошибалась, то искренне вѣря себѣ и обманывая себя добросовѣстно.

Насталъ ноябрь мѣсяцъ, зима установилась, стали сбираться въ Москву. Оленька прощалась съ деревней, гдѣ оставляла столько воспоминаній; правда, ей также хотѣлось и въ Москву, гдѣ ждало ее веселье, ждалъ свѣтъ, котораго она немножко боялась, но который все же манилъ ея воображеніе; тамъ были и Саша и Невѣрскій, а здѣсь, въ деревнѣ, что́ же она оставляла?—скуку, свои мысли и книги. Она знала, что въ городѣ на это мало ей будетъ времени, а она ко всему этому такъ привыкла, что грустно простилась съ милою, скучною деревней.

Въ Москвѣ Саша очень обрадовался всѣмъ своимъ и особенно Оленькѣ. Онъ привыкъ къ семейной жизни, привыкъ къ обществу сестры, и одинъ, часто скучалъ. Цѣлый вечеръ братъ съ сестрой не могли наговориться и просидѣли вдвоемъ долго за полночь, когда весь домъ, усталый съ дороги, спалъ крѣпкимъ сномъ. Долго Оленька не рѣшалась спросить о Невѣрскомъ. Она все выжидала, не заговоритъ ли объ немъ братъ; но видя наконецъ, что ему и въ голову не приходитъ то, что́ ей такъ хочется узнать, она рѣшилась начать сама:

— А что Саша, живъ Григорій Николаевичъ или умеръ? Ты ничего не говоришь объ немъ, проговорила она съ видомъ совершеннаго равнодушія, хотя голосъ ея дрожалъ немного, произнося его имя.

— Богъ его знаетъ! совсѣмъ пропалъ. Ничего объ немъ не знаю, отвѣчалъ Саша, бросая докуренную папиросу въ каминъ.

— Какъ? давно? и ты не спросишь даже объ немъ? не хочешь знать, на томъ ли онъ свѣтѣ или еще на этомъ? Какъ тебѣ не стыдно, Саша! живо проговорила Оленька, не умѣя скрыть свою досаду и негодованіе.

— Ну, полно горячиться! что ты за защитница угнетенной невинности? полно! отвѣчалъ онъ смѣясь и закуривая новую папироску:—еслибъ Невѣрскій погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, я бы вѣрно это зналъ и не сталъ бы шутить этимъ, потому что смерть

его огорчила бы меня. Но, признаться, въ послѣднее время я почти вовсе потерялъ его изъ виду. Теперь уже начались кое-какіе балы; утромъ я занятъ въ университетѣ, днемъ ѣзжу туда-сюда, и день прошелъ. А онъ вотъ уже недѣли три ко мнѣ не заходилъ, должно быть занятъ своею дисертаціей. Онъ мнѣ говорилъ, что она подвигается.

— Ты вѣрно ни разу не былъ у него съ пріѣзда изъ Грачева. Оттого и онъ къ тебѣ не ходитъ. За что онъ будетъ тебѣ кланяться? сказала Оленька.

— Нѣтъ, я былъ раза два или даже три, отвѣчалъ молодой человѣкъ, да онъ живетъ ужасно далеко. Онъ прежде ходилъ ко мнѣ часто, въ недѣлю раза два три зайдетъ, а потомъ вдругъ пересталъ. Невѣрскій странный человѣкъ, Оля. Я его лучше знаю, чѣмъ ты. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ бояться общества, то есть общества порядочныхъ людей. Случалось, встрѣтитъ у меня кого нибудь изъ нашихъ знакомыхъ и сейчасъ же уйдетъ. Я думаю, что онъ оттого и пересталъ ко мнѣ ходить, что у меня бываетъ всегда кто нибудь.

— Я думаю, отвѣчала Оленька, глядя на огонь и припоминая лице Невѣрскаго.

— Онъ скоро кончитъ свою дисертацію и хочетъ защищать ее не позже весны.

— Право? онъ говорилъ тебѣ это?

— Да, говорилъ.

— Ну а потомъ, что же онъ будетъ дѣлать?

— Право не знаю. Служить, я думаю. Чтожь ему дѣлать? надо чѣмъ нибудь жить! у него ничего нѣтъ. Мнѣ бы хотѣлось доставить ему выгодное мѣсто, попросить кого нибудь похлопотать объ немъ. Надо маменькѣ сказать. Она будетъ рада сдѣлать доброе дѣло, продолжалъ Саша, вдумываясь въ положеніе бѣднаго пріятеля.

— Нельзя этого сдѣлать, нельзя ничего для него сдѣлать, живо отвѣчала Оленька: — Григорій Николаевичъ гордъ и не захочетъ ни чьей протекціи. Оставь его, онъ самъ себѣ найдетъ дорогу.

— Трудно, Оля, трудно на одного себя только и надѣяться. Я люблю Невѣрскаго, а скажу правду: не у мѣста его гордость. Ему бы съ радостію помогли и сдѣлали бы это деликатно, а что онъ одинъ сдѣлаетъ?

— Это мы увидимъ, отвѣчала она довольно рѣзко.

За тѣмъ разговоръ ихъ прекратился. Ни ей, ни ему не хотѣлось продолжать его. Они скоро разошлись, каждый про себя думая о Невѣрскомъ, и каждый по своему.

ГЛАВА XV.

СОВСѢМЪ УЖЬ НЕ ТА.

Прошло два или три мѣсяца. Оленька выѣзжала въ свѣтъ и въ свѣтѣ ее знали; предсказанія Саши, мечты ея матери, все сбылось: она веселилась и считалась по справедливости одною изъ московскихъ красавицъ. Ею многіе любовались, ей завидовали немало, за ней ухаживали, были даже влюблены въ нее; но она ни на кого не обращала вниманія, втихомолку изрѣдка вспоминала Невѣрскаго и воображала, что любитъ его по прежнему, а между тѣмъ она очень перемѣнилась; свѣтъ и на нее наложилъ руку.

Слухомъ земля полнится. И до Невѣрскаго доходили слухи о свѣтскихъ весельяхъ, о свѣтскихъ красавицахъ, объ успѣхахъ Оленьки. Онъ раза два заходилъ къ Сашѣ, послѣ пріѣзда его родныхъ; но ему не пришлось встрѣтиться съ нею все это долгое время.

На праздникахъ онъ былъ разъ у Катерины Дмитріевны и сидѣлъ довольно долго, но какъ нарочно Оленьки не было дома. Она съ утра уѣхала къ Кити Бѣлопольской; онѣ въ свѣтѣ подружились между собою. Невѣрскому хотѣлось бы увидѣть Оленьку, посмотрѣть какая она стала теперь, и ей тоже иногда очень хотѣлось увидаться и поговорить съ нимъ, хотя онъ понималъ, а она не понимала еще, какъ далеко жизнь, столкнувшая ихъ случайно въ это лѣто, разводила ихъ теперь. Оленька только еще пріучалась къ свѣту, не понимая значенія предстоявшей ей жизни, между тѣмъ какъ бѣдный Невѣрскій боролся со всѣми трудностями своего положенія. Его занятія постоянно серіозныя, его жизнь постоянно требующая работы мысли, старили молодаго человѣка; чувства и воображеніе его, въ это время, оживлялись только рѣдкими вспышками, и всегда разсудокъ по неволѣ долженъ былъ брать верхъ надъ воображеніемъ. Мимолетная мечта этого лѣта казалась ему сномъ, но

онъ по прежнему принималъ участіе въ Оленькѣ, и будущность хорошенькой дѣвушки подъ часъ сильно занимала его; нельзя сказать, что время, проведенное въ ея обществѣ, не оставило на этомъ человѣкѣ никакого слѣда. Своею красотой, своимъ добрымъ, открытымъ всему хорошему сердцемъ, молодая дѣвушка произвела на него глубокое впечатлѣніе. Сердце его стало теплѣе съ этихъ поръ и способнѣе понимать прекрасное и доброе въ людяхъ. Между тѣмъ какъ невольное вліяніе дѣвушки пробралось незамѣтно въ сердце Невѣрскаго, онъ тоже много сдѣлалъ для ея ума своими разговорами съ ней. Съ тѣхъ поръ какъ они сошлись и разошлись, она какъ будто сдѣлалась умнѣе и серіознѣе прежняго, онъ лучше и добрѣе. Такъ не напрасно узнали они другъ друга, да и вообще люди сходятся и расходятся не напрасно и не случайно.

Братъ Оленьки немного измѣнилъ университету и своимъ занятіямъ среди зимнихъ увеселеній. Потому-то и съ Невѣрскимъ они рѣдко видались. Они жили каждый по своему, каждый въ своемъ кругу и потому отвыкли другъ отъ друга.

Несмотря на это однако, когда Невѣрскій дописалъ свою дисертацію, и какъ всякій человѣкъ, при окончаніи труднаго дѣла, которое должно имѣть вліяніе на его судьбу, захотѣлъ съ кѣмъ нибудь подѣлиться своею радостію, онъ тотчасъ подумалъ о Сашѣ, объ Озерскихъ, и пошелъ къ нимъ. Онъ не могъ забыть, что былъ нѣкоторое время свой человѣкъ въ ихъ семьѣ, и увѣренъ былъ, что у нихъ найдетъ то искреннее участіе, котораго искалъ въ эту минуту.

Онъ засталъ Сашу въ хлопотахъ, которые ему, бѣдному и ученому человѣку, послѣ трудныхъ занятій, показались очень пустыми и мелочными. А эти хлопоты занимали его пріятеля уже болѣе двухъ недѣль, отрывая его отъ лекцій. Подходила масляница и на третій день масляницы былъ назначенъ большой маскарадъ у Софьи Ивановны Бѣлопольской. Она жила очень открыто этотъ годъ, вывозя дочь, которая уже третью зиму показывалась въ свѣтѣ. Многіе говорили даже, что Софья Ивановна живетъ сверхъ состоянія, чтобъ этимъ блескомъ привлечь женіховъ и ловко пристроить свою Кити, пока не подростутъ ея другія дочери. Подъ конецъ зимы ей

вздумалось устроить что нибудь особенное, и Саша предложилъ bal costumé. Мысль эта понравилась и, принятая охотно обществомъ, стала развиваться разнообразно. Всѣ готовили костюмы къ балу, и Саша, который затѣялъ всю эту суматоху, выдумалъ себѣ по этому случаю новую заботу, подговоривъ цѣлую компанію составить сюрпризомъ кадриль для маскарада. Разумѣется Оленька была въ этой кадрили, и цѣлыя двѣ недѣли выбирали костюмы всѣхъ вѣковъ, пока не остановились на блестящей идеѣ Саши. Онъ выдумалъ что-то необыкновенное, и всѣ были въ восхищеніи отъ его выдумки, которую разумѣется скрывали до времени.

Въ этихъ-то дѣловыхъ хлопотахъ засталъ Сашу Невѣрскій, когда онъ пришелъ къ нему съ своею дисертаціею. Надо однако отдать справедливость Озерскому; онъ обрадовался пріятелю, поговорилъ съ нимъ объ его дѣлѣ съ участіемъ, не смотря на весь безпорядокъ, въ который свѣтскія удовольствія привели его собственныя мысли. Онъ распрашивалъ о дисертаціи, сдѣлалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на счетъ ея задачи, и просилъ прочитать ее на свободѣ. Невѣрскій съ своей стороны сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о предстоявшемъ балѣ.

— О! это будетъ просто великолѣпно, если только удастся, отвѣчалъ Саша, оживляясь по мѣрѣ того, какъ входилъ въ свой предметъ:—это моя мысль, моя выдумка. Мнѣ признаюсь надоѣли балы: вѣчно одно и тоже, самъ знаешь.

— Знать не знаю, но вѣрю тебѣ на слово, перебилъ его Невѣрскій.

— Они ужасно надоѣдаютъ подъ конецъ зимы, продолжалъ Озерскій: — вѣдь это только одну Ольгу могутъ они забавлять постоянно; ей лишь бы гремѣла музыка, да было съ кѣмъ танцовать — все весело. Пляшетъ себѣ цѣлую ночь, а потомъ встанетъ въ двѣнадцать часовъ, спросишь ее: «ну что, весело было?»—«Разумѣется весело! до пяти часовъ танцовали мазурку».

— Неужели она такъ любитъ танцы? такъ полюбила балы?

— Конечно полюбила, чтожь ты хочешь? ей девятнадцать лѣтъ, и она первую зиму выѣзжаетъ въ свѣтъ. Но я совсѣмъ другое дѣло. Ты понимаешь, что мнѣ эти балы порядочно надоѣли.

— Конечно ты человѣкъ положительный, солидный.

— Полно смѣяться, Невѣрскій, право я терпѣть не могу однообразія.

— Этому я вѣрю, это и въ твоемъ характерѣ.

— Да перестань подсмѣиваться надо мной, слушай меня лучше. Вотъ я придумалъ и подговорилъ Бѣлопольскую дать bal costumé на масляницѣ. Тутъ по крайней мѣрѣ хоть есть гдѣ разыграться воображенію. Мало ли историческихъ костюмовъ? одинъ другаго лучше и страннѣе. У каждаго свой характеръ и смыслъ. Мы устроиваемъ кадриль фамильныхъ портретовъ.

— Какъ же это? спросилъ Невѣрскій съ любопытствомъ. Его поразила оригинальность этой выдумки.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ Саша: —цѣлая кадриль, то есть восемь человѣкъ насъ, мы будемъ составлять коллекцію, и какъ прилично портретамъ, будемъ чинно сидѣть въ рамкахъ, разумѣется золотыхъ, въ маленькой гостиной съ старинною мебелью, подлѣ танцовальной залы у Бѣлопольскихъ.

— Да какъ же это будетъ? я право не понимаю.

— А вотъ поймешь сейчасъ. Въ этой гостиной есть стѣна ни чѣмъ не занятая, около нея устроятъ сцену; тутъ будутъ сдѣланы очень низко въ одинъ рядъ золотыя рамы и въ нихъ то помѣщены будутъ портреты. У княгини Горбатовой, въ Воздвиженскомъ, въ кабинетѣ князя, висятъ фамильные ихъ портреты; я высмотрѣлъ тамъ костюмы и какъ сейчасъ вижу. Между нами есть прекуріозные старинные портреты, кто съ розаномъ, кто съ вѣеромъ, а мужчины всѣ въ лентахъ и звѣздахъ временъ Елисаветы и Екатерины, просто прелесть! Среди бала отворятся двери въ эту гостиную, и когда почтенная публика наглядится на портреты, заиграютъ минуэтъ и предки, Богъ вѣсть чьи, выступятъ изъ своихъ рамъ и пойдутъ танцовать важно, чинно, каждый съ своимъ pendant по парно. Хороша моя мысль?

— Очень хороша! надо тебѣ честь отдать.

— Я потому выбралъ старинные костюмы, что, какъ ты знаешь, я люблю все старинное, мнѣ фижмы, пудра, мушки нравятся. Какъ Оленька будетъ хороша! я для нея выбралъ одинъ прехорошенькій портретъ, который я видѣлъ у моей бабушки—и кстати для насъ, точно фамильный—это портретъ

моей прабабушки, не родной, а сестры моего прадѣда по матери. Она въ свое время была красавица, и ея портретъ писали въ видѣ картины. Это прехорошенькій портретъ. Она представлена въ шляпкѣ, въ пудрѣ и цвѣтахъ, въ родѣ bergère Pompadour. Сзади нея стоитъ амуръ въ какомъ-то голубомъ костюмѣ, съ крылышками и тоже напудренный. Онъ натягиваетъ лукъ и направляетъ стрѣлу прямо ей въ сердце. Это очень мило и очень глупо. Амуръ будетъ сынъ Бѣлопольской, хорошенькій мальчикъ, который съ колчаномъ и стрѣлами протанцуетъ съ Ольгой минуэтъ. Этотъ портретъ будетъ висѣть по серединѣ. Что скажешь? хорошо?

— Вѣрно будетъ хорошо, отвѣчалъ Невѣрскій, и подумалъ: «пойдетъ ли пудра къ Оленькѣ?» Онъ старался представить себѣ ея лице въ нарядѣ какой нибудь ея бабушки или прабабушки. И какъ будто нарочно, въ отвѣтъ на его мысль въ эту минуту вдругъ вошла въ комнату Оленька въ полномъ костюмѣ, въ парикѣ и съ черною бархатною мушкой на слегка-нарумяненной щекѣ, вошла въ дверь и, увидѣвъ его, остановилась въ нерѣшимости, идти или нѣтъ впередъ, повертывая въ рукахъ букетъ кисейныхъ розъ съ бархатными листьями. Она была очень хороша, не смотря на румяна и фижмы, несмотря на этотъ странный нарядъ, который скрывалъ подъ парикомъ ея черные волосы.

— Браво, Ольга, вотъ кстати пришла, когда мы только что о тебѣ говорили, закричалъ Саша, увидавъ ее:—такъ твой костюмъ уже готовъ? и какъ хоронъ и какъ идетъ къ тебѣ, прибавилъ онъ разглядывая ее ближе, не правда ли Невѣрскій? Да подойди же ближе, Оля: это Невѣрскій, нашъ грачевскій гость. Развѣ ты его не узнала?

И съ этими словами онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ нему.

— Узнала конечно, отвѣчала Оленька;—но вы Григорій Николаевичъ, узнаете ли меня теперь въ платьѣ моей прабабушки? спросила она смѣясь.

— Странно мнѣ васъ видѣть такъ въ первый разъ послѣ деревни, сказалъ Невѣрскій.

— Въ этомъ костюмѣ? спросила она:—правда, точно должно быть смѣшно.

Невѣрскій подумалъ, что даже и такъ она была хороша,

хотя ему не нравилось все поддѣльное въ ея нарядѣ, эти румяна, эти искусственные цвѣты и напудренный парикъ съ шиньономъ.

Оленька постояла немного такъ, поговорила съ нимъ и братомъ, потомъ ушла, переодѣлась, смыла съ лица румяна и пришла назадъ. Они долго разговаривали вмѣстѣ всѣ трое. Оленькѣ Невѣрскій показался совсѣмъ другимъ человѣкомъ теперь; она посмотрѣла на него не тѣми уже глазами, какъ прежде: онъ показался ей неловокъ и даже не много смѣшонъ. Теперь, когда она прислушалась къ разговору въ обществѣ, ей показались странными его слова.—Зачѣмъ онъ дѣлаетъ такія фразы? подумала она,—онъ говоритъ умно, но какъ тяжело и скучно его слушать! И она старалась понять, чѣмъ онъ ей нравился?

Онъ тоже нашелъ въ ней большую перемѣну, больше чѣмъ ожидалъ найдти. Ея сужденія были вѣрнѣе и яснѣе прежняго; она стала понимать многое по своему; видно было, что съ тѣхъ поръ, какъ они разстались, она читала много съ пользой и привыкла отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что думала. Манеры ея тоже перемѣнились, въ ней не было прежней дѣтской живости, она научилась сдерживать себя; но свѣтъ не отнялъ у ней природной простоты. Хотя и робкая по характеру, она никогда не терялась такъ, чтобъ выдумывать и пріискивать выраженія. Оттого-то слова ея были также просто хороши, какъ и ея мысли. «Свѣтъ измѣнилъ ее и еще можетъ быть измѣнитъ больше со временемъ, но не испортилъ и не испортитъ никогда», подумалъ Невѣрскій. Говоря съ нею онъ чувствовалъ какую-то робость, которой она прежде никогда ему не внушала; онъ понималъ больше прежняго разстояніе, положенное между ними свѣтомъ, онъ догадывался, что онъ теперь странное и можетъ быть неловкое лице въ ея глазахъ. Онъ ушелъ, недовольный этою встрѣчей, собой, всѣми своими словами.

По уходѣ Невѣрскаго, Оленька долго сидѣла молча, думая объ немъ, о себѣ, и спрашивая себя, любитъ ли она его, любила ли? и ей казалось, что все это она видѣла во снѣ, когда то, давно уже. Такъ далеко разошлись они въ эти три, четыре мѣсяца. Она почти понимала это, но ей жаль было проститься съ своею первою мечтою...

Тригорскій.

ЛАРЕЦЪ

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ДЕЛЬВИГА (*).

Славы громкой въ ожиданьи
Много я терплю,
Но стиховъ моихъ собранье
Все хранить люблю.

Мнѣ сказали сновидѣнья:
Закажи ларецъ,
Спрячь туда свои творенья,
Ихъ залей въ свинецъ.

Пусть лежатъ; чрезъ многи лѣта,
Знай, прійдетъ пора,
И четыре факультета
Имъ вскричатъ: ура!

Жду и вѣрю въ исполненье:
Пролетятъ вѣка,
И падетъ на ихъ творенье
Времени рука.

Пышный городъ опустѣетъ,
Гдѣ я былъ забвенъ,
И рѣка зазеленѣетъ
Межь упадшихъ стѣнъ.

(*) Стихотвореніе это написано рукою самого Дельвига въ альбомѣ А. Ѳ. Баратынской, и сообщено намъ ея внукомъ, С. А. Рачинскимъ.
Ред.

Суевѣріе духами
Башни населитъ,
И о прошломъ со дворцами
Вѣтръ заговоритъ.

Но напрасно сожалѣнье:
Что для солнца тѣнь?
У Лапландцевъ просвѣщенье
Заблеститъ какъ день.

Къ намъ ученые толпою
Съ полюса прійдутъ
И счастливою судьбою
Мой ларецъ найдутъ.

Въ засѣданьи, осторожно
Свитокъ разверня,
Весь прочтутъ и сколь возможно
Вознесутъ меня.

Вотъ Діонъ! О, самъ Горацій
Подражалъ ему,
И Лилета, дѣло Грацій,
Образецъ уму!

Сколько премій появится:
Гдѣ, когда я жилъ?
Былъ я слѣпъ, иль мнѣ родиться
Зрячимъ Богъ судилъ?

Кто былъ Лидій, гдѣ Темира
Съ Дафною цвѣла?
Изъ чего и даже лира
Сдѣлана была?

Что-жь вы, други; обнимите
Съ радости меня!
Вы жь, зоилы, трепещите,
Помните, кто я!

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ГЛАГОЛИЦЫ.

Accidit in puncto, quod non contingit in anno.

Давно уже замѣчено, что ни о чемъ столько многіе не пишутъ, какъ именно о томъ, о чемъ и не слѣдовало бы писать, если бы писавшіе, прежде нежели взялись за перо, поразмыслили хорошенько, стоитъ ли игра свѣчъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли гадать о томъ, какъ что было, могло или должно было быть, коли предметъ-то гаданія, по природѣ своей, рѣшительно не допускаетъ ни одного изъ этихъ способовъ насильнаго, такъ сказать, разоблаченія себя? Пока нѣтъ положительнаго, никакое глубокомысліе и острота не восполнятъ его ни чѣмъ, и потому всѣ догадки и теоріи, останутся въ глазахъ умовъ точныхъ только догадками, теоріями, да еще, пожалуй, съ придачей извѣстнаго изреченія мудрѣйшаго изъ мудрыхъ: «Суета суетствій», и такъ далѣе.

Тоже самое случилось и съ вопросомъ о томъ: которое изъ двухъ славянскихъ письменъ старше? Извѣстно, что Славяне имѣютъ два рода письма; одно, образованное на основѣ греческаго, называемое ***Кирилловскимъ*** или ***Кириллицей***, по имени Св. Кирилла, младшаго брата Меѳодія, незабвенныхъ просвѣтителей племени славянскаго, и употребляемое преимущественно Славянами православнаго исповѣданія, да Румунами той же церкви, изъ коего въ послѣдствіи произошло наше гражданское; и другое, большею частью, по внѣшности своей совершенно не похожее ни на одну азбуку, доселѣ намъ извѣстную, и называемое, Богъ вѣсть по чему, ***Глаголькимъ***, ***Глаголицей*** или, въ олатиненной формѣ, ***Глаголитикой***. Съ одной стороны, самобытность большей части знаковъ этого письма, а съ другой совершенное сходство нѣкоторыхъ, или отступленіе, происходящее только отъ положенія, прибавленія, или

опущенія кое-какихъ чертъ изъ главнаго начертанія; сходство по внѣшности, а не сходство по выраженію; подборъ буквъ, расположеніе или порядокъ и составъ; словомъ, такое совпаденіе и несовпаденіе этихъ двухъ азбукъ, приводили и приводятъ всѣхъ изслѣдователей старины славянской въ совершенный тупикъ. Не знаешь, съ чего начать, чѣмъ кончить. Усилія самыхъ крѣпкихъ, самыхъ свѣтлыхъ умовъ рѣшительно оказались недостаточными. Никакая ученость и соображеніе, вооруженныя даже современнымъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ и филологіей, не въ состояніи приподнять сколько нибудь завѣсу, скрывающую доселѣ колыбель этого, столько загадочнаго, столько таинственнаго письма, хотя по видимому все уже пророчитъ скорое разоблаченіе его. По крайней мѣрѣ, таково сознаніе Шафарика, безспорно перваго нынѣ знатока славянскаго міра, который, понимая важность Глаголицы вообще, а и того болѣе особенное значеніе глагольскаго извода или рецензіи нашего священнаго языка для славянскаго языковѣдца, рѣшился, на закатѣ дней, подвергнуть ее непосредственному своему изслѣдованію въ самыхъ ея источникахъ. Естественно, все, что только было кѣмъ либо писано о ней, онъ снова пересмотрѣлъ, взвѣсилъ и обсудилъ. Не говоря объ умахъ мечтательныхъ, припомню лишь, что *Добнеръ*, оказавшій неоцѣненныя услуги чешской исторіи своими критическими изслѣдованіями и изданіемъ историческихъ письменныхъ памятниковъ (1), первый изъ ученыхъ назвалъ Глаголицу настоящею Кирилловою азбукой, доказывая, что и папа Іоаннъ VIII, въ одномъ посланіи къ Великоморавскому государю Святополку (880), разумѣлъ подъ изобрѣтенными Кирилломъ письменами, именно эту, а не другую какую, азбуку; слѣдовательно, говорилъ онъ, Кириллица, то есть, составленная по греческой азбукѣ, столько же мало законно носитъ свое названіе, сколько и Глаголица названіе Іеронимова письма. Въ послѣдствіи, православное духовенство для большаго удобства въ письмѣ, промѣняло ее на греческую азбуку, дополнивъ ее только нѣкоторыми знаками для звуковъ, не существующихъ въ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ, эта преобразованная азбука, равно какъ и латинская абецеда Славянъ, присоединившихся къ Риму, мало по малу отодвинули, такъ сказать, Глаголицу на второе мѣсто и со временемъ почти совсѣмъ затерли. Мнѣніе Добнера, подхвачено было другими, которые повели

(1) V. Hagek Annales Bohemorum, animadversationibus historico-chronologico-criticis aucti. Pragae 1762—82, 6 voll. in 4.—Monumenta historica Boemiae nusquam antehac edita. 1764—85, 6 voll. in 4.

его далѣе, измѣняя каждый болѣе или менѣе по своимъ особымъ видамъ. Лужицкій ученый, Антонъ, въ пользу старшинства Глаголицы передъ Кириллицей, указывалъ на самую форму ея, которая, въ сравненіи съ послѣдней, далеко грубѣе, и потому, вѣроятно, составляетъ первобытныя славянскія письмена. Краинецъ Лингартъ къ этому мнѣнію прибавилъ, что она изобрѣтена Славянами въ V—VI вѣкѣ, на основѣ греческой, и что ею-то Хорваты подписали въ VII стол. договоръ свой съ папой не воевать болѣе сосѣдей, а спустя двѣсти лѣтъ, Кириллъ передѣлалъ ее по образцу греческой, сохранивъ, однако, прежнія названія. Дурихъ, напротивъ, въ посмертныхъ бумагахъ своихъ утверждалъ, что не Кириллъ, но Меѳодій усовершилъ исконное славянское письмо, очень похожее на руническое, и притомъ знаками, взятыми изъ Кирилловскаго, тоже имъ округленнаго и распространеннаго. Впрочемъ, уже до него Фришъ, берлинскій Нѣмецъ, еще въ началѣ XVIII вѣка, доказывалъ происхожденіе Глаголицы изъ Кириллицы, называя ее просто выродкомъ послѣдней. Другіе ученые только повторяли безъ дальняго, либо съ малыми измѣненіями, того или другаго изъ названныхъ выше. Напрасно *Добровскій*, вызвавшій статьей своей о несостоятельности мнѣнія, касательно составленія Глаголицы блаженнымъ Іеронимомъ, самаго Дѣбнера (1782), старался опровергнуть послѣдняго особымъ сочиненіемъ, подъ заглавіемъ «Glagolitica», 1808 г., въ коемъ подвергъ строгому пересмотру мнѣніе противниковъ и утверждалъ, что письмо, защищаемое ими, никакъ не старше XII—XIII вѣка. Къ такому заключенію пришелъ онъ послѣ самаго тщательнаго разбора всѣхъ, извѣстныхъ тогда ему, памятниковъ Глаголицы, изъ коихъ самый древній не переходилъ за первую четверть XIII столѣтія. По мнѣнію его, духовенство Славянъ при-адріатическихъ, совершавшее дотолѣ богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ и преслѣдуемое за то латинскою церковью, вымыслило себѣ особое письмо для сохраненія языка своихъ священныхъ книгъ и постаралось испросить согласіе папы Иннокентія IV-го, на отправленіе на немъ службы Божіей. Противъ такого доказательства, основаннаго на непосредственномъ изученіи изслѣдуемаго предмета, а не на догадкахъ, какъ было прежде, долго никто не смѣлъ возражать. Для опроверженія его нужно было равносильное орудіе. Но открытія не грибы; ихъ надо терпѣливо дожидаться. Въ 1830 году *Копитаръ* получилъ отъ графа Клоца нѣсколько пергаменныхъ листковъ одной глагольской рукописи XI-го стол., которую и издалъ

въ 1836. Основываясь на ней и нѣкоторыхъ другихъ (2), по всему старшихъ XIII–го стол., онъ легко могъ опровергнуть ученіе Добровскаго, котораго самъ до тѣхъ поръ былъ ревностнымъ поборникомъ. Ясно сдѣлалось, что Глаголица едва ли чѣмъ уступитъ въ старинѣ Кириллицѣ; съ этимъ никто и не думалъ спорить; можно было даже согласиться и на большее: допустить современность происхожденія обѣихъ. Казалось, что̀ благоразумнѣе и законнѣе? Такъ нѣтъ. Обольщаясь такою легкостью побѣды, Копитаръ снова пустилъ въ ходъ Добнеровы и его послѣдователей предположенія, увѣряя, безъ всякихъ доводовъ, что глагольское письмо существовало уже до IX-го столѣтія; что Кириллъ взялъ изъ него нѣсколько знаковъ въ свою азбуку, скроенную по греческой, казавшейся ему подручнѣе; либо же, на оборотъ, Глаголица первоначально изобрѣтена солунскими братьями, но потомъ оставлена, по несподручности своей, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ знаковъ, перенесенныхъ ими въ новоизобрѣтенную на основѣ Алфавиты. Вотъ почему Славяне разстались съ ней не прежде раздѣленія церквей, т. е. одни привязавшись къ Кириллицѣ–Алфавитѣ, другіе къ Абецедѣ; только не многіе Хорваты и Далматы сохранили ее въ послѣдствіи. Не говорю тутъ о Венелинѣ, видѣвшемъ, согласно съ основною мыслью всѣхъ своихъ изысканій о Славянахъ, въ Глаголицѣ письмо Этрусковъ, какъ въ Этрускахъ и Ретахъ — Славянъ паннонскихъ или хорутанскихъ: чтобъ убѣдиться въ несостоятельности такого мнѣнія, стоитъ только сличить то и другое, да припомнить новѣйшіе, болѣе точные и безпристрастные, розыски объ Этрускахъ и Ретахъ. Профессоръ казанскаго университета, В. И. ***Григоровичъ***, путешествуя (1844—45) по европейской Турціи для своей каѳедры славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы, пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ глаголическихъ памятниковъ, каковы: Четвероевангеліе, въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей; другое Евангеліе, писанное Кириллицей на пергаменѣ по выскобленной Глаголицѣ, въ городкѣ Боянѣ, близь нынѣшней Софіи, столицы Булгаріи; оба памятники харатейные, первое не позже XI-го, а второе кирилловской частью XIIв.; сверхъ того нѣсколько такихъ же отрывковъ. Имѣя такія сокровища, принадлежащія къ порѣ до XIII–го вѣка, стало быть, прямо и блистательно еще разъ опровергавшія Добровскаго, можно бы удовольствоваться одною

(2) Напримѣръ: **Abecenarium Bulgaricum** и ватиканскомъ Евангеліи, писанномъ въ Македоніи и купленномъ Ассеманн въ Іерусалимѣ, относимыхъ къ **XI — XII в.**, и нѣсколькихъ глагольскихъ буквахъ, тамъ и сямъ въ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчающихся, **и т. д.**

уже этою положительною стороной, оставивъ мечтанія мечтателямъ, по неволѣ, можетъ быть, прибѣгающимъ къ нимъ, за неимѣніемъ ничего, болѣе несомнѣннаго, подъ руками. Одна обработка подобныхъ драгоцѣнностей сколько доставляетъ наслажденій посвятившему себя славянскому дѣлу! Не тутъ-то было. Мнѣніе Добнеро-Копитаровское пущено снова въ ходъ съ посильною прикрасой: Кириллъ, увѣряютъ насъ, одинъ нашелъ Глаголицу, а Меѳодій *обратилъ* ее и греческій алфавитъ въ другую славянскую азбуку, т. е. составилъ изъ нихъ особую, получившую послѣ названіе Кириллицы. И это бы еще некуда шло. По крайней мѣрѣ такъ или иначе, но дѣло было въ одно и тоже время. Анъ нѣтъ. Недостатокъ старшинства Глаголицы передъ Кириллицей пытаются восполнить изъ другихъ рукъ, увѣряя, что Кириллъ еще на пути своемъ въ Козарію, нашелъ въ Корсунѣ или Херсонѣ, когда-то стольномъ городѣ нынѣшняго Крыма, возлѣ самаго Севастополя, уже готовый переводъ Св. Писанія на Росьскій языкъ, котораго не могши самъ прочесть, вскорѣ выучился тому у какого-то человѣка, глаголюща тою же бесѣдою. А если Кириллъ не могъ читать этого преложенія, то, слѣдовательно, оно было писано глагольскими письменами; стало быть эти древнѣе тѣхъ, кои послѣ были имъ изобрѣтены. Непослѣдовательность такого заключенія, равно какъ и подозрительность самаго сказанія, внесеннаго въ паннонское житіе Св. Кирилла, подробно уже доказаны мною въ другомъ сочиненіи моемъ (3). Наконецъ, явился недавно защитникъ старшинства Глаголицы передъ Кириллицей почти пятью вѣками. Въ 1853 году вышло сочиненіе, написанное сыномъ извѣстнаго издателя источниковъ нѣмецкой исторіи (4), К. А. Ф. *Перцомъ*, въ коемъ доказывается, что космографъ Этикъ, жившій въ VI-мъ столѣтіи, родомъ Истрянинъ, составилъ письмена, неправильно приписанныя Іерониму, переведшему его сочиненіе, и что эти письмена, не смотря на свою смѣсь изъ еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, халдейскихъ, сирскихъ и египетскихъ, именно суть глаголическія. Но доказательства въ пользу такого тождества доказываютъ совершенно противное, такъ какъ всѣ до одного взяты отъ чистаго предположенія, отъ противнаго тому, что̀ было на самомъ дѣлѣ. Разсуждая о древнихъ письменахъ славянскихъ, профессоръ С. Петербургскаго университета, по каѳедрѣ славянской, И. И. *Срезневскій*, въ концѣ своего изслѣдованія, во многихъ и

(3) О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Москва, 1855, стр. 97 и сл.

(4) Monumenta Germaniæ historica.

многихъ отношеніяхъ очень замѣчательнаго, умѣлъ удержаться отъ крайности, и отнесъ появленіе Глаголицы къ IX—X вѣку, послѣдовавшее, однако, за появленіемъ Кириллицы. Гдѣ же и по какому случаю она показалась, этотъ вопросъ благоразумно предоставилъ онъ рѣшить дальнѣйшему времени и разысканіямъ, спрашивая, впрочемъ: не могла ли она быть изобрѣтена въ Булгаріи, какимъ нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла, и тутъ же прибавляя, что отвѣчать на это отрицательно, пока, нельзя въ такой же мѣрѣ, какъ и отвѣчать положительно (5). Но разысканія, какъ я сказалъ уже, произведенныя *Шафарикомъ*, на основаніи самыхъ источниковъ и при пособіяхъ, какими не многіе могутъ похвалиться, разысканія, объявленныя въ 1853 г. въ «Памятникахъ Глагольской письменности» (Прага), какъ введеніе въ «Изборъ» изъ этихъ памятниковъ, тоже не принесли желаннаго отвѣта на этотъ вопросъ, когда же, кѣмъ и по какому поводу возникла Глаголица? Изучивъ все, что только доступно было ему, сообразивъ сказанное когда либо и кѣмъ либо о ней, а также сличивъ каждую букву со всѣми, доступными современной наукѣ, письменами, онъ послѣ всѣхъ своихъ поисковъ, пришелъ лишь къ слѣдующему. Что касается изобрѣтенія, сохраненія и распространенія глагольскаго письма какими либо сектаторами въ царствѣ булгарскомъ, на примѣръ: Патаренами или Катарами, Богомилами и Павликіянами, то такое предположеніе, говоритъ Шафарикъ, невѣроятно, такъ какъ оно не имѣетъ за себя никакихъ показаній. Исторія этихъ еретиковъ ясна, ученіе извѣстно, даже многія изъ сочиненій ихъ дошли до насъ; но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, равно какъ и въ памятникахъ глаголическихъ не замѣтно рѣшительно никакого уклоненія отъ ученія церкви. Кромѣ того, трудно повѣрить, чтобы папа Иннокентій IV, спустя только 32 года по смерти Иннокентія III-го, грознаго преслѣдователя и губителя Катаровъ во всѣхъ ихъ убѣжищахъ, особливо въ Хорватіи и Далматіи, чтобы Иннокентій IV-й такъ легко и охотно согласился, въ буллѣ своей къ сеньскому епископу, дозволить употребленіе «еретической азбуки» и отправленіе богослуженія по книгамъ, писаннымъ ею. То же самое слѣдуетъ сказать и о показаніи небольшаго Сказанія (6) о Климентѣ, одномъ изъ учениковъ Ки-

(5) Древнія письмена славянскія, въ Ж. М. Н. П., 1848 г., кн. VII.

(6) Первоначально напечатано въ «Службахъ Св. Седмочисленникамъ Славянскимъ,» въ Москополѣ, въ Албаніи, 1746, и въ Ж. М. Н. П., 1847, кн. 1., по списку XIII-го стол., найденному В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ, съ русскимъ переводомъ, а съ латинскимъ г. Курціуса, профессора Пражскаго университета, въ упомянутомъ выше сочиненіи Шафарика, стр. LVII—LIX.

рилла и Меѳодія, въ которомъ говорится, что онъ «вымыслилъ еще другіе знаки для письменъ, болѣе ясные, чѣмъ тѣ, кои изобрѣлъ Св. Кириллъ.» Въ твореніяхъ Климента ничего не находимъ о томъ, что̀ бы давало намъ право разумѣть подъ сими буквами глагольскія; а потому, извѣстіе это просто напросто опирается на такомъ же источникѣ, на какомъ и извѣстіе объ изобрѣтеніи глагольскихъ письменъ Св. Іеронимомъ. Но такъ какъ, по прямымъ свидѣтельствамъ, глагольскія письмена дѣйствительно употреблялись въ Булгаріи уже въ X—XII в., и такъ какъ строй и правописаніе ихъ въ нѣкоторыхъ глагольскихъ памятникахъ совершенно приправлены къ булгарскому нарѣчію, то должно полагать, что устроителемъ этой булгарской Глаголицы было какое-либо духовное лице, родившееся, или только жившее, въ булгарской землѣ, вѣроятно, кто нибудь изъ учениковъ первыхъ сподвижниковъ Кирилла и Меѳодія, даже просто какой ни есть ревнитель и преобразователь, дѣйствовавшій въ духѣ другой школы; стало быть, первоначальная причина появленія этого письма неизвѣстна; неизвѣстенъ также матеріалъ, изъ коего оно составлено, и самое мѣсто, гдѣ показалось въ первый разъ. Не хотѣлъ ли этотъ преобразователь дать своимъ соплеменникамъ другое письмо для однихъ лишь духовныхъ и церковныхъ предметовъ, *hieraticum*, *hierogrammata*, *literae sacerdotales*, кромѣ общаго, большею частью по греческой азбукѣ составленнаго, какъ это водилось и водится у многихъ восточныхъ народовъ — Индовъ, Тибетцевъ, Египтянъ, Халдѣевъ и т. п.? Можетъ быть, въ мѣстѣ его жительства находилось уже другое какое письмо, мало кому извѣстное, которымъ онъ воспользовался, распространивъ по образцу Кирилловскаго. Такое письмо могло принадлежать одному изъ ѳракійскихъ народовъ (Македонянамъ, Эпирцамъ, Иллирцамъ и т. д.), либо собственнымъ Булгарамъ, народу сѣвернаго или урало-алтайскаго происхожденія, либо же самымъ Славянамъ, имѣвшимъ даже, по Храбру, такъ называемыя, черты и рѣзи. По крайней мѣрѣ, доселѣ никому еще не посчастливилось найдти такое письмо, къ которому бы глагольское относилось хоть такъ, какъ, на примѣръ, готское, коптское и кирилловское къ греческому; ибо, что̀ до сходства отдѣльныхъ буквъ, то его всегда можно отыскать гдѣ нибудь, кто только захочетъ того непремѣнно. Азбуки, какъ и языки, больше или меньше сродни одна другой, и относятся если не какъ дочери къ одной матери, по крайней мѣрѣ, какъ родственницы между собою. Но все это — однѣ догадки, лишенныя историческаго основанія, стало быть, и непреложности. Другое преданіе, болѣе древнее и распростра-

ненное, указываетъ булгарской Глаголицѣ колыбель въ Хорватіи, не смотря на то, что памятники первой нѣсколько старше памятниковъ послѣдней (982 и т. п.); нѣсколько, говорю; но могутъ найдтись и ни чѣмъ не уступающіе имъ во времени, потому что въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаются указанія на грамоты 1027 и 1025 г., что́ отчасти и оправдалось уже (см. ниже). Между тѣмъ распространеніе Глаголицы въ Хорватіи, отъ рѣки Рашы до Кѐркы, въ епархіяхъ Сеньской, Модрушской и прежней Нинской, на сосѣднихъ островахъ, въ коихъ употреблялась она не для однихъ лишь церковныхъ, но и для гражданскихъ дѣлъ и цѣлей, именно: законовъ, грамотъ, надписей всякаго рода и сношеній письменныхъ, все это указываетъ на такое укорененіе ея тутъ, какого никогда не было въ Булгаріи. Круглота знаковъ Глаголицы булгарской говоритъ о той порѣ, когда уже употреблялось перо и кисть, чего у Славянъ до крещенія, какъ извѣстно, не было; напротивъ, прямыя, отвѣсныя черты Глаголицы хорватской и составленіе буквъ изъ двухъ такихъ чертъ, носятъ на себѣ признаки большей старины, когда письмена вырѣзывались еще на деревянныхъ и каменныхъ дощечкахъ. Такъ точно письмена о двухъ чертахъ, называемыя французами *blanches*, имѣютъ свой первообразъ въ письменахъ, встрѣчающихся на нѣкоторыхъ древне-итальянскихъ надписяхъ. Напослѣдокъ, меньшее число буквъ въ хорватской Глаголицѣ тоже говоритъ въ пользу старшинства ея передъ булгарской: проще, стало быть, старше; а звуки дополняются и совершенствуются постепенно. Письмена эти, конечно, не были письмена въ точномъ смыслѣ слова, но въ родѣ рунъ, мѣтокъ, бирокъ, чертъ и рѣзей Храбровыхъ, употреблявшихся въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, отнюдь же не для списыванія книгъ, каковы Кирилломъ устроенныя и приспособленныя. На это указываютъ и свидѣтельства исторіи, когда говорятъ о томъ, какъ еще около VII-го вѣка хорватскіе князья и старшины подписали одинъ договоръ свой съ папой Іоанномъ IV-мъ о томъ, что не станутъ болѣе разорять сосѣднихъ земель (7). Дитмаръ Межиборскій увѣряетъ, что истуканы, въ ретрскомъ капищѣ стоявшіе, имѣли на себѣ надписи (8); въ Судѣ Любуши тоже упоминаются «доскы

(7) **Chirographis propriis datis Sancto Petro iuraverunt. *C. Porphyr.* De admin. imp. I, c. 31.**

(8) **Inferius dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis. Chron. VI, p. 151, ed. *Wagner*.**

правдодатны» (9) (desky pravdodatne, tabulae legislatoriae, die Gesetzestafeln). Слѣдовательно, тутъ разумѣются не знаки въ смыслѣ нашихъ буквъ, но знаки въ смыслѣ чертъ, рѣзей, мѣтъ, и т. п. (notae, signa), откуда въ Русской Правдѣ мѣтельникъ, scriba, notarius; тутъ могли быть такіе же знаки, какіе разумѣются въ Новгородской 1-й лѣтописи еще подъ 1208 годомъ, когда недовольные Новгородцы взяли на потокъ животы посадника: «А что на дъщькахъ, а то князю оставиша... и даша дъщкы Дмитровы Святославу, и бяше нихъ безъ числа» (10). Да и нѣмецкіе bôka, Buch, наше буква, отъ Buchenholz. Такое письмо или вѣрнѣе такіе знаки, въ родѣ рунъ, могли быть только зародышами для письма, которыми вольно было составителю азбуки стройной, книжной, воспользоваться, или не воспользоваться. У Славянъ русскихъ, прибалтійскихъ и чешскихъ они ни къ чему дальнѣйшему не повели; но на Адріатическомъ приморьѣ могли пригодиться, такъ какъ здѣсь больше было соприкосновенія съ тогдашнимъ образованнымъ міромъ; но все же пригодиться не прежде Кириллицы. Судимъ по тому такъ, что въ противномъ случаѣ Кириллъ не могъ о томъ не знать, едва ли сталъ бы, если бы существовало въ томъ видѣ глагольское письмо, въ какомъ оно находится въ булгарской и хорватской азбукѣ, строить другое, такъ какъ первое было уже хорошо приноровлено къ писанію. Да и всѣ, самодревнѣйшіе памятники Глагольщины проявляютъ устройство письменъ ея по образцу Кириллицы, равно какъ и языкъ ихъ булгарскій, а не хорватскій, впрочемъ, нѣсколько отличающійся отъ булгарскаго въ чисто кирилловскихъ рукописяхъ, хотя переводъ въ сущности ни чѣмъ не отступаетъ отъ перевода кирилловскаго, не смотря на нѣкоторыя разности, дополненія и т. п. Особенности языка, чрезвычайно поражающія каждаго филолога, указываютъ только на то, что въ томъ краѣ, гдѣ первые требователи и обрабатыватели Глагольщины жили, онѣ были въ ходу, отъ того перешли какъ въ кирилловскіе, такъ равно и глагольскіе списки. Потому что, сколько до сихъ поръ извѣстно, свойства даже этого нарѣчія указываютъ не на хорватскій, но на булгарскій языкъ. Рецензія эта во всѣхъ славянскихъ земляхъ православнаго исповѣданія больше или меньше подвергалась измѣненіямъ какъ при переложеніи съ глагольскаго

(9) **Die aeltesten Denkmaeler der bochmischen Sprache, beleuchtet v. P. J. *Schafarik* u. s. w. Prag. 1840, S. 41, v. 60.**

(10) **П. С. Р. Л. III, стр. 30.**

письма на кирилловское, такъ и послѣ отъ другихъ; но въ глагольскихъ спискахъ она уцѣлѣла почти до половины XVII в., когда и на нее хорватскіе епископы глагольскаго обряда мало по малу стали налагать руку, каковы: Леваковичъ, Пастричъ и Караманъ; послѣдній нарочно изучавшій у насъ, въ Россіи, наши богослужебныя книги и по языку ихъ исправлявшій уже свои, глагольскія. Если бы мы знали навѣрное родину глагольскаго извода, дѣло совсѣмъ иной приняло бы видъ; статься можетъ, самое даже происхожденіе глагольскихъ письменъ нѣсколько уяснилось бы. Кто и гдѣ былъ первый глаголецъ или глаголита въ Хорватіи, также мало извѣстно намъ, какъ и то, кто былъ имъ въ Булгаріи, стало быть и виновникомъ булгаро-глагольской рецензіи. Не въ окрестностяхъ ли Скадра (Скутари) и Дукли или Діоклеи, въ нынѣшней верхней Албаніи, въ порѣчьѣ Дрина, слѣдовательно, по сосѣдству съ Македоніей, въ коей и теперь болѣе чѣмъ въ другихъ краяхъ прежняго булгарскаго царства, попадается глагольскихъ рукописей, не здѣсь ли находилась когда-то точка соприкосновенія обѣихъ Глаголицъ? Вѣдь этотъ край въ исторіи Славянъ булгарскихъ и сербскихъ является на позорище почти раньше всѣхъ прочихъ. Какъ бы то ни было, только знаемъ, что Глаголица воздѣлывалась лишь въ первомъ булгарскомъ царствѣ (1018); во второмъ же (1186) она совершенно была вытѣснена Кириллицей, хотя съ нея и послѣ этого времени довольно списывалось еще, но не на оборотъ. Кромѣ того, по сю пору ни одного памятника не нашлось въ Булгаріи, который указывалъ бы на употребленіе Глаголицы въ дѣлахъ свѣтскихъ; напротивъ, въ Далматіи и Хорватіи она не знала въ теченіи цѣлыхъ столѣтій никакого перерыва въ дѣлахъ церковныхъ и мірскихъ. Оттого нѣтъ почти мало-мальски замѣчательнаго рода въ этихъ двухъ земляхъ, который бы не имѣлъ у себя какого нибудь документа, писаннаго Глаголицей, и притомъ не рѣдко очень древняго. Вотъ почему въ латинскихъ источникахъ Глаголица слыветъ нерѣдко «lingua *croatica*, literae *croaticae*», въ славянскихъ: «*хрватска* слова», и только съ XII столѣтія появляются для нея названія «*глагола, глагольска* слова», въ противоположность «*Кириллицѣ, кирилловскому* письму». Во всякомъ случаѣ, признаюсь, говоритъ Шафарикъ, все это только одна *вѣроятность*, отнюдь же не *непреложное* что̀ либо, отнюдь не чистая дѣйствительность. Эта послѣдняя основывается единственно лишь на *прямыхъ* показаніяхъ памятниковъ, не подверженныхъ ни малѣйшему сомнѣнію, не допускающихъ никакихъ гаданій и т. п. Ихъ-то слѣдуетъ намъ искать, или, по крайней мѣрѣ, дождаться, если хотимъ знать объ этомъ что̀ либо положительное,

вѣрное, а не догадочное, мечтательное. «Увѣренъ, прибавляетъ нашъ несравненный изслѣдователь судебъ роднаго племени,—увѣренъ, что начало глагольскаго письма не останется на всегда для насъ тайной, загадкой; напротивъ, что̀ теперь составляетъ одно лишь предчувствіе, скоро, можетъ быть, обратится въ вѣдѣніе; но вполнѣ убѣжденъ, что это вѣдѣніе возможно только тогда, когда откроются новыя показанія, новыя данныя, новые памятники». Вотъ какъ думаютъ и дѣйствуютъ настоящіе искатели истины. Они предположеній своихъ не выдаютъ за открытія, но первые называютъ и просятъ называть ихъ одними лишь предположеніями; и пока нѣтъ положительнаго, не строятъ, для своего и другихъ утѣшенія, воздушныхъ замковъ; напротивъ, совѣтуютъ довольствоваться суровою дѣйствительностью, не отчаяваясь въ лучшемъ. Придетъ это лучшее, и судъ нашъ на него придетъ, по пословицѣ: когда рожь, тогда и мѣра.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о древности двухъ славянскихъ азбукъ еще въ самомъ концѣ прошлаго года. И что же? Предчувствіе, что откроются новыя данныя для рѣшенія его, не обмануло Шафарика.

27-го декабря, истекшаго года, получилъ я слѣдующее письмо отъ него, посланное 11-го декабря (23 н. ст.), изъ Праги:

«Посылаю вамъ при семъ предварительное извѣстіе о вновь найденныхъ глагольскихъ отрывкахъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія получите, какъ скоро они будутъ изданы. Теперь нельзя ничего сказать. Какъ это открытіе важно для палеографіи и исторіи славянскихъ письменъ, легко поймете сами. Библіотека митрополитской Капитулы, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, была недоступна. Въ ней находится 1000 пергаменныхъ рукописей, одна другой старше. Найдены также отрывки и цѣлыя рукописи чешской старины. Кто знаетъ, что̀ еще время откроетъ намъ новаго во всемъ этомъ.»

Здѣсь прекращаю, пока, выписку изъ письма, чтобы сообщить самое, упомянутое выше, извѣстіе. Оно отдѣльно отпечатано, какъ приложеніе къ Пражскимъ Вѣдомостямъ, на чешскомъ и нѣмецкомъ 7-го (19 н. ст.) декабря, прошлаго года, № 299, подъ заглавіемъ: «Недавно найденные Глагольскіе отрывки».

Вотъ что въ немъ сказано:

«Въ засѣданіи филологическаго отдѣла Чешскаго королевскаго общества наукъ, бывшемъ 17-го текущаго мѣсяца (декабря н. ст.), экстра-ординарный членъ его, профессоръ Гёфлеръ (**Höfler**), прежде всего сообщилъ о недавно открытыхъ имъ двухъ чрезвычайной важности глагольскихъ отрывкахъ, послѣ чего ординарный членъ, библіотекарь Шафарикъ, прочелъ изслѣдованіе свое, въ которомъ представилъ выводы критическаго разбора и оцѣнки оныхъ. Рукопись, въ коей сохранились эти отрывки, крѣпко приклеенные спутри къ переплетной доскѣ, находится въ библіотекѣ Пражской

митрополитской капитулы, и есть латинскій, такъ называемый, Праксапостолъ, т. е. Дѣянія апостольскія, Посланія ихъ и Апокалипсисъ; она принадлежитъ, по меньшей мѣрѣ, XI-му столѣтію и замѣчательна, между прочимъ, также изображеніемъ въ византійскомъ вкусѣ, находящимся въ самомъ началѣ и представляющимъ торжественное врученіе какой-то книги, въ видѣ дара, чешскимъ княземъ бенедиктинскому аббату, откуда имѣемъ полное право заключать объ особенномъ назначеніи этой, съ такимъ изяществомъ изготовленной, рукописи. Самые же отрывки состоятъ изъ двухъ листовъ, глагольскими буквами исписанныхъ, обязанныхъ началомъ своимъ двумъ писцамъ, и взятыхъ изъ рукописей, по всему другъ другу современныхъ. Первый, въ 27 строкъ, содержитъ въ себѣ, такъ называемыя, свѣтильни (**exapostilaria**), т. е. небольшія церковныя пѣсни, которыя поются въ праздникъ во время всенощной послѣ канона; а второй, изъ 24 строкъ, антифоны и сѣдальни (каѳисмы), употребляемые при богослуженіи. Но это должно разумѣть только о верхней или лицевой сторонѣ отрывковъ, потому что они, по весьма важнымъ причинамъ, по сю пору не отдѣлены отъ переплетной доски; впрочемъ, навѣрное полагать можно, что на оборотной сторонѣ находится продолженіе этихъ церковныхъ пѣсней. Хотя языкъ ихъ въ цѣломъ совершенно похожъ на такъ называемый древне или церковнославянскій, какой заключается въ древнѣйшихъ богослужебныхъ книгахъ; однако въ частностяхъ значительно уклоняется отъ послѣдняго, и, что̀ въ высшей степени замѣчательно, сильно перемѣшанъ съ формами звуковъ и словъ, свойственными языку, употребляемому въ Чехахъ, Моравѣ и землѣ Словенской (Словацкой). Такъ какъ, во первыхъ, переплетъ рукописи очень старъ, а приклейка отрывковъ одновременна съ нимъ; во вторыхъ, оба листа уже въ ту пору, когда наклеивались, очевидно были чрезвычайно стары и сильно повреждены, т. е. съ дырами, надорваны и истасканы: въ третьихъ, есть основаніе думать, что съ умысломъ и по выбору положены сюда, какъ дорогой памятникъ, для сохраненія; въ четвертыхъ, содержаніе отрывковъ болѣе согласно съ состояніемъ греческихъ богослужебныхъ книгъ, бывшимъ до начала X-го вѣка, нежели съ послѣдующимъ; и, наконецъ, въ пятыхъ, такъ какъ даже внѣшній видъ буквъ и правописаніе неопровержимо указываютъ собой на время, которое значительно старше времени самыхъ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ намъ доселѣ глагольскихъ памятниковъ: то все это, взятое вмѣстѣ, уполномочиваетъ насъ отнести происхожденіе этихъ отрывковъ къ той порѣ, которая не многимъ или вовсе ничѣмъ не уступаетъ апостольской дѣятельности святыхъ Кирилла и Меѳодія и ихъ сотрудниковъ въ Моравѣ и Панноніи (862—885). Подробная оцѣнка и объясненіе этихъ важныхъ остатковъ старины въ скоромъ времени изданы будутъ въ свѣтъ упомянутыми выше писателями; къ нимъ приложатся текстъ и переводъ, къ чему взяты уже всѣ нужныя мѣры.»

Понятно, что предпріятіе Шафарика требуетъ, прежде всего, всесторонняго соображенія судебъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловской и глагольской письменности, не говоря уже ничего о томъ, что при этомъ ни на мигъ нельзя опускать изъ виду и историческихъ судебъ Славянъ западныхъ и отношенія ихъ къ своимъ собратіямъ, преимущественно южнымъ.

Вотъ почему онъ далѣе пишетъ мнѣ:

«Теперь, прошу васъ покорнѣйше, пришлите мнѣ *краткое свѣдѣніе о тѣхъ кирилловскихъ рукописяхъ, о которыхъ можно утвердительно сказать, что они списаны съ глагольскихъ*, т. е. такихъ, кои, по вашему мнѣнію, мнѣ еще неизвѣстны. Впрочемъ, нужды нѣтъ, если при этомъ упомянете и о такомъ, что̀ ужь мнѣ извѣстно. Въ сочиненіи вашемъ: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ», я нашелъ извѣстіе о *двухъ* такихъ рукописяхъ; но, статься можетъ, съ того времени (1855 г.) посчастливилось вамъ самимъ, или другимъ библіографамъ вашимъ, сдѣлать новое какое либо открытіе въ этой области, совершенно мнѣ неизвѣстное.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ было мнѣ Погодинъ о какихъ-то глагольскихъ отрывкахъ или просто строчкахъ въ одной кирилловской рукописи; но болѣе ничего не могъ узнать о томъ отъ него. Не знаете ли вы чего объ этомъ?»

Я отвѣчалъ ему, что не только знаю этотъ отрывокъ, но даже отлитографировалъ было его къ выпуску въ свѣтъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ согласія самого владѣльца отрывка.

Заключеніе письма содержитъ слѣдующее, не меньшей важности, извѣстіе о Глаголицѣ:

«Въ Хорватіи, въ городѣ Новомъ (Новиградъ), находящемся въ Винодолѣ (на берегу Адріатическаго моря, между Сенемъ, **Zengo**, и Рѣкой, **Fiume**, противъ острова Кѣрка, **Veglia**) (11), найдена грамота, писанная глаголическими буквами, съ означеніемъ *1013-го* года. Кромѣ того, мнѣ присланы еще оттуда же (изъ Хорватіи) глагольскіе отрывки, *чрезвычайно древніе*.»

Но не въ одной Прагѣ и Новомъ сдѣланы открытія такой важности въ области Глаголицы; осенью 1854 года хорватскій писатель, Иванъ *Кукулевичъ-Сакчинскій*, предсѣдатель Южно-Славянскаго Общества исторіи и древностей въ Загребѣ, во время путешествія по приморской Хорватіи и Далматіи, нашелъ тоже много замѣчательныхъ памятниковъ Глаголицы. Краткое извѣстіе объ этомъ читано было имъ самимъ въ чрезвычайномъ собраніи Общества 24-го апрѣля, 1855 года, и напечатано въ хорватскомъ журналѣ «*Невенъ*» прошлаго года (*№№* 17 и 18), и отдѣльно.

Отправившись около половины сентября нашего счисленія въ путь свой, съ согласія бана Елачича, какъ покровителя Историческаго Общества, и будучи вспомоществуемъ самымъ мѣстнымъ

(11) О Винодолѣ смотри «Винодольскій законъ 1280 года, писанный глагольскимъ письмомъ и изданный Ант. Мажураничемъ въ III-й кн. «Коло», литературномъ сборникѣ, вышедшемъ въ 1843 г., а мною переведенномъ и помѣщенномъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», 1846 года, книга 4-я.

начальствомъ, Кукулевичъ имѣлъ двѣ главныя цѣли: собраніе источниковъ для исторіи Хорватовъ со времени прибытія ихъ въ нынѣшнія ихъ жилища до паденія королевства въ XII вѣкѣ, и отысканіе матеріяловъ для жизнеописанія художниковъ славянскаго юга. Но, послѣ этого, онъ обращалъ свое вниманіе и на другіе памятники исторіи и письменности хорватской, рукописи, старинныя книги, монеты, изображенія и т. п. Начавши съ самой вершины хорватскаго приморья, изслѣдователь продолжалъ путь свой до рѣки Цетыни, составлявшей, во время Константина Багрянороднаго, границу королевства хорватскаго на югѣ. Въ этотъ объемъ вошли также нѣкоторые изъ острововъ, какъ-то: Кѣркъ (Veglia), Рабъ (Arbe) и Пасманъ. Краткость времени и сильныя бури, бывшія въ ту пору на Адріатическомъ морѣ, не позволили ему посѣтить прочихъ далматскихъ острововъ, также Дубровника (Ragusa) и Котора (Cattaro), куда въ особенности хотѣлось завернуть путешественнику. Изъ города Бакра (Buccari), которымъ начато обозрѣніе, странникъ нашъ переправился на островъ Кѣркъ, средоточіе въ наше время глаголическаго богослуженія и письменности; они сохранились здѣсь, благодаря заботамъ мѣстнаго духовенства, не въ одной лишь церкви, но и въ жизни, между тѣмъ какъ во всемъ прежнемъ хорватскомъ королевствѣ, т. е. въ Истріи, Далматіи, Герцеговинѣ и Босніи, Глаголица уцѣлѣла только тамъ и сямъ, безъ всякаго почти отношенія къ дѣйствительности. Стыдъ и срамъ былъ бы для тамошняго священника не умѣть читать по глагольски: Глаголица самыми неразрывными узами связываетъ его съ его вѣроисповѣданіемъ, родными обычаями и языкомъ. Почти всѣ старинныя надписи въ церквахъ и на другихъ памятникахъ сдѣланы глагольскимъ письмомъ; тоже самое слѣдуетъ сказать и о такихъ же церковныхъ рукописяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя прекрасно писаны и украшены изящными миніатюрами, какова, на примѣръ, находящаяся въ Вѣрбникѣ. Вотъ почему удалось Кукулевичу, въ три дня пребыванія его на островѣ, пріобрѣсть 27 глагольскихъ рукописей, за 20 печатныхъ книгъ и около 30 грамотъ; между послѣдними одна писана 1321 года; сверхъ того пріобрѣлъ онъ больше 50 хорватскихъ книгъ, напечатанныхъ латинскими буквами, и довольно другихъ латинскихъ книгъ и бумагъ. Во всемъ этомъ особенно помогало собирателю тамошнее духовенство.

Сѣвши на пароходъ въ городѣ *Рѣкѣ* (Fiume), 2 октября, путешественникъ нашъ прибылъ въ *Задаръ* (Jadera, Zara), гдѣ и прожилъ цѣлый мѣсяцъ для обзора памятниковъ и общественныхъ

и частныхъ собраній всякаго рода письменности, коими столица нынѣшней Далматіи довольно богата. Впрочемъ, только у молодаго священника *І. Берчича*, неутомимаго собирателя хорватской старины, нашлись весьма важные памятники Глаголицы, коими онъ преимущественно занимается и между коими нѣкоторые принадлежатъ къ единственнымъ въ своемъ родѣ.

На пути въ *Бѣлградъ* (Бѣоградъ), одно изъ временныхъ пребываній хорватскихъ королей, отъ коего ничего не уцѣлѣло, кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ да двухъ башенъ, впрочемъ, кажется, новѣйшей постройки, изслѣдователь встрѣчалъ во всѣхъ приходскихъ церквахъ глагольскія книги для богослуженія, записи и часто надписи на стѣнахъ и камняхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ глаголическая семинарія преобразована въ латинскую, отправленіе богуслуженія по глагольскимъ книгамъ больше и больше выходитъ изъ употребленія, а съ нимъ и привязанность къ вѣрѣ и обряду отцевъ. Разумѣется, горю этому можно было бы пособить только возвращеніемъ семинаріи въ первобытный ея видъ, или, по крайней мѣрѣ, поручивъ преподаваніе глагольскаго письма человѣку, вполнѣ знакомому не съ одною лишь азбукой, но и съ судьбами всей письменности глаголической, отношеніемъ ея къ Кириллицѣ, прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ и т. п.

Въ *Шибеникѣ* (Sibenicum, Sebenico), куда тоже на пароходѣ прибылъ изыскатель хорватскій и гдѣ прожилъ полторы недѣли (съ 11-го окт.), поиски въ области Глаголицы ничѣмъ не наградились, хотя этотъ городъ, бывшій, подобно Бѣлграду, временнымъ пребываніемъ хорватскихъ королей еще въ XI вѣкѣ, имѣетъ довольно собраній старины.

Оставивъ родину многихъ замѣчательныхъ писателей и художниковъ, между коими припомню только новѣйшаго времени Томашича, извѣстнаго у Итальянцевъ подъ именемъ Tomaseo, и Медулича, назвавшагося въ Венеціи, въ коей провелъ бо́льшую часть своей жизни, просто племеннымъ именемъ «*Schiavoni*» (Славянинъ), странствователь перешелъ въ сосѣдній *Сплѣтъ* или *Сплитъ* (Palatium, Spalatum, Spalatrum, Spalato, Spalatro). Тутъ, съ 18-го октября по 11-го ноября, осмотрѣлъ онъ три общественные архива, именно: архивъ *Капитулы*, славный великимъ множествомъ подлинныхъ грамотъ, восходящихъ до самаго XI-го вѣка, и описанныхъ уже докторомъ *Каррарой*, въ « Archivo Capitulare di Spalato»; архивъ *епископскій*, правда, не заключающій въ себѣ никакихъ болѣе грамотъ въ подлинникахъ, благодаря неоднократному пожару архіерейскаго двора, за то имѣющій ихъ множе-

ство въ снимкахъ, равно какъ и значительное число писемъ сплѣтскихъ владыкъ и ихъ намѣстниковъ къ сосѣдней *Полицкой* общинѣ, и отвѣты послѣдней; тѣ и другія писаны *хорватско-босанской Кириллицей*, нѣсколько отличной отъ обыкновенной Кириллицы скорописной. Слѣдственно было время, когда и католическіе іерархи въ Далматіи и Хорватіи безъ дальняго прибѣгали къ посредству славянскаго письма въ сношеніяхъ своихъ съ православными и неправославными, не чуждавшимися послѣдняго, не смотря на свой римскій обрядъ, равно какъ и на оборотъ: православные и католики прибѣгали къ особому виду Кириллицы въ сношеніяхъ съ неправославными. Ниже скажемъ мы больше объ этой общинѣ. Третій общественный архивъ въ Сплѣтѣ — это архивъ *городскаго общества*, въ коемъ хранятся, между прочимъ, такъ называемыя «*Квадерны*» (Quaderni), или книги судебныхъ рѣшеній, начиная съ XV-го столѣтія, равно какъ книги порукъ и исковъ и т. п. Много во всѣхъ нихъ нашелъ Кукулевичъ важнаго для своего предмета. Изъ собраній, принадлежащихъ частнымъ людямъ, наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе собраніе доктора *Ланцы* (Lanza), составляющее собой цѣлый музей всего, что̀ только имѣетъ какое либо отношеніе къ Далматіи; тутъ прекрасный выборъ рукописей и книгъ, между коими довольно самыхъ рѣдкихъ; далѣе, собраніе монетъ, медалей, металловъ, травъ и всякой другой старины. Музей сплѣтскій большею частью наполняется древностями сосѣдняго *Солина* (Salonae, Salona), столицы Далматіи до Римлянъ и при Римлянахъ и съ тѣмъ вмѣстѣ единственнаго стольнаго града хорватскихъ королей, которые, на развалинахъ римскихъ, построили было въ немъ много церквей и монастырей, изъ коихъ въ церкви Св. Стефана, воздвигнутой уже въ 830, Еленой, супругой Мислава, погребены почти всѣ хорватскіе государи, отъ Терпимира до Стефана II-го.

За Солиномъ, на вершинѣ одной скалы, стоитъ старинный укрѣпленный замокъ *Клисъ* (Clissa), построенный хорватскими владѣтелями. Въ немъ нѣтъ никакого архива или чего нибудь тому подобнаго, но священникъ его Юрій *Граничъ* трудится уже нѣсколько лѣтъ надъ составленіемъ церковнославянскаго словаря. На берегу Адріатики православный Славянинъ хлопочетъ о словарѣ нашего священнаго языка, а мы, со всѣми пособіями къ тому, рукописными и печатными, какими никто изъ нашихъ собратій не смѣетъ похвалиться, равно какъ и пособіями науки и благъ міра сего, что̀ дѣлаемъ мы для этого?

Въ *Трогирѣ* (Tragurium, Trau) путешественникъ провелъ

восемь дней, и нашелъ довольно для себя занятій въ архивахъ: общественномъ, съ квадернами и разными записями изъ XIII и слѣд. вѣковъ до нашего времени, и Капитульскомъ, съ сотнями грамотъ XIII — XVII стол.; а въ библіотекѣ князя Гаранина – Фанфони, послѣ Дубровницкой самой замѣчательной въ цѣлой Далматіи, хранятся рукописныя сочиненія извѣстнаго сплѣтскаго архидіакона (Thomas archid. spalatensis), въ спискѣ XIII вѣка; статуты почти всѣхъ далматскихъ городовъ, множество хорватскихъ рукописей, а между ними чрезвычайно замѣчательная глагольская XV-го стол. (въ 4-ку на бум.), содержащая «Бесѣды святаго Григорія, папы Римскаго». Въ этомъ городѣ удалось путешественнику пріобрѣсть нѣсколько сочиненій старинныхъ дубровницкихъ писателей, до сихъ поръ неизвѣстныхъ никому.

Близъ *Омиша* (Onoeum, Almissa, Olmiss), лежащаго на вершинѣ утесистой скалы надъ рѣкой Цетиней и имѣющаго свой архивъ съ квадернами XVI и слѣд. вѣк., а также пергаменныя грамоты, насупротивъ рѣки, со стороны города, находится глаголическая семинарія, называемая потому «прико или пѣрко». Въ ней одной еще преподается Глаголица для готовящихся поступить въ духовное званіе по обряду хорватско-глагольскому; два учителя преподаютъ ее въ наше время болѣе чѣмъ 50 ученикамъ, которые найдутъ себѣ мѣста для своей дѣятельности въ сплѣтской епархіи, считающей и теперь еще 63 прихода, въ коихъ богослуженіе совершается исключительно по глагольскимъ книгамъ (12).

Послѣднее мѣсто странствованія хорватскаго ученаго была община *Полицы* (средн. множ.), которую, однако, по краткости времени и дурной погодѣ, онъ не могъ осмотрѣть во всей подробности. Однако все же онъ успѣлъ замѣтить, что вся она принадлежитъ къ

---

(12) Вотъ названія этихъ приходовъ, какъ они записаны въ канцеляріи упомянутой епископіи. **I.** Въ деканствѣ (протопопіи) *Сплѣтскомъ*: Мравинце и Кучине; Каштелъ Сучурацъ, Каштелъ Абадеса; Пострана; Есенице; Сринине; Ситно; Жѣрновица; Котленице, Дугополе; Коньско; Пругово; Мучь дони; Неоричь; Село горне (на островѣ Шолти, Solta); Грахоте (тамъ же). **II.** Въ деканствѣ *Трогирскомъ*: Слатине; Зирона; Каштелъ Витури. **III.** Въ деканствѣ *Сиьскомъ* (Sign): Бителичь; Стризирепъ; Грабъ; Капорице; Триль; Гардунъ; Долацъ горни; Долацъ средни; Долацъ долни; Путишичь; Тримбуши. **IV.** Въ деканствѣ *Омишскомъ*: Дуче; Тугари; Гата; Дубрава; Островица; Цикла; Жвечане; Костане; Подграде; Слиме; Жежевица; Блато; Крешево; Катуни; Новасела; Кучище; Свинище; Рогожница; Бреле. **V.** Въ деканствѣ *Макарскомъ*: Душине; Орра. **VI.** Въ деканствѣ *Имоскомъ*: Локвичичь; Медовъ долацъ; Грабовацъ; Циста; Загвоздъ; Кѣрстатице; Сливно; Жупа. **VII.** Въ деканствѣ *Неретвы*: Десне, Отричь; Видо; Видоне.

тѣмъ изъ приходовъ сплѣтской епархіи, въ коихъ богослуженіе никогда еще не отправлялось по латинскому обряду, или на латинскомъ языкѣ, напротивъ всегда по книгамъ и обряду глаголическому; въ ней всякая церковь имѣетъ непремѣнно глагольскія книги; одни лишь новѣйшія изданія напечатаны латинскою абецедой, больше или меньше приспособленной къ славянскимъ звукамъ, и потому называемой ***Щіявете*** (съ италіянскаго Schiavetto), но все таки по обряду глагольцевъ. Оставаясь долѣе въ Полицахъ, вѣроятно, удалось бы и нашему путешественнику пріобрѣсть въ ней «Статутъ» ея устройства и управленія въ прежнее старое время, который она создала сама для себя, подобно многимъ сосѣднимъ и однороднымъ общинамъ Далматіи. Впрочемъ, онъ нашелъ его въ Сплѣтѣ, въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ очень рѣдкій подаренъ былъ, для доставленія въ хорватскій загребскій музей, директоромъ тамошнихъ училищъ, Ив. Франчески, а съ другаго самъ онъ сдѣлалъ тамъ же списокъ до половины рукописи. По важности этого памятника для сравнительнаго славянскаго законовѣдѣнія и филологіи, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ какъ о немъ самомъ, такъ равно и виновницѣ его, общинѣ Полицкой, руководясь свѣдѣніями, сообщенными о томъ и другомъ Шафарикомъ (во II-ой книжкѣ Журнала Чешскаго Народнаго Музея за 1854-й), по случаю присылки къ нему списка съ полицкаго статута недавно умершимъ докторомъ ***Каррарой***, природнымъ Далматинцемъ.

Полицкая община принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ славянскимъ общинамъ на адріатическомъ приморьѣ, между Сплѣтомъ и Омишемъ (Almissa) (13). Это — прекрасная долина, замкнутая съ трехъ сторонъ отвѣсными скалами, дѣлающими доступъ къ ней для значительнаго войска совершенно невозможнымъ. Народонаселеніе ея не свыше 15—20 тысячъ, не знающее ни какихъ городовъ, но живущее въ деревняхъ (катунахъ), разбросанныхъ по скаламъ, числомъ 12-ть. Во время Багрянороднаго край Полицкій составлялъ особое самостоятельное цѣлое, именно, Цетинскую жупанію (отъ жупа, край, откуда и жупанъ, какъ начальникъ ея), отчего даже въ XI-мъ вѣкѣ встрѣчается только «***Cetinensis comes***», какъ предшественникъ «***князей***» (князей) ***полицкихъ;*** названіе же Полица въ первый разъ упоминается только въ памятникахъ слѣдующаго столѣтія. Обитатели Полицы славились своими морскими разъѣздами, и потому не разъ страдали за то отъ Венеціянъ, къ коимъ пере-

(13) Точнѣе: на сѣверѣ р. Жарновница и Клисъ, на востокѣ и югѣ р. Цетиня, а на западѣ море.

шли отъ Турокъ въ концѣ XV-го стол., а отъ нихъ къ Австрійцамъ. Венеція довольствовалась весьма малою данью (300 червонцевъ), получая однако извѣстное число моряковъ, славныхъ своею неустрашимостью и выдержкой, какъ и всѣ прочіе Далматинцы; за то знаменитая царица моря оставила имъ, вмѣстѣ съ другими соплеменными общинами далматскими, древнее ихъ управленіе, подробно сохранившееся въ особенномъ статутѣ изъ 108 главъ, изъ коихъ многія очень древняго происхожденія. Къ сожалѣнію, списокъ его, присланный Шафарику, сдѣланъ только въ концѣ прошлаго столѣтія (1785 г.); письмо—боснійская Кириллица, иначе Буквица, т. е. кирилловская скоропись, приспособленная къ сербскому нарѣчію въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Хорватіи, съ которой Сербы, даже и передавшись Риму, не хотѣли разстаться въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. А какъ нѣкоторые изъ нихъ, худо понимая различіе между кирилловскимъ и глагольскимъ письмомъ, не рѣдко величали и буквицу послѣднимъ (въ Босніи и Полицахъ), которая и теперь употребляется Поличанами, не смотря на соединеніе ихъ съ католическою церковью, то отсюда родилось было мнѣніе, что и полицкій статутъ писанъ Глаголицей. Это показываетъ только, что знаніе той и другой грамоты и ихъ письменности глубоко пало въ этой части народа. Такъ какъ статутъ полицкій составляетъ сборникъ рѣшеній или опредѣленій, приговоровъ, на извѣстный случай постановленныхъ народомъ на сеймѣ, называемомъ ими *саямъ* (саёмъ), *зборъ*, *станакъ* или *састанакъ*, *вичe* (вѣче) (14), и обыкновенно писавшихся каждое отдѣльно, то по тому, естественно, въ этомъ сборникѣ случайныхъ узаконеній нельзя искать строгаго соотношенія между частями, его составляющими; напротивъ, всякое постановленіе образуетъ самостоятельное цѣлое, занявшее мѣсто, гдѣ пришлось, не обращая вниманія на время его происхожденія. Тоже самое встрѣчаемъ и въ большей части статутовъ прочихъ далматскихъ общинъ и другихъ славянскихъ. Оттого, на разныхъ листахъ законника полицкаго встрѣчаются означенія года, въ который постановленіе состоялось; древнѣйшее относится къ 1400, позднѣйшее же къ 1725. Впрочемъ, статочное дѣло, что этому много способствовалъ и писецъ, дѣлавшій списокъ съ экземпляра, въ которомъ листы были перемѣшаны, какъ это зачастую случается съ старинными рукописями, и именно случилось съ законникомъ сербскаго царя Душана Сильнаго. Языкъ статута хорватскій и приморскій (чакавскаго

(14) «Полица узаконише и устатутише овако».

нарѣчія), такъ какъ самая Цетина, изъ коей образовалась потомъ Полица, прямо причисляется къ областямъ хорватскимъ. Однако, для большей удобности, узаконеніе переводилось и на общеупотребительный въ то время въ Европѣ, языкъ латинскій, что̀ необходимо было для далматскихъ общинъ по ихъ сношеніямъ съ Италіей и смѣшаннымъ населеніемъ приморскихъ городовъ и т. п. «Да се болѣ разѹми, харватски и латински», именно сказано на 103 листѣ, подъ 1663-мъ годомъ. Это обстоятельство было причиной того, что законники многихъ тамошнихъ общинъ дошли до насъ въ однихъ только латинскихъ спискахъ или переводахъ. Многія обстоятельства показываютъ, что въ этомъ законникѣ, не смотря на все его измѣненіе съ теченіемъ времени (навязавшимъ значительное число иноязычныхъ выраженій, впрочемъ, очень естественныхъ по жительству Поличанъ), довольно и старины, указывающей на глубокую древность; по крайней мѣрѣ, часто встрѣчаетесь въ немъ съ выраженіями: «*стари законъ* хоте», «есть *законъ стари*», и т. п. Община названа въ статутѣ *жупа поличка*, послѣ *провинція;* она распадалась на *катуни* (canton, vicus, districtus). Глава ея носилъ имя первоначально *великаго кнеза* (gran conte), потомъ *кнеза* (comes, conte), избиравшагося на одинъ годъ представителями *катунъ* или *катунарами*, въ осенній Юрьевъ день, и обязаннаго три раза въ годъ объѣзжать общину и чинить судъ и нарядъ съ тремя, вмѣстѣ съ нимъ избранными судьями, тоже на годъ; всѣхъ ихъ утверждала Венеція, какъ верховная покровительница Полицъ, называвшихъ ее *господство*, а дожа—*господинъ*. Споры по дѣламъ наслѣдственнымъ и долговымъ судились судомъ четырехъ дворянъ и девяти свободныхъ, а уголовныя дѣла судомъ присяжныхъ (ротниковъ или поротниковъ, изъ 12 особъ, рѣже изъ 6); недовольные переносили жалобу въ «*поличкій столъ*» (tabula judiciaria) или общинный, а отъ него къ кнезу; въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгали къ суду графа сплѣтскаго, какъ венеціянскаго чиновника. Для военнаго времени поставлялся *войвода*. Обитатели общины состояли изъ четырехъ разрядовъ: *властелей* или *властелиновъ*, дворянъ; дидичей, дѣдичей, свободныхъ (владѣвшихъ поземельнымъ имуществомъ, отъ дѣдовъ имъ доставшимся, libertini), *кметовъ, кметичей*, иначе *подложниковъ*, подданныхъ (поселянъ), и, наконецъ, *влаховъ* или *влашичей*, пастуховъ. Владѣніе называлось *племештитиной* (отъ племя, родъ, родовымъ), и было либо *баштиной*, отъ *башта*, батька, то есть батьковщиной, въ смыслѣ родовой собственности (fundi avitici), либо *ждрибницей*, по жеребью полученнымъ (fundus sorte divisus), либо же *подворницей*, на откупъ отдаваемымъ.

Собранія происходили по катунамъ (окружныя) и цѣлою общиной; въ послѣднихъ участвовали лишь первыя два сословія. Деньги, какъ и у прочихъ Сербовъ, назывались *благо*.

На пути въ Далматію и обратно, Хорватъ нашъ посѣтилъ островъ *Рабъ*, но также на весьма короткое время. Тутъ слышалъ онъ только, что въ городскомъ архивѣ имѣются древніе статуты острова, много грамотъ въ подлинникѣ и спискахъ, изъ коихъ одна короля Звонимира, 1081 года.

Когда хорватскій путешественникъ воротился домой и сталъ подводить общій итогъ пріобрѣтеніямъ своимъ въ двухмѣсячное странствованіе, то, къ изумленію, увидѣлъ, что однѣхъ латинскихъ грамотъ и документовъ, съ 837 по 1200 годъ, въ подлинникахъ и спискахъ, оказалось 109. Далѣе, грамотъ, большею частью подлинныхъ, съ 1200 по 1600, числомъ 370; хорватскихъ грамотъ, писанныхъ Глаголицей, Кириллицей и Абецедой, около 200; между ними одна глагольская 1321 года. Что до рукописей хорватскихъ глаголическихъ, кирилловскихъ и латинскихъ XIV—XVI в., то ихъ посчастливилось залучить около 40. Между двумя первыми 6 лѣтописей: одна Глаголицей начала XVI-го вѣка, писанная Шибеничаниномъ, Симономъ Главичемъ (монахомъ); другая того же письма и вѣка — Симономъ Климентовичемъ (изъ Лукурана, близь Задра); третья того же столѣтія — Іеронимомъ Калетичемъ, переведенная кѣмъ-то съ Глаголицы на латинскій; четвертая сербскаго извода Кириллицей, содержащая родословіе сербскихъ царей и ктиторовъ, а также лѣтописецъ отъ Адама до смерти Гуняда, письмо XVI в.; пятая хорватско-босанской Кириллицей въ Полицахъ, XVII в., въ коей, кромѣ другихъ историческихъ статей, заключается вся хроника Витезовича, въ переводѣ на чистый хорватскій языкъ; наконецъ, шестая — лѣтопись сербская XVI-го стол.: въ ней, прежде всего, повѣсть о папахъ-еретикахъ (на 30 листахъ); за тѣмъ, лѣтописный разказъ отъ сотворенія міра до потопа, патріарха Меѳодія и царя Ѳеофила; далѣе, о сербскомъ архіепископѣ Саввѣ, взятіи Царяграда Латинами, царѣ Дукѣ Ватацѣ, родословная сербскихъ деспотовъ, о сербскихъ государяхъ отъ Уроша Белы до Уроша, сына Душанова; тутъ же иное родословіе, отъ Волкана, сына другаго Немани, до деспота Стефана Лазаревича, и, въ заключеніе всего, опять лѣтопись до Лазаря. Не говорю уже о спискѣ полицкаго законника или статута босанскою Кириллицей. Латинскихъ однѣхъ рукописей, по большей части историческаго содержанія, безъ малаго 50. Здѣсь Статутъ Сплѣтскій 1313 г. и историческія сочиненія нѣкоторыхъ писателей. Старинныхъ хор-

взтскихъ книгъ, печатанныхъ Глаголицей и латинскими буквами, и различныхъ другихъ книгъ иноязычныхъ за 200. Сверхъ того, много монетъ, разнаго рода изображеній, свѣдѣній о 150 далматскихъ художникахъ XIV—XVI стол., коихъ имена почти совсѣмъ неизвѣстны, хотя произведенія многихъ изъ нихъ и теперь еще находятся на ихъ родинѣ. Если въ такое короткое время и на такомъ небольшомъ пространствѣ удалось собрать такую богатую добычу, что̀ же было бы, если бъ пораздвинуть предѣлы поисковъ и самое время; если бъ, на досугѣ и съ пособіями всякаго рода пострaнствовать и порыться въ остальной Далматіи и на ея островахъ? Я уже не говорю ничего о сосѣдней Герцеговинѣ, Босніи, Албаніи, Македоніи, Ѳракіи и Булгаріи, безъ сомнѣнія, скрывающихъ въ тайникахъ своихъ множество драгоцѣнныхъ памятниковъ для изученія судебъ Славянъ Задунайскаго полуострова въ вѣроисповѣдномъ, государственномъ и письменномъ отношеніяхъ. Ищите и обрящете.

Итакъ, нежданно и негаданно, отовсюду прибываютъ намъ источники и пособія для точнѣйшаго познанія сущности и судебъ глагольскаго письма, столько загадочнаго еще недавно для самаго Добровскаго, и о происхожденіи котораго цѣлыя полки завалены гаданіями пишущаго люда. Статься можетъ, близко уже то время, когда свѣдѣнія о Глаголицѣ не уступятъ свѣдѣніямъ нашимъ о соперницѣ ея, Кириллицѣ. На первый разъ и этого довольно, предовольно. Я еще недавно имѣлъ случай въ сочиненіи своемъ: «О времени происхожденія Славян. письменъ» стр. 213 и слѣд. представить нѣкоторыя изъ предположеній другихъ писателей о началѣ и свойствѣ Глаголитики, равно какъ и свое мнѣніе объ ея отношеніи къ Кириллицѣ касательно времени; отъ этого, не смотря на новѣйшее открытіе глагольскихъ памятниковъ въ Прагѣ, не отказываюсь, т. е. утверждаю, что ни коимъ образомъ и ни по чему не могу, пока, согласиться на старшинство Глаголицы передъ Кириллицей, охотно, впрочемъ, относя появленіе первой къ одному и тому же вѣку съ послѣднею (15). Разумѣется, въ высшей степени было бы занимательно уяснить себѣ это явленіе, почему почти или даже рѣшительно въ одну и ту же пору показываются у Славянъ вдругъ двѣ азбуки, такъ мало похожія своею наружностью одна на другую? Не было, какъ говорится, ни гроша, глядь — алтынъ. Но, сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какія теперь у насъ подъ руками, рѣшеніе этого вопроса — чистая невозможность. Не удовлетворяя однако нашего любопытства на этотъ

(15) Тамъ же, стр. 317 и слѣд.

разъ, пражское открытіе приподнимаетъ за то завѣсу съ другаго, не менѣе важнаго событія: разумѣю Православіе въ Чехахъ. Благодаря недавнимъ розыскамъ, мы знаемъ уже, что славянское богослуженіе проникло въ Чехію тотчасъ по введеніи его въ сосѣднюю и единоплеменную съ ней Мораву, просвѣщенную незабвенными апостолами нашего племени, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Неопровержимымъ доказательствомъ тому служатъ нѣкоторые памятники, предлагаемые кирилловской письменностью, тоже довольно подробно мною разобранные въ томъ же самомъ сочиненіи (16). Нужды нѣтъ, что памятники эти дошли до насъ не въ подлинникахъ, современныхъ самому событію, въ нихъ повѣствуемому: чего теперь нѣтъ, то еще не невозможно навсегда; «ab non esse ad non posse non valet consequentia,» говаривали когда-то въ школахъ. Напротивъ, зная судьбы Православія въ западныхъ славянскихъ земляхъ, сохраненіе этихъ памятниковъ въ несовременномъ спискѣ еще больше подтверждаетъ ихъ подлинность, такъ какъ сочиненіе чего-либо подобнаго въ Чехахъ на языкѣ Кирилла и Меѳодія, чѣмъ далѣе отъ времени ихъ жизни, тѣмъ болѣе становилось невозможнымъ; равно какъ и съ нашей стороны, то есть, со стороны православныхъ Русскихъ, Булгаръ и Сербовъ, составленіе такого сочиненія на языкѣ церковномъ, которое бы своими чехизмами указывало на Чехію, рѣшительно не только не сбыточно, но и не вообразимо, если вспомнимъ только наши и нашихъ предковъ познанія въ языкѣ Чеховъ. Какъ Житіе Св. Вячеслава, князя чешскаго, такъ и Церковная пѣснь, составляя памятники языка кирилловскаго, перемѣшаны съ словами, употребляемыми Славянами Чехъ и Моравы, что̀ ясно и непосредственно указываетъ на сочиненіе ихъ среди этихъ послѣднихъ въ ту пору, когда и они славили Бога вмѣстѣ съ нами едиными усты и единомысліемъ. Такъ существованіе нѣкогда православнаго обряда и его органа, церковнославянскаго языка, въ странѣ Чешской и Моравской, свидѣтельствуется самимъ же православіемъ и его языкомъ. Но нѣтъ недостатка въ пользу того и въ свидѣтельствахъ исторіи. Въ Житіи Бориса и Глѣба говорится о томъ, какъ первый размышлялъ объ убіеніи Вячеслава братомъ его, Болеславомъ; стало быть, Житіе Вячеслава было уже ему извѣстно, и извѣстно изъ того же источника, изъ какого и Житіе Никиты, о мученіи коего онъ тоже помышлялъ вмѣстѣ съ страстями князя чешскаго? Да и въ самомъ Житіи послѣдняго прямо сказано, какъ бабка его,

(16) Стр. 247 и слѣд., примѣч. 179.

Людмила (тоже, какъ и Вячеславъ, чтимая нашею церковію), «вѣда и наоучити *кънигамъ словѣньскымъ* по слѣдоу поповоу.»

Въ то время, когда существованіе православнаго богослуженія у Чеховъ и Моравовъ такъ прочно утверждалось памятниками самой же православной письменности, теперь тоже доказывается, повторяю, совершенно неожиданно, и со стороны *Глаголицы*. Что Глаголица была нѣкоторое время въ ходу въ краю Чешскомъ, это намъ извѣстно какъ изъ исторіи, такъ и изъ самыхъ остатковъ ея въ послѣднемъ, впрочемъ, не слишкомъ далеко углублявшихся въ древность. Знаемъ, на примѣръ, что императоръ нѣмецкій и король чешскій, Карлъ IV-й, основалъ (1347), такъ называемый, Емаусскій монастырь въ предмѣстьѣ Праги и пригласилъ въ него изъ Далматіи бенедиктиновъ глагольскаго обряда, съ тѣмъ чтобы они всегда совершали въ немъ богослуженіе на языкѣ Кирилла и Меѳодія, какъ просвѣтителей славянскаго племени, но по предписаніямъ Римской церкви. Между многими вкладами въ свою обитель, Карлъ принесъ ей также и рукопись, извѣстную въ послѣдствіи подъ именемъ Реймскаго Евангелія, много надѣлавшую когда-то шуму въ ученомъ мірѣ таинственностью, которою была облечена, и превратностью судьбы, коей подвергалась въ теченіе пяти вѣковъ. Въ наше время этотъ загадочный памятникъ сдѣлался доступнымъ каждому и подробно разобранъ и обсуженъ. Не взирая на увѣреніе надписи на немъ (1395 г.), ни внутреннія, ни внѣшнія свойства его не говорятъ въ пользу того, что бы одна часть его, именно кирилловская, могла быть писана рукой Св. Прокопія, жившаго въ Чехахъ въ XI-мъ столѣтіи; напротивъ, какъ она, такъ и часть глаголитская, далеко моложе, хотя первая — извода сербскаго, православія Кирилловскаго, а другая — тоже сербскаго, но Сербовъ Хорватовъ, соединенныхъ съ Римомъ, на языкѣ Кирилла, писанная, однако, не Кириллицей, а Глаголицей, и потому пропитанная особенностями приморскаго нарѣчія. Было ли что либо подобное раньше въ Чехахъ, т. е., отправлялось ли богослуженіе наше по какимъ нибудь глагольскимъ книгамъ, и вообще имѣла ли Глаголица какой доступъ тутъ, навѣрное никто не можетъ сказать того. Но вотъ являются въ наше время отрывки Глаголицы, которые, по суду перваго современнаго знатока ея и вообще всего, что́ касается славянской старины, принадлежатъ ко времени появленія въ Великоморавскомъ государствѣ солунскихъ благовѣстниковъ, или же, по крайней мѣрѣ, къ весьма близкому къ нимъ. Хотя на этихъ отрывкахъ нѣтъ никакого означенія года или времени, однако суду такого ученаго, какъ Шафарикъ,

не можемъ не вѣрить. Тѣмъ не менѣе, поудержимся пока дѣлать соображенія и посылки, подводить тамъ итоги. Увидимъ, и тогда раскинемъ умомъ-разумомъ. А до того скажемъ только, что если все это такъ, какъ намъ докладываютъ, то вотъ что̀ оттуда слѣдуетъ само собой, путемъ естественнымъ и, кажется, безупречнымъ.

Исторія говоритъ, что по смерти (894) Боривоя, перваго христіанскаго князя Чехіи, крещеннаго самимъ Меѳодіемъ, равно какъ и его родственника и охранителя, Святополка, могущественнаго государя великоморавскаго (894), дѣти обоихъ не съумѣли сохранить между собою согласія, и потому, отразить нападенія враговъ на свои, только что начинавшія еще образовываться государства. Неминуемымъ слѣдствіемъ того было раздѣленіе силъ, а за тѣмъ потеря самостоятельности и отклоненіе отъ пути, указаннаго ихъ отцами. Съ одной стороны натискъ Угровъ (Мадьяровъ), закочевавшихъ въ сосѣдней Седмиградіи и на равнинахъ молдаво-влахійскихъ, — призванныхъ противъ нововозникавшей въ сердцѣ Европы славянской державы хитрымъ нѣмецкимъ императоромъ Арнульфомъ, а съ другой одновременныя нападенія Нѣмцевъ, привели наконецъ Великоморавское государство къ гибели (907). Это имѣло самыя пагубныя послѣдствія для всей исторіи Славянъ средней Европы, послѣдствія, отъ которыхъ они никогда не могли избавиться и теперь еще страдаютъ. Отдѣленные съ начала X-го столѣтія новымъ, совершенно иноплеменнымъ, народомъ отъ общенія съ своими братьями, а черезъ нихъ и съ Цареградомъ, какъ виновникомъ ихъ обращенія къ новой духовной и своеобразной жизни, Чехи, Моравцы и Словаки рано или поздно должны были подаваться назадъ, и болѣе всего въ томъ, что̀ для нихъ было особенно дорого, а для враговъ ихъ особенно ненавистно, то есть, въ православномъ вѣроисповѣданіи. Уже дѣти Боривоя, Спитигнѣвъ и Вратиславъ, спѣшили укрыться отъ грозившей имъ бѣды съ юга подъ воскрыліемъ нѣмецкаго императора, что̀ однако не спасло народа ихъ отъ нея, а между тѣмъ сообщило съ тѣхъ поръ совершенно иное направленіе жизни народа, раздвоивъ его на двѣ враждебныя стороны, никогда уже не могшія образовать изъ себя прежняго цѣлаго. Государи и окружающіе ихъ больше и больше свыкались съ католицизмомъ; простой же народъ долго противопоставлялъ тому свою привязанность къ вѣрѣ предковъ. Когда же и послѣднее убѣжище славянскаго богослуженія исчезло, именно: Сазавскій монастырь, основанный около половины XI-го стол. (1032) княземъ Ольдрихомъ, по настоянію Св. Прокопія, уничтоженный, спустя съ небольшимъ 60 лѣтъ (1096), Брячиславомъ

II-мъ, народъ, мало по малу, покорился необходимости, навсегда, однако, сохранивъ, въ глубинѣ души своей, горячую привязанность къ православію, выказывавшуюся не разъ въ настоятельныхъ просьбахъ къ папамъ возвратить имъ, по крайней мѣрѣ, хотя часть его, хотя возможность слышать слово Бога и совершать хвалу Ему на языкѣ своихъ апостоловъ. Но первосвященники Рима очень знали, съ кѣмъ имѣли дѣло; они знали, что отправленіе богослуженія по миссалу не спасетъ отъ переворота, къ которому стремились Чехи всею своею жизнію, и который, напослѣдокъ, не смотря ни на какія ухищренія и предохранительныя мѣры, прорвался таки и образовалъ собой лучшую пору въ жизни ихъ, періодъ Гуса и гуситовъ. Даже и теперь, послѣ двухвѣковаго безпрекословнаго господства католицизма въ Чехіи, сердце сыновъ ея живо и горячо бьется, какъ показали то новѣйшія событія (20—21 мая ст. ст. 1848), при одной мысли о возможности слышать Божій глаголъ на языкѣ Кирилла и Меѳодія, считаемыхъ ими въ ликѣ первыхъ своихъ покровителей. Припомнимъ также и усилія знаменитаго Добровскаго склонить государя своего къ тому.

По какому, однако, обряду совершалось богослуженіе въ Сазавскомъ монастырѣ, и какимъ изъ двухъ славянскихъ письменъ писаны были богослужебныя книги его, по словамъ лѣтописца, уничтоженныя и разсѣянныя до того, что уже на нихъ никогда болѣе въ этой обители не возносилось моленіе? (18). Знаю, что во всѣхъ сказаніяхъ о Прокопіи языкъ этотъ названъ «*Славянскимъ*», языкомъ «Кирилла», иногда съ прибавленіемъ: «письмена, Кирилломъ составленныя»; но, во первыхъ, первымъ нерѣдко называли и языкъ Глаголицы, который дѣйствительно въ сущности былъ одинъ и тотъ же съ языкомъ Кириллицы (19). Во вторыхъ: и Глаголицу не рѣдко величали письмомъ «Кирилловскимъ»; такъ въ послѣсловіи къ «Книгѣ пророковъ съ толкованіемъ», сдѣланномъ попомъ Упиремъ Лихымъ въ Новгородѣ, послѣ переписки ея для князя Владимира Ярославича 1047 г., сказано, что «Книги си написашася ис Коуриловицѣ (20), между тѣмъ какъ языкъ и пра-

(18) «Et libri linguae eorum deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur.» См. Narratio de exordio Zazauiensis monasterii, писанное однимъ изъ братій этой обители и включенное въ нѣкоторые списки «Cosmae Pragensis Chronicon Bohemorum», въ Script. Rer. Bohem. I, lib. I, pag. 102, ed. 1783.

(19) См. приписку глагольскими буквами къ Глагольской части Реймскаго Евангелія.

(20) См Предисловіе къ Остромирову Евангелію, стр. III.

вописаніе этого памятника говорятъ совсѣмъ о противномъ, т. е., что они списаны *съ Глаголицы*, что̀ подтверждаетъ сличеніе того и другаго съ другими подобными рукописями. Если у насъ въ XI-мъ вѣкѣ списывали съ Глаголицы, молча, что̀ всего чаще бывало, либо же называя ее Коуриловицей, съ умысломъ или безъ умысла, то, разумѣется, тоже самое могло имѣть мѣсто и въ другихъ земляхъ славянскихъ, стало быть и въ Чехахъ при Прокопіи. По крайней мѣрѣ, почему же отвергать возможность того въ такомъ монастырѣ, который принадлежалъ именно къ ордену Бенедиктинцевъ, по основателю своему, брату Брѣвневскаго монастыря близь Праги, построеннаго Болеславомъ I, (993) для монаховъ Св. Бенедикта, приведенныхъ Св. Войтѣхомъ изъ Италіи? Вѣдь и братія Емаусскаго монастыря были также бенедиктины? Не все, что писалось Глаголицей на языкѣ Кирилла и Меѳодія, принадлежало только римскому обряду. Это даже и въ позднѣйшее время, и въ наше, не составляетъ большинства, не только что исключительнаго перевѣса. Притомъ, новѣйшіе розыски показали намъ *нѣсколько видовъ Глаголицы;* есть, какъ мы видѣли уже, Глаголица булгарская, есть Глаголица сербская или хорватская, и каждая изъ нихъ имѣетъ еще подраздѣленія. Одно это уже обстоятельство показываетъ намъ, что, не глядя на различіе азбукъ, памятники обоего письма, будучи памятниками одного и того же языка, желанны и дороги были для отшельниковъ славянскихъ, стало быть, и отшельниковъ чешскихъ XI-го вѣка. А ежели XI-го, то не вижу, почему и не X? И не для одного лишь чернаго, но и для бѣлаго духовенства; слѣдовательно, и конца IX-го? Отъ того, дѣло статочное, что, когда связь съ родиной Кирилла и Меѳодія порвалась, чешскіе государи, по необходимости принужденные обратиться къ ближайшимъ сосѣдямъ своимъ, Нѣмцамъ и Итальянцамъ, въ дѣлахъ вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ заглядывали и къ соплеменникамъ своимъ на Адріатикѣ, съ которыми и прежде Великоморавцы находились въ частыхъ сношеніяхъ и которыхъ богослуженіе славянское, не смотря ни на какія усилія Рима и римскаго духовенства, еще въ третьей четверти IX вѣка, показалось тамъ и до того усилилось съ теченіемъ времени, что ни соборы католиковъ (925, 928, 1059, 1064), ни отщепенство высшаго сословія, короче, ничто не въ силахъ было склонить перевѣсъ на сторону послѣднихъ, имѣвшихъ еще въ началѣ XIII-го стол. только одинъ монастырь («coenobium pure latinum.)» И это тѣмъ болѣе, что дальновиднѣйшіе и благоразумнѣйшіе изъ папъ, каковы: Александръ II, Иннокентій IV, (1067,

1248), и друг., охотно оставляли Кириллов языкъ Хорватамъ (21).

Такимъ образомъ могли оттуда приходить, время отъ времени, къ Чехамъ и богослужебныя рукописи, были ли то Кириллицей, или Глаголицей писанныя; главное—были бы лишь на языкѣ, столько для нихъ любезномъ. Этимъ, однако, не отвергается и послѣ паденія Великоморавіи возможность сношеній съ Задунаемъ, стало быть, и полученія оттуда нѣкоторыхъ славянскихъ богослужебныхъ рукописей того или другаго письма. Получивъ же ихъ, иноки и вообще духовные списывали для своей потребы, не переводя на нелюбую имъ Абецеду; а списывая, какъ это обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, не могли *не описываться*, не примѣшать къ подлиннику чего либо, противъ воли и сознанія своего, изъ роднаго говора; даже и съ намѣреніемъ старались замѣнять, по выраженію писца Святославова Изборника, «стропотныя» слова болѣе вразумительными изъ той рѣчи, которою сами объяснялись. Такъ было у всѣхъ Славянъ православнаго исповѣданія, что̀ и произвело, въ послѣдствіи, такъ называемые, *изводы* или редакціи: булгарскую, сербскую, хорватскую, русскую, къ коимъ, безъ сомнѣнія, еслибъ удержалось православіе въ Чехахъ, присоединилась бы и редакція чешская. Такъ я себѣ объясняю появленіе найденныхъ недавно отрывковъ глагольскаго письма, но на языкѣ, обыкновенно называемомъ нами церковнославянскимъ, и, просимъ не забыть, *булгарскаго* извода, какъ пишетъ ко мнѣ Шафарикъ во второмъ письмѣ своемъ, отъ 28-го дек. ст. ст. (полученномъ 9-го янв. 1856 г.), и что̀ видно также и изъ нѣсколькихъ даже строчекъ самыхъ отрывковъ, приложенныхъ имъ въ немъ съ слѣдующею просьбой:

«Посылаю вамъ ключъ къ глагольскимъ Свѣтильнамъ, котораго я не въ состояніи прочесть, а потому прошу васъ поискать ихъ въ старинныхъ славянскихъ минеяхъ и стихираряхъ, коихъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, конечно, довольно. Имѣя Кирилловское изложеніе ихъ, я бы, конечно, прочелъ ихъ вполнѣ. Кажется, свѣтильны эти древнѣе тѣхъ, кои принадлежатъ Константину Багрянородному и находятся въ нынѣшнихъ книгахъ. Нашедши ихъ сами, или съ помощью прочихъ любителей славянской письменности, потрудитесь переслать ко мнѣ немедленно. Все же прочее въ отрывкахъ разобралъ я безъ затрудненія».

Исполняя желаніе знаменитаго славяновѣдца, я не только принялся сейчасъ же за справки, но и помѣщаю тутъ просимое, съ

(21) «**Monasteria quoque tam Latinorum, quam Graecorum sive Slavorum cures, ut scias, et haec omnia unam ecclesiam esse**», писалъ папа Александръ II архіепископу города Бара.

цѣлію, не удастся ли еще кому изъ занимающихся родною славянскою стариной сдѣлать, съ своей стороны, поисковъ въ этомъ случаѣ, и тѣмъ споспѣшествовать общему дѣлу, прося отысканное пересылать ко мнѣ для отправленія по принадлежности. Больше насъ, больше глазъ.

Свѣтильна .....

Слов(о)..... ове(т)..... прѣбл..... твар..... об(ь)и.....

Свѣтильна на прѣполовленіе праздьникоу.

(.и҃. ци.)

Отъ животьныхъ .... мор (?) .....

Свѣтильна на прѣображеніе.

Прѣобрази сѧ..... оученикомъ с(воимъ)
..... доухъ ..... съпаси доушѧ нашѧ.

Свѣтильна (нед.) вьсѣхъ свѧтыхъ.

Хвалоу..... изволеници божи(и) .....
и велици. ꙗко цѣсарить (?) .... богъ нашь . радоуемъ сѧ и веселимъ сѧ, дадимъ славоу богоу.

Свѣтильна слѣпомоу.

Оумьнѣи мои очи ослѣпьноувьши, господи,
отъ мьно(гаго) грѣха..... освѣти.....
съгрѣш..... съмѣренимь .... сльзами моими.

Свѣтильна на възнесеніе.

Възнесе сѧ къ отьцоу своемоу.....
оученикомъ..... слав.... сво..... възнесе сѧ
просвѣшть вьсѣчьскаꙗ.

Если же происхожденіе этихъ свѣтиленъ и сѣдаленъ принадлежитъ не Багрянородному, и если онѣ согласны съ тѣми, которыя употреблялись въ Греческой церкви до начала X-го вѣка, то отсюда, естественно, слѣдуетъ заключеніе, что письмо, коимъ переданы тѣ и другія, т. е., глагольское, относится тоже къ этому времени, и, стало быть, древность Глаголицы опять отодвинулась назадъ еще почти цѣлымъ столѣтіемъ, потому что древнѣйшій памятникъ ея, доселѣ извѣстный намъ съ означеніемъ года, есть «глагольская подпись ерисскаго священника, Георгія, на договорѣ основателя Иверскаго монастыря, Ивана Ивера, на Аѳонѣ, съ жителями

сосѣдняго города, Ериссы (Herissos), о землѣ, принадлежащей обители, писанномъ солунскимъ нотаріемъ, Николаемъ, и открытомъ, 1845—46 года, архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ, списавшимъ его (22); за ней та грамота, о которой Шафарикъ извѣщаетъ меня въ первомъ своемъ письмѣ, и которая прислана ему недавно изъ Винодола; она найдена въ городѣ Новомъ, писана вся Глаголицей и, что̀ въ особенности важно, съ выставкой года, 1013. Теперь, слѣдовательно, Глаголица, по самымъ уже памятникамъ, съ прямымъ показаніемъ времени написанія ихъ, *помѣстилась въ одинъ вѣкъ съ Кириллицей*, именно IX-й, въ который, какъ мы уже знаемъ заподлинно, по тѣмъ даннымъ, кои извѣстны нынѣ, послѣдняя составлена (23). Которая изъ сихъ двухъ соперницъ отселѣ перетянетъ другую, неизвѣстно; пока, обѣ онѣ въ эту пору стоятъ передъ судомъ нашимъ съ равными правами, являются съ равными силами, и было бы слишкомъ неблагоразумно заключать о большей древности одной изъ нихъ передъ другой, то есть, заключать тамъ, гдѣ предѣлъ всякимъ заключеніямъ, предѣлъ, за которымъ начинаются мечтанія, предѣлъ, его же не прейдеши, а перешедши—непремѣнно очутишься въ области голыхъ предположеній и, пожалуй, большей или меньшей вѣроятности. Но вѣроятность, какъ бы ни была остроумна, не есть еще достовѣрность, которая одна самодержавно царитъ надъ умомъ человѣка, составляетъ его истинное вѣдѣніе, наличный и неизмѣнный капиталъ знанія. Гаданія никогда не замѣнятъ дѣйствительности, какъ опирающіяся на кажущемся, а не на положительно извѣстномъ, непремѣнномъ. Вѣрьте, пока у васъ нѣтъ доказательствъ въ пользу чего бы то ни было, прогоняющихъ въ самомъ недовѣрчивомъ послѣднюю тѣнь сомнѣнія, дотолѣ нѣтъ и правды, нѣтъ вѣдѣнія, а только развѣ видѣнія. Явится болѣе проницательный — и вашъ храмъ истины рухнетъ отъ одного дуновенія, не говорю истины, но только подобія истины. Такъ эта послѣдняя могущественна, такъ вліяніе ея неотразимо на умы наши. Перестанемъ же замѣнять ее созданіями нашего игриваго воображенія, добиваться истины, съ помощью таинственнаго дара отгадыванія, пожалуй, даже историческаго, тамъ, гдѣ одно лишь дѣйствительное, положительное, составляетъ цѣнность и прочную основу, ничѣмъ несокрушимую, нашего знанія. Слѣдовательно, толки, а тѣмъ болѣе препиранія, о старшинствѣ Кириллицы передъ Глаголицей, и Глаголицы передъ

(22) См. Ж. М. Н. П. 1847, кн. VII, стр. 41, 56.

(23) См. мое сочиненіе: «О времени происхожд. Славян. письм.»

Кириллицей, совершенно неумѣстны, безвременны, пока, повторяю, самое время, лучшій въ такомъ случаѣ судья и рѣшитель человѣческихъ притязаній и недоумѣній, не представитъ намъ новыхъ для того данныхъ, подобныхъ тѣмъ, по коимъ права обѣихъ соперницъ теперь совершенно уравновѣсились; пока оно не склонитъ вѣсовъ на сторону одной изъ нихъ. До тѣхъ поръ останемся при томъ, что̀ дѣйствительность намъ представляетъ, т. е. при нынѣшнемъ положеніи вопроса; станемъ лучше выжидать, нежели нести вздоръ, или завираться до одурѣнія, какъ это и сдѣлалъ уже одинъ поставщикъ новостей въ заморскія газеты (24), который, по пословицѣ, слыша звонъ, да не зная, изъ какихъ сторонъ, воспламенился ревностію не по разуму и разблаговѣстилъ, будто и Шафарикъ, послѣ открытія новыхъ отрывковъ Глаголицы, отдаетъ уже преимущество въ древности послѣдней передъ Кириллицей (25). Между тѣмъ, вотъ что знаменитый нашъ славяновѣдъ пишетъ мнѣ въ своемъ, упомянутомъ выше, второмъ письмѣ объ этомъ:

«Въ газетахъ распространена *ложная* молва о томъ яко бы я Глаголицу считаю уже древнѣе Кириллицы. Въ сущности, я ничего положительнаго не знаю о началѣ Глаголицы, хотя вижу старину ея. Въ вашей книгѣ («О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» и пр.) съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что вы къ обѣимъ имъ равно справедливы, обѣ уважаете, обѣ высоко цѣните. Такъ надобно, такъ прилично намъ дѣйствовать.»

И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало вамъ того, что любимица ваша, Глаголица, меньше чѣмъ въ полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ Добровскій выдалъ свое сочиненіе о ней, развѣ мало, говорю, вамъ, что Глаголица выиграла уже себѣ цѣлыхъ четыре вѣка, явилась современницей и равноправницей съ соперницею своей, Кириллицей? Хотите бо̀льшаго, но прочнаго,— умѣйте выждать; не потемняйте блеска такихъ важныхъ и твердыхъ завоеваній вашей любимицы неумѣренною ревностью по ней. Кто выжидаетъ, тотъ еще не теряетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не вызываетъ на себя не заслуженныхъ упрековъ въ заносчивости Что̀ тѣмъ хвалиться, что̀ въ люди не годится? Право, lepiéj wiedzieć, niż mniemać, говоритъ польская пословица. Словомъ: Dočkej času, co hus klasu, какъ выражаютъ Чехи, чтобъ было хоть не скоро, да споро; не ворово, да здорово.

О. Бодянскій.

---

(24) **Allgem. Zeitung.** 1855, дек. 17, № 351, стр. 5605 и слѣд.

(25) На примѣръ: изъ того, что въ отрывкахъ находится пѣснь на память апостоловъ Петра и Павла, газетчикъ выводитъ заключеніе, яко бы церковь наша находилась когда-то гораздо въ тѣснѣйшей связи съ римской, нежели въ послѣдствіи. Или увѣряетъ, что самые русскіе ученые (?) давно отдаютъ уже преимущество въ древности Глаголицѣ передъ Кириллицей.

ОДЫ ГОРАЦІЯ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ Г. ФЕТА.

Г. Фетъ даритъ русскую читающую публику переводомъ Гораціевыхъ Одъ. Этотъ переводъ печатается въ Отечественныхъ Запискахъ. Въ январской книжкѣ этого журнала, за текущій годъ, напечатана уже первая книга Гораціевыхъ Одъ, переведенныхъ г. Фетомъ. Мы можемъ поздравить нашихъ читателей съ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ, а г. Фета съ прекраснымъ трудомъ. Переводъ древняго поэта есть трудъ не легкій и для сильнаго поэтическаго дарованія; въ тоже время этотъ трудъ не совсѣмъ благодарный, потому что копія, снятая съ великаго образца, какъ бы ни была прекрасна, все таки уступитъ подлиннику и оставитъ мѣсто желанію лучшаго. Отчего великіе поэты новаго времени такъ мало переводили древнихъ поэтовъ? Не оттого, конечно, чтобы они считали это ниже своего таланта, но оттого что это трудъ мало благодарный. Все это конечно знаетъ и понимаетъ очень хорошо г. Фетъ, онъ, который съ любовію посвятилъ нѣсколько лѣтъ нынѣ оконченному труду. Знаемъ и понимаемъ это и мы, и тѣмъ съ большею благодарностію привѣтствуемъ его появленіе.

Переводу своему предпослалъ г. Фетъ коротенькое обозрѣніе жизни Горація и характеристику его самого и его произведеній. Жизнь Горація не богата интересными подробностями, поэтому и у г. Фета страницы, посвященныя краткому обозрѣнію этой жизни, не могутъ имѣть особаго интереса для читателей. Намъ хотѣлось бы прочитать въ слѣдъ за этимъ характеристику сочиненій нашего поэта, составленную самимъ г. Фетомъ. Мы видѣли бы въ этой характеристикѣ плодъ многолѣтнихъ занятій, результатъ долгаго и глубокаго изученія любимаго г. Фетомъ поэта. Мы въ правѣ объявить подобное требованіе и увѣрены въ томъ, что

г. Фетъ могъ бы вполнѣ удовлетворить ему. Но къ сожалѣнію онъ не подумалъ объ этомъ; онъ удовольствовался общими фразами, повторяемыми во всѣхъ изданіяхъ нашего поэта.

«Горацій, говоритъ г. Фетъ на 4-й стр. своего предисловія, принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые черпаютъ вдохновеніе непосредственно изъ жизни, а потому въ его произведеніяхъ можно прослѣдить за всѣми современными явленіями. Въ нихъ отразились всѣ событія отъ Филиппинской битвы, Акціума и походовъ Друза и Тиверія, до сооруженій храмовъ и до тріумфальныхъ шествій».

Предыдущая страница посвящена г. Фетомъ защитѣ нравственной стороны Горація, защитѣ, которая сдѣлалась тоже общимъ мѣстомъ Гораціевыхъ комментаторовъ. «Можно упрекнуть», говоритъ г. Фетъ въ концѣ этой страницы, « Горація въ непостоянствѣ; но въ другихъ отношеніяхъ его упрекнуть нельзя. Развернувъ на удачу сочиненія его, трудно не попасть на одно изъ мѣстъ, гдѣ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ на испорченность нравовъ своего вѣка и только въ самодержавіи Августа видитъ единственную возможность избавленія отъ всѣхъ бѣдствій и преступленій. Вездѣ онъ проповѣдуетъ ненарушимость древнихъ обычаевъ, до небесъ возноситъ первобытную простоту и святость брачныхъ отношеній. Если онъ самъ искалъ знакомства греческихъ либертинъ, то въ этомъ онъ только заплатилъ дань вѣку».

Прочитавъ данную г. Фетомъ въ немногихъ словахъ характеристику поэта, мы не можемъ не чувствовать, что въ отвѣтѣ г. Фета не только нѣтъ отвѣта, а много-много если задается вопросъ. Отличенъ ли Горацій сколько нибудь отъ другихъ поэтовъ тѣмъ, что его отнесли къ числу тѣхъ которые черпаютъ свое вдохновеніе непосредственно изъ жизни? Мы не удивляемся тому, какъ эта фраза, сказанная разъ какимъ нибудь эстетикомъ стараго времени, перешла потомъ почти во всѣ изданія Горація и стала общимъ мѣстомъ; но по справедливости удивляемся мы тому, какъ могъ г. Фетъ, владѣющій самъ замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, повторить это общее мѣсто, какъ будто оно совершенно ясно рѣшало вопросъ. Но что же такое значитъ искать вдохновенія непосредственно изъ жизни? И чѣмъ еще можетъ вдохновляться поэтъ какъ не жизнію? И на кого же жизнь сильнѣе дѣйствуетъ какъ не на избранныя натуры поэтическія? Никто ближе, никто сильнѣе не чувствуетъ конечно ея біенія. И гдѣ же еще можетъ искать поэтъ вдохновенія? Развѣ на произведеніяхъ другихъ великихъ поэтовъ не отражаются явленія современной

жизни? Развѣ великіе перевороты проходятъ мимо ихъ, не трогая ихъ, не задѣвая ихъ? Развѣ есть наконецъ поэты, которые бываютъ совершенно чужды современной жизни и, отдѣлясь отъ всего человѣчества, живутъ одни сами съ собою и сами собою вдохновляются? Но гдѣ же берутъ они содержаніе своихъ поэтическихъ произведеній? Филиппинская битва, Акціумъ, походы Друза и Тиверія, словомъ, всѣ великія историческія событія того времени не могли быть не замѣчены Гораціемъ, но съ другой стороны надо сказать правду: они не сильно возбуждали его вдохновеніе.

Скажемъ нѣсколько словъ и о защитѣ Горація противъ нападокъ на его нравственность. Объясните, пожалуста, за чѣмъ нужна эта защита, имѣютъ ли смыслъ эти нападки? Нападаютъ на Горація за то, что онъ часто перемѣнялъ предметъ своей любви, что пилъ вино и вообще любилъ жизнь веселую; нападаютъ на него за его отношенія къ Меценату и Августу. Но какое-же отношеніе имѣютъ всѣ эти нападки къ поэтической дѣятельности Горація? Нелишены были бы смысла нападки на Горація за отношенія его къ Меценату и Августу, но и тѣ, какъ увидимъ мы послѣ, вовсе не имѣютъ того значенія, какое имъ обыкновенно приписывается. Горацію какъ-то особенно посчастливилось въ томъ, что на него одного пали обвиненія, которыя должны бы пасть на всѣхъ его современниковъ и на все современное ему общество. Его одного выбрали цѣлью всѣхъ выстрѣловъ, которые должны бы быть раздѣлены между другими. Кажется болѣе всего виноваты въ этомъ его защитники, которые первые безъ сомнѣнія подняли вопросъ о томъ, дѣйствительно ли любилъ Горацій столько женщинъ, сколько насчитывается предметовъ его любви въ его стихотвореніяхъ, или тутъ были нѣкоторыя и вымышленныя имена? точно ли каждое имя означало особую женщину, или одна и таже женщина называется иногда нѣсколькими именами? Какъ будто бы это важно для оцѣнки таланта Горація — знать, два или три предмета любви было у него. Современные Горацію поэты жили также какъ онъ; также какъ онъ жило и все общество, но ни одинъ другой поэтъ не подвергался нареканіямъ отдаленнаго потомства за свою нравственность до такой степени какъ Горацій. Еще разъ повторимъ: друзья его и защитники виноваты въ томъ болѣе нежели его враги и порицатели. Первые не хотѣли видѣть ни одного темнаго пятна въ характерѣ своего любимаго поэта и, опровергая легкія сначала нападки, заставляли повторять ихъ съ большею настойчивостію и доводили наконецъ своихъ противниковъ до ожесточенія, несчастною жерт-

вою котораго былъ одинъ Горацій. Никакой другой изъ римскихъ поэтовъ не пользовался такимъ уваженіемъ и такою любовію въ потомствѣ, какъ Горацій. Его граціозная, совершенно оригинальная муза рано привязала къ себѣ множество поклонниковъ. Слѣдовательно и собственный его талантъ былъ отчасти причиною того, что имъ занимались болѣе чѣмъ другими, что онъ былъ чаще на языкѣ чѣмъ другіе. Чрезмѣрныя похвалы поклонниковъ вызвали нѣкоторыхъ на противорѣчія. Завязались споры, отъ которыхъ болѣе всего досталось Горацію. Не придавая важнаго значенія этимъ нападкамъ, мы не находимъ нужнымъ прибѣгать къ той защитѣ нашего поэта, которую находимъ у г. Фета. Мы привели выше слова г. Фета. Къ сожалѣнію здѣсь должны мы сказать, что не можемъ согласиться съ г. Фетомъ въ томъ, что у Горація развернувшій наудачу его сочиненія найдетъ или ожесточенное возстаніе на испорченные нравы вѣка, или голосъ о ненарушимости древнихъ обычаевъ, о первобытной простотѣ и святости брачныхъ отношеній. Развертывая наудачу первую книгу одъ Горація въ переводѣ г. Фета, съ трудомъ попадемъ мы на одно подобное мѣсто; гдѣ ни развернемъ мы, вездѣ поэтъ или приглашаетъ насъ пить съ нимъ вино и веселиться, или поетъ любовь и красоту. Голосъ за святость брачныхъ союзовъ, который будто бы часто раздается въ стихахъ нашего поэта, и который однако же ни разу не слышится во всей первой книгѣ, напоминаетъ намъ еще одну защиту легкости Горація въ любви: «Горацію», говорилъ одинъ изъ его защитниковъ: «легко можно извинить его легкомысліе и непостоянство въ любви, потому что онъ искалъ только любви, легко получаемой». Обратимся теперь къ самому поэту и поищемъ у него отвѣтовъ на предложенные вопросы: какая была его жизнь, какое воспитаніе, и чѣмъ и какъ опредѣлилось развитіе его поэтическаго таланта?

Горацій родился въ 689 году Рима (45 до Р. Х.) въ Венузіи, въ Нижней Италіи. Въ 696 году отецъ Горація переселился въ Римъ для воспитанія сына. Здѣсь посѣщалъ Горацій школы грамматиковъ. По римскому обычаю воспитаніе Горація началось съ Гомера, рядомъ съ которымъ называетъ онъ Ливія Андроника. Но самое большое вліяніе на умственное и нравственное развитіе нашего поэта въ эту эпоху его жизни имѣлъ его отецъ. Отецъ Горація былъ отпущенникъ и потому самому былъ далекъ отъ римскаго воззрѣнія на вещи. Камердинеръ, или управляющій какого нибудь богатаго провинціяла, онъ смотрѣлъ на все съ свойственной ему точки зрѣнія; онъ видѣлъ вездѣ только дѣйствіе

лицъ, ихъ личный интересъ, а потому и сына своего старался сдѣлать годною и здоровою личностью. Это хорошо и въ порядкѣ вещей, но не оправдывалось это съ римской точки зрѣнія. Этотъ эгоизмъ, это поклоненіе своей собственной личности, хотя онъ мирился съ распаденіемъ того времени, былъ не природный на римской почвѣ. Для настоящаго Римлянина выше всего было государство, дороже всего былъ городъ; истинный Римлянинъ никогда не ставилъ своей личности впереди государства и города. Отецъ Горація, какъ отпущенникъ, былъ чуждъ государственныхъ интересовъ; ему были дороже свои собственные интересы. Подъ такимъ-то вліяніемъ воспитался молодой Горацій. Онъ былъ Римлянинъ, но чуждый римскихъ интересовъ. Прочтите только первую оду его къ Меценату, и вы тотчасъ поймете, что писавшій эту оду мыслилъ и чувствовалъ не такъ, какъ мыслилъ и чувствовалъ Цицеронъ. Поэтъ говоритъ здѣсь о различныхъ стремленіяхъ людей: «иные ищутъ славы побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, другіе — богатствъ и обширныхъ владѣній, третьи военной славы и такъ далѣе; «а я», говоритъ поэтъ, «желаю только одной славы, лирическаго пѣвца». Намъ желательно было бы выписать здѣсь нѣсколько стиховъ изъ перевода г. Фета, но къ сожалѣнію именно тѣ два стиха, которые намъ особенно нужны, переданы г. Фетомъ невѣрно. Это 7 и 8 ст.

«Тому (радостно), коль вѣтреной квиритскою толпой
«Онъ предназначенъ вновь для почести тройной.

Смыслъ подлинника слѣдующій: «тому пріятно, если толпа вѣтреныхъ квиритовъ ревностно хлопочетъ о возвышеніи его тремя высшими почестями, то есть, эдильствомъ, преторствомъ и консульствомъ. Поэтъ говоритъ слѣдовательно о тѣхъ гражданахъ, которые ищутъ какъ можно скорѣе пройдти всѣ три ступени высшихъ почестей. Въ переводѣ г. Фета невѣрность заключается въ томъ во первыхъ, что онъ назвалъ три почести тройною почестью, во вторыхъ — и болѣе важная — въ томъ, что онъ прибавилъ къ подлиннику нарѣчіе *вновь*. Это нарѣчіе можетъ быть отнесено только къ одному консульству, ибо консуломъ могъ быть назначенъ одинъ и тотъ же человѣкъ два, три раза и болѣе; должности эдила и претора могъ занимать каждый гражданинъ только одинъ разъ въ своей жизни. Но возвратимся къ Горацію. На ряду съ олимпійскими играми, съ торговлею, съ охотою, ставитъ онъ исканіе римскихъ гражданскихъ почестей и военную службу. Но какъ Грекъ не поставилъ бы на ряду со всѣми этими

стремленіями, перваго стремленія заслужить вѣнокъ побѣдителя на олимпійскихъ играхъ; такъ Римлянинъ не могъ поставить на ряду со всѣми прочими стремленіями, исканіе этихъ завѣтныхъ почестей и военной службы, открывавшихъ ему обширное поле государственной дѣятельности, въ которой только и сосредоточивалась вся его жизнь, къ которой направлены были всѣ его помышленія. Говоря это, Горацій не сказалъ, что онъ не честолюбивъ, но признался, что онъ чуждъ римскаго духа. Исканіе этихъ почестей никогда не считалось у Римлянъ честолюбіемъ, оно было скорѣе долгомъ всякаго доблестнаго гражданина. Эти почести были для него и наградою за прежнюю службу государству и средствомъ, дававшимъ ему возможность оказать государству еще большія услуги. Далѣе, ограничивая кругъ своихъ занятій одною поэзіей, Горацій вновь отрицается отъ римскаго духа. До сихъ поръ немного еще было Римлянъ, которые бы исключительно посвящали себя только однимъ литературнымъ занятіямъ, особенно поэзіи и еще болѣе поэзіи лирической. Занятія литературою были предоставляемы большею частію рабамъ и отпущенникамъ. Римскій гражданинъ посвящалъ имъ только то время, которое оставалось у него свободно отъ государственныхъ занятій. Вѣкъ Августа благопріятствовалъ Горацію. Въ римскомъ обществѣ совершался огромный переворотъ; еще крѣпки были древнія начала, но вырабатывались уже новыя, хотя еще они неясно обозначились и высказались. Но вѣщій поэтъ, онъ предвидѣлъ и предугадывалъ скорое паденіе древняго римскаго духа и древнихъ римскихъ учрежденій. Въ Меценатѣ видѣлъ онъ доказательство и подтвержденіе своихъ теорій. Меценатъ, такъ близко стоявшій къ Августу и не хотѣвшій пользоваться дружбою Цезаря для своего возвышенія, Меценатъ, до конца своей жизни остававшійся простымъ всадникомъ и не искавшій почестей, молча казалось раздѣлялъ убѣжденія Горація.

На восьмнадцатомъ году своего возраста отправился Горацій въ Аѳины для окончанія своего воспитанія, здѣсь онъ слушалъ философовъ различныхъ сектъ. Но философія не привлекла къ себѣ Горація; онъ искалъ въ ней только рѣшенія практическихъ вопросовъ; онъ требовалъ отъ ней, чтобы она научила его только различать прямое отъ криваго (ut possem recto dignoscere curvum). Вотъ почему издатели Горація, послѣ долгихъ споровъ и недоумѣній, рѣшились назвать его эклектикомъ, желая выразить этимъ то, что Горацій выбралъ изъ разныхъ философскихъ системъ тѣ положенія, которыя ему нравились, или которыя согласовались съ его практиче-

*

скимъ направленіемъ. Его называли полу-эпикурейцемъ, полу-стоикомъ. Въ самомъ дѣлѣ читателямъ Горація легко было обмануться на счетъ философскаго направленія поэта. Въ иныхъ стихотвореніяхъ воспѣваетъ онъ любовь и вино, приглашаетъ друзей своихъ отречься отъ мірскихъ заботъ, бѣжать отъ нихъ подалѣе въ какой нибудь уголокъ и заливать ихъ виномъ,—и вотъ Горацій эпикуреецъ. Въ другихъ онъ говоритъ, что доволенъ малымъ, что смѣшно искать больше чѣмъ нужно, что не надо упиваться виномъ, что надо быть всегда прямымъ и справедливымъ, — и вотъ Горацій послѣдователь стоиковъ. Какъ быть? какъ помирить эти противоположныя направленія? Назовемъ его эклектикомъ, и дѣло улаживается кажется само собою. Нѣтъ, дѣло объясняется еще проще. Горацій не эпикурецъ, не стоикъ, но и не эклектикъ. Онъ вовсе не философъ, онъ чисто поэтическая натура. Философія не привязала его, ни одна секта не увлекла его за собою; ибо для этого надо было, чтобы онъ отказался отъ своей оригинальности, отъ своей самобытности. Эклектизмъ конечно не требуетъ подобной жертвы; но зачѣмъ же навязывать человѣку то, чего въ немъ не было? За чѣмъ непремѣнно хотѣть, чтобы Горацій былъ философомъ? Онъ былъ поэтъ и какъ поэтъ имѣлъ такое же сильное вліяніе на позднѣйшее потомство, какое могъ имѣть любой основатель философской системы.

Въ Аѳинахъ встрѣтилъ Горація Брутъ и увлекъ его за собою. Что побудило Горація послѣдовать за Брутомъ? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать, тѣмъ болѣе, что поэтъ не оставилъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ ни одного намека, изъ котораго могли бы мы вывесть хоть гадательное объясненіе. Думалъ ли онъ найдти въ Брутѣ что нибудь новое, лучшее и положительное? Во всякомъ случаѣ увлеченіе нашего поэта было непродолжительно; дѣйствительность скоро охладила эту минутную вспышку молодой души. Послѣ сраженія при Филиппахъ, гдѣ Горацій былъ офицеромъ въ войскахъ Брута (tribunus militum), нашъ поэтъ увидѣлъ, что онъ не родился быть воиномъ и политическимъ сектаторомъ. Онъ возвращается въ Римъ. Уже въ этомъ одномъ обстоятельствѣ, что Горацій съ поля сраженія при Филиппахъ воротился прямо въ Римъ, видна его политическая апатія. Припомнимъ еще одно мѣсто изъ стихотвореній поэта, гдѣ онъ смѣется надъ собою и надъ бѣгствомъ своимъ изъ войска (relicta non bene parmula — нечестно бросивъ щитъ). Въ этой ироніи надъ самимъ собою не видно ли полнаго отреченія отъ древняго римскаго духа? По возвращеніи въ Римъ, нужда заставила Горація прибѣгнуть къ автор-

ству. Онъ началъ съ сатиръ. Его сатира легкая, смѣющаяся. Такова и быть должна сатира Горація; она не могла быть другою ни по духу времени, ни по характеру поэта. Распаденіе римскаго общества только еще начиналось; пороки, которые въ послѣдствіи вызвали негодованіе Ювенала и Персія, только начали вкрадываться. Съ другой стороны нашъ поэтъ напрасно сталъ бы искать въ своей душѣ этого негодованія: такое негодованіе могло быть въ эту эпоху только въ древнемъ римскомъ гражданинѣ. Скоро первыя произведенія нашего поэта обратили на него вниманіе современныхъ ему поэтовъ, Виргилія и Варія, которые и представили его въ 716 году Меценату. Горацій сталъ однимъ изъ друзей Мецената. Эта дружба осталась неизмѣнною до самой смерти послѣдняго. Меценатъ представилъ Горація Августу. Къ чести нашего поэта надо сказать, что его отношенія къ Августу были безукоризненно чисты. Онъ не искалъ втереться въ толпу людей близкихъ къ Августу, на что послѣдній даже жаловался; онъ держалъ себя въ благородномъ отдаленіи отъ восходящаго свѣтила и даже въ стихахъ старался какъ можно рѣже говорить объ немъ. Само собою разумѣется, что будучи другомъ Мецената, онъ не могъ не написать иногда стихотворенія въ честь Августа, но онъ упорно отказывался отъ большихъ поэмъ во славу своего вѣка, отговариваясь тѣмъ, что его легкая и игривая муза не позволяетъ ему заниматься важными предметами, требующими болѣе сильнаго таланта. Такъ и въ 1-й книгѣ есть двѣ оды въ честь Августа: 2-я и 12-я. Но прочтите внимательнѣе эти оды, сравните ихъ съ другими, написанными къ тому и другому изъ друзей, къ той или другой красавицѣ, и вы увидите разницу не только въ тонѣ, но и въ легкости мысли и даже самаго выраженія. Эти оды и длиннѣе какъ-то другихъ и торжественнѣе (а торжественность вовсе не къ лицу нашему игривому поэту) и темнѣе. Кажется ихъ языкъ не такъ прозраченъ и свѣтелъ, какъ въ другихъ одахъ, въ которыхъ поэтъ болѣе отдается своему вдохновенію, хотя и въ нихъ таже цѣльность, таже строгая послѣдовательность и связь между частями, таже отчетливая выработка отдѣльныхъ частей и отдѣльныхъ выраженій, которыя характеризуютъ нашего поэта. Нѣтъ, лира Горація не занималась дѣйствительною жизнію Рима, ибо въ душѣ поэта не было никакой существенной связи съ этою жизнію. Борьба стараго и новаго порядка вещей не существуетъ для Горація. Предметы его пѣсенъ не величіе и вѣчность Рима, не virtus, не слава, не побѣда, не отечество, не древніе сильные

боги. У него своя virtus — довольство тѣмъ, что было у него, умѣренность, желаніе только необходимаго (quantum sat); у него свое отечество, это его сабинское помѣстье, подаренное ему Меценатомъ; у него своя слава, это быть первымъ римскимъ лирикомъ; у него и свои боги:

Отецъ мірозданья и вѣчный блюститель!
Ты, Цезарю въ стражи избранный судьбами,
Даруй, чтобъ второй по тебѣ повелитель
Былъ Цезарь надъ нами.

Ведетъ-ли въ тріумфѣ, отрадномъ гордынѣ,
Онъ Парѳовъ, предъ Римомъ кичливыхъ безъ мѣры,
Дрожатъ ли предъ мощнымъ въ восточной пустынѣ
Индійцы и Серы,

Меньшой по тебѣ, онъ да правитъ вселенной.
Ты жь горній Олимпъ сотрясай колесницей,
Ты рощи нечистыя жги раздраженной
Громовой десницей.

Новая жизнь только еще начиналась, новыя идеи только еще зарождались; апоѳеоза императоровъ еще не стала обычаемъ, а въ душѣ поэта выразилось уже если не сознаніе, то предчувствіе новаго порядка. Не было ему никакого дѣла до этой новой жизни; онъ не думалъ и не заботился объ ней, но сама собою, противъ его воли вторгалась она въ него, и отзывались его вѣщія струны на ея голосъ. Противъ воли, говоримъ мы, ибо любимыя предметы пѣсенъ поэта были изъ другой сферы. Это вино, любовь, дружба. Содержаніе лиры Горація — болѣе общее. Мотивы, повторяющіеся въ его пѣсняхъ, не принадлежатъ исключительно римскому народу; они общіе всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ, и этимъ отчасти объясняется необыкновенный успѣхъ Горація въ потомствѣ. Бѣдность мотивовъ вознаграждается оригинальностію мыслей и выраженія, богатствомъ картинъ и образовъ, разнообразною прелестью стиха, необыкновеннымъ изяществомъ языка и особенною, свойственною одному Горацію, ироніею. Изъ новыхъ поэтовъ никто не напоминаетъ такъ сильно Горація, какъ Гейне. Оба поютъ любовь и въ тоже время смѣются надъ нею, оба воспѣваютъ радости жизни и въ тоже время скучаютъ самою жизнію; оба прельщаютъ насъ изяществомъ формъ и оригинальностію содержанія, а болѣе всего никогда не оставляющею ихъ ироніею.

Перейдемъ теперь къ переводу. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гораздо легче переводить поэта съ общимъ содержани-

емъ, нежели поэта народнаго. Достаточно вспомнить о столь многихъ неудавшихся попыткахъ удовлетворительно перевести Гомера, чтобы убѣдиться въ справедливости этого положенія. Съ этой стороны, слѣдовательно, Горацій представляетъ менѣе трудности переводчику, не требуя отъ послѣдняго особенныхъ усилій, необходимыхъ при переводѣ народной поэзіи и болѣе національныхъ поэтовъ. Но переводъ древняго поэта представляетъ переводчику нашего времени затрудненія на каждомъ шагу: не только мысль, не только отдѣльныя выраженія, но и каждое отдѣльное слово требуетъ труда и размышленія. Кто знаетъ, что всякое слово и всякое понятіе имѣетъ свою жизнь и свою исторію, что значеніе слова и понятія подвержено измѣненіямъ, точно также какъ и цѣлый языкъ; тотъ легко пойметъ сколько труда можетъ стоить иногда переводчику, чтобы найдти слово, соотвѣтствующее понятію, созданному другимъ народомъ, возникшему въ другомъ отдаленномъ вѣкѣ. Какъ ни чуждъ былъ Горацій римскимъ началамъ, но все же они были ему знакомы и не могли не оставить слѣдовъ въ томъ или другомъ его стихотвореніи. И хотя онъ стоялъ на рубежѣ древняго и новаго міра, но все же онъ былъ ближе къ первому, былъ, такъ сказать, однимъ изъ его результатовъ, однимъ изъ его послѣднихъ выраженій. Мы говорили уже прежде объ особенностяхъ языка Горацієва, объ изяществѣ его стиха, о красотѣ его образовъ, объ отдѣлкѣ частей и выраженій, отдѣлкѣ, доходящей часто до изысканности. Горацій былъ мастеръ въ выборѣ выраженій; его эпитеты большею частію придуманы такъ, что ихъ рѣдко можно замѣнить, не всегда можно выпустить, и еще рѣже позволительно прибавить эпитетъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Для выраженія извѣстнаго понятія, онъ всегда беретъ то слово, которое выражаетъ ни больше ни меньше того, что онъ хочетъ. Онъ смѣло создаетъ новыя слова и всегда удачно. Съ такимъ-то оригинальнымъ образцомъ пришлось бороться г. Фету. Еще разъ повторимъ, что г. Фетъ совершилъ прекрасно свой подвигъ, хотя онъ не могъ выйдти изъ этой борьбы совершеннымъ побѣдителемъ. Достаточно и того, если онъ сколько нибудь успѣлъ преодолѣть трудности, которыя встрѣчались ему на каждомъ шагу. Г. Фетъ передалъ намъ Горація въ изящной формѣ; въ размѣрахъ своихъ онъ старался какъ можно ближе подойдти къ подлиннику. Онъ сдѣлалъ все, что могъ въ этомъ отношеніи. Мы не должны требовать отъ г. Фета болѣе уже потому, что переводъ сдѣланъ риѳмованными стихами. Риѳма стала такою необходимостью новаго

стиха, что мы не смѣемъ даже здѣсь предлагать вопроса о томъ, можно ли было переводить Горація стихами безъ риѳмы. Мы можемъ только указать здѣсь на примѣръ Гейне, который и въ оригинальныхъ своихъ стихотвореніяхъ не всегда употребляетъ риѳму; мы особенно указали бы на ту свойственную одному Гейне форму четверостишія, гдѣ онъ изъ четырехъ стиховъ риѳмуетъ только два, а два оставляетъ безъ риѳмы. Такая форма, можетъ быть, не мало облегчила бы Гораціева переводчика, не заставляя его такъ часто жертвовать для риѳмы изяществомъ выраженія, а иногда даже и ясностію смысла. Повторяемъ впрочемъ, что мы вовсе не желаемъ въ этихъ словахъ дать совѣтъ г. Фету и нисколько не беремся за рѣшеніе этого вопроса. Мы коснулись этого вопроса только мимоходомъ, будучи приведены къ нему впрочемъ нѣкоторыми стихами самого г. Фета, въ которыхъ онъ для риѳмы пожертвовалъ и красотою и ясностію рѣчи. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ:

За ними незнаю: *древнѣйшаго трона ль*
Я вѣкъ воспою? Вѣкъ ли Нумы *свободный*,
Тарквинія ль гордыя связи, Катона ль
Конецъ благородный?

Въ подлинникѣ вмѣсто «*древнѣйшаго ль трона я вѣкъ воспою*» стоитъ просто *Ромула;* вѣкъ Нумы, или просто царствованіе Нумы называется у Горація спокойнымъ, а не свободнымъ. Риѳма совершенно погубила эти четыре стиха: они не только не изящны, но даже и смыслъ ихъ не ясенъ.

Далѣе въ двухъ первыхъ строфахъ 24-й оды:

Гдѣ стыдъ и мѣра гдѣ печали *несравненной*
По милой головѣ? О! въ этотъ скорбный часъ
Пой, Мельпомена, грусть; тебѣ отецъ вселенной
Далъ съ цитрой сладкій гласъ.
Такъ на Квинтиліемъ сонъ вѣчный тяготѣетъ?
Теперь ни нравственность, ни *правосудья мать*,
Честь неподкупная, ни правда не съумѣетъ
Другаго отыскать...

Г. Фетъ характеризовалъ печаль по милой головѣ эпитетомъ *несравненный;* въ подлинникѣ нѣтъ этого эпитета, и въ самомъ дѣлѣ, онъ здѣсь не нуженъ. Вообще эти два первые стиха не удались г. Фету; его нарѣчіе *гдѣ* не замѣняетъ мѣстоименія, стоящаго въ

подлинникѣ. «Какой можетъ быть стыдъ, какой предѣлъ слезамъ по милой головѣ?» (объ утратѣ милаго человѣка). Во 2-й строфѣ честь неподкупная названа матерью правосудія; у Горація она сестра правосудія, а этихъ понятій, для насъ только отвлеченныхъ, а для древняго человѣка имѣвшихъ свой опредѣленный образъ, не должно тревожить, мѣшая ихъ и замѣняя одно другимъ по произволу.

Здѣсь кстати объ эпитетахъ. Мы упомянули уже выше, что Горацій былъ крайне строгъ и разборчивъ въ ихъ употребленіи. Г. Фетъ иногда прибавляетъ свои эпитеты, гдѣ у Горація ихъ вовсе нѣтъ, иногда перемѣщаетъ ихъ, иногда замѣняетъ другими. Такъ въ 7-й одѣ, ст. 14-й:

. . . . . и влажный,
Трепетный брегъ плодовитаго сада.

Что такое трепетный берегъ? Въ подлинникѣ читается: mobilibus rivis, подвижными ручьями. Въ 6-мъ стихѣ 8-й оды читаемъ мы въ переводѣ «*изъ Галліи тѣнистой*», но можетъ ли цѣлая земля быть названа тѣнистою? У Горація говорится здѣсь о гальскихъ коняхъ, которые были особенно знамениты своею неукротимостію.

Въ 22-й одѣ ст. 6-й:

Чрезъ дикій ли Кавказъ, до чуждыхъ нелюбовный.

Г. Фетъ поставилъ здѣсь два эпитета *дикій* и *до чуждыхъ нелюбовный*, вмѣсто одного чрезвычайно выразительнаго Гораціева эпитета: inhospitalis, негостепріимный Кавказъ. Въ 14-мъ стихѣ той же оды: *Даунія дуброва боевая* — дуброва боевая опять непонятное представленіе; въ подлинникѣ стоитъ militaris — воинственный, и это прилагательное относится не къ дубровѣ,—такъ какъ дуброва не можетъ быть ни воинственная ни боевая,—а къ Даунія, къ самой странѣ, которая въ этомъ случаѣ берется вмѣсто народа, ее населяющаго.

Оды 6-й ст. 7-й:

Ни Одиссея бѣгъ *двоякій* черезъ воды.

Двоякій бѣгъ Одиссея рѣшительно не заключаетъ въ себѣ никакого представленія; въ подлинникѣ duplex относится къ самому Одиссею и значитъ двойной, хитрый, — обыкновенный эпитетъ Улисса.

Въ 27 стихѣ 37-й оды *царственное* тѣло назвалъ г. Фетъ неудачно. Даже съ нашей точки зрѣнія тутъ нѣтъ особаго смысла. Смерть *достойную царицы*, въ 29 стихѣ, еще можно извинить, хотя Римлянинъ и не согласился бы съ такимъ представленіемъ, но царственное тѣло звучитъ ужь какъ то очень странно.

До сихъ поръ мы находили г. Фета неправымъ въ томъ, что онъ позволялъ себѣ быть невѣрнымъ въ передачѣ эпитетовъ подлинника; теперь, по обычаю капризной критики, мы объявимъ претензію на г. Фета за то, что онъ совершенно оставался вѣренъ оригиналу. Въ 19-мъ стихѣ 17-й оды Цирцея названа *кристальною*. Г. Фетъ точно передалъ Гораціевъ эпитетъ: vitrea, но Римляне понимали хорошо это слово, а русскіе читатели едва ли поймутъ, что значитъ кристальная Цирцея. Въ 11-мъ стихѣ 12-й оды: И *чуткому* дубу былъ *сладко понятенъ струною пѣвучей*. Въ подлинникѣ дубъ дѣйствительно названъ чуткимъ (aurita), но тамъ въ цѣломъ стихѣ другой образъ; тамъ Орфей изображается такимъ чародѣйнымъ пѣвцомъ, что его пѣвучія струны увлекаютъ за собою самые дубы, какъ будто бы и они имѣли уши; тамъ есть изысканность въ эпитетѣ aurita, но эта изысканность смягчается естественностію образа, заключающагося въ цѣломъ стихѣ. Въ русскомъ переводѣ образъ измѣненъ въ цѣломъ стихѣ и сталъ неестественъ. Въ русскомъ переводѣ дубамъ приписаны и чуткость, и вниманіе, и сладость ощущеній, такъ что Орфей съ своими пѣвучими струнами совершенно заслоненъ.

Смыслъ подлинника въ цѣломъ почти вездѣ переданъ г. Фетомъ вѣрно и отчетливо; во многихъ мѣстахъ съ отчетливостію соединяется изящество формы, удовлетворяющее всякому требованію. Видно что г. Фетъ помнилъ правило, предписанное тѣмъ поэтомъ, изученію и переводу котораго онъ посвятилъ такъ много труда, правило — не выпускать ничего вышедшаго изъ подъ пера, не подвергнувъ многократной повѣркѣ и поправкѣ. Но иногда г. Фетъ забывалъ это правило; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны поспѣшность и недостатокъ послѣдней отдѣлки. Оды, написанныя къ прекрасному полу, почти всѣ переведены г. Фетомъ прекрасно, именно потому, что и у самого римскаго поэта это лучшія оды, какъ болѣе свойственныя его поэтическому дарованію. Такова 13-я ода къ Лиди, особенно первые двѣнадцать стиховъ.

Когда у Телефа ты розовую шею
Иль руки, бѣлыя какъ воскъ, похвалишь мнѣ,

Тогда, о Лидія! владѣть я не умѣю
Кипящей желчію въ сердечной глубинѣ;
Тогда разсудокъ я и цвѣтъ лица теряю,
А тихая слеза, сбѣгая вдоль ланитъ,
О томъ, какимъ огнемъ я внутренно сгараю,
Тебѣ предательски невольно говоритъ.
Горю, когда тебѣ, въ невоздержаньи грубомъ,
Блестящія плеча попойка исказитъ,
Иль пылкій юноша нетерпѣливымъ зубомъ
Красу губы твоей надолго заклеймитъ.

Такова вся коротенькая 23-я ода:

О Хлоя! ты бѣжишь меня, какъ лань младая,
Которую, вдали отъ матери, въ горахъ
Чуть вѣтеръ шелохнетъ вдоль по лѣсу порхая,
Тревожитъ ложный страхъ.

Терновника ль вздрогнутъ встревоженныя сѣни,
Иль ящерицы гдѣ кустами *пробѣжатъ*
Зеленыя — у ней и сердце и колѣни
Невольно задрожатъ

Вѣдь я не тигръ, не левъ Гетульской я равнины,
Не съ тѣмъ, чтобъ погубить, ищу тебя поймать:
Пора красавицъ, созрѣвшей для мужчины,
Отъ матери отстать.

Кромѣ этихъ можно еще указать на другія оды болѣе или менѣе удачно переведенныя г. Фетомъ, какъ напримѣръ XIV ода къ Республикѣ, XV пророчество Нелея, XXIX къ Икцію, IX къ Таліарху. Въ прочихъ одахъ есть также отдѣльныя болѣе или менѣе удачныя мѣста. Такъ напримѣръ въ X одѣ, къ Меркурію, первыя двѣ строфы переведены г. Фетомъ очень хорошо; за то въ третьей смыслъ подлинника совершенно непонятъ:

Въ младенчествѣ твоемъ, когда, быковъ сведя,
Угрозы пастыря ты, мальчикъ, испугался,
Покражу хитрую колчана *оглядя*,
Самъ Аполлонъ смѣялся.

Въ подлинникѣ смыслъ вотъ какой: Въ то самое время какъ Аполлонъ грознымъ голосомъ стращалъ тебя мальчика, если не отдашь ему хитро-украденныхъ быковъ, ты укралъ у него колчанъ, и гнѣвный богъ разсмѣялся. Картина въ подлинникѣ необыкновенно граціозная. Этотъ внезапный переходъ бога отъ гнѣва,

за покражу, къ смѣху при видѣ новой покражи, происходитъ такъ неожиданно, что читатель невольно смѣется вмѣстѣ съ Аполлономъ и съ поэтомъ. Для читателя русскаго перевода этотъ смѣхъ потерянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерянъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ граціозныхъ образовъ, какіе только встрѣчаются въ поэзіи Горація. Въ концѣ той же оды встрѣчаемъ мы новую невѣрность, на этотъ разъ въ передачѣ древнихъ понятій: *и богу высоты и бездны угрожаешь* есть конечно опечатка вмѣсто *угождаешь;* невѣрность заключается въ понятіяхъ *бога высоты и бездны;* въ подлинникѣ читается superis deorum et imis — верхнимъ богамъ и нижнимъ, или подземнымъ. Тѣ и другіе боги у древнихъ были извѣстны и опредѣлены, а г. Фетъ вводитъ совершенно новыя представленія своимъ богомъ высоты и бездны. Царство подземныхъ боговъ, жилище тѣней умершихъ, не представлялось древнему человѣку бездною и не называлось такъ.

Другаго рода невѣрность встрѣчаемъ мы въ 3–й строфѣ XXII оды. Поэтъ говоритъ здѣсь объ одномъ случаѣ своей жизни, какъ разъ, гуляя въ сабинскомъ лѣсу, встрѣтилъ онъ волка, который бѣжалъ отъ него, хотя поэтъ былъ безоруженъ.

Въ переводѣ г. Фета строфа эта читается такъ:

Когда безъ цѣли я *зайду* въ сабинскій лѣсъ
И Лалагу пою безпеченъ и досуженъ,
Со мною встрѣтясь, волкъ бѣжитъ во мглу древесъ,
Хоть я и безоруженъ.

У г. Фета отдѣльный случай сталъ постояннымъ обычаемъ волка, который встрѣчаясь съ Горацiемъ каждый разъ, какъ *зайдетъ* въ сабинскій лѣсъ, убѣгаетъ отъ него. А между тѣмъ эта неудачная строфа разрушаетъ впечатлѣніе, которое могъ бы читатель получить отъ всей оды по истинѣ прекрасной. Изящество этой оды состоитъ въ оригинальномъ, полномъ веселой иронiи, переходѣ отъ безбоязненности чистаго сердца къ любви къ Лалагѣ. Переходъ же этотъ именно приготовляется въ 3–й строфѣ:

А я пою пиры, да дѣвъ, въ жестокомъ гнѣвѣ
На юношей въ бою *острящихъ ноготь свой.*

Здѣсь въ переводѣ опять потеряна иронія Гораціева стиха; въ подлинникѣ говорится о дѣвушкахъ, которыя храбро сражаются съ юношами ногтями обрѣзанными. Въ стихѣ римскаго поэта слово

sectis (обрѣзанными) поставлено нарочно на такомъ мѣстѣ стиха, что читатель невольно останавливается на немъ. А это-то именно и нужно поэту. Онъ смѣется здѣсь надъ красавицами, которыя притворно защищаются отъ нападающихъ на нихъ юношей, и на всякій случай обрѣзываютъ себѣ ногти покороче, чтобы какъ нибудь, противъ желанія своего, не испортить лица своимъ обожателямъ.

Въ IV одѣ къ Секстію (не Сексту) мы можемъ замѣтить нѣсколько неточныхъ стиховъ и выраженій. Такъ во второмъ стихѣ: «И вновь бѣжитъ вода съ изсохшаго руля» съ трудомъ можно отыскать смыслъ подлинника, гдѣ говорится, что машины вновь стаскиваютъ въ море сухіе суда, стоявшіе въ продолженіе зимы на берегу.

Въ этой же одѣ два раза неудачно употреблено переводчикомъ слово *пята*: въ 7-мъ стихѣ «Граціи бьютъ въ землю пятой искусною», а въ 13-мъ стихѣ—«блѣдная смерть равно стучитъ своею пятою въ лачуги бѣдняковъ и терема царей». Во первыхъ прежде всего о пляскѣ. Почему г. Фетъ думаетъ, что Граціи плясали на пятахъ? Почему Горація заставляетъ г. Фетъ въ XXXVII-й одѣ приглашать своихъ друзей плясать *вольною пятою?* Если можно судить по изображеніямъ пляски древнихъ, то они плясали кажется обыкновенно на носкахъ. Притомъ и безъ того едва ли можно отнесть прилагательныя *искусный* и *вольный* къ пятѣ. Искусная нога и вольная нога это понятно; но что значитъ вольная пята? Что касается до смерти, которая у г. Фета стучитъ пятою въ дома богатыхъ и бѣдныхъ, то здѣсь выходитъ еще болѣе страшный образъ. Чтобы постучать пятою, смерть должна была подойти къ двери, потомъ повернуться къ ней задомъ и тогда уже стучать пятою.

Мы могли бы указать еще нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій, въ которыхъ можно бы пожелать отъ г. Фета большей вѣрности и точности, но оставляемъ это, какъ для того, чтобы не сдѣлать нашу статью слишкомъ пестрою отъ большаго числа выписокъ, такъ и для того, чтобы отклонить отъ себя обвиненіе въ излишней придирчивости.

Итакъ недостатки г. Фета заключаются въ невѣрности древнимъ понятіямъ и представленіямъ, а иногда происходятъ отъ неяснаго пониманія подлинника. Г. Фетъ сообщилъ своему переводу тѣ достоинства, которыя зависѣли отъ него; какъ поэтъ, онъ прекрасно передалъ тѣ мѣста, въ которыхъ достаточно было одного художественнаго пониманія. Но есть другія мѣста въ древнихъ поэтахъ, для совершеннаго уразумѣнія которыхъ не достаточно быть поэтомъ,

а надо быть вмѣстѣ и филологомъ. Въ такихъ мѣстахъ переводчику не филологу недобно обращаться къ филологамъ за совѣтомъ. Въ такихъ трудахъ, какъ переводъ древняго поэта, предварительный просмотръ и даже не однимъ, а многими сдѣланный, рѣшительно необходимъ. Нельзя не пожалѣть, что трудъ, который при такихъ условіяхъ могъ бы быть ровенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, не избѣгъ недостатковъ при всемъ дарованіи переводчика. Чтобъ подобный трудъ удовлетворялъ совершенно всѣмъ требованіямъ науки и искусства, надобно, чтобы соединились вмѣстѣ отчетливое филологическое знаніе и сильное поэтическое дарованіе въ одномъ лицѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы продолженія труда г. Фета. Мы надѣемся, что его достоинства будутъ возрастать, а недостатки уменьшаться. Первая попытка бываетъ всегда труднѣе. Надѣемся также, что въ слѣдъ за г. Фетомъ не замедлятъ явиться и другіе, которые рѣшатся попробовать свои силы на томъ же поприщѣ.

С. Шестаковъ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

ВЪ РОССІИ

II

Кочевая жизнь, которой предавалось народонаселеніе Россіи, начиная съ бояръ и слугъ, переѣзжавшихъ отъ одного князя къ другому, до земледѣльцевъ, переходившихъ отъ одного владѣльца къ другому, не могла приходиться къ государственнымъ потребностямъ того времени. Возникающее государство лишено было всякихъ средствъ. Для того, чтобы имѣть возможность развить свои начала и устроить свой организмъ, ему необходимо было потребовать отъ всѣхъ сословій посильной службы. Ему необходимо было наложить на нихъ постоянныя обязанности, а это могло оно сдѣлать не иначе какъ по прекращеніи безпрерывнаго кочеванія. При совершенномъ недостаткѣ административныхъ средствъ, можно было принудить къ исполненію обязанности только человѣка, который сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и котораго всегда можно было найдти. Съ этою цѣлью правительство и старалось водворить всеобщую осѣдлость; для этого оно уничтожило отъѣзды бояръ и слугъ и запретило переходы крестьянъ и посадскихъ людей. На служилое сословіе наложена была обязанность постоянной службы, на тяглое сословіе обязанности отчасти служебныя, отчасти финансовыя.

Это имѣло неисчислимыя послѣдствія для всего общественнаго быта. Въ Средніе Вѣка основою гражданскаго союза была

земля; всякій кто садился на землю, тѣмъ самымъ вступалъ въ гражданскія отношенія, какъ къ землевладѣльцу, такъ и къ другимъ поселенцамъ. Теперь основою государства сдѣлался народъ: жители, гдѣ бы они ни сидѣли, получали постоянныя обязанности въ отношеніи къ царю, какъ къ главѣ государства, а земля стала играть второстепенную роль. Въ прежнее время на ней лежало тягло; поселенецъ платилъ свои подати и отправлялъ свои повинности съ земли. Теперь же, когда народъ сдѣлался главною силою государства, тягло должно было необходимо перейдти на лице. Посошная подать черезъ подворную естественнымъ образомъ перешла въ подушную. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ то время была весьма плохимъ предметомъ для взиманія податей. Земли было много, и никто ею не дорожилъ; сегодня она обрабатывалась, а завтра покидалась впустѣ. При обширности страны и малочисленности населенія одинъ трудъ имѣлъ цѣну, и только въ немъ могло правительство найдти постоянный и вѣрный источникъ дохода. Естественно, что лице выступало на первый планъ, а земля сдѣлалась только его придаткомъ.

Съ этимъ вмѣстѣ и общины должны были получить совершенно другой характеръ. Прежде община была владѣльческая и поземельная; это былъ союзъ людей, свободно поселившихся на земляхъ одного и того же владѣльца и соединенныхъ временно общими къ нему обязанностями. Теперь община изъ поземельной и владѣльческой сдѣлалась сословною и государственною; это былъ уже союзъ людей, соединенныхъ общими постоянными обязанностями къ государству. Они должны были нести ихъ своимъ лицемъ, а земля сдѣлалась только необходимымъ условіемъ для правильнаго ихъ исполненія. Отсюда стремленіе приписывать земли къ городамъ; отсюда новое, прежде не существовавшее правило, что тяглыя земли могутъ принадлежать только тяглымъ людямъ.

Весь почти XVII вѣкъ прошелъ въ стремленіи общинъ организоваться на этихъ новыхъ началахъ. Но при существующемъ безпорядкѣ въ управленіи, при подавленіи дѣятельности общинъ властью воеводъ, эти стремленія оставались безуспѣшны. Цѣль общины была двоякая: во-первыхъ, не выпускать изъ среды себя тяглыхъ членовъ, ибо, такъ какъ подати и повинности налагались на цѣлую общину, которая потомъ уже расклады-

вала ихъ на отдѣльныя лица, естественно, что чѣмъ больше было членовъ, тѣмъ легче было исполненіе обязанностей; во-вторыхъ, не отдавать тяглыхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ для того, чтобы всегда быть обезпеченными въ отношеніи къ матеріяльнымъ средствамъ. Между тѣмъ ни та, ни другая цѣль не достигалась, и всѣ издаваемые по этому поводу запретительные указы нарушались постоянно. Черезъ весь XVII вѣкъ идетъ рядъ безпрерывныхъ жалобъ со стороны общинъ на то, что многіе люди ушли отъ нихъ неизвѣстно куда, а остальные обременены сверхъ силъ. Точно такія же жалобы поступаютъ и на то, что, вопреки указамъ, бѣломѣстцы пріобрѣтаютъ тяглыя земли въ ущербъ тяглымъ людямъ. Казалось бы, въ послѣднемъ случаѣ общины легко могли бы воспрепятствовать злу, если бы онѣ имѣли малѣйшую власть и малѣйшее участіе въ продажѣ земель. Но именно этого-то у нихъ не было, и онѣ оставались безсильны даже въ такомъ дѣлѣ, которое непосредственно касалось живѣйшихъ ихъ интересовъ. И законодательство само не умѣло поддержать своихъ началъ: неправильныя продажи оно узаконяло, взысканій за нарушенія закона никакихъ не дѣлало; да и самыя постановленія по этому предмету часто были разнородныя и разнорѣчащія.

Только съ конца XVII вѣка, съ законодательствомъ Ѳеодора Алексѣевича и въ особенности Петра Великаго, возникаетъ болѣе правильный и опредѣленный порядокъ вещей. Но это находилось уже въ связи съ отдѣленіемъ селъ отъ городовъ. Села за немногими исключеніями всѣ стали крѣпостными, и отчужденіе участковъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Города же, напротивъ того, были всѣ изъяты изъ владѣльческихъ рукъ; дозволенъ былъ переходъ посадскимъ людямъ— не въ другія службы, а по крайней мѣрѣ въ другіе города, и допущена была вольная продажа тяглыхъ участковъ въ руки бѣломѣстцевъ. Для торговыхъ людей земля не составляла необходимаго условія жизни; они тягло несли съ своихъ промысловъ и торговли, а потому и не было никакой нужды запрещать отчужденіе земли за извѣстный оброкъ, платимый городу. Безразличное запрещеніе было сдѣлано въ то время, когда села и города сливались въ одно, но какъ скоро было установлено разли-

чіе, такъ оказалось и различное значеніе земель, приписанныхъ къ тѣмъ и другимъ.

Это различіе было необходимымъ слѣдствіемъ новаго сословнаго значенія общины. Пока тягло лежало на землѣ, пока поземельное владѣніе составляло существенную основу гражданскихъ отношеній, до тѣхъ поръ не могло быть различія между городомъ и селомъ. Въ городахъ были тѣ же владѣльцы какъ и въ селахъ, а потому и характеръ ихъ былъ одинъ и тотъ же. Но какъ скоро общины изъ поземельныхъ сдѣлались сословными, такъ тотчасъ начало обрисовываться различное значеніе городскаго сословія и сельскаго. Занятія перваго состоятъ въ добываніи денегъ посредствомъ капитала и труда, что̀ требуетъ большей или меньшей подвижности и свободы въ дѣйствіяхъ. Занятія втораго заключаются въ обработкѣ земли, а это требуетъ постоянной осѣдлости землепашцевъ. Съ другой стороны, обязанности сельскихъ жителей относятся прямо къ землевладѣльцу; онъ посредникъ между ними и государствомъ, тогда какъ для городскихъ жителей такого посредника нѣтъ; личный трудъ служитъ имъ источникомъ дохода, и обязанности ихъ могутъ состоять только въ денежныхъ взносахъ или въ личной службѣ на пользу государства. Отсюда и различный характеръ тѣхъ и другихъ общинъ: при существованіи постоянныхъ понудительныхъ обязанностей, города стремятся образовать изъ себя свободныя общины, села же естественно дѣлаются чисто владѣльческими, но уже не свободными, а крѣпостными, вслѣдствіе наложенной на нихъ государствомъ сословной службы. Такое противоположное стремленіе ясно выражается въ Россіи XVII вѣка. Послѣ всеобщаго укрѣпленія сословій, черныя волости постепенно переходятъ въ частныя руки или сливаются съ дворцовыми; частные же и дворцовые города и слободы, вслѣдствіе государственнаго значенія городовъ, выходятъ изъ владѣльческихъ рукъ и образуютъ свободныя общины.

Такое разграниченіе сословій подвергалось однакоже исключенію. Сѣверныя области, вслѣдствіе особенности своего положенія, не подходили ни подъ тотъ, ни подъ другой разрядъ. Въ средней Россіи, гдѣ владѣльческіе элементы были чрезвычайно развиты и гдѣ сельскія общины находились подъ непо-

средственнымъ вліяніемъ государства, само собою совершилось сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми селами и отдѣленіе тѣхъ и другихъ отъ городовъ. Но не такъ было на сѣверѣ, гдѣ частныхъ владѣльцевъ было мало, а дальность центральной власти способствовала сохраненію въ общинахъ прежней самостоятельности. Въ сѣверные уѣзды, которые назывались уѣздами поморскихъ городовъ (1), не проникли даже законы объ укрѣпленіи земледѣльческаго сословія, и донынѣ половники Вологодской губерніи сохранились, какъ остатки древнихъ крестьянъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Эта отдаленность сѣверныхъ уѣздовъ, препятствовавшая вліянію центральной власти и вторженію владѣльческихъ элементовъ, не допустила и смѣшенія черныхъ волостей съ дворцовыми имѣніями, а напротивъ сохранила общинамъ прежнюю ихъ самостоятельность. Уѣзды поморскихъ городовъ составили поэтому особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ уравнивались въ законахъ не съ прочими селами, а съ городами.

Прослѣдимъ теперь въ нѣкоторыхъ чертахъ это отдѣленіе селъ отъ городовъ и постепенное развитіе сословнаго значенія общины.

Стремленіе къ устройству и обособленію городовъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 г., подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія внутри или около городовъ, были отобраны въ казну и присоединены къ тяглымъ землямъ; владѣльцевъ же велѣно было вознаградить изъ другихъ земель. Кромѣ того владѣніе тяглыми участками и производство городскихъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители же получили отдѣльныя опредѣленныя сословныя права. Далѣе новоторговымъ уставомъ 1667 г. торговые люди изъяты были изъ вѣдомства воеводъ и подчинены таможеннымъ головамъ во всемъ, что̀ касалось до ихъ поѣздокъ. Эта мѣра была принята

---

1). Поморскими городами считались: Вятка, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Устьянскія волости, Каргополь, Яренскъ, Кайгородокъ, Тотьма, Соликамскъ, Пермь, Двинская область, Ковраль, Мезенская область, Пусто озеро, Кола и Чаронда. Акты Археографической Экспедиціи, т. 4 № 250.

для поощренія торговли и для огражденія торгующихъ отъ притѣсненій. Съ этою же цѣлью была высказана мысль о подчиненіи торговыхъ людей одному и тому же приказу, мысль, которая осталась однако же безъ исполненія. Но важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельныхъ городскихъ общинъ былъ указъ 1681 г. о введеніи стрѣлецкой подати. Она была наложена на всѣ тяглые города, на дворцовые города и слободы поморскихъ городовъ, и на Олонецкій уѣздъ (1). Всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные были въ замѣнъ этого обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ стрѣлецкой подати былъ предоставленъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ; для раскладки же выбирались въ каждомъ посадѣ и въ каждой волости особенные выборные люди. Даже отсылка денегъ въ Москву предоставлена была земскимъ властямъ, а воеводамъ запрещено было вступаться въ эти дѣла. Обязанности ихъ ограничивались дачею старостамъ служилыхъ людей для усмиренія ослушниковъ. Однако же, какъ вообще въ Московскомъ государствѣ принятыя начала никогда не проводились систематически, такъ и въ этомъ случаѣ были исключенія: царскія грамоты о сборѣ денегъ посылались иногда къ воеводамъ, которые въ свою очередь давали предписанія земскимъ властямъ, получали собранныя деньги и отсылали ихъ въ Москву. Но это подавало поводъ къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего, указами 89-го, 95-го, 97-го и 98-го годовъ, воеводы были уже совершенно устранены отъ участія въ сборѣ податей: запрещено было посылать къ нимъ о томъ грамоты, а велѣно было посылать изъ приказовъ подати прямо къ земскимъ старостамъ, которые должны были сами править деньги на ослушникахъ, безъ всякаго вмѣшательства воеводъ, и собранную подать прямо отъ себя отсылать въ Москву (2).

Это былъ важный шагъ для разграниченія вѣдомства и правъ общинныхъ властей и правительственныхъ, ибо эта подать замѣнила собою многія другія и сдѣлалась важнѣйшимъ налогомъ, платимымъ тяглыми земскими людьми. Въ связи съ этимъ нововведеніемъ находились и указы, предоставлявшіе земскимъ

(1) Акты Археогр. Экси. т. 4 № 250. Акты Истор. т. 5 № 77.
(2) А. И. т. 5 № 274. А. А. Э. т. 4 № 243.

властямъ и всѣмъ посадскимъ людямъ надзоръ за таможенными и кабацкими головами. Самые выборы этихъ головъ и цѣловальниковъ, указомъ 1681 г., возложены былъ на посадскихъ людей, и только за недостаткомъ ихъ велѣно было выбирать ихъ изъ служилыхъ людей, а за недостаткомъ послѣднихъ изъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Это былъ второй важный шагъ къ разграниченію вѣдомства воеводъ и земскихъ властей, и къ предоставленію большей самостоятельности городамъ, а вмѣстѣ съ ними и сельскимъ общинамъ сѣверныхъ уѣздовъ. Но полное и систематическое устройство земскаго управленія принадлежитъ уже Петру Великому, который въ 1699 году отдалъ всѣ города съ поморскими уѣздами въ вѣдомство земскихъ бурмистровъ. Имъ предоставленъ былъ общинный судъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и завѣдываніе всѣми земскими дѣлами безъ всякаго вмѣшательства воеводъ; они же въ свою очередь подчинены были земскимъ бурмистрамъ, составлявшимъ московскую ратушу. Въ этихъ указахъ поморскіе уѣзды были еще сравнены съ городами; это былъ остатокъ прежняго порядка, въ которомъ господствовало смѣшеніе административныхъ началъ и сословныхъ правъ и обязанностей. Но съ учрежденіемъ магистратовъ, города были уже совершенно отдѣлены отъ уѣздовъ и составили сословныя общины, управлявшія дѣлами, предоставленными вѣдомству своего сословія. Это былъ окончательный результатъ того развитія земскихъ учрежденій, котораго начало было положено Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, результатъ, естественно вытекавшій изъ постепеннаго водворенія гражданскаго строенія въ Московской Россіи.

Съ другой стороны, еще до Петра Великаго, черныя волости, за исключеніемъ уѣздовъ поморскихъ городовъ, совершенно слились съ дворцовыми имѣніями. Когда съ развитіемъ государства образовалась обширная помѣстная система, черныя волости безпрестанно раздавались въ помѣстья, такъ что въ половинѣ XVII вѣка онѣ заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ. Въ то же время, по исчисленію Котошихина, въ дворцовыхъ имѣніяхъ было 3000 дворовъ, въ церковныхъ 117,000, а помѣщичьихъ нельзя было счесть (1).

(1) Котошихинъ гл. XI.

Государство въ своемъ развитіи опиралось преимущественно на владѣльческіе элементы, съ расширеніемъ которыхъ черныя волости болѣе и болѣе стѣснялись и теряли всякую самостоятельность, пока онѣ не смѣшались совершенно съ дворцовыми селами.

Первымъ шагомъ къ этому сліянію было назначеніе въ черныя волости прикащиковъ. Это дѣлалось уже до Михаила Ѳедоровича, который жалованными грамотами отмѣнилъ прикащиковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (1). Но въ половинѣ XVII вѣка, въ черныхъ волостяхъ, равно какъ и въ дворцовыхъ имѣніяхъ, постоянно являются прикащики (2). Вторымъ шагомъ было подчиненіе черныхъ волостей Приказу Большаго Дворца (3), разумѣется исключая поморскіе уѣзды, которые подчинялись Новгородскому приказу. Въ Уложеніи черные крестьяне уже совершенно смѣшиваются съ дворцовыми. Такъ напримѣръ предписывается въ посадахъ, въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, отдавать сборы на откупъ и на вѣру посадскимъ людямъ и дворцовымъ крестьянамъ (4). Названіе черныхъ волостей еще сохранилось, но крестьяне называются уже дворцовыми. Разумѣется, здѣсь исключаются жители поморскихъ уѣздовъ, которые никогда не назывались дворцовыми, точно также какъ и земли ихъ никогда не назывались черными волостями. Указъ 1679 г. о стрѣлецкой подати совершенно сравнилъ черныя волости съ дворцовыми имѣніями, и отдѣлилъ отъ нихъ поморскіе уѣзды, сохранившіе прежній бытъ. Петръ Великій нашелъ сліяніе уже совершеннымъ; учрежденіе земскихъ бурмистровъ и указъ о подушной подати, которыми прежніе черные крестьяне, за исключеніемъ поморскихъ, были сравнены съ дворцовыми, только узаконили существовавшій уже порядокъ вещей.

Это сліяніе черныхъ волостей съ дворцовыми селами можно прослѣдить въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ. Оно нача-

(1) Акты Археогр. Эксп. т. 3 № 30, т. 2 № 126. Дополненія къ А. И. т. 1 № 167.

(2) Полное Собраніе Законовъ № 317, 998 ст. 4, 31, 43; № 1005.

(3) Котошихинъ гл. 7. ст. 4.

(4) Уложеніе гл. 9 ст. 6. Котошихинъ тоже смѣшиваетъ черныя волости съ дворцовыми. Въ главѣ XI ст. 1 онъ говоритъ: «Царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей судятъ... во Дворцѣ и въ селахъ и въ волостяхъ приказщики... А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ гдѣ приказщиковъ не бываетъ....

лось весьма рано, ибо тѣ и другія земли равно принадлежали государю, и черныя волости, остававшіяся свободными единственно вслѣдствіе многочисленности земель, служили постояннымъ источникомъ для раздачи помѣстій служилымъ людямъ, а равно и для умноженія дворцовыхъ доходовъ. Такъ напримѣръ въ жалованной грамотѣ, данной въ 1555 г. переяславскимъ рыболовамъ, они названы черными сохами, и подчинены не дворецкому, а дьяку; но въ 1562 г. они были уже подчинены Приказу Большаго Дворца и въ подтвержденіи жалованной грамоты Ѳедоромъ Алексѣевичемъ слобода названа дворцовою (1). Въ 1617 г. жители Старой Русы жаловались, что розданы были въ помѣстья уѣздныя дворцовыя села и черныя волости. Въ 1681 г. они говорятъ о тѣхъ же раздачахъ, но всѣ земли называютъ уже безразлично дворцовыми; о черныхъ нѣтъ и рѣчи (2). Въ Новгородскихъ областяхъ, въ XVI вѣкѣ, всѣ государственныя земли были раздѣлены на дворцовыя и оброчныя, соотвѣтствовавшія чернымъ; а въ 1679 г., до введенія новострѣлецкой подати, велѣно было въ Новгородскомъ уѣздѣ собрать для стрѣльцовъ хлѣбъ съ монастырскихъ, помѣщичьихъ и дворцовыхъ крестьянъ (3). Объ оброчныхъ не упоминается, хотя они стрѣлецкій хлѣбъ платили наравнѣ съ другими; слѣдственно они разумѣлись подъ именемъ дворцовыхъ.

Такимъ образомъ, путемъ историческаго развитія, сельскія общины сдѣлались чисто владѣльческими, тогда какъ города образовали изъ себя свободныя общины. Этотъ историческій ходъ находился въ связи съ развитіемъ коренныхъ началъ общественной жизни. Гражданскій бытъ Среднихъ Вѣковъ основанъ былъ весь на частномъ правѣ, на которомъ утверждалась и общинная жизнь того времени. Какъ частное право заключаетъ въ себѣ двѣ формы — собственность и свободный договоръ, такъ и общины были однѣ владѣльческія, другія договорныя. Хотя и владѣльческія основаны были на договорѣ между владѣльцемъ и поселенцами, однако здѣсь центромъ служило самое лице землевладѣльца, и договоръ имѣлъ предметомъ владѣніе землею Города преимущественно были спо-

(1) А. А. Э. т. 1-й № 242, 261. (2) А. А. Э. т. 3-й № 91. А. И. т. 5-й № 228. (3) А. И. т. 5-й № 38.

собны къ образованію договорныхъ общинъ; здѣсь владѣніе землею было дѣломъ второстепеннымъ, да къ тому же одинъ городъ могъ дать общинѣ защиту противъ натиска владѣльческихъ элементовъ. Въ Россіи такой характеръ имѣли только Новгородъ и Псковъ; остальные города и села были владѣльческими общинами, которыя заселены были свободными посадскими людьми и крестьянами. Но и послѣднія имѣли двоякій характеръ: земля была обширна, а владѣльческихъ элементовъ было немного; поэтому не всѣ общины находились въ непосредственномъ управленіи владѣльцевъ. Многія общины, которыхъ земля принадлежала князю-вотчиннику, обязаны были только податями и повинностями, сохраняя права полнаго распоряженія тѣми землями, которыми онѣ владѣли. Таковы были тяглыя черныя общины. Сюда принадлежала и бо́льшая часть городовъ, гдѣ не могло быть обработки земли въ пользу землевладѣльца или даже ея найма, сюда же принадлежали и черныя волости, которыя оставались тяглыми по недостатку владѣльцевъ. Центромъ общественной жизни были однакоже князь и его слуги, которые всѣ были землевладѣльцы; церковь была также вотчинницею. По этому, съ бо́льшимъ развитіемъ этихъ основныхъ элементовъ общественной жизни, черныя земли должны были мало по малу превращаться въ чисто владѣльческія.

Въ особенности это стремленіе усилилось съ постепеннымъ развитіемъ государственныхъ понятій. Возникшее государство не уничтожило тѣхъ элементовъ, которые нашло подъ руками, но заставило ихъ служить своимъ цѣлямъ и устроило ихъ сообразно съ своими потребностями. Первымъ дѣломъ было умноженіе государственныхъ силъ, которыхъ основою было служилое сословіе, а для этого нужно было умножить помѣстья на счетъ черныхъ земель. Съ другой стороны, съ умноженіемъ средствъ, расширилось и хозяйственное управленіе, умножились потребности двора, и это повело къ распространенію дворцовыхъ имѣній на счетъ черныхъ волостей. Наконецъ укрѣпленіе посадскихъ людей и крестьянъ образовало замкнутыя сословія, имѣвшія опредѣленныя обязанности, и тогда обозначилось различіе между городскимъ сословіемъ и сельскимъ. Какъ въ Средніе Вѣка городъ былъ преимущественно способенъ къ образованію свободной договорной общины, такъ теперь онъ былъ

преимущественно способенъ къ образованію свободной тяглой и сословной общины. Но въ Средніе Вѣка возникновеніе свободныхъ городовъ зависѣло отъ случайныхъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ; теперь же это сдѣлалось слѣдствіемъ систематическаго государственнаго воззрѣнія. Всѣмъ городамъ дано было одинакое устройство. Напротивъ того села, которыя въ Средніе Вѣка преимущественно были способны къ образованію владѣльческихъ общинъ — и теперь большею частью превратились во владѣльческія имѣнія, но уже на основаніи государственныхъ постановленій и какъ слѣдствіе сословныхъ обязанностей. Только на сѣверѣ осталась частичка прежнихъ тяглыхъ сельскихъ общинъ, какъ будто бы для того, чтобы указать на роль, которую играли черныя волости въ нашей исторіи. Слѣдя за постепеннымъ процессомъ ихъ уничтоженія, мы невольно приходимъ къ заключенію, что черными были у насъ тѣ сельскія общины, которыя въ Средніе Вѣка, по обилію земли, оставались внѣ сферы владѣльческой дѣятельности князей-вотчинниковъ, ихъ слугъ, монастырей и другихъ церковныхъ установленій, и которыя потомъ, вслѣдствіе ихъ отдаленности, мало подлежали вліянію государственной власти. Ихъ менѣе всего касалась общественная жизнь, которая при незначительномъ населеніи разыгрывалась сначала на небольшомъ пространствѣ; но чѣмъ болѣе развивался общественный организмъ, тѣмъ болѣе черныя села должны были входить въ общую сферу и слѣдовать общему порядку.

Окончательное ихъ сліяніе съ другими сельскими общинами принадлежитъ уже XVIII столѣтію. И здѣсь мы опять находимъ любопытныя указанія на слѣды древняго порядка вещей и на способъ образованія новаго общиннаго устройства. При Петрѣ Великомъ, въ средней Россіи, находились уже одни владѣльческія села, раздѣлявшіяся на дворцовыя, церковныя, помѣщичьи. Свободные крестьяне остались только по окраинамъ государства, куда мало проникала дѣятельность центральной власти. Сюда относились поселенные на югѣ однодворцы, на востокѣ ясашные и на сѣверѣ черносошные крестьяне. Первые не вошли въ общую категорію, какъ происшедшіе изъ дворянъ, вторые, какъ инородцы, третьи же сохранились, какъ остатки древнихъ черныхъ волостей. Всѣ они вмѣстѣ, по зна-

менитому указу 1722 г. о введеніи подушной подати, образовали сословіе государственныхъ крестьянъ въ противоположность владѣльческимъ.

Казалось бы между тѣми и другими общинами должно было установиться различіе въ устройствѣ и въ поземельномъ владѣніи. Одне принадлежали частнымъ хозяевамъ, другія оставались свободными. А между тѣмъ онѣ постепенно пришли къ одному и тому же порядку вещей: и въ тѣхъ и въ другихъ равнымъ образомъ установилось общее владѣніе землею и соразмѣрное распредѣленіе между отдѣльными членами. Причина была та, что въ сущности онѣ были основаны на однихъ началахъ—на укрѣпленіи земледѣльческаго сословія къ землѣ и на платежѣ податей по душамъ. Отсюда проистекало троякое слѣдствіе: 1) Такъ какъ подать взималась съ лица, то естественно, что каждое лицо должно было получать извѣстный участокъ земли, съ котораго бы оно могло нести свои обязанности, и притомъ, такъ какъ податный окладъ былъ равный для всѣхъ, то и участки должны были быть равны. 2) Съ умноженіемъ народонаселенія въ общинѣ, при невозможности перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство, а для того чтобы возстановить первоначальное нормальное отношеніе—необходимъ былъ передѣлъ земель. Это сдѣлать было легко, ибо земля принадлежала казнѣ или частному лицу, а крестьяне были только временные владѣльцы, укрѣпленные къ ней для государственной пользы. 3) Съ этимъ вмѣстѣ должно было уничтожиться разселеніе крестьянъ по мелкимъ деревнямъ и жительство ихъ на своихъ участкахъ. Послѣдніе стали переходить изъ рукъ въ руки, стали измѣняться, смотря по потребностямъ. Они приписывались уже къ цѣлому селу, которое распредѣляло ихъ между своими членами для того, чтобы дать каждому средства нести свое тягло. Такимъ образомъ отдѣльныя деревни, хутора, какіе были въ древней Россіи, уничтожились, и жители каждой волости, собравшись въ одно центральное село, составили единую общину. Теперь уже мы не видимъ разбросанныхъ деревень; вездѣ лежатъ большія села, окруженныя широкими, пустынными полями.

Однако же этотъ порядокъ вещей, составлявшій неизбѣжное слѣдствіе новыхъ установленій, образовался не вдругъ. Любо-

пытно прослѣдить постепенное его водвореніе въ общинахъ. Вѣроятно во владѣльческихъ селахъ онъ установился скорѣе, а въ свободныхъ медленнѣе; но къ сожалѣнію, для первыхъ-то мы имѣемъ менѣе всего данныхъ. Однако же въ изданныхъ памятникахъ есть нѣкоторыя черты, указывающія на постепенныя измѣненія, происшедшія въ земляхъ духовнаго вѣдомства. Изъ договоровъ, заключаемыхъ между крестьянами и монастырскими властями въ XVII вѣкѣ, видно, что первые селились еще на отдѣльныхъ участкахъ, съ которыхъ каждый и несъ тягло. Но здѣсь уже встрѣчаются выраженія, какихъ не было прежде, напримѣръ: «и живучи мнѣ Василью въ той деревнѣ на своемъ участкѣ, пашня пахати съ своими сусѣды вмѣстѣ и угодьями владѣти всякими по своему жребью, повытно» (1). Угодья слѣдственно не приписывались уже къ отдѣльнымъ участкамъ, а находились въ общемъ владѣніи. Въ одномъ изъ сохранившихся наказовъ, данныхъ монастырскимъ прикащикамъ (2), упомянуто еще о раздѣлѣ, сдачѣ и промѣнѣ пашни между крестьянами и о переходѣ ихъ изъ деревни въ деревню. Но тутъ же накрѣпко запрещено крестьянамъ продавать свои пашни и дворы. Отдѣльное владѣніе землею не могло однако же долго существовать въ частныхъ имѣніяхъ. Собственный интересъ землевладѣльца требовалъ, чтобы между крестьянами произведено было уравненіе, и ему легко было это сдѣлать при тѣхъ правахъ, которыя онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе укрѣпленія. Такъ дѣйствительно и вышло. Въ XVIII вѣкѣ, когда введена была подушная подать, установился обычай раздѣлять земли по числу душъ, написанныхъ въ ревизіяхъ. Но и въ этомъ способѣ дѣленія оказались неудобства, и во второй половинѣ XVIII вѣка правительство предписываетъ производить раздѣлъ по тягламъ. Объ этомъ есть любопытное наставленіе въ инструкціи, данной 4-мъ экономическимъ правленіемъ, установленнымъ въ 1770 году для управленія крестьянами духовнаго вѣдомства, которые въ это время были уже отобраны въ казну. Выписываемъ его вполнѣ (3):

«Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ крестьяне дѣлятъ землю не по числу имѣющихся во дворѣ работниковъ, но по числу написанныхъ

(1) Акты Юрид. № 196. Смотри и другіе. (2) А. Ю. № 334, I. (3) П. С. № 13,590, п. 6.

въ ревизскихъ сказкахъ мужескаго пола душъ, отъ чего происходитъ, что вмѣсто должнаго уравненія крестьяне одинъ передъ другимъ несутъ въ прокормленіи своихъ семей и въ платежѣ податей разорительное отягощеніе, потому что не рѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ пять мужескаго пола душъ, одинъ только находится работникъ, а четыре въ томъ числѣ малолѣтные или престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества исправлять не могущіе, однако же долженъ тотъ одинъ работникъ какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну только свою душу, но и за малолѣтныхъ и престарѣлыхъ заплатить, и хотя на всѣ оныя души земля у него и есть, но не достаетъ у него силы оную обрабатывать, ниже другою крестьянскою работою исправляться, почему таковые и принуждены излишнюю землю и сѣнные покосы отдавать другимъ въ наемъ, но и то за дешевую цѣну, ибо сосѣди, зная его необходимость, надлежащей цѣны не даютъ. Сверхъ сего бываетъ и то, что по довольству въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земель, и въ наемъ опыхъ брать некому, почему принужденъ такой одинокій крестьянинъ свой участокъ земли оставить впустѣ, а сами они отъ времени до времени приходятъ въ скудость и совершенное разореніе. Въ отвращеніе сего экономическимъ правленіемъ каждому въ своемъ вѣдомствѣ при каждомъ случающемся изслѣдованіи о запущенныхъ недоимкахъ надлежитъ наприлежнѣйше освѣдомиться, не отъ сего ли описаннаго крестьянскаго *издревле вкоренившагося обычая* сами они къ своему разоренію терпятъ оскудѣніе, и буде подлинно при томъ откроется тотъ непорядокъ, то немедленно велѣть такое селеніе непремѣнно расписывать на тягла, полагая въ оное работниковъ отъ 15 до 60-ти лѣтняго возраста и исчисляя собираемую со всего селенія подать, раскладывать на тягла; а посему раздѣленіе земель и взысканіе податей дѣлить уже не съ душъ, но съ тяглъ, а сверхъ сего наблюдать и того, дабы крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, а непремѣнно бы считалось въ каждомъ тяглѣ по 4, а по крайней мѣрѣ по 3 работника.»

Такъ старалось правительство водворить между крестьянами справедливость и уравненіе. Оно не довольствовалось изданіемъ общихъ узаконеній, не касающихся до внутренняго быта самыхъ общинъ; нѣтъ, оно проникало въ подробности гражданскихъ и поземельныхъ ихъ отношеній, и отправляясь отъ принятаго разъ начала, старалось провести его повсюду съ возможною послѣдовательностью и справедливостью. Гдѣ крестьяне плохо распредѣляли наложенныя на нихъ обязанности и сопряженное съ ними поземельное владѣніе, тамъ оно вводило лучшій распорядокъ, и тѣ учрежденія, которыя по видимому

проистекаютъ изъ нравовъ и обычаевъ, въ сущности опредѣлены правительственными распоряженіями.

Разумѣется, крестьяне духовнаго вѣдомства, какъ владѣльческіе, не имѣли и собственнаго управленія. Ими завѣдывали прикащики и управители, отъ которыхъ они нерѣдко терпѣли большія притѣсненія. Въ докладѣ, поданномъ княземъ Куракинымъ Императрицѣ Екатеринѣ, по случаю учрежденія казеннаго управленія въ селеніяхъ духовнаго вѣдомства, сказано: «Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что сколь управительское и прикащиково званіе по дерзкимъ до нынѣ поведеніямъ отъ подлыхъ въ ономъ употребленныхъ приведено со стороны крестьянъ въ ненависть, а съ другой столь въ уничиженіе, что съ трудомъ представляется ко оному именованіе и склонить будетъ не возможно заслужившихъ, каковые предпочтительно ко оному и потребны» (1). Потому внутреннее разбирательство споровъ между крестьянами предоставлено было выборнымъ, а для сбора податей учреждены по городамъ казначеи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и депутатами отъ духовнаго вѣдомства. Въ послѣдствіи, какъ увидимъ, сдѣланы были другія преобразованія.

Такимъ образомъ крестьяне церковные и монастырскіе, изъ которыхъ образовалось большинство нынѣшнихъ государственныхъ крестьянъ, получили выборное управленіе только въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка. Дворцовые крестьяне имѣли также управителей, которые равнымъ образомъ были замѣнены выборными должностями при переходѣ дворцовыхъ селеній въ казенное вѣдомство. При Павлѣ Петровичѣ изъ бывшихъ дворцовыхъ селъ образованы удѣльныя имѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ изданы были для нихъ новыя учрежденія, сохранившіяся доселѣ почти безъ всякихъ перемѣнъ.

Болѣе подробностей имѣемъ мы о постепенныхъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ общинахъ однодворцевъ и черносошныхъ крестьянъ, и здѣсь эти явленія вдвойнѣ любопытны, ибо они представляютъ намъ остатки старины въ борьбѣ съ новымъ порядкомъ вещей, который установлялся государствомъ.

Однодворцы и разныхъ службъ служилые люди, какъ-то копейщики, рейтары, драгуны, пушкари и пр. были собственно

(1) Полное Собраніе Законовъ № 12,226.

дворяне, то есть члены служилаго сословія, получившіе помѣстья для исправленія службы. Нѣкоторые получали помѣстья въ общей межѣ, другіе же каждый особо, почему и назывались однодворцами. При Петрѣ Великомъ въ это сословіе записались многіе дворяне, владѣвшіе сотнею и болѣе дворовъ крестьянъ, но не желавшіе нести службы. Земли у нихъ остались, но между тѣмъ какъ у прочихъ служилыхъ людей, образовавшихъ изъ себя дворянство, помѣстья слились съ вотчинами, здѣсь напротивъ помѣстья совершенно уравнялись съ казенными землями, и во второй половинѣ XVIII-го вѣка получили то же самое устройство, какъ и прочія сельскія общины.

Однодворцы со времени Петра Великаго назначены были для образованія и содержанія ландмиліціи, охранявшей Украйну; на это шла сбираемая съ нихъ подушная подать. Обязанности свои они несли съ земель, находившихся въ ихъ владѣніи, вслѣдствіе чего, въ 1727 году, имъ запрещено было отчуждать свои участки; совершенныя же до того продажи утверждены закономъ (1). Имъ самимъ не дозволялось оставлять свои жилища и опредѣляться въ другія службы. Нарушавшіе это постановленіе и бѣглые ловились и возвращались въ свои селенія. Однако, не смотря на эти запрещенія, продажа земель въ постороннія руки продолжалась, а межевая инструкція 1754 г. отчасти узаконила ихъ. Ею предписано было отмежевать однодворцамъ въ общей межѣ по 30 десятинъ на дворъ. Эти земли запрещено отчуждать. Проданныя же послѣ указа 1727 г. велѣно возвратить безденежно, но только въ томъ случаѣ, если земли при селеніи окажется недостаточно; иначе межевать ихъ за покупателями. Это однако же относилось только къ тѣмъ землямъ, *на которыхъ однодворцы положены были въ подушный окладъ*. Изъ прочихъ же ихъ земель—нѣкоторыя были казенныя, другія собственно имъ принадлежащія, купленныя ихъ предками или данныя за службу. Проданныя изъ казенныхъ земель велѣно межевать за пріобрѣтателями, а остальныя, остающіяся въ излишкѣ, обращать въ пустопорожнія государственныя земли. Участки же, собственно имъ принадлежащіе, велѣно межевать особо каждому владѣльцу, но права ихъ ограничены

(1) П. С. З № 5138.

запрещеніемъ отчуждать ихъ иначе, какъ другимъ однодворцамъ (1).

Эти постановленія чрезвычайно важны. Изъ нихъ видно: 1) Что запрещеніе отчуждать участки относилось только къ тѣмъ землямъ, на которыхъ крестьяне положены въ подушный окладъ. Слѣдственно ограниченіе права распоряженія было ближайшимъ слѣдствіемъ подушной подати. 2) Что это запрещеніе не проводилось во всей строгости, а лишь на столько, на сколько этого требовала казенная надобность. 3) Что земли, принадлежавшія самимъ однодворцамъ, а не казнѣ, находились не въ общемъ владѣніи, а въ частномъ, и отчуждались порознь. Однако же и здѣсь казенный интересъ ограничивалъ нѣсколько право собственности.

Всѣ эти начала были еще болѣе развиты въ межевой инструкціи 1766 года. Прежнія положенія были подтверждены, за исключеніемъ того, что пріобрѣтателямъ однодворческихъ земель послѣ запретительнаго указа 1727 г. велѣно было ихъ отмежевать съ тѣмъ, чтобы они платили съ нихъ извѣстную подать на содержаніе ландмилиціи. Но важны постановленія о внутреннемъ распорядкѣ земель. По прежнему земли, на которыхъ однодворцы положены въ подушный окладъ, велѣно межевать не къ каждому лицу особо, а къ цѣлому селенію въ общую межу. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы они впредь этихъ земель не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавали и въ наемъ не отдавали иначе какъ погодно, а также не отдавали бы за иски и долги. Продавать другимъ однодворцамъ дозволено единственно земли покупныя и данныя предкамъ за службу, но и въ этомъ числѣ только тѣ, которыя оставались въ излишкѣ сверхъ общей пропорціи земли, отмежеванной на село. Такимъ образомъ и собственныя земли однодворцевъ были поставлены въ одинъ разрядъ съ казенными; здѣсь ограниченіе права собственности въ пользу казны еще значительнѣе, нежели въ первой межевой инструкціи. Далѣе, послѣ умершихъ, запрещено тѣ земли, на которыхъ они положены въ подушный окладъ, дѣлить между наслѣдниками или отдавать въ приданое за дочерьми, выходящими за постороннихъ людей, или за

(1) П. С. З. № 10237 гл. 23.

однодворцевъ другихъ селеній; а велѣно оставлять ихъ при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ онѣ отмежеваны. Если же послѣ умершаго останутся дочери, и мужья ихъ пожелаютъ поселиться на доставшихся имъ по наслѣдству земляхъ, то дозволять это, но съ тѣмъ, чтобы прежніе ихъ участки оставались въ пользу остальныхъ крестьянъ того селенія (1).

Такимъ образомъ первоначальное государственное постановленіе отразилось и въ законахъ о наслѣдствѣ. Все это находилось въ связи другъ съ другомъ, вытекало изъ одного начала, и постепенно установлялось правительственными распоряженіями.

Что̀ касается до управленія общинъ, то до второй половины XVIII-го вѣка однодворцы находились въ непосредственномъ вѣдомствѣ воеводскихъ канцелярій. Въ это время установлены были выборные отъ нихъ управители, которые подчинялись единственно губернаторамъ (2). Не смотря на то, отъ однодворцевъ поступали на нихъ многія жалобы. Между ними образовались партіи, и когда одна изъ нихъ превозмогала, то другая жаловалась на притѣсненія выбраннаго ею управителя. Въ 1759 г. Сенатъ старался управителей къ нимъ опредѣлять «по большимъ голосамъ», какъ сказано въ указѣ 1761 г. (3), «но и то хорошаго успѣха не имѣло, и по нынѣ многія отъ однодворцевъ жалобы происходятъ, и каждый годъ не по одному управителю перемѣняютъ». Въ этотъ и въ слѣдующіе года, вслѣдствіе безпрерывныхъ жалобъ, многіе управители отрѣшались; наконецъ въ 1763 г. (4) должность эта совершенно уничтожена, и однодворцы по прежнему подчинены провинціальнымъ и губернскимъ канцеляріямъ. Только для мелкихъ споровъ велѣно имъ выбирать изъ себя старостъ и выборныхъ, да запрещено канцеляріямъ вступаться въ рекрутскій наборъ. Въ 1775 г. однодворцы и уравненные съ ними прежнихъ службъ служилые люди вошли въ общій составъ казенныхъ крестьянъ, и отданы въ вѣдомство казенныхъ палатъ.

Еще важнѣе для насъ черносошные крестьяне, въ которыхъ долго сохранялся прежній бытъ, если не во всей чистотѣ, то по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ. Это были крестьяне поморскихъ городовъ, о которыхъ уже была рѣчь

(1) П. С. З. № 12659 гл. 19. (2) П. С. З. № 10998. (3) П. С. З. № 11285. (4) П. С. З. № 11517, 27, 758.

выше. Еще въ половинѣ XVII столѣтія ограничивались права ихъ на отчужденіе земель, вслѣдствіе того правила, что тяглыя земли должны принадлежать только тяглымъ людямъ. Крестьянамъ за-онежскихъ погостовъ въ 1649 г. вовсе запрещено было продавать свои земли, и проданныя велѣно было отобрать назадъ безденежно (1). Каргопольскимъ и Турчасовскимъ крестьянамъ въ 1663 г. позволено было выкупать назадъ проданные и заложенные участки (2). Но съ другой стороны посадскіе люди города Великаго Устюга продолжали пользоваться правомъ владѣнія купленныхъ ими у крестьянъ земель, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы поселенные на нихъ половники несли всѣ волостныя тягости наравнѣ съ крестьянами (3). Это право они сохраняли до половины XVIII столѣтія. Только въ 1751 г. велѣно было разсмотрѣть права ихъ на эти земли, и оставить имъ только тѣ, которыми они владѣли по жалованнымъ грамотамъ или по писцовымъ книгамъ; пріобрѣтенныя же частнымъ образомъ у черносошныхъ крестьянъ велѣно было отобрать въ казну (4). Но въ 1753 году этотъ указъ былъ опять отмѣненъ, и снова разрѣшена была продажа земель крестьянами купцамъ и обратно, лишь бы эти земли не были отчуждаемы въ руки помѣщиковъ, монастырей и другихъ владѣльцевъ (5).

Такимъ образомъ на сѣверѣ, до половины XVIII столѣтія, сохранилось отдѣльное владѣніе земельныхъ участковъ и сопряженное съ этимъ право на отчужденіе ихъ въ руки другихъ тяглыхъ людей. Этотъ остатокъ старины весьма любопытенъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о характерѣ древняго быта и о противоположности его съ новыми учрежденіями. Только межевыя инструкціи установили и въ черносошныхъ волостяхъ тотъ же порядокъ, который введенъ былъ въ остальной Россіи; и притомъ такъ, что смыслъ и значеніе новыхъ учрежденій ясны изъ самыхъ указовъ.

Въ инструкціи 1754 года велѣно было отобрать назадъ земли, отчужденныя по смерти своихъ владѣльцевъ въ руки людей, *не положенныхъ въ подушный окладъ*, а напротивъ утвердить продажи, сдѣланныя между посадскими людьми и крестьянами (6). Ясно, что

(1) П. С. З. № 10. (2) П. С. З. № 112. (3) П. С. З. № 79. (4) П. С. З № 9874. (5) П. С. З. № 10082. (6) П. С. З. № 10237 гл. 29.

лица положенныя въ подушный окладъ соотвѣтствовали прежнимъ тяглымъ людямъ; къ нимъ прилагались и прежнія правила. Но въ межевой инструкціи 1766 г. послѣдовало уже запрещеніе продажи и всякаго рода отчужденія земель кому бы то ни было, хотя и утверждены были прежнія купли, сдѣланныя посадскими людьми. Земли черносошныхъ крестьянъ велѣно было межевать къ селеніямъ, и во всемъ руководствоваться правилами, установленными для однодворцевъ. Введено было то же уравненіе земель между отдѣльными крестьянами и тотъ же порядокъ наслѣдованія (1). Послѣдніе слѣды прошедшаго исчезли, и черносошные крестьяне скоро слились съ общею массою сельскаго сословія. Въ 1760 г. имъ позволено было для защищенія отъ обидъ и для всякихъ ходатайствъ выбирать изъ себя лучшихъ крестьянъ. Хотя и прежде у нихъ были старосты, сотскіе и выборные, но эти начальники находились подъ сильнымъ вліяніемъ правительственныхъ властей. Для производства выборовъ забирали даже крестьянъ въ городъ; слѣдственно выборъ совершался по приказанію воеводы. Кромѣ того сотскихъ и старостъ таскали безпрестанно въ городъ по самымъ маловажнымъ дѣламъ, и это служило орудіемъ притѣсненія. Теперь же все это было запрещено, и общины получили болѣе самостоятельности (2). Въ 1775 г. черносошные крестьяне вмѣстѣ съ другими поступили въ вѣдомство казенныхъ палатъ.

Итакъ въ послѣдней четверти XVIII столѣтія всѣ крестьяне, за исключеніемъ помѣщичьихъ, образовали одно тѣло и подчинились одному вѣдомству. Межевая инструкція 1766 г., постепенно пополнявшаяся до начала XIX столѣтія, установила ихъ поземельныя отношенія на основаніи государственныхъ требованій. Теперь надлежало устроить внутреннее управленіе общинъ. Это сдѣлано Высочайшими экономическими пунктами, которые извѣстны намъ по ссылкамъ, находящимся въ Учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи, изданномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 16603). Здѣсь постановлено, чтобы въ каждомъ селеніи, имѣющемъ болѣе тысячи дворовъ, былъ сельскій старшина; а на каждые пятьсотъ дворовъ опре-

(1) П. С. З. № 12659. гл. 20.
(2) П. С. З. № 11120.

дѣленъ сельскій староста, два выборные или словесные разборщика и сборщикъ податей. Въ меньшихъ селахъ было и меньше властей. Старшинъ и старостъ положено избирать черезъ три года, выборныхъ и сборщиковъ ежегодно. Избирать можно было чиновнаго человѣка или поселянина не моложе двадцати пяти лѣтъ, владѣющаго въ томъ селѣ дворомъ или землею, женатаго и имѣющаго дѣтей и не бывшаго въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ. Должность сельскаго старшины была исполнительная и распорядительная, должность старосты хозяйственная; должность выборныхъ состояла въ раскладкѣ податей и въ разбирательствѣ мелкихъ споровъ; должность сборщика, разумѣется, въ сборѣ податей. Кромѣ того, для полиціи, на каждые сто дворовъ учреждены были сотскіе, а на каждые десять десятскіе, исправлявшіе должность по очереди. Общины получили между прочимъ слѣдующія права: 1) Если генералъ-губернаторъ, губернаторъ или директоръ экономіи (членъ Казенной Палаты, управлявшій казенными крестьянами) обществу сельскому учинитъ какое предложеніе, то общество, собравшись, слушаетъ оное и чинитъ отвѣтъ, сходственный узаконеніямъ и общему добру. 2) Общество можетъ представить губернатору и директору экономіи о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, лишь бы это не было противно общему благу и узаконеніямъ. 3) Оно можетъ имѣть свою казну, избу и писаря.

Эти установленія были въ послѣдствіи измѣняемы, но основныя черты ихъ остались. Межевая инструкція 1766 г. окончательно опредѣлила распорядокъ поземельнаго владѣнія сельскихъ общинъ; Высочайшіе экономическіе пункты положили основаніе самостоятельности внутренняго ихъ управленія посредствомъ выборныхъ начальниковъ. Сельскія общины одолжены нынѣшними своими учрежденіями великой строительницѣ областнаго и мѣстнаго управленія въ Россіи. Прежде того онѣ большею частію были владѣльческія и управлялись чисто владѣльческимъ образомъ. Самыя земли ихъ не были примежеваны къ нимъ надлежащимъ порядкомъ, и поземельныя отношенія были разнообразны и неопредѣленны. Старыя учрежденія мѣшались съ новыми, и общаго порядка не существовало. Екатерина, образовавшая дворянскія общества, развившая учрежденія горо-

довъ, устроила и казенныя сельскія общины. Межевая инструкція 1766 года окончательно развила тѣ учрежденія, которыя вытекали изъ наложенныхъ на земледѣльцевъ сословныхъ обязанностей; устройство же внутренняго управленія было собственно созданіемъ великой монархини.

При Екатеринѣ укрѣплены были и крестьяне малороссійскіе, и здѣсь мы найдемъ новое подтвержденіе той мысли, что общее владѣніе землею и ея передѣлъ не коренится въ древнемъ обычаѣ русскаго народа. Въ Малороссіи, въ странѣ искони русской, прежде введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій, были только частные собственники—помѣщики и казаки, да крестьяне селившіеся на ихъ земляхъ по свободному договору. Но крестьянинъ, пріобрѣтшій участокъ земли, черезъ это самое дѣлался казакомъ. Русское правительство укрѣпило крестьянъ и ограничило право казаковъ отчуждать свои земли, дозволивши имъ продавать ихъ только между собою. Но и до сихъ поръ общаго владѣнія между ними нѣтъ; каждый владѣетъ своимъ участкомъ, на который другіе не имѣютъ никакого права, и который переходитъ въ наслѣдство дѣтямъ и родственникамъ. Распредѣленіе общей земли между отдѣльными членами общины существуетъ только у нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ, которыхъ бытъ, разумѣется, опредѣляется волею владѣльца, да между крестьянами казенными, у которыхъ это введено распоряженіями правительства. Казенныя селенія произошли большею частію изъ имѣній, отобранныхъ у монастырей и конфискованныхъ у частныхъ лицъ, и внутренній ихъ распорядокъ составляетъ въ Малороссіи такое же нововведеніе, какъ и въ самой Россіи.

III.

Изъ историческаго обзора сельскихъ учрежденій мы можемъ вывести слѣдующее:

1) Что наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.

2) Что она вовсе не похожа на общины другихъ славян-

скихъ племенъ, сохранившихъ первобытный свой характеръ посреди историческаго движенія. Она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, не имѣющей никакого сходства съ исторіею западныхъ славянскихъ племенъ.

3) Что наша сельская община имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по какимъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою, и изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними; тогда не было ни общаго владѣнія землею, ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, ни передѣла земель, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца, и значеніе сельской общины было чисто владѣльческое и финансовое.

4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души.

Такимъ образомъ мнѣніе барона Гакстгаузена о патріархальномъ характерѣ нашей сельской общины не находитъ себѣ оправданія въ исторіи. Это—нареканіе, происходящее отъ недостаточнаго знакомства съ историческими данными. Наша община не остановилась на той ступени общественнаго развитія, на какой стояла община германская во времена Тацита; она не похожа ни на общины нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ, ни на другія патріархальныя общины полудикихъ народовъ Азіи и Африки. Въ ней господствуютъ не естественныя отношенія, а гражданскія. Это не зародышъ общественнаго развитія, а плодъ его. Это результатъ прошедшей исторіи народа, образовавшаго изъ себя великое государство, и въ которомъ государственныя начала проникаютъ до самыхъ низшихъ слоевъ общественной жизни. Ничто не ускользнуло отъ вниманія нашихъ законодателей. Правительственными мѣрами и распоря-

женіями устроены и поземельныя отношенія общинъ и гражданскія, и хозяйственный ихъ бытъ, и внутреннее управленіе. Все это учрежденія относительно новыя, получившія окончательное свое образованіе только въ послѣдней четверти XVIII вѣка, вмѣстѣ съ другими областными учрежденіями. Патріархальности здѣсь нѣтъ уже и слѣдовъ. Если въ нравахъ сохранились еще обычаи и выраженія, напоминающіе древній родовой бытъ, то это обломки старины, которые въ учрежденіяхъ потеряли уже всякое значеніе. Точно также сохранились и нѣкоторыя преданія временъ язычества, но это не мѣшаетъ намъ быть народомъ христіанскимъ. Учрежденія нашихъ общинъ суть произведеніе новаго времени, и сравнивать ихъ съ патріархальными общинами другихъ народовъ, значитъ отрицать въ насъ историческое развитіе.

Б. Чичеринъ.

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ПУШКИНЫМЪ

(ИЗЪ МОИХЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!
Le Vieux Caporal.

Въ августѣ 1819 года пріѣхалъ я въ Петербургъ и остановился въ домѣ графа Остермана-Толстаго, при которомъ находился адъютантомъ. Домъ этотъ на Англійской набережной, недалеко отъ Сената. Въ то время былъ онъ замѣчателенъ своими цѣльными зеркальными стеклами, которыя еще считались тогда большою рѣдкостію, и своею бѣлою залой. Въ ней стояли, на одномъ концѣ, бюстъ Императора Александра Павловича и по обѣимъ сторонамъ его, мастерски изваянные изъ мрамора, два гренадера лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. На другомъ концѣ залы возвышалась на пьедесталѣ фарфоровая ваза, драгоцѣнная сколько по живописи и сюжету, на ней изображенному, столько и по высокому значенію ея. Она была подарена графу Его Величествомъ, въ замѣнъ знаменитаго сосуда, который *благодарная* Богемія поднесла, *за спасеніе ея*, герою кульмской битвы, и который графъ съ такимъ смиреніемъ и благочестіемъ передалъ въ церковь Преображенскаго полка. Въ этомъ домѣ была тоже библіотека, о которой стоитъ упомянуть. Въ ней находились всѣ творенія о военномъ дѣлѣ, какія могли только собрать до настоящаго времени. Она составлялась по указаніямъ генерала Жомини. Украшеніемъ дома было также высокое созданіе Торвальдсена, изображавшее

графиню Е. А. Остерманъ-Толстую въ полулежащемъ положеніи: мраморъ въ одеждѣ ея, казалось, сквозилъ, а въ формахъ дышалъ жизнью.

Мы (я и прапорщикъ сибирскаго гренадерскаго полка Д., нынѣ генералъ-лейтенантъ и командиръ дивизіи) ѣхали по Петербургу не главными улицами его. Къ тому жь въ четверомѣстной нашей каретѣ стояла противъ насъ клѣтка съ орломъ, ради чего мы сочли за благо спустить сторы у оконъ. Въѣхали мы въ домъ со стороны Галерной, на которую выходилъ задній фасъ его. И потому я не могъ сдѣлать заключеніе о городѣ, въ которомъ никогда не бывалъ.

Только что я успѣлъ выйдти изъ экипажа, графъ прислалъ за мною. Онъ стоялъ на балконѣ, выходящемъ на Неву. Помню, вечеръ былъ дивный. Солнце ушло уже одною половиною своею далеко за край земли, другою золотило и румянило рои носившихся около него пушистыхъ облачковъ.—«Ты не бывалъ еще въ Петербургѣ—посмотри...» сказалъ мнѣ графъ съ какою-то гордостью, указывая *единственною* рукой своею на Неву. Казалось, онъ мановеніемъ этой руки раскрылъ для меня новый, прекрасный міръ.

Петербургъ тогда былъ далеко не тѣмъ, что́ онъ теперь, но и тогда видъ на голубоводную, широкую Неву, съ ея кораблями, набережными, академіей, биржей и адмиралтействомъ, привелъ меня въ восторгъ. Я бывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Касселѣ, Кенигсбергѣ и Парижѣ, но ни одинъ изъ этихъ городовъ не сдѣлалъ на меня такого впечатлѣнія. Правда, когда я въ первый разъ увидалъ Парижъ, я ощутилъ невыразимо-высокое чувство, но надобно прибавить, что это было въ вечеръ 18 марта 1814 года, что я увидалъ городъ съ высотъ Монмартра, при утихавшемъ громѣ нашихъ орудій, при радостныхъ кликахъ: ура! Въ эти минуты я вспомнилъ пожаръ Москвы, вспомнилъ, какъ я мѣсилъ снѣжные сугробы литовскіе, спотыкаясь о замерзшіе трупы, при жестокихъ морозахъ, захватывающихъ дыханіе, въ походной шинели, сквозь которую вѣтеръ дулъ, какъ сквозь сѣтку рѣшета. Еще живо представлялась мнѣ великая и ужасная картина Березины, взломанной бѣгущею арміей. Какъ будто духъ Божій хотѣлъ показать на этомъ мѣстѣ всю силу своего гнѣва—взорвалъ рѣку съ основанія ея и,

со всѣмъ, что̀ на ней засталъ живаго, оледенилъ ее вдругъ своимъ дуновеніемъ. Среди обломковъ колесъ и осей, изорванной и окровавленной одежды, труповъ лошадей, руки, поднятыя изо льдинъ и какъ будто еще молящія о спасеніи или угрожающія, лики мертвецовъ, съ оледенѣвшими волосами, искривленные, съ бѣшенствомъ проклятія или съ улыбкою новой жизни на устахъ (1), а кругомъ снѣжная, съ тощимъ кустарникомъ, степь, подернутая вечернимъ полусумракомъ. Ни одного звука на этомъ ледяномъ кладбищѣ, кромѣ стука отъ подковъ моей лошади, пугливо ступающей между мертвецами; ни одной живой души, кромѣ меня съ (бывшимъ) дядькой моимъ, который весь трясется и жутко озирается. Все это живо представилось мнѣ на монмартрскихъ высотахъ. Теперь я только что вышелъ изъ огня сраженія, изъ-подъ свиста пуль, цѣлъ, невредимъ—и передо мною, у ногъ моихъ, разстилалась столица Франціи.... О ней могъ я только мечтать во снѣ, и вотъ, завтра же, вступаю въ нее съ побѣдоносною арміей... О! это чувство было высокое, восторженное, но его произвело не зрѣлище красотъ Парижа, а стеченіе обстоятельствъ, приведшихъ меня къ нему, — обстановка этого зрѣлища. Чувство это было совсѣмъ не то, которое наполнило душу мою при взглядѣ на родной городъ, созданный геніемъ великаго Петра, возвеличенный и украшенный его преемниками. «Прекрасно! чудно!» могъ я только сказать графу.

Посвятивъ недѣли двѣ на осмотръ всего, что̀ было замѣчательнаго въ Петербургѣ, я предался глубокому уединенію, какое только позволяла мнѣ служба. Въ это время готовилъ я къ печати свои «Походныя Записки», въ которыхъ столько юношеской восторженности и столько реторики. Признаюсь, писавши ихъ, я еще боялся отступить отъ кодексовъ Рижскаго и братіи его, столь твердо выученныхъ мною въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ. «Счастливъ, кто забылъ свою реторику!» сказалъ кто-то весьма справедливо. Увы! я еще не забылъ ее тогда... Въ это же время графъ поручилъ мнѣ привесть свою военную библіотеку въ порядокъ и составить ей каталогъ.

---

(1) Я проѣзжалъ Березину спустя немного дней послѣ переправы черезъ нее непріятеля.

Говоря о библіотекѣ, невольно вспоминаю посѣщеніе ея однимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, который отличался сколько умомъ, столько и странностями. Это былъ генералъ-отъ-инфантеріи, князь В., командовавшій войсками, въ Оренбургскомъ краѣ расположенными; онъ пародировалъ во многомъ Суворова; я видалъ его ужь въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ ходилъ и ѣздилъ по Петербургу съ непокрытою головой въ самые жестокіе морозы, иногда съ морковью въ рукѣ. Графъ Остерманъ-Толстой видалъ его изрѣдка у себя. Помню, что въ одно изъ этихъ посѣщеній, вставши изъ-за стола, хозяинъ дома позвалъ князя и бывшаго тутъ же графа М. А. Милорадовича (тогдашняго генералъ-губернатора петербургскаго) въ свою библіотеку. Здѣсь старикъ-младенецъ, казалось, переродился, какъ будто взглядъ на военныя книги произвелъ въ немъ гальваническое потрясеніе. Онъ самъ сдѣлался живымъ военнымъ словаремъ. Многихъ и многихъ извѣстныхъ писателей, отъ Ксенофонта до нашихъ дней, перебралъ онъ критически, съ цитатами изъ нихъ, называя подробно и точно лучшія ихъ изданія. Вотъ тутъ присутствовавшіе были удивлены его бойкими сужденіями и необыкновенною памятью. Еслибъ я закрылъ въ то время глаза, то не повѣрилъ бы, что слушаю того старика-младенца, котораго встрѣчалъ нерѣдко на улицахъ въ жестокіе морозы, съ непокрытою головой.

Оставивши князя В. въ нижнемъ этажѣ, хозяинъ повелъ графа Милорадовича въ верхній, чтобы показать ему дѣлаемыя тамъ великолѣпныя перестройки. «Богъ мой! какъ это хорошо!» сказалъ графъ Милорадовичъ, осматривая вновь отдѣланныя комнаты. «А знаете ли?» прибавилъ онъ смѣясь: «я отдѣлываю тоже и убираю какъ можно лучше, комнаты въ домѣ—только въ казенномъ, гдѣ содержатся за долги. Тутъ много эгоизма съ моей стороны: неравно придется мнѣ самому сидѣть въ этомъ домѣ». Дѣйствительно этотъ *рыцарь безъ страха и упрека*, отличавшійся, подобно многимъ генераламъ того времени, своею оригинальностію, щедро *даривший* своимъ солдатамъ колонны непріятельскія и также щедро разсыпавшій деньги (прибавить надобно, много *на добро*), всегда былъ въ неоплатныхъ долгахъ, несмотря на щедроты, которыя часто изливались на него Государемъ.

Какъ я сказалъ выше, жизнь моя въ Петербургѣ проходила въ глубокомъ уединеніи. Въ театръ ѣздилъ я рѣдко. Хотя имѣлъ годовой билетъ моего генерала, отданный въ полное мое владѣніе, я передавалъ его иногда Н. И. Г. «Кого это пускаешь ты въ мои кресла?» спросилъ меня однажды графъ Остерманъ-Толстой съ видимымъ неудовольствіемъ. Я объяснилъ ему, что уступаю ихъ извѣстному литератору и журналисту.—«А! если такъ», сказалъ графъ, «можешь и впередъ отдавать ему мои кресла.» Говорю объ этомъ случаѣ для того только, чтобы показать, какъ вельможи тогдашніе уважали литераторовъ.

Со многими изъ писателей того времени, болѣе или менѣе извѣстныхъ, знакомъ я былъ до пріѣзда моего въ Петербургъ, съ иными сблизился въ интересныя эпохи десятыхъ годовъ. С. Н. Глинку узналъ я въ 1812 году, на Поклонной горѣ: восторженнымъ юношей слушалъ я, какъ онъ одушевлялъ народъ московскій къ защитѣ первопрестольнаго города. Съ братомъ его, Ѳедоромъ Николаевичемъ, познакомился я въ колоніи гернгутеровъ, въ Силезіи, во время перемирія 1813 года и скрѣпилъ пріязнь съ нимъ около костровъ нашихъ биваковъ въ Германіи и Франціи. Никогда не забуду уморительныхъ, исполненныхъ сарказма и остротъ, разказовъ и пародій поэта-партизана Д. В. Давыдова. Хлестнетъ иногда въ кого арканомъ своей насмѣшки, и тотъ летитъ кувыркомъ съ коня своего. Этому также не надобно было для бритья употреблять бритву, какъ говорили про другаго извѣстнаго остряка,—стоило ему только поводить языкомъ своимъ. Часто слышалъ я его въ городкѣ Нимтшѣ, въ Силезіи, въ садикѣ одного изъ бюргеровъ, гдѣ собирался у дяди Дениса Васильевича и корпуснаго нашего командира, Н. Н. Раевскаго, близкій къ нему кружокъ. Съ азіятскимъ обликомъ, съ маленькими глазами, бросающими искры, съ черною, какъ смоль, бородой, изъ-подъ которой виденъ побѣдоносецъ Георгій, съ брюшкомъ, легко затянутымъ ремнемъ,—будто и теперь его въ очи вижу и внимаю его остроумной бесѣдѣ. Хохочутъ генералы и прапорщики. Раевскій, въ глубокомъ раздумьи, можетъ быть занесенный своими мыслями на какое нибудь поле сраженія, чертилъ хлыстикомъ какія-то фигуры по песку; но и тотъ, прислушиваясь къ разказу, воспрянулъ: онъ смѣется, увлеченный общимъ смѣхомъ,

и какъ добрый отецъ, радостнымъ взоромъ обводитъ военную семью свою (1). Батюшкову пожалъ я въ первый и послѣдній разъ братски руку въ бѣдной избушкѣ подъ Бріенномъ. Въ эту самую минуту грянула вѣстовая пушка. Извѣстно военнымъ того времени, что генералъ Раевскій, при которомъ онъ тогда находился адъютантомъ, не любилъ опаздывать на такіе вызовы. Поскакалъ генералъ, и вслѣдъ за нимъ его адъютантъ, пославъ мнѣ съ коня своего прощальный поцѣлуй. И подлинно это былъ прощальный привѣтъ, и навсегда... Съ тѣхъ поръ я ужь не видалъ его. Съ А. Ѳ. Воейковымъ познакомился я въ зиму 1814—15 года, въ Дерптѣ, гдѣ квартировалъ штабъ нашего полка. Можно сказать, что онъ съ каѳедры своей читалъ въ пустынѣ: на лекціи его приходило два, три студента, да иногда человѣка два нашихъ офицеровъ, или наши генералы Полуектовъ и Кнорринтъ. У него узналъ я Жуковскаго, гостившаго тогда въ его семействѣ. Оба посѣщали меня иногда. Горжусь постоянно добрымъ расположеніемъ ко мнѣ Василія Андреевича. Съ княземъ П. А. Вяземскимъ имѣлъ я случай нерѣдко видѣться *замѣчательною* весною 1818 года, въ Варшавѣ. Здѣсь, за дворцовою трапезой, на которую приходила вся свита Государя Императора, между прочими графъ Каподистрія и другія знаменитости того времени, сидѣлъ я почти каждый день рядомъ съ А. И. Данилевскимъ-Михайловскимъ, вступившимъ уже тогда на поприще военнаго писателя. Здѣсь же учился я многому изъ литературныхъ бесѣдъ остроумнаго Жихарева, котораго интересные мемуары помѣщаются нынѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но я еще нигдѣ не успѣлъ видѣть молодаго Пушкина, издавшаго уже въ зиму 1819—20 г. «Руслана и Людмилу», Пушкина, котораго мелкія стихотворенія, наскоро, на лоскуткахъ бумаги, карандашемъ переписанныя, разлетались въ нѣсколько часовъ огнен-

(1) Братъ мой имѣлъ честь находиться при немъ на ординарцахъ во время маршей по Германіи и въ Лейпцигской битвѣ и много поразказалъ мнѣ объ немъ. Николай Николаевичъ никогда не суетился въ своихъ распоряженіяхъ; въ самомъ пылу сраженія отдавалъ приказанія спокойно, толково, ясно, какъ будто былъ у себя дома; всегда разпрашивалъ исполнителя, такъ ли понято его приказаніе, и если находилъ, что оно недостаточно понято, повторялъ его безъ сердца, называя всегда посылаемаго, адъютанта или ординарца, голубчикомъ или другими ласковыми именами. Онъ имѣлъ особый даръ привязывать къ себѣ подчиненныхъ.

ными струями во всѣ концы Петербурга и въ нѣсколько дней Петербургомъ вытверживались наизусть,—Пушкина, котораго слава росла не по днямъ, а по часамъ. Между тѣмъ я былъ однимъ изъ восторженныхъ его поклонниковъ. Слѣдующій необыкновенный случай доставилъ мнѣ его знакомство. Разказъ объ этомъ случаѣ прибавитъ нѣсколько замѣчательныхъ строчекъ къ его біографіи. Долженъ я также засвидѣтельствовать, что всѣ лица, бывшія въ немъ главными дѣятелями (кромѣ историка, вашего покорнаго слуги), уже давно померли, и потому могу говорить о нихъ свободно.

Квартира моя въ домѣ графа Остермана-Толстаго выходила на Галерную. Я занималъ въ нижнемъ этажѣ двѣ комнаты, но первую отъ входа уступилъ пріѣхавшему за нѣсколько дней до того времени, которое описываю, маіору NN, служившему въ штабѣ одной изъ дивизій ...аго корпуса, которымъ командовалъ графъ. NN былъ маіоромъ, учился, какъ говорятъ, на мѣдныя деньги и образованъ по вѣсу и цѣнѣ металла. Наружность его соотвѣтствовала внутреннимъ качествамъ: онъ былъ очень плѣшивъ и до крайности румянъ; послѣднимъ достоинствомъ онъ очень занимался и черезъ него считалъ себя неотразимымъ побѣдителемъ женскихъ сердецъ. Игрою густыхъ своихъ эполетъ онъ особенно щеголялъ, полагая, что отъ блеска ихъ, какъ отъ лучей солнечныхъ, разливается свѣтъ на все, его окружающее, и едва ли не на весь городъ. Мы прозвали его дятломъ, на котораго онъ и наружно и привычками былъ похожъ, потому что безъ всякой надобности долбилъ своимъ подчиненнымъ десять разъ одно и тоже. Кругъ своей литературы ограничилъ онъ «Бѣдною Лизой» и «Островомъ Борнгольмомъ», изъ котораго особенно любилъ читать вслухъ: «Законы осуждаютъ предметъ моей любви», да нѣсколькими пѣснями изъ «Русалки». Къ театру былъ пристрастенъ, и болѣе всего любилъ воздушные пируэты въ балетахъ; но не имѣлъ много случаевъ быть въ столичныхъ театрахъ, потому что жизнь свою провелъ большею частію въ провинціяхъ. Любилъ онъ также покушать. Разказываютъ, что во время отдыха на походахъ не иначе можно было разбудить его, какъ вложивши ему ложку въ ротъ. Вы могли толкать, тормошить его, сколько силъ есть—ничто не дѣйствовало, кромѣ ложки. Впрочемъ былъ *добрый малый*.

Мое товарищество съ нимъ ограничивалось служебными обязанностями и невольнымъ сближеніемъ по квартирѣ.

Въ одно *прекрасное* (помнится, зимнее) утро, — было ровно три четверти восьмаго, — только что успѣвъ окончить свой военный туалетъ, я вошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ обиталъ мой маіоръ, чтобъ приказать подавать чай. NN не было въ это время дома; онъ уходилъ смотрѣть, все ли исправно на графской конюшнѣ. Только что я ступилъ въ комнату, изъ передней вошли въ нее три незнакомыя лица. Одинъ былъ очень молодой человѣкъ, худенькій, небольшаго роста, курчавый, съ *арапскимъ профилемъ*, во фракѣ. За нимъ выступали два молодца красавца, кавалерійскіе гвардейскіе офицеры, погремыхивая своими шпорами и саблями. Одинъ былъ адъютантъ; помнится, я видѣлъ его прежде въ обществѣ любителей просвѣщенія и благотворенія; другой — фронтовой офицеръ: Статскій подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ: «Позвольте васъ спросить, здѣсь живетъ NN?» — «Здѣсь, отвѣчалъ я, но онъ вышелъ куда-то, и я велю сейчасъ позвать его». Я только хотѣлъ это исполнить, какъ вошелъ самъ NN. При взглядѣ на воинственныхъ ассистентовъ статскаго посѣтителя онъ видимо смутился, но вскорѣ оправился и принялъ также марціальную осанку. «Что́ вамъ угодно?» сказалъ онъ статскому довольно сухо. «Вы это должны хорошо знать, отвѣчалъ статскій: вы назначили мнѣ быть у васъ въ восемь часовъ (тутъ онъ вынулъ часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имѣемъ время выбрать оружіе и назначить мѣсто...» Все это было сказано тихимъ, спокойнымъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о назначеніи пріятельской пирушки. NN мой покраснѣлъ какъ ракъ, и запутываясь въ словахъ, отвѣчалъ: «Я не за тѣмъ звалъ васъ къ себѣ.... я хотѣлъ вамъ сказать, что молодому человѣку, какъ вы, нехорошо кричать въ театрѣ, мѣшать своимъ сосѣдямъ слушать піесу, что это неприлично...» — «Вы эти наставленія читали мнѣ вчера при многихъ слушателяхъ, сказалъ болѣе энергическимъ голосомъ статскій, я ужь не школьникъ, и пришелъ переговорить съ вами иначе. Для этого не нужно много словъ: вотъ мои два секунданта; этотъ господинъ военный (тутъ указалъ онъ на меня), онъ не откажется, конечно, быть вашимъ свидѣтелемъ. Если вамъ угодно...» NN не далъ ему договорить.

«Я не могу съ вами драться, сказалъ онъ: вы молодой человѣкъ, неизвѣстный, а я штабъ-офицеръ...» При этомъ оба офицера засмѣялись; я поблѣднѣлъ и затрясся отъ негодованія, видя глупое и униженное положеніе, въ которое поставилъ себя мой товарищъ, хотя вся эта сцена была для меня загадкой. Статскій продолжалъ твердымъ голосомъ: «Я русскій дворянинъ, Пушкинъ: это засвидѣтельствуютъ мои спутники, и потому вамъ не *стыдно* будетъ имѣть со мною дѣло».

При имени *Пушкина* блеснула въ головѣ моей мысль, что передо мною стоитъ молодой поэтъ, таланту котораго ужь самъ Жуковскій поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спѣшилъ спросить его: Не Александра ли Сергѣевича имѣю честь видѣть передъ собою?

— Меня такъ зовутъ, сказалъ онъ, улыбаясь.

«Пушкину, подумалъ я, Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору столькихъ прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній, которыя мы такъ восторженно затвердили, будущей надеждѣ Россіи, погибнуть отъ руки какого-нибудь NN, или убить какого-нибудь NN и жестоко пострадать... нѣтъ, этому не быть! Во что̀ бъ ни стало, устрою мировую, хотя бъ и пришлось немного покривить душой.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я по-французски, чтобы не понялъ нашего разговора NN, который не зналъ этого языка,— позвольте мнѣ принять живое участіе въ вашемъ дѣлѣ съ этимъ господиномъ, и потому прошу васъ объяснить мнѣ причину вашей ссоры.

Тутъ одинъ изъ ассистентовъ разказалъ мнѣ, что Пушкинъ наканунѣ былъ въ театрѣ, гдѣ на бѣду судьба посадила его рядомъ съ NN. Играли пустую піесу, играли, можетъ быть, и дурно. Пушкинъ зѣвалъ, шикалъ, говорилъ громко: «несносно!» Сосѣду его піеса, по видимому, очень нравилась. Сначала онъ молчалъ, потомъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ Пушкину, что онъ мѣшаетъ ему слушать піесу. Пушкинъ искоса взглянулъ на него и принялся шумѣть по прежнему. Тутъ NN объявилъ своему неутомимому сосѣду, что попроситъ полицію вывесть его изъ театра.

— Посмотримъ, отвѣчалъ хладнокровно Пушкинъ, и продолжалъ повѣсничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тѣмъ и должна была бы кончиться ссора нашихъ противниковъ. Но мой витязь не терялъ изъ виду своего незначительнаго сосѣда и остановилъ его въ корридорѣ.

— Молодой человѣкъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Пушкину, и вмѣстѣ съ этимъ поднялъ свой указательный палецъ,—вы мѣшали мнѣ слушать піесу... это неприлично, это невѣжливо.

— Да, я не старикъ, отвѣчалъ Пушкинъ:—но, господинъ штабъ-офицеръ, еще невѣжливѣе здѣсь и съ такимъ жестомъ говорить мнѣ это. Гдѣ вы живете?

NN сказалъ свой адресъ и назначилъ пріѣхать къ нему въ восемь часовъ утра. Не былъ ли это настоящій вызовъ?...

«Буду,» отвѣчалъ Пушкинъ. Офицеры разныхъ полковъ, услышавъ эти переговоры, обступили было противниковъ; сдѣлался шумъ въ корридорѣ, но, по слову Пушкина, все затихло и спорившіе разошлись безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Вы видите, что ассистентъ Пушкина не скрылъ и его вины, объяснивъ мнѣ вину его противника. Вотъ этотъ-то узелъ предстояло мнѣ развязать, сберегая между тѣмъ голову и честь Пушкина.

«Позвольте переговорить съ этимъ господиномъ въ другой комнатѣ», сказалъ я военнымъ посѣтителямъ. Они кивнули мнѣ въ знакъ согласія. Когда я остался вдвоемъ съ NN, я спросилъ его, такъ ли было дѣло въ театрѣ, какъ разказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ. Онъ отвѣчалъ, что дѣло было такъ. Тогда я началъ доказывать ему всю необдуманность его поступковъ; представилъ ему, что онъ самъ былъ кругомъ виноватъ, затѣявъ вновь ссору съ молодымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, при выходѣ изъ театра, когда эта ссора кончилась ничѣмъ; говорилъ ему, какъ дерзка была его угроза пальцемъ и глупы его наставленія, и что сдѣлавъ формальный вызовъ, чего онъ конечно не понялъ, надо было или драться, или извиниться. Я прибавилъ, что Пушкинъ сынъ знатнаго человѣка (что онъ извѣстный поэтъ, этому господину было бы ни почемъ). Всѣ убѣжденія мои сопровождалъ я описаніемъ ужасныхъ послѣдствій этой исторіи, если она разомъ не будетъ порѣшена. «Въ противномъ случаѣ, сказалъ я, иду сейчасъ къ генералу нашему, тогда... ты знаешь его: онъ шутить не любитъ». Признаюсь,

я потратилъ ораторскаго пороху довольно, и не даромъ. NN убѣдился, что онъ виноватъ, и согласился просить извиненія. Тутъ, не давъ опомниться маіору, я ввелъ его въ комнату, гдѣ дожидались насъ Пушкинъ и его ассистенты, и сказалъ ему: «Господинъ NN считаетъ себя виноватымъ передъ вами, Александръ Сергѣевичъ, и въ опрометчивомъ движеніи и въ необдуманныхъ словахъ при выходѣ изъ театра; онъ не имѣлъ намѣренія ими оскорбить васъ.

«Надѣюсь, это подтвердитъ самъ господинъ NN», сказалъ Пушкинъ. NN извинился.. и протянулъ было Пушкину руку, но тотъ не подалъ ему своей, сказавъ только: «Извиняю», и удалился съ своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

Скажу откровенно, подвигъ мой испортилъ мнѣ много крови въ этотъ день—по какимъ причинамъ, вы угадаете сами. Но теперь, когда прошло тому тридцать шесть лѣтъ, я доволенъ, я счастливъ, что на долю мою пришлось совершить его. Если бъ я не былъ такой жаркій поклонникъ поэта, уже и тогда предрекавшаго свое будущее величіе, если бъ на мѣстѣ моемъ былъ другой, не столь мягкосердый служитель музъ, а черствый, бранно-любивый воинъ, который, вмѣсто того чтобы потушить пламя раздора, старался бы еще болѣе раздуть его; если бъ я повелъ дѣло *иначе,* перешелъ только черезъ дворъ къ *одному* лицу, можетъ быть Пушкина не стало бъ еще въ концѣ 1819 года и мы не имѣли бы тѣхъ великихъ произведеній, которыми онъ подарилъ насъ въ послѣдствіи. Да, я доволенъ своимъ дѣломъ, хорошо или дурно оно было исполнено. И я нынѣ могу сказать, какъ старый капралъ Беранже:

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!

Обязанъ прибавить, что до смерти Пушкина и NN, я ни разу не проронилъ слова объ этомъ происшествіи. Были маленькія непріятности у NN въ театрахъ съ военными, вѣроятно, послѣдствія этой исторіи, но онѣ скоро кончились тѣмъ, что мой маіоръ (начавшій было угрожать заочно Пушкину какими-то не очень рыцарскими угрозами), по моему убѣжденію, весьма сильному, ускакалъ скоро изъ Петербурга.

Черезъ нѣсколько дней увидалъ я Пушкина въ театрѣ: онъ первый подалъ мнѣ руку, улыбаясь. Тутъ я поздравилъ его

съ успѣхомъ «Руслана и Людмилы», на что онъ отвѣчалъ мнѣ: «О! это первые грѣхи моей молодости!»

— Сдѣлайте одолженіе, вводите насъ почаще такими грѣхами въ искушеніе, отвѣчалъ я ему.

По выходѣ въ свѣтъ моего «Новика» и «Ледянаго Дома», когда Пушкинъ былъ въ апогеѣ своей славы, спѣшилъ я послать къ нему оба романа, въ знакъ моего уваженія къ его высокому таланту. Пріятель мой, которому я поручалъ передать ему «Новика», писалъ ко мнѣ по этому случаю 19 сентября 1832 года: «Благодарю васъ за случай, который вы мнѣ доставили, увидѣть Пушкина. Онъ оставилъ самые пріятные слѣды въ моей памяти. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту небольшую, худенькую фигуру, и не вѣрилъ, какъ онъ могъ быть забіякой... На лицѣ Пушкина написано, что у него тайнаго ничего нѣтъ. Разговаривая же съ нимъ, замѣчаешь, что у него есть тайна — его прелестный умъ и знанія. Ни блестокъ, ни жеманства въ этомъ князѣ русскихъ поэтовъ. Поговоря съ нимъ, только скажешь: онъ умный человѣкъ. Такая скромность ему прилична.» Совѣстно мнѣ повторить слова, которыми подарилъ меня Пушкинъ при этомъ случаѣ; но перечитывая ихъ нынѣ, горжусь ими. Почему же не погордиться похвалою Пушкина?...

Узнавъ, что онъ занимается исторіей Пугачевскаго бунта, я препроводилъ къ нему рѣдкій экземпляръ Рычкова. Вслѣдствіе этихъ посылокъ я получилъ отъ него письмо, которое здѣсь помѣщаю. Все лестное, сказанное мнѣ въ этомъ посланіи, принимаю за радушное привѣтствіе; но мнѣ всего пріятнѣе, что великій писатель почтилъ мое произведеніе своею критикой, а ею онъ не всякаго удостоивалъ, какъ замѣчено было недавно и въ одной изъ біографій его. Вотъ это письмо, которое храню, какъ драгоцѣнность, вмѣстѣ со спискомъ моего отвѣта:

« Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

«Во первыхъ долженъ я просить у васъ прощеніе за медленность и неисправность свою. Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его исторіи вамъ не доставленъ.

Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

«Позвольте, милостивый государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть въ художественномъ отношеніи «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это со временемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію: но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лице мученика. Его донесеніе Академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть Нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ....., которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

«Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно (1): въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово *хоботъ* въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

«Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.»

Отвѣтъ мой былъ на трехъ листахъ почтовой бумаги. Онъ не можетъ быть напечатанъ по многимъ причинамъ. Во первыхъ, я крѣпко защищалъ въ немъ историческую истину, которую оспориваетъ Пушкинъ. Прежде чѣмъ писать мои романы, я долго изучалъ эпоху и людей этого времени, особенно главныя историческія лица, которыя изображалъ. Напримѣръ, чего

(1) Замѣтьте, какъ Пушкинъ глубоко изучалъ русскій языкъ: ни одно народное слово, котораго онъ прежде не зналъ, не ускользало отъ его наблюденія и изслѣдованія.

не перечиталъ я для своего «Новика»! (2) Могу прибавить, я былъ столько счастливъ, что мнѣ попадались подъ руку весьма рѣдкіе источники. Самую мѣстность, нравы и обычаи страны списывалъ я во время моего двухмѣсячнаго путешествія, которое сдѣлалъ, проѣхавъ Лифляндію вдоль и поперекъ, большею частью по проселочнымъ дорогамъ. Также добросовѣстно изучилъ я главныя лица моего «Ледянаго Дома» на историческихъ данныхъ и достовѣрныхъ преданіяхъ.

Въ отвѣтѣ моемъ я горячо вступился за память моего героя, кабинетъ-министра Волынскаго, который, бывъ губернаторомъ въ Астрахани, оживилъ тамошній край, по назначенію Петра Великаго ѣздилъ посломъ въ Персію и исполнилъ свои обязанности, какъ желалъ царственный геній, въ Немировѣ велъ съ Турками переговоры, полезные для Россіи и пр. и пр. На Волынскаго сильные враги свалили преступленія, о которыхъ онъ и не помышлялъ и въ которыхъ не имѣлъ средствъ оправдать себя. Пушкинъ указываетъ на дѣло, вѣроятно, слѣдственное. Безпристрастная исторія спроситъ, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, оно было составлено, кто были слѣдователи? На него подавалъ жалобу Тредьяковскій—и кого не заставляли подавать на него жалобы! доносили и крѣпостные люди его, бѣлые и арапченки, купленные или страхомъ наказанія или денежною наградой. Въ послѣдствіи одинъ сильный авторитетъ, передъ которымъ должны умолкнуть всѣ другіе, читавшій дѣло, на которое указываетъ Пушкинъ, авторитетъ, умѣвшій различать истину отъ клеветы, оправдалъ память умнаго и благороднаго кабинетъ-министра. Въ моемъ романѣ я представилъ его, какимъ онъ былъ — благороднымъ патріотомъ, и такимъ, какимъ были люди того времени, даже въ высшемъ кругу общества, волокитой, гулякой, буйнымъ, самоуправнымъ.

(2) Все, что̀ сказано мною о Гликѣ, воспитанницѣ его, Паткулѣ, даже Бирѣ и Розѣ, и многихъ другихъ лицахъ моего романа, взято мною изъ Вебера, Манштейна, жизни графа А. Остермана на нѣмецкомъ 1743 года, **Essai critique sur la Livonie par le comte** Bray, Бергмана **Denkmäler aus der Vorzeit**, старинныхъ нѣмецкихъ историческихъ словарей, отрытыхъ мною въ библіотекѣ сенатора графа Ѳ. А. Остермана, драгоцѣнныхъ рукописей канцлера графа И. **А.** Остермана, которыми я имѣлъ случай пользоваться, и наконецъ изъ устныхъ преданій маріенбургскаго пастора Рюля и многихъ другихъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили главныя дѣйствія моего романа.

Что́ касается до защиты Пушкинымъ Тредьяковскаго, источникъ ея, конечно, проистекалъ изъ благороднаго чувства; но смѣю сказать, взглядъ его на тогдашнюю эпоху былъ одностороненъ... Признаюсь, когда я писалъ «Ледяной Домъ», я еще не зналъ умилительнаго донесенія Василія Кириловича академіи о *причиненныхъ* ему *безчестіи* и *увѣчьи*. *По истинѣ* Волынскій поступилъ съ нимъ жестоко, пожалуй, безчеловѣчно — прибавить надобно, если все то правда, что̀ въ донесеніи написано. Но этотъ поступокъ мелочь передъ тѣми дѣлами, которыя тогда такъ широко и ужасно разыгрывались... Чтожь дѣлать? И я крайне скорблю о несчастіи бѣднаго стихотворца, еще болѣе члена академіи де-сіянсъ, которому, можетъ быть, мы обязаны нѣкоторою благодарностію; но отъ уваженія къ его личности да избавитъ меня Богъ! И я негодую на безчеловѣчный поступокъ Волынскаго, но все таки уважаю его за полезныя заслуги отечеству и возвышенныя чувства въ борьбѣ съ несчастіемъ... Увы! сожалѣніямъ и негодованіямъ не будетъ конца, если къ самоуправству надъ Тредьяковскимъ кабинетъ-министра присоединить всѣ оскорбленія, которыя сыпались на голову Василія Кириловича. Грубые нравы того времени, на которые указываетъ самъ Пушкинъ—хотя въ другихъ отношеніяхъ и несправедливо—и, прибавить надобно, унизительная личность стихокропателя поставили его въ такое мученическое положеніе. Если тогда обращались такъ дурно съ людьми учеными, образованными въ Парижѣ, писавшими даже французскіе стишки; если въ то время—вспомните, что это было слишкомъ за сто лѣтъ—князья не считали для себя унизительною должность оффиціальнаго шута, негодуйте сколько угодно на людей, поступавшихъ такъ жестоко и такъ унижавшихъ человѣчество; но вмѣстѣ съ тѣмъ вините и время (1). Негодуйте, если хотите, и на самого писателя, что онъ былъ человѣкъ, какъ и вся раболѣпная толпа, его окружавшая, человѣкъ малодушный, не возвысившійся надъ нею ни на одинъ вершокъ. Но—на *нѣтъ* и суда нѣтъ! Зачѣмъ же дѣлать его благороднымъ, возвышеннымъ мученикомъ? Да и

(1) Прочтите «Семейную Хронику» (Аксакова)—эту живую картину нравовъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія—и особенно (что̀ ближе къ настоящему предмету моему) стр. 99. Это сто́итъ жосткаго обращенія съ Тредьяковскимъ. А время этого происшествія поближе къ намъ!

чьимъ, скажу опять, мученикомъ онъ не былъ?... Неохотно долженъ здѣсь привести разказъ о томъ, какъ унижали бѣднаго Тредьяковскаго и другіе, кромѣ Волынскаго. Привожу здѣсь этотъ разказъ, потому что отъ меня требуютъ доказательствъ... Вотъ слова Нв. Вас. Ступишина (лица, весьма значительнаго въ свое время и весьма замѣчательнаго), умершаго девяностолѣтнимъ старцемъ, если не ошибаюсь, въ 1820 году: «Когда Тредьковскій являлся съ своими одами....., то онъ всегда, по приказанію Бирона, ползъ на колѣняхъ изъ самыхъ сѣней черезъ всѣ комнаты, держа обѣими руками свои стихи на головѣ; такимъ образомъ, доползая до тѣхъ лицъ, передъ которыми долженъ былъ читать свои произведенія, дѣлалъ имъ земные поклоны. Биронъ всегда дурачилъ его и надсѣдался со смѣху.» Не смотря на увѣчья, отъ которыхъ Тредьяковскій ожидалъ себѣ кончины и которыя просилъ освидѣтельствовать, отказался ли онъ писать дурацкіе стихи на дурацкую свадьбу? Нѣтъ, онъ все таки написалъ ихъ и даже прочелъ, вставъ съ одра смерти.

Свищи, весна! свищи, красна!

восклицаетъ онъ въ жару піитическаго восторга, и наконецъ повершаетъ свое *Сказаніе* такими достопамятными виршами:

Здравствуйте жъ женившись, дуракъ и дурка!
Еще — то-то и фигурка!

Посмотрите, какъ Тредьяковскій жалуется. «Размышляя, говоритъ онъ въ рапортѣ академіи, о моемъ *напрасномъ* безчестіи и увѣчьи (за дѣло ничего бы?), раздумалъ по утру, избравъ время, *пасть въ ноги* къ Его Высокогерцогской Свѣтлости и пожаловаться на Его Превосходительство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ Его Высокогерцогской Свѣтлости по утру и ожидалъ времени *припасть къ его ногамъ*...» И въ доношеніи графу Разумовскому тоже «*слезно припадаетъ къ ногамъ его*».

Если Пушкинъ приписываетъ духу времени и нравамъ народа то, въ чемъ они совсѣмъ неповинны, что̀ никогда не могло быть для нихъ потребностью, почему жь не сложить ему было на духъ и нравы того времени жестокаго поступка Волынскаго съ кропателемъ стиховъ, который сдѣлался общимъ посмѣяніемъ? Развѣ это жестокое обращеніе, однажды совершенное, тяжелѣй (не говорю больнѣй) того униженія, въ ко-

торомъ влачилъ его безпрестанно другой мучитель его? Развѣ потому легче это униженіе, что оно подслащалось нѣкоторыми *эмульціями* покровителя? Къ тому жь, если винить одного, зачѣмъ оправдывать другаго, на тѣхъ же данныхъ, въ дѣлахъ, болѣе вопіющихъ? ..

Вопросъ другой: долженъ ли я былъ помѣстить Тредьяковскаго въ своемъ историческомъ романѣ? — Долженъ былъ. Мое дѣло было нарисовать вѣрно картину эпохи, которую я взялся изобразить. Тредьяковскій драгоцѣнная принадлежность ея, безъ Тредьяковскаго картина была бы не полна, въ группѣ фигуръ ея не доставало бы одного необходимаго лица. Онъ нуженъ былъ для нея, какъ нужны были тутъ Кульковскій, барская барыня, родины козы, дурацкая свадьба, и пр. А если я долженъ былъ помѣстить, то слѣдовало его изобразить, какимъ онъ былъ. Мы привыкли вѣрить, что черное черно, въ жизни ли оно человѣка, или въ его сочиненіяхъ, и не ухищрялись никогда дѣлать его бѣлымъ, не смотря ни на предковъ, ни на потомковъ. Мы привыкли смѣяться надъ топорными переводами и стишками собственной работы Василія Кириловича, какъ смѣялись надъ ними современники; намъ съ малолѣтства затвердили, что при дворѣ мудрой Государыни давали читать ихъ въ наказаніе Говорили мы спасибо Василію Кириловичу за то, что онъ училъ современниковъ слагать стихи и ввелъ гекзаметръ въ русскую просодію. Но и это доброе дѣло можно было легче сдѣлать, не терзая насъ тысячами стиховъ Телемахиды, счетомъ которыхъ онъ такъ гордился, не играя съ нами въ пінтическія жмурки на Островѣ Любви и не работая тридцать лѣтъ надъ переводомъ Барклаевой Аргениды. Но и на добро наложена была, видно, тяжелая рука знаменитаго труженика: гекзаметръ не пришелся по духу и крови русской, не смотря на великіе подвиги, совершенные въ немъ Гнѣдичемъ и Жуковскимъ. По крайней мѣрѣ это мое убѣжденіе.

Упрекали меня, что я заставилъ говорить педанта въ своемъ романѣ, какъ педанта. Въ разговорѣ-де Василій Кириловичъ былъ не таковъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, сказалъ нѣкогда одинъ критикъ, впрочемъ лице, достойно уважаемое за его умъ и ученость, несмотря на парадоксы, которыми оно любитъ потѣшаться. Да ктожь, спрашиваю, слышалъ его разго-

воры? Кто потрудился подбирать эти жемчужины, которыя, мимоходомъ по пути своему, сыпалъ этотъ великій человѣкъ, и сохранить ихъ для потомства? Дайте намъ ихъ во всевѣдѣніе!. Ба, ба, ба! а донесеніе академіи? Передъ нимъ-то вы, конечно, должны преклониться и умилиться. Извините, я и въ донесеніи академіи не вижу ничего, кромѣ рабской жалобы на причиненные побои. Помилуйте, такъ ли пишутъ люди оскорбленные, но благородные, не уронившіе своего человѣческаго достоинства?.. Положимъ еще, что и у Василія Кириловича была счастливая обмолвка двумя стишками и нѣсколькими строчками въ прозѣ: даютъ ли они дипломъ на талантъ, на уваженіе потомства? И дураку удается иногда въ жизни свой умненькое словечко. Такъ и Василью Кириловичу если и удалось разъ написать простенько, не надуваясь, языкомъ какимъ говорили современники, не ужьли всѣ безчисленные памятники его педантизма и бездарности должны уступить единственному клочку бумаги, по человѣчески написанному.

Я распространился о Тредьяковскомъ, потому что съ появленія «Ледянаго Дома» онъ сдѣлался конькомъ, на которомъ поскакали кстати и некстати наши рецензенты. Поломано не мало копій для возстановленія памяти его. Даже, въ одной журнальной статьѣ, написанной въ концѣ великаго 1855 года, поставленъ этотъ подвигъ едва ли не въ самую важную заслугу нашей современной критикѣ. Какъ будто дѣло шло о возстановленіи обиженной памяти, положимъ, Державина, или Карамзина!.. Эта критика махнула еще далѣе. Нарочно для Василія Кириловича изобрѣли новыхъ *историческихъ писателей*, въ сонмъ которыхъ его тотчасъ и помѣстили. Наконецъ, въ утѣшеніе тѣни великаго труженика, добавили, что черезъ сто лѣтъ, именно въ 1955 году, языкъ Гоголя будетъ не лучше того, какимъ для насъ теперь языкъ Тредьяковскаго!.. Изобрѣтатель этой чудной гипотезы подумалъ ли, что безталанный Тредьяковскій писалъ на помѣси какого-то языка, ребяческаго, пожалуй ученическаго, а Гоголь, высоко даровитый писатель,— на языкѣ, уже установившемся, въ полномъ своемъ развитіи и даже образованіи? Подумалъ ли, что нашъ современный языкъ, воспитанный Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ, вступилъ уже въ эпоху своей возмужалости,— имѣетъ *душу живу*, которая не умираетъ?..

Продолжайте, господа, ратоборствовать за непризнаннаго *историческаго писателя*—вамъ и книги его въ руки, хотя бы и въ новомъ, самомъ роскошномъ изданіи!.. А я думаю, что игра не стòитъ свѣчъ, и что пора дать покой костямъ Василія Кириловича, и вживѣ непощаженнымъ. Есть у насъ о чемъ подѣльнѣе и поважнѣе толковать, хотя бъ и по литературѣ. Въ противномъ случаѣ попрошу полнаго *историческаго* и *эстетическаго* разбора всѣхъ сочиненій его...

Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти Пушкина, скажу: оправданіе Бирона почитаю непостижимою для меня *обмолвкой* великаго поэта. Несчастіе быть Нѣмцемъ?.. Напротивъ—для всѣхъ, кто со временъ царя Алексѣя Михайловича посвящалъ Россіи свою службу усердно, полезно и благородно, никогда иностранное происхожденіе не было несчастіемъ. Могли быть только временныя несправедливости противъ нихъ. Въ доказательство указываю на Лефорта, на барона, въ послѣдствіи графа, Андрея Ивановича Остермана, Миниха, Манштейна, Брюса и многихъ другихъ. По неволѣ долженъ высказать здѣсь доводъ, столько разъ высказанный. Отечество наше, занятое столько вѣковъ борьбою съ дикими или неугомонными сосѣдями, для того чтобы приготовить и упрочить свою будущую великую осѣдлость въ Европѣ, стоящее на грани Азіи,—позднѣе другихъ западныхъ странъ озарилось свѣтомъ наукъ. И потому иноземцы, пришедшіе къ намъ поучить насъ всему полезному для Россіи, поступали ли они въ войска, на флотъ, въ академіи, въ совѣтъ царскій, всегда были у насъ приняты и обласканы, какъ желанные и почетные гости. Услуги ихъ, если они были соединены съ истиннымъ добромъ для насъ, всегда награждались и доброю памятью о нихъ. Что жь заслужилъ Бирон отъ народа?—Не за то, что онъ былъ Нѣмцемъ, назвали его время бироновщиною; а народы всегда справедливы въ названіи эпохъ. Чтò касается до великаго ума и великихъ талантовъ его, мы ждемъ имъ доказательствъ отъ исторіи. До сихъ поръ мы ихъ не знаемъ.

Винюсь, я принялъ горячо къ сердцу *обмолвку* Пушкина, особенно на счетъ духа времени и нравовъ народа, и слова, которыя я употребилъ въ возраженіи на нее, были напитаны горечью. Одинъ изъ моихъ пріятелей, прочитавъ мой отвѣтъ, сказалъ, что я не поскупился въ немъ на рѣзкія выраженія,

которыя можно и должно было написать,—только не Пушкину. «Разсердился ли онъ за нихъ?» спросилъ меня мой пріятель.—«Я самъ такъ думалъ, не получая отъ него долго никакого извѣстія,» отвѣчалъ я. Но Пушкинъ былъ не изъ тѣхъ себялюбивыхъ чадъ вѣка, которые свое *я* ставятъ выше истины. Это была высокая, благородная натура. Онъ понялъ, что мое негодованіе излилось въ письмѣ къ нему изъ чистаго источника, что оно бѣжало несдержимо черезъ край души моей, и не только не разсердился за выраженія, которыми другой могъ бы оскорбиться: напротивъ, проѣзжая черезъ Тверь (помнится, въ 1836 году), прислалъ мнѣ съ почтовой станціи слѣдующую коротенькую записку. Какъ увидите, она вызвана одною любезностію его и доброю памятью обо мнѣ.

« Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.—Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство.—Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣсть поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно васъ уважающій
Пушкинъ. »

Записка безъ числа и года. Подпись много порадовала меня: она выказывала добрую, благородную натуру Пушкина; она возстановляла хорошія отношенія его ко мнѣ, которыя, думалъ я, наша перепалка разстроила.

Въ послѣднихъ числахъ января 1837 года пріѣхалъ я на нѣсколько дней изъ Твери въ Петербургъ. 24 и 25 былъ я у Пушкина, чтобы поклониться ему, но оба раза не засталъ его дома.... Нельзя мнѣ было оставаться долѣе въ Петербургѣ, и я выѣхалъ изъ него 26-го вечеромъ....

29-го Пушкина не стало....

Потухъ огонь на алтарѣ!

Лажечниковъ.

ВЪ СВѢТѢ И ДОМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

СЕМЕЙНЫЯ НЕПРІЯТНОСТИ И ЗАБОТЫ.

О поѣздкѣ князя Юрія Андреевича за границу сначала много толковали и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣлая разныя предположенія насчетъ причины, побудившей его уѣхать. Много выдумывалось и говорилось вздору по этому случаю. Но мало по малу всѣ эти разказы и сплетни затихли. Только двѣ-три матушки, у которыхъ еще дочки были не замужемъ, изрѣдка вспоминали объ немъ и вычисляя все его богатство, дѣлали разные планы на случай его возвращенія.

Потомъ вдругъ, черезъ годъ послѣ его отъѣзда, опять прошелъ объ немъ слухъ: говорили, что онъ женится.

— На комъ же? гдѣ и какъ? и когда будетъ свадьба? спрашивали испуганныя маменьки незамужнихъ дочекъ.

— Въ Италіи, въ Венеціи, на примадоннѣ Итальянской оперы, и притомъ скоро.

Сплетни разрослись и умножились: увѣряли, что онъ прожилъ огромныя суммы денегъ, что онъ купилъ великолѣпную виллу гдѣ-то подлѣ Венеціи, на берегу моря, что онъ перемѣняетъ законъ и, что̀ всего хуже, женится, непремѣнно женится на этой пѣвицѣ.

Всѣ эти слухи имѣли нѣкоторое основаніе. Князь точно былъ влюбленъ и способенъ былъ въ это время дѣлать глупости.

Онъ поѣхалъ за границу отъ нечего дѣлать, отъ скуки прокатился по всей Европѣ. Зажился въ Парижѣ, и вдругъ, среди самаго разгара веселія въ этомъ городѣ, уѣхалъ въ Швейцарію. Онъ прошелся по всѣмъ горамъ ея, удивляя проводниковъ своею смѣлостью и неутомимостію, и очутился въ Италіи. Здѣсь онъ остановился и прожилъ болѣе году; въ этой классической землѣ, полной воспоминаній славы и искусства, ему было хорошо; far niente подъ небомъ Италіи среди развалинъ дворцевъ, среди статуй и картинъ—чудесная жизнь. Эта жизнь полюбилась князю, особенно когда любовь украсила ее и сдѣлала полнѣе.

Петербургскія и московскія маменьки не безъ причины безпокоились. Итальянки точно опасныя женщины, а особенно пѣвицы. Венеціанская примадонна совсѣмъ свела съ ума молодаго человѣка своею красотой, своимъ чудеснымъ голосомъ, своимъ искусствомъ. И все это было въ Венеціи, гдѣ самый воздухъ пропитанъ поэзіей, гдѣ каждый шагъ—воспоминаніе и гдѣ хочется остановить какую нибудь прекрасную свѣтлую минуту въ своей жизни, чтобъ послѣ вспоминать объ ней, вспоминая о Венеціи, объ ея мраморныхъ дворцахъ, купающихъ ступени свои въ водѣ каналовъ.

Князь влюбился искренно, глубоко, влюбился въ первый разъ. Онъ думалъ что съ этою любовью онъ сдѣлается другимъ человѣкомъ, способнымъ на все хорошее, и съ ослѣпленіемъ отдался своей страсти. Его обманывали, и онъ долго не понималъ этого; богатый и щедрый, не щадя золота онъ бросалъ деньги, пренебрегая ими и не замѣчая, что только и цѣнились деньги, а не любовь его. Княгиню удивляла его расточительность; пока дѣло касалось только денегъ, она считала недостойнымъ себя и своего сына дѣлать ему замѣчанія, она пересылала ему одну значительную сумму за другой. Но когда до нея дошли слухи объ его страсти, о возможности женитьбы на итальянской актрисѣ, встревоженная не на шутку, она рѣшилась писать къ нему. Отвѣта на это письмо не было; прошелъ мѣсяцъ, другой, княгиня не знала что ей подумать, какъ вдругъ она увидѣла въ газетахъ, что сынъ ея воротился въ Петербургъ до окончанія отсрочки паспорта. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ Воздвиженскомъ. Онъ очень перемѣ-

нился, похудѣлъ; сказалъ, что былъ долго боленъ и оттого не ѣхалъ и не могъ писать. Но о своей любви, о женитьбѣ, онъ не говорилъ и избѣгалъ всякихъ намековъ на это. Казалось ему было непріятно и самое воспоминаніе. Княгиня не напрашивалась на его признаніе, и такъ дѣло это осталось тайной между ними. Только, слѣдя за сыномъ, она замѣчала, что онъ грустенъ и больше прежняго не доволенъ жизнію. Видно было, что онъ обманулся горько въ томъ, на что̀ надѣялся, и что этотъ обманъ бросилъ тѣнь недовѣрчивости на его характеръ. Онъ сталъ скрытенъ и съ этихъ поръ даже матери своей не сталъ повѣрять своихъ чувствъ.

Въ то время, какъ любовь удерживала князя Горбатова въ Италіи, то же чувство отрывало Сашу Озерскаго отъ родной семьи, отъ занятій и общества. Онъ вышелъ изъ университета, но, окончивъ курсъ, не поступилъ на службу; напрасны были всѣ убѣжденія матери, сестры: занятый одною любовью, онъ все забылъ. Онъ былъ влюбленъ по уши, дѣлалъ тысячу глупостей и тратилъ золотое время по пустому, съ тою же пустою и напрасною расточительностію, съ которою бросаютъ деньги богатые молодые купчики, когда по смерти тятеньки они вдругъ заживаютъ по барски. Первая любовь мужчины всегда вырываетъ его изъ роднаго дома, отдаляя отъ родныхъ; это первая попытка на волю, на просторъ. Напрасно Катерина Дмитріевна расчитывала на своего сына какъ на поддержку своихъ силъ, надѣялась въ немъ найдти для себя опору. До тѣхъ поръ, когда это будетъ возможно, много воды утечетъ, а покуда ему самому надо пожить на волѣ, расправивъ молодыя крылья. Онъ оставилъ родное гнѣздо. Онъ рѣдко бываетъ дома, ему скучно съ сестрой, любовь отдалила его отъ нея. Онъ оставилъ даже кругъ знакомыхъ своей матери; въ свѣтѣ говорятъ, что «въ немъ не будетъ проку» и жалѣютъ Катерину Дмитріевну. Увѣщанія ея, смѣшанныя съ упреками за его безразсудное чувство, только ведутъ къ непріятнымъ сценамъ между матерью и сыномъ и вовсе не поправляютъ дѣла. Видя это, Оленька вступается иногда, чтобъ уладить дѣло и уговорить обоихъ, но это ведетъ только къ другимъ непріятностямъ между ею и матерью за брата, и между ею и братомъ за мать.

Характеръ Оленьки перемѣнился теперь, она сдѣлалась се-

ріозніе прежняго, рѣже бываетъ весела; баловъ она уже не любитъ, какъ любила прежде; до́ма у нея много грустнаго ; съ братомъ они разошлись. Она почти всегда одна и часто груститъ и даже скучаетъ. Она давно забыла свою любовь , но вовсе не забыла Невѣрскаго, хотя мало видѣла его и смотрѣла на него уже другими глазами. Она знаетъ, что онъ хорошій человѣкъ и скорѣе чѣмъ кому-нибудь другому при случаѣ ему довѣрится.

Проходитъ другая зима ея въ свѣтѣ, и на лѣто она опять въ Грачевѣ, куда никакъ и не заманишь Сашу.

Невѣрскій въ это время успѣлъ устроить свои дѣла и жизнь его уладилась лучше чѣмъ онъ могъ ожидать. Забывая несбыточную мечту свою о любви къ Оленькѣ, онъ отдался серіозному занятію; не щадя силъ онъ занялся наукой и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ кругу ученыхъ. Черезъ годъ послѣ того какъ его диссертація въ первый разъ заставила говорить объ немъ, онъ получилъ выгодное и хорошее мѣсто въ Одессѣ. Передъ отъѣздомъ прощаясь съ Москвой, онъ вспомнилъ объ Озерскихъ, отыскалъ Сашу въ городѣ, гдѣ онъ жилъ не смотря на лѣтніе жары, и уговорилъ его съѣздить вмѣстѣ на два дня въ Грачево. Ему хотѣлось проститься съ Катериной Дмитріевной, въ послѣдній разъ взглянуть на эту деревню, гдѣ онъ оставилъ столько воспоминаній, и видѣть Оленьку.

Неожиданному пріѣзду молодыхъ людей въ Грачевѣ обрадовались. Невѣрскому были ради, его давно уже не видали, его разспрашивали съ участіемъ объ его мѣстѣ и жалѣли что онъ ѣдетъ такъ далеко; ему было сказано въ душѣ искреннее спасибо и за то, что съ нимъ пріѣхалъ Саша, на этотъ разъ такой-же какъ бывалъ прежде, веселый, добрый. Опять онъ шутилъ съ сестрою , и Катерина Дмитріевна смѣялась его разказамъ. Все было по прежнему въ Грачевѣ, только Оленька говорила съ Невѣрскимъ свободнѣе. Ихъ мысли ближе сходились теперь и не разногласили во всемъ какъ тогда. Они разговаривали о многомъ, понимая другъ друга.

На другой день по пріѣздѣ, Саша ушелъ на охоту ; сестра съ утра подговаривала его къ тому, разказывая , что показались вальдшнепы въ ихъ рощѣ. Оленька выбрала время когда дѣти учились, а ея мать гуляла, и пришла въ бильярдную ожидая встрѣтить тамъ Невѣрскаго. Онъ удивился немного, когда

она подошла къ нему, и положилъ на бильярдъ газету, которую просматривалъ.

— Вы ищете вашего брата? спросилъ онъ; его нѣтъ здѣсь.

— Я это знаю и оттого именно и пришла сюда, отвѣчала она садясь подлѣ Невѣрскаго:—мнѣ хочется поговорить съ вами, Григорій Николаевичъ! я давно придумывала гдѣ-бы мнѣ увидѣть васъ, чтобъ посовѣтоваться съ вами.

— Что́ такое вы хотите говорить? спросилъ онъ удивляясь этому желанію и серіозному выраженію ея лица и голоса.

— Мнѣ хочется вамъ разказать все про Сашу, вы, я знаю, его любите, вамъ можно все повѣрить.

— Что́ же это такое можетъ быть? сказалъ Невѣрскій.

— Развѣ вы не знаете ничего? въ свою очередь спросила Оленька; да правда, гдѣ жь вамъ было узнать! Онъ такъ перемѣнился, и я думаю, думаю и ничего не придумаю, какъ бы ему помочь.

— Да въ чемъ, скажите пожалуста, спросилъ Невѣрскій, вы находите эту перемѣну? Я правда рѣдко видалъ его въ послѣднее время, но сколько я могу судить, мнѣ кажется, что онъ все тотъ же добрый, умный, веселый, лѣнивый, какой былъ прежде.

— Добрый, умный, лѣнивый, повторила Оленька,—даже очень лѣнивый, все это правда; веселый не всегда, по крайней мѣрѣ рѣдко съ нами. Вы можетъ быть не знаете, что для насъ видѣть Сашу стало рѣдкостью? спросила она глядя на Невѣрскаго.

— Я зналъ, что онъ живетъ въ городѣ, зачѣмъ? не знаю. Но неужели онъ не ѣздитъ сюда въ деревню? Здѣсь такъ хорошо теперь!

— На силу можно его заманить иногда на день, и то надо знать, чего это мнѣ сто́итъ всякій разъ. Пишу къ нему письмо за письмомъ, прошу его, упрашиваю. Потомъ я же его извиняю передъ маменькой, хотя сама вижу, что онъ виноватъ; но нельзя же иногда и не вступиться за него. А онъ все таки не ѣдетъ сюда и мнѣ часто приходится выдумывать что нибудь, чтобъ извинить его. Я лгу, чтобъ не вышло непріятностей въ семействѣ, прибавила она съ досадой.

— Но что́ же наконецъ причиной всему этому? спросилъ

Невѣрскій съ непритворнымъ участіемъ. Его поразило выраженіе печали на ея лицѣ.

— Какъ, вы и этого не знаете? Не ужели вы вовсе ничего не слыхали и не знаете даже, что Саша, къ несчастію, уже цѣлый годъ влюбленъ.

Она проговорила эти слова съ такою живостію, что Невѣрскій невольно поднялъ на нее глаза съ удивленіемъ.

— Кажется я слышалъ что-то такое въ этомъ родѣ давно, проговорилъ онъ, вспоминая слышанное, но развѣ это такое большое несчастіе? что за бѣда, что онъ влюбленъ?

— Большая бѣда для него, и для насъ; Саша забылъ своихъ, не думаетъ ни о себѣ, ни о родныхъ, тратитъ время, деньги по пустому, не служитъ, ничего не дѣлаетъ. И если бъ еще его любили, но надъ нимъ смѣется кокетка, она его не любитъ, она только ссоритъ его съ матерью, отдаляетъ его отъ истинныхъ друзей, мучитъ цѣлое семейство. Вотъ какая это бѣда, вотъ какая это любовь!

Онъ опять посмотрѣлъ на нее: она сидѣла съ разгорѣвшимися щеками и говорила о любви съ досадой и горечью. Но она говорила правду, говорила съ чувствомъ, и была хороша въ своемъ негодованіи.

— Вы помните какъ мы всегда были дружны съ братомъ, продолжала она,—теперь Саша никогда почти не говоритъ со мною откровенно, онъ удаляется отъ меня. И когда я сама начну говорить, уговариваю его, онъ меня не слушаетъ, смѣется надо мной или отвѣчаетъ на мои слова, что я не могу его понять, что я ничего не понимаю.— Она высказала все это вдругъ и остановилась только, чтобъ вздохнуть. На глазахъ ея навертывались слезы.—Ахъ если бъ вы знали, какъ все перемѣнилось у насъ въ домѣ, въ этотъ послѣдній годъ! Ни у кого изъ насъ нѣтъ покоя, и всѣмъ, повѣрьте и Сашѣ тоже, грустно. И все это изъ-за чего?

— Изъ-за того, что онъ влюбился некстати, отвѣчалъ Невѣрскій;—жаль мнѣ васъ, жаль конечно, что отъ этого выходятъ непріятности въ семействѣ. Но впрочемъ брата вашего не за что бранить, его нельзя осудить, какъ нельзя и уговорить. Что же дѣлать? молодость. Эта любовь пройдетъ со временемъ, Ольга Павловна, вѣдь все проходитъ на этомъ свѣтѣ.

Она взглянула на него, вспомнивъ прошлое, но тотчасъ же отвернулась.

— Пройдетъ, я знаю, сказала она, но можетъ-быть тогда ему начинать жить будетъ труднѣй, тогда будетъ поздно. Знаете ли вы, что онъ отказался эту зиму отъ двухъ превыгодныхъ мѣстъ на службѣ; одно ему доставляли родные, другое предлагала княгиня Горбатова, и онъ рѣшительно не захотѣлъ, потому что надо было ѣхать изъ Москвы. Они разсердились за отказъ; конечно, это съ его стороны неучтиво было. Вы понимаете, какъ это огорчило маменьку.

Невѣрскій покачалъ головой.

— Жаль, очень жаль мнѣ васъ всѣхъ и хочется побранить Сашу, а по правдѣ сказать не за что: чѣмъ онъ виноватъ?

— И я не браню его, но мнѣ грустно; мнѣ жаль его и маменьку, сказала Оленька, и въ голосѣ ея слышались сдержанныя слезы.—Поговорите съ нимъ, Григорій Николаевичъ, я знаю, что вы его любите, я давно думала объ васъ. Постороннято человѣка онъ скорѣе послушаетъ чѣмъ насъ, а вы съ нимъ старые пріятели; мнѣ кажется, что онъ вамъ скорѣе другаго довѣрится. Поговорите съ нимъ, уговорите его перемѣниться. Вы сдѣлаете доброе дѣло, я надѣюсь на васъ, прибавила она съ жаромъ.

— Ольга Павловна, отвѣчалъ онъ, я буду говорить, только врядъ-ли будетъ польза отъ моихъ словъ, я не надѣюсь.

Слѣдствіемъ этого разговора былъ конечно другой,—разговоръ Невѣрскаго съ Сашей. Почти всю ночь проговорили молодые люди. Невѣрскій старался вывѣдать все обстоятельно, чтобъ лучше сообразить положеніе своего пріятеля; Саша—нехотя сначала, а потомъ и охотно высказалъ ему многое. Но какъ только Невѣрскій сталъ уговаривать его, все краснорѣчіе его оказалось безполезнымъ и не послужило ни къ чему. Онъ говорилъ умно и дѣльно, но какому влюбленному можно втолковать дѣло? На другой день утромъ Невѣрскій встрѣтилъ Оленьку одну опять.

— Мое ожиданіе сбылось, Ольга Павловна, сказалъ Невѣрскій, я говорилъ съ вашимъ братомъ, и разумѣется толку не вышло изъ нашего разговора. Надо вамъ всѣмъ вооружиться терпѣніемъ; когда это пройдетъ, онъ самъ увидитъ, что оши-

бался, и вѣрно примется за дѣло, не станетъ тратить жизнь свою и состоянье по пустому. Потерпите, онъ молодъ, и много времени впереди.

— Потерпите, легко сказать, а каково терпѣть? сказала Оленька:—когда это пройдетъ? Богъ знаетъ; а покуда ни у него, ни у насъ не будетъ покоя, не будетъ тишины въ домѣ, и онъ старшій, онъ, который бы могъ быть подпорой семьѣ, онъ приноситъ въ свою семью только одно горе? Мнѣ больно это говорить даже вамъ, хотя я знаю, что вы его любите и не осудите.

— Послушайте меня, Ольга Павловна, не принимайте все это такъ горячо къ сердцу, сказалъ Невѣрскій улыбаясь слегка, хотя и жаль ему было смотрѣть на ея озабоченное грустное лицо. Право это не такъ ужь важно, какъ вы думаете; онъ потеряетъ годъ, другой; это жаль конечно, но у него много впереди. Всякій молодой человѣкъ въ его лѣта можетъ ошибаться, это должно быть, это даже нужно иногда. Нельзя же ему всегда оставаться по прежнему дома съ вами. Мужчинѣ надо больше свободы. Что за бѣда если онъ ошибется раза два-три: впередъ наука, это ему послужитъ въ пользу, повѣрьте мнѣ. Не огорчайтесь напрасно, смотрите на его ошибки хладнокровнѣе и спокойнѣе, право лучше.

Но и тутъ разумные доводы положительнаго человѣка не послужили въ пользу, и въ другой разъ въ теченіи двадцати четырехъ часовъ ему пришлось испытать безсиліе здраваго смысла, когда онъ сталкивается съ молодою неопытностію и незнаніемъ жизни и хочетъ силой убѣжденія успокоить взволнованное чувство: Оленька не вѣрила, чтобъ самое дурное могло быть иногда полезно въ жизни.

Итакъ Невѣрскій уѣхалъ ни съ чѣмъ, прощаясь грустно съ Грачевымъ и раздумывая въ головѣ своей, что выйдетъ изъ всего этого и когда семейное спокойствіе по прежнему воцарится въ этомъ домѣ между родными, любящими другъ-друга людьми.

Онъ уѣхалъ въ Одессу; онъ принялся за службу съ усердіемъ и жизнь его потекла спокойно, хорошо, удачно, хотя онъ былъ одинъ на свѣтѣ. А Саша почти все лѣто не принимался за службу. Онъ не былъ счастливъ, и ему, какъ князю

Горбатову, эта любовь принесла мало радости, и для него она кончилась обманомъ; у матери его скоплялись новыя заботы; дѣла Катерины Дмитріевны шли довольно дурно. Меньшіе дѣти подростали, надо было заняться ихъ воспитаніемъ; а между тѣмъ Оленькѣ минуло двадцать лѣтъ и будущность ея не была устроена.

— Если я умру, часто думала Катерина Дмитріевна, на кого я ихъ оставлю? Саша молодъ, и что̀ за опора молодой человѣкъ?

И всѣ надежды матери, всѣ мысли ея слились въ одно желаніе, въ одну мечту: пристроить при жизни своей Оленьку. «Она молода, но уже не ребенокъ, думала она, конечно она не богатая невѣста, но за то она хороша собой и можетъ нравиться; если бъ Богъ помогъ ее отдать хорошо за мужъ, я была бы спокойна».

Оленька сама еще не помышляла о замужствѣ, у нея было нѣсколько жениховъ въ эти два года, но они ей не нравились и, такъ какъ мать не настаивала, дѣло каждый разъ кончалось ничѣмъ; она рада была остаться свободной, не задумываясь о своей будущности. Она жила совсѣмъ одна сама съ собой, отдалившись отъ брата по неволѣ. Она много ошибалась въ это трудное для нея время и научилась, хотя не скоро, сознавать свои ошибки и исправлять ихъ постепенно; со временемъ это образовало ея характеръ; онъ сдѣлался гибче и лучше.

ГЛАВА II.

ОПЯТЬ ВЪ ВОЗДВИЖЕНСКОМЪ.

Невѣрскій уѣхалъ въ маѣ; съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ четыре мѣсяца и многое перемѣнилось. Октябрь засталъ въ деревнѣ и Озерскихъ и княгиню Горбатову. Князь Юрій Андреевичъ пріѣхалъ въ Воздвиженское изъ-за границы, въ первыхъ числахъ, и уговорилъ свою мать пожить еще въ деревнѣ. Живя вдвоемъ съ нимъ въ уединеніи, она больше могла наблюдать за сыномъ и скоро замѣтила въ немъ большую перемѣну. Въ характерѣ его показалась апатія, которой прежде вовсе не было въ немъ. Правда и тогда у него не было особенно-

сильной наклонности къ чему нибудь, не было опредѣленнаго занятія; но въ поступкахъ его была вся энергія молодости, онъ брался за дѣло съ увѣренностію, что исполнитъ его, хотя никогда не кончалъ начатаго; онъ пробовалъ свои силы. Теперь онъ ужь и не пробовалъ; казалось, онъ уже не надѣялся найдти счастіе, котораго такъ просило его сердце. Онъ жилъ день за день, лѣниво читая и отдѣляясь совершенно отъ всего, что̀ его окружало.

Княгиня, наблюдая за нимъ, сама становилась съ каждымъ днемъ грустнѣе. Она стала чувствовать, что и ея силы не устоятъ, если онъ не перемѣнится, онъ, для котораго она посвятила всю жизнь свою, онъ, кому сулила она такое блестящее будущее. Часто, оставаясь одна, она прерывала занятіе и думала объ немъ безостановочно цѣлые часы сряду, думала и о себѣ.

Грустныя мысли, отражаясь на лицѣ княгини, придали ему новое озабоченное выраженіе вмѣсто прежняго спокойнаго выраженія гордаго достоинства. Многіе находили, что она постарѣла, что̀ подтверждали бѣлѣющіе волосы, но никто не зналъ ея грусти, развѣ только одно незначащее лице, молчаливая фигура, которая всегда была при ней, старая гувернантка ея сына. Чутьемъ сердца поняла Юлія Ѳедоровна, что княгиня груститъ, что ни она, ни сынъ ея не счастливы, и удивляясь въ душѣ, отчего бы это могло быть, ломала свою голову, чтобъ придумать какъ бы и чѣмъ помочь горю.

Разъ какъ-то вечеромъ, недѣли двѣ послѣ пріѣзда князя, они всѣ трое были вмѣстѣ въ большой гостиной, самой большой комнатѣ дома. Была глухая осень, начиналась вторая половина октября. Погода была холодная, сырая, дождь лилъ ливмя на терассу, вѣтеръ хлопалъ косвенными каплями по стекламъ огромныхъ оконъ. Комната была хорошо натоплена; къ тому же большой каминъ посреди ея главной стѣны, и теперь еще топился, но въ гостиной казалось и холодно, и пусто, и грустно. Княгиня сидѣла за столикомъ, передъ огнемъ, у нея въ рукахъ была книга; на столѣ лежала ея работа и колода картъ. Князь Юрій качался на креслѣ, держа въ рукахъ только что привезенныя изъ Москвы газеты. Юлія Ѳедоровна расположилась на диванѣ нѣсколько поодаль и вязала

очень скоро, молча, поворачиваясь безпрестанно къ клѣткѣ, въ которой попугай, пригрѣтый огнемъ камина, болталъ безъ умолку.

Княгиня давно держала книгу въ рукахъ, не читая ея; она повернула глаза на сына и смотритъ на него пристально, задумавшись и не замѣчая, что сѣренькіе глаза Юліи Ѳедоровны безпрестанно отрываются отъ быстро мелькающихъ спицъ ея вязанья и отъ неугомоннаго попугая, и глядятъ то на нее, то на ея сына. Князь перелистываетъ лѣниво, куритъ и смотритъ сквозь дымъ въ газету; видно, что онъ читаетъ ее отъ нечего дѣлать, и что политика его не занимаетъ. Проходитъ минутъ съ десять, онъ кладетъ газету на столъ матери, подходитъ къ камину и слегка разбиваетъ догорающіе уголья.

— Что́ новаго, Юрій? спросила княгиня.

— Ничего особеннаго, ничего интереснаго! отвѣчалъ онъ, слегка зѣвая:—все идетъ по прежнему; давно уже сказано, что ничего нѣтъ новаго подъ луною, прибавилъ онъ, садясь опять въ кресло и покачиваясь передъ огнемъ.

Нѣсколько догаравшихъ угольевъ вспыхивали слабымъ огонькомъ, освѣщая только внутренность камина. Княгиня взяла газету и стала просматривать ее. Прошло еще минутъ десять молчанія.

— А вотъ я отыскала новость, только не политическую, сказала вдругъ княгиня. И какую еще новость: ты вѣрно не заглядывалъ въ производства?

— Нѣтъ, а́о чт такое? спросилъ онъ.

— А вотъ слушай: третій секретарь посольства нашего въ Константинополѣ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и переводится въ Вѣну, а на мѣсто ею третьимъ секретаремъ назначенъ, кто бы ты думалъ? чиновникъ 10-го класса, Александръ Озерскій. Развѣ это не новость?

— Да, этого нельзя было ожидать, отвѣчалъ князь, и особенно такъ скоро, это рѣдкій случай.

— Рѣдкое счастіе, сказала княгиня.—Кто бы могъ ожидать такого мѣста для этого мальчика, который началъ такъ дурно и еще нынѣшнее лѣто шалилъ и ничѣмъ не занимался. Теперь ему открывается прекрасная карьера.

— Озерскій умный малый, maman, у него хорошія способности.

— Объ этомъ я не спорю, отвѣчала княгиня; но вспомни,

что онъ, какъ вышелъ изъ университета, цѣлый годъ ничего не дѣлалъ; нѣтъ, это особенное счастіе. Когда уже онъ успѣлъ записаться въ министерство и выхлопотать такое мѣсто? Я слышала, что въ августѣ онъ ѣздилъ въ Петербургъ. Должно быть онъ бросилъ свои шалости и дурныхъ товарищей. Я рада за его мать, воображаю, какъ ей должно быть весело теперь, она уже отчаявалась за него.

Князь взглянулъ на свою мать, она замолчала послѣ этихъ словъ и задумалась. Онъ всталъ съ креселъ и началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Дай Богъ Озерскому удачи и успѣха, онъ добрый малый, сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.—Я ему не завидую.

Княгиня обернулась.

— Дай Богъ всякому молодому человѣку удачи въ полезномъ дѣлѣ, отвѣчала она:—если Саша Озерскій точно исправился и примется какъ должно за службу, онъ можетъ быть полезнымъ человѣкомъ со временемъ и возвратитъ потерянное время. Я рада за него и за Катерину Дмитріевну, прибавила она.

Она подумала, что сыну ея стало досадно при мысли, что всѣ, кромѣ него, находятъ себѣ занятіе въ жизни, и прибавила:—Тебѣ нечего завидовать ему, Юрій; ты можешь самъ начать ту же службу или выбрать другое, что̀ захочешь. У тебя не одна дорога впереди и время тоже не ушло.—Говоря эти слова, она взглянула на него вопросительно.

Онъ обернулся и сказалъ:

— Я ему не завидую, маменька, я уже сказалъ это, и еще повторяю.

«Почему? подумала она: потому ли, что ты ничего не хочешь, или знаешь что тебѣ легко достать то, что̀ другому трудно?» подумала, но не спросила, зная, что онъ не будетъ отвѣчать прямо.

Онъ опять сталъ ходить по комнатѣ, и она молчала, не находя что̀ говорить, а попугай болталъ безъ умолку все громче и громче, оживляясь при звукѣ своего собственнаго крикливаго голоса, который наводилъ тоску. И дождь лилъ по террассѣ, спицы въ рукахъ Юліи Ѳедоровны стучали ровно отъ скораго вязанья, и было пусто, и холодно, и грустно въ большой гостиной.

Князь скоро ушелъ потихоньку къ себѣ въ кабинетъ. Княгиня нѣсколько времени еще сидѣла съ газетами въ рукахъ, потомъ положила ихъ въ сторону, взяла со столика карты и стала раскладывать гранъ-пасіансъ, стараясь уложить въ порядокъ свои мысли, какъ раскладывала машинально карты. Но непокорныя мысли не улегались какъ карты. Княгиня такъ привыкла къ молчаливому обществу старой нѣмки, что почти не замѣчала ея присутствія и рѣдко говорила съ нею. Юлія Ѳедоровна обыкновенно не рѣшалась заговорить первая, и онѣ часто по цѣлымъ часамъ сиживали вдвоемъ молча. Но въ этотъ вечеръ, какъ только начался гранъ-пасіансъ, въ гостиной вдругъ раздался голосъ старой нѣмки.

— Княгиня, сказала она не очень рѣшительно, позвольте мнѣ вамъ подать одинъ совѣтъ, то есть, не то чтобы совѣтъ, я не такъ выразилась, извините меня, а только сказать вамъ, что̀ я придумала.

— Что̀ такое? скажите пожалуста, Юлія Ѳедоровна, отвѣчала княгиня, положивъ карты и обращая немного-удивленные глаза свои на старую дѣвушку.

— Мнѣ кажется... извините меня, княгиня, право я не знаю, понравится ли вамъ, что̀ я скажу... но вы знаете какъ я люблю васъ и князя, я день и ночь думаю объ васъ... право я не знаю какъ вамъ разказать, что́ я придумала... и она смѣшалась и замялась отъ непривычки передавать свои мысли.

— Говорите, Юлія Ѳедоровна, что̀ бы вы ни думали, пожалуста скажите мнѣ, сказала княгиня ласковымъ голосомъ, приходя еще въ большее удивленія. Право мнѣ очень хочется слышать, что́ вы для насъ придумали: говорите же, я васъ прошу.

— Мнѣ кажется, княгиня, князю пора жениться, разомъ выговорила Юлія Ѳедоровна, рѣшившись высказать свою мысль. Княгиня улыбнулась.

— Почему вы это думаете? спросила она ее.

— Да вотъ видите, княгиня, я замѣчаю, что онъ все скучаетъ и вы тоже иногда не веселы; а была бы у него молодая княгиня, онъ бы, мнѣ кажется, сталъ веселѣе, были бы дѣти, и въ домѣ было бы не такъ тихо, не такъ скучно въ Воздвиженскомъ, и вы бы порадовались смотря на его счастье. Мнѣ такъ кажется, княгиня, я не знаю, можетъ быть оно не

такъ, вы лучше знаете, прибавила она смѣшавшись отъ страннаго взгляда княгини и боясь возраженія.

Но княгиня ничего не возражала, она думала сама: «точно не лучше ли бы это было»? и взглядъ ея, разсѣянно бродившій пока она объ этомъ думала, смутилъ Юлію Ѳедоровну.

— Онъ еще молодъ, проговорила она наконецъ, думая вслухъ, ему жить долго, еще пожалуй наскучитъ ему семейная жизнь, онъ всѣмъ скучаетъ. Жениться Юрію теперь? нѣтъ, еще рано. Надо что нибудь другое для него придумать, надо дѣло, занятіе.

«А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ семейное счастіе, радость въ домѣ, привязали бы его къ жизни и придали бы ему охоту, силу для того, что̀ въ ней достается трудомъ,» подумала она про себя и стала опять раскладывать пасіансъ, разсуждая сама съ собою, между тѣмъ какъ Юлія Ѳедоровна опять молча вязала изо всѣхъ силъ, стуча своими костяными спицами.

И мысли княгини стали ложиться ровнѣе и спокойнѣе въ ея головѣ, и въ воображеніи ея стали рисоваться картины домашней жизни. Молодая женщина, дѣти съ ихъ шумомъ, смѣхомъ и играми, оживили бы эту комнату. Княгиня посмотрѣла вокругъ себя. «Въ ней не было бы такъ скучно и пусто тогда», подумала она, и въ головѣ ея стала прокрадываться уже новая мысль: на комъ бы женить Юрія?

«Мой сынъ можетъ выбрать, думала она: за него пойдутъ съ радостію». И въ умѣ своемъ она стала перебирать всѣхъ знакомыхъ дѣвушекъ, разумѣется начиная съ самыхъ знатныхъ и хорошихъ. Петербургскія свѣтскія дѣвушки, московскія красавицы, нарядною толпой хорошенькихъ молодыхъ женскихъ лицъ проходили медленно въ умѣ старой матери богатаго жениха, вызванныя ея воображеніемъ. На каждую изъ нихъ она глядѣла безпристрастно, даже строго, осматривая и мысленно произнося надъ ней свое сужденіе, но ни одной не выбрала для своего сына. Ни одной изъ нихъ она не знала столько, чтобъ отъ полноты сердца пожелать назвать ее дочерью и повѣрить ей счастіе того, чье счастіе ей было всего дороже.

«Надо мнѣ будетъ побольше замѣчать ихъ, присмотрѣться къ нимъ поближе, сказала она себѣ въ заключеніе. Но вечеръ прошелъ незамѣтно для княгини съ этими мыслями.

ГЛАВА III.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ.

Въ Грачевѣ стало веселѣе въ эти послѣдніе три мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ Саша перемѣнился. Вся семья обрадовалась, когда онъ получилъ мѣсто. За лѣто Саша остепенился, прошла его безумная любовь: онъ обжегся, и сталъ умнѣе.

Оленька тоже стала веселѣе; не было больше споровъ и непріятныхъ сценъ въ семьѣ; Саша часто бывалъ въ Грачевѣ, и тѣмъ чаще, чѣмъ ближе подходили къ концу приготовленія его къ отъѣзду. Послѣдній мѣсяцъ онъ почти безвыѣздно провелъ въ деревнѣ, и въ эти дни, особенно братъ съ сестрой, опять сошлись по прежнему.

— Ужь какъ мнѣ хотѣлось, чтобы ты началъ служить, сказала однажды Оленька, сидя съ братомъ послѣ обѣда у камина; — какъ мнѣ хотѣлось чтобъ тебѣ вышло хорошее мѣсто, а вотъ теперь, когда мое желаніе сбылось, право стыдно признаться, почти хочется, чтобъ этого не было.

— Это всегда такъ, отвѣчалъ Саша, мнѣ и самому не хотѣлось бы уѣзжать. Что-то будетъ съ нами черезъ годъ? спросилъ онъ вдругъ, задумчиво глядя на разгорѣвшійся ярко огонь.

— Что будетъ? Богъ знаетъ, отвѣчала она; ты будешь въ Константинополѣ. Какъ странно подумать! до сихъ поръ мнѣ трудно привыкнуть къ этой мысли. Но тогда черезъ годъ и я къ ней привыкну, и всѣ мы, и ты тоже, прибавила она веселѣй, стараясь ободрить его и себя; ты въ годъ сколько всего насмотришься, сколько людей однихъ увидишь, узнаешь разныхъ Турокъ и посланниковъ всякихъ. Смотри, Саша, пиши почаще.

— А ты выйдешь за мужъ, сказалъ онъ глядя ей въ лицо.

— За мужъ выйду, да за кого же? спросила она.

— За кого? За кого нибудь; разумѣется за порядочнаго человѣка, который бы стоилъ тебя.

— Я вовсе не думаю объ этомъ, Саша, и не сбираюсь выходить за мужъ.

— Это отчего? Чтожь, тебѣ въ монастырь хочется? или ты хочешь остаться старой дѣвушкой? Заведи тогда собачку и

купи себѣ табакерку съ незабудкой. Какъ мило! ты старая дѣвушка!

И братъ съ сестрой оба разсмѣялись.

— Право, Саша, безъ шутокъ, я вовсе и не думаю о замужствѣ.

— Да отчего же?

— Оттого, что мнѣ никто не нравится.

— Отчего такая немилость? ужь будто никто тебѣ понравиться не можетъ?

— Я не знаю, что̀ будетъ, а покуда никто мнѣ не нравится. Всѣ молодые люди, которыхъ я знаю... я буду съ ними танцовать и говорить на балахъ, но выйдти за мужъ за кого нибудь изъ нихъ... нѣтъ, Богъ съ ними, не пойду.

— Я и самъ не знаю за кого бы я желалъ, чтобъ ты вышла, сказалъ Саша, помолчавъ и подумавъ съ минуту.

— Маменька иногда со мною и объ этомъ споритъ, продолжала Оленька: — она говоритъ, что я слишкомъ горда, что я разборчивая невѣста, но это право не отъ гордости. За мужъ выйдти, это не то что̀ поѣхать на балъ: встрѣтились, потанцовали и прощай. Надо любить, надо уважать человѣка, съ которымъ будешь жить цѣлую жизнь, а эти франты, которыхъ я вижу на балахъ, съ ними можно только польку танцовать, да болтать о пустякахъ.

— Ну не всѣ же они такіе пустые, Ольга, полно, есть и хорошіе и умные люди между ними.

— Есть конечно и можетъ быть гораздо умнѣе меня; съ этими я рада говорить по цѣлымъ часамъ или слушать, что̀ они говорятъ; но любить-то никого изъ нихъ я не люблю, вотъ въ чемъ дѣло.

— Придетъ время полюбишь кого нибудь, а можетъ быть и безъ любви выйдешь за мужъ, вѣдь не всегда въ любви счастіе?

— Можетъ быть, отвѣчала Оленька, но въ глазахъ ея не выражалось убѣжденія.

— Любовь проходитъ, Оленька, продолжалъ ея братъ, я это знаю по опыту. Но зачѣмъ говорить о томъ что̀ прошло и проходитъ, лучше мечтать о томъ что̀ будетъ, что̀ еще впереди у насъ. И я мечтаю о твоей свадьбѣ, мнѣ непремѣнно хочется, чтобы ты вышла за мужъ. Выходи, выходи за мужъ, и я пріѣду на свадьбу изъ Константинополя.

Въ это время изъ залы вошла Катерина Дмитріевна; она держала въ рукахъ распечатанную записку.

— Вы здѣсь оба, дѣти? спросила она, а я васъ искала на верху, чтобъ показать вамъ эту записку. Княгиня Наталья Дмитріевна Горбатова узнала, что мы еще въ деревнѣ, и зоветъ насъ къ себѣ обѣдать въ Воздвиженское, въ воскресенье. Это послѣдній ея пріемный день, она скоро ѣдетъ на зиму въ Петербургъ. Она поздравляетъ тебя съ твоимъ назначеніемъ, Саша, и говоритъ, что лучшаго мѣста не желала бы для своего сына. Онъ пріѣхалъ изъ-за границы и тоже тутъ въ Воздвиженскомъ. Я пойду отвѣчать княгинѣ, прибавила она уходя назадъ черезъ залу.

Саша взглянулъ на сестру и засмѣялся весело.

— Вотъ тебѣ и женихъ, Оленька!

— Кто такой? спросила она.

— Князь!

— Какой князь?

— Князь Юрій Андреевичъ Мавринъ-Горбатовъ!

— Какой вздоръ, Саша.

— Чѣмъ же вздоръ? ужь если онъ не женихъ, то я не знаю кого тебѣ еще надо: хорошъ собою, знатный, богатый, молодой, умный, чегожь тебѣ еще?

— Саша, я о князѣ слава Богу не думаю, а онъ еще меньше обо мнѣ. Князь богатъ, очень богатъ, а я не богатая невѣста. Княгиня, его мать, не пожелала бы и не позволила этого, она горда, а я можетъ быть болѣе горда, и не пошла бы за него противъ ея воли. Да что́ и говорить? это просто вздоръ! откуда тебѣ такія мысли приходятъ?

— Очень бы было хорошо, отвѣчалъ Саша, право хорошо и не потому только, что онъ богатъ; я порадовался бы, еслибъ ты, Оля, была княгиня Горбатова.

— А покуда я еще не княгиня и не желаю перемѣнить фамилію, я очень желаю перемѣнить разговоръ, сказала Оленька. И разговоръ перемѣнился.

Въ воскресенье, по мелкому осеннему дождю, который моросилъ съ самаго утра, нѣсколько каретъ повернули въ аллею, ведущую въ Воздвиженское. Кой-кто изъ Москвы, а нѣкоторые запоздалые еще изъ подмосковныхъ, съѣзжались къ княгинѣ

обѣдать. Карета Озерскихъ послѣдняя въѣхала въ паркъ. Оленька глядѣла въ открытое окно на высокія темныя сосны и березы подлѣ дороги, которыя качали тихонько безлистными теперь вѣтвями. Катерина Дмитріевна безпокоилась, боясь опоздать. Мысли Саши были очень далеко, въ Константинополѣ: время разлуки съ семьей и родиной приближалось, онъ часто вспоминалъ объ этомъ и думалъ о своей будущности. Мысли Оленьки были гораздо ближе; невольно наведенная на это вчерашнимъ разговоромъ съ братомъ, она думала о Воздвиженскомъ и о его владѣтеляхъ. Ей нравилось Воздвиженское. Было что-то доконченное, цѣльное, въ этомъ богатомъ имѣніи, что-то похожее на характеръ самой княгини, какъ его угадывала Оленька.

« А князь, что́ онъ за человѣкъ?» думала она, между тѣмъ какъ по ровной дорогѣ карета катилась скорѣе, и занятые своими мыслями, мать и братъ ея съ нею не разговаривали. Она знала его очень мало, помнила только его лице и хорошія свѣтскія манеры. Перемѣнился ли онъ? — И воображеніе дѣвушки бѣгло нарисовало ей разные характеры, которые, казалось ей, шли къ наружности князя. Эти мысли проводили ее до крыльца, къ которому подъѣхала карета.

Въ той же большой гостиной, гдѣ за недѣлю передъ тѣмъ было такъ пусто и скучно, теперь собралось нѣсколько человѣкъ около хозяйки. Она сидѣла опять передъ каминомъ, рядомъ съ другою дамой; нѣсколько мужчинъ стояли и сидѣли подлѣ нихъ, и общій, оживленный разговоръ придавалъ веселый видъ небольшому кружку. Гостиная княгини не казалась такъ велика, какъ она была въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что смеркалось и свѣтъ дневной мѣшался съ отблесками огня изъ камина, давая комнатѣ самое неопредѣленное освѣщеніе.

— Который князь? узнаю ли я его? думала Оленька, проходя вслѣдъ за своею матерью по комнатѣ, между тѣмъ какъ сидѣвшіе мужчины встали съ своихъ мѣстъ при ихъ входѣ.

Оленька сейчасъ же узнала князя, потому что онъ мало измѣнился, и также по сходству его съ матерью. Но отчего это сердце ея забилось вдругъ такъ сильно, такъ неровно при взглядѣ на это лице? И что́ такое было въ нѣсколькихъ пустыхъ словахъ, которыя онъ сказалъ ей, подойдя къ ней, что

она такъ смѣшалась и покраснѣла? Она опять вспомнила слова брата, и ей стало досадно на себя : надо ей было всей силы свѣтской привычки, чтобъ найдти что́ отвѣчать ему, чтобъ скрыть свое глупое замѣшательство. Князь отошелъ отъ нея, и это странное впечатлѣніе изчезло совершенно.

Обѣдъ у княгини былъ очень веселый. Сошлось нѣсколько умныхъ людей, всѣ почти хорошіе знакомые: разговоръ не прерывался, переносясь отъ одного предмета къ другому. Подали шампанское, княгиня предложила здоровье отъѣзжающаго Саши, всѣ поздравили его съ назначеніемъ, хвалили его мѣсто, много говорили о Константинополѣ, о службѣ и политикѣ.

Оленьку велъ къ обѣду баронъ Вальроде, одинъ изъ всего общества, съ которымъ ей пришлось знакомиться въ этотъ день. Княгиня представила его Катеринѣ Дмитріевнѣ и ей, какъ своего дальняго родственника, недавно пріѣхавшаго изъ Курляндіи. Баронъ былъ не молодъ, не глупъ и страшный говорунъ. Онъ очень много путешествовалъ, былъ въ Америкѣ, въ Египтѣ, охотно разказывалъ обо всемъ что́ видѣлъ и съ перваго раза казался очень занимательнымъ человѣкомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, пустыхъ по себѣ, но много видѣвшихъ или читавшихъ, которые, пока не познакомишься съ ними покороче, кажутся гораздо умнѣе чѣмъ они есть. Въ свѣтѣ такіе люди почти необходимы; они поддерживаютъ разговоръ, и если надоѣдаютъ подъ-часъ, за то часто разказами своими разгоняютъ общую скуку. Баронъ Вальроде былъ къ тому же еще новое лице, его почти никто не зналъ; сама княгиня, которой онъ приходился внучатнымъ братомъ, мало знала его, не видавши его съ дѣтства. Одинъ князь Юрій, встрѣтивъ его въ Италіи, часто видѣлся съ нимъ тамъ, и баронъ успѣлъ уже надоѣсть ему : онъ его понялъ, узнавши покороче.

Разговоръ барона съ его хорошенькою сосѣдкой не прерывался ни на минуту во время обѣда. Онъ разказывалъ ей о чужихъ краяхъ, о своихъ путешествіяхъ, о современныхъ открытіяхъ; она слушала его со вниманіемъ. Изрѣдка только голова ея невольно поворачивалась на конецъ стола, гдѣ сидѣлъ хозяинъ; она старалась вслушаться въ его голосъ, который перемѣшивался съ знакомымъ голосомъ Саши; не слушая сво-

его разказчика, она ловила издали только отдѣльныя слова, безъ значенія. Что́ же привлекало ея вниманіе? Она сама не понимала, но не могла преодолѣть себя. Послѣ обѣда хозяйка уговорила Катерину Дмитріевну сыграть партію въ ералашъ; съ ними сѣли двое немолодыхъ мужчинъ; третья дама помѣстилась подлѣ играющихъ, глядя въ карты своего мужа. Оленька, поговоривъ немного съ Юліей Ѳедоровной, помѣстилась посреди комнаты у круглаго стола, на которомъ лежали кипсеки и книжки съ видами Италіи и Швейцаріи. Баронъ сѣлъ подлѣ нея, продолжая свои разказы и изрѣдка показывая на гравюрахъ мѣсто дѣйствія; она перелистывала лѣниво; князь съ ея братомъ ушли курить въ библіотеку. Скоро однако они воротились въ гостиную и подошли къ столу, гдѣ Оленька сидѣла съ барономъ.

Рядомъ съ нею былъ пустой стулъ.

— Вы позволите мнѣ сѣсть подлѣ васъ и послушать что́ вамъ разказываетъ съ такимъ жаромъ мой почтенный дядюшка, спросилъ князь у Оленьки, между тѣмъ какъ Саша помѣстился около разказчика и взялъ альбомъ разглядывать.

Баронъ былъ старый холостякъ и молодился. Ему не понравилось, что князь назвалъ его почтеннымъ дядюшкой при молодой дѣвушкѣ, которой не были извѣстны его года. Ему было тѣмъ обиднѣе, что князь, котораго онъ не слишкомъ любилъ за то, былъ молодъ и скорѣе его могъ нравиться; но, какъ человѣкъ свѣтскій, онъ скрылъ свою досаду.

— Вы приходите очень кстати, сказалъ онъ: — мы говорили про вашу старую знакомую, Венецію.

— Какая же старая знакомая? я ее видѣлъ прошлую зиму и весной.

— Ну, такъ хорошая знакомая, короткая знакомая, какъ хотите, только все знакомая и любезная вамъ Венеція, отвѣчалъ баронъ, улыбаясь и дѣлая значительныя ударенія на каждое слово. — Городъ полный пріятныхъ воспоминаній для васъ, князь Юрій!

— Что́ можно сказать новаго о Венеціи, объ Италіи? спросилъ князь, не обращая вниманія на насмѣшливыя слова.

— Можно вспоминать объ нихъ, какъ обо всемъ. я думаю, что́ мы видѣли хорошаго, отвѣчала Оленька.

— Да, вспоминать конечно...

— Понравилось-ли вамъ за границей? Вы, кажется, долго прожили тамъ, спросила Оленька у князя.

— Почти два года. Да, сначала мнѣ нравилась безпрерывная перемѣна мѣста.

— А потомъ наскучило, какъ слѣдуетъ, перебилъ баронъ.

— Нѣтъ, не то чтобы наскучило; но я былъ боленъ, захотѣлось домой. А вы въ эти два года выѣзжали въ свѣтъ и кажется привыкли къ нему и совсѣмъ съ нимъ примирились, сказалъ онъ Оленькѣ.

Она засмѣялась. — Вы не забыли этого?

— Откуда берется у дѣвушекъ эта странная боязнь свѣта, который долженъ бы кажется манить ихъ своими удовольствіями? спросилъ Вальроде.

— Отъ робости, я думаю, отвѣчала Оленька.

— И отъ гордости немножко, прибавилъ князь. — А скорѣй всего, продолжалъ онъ, оттого что все незнакомое представляемъ мы себѣ въ преувеличенномъ видѣ. Вотъ почему свѣтъ, къ которому готовятъ дѣвушку съ дѣтства, и о которомъ ей столько говорятъ, она воображаетъ себѣ по своему и боится заранѣе, сама не зная чего.

— А за то какъ скоро онѣ свыкаются съ нимъ, и какъ онъ дѣлается для нихъ необходимъ! замѣтилъ баронъ.

— Я не могу этого сказать, отвѣчала Оленька.

— Будто вы не привыкли къ свѣту? полноте! я не повѣрю, чтобы вы по прежнему боялись выѣзжать, сказалъ ей князь.

— Ахъ, нѣтъ! я не то говорю, отвѣчала она, я привыкла уже къ свѣту, и эта глупая боязнь проходитъ у всѣхъ очень скоро. Но я говорю, что съ свѣтскою жизнію не всякій свыкается, не всякій характеръ годится для нея.

— Отъ жизни свѣтской отрываютъ другія занятія, болѣе серіозныя: насъ мужчинъ служба, дѣла, напримѣръ, сказалъ баронъ, а васъ что же? Для васъ созданы эти удовольствія, вы должны ихъ любить по неволѣ и пользоваться ими.

— А насъ отъ баловъ отрываетъ домашняя жизнь, наши родные и наши занятія, все что̀ мы любимъ и находимъ дома. Право не надо много ѣздить по балamъ, чтобъ увидѣть, что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, сказала серіозно Оленька,

глядя на барона и стараясь отгадать, отчего онъ не понимаетъ ея мысли.

— Хорошо, еслибъ всѣ такъ думали какъ вы, сказалъ князь, но бо́льшая часть думаетъ напротивъ, что въ свѣтѣ только и жизнь.

Этимъ кончился разговоръ. Барону онъ не нравился; онъ опять началъ разказывать, припутывая князя и припоминая вмѣстѣ съ нимъ разные случаи изъ своихъ путешествій. Оленька слушала обоихъ, но охотнѣе разказы князя. Онъ говорилъ меньше и рѣже, но въ его разказахъ было что-то свое, особенное, была его собственная мысль или сужденіе. Разговоръ ихъ, въ который вмѣшался также Саша, сдѣлался оживленнымъ. Княгиня, сидя за картами на концѣ комнаты, нѣсколько разъ поворачивала голову въ ту сторону, откуда слышались ихъ голоса; голосъ ея сына показался ей веселѣе обыкновеннаго.

— Онъ вспомнилъ о своемъ путешествіи, подумала она, вслушавшись въ его слова: — что нибудь да было тамъ въ Италіи...

Часу въ восьмомъ Катерина Дмитріевна кончила партію и скоро потомъ уѣхала.

По возвращеніи Оленька была разсѣянна весь вечеръ. Ея разговоръ дома съ братомъ не ладился, хотя Саша былъ веселъ подъ впечатлѣніемъ пріятно проведеннаго дня.

Среди какого-то разказа объ обществѣ въ Воздвиженскомъ, Саша вдругъ остановился глядя на сестру, и сказалъ съ улыбкою:

— Ахъ, Ольга, я позабылъ спросить тебя, какъ тебѣ нравится князь Горбатовъ?

— Не все-ли равно тебѣ, понравился онъ мнѣ или нѣтъ? отвѣчала нехотя Оленька.

— Какъ же, развѣ ты забыла, что я тебѣ предлагалъ его въ женихи, помнишь намедни?

Она промолчала.

— Мнѣ онъ очень нравится, продолжалъ Саша,—онъ можетъ всякому нравиться. Скажи, Оленька, пошла бы ты за него? спросилъ онъ опять прямо.

— Глупости, Саша, отвѣчала она серіозно, зачѣмъ ты это говоришь? Ты знаешь, что это невозможно, что этого никогда не будетъ?

Говоря это, она вышла изъ комнаты, между тѣмъ какъ на сердцѣ у нея тайный голосъ вторилъ Сашѣ, который спросилъ ее въ слѣдъ: «почему-же невозможно?»

ГЛАВА IV.

РАЗСТАВАНЬЕ.

Съ приближеніемъ дня отъѣзда Саши, въ Грачевскомъ домѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе, и попытки Саши развеселить мать и сестру не удавались. По вечерамъ долѣе прежняго сидѣли братъ съ сестрой вмѣстѣ и говорили, говорили безъ умолку цѣлые часы сряду. Часто ночью, входя тихонько въ спальню матери, боясь разбудить ее, Оленька заставала ее молившуюся передъ образомъ. Она молилась за отъѣзжающаго сына и плакала, и долго потомъ не спали ни мать, ни дочь, лежа тихо въ постели и стараясь обмануть другъ друга.

Наконецъ Саша рѣшился прекратить семейное горе, разомъ уѣхать. Онъ взялъ подорожную и объявилъ всѣмъ своимъ, что ѣдетъ непремѣнно завтра. Поплакали, погоревали и стали укладывать послѣднія вещи. Не одна слеза бѣдной матери упала въ чемоданъ, который она сама непремѣнно хотѣла уложить, и по яркимъ веселымъ цвѣтамъ дорожной сумки, которую вышивала Оленька, не разъ какъ свѣтлая роса капали слезы дѣвушки. И теперь, въ этотъ вечеръ, облокотясь на эту сумку, пока Катерина Дмитріевна укладывала разныя вещи въ necessaire, она плакала потихоньку, разговаривая съ братомъ.

— Полно, Оля, ты все плачешь, сказалъ онъ ей, цѣлуя ее, подумай объ маменькѣ, перестань.

— Каково мнѣ будетъ, если ты, послѣ его отъѣзда сдѣлаешься больна, сказала мать. — Вѣдь и мнѣ грустно, грустнѣе вдвое, потому что я не надѣюсь увидать его болѣе, прибавила Катерина Дмитріевна вдругъ вставая.

Слова эти поразили ея дѣтей, они оба разомъ взглянули на нее съ безпокойствомъ. Лице ея было блѣдно въ эту минуту, и какое-то особенное выраженіе, принятое имъ, поразило ея дѣтей; въ словахъ и въ голосѣ ея тоже было столько грустной увѣренности, что имъ стало страшно за нее и за себя.

— Полноте, маменька, за чѣмъ вы это говорите, сказалъ Саша, съ такими-ли словами надо провожать отъѣзжающихъ?

— Я жалѣю, что сказала тебѣ это, отвѣчала Катерина Дмитріевна, но я сказала то, что̀ у меня на сердцѣ. Я рада за тебя, что ты ѣдешь; поѣзжай, Богъ съ тобой, но врядъ ли мы увидимся. Что-то мнѣ это не вѣрится. Я умереть не боюсь, васъ только жаль оставить. И то Богъ милостивъ, и вѣрно не оставитъ сиротъ. Да что я говорю это? перебила она вдругъ себя, стараясь улыбнуться.—Богъ знаетъ, можетъ быть это еще и не скоро сбудется. Я на васъ скуку нагнала, дѣти: поговорите о другомъ, ужь поздно, пора вамъ и отдохнуть.

Она вышла изъ комнаты. У окна, гдѣ она стояла, теперь сидѣли братъ съ сестрой, и долго не могли они разстаться, онъ, чтобъ лечь въ послѣдній разъ въ свою постель дома, она, чтобъ думать объ его отъѣздѣ и плакать, и молиться.

Прощальныя слова, благословеніе и слезы матери, родныхъ и милыхъ сердцу, тяжелы они въ минуту разставанья на долгіе годы; потомъ ихъ вспоминаешь съ наслажденьемъ, и сердце дѣлается мягче и лучше при этомъ воспоминаніи. Такъ думалъ на другой день Саша, когда проѣхавши нѣсколько десятковъ верстъ, почувствовалъ себя въ состояніи думать о чемъ нибудь. И вся его прошедшая жизнь, его счастливое дѣтство, съ благословеніемъ родной семьи, которое украсило эту первую пору его жизни, его молодыя радости, его первыя заблужденія, и какъ простили ихъ, какъ любили его всегда неизмѣнно, — все это припомнилось ему теперь, украшенное впечатлѣніемъ разлуки. И сердце его, согрѣтое теплымъ роднымъ чувствомъ, забилось скорѣй и шибче; оно всегда было хорошо, это сердце, но въ такія минуты всякое дѣлается лучше. Отъ такихъ-то ощущеній человѣкъ исправляется, отъ нихъ набирается въ душу его сила для жизни. Они не пропадаютъ напрасно въ душѣ; нѣтъ, въ нихъ затаено живое сѣмя, которое выростаетъ и даетъ плодъ со временемъ. Между тѣмъ какъ свѣтлыя воспоминанія провожаютъ отъѣзжающаго въ дальнюю дорогу, воспоминанія объ немъ остаются въ сердцахъ родныхъ. Катерина Дмитріевна молится о сынѣ, она проситъ Бога, чтобъ сбылись ея надежды на него, и чтобъ благословеніе ея помогло ему въ дѣлѣ жизни, далеко отъ

своихъ, на чужой сторонѣ. Мѣсяцъ смотритъ въ окна пустой комнаты Саши. Поздно ночью, Оленька, усталая и измученная, пробирается тихонько въ эту опустѣлую комнату и садится у того же окна, гдѣ наканунѣ сидѣла съ нимъ.

« Вчера еще онъ былъ здѣсь, думаетъ она, мы вмѣстѣ глядѣли на эту церковь напротивъ, а теперь, гдѣ онъ? »

— Пора тебѣ заснуть, Оля; ложись, душа моя, ты устала нынче, говоритъ ей мать, когда она вошла поздно въ ея комнату.

— Гдѣ онъ теперь?—спрашиваетъ ее Оленька, цѣлуя ее.

— Да, гдѣ-то онъ? повторяетъ мать, — ѣдетъ все дальше, дальше.

И обѣ засыпаютъ съ этою мыслію, что онъ ѣдетъ все дальше, дальше отъ нихъ, и съ каждымъ біеніемъ сердца обѣихъ, онъ будто становится ближе и ближе къ ихъ сердцу.

ГЛАВА V.

НА БАЛѢ.

На балѣ душно, свѣтло, шумно. Оркестръ играетъ вальсъ, и множество паръ вертятся въ залѣ.

Оленька сѣла отдохнуть; она задумалась, и мысли въ головѣ ея вертятся и путаются, какъ вальсирующія пары по залѣ. Подлѣ нея съ одной стороны дремлютъ какія-то двѣ старушки; съ другой, поодаль отъ ея скамьи, остановилась у двери толпа мужчинъ.

Это первый балъ, на который рѣшились поѣхать Озерскіе послѣ отъѣзда Саши: до сихъ поръ Катерина Дмитріевна отказывалась отъ всѣхъ приглашеній. На этотъ разъ Оленька пріѣхала охотно; она узнала, что князь Горбатовъ въ Москвѣ и будетъ на этомъ балѣ; ей захотѣлось видѣть его. Въ началѣ вечера, проходя съ своимъ кавалеромъ черезъ комнату, гдѣ былъ устроенъ буфетъ, она встрѣтилась съ княземъ, и они успѣли обмѣнять нѣсколько словъ. Танцуя потомъ, Оленька искала его глазами по залѣ, но его не было между танцующими парами. И теперь молодая дѣвушка опять думаетъ объ немъ, объ немъ и о Сашѣ. Мечты брата о ея счастіи, его

желаніе чтобъ она вышла замужъ за князя, приходятъ ей вдругъ на память.

«Бѣдный Саша, гдѣ-то онъ теперь?» думаетъ про себя Оленька, и ей въ эту минуту только грустно по братѣ.

— Что́ вы тутъ дѣлаете совсѣмъ однѣ? спросилъ ее вдругъ голосъ князя. Она вздрогнула слегка и обернулась, онъ стоялъ подлѣ нея.

— Я устала, отдыхаю немножко, голова закружилась отъ вальса, отвѣчала она.

— Что́ вы мнѣ дадите, если я отгадаю гдѣ были ваши мысли? продолжалъ князь, садясь возлѣ нея.

— Ничего не дамъ, потому что вы не отгадаете, отвѣчала Оленька.

— Ваши мысли были въ Константинополѣ, продолжалъ князь, такъ или нѣтъ, скажите?

— Не совсѣмъ, отвѣчала она,—не въ Константинополѣ, а скорѣй въ дорогѣ, потому что хотя братъ вѣрно давно уже доѣхалъ, но до сихъ поръ мы получали отъ него письма еще только съ дороги.

— Давно ли вы имѣли извѣстія?

— Давно уже, недѣли три тому назадъ. Онъ къ намъ писалъ нѣсколько разъ изъ Одессы, гдѣ пробылъ дней пять.

— Зачѣмъ онъ тамъ остановился?

— Онъ писалъ, что усталъ отъ дурной дороги, а я думаю, что онъ остановился тамъ потому, что нашелъ пріятеля, котораго любитъ, и который ему обрадовался.

— Кто такой?

— Одинъ Невѣрскій, онъ служитъ тамъ; прежде онъ жилъ у насъ въ домѣ. Вы можетъ быть забыли, но вы его видѣли у насъ, отвѣчала Оленька.

— Это тотъ молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ у васъ въ деревнѣ? помню теперь, онъ умный малый, сказалъ князь, и посмотрѣвъ на нее пристально, прибавилъ улыбаясь:

— Онъ кажется былъ влюбленъ въ васъ, этотъ Невѣрскій.

Оленька покраснѣла немножко, но отвѣчала очень просто тѣмъ же голосомъ какъ прежде:

— Невѣрскій положительный человѣкъ и серіозный, ученый: онъ влюбленъ въ свои книги. Мнѣ кажется, онъ никогда не

влюбится. А если и будетъ у него когда любовь, то только въ головѣ, въ воображеніи, а не въ сердцѣ.

— Да гдѣ же вы найдете истинную любовь, истинное чувство? Это рѣже воображенія. Рѣдко кто понимаетъ такъ любовь, и не всякій на нее способенъ, сказалъ князь, задумчиво посматривая на молодую дѣвушку.

Оленька подумала въ эту минуту, что въ ея груди есть сердце способное на такую любовь, но ничего конечно не сказала. Князь пригласилъ ее на мазурку, ему хотѣлось разговориться съ ней, но ему помѣшали въ эту минуту; два извѣстные полькера подошли приглашать ее: пока она разговаривала съ княземъ, вальсъ кончился, и оркестръ заигралъ новую, модную польку.

Оленька пошла танцовать, князь остался одинъ на своемъ мѣстѣ и глядѣлъ ей въ слѣдъ. Въ залѣ много было хорошенькихъ, но Оленька показалась ему лучше всѣхъ; ея простое бѣлое платье, съ букетами цвѣтовъ на груди и плечахъ, съ такими же цвѣтами въ ея черныхъ волосахъ, этотъ простой нарядъ казался ему лучше всѣхъ бальныхъ костюмовъ въ залѣ. Въ Оленькѣ и ея нарядѣ была простота, которой не было въ другихъ; молодой человѣкъ видѣлъ и понималъ это.

Въ мазуркѣ они разговорились. Они толковали о жизни и свѣтѣ, и о томъ, что̀ каждый изъ нихъ замѣтилъ самъ собою. Князю нравились слова молодой дѣвушки и ея сужденія; ея мысли были уже не дѣтскія; она думала и говорила серіозно и понимала жизнь просто и спокойно, со всѣмъ дурнымъ и хорошимъ въ ней; видно было, что характеръ ея успѣлъ образоваться.

— Вамъ нравится нынѣшній балъ, не правда ли, онъ удается? спросилъ ее князь, когда усталая отъ вальса и мазурки она стала отказываться, когда ее выбирали.—Мнѣ, по крайней мѣрѣ, нынче весело, сказалъ онъ, глядя на нее.

И въ самомъ дѣлѣ балъ былъ хорошъ. Было шумно, свѣтло, весело и нарядно въ большой залѣ, далеко расходился по улицѣ свѣтъ изъ ярко сіявшихъ оконъ дома, далеко разносилась въ ночномъ, чистомъ воздухѣ громкая музыка оркестра.

— Скажите, вамъ всегда весело на балѣ? продолжалъ спрашивать князь.

— Нѣтъ не всегда, даже довольно рѣдко, отвѣчала Оленька.

— Отчего же?

— Я скоро устаю отъ шума, и когда я устану и не могу танцовать, мнѣ приходятъ въ голову разныя философическія мысли. Я спрашиваю себя: что жь тутъ веселаго, что жь хорошаго?

— А будто вы не скучаете никогда дома?

Она не отвѣчала на это.

— Скажите пожалуста, князь, отчего вы въ Москвѣ живете эту зиму? спросила она, чтобъ перебить разговоръ.

— Я вышелъ въ отставку, когда поѣхалъ за границу, и не вступилъ опять въ службу воротясь, дѣла у меня не было въ Петербургѣ, вздумалось пріѣхать въ Москву пожить.

— Такъ вы стало быть служили?

— Да, служилъ, считался на службѣ года четыре. Отчего это васъ такъ удивляетъ?

— Да какъ-то вы вовсе не похожи на служащаго, на занятаго человѣка. Я васъ прежде не знала, но я знаю что вы каждое лѣто живали въ Воздвиженскомъ: какъ же вы уѣзжали отъ службы? какъ же вы служили?

— Да видно не такъ какъ слѣдуетъ, оттого я и оставилъ службу, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— А теперь что́ жь вы хотите дѣлать? что́ вы будете дѣлать?

— Хочу и то и другое, а что̀ буду дѣлать, самъ еще не знаю, отвѣчалъ князь.

— Вамъ должно быть иногда бываетъ очень скучно, князь, сказала Оленька, посмотрѣвъ на него пристально.

— Да, случается, и даже часто; да кто же впрочемъ и не скучаетъ на свѣтѣ? Поживете еще, и вы научитесь скучать, сказалъ онъ задумавшись и невесело глядя на нее.

— Сохрани Богъ! отвѣчала Оленька.

— Конечно сохрани васъ Богъ подолѣе отъ скуки! скучаютъ, когда жизнь не удается, когда человѣкъ недоволенъ ею и самимъ собой.

— Я не довольно еще знаю васъ, князь, но мнѣ кажется, что вы ошибаетесь въ своемъ мнѣніи о себѣ, или что вы себя не знаете, что вы не вникли въ вашъ собственный характеръ и оттого только все вамъ не удавалось до сихъ поръ, какъ вы говорите.

— Можетъ быть. Эта мысль мнѣ никогда не приходила въ голову, отвѣчалъ онъ задумавшись.—Говорятъ, я въ дѣтствѣ подавалъ большія надежды, прибавилъ онъ смѣясь,—кто знаетъ? можетъ быть эти надежды сбудутся когда нибудь, и я вдругъ открою въ себѣ всевозможныя способности, которыхъ я и не подозрѣвалъ.

— Не смѣйтесь, князь, посмотрите, что когда нибудь это будетъ съ вами. Согласитесь со мной, что по большей части мужчины знаютъ гораздо лучше то, что̀ вокругъ нихъ дѣлается, нежели то, что̀ дѣлается у нихъ въ душѣ, не правда ли? Вамъ лѣнь перебрать свои мысли, лѣнь передумать о своихъ мнѣніяхъ, и потому они идутъ наперекоръ съ жизнію, и ваши добрыя намѣренія не приносятъ пользы.

— Если съ вашихъ словъ я не исправлюсь, сказалъ князь весело, когда она кончила,—то это будетъ значить, что я неисправимъ.

— Надо надѣяться на Бога, и не отчаявайтесь въ себѣ, отвѣчала Оленька твердымъ голосомъ, вставая со стула при звукѣ польской.

Эти слова вырвались у нея невольно. Увлеченная чувствомъ, она въ эту минуту забыла и о балѣ и обо всемъ на свѣтѣ; ей хотѣлось ободрить и утѣшить его.

ГЛАВА VI.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ БАЛА.

На другой день послѣ бала, часу въ первомъ, Оленька сидѣла съ матерью въ кабинетѣ Катерины Дмитріевны. Обѣ онѣ заняты были одною работой: онѣ вышивали вмѣстѣ какой-то давно начатый, нескончаемый коверъ. И мать и дочь были подъ впечатлѣніемъ вчерашняго бала, каждая конечно по своему. Катерина Дмитріевна была въ разговорчивомъ расположеніи духа, Оленька напротивъ неохотно говорила, особенно о томъ, чѣмъ заняты были въ эту минуту ея мысли.

— Что́ ты такая скучная сегодня, Ольга? что́ съ тобой? спросила ее мать, замѣтивъ задумчивое выраженіе ея лица.

— Я? ничего, maman, сказала Оленька, это вамъ такъ показалось.

— Ты вѣрно устала послѣ бала; и то правда, не трудно устать, мы пріѣхали такъ поздно вчера.

— Такъ поздно, что не вчера, а сегодня, улыбаясь сказала Оленька.

— Да, правда, сегодня. Я ложилась спать, какъ пробило пять часовъ. Впрочемъ вчера было простительно оставаться такъ долго на балѣ, вчера было такъ весело.

Оленька ничего не сказала. Катерина Дмитріевна посмотрѣла пристально въ лице дочери, склонившееся надъ пяльцами, и старалась поймать смыслъ его выраженія въ эту минуту. По лицу дѣвушки можно было видѣть только, что она о чемъ-то глубоко задумалась, но мать не могла вполнѣ угадать какая мысль остановилась въ ея умѣ.

— Мнѣ было весело смотрѣть на тебя во время мазурки, продолжала Катерина Дмитріевна, ты была такъ весела, ты была лучше всѣхъ вчера. Я слышала какъ многіе говорили это около меня, не замѣчая меня. Но за то какъ тебѣ вчера и завидывали.

— Завидывали? въ чемъ же, маменька?

— Да такъ, вообще. Когда тебя князь приглашалъ на мазурку? спросила она вдругъ, перемѣняя разговоръ.

— Вчера на балѣ.

— Это-то я знаю, но когда? я видѣла изъ-за картъ, что ты во время вальса сидѣла одна, и онъ подошелъ къ тебѣ, сѣлъ, и вы долго разговаривали....

— Тутъ онъ и пригласилъ меня, отвѣчала Оленька.

— Объ чемъ вы разговаривали съ нимъ за мазуркой? спросила опять Катерина Дмитріевна.

— Мало ли объ чемъ говоришь на балѣ, maman, всего не припомнится, отвѣчала Оленька и покраснѣла говоря это, потому что помнила не только все, что было говорено, каждое слово князя, но и каждый взглядъ, который сопровождалъ его слова.

— Ужь будто ты ничего не помнишь, недовѣрчиво замѣтила ей мать:—вѣрно разговоръ его не такой пустой, чтобы нельзя было припомнить что нибудь изъ него. Онъ умный молодой человѣкъ.

— Это правда, отвѣчала Оленька.

— Я думаю, и ему съ тобой было не скучно: онъ тебя знаетъ давно.

— Давно, но мало, маменька.

— Когда же молодой человѣкъ знаетъ коротко дѣвушку, если она ему не родня? замѣтила ей Катерина Дмитріевна:—но съ тобой князь Горбатовъ больше знакомъ чѣмъ съ другими дѣвушками здѣсь въ Москвѣ, вотъ что̀ я говорю. А съ нимъ всякой бы хотѣлось познакомиться. Я видѣла какъ многія матушки косились на тебя вчера во время мазурки.

— За что же? спросила Оленька.

— Да за то, что ты танцовала съ княземъ Горбатовымъ.

— Что жь изъ этого?

— То, что у князя пять тысячь душъ.

— Да что же мнѣ за дѣло до этого?

— Тебѣ нѣтъ дѣла, я это знаю, Оля,—да другія-то не такъ думаютъ, не по твоему, сказала Катерина Дмитріевна, и вглядѣвшись въ эту минуту въ свои собственныя мысли, она призналась въ душѣ, что и она смотрѣла иначе на это, чѣмъ ея дочь. — Ты молода, Оленька, продолжала она, и потому ты еще не понимаешь, что̀ такое значитъ богатство, а другіе не такъ разсуждаютъ. Нельзя и осудить ихъ за это, я говорю вообще. Князь прекрасный, умный молодой человѣкъ, и можетъ нравиться. Но кромѣ того у него большое состояніе, онъ выгодная партія, богатый женихъ, и повѣрь мнѣ, этого-то не забываютъ въ свѣтѣ. На него такъ и смотрятъ, какъ на жениха. Всякая дѣвушка съ радостію пойдетъ за него замужъ.

Оленькѣ стало обидно и грустно; она понимала какъ оскорбили бы его эти расчеты, еслибъ онъ зналъ объ нихъ. Тутъ новая мысль мелькнула у нея въ умѣ, и она сказала ее матери.

— Можетъ быть князь вовсе и не думаетъ жениться, а всѣ, вы говорите, смотрятъ на него какъ на жениха.

— Развѣ онъ говорилъ тебѣ что нибудь такое? развѣ онъ говорилъ тебѣ, что не намѣренъ жениться? спросила Катерина Дмитріевна живо и скоро.

— Нѣтъ, мы вовсе этого не говорили, отвѣчала Оленька, но это можетъ быть.

— Не думаю, отвѣчала Катерина Дмитріевна:—онъ послѣдній въ родѣ, одинъ сынъ у матери, да притомъ отчего ему и

не хотѣть жениться? онъ можетъ жениться какъ захочетъ, по любви.—Послѣднія слова она проговорила какъ будто думая вслухъ; голосъ ея звучалъ веселѣе, чѣмъ прежде; мысли, встревоженныя на минуту, улегались въ умѣ, успокоенныя. Она замолчала и скоро потомъ ушла въ комнату, сказавъ дочери, что идетъ къ дѣтямъ въ классъ.

Оленька шила и думала, иголка ея шла неровно по канвѣ, то скорѣе, то тише, повинуясь вліянію мыслей, которыя то набѣгали толпой, смѣнялись быстро одна другою, то останавливались, какъ бы рисуясь передъ ея воображеніемъ.

Мысли ея перервалъ шумъ шаговъ въ гостиной, она подняла голову: передъ ней стоялъ человѣкъ и докладывалъ о князѣ Горбатовѣ.

— Доложи маменькѣ, сказала она, вставая чтобъ уйдти и стараясь преодолѣть невольное замѣшательство. Но было поздно уходить, князь стоялъ въ дверяхъ кабинета.

— Вы однѣ? сказалъ онъ ей, останавливаясь передъ ней. Вы меня не прогоните?

— Маменька дома, отвѣчала она, садясь на свое мѣсто. Доложи маменькѣ, прибавила она, обращаясь къ человѣку,—она на верху.

Князь подошелъ къ ней и облокотился на стулъ, на которомъ сидѣла все утро Катерина Дмитріевна.

Не зная съ чего начать разговоръ и расчитывая на его умѣнье, Оленька взяла опять иголку и пробовала шить.

— Такъ рано и ужь за работой? спросилъ онъ, не ужели вы не устали послѣ вчерашняго бала?

— Я уже отдохнула, отвѣчала она, теперь не очень рано.

Она подняла голову: онъ все еще стоялъ, держа въ рукахъ свою шляпу.

— Извините меня, князь, сказала она, я очень дурно замѣняю здѣсь маменьку. Вы до сихъ поръ стоите и вѣрно устанете больше отъ вашего визита, чѣмъ отъ всякаго бала.

— Нѣтъ я вовсе не усталъ и не устану, отвѣчалъ онъ и съ этими словами сѣлъ на стулъ, по другую сторону пялецъ.

Онъ сталъ разговаривать непринужденно какъ всегда, но ей было какъ-то неловко вдвоемъ съ нимъ.

— Гдѣ же маменька? думала она, не ужели ей не докладывали?

Катеринѣ Дмитріевнѣ доложили о пріѣздѣ князя; но она знала, что Оленька сидитъ за работой въ ея кабинетѣ и не спѣшила туда. Прости ей Богъ всѣ маленькія хитрости, которыя она придумывала, чтобъ потише и подольше идти съ верху отъ дѣтей въ ту комнату, гдѣ старшая хорошенькая дочь ея занимала молодаго гостя!

Когда пришла наконецъ Катерина Дмитріевна, князь отошелъ отъ Оленьки, но посреди разговора его съ хозяйкой онъ часто оглядывался въ ея сторону, какъ бы желая возвратиться на свое прежнее мѣсто. Катерина Дмитріевна замѣтила это и осталась довольна своимъ открытіемъ. Въ это время очень кстати пріѣхалъ какой-то старый генералъ, сослуживецъ покойнаго Павла Александровича. Катерина Дмитріевна очень обрадовалась ему и завела съ нимъ разговоръ, въ который князю никакъ нельзя было вмѣшиваться. Онъ всталъ и подошелъ къ окну.

— А вы все таки вышиваете безъ устали? сказалъ онъ, обращаясь къ Оленькѣ:—какъ вамъ не надоѣстъ?

— Я никогда не скучаю за работой. Скучнѣе сидѣть такъ и ничего не дѣлать, отвѣчала она.

— Но дѣлать все одно и тоже не должно быть весело.

— Одно и тоже все лучше чѣмъ ничего, да потомъ работа не мѣшаетъ ни говорить, ни думать.

— Мнѣ кажется, сказалъ князь, что женщины оттого много работаютъ и такъ любятъ работу, что голова ихъ всегда занимается другимъ дѣломъ, пока руки работаютъ. Если бъ вы не умѣли думать и шить въ одно время, вѣрно вы бы никогда не брали иголки въ руки?

— Не знаю, надо умѣть, по крайней мѣрѣ, держать иголку въ рукѣ, отвѣчала она, вдѣвая шерсть.

— За чѣмъ же надо?

— За тѣмъ, что это женское дѣло.

— Да какое скучное, маленькое; право, само по себѣ оно не стоитъ труда.

— Оно уже тѣмъ хорошо, что оно занятіе, сказала Оленька.

— Боже мой, какъ вы возстаете противъ лѣни! вѣрно васъ въ дѣтствѣ заставляли часто списывать пропись: лѣность мать пороковъ.

— Заставляли, отвѣчала она смѣясь, и видите я ея не забыла.

— Ужь не на мой ли счетъ вы все это говорите? спросилъ молодой человѣкъ.

— Развѣ вы лѣнивы?

— Разумѣется, кто же не лѣнивъ въ наше время? Да что жь прикажете дѣлать?

— Что нибудь, да вотъ теперь хоть подержите мнѣ шерсть, пока я ее размотаю. Вотъ вамъ занятіе на нынѣшнее утро, прибавила она смѣясь и подавая ему мотокъ розовой яркой шерсти.

Онъ взялъ его, она стала мотать черезъ пяльцы, разговаривая съ нимъ. Катерина Дмитріевна все это видѣла и продолжала занимать стараго генерала такъ, что онъ долго не могъ забыть всѣхъ любезностей, которыя она ему наговорила въ это утро.

— Знаете ли, что я очень доволенъ своимъ нынѣшнимъ дѣломъ? сказалъ князь Оленькѣ, между тѣмъ какъ шерсть убавлялась на его рукахъ и клубокъ въ рукахъ ея становился больше.—Пока не изошьется у васъ эта шерсть, все таки можетъ быть вы иногда, взявши ее въ руки, вспомните съ кѣмъ вы ее разматывали.

Оленька подумала, что ей вовсе не нужно такое напоминаніе.

Между тѣмъ время бѣжало: стало смеркаться, и генералъ, несмотря на всѣ убѣжденія Катерины Дмитріевны, которая уговаривала его еще посидѣть, уѣхалъ въ клубъ обѣдать. А князь все еще сидѣлъ у окна, нагибаясь надъ пестрымъ нескончаемымъ ковромъ и переговариваясь чрезъ пяльцы съ Оленькой. Часы били вѣрно на каминѣ, но ихъ не замѣчали, и зимній день прошелъ слишкомъ скоро для всѣхъ въ кабинетѣ Катерины Дмитріевны.

Вечеръ этого дня Катерина Дмитріевна оставалась дома. Оленька была сначала очень весела и сѣла за фортепіано, дѣти играли въ залѣ, а Катерина Дмитріевна ходила для моціона взадъ и впередъ по комнатамъ. Много разнообразныхъ мыслей бродило въ ней, то забѣгая впередъ, въ неизвѣстную будущность ея дѣтей, то грустно обращаясь на прошедшую ея жизнь, и опытностію прожитыхъ лѣтъ запугивая то, что мечталось ея материнскому сердцу.

Долго уже пѣла Оленька. Послѣ веселыхъ блестящихъ арій она выбрала вдругъ грустную русскую пѣсню и кончила ею. Она пропѣла ее съ чувствомъ и задумалась глубоко, какъ бы прислушиваясь сама къ звукамъ своего голоса. Катерина Дмитріевна остановилась передъ роялью и слушала.

— Объ чемъ ты такъ вдругъ задумалась? спросила она у Оленьки, когда она кончила пѣть.

Оленька вздрогнула, услышавъ голосъ матери.

— Это Сашина любимая пѣсня, продолжала Катерина Дмитріевна:—зачѣмъ ты ее пѣла? тебѣ грустно стало, и мнѣ тоже.

— Ахъ! да, онъ ее любилъ, бѣдный Саша, отвѣчала Оленька, слегка краснѣя. Ей точно сгрустнулось, только она не думала о Сашѣ и забыла даже, что это его любимая пѣсня.

И между тѣмъ какъ мать ея съ своими: «бѣдный мой Саша, гдѣ-то онъ теперь? что́ съ нимъ?» отошла отъ фортепіано въ раздумьи, Оленька опять отдалась прежнимъ мыслямъ, забывая о братѣ и обо всемъ на свѣтѣ.

Тихо, какъ звуки ея пѣсни, носились ея мысли, переливаясь одна въ другую, и сердце отъ нихъ то замирало, то билось сильнѣй и шибче. Сначала неясныя мысли, какъ будто во снѣ, носились передъ ея воображеніемъ, она старалась припомнить что-то прошедшее, желая отгадать что-то, но что? сама она не знала. Она вспомнила о Невѣрскомъ и о томъ времени, когда она думала, что любитъ его, и спросила себя: была ли то любовь? Она вспомнила, что эту самую пѣснь она пѣла при немъ когда-то, и тогдашнія ея мысли и чувство пришли ей опять на умъ. Оленька засмѣялась сама надъ собой. Ей показалось теперь, что ея прежняя любовь была ошибка, что не глубоко было чувство, которое не устояло противъ удовольствія нѣсколькихъ баловъ и первыхъ успѣховъ въ свѣтѣ.

ГЛАВА VII.

БОГАТЫЙ ЖЕНИХЪ ВЪ МОСКВѢ.—ВЛЮБЛЕНЪ ЛИ ОНЪ?

Въ Москвѣ, которая славится своими невѣстами, жениховъ немного, особенно богатыхъ, а между тѣмъ не проходитъ зимы, чтобъ передъ масляницей и на красную горку не было нѣсколькихъ свадебъ. Рѣдкій женихъ, то есть, холостой чело-

вѣкъ съ состояніемъ, заѣхавшій въ старую столицу, уѣзжаетъ изъ нея неженатый, и надобно имѣть особенное отвращеніе отъ семейной жизни и замѣчательное дипломатическое умѣнье, чтобъ разомъ устоять противъ красоты московскихъ дѣвушекъ и противъ искусства ихъ маменекъ.

Въ Москвѣ все знаютъ, а лучше и вѣрнѣе всего знаютъ состояніе и значеніе пріѣзжаго жениха. Ему трудно укрыться отъ вниманія общества; однимъ пріѣздомъ своимъ уже онъ становится цѣлію для многихъ. Могъ ли же послѣдній представитель знатнаго рода, богатый, молодой и холостой быть не замѣченъ въ Москвѣ?

Поднялись толки, стали дѣлать догадки; одни говорили, что онъ пріѣхалъ потому, что долженъ былъ удалиться изъ Петербурга, гдѣ у него была будто бы непріятная исторія; другіе, что княгиня нашла ему невѣсту, которая ему не понравилась; говорили, что онъ проигралъ большую сумму денегъ въ карты и хочетъ выплатить поскорѣй этотъ долгъ, занявшись самъ своими дѣлами на свободѣ. Судили, рядили, спорили, толковали болѣе двухъ недѣль, вспомнили даже объ Италіи, о прежнихъ слухахъ, которые тогда ходили на его счетъ. Иные говорили, что это дѣло возобновилось, что онъ хочетъ уѣхать назадъ за границу и жениться тамъ, жалѣли о княгинѣ или осуждали ее за то, что она избаловала сына. Судили о воспитаніи вообще по этому случаю, и о воспитаніи князя Юрія Андреевича въ особенности, и осуждали его. А вмѣстѣ съ тѣмъ не было ни одной матери, которая бы не забывала всѣхъ этихъ росказней и толковъ, когда тайно въ умѣ своемъ расчитывала всѣ выгоды положенія князя и желала его въ женихи своей дочери.

Многія даже нарочно распускали нелѣпые слухи объ немъ, чтобъ отвлечь отъ него другихъ матерей и легче разставить свои сѣти. Но эти военныя хитрости не удавались: каждая, стараясь обмануть другую и дѣлая почти тотъ же самый расчетъ, легко понимала чужія хитрости.

Такъ искусные полководцы, встрѣчаясь на полѣ битвы, строятъ другъ другу засады, стараясь обмануть одинъ другаго, и не рѣдко обманываются въ своихъ расчетахъ; такъ шахматные

игроки обдумываютъ всѣ тонкости игры, и постепенно запираютъ другъ друга, не оставляя хода ни себѣ, ни противнику.

Въ первое время трудно было бы сказать, что онъ на комъ нибудь остановилъ свое вниманіе. Обыкновенно пріѣзжалъ онъ поздно на балъ, танцовалъ одну или двѣ кадрили, а во время мазурки садился гдѣ нибудь въ углу залы не танцуя. Разумѣется его всегда умѣли находить тамъ, и выбирали. Но когда увидѣли его танцующаго мазурку съ Оленькой Озерской, всѣ обратили на это особенное вниманіе. Много дремлющихъ маменекъ проснулось при появленіи этой пары между танцующими, много зоркихъ глазъ стали слѣдить за нею. Да, Катерина Дмитріевна не ошиблась, когда сказала дочери, что на нее сердились за эту мазурку. Подъ конецъ бала, кромѣ Катерины Дмитріевны, не было ни одной маменьки, которая бы не рѣшила, что Оленька кокетка. Но за то и не было ни одного мужчины, который бы не сказалъ, что она была особенно хороша въ этотъ вечеръ.

«Вотъ что значитъ кокетство! мужчины любятъ, когда стараются имъ нравиться. Это льститъ ихъ самолюбію, имъ веселѣе съ кокеткой», такъ разсуждали между собою дамы, нападая на Оленьку. «Она его завлекаетъ», думали онѣ всѣ, «посмотримъ будетъ ли онъ такъ глупъ, что попадется».

Послѣ этого бала, какъ нарочно нѣсколько вечеровъ сряду общество не встрѣчалось. Князя нигдѣ не видали, объ Оленькѣ нечего было сказать. Къ концу недѣли всѣ собрались на маленькомъ вечерѣ, гдѣ еще легче чѣмъ на балѣ можно было дѣлать свои наблюденія.

Это было въ пятницу. Въ этотъ день принимала по вечерамъ Софья Ивановна Бѣлопольская. Не смотря на разстроенное состояніе, она продолжала жить открыто, жертвуя всѣмъ, чтобъ только отдать замужъ свою Кити. Кити было уже двадцать три года, и она охотно содѣйствовала своей матери въ ловлѣ жениховъ, боясь остаться старою дѣвушкой.

Она, какъ и мать ея, вполнѣ принадлежала свѣту. Хорошенькая, ловкая и кокетка, она любила наряды, роскошь, пріучила себя ко всѣмъ дорогимъ мелочамъ, къ которымъ такъ легко привыкнуть и которыя, разъ сдѣлавшись необходимыми, ведутъ къ разоренію, не доставляя тому, кто ими пользуется, никакого

наслажденія. Поверхностная въ сужденіяхъ, она слѣдила за модой, и вкусы ея мѣнялись съ ея измѣненіями. Такова была Кити въ свѣтѣ, который составлялъ для нея цѣль и значеніе жизни.

Съ Оленькой Озерской она считалась пріятельницей, но истинной дружбы не могло быть между ними. Эгоистка въ душѣ, Кити кромѣ себя врядъ ли кого нибудь любила. Оленькѣ она не нравилась; однакожь онѣ видались часто.

Въ эту пятницу собралось у Софьи Ивановны большое общество: нѣсколько дамъ и мужчинъ сѣли за карточные столики, но бо́льшая часть просто разговаривали. Катерина Дмитріевна съ дочерью пріѣхала поздно, когда всѣ уже собрались. Ихъ отсутствіе не разъ замѣтили, ихъ встрѣтило общее вниманіе. Князь Горбатовъ былъ на вечерѣ, и нѣкоторымъ дамамъ показалось, что онъ до сихъ поръ былъ скученъ, и что только съ пріѣзда Оленьки онъ развеселился и сдѣлался разговорчивъ. Кити замѣтила впечатлѣніе, произведенное появленіемъ ея пріятельницы между мужчинами: она видѣла какъ всѣ старались сѣсть подлѣ нея и какъ ловко князь пробрался черезъ толпу; ей стало завидно и досадно. Нѣсколько разъ пыталась она прервать разговоръ, который завязался между Оленькой и княземъ, стараясь сдѣлать его общимъ, но это не удавалось, и вечеръ тянулся скучно для нея, проходя весело и скоро для ея пріятельницы.

Наконецъ сама Софья Ивановна пришла на помощь дочери и прервала всѣ начатые разговоры, предложивъ дѣвушкамъ музыку, какъ общее занятіе. Изъ учтивости кто-то попросилъ Кити сыграть что нибудь, и все молодое общество пошло за нею въ залу.

Выбравъ блестящую и трудную піесу, она играла хорошо и бѣгло, но безъ чувства. Около рояли столпились дамы и мужчины. Оленька стояла сзади ея стула, облокотясь на него, и слушала въ раздумьи. Среди піесы, не находя особеннаго удовольствія въ этой холодной музыкѣ, Оленька тихонько отошла къ окну. Голубое сіяніе мѣсяца освѣтило лице ея, когда князь подошелъ къ ней.

— Ахъ, князь, это вы? спросила Оленька, оборачиваясь къ нему.

— Что́, вы заглядѣлись на мѣсяцъ, кажется? спросилъ онъ.

— Да, заглядѣлась, отвѣчала она: — право я боюсь, что вы меня примете за лунатика. Пожалуста, не смѣйтесь надо мной.

— Я вовсе не смѣюсь, я самъ люблю лунныя ночи.

— А я особенно люблю, изъ комнаты, гдѣ много народу и шуму, поглядѣть на небо и подумать: тамъ такъ тихо, такъ хорошо, тамъ лучше.

— Тамъ лучше, повторилъ онъ за нею.

— Вы вѣрите? не правда-ли, вы это чувствуете? живо спросила она, оборачиваясь спиной къ окну.

Но видъ освѣщенной комнаты, лампъ и гостей, и звуки музыки оторвали ее вдругъ отъ прежнихъ впечатлѣній. Она остановилась и покраснѣла.

— Зачѣмъ же вы перестали говорить, говорите пожалуста, сказалъ князь, замѣтивъ эту внезапную перемѣну.

— Зачѣмъ говорить о томъ, что̀ кому вѣрится, отвѣчала она тихо, опуская глаза въ землю: — въ этомъ, мнѣ кажется, никто другаго не понимаетъ. Лучше давайте слушать что̀ Кити играетъ, продолжала она, дѣлая движеніе впередъ, чтобъ идти.

— Я ея не слушаю, отвѣчалъ князь, мнѣ хочется васъ только слушать и говорить съ вами.

Она остановилась на своемъ мѣстѣ. Онъ продолжалъ:

— Вы посмотрѣли на эту комнату и потомъ на небо и сказали: тамъ лучше! я повторилъ за вами тоже. Вы спросили: вѣрю ли я? Вмѣсто отвѣта я лучше просто попрошу васъ: исправьте меня, научите меня.

Оленька подняла глаза на него, онъ тоже смотрѣлъ на нее въ эту минуту. Она вдругъ вся вспыхнула и досадуя на себя, что покраснѣла не во-время, раскраснѣлась еще болѣе.

Молодой человѣкъ, не дожидаясь ея отвѣта, опять спросилъ ее:

— Возьметесь ли вы за доброе дѣло: обратить человѣка на путь истинный?

— Нѣтъ, потому, что вы смѣетесь, отвѣчала Оленька и разсердилась немножко, потому что онъ точно улыбнулся въ ту минуту, когда она опять на него взглянула.

То, что̀ Оленька говорила съ княземъ, вырывалось у нея невольно: часто, вспоминая свои разговоры съ нимъ, она удивлялась

смѣлости, съ которою она будто-бы навязывала ему свои мнѣнія. Простыя слова ея дѣлали на него глубокое впечатлѣніе. Онъ не могъ дать себѣ отчета, почему ему такъ хотѣлось слушать ее. Чувство къ ней, которое рождалось у него въ груди, онъ не называлъ еще любовію.

Пока князь и Оленька разговаривали, дамы, оставивъ карточные столики, пришли въ залу и, расположившись въ углу на диванѣ, слушали музыку и дѣлали свои наблюденія. Катерина Дмитріевна понимала значеніе взглядовъ, которые бросались на ея дочь, и сердце ея раздиралось на части. Она не хотѣла уѣхать, боясь помѣшать молодымъ людямъ, и боялась вмѣстѣ съ тѣмъ сплетень, которыя, она знала, тысячами разнесутся теперь по городу. Только мать, у которой есть взрослыя дочери, можетъ понять все, что она вынесла скрытыхъ, внутреннихъ страданій и безпокойствъ, между тѣмъ какъ должна была представлять пріятное и беззаботное лице дамы, разговаривающей весело и спокойно съ другими дамами, сидя на мягкомъ диванѣ.

ГЛАВА VIII.

ДРУГОЙ ЖЕНИХЪ. ХИТРОСТИ.

Не одинъ Горбатовъ ухаживалъ за Оленькой; онъ былъ виднѣе и замѣтнѣе другихъ, оттого-то на немъ особенно останавливалось общее вниманіе. Но въ эту зиму, какъ и въ прошедшія, по хорошенькой дѣвушкѣ вздыхали многіе; она никогда не сидѣла на балахъ, и завистливыя маменьки незамужнихъ дочекъ могли перечесть всѣхъ, кто былъ влюбленъ въ дочь Катерины Дмитріевны.

«Это еще ничего не значитъ», говорили онѣ себѣ въ утѣшеніе, что за ней ухаживаютъ, и что у нея по три кавалера на каждую кадриль. «Эти кавалеры не женихи. А князь Горбатовъ врядъ ли на ней женится. Онъ съ ней танцуетъ, онъ часто у нихъ бываетъ, потому что она съ нимъ кокетничаетъ; но это еще не значитъ то, на что Катерина Дмитріевна расчитываетъ».

Но что ни говорило общество пожилыхъ дамъ, ихъ сильно

занимало вниманіе князя къ Оленькѣ, которое становилось теперь замѣтнѣе и исключительнѣе. Князь дѣлался неосторожнѣе, его скрытность изчезала съ каждымъ днемъ, а Катерина Дмитріевна, не помня себя отъ радости и надѣясь упрочить счастіе дочери, забыла на это время свое всегдашнее опасеніе свѣта. Пускай говорятъ, что̀ хотятъ, лишь бы это кончилось счастіемъ Оли, думала она. Въ ея воображеніи уже разыгрывалась свадьба — богатая, чудесная свадьба ея дочери. Обыкновенно добрая, она на этотъ разъ съ злобною радостію представляла себѣ досаду другихъ матерей, и ихъ зависть, когда она объявить имъ, что Оленька невѣста князя Горбатова.

За шумною масляницей насталъ великій постъ, кончилась пора баловъ. Оленька любила это тихое время отдыха и покоя. Воспитанная благочестиво, она любила послѣ бальной суеты святочныхъ праздниковъ и масленицы успокоиться въ семейномъ кругу, возвратясь къ простымъ домашнимъ обязанностямъ. Теперь съ любовію въ сердцѣ ей больше прежняго хотѣлось уединенія. Странное желаніе скрыть отъ всѣхъ это чувство, даже отъ матери, забралось ей на сердце съ самаго начала ея новой любви. Она понимала очень хорошо, что со стороны Катерины Дмитріевны ей нечего бояться осужденія или упрека за эту любовь; но ей не хотѣлось признаться въ ней кому бы то ни было. Съ этимъ чувствомъ она жила, не желая ничего, будто боясь всякой перемѣны, не загадывая о будущемъ: жизнь ея была вся въ настоящемъ.

«Она отдаляется отъ насъ всѣхъ, она почти не говоритъ ни съ кѣмъ: чего она боится? развѣ кто нибудь завидуетъ ей, или мѣшаетъ ей кокетничать съ княземъ Горбатовымъ», стали говорить свѣтскія дѣвушки, съ которыми она и постомъ продолжала изрѣдка встрѣчаться.

Особенно сердилась на нее пріятельница ея Кити. Бѣлопольскія, и мать и дочь, не могли простить Оленькѣ то предпочтеніе, которое князь отдавалъ ей передъ всѣми. Дѣлая свои расчеты хладнокровно, онѣ не обольщали себя надеждами; обѣ понимали, что князь не женихъ для Кити, что княгиня Горбатова не позволила бы ему жениться на ней, еслибъ онъ и пожелалъ этого, что запутанныя обстоятельства, долги и расточительная жизнь ихъ семейства не понравятся гордой и богатой женщинѣ.

Понимая это и видя, какъ мало князь обращалъ вниманія на Кити, она сама и мать ея не имѣли на его счетъ никакихъ собственныхъ видовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ досадно было, что онъ ухаживалъ за другою. Онѣ боялись, чтобъ другіе женихи, которые могли бы годиться Кити, увлеченные вниманіемъ князя, не стали подражать ему, и чтобъ Оленька Озерская не вышла скорѣе и выгоднѣе замужъ, чѣмъ ея пріятельница, которая была старше ея годами.

Софья Ивановна, постоянно слѣдя съ завистливымъ вниманіемъ за княземъ, видѣла ясно всѣ маленькія хитрости Катерины Дмитріевны и часто смѣялась надъ ней съ своею дочкой.

«Она воображаетъ въ самомъ дѣлѣ, что она необыкновенно хитра», говорила Софья Ивановна, «я удивляюсь, какъ онъ до сихъ поръ не замѣтилъ, что она его ловитъ. Смѣшно и даже иногда жалко видѣть какъ она себя дурачитъ. Любопытно бы было знать, что̀ на это скажетъ княгиня Наталья Дмитріевна, если до нея дойдутъ слухи о московскихъ дѣлахъ?» И въ досадѣ на успѣхи Оленьки Озерской, она не разъ придумывала, какъ бы эту новость о любви князя и о планахъ на счетъ его женитьбы довести до свѣдѣнія княгини Горбатовой, представляя себѣ съ тайнымъ удовольствіемъ, какія бы вышли изъ этого послѣдствія.

Раздумывая черезъ кого бы это сдѣлать удобнѣе и лучше, она вспомнила о баронѣ Вальродѣ.

Баронъ жилъ тоже эту зиму въ Москвѣ и ухаживалъ неуспѣшно за Оленькой. Софья Ивановна знала, что онъ не любитъ князя, что съ нѣкоторыхъ поръ ревность еще увеличила его недоброжелательство къ молодому человѣку. Но тутъ мысли ея не остановились; она отыскала еще другое, лучшее средство отомстить Катеринѣ Дмитріевнѣ за то, что она ловила князя въ женихи Оленькѣ. Помѣшать ей только въ этомъ дѣлѣ было недовольно; ей хотѣлось еще отбить у Оленьки другаго жениха, самого барона, котораго Катерина Дмитріевна держала какъ бы на случай неудачи съ княземъ, принимая его тоже прекрасно, между тѣмъ какъ Оленькѣ онъ давно наскучилъ своими разказами и своею любовію.

Баронъ самъ по себѣ былъ довольно выгодная партія. Родственникъ княгини Горбатовой, человѣкъ, хотя и не молодой, но и не совсѣмъ старый, онъ попалъ въ Москвѣ въ разрядъ жениховъ

хорошихъ, даже очень хорошихъ, когда справились о его состояніи и оказалось, что кромѣ отцевскаго имѣнія въ Курляндіи онъ имѣетъ помѣстья на югѣ Россіи и хочетъ купить домъ въ Москвѣ. Купить домъ въ Москвѣ значитъ поселиться, устроиться для покойной жизни—жениться. И баронъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе жениться, и ни мало не скрывалъ его, ухаживая за Оленькой.

«Хорошобы его отвлечь отъ нея и женить на Кити: это дѣло возможное», подумала Софья Ивановна и намекнула на это дочери. Съ этой стороны она не нашла препятствія. Зима почти уже прошла; къ масляницѣ сладилось, и въ этотъ годъ какъ всегда, нѣсколько свадебъ, и Кити съ безпокойствомъ глядѣла впередъ, разчитывая на одинъ великій постъ, чтобъ найдти себѣ жениха и сладить свадьбу на красную горку. Она охотно обѣщала помогать своей матери, чтобъ привлечь вниманіе барона, пользуясь его досадой на неудачу съ Оленькой. Софья Ивановна хитро повела дѣло, заговаривая съ нимъ сначала о томъ, что̀ могло занимать его, хвалила дочь Катерины Дмитріевны. Потомъ стала намекать ему тонко на недостатокъ состоянія Озерскихъ и въ разговорѣ ловко дала замѣтить, что на ея домъ, большой и нарядный, много было покупщиковъ, что она было польстилась на выгодную цѣну, но передумала и подарила его старшей своей дочери. О томъ, что этотъ домъ она недавно заложила въ частныя руки, конечно не было упомянуто. Своими хитрыми разговорами она старалась понемногу отвлечь его вниманіе отъ Оленьки, а Кити между тѣмъ не забывала своего дѣла и очень ловко кокетничала съ барономъ. Вниманіе хорошенькой свѣтской дѣвушки не могло не льстить старому холостяку. Онъ сталъ обращать на нее свое вниманіе, сталъ ухаживать за нею. Занятая княземъ, Катерина Дмитріевна не замѣчала тонкостей Софьи Ивановны Бѣлопольской и ея дочери, а князь и Оленька вовсе ихъ не подозрѣвали.

Былъ у Софьи Ивановны какъ-то потомъ вечеръ, на который звана была Катерина Дмитріевна съ дочерью, но она извинилась, что не можетъ быть. Звали тоже и князя, но онъ не пріѣхалъ. Вечеръ не удавался, многіе даже рано уѣхали, позѣвавъ часъ, другой, другіе сѣли играть въ карты.

Сама хозяйка сидѣла за преферансомъ, когда часу въ один-

надцатомъ пріѣхалъ Вальроде. Софья Ивановна протянула ему руку съ пріятною улыбкой, сказала нѣсколько словъ, потомъ показала ему на ту комнату, гдѣ изъ двери видна была цѣлая группа чинно скучавшихъ дѣвушекъ и между ними нѣсколько не слишкомъ разговорчивыхъ мужчинъ.

— Вы, я знаю, не любите картъ, баронъ, сказала Софья Ивановна:—отправьтесь въ ту комнату, развеселите нашу молодежь; они что-то невеселы нынче. Я знаю, гдѣ вы, тамъ разговоры, прибавила она:—вы хорошо дѣлаете, что не садитесь за карты; вамъ бы грѣшно было, да еще и успѣете со временемъ привыкнуть къ нимъ, если вздумаете.

Эти слова отрадно подѣйствовали на барона, онъ поблагодарилъ за нихъ и съ пріятнымъ чувствомъ самонадѣяности пошелъ въ ту комнату. Его увѣренность не обманула его на этотъ разъ: хорошенькая дочка Софьи Ивановны обрадовалась ему не меньше, если не больше своей матушки, и скоро развеселившійся разказчикъ завелъ разговоръ за разговоромъ.

— Каковъ нашъ баронъ, замѣтила хозяйка своимъ партнерамъ, прислушиваясь къ его голосу и къ голосу дочери:—право, прелюбезный человѣкъ и очень умный, образованный, прибавила она, тайно сознаваясь въ умѣ своемъ, что для вечера безъ танцевъ говорливый человѣкъ, какой бы онъ ни былъ, истинная находка.

Между тѣмъ ея дочка тѣшила барона своимъ искуснымъ и заманчивымъ кокетствомъ. Хитрая, какъ и мать ея, она тоже умѣла выбирать разговоры, которые какъ разъ приходились по немъ. Больше всего нравилось барону то, что Бѣлопольскія казалось совершенно забывали объ его лѣтахъ и никогда не заводили рѣчи, въ которой бы хотя косвенно можно было коснуться лѣтосчисленія. Къ тому же онѣ принимали его такъ, что онъ не боялся ни чьего соперничества.

Какъ нарочно въ этотъ же самый вечеръ баронъ видѣлъ Оленьку въ театрѣ. Давали какой-то незначительный концертъ, на который навязали билетъ Катеринѣ Дмитріевнѣ; баронъ поѣхалъ туда отъ нечего дѣлать, тоже взявши нехотя билетъ прежде, и съ радостію увидѣвъ неожиданно Озерскихъ, тотчасъ же отправился къ нимъ въ ложу.

Въ корридорѣ попался ему князь Горбатовъ, и они оба во-

шли въ ложу Катерины Дмитріевны. Она приняла ихъ одинаково съ привѣтливымъ видомъ, но баронъ соскучился, сидя подлѣ нея, между тѣмъ какъ князь разговаривалъ весело съ Оленькой. Баронъ разсердился, что на него не обратили вниманія, онъ ушелъ изъ ложи, объявивъ, что ѣдетъ къ Бѣлопольскимъ, и думая, что это извѣстіе произведетъ впечатлѣніе. Но Оленька преспокойно попросила его кланяться Кити и дала какое-то порученіе къ ней, которое онъ забылъ еще въ корридорѣ театра, выходя отъ Озерскихъ съ досадой.

Недовольный и съ непріятнымъ впечатлѣніемъ баронъ пріѣхалъ на вечеръ, гдѣ скоро эти облака разсѣялись подъ вліяніемъ ясныхъ взоровъ и пріятныхъ льстивыхъ словъ. Съ досады на Оленьку баронъ сказалъ Кити, что она лучше собою, чѣмъ дочь Катерины Дмитріевны.

— Благодарю васъ за комплиментъ, отвѣчала она, но я комплиментамъ не вѣрю.

— Вѣрьте правдѣ, я вамъ говорю правду.

— Нѣтъ, баронъ, вы этого не думаете, никто не можетъ это думать, отвѣчалаа на съ кокетствомъ:—я давно привыкла къ мысли, что Оленька Озерская лучше всѣхъ въ Москвѣ; всѣ это знаютъ, и вы со всѣми вмѣстѣ.

— Я? нѣтъ, это не мое мнѣніе. Она, конечно, хороша собой, но у нея есть что-то непріятное въ выраженіи, сказалъ онъ, продолжая сердиться на Оленьку.

— Что такое непріятное? Я ничего такого не замѣчала въ ея лицѣ. Правда, у нея есть что-то гордое во взглядѣ, особенно когда она захочетъ; она иногда посмотритъ такъ холодно и гордо.... но и это даже къ ней идетъ.

— Вовсе нейдетъ. Къ лицу дѣвушки идетъ веселье; надо, чтобъ оно улыбалось, а не выражало какую-то отталкивающую гордость.

— Полноте, баронъ, это вамъ такъ кажется теперь. Я увѣрена, что Оленька чѣмъ нибудь вамъ досадила. Надо ей отдать справедливость, она иногда умѣетъ разсердить на себя. Мнѣ жаль ее право: она, можетъ быть невольно, часто умѣетъ не понравиться такимъ людямъ, которые могутъ сдѣлать репутацію. Она съ нѣкоторыхъ поръ, я замѣчаю, загордилась.

— Чѣмъ же? спросилъ баронъ.

— Да такъ, безъ причины я думаю, не знаю право... должно быть это она у князя переняла... Ахъ извините, баронъ, я забыла, что онъ вамъ родня. Впрочемъ что жь? я ничего дурнаго не сказала. Князь имѣетъ полное право гордиться многимъ. Вы не сердитесь на меня, что я такъ сказала про него? право я такъ необдуманно говорю съ вами, я говорю, что̀ мнѣ приходитъ на мысль, прямо.

— Если вы говорите о князѣ Юріѣ Андреевичѣ Горбатовѣ, то онъ мнѣ родня дальній, и я его вовсе не защищаю, напротивъ, я совершенно согласенъ съ вами, что онъ гордъ и къ тому же скучный человѣкъ.

— Скучный? Князь Юрій? Вы ужь слишкомъ разборчивы. Другимъ, напротивъ, всѣмъ вообще онъ очень нравится. Даже самое лице его всѣ хвалятъ.

— Я не люблю такихъ лицъ, отвѣчалъ баронъ сухо.

— Я тоже не совсѣмъ люблю, оно не въ моемъ вкусѣ, но другимъ онъ нравится.

— Кому же напримѣръ? спросилъ баронъ.

— Да такъ вообще, всѣмъ.... вотъ напримѣръ Катерина Дмитріевна, Оленькина мать, говорила намедни маменькѣ, что онъ очень хорошъ собой.

Тутъ голосъ Кити перебило восклицаніе ея матери.

— Объ чемъ это ты говоришь? спросила она у нея, подходя къ ней.

— Мы говорили о томъ, что многіе находятъ, что князь Горбатовъ хорошъ собой, маменька, отвѣчала дочь.

— Не трудно угадать кто эти многіе, сказала Софья Ивановна, улыбаясь и глядя въ лице барону.

— Кто же такіе? спросилъ онъ.

— Будто вы-то не знаете? спросила она въ свою очередь, все также насмѣшливо улыбаясь.

— Я назвала Катерину Дмитріевну, и баронъ кажется мнѣ не повѣрилъ, сказала Кити тонко.

— Я ничего не говорилъ, отвѣчалъ онъ, но еслибъ я и повѣрилъ, то Катерина Дмитріевна не молодая дѣвушка, и можно сказать безъ вреда для ея репутаціи, что тотъ или другой изъ насъ ей нравится.

— Да, еслибъ *ей* только, замѣтила Бѣлопольская.

— А развѣ и у другихъ тотъ же вкусъ? спросилъ баронъ съ любопытствомъ.

— Это дѣло темное, баронъ, отвѣчала она, дѣло скрытное и къ тому же дѣло тонкое. У Катерины Дмитріевны этотъ вкусъ не спроста, она знаетъ что̀ она дѣлаетъ.

И она взглянула на него значительно.

— Скажите мнѣ пожалуста, что̀ вы думаете? сказалъ онъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Къ чему вамъ говорить догадки? отвѣчала она, будто нехотя и садясь на мѣсто дочери, которая ушла въ другой конецъ комнаты къ другимъ дѣвушкамъ.

— Скажите, все равно; мы мужчины недогадливы и ничего не замѣчаемъ. Вы лучше нашего понимаете тонкости свѣтскія, которыя разбирать должно быть очень забавно.

— Пожалуй, такъ и быть, я вамъ разкажу какъ вижу дѣло, какъ оно мнѣ кажется, только пожалуста вы не принимайте мои слова за что нибудь другое, какъ за мою догадку, основанную конечно на томъ, чего нельзя не замѣтить. Право я думаю, не лучше ли даже не говорить вамъ: вѣдь я совсѣмъ забыла, что вы близкій родня княгини. Какъ нибудь въ разговорѣ съ ней вы можете припомнить кстати мои слова. Нѣтъ, лучше я не скажу ничего, вѣдь это пустяки.

— Скажите пожалуста, зачѣмъ мнѣ говорить княгинѣ что̀ вы мнѣ скажете.

— Вы можетъ быть захотите предупредить ее, вообразите, что это нужно. Я знаю, что она уважаетъ ваше мнѣніе.

Это сильно польстило самолюбію барона. — Я самъ уважаю княгиню, сказалъ онъ, и мы съ ней хороши, но между ею и сыномъ ея есть разница; я вовсе не обязанъ восхищаться имъ и его дѣйствіями.

— Да онъ ни въ чемъ не виноватъ тутъ. Какъ молодой человѣкъ, очень естественно, что онъ можетъ увлекаться — онъ же влюбленъ кажется? Помните, прошлаго года говорили, что тамъ въ Италіи была у него какая-то любовь? Онъ говорятъ хотѣлъ жениться на какой-то пѣвицѣ. Ну, послѣ этого не мудрено, что онъ можетъ быть завлеченъ, женится можетъ быть, не спросясь матери.

— Не ужели женится? спросилъ баронъ:—да она этого не позволитъ, она ему сама готовитъ невѣсту въ Петербургѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы знаете это навѣрное? спросила съ особеннымъ любопытствомъ и оживленіемъ Бѣлопольская.

— Какъ же мнѣ не знать? Она сама мнѣ говорила.

— Бѣдная Катерина Дмитріевна, а она думаетъ, что тутъ въ Москвѣ, далеко отъ княгини, ей удастся сладить свадьбу и пристроить свою Оленьку, сказала съ насмѣшливою жалостію мать Кити.

— Будто она имѣетъ это намѣреніе?

— Какъ вы не замѣтили до сихъ поръ, баронъ, что она ловитъ князя, завлекаетъ его всѣми способами, чтобъ онъ женился на ея дочери?

— Да онъ не женится: какъ же можно не спросясь матери! Я знаю, что у нея совсѣмъ другіе виды для него. Эта свадьба не можетъ сладиться.

— Богъ знаетъ, баронъ: князь молодъ, сбить его не трудно. Жаль что у него характеръ слабый; можетъ выйдти непріятность на всю жизнь отъ скораго рѣшенія, и потомъ самъ будетъ раскаяваться, да ужь поздно.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ баронъ, но врядъ ли княгиня допуститъ его до этого. Она женщина съ характеромъ.

Бѣлопольская опять встала, уступая мѣсто дочери, которая пришла назадъ и привела съ собой другую дѣвушку,—мать же возвратилась въ залу къ своимъ картамъ, довольная тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на барона ея слова.

— Теперь я понимаю, надо мной смѣялись, подумалъ баронъ; посмотримъ, князь Юрій Андреевичъ, кто теперь посмѣется. Она за меня не пойдетъ, да я и не заплачу объ этомъ, я не влюбленъ въ нее, ну да и вамъ не жениться по своему.

ГЛАВА IX.

ЧТО ДѢЛАЕТЪ БАРОНЪ.

Этотъ вечеръ у Бѣлопольскихъ былъ многозначителенъ для барона Вальроде; намеки хозяйки дома произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ рѣшился обратить свое вниманіе туда

гдѣ ждалъ его успѣхъ, и отложилъ покупку дома. Но при всемъ своемъ нѣмецкомъ хладнокровіи, и при всей расчетливости въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ, онъ былъ непрочь отомстить за свою неудачу. Раздумывая объ этомъ, баронъ втолковалъ себѣ, что предупредить княгиню было бы даже его обязанностью, что онъ, какъ родственникъ ея и человѣкъ степенный, не долженъ допускать этой свадьбы, когда онъ зналъ, что княгиня имѣетъ другія намѣренія. Недовольный одними намеками Бѣлопольской, баронъ сталъ самъ примѣчать за княземъ, за Оленькой и Катериной Дмитріевной. Ему хотѣлось доказательствъ, хотѣлось, чтобъ молодой человѣкъ проговорился; онъ попробовалъ разъ вызвать его на откровенность, но это не удалось ему, и онъ еще больше не взлюбилъ князя за его гордую скрытность. Это было какъ-то подъ конецъ поста, когда баронъ по какому-то дѣлу сбирался недѣли на двѣ въ Петербургъ, и когда сердечныя его дѣла съ Кити Бѣлопольской подвигались впередъ, и въ Москвѣ поговаривали, что онъ на ней женится, а баронъ съ пріятной улыбкою отшучивался, когда ему намекали, что можно его поздравить. Князь Юрій обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ у Шевалье. Оба были въ хорошемъ расположеніи духа. Наливая себѣ бокалъ шампанскаго, князь съ улыбкою спросилъ барона: «когда свадьба?«

— Когда нибудь, развѣ можно напередъ говорить? скромно отвѣчалъ онъ.

— Что за скромность? полноте, дядюшка, будто вы не увѣрены, что когда захотите, тогда и свадьба будетъ?

— Я вовсе не такъ увѣренъ. Вотъ вы по себѣ судите, князь Юрій, вы привыкли къ успѣху всегда и вездѣ.

— Я? гдѣ же?

— Гдѣ? да вездѣ, и въ Италіи, и Богъ знаетъ гдѣ еще, думаю, и здѣсь въ Москвѣ. Всѣ знаютъ, что вы человѣкъ счастливый, сказалъ баронъ, посмѣиваясь и попивая свое шампанское.

Юрію былъ непріятенъ насмѣшливый тонъ пожилаго селадона.

— Не знаю о какомъ счастіи вы говорите, сказалъ онъ довольно сухо.

— О вашемъ счастіи. Васъ вездѣ на рукахъ носятъ, на васъ заглядываются и хорошенькія дочки и заботливыя маменьки. Вы ли не счастливы?

Въ голосѣ барона слышалась насмѣшка и досада на успѣхъ, которому онъ завидовалъ. Князь, слушая его, становился все серіознѣе.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите. За собой я никакихъ особенныхъ успѣховъ не знаю и не расчитываю на нихъ, даже не желаю ихъ, отвѣчалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Баронъ недовѣрчиво покачалъ головой, но перемѣнилъ голосъ.

— Не шутя, князь Юрій, какъ человѣкъ вамъ не чужой, я скажу вамъ то, что̀ я замѣтилъ и что̀ всѣ замѣтили. На васъ многіе имѣютъ серіозные виды въ Москвѣ.

— Право? спросилъ холодно князь.

— Многіе, очень многіе, и это не мудрено. Такихъ жениховъ, какъ вы, конечно не много. Съ вашимъ состояніемъ, въ вашемъ положеніи, на васъ всѣ смотрятъ и расчитываютъ.

— Тѣмъ же хуже для тѣхъ, кто на меня расчитываетъ, сказалъ князь сухо: ошибутся въ своемъ расчетѣ.

— Будто ошибутся? спросилъ баронъ; полноте, какъ бы вамъ самимъ не ошибиться.

— Не думаю, чтобъ я ошибся, отвѣчалъ князь задумчиво, припоминая лице Оленьки. «Неужели я и этотъ разъ еще могу обмануться?» подумалъ онъ про себя.

— Ну, Богъ знаетъ, продолжалъ баронъ, вы еще молоды и влюбчивы; къ тому же, помните, что̀ разъ съ вами было?

— Это опять таже старая исторія? спросилъ князь, посмотрѣвъ на него:—ну да, меня обманули, да съ кѣмъ этого въ жизни не бывало. Вѣрно и васъ также, дядюшка, прежде... да что̀ я говорю прежде, продолжалъ онъ, добродушно улыбаясь: для васъ время любви еще не проходило и скоро вы познакомите насъ съ баронессой.

— Я—совсѣмъ другое дѣло, перебилъ баронъ. Тутъ случай ничего не сдѣлаетъ, тутъ рѣшитъ моя воля, а васъ можно будетъ завлечь, потому что вы влюбчивы. Вы молоды.

— Изъ того, что я молодъ, еще не слѣдуетъ, что меня непремѣнно проведутъ. И почему вы думаете, что я хочу жениться? спросилъ онъ довольно гордо: — я кажется никому не говорилъ, что имѣю это намѣреніе?

— Вы не говорили, вы не имѣете намѣренія, да я и не говорю, что вы женитесь, но на васъ имѣютъ виды, отвѣчалъ баронъ.

— И этого я не знаю и не замѣчалъ.

— Я и не говорю, что вы замѣчаете, продолжалъ баронъ.

Князю стало досадно и скучно, что онъ набивается на объясненія и пристаетъ къ нему съ своими догадками.

— Вы напрасно безпокоитесь смотрѣть за мной, баронъ, сказалъ онъ учтиво, но холодно: — я не думаю о женитьбѣ и ваши догадки не сбудутся.

— Богъ знаетъ, князь, женщины хитры, продолжалъ навязчивый баронъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ князь сухо.

— Кто кого перехитритъ.

— Я не знаю на что̀ вы намекаете, сказалъ князь, скажите лучше прямо, кого вы разумѣете?

Баронъ не ожидалъ прямаго вопроса, онъ смѣшался и сбился.

— Я никого не имѣлъ въ виду, въ моихъ словахъ нѣтъ никакихъ личностей, да и не можетъ быть; мнѣ некого назвать но когда всѣ толкуютъ о вашемъ состояніи, когда всѣ расчитываютъ на него, это что нибудь да значитъ.

Князь не отвѣчалъ ни слова.

«Неужели на меня всѣ рѣшительно смотрятъ только какъ на выгоднаго жениха? думалъ онъ; вѣдь это обидно: неужели въ человѣкѣ цѣнятъ только состояніе и выгодное положеніе?» Но благородный въ душѣ, онъ прогналъ скоро это подозрѣніе и перемѣнилъ разговоръ, давъ понять барону, что онъ не захочетъ открыть ему свое сердце или принять его совѣтъ.

Баронъ уѣхалъ въ Петербургъ скоро послѣ этого обѣда. Свою сплетню онъ привезъ туда очень кстати. Въ другое время княгиня бы не обратила можетъ быть вниманія на его предположенія, но теперь слова его произвели должное впечатлѣніе.

Всю эту зиму княгиня Горбатова была занята одною мыслію, которая изъ простаго желанія скоро переродилась въ намѣреніе и которую ей хотѣлось осуществить скорѣе: она рѣшилась женить князя Юрія Андреевича. Съ самаго того времени, когда со словъ Юліи Ѳедоровны эта мысль запала ей въ голову, она не оставляла княгиню и сильно занимала ее. Переѣхавъ въ Петербургъ, она слѣдила за молодыми дѣвушками, выбирая между ними свою будущую невѣстку. Но и тутъ прежнее за-

душевное желаніе, видѣть сына своего дѣйствующимъ лицемъ, и не послѣднимъ, въ дѣлахъ и службѣ, не оставило княгиню; оно прицѣпилось къ новому ея желанію и слилось съ нимъ въ одно. Она скоро нашла то, чего искала, и остановила свой выборъ на одной, очень молоденькой дѣвушкѣ, только что показавшейся въ свѣтѣ. Въ этомъ хорошенькомъ ребенкѣ ей нравилось особенно положеніе ея отца, человѣка умнаго, полезнаго, предпріимчиваго, одного изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ увлечь за собой другихъ своею неутомимою дѣятельностію. Она многаго ожидала отъ его вліянія на князя Юрія, который зналъ и уважалъ его; ей хотѣлось сблизить съ нимъ сына, черезъ бракъ во всѣхъ отношеніяхъ приличный и ровный. А что̀ касалось до будущей невѣстки, то она расчитывала на ея молодость, на хорошенькое личико. «Онъ привяжется къ ней, у Юрія привязчивое, доброе сердце. Она дитя, изъ нея все можно будетъ сдѣлать, они могутъ быть счастливы.»

Рѣшившись въ этомъ выборѣ, княгиня осталась имъ довольна и была почти увѣрена въ совершенномъ успѣхѣ. Въ согласіи сына она была увѣрена напередъ. Отца молодой дѣвушки князь зналъ давно, и восхищался свѣжею красотой его дочери. «По возвращеніи изъ-за границы Юрій сталъ немножко страненъ, говорила себѣ княгиня, онъ безпечнѣе, лѣнивѣе прежняго, онъ равнодушенъ ко всему. Стало быть у него нѣтъ никакого особеннаго чувства или пристрастія на сердцѣ: итальянскія глупости прошли. Теперь самое лучшее время, чтобъ его женить. Пока онъ живетъ въ Москвѣ, чтобъ не служить и не слушать моихъ упрековъ за его лѣнь, я приготовлю для него невѣсту, устрою это дѣло и потомъ выпишу его. Я не стану съ нимъ совѣтоваться. Я его знаю: самъ онъ съ трудомъ на что нибудь рѣшится, а когда дѣло будетъ уже рѣшено, онъ приметъ его безъ отговорки.»

Итакъ княгиня, не спросясь сына, начала сватовство. Она часто приглашала къ себѣ молодую дѣвушку, разговаривала съ ней, старалась узнать ее короче. Это подало поводъ къ замѣчаніямъ и толкамъ въ Петербургѣ. Хотя княгиня никому не повѣрила своего намѣренія, однако многіе отгадали его.

О томъ, что̀ дѣлалось въ Москвѣ, княгиня не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія; хотя князь Юрій Андреевичъ и часто писалъ

къ ней, но о своемъ новомъ чувствѣ онъ не рѣшался еще говорить матери. Онъ еще боялся довѣриться этому чувству, боялся разстроить то спокойное счастіе, которое испытывалъ. Онъ не зналъ навѣрное, любитъ ли его Оленька. Въ письмахъ своихъ къ матери онъ казался веселѣе чѣмъ когда уѣзжалъ изъ Петербурга.

Княгиня не спѣшила вызывать его, продолжая дѣлать свои приготовленія, когда баронъ Вальроде, пріѣхавъ въ Петербургъ, явился къ ней съ визитомъ.

Княгиня не принимала въ этотъ день, но для него какъ для родственника сдѣлано было исключеніе; онъ же привезъ письмо отъ молодаго князя. Княгиня была въ веселомъ расположеніи духа; на канунѣ она обѣдала у отца своей будущей невѣстки и окончательно убѣдилась, что князю нечего бояться неудачи. Довольная своимъ успѣхомъ, она въ это самое утро передъ пріѣздомъ барона сообщила Юліи Ѳедоровнѣ, что хочетъ женить своего сына, и говоря съ ней объ этомъ, припомнила старушкѣ, что она подала ей этотъ совѣтъ въ Воздвиженскомъ осенью, и смѣясь поблагодарила ее за хорошую мысль. Княгиня собиралась уже писать къ сыну, чтобъ разказать ему все и уговорить его возвратиться, но пріѣздъ барона помѣшалъ ей. Она приняла его ласково, весело распрашивала про Москву, спросила объ его сердечныхъ дѣлахъ, почти съ участіемъ, но вмѣстѣ и съ едва замѣтною насмѣшкой, спросила все это мелькомъ, учтиво, но слегка касаясь всѣхъ этихъ постороннихъ предметовъ изъ свѣтскаго приличія, между тѣмъ какъ вопросы о сынѣ берегла подъ конецъ. Пришла и ихъ очередь.

— А что́ Юрій дѣлаетъ въ Москвѣ? спросила она, скучаетъ или веселится?

— Скучаетъ? князь Юрій? какъ можно ему скучать! сказалъ баронъ, значительно ударяя на каждое слово.

— Стало быть веселится? я очень рада, что онъ развеселился у васъ въ Москвѣ. Я говорю: у васъ въ Москвѣ, зная, что вы скоро сдѣлаетесь совсѣмъ московскимъ жителемъ, женитесь тамъ и поселитесь.

— Какъ бы и князь тамъ тоже не поселился, онъ кажется не прочь сдѣлаться московскимъ жителемъ, опять такъ же замѣтилъ баронъ.

— Ему всегда хотѣлось пожить въ Москвѣ, отвѣчала княгиня, я вовсе не удивляюсь, что ему тамъ понравилось.

— О, ему очень тамъ понравилось!

— Чтожь онъ дѣлаетъ, скажите?

— Да по большей части ничего не дѣлаетъ, но ему очень весело. Вы бы его не узнали, такъ его измѣнила московская жизнь.

— Однако онъ сбирается сюда. Онъ вамъ не говорилъ когда онъ будетъ назадъ въ Петербургъ? спросила княгиня.

— Я думаю ему и въ голову не приходитъ мысль объ отъѣздѣ, отвѣчалъ баронъ.

— Неужели? Вы думаете, что онъ до лѣта хочетъ тамъ остаться? Какой вздоръ! Чтожь онъ тамъ будетъ дѣлать праздники одинъ? сказала княгиня съ удивленіемъ.

— Мнѣ вашъ сынъ ничего объ этомъ не говорилъ, но меня вовсе не удивитъ если онъ останется въ Москвѣ; повѣрьте, онъ и не замѣтитъ какъ пройдетъ время. Не думайте чтобъ онъ тамъ томился въ одиночествѣ.

— Я знаю, что у него много знакомыхъ, сказала княгиня, но все таки онъ одинъ тамъ, потому что у него нѣтъ въ Москвѣ ни родныхъ, ни близкихъ.

— Родныхъ нѣтъ, а близкихъ какъ не быть, сказалъ баронъ улыбаясь значительно.

— Кто-жь такіе близкіе у моего сына въ Москвѣ? спросила прямо княгиня, поднимая голову, чтобъ посмотрѣть на барона. Нѣмецъ увернулся отъ прямаго отвѣта.

— Князь молодъ, веселится отъ души, ему конечно всѣ и вездѣ ради, сказалъ онъ уклончиво:—онъ сблизился со многими домами и проводитъ время пріятно.

— Нашелъ ли онъ людей, съ которыми бы могъ сойдтись? опять спросила княгиня, видя что онъ уклоняется отъ вопроса, на который самъ навелъ ее.

— Какъ не найдти! у него много короткихъ знакомыхъ, есть дома гдѣ онъ принятъ какъ родной. Катерина Дмитріевна Озерская напримѣръ.

— Я рада, что онъ бываетъ у нея, сказала княгиня:—она добрая женщина и вообще это хорошее семейство, я ихъ давно знаю.

— Такъ вы старые знакомые? А я, не зная этого и встрѣчая Юрія безпрестанно въ домѣ Катерины Дмитріевны, предполагалъ было... думали, что этому другая причина... Онъ замялся говоря это.

— Какая же? спросила довольно сухо княгиня.

— Дочь Катерины Дмитріевны дѣвушка очень привлекательная... можно было подумать... Да вѣдь вы знаете характеръ Юрія: ему влюбиться не долго.

— Я не думаю, чтобъ мой сынъ былъ серіозно влюбленъ и скрывалъ отъ меня свое чувство, опять тѣмъ же голосомъ замѣтила княгиня.

— Вы не можете себѣ представить сколько у него успѣховъ въ свѣтѣ! Какъ за нимъ замѣчаютъ, какъ толкуютъ каждое его дѣйствіе!

— Толкуютъ разумѣется по своему, нетерпѣливо перебила княгиня.

— Конечно всякій дѣлаетъ свое предположеніе и судитъ по своему; тотъ говоритъ, что онъ влюбленъ, другой, что его ловятъ; та говоритъ, что онъ женится, другая, что нѣтъ.

— Какія глупости иногда говорятъ въ Москвѣ отъ нечего дѣлать, замѣтила княгиня, стараясь казаться хладнокровной, между тѣмъ какъ брошенный ловко намекъ посѣялъ уже подозрѣніе въ ея сердцѣ.

— Говорили передъ моимъ отъѣздомъ, что добрая Катерина Дмитріевна имѣетъ виды на вашего сына и что она непремѣнно женитъ его на своей дочери, потому что онъ влюбленъ въ нее, сказалъ баронъ смѣясь,—я сплетнямъ не вѣрю, однако я предупредилъ Юрія.

— Мало ли какой вздоръ выдумываютъ иногда люди, отвѣчала княгиня задумываясь все больше и больше.

— Я ему разказалъ, что̀ слышалъ, продолжалъ баронъ:— иногда бываетъ полезно во-время узнать сплетню.

— Я думаю онъ смѣялся надъ этими выдумками? спросила княгиня съ улыбкой, а между тѣмъ, вглядываясь въ лице разкащика, она хотѣла допытаться о чувствѣ своего сына.

— Онъ не смѣялся, отвѣчалъ баронъ серіозно,— онъ ничего мнѣ не сказалъ, но ему было непріятно узнать объ этихъ слухахъ.

— Конечно непріятно. Юрій не любитъ когда на него выдумываютъ небылицы.

— Объ этомъ впрочемъ не было ни слова, — онъ только сказалъ: «я никому не говорилъ, что хочу жениться.»

— Онъ сказалъ это? спросила княгиня.

—Да, и мнѣ кажетсяразсердился, когда я намекнулъ на Озерскую.

— Я понимаю это. Оленька Озерская можетъ нравиться и моему сыну какъ всѣмъ другимъ, но ея имя не должно ходить въ городской сплетнѣ, тѣмъ болѣе, что эта сплетня ни на чемъ не основана, сказала княгиня гордо и серіозно, и перемѣнила разговоръ. Но подозрѣніе глубоко запало въ ея душу; она поняла, что баронъ говоритъ не спроста, что есть какое нибудь основаніе для городскихъ толковъ, которые онъ ей передалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вспомнила о другихъ слухахъ, слухахъ петербургскихъ, и о своихъ планахъ, которые дали поводъ къ этимъ толкамъ, поняла, что все это должно теперь кончиться ни чѣмъ, и ей стало досадно на себя, на сына, на всѣхъ. Баронъ могъ отдыхать на лаврахъ, дѣло мести удалось ему совершенно.

ГЛАВА X.

НЕПРІЯТНОСТИ.

Баронъ уѣхалъ, довольный своимъ, утромъ оставивъ на душѣ своей родственницы тяжелую думу. Изъ переданной ей сплетни она поняла двѣ вещи: что сынъ ея влюбился въ Оленьку Озерскую и что Катерина Дмитріевна ловитъ его какъ богатаго жениха. Судя по намекамъ своего внучатнаго брата, она догадалась, что эта новая любовь князя дѣло гласное въ Москвѣ, что многіе предполагаютъ тамъ возможность счастливаго окончанія романа законнымъ бракомъ.

«Что́ будутъ теперь въ правѣ подумать обо мнѣ?» спрашивала себя княгиня, вспоминая что ей не удалось скрыть отъ вниманія общества своихъ намѣреній на счетъ совсѣмъ другаго брака, который она замышляла для своего сына. «Всякій можетъ смѣяться надо мной, подумала она съ досадой, всякій можетъ осуждать меня. Всего обиднѣе, что будутъ жалѣть меня и дадутъ мнѣ почувствовать что я поступила неосторожно и глупо.»

Вслѣдъ за этими мыслями пришла другая еще непріятнѣе. Что́ подумаютъ объ ея характерѣ и объ ея поступкѣ тѣ, кому она, хотя конечно осторожно, но все же дала понять, что желаніе ея сердца и выборъ сына должны сойдтись, и что ту молодую дѣвушку, которую она ласкала всю зиму, она надѣется назвать дочерью? Что́ же скажетъ ея отецъ?

«Противъ воли матери онъ не женится, я его знаю,» подумала она, стараясь успокоить себя. Но много непріятнаго накопилось у нея на сердцѣ съ этими мыслями. Тайно въ душѣ своей она сознавалась, что она во всемъ виновата, что поступила необдуманно и неосторожно, стараясь упрочить счастіе сына, не спросясь, согласенъ ли онъ на ея желаніе, но гордость мѣшала ей признать свою ошибку, и вмѣсто того чтобъ поправить ее, она готова была на несправедливость.

Среди всѣхъ этихъ непріятныхъ размышленій княгиня вспомнила, что въ этотъ вечеръ у нея должны собраться нѣсколько дамъ. Какая скука, подумала она и поглядѣла на часы — было болѣе восьми часовъ, а она звала ихъ въ девять. Послать сказать, что она нездорова, было поздно.

Нечего было дѣлать, она рѣшилась принять приглашенныхъ дамъ какъ будто бы она была имъ въ самомъ дѣлѣ рада, и когда пріѣхали эти дамы, онѣ не нашли въ учтивой, любезной хозяйкѣ никакой перемѣны. Вечеръ прошелъ пріятно для гостей, и никто не могъ догадаться, что душа и сердце хозяйки были встревожены, что она изнемогала отъ этой принужденной скрытности, которую гордость и свѣтская привычка налагали на ея чувства.

Это принужденіе еще болѣе разстроило княгиню и подъ его вліяніемъ все что́ въ ея душѣ боролось противъ несправедливаго желанія поддержать свою ошибку, совершенно изчезло: гордость восторжествовала надъ чувствомъ матери.

Отправивъ письмо къ сыну, княгиня сдѣлалась покойнѣе. «Теперь по крайней мѣрѣ онъ не женится въ Москвѣ», подумала она, «но должно быть и петербургское мое сватовство кончится ничѣмъ».

Баронъ сказалъ правду: въ Москвѣ точно поговаривали о женитьбѣ князя Горбатова на Оленькѣ Озерской. Юрій съ каждымъ днемъ привязывался къ молодой дѣвушкѣ,—но мысль

о женидьбѣ, не смотря на городскія предположенія и толки, еще не приходила ему въ голову.

А между тѣмъ любовь сдѣлала свое дѣло. Въ немъ произошла большая перемѣна. Едва замѣтнымъ, тихимъ вліяніемъ своимъ, все что̀ въ сердцѣ женщины есть кроткаго и добраго, стало объяснять ему ту тайную сторону мысли и чувства, которую рѣдко пойметъ мужчина самъ по себѣ. Князь веселѣе и охотнѣе взглянулъ теперь впередъ на жизнь, какъ будто новый лучъ блеснулъ предъ нимъ. Много благородныхъ намѣреній первой поры своей молодости припомнилъ онъ, чувствуя, что можетъ ихъ выполнить современемъ, что въ душѣ его нашлась сила, съ которою можно жить и дѣйствовать.

Въ одно утро, когда онъ сбирался выѣхать изъ дому, ему подали письмо съ почты. Онъ взглянулъ на надпись, узналъ руку матери и хотѣлъ было положить письмо въ карманъ съ тѣмъ чтобъ прочитать послѣ—онъ спѣшилъ къ Озерскимъ, — но одумался и воротился въ кабинетъ. Ему стало совѣстно передъ матерью: онъ сознался передъ собой въ эту минуту, что позабылъ объ ней, занятый своею любовію. Распечатывая ея письмо, онъ вдругъ почувствовалъ на сердцѣ какое-то смутное безпокойство и предчувствіе чего-то недобраго, ему стало страшно. Вотъ что она писала?

« Я давно уже сбиралась говорить съ тобой серіозно о томъ, что̀ я придумала и отчасти уже устроила для твоего счастія, Юрій, но мнѣ не хотѣлось тревожить тебя напрасно, а до сихъ поръ у меня были еще сомнѣнія въ успѣхѣ, которыя теперь больше не существуютъ. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду я хлопотала для тебя ничего не говоря тебѣ (начало сватовства чисто женское дѣло), но теперь, когда все тебѣ и возможно, и легко, я рѣшилась открыть тебѣ все. Ты давно скучаешь жизнію: семейное счастіе разгонитъ эту скуку. Пора тебѣ, Юрій, остепениться и начать новую счастливую и вмѣстѣ дѣятельную жизнь, сообразную съ твоимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Для тебя выборъ жены особенно важенъ. Ты говорилъ мнѣ всегда, что ты поручишь мнѣ выбрать тебѣ жену, не дальше какъ нынѣшнюю зиму ты далъ мнѣ понять, что женишься не иначе какъ по разсудку. Зная, что сердце твое свободно, увѣренная, что не будешь противиться волѣ матери, я вы-

брала тебѣ достойную невѣсту. Я нарочно для этого сблизилась съ семействомъ ея отца, графа Петра Ѳедоровича — кажется тебѣ нечего сказать противъ такого брака? Возвратясь изъ Италіи, ты видѣлъ ее у меня въ Петербургѣ и восхищался ея красотой; мнѣ показалось, что она тебѣ понравилась. Отца ея ты уважаешь, родство съ ними совершенно прилично и можетъ быть полезно для твоей будущности. Я нѣсколько разъ, осторожно и тонко, намекала стороной на мою мысль графу и надѣюсь на полный успѣхъ. Пріѣзжай скорѣй, мой другъ, обрадуй мать твою, дай мнѣ утѣшеніе видѣть тебя наконецъ счастливымъ. Я увѣрена, что этотъ бракъ составитъ со временемъ твое счастіе. Въ любви ты не разъ обманывался, а для женитьбы любовь вовсе не такъ нужна какъ иные думаютъ. Надобно только, чтобъ выборъ былъ хорошъ, а я сдѣлала его послѣ серіознаго размышленія. Впрочемъ въ твою невѣсту и влюбиться не трудно. Я надѣюсь видѣть тебя скоро въ Петербургѣ—мнѣ такъ хочется поговорить съ тобой, такъ хочется сблизить тебя съ нею. Въ городѣ уже догадываются о моемъ желаніи, хотя я дѣйствовала тайно и хитро. Но такъ какъ я дѣвушекъ принимаю мало, а ее иногда приглашала, чтобъ познакомиться съ нею покороче, то это было замѣчено. Надѣюсь на твое одобреніе и согласіе, другъ мой; надѣюсь также, что ты не разсердишься на меня, что я прежде не писала тебѣ объ этомъ: я хотѣла все разу знать и открыть дорогу.»

Это письмо какъ громомъ поразило Юрія...

Тригорскій.

РАМАЗАНЪ ВЪ СТАМБУЛѢ

Въ мусульманскомъ мірѣ не мало странностей, но между ними едва ли не первое мѣсто занимаетъ мусульманскій постъ. Вы удивляетесь, что постъ поставленъ въ числѣ странностей, и притомъ перваго разряда, но какъ же мнѣ выразиться иначе о Рамазанѣ, о томъ Рамазанѣ, который я наблюдалъ, въ полномъ его развитіи и блескѣ, въ столицѣ мусульманства — въ Константинополѣ? Всѣ мы привыкли соединять съ идеей о постѣ нѣчто суровое, полное непрерывныхъ лишеній и умерщвленія страстей: нѣтъ ничего подобнаго въ мусульманскомъ постѣ, который въ добавокъ еще и не прообразуетъ никакой тайны, никакого событія, исполняется неизвѣстно за чѣмъ и ни къ чему почти не ведетъ. Это—пустая форма безъ идеи, и притомъ какая форма!... Заботясь о нѣкоторой оригинальности въ своей религіи, Мухаммедъ далъ мусульманскому посту необыкновенное условіе: человѣкъ подвергаетъ себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питья въ теченіе дня, но за то онъ можетъ вознаградить себя въ теченіе ночи любымъ угощеніемъ и наслажденіями всякаго вида, за исключеніемъ вина, вообще запрещеннаго въ исламѣ. Усердный мусульманинъ и не оставляетъ пользоваться размашисто дозволеніемъ своего наставника, такъ что Рамазанъ превращается изъ поста въ самый веселый мѣсяцъ въ году: вмѣсто тишины, самоуглубленія и покаянія, вы видите грубое, неистовое подражаніе аѳинскимъ ночамъ...

Мы не будемъ разсуждать о томъ, какъ смотрѣлъ на учреждаемый имъ постъ самъ Мухаммедъ. Достаточно привести лишь постановленіе Алкурана о соблюденіи Рамазана: «О вы, вѣрующіе!

постъ предписанъ вамъ также, какъ онъ былъ предписанъ бывшимъ прежде васъ.... Мѣсяцъ Рамазанъ, въ который ниспосланъ Алкуранъ, назначается вамъ для поста» (Алкур. II, 179 — 184). Достаточно сказать, что основной идеи поста въ Рамазанѣ не заключается, а позднѣйшій уставъ совершенно извратилъ эту идею, такъ что, не смотря на предписываемую исламомъ умѣренность и воздержаніе во всякое время, въ Рамазанъ эти добродѣтели откладываются въ сторону. Если съ одной стороны строгость мусульманскихъ понятій о пощеніи въ продолженіе дня доходитъ до нелѣпости, запрещающей даже открытіе рта для разговора, изъ страха, чтобъ не вошло въ человѣка много воздуху, то съ другой стороны мусульманинъ пресыщается и наслаждается въ теченіе цѣлой ночи. Такое отрицаніе благороднаго торжества надъ плотью тѣмъ болѣе неразумно, что изнуряемое въ теченіе дня тѣло съ избыткомъ подкрѣпляется ночью, и мусульманинъ одинъ мѣсяцъ въ году живетъ извращенною жизнію. Наставленія Гуфеланда о долголѣтіи человѣческомъ не могутъ быть приложены къ обреченному на Рамазанъ послѣдователю Мухаммеда, и конечно мусульманскій постъ нигдѣ не остается безъ послѣдствій для здоровья правовѣрнаго: то, что было не труднымъ и даже обычнымъ дѣломъ для Бедуина, природой и климатомъ осужденнаго на самый умѣренный образъ жизни, въ другихъ странахъ является безобразнымъ и вреднымъ уставомъ, тѣмъ болѣе, что жертва безцѣльна и безплодна

Остановимся на этомъ осужденіи мусульманскаго Рамазана и перейдемъ прямо къ описанію поста, какъ онъ соблюдается въ Стамбулѣ.

Лунное счисленіе и неизвѣстность появленія новой луны повсюду ставитъ мусульманскіе желудки въ большое затрудненіе: ревностные правовѣрные, въ грустномъ предчувствіи близкаго поста, ежедневно наѣдаются съ большимъ усердіемъ, расчитывая, что не сегодня—завтра премудрые муллы-астрологи возвѣстятъ наступленіе Рамазана, и это жирное приготовленіе къ посту иногда продолжается нѣсколько дней, особенно при облачномъ небѣ, не предъявляющемъ новой луны. Для спасенія стамбульскихъ желудковъ, устроена на Босфорѣ особенная обсерваторія, съ которой избранные знахари высматриваютъ появленіе новой луны въ началѣ и концѣ Рамазана: иногда неблагосклонное небо скроетъ ночную гостью за непроницаемою тканью облаковъ, и тогда босфорскіе астрологи-наблюдатели, подождавъ напрасно ясной погоды и сообразивъ свои исчисленія, объявляютъ, что новая луна уже должна, по ихъ сужденію, проливать поэтическій свѣтъ на «страну невѣрія», только

не на Стамбулъ, и что слѣдовательно Рамазанъ начинается съ этой ночи.

Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ прогрохотали по Босфору при закатѣ солнца, также предполагаемомъ умозрительно, какъ и появленіе новой луны; но правовѣрные не мудрствуютъ лукаво, они слѣпо вѣрятъ въ знаніе своихъ астрологовъ и считаютъ Рамазанъ несомнѣнно начавшимся. Для бо́льшаго удостовѣренія въ этой печальной истинѣ, минареты мечетей унизаны плошками, въ Портѣ играетъ пронзительная военная музыка, и ночные сторожа «бегчи» оглушаютъ свои кварталы стуканьемъ по огромному бубну. Первая ночь проходитъ довольно шумно, съ помощію этой обстановки, но народа (не смѣю сказать публики) на улицахъ и въ кофейняхъ не много, также какъ и муллъ въ мечетяхъ: правовѣрные проводятъ ночь въ «андерунахъ» (харемахъ), съ своими семействами; это— нѣчто въ родѣ нашего заговѣнья..... Даже самая иллюминація въ первую ночь нѣсколько бѣдна: Рамазанъ не вступилъ въ полное свое развитіе; всѣ еще готовятся къ его увеселеніямъ.

Тоже самое происходитъ и въ слѣдующія ночи, до первой рамазанной пятницы, мусульманскаго недѣльнаго праздника: утромъ, на восходѣ солнца, и вечеромъ, при закатѣ его, босфорскія батареи, подъ предводительствомъ скутарійской, возвѣщаютъ начало и конецъ поденія, сообразно чему и раздѣляетъ свою жизнь правовѣрный. Утромъ онъ старается какъ можно позже выбраться изъ дому, наверстывая отсутствіе пищи на несвоевременномъ снѣ; выйдя по дѣлу, мрачный и молчаливый сидитъ онъ или въ лавкѣ своей, или отправляетъ лѣниво и кое-какъ службу свою; на улицахъ тишина, въ домахъ тоже, и вообще Стамбулъ въ эту эпоху какъ будто обезлюдѣетъ; самыя собаки, въ другую пору безпрестанно кидающіяся подъ ноги, спятъ въ рамазанный день гдѣ-то по захолустьямъ и постятся на-ряду съ правовѣрными. Рѣдко на улицѣ встрѣтится живое существо, которое притомъ не обращаетъ ни на что вниманія и медленнымъ шагомъ свершаетъ свой путь; мѣстами есть даже и толпа, но все это движется вяло, говоритъ тихо и смотритъ сонно. Благочестивые или лучше богатые мусульмане стараются даже покончить всѣ свои дѣла до Рамазана или не начинать ихъ въ этомъ мѣсяцѣ, чтобы можно было проводить дни дома въ истинно благочестивомъ снѣ.

Глядя на эти истомленныя и глубокомысленныя физіономіи правовѣрныхъ, едва выпускающихъ сквозь зубы полуслова и полузвуки, невольно подумаешь про себя: какое прекрасное исполненіе тяжелаго устава, и какъ эти люди самоуглубляются въ сознаніе человѣ-

ческаго ничтожества! Ложная мысль: ничего похожаго здѣсь нѣтъ. Мусульманинъ воздерживается отъ пищи безотчетно и нелѣпо, и въ то время, какъ вы считаете его погруженнымъ въ глубокую и потрясающую думу, онъ лишь смотритъ тупо на острый конецъ своихъ башмаковъ и ровно ни о чемъ не думаетъ: онъ созерцаетъ пустоту съ такимъ усердіемъ, что и самъ кромѣ пустоты ничего не заключаетъ въ себѣ. Говорю это не шутя и даже думаю, что это отупѣніе у мусульманина въ Рамазанъ идетъ прогрессивно, такъ что въ концѣ поста резигнація достигаетъ совершеннаго отсутствія всякаго мышленія. Трудно и повѣрить такому явленію, но истинный мусульманинъ представляетъ еще много и другихъ аномалій. Пускай еще была бы какая нибудь цѣль въ этомъ самозабвеніи, но и того нѣтъ, какъ нѣтъ рамазаннаго устава для гяуровъ: послѣдніе нисколько не измѣняютъ и въ Стамбулѣ своихъ занятій, только заранѣе приготовляются къ закрытію турецкихъ присутственныхъ мѣстъ; для гяуровъ открыты и кофейни и харчевни, особенно въ христіанскихъ кварталахъ; только, для соблюденія приличій, невѣрные сидятъ внутри заведеній.

Я сказалъ, что присутственныя мѣста въ Рамазанъ закрываются. Это полузакрытіе состоитъ собственно въ томъ, что присутствіе начинается позже и расходятся изъ него раньше, т. е. начинаютъ судъ и расправу по всевѣдущему Алкорану съ часу или двухъ пополудни, а въ три или четыре часа присутствіе закрывается. На базарахъ народу, впрочемъ, довольно, особенно въ концѣ Рамазана, когда турецкій прекрасный полъ устремляется вереницами на закупку нарядовъ къ «Бейраму», празднику послѣ Рамазана; впрочемъ и торговыя дѣла въ постъ идутъ потихоньку. Безистанъ, лучшій стамбульскій базаръ, открывается часа на два или на три не болѣе, въ то же время какъ и присутствія; невольничій рынокъ — въ мое время онъ еще существовалъ — хотя и открытъ вмѣстѣ съ другими лавками, но покупателей здѣсь не бываетъ. Въ городскихъ кофейняхъ нѣтъ ни огня, ни кофе, ни трубокъ: развѣ найдете вы трубку, но не посѣтителей, въ какой нибудь кофейнѣ у Сюлейманової мечети, гдѣ собираются «терьяки» (любители опіума). Само собою разумѣется, что посѣтителемъ, спросившимъ себѣ трубку, можетъ быть лишь гяуръ, но я не совѣтую франку, въ его костюмѣ, расхаживать въ рамазанный день по всему Стамбулу: фанатики будутъ на него вездѣ коситься, а гдѣ нибудь въ переулкѣ полетитъ въ него и камень, пущенный неизвѣстно кѣмъ и откуда...

Но вотъ солнце близко къ закату: правовѣрные спѣшатъ покон-

чить свои занятія, иные бросаютъ дѣло на половинѣ, и все мусульманское населеніе устремляется домой. Впрочемъ, нѣтъ, не все: благочестивые участвуютъ въ общей молитвѣ въ мечетяхъ. Несмотря на то, что взоры постящихся очень часто и пытливо устремляются на западный горизонтъ, и съ каждою минутой разгораются болѣе и болѣе, и самыя лица оживляются съ приближеніемъ вечерняго часа,—ни одинъ правовѣрный не позволитъ себѣ разрѣшенія ни на что до тѣхъ поръ, пока муэззинъ не возгласитъ съ минарета вечерней молитвы, а муэззина предупреждаетъ въ Стамбулѣ заревая пушка на Босфорѣ. Торжественная, давно жданная минута настала: по всему поднебесью звенитъ пѣніе муэззиновъ; правовѣрный, уже заранѣе омывшій многогрѣшное тѣло, прилежно совершаетъ молитву, обоняя соблазнительный запахъ вкусныхъ соусовъ турецкихъ...

Молитва кончена, и все устремляется къ пищѣ; собаки тоже явились стаями на улицахъ за своею долей. Гулъ пошелъ по всему Стамбулу.

Собственно рамазанный день мусульманина мало отличается отъ другихъ дней его жизни; если правовѣрный терпитъ тогда лишеніе въ пищѣ, то онъ вознаграждаетъ себя въ лѣни, которая иной разъ достигаетъ идеальнаго совершенства. Разумѣется, этого нельзя сказать о бѣдномъ классѣ населенія, который все таки долженъ и поститься и работать по обыкновенному.

Истинное отличіе и украшеніе Рамазана, только не какъ постнаго мѣсяца, составляетъ ночь, блаженство правовѣрнаго. Эти ночи начинаются съ первой пятницы и продолжаются до «священныхъ ночей», предшествующихъ Бейраму или розговѣнью: въ теченіе цѣлаго почти мѣсяца мусульманинъ за дешевую цѣну вкушаетъ удовольствія, въ другую пору довольно дорогія и рѣдкія. Начнемъ съ наружности самаго города, украшающейся въ рамазанную ночь.

Всѣ минареты мечетей, съ наступленіемъ ночи, иллюминуются шкаликами, разставленными по карнизамъ и развѣшенными на проволокахъ между минаретами: послѣднее освѣщеніе обманчиво увлекательно, какъ будто зажженное въ самомъ небѣ. Игривое воображеніе мусульманина придумало составлять изъ этихъ шкаликовъ разныя фигуры, слова и цѣлыя фразы, и въ самомъ дѣлѣ не поразительно ли читать, въ темную ночь, на эѳирной выси, огненное слово «Аллахъ», Богъ, какъ будто пылающее прежде вѣкъ! Наши иллюминаціи съ своими деревянными подставками могли бы съ честію воспользоватіся такимъ изобрѣтеніемъ. При-

думавъ вещь, мусульманинъ далъ ей и особенное названіе — «махіэ»; искусники же, занимающіеся устройствомъ фигуръ и словъ, называются «махіэджи». Въ прежнее время для иллюминацій употреблялись преимущественно разноцвѣтные шкалики: нынѣ это болѣе не въ модѣ. Не подумайте, что я ошибся словомъ: у Турокъ также есть свои моды.

Освѣщеніе минаретовъ и мечетей производится на счетъ «вакуфовъ», духовныхъ имуществъ: отпускаются чудовищныя суммы, и какъ водится, половина ихъ попадаетъ совсѣмъ не на освѣщеніе, а въ карманъ распорядителей. Усиленная иллюминація обыкновенно бываетъ въ ночь съ пятницы на субботу. Затѣйливостію и богатствомъ освѣщенія щеголяла всегда мечеть «Сюлеймаиэ» Сюлеймана Великолѣпнаго. У меня осталась въ памяти особенно одна тихая и страшно-темная ночь, въ которую императорскія мечети соперничали одна съ другою въ прелести огненнаго убранства. Вотъ какъ были украшены главныя изъ нихъ. На Махмудіэ, въ предмѣстіи Топханэ, блисталъ «мемберъ» (каѳедра). На Ая-Софіи пылала луна со звѣздой, символъ мусульманства. На Мухаммедіэ (мечети Мухаммеда Завоевателя) выплывала въ огнѣ султанская лодка (каикъ). На Баязидіэ пылали слова: «Я хафизъ», *о хранитель!* На мечети Султанъ-Валидэ: «Я хазретъ Ханефи, барекъ», *о господинъ Ханефи, да восхвалится!* На Сюлеймаиэ длинною лентою горѣли: «Я махбуб-эльушшакъ», *о возлюбленный страстно-влюбленныхъ!*

Съ мечетями силятся, но увы! тщетно, соперничать въ снопахъ свѣта кофейни, полныя чивыхъ посѣтителей: кромѣ освѣщенія, кофейни украшаются гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ, что̀ впрочемъ совершенно удовлетворяетъ требованіямъ мусульманскаго вкуса. Болѣе посѣщаемыя и богаче отдѣланныя кофейни приглашаютъ или, лучше сказать, пускаютъ музыкантовъ отъ трехъ до пяти человѣкъ, которые довольно усердно пилятъ на своихъ невыразимыхъ инструментахъ, но еще усерднѣе сбираютъ дань съ добродушныхъ слушателей, обходя кофейни черезъ каждыя пять минутъ, съ подносомъ, на который сыплются даянія до десяти паръ (5 коп. асс.) и менѣе. Съ музыкантами вмѣстѣ услаждаетъ слухъ правовѣрныхъ пѣвецъ, также какъ и музыканты Армянинъ или Грекъ.

Я взялъ бы на душу большой грѣхъ, если бы вздумалъ защищать восточную музыку и пѣніе, имѣющія свою гамму, безошибочно сказать раздирательную, но восточныя уши влюблены въ свою гамму и лучше ея ничего не знаютъ. Впрочемъ, западное

полупросвѣщеніе проникло и въ турецкія кофейни, гдѣ музыканты стараются довольно неудачно азіятскую музыку разнообразить европейскою, которая подъ ихъ пальцами выходитъ ни на что не похожа, тогда какъ азіятская музыка ихъ, къ великому удовольствію добродушныхъ слушателей, до нельзя походитъ на азіятскую. Но оставимъ турецкихъ музыкантовъ съ ихъ вопіющими инструментами, можетъ быть со временемъ имѣющими превратиться тоже въ какую нибудь tibia pastorale, и обратимъ вниманіе на пѣвца.

Отмѣнно смуглый, съ выразительнымъ носомъ, господинъ этотъ сидитъ, качаясь изъ стороны въ сторону, и закативъ глаза подъ лобъ, фистулой реветъ изъ всѣхъ силъ нѣжные турецкіе романсы: душа выражается здѣсь крикомъ, гармонія дребезжаніемъ нотъ, а мелодія — фистулой. Главную роль во всѣхъ турецкихъ пѣсняхъ играетъ припѣвъ «аманъ», помилуй, надъ которымъ пѣвецъ надрывается изъ всѣхъ силъ. Для образца вотъ одна изъ лучшихъ турецкихъ пѣсенъ:

«Соловушко, зачѣмъ ты такъ вопишь? Не стони, соловей, не стони; ты терзаешь душу мою. Унесшись въ невѣдомыя страны, ты находишь тамъ жилище; не стони, соловей, не стони: ты терзаешь душу мою. Ахъ, соловушко! голосъ твой достигъ до Эмпирея, онъ сжегъ уже сгорѣвшую душу; малютокъ твоихъ схватилъ соколъ. Все стоная, ты проносишься надъ нами; старыя и новыя раны мои ты раскрываешь, у тебя же есть крылья, и ты летаешь. Соловушко! разгорѣлась та рана моего сердца: воздыханьемъ моимъ наполнилось небесное пространство. Въ черномъ мѣстѣ лежитъ часть моей печени. Есть ли у тебя крылья бѣдняка дельфина, чтобъ летѣть? перелетѣлъ ли ты сначала широкое море? и пилъ ли ты также шербетъ разлуки?...»

Прелесть турецкой пѣсни, приводящей въ восторгъ всякаго правовѣрнаго, заключается въ тонкихъ намекахъ и отважныхъ метафорахъ, которыя на иной почвѣ и для иного слушателя теряютъ всю цѣну. Богатая риѳма въ восточной поэзіи нипочемъ; кромѣ того правовѣрные любятъ начинать строфы одними и тѣми же словами; между прочимъ я помню пѣсню, въ которой черезъ четыре стиха начало было: «юзъ олса», будетъ хоть сто!

Въ обыкновенное время правовѣрный любитъ сопровождать пѣсни пляскою, но въ Рамазанъ это не въ обычаѣ: развѣ какой нибудь черезъ чуръ нагрузившійся дарами Вакха стамбульскій кутила заставитъ плясать передъ собой «чэнги» (плясуна). Извѣстно что правовѣрные сами никогда не танцуютъ и считаютъ танецъ унизительнымъ ремесломъ, предоставляя его краси-

вымъ юношамъ, носящимъ грязный титулъ «пуштовъ». Такъ какъ пляска не входитъ въ программу Рамазана, то мы и оставимъ ее въ тѣни, тѣмъ съ большею охотою, что разсужденіе о ней совершенно вывело бы насъ изъ предѣловъ самаго нецекотливаго приличія. — По части музыки, привлекающей много слушателей и слѣдовательно доставляющей большой доходъ, въ мое время отличались въ Стамбулѣ особенно двѣ кофейни: одна въ городѣ, близъ Безистана, наполнявшаяся все правовѣрными, а другая въ предмѣстіи Перѣ, посѣщаемая преимущественно райями (Армянами и Греками).

Другое услажденіе рамазанныхъ ночей составляютъ въ мусульманскомъ мірѣ повѣсти «меддаха», разказчика. Это увеселеніе вышло изъ Аравіи, родины ислама, гдѣ еще и донынѣ меддахъ повѣствуетъ въ кофейняхъ Капра импровизованныя похожденія арабскаго рыцаря Антара, идеалъ Бедуина. Въ Стамбулѣ меддахъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, избираетъ для своихъ разказовъ иные сюжеты. Во-первыхъ приступъ у него всегда начинается означеніемъ эпохи, въ которую онъ помѣщаетъ событіе; для этого обыкновенно онъ беретъ царствованіе кого-нибудь изъ главныхъ османскихъ султановъ – вонтелей, что̀ дѣлается въ маленькую пику нынѣшнему правительству, проникнутому гяурскимъ духомъ: меддахъ, само собою разумѣется, принадлежитъ старой Турціи и не любитъ гяуровъ. При этомъ нашъ краснобай непремѣнно ввернетъ фразу: «олъ заманъ вапоръ даха іокъ іди», *въ ту пору пароходовъ еще не было:* какъ видите, въ Стамбулѣ пароходство составляетъ эпоху. Во-вторыхъ, предметомъ для своихъ разказовъ меддахъ беретъ повѣсти изъ Хумаюнъ-намэ, передѣлывая ихъ на свой ладъ, или вымышляетъ свои событія, но непремѣнно въ обоихъ случаяхъ снабжаетъ разказъ нѣсколькими скандальными происшествіями, что̀ собственно и отличаетъ турецкаго разкащика отъ арабскаго. Въ этомъ случаѣ меддахъ — рабъ своихъ слушателей, а не руководитель; да впрочемъ онъ и самъ пропитанъ духомъ скандала и поэтому разказываетъ съ любовію о невѣрныхъ женахъ и прочемъ подобномъ. Мы поговоримъ подробнѣе о такомъ направленіи мусульманскаго вкуса, когда будемъ разказывать о карагёзѣ, а теперь займемся лишь меддахомъ.

Обыкновенно это бываетъ старецъ почтенныхъ лѣтъ, что̀ довольно оригинально выставляется при скандальныхъ разказахъ. Меддахъ, сверхъ превосходнаго знанія турецкаго языка и турецкой жизни въ полномъ ея развитіи, сверхъ пылкаго воображенія и неутомимаго краснорѣчія, долженъ еще обладать говоромъ различ-

ныхъ обитателей обширной турецкой имперіи: мало-азійскихъ Турокъ, Тюркменовъ, Жидовъ, Армянъ, Грековъ, Арабовъ и Франковъ, какъ они выражаются по-турецки: это необходимо ему потому, что въ разказы его нерѣдко попадаютъ представители этихъ національностей, и тогда меддахъ имѣетъ превосходный случай потѣшить свою публику ломанымъ турецкимъ языкомъ, который каждая національность коверкаетъ на свой ладъ. Меддахъ долженъ еще имѣть счастливую физіономію, изъ которой можно было бы сдѣлать все что̀ угодно: это еще не велика заслуга, если у меддаха одна половина лица смѣется, а другая плачетъ; нѣтъ! умѣй онъ представить изъ своей личности всякую особу, которую онъ выводитъ на сцену, будь то хоть собака-гяуръ или просто собака.

Таковы условія высокаго званія меддаха, и поэтому въ искусные разкащики попасть очень трудно, да и въ послѣднее время это искусство начало упадать, вѣроятно, подъ нашествіемъ гяурскаго вкуса: сами Турки не воздаютъ уже меддаху того баснословнаго уваженія, которымъ онъ когда-то пользовался. Увы, старая Турція! тебя гонятъ отовсюду, даже изъ кофейной. — Въ мое время Стамбулъ гордился двумя отличными меддахами: одинъ именовался Иззетъ-бей (по какому случаю онъ попалъ въ беи, я не знаю), а другой — Кызъ-Ахмедъ; первый разказывалъ свои исторіи только султану Абдулъ-Меджиду и пашамъ, другой же, за старостію, ровно никому ничего не разказывалъ и покоился на лаврахъ. Не задолго передъ этимъ, громадною извѣстностію, которой могъ позавидовать самъ султанъ, пользовался въ Стамбулѣ меддахъ Пичъ Эминъ, который разказывалъ и въ кофейняхъ, а вырученныя деньги любилъ раздавать бѣднымъ: прекрасная черта, которую не часто встрѣтишь и въ лучшемъ обществѣ.

Обыкновенно меддахъ устраиваетъ свой тронъ — онъ сидитъ всегда отдѣльно на возвышеніи—въ лучшей кофейнѣ квартала или городской части; разказываетъ онъ до двухъ или трехъ часовъ ночи и никогда своей повѣсти не кончаетъ, а переноситъ ее, на самомъ интересномъ мѣстѣ, на другой вечеръ, чтобы воротить къ себѣ завлеченныхъ слушателей, и не ошибается въ своемъ расчетѣ: любители приходятъ на слѣдующій день и такимъ образомъ ночь за ночью слушаютъ разказы цѣлый Рамазанъ. Въ теченіе ночи меддахъ угоститъ своихъ поклонниковъ двумя или тремя повѣстями и за это собираетъ съ нихъ дань черезъ каждыя пять минутъ: обыкновенно добравшись до занимательнаго мѣста, онъ умолкаетъ, а ученикъ его идетъ по рядамъ слушателей съ подносомъ, на который сыплется дань не свыше пяти паръ (денежекъ). Несмотря

на такое скудное вознагражденіе, хорошій меддахъ собираетъ въ ночь до сорока рублей ассигнаціями. Слушатели въ глубокомъ молчаніи созерцаютъ особу меддаха, котораго рѣчь льется рѣкою витіеватости; и Турки и райи равно любятъ это удовольствіе, и пользуются имъ не въ одинъ Рамазанъ, приглашая разкащиковъ на домъ или въ извѣстныя кофейни.

Мнѣ довелось слышать одного изъ лучшихъ меддаховъ въ Багчели-Кахве, кофейня съ садомъ, подлѣ Мерджанъ-Хана и по близости Баязидовой мечети. Въ образецъ его разказовъ, я приведу двѣ повѣсти его, одну взятую изъ Хумаюнъ-намэ, а другую — сочиненную самимъ разкащикомъ.

ПОВѢСТЬ О НѢКОТОРОМЪ ОСТОРОЖНОМЪ ДЕРВИШѢ.

Жилъ когда-то на свѣтѣ дервишъ, такъ прославившійся своею набожностію, что самъ падишахъ, въ знакъ своего особеннаго уваженія, пожаловалъ ему богатую парчевую шубу. Одинъ изъ плутовъ этой страны — гдѣ ихъ нѣтъ! — нашелъ такой подарокъ дервишу неприличнымъ и рѣшился украсть шубу: для этого онъ поступилъ въ ученики къ дервишу, прикинулся самымъ ревностнымъ послѣдователемъ его и пріобрѣлъ полное довѣріе наставника. Пріобрѣтя довѣріе, онъ, одной ночью, похитивъ шубу, изчезъ.

На утро дервишъ открылъ пропажу шубы и ученика, и пустился отыскивать ихъ въ ближайшій городъ. На пути онъ увидалъ двухъ огромныхъ оленей, которые бились съ такимъ ожесточеніемъ, что кровь текла изъ ранъ ихъ потоками; жадная лисица кинулась подлизывать эту кровь, но попала между двухъ бойцовъ, получила отъ обоихъ нѣсколько ударовъ и пала жертвою своей жадности. Пораженный такимъ случаемъ, премудрый дервишъ принялъ его себѣ въ урокъ и продолжалъ путь, но пришелъ въ городъ уже ночью, когда городскія ворота были заперты. Блуждая подобно горлицѣ вокругъ стѣнъ, для отысканія себѣ ночлега, дервишъ былъ неожиданно приглашенъ одною женщиной, которая увидала его въ окно и признала въ немъ пришельца. Странникъ принялъ предложеніе и занялъ, какъ слѣдуетъ дервишу, уголокъ.

То была женщина безчестная, и кромѣ того у нея находились служанки, наклонныя къ дурному и способныя къ позорнымъ дѣламъ.

Она давала имъ для украшенія разноцвѣтныя одежды,
И каждую ночь ходила изъ гостей въ гости.

Одна изъ этихъ дѣвушекъ обладала отъ природы такою красотой и миловидностью, что и хуріи смотрѣли бы на ея прелести съ завистью, и самое солнце, лампада вселенной, позавидовало бы блеску лашть ея. Страстныя очи ея избирали сердца любовниковъ мѣтой для стрѣлъ ея рѣсницъ, и губки ея, сокрушительницы

душъ, приносили восхитительную сладость сахара сердцу, наполненному горечью.

Луна избрала жилищемъ своимъ прекрасное ея лице.
Медъ текъ съ прелестныхъ губокъ ея; тысяча сердецъ была привязана къ ея локонамъ.
При губкахъ ея, рубинъ былъ лишь простымъ камнемъ;
При устахъ ея, сахаръ терялъ свою сладость.

У ней былъ возлюбленный юноша съ милою головкой, русыми локонами, станомъ кипариса, бѣлый какъ снѣгъ, тонкій и сладкорѣчивый. Эта чета была связана, какъ солнце съ луной, и жила какъ двойчатка – миндалина въ одной скорлупкѣ. Ревнивый юноша не позволялъ другимъ пользоваться малѣйшею благосклонностью своей любезной и приближаться жаждущимъ въ пустынѣ къ этому роднику свѣтлоструйному.

Если я вижу тебя одну, любовь меня сожигаетъ;
Если же я вижу тебя съ другимъ, ревность меня убиваетъ.

Злая баба была недовольна такимъ поведеніемъ своей дѣвушки и приходила въ отчаяніе отъ отвращенія ея и отъ малой съ нея выгоды; но служанка, безъ всякаго страха и стыда, положивъ, изъ любви къ юношѣ, монету своей жизни на ладонь своей руки, предалась вполнѣ влеченію страсти.

Тогда злая баба рѣшилась погубить юношу; приготовивъ въ тотъ вечеръ, какъ пришелъ къ ней дервишъ, хорошій ужинъ, она погрузила двухъ любящихся, съ помощію полныхъ чашъ вина, въ океанъ сна. Когда всѣ обитатели дома упились виномъ сна, она наполнила съ одного конца трубочку ядомъ, и приставила ее къ носу юноши, чтобъ вогнать своимъ дуновеніемъ ядъ въ голову спящаго. Но случилось, что юноша внезапно чихнулъ и назначенный ему ядъ попалъ въ ротъ злой женщины, которая тутъ же пала жертвой. Такъ было избавлено лицо земли отъ нечистаго ея тѣла.

Свидѣтель этой печальной исторіи, дервишъ провелъ всю ночь въ мученіяхъ и страданіяхъ, пока солнце не освѣтило и не обрадовало міра постепеннымъ появленіемъ своего золотаго круга. Тотчасъ по явленіи его, дервишъ вырвался изъ мрака злобы этихъ людей и пошелъ искать себѣ другаго жилища. Случилось, что онъ повстрѣчался съ башмачникомъ, который съ гордостью объявилъ себя его ученикомъ и послушникомъ, и пригласилъ его къ себѣ въ домъ; приказавъ приготовить приличное угощеніе, башмачникъ ушелъ по приглашенію къ одному изъ своихъ друзей. Жена башмачника составляла предметъ страсти одного пріятнаго юноши, съ отличными ухватками, красивою головой и курчавыми волосами.

Ловкій юноша, страстный и красивый,
Есть несчастіе и жены и мужа.

Заводъ ихъ любви находился въ полномъ дѣйствіи. Двигателемъ служила жена одного цирюльника, столь искусная и опытная въ чарахъ, что она могла, съ помощію колдовства, дать огню свойство воды, а сталь превратить въ воскъ.

Она была фальшива и хитра;
Въ наукѣ обмана сатана былъ ея ученикомъ.

Слова ея были медовыя, но она готова была на всякое зло; по видимости искренняя, она въ сущности была измѣнчива. Она отлично знала свѣтъ, но еще лучше любовное дѣло.

Какъ скоро жена башмачника проводила мужа со двора, ей захотѣлось видѣть своего любовника, и она увѣдомила объ этомъ посредницу: «Дай моему любезному вѣсточку, что въ нынѣшнюю ночь сахаръ будетъ свободенъ отъ докучливости мухъ, и бесѣда будетъ избавлена отъ страха стражи». Восхищенный этою вѣстью, юноша кинулся къ дому своей возлюбленной, но пока онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ у дверей, башмачникъ, точно внезапное горе, воротился нечаянно и увидѣлъ его у своего дома. Какъ онъ уже прежде имѣлъ кое-какія подозрѣнія на счетъ вѣрности своей супруги, и какъ эти подозрѣнія подтвердились теперь присутствіемъ этого юноши, башмачникъ предался бѣшенству ревности: войдя въ домъ, онъ схватилъ палку и прибилъ крѣпко жену, и потомъ привязавъ ее къ столбу, самъ легъ спать.

Свидѣтель и этихъ событій, дервишъ такъ разсуждалъ самъ съ собой: «Этотъ безжалостный человѣкъ безъ причины избилъ свою жену: мнѣ бы слѣдовало вступиться и воспрепятствовать столь дурному и несправедливому поступку». Въ это время онъ вдругъ слышитъ крикъ жены цирюльника: «О жестокая любовница, зачѣмъ ты заставляешь этого бѣднаго юношу такъ долго ждать? Иди же скорѣй.

«Когда счастіе улыбается тебѣ,
«Не упускай случая воспользоваться имъ.»

Жена башмачника подозвала ее и сказала ей печально: «Сердце, наслаждающееся полнымъ спокойствіемъ, знаетъ-ли муки сердца страждущаго? Птички, играющія въ небѣ и на верхушкахъ кипарисовъ, могутъ ли постичь весь ужасъ жребія плѣнныхъ ихъ собратовъ? О женщина безжалостная! Выслушай сначала мои жалобы, узнай мое бѣдственное положеніе и потомъ упрекай меня. Жестокій мой мужъ видѣлъ этого юношу, и воспылавъ злобою, схвативъ палку, избивъ меня и привязавъ къ столбу, самъ удалился. Если ты имѣешь какую нибудь жалость къ женщинѣ такъ оскорбленной, и если ты не пожалѣешь мази состраданія на болящую рану ея сердца, то отвяжи меня, и согласись побыть у столба на моемъ мѣстѣ: позволь мнѣ сходить къ возлюбленному лишь выпросить прощеніе, и тогда я опять привяжусь на свое мѣсто. За такую услугу я буду вѣчно тебѣ признательна». Тронутая цирюльница склонилась на просьбу своей подруги, а дервишъ, все это слышавшій, понялъ причину ссоры мужа съ женой.

Между тѣмъ башмачникъ проснулся и началъ кликать свою жену; но цирюльница, боясь обнаружить обманъ, не подавала голоса. Разъяренный мужъ вскочилъ, и отыскавъ кинжалъ, отрубилъ мнимой женѣ носъ. Положивъ его на руку цирюльницѣ, онъ сказалъ: «возьми этотъ милый подарокъ и поднеси своему возлюбленному». Бѣдная жена цирюльника, боясь большей бѣды, вытерпѣла все это молчаливо, думая лишь: «другіе наслаждаются розою, а я страдаю отъ терніевъ».

*

Вскорѣ возвратилась башмачница, узнала о несчастіи своей поруги, много извинялась передъ ней и наконецъ, отвязавъ ее, сама привязалась вновь къ столбу. Бѣдная жена цирюльника ушла домой въ отчаяніи, съ носомъ въ рукахъ.

Дервишъ, все это видѣвшій, дивился такому необыкновенному, удивительному стеченію обстоятельствъ, и когда онъ размышлялъ объ этомъ, башмачница, поднявъ руки притворства и обмана къ алтарю сѣтованій, возопіяла: «О Аллахъ всемогущій! ничто отъ тебя не скрыто: ты знаешь неправду и истину. Этотъ нечестивый муженекъ опозорилъ меня невинную и жестоко наказалъ за преступленіе, котораго я не сдѣлала. Покрой меня, великій Аллахъ! милосердіемъ твоимъ, и удостой возвратить на прежнее мѣсто этотъ членъ, украшеніе лица.

«Да возблистаетъ лицо моей невинности,
И да падетъ покровъ лжи и подозрѣнія!
Отгони отъ лица моего сумраки сомнѣнія,
Открой эту тайну, покрытую облаками.
Избавь мою честь отъ руки преступленія
И меня самою отъ этого жестокаго бѣдствія.»

Между тѣмъ какъ хитрая женщина такъ молилась, башмачникъ проснулся и, прислушавшись къ ея сѣтованіямъ, обратился къ ней съ такою рѣчью: «О нечистая и развращенная женщина! Какъ ты осмѣливаешься молиться? Развѣ ты не знаешь, что молитвы и просьбы нечестивыхъ не доходятъ къ этому двору Величія?

Если ты желаешь быть услышанною,
То должна имѣть и языкъ и сердце равно чистые.

Спустя нѣсколько минутъ, жена вскричала: «О жестокій тиранъ! Поди сюда и будь свидѣтелемъ могущества и величія Аллаха. Зная невинность и чистоту моей жизни, Аллахъ удостоилъ, по своему милосердію, возвратить мой носъ на прежнее мѣсто и избавить меня отъ незаслуженнаго поношенія». Слыша эту рѣчь, башмачникъ, человѣкъ простодушный и довѣрчивый, чрезвычайно изумился, и взявъ свѣчу, приблизился къ женѣ: тогда онъ увидѣлъ у ней носъ совершенно цѣлый, безъ малѣйшаго признака поврежденія. Пораженный такимъ чудомъ, башмачникъ призналъ свою ошибку, раскаялся въ ней, и прося прощенія, освободилъ жену, цѣловалъ руки и ноги у ней и обѣщался впередъ заткнуть уши свои отъ злобныхъ словъ клеветниковъ и сплетницъ.

Тѣмъ временемъ жена цирюльника прибыла домой и не знала, какъ объяснить случившееся съ ней несчастіе и оправдать себя передъ сосѣдями. Цирюльникъ, которому показалось, что ужъ близокъ разсвѣтъ, потребовалъ у жены своей платье и цирюльничій приборъ, чтобъ идти къ какой-то важной особѣ. Цирюльница долго не отвѣчала ему, потомъ подала платье очень медленно и наконецъ, вынувъ одну бритву изъ футляра, дала мужу. Разсержен-ный всѣмъ этимъ, цирюльникъ оттолкнулъ съ силой бритву къ женѣ, которая вдругъ завопила: «Ахъ, я несчастная!» Сбѣжались на крикъ ея сосѣди и знакомыя, и увидали, что у ней отрѣзанъ носъ: разумѣется, вина пала на мужа, который не понималъ, какъ это

могло случиться, но между тѣмъ не смѣлъ запираться. Утромъ родственники жены отвели цирюльника къ судьѣ.

Случилось, что и дервишъ пришелъ въ эту пору къ судьѣ за розыскомъ о своемъ ученикѣ и шубѣ. Тогда онъ сказалъ судьѣ: «О господинъ! это дѣло должно разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ и тщательно изслѣдовать его, чтобъ добраться до истины, потому что ни воръ не утащилъ бы у меня платья, ни олени не убили бы лисицу, ядъ не отравилъ бы злой женщины и башмачникъ не отрѣзалъ бы носъ женѣ цирюльника, если бы всѣ мы не были сами причиною этихъ бѣдствій». Тогда судья потребовалъ у дервиша обстоятельнаго объясненія, что̀ тотъ и исполнилъ, разказавъ всѣ происшествія сначала до конца.—«Если бы я не пожадничалъ на большое число учениковъ, ко мнѣ не забрался бы плутъ и не утащилъ бы жалованной шубы. Если бы лисица не пожадничала на кровь, то не погибла бы отъ оленей. Еслибы та злая женщина не польстилась на большую прибыль, она не погибла бы отъ своего яда. Еслибы жена цирюльника не помогала въ томъ дурномъ дѣлѣ, то башмачникъ не отрѣзалъ бы ей носа. Кто дѣлаетъ зло, не долженъ ожидать хорошаго, и кто сѣетъ горькое сѣмя, не долженъ ожидать отъ него сладкихъ плодовъ.

Одинъ опытный наставникъ сказалъ:
Не дѣлай зла, чтобъ не получить его.

Въ этой повѣсти довольно чертъ, характеризующихъ мусульманскіе нравы и мораль, и если бы останавливаться надъ каждою изъ нихъ, то пришлось бы написать цѣлую книгу; но мы представляемъ самому читателю вглядѣться пристальнѣе въ разказъ меддаха и переходимъ прямо къ образцу повѣствованій втораго разряда, гдѣ разкащикъ является вмѣстѣ и авторомъ: здѣсь мы обратимъ вниманія, и на самый языкъ разказа.

ПОВѢСТЬ О НѢКОЕМЪ ДОКТОРѢ, ЖЕНѢ ЕГО И СЫНКѢ.

Въ одно время, когда еще не было пароходовъ, жилъ въ Стамбулѣ нѣкій хекимъ-баши (главный докторъ), большой любитель опіума и слѣдовательно нелюбитель женскаго пола. Однажды, возвращаясь домой, онъ увидалъ спящаго «бегчи» (караульнаго въ кварталѣ, въ положеніи, которое позволяло хекимъ-баши разсмотрѣть всю красоту его атлетическихъ формъ. Придя домой, хекимъ-баши разказалъ, смѣха ради, все женѣ своей, но вышло совсѣмъ не то дѣйствіе, котораго ожидалъ хекимъ-баши: жена его, какъ новая Зюлейха, воспылала страстію къ бегчи. На другой день, едва лишь хекимъ-баши отправился со двора по больнымъ, какъ жена послала за бегчи, но на бѣду хекимъ-баши дорогой захворалъ и воротился домой: жена въ попыхахъ спрятала бегчи въ чуланъ.

Ночью бегчи заснулъ и, какъ слѣдуетъ исправному караульному, видитъ во снѣ пожаръ. «Янгынъ варъ», пожаръ! кричитъ онъ изъ

всѣхъ силъ, и всполошенный хекимъ-баши съ ужасомъ узнаетъ голосъ бегчи своего квартала. Выбѣжавъ на улицу, хекимъ-баши разыскиваетъ пожаръ, но ничего не находитъ: успокоенный, онъ ложится опять спать и засыпаетъ, по выраженію разкащика, сномъ «терьяки» (принимающаго опіумъ)—у терьяки сонъ не превосходитъ дремоты — но бегчи видитъ второй сонъ, и опять во снѣ грезится ему пожаръ. Янгынъ варъ! кричитъ бегчи, и докторъ на этотъ разъ устремляется прямо къ чулану, гдѣ спитъ караульный: найдя его здѣсь, хекимъ-баши обращается за объясненіемъ къ женѣ, а та говоритъ очень наивно: «бегчи посилъ намъ воду для мытья бѣлья и вѣрно какъ-нибудь нечаянно заснулъ въ чуланѣ.»

У хекимъ-баши, кромѣ вѣтреной жены, есть еще сынокъ-недоросль, маменькинъ баловень. Какъ образованный человѣкъ, онъ заставляетъ сына учиться разнымъ знаніямъ, которыхъ и самъ не понимаетъ. Пользуясь этимъ, сынокъ постоянно городитъ отцу страшную чепуху и морочитъ его. (Эта сцена, представленная меддахомъ очень живо, имѣла большой успѣхъ.)

Бѣдный терьяки опивается опіуму и умираетъ; избалованный сынокъ начинаетъ кутить и мотать отцовское наслѣдство. (Первый приступъ сынка къ водкѣ, отвращеніе борющееся съ фанфаронствомъ, были представлены меддахомъ превосходно.) Подпивъ порядкомъ, сынокъ нанимаетъ музыкантовъ и созываетъ весь міръ на пирушку. Музыкантовъ является очень много.

— Кто вы? спрашиваетъ сынокъ одного изъ послѣ-пришедшихъ музыкантовъ.

— Тулюмъ чалыджилеръ эфендимъ, играющіе на вольникѣ, отвѣчаютъ они. (Здѣсь спрятанъ каламбуръ: чалыджи значитъ и музыкантъ и воръ.)

Одинъ изъ музыкантовъ разказываетъ какую-то скандальную исторію, а потомъ, когда они начинаютъ играть, у него рвется струна.

— Нэ варъ, что это такое? спрашиваетъ полупьяный сынъ хекимъ-баши.

— Эфендимъ, отвѣчаетъ музыкантъ, «тель кирилдимъ, афвъ идеіорсизъ», струна лопнула, господинъ, извините. (Здѣсь опять ловкій каламбуръ: «тель кирилмакъ» значитъ и оборвать струну и разказать про кого-нибудь, не зная его лично, при немъ же, какой-нибудь скандальный анекдотъ.)

Сынокъ кутитъ напропалую и мотаетъ очень широко, такъ что въ скоромъ времени кредиторы являются осматривать заложенное послѣднее его достояніе—домъ, чтобъ взять его за долгъ. Ничего невѣдающая матушка спрашиваетъ сынка: что это значитъ?

— Эви окуттукъ, отвѣчаетъ сынъ (т. е. мы смотрѣли домъ, но «окутмакъ» значитъ еще продавать что нибудь за долгъ, такъ что отвѣтъ опять выходитъ искуснымъ каламбуромъ).

Конецъ исторіи предвидѣть не трудно.

Еще хорошъ разказъ о похожденіяхъ двухъ мало-азійскихъ Турокъ, смотрѣвшихъ « бишшь » (выѣздъ Султана Мустафы въ Стамбулѣ), и поступавшихъ какъ самые простодушные провинціялы: разумѣется, достается Мало-азійцамъ много, а бишша-то они все-таки не видали и съ тѣмъ отправляются и на родину.

Есть много и другихъ разказовъ въ этомъ родѣ, но приведенныхъ, я полагаю, уже достаточно, можетъ быть даже слишкомъ: судить о нихъ мы станемъ послѣ.

Болѣе распространенное и болѣе правящееся правовѣрнымъ увеселеніе рамазанныхъ ночей, есть «хіяли-зилль», китайскія тѣни, въ простонародіи называемыя «хязиль», наша кукольная комедія. Объ историческомъ странствованіи китайскихъ тѣней на берега Босфора сказать ничего нельзя; извѣстно только, что одно изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой кукольной комедіи, карагёза (что значитъ черноглазый), знали и Византійцы подъ именемъ *харахосъ*. Другое дѣйствующее лице есть Айвасъ, везирь Мурада II. По мнѣнію нѣкоторыхъ съ его то времени началось представленіе карагёза. У Турокъ былъ еще извѣстный острякъ Ходжа Насръ-Эддинъ, но слава его ограничилась лишь собраніемъ анекдотовъ его, уже нѣсколько разъ и напечатанныхъ: эти анекдоты сильно напоминаютъ нашего Балакирева.

Карагёзъ—это самое употребительное названіе турецкой комедіи—обыкновенно занимаетъ уголъ кофейни: здѣсь развѣшивается занавѣсъ, по срединѣ котораго натянуто полотно, а сзади полотна помѣщена яркая лампа, огнемъ которой освѣщаются насквозь бумажныя раскрашенныя дрянныя куклы, величиною въ четверть, выставляемыя на полотно. Разумѣется, куклами этими распоряжается и говоритъ за нихъ актеръ, сидящій за занавѣсомъ: только въ тѣхъ комедіяхъ, гдѣ бываетъ много дѣйствующихъ лицъ, актеръ приглашаетъ себѣ помощника, но по большей части онъ управляется со всѣми куклами одинъ. Разнообразіе дѣйствующихъ лицъ, состоящихъ изъ всѣхъ племенъ Турецкой Имперіи, требуетъ отъ этого актера тѣхъ же свѣдѣній, которыми долженъ обладать и меддахъ; по частому появленію гяуровъ между дѣйствующими лицами, актеръ долженъ знать кое-что и изъ европейскихъ языковъ. За то не нужно этому актеру ни особенно счастливой физіономіи, ни замѣчательнаго дара слова, ни отличнаго умѣнья владѣть голосомъ, ни пылкаго воображенія: актеръ ведетъ интригу очень просто и коротко, сцены слѣдуютъ за сценами безъ особенной связи и даже не всегда оканчиваются естественно. Весь интересъ комедіи сосредоточенъ на двухъ герояхъ — Кара-

гёзѣ и Хаджи-Айвасѣ: первый говоритъ всегда басомъ, а второй гнуситъ; первый выражается простонародно, тривіяльно, послѣдній щеголяетъ отдѣланною фразою и фигуральными выраженіями. Завязка комедіи состоитъ въ желаніи обоихъ друзей надуть и одурачить другъ друга, что̀ имъ и удается по-очередно, но кажется, что Хаджи-Айвасъ поумнѣе своего товарища, который служитъ типомъ простодушнаго Турка; къ этимъ героямъ присоединяются другія лица — Арабы, Армяне, Греки и Франки. Выходы и входы куколъ означаются игрой на бубнѣ.

Я нисколько не преувеличу дѣла, если скажу, что особенную прелесть для правовѣрныхъ составляютъ въ карагёзѣ скандальныя происшествія. Непремѣнно покажется удивительною страсть меддаховъ и актеровъ турецкихъ выводить на сцену приключенія съ невѣрными женами, тогда какъ въ мусульманскомъ обществѣ невѣрная жена тотчасъ же подвергается смерти, и слѣдовательно строгость наказанія застраховываетъ мусульманское общество отъ измѣны прекраснаго пола. Но кто же не знаетъ, что запрещенный плодъ вкуснѣе, и что поэтому и въ турецкихъ харемахъ, хотя и рѣдко, ведутся успѣшно любовныя интриги, которыя меддахъ и карагёзъ представляютъ въ преувеличенномъ видѣ? Не должно заключать изъ турецкой комедіи, будто въ Турціи чрезвычайно распространена любовная интрига, въ особенности у замужнихъ женщинъ: напротивъ, какъ я уже сказалъ, эти приключенія чрезвычайно рѣдки и еще рѣже сходятъ съ рукъ безнаказанно. Спрашивается: почему же меддахъ и карагёзъ такъ часто и такъ нагло выводятъ невѣрную жену на сцену своихъ разказовъ? Потому, что чувственность составляетъ существенную черту мусульманскаго общества, и комедія турецкая не есть отраженіе господствующаго порока въ дѣйствіи, но лишь представленіе моральной язвы, которою поражено общество. Во всѣхъ разказахъ меддаха и въ похожденіяхъ карагёза вы видите лишь плотскую страсть, нѣтъ и тѣни духовнаго стремленія; это нераздѣльно присуще исламу, который весь проникнутъ чувственностію.

Въ карагёзѣ чувственность доведена до самыхъ грязныхъ предѣловъ: куклы постоянно являются хуже чѣмъ въ натуральномъ костюмѣ, и сцены совершаются такія, и притомъ очень наивно, отъ которыхъ само безстыдство отвратилось бы. Но таковъ вкусъ націи, что и Турки и райя стекаются съ наслажденіемъ на эту комедію; съ крайнею горестію скажу, что на карагёза ходятъ во множествѣ и маленькія дѣвочки, а во время пребыванія на Принцевыхъ островахъ я видѣлъ въ этой комедіи довольно поря-

дочныхъ Армянокъ и Гречанокъ, молодыхъ женъ негоціантовъ, отъ души хохотавшихъ надъ срамными приключеніями Хаджи-Айваса. Такъ глубоко паденіе турецкаго общества, что никто изъ членовъ его и не постигаетъ бездны, въ которую онъ упалъ! Пускай эта наивность безстыдства и спасаетъ мусульманъ отъ другихъ утонченныхъ пороковъ, но она покупается черезчуръ дорогою цѣною.

Карагёзъ, какъ и полишинель, осмѣиваетъ все, иногда даже примѣшивая политическія событія и нашей, любитъ потѣшиться надъ гяурами, которыхъ постоянно выводитъ въ смѣшномъ видѣ; обладаетъ порядочнымъ запасомъ остроумія и каламбуровъ, къ которымъ турецкій языкъ способенъ, но весь трудъ карагёза остается безъ всякихъ послѣдствій: Турки и райя похохочутъ надъ его выходками, и тѣмъ дѣло кончается, никто не думаетъ объ исправленіи. Да и самъ актеръ или авторъ карагёза имѣетъ лишь въ виду позабавить слушателей, а не бичевать общество.

Карагёзъ дается въ кофейныхъ и въ обыкновенное время, только очень рѣдко; въ рамазанныя же ночи на одного меддаха навѣрное приходится до пяти карагёзовъ. Представленія начинаются съ 9 часовъ и оканчиваются къ 11 или 12 часамъ; за входъ въ комедію платится полтора піастра (7½ коп. сер.), и сверхъ скандальнаго представленія зритель получаетъ даромъ трубку и скверный горячій шербетъ. Для Европейца, не владѣющаго вполнѣ турецкимъ языкомъ, карагёзъ и не понятенъ, и скученъ, и даже отвратителенъ; особенно скучны мѣста, когда актеръ поетъ, иногда очень долго, какой нибудь романсъ, за одно изъ дѣйствующихъ лицъ.

Хотя изученіе мусульманскаго общества для насъ болѣе интересно съ отрицательной стороны, однако я не побоюсь привесть здѣсь нѣкоторыя сцены карагёза, чтобы дать читателю выгодное понятіе о турецкомъ полишинелѣ, сгладивъ разумѣется неудобныя въ печати мѣста. Забава цѣлой націи стоитъ того, чтобъ хотя однажды обратить на нее вниманіе.

Въ кофейнѣ на концѣ главной улицы въ Перѣ, близъ казармъ большаго Поля Мертвыхъ, въ мусульманскомъ кварталѣ, давалъ карагёза лучшій актеръ, вѣроятно потому, что и кофейня принадлежитъ къ числу лучшихъ во всемъ Стамбулѣ. Къ кофейнѣ примыкаетъ большой садъ, посреди котораго была раскинута палатка, и въ ней-то помѣщался лучшій карагёзъ. Сюда приходило много и Европейцовъ изъ Перы, въ томъ числѣ и я посѣщалъ усердно турецкую комедію. Вотъ одна изъ версій этой кофейни:

Хаджи-Айвасъ хвастаетъ вѣрностью своей жены и сомнѣвается

въ женѣ Карагёза: этотъ разсердился, прибилъ и прогналъ своего друга, а потомъ идетъ справляться о нравственности своей половины. Прежде всего онъ зоветъ квартальнаго, но вмѣсто квартальнаго является старикъ «терьяки», принимающій опіумъ и все спящій. Карагёзъ обращается къ нему съ вопросомъ :

— «Карагёзынъ карыси наслъ билирсенъ», какова жена у Карагёза?

Терьяки лишь храпитъ въ отвѣтъ, но карагёзъ не отстаетъ отъ терьяки и наконецъ будитъ его. Тотъ кричитъ :

— Безчестная !

Карагёзъ не довольствуется тѣмъ и обращается съ такимъ же вопросомъ къ Френгу , Арнауту и дровосѣку и отъ всѣхъ получаетъ одинаковый отвѣтъ : Безчестная (каждое изъ этихъ лицъ выражается по турецки по своему , что производитъ въ публикѣ раскатистый смѣхъ).

Карагёзъ въ горѣ и отчаяніи отправляется домой , но на пути видитъ жену Хаджи-Айваса и какого-то Армянина : первая приглашаетъ Армянина къ себѣ на свиданіе. Карагёзъ слышитъ весь ихъ разговоръ и вполнѣ утѣшается въ своемъ несчастіи позоромъ Хаджи-Айваса.

Въ эту версію вставленъ былъ эпизодъ чернаго Араба , который бьетъ Карагёза и заставляетъ его умереть аршиномъ ; Карагёзъ повторяетъ потомъ эту сцену на Хаджи-Айвасѣ, который кричитъ :

— Какъ я умру аршиномъ?

— Ахъ, глупая башка! говоритъ Карагёзъ, развѣ ты не слыхалъ, какъ въ Америкѣ везиръ умеръ аршиномъ? Умри и ты также.

— Умеръ, эфенди, аршиномъ.

— Сколько аршинъ?

— Не знаю.

Подобный вздоръ турецкіе актеры любятъ взводить на Америку, гдѣ, по ихъ мнѣнію , возможны всѣ необычайные случаи , и подобными эпизодами они любятъ разнообразить карагёзъ.

Въ предмѣстіи Топханэ, ниже казармъ , близъ Кабаташъ , въ кофейнѣ съ садомъ былъ также хорошій актеръ. Вотъ одна изъ его версій :

Жена Карагёза упрятала своего мужа въ «тимаръ-ханэ» больницу ,–богадѣльню , чтобы самой свободнѣе наслаждаться жизнію. Карагёза утѣшаетъ въ бѣдствіи другъ его Хаджи-Айвасъ. Является лѣкарь-френгъ , изъясняющійся на ломаномъ турецкомъ языкѣ, къ потѣхѣ зрителей.

Прежде всего лѣкарь спрашиваетъ:

— Come state, signor?

Карагёзъ, принимая это за турецкую фразу, обращается въ недоумѣніи къ другу своему:

— Что это говоритъ этотъ Френгъ: «кимъ уста» (кто наставникъ)?

Потомъ лѣкарь допрашиваетъ Карагёза, какой онъ націи, не Московъ-ли, но нашъ балагуръ объявляетъ себя Цыганомъ. Далѣе лѣкарь обѣщаетъ Карагёзу скорое излѣченіе прибавляя: сколько ни на есть покойниковъ на кладбищѣ Перы, всѣ лѣчились у меня.

Послѣ разныхъ продѣлокъ, Карагёзъ наконецъ вырывается изъ тимаръ-ханэ и является домой; недовольная жена его говоритъ:

— «Кашки сенъ ульдунъ», о, если-бъ ты умеръ! (Это можетъ значить: что бы тебѣ умереть?)

Карагёзъ принимаетъ слова жены за наличную монету и въ восторгѣ отъ ея привязанности.

Грязная и маленькая кофейная въ предместіи Топханэ, подлѣ главной пристани, въ одну изъ ночей Рамазана давала слѣдующую версію, представляемую очень часто и въ другихъ кофейныхъ.

Карагёзъ и Хаджи-Айвасъ обѣдняли до того, что нечего имъ ѣсть. Хаджи-Айвасъ объявляетъ, что у него осталась ученая кастрюлька (тэнджере); Карагёзъ, не желая отстать отъ друга, хвалится ученымъ котломъ (казанъ).

— «Насылъ сенынъ казанъ окумишь», какъ это твой котелъ учитъ? спрашиваетъ съ сомнѣніемъ Хаджи-Айвасъ.

— А какъ учена у тебя кастрюля? отвѣчаетъ Карагёзъ и, пользуясь случаемъ поврать, начинаетъ разказывать своему другу, какъ выучился котелъ его читать и писать, слушалъ лекціи въ медресе, потомъ служилъ «кятибомъ» (секретаремъ въ диванѣ и т. д.

Но все это не спасетъ друзей отъ нищеты и голода: Хаджи-Айвасъ предлагаетъ наконецъ перемѣнить имена и устроить «бейрамъ-бешики», качели. Въ восторгѣ отъ этой выдумки, они пляшутъ и при этомъ происходитъ нѣсколько грязныхъ сценъ.

Карагёзъ собираетъ деньги за качели: Хаджи-Айвасъ является дѣлить барыши.

— «Биръ пай бенымъ дыръ, биръ пай Карагёзынъ дыръ, биръ пай бейрамъ-бешикчи дыръ», одна доля моя, другая доля Карагёза, а третья доля качельщика, отвѣчаетъ Карагёзъ. Всего было три доли, и такимъ образомъ Хаджи-Айвасу не достается ничего.

Приходитъ качаться жидъ «ягуди», но отъ страху онъ падаетъ съ качелей и убивается. Карагёзъ относитъ трупъ къ дому Хаджи-

Айваса; тотъ оттаскиваетъ его къ жилищу карагёза, и это странствованіе жидовскаго трупа продолжается до тѣхъ поръ, пока уставшій Хаджи-Айвасъ велитъ жидамъ взять своего умершаго единовѣрца. Вопли и рыданія цѣлаго жидовскаго квартала, представленныя актеромъ очень вѣрно и комически.

Въ небольшой кофейнѣ, на концѣ Стамбула близъ Саманніе, происходило однажды слѣдующее:

Хаджи-Айвасъ хвастается, что онъ разбогатѣлъ, говоритъ, что у него отличный поваръ, и приглашаетъ къ себѣ обѣдать карагёза. Пріятели идутъ, приходятъ къ Хаджи-Айвасу и садятся за столъ. Разумѣется, не только поваръ, но и самый обѣдъ оказываются пуфомъ: подаютъ за столомъ не блюда, но каламбуры въ видѣ разныхъ блюдъ. Карагёзъ, однакоже, не показываетъ виду, что онъ одураченъ, ѣстъ и пьетъ будто бы все подносимое и хвалитъ повара и столъ. Послѣ обѣда подаютъ кофе и трубки.

— «Иште, эфендимъ, іеменъ кахвэси», вотъ, господинъ мой, іеменскій кофе, говоритъ Хаджи-Айвасъ. Карагёзъ мститъ каламбуромъ:

— «Іокъ, эфендимъ, даха іememишъ», нѣтъ, господинъ мой, еще не ѣлъ.—Въ заключеніе карагёзъ колотитъ своего друга, и тотъ убѣгаетъ.

Послѣ одной глупой сцены уженья, Хаджи-Айвасъ опять является и предлагаетъ карагёзу прислать къ нему «ашиковъ», восторженныхъ, которыхъ онъ будетъ дурачить тѣмъ, что будто одинъ богачъ обѣщалъ за рѣшеніе такой-то «му'аммы», загадки, 25,000 піастровъ. Карагёзъ соглашается.

Являются восторженные, сначала терьяки, потомъ жидъ, наконецъ Арабъ: карагёзу, однако, не удается одурачить ихъ, и досаду свою разумѣется онъ вымещаетъ на другѣ Хаджи-Айвасѣ.

Но довольно! Я считалъ необходимымъ привести сцены изъ турецкой комедіи, потому что это единственное драматическое представленіе цѣлаго народа или лучше сказать цѣлой Имперіи, и еще потому, что карагёзомъ восхищается не одна чернь, но и высшія сословія. Не ручаюсь за вѣрность извѣстія, но слыхалъ, что карагёзъ дается и въ харемахъ. О бѣдная нравственность! Какое тебѣ плохое здѣсь житье! Что меддахъ приглашается въ харемы и даже является въ нихъ дорогимъ гостемъ, это не подвержено никакому сомнѣнію; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и карагёзъ проникаетъ тѣмъ же путемъ...

Въ этомъ-то заключаются рамазанныя увеселенія, предметъ нашей статьи. Что происходитъ въ домахъ, это не интересно, да и

выше было уже объ этомъ говорено: вообще въ домахъ тихо, пусто и темно, потому что все мужское населеніе наслаждается въ кофейныхъ кейфомъ и благознаменательной отрыжкой....

Но вотъ наступаютъ три послѣднія ночи Рамазана, священныя для всего мусульманскаго міра: по религіозному повѣрью, въ году есть ночь, и въ этой ночи есть минута, въ которую всякое желаніе будетъ принято и исполнено Аллахомъ. Обыкновенно предполагается, что эта таинственная и чудесная ночь совпадаетъ съ одною изъ непарныхъ ночей Рамазана, и вѣрнѣе всего, что это ночь 27 дня этого мѣсяца: мусульмане думаютъ, что молитвы, совершаемыя въ эту ночь, равняются молитвамъ цѣлой тысячи мѣсяцевъ, что милліоны чудесъ творятся въ эту ночь, и что въ числѣ ея минутъ есть и моментъ исполненія всякаго желанія. Эта ночь, называемая «кадръ-гиджеси» или «лейлетъ-уль кадръ» ночь судьбы, въ Стамбулѣ проходитъ такимъ образомъ:

Въ восемь часовъ вечера пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ выѣздъ султана изъ дворца въ топханскую мечеть на молитву: эта мечеть предпочитается прочимъ въ ночь судьбы. Топханскія казармы иллюминуются, хотя и довольно бѣдно: впереди горятъ «машалы», фонари, съ дровами внутри вмѣсто смолы; по берегу и на лодкахъ на Босфорѣ зажигаются бенгальскіе огни. Мечети иллюминуются ярко, но лишь одними фигурами, безъ всякихъ фразъ, и притомъ фигуры помѣщаются на деревахъ, приставленныхъ къ минаретамъ, а не на проволокахъ: такъ на топханской мечети горѣлъ щитъ, на Сюлейманіэ пылала мечеть съ двумя минаретами, у Софійской мечети являлся «мемберъ», каѳедра, на Баязидіэ красовался султанскій каикъ (лодка) и т. п. На куполахъ минаретовъ разставлены въ небольшомъ числѣ разноцвѣтные шкалики.

Помолившись въ мечети около часу, султанъ возвращается во дворецъ, съ пушечными выстрѣлами, при свѣтѣ ракетъ, пускаемыхъ изъ Топханэ на Босфоръ: темная ночь и голубыя волны Босфора и Золотаго Рога придаютъ этому освѣщенію особенную прелесть. Во дворцѣ ожидаетъ султана чисто-мусульманскій подарокъ: по заведенному обычаю, султанша-мать даритъ своему сыну въ эту ночь дѣвственницу избранной красоты, можетъ быть будущую повелительницу имперіи, потому что харемъ сице не потерялъ власти въ Турціи, особенно у Абдулъ-Меджида....

Вслѣдъ за султаномъ расходится и весь народъ, сбѣжавшійся на «тамашу», зрѣлище. Въ городѣ настаетъ мертвая тишина: кофейни пусты, нѣтъ ни меддаховъ, ни карагёзовъ; всѣ правовѣрные сидятъ дома и молятся, а нѣкоторые «сильные умы»—спятъ, считая

молитву напрасною. И въ самомъ дѣлѣ проходитъ годъ, наступаетъ и другая ночь судьбы, а ни одно завѣтное желаніе, высказанное мусульманиномъ въ прошлую священную ночь, не исполнилось.... и никогда не исполняется. Къ чему же и молиться? Лучше ѣсть, спать, въ ожиданіи благословеннаго Бейрама.

Такъ проходятъ послѣднія ночи: благочестивые и вѣрующіе надѣятся вполнѣ, что они попали на благополучную минуту, а между тѣмъ жены правовѣрныхъ съ утра до вечера чистятъ дома, убираютъ ихъ, и шьютъ обновы, закупленныя во множествѣ въ теченіе Рамазана. Въ эти послѣдніе дни городъ принимаетъ торжественный видъ. И какъ не радоваться? Вѣдь желаніе каждаго мусульманина будетъ исполнено, непремѣнно исполнено; постъ, хотя и веселый, а все-таки постъ, кончается; Бейрамъ на дворѣ....

И. Березинъ.

О

ЗНАЧЕНІИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ДЛЯ ОБЩЕСТВА.

Не смотря на разнообразіе требованій и стремленій нашей современной критики изящнаго, можно, кажется, усмотрѣть два основныя начала въ ея оцѣнкѣ текущихъ произведеній словесности. Начала эти и прежде составляли предметъ дѣятельной полемики между литераторами, а въ послѣднія пять лѣтъ они обратились почти въ единственный серіозный вопросъ, возникавшій отъ времени до времени на шумномъ полѣ такъ называемыхъ обозрѣній, замѣтокъ, журналистики. Начала, о которыхъ говоримъ, по существу своему еще такъ важны въ отношеніи къ отечественной литературѣ, еще такъ исполнены жизни и значенія для нея, что тамъ только и являлось дѣльное слово, гдѣ они были затронуты, тамъ только и пропадали личныя страсти и легкая работа присяжнаго браковщика литературы, гдѣ они

выступали на первый планъ. Спѣшимъ сказать, что начала эти были: идея о *художественности* произведеній и идея *о народности*. Посильное опредѣленіе ихъ съ одной стороны, а съ другой стороны сомнѣніе въ возможности и пользѣ опредѣленія ихъ составляли и составляютъ доселѣ спорный пунктъ въ критикѣ, имѣющій силу тотчасъ же изгонять изъ нея систему личныхъ, произвольныхъ мнѣній, объясняющихъ всегда болѣе темпераментъ и характеръ рецензента, чѣмъ самое дѣло. Безъ этого спорнаго пункта статьи рецензентовъ могли служить, съ рѣдкими исключеніями, только успѣшнымъ средствомъ для изученія ихъ самихъ, а совсѣмъ не предмета ихъ изслѣдованій. Само собою разумѣется, что и умы читателей вращались въ томъ же кругу, упадая тотчасъ, какъ выходили изъ него, въ сферу симпатій и антипатій критиковъ, въ сферу ихъ умственныхъ привычекъ, а иногда и въ сферу ихъ частныхъ дѣлъ...

Ограничимся вопросомъ о художественности. Почему считаемъ мы его жизненнымъ вопросомъ для отечественной литературы, предъ которымъ всѣ другія требованія, какъ напримѣръ нынѣшнее требованіе идеальнаго обращенія съ природой и обществомъ, кажутся намъ требованіями второстепенной важности? Отвѣтъ будетъ заключаться въ нашей статьѣ, и мы нисколько не скрываемъ отъ себя возраженій, какія могутъ быть сдѣланы заранѣе противъ цѣли и самой мысли ея. Развѣ понятіе о художественности въ произведеніяхъ искусства, съ самаго появленія своего въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, не было изслѣдовано, что̀ называется до нитки, и не переродилось наконецъ въ бѣдную фразу, которая встрѣчается подъ перомъ перваго разбирателя литературы и глухо звучитъ тамъ, единственно по качеству пустоты своей? Развѣ не пресыщены умы читателей нашихъ долголѣтнимъ опредѣленіемъ разнородныхъ принадлежностей художественности до того, что иногда мертвыя явленія словесности казались имъ живыми образами, по причинѣ недѣятельности сильно утомленнаго эстетическаго чувства? Развѣ на оборотъ, таже причина не порождала отвращенія ихъ, по крайней мѣрѣ недовѣрія къ талантливымъ произведеніямъ, рѣзкость и сила которыхъ непріятно дѣйствовали на чувство, привыкшее къ діалектическому

порядку, логической важности и тишинѣ? Развѣ толки о художественности не лишили подъ конецъ русскую публику живой, эстетической критики, которая въ блестящемъ видѣ существовала при самомъ появленіи идеи и терялась все болѣе, по мѣрѣ старости и одряхлѣнія ея? Гдѣ теперь всѣ прежнія достоинства рецензіи: опредѣленіе творческихъ способовъ писателя, разъясненіе его мысли, вся частная работа критика на данныхъ, представляемыхъ образцемъ, и открытіе новыхъ горизонтовъ, новыхъ перспективъ, съ той точки на которую образецъ уже поставилъ себя? гдѣ эта понудительная мысль, указывавшая автору еще множество переходовъ, оставленныхъ имъ въ сторонѣ, а иногда открывавшая ему неожиданную даль въ опредѣленной мѣстности? гдѣ эти взаимныя и великія услуги отъ автора критику и обратно, составлявшія настоящія, разумныя отношенія между ними? Тогда еще сильно чувствовалось, что критикъ обязанъ писателю высшею точкой созерцанія, которая достигается только творческимъ инстинктомъ, и до которой иногда не доходитъ рецензентъ, предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ! Въ замѣнъ критикъ отдавалъ писателю зоркость глаза, изощреннаго наблюденіемъ, который, съ умѣньемъ подмѣчать всѣ тонкія черты картины, способенъ еще находить въ самомъ сцѣпленіи ея частей—зародышъ новыхъ соображеній и созданій. Гдѣ всѣ эти плодотворныя отношенія между авторомъ и критикомъ, существовавшія, напримѣръ, въ эпоху появленія Гоголя на литературномъ поприщѣ, и которыя, въ меньшей степени разумѣется, могли бы существовать и нынѣ? Вошла въ обыкновеніе какая-то игра именами, какъ шашками, съ перестановкой ихъ, смотря потому какое имя въ данный часъ пришлось болѣе по вкусу критика. Писатели, вмѣсто оцѣнки ихъ стремленій и рода ихъ дѣятельности, сводятся поминутно, какъ школьники, съ одной скамейки на другую, понижаются съ первой на послѣднюю, и возвышаются съ послѣдней на ближайшую къ учителю и т. д. И тѣмъ страннѣе эта игра именами, эти сравненія одной головы съ другою, какъ будто головы должны быть схожи, что въ настоящее время (въ противоположность къ прошлому) самостоятельные наши писатели и даже тѣ, которые только въ нѣкоторой степени надѣлены талантомъ, рѣшительно выше всѣхъ нынѣшнихъ рецензій, на-

писанныхъ на нихъ. Они выше уже потому, что имѣютъ свободный выборъ явленій, образовъ, характеровъ изъ всего Божьяго міра, что побужденіе (*инициатива*) для всѣхъ возможныхъ направленій и представленій находится въ ихъ рукахъ, что только въ нихъ есть зародышъ жизни и преуспѣнія: критика, сведенная на двѣ или на три идеи, питается только крохами съ ихъ стола и еще не цѣнитъ дароваго хлѣба. Таковы упреки, которые могутъ быть сдѣланы попыткѣ поднять старый, обвѣтшалый, давно рѣшенный и въ послѣдствіяхъ своихъ не совсѣмъ благопріятный вопросъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что, по особенности положенія русской литературы, вопросъ, какъ намъ кажется, нимало не обветшалъ, а главное совсѣмъ не виноватъ въ послѣдствіяхъ, которыя взводятъ на него. Уже одно то, что мыслящіе люди современности были постоянно заняты имъ, доказываетъ несомнѣнно его важность, а краткая исторія вопроса, которую мы намѣрены привести здѣсь, подтвердитъ свидѣтельство это, полагаемъ, съ достаточною силой и очевидностію.

Понятіе о художественности является у насъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, и вытѣсняетъ сперва прежнія эстетическія ученія о добромъ, трогательномъ, возвышенномъ и проч., а наконецъ и понятіе о романтизмѣ. Критика тогдашняго времени принялась съ жаромъ за разработку новой идеи. Нѣтъ сомнѣнія, что по чувству силы, прибывшей вмѣстѣ съ понятіемъ, она мало цѣнила старыя эстетическія положенія, которыя имѣли не меньшее право на вниманіе въ свое время и принесли не меньшую пользу, чѣмъ и новооткрытый взглядъ на искусство, но въ эпохи добытія свѣжей идеи первымъ дѣломъ всегда бываетъ преимущественное развитіе ея и забота отстранить отъ нея всякое соперничество. По излишеству самихъ силъ, употребленныхъ въ дѣло, теорія художественности выросла у старой критики до идеальнаго представленія, которое почти исключало писателей съ обыкновенными, человѣческими способностями и нуждалось въ геніяхъ, колосальныхъ талантахъ для воплощенія своего въ какомъ-либо произведеніи. Вспомнимъ тѣ неисполнимыя задачи, которыя тогда задавались писателямъ какъ въ отношеніи постройки произведенія, такъ и въ отношеніи характеровъ и лицъ, которые должны были отличаться недосягаемою вѣр-

ностію самимъ себѣ, жизни и произведенію въ каждую минуту своего развитія. Это былъ вѣкъ критическаго энтузіазма. Съ обрѣтеніемъ новаго понятія казалось, что уже весь міръ искусства освѣщенъ до самыхъ тайныхъ своихъ угловъ, и нѣтъ въ немъ болѣе ни задачъ, ни явленій, мѣшающихъ приговору, ни вообще загадочныхъ созданій, требующихъ долгаго и осторожнаго осмотра. Начала свои критика ставила твердо, безъ послабленія и безъ оговорокъ. Цѣлые народы выкидывались изъ исторіи искусства, какъ только усматривалось, что въ эстетическомъ своемъ развитіи они шли не тою дорогой, какая извѣстна была теоріи, и опрокидывались памятники, составлявшіе наслажденіе многихъ поколѣній, какъ только не находилось въ нихъ всего того, что было въ рецептѣ теоріи. Критика впрочемъ знала, что только такимъ образомъ крѣпко прививаются понятія и говорила во всеуслышаніе: «если есть гдѣ нибудь ошибка, то ошиблась исторія, а правила не ошибочны». Но рядомъ съ этимъ теоретическимъ движеніемъ, исполненнымъ юношеской энергіи и мощи, жила тогда и чисто эстетическая критика, столь много способствовавшая развитію у насъ чувства изящнаго и опредѣленію особеннаго положенія разныхъ частныхъ дѣятелей въ его области, да и въ самомъ жару своихъ стремленій къ теоретическому идеалу сколько было высказано тою же старою критикой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ горячихъ и правдивыхъ словъ о важности искусства въ народной жизни, о значеніи его, какъ учителя, и вѣковѣчныхъ законахъ, ему присущихъ? Всѣ эти здравыя и одушевленныя слова, расточаемыя щедро, сопровождались неизбѣжнымъ паденіемъ въ общественномъ мнѣніи всего литературно-ложнаго, слабаго, искусственно-пронырливаго. Они сдѣлались теперь достояніемъ публики, обратились въ народный капиталъ идей, и частію этого общаго добра живутъ даже и тѣ, которые поставляютъ себѣ за честь ни отъ кого не происходить, что кажется имъ возможнымъ. Какъ свидѣтельство въ пользу благодѣтельнаго толчка, даннаго старою критикой мыслящей дѣятельности современниковъ, мы можемъ сказать, что, съ ея руки, теоретическимъ вопросомъ объ искусствѣ занимались лучшіе умы и даровитѣйшіе писатели. Пушкинъ, у котораго начала искусства захватывали вообще

*

весьма большую долю мышленія, одобрялъ ея основныя положенія, а какъ глубоко вдумывался въ законы его Гоголь, показываютъ его « Разъѣздъ » и нѣкоторыя страницы «Авторской Исповѣди ».

Но старая критика наша не могла оставаться долго слѣпою, даже и въ отношеніи къ самой себѣ. Она же первая и замѣтила, что теоретическія требованія ея оставляютъ въ сиротствѣ и неуваженіи многія явленія, принесшія свою долю нравственной пользы. Несправедливостью и важнымъ промѣромъ показалось ей на вѣкъ осудить и откинуть умное слово, потому только, что оно не могло сказаться въ настоящихъ формахъ искусства, не признать мѣткаго наблюденія и современной важности какого либо дѣльнаго указанія, потому только, что они выражались не вполнѣ художественно. Критика сороковыхъ годовъ сама почувствовала несостоятельность своей теоріи творчества. Не весь горизонтъ искусства обнимала она и не всѣ явленія изящной письменности могли свободно держаться въ ней! Не покидая ни одного изъ своихъ основныхъ эстетическихъ убѣжденій, критика взялась пособить рѣзкой исключительности прежней теоріи и составила нѣчто въ родѣ пріемной залы, гдѣ съ надлежащимъ почетомъ могли быть собраны произведенія, лишенныя права на входъ въ самое святилище искусства. Такимъ образомъ она создала два отдѣльные міра для разрѣшенія противорѣчащихъ сторонъ собственной теоріи: во первыхъ міръ свѣтлаго искусства, непогрѣшительнаго, непричастнаго спорамъ, не подверженнаго измѣненіямъ, а за нимъ міръ необходимостей, болѣе или менѣе разумныхъ случайностей, всей спорной работы современности, которая не заботится о дипломѣ на существованіе, потому что сама есть жизнь. Критика была совершенно права, желая отдать должную справедливость всякому дѣлу, но въ приложеніи къ нашему частному быту она сообщила слишкомъ большое значеніе умному слову, мѣткому наблюденію и дѣльному указанію внѣ строгихъ формъ художественности. На поприщѣ науки, изслѣдованій и проч., они имѣютъ, конечно, обширные плодотворные результаты, но по особенному характеру нашего общества ни въ жизни, ни въ искусствѣ не производятъ у насъ, предоставленныя только самимъ себѣ, того вліянія, какимъ поль-

зуются у другихъ національностей, о чемъ мы еще скажемъ нѣсколько словъ. При томъ же, разъ оторвавшись отъ идеи чистаго искусства, какъ она представлялась ей, критика уже не знала гдѣ остановиться, и сама подпадала всѣмъ условіямъ и невзгодамъ случайности. Правда, она внесла въ тотъ второстепенный міръ искусства, который созданъ былъ ею въ видѣ поправки ея исключительной теоріи, всѣ отличительныя качества свои: теплоту убѣжденія, неутомимый разборъ началъ и слѣдствій каждаго факта, зоркость въ отдѣленіи подложнаго отъ истиннаго; но по естественному ходу принятаго направленія, она принуждена была отворить двери въ область искусства даже неизвѣстному, будущему, которыхъ опредѣлить не было ни въ ея, да и ни въ чьихъ силахъ. Въ пылу добросовѣстности, доведенной до крайнихъ границъ, она согласилась, что могутъ явиться произведенія, которыя потребуютъ новыхъ опредѣленій искусства и вытѣснятъ старыя, до нихъ существовавшія и разработанныя ею самой съ такимъ тщаньемъ. Мы, имѣющіе одно преимущество долгайшей жизни, знаемъ теперь неосновательность ожиданія: теорія старой критики,—не смотря на размѣры свои, слишкомъ колосальные для содержанія, которому предназначалось въ ней жить, и которое все таки было ничто иное, какъ наша отечественная литература,—остается еще стройнымъ зданіемъ, не потрясеннымъ возраженіями и опроверженіями; значительная доля эстетическихъ положеній старой критики еще доселѣ составляетъ лучшее достояніе нашей науки объ изящномъ и останется истиной, какъ полагать слѣдуетъ, на всегда. Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ старой критикѣ, не смотря на указанныя нами видоизмѣненія и на другія, еще упущенныя нами, не было никакого раздора внутри себя. Въ общемъ обозрѣніи всей ея дѣятельности нельзя найдти ничего капризнаго, легкомысленно допущеннаго, расчетливо принятаго. Она развивалась правильно изъ началъ, поставленныхъ ею для себя, и нѣкоторыя уклоненія ея свидѣтельствуютъ только, что не всѣ начала ея соотвѣтствовали существу самаго дѣла, но въ тоже время свидѣтельствуютъ и о другомъ важномъ качествѣ, именно, что она не отступала передъ слѣдствіями своими и высказывала ихъ прямо и откровенно. Вотъ почему такъ легко нынче, отдѣливъ какую либо часть отъ нея, поставить въ про-

тиворѣчіе съ другою отдѣльною частію, но такъ трудно упрекнуть въ непослѣдовательности и указать на какой либо логическій перерывъ. Это обыкновенное качество всякаго развитія, не сходнаго на разныхъ точкахъ, и яснаго, стройнаго въ цѣломъ. Работа критики была, что̀ называется, изъ одного куска.

Съ пятидесятыхъ годовъ начинается у насъ повѣрка всего сказаннаго прежде, и здѣсь является уже раздробленіе понятій и разнообразіе взглядовъ на искусство и художественность.

Съ начатіемъ этой работы надъ недавнимъ прошлымъ образовались тѣ споры, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи, и спѣшимъ прибавить, что трудъ переизслѣдованія старыхъ понятій, какъ всякій трудъ, принесъ уже существенную пользу. Въ безпристрастныхъ умахъ, понимавшихъ, что художественность, какъ цѣль всякаго созданія, не можетъ быть отстранена, появилось требованіе свести прежнее идеальное представленіе художественности на болѣе скромное и простое опредѣленіе, которое не нуждалось бы въ пристройкахъ и заключало бы довольно пространства для вмѣщенія всѣхъ явленій словесности. Въ общемъ сознаніи (о чемъ можно судить по ласковому пріему и единогласному одобренію разнородныхъ, въ сущности взаимно исключающихъ себя произведеній) художественность стала пониматься скромнѣе, а слѣдовательно и ближе къ истинѣ. Можно выразить въ немногихъ словахъ это предчувствіе дѣла, обнаруженное публикой прежде критиковъ. Литературное произведеніе, имѣющее жизненное содержаніе и исчерпавшее все свое содержаніе, уже обладаетъ правомъ на полное вниманіе общества, а о степени художественности его, о формахъ и законахъ, какими достигается художественность, общество предоставляетъ судить наукѣ. И дѣйствительно, благодаря этому опредѣленію, на которое возникшій споръ навелъ умъ читателей, всѣ частные недостатки формы, условливаемые временемъ и вкусами различныхъ эпохъ, уже не закроютъ многихъ неумирающихъ произведеній и не поставятъ общество въ горестное положеніе благоговѣть передъ ними съ явнымъ противорѣчіемъ лучшей современной теоріи. Съ чистою и спокойною совѣстію можетъ оно наслаждаться, напримѣръ, Жилблазомъ, не смотря на отсутствіе всякой народности въ произведеніи, полемическою сказкой, рожденной

въ Фернеѣ, не смотря на совершенно исключительный характеръ ея, «Недоросленъ» Фонъ-Визина, не смотря на резонерскій элементъ, трагедіей Корнеля, не смотря на ея перерывы въ цѣломъ, а тѣмъ паче историческою хроникой Шекспира, не смотря на каламбуры и пышное, реторическое изложеніе нѣкоторыхъ монологовъ. Споръ, какъ мы видимъ, былъ небезплоденъ для публики; но сами критики, въ жару опроверженія нѣкоторыхъ старыхъ мнѣній, и вмѣсто точнѣйшаго опредѣленія условій и пріемовъ художественныхъ, прежде всего заподозрили слово художественность и понятіе, съ нимъ соединенное, и напали какъ на то, такъ и на другое съ разныхъ и совершенно противуположныхъ сторонъ,

Въ бѣгломъ обзорѣ нашемъ исторіи этого понятія, первое мѣсто должны занимать критики, которые еще нѣкоторымъ образомъ связаны со старыми преданіями объ искусствѣ, но которые, будучи черезъ мѣру устранены ученіемъ о непосредственномъ творчествѣ, искусствѣ для самого себя, всесильномъ вдохновеніи, заключили, что художественность, въ мнѣніи ея приверженцевъ, можетъ быть достигнута и безъ познаній, безъ науки, безъ живаго смысла къ современности. Отъ одной гипотезы было уже не далеко до другой, еще болѣе рѣзкой, именно, что въ самомъ существѣ понятія о художественности скрыто отрицаніе опыта, размышленія и образованности. Съ жаромъ принялись они опровергать эту невыносимую претензію художественности, которая (будто бы) можетъ зря производить великія явленія, и всѣ нестерпимыя привилегіи, данныя одному таланту, который (будто бы) уже отъ рожденія способенъ понимать все на свѣтѣ. Критики были совершенно справедливы, когда не хотѣли признать за нимъ этого прозрѣнія во всѣ тайны жизни, безъ самыхъ органовъ зрѣнія, и когда отыскивали въ великихъ писателяхъ слѣды глубокаго труда надъ современною наукой вообще и надъ идеями, бывшими въ ходу около нихъ. Но чтобъ быть справедливымъ при этомъ вполнѣ, слѣдовало бы обратить вниманіе на одно изъ первыхъ условій художественности, полноту и жизненность содержанія, которыя иначе и не пріобрѣтаются какъ посредствомъ соединенія творческаго таланта съ обширнымъ, многостороннимъ пониманіемъ выбранной темы: не достаетъ одной изъ этихъ частей, и пред-

метъ не исчерпанъ, цѣль произведенія не достигнута, и погрѣшность его организма отражается въ самой формѣ. Намъ могутъ возразить, что въ исторіи всякой литературы есть произведенія, вполнѣ удовлетворяющія эстетическое чувство младенческою простотой своего содержанія, наивностію, добродушіемъ своего воззрѣнія, ни сколько не искушеннаго опытомъ или знаніемъ. Но во первыхъ произведенія эти и имъ подобныя вѣрны жизни и не лишены полнаго пониманія своего дѣла: такъ дѣтство и отрочество знаютъ себя очень хорошо и почти всегда лучше тѣхъ, которые за ними наблюдаютъ, а во вторыхъ самый лепетъ ихъ со всѣми его перерывами и недомолвками *вполнѣ* выражаетъ одно мгновеніе жизни и стало быть имѣетъ первыя условія художественности. Съ развитіемъ человѣка и общества, законы искусства, конечно, не измѣняются, но они становятся сложны, болѣе случаевъ предвидятъ и болѣе взыскательны, подобно тому какъ высшая алгебраическая задача труднѣе первоначальной, хотя и занимается тою же долею истины. При этомъ, требованія касательно соединенія таланта и *познанія* дѣлаются неотступнѣе, умы, жаждущіе существеннаго дѣла отъ искусства ищутъ его даже въ небольшомъ, случайномъ настроеніи творчества, и уже тогда не воленъ избѣжать его или миновать какимъ нибудь образомъ даже лирической поэтъ, предпочтительно занимающійся мгновеніями душевнаго настроенія и вообще жизнію сердца: есть чувства, принадлежащія эпохѣ и ею порожденныя, есть волненія сердечныхъ думъ, извѣстныя только сильно развитому человѣку, и которыми пренебречь поэтъ можетъ только съ потерею лучшаго, важнѣйшаго значенія своего. Если не причастенъ онъ труду современности, мысли, ее оживляющей, если вообще онъ стоитъ ниже или внѣ ея, ограниченность его побужденій отразится на произведеніяхъ его. Такимъ образомъ, по самой теоріи художественности, каждый художникъ, въ своей сферѣ, обязанъ находиться въ полномъ обладаніи матеріалами, касающимися до предмета его: задача не легкая—и отъ нея, сколько мы знаемъ, никто еще не отдѣлывался однимъ талантомъ! Не потому ли, когда задача разрѣшена добросовѣстно въ произведеніи, оно становится выраженіемъ своей эпохи, лучшимъ ея свидѣтельствомъ и важнымъ историческимъ документомъ? Ни-

кто изъ нашихъ читателей, полагаемъ, не смѣшаетъ высказанныхъ нами требованій съ требованіями отъ произведеній искусства чистой науки или отвлеченной мысли. Мы всегда отвергали это неестественное смѣшеніе разныхъ родовъ умственной дѣятельности. Истина природы также какъ и жизненная истина выражаются въ наукѣ *закономъ* и *мыслію*; тѣже самыя истины въ искусствѣ являются въ видѣ *образа* и *чувствованія*. Тамъ изслѣдованіе, здѣсь созерцаніе, и какой бы анализъ и разборъ явленія ни былъ положенъ въ основаніе творчества, результатъ все долженъ быть одинъ и тотъ же—живой образъ, и ничего болѣе.

Переходимъ ко второму виду нападокъ на художественность, которыя производятся во имя другаго понятія, понятія о народности. Осудивъ прежнюю теорію искусства, какъ исканіе условныхъ формъ безъ заботы о содержаніи, критики этого отдѣла противопоставили художественности идею народности, какъ начала полнѣе охватывающаго жизнь и сильнѣе потрясающаго мысль и чувство наше. Но здѣсь съ перваго раза бросается въ глаза нѣкоторое смѣшеніе понятій. Художественность не можетъ быть противопоставлена народности, такъ какъ послѣдняя есть членъ второстепенный, подчиненный, и должна, при своемъ появленіи въ искусствѣ, находиться въ зависимости отъ первой. Отдѣльно, безъ опредѣляющей ее художественной формы, народность искусству не принадлежитъ, а принадлежитъ этнографіи. Этого мало: народность только и отыскивается, и уясняется, и становится очевиднымъ дѣломъ, въ литературѣ, когда прошла черезъ какой-либо видъ искусства. Пѣсня, сказка, дума есть уже опредѣленіе народности посредствомъ условныхъ, эпическихъ формъ, составляющихъ первую и драгоцѣннѣйшую ступень искусства. Съ появленіемъ личнаго, свободнаго творчества повторяется тоже самое: какъ только художникъ отстраненъ, какъ только понятіе народности переходитъ въ споръ или разсужденіе, оно теряетъ тотчасъ же всю свою ясность, опредѣленность, можно сказать—настоящее бытіе свое. Это не значитъ, чтобъ мы отвергали возможность ясно *чувствовать* въ себѣ характеръ и природу того народа, къ которому принадлежимъ; мы говоримъ только о способѣ ихъ проявленія въ литературѣ. Нѣтъ никакой другой формы,

кромѣ чисто художнической формы, для передачи или выраженія народности: разсужденіе или описаніе почти никогда не овладѣваютъ ею вполнѣ, и мы знаемъ, что нѣкоторые добросовѣстные критики публично сознались въ невозможности опредѣлить народность способомъ изслѣдованія. И теперь мы еще видимъ, что для этой работы Тантала другіе мысленно покидаютъ отечество, переносятся фантазіей своей за границу и въ какомъ нибудь углу Европы ищутъ явленій, аналогическихъ съ явленіями русской жизни, чтобъ какъ нибудь уяснить себѣ смыслъ послѣднихъ. Причина всего этого заключается въ необычайной дробности, смѣемъ выразиться, въ безконечной растяжимости понятія и самаго факта. Народность, какъ воздухъ, проникаетъ во всѣ живые организмы общества, дробится на мельчайшіе оттѣнки, окрашиваетъ часто самымъ легкимъ цвѣтомъ, мысли, побужденія, инстинкты человѣка; собрать механически всѣ ея проявленія, часть за частію, пожалуй, можно, но они собьютъ и спутаютъ человѣка, а не дадутъ ему стройнаго и свѣтлаго понятія. Не помогутъ даже и богатѣйшіе матеріялы народности, какъ-то сборники пѣсенъ, пословицъ, реченій и проч., если изслѣдователь—самъ не художникъ, по природѣ своей. Смыслъ одной какой-либо части такихъ матеріяловъ всегда противорѣчитъ другой: они представляютъ ту сложность, богатство, разнообразіе идей, чувствъ, понятій, которыя находятся въ существѣ народности. Изслѣдователь остается при одной выбранной имъ самимъ части, которая мало подтверждается, а иногда и совершенно опровергается всѣми другими, еще нетронутыми частями. Сосредоточить этотъ чрезвычайно подвижный элементъ, положить ему законныя границы и тѣмъ самымъ сообщить ему неизмѣримую силу, обративъ въ двигателя литературы и общества, можетъ только художникъ. И не на одномъ поприщѣ изящной словесности эти условія необходимы для уловленія народности, но также точно на поприщѣ исторіи и этнографіи. Мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, хорошо знакомыхъ съ художническимъ способомъ опредѣленія народности, и между ними почетное мѣсто занимаетъ г. Островскій. На него всего болѣе и ссылаются, когда говорятъ съ презрѣніемъ о старыхъ теоріяхъ: однако же г. Островскій въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ есть прежде

всего художникъ. Онъ уже во первыхъ художникъ въ *языкѣ*, потому что не ограничился любимыми реченіями народа, и даже любимыми его оборотами рѣчи, а уразумѣлъ логическую связь понятій, живущую въ извѣстномъ классѣ общества и раждающую его *слово*. Во вторыхъ, онъ художникъ по свойству находить границы и настоящія очертанія для своей мысли: часто двумя, тремя подробностями онъ передаетъ цѣлый характеръ, а иногда и цѣлую сцену, исполненныя содержанія. Смѣло было бы утверждать, что все это дано ему самимъ предметомъ описанія, который на-оборотъ, отличается многосложностію и обиліемъ подробностей — все это дано ему только художническимъ обращеніемъ съ предметомъ. И надо замѣтить, что тамъ, гдѣ г. Островскій перестаетъ быть художникомъ, тамъ, гдѣ онъ является просто умнымъ человѣкомъ, имѣющимъ свои цѣли и особенныя убѣжденія, какъ напримѣръ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, покидая художническое обращеніе съ предметомъ, онъ круто поворачиваетъ на поученіе или моральный выводъ, тамъ пропадаетъ у него ясное выраженіе физіономій, мѣшается и путается представленіе самой народности и падаетъ она снова въ область споровъ, сомнѣній и противорѣчій. Тоже самое и по тѣмъ же причинамъ произошло съ нѣкоторыми описаніями и лицами второй части «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, и это мы считаемъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго представленія народности безъ художническихъ пріемовъ, какая бы впрочемъ идеальная или положительная сторона ея ни была затронута въ произведеніи.

Остается обозрѣть послѣдній родъ нападокъ на значеніе художническаго элемента въ искусствѣ. Онъ образовался скорѣе изъ намековъ, чѣмъ изъ полнаго развитія системы, но основныя начала этой критики тоже ясны. Исканіе художественности въ искусствѣ считаетъ она забавой людей, имѣющихъ досугъ на забавы, а проявленіе его — игрой формъ, потѣшающихъ ухо, глазъ, воображеніе, но не болѣе. Наровнѣ съ такимъ искусствомъ или даже выше его ставитъ она благородный поступокъ, полезную мысль, а наконецъ видимую природу и дѣйствительнаго человѣка. Предметы точно велики, и можно еще понять отрицаніе искусства въ пользу ихъ, но критика не хочетъ и слышать объ исключеніи искусства. Что бы она тогда стала дѣ-

лать сама? Напротивъ она призываетъ искусство заниматься своими великими предметами, но на условіи заниматься ими исключительно и притомъ такъ, чтобъ не выставлять себя вмѣсто нихъ, не заслонять ихъ собою и всегда помнить и сознаваться, что оно ниже темы, ею взятой. Но сдѣлать *такъ* весьма трудно, потому что искусство должно прежде всего поглотить предметъ, переработать его и затѣмъ представить въ новомъ видѣ, *параллельномъ*, если хотите, съ матеріалами, изъ которыхъ почерпнуло свою задачу, но нисколько съ ними не схожемъ. Однако же этого перерожденія, этого измѣненія данныхъ, критики и не признаютъ. Они называютъ ихъ маскарадомъ, а не жизнію. Слѣдовало бы опять отстранить искусство, какъ ложь, извращающую понятія и здравое пониманіе предметовъ, но нѣтъ: теорія только требуетъ, чтобъ искусство отказалось отъ свободнаго выбора, отъ созерцанія, отъ претензіи создавать безъ отчета и посвятило себя преимущественно прямому служенію обществу, какъ должности. Но и это требованіе опять противно самому существу дѣла. Опыты всѣхъ вѣковъ доказали, что въ униженномъ положеніи, на второмъ планѣ и въ подчиненности, искусство всегда теряло способность производительности. Ему надобно свободное, пространное поле для соображеній своихъ, и тогда оно легко встрѣчается съ потребностями общества: сжатое и ограниченное положительными указаніями, оно проходитъ мимо ихъ. Лермонтовъ и Гоголь явились у насъ (всѣ помнятъ это) именно изъ независимаго хода фантазіи, чему остались и убѣдительные признаки въ ихъ созданіяхъ, и только по праву ничѣмъ не стѣсненнаго выбора, переходя отъ явленія къ явленію, встрѣтились они съ такими, которыя окончательно опредѣлили ихъ направленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и литературную ихъ физіономію. Да и покидая современную эпоху, мы видимъ одинъ и тотъ же законъ. Вездѣ, гдѣ предоставлялась искусству полная свобода дѣйствованія, оно не гнушалось никакою работой, никакимъ отвѣтомъ на нужды, брало въ свои руки домашнюю утварь точно такъ же какъ и статую Юпитера, но тамъ, гдѣ ждутъ отъ него опредѣленныхъ, назначенныхъ услугъ, какъ у младенчествующихъ народовъ напримѣръ, оно отказываетъ въ нихъ упорно, а о чемъ либо болѣе значительномъ и говорить нечего. При такомъ положеніи

дѣла никакія блестящія темы не помогутъ, искусство останется нѣмо. Мы это видимъ въ новѣйшихъ стихотвореніяхъ и романахъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей, Нѣмцевъ. Блестящія темы, еще не ясныя вполнѣ самимъ современникамъ и насильно навязанныя искусству, разрѣшаются уродливыми, мертворожденными произведеніями, именно отъ того, что искусство или не въ состояніи овладѣть ими, или съ намѣреніемъ подчинено имъ, а тогда одна только тема и является въ произведеніи со всѣмъ безобразіемъ избитаго, измученнаго, но не покореннаго матеріала.

Изложивъ вкратцѣ и, какъ намъ кажется, добросовѣстно исторію вопроса, скажемъ еще нѣсколько словъ въ поясненіе его.

По нашему мнѣнію, стремленіе къ чистой художественности въ искусствѣ должно быть не только допущено у насъ, но сильно возбуждено и проповѣдуемо, какъ правило, безъ котораго вліяніе литературы на общество совершенно невозможно. Въ послѣднее время мы видѣли попытки заслонить, если не отодвинуть на второй планъ нашего художника по преимуществу, Пушкина, именно за его исключительное служеніе искусству. Критики съ выраженіемъ глубокаго уваженія и горячихъ симпатій къ его дѣятельности, принуждены были однакожь, ради послѣдовательности въ убѣжденіяхъ и въ имя существеннаго содержанія и направленія, пожертвовать этимъ именемъ, столь *любезнымъ* еще нашей публикѣ. Явленіе печальное, особенно потому что слѣдствіемъ его, если бы мнѣніе укоренилось, было бы непремѣнно *загрубѣніе* литературы. Это даже начиналось уже однажды. Вспомнимъ ту длинную вереницу подражателей знаменитому романисту нашему, который создалъ направленіе, и согласимся, что мы были недалеки отъ литературной закоснѣлости, грубаго пониманія предметовъ и господства матеріальнаго взгляда на жизнь. Періодъ этотъ уже прожитъ нами и вѣроятно не возвратится. Въ этомъ убѣжденіи поддерживаютъ насъ всѣ лучшіе современные дѣятели на литературномъ поприщѣ, которые, безъ сомнѣнія, связываются съ Гоголемъ, открывшимъ имъ дорогу въ пространную область дѣйствительности, но которые сберегли себѣ право свободнаго обращенія съ нею, право независимыхъ къ ней отношеній. Мы убѣждены, что критика не собьетъ ихъ съ этой дороги, такъ точно какъ убѣждены, что на зло всѣмъ толкова-

ніямъ, они причисляютъ къ дѣйствительности и всю задушевную повѣсть человѣка, движенія и мечты его сердца, игру и боренія нравственныхъ началъ его. Нынче вошло въ обыкновеніе осуждать цѣликомъ и поголовно подражателей Пушкина и стихотворцевъ его эпохи. Конечно обвиненіе въ пошлости формы, занявшей у нихъ мѣсто всякаго представленія и содержанія, справедливо, но если бы мы потрудились разобрать дѣло поближе, мы нашли бы у самихъ этихъ подражателей нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній съ изяществами рисунка, свидѣтельствующаго о достоинствѣ самой школы, и съ выраженіемъ чувства, весьма далекаго отъ пошлости. Ничего подобнаго нельзя уже сказать о первыхъ подражателяхъ Гоголя: равно грубы ихъ произведенія, съ претензіей обнажать жизнь, при чемъ обнажается только малое или одностороннее ея пониманіе, съ одною выставкой ея внѣшнихъ признаковъ, безъ того глубоко-поэтическаго элемента, которымъ обладалъ недосягаемый образецъ и основатель школы. Сличеніе и повѣрка обоихъ подражаній привели бы, кажется, къ весьма поучительнымъ выводамъ и не въ ущербъ мнѣнію, здѣсь излагаемому. Мы пойдемъ далѣе. Мы перестановимся на самую точку зрѣнія критиковъ, не сочувствующихъ Пушкинской эпохѣ, и спросимъ вмѣстѣ съ ними, какую *практическую* пользу можно извлечь изъ неумирающихъ созданій ея представителя? Да, конечно не отыщешь въ нихъ указанія на нравственную бѣду, которой надо помочь всѣми силами своего разумѣнія и готовности къ добру, не встрѣтишь живаго упрека, подымающаго со дна души жажду исправленія (все это было дано другому, потому что одному никогда не дается всего), но кто же не отнесетъ къ числу *практически* полезныхъ предметовъ науку *благородно* мыслить и *благородно* чувствовать, въ которой Пушкинъ былъ учителемъ, не превзойденнымъ доселѣ? Не потому ли самъ Гоголь такъ пламенно любилъ поэта и не могъ произносить его имя безъ умиленія и постоянно называлъ его своимъ великимъ наставникомъ? Онъ получилъ отъ него, какъ и всѣ мы, вмѣстѣ съ наслади тельными образами его поэзіи, и даръ понимать изящество помысловъ, благородство ощущеній. Прежде всего надо имѣть въ самомъ себѣ норму благородства для мыслей и представленій, чтобъ ярко указывать другимъ отступленія отъ

нея и даже чтобъ понимать отступленіе, и этою нормой Гоголь, по собственному сознанію, болѣе всего обязанъ былъ Пушкину. Затѣмъ естественно представляется другой вопросъ: исчерпана ли вполнѣ практическая задача Пушкинской поэзіи всею массой читающей публики, всѣмъ обществомъ? Тѣ, которые утверждаютъ, что общество уже пережило его направленіе и болѣе въ немъ не нуждается, говорятъ ли это съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ полнымъ пониманіемъ всего что ими сказано? При всякомъ теоретическомъ утвержденіи, не мѣшаетъ, прежде всего, оглядѣться вокругъ себя. Посредствомъ Пушкина русская публика ознакомилась съ изяществомъ не однихъ только стиховъ, какъ начинаютъ думать нѣкоторые критики, а съ изяществомъ образа мыслей. До него литераторы *совѣтывали* ей запасаться дорогимъ качествомъ: онъ представилъ самые образцы, на немъ основанные, и осуществилъ надежды, вѣрованія и убѣжденія честныхъ своихъ предшественниковъ, менѣе его надѣленныхъ геніемъ. И теперь можно повторить вопросъ: вся ли сущность его поэзіи, или, держась практической стороны вопроса, все ли его жизненное дѣло поглощено и усвоено самимъ обществомъ? Изящество образа мыслей, благородство побужденій, пониманіе тончайшихъ душевныхъ ощущеній и уваженіе къ нимъ, сдѣлались ли уже такъ общи, до такой степени повсемѣстны, что литературный судія можетъ закрыть книгу, гдѣ заключались зерна этой богатой жатвы, поставить ее на полку и сказать: «спасибо великому сѣятелю, но дѣло его кончено»? Но оно не только что не кончено, но и не скоро еще кончится. Тѣ люди, которые сомнѣваются въ возможности повторенія у насъ Пушкинскаго направленія, слѣдуютъ единственно теченію діалектики, принявшей извѣстный скатъ, по которому мысль ихъ уже бѣжитъ слѣпо и неудержимо, какъ волна, но въ этой діалектикѣ нѣтъ ни всего знанія потребностей общества, ни всего чувства къ истинѣ и къ жизни. Не только у насъ еще необходимо продолженіе чистой художественной поэзіи, по особенному состоянію общественныхъ идей, но оно необходимо каждому образованному обществу на землѣ и въ каждую эпоху его жизни. Это всегдашній идеалъ, который чѣмъ чаще возносится надъ головами, тѣмъ яснѣе свидѣтельствуетъ о нравственныхъ потребностяхъ общества и тѣмъ

плодотворнѣе дѣйствуетъ на всѣ моральныя стороны народа, обновляя ихъ безпрестанно. Художественное воспитаніе общества совершается именно этими идеалами: они подымаютъ уровень понятій, дѣлаютъ сердца доступными всему кроткому и симпатическими откровеніями души, освѣжающею любовью къ человѣку обуздываютъ и умѣряютъ волю. Ни одно современное общество не можетъ сказать: «Я въ этомъ болѣе не нуждаюсь», да, полагаемъ, и ни одно частное лице. Правда, вліяніе чисто художественнаго произведенія подмѣчается гораздо труднѣе, чѣмъ вліяніе художественнаго произведенія съ однимъ, энергическимъ направленіемъ. Совокупностію своихъ яркихъ представленій послѣднее иногда прямо вытѣсняетъ изъ жизни нѣкоторыя мрачныя стороны ея, и это, безъ сомнѣнія, его великое достоинство. Чисто-художественное произведеніе дѣйствуетъ на психическую сторону народа, и здѣсь, разумѣется, вліяніе его указать труднѣе, а подмѣтить минуту, когда явился первый цвѣтъ его, и совсѣмъ не возможно. Сѣмя, брошенное имъ, растетъ невидимо, глубокая, постоянная работа его въ нѣдрахъ общества не поддается статистической таблицѣ или параграфу въ описаніи и ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія времени и хода развитія. Это дѣло души. Такъ точно нельзя уловить минуту, когда въ живомъ организмѣ наростаютъ и разширяются его части, но въ дѣлѣ искусства многіе, не видя тайной работы произведенія, сомнѣваются и въ самомъ существованіи ея. Однако же небольшая доля вниманія способна обнаружить ошибку. Не нужно ни чрезвычайно тонкой наблюдательности, ни особенныхъ усилій ума, чтобъ замѣтить въ обществѣ слѣды, оставленные художникомъ-поэтомъ. Тамъ и сямъ встрѣчаетесь вы съ ясными признаками его прохода по землѣ, его временнаго пребыванія между людьми: во многихъ рукахъ находите вы клочки его мантіи, на многихъ понятіяхъ видите вы родовую печать его, и много благородныхъ *поступковъ* носятъ фамильное сходство съ образами и представленіями его поэтической фантазіи. По самымъ привычкамъ общества можно даже угадать, производило ли оно художника или нѣтъ и имѣло ли счастіе видѣть его въ средѣ своей. Кто встрѣчался съ разнородными національностями на вѣку своемъ, тотъ знаетъ, что въ каждой изъ нихъ чувствуется вліяніе художественныхъ

образцовъ, подчиненность имъ и особенный взглядъ на предметы нравственнаго міра, ими установленный. И явленіе это способствуетъ къ уразумѣнію національностей не хуже всѣхъ другихъ. Тамъ, гдѣ много было художниковъ-учителей, наслѣдство, ими оставленное, не смотря ни на какіе противоборствующіе элементы, разрѣшается разумностію частныхъ отношеній между людьми, серіозною простотой нравовъ, почти общимъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, которое ослабляетъ и сдерживаетъ напоръ всего тщеславнаго, предразсудочнаго, мѣлкоэгоистическаго. Таково всегда дѣйствіе чистаго искусства. Изо всего сказаннаго мы имѣемъ право заключить, что не только общество наше не пережило художественнаго направленія въ поэзіи и не стало выше его, а на оборотъ, что Пушкинская школа, какъ представительница этого направленія, возродится съ новымъ содержаніемъ и съ новою силой въ болѣе или менѣе близкой будущности, смотря по успѣхамъ въ сознаніи нравственныхъ нуждъ. Мы убѣждены, что много еще будетъ Пушкиныхъ на Руси, которые съ уваженіемъ станутъ произносить имя своего родоначальника, открывшаго впервые у насъ многостороннюю, неисчерпаемую область искусства, и въ этомъ намъ ручается, сверхъ поэтическаго инстинкта, свойственнаго народу, и здравый смыслъ его и способность понимать духовную пользу свою.

Мы принуждены были обратить вниманіе на практическую сторону нашего предмета и будемъ продолжать изслѣдованіе. Каждый народъ, каждое общество имѣютъ свой особенный способъ выражать себя, свой исключительный, тому или другому принадлежащій характеръ дѣятельности. У однихъ общее выраженіе дѣятельности имѣетъ ясную печать живой воспріимчивости, быстраго исполненія плана, словомъ импровизаціи; у другихъ мысль и грудь подчинены расчету, преднамѣренной идеѣ, достиженію ближайшихъ цѣлей; у третьихъ творческая дѣятельность проявляется не иначе, какъ подъ условіемъ упорнаго, всесторонняго, долгаго труда, способнаго подъ конецъ овладѣть живымъ элементомъ импровизаціи и практическимъ расчета. Если не ошибаемся, выраженіе нашей собственной дѣятельности всего ближе подходитъ къ послѣднему изъ этихъ родовъ. Все что мы видимъ у себя, въ литературѣ, наукѣ и

по другимъ частямъ, утвержденнаго на крѣпкомъ основаніи, досталось намъ неусыпнымъ трудомъ, совсѣмъ не изъ перваго порыва и не изъ потребности удовлетворенія мгновенныхъ требованій. Поспѣшныхъ дѣлъ, въ строгомъ смыслѣ слова, у насъ нѣтъ: мы какъ будто обращены лицемъ къ будущему. Всѣ попытки ввести легкій способъ занятія предметами словесности, науки и проч. остались безуспѣшны и поражаютъ своимъ безобразіемъ, обличающимъ съ перваго раза природу выродка. Даже для популяризаціи ученаго предмета или понятія потребна у насъ своя строгая, глубоко-придуманная форма безъ утайки трудныхъ сторонъ того или другаго. Опытъ ясно показываетъ каждый день, что самыя отвлеченныя идеи принимаются у насъ только тогда, когда изложеніе ихъ требуетъ со стороны читателя усилій ума и вниманія. Если произведеніе мысли или искусства не вызываетъ такого умственнаго труда, то оно скоро улетучивается, превращается въ явленіе эфемерное и пропадаетъ безъ слѣда въ жизни и въ обществѣ, хотя бы оно сопровождалось еще десятками и сотнями подобныхъ ему. Это особенный складъ народнаго ума. Все что ему легко говорится, хотя бы говорилось ежечасно, въ немъ не задерживается на столько, на сколько нужно, чтобъ онъ превратилъ понятіе въ свое неотъемлемое добро. Еще менѣе способенъ онъ подчиняться быстрому, мгновенному рѣшенію какого-либо вопроса, а если подчиняется, то не изъ довѣренности къ рѣшенію, а изъ предположенія, что другаго лучшаго еще не отыскано. Общественный умъ настроенъ подозрительно на всякую вспышку въ литературѣ: вдохновенію, по существу своему, онъ плохо вѣритъ и всегда сомнѣвается въ словѣ, если оно не есть плодъ долгаго, предварительнаго искуса, долгаго изученія и труда. Словомъ трудъ есть единственный источникъ нашей дѣятельности, всѣхъ успѣховъ въ прошедшемъ, всего замѣчательнаго въ настоящемъ: это наша нравственная сила. *Геніальничанія*, то есть созданія на скорую руку чего-либо въ области литературы и искусства, мы почти и вообразить не можемъ у себя. Такому состоянію народнаго ума соотвѣтствуетъ какъ не льзя болѣе сущность художественности, которая предполагаетъ самый усиленный трудъ для разрѣшенія своей задачи. Мы видимъ даже въ исторіи нашей литературы примѣры,

что одинъ голый трудъ, безъ участія таланта, производитъ сильное движеніе въ умахъ. Поэмы Хераскова и Шихматова, имѣвшія такое глубокое вліяніе на образованнѣйшихъ людей ихъ времени, свидѣтельствуютъ лучше всѣхъ нашихъ словъ о невольныхъ инстинктахъ общества, о настроеніи его духа, и это не пропало доселѣ, только устранена опасность принять тяжелую работу слагателя стиховъ, романовъ, исторій, за творческій трудъ, котораго общество ищетъ постоянно и которому только и довѣряетъ.

Вообще надо сказать, что исторія русской литературы весьма мало обработана съ одной стороны, именно еще не было обращено достаточнаго вниманія на тайную связь литературы съ обществомъ и отношеній, возникавшихъ между ними. Слабый лучъ, вносимый, по временамъ, записками старожиловъ въ эту еще неизслѣдованную область, открываетъ много любопытныхъ фактовъ. О другихъ мы можемъ только догадываться. Такъ недавно стали подозрѣвать у насъ, что порывы къ достиженію высоты творчества возникали у всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей нашихъ на поприщѣ словесности, начиная съ Ломоносова до Дмитріева включительно, преимущественно на самомъ тяжеломъ и упорномъ трудѣ. За то и вліяніе ихъ на общество, настроенное совершенно подъ ихъ ладъ, было огромно. Внезапнаго и неудержимаго теченія производительной силы, какая встрѣчается у другихъ народовъ, мы почти и не знаемъ у себя: исключенія весьма незначительны, а иногда и весьма печальны. Со всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что рядомъ съ великими дѣятелями были у насъ и такіе, которые изрѣдка отдавали публикѣ собственную мысль, безъ особеннаго осмотра, и многое было сказано умно и дѣльно этими второстепенными производителями, а многое даже и хорошо сказано. Однакоже дѣло ихъ не удержалось въ памяти современниковъ и становилось чуждымъ, незнакомымъ для ближайшаго поколѣнія. Причина одна и таже: неспособность общества удовлетворяться мимолетнымъ явленіемъ, вспышкой, случайностію, какъ бы умны, горячи, счастливы они ни были сами по себѣ. Кому не случалось находить въ старой литературѣ нашей одушевленныя строки и мысли, которыя и нынѣ были бы кстати, благодаря искренности и благородству своихъ намѣреній, и кто не задумывался надъ

участію этихъ явленій, никѣмъ не замѣченныхъ и вскорѣ пропавшихъ безъ вѣсти въ пыли библіотекъ и книжныхъ лавокъ? Намъ могутъ возразить, что содержаніе этихъ литературныхъ метеоровъ было, вѣроятно. несвоевременно, понятно лишь малому числу людей и, къ сожалѣнію, пропало вмѣстѣ съ ними, но есть еще болѣе разительные примѣры упорнаго равнодушія публики къ *легкимъ* произведеніямъ: это сатирическіе журналы 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, являвшіеся тогда въ значительномъ количествѣ и недавно еще открытые вновь, какъ рѣдкость библіографіи и самой литературы. Сатирическіе журналы эти занимались предметами до того общеизвѣстными, что никакого сомнѣнія въ животрепещущемъ интересѣ ихъ, какъ говорятъ обыкновенно, допустить не льзя, а притомъ въ указаніяхъ, поученіяхъ, выходкахъ, анекдотахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключалось именно все то, что̀ производитъ впечатлѣніе на современниковъ: много умныхъ словъ, счастливыхъ соображеній, существеннаго дѣла подъ покровомъ шутки и веселости. И однакожь мы имѣемъ весьма побудительныя причины сомнѣваться во вліяніи ихъ на эпоху и умы тогдашнихъ читателей, а что̀ сдѣлалось съ ними почти тотчасъ послѣ выхода, извѣстно: только люди спеціяльно-ученые, для пополненія историческихъ своихъ изслѣдованій, нечаянно напали на ихъ слѣдъ и открыли существованіе ихъ! Мы нисколько не отрицаемъ, просимъ замѣтить, словами нашими великой пользы, принесенной общимъ развитіемъ науки, образованія, нравственности, чему, безъ сомнѣнія, способствовали и второстепенные дѣятели; мы только указываемъ на относительную важность ролей въ этомъ воспитаніи общества. Но если уже доказано, что оно мало способно увлекаться бойкостію ума, цѣпкостію замѣтокъ и всею игрой импровизаціи въ изложеніи предмета, то сама собой является мысль о неизмѣримой важности художническихъ пріемовъ въ искусствѣ, которые одни имѣютъ силу выводить общество изъ равнодушія. И дѣйствительно, начиная съ сатиръ Кантемира и до «Бѣдной Лизы» Карамзина всякое произведеніе, имѣвшее какую либо долю вліянія на общество, носило на себѣ отраженіе существовавшей тогда теоріи искусства и было художественнымъ, въ смыслѣ своего времени. Вѣдь «Бѣдная Лиза», съ которой обыкновенно начинаютъ новый, легкій родъ

словесности, была только оборотною стороной оды Ломоносова или Державина, и выросла на одномъ и томъ же корнѣ. Успѣхъ эпиграммъ и легкихъ произведеній Пушкина тоже не противорѣчитъ словамъ нашимъ: ими любовались въ тихомолку, какъ шалостію, что̀ и прежде бывало съ подобнаго рода произведеніями, но они нисколько не измѣняли образа мыслей читателя и его отношеній къ окружающимъ предметамъ, какъ не измѣнялись они, послѣ произведенія, и у самого автора.

Если все сказанное вѣрно въ отношеніи къ предшественникамъ, то оно вѣрно и въ отношеніи къ намъ. Ихъ *правда* есть также правда и для насъ. Только въ облаченіи искусства и въ художественной формѣ умное слово и благородный порывъ находятъ доступъ къ сердцамъ. Условіе это необходимо даже просто для того, чтобъ они могли сдѣлаться достояніемъ литературы, явиться въ свѣтъ и найдти себѣ кругъ слушателей. Сами по себѣ они не имѣютъ, по особеннымъ требованіямъ общества, достаточно силы чтобы обнаружить себя. Въ простомъ, необдѣланномъ видѣ имъ по большей части загражденъ естественный путь въ сферу народнаго сознанія. Въ каждомъ такомъ заявленіи мысли подозрѣвается тотчасъ, хотя иногда и безъ малѣйшей причины, оскорбляющая односторонность, желаніе замѣнить полное опредѣленіе дѣла яркими частностями его, а боязнь общества увлечься блескомъ и жаромъ слова — ради самаго слова — довершаетъ остальное. Художественное изложеніе мысли устраняетъ всѣ эти препятствія, такъ какъ сущность его состоитъ въ полнѣйшемъ раскрытіи всѣхъ ея свойствъ. Художественное изложеніе прежде всего снимаетъ характеръ односторонности съ каждаго предмета, предупреждаетъ всѣ возраженія и наконецъ ставитъ истину въ то высшее отношеніе къ людямъ, когда частные ихъ интересы и воззрѣнія уже не могутъ ни потемнить, ни перетолковать ея. Тогда истина образа или представленія поселяется въ умахъ, наиболѣе упорныхъ къ принятію ея, и разрабатываетъ ихъ такъ, что изъ сопротивниковъ они дѣлаются сторонниками и слугами ея. Этотъ мѣстный законъ для проявленія мысли дѣйствителенъ не въ одной только сферѣ изящной литературы, но и вообще обязателенъ у насъ для каждаго рода письменности: не обойдется безъ него никакой трактатъ, ни одинъ планъ

частныхъ усовершенствованій. Эти виды дѣятельности должны тоже принимать способъ художническаго представленія своей задачи, если хотятъ вызвать убѣжденіе и наклонить теченіе общественной мысли къ своей сторонѣ. Конечно люди, нападавшіе на исключительное прославленіе художественности въ искусствѣ, не предполагали, что они затрудняютъ одинъ изъ главныхъ путей, по которому сходятъ у насъ въ общество идеи чести, самопознанія и добра...

Приведемъ одинъ, послѣдній примѣръ. Съ нѣкоторыхъ поръ, какъ извѣстно, появилось у насъ стремленіе къ отысканію и обнаруженію *положительныхъ*, или идеальныхъ сторонъ жизни. Не только уже критика высказала эти требованія отъ имени публики, утомленной вообще сухостію нашего искусства, но и писатели, что̀ гораздо важнѣе, видимо проникнуты тою же мыслію. Конечно не было задачи благороднѣе этой, но подойдти къ ней и разрѣшить ее можно, кажется намъ, опять не иначе какъ съ помощію исключительно художественной обработки предмета. Въ чемъ состоитъ все дѣло? Не въ томъ, полагаемъ, чтобъ составить заранѣе идеалъ на основаніи какого-либо убѣжденія, ввести его въ произведеніе и за тѣмъ сложить руки и любоваться его похожденіями тамъ. Задача была бы тогда слишкомъ легка. Дѣло въ томъ, чтобъ проникнуть поглубже въ жизнь, открыть и указать тѣ тайныя силы ея, которыя могутъ производить *героическія* явленія. Всѣмъ извѣстно, что не всякое геройство проявляется непремѣнно на полѣ битвы: можно возвести до героизма каждую самую простую добродѣтель, которая въ первоначальномъ видѣ, на низшей ступени своей, едва замѣтна и развѣ только способствуетъ *пріятностямъ общежитія*. Но это строгое, суровое, если хотите, пониманіе нравственнаго достоинства и вообще силы, раждающія его, и самыя проявленія этихъ силъ въ обществѣ открываются не легко. Все что̀ носитъ на себѣ печать *идеала* застѣнчиво отъ природы и почти никогда не выступаетъ впередъ. Надо обладать особенною способностію чувствовать идеалъ, когда онъ возлѣ васъ,—это не всѣмъ дается,—а за тѣмъ надо еще угадать поводы и причины его дѣйствій и не ошибиться въ нихъ. Одно это уже требуетъ не простой наблюдательности, а художническаго чутья жизни такъ сказать.

Искусство иногда очень долго не приступаетъ къ этому новому источнику творчества, и по причинамъ весьма уважительнымъ: прежде всего слѣдуетъ пояснить весь внѣшній міръ, въ средѣ котораго можетъ развиться идеальное лице и событіе. Искусство занято тою общею жизнію, которая бросается въ глаза первая, и искусство совершенно право, оставаясь при своемъ созерцаніи: неисчислимы міріады событій и явленій, носящихся на поверхности жизни, такъ какъ неисчислимы міріады сцѣпленій между событіями и лицами, и значеніе ихъ всѣхъ весьма важно для цѣлей искусства. Положительныя или идеальныя свойства жизни затрогиваются тутъ вскользь, потому что не объ нихъ идетъ рѣчь. Со всѣмъ тѣмъ, не смотря на это временное и необходимое молчаніе искусства, въ обществѣ постоянно живетъ подозрѣніе или лучше предчувствіе, что есть лица, не принимающія участія въ этомъ хороводѣ жизни, сосредоточенныя въ своемъ чувствѣ или въ своемъ понятіи и стойкія до того, что буйное теченіе обстоятельствъ способно ихъ опрокинуть, но не обработать въ какой-либо произвольный видъ. На чемъ основана эта стойкость, обществу неизвѣстно, да это и не его дѣло, а дѣло изслѣдователя. Она можетъ происходить отъ того, что идеальное лице, слабое иногда многими моральными качествами, награждено однимъ изъ нихъ въ такой сильной степени, что съ помощію его пріобрѣтаетъ неимовѣрную нравственную крѣпость; можетъ происходить и отъ нѣкоторой ограниченности въ природѣ лица, доведенной до значительныхъ размѣровъ, до героизма, и т. п. Какъ бы то ни было, но простой разказъ, по извѣстному свойству смѣло и скоро идти на встрѣчу всякому предчувствію и еще темному желанію общества, опережаетъ дѣло искусства и овладѣваетъ его задачей. Но тутъ-то, по большей части, и встрѣчаетъ его неудача. Идеальное происшествіе, романтическій или задушевный оттѣнокъ въ характерахъ выводитъ онъ какъ неожиданную, изумляющую новость: отъ этого краски произведенія бываютъ то слишкомъ густы, то нѣжны до безцвѣтности и почти всегда невѣрны. Съ появленіемъ идеальнаго лица простой разказъ обыкновенно путается, теряетъ дорогу и цѣль свою, двоится отъ невозможности прилично помѣстить идеалъ между окружающими его людьми и скрыть пропасть,

которая тотчасъ образовывается между нимъ и собесѣдниками его. Простой разказъ всегда обращается съ идеаломъ, какъ съ рѣдкимъ экземпляромъ человѣчества, съ уродливостію или исключеніемъ; отъ этого самъ идеалъ производитъ на разказъ дѣйствіе «тѣни Банко», «статуи Командора» и другихъ страшныхъ привидѣній: онъ поражаетъ и спутываетъ мысль. Совсѣмъ иначе бываетъ, когда въ основаніи произведенія лежитъ художническое наблюденіе міра и событій: самъ идеалъ и теплое настроеніе души къ природѣ и къ людямъ, являются тутъ такъ же просто, какъ очень обыкновенное лице и какъ всякое другое чувство. Вѣдь они принадлежатъ жизни, и никакихъ особенныхъ усилій фантазіи и творчества не надо дѣлать для нихъ тамъ, гдѣ жизнь берется въ возможной полнотѣ... Развитіе этой мысли предоставляемъ читателю и спѣшимъ къ заключенію. Намъ кажется, такимъ образомъ, что при требованіи идеальнаго пониманія предметовъ слѣдовало бы прежде всего замѣтить, что оно дается не иначе какъ привычкой къ художественному обсужденію и усвоенію явленій жизни: идеальная сторона ея окажется тотчасъ же сама собой, какъ необходимая и существенная ея часть. Если бы Гоголь ограничился одною ролью художника до конца, онъ нашелъ бы, въ средѣ своей работы, положительную сторону общества и вывелъ бы ее на свѣтъ такъ же свободно, какъ выведена имъ была другая, которая, по существу своему, всегда на показъ и должна была первая попасться ему подъ руку. Геніальному человѣку не доставало только простоты взгляда на самого себя. Если бы онъ предоставилъ своему неизмѣримому художническому таланту естественный ходъ, подъ перомъ его явились бы, какъ мы убѣдились изъ его же созданій, эпизодическія картины, способныя утолить жажду свѣтлой, крѣпящей душу поэзіи, жажду, которою онъ такъ мучительно страдалъ подъ конецъ. Сбитый съ толку требованіями друзей и требованіями враговъ, онъ не выдержалъ призванія, усомнился въ возможности художественнымъ путемъ достичь примиренія съ самимъ собой, овладѣть обѣими сторонами искусства, и внесъ въ дѣло чисто *наставническій* элементъ, на которомъ въ искусствѣ ничего создать нельзя. Наставленіе есть отвлеченное опредѣленіе предмета, а не изображеніе его: у него другая дорога и другая

цѣль. Не будемъ однакожь останавливаться на ошибкѣ геніальнаго писателя, имѣвшей горестныя послѣдствія для него и для литературы. Заключимъ на оборотъ статью нашу удивительнымъ словомъ этого многосторонняго человѣка, обладавшаго самымъ высокимъ эстетическимъ смысломъ, какой рѣдко встрѣчается въ людяхъ. Въ одной изъ литературныхъ бесѣдъ своихъ, онъ сказалъ: «умное слово — никогда не доказываетъ себя; только художникъ доказываетъ умное слово.» Прибавимъ къ этому: умное слово, разъ сказанное художникомъ, дѣлается всеобщею истиной и остается ею уже навсегда.

П. Анненковъ.

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ

ГАЗООСВѢЩЕНІЯ

И

О ПРИГОДНОСТИ ИХЪ ДЛЯ МОСКВЫ.

Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, имѣвъ практическую опытность во всѣхъ родахъ искусственнаго освѣщенія, отъ электрическаго свѣта до свѣтящаго газа, получаемаго изъ орѣховой скорлупы, я полагаю, что слѣдующія замѣчанія будутъ не безполезны для господъ московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Можно утвердительно сказать, что изъ всѣхъ, въ наше время довольно многоразличныхъ матеріяловъ, изъ коихъ извлекается свѣтоносный газъ, каменный уголь, столь употребительный въ западной Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, для Москвы и безчисленныхъ ея фабрикъ и заводовъ, есть вещество самое непригодное. Даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каменный уголь наилучшаго качества и въ изобиліи, а сало, добываемый изъ него стеаринъ и растительныя масла имѣютъ цѣну высокую (въ Москвѣ все это наоборотъ), употребленіе каменно-угольнаго свѣта выгодно бываетъ не иначе какъ при добываніи его въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, то есть съ положеніемъ на это дѣло нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

Стоимость первоначальнаго заведенія, то есть строеній, чугунныхъ устройствъ, газометровъ, дорогой ремонтъ и надзоръ, равно какъ и огромная цѣнность нѣсколькихъ десятковъ верстъ подземныхъ газопроводныхъ трубъ, таковы, что въ самомъ Петербургѣ, не смотря на то, что каменный уголь тамъ бываетъ не дороже лондонскаго, что число бывшихъ въ полномъ употребленіи газовыхъ рожковъ доходило до пятнадцати тысячь, газовый свѣтъ въ денежномъ отношеніи не доставляетъ ни какихъ выгодъ сравнительно съ освѣщеніемъ посредствомъ обыкновенныхъ лампъ.

Слѣдующія простыя соображенія лучше всего сдѣлаютъ очевиднымъ для всякаго, до какой степени каменноугольное газоосвѣщеніе въ Москвѣ не выгодно.

1) Годный для сего уголь, въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, съ доставкою въ Москву никакъ не можетъ стоить менѣе тридцати пяти и даже сорока копѣекъ серебромъ за пудъ.

2) Пудъ такого угля, по очищеніи и за вычетомъ неизбѣжныхъ потерь, даетъ сто сорокъ кубическихъ футовъ свѣтоноснаго газа (1).

3) Половина кубическаго фута, сгарая въ часъ, даетъ точно такой же свѣтъ, какъ хорошая сальная свѣчка, по пяти на фунтъ, и такъ-какъ такая свѣчка горитъ по крайней мѣрѣ восемь часовъ, то надобно сжечь четыре кубическіе фута газу, чтобы замѣнить одну такую сальную свѣчу, и слѣдовательно восемьсотъ кубическихъ футовъ, чтобы замѣнить одинъ пудъ сальныхъ свѣчъ.

4) А какъ на полученіе осьмисотъ футовъ газа надобно переработать безъ малаго шесть пудовъ каменнаго угля, стоющихъ два рубля сорокъ копѣекъ серебромъ, и притомъ при наилучшемъ устройствѣ всѣхъ приборовъ, то мы видимъ, что при настоящей въ Москвѣ цѣнѣ сальныхъ свѣчъ (три рубля сорокъ копѣекъ за пудъ), одна стоимость сыраго матеріяла простирается до семидесяти процентовъ стоимости замѣняемыхъ имъ сальныхъ свѣчъ не считая ни процентовъ съ капитала, употребленнаго на первоначальное заведеніе каменноугольнаго газоосвѣщенія, ни издержекъ на ремонтъ, прислугу и на самую выработку газа.

Какъ же велики сіи послѣднія, можно судить изъ того, что, напримѣръ въ Петербургѣ, гдѣ сырой матеріялъ стоитъ втрое менѣе московскаго, и гдѣ слѣдовательно восемьсотъ кубическихъ футовъ угольнаго газа, равныхъ силою освѣщенія пуду сальныхъ свѣчей, въ сыромъ матеріялѣ стоятъ только восемьдесять копѣекъ серебромъ, общество петербургскаго газоосвѣщенія никакъ не можетъ продавать ихъ менѣе осьми рублей серебромъ, то есть вдесятеро дороже.

Наконецъ, весьма существенный недостатокъ каменноугольнаго газоосвѣщенія состоитъ въ томъ, что доселѣ, если не совсѣмъ неизвѣстно, то по крайней мѣрѣ не введено въ общее употребленіе никакого практическаго средства получать угольный газъ въ совершенно чистомъ и безвредномъ состояніи. Доселѣ, войдя въ

(1) Одинъ кубическій футъ составляетъ, на русскую мѣру, очень близко, два ведра съ одною третью, или, еще ближе, тридцать семь бутылокъ, по шестнадцати въ ведрѣ.

комнату, можно съ завязанными глазами узнать, что она освѣщается каменноугольнымъ газомъ. По желанію покойнаго англійскаго короля Георга IV, дяди теперь царствующей королевы Викторіи, послѣ безчисленныхъ попытокъ и издержекъ для введенія этого газа во внутреннія дворцовые покои, вынуждены были остаться при освѣщеніи восковыми свѣчами.

Все вышеизложенное достаточно объясняетъ, почему въ западной Европѣ многіе первокласные города, напримѣръ Франкфуртъ на Майнѣ, особенно же Антверпенъ, главный портъ Бельгіи, состоящій въ ежедневномъ сообщеніи съ Англіею, и гдѣ наилучшій каменный уголь стоитъ дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ, освѣщены не каменноугольнымъ, но смолянымъ газомъ (1), или лучше сказать газомъ, получаемымъ изъ гарпіуса, или, по-московски, канифоли.

О подробностяхъ этого послѣдняго газоосвѣщенія будетъ изложено сей часъ, теперь должно говорить о масляномъ газѣ, самомъ выгоднѣйшемъ и пригодномъ для наибольшей части московскихъ фабрикъ и заводовъ, кромѣ суконныхъ, шерстяныхъ вообще и ситцовыхъ, о коихъ говорено будетъ ниже.

Газъ, извлекаемый изъ конопляпаго и другихъ растительныхъ маслъ, очень скоро послѣ введенія каменноугольнаго газоосвѣщенія, привлекъ на себя вниманіе строителей, и хотя давно уже, былъ вводимъ во многихъ мѣстахъ, дешевизною не могъ соперничать съ угольнымъ, но по причинамъ, въ Москвѣ вовсе не имѣющимъ мѣста.

Великое превосходство маслянаго газоосвѣщенія предъ каменноугольнымъ, состоитъ во-первыхъ въ простотѣ устройства потребнаго для сего прибора и въ легкости самого добыванія, доступнаго для всякаго чернорабочаго. Пишущій эти строки говоритъ по собственному опыту. Первое газоосвѣщеніе въ Москвѣ было устроено имъ въ 1835 году. Оно было масляное, и какъ все устройство, такъ и производство работы были такъ несложны и нехитры, что деревенскій парень, нанятый сначала для верченія въ токарной маховаго колеса, въ одну недѣлю совершенно узналъ все дѣло, и послѣ управлялъ имъ безъ всякаго дальнѣйшаго моего руководства.

---

(1) Собственно не смолянымъ, а по нашему, канифольнымъ. Не излишнимъ считаемъ напомнить читателямъ, что натуральное весною истеченіе изъ сдѣланнаго на корѣ ели или сосны надрѣза, называется терпентиномъ; что ежели этотъ терпентинъ заключить въ перегонный кубъ и перегнать, то перешедшая въ пріемникъ жидкость есть скипидаръ, а оставшійся въ кубѣ въ твердомъ видѣ темно-коричневаго цвѣта отсѣдъ есть гарпіусъ, или канифоль.

Второе и весьма важное преимущество маслянаго газа есть полное отсутствіе въ немъ тѣхъ посторонних и зловредныхъ частей, отъ конхъ совершенно освободить каменноугольный газъ и теперь еще не успѣваютъ.

Третье его качество есть гораздо большая сила освѣщенія: одинъ кубическій футъ маслянаго газа дастъ столько же свѣту, сколько два съ половиною фута газу каменноугольнаго.

Эти-то два послѣднія качества, то есть ненадобность хлопотливаго очищенія газа и превосходная сила доставляемаго имъ свѣта, дѣлаютъ, что какъ приборъ, такъ и газопроводныя трубы для маслянаго газа бываютъ и меньше величиною и простѣе устройствомъ, слѣдовательно и гораздо дешевле, и что все дѣло добыванія и употребленія газа дѣлается доступно для всякаго.

Какъ же для Москвы велика разница въ денежномъ отношеніи, можно судить изъ слѣдующаго:

Пудъ очень годнаго для выдѣлки газа конопляного масла, можно имѣть въ Москвѣ за два рубля съ полтиною серебромъ.

Изъ одного пуда выходитъ четыреста кубическихъ футовъ свѣтящаго газа.

А такъ какъ сила освѣщенія маслянаго газа въ два съ половиною раза превосходитъ силу газа каменноугольнаго, то слѣдуетъ, что пудъ масла замѣняетъ тысячу кубическихъ футовъ сего послѣдняго.

Вспомнивъ вышепоказанное, что пудъ сальныхъ свѣчей, въ сыромъ матеріялѣ, замѣняется каменнымъ углемъ съ издержкою двухъ рублей сорока копѣекъ, находимъ, что масломъ замѣнится онъ за два рубля.

Это только въ сыромъ матеріялѣ: и если бы разница ограничивалась однимъ этимъ, то она конечно была бы маловажна. Но мы видѣли, что расходы, сопряженные съ самою переработкою и употребленіемъ каменноугольнаго газа, удесятеряютъ стоимость сыраго матеріяла, тогда какъ для частныхъ фабрикъ и заводовъ издержки переработки въ газъ масла едва ли дойдутъ до двадцати пяти процентовъ его цѣны.

Отсюда мы очевидно приходимъ къ заключенію, что масляное газоосвѣщеніе въ Москвѣ обойдется по крайней мѣрѣ втрое дешевле каменноугольнаго, и даже въ сравненіи съ сальными свѣчами доставитъ значительную денежную выгоду.

Не должно однакожь упускать изъ виду, что выгоды газоосвѣщенія далеко не ограничиваются однимъ сбереженіемъ денежныхъ издержекъ.

Чистота и постоянный, неизмѣнный блескъ свѣта, ненадобность поправки свѣчныхъ или ламповыхъ свѣтилень, невозможность искръ и отеканія, отсутствіе непріятнаго запаха и наконецъ совершенное устраненіе необходимости чистки и присмотра, сопряженной съ свѣчами и лампами, суть выгоды столь существенныя, что введеніе газоваго свѣта есть истинное улучшеніе благоустройства всякаго промышленнаго заведенія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ денежныхъ выгодъ отъ него и нѣтъ вовсе.

Смоляное, или лучше канифольное газоосвѣщеніе, весьма употребительное и въ западной Европѣ и въ Америкѣ, для Москвы невыгодно по причинѣ непомѣрной дороговизны канифоли и слабой освѣщающей силы канифольнаго газа. Съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ, что не смотря на изобиліе хвойныхъ лѣсовъ въ Россіи, та же канифоль, которую въ Москвѣ нельзя теперь купить дешевле рубля сорока копѣекъ за пудъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ стоитъ тридцать копѣекъ и даже менѣе. Но должно вспомнить, что канифоль есть ѣдкій остатокъ отъ перегонки терпентина, что дремучіе наши хвойные лѣса весною и раннимъ лѣтомъ, то-есть въ самое благопріятное для собиранія терпентина время, отъ снѣговъ и разлившихся водъ недоступны, что въ сѣверной нашей лѣсной полосѣ рабочихъ рукъ мало, и что употребленіе скипидара въ Россіи почти ничтожно въ сравненіи съ употребленіемъ его въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ, въ видѣ камфина (1), онъ есть повсемѣстный и наилучшій матеріялъ для дешевыхъ и блестящихъ лампъ.

Пудъ канифоли, переработанной въ газъ, даетъ его почти столько же, сколько и пудъ конопляпаго масла, но свѣтящая сила канифольнаго газа въ два съ половиною раза слабѣе газа маслянаго. Это обстоятельство вмѣстѣ съ большею сложностію прибора и работы добыванія дѣлаютъ, что въ Москвѣ канифольное газоосвѣщеніе обойдется втрое дороже маслянаго.

Упомянувъ о камфинѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о газѣ, изъ него получаемомъ, которымъ и въ Англіи и въ Америкѣ бываютъ освѣщены нѣкоторыя отдаленныя отъ большихъ городовъ станціи желѣзныхъ дорогъ. Изъ всѣхъ родовъ газоосвѣщенія, это

(1) Прежде нежели станемъ говорить о древесномъ газоосвѣщеніи, въ Петербургѣ теперь замѣнившемъ каменноугольное, и употребляемомъ уже во многихъ мѣстахъ, мы думаемъ оказать существенную услугу нашимъ московскимъ соотечественникамъ, ознакомивъ ихъ съ нѣкоторыми новѣйшими родами искусственнаго освѣщенія, въ послѣдніе три года возбудившими всеобщее вниманіе въ Европѣ.

самый удивительный, и свѣтъ камфиноваго газа есть тоже въ сравненіи со свѣтомъ наилучшаго маслянаго, что электрическій свѣтъ въ сравненіи съ самыми совершенными маслами. Ослѣпительный блескъ его изумляетъ всякаго, кто видитъ его въ первый разъ, нѣжный брилліянтовый отливъ его ни съ чѣмъ сравнимъ быть не можетъ, и кто для небольшаго заведенія, не пожалѣя издержекъ, впрочемъ отнюдь не чрезмѣрныхъ, захочетъ ввести этого рода газоосвѣщеніе, тотъ конечно будетъ имѣть самый совершенный, по-истинѣ удивительный свѣтъ, когда либо искусствомъ человѣческимъ произведенный.

Есть особенный родъ газоосвѣщенія, на который мы усердно желаемъ обратить серіозное вниманіе господъ фабрикантовъ суконныхъ, шерстяныхъ вообще, ситце-печатныхъ и всѣхъ, кто при выработкѣ своихъ издѣлій употребляетъ мыло, масло или жиръ. Помои, которые они теперь выбрасываютъ какъ безполезный соръ, заключаютъ въ себѣ прекрасный газъ, легко добываемый и могущій сберечь имъ почти всѣ издержки теперешняго ихъ освѣщенія свѣчами или лампами. Это даже и не новость: помойное газоосвѣщеніе существуетъ на иностранныхъ фабрикахъ уже многіе годы.

Свѣдѣнія, которыя сочинитель сихъ замѣчаній можетъ имъ сообщить изъ собственнаго практическаго опыта, будутъ для нихъ какъ нельзя болѣе полезны въ томъ отношеніи, что они предохранятъ ихъ отъ излишней довѣрчивости къ предложеніямъ иностранцевъ, съ давняго времени такъ часто являющихся въ Россію съ великолѣпными обѣщаніями блестящихъ и выгодныхъ нововведеній.

Изъ таковыхъ новостей, первое мѣсто безспорно принадлежитъ электрическому свѣту.

Та же таинственная, въ теперешнемъ состояніи нашихъ знаній совершенно непостижимая для насъ сила, которая посредствомъ нѣсколькихъ кусковъ угля, цинку, песку и окисленной сѣрною кислотою воды (единственные дѣйствующіе матеріялы нынѣшнихъ электрическихъ телеграфовъ), по тонкой желѣзной проволокѣ передаетъ мысли человѣческія на нѣсколько сотенъ верстъ въ секунду, и одинаково вѣрно по суши и по дну морскому, таже сила, между двумя близко расположенными остріями чистаго угля, производитъ свѣтъ, котораго изумительный блескъ никакими словами достойно описанъ быть не можетъ.

И это-то ни съ чѣмъ несравненное сіяніе есть электрическое освѣщеніе, самое блестящее, самое удивительное и на дѣлѣ самое пустое и для практическаго употребленія негодное.

Положимъ, что стоимость этого освѣщенія, хитрость и хлопотли-

вость его устройства, перерывы свѣта теперь неизбѣжные, въ послѣдствіи времени успѣхами наукъ и искусствомъ будутъ устранены, но коренной, существенный его недостатокъ, основанный на неизмѣнномъ природномъ законѣ распространенія свѣта, никогда и никакимъ искусствомъ обойденъ быть не можетъ.

Этотъ законъ природы и этотъ недостатокъ электрическаго свѣта состоятъ въ томъ, что сила свѣта ослабѣваетъ, по мѣрѣ какъ квадратъ разстоянія отъ свѣтящаго пункта увеличивается. Это значитъ, что если блескъ электрическаго сіянія на разстояніи одного аршина невыносимъ для глазъ, и равняется совокупному свѣту двухъ тысячъ свѣчъ, то на разстояніи десяти аршинъ онъ ослабѣетъ въ сто разъ и будетъ равенъ только свѣту двадцати свѣчъ горящихъ разомъ, то есть что на такомъ разстояніи хорошая карсельская столовая лампа будетъ свѣтомъ сильнѣе. А на разстояніи десяти сажень или тридцати аршинъ, электрическій свѣтъ будетъ уже въ девятьсотъ (квадратъ тридцати) разъ слабѣе, то есть замѣнитъ съ небольшимъ двѣ свѣчки.

Другое, далеко не столь блестящее, но гораздо болѣе надежды на полный успѣхъ подающее новое освѣщеніе производится чистымъ водороднымъ газомъ, котораго зажженная струя накаляетъ до яркаго сіянія спираль, сдѣланную изъ тонкой платиновой проволоки.

Здѣсь для произведенія свѣта употребляется только вода, древесный уголь и известь. Чугунная, вертикально стоящая реторта наполняется некрупными кусками древеснаго угля и накаляется до ярко-краснаго цвѣта. Тогда внутрь реторты пускается струя водянаго пара. Вода разлагается: кислородъ ея соединяется съ углемъ и истребляетъ его, водородный же газъ съ частію углекислаго, проходя сквозь известь, оставляетъ въ ней всю углекислоту и собирается въ плавающій на водѣ колпакъ, откуда по трубамъ разводится по всюду, гдѣ помѣщены платиновыя спирали. Зажженный чистый водородный газъ не имѣетъ никакого свѣта, но очень сильный жаръ, и этотъ-то жаръ, накаляя платину, производитъ освѣщеніе.

Новое это дѣло имѣетъ предъ всѣми другими родами газоосвѣщенія самыя существенныя выгоды, кромѣ того что обходится дешевле каменноугольнаго газоосвѣщенія; но оно еще не окончено, и нѣкоторыя его подробности требуютъ перемѣнъ и улучшеній, хотя сдѣланное доселѣ подаетъ основательныя надежды на полный успѣхъ.

Впрочемъ, чтобы всякій могъ самъ судить о достоинствѣ этой

особеннаго вниманія заслуживающей новости, вотъ нѣкоторыя о ней подробности:

1) Чтобы получить пятьдесятъ кубическихъ футовъ водянаго газа, надобно одинъ фунтъ древеснаго угля.

2) На освобожденіе отъ углекислаго газа, вмѣстѣ съ водороднымъ подымающагося изъ реторты, надобно на каждые четырнадцать футовъ дѣльнаго газа одинъ фунтъ гашеной извести; но такъ какъ одна и та же известь, черезъ обжиганіе ея въ самомъ газовомъ приборѣ и тѣмъ же жаромъ, какимъ производится работа, можетъ служить много разъ, то издержка на нее такъ ничтожна, что и считать ее не стòитъ.

3) На пріобрѣтеніе семнадцати тысячъ кубическихъ футовъ чистаго водороднаго газа, надобно топлива столько, сколько нужно, чтобы выпарить двадцать кубическихъ футовъ воды, то-есть около восьми пудовъ сухихъ дровъ.

Кромѣ дешевизны этого освѣщенія, оно имѣетъ отмѣнныя качества. Свѣтъ его самый чистый, самый блестящій, самый постоянный, безъ малѣйшаго дрожанія столь утомительнаго для глазъ, и что̀ всего важнѣе, произведенія его горѣнія, кромѣ весьма малаго количества угольной окиси, не заключаютъ ничего вреднаго для благорастворенія воздуха освѣщаемыхъ комнатъ.

Вотъ хорошая сторона освѣщенія водою, а вотъ его и дурная: тонкость и легкость чистаго водороднаго газа таковы, что его очень трудно удержать въ длинныхъ, множество смычекъ имѣющихъ газопроводныхъ трубкахъ, и очень значительная потеря его течью чрезъ смычки почти неизбѣжна.

Теперь, при каменноугольномъ газѣ, самомъ легкомъ изъ всѣхъ доселѣ употребительныхъ для освѣщенія, при всемъ совершенствѣ, какъ въ отливкѣ проводныхъ трубъ, такъ и въ смычкахъ ихъ, хлопотъ и издержекъ стòящихъ, течь эта такова, что газовыя компаніи расчитываютъ на непремѣнную потерю одной шестой части изъ всего выработаннаго въ приборахъ газа. Чего же должно ожидать отъ газа водороднаго, имѣющаго въ пять разъ большую тонкость и легкость?

Второе неудобство можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но оно въ самомъ дѣлѣ существенно и важно: именно то, что чистый водородный газъ не имѣетъ вовсе никакого запаха, такъ что течь его ни коимъ образомъ заблаговременно примѣтить невозможно.

Вышепомянутое неудобство, проистекающее отъ потери газа чрезъ смычки, какъ бы эта потеря ни была значительна, ничто въ

сравненіи съ опасностію истинно грозною, съ которою сопряжено послѣднее обстоятельство.

Надобно знать, что водородный газъ самъ собою, и безъ прикосновенія къ нему атмосфернаго воздуха, горѣть не можетъ, точно такъ же какъ и сей послѣдній; но если ихъ смѣшать въ извѣстной пропорціи, напримѣръ одну часть перваго съ семью частями послѣдняго, то эта смѣсь образуетъ истинную громоносную тучу, которая отъ малѣйшаго сообщенія съ огнемъ мгновенно вся воспламеняется, производя взрывъ страшный и разрушительный.

Теперь пусть въ комнатѣ, освѣщенной этимъ газомъ, при погашеніи рожковъ хотя одинъ кранъ или вовсе позабыли закрыть или закрыли только до половины. Газъ, уже не сгарающій, станетъ входить въ комнату, по легкости своей подыматься подъ потолокъ и тамъ, не находя нигдѣ выхода, скопляться въ смѣшеніи съ воздухомъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, стоитъ только за какою нибудь надобностію подняться выше оконъ со свѣчею — взрывъ будетъ мгновенный.

Такіе болѣе или менѣе разрушительные взрывы, и отъ этой именно причины, произошли въ Петербургѣ, въ зданіи Главнаго Штаба, на Александровской Мануфактурѣ и въ домѣ Дворянскаго Собранія.

Всякій свѣтоносный газъ въ смѣшеніи съ атмосфернымъ воздухомъ составляетъ гремучій составъ, такъ же какъ и газъ чистый водородный; но свойственный всѣмъ другимъ сильный запахъ заблаговременно даетъ знать о приближеніи опасности, тогда какъ при водородномъ этого не бываетъ.

Древесное газоосвѣщеніе, о которомъ мы постараемся передать въ подробности всѣ существенныя, дѣйствительнымъ четырехлѣтнимъ опытомъ вполнѣ подтвержденныя свѣдѣнія, заслуживаетъ особеннаго вниманія нашихъ соотечественниковъ. Кромѣ того, что это нашъ родимый матеріялъ, въ которомъ отечество наше никогда нуждаться не будетъ (1), освѣщеніе доставляемое

(1) Это обстоятельство, то есть возможность скораго истощенія сыраго матеріяла, гораздо важнѣе нежели съ перваго взгляда можетъ показаться. Въ теперь существующихъ и въ полной разработкѣ находящихся копяхъ каменнаго угля, какъ извѣстно, его на лицо слишкомъ довольно, чтобы продовольствовать имъ всю Европу въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ. Слѣдовательно, неумѣстно было бы опасаться недостатка въ немъ и чрезъ то возвышенія его цѣнъ. Но будь у насъ, напримѣръ, канифоль также дешева какъ въ Америкѣ, и заведись повсюду канифольное газоосвѣщеніе, на первыхъ порахъ безспорно самое выгодное—въ немногіе годы цѣна на сырой мате-

газомъ изъ сосноваго и еловаго дерева, въ томъ видѣ, въ какомъ оно, послѣ давнихъ малоуспѣшныхъ попытокъ, въ наше время находится, имѣетъ превосходныя качества и выгоды, съ которыми ни одинъ родъ искусственнаго освѣщенія не можетъ войдти ни въ какое сравненіе. Вотъ вѣрное изложеніе его, съ хорошей и съ дурной стороны.

Во первыхъ, и это покажется странно, въ какой бы цѣнѣ ни стояли сосновыя и еловыя дрова, для произведенія свѣтящаго газа, они не стоятъ ровно ничего, потому что по извлеченіи изъ дерева сего послѣдняго, остающіеся уголь, деготь и кислая жидкость по крайней мѣрѣ вполнѣ покрываютъ стоимость дровъ.

По многократнымъ и самымъ рачительнымъ изслѣдованіямъ, во всѣхъ мѣстахъ и всѣми лицами найдено, что три пуда сухихъ сосновыхъ дровъ даютъ:

Свѣтящаго газа.	700 кубическ. футовъ.
Древеснаго угля.	полпуда и болѣе.
Дегтю.	до 8 фунтовъ.

Въ 1850 году, градоначальство Регенсбурга, въ Баваріи, поручало г–ну Брейзаху подробное испытаніе тогда только что появившагося древеснаго газоосвѣщенія. Онъ офиціяльно донесъ, что изъ трехъ пудовъ сухаго сосноваго дерева получено:

Очищеннаго къ употребленію газа.	759 кубич. футовъ.
Древеснаго угля.	20 фунтовъ.
При этомъ, изъ обыкновенной величины реторты дистиллировка продолжалась.	65 минутъ.
На всю переработку подъ ретортой сожжено. . .	74 фунта торфу.

И наконецъ, свѣтящая сила газа почти на 20 процентовъ превосходила силу освѣщенія газа каменноугольнаго.

Вообще найдено, что четыре кубическіе фута англійской мѣры древеснаго газа даютъ въ часъ по крайней мѣрѣ столько же свѣта, сколько тринадцать свѣчъ (по пяти на фунтъ), горящихъ разомъ, тогда какъ то же количество каменноугольнаго газа замѣняетъ съ небольшимъ десять свѣчъ и никакъ не болѣе одиннадцати.

Уже и изъ этихъ, совершенно благонадежныхъ, данныхъ, мы видимъ великое достоинство древеснаго газоосвѣщенія, и особенно важныя его преимущества предъ добываемымъ изъ каменнаго угля.

Во первыхъ извѣстно, что чугунная реторта, вмѣщающая три пуда тонкихъ сосновыхъ дровъ, никакъ не можетъ въ одинъ часъ

ріялъ возвысится до того, что сей свѣтъ сдѣлается дороже всякаго другаго. Въ Америкѣ употребляютъ канифоль безъ опасенія, потому что вмѣстѣ съ нею тамъ изобилуетъ и каменный уголь. Въ Россіи совсѣмъ другое.

дать болѣе ста осьмидесяти кубическихъ футовъ каменноугольнаго газа. Древеснаго, мы видимъ, она даетъ болѣе чѣмъ вдвое, а силою свѣта почти въ два раза съ половиною. Слѣдовательно, на одно и то же освѣщеніе, въ послѣднемъ случаѣ надобно во столько же менѣе ретортъ, печей, при нихъ принадлежностей и топлива. Надобно знать, чего стоитъ первоначальное устройство всего этого, и какъ хлопотливы и начетисты ежегодный ремонтъ и возобновленіе, чтобы достойно оцѣнить это качество древеснаго освѣщенія.

Во вторыхъ, дистиллировка каменнаго угля вмѣстѣ съ газомъ и остающимся въ ретортѣ обожженнымъ углемъ, даетъ еще шестнадцать процентовъ смолы и пропасть вонючей аммоніакальной воды. Газовая смола сходитъ съ рукъ туго, а изъ аммоніакальной воды, хотя и пробовали многіе извлекать нашатырь, но, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, всѣ бросили. Обожженный же каменный уголь, или кокъ (coke), бываетъ всегда самаго дурнаго качества и идетъ большею частью въ самыхъ заведеніяхъ на нагрѣваніе реторты.

Дистиллировка дерева даетъ превосходнѣйшій древесный уголь и самой высокой доброты деготь; и то и другое по хорошимъ цѣнамъ раскупается нарасхватъ. Остающаяся же кислая жидкость, заключая въ себѣ уксусную кислоту, во всякомъ отношеніи имѣетъ большую цѣнность, нежели угольная аммоніакальная вода.

Но выгода древеснаго газоосвѣщенія далеко всѣмъ этимъ не ограничивается.

Вмѣстѣ съ дешевизною, оно имѣетъ качество, котораго одного достаточно чтобы дать ему рѣшительный перевѣсъ предъ всѣми другими родами освѣщенія, кромѣ газа маслянаго, именно то, что самъ собою древесный газъ вовсе не воняетъ и вовсе не заключаетъ въ себѣ ни аммоніаку, ни сѣроводорода, ни углеводорода, тогда какъ противъ послѣдняго, неразлучнаго съ каменноугольнымъ газомъ, еще и по сю пору никакихъ противодѣйствующихъ средствъ не найдено, и это зловредное вещество по сію пору при горѣніи каменноугольнаго газа освобождаетъ сѣристую кислоту, пагубную особенно для растеній и цвѣтныхъ шелковыхъ тканей, равно какъ и для всякой позолоты.

Горѣніе древеснаго газа, производя только воду и углекислый газъ, легко поглощаемый известью, сквозь которую газъ пропускается, прежде нежели доходитъ въ газохранительный колпакъ, или газометръ, по справедливости можетъ назваться совершенно чистымъ и безвреднымъ.

Другое важное, древесному газу свойственное, достоинство состоитъ въ томъ, что онъ нисколько не теряетъ своей свѣтящей

силы даже и послѣ многихъ недѣль храненія его въ газометрѣ, и даже въ случаѣ замерзанія подъ нимъ воды остается неизмѣннымъ. Съ каменноугольнымъ газомъ бываетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ напротивъ.

Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ вышеизложенныхъ, истинно важныхъ достоинствъ древеснаго газоосвѣщенія, оно имѣетъ еще и то, что повсемѣстное его введеніе, въ какихъ бы огромныхъ размѣрахъ ни было, никакъ и нигдѣ не можетъ возвысить цѣну дерева и чрезъ то распространенію его положить преграду. Причина этому очевидна: извлекая изъ дерева газъ, мы только обращаемъ въ практическую пользу то, что̀ при обыкновенномъ пережиганіи дерева на уголь, улетаетъ и пропадаетъ даромъ. Тотъ же уголь, и еще въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, для добыванія котораго вездѣ необходимо истреблять дерево, остается и отъ выработки газа. Сверхъ сего легкій деготь и уксусная кислота—сущій барышъ, деньги изъ дыму. Вся разница въ томъ, что теперь уголь добывается грубымъ образомъ въ ямахъ, а съ повсемѣстнымъ введеніемъ древеснаго газа онъ будетъ добываться въ чугунныхъ ретортахъ. Потребленіе дерева всегда останется то же, а польза его для общества удесятерится.

Однакоже это новое и такъ много отечеству нашему обѣщающее дѣло имѣетъ, какъ все на свѣтѣ, и свою дурную сторону, которую мы непремѣннымъ долгомъ считаемъ выставить въ настоящемъ ея видѣ.

Первоначальное устройство древеснаго газоосвѣщенія отнюдь не просто и отнюдь не дешево; оно, кромѣ вышепомянутаго уменьшенія числа печей и ретортъ—тоже самое, что̀ и устройство каменноугольнаго газа.

Выработка газа изъ дерева требуетъ оссобеннаго вниманія и ухода, котораго нельзя ожидать отъ всякаго работника. При маломъ недосмотрѣ, освѣщеніе выходитъ совсѣмъ не то, какое при надлежащемъ производствѣ дѣла.

Оба эти обстоятельства такъ много значатъ, что въ ожиданіи дальнѣйшихъ усовершенствованій, для малыхъ фабрикъ и заводовъ, и для частныхъ домовъ вообще, масляное газоосвѣщеніе, не смотря на бо̀льшую стоимость его свѣта, удерживаетъ рѣшительное преимущество.

Но какъ ни пригодны для Москвы газы древесный и масляный, природа одарила нашу царственную столицу матеріяломъ, который обѣщаетъ ей самое блестящее и самое выгодное освѣщеніе изъ всѣхъ доселѣ введенныхъ.

Этотъ матеріялъ есть торфъ, необозримыми полями окружающій Москву на бо̀льшихъ или меньшихъ разстояніяхъ. Что нѣкоторые роды торфа даютъ прекрасный свѣтоносный газъ, извѣстно и на дѣлѣ испытано давно, хотя для практическаго повсемѣстнаго употребленія безуспѣшно, точно также какъ и съ древеснымъ газомъ еще съ 1799 года дѣланы были неудачныя попытки. Только съ исполинскими успѣхами искусства въ послѣднія шестъ, лѣтъ разработка торфа принимаетъ совсѣмъ другой видъ, и полученные уже результаты суть самые неожиданные и важные.

Истинный русскій бояринъ, сынъ незабвеннаго и славнаго родителя, дѣятельно занятъ теперь въ своихъ имѣніяхъ присвоеніемъ своему отечеству сего дѣла. Мы не имѣмъ права преждевременно говорить о полезныхъ трудахъ его; можемъ только сказать, что дознанные и неподверженные никакому сомнѣнію плоды сихъ трудовъ суть слѣдующіе:

1) Пудъ выработаннаго изъ торфа матеріяла, который, считая всѣ издержки, какъ выдѣлки на мѣстѣ, такъ и доставки въ Москву, на умѣренное разстояніе, обойдется никакъ не дороже десяти копѣекъ серебромъ, доставляетъ въ видѣ газа свѣтъ, равный свѣту полупуда сальныхъ свѣчей. При теперешней разработкѣ торфа, цѣнность его въ видѣ топлива, никогда не выше четырехъ копѣекъ серебромъ (1); слѣдовательно, въ новомъ видѣ, замѣняя полпуда свѣчъ, онъ имѣетъ почти въ сорокъ пять разъ бо̀льшую цѣнность.

2) Новый родъ торфянаго газоосвѣщенія имѣетъ всѣ качества и преимущества, исключительно принадлежащія газамъ древесному и масляному, но дешевле отъ десяти до двадцати разъ.

3) По совершенной безвредности и отсутствію при добываніи новаго торфянаго газа всякихъ смрадныхъ испареній, онъ можетъ быть вводимъ во всякомъ частномъ домѣ, и съ одинаковою выгодою какъ въ самыхъ большихъ, такъ и въ самыхъ малыхъ размѣрахъ.

4) Стоимость первоначальнаго устройства сего газоосвѣщенія со всѣми принадлежностями такая же умѣренная, какъ и стоимость маслянаго.

Въ ожиданіи окончательнаго водворенія новой разработки торфа, теперь, изъ всего вышеизложеннаго, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

---

(1) Теперь въ Москвѣ сажень торфу, состоящая изъ трехъ тысячь кирпичей, сто̀итъ десять рублей серебромъ и вѣситъ двѣсти пятьдесятъ пудовъ, такъ что пудъ обходится въ четыре копѣйки.

Для небольшихъ фабрикъ и жилыхъ зданій, масляное газоосвѣщеніе есть въ Москвѣ самое выгодное.

Каменноугольный газъ не пригоденъ для Москвы вовсе.

Кто, несмотря на издержки, хочетъ имѣть самое блестящее и изящное газоосвѣщеніе, долженъ употребить газъ камфиновый, который, однакожъ, хотя и гораздо дороже всякаго другаго, стоитъ дешевле восковыхъ свѣчъ.

Для большихъ заведеній и для освѣщенія города вообще, древесный газъ для Москвы есть безъ всякаго сравненія самый совершенный и выгодный.

Ежели употребленіе газа, извлекаемаго изъ переработаннаго торфа, упрочится, то есть со временемъ не окажется какихъ нибудь неудобствъ или затрудненій, которыхъ въ такомъ новомъ дѣлѣ предвидѣть невозможно, то торфяное газоосвѣщеніе сдѣлается единственнымъ и повсемѣстнымъ для Россіи и будетъ истиннымъ для нея благодѣяніемъ въ государственномъ отношеніи, какъ потому, что огромныя количества сала и масла, замѣненныя торфомъ, останутся для заграничной продажи, такъ и потому, что оно доставитъ земледѣльческому классу полезное и нетрудное занятіе въ наши долгіе зимніе мѣсяцы, въ то же время превращая мало по малу мокрыя и безплодныя торфяныя поля въ плодоносные луга и пашни.

Сочинитель сихъ замѣчаній готовъ всячески содѣйствовать своимъ соотечественникамъ по части введенія всякаго рода газоосвѣщенія.

Василій Карелинъ.

ИЗЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ МУРА

Come not, o Lord!

(Переводъ съ англійскаго.)

О Боже! не являй очамъ виновныхъ нынѣ
Величья грознаго, которымъ Ты сіялъ
Въ пылавшей купинѣ предъ избраннымъ въ пустынѣ,
Когда законъ народу изрекалъ.

Прійди, Господь, въ таинственной одеждѣ,
И облекись въ тотъ кроткій полусвѣтъ,
Которымъ Ты во дни святые — прежде
Былъ благодатію для грѣшника одѣтъ,

Какъ въ грозну ночь, когда червленны волны
Сокрыли мощь Израиля враговъ,
И станъ Египетскій стоялъ, смятенья полный,
Подъ мракомъ сдвинутыхъ Тобою облаковъ.

Твои избранные межь тѣмъ, въ моленьи жаркомъ,
Пророка слушая, стояли средь ночи,
Изъ тучъ Твоихъ на нихъ, въ сіяньи яркомъ,
Лилися свѣта тихіе лучи.

Господь! когда на насъ Твой гнѣвъ могучій,
Грозя, съ небесъ готовъ излиться вновь,
Не разражай надъ нами грозной тучи,
Не правосудіе яви намъ, а любовь!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

	Стр.
Неизданный отрывокъ изъ перваго тома Мертвыхъ Душъ, найденный въ рукописяхъ *Гоголя*.	1
Древняя Россія. *С. М. Соловьева*.	11
Старушка. Повѣсть.—I. II.—*Евгеніи Туръ*.	32
Отрывокъ изъ Воспоминаній (Гимназія.—Періодъ второй). *С. Т. Аксакова*.	114
Карлъ V.—I.— *П. Н. Кудрявцева*.	120
Пушкинъ.—I— *М. Н. Каткова*.	155
Объ Оксаніи и ея жителяхъ. Чтеніе *Т. Н. Грановскаго*.	173
Въ чужомъ пиру похмѣлье. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. *А. Н. Островскаго*.	185
Старушка. Повѣсть—III. IV.—(окончаніе) *Евгеніи Туръ*.	229
Пушкинъ.—II. III.— *М. Н. Каткова*.	306
Стихотворенія: *М. А. Дмитріева*.	325
К. С. Аксакова.	326
Н. П. Огарева.	328
Война за наслѣдство Испанскаго Престола. Статья Томаса Бебингтона Маколея.	331
Обзоръ историческаго развитія Сельской Общины въ Россіи —I.— *Б. Н. Чичерина*.	373
Зимній путь. (Изъ дорожныхъ воспоминаній) Стихотвореніе *Н. П. Огарева*.	397
Карлъ V.—II.— *П. Н. Кудрявцева*.	414
Въ свѣтѣ и дома. Повѣсть.—I.— *Тригорскаго*. . . .	449

Ларецъ. Неизданное стихотвореніе *Дельвига*. 529
Новыя открытія въ области Глаголицы. *О. М. Бодянскаго*. 531
Оды Горація въ переводѣ г. Фета. *С. Д. Шестакова*. . 562
Обзоръ историческаго развитія Сельской Общины въ Россіи.—II. III.—*Б. И. Чичерина*. 579
Знакомство мое съ Пушкинымъ (изъ моихъ памятныхъ записокъ). *И. И. Лажечникова*. 603
Въ свѣтѣ и дома. Повѣсть.—II (гл. I—X) *Тригорскаго*. 623
Рамазанъ въ Стамбулѣ. *И. Н. Березина*.. 682
О значеніи художественныхъ произведеній для Общества *П. В. Анненкова*. 705
О разныхъ видахъ газоосвѣщенія и о пригодности ихъ для Москвы. *В. Н. Карелина*. 732
Стихотвореніе Мура. Переводъ Б. 746

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Москва 31 декабря 1855 г. *М. Н. Каткова*. 1
Политическое обозрѣніе. 2
Учено-литературное обозрѣніе:
Возрастающій интересъ занятій Древностію. — Месопотамскія Древности. Ролинсонъ и Гротефендъ.—Успѣхи Египтологіи. Новыя нѣмецкія книги по части египетскихъ древностей. Улеманъ и его послѣднее сочиненіе. *П. Н. Кудрявцева*. 17
Археологическія разысканія въ Россіи. Изданіе Эрмитажа. Керченскій Музей. Новое сочиненіе Неймана. *П. М. Леонтьева*. 27
Русская Старина. Новыя книги архимандрита Саввы и профессоровъ Горскаго и Невоструева. *О. И. Буслаева*. 34 *
Естествовѣдѣніе. Общія замѣчанія. *Н. А. Любимова*. 41
Замѣчательное открытіе Фуко: опытъ, наглядно доказывающій переходъ механической работы въ теплоту. *Егоже*. 45

* p. 35 – 62 inserted in "Pushkin" p. 164

Руководство къ построенію громоотводовъ, составленное членами парижской академіи наукъ. *Егоже*. . . 48
Новое приложеніе электричества: пишущее фортепіано. *Егоже*. 53
Искусственные камни. *А. С. Ершова*. 54
Пятидесятилѣтній юбилей московскаго Общества испытателей природы. 54
Театральныя замѣтки. Свадьба Кречинскаго, комедія г. Сухово-Кобылина. 56

ЯНВАРЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Политическое обозрѣніе. 65
Учено-литературное обозрѣніе:
Народная литература. Русскія сказки, изд. г. Аѳанасьева. *Ѳ. И. Буслаева*. 85
Изслѣдованіе объ Іоакимовской лѣтописи г. Лавровскаго. *Н. А. Попова*. 94
Успѣхи астрономіи въ 1855 году. *Н. А. Любимова*. 98
Новый способъ фабрикаціи желѣза и стали. *А. С. Ершова*. 106
Театральныя замѣтки. Въ чужомъ пиру похмѣлье, комедія г. Островскаго. 108

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Политическое обозрѣніе. 113
Посредническая роль Германіи. *М. Н. Капустина*. . . 132
Учено-литературное обозрѣніе:
Обозрѣніе русской юридической литературы за 1855 годъ. *М. Н. Капустина*. 136
Сочиненія гр. Ростопчиной. 145
Воспоминаніе о русскомъ славянистѣ Тритенѣ. . . 156
Стѣнной атласъ Сидова съ русскимъ текстомъ. . . 157
Новое сочиненіе С. Т. Аксакова. 159
Художественныя новости изъ Германіи. 160

ФЕВРАЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Политическое обозрѣніе. 161
Учено-литературное обозрѣніе:
Чтеніе Либига о неорганическомъ въ природѣ и объ организмѣ жизни. 177
Новѣйшіе споры о метеорологіи. *Н. А. Любимова.* . 185
Изслѣдованіе о бурѣ 14-го ноября 1854 года. *Егоже.* 189
Изслѣдованіе Брауна объ особи въ растеніяхъ. *А. П. Богданова.* 192
Откуда растенія получаютъ азотъ? *Н. А. Любимова.* 196
Исторія развитія минераловъ, Фольгера. *А. П. Богданова.* 199
Теплота отъ тренія. *А. С. Ершова.* 202
Новая Зеландія. 203
Самуилъ Роджерсъ 207
Карлъ Фридрихъ Германъ и Шпейдевинъ. 209
Мейеръ. 211
Поэтическія сказанія Ирана, разсужденіе г. Зиновьева —
Стихотворенія г. Полонскаго. 214
Краткая Всеобщая Исторія въ простыхъ разказахъ, г. Берте. 219
Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей (ноябрь и декабрь 1855 года). *А. Н. Бѣлова.* 222
Разныя извѣстія.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ:

Невѣстка (Heartsease or the brother's wife). Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Часть первая и второй части главы I—V.